ГОДЪ ПЯТЫЙ

РУССКІЙ АРХИВЪ.

ИЗДАВАЕМЫЙ

I. ПРИ 1867.

ЧЕРТКОВСКОЙ БИБЛІОТЕКѢ.

СОДЕРЖАНІЕ.

МОСКВА

Въ Типографіи В. Грачева и Комп.

1866.

ЦѢНА РУССКОМУ АРХИВУ ЗА 1866 СЪ ПОТРЕТОМЪ ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ II-Й 5 Р. СЪ ДОСТАВКОЮ 6 Р.

Вторыя изданія Русскаго Архива большими томами, въ которыхъ статьи размѣщены по порядку времени. **1863** года VI и 1066 стр. (**4** р., съ пер. **5** р.) **1864** года 154 и 1182 стр. съ рисунк. (**4** р., съ пер. **5** р.) **1865** года 1550 стр. (**5** р., съ пер. **6** р.) Иногородные за Русскимъ Архивомъ обращаются въ Москву, въ Чертковскую библіотеку, гг. же книгопродавцы всѣ вообще къ А. Ѳ. Базунову (въ С.-Петербургѣ на Невскомъ въ домѣ д. Ольхиной). Выписывающіе въ города *всѣ четыре года вмѣстѣ* прилагаютъ съ перес. **20** рублей.

Тамъ же сочиненіе Ю. Ѳ. Самарина:

ІЕЗУИТЫ

И ИХЪ ОТНОШЕНІЕ КЪ РОССІИ.

(ПИСЬМА КЪ ОТЦУ МАРТЫНОВУ).

Изложено ученіе Іезуитовъ и разсказаны ихъ дѣйствія въ Россіи.

Цѣна 1 р. 50 к съ перес. 2 рубля (8°. 304 стр.)

РУССКІЙ АРХИВЪ.

ГОДЪ ПЯТЫЙ.

РУССКІЙ АРХИВЪ.

ИЗДАВАЕМЫЙ

ПРИ

ЧЕРТКОВСКОЙ БИБЛІОТЕКѢ

БИБЛІОТЕКАРЕМЪ **ПЕТРОМЪ БАРТЕНЕВЫМЪ.**

ГОДЪ ПЯТЫЙ.

Съ портретомъ **К. Н. Батюшкова.**

МОСКВА

Типографія Грачева и Комп. у Пречистенскихъ воротъ д. Миляковой.

1867.

ЗАДАЧИ, ПРЕДЛОЖЕННЫЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІЕЙ НАУКЪ НА СОИСКАНІЕ ПООЩРИТЕЛЬНЫХЪ ПРЕМІЙ ГРАФА УВАРОВА.

Независимо отъ большихъ и малыхъ наградъ графа Уварова, Положеніемъ объ этихъ наградахъ установлена особая *поощрительная премія* (500 р.) за удовлетворительное рѣшеніе задачъ, предлагаемыхъ Академіей по исторіи и древностямъ русскимъ.

На нынѣшній разъ Академія предлагаетъ слѣдующія задачи.

I.

Исторія древне-русскихъ княжествъ.

Монографіи, касающіяся исторіи древне-русскихъ княжествъ, вообще не многочисленны и не всѣ удовлетворяютъ условіямъ современной науки. Принимая это во вниманіе, Академія приглашаетъ желающихъ заняться изслѣдованіями по этому предмету. Имѣя въ виду обширность предлагаемой задачи, Академія предоставляетъ конкурентамъ—самимъ избрать себѣ предметомъ то или другое княжество и дать своему сочиненію болѣе или менѣе обширный объемъ. Хотя наша историческая литература эще нуждается въ хорошихъ сочиненіяхъ касательно исторіи княжествъ: Кіевкаго, Полоцкаго, Смоленскаго, Владимірскаго, Тверскаго и пр., однако къ конкурсу допускаются, кромѣ сочиненій объ этихъ достояніяхъ Рюриковой династіи, изслѣдованія и о литовско-русскихъ княжествъ Гедеминовой династіи.

II.

Объ историческихъ отношеніяхъ Польскаго народа и государства къ Русскому племени.

Предметъ этотъ уже самъ по себѣ столь богатъ важными эпизодами, что, предлагая соискателямъ Уваровской преміи заняться имъ, Академія предоставляетъ ихъ произволу избрать себѣ какой либо спеціальный предметъ по этой отрасли исторической науки. Не излишне однако замѣтить, что здѣсь, подъ историческими отношеніями, разумѣются не исключительно войны и дипломатическія сношенія Польши съ Россіей, но литературныя, юридическія и церковныя дѣла, преимущественно Великаго Княжества Литовскаго, въ которыхъ отразилась борьба Польскаго и Русскаго элементовъ. Само собою разумѣется, что авторъ, разбирая эту борьбу, долженъ соблюдать строгое безпристрастіе въ оцѣнкѣ историческихъ личностей и событій.

Хотя Академія не желаетъ стѣснять конкурентовъ въ выборѣ спеціальныхъ изслѣдованій, имѣющихъ цѣлью разъяснить историческія отношенія Польскаго племени къ Русскому, однако она сочла полезнымъ на этотъ разъ обратить особенное вниманіе ученыхъ на два слѣдующіе предмета:

III.

О составѣ Западно-Русскихъ, такъ называемыхъ Литовскихъ, лѣтописей.

Въ ряду источниковъ отечественной исторіи занимаютъ не послѣднее мѣсто Западно-Русскія лѣтописи о Великомъ Княжествѣ Литовскомъ. До насъ дошло нѣсколько ихъ списковъ; изъ нихъ одни напечатаны, другіе остаются еще въ рукописяхъ; сверхъ того, есть указаніе въ Польскихъ историкахъ на существованіе лѣтописей этого же разряда, болѣе подробныхъ, чѣмъ тѣ, которыя находятся теперь у насъ въ рукахъ. Академія предлагаетъ на разрѣшеніе слѣдующую задачу: опредѣлить по печатнымъ спискамъ, а, если угодно, то и по рукописнымъ, время составленія дошедшихъ до насъ Западно-Русскихъ, такъ называемыхъ Литовскихъ, лѣтописей и ихъ составъ, и показать, какими извѣстіями изъ этихъ лѣтописей воспользовались съ одной стороны составители Русскихъ Лѣтописныхъ Сборниковъ, а съ другой Польскіе историки какъ на прим.: Длугошъ, Стрыйковскій, Бѣльскій и другіе. При этомъ, изъ извѣстныхъ историковъ необходимо сдѣлать выборку событій, имѣющихъ отношеніе къ Западно-Русскому краю и не находящихся въ напечатанныхъ спискахъ Западно-Русскихъ Лѣтописей; расположить ихъ въ хронологическомъ порядкѣ и привести соотвѣтствующія имъ мѣста, если таковыя имѣются, изъ Сѣверно-Русскихъ и Южно-Русскихъ лѣтописей, и указать, какія изъ этихъ извѣстій и на какомъ основаніи должны были находиться въ Литовскихъ лѣтописяхъ.

IV.

Историко-литературное обозрѣніе печатныхъ полемическихъ сочиненій, статей и брошюръ, изданныхъ въ свѣтъ Русскими въ Сѣверо- и Юго-Западныхъ краяхъ Россіи съ конца XVI до начала XVII столѣтій.

Сочиненія эти хотя и касаются по большей части богословскихъ предметовъ, однако въ тоже время заключаютъ въ себѣ не мало характеристическихъ чертъ и указаній для исторіи политическихъ отношеній, нравовъ и просвѣщенія помянутой эпохи. Вмѣстѣ съ тѣмъ тамъ сохранены свѣдѣнія о писателяхъ и дѣятеляхъ, въ настоящее время или забытыхъ, или очень мало извѣстныхъ. Все это имѣетъ значеніе не только по отношенію къ исторіи русской литературы, но и для уразумѣнія духа и направленія умовъ въ тѣхъ краяхъ. Само собою разумѣется, что въ подобномъ изслѣдованіи нельзя пройти безъ вниманія польско-латинскія книги и брошюры, которыя или вызывали преслѣдовали полемическія сочиненія бѣлорусскія и малорусскія, но какъ о первыхъ есть уже обстоятельныя описанія въ польской литературѣ (въ трудахъ Іохера, Вишневскаго, Мацѣевскаго и друг.), то о нихъ въ обозрѣніи можно уже говорить на столько, на сколько эти книги и брошюры послужатъ матеріаломъ для разъясненія бѣлорусскихъ и малорускихъ произведеній.

ПАМЯТНЫЯ ЗАПИСКИ КНЯГИНИ НАТАЛЬИ БОРИСОВНЫ ДОЛГОРУКОВОЙ.

Никто не станетъ утверждать, чтобы Русскія женщины обдѣлены были силою воли и чувства; наша исторія во всѣ вѣка, и въ самый нынѣшній, представляетъ множество примѣровъ женской доблести, самоотверженія матерей, преданности супругъ, нѣжности дочерней; но немногія женщины могутъ поравняться въ этомъ отношеніи съ знаменитою страдалицею XVIII вѣка, дочерью Петровскаго фельдмаршала гр. Шереметева, княгинею *Натальею Борисовною Долгоруковой*, несчастною и въ тоже время великодушною жертвою тѣхъ прискорбныхъ смутъ, которыми ознаменовалась Русская исторія по смерти Петра Великаго. Имя княгини Долгоруковой сдѣлалось извѣстнымъ во всѣхъ Европейскихъ литературахъ; ея удивительная судьба, переносившая ее изъ великолѣпныхъ хоромъ въ Березовскій острогъ и потомъ въ Кіевскія келіи, послужила предметомъ для многихъ романовъ и поэтическихъ разсказовъ; у насъ воспѣвалъ ее поэтъ Козловъ звучными стихами, которые еще не такъ давно твердила вся Россія. Но всѣ эти произведенія, изукрашенныя вымыслами, блѣднѣютъ въ сравненіи съ безхитростнымъ разсказомъ самой княгини Долгоруковой, съ ея Записками, запечатлѣнными высокимъ краснорѣчіемъ сердца. Записки эти уже были напечатаны, первоначально въ *Другѣ Юношества* журналѣ 1810 г. (январь, стр. 8—69), потомъ въ книгѣ „Сказанія о родѣ князей Долгоруковыхъ“ (Спб. 1840 стр. 128—156); но оба раза далеко не въ полномъ видѣ, съ выпусками, и въ добавокъ съ поправками въ слогѣ, тогда какъ подлинный слогъ Записокъ уже самъ по себѣ любопытенъ для исторіи языка, показывая намъ, какъ говорила и могла писать женщина высшаго общества въ первую половину прошедшаго вѣка, не помышлявшая о печати, у дверей гроба, уже схимницей, передававшая повѣсть о жизни своей единственно на память сыну и внучатамъ. И тутъ невольно останавливаетъ наше вниманіе слѣдующая черта. Княгиня Долгорукова, воспитавшаяся во всей роскоши Шереметевскаго богатства, имѣвшая при себѣ учительницу-мадамъ, хотя уже употребляетъ слова иностранныя, но пишетъ слогомъ XVII вѣка, языкомъ писемъ царя Алексѣя Михайловича, а ея описанія, какъ она странствовала въ Сибирь, живо напоминаютъ такія же описанія человѣка, совсѣмъ не похожаго на нее по общественному положенію — старообрядческаго протопопа Аввакума (см. его Житіе, имъ самимъ писанное, Спб. 1863): такова была общность того вѣка.

Подлинная рукопись Записокъ княгини Долгоруковой (съ которой они здѣсь печатаются вполнѣ и со всею точностью) составляетъ одну изъ семейныхъ святынь роднаго ея правнука, князя Дмитрія Ивановича Долгорукова, которому мы приносимъ здѣсь глубочайшую благодарность какъ за дозволеніе ею воспользоваться, такъ за содѣйствіе къ ея прочтенію (она писана довольно неразборчиво). Рукопись, въ старинной, тисненой черной кожѣ, въ четвертку, содержитъ въ себѣ 48 листковъ, изъ коихъ многіе на одной сторонѣ заняты Записками, а на другой рисунками благочестиваго и аллегорическаго смысла, сдѣланными тушью, рукою вѣроятно самой княгини. Въ самомъ началѣ рукописи—разкрашенное изображеніе св. великомученицы Варвары (столь чтимой въ Кіевѣ, гдѣ Записки писаны), а въ концѣ сынъ княгини, кн. Михаилъ Ивановичь Долгоруковъ, приписалъ: „Получилъ я сію книгу изъ Кіева по кончинѣ несчастной матери моей въ 1773 году, января 17 дня, въ день ея рожденія". Къ Запискамъ присоединено здѣсь нѣсколько уцѣлѣвшихъ писемъ княгини Натальи Борисовны, а также статья объ ней ея внука, извѣстнаго писателя кн. Ив. Мих. Долгорукова; все это сообщено намъ тоже кн. Д. И. Долгоруковымъ. Кромѣ того, родная правнука княгини Натальи Борисовны, Антонина Ивановна Новикова, обязательно сообщила намъ небольшую записную книжку своей прабабки (въ черной кожѣ съ застежкой). Для нѣкоторыхъ примѣчаній, мы воспользовались ею, а равно (и отъ тѣхъ же лицъ) богатымъ запасомъ семейныхъ разсказовъ и преданій, свято сохраненныхъ черезъ цѣлое столѣтіе и доселѣ передаваемыхъ со всею живостью какъ бы вчерашняго дня.

Въ заключеніе считаемъ не лишнимъ замѣтить, что было бы ошибкою отыскивать въ Запискахъ княгини Долгорувой какое либо притязаніе политическое. Это памятникъ вполнѣ историко-литературный. *П. Б.*

*

1767 году Генваря 12 дня.

Какъ скоро вы ([1]) отъ меня поѣхали, осталась я въ уединеніи ([2]); при-

([1]) Княгиня Долгорукова обращается къ старшему сыну своему князю Михаилу Ивановичу (1731—1794) и супругѣ его кн. Аннѣ Николаевнѣ (1731—1813) урожд. баронессѣ Строгановой (двоюродной сестрѣ извѣстнаго Екатерининскаго оберъ-камергера графа А. С. Строганова). Они въ 1766 году ѣздили въ Кіевъ навѣстить монахиню, мать свою.

([2]) Въ Кіевѣ жилъ тогда второй сынъ ея, болѣзненный и безбрачный, кн. Дмитрій Ивановичъ. Онъ родился въ Березовѣ въ окт. 1738 г. т. е. вскорѣ послѣ того, какъ княгиню разлучили съ отвезеннымъ на казнь мужемъ. Говорятъ, будто княгиня воспротивилась браку его съ дѣвицею незнатнаго рода, въ которую онъ былъ влюбленъ, и что эта неудача еще болѣе его разстроила. Несчастная мать пережила его двумя годами. Онъ умеръ въ Кіевѣ, 26 мая 1769. Онъ служилъ нѣкогда въ гвардіи. Сохранилось прошеніе его къ имп. Екатеринѣ о дозволеніи постричься въ монахи, поданное чрезъ И. П. Елагина весною 1763 года. Екатерина отвѣчала на это прошеніе и на письмо о томъ княгини слѣдующимъ (сохранившимся въ подлинникѣ) письмомъ, отъ 27 окт. 1763 г.: „Честная мать монахиня. Письмо ваше мною получено, на которое по прошенію вашему иной резолюціи дать не можно какъ только ту, что я позволяю сыну вашему князь Дмитрѣю жить по желанію его въ монастырѣ; а постричься въ разсужденіи молодыхъ его лѣтъ дозволить нельзя, дабы время какъ его въ раскаяніе, такъ и насъ объ немъ въ сожалѣніе не привело. Доброжелательная Екатерина.

Молодой красавецъ-князь поселился въ Кіевскомъ Никольскомъ монастырѣ, гдѣ передъ смертью принялъ тайное постриженіе. Въ записной книжкѣ его матери сохранилась слѣд. замѣтка, по поводу кончины этого несчастливца: „Увы мнѣ окаянной! Горе проходитъ, другое наступаетъ: умеръ и сынъ князь Дмитрей. Сколько лѣтъ мучимъ былъ Божіимъ попущеніемъ отъ бѣса; окончилъ теченіе христіанскимъ концомъ 1769 маія 26 дня, исповѣдованъ, причащенъ и масломъ освящонъ; отходную читали, и постриженъ за 2 дни до смерти въ рясофоръ, тѣмъ

шло на меня уныніе, и такъ отягощена была голова моя безпокойными мыслями: казалось, что уже отъ той тягости къ землѣ клонюсь. Не знала, чѣмъ бы тѣ безпокойныя мысли разбить; пришло мнѣ на память, что вы всегда меня просили, чтобы по себѣ оставила на память журналъ, что̀ мнѣ случилось въ жизни моей достойно памяти, и какимъ средствомъ я жизнь проводила. Хотя она очень бѣдственна и до днесь, однако во удовольствіе ваше хочу васъ тѣмъ утѣшить, и желаніе ваше или любопытство исполнить, когда то будетъ Богу угодно и слабость моего здоровья допуститъ. Хотя я и не могу много писать, но ваше прошеніе меня убѣждаетъ. Сколько можно, буду стараться, чтобъ привести на память все то, что̀ случилось мнѣ въ жизни моей.

Не всегда бываютъ счастливы благороднорожденные; по большей части находятся въ свѣтѣ изъ знатныхъ домовъ происходящіе бѣдственны, а отъ подлости рожденные происходятъ въ великіе люди, знатные чины и богатства получаютъ. На то есть опредѣленіе Божіе. Когда и я на свѣтѣ родилась, надѣюсь, что всѣ пріятели отца моего и знающіе домъ нашъ блажили день рожденія моего, видя радующихся родителей моихъ и благодарящихъ Бога о рожденіи дочери. Отецъ мой и мать надежду имѣли, что я имъ буду утѣха при старости (3). Казалось бы и такъ, по предѣламъ свѣта сего, ни въ чемъ бы недостатку не было. Вы сами не безъизвѣстны о родителяхъ моихъ, отъ кого на свѣтъ произведена, и домъ нашъ знаете, который и до днесь во всякомъ благополучіи состоитъ; братья и сестры мои живутъ во удовольствіи міра сего, честьми почтены́, богатство и изобиліе (4). Ка-

———

же именемъ, 24-го, тайно. Въ кельѣ отправлено погребеніе монашеское, а въ лаврѣ свѣтское, какъ мірскихъ отпѣваютъ Въ нынѣшнемъ вѣку надобно красть царство небесное."

Мы видѣли большой портретъ князя Дмитрія Ивановича Долгорукова, во весь ростъ, въ черномъ одѣяніи монастырскаго послушника.

(3) Княгиня Н. Б. Долгорукова родилась 17 генваря 1714 г., съ небольшимъ за пять лѣтъ до кончины отца своего фельдмаршала графа Бор. Петр. Шереметева († 17 февр. 1719, 67 лѣтъ отъ роду). Онъ женился очень рано на Чириковой, отъ этого брака имѣлъ сына гр. Михаила Бор. (1672—1714), прославившагося на войнѣ, и двухъ дочерей, и у него уже были взрослые внучата, когда вступилъ онъ, уже 60 лѣтъ отъ роду, во второй бракъ съ 35-ти лѣтней вдовою дяди Петра Великаго боярина Льва Кириловича Нарышкина, Анною Петровною, урожд. Салтыковою (1677—1728), родной братъ которой женатъ былъ на внучкѣ фельдмаршала, гр. Екатеринѣ Михаиловнѣ Шереметевой. Вторымъ ребенкомъ отъ этого брака и была наша княгиня Наталья Борисовна. Семейное преданіе разсказываетъ, что фельдмаршалъ Шереметевъ, овдовѣвъ, имѣлъ намѣреніе постричься въ монахи и пришелъ къ государю просить на то позволенія. Петръ вмѣсто отвѣта повелъ его въ свою веселую компанію и, указывая на цѣлую толпу красивыхъ женщинъ, шутилъ надъ нимъ, что онъ еще можетъ въ другой разъ жениться. Тутъ и понравилась фельдмаршалу вдова Нарышкина, такъ что онъ рѣшился нарушить обѣтъ свой пойти въ монахи. Кн. Наталья Борисовна впослѣдствіи называла бѣды свои искупленіемъ за этотъ грѣхъ отца.

(4) Два брата, графы Петръ Бор. (1713—1788), отъ котораго происходятъ нынѣшніе графы Шереметевы, и Сергѣй Борисовичъ (1715—1768), не оставившій потомства. — Двѣ сестры гр. Вѣра (1716) за Лопухинымъ и гр. Екатерина (1718) за кн. Урусовымъ. Знаменитый фельдмаршалъ оставилъ дѣтей малолѣтныхъ (послѣдней дочери было всего 3 мѣсяца, когда онъ умеръ) и въ своей духовной поручилъ ихъ попеченіямъ Петра Великаго, въ которыхъ они нуждались, потому что имѣніе гр. Шереметева было все въ долгахъ, и онъ долженъ былъ забирать впередъ свое жалованье (кн. Щербатовъ, О поврежд-

залось и мнѣ никакого слѣду не было къ нынѣшнему моему состоянію. Для чего бы и мнѣ не такъ счастливой быть, какъ и сестры мои? Я еще всегда думала предъ ними преимущество имѣть, потому что я была очень любима у матери своей, и воспитана отмѣнно отъ нихъ, я же имъ и большая. Надѣюсь, тогда всѣ обо мнѣ разсуждали: такого великаго господина дочь, знатство и богатство, кромѣ природныхъ достоинствъ, обратитъ очи всѣхъ знатныхъ жениховъ на себя, и я по человѣческому разсужденію совсѣмъ опредѣлена къ благополучію; но Божій судъ совсѣмъ не сходенъ съ человѣческимъ опредѣленіемъ. Онъ по Своей власти иную мнѣ жизнь назначилъ, объ которой никогда и никто вздумать не могъ и ни я сама.

Я очень имѣла склонность къ веселію. Я осталась малолѣтна послѣ отца моего, не больше какъ пяти лѣтъ; однако я росла при вдовствующей матери моей во всякомъ довольствѣ, которая старалась о воспитаніи моемъ, чтобъ ничего не упустить въ наукахъ, и всѣ возможности употребляла, чтобъ мнѣ умножить достоинствъ. Я ей была очень дорога; льстилась мною веселиться, представляла себѣ, когда приду въ совершенныя лѣты, буду добрый товарищъ во всякихъ случаяхъ, и въ печали и радости; и такъ меня содержала, какъ должно благородной дѣвушкѣ быть; пребезмѣрно меня любила, хотя я тому и недостойна была. Однако все мое благополучіе кончилось: смерть меня съ нею разлучила (5). Я осталась послѣ милостивой своей матери четырнадцати лѣтъ; это первая бѣда меня встрѣтила. Сколько я ни плакала, только еще все не доставало, кажется, противъ любви ея ко мнѣ. Однако ни слезами, ни рыданіемъ не воротила. Осталась я сиротою съ большимъ братомъ, который уже сталъ своему дому господинъ (6). Вотъ уже совсѣмъ моя жизнь перемѣнилась. Можно ли всѣ тѣ горести описать, которыя со мной случались? Надобно молчать. Хотя я льстилась впредь быть счастливой, однако очень часто источники изъ глазъ лились. Молодость лѣтъ нѣсколько помогала терпѣть во ожиданіи впредбудущаго счастія; думала еще: будетъ и мое время, повеселюсь на свѣтѣ; а того не знала, что Вышняя Власть грозитъ мнѣ бѣдами, и что въ будущее надежда обманчива бываетъ.

И такъ я послѣ матери своей всѣхъ канпаній лишилась; пришло на меня высокоуміе, вздумала я себя сохранять отъ излишняго гулянья, чтобъ мнѣ чего не понести, какого поноснаго слова: тогда очень наблюдали честь. И такъ я сама себя заключила; и правда, что тогдашнее время не такое было обхожденіе въ свѣ-

---

нравовъ въ Россіи, стр. 22). Вообще надо замѣтить, что въ началѣ прошедшаго вѣка слава гр. Шереметевыхъ основалась вовсе не на одномъ богатствѣ, а главнымъ образомъ на доблестяхъ графа Бориса Петровича, котораго Пушкинъ въ „Полтавѣ“ означаетъ прилагательнымъ *благородный*. Кромѣ воинскихъ талантовъ онъ былъ по своему времени человѣкъ образованный: извѣстно его описаніе путешествія по Европѣ и на островъ Мальту.

(5) Мать кн. Долгоруковой, принадлежавшая нѣкогда къ веселой компаніи Петра Великаго, скончалась 22 іюля 1728, когда дворъ находился уже въ Москвѣ, гдѣ умеръ и супругъ ея (тѣло его Петръ Великій велѣлъ перевезти въ Петербургъ и торжественно похоронилъ въ Невской Лаврѣ).

(6) Графа Петра Борисовича. Ему тогда было всего 15 лѣтъ; онъ служилъ поручикомъ Преображенскаго полка.

тѣ: очень примѣчали поступки знатныхъ или молодыхъ дѣвушекъ; тогда не можно было такъ мыкаться, какъ въ нонѣшній вѣкъ. Я такъ вамъ пишу, будто я съ вами говорю, и для того вамъ отъ начала жизнь свою веду. Вы увидите, что я и въ самой молодости весело не живала, и никогда сердце мое большаго удовольствія не чувствовало. Я свою молодость плѣнила разумомъ, удерживала на время свои желанія, въ разсужденіи томъ, что еще будетъ время къ моему удовольствію; заранѣ пріучала себя къ скукѣ. И такъ я жила послѣ матери своей два года; дни мои проходили безутѣшны. Тогда обыкновенно всегда, гдѣ слышатъ невѣсту богатую, тутъ и женихи льстятся; пришло и мое время, чтобъ начать ту благополучную жизнь, которою я льстилась. Я очень была счастлива женихами; однако то оставлю, а буду вамъ то писать, что̀ въ дѣло произошло. Правда, что начало было очень велико; думала, я первая счастливица въ свѣтѣ, потому что первая персона въ нашемъ государствѣ былъ мой женихъ (⁷). При всѣхъ природныхъ достоинствахъ имѣлъ знатные чины при дворѣ и въ гвардіи; я признаюсь вамъ въ томъ, что я почитала за великое благополучіе, видя его къ себѣ благо-

(⁷) Князь Иванъ Алексѣевичъ Долгорукій, тогда 22-хъ лѣтній оберъ-камергеръ Петра II-го, андреевскій кавалеръ и маіоръ гренадерской роты Преображенскаго полка (1708—1739). Его знали во всей Европѣ, и иностранные министры наперерывъ въ немъ заискивали. Добродушный, веселый и талантливый, въ дѣлахъ государственныхъ онъ былъ, по самой молодости лѣтъ своихъ, ни что иное какъ орудіе ненасытно честолюбивыхъ родныхъ своихъ и своего отца обергофмейстера князя Алексѣя Григорьевича. По всему видно, что кн. Иванъ Алексѣевичъ, хотя и предавался увлеченіямъ молодости, но былъ способенъ внушать къ себѣ сильную привязанность. Его сближеніе съ Петромъ II-мъ началось еще, когда тотъ былъ великимъ княземъ. Кн. Щербатовъ (О поврежденіи нрав., стр. 33) разсказываетъ: „Въ единый день, нашедъ его единаго, палъ предъ нимъ на колѣни, изъясняя всю привязанность, какую весь родъ его къ дѣду его, Петру Великому, имѣетъ и къ его крови; изъяснилъ ему, что онъ, по крови, по рожденію и по полу, почитаетъ его законнымъ наслѣдникомъ Россійскаго престола, прося да увѣрится въ его усердіи и преданности къ нему. Таковыя изъясненія тронули сердце младаго, чувствующаго свое положеніе князя. Тотчасъ довѣренность послѣдовала подозрѣніямъ, а послѣ и совершенная дружба, по крайней мѣрѣ, со стороны Петра Алексѣевича, сихъ младыхъ людей соединила". Въ первые мѣсяцы царствованія Петра II-го, кн. Менщиковъ на время успѣлъ отстранить молодаго наперсника, за то, что тотъ противился обрученію государя съ княжн. Менщиковою (см. Полн. Собр. Зак. № 5084); но съ осени того же 1727 г. и по самую кончину Петра II (18 генв. 1730) кн. Долгорукій пользовался неизмѣнною дружбою государя. По словамъ Дюка де Лиріа (Спб. 1845, стр. 16) и кн. Щербатова (стр. 38) они спали въ одной комнатѣ и даже на одной постели. Тотъ же Дюкъ де Лиріа свидѣтельствуетъ, что кн. Иванъ не только не участвовалъ въ каверзахъ и грабительствѣ отца своего, дядей и родственниковъ, но даже ссорился съ ними изъ за этого. Ему надоѣдали придворныя искательства, и онъ уѣзжалъ изъ Горенокъ въ Москву повеселиться на свободѣ, и тутъ иногда предавался разгулу. Но черезъ него доходили до государя добрыя внушенія: онъ напоминалъ ему о необходимости продолжать занятія науками и даже указывалъ на невозможность совсѣмъ бросить Петербургъ. Разсказываютъ по преданію, что однажды, стоя за креслами Петра II-го и видя, какъ ему поднесли къ подписанію смертный приговоръ, кн. Иванъ укусилъ государя за ухо, и на вопросъ, что это значитъ, отвѣчалъ: прежде чѣмъ подписывать бумагу, надо вспомнить, каково будетъ несчастному, когда ему станутъ рубить голову.

склонна. Напротивъ того и я ему отвѣтствовала, любила его очень, хотя я никакого знакомства прежде не имѣла, нежели онъ мнѣ женихомъ сталъ; но истинная и чистосердечная его любовь ко мнѣ на то склонила. Правда, что сперва это очень громко было; всѣ кричали: *ахъ какъ она счастлива*! Моимъ ушамъ не противно было это эхо слышать; а не знала, что это счастіе мною поиграетъ: показало мнѣ только, чтобъ я узнала, какъ люди живутъ въ счастіи, которыхъ Богъ благословитъ. Однако я тогда ничего не разумѣла, молодость лѣтъ не допускала ни о чемъ предбудущемъ разсуждать; а радовалась тѣмъ, видя себя въ такомъ благополучіи цвѣтущею Казалось, ни въ чемъ нѣтъ недостатку; милый человѣкъ въ глазахъ, въ разсужденіи томъ, что этотъ союзъ любви будетъ до смерти неразрывный, а притомъ природныя чести, богатство, отъ всѣхъ людей почтеніе: всякой ищетъ милости, рекомендуется подъ мою протекцію; подумайте, будучи дѣвкѣ въ пятнадцать лѣтъ такъ обрадованной! Я не иное что воображала, какъ вся сфера небесная для меня перемѣнилась.

Между тѣмъ начались у насъ пріуготовленія къ сговору нашему ([8]). Правду могу сказать, рѣдко кому случилось видѣть такое знатное собраніе: вся императорская фамилія была на нашемъ сговорѣ, всѣ чужестранные министры, наши всѣ знатные господа, весь генералитетъ, однимъ словомъ сказать, столько было гостей, сколько домъ нашъ могъ помѣстить обоихъ персонъ; не было ни одной комнаты, гдѣ бы не полно было людей. Обрученіе наше было въ залѣ, духовными персонами, одинъ архіерей и два архимандрита. Послѣ обрученія всѣ его сродники меня дарили очень богатыми дарами, бриліантовыми серьгами, часами, табакерками и готовальнями и всякою галантереею ([9]); мои бъ руки не могли бъ всего забрать, когда бъ мнѣ не помогали принимать. Наши перстни были, которыми обручались, его въ двѣнадцать тысячь, а мой въ шесть тысячь. Напротивъ и мой братъ жениха моего дарилъ: шесть пудовъ серебра, старинные великіе кубки и фляши золоченыя. Казалось мнѣ тогда, по моему молодоумію, что это все прочно и на цѣлой мой вѣкъ будетъ; а того не знала, что въ здѣшнемъ свѣтѣ ничего нѣтъ прочнаго, а все на часъ. Сговоръ мой былъ въ семь часовъ по полудни; это была уже ночь, и для того принуждены были смоляныя бочки зажечь для свѣту, чтобъ видно было разъѣзжаться гостямъ; тѣснота превеликая отъ каретъ была; отъ того великаго огня видно было; сказываютъ, что около ограды дому нашего ([10]) столько было народа, что вся

([8]) Объ этомъ сговорѣ записано у Дюка де Лиріа (стр. 71), который прибавляетъ, что невѣста очень богата и очень хороша собою. Сначала кн. Иванъ Алексѣевичъ думалъ жениться на гр. Ягужинской, дочери знаменитаго гр. Павла Ивановича (Herrmann, Gesch des rus. Staats IV, стр. 534).

([9]) Богатство кн. Долгорукихъ было тогда несмѣтное, ибо къ нимъ перешли между прочимъ и сокровища сосланнаго кн. Менщикова. Послѣ ихъ паденія, въ Кремлѣ устроена была особая палатка для разбора возвращенныхъ отъ нихъ драгоцѣнныхъ вещей.

([10]) Гдѣ именно находился тогда Московскій домъ гр. Шереметевыхъ, мы не знаемъ. По всему вѣроятію это тотъ домъ, который вошелъ въ составъ огромнаго зданія Синодальной типографіи. Нынѣшній же Шереметевскій домъ на Ни-

улица заперлась, и кричалъ простой народъ: Слава Богу, отца нашего дочь идетъ замужъ за великаго человѣка, возставитъ родъ свой, и возведетъ братьевъ своихъ на степень отцову! Надѣюсь, вы довольно извѣстны, что отецъ мой былъ первой фельдмаршалъ, и что очень былъ любимъ народомъ, и до днесь его помнятъ. О прочихъ всѣхъ сговорныхъ церемоніяхъ или веселіяхъ умолчу, нынѣшнее мое состояніе и званіе запрещаетъ; однимъ словомъ сказать: все, что можете вздумать, ничего упущено не было. Это мое благополучіе и веселіе долголь продолжалось? Не болѣе какъ отъ Декабря 24 дня по 18 Генваря день. Вотъ моя обманчивая надежда кончилась; со мною такъ случилось, какъ съ сыномъ царя Давида Наѳаномъ: лизнулъ медку, и пришло было умереть. Такъ и со мною случилось: за двадцать шесть дней благополучныхъ, или сказать радостныхъ, сорокъ лѣтъ по сей день стражду; за каждый день по два года придетъ безъ малаго, еще шесть дней надобно вычесть; да кто можетъ знать предбудущее! Можетъ быть, и дополнятся, когда продолжится сострадательная жизнь моя.

Таперъ надобно уже иную матерію зачать. Умъ колеблется, когда приведу на память, что послѣ всѣхъ этихъ веселій меня постигло, которыя мнѣ казались на вѣки нерушимы будутъ. Знать, что не было мнѣ тогда друга, кто бъ меня научилъ, чтобъ по этой скользкой дорогѣ опаснѣе ходила. Боже мой! какая буря грозная возстала, со всего свѣту бѣды совокупились! Господи, дай силъ изъяснить мои бѣды, чтобъ я могла ихъ описать для знанія желающихъ и для утѣшенія печальнымъ, чтобъ, помня меня, утѣшались. И я была человѣкъ, вся дни живота своего проводила въ бѣдахъ, и все опробовала: гоненія, странствія, нищету, разлученіе съ милымъ, все, что кто можетъ вздумать. Я не хвалюсь своимъ терпѣніемъ, но о милости Божіей похвалюсь, что Онъ мнѣ далъ столько силы, что я перенесла, и по сіе время несу; не возможно бы человѣку смертному такіе удары понести, когда не свыше сила Господня подкрѣпляла. Возьмите въ разсужденіе мое воспитаніе и нонѣшнее мое состояніе.

Вотъ начало моей бѣды, чего я никогда не ожидала! Государь нашъ окончилъ животъ свой ([11]); паче чаянія моего, чего я никогда не ожидала, сдѣлалась коронная перемѣна. Знать такъ было Богу угодно, чтобъ народъ за грѣхи наказать: отняли милостиваго государя, и великой былъ плачь въ народѣ. Всѣ сродники мои съѣзжаются, жалѣютъ, плачутъ обо мнѣ, какъ мнѣ эту напасть объявить; а я обыкновенно долго спала, часу до девятаго; однако, какъ скоро проснулась, вижу, у всѣхъ глаза заплаканы: какъ они ни стереглись, только видно было. Хотя я и знала, что государь боленъ, и очень боленъ, однако я великую въ томъ надежду имѣла на Бога, что Онъ не оставитъ сирыхъ; однако знать мы тому достойны были. По необходимости принуждены были мнѣ объявитъ. Какъ скоро эта вѣдомость дошла до ушей моихъ, что уже тогда со мной было, не помню; а какъ опомнилась, только и твердила: ахъ! пропала! пропала! Не слышно было инаго ничего отъ

кольской принадлежалъ тогда еще кн. А. М. Черкасскому.

([11]) съ 18 на 19 генваря 1730 года.

меня, что пропала! Какъ кто ни старался меня утѣшить, только не можно было плачь мой пресѣчь, ни уговорить. Я довольно знала обыкновеніе своего государства, что всѣ фавориты послѣ своихъ государей пропадаютъ: чего было и мнѣ ожидать? Правда, что я не такъ много дурно думала, какъ со мною сдѣлалось: потому, хотя мой женихъ и любимъ государемъ, и знатные чины имѣлъ, и ввѣрены ему были всякія дѣла государственныя; но подкрѣпляли меня нѣсколько честные его поступки. Знавъ его невинность, что онъ никакимъ непристойнымъ дѣламъ не косенъ былъ, мнѣ казалось, что не можно безъ суда человѣка обвинить и подвергнуть гнѣву, или отнять честь или имѣніе; однако послѣ уже узнала, что при несчастливомъ случаѣ и правда не помогаетъ. И такъ я плакала безутѣшно. Свойственники, сыскавъ средства, чѣмъ бы меня утѣшить, стали меня (уговаривать), что я еще человѣкъ молодой, а такъ себя безразсудно сокрушаю; можно этому жениху отказать, когда ему будетъ худо; будутъ другіе женихи, которые не хуже его достоинствомъ, развѣ только не такіе великіе чины будутъ имѣть; а въ то время правда, что (одинъ) женихъ очень хотѣлъ меня взять, только я на то не склонна была, а сродникамъ моимъ всѣмъ хотѣлось за того жениха меня выдать. Это предложеніе такъ мнѣ тяжело было, что ничего на то не могла имъ отвѣтствовать. Войдите въ разсужденіе, какое это мнѣ утѣшеніе и честнà ли это совѣсть, когда онъ былъ великъ, такъ я съ радостью за него шла, а когда онъ сталъ несчастливъ, отказать ему? Я такому безсовѣстному совѣту согласиться не могла; а такъ положила свое намѣреніе, когда сердце одному отдавъ жить или умереть вмѣстѣ, а другому уже нѣтъ участія въ моей любви. Я не имѣла такой привычки, чтобъ сегодня любить одного, а завтра другаго; въ нонѣшній вѣкъ такая мода, а я доказала свѣту, что я въ любви вѣрна. Во всѣхъ злополучіяхъ я была своему мужу товарищъ; и теперь скажу самую правду, что, будучи во всѣхъ бѣдахъ, никогда не раскаявалась, для чего я за него пошла, и не дала въ томъ безумія Богу ([12]). Онъ тому свидѣтель: все, любя его, сносила; сколько можно мнѣ было, еще и его подкрѣпляла. Мои сродники имѣли другое разсужденіе; такой мнѣ совѣтъ давали, или можетъ быть, меня жалѣли.— Къ вечеру пріѣхалъ мой женихъ ко мнѣ, жалуясь на свое несчастіе; при томъ разсказывалъ объ смерти жалости достойной, какъ государь скончался, что все въ памяти былъ, и съ нимъ прощался. И такъ говоря, плакали оба, и присягали другъ другу, что насъ ничто не разлучитъ, кромѣ смерти; я готова была съ нимъ хотя всѣ земныя пропасти пройтить. И такъ часъ отъ часу пошло хуже. Куда дѣвались искатели и друзья? Всѣ спрятались, и ближніе отдалече меня сташа, всѣ меня оставили въ угодность новымъ фаворитамъ; всѣ стали уже меня бояться, чтобъ я въ встрѣчу съ кѣмъ не попалась, всѣмъ подозрительна. Лучше бъ тому человѣку не родиться на свѣтѣ, кому на время быть велику, а послѣ придти въ несчастіе: всѣ станутъ презирать, никто говорить не хочетъ!

([12]) Выраженіе изъ Книги Іова, гл. 2-я, стихъ 10-й.

Выбрана была на престолъ одна принцесса крови, которая никакого слѣду не имѣла къ коронѣ ([13]). Между тѣмъ пріуготовлялись церемоніи къ погребенію. Пришелъ тотъ назначенной несчастливый день; нести надобно было государево тѣло мимо нашего дому, гдѣ я сидѣла подъ окошкомъ, смотря на ту плачевную церемонію ([14]). Боже мой, какъ духъ во мнѣ удержался! Началось духовными персонами; множество архіереевъ, архимандритовъ и всякаго духовнаго чину; потомъ, какъ обыкновенно бываютъ такія высочайшія погребенія, несли государственные гербы, кавалерію, разные ордены, короны; въ томъ числѣ и мой женихъ шелъ передъ гробомъ, несъ на подушкѣ кавалерію, и два ассистента вели подъ руки. Не могла его видѣть отъ жалости въ такомъ состояніи: епанча траурная предлинная, флеръ на шляпѣ до земли, волосы распущенные, самъ такъ блѣденъ, что никакой живости нѣтъ. Поровнявши противъ моихъ оконъ, взглянулъ плачущими глазами съ тѣмъ знакомъ или миною: кого погребаемъ? въ послѣдній, въ послѣдній разъ провожаю. Я такъ обезпамятовала, что упала на окошко: не могла усидѣть отъ слабости. Потомъ и гробъ везутъ:—отступили отъ меня уже всѣ чувства на нѣсколько минутъ. А какъ опомнилась, оставя всѣ церемоніи, плакала, сколько мое сердце дозволило, разсуждая мыслію своею, какое это сокровище земля принимаетъ, на которое, кажется, и солнце со удивленіемъ сіяло! Умъ сопряженъ былъ съ мужественною красотою; природное милосердіе, любовь къ подданнымъ нелицемѣрная. О Боже мой, дай великодушно понести сію напасть, лишеніе сего милостиваго монарха. О Господи, Всевышній Творецъ, Ты вся можеши, возврати хотя на единую минуту духъ его и открой глаза его, чтобъ онъ увидѣлъ вѣрнаго своего слугу, идущаго предъ гробомъ, потерявъ всю надежду ко утѣшенію и облегченію печали его! И такъ окончилась церемонія; множество знатныхъ дворянъ, слѣдующихъ за гробомъ; казалось мнѣ, что и небо плачетъ, и всѣ стихіи небесныя. Надѣюсь, между тѣмъ и такіе были, которые радовались, чая себѣ отъ новой государыни милости.

По нѣсколькихъ дняхъ послѣ погребенія, пріуготовляли торжественное восшествіе новой государыни въ столичный городъ со звономъ, съ пушечною пальбою. Въ назначенный день поѣхала и я посмотрѣть ея встрѣчи: для того полюбопытствовала, что я ея не знала отъ роду въ лице, кто она. Во дворцѣ, въ одной отхожей комнатѣ, я сидѣла, гдѣ всю церемонію видѣла. Она шла мимо тѣхъ оконъ, подъ которыми я была, и тутъ послѣдній разъ видѣла, какъ мой женихъ командовалъ гвардіею; онъ былъ маіоръ, отдавалъ ей честь на лошади. Подумайте, каково мнѣ глядѣть на сіе позорище! И съ того времени въ жизни своей я ея не видала. Престрашнаго была взору. Отвратное лице имѣла; такъ была велика, когда между кавалеровъ идетъ, всѣхъ головою выше, и чрезвычайно толста. Какъ я поѣхала домой,

([13]) Какъ слышна въ словахъ этихъ женская досада! Такъ какъ закона о престолонаслѣдіи не было, то и нельзя сказать, кому былъ слѣдъ къ коронѣ; но по старшинству она скорѣе принадлежала Мекленбургской принцессѣ Екатеринѣ Іоанновнѣ, старшей дочери царя Іоанна Алексѣевича

([14]) Петра II-го погребли въ Московскомъ Архангельскомъ соборѣ 11 февраля 1730 г.

надобно было ѣхать черезъ всѣ полки, которые въ строю были собраны. Я поспѣшила домой, еще не распущены были. Боже мой! Я тогда свѣта не видѣла, и не знала отъ стыда, куда меня везутъ, и гдѣ я. Одни кричатъ: это отца нашего невѣста! Подбѣгаютъ ко мнѣ: матушка наша, лишились мы своего государя! Иные кричатъ: прошло ваше время, таперь не старая пора! Принуждена была все это вытерпѣть; рада была, что доѣхала до двора своего; вынесъ Богъ изъ такого содому.

Какъ скоро вступила государыня въ самодержавство, такъ и стали искоренять нашу фамилію; не такъ бы она злобна была на насъ, да фаворитъ ея, который былъ безотлучно при ней, онъ старался нашъ родъ истребить, чтобъ его на свѣтѣ не было; по той злобѣ, когда ее выбирали на престолъ, то между прочими пунктами написано было, чтобъ онаго фаворита, который былъ при ней каммергеромъ, въ наше государство не ввозить: потому что они жили въ своемъ владѣніи; хотя она и наша принцесса, да была выдана замужъ; овдовѣвши жила въ своемъ владѣніи, а оставить и его въ своемъ домѣ, чтобъ онъ у насъ ни въ какихъ дѣлахъ не былъ, къ чему она и подписалась. Однако злодѣи многіе, недоброжелатели своему отечеству, всѣ пункты перемѣнили и дали ей во всемъ волю и все народное желаніе уничтожили; и его къ ней по прежнему допустили. Какъ онъ усилился, побравъ себѣ знатные чины, первое возымѣлъ дѣло съ нами, и искалъ, какими бы мѣрами насъ истребить изъ числа живущихъ. Такъ публично говорилъ: дома той фамиліи не оставлю! Что̀ онъ не напрасно говорилъ, но и въ дѣло произвелъ. Какъ онъ уже взошелъ на великую степень, онъ не могъ уже на насъ спокойными глазами глядѣть. Онъ насъ боялся и стыдился; зналъ нашу фамилію, за сколько лѣтъ рожденные князья имѣли свое владѣніе, сколькимъ коронамъ заслужили. Всѣ предки нашъ родъ любили за вѣрную службу къ отечеству, живота своего не щадили; сколько на войнахъ головы свои положили! За такія ихъ знатныя службы были отъ государей отмѣнно награждены великими чинами, кавалеріями, и въ чужихъ государствахъ многимъ спокойствіе дѣлали, гдѣ имя ихъ славно; а онъ былъ самый подлый человѣкъ, а дошелъ до такого великаго градуса, однимъ словомъ сказать, только одной короны не доставало! Уже всѣ въ руку его цѣловали, и что хотѣлъ, то дѣлалъ: уже титуловали его ваше высочество; а онъ не что иное былъ, какъ башмачникъ: на дядю моего сапоги шилъ ([15]). Сказываютъ, мастеръ превеликой былъ; да красота его до такой великой степени довела. Бывши такихъ высокихъ мыслей, думалъ, что не удастся ему до конца привести свое намѣреніе, онъ не истребитъ знатные роды; (но) такъ и сдѣлалъ: не только нашу фамилію, но другую такую же знатную фамилію сокрушилъ, раззорилъ и въ ссылку сослалъ ([16]). Уже все ему было покорено. Однако о томъ я буду молчать, чтобъ не прейтить предѣловъ; я намѣрена только свою бѣду писать, а не чужіе пороки обличать.

([15]) Княгиня вѣроятно хотѣла сказать: на дядю ея мужа, на кн. Сергѣя Григорьевича. Извѣстіе это не подтверждается другими свѣдѣніями о молодости Бирона.

([16]) Т. е. князей Голицыныхъ.

Не зналъ онъ, чѣмъ начать, чтобъ насъ сослать. Первое, всѣхъ сталъ къ себѣ призывать изъ тѣхъ же людей, которые намъ прежде друзья были; ласкалъ ихъ, выспрашивалъ, какъ мы жили, и не дѣлали ли кому обиды, не брали ли взятковъ? Нѣтъ, никто ничего не сказалъ. Онъ этимъ не доволенъ былъ; велѣлъ указомъ объявить, чтобъ всякой безъ опасности подавалъ самой государынѣ челобитныя, ежели кого чѣмъ обидѣли ([17]): и того удовольствія не получилъ. А между тѣмъ всякія вѣсти ко мнѣ въ уши приходятъ; иной скажетъ, въ ссылку сошлютъ; иной скажетъ, чины и кавалеріи оберутъ; подумайте, каково мнѣ тогда было, будучи въ шестнадцать лѣтъ? Ни отъ кого руку помощи не имѣть, и не съ кѣмъ о себѣ посовѣтывать; а надобно и домъ, долгъ и честь сохранить, и вѣрность не уничтожить. Великая любовь къ нему весь страхъ изгонитъ изъ сердца; а иногда нѣжность воспитанія и природа въ такую горесть приведетъ, что всѣ члены онѣмѣютъ отъ несносной тоски. Куда какое это злое время было! Мнѣ кажется, при Антихристѣ не тошнѣе того будетъ. Кажется, въ тѣ дни и солнце не свѣтило; кровь вся закипитъ, когда вспомню, какая это подлая душа, какіе столбы поколебала, до основанія раззорилъ, и до днесь не можемъ исправиться; что же до меня касается, въ здѣшнемъ свѣтѣ на вѣки пропала.

И такъ мое жалкое состояніе продолжалось по апрѣль мѣсяцъ; только и отрады мнѣ было, когда его вижу, поплачемъ вмѣстѣ, и такъ домой поѣдетъ. Куда уже всѣ веселья пошли! Ниже сходства было, что это женихъ къ невѣстѣ ѣздитъ. Что же между тѣмъ, какія были домашнія огорченія? ([18]) Боже, дай мнѣ все то забыть! Наконецъ ужъ надо нашъ несчастливый бракъ окончить; хотя, какъ ни откладывали день отъ дня, но, видя мое непремѣнное намѣреніе, принуждены согласиться. Братъ тогда былъ боленъ большой, а меньшой, который меня очень любилъ, жилъ въ другомъ домѣ ([19]), по той причинѣ, что онъ тогда не лежалъ еще воспою, а большой братъ былъ воспою боленъ. Ближніе сродники всѣ отступились; дальніе и пуще не имѣли резону. Бабка родная умерла ([20]). И такъ я осталась безъ призрѣнія; самъ Богъ меня давалъ за мужъ, а больше никто. Не можно всѣхъ тѣхъ безпорядковъ описать, что со мною тогда были; уже день назначили свадьбы; не кому проводить, никто изъ родныхъ не ѣдетъ, да не кому и звать. Господь самъ умилосердилъ сердца двухъ старушекъ, моихъ свойственныхъ, которыя меня прово-

---

([17]) Обыкновенный тогдашній способъ для полученія извѣтовъ.

([18]) Вѣроятно княгиня разумѣетъ здѣсь свое неловкое положеніе въ домѣ брата, когда ее отговаривали выходить за мужъ за человѣка, которому грозили бѣдствія.

([19]) Графъ Сергѣй Борисовичъ Шереметевъ (р. 10 окт. 1715 † 30 янв. 1768) не имѣлъ дѣтей отъ брака съ кн. Ѳетиньей Яковлевной Лобановой-Ростовской. О немъ сохранилась слѣдующая отмѣтка въ записной книжкѣ княгини Натальи Борисовны: „Еще не у конецъ моимъ бѣдамъ. 1768 генваря 30 дня послѣдняго утѣшенія лишилась въ странствіи моемъ: окончилъ жизнь свою любезной мой братъ и отецъ и другъ, безпримѣрной братъ былъ графъ Сергѣй Борисовичь."

([20]) Бабка княгини по матери, Марья Ивановна Салтыкова, урожд. княжна Прозоровская скончалась въ самый разгаръ тогдашняго переворота, 23 февр 1730.

жали, а то принуждена бы съ рабою ѣхать; а ѣхать надобно было въ село, пятнадцать верстъ отъ города: тамъ наша свадьба была. Въ этомъ селѣ они всегда лѣтомъ живали; мѣсто очень веселое и устроенное; палаты каменныя, пруды великіе, ранжереи и церковь въ палатахъ. Послѣ смерти государевой отецъ его съ своею фамиліею тамъ жилъ ([21]). Фамилія ихъ была не малая: я, все презря, на весь страхъ! Свекоръ былъ и свекровь, три брата, кромѣ моего мужа, и три сестры; вить надобно бы о томъ подумать, что я всѣмъ меньшая и всѣмъ должна угождать во всемъ; во всемъ положилась на волю Божію: знать судьба мнѣ такъ опредѣлила!

Вотъ уже, какъ я стала прощаться съ братомъ и со всѣми домашними, кажется бы и варваръ сжалился, видя мои слезы; кажется, и стѣны дому отца моего помогали мнѣ плакать; братъ и домашніе такъ много плакали, что изъ глазъ меня со слезами отпустили. Какая эта розница свадьба, сговоръ? Тамъ всѣ кричали: ахъ! какъ она счастлива; а тутъ провожаютъ и плачутъ: знать что я всѣмъ жалка была. Боже мой, какая перемѣна! Какъ я выѣхала изъ отцовскаго дому, съ тѣхъ поръ цѣлый вѣкъ странствовала. Привезли меня въ домъ свекровъ какъ невольницу: вся расплакана, свѣту не вижу передъ собою. Подумайте, и съ добрымъ порядкомъ замужъ идти, надобно подумать послѣднее счастіе; не токмо въ таковомъ состояніи, какъ я шла. Я пріѣхала въ одной каретѣ, да двѣ вдовы со мною сидятъ, а у нихъ всѣ родные приглашены, дядья, тетки; и пуще мнѣ стало горько: привезли меня какъ бѣдниньку сироту; принуждена все сносить. Тутъ насъ въ церкви вѣнчали. По окончаніи свадебной церемоніи, провожатые мои меня оставили, поѣхали домой; и такъ нашъ бракъ былъ плачу больше достоинъ, а не веселія. На третій день, по обыкновенію, я стала сбираться съ визитами ѣхать по ближнимъ его сродникамъ и рекомендовать себя въ ихъ милость: всегда можно было изъ того села ѣхать въ городъ послѣ обѣда, домой ночевать пріѣзжали.

Вмѣсто визитовъ, сверхъ чаянія моего, мнѣ сказываютъ, пріѣхалъде секретарь изъ Сенату ([22]); свекоръ мой долженъ былъ его принять. Онъ ему объявляетъ: указомъ велѣно-де вамъ ѣхать въ дальнія деревни, и тамъ жить до указу. Охъ! какъ мнѣ эти слова не полюбились; однако я крѣплюсь, не плачу, а уговариваю свекра и мужа: какъ можно безъ вины и безъ суда сослать! Я имъ

([21]) Знаменитыя Горенки, нынѣ полуразрушенныя, въ 14 верстахъ отъ Москвы, по Владимірке. Въ началѣ нынѣшняго вѣка они принадлежали гр. А. К. Разумовскому и славились ботаническимъ садомъ; за тѣмъ перешли во владѣніе Н. А. Волкова; нынѣшній владѣлецъ ихъ намъ неизвѣстенъ.

([22]) Указы, относящіеся до паденія, ссылки и казни кн. Долгорукихъ, собраны въ книгѣ „Сказанія о родѣ кн. Долгоруковыхъ", Спб. 1840, стр. 237—256. Но подлинное дѣло кн. Долгорукихъ доселѣ не издано. Оно хранится въ Государств. Архивѣ, и нѣкоторыми выписками изъ него, сдѣланными П. К. Щебальскимъ и обязательно намъ сообщенными, мы воспользовались для нашихъ примѣчаній. Указъ, о которомъ говоритъ кн. Наталья Борисовна, подписанъ былъ 9 апрѣля 1730 г., т. е. слишкомъ черезъ мѣсяцъ послѣ провозглашенія Анны Іоанновны самодержицею. Князю Алексѣю Григорьевичу съ семьею велѣно жить въ Пензенской его деревнѣ, селѣ Никольскомъ.

представляю: поѣзжайте сами къ государынѣ, оправдайтесь. Свекоръ, глядя на меня, удивляется моему молодоумію и смѣлости. Нѣтъ, я не хотѣла свадебной церемоніи пропустить, и не разсудя, что уже бѣда, подбила мужа, уговорила его ѣхать съ визитомъ: поѣхали къ дядѣ родному, которой насъ съ тѣмъ стрѣтилъ: былъ ли у васъ сенатскій секретарь? У меня былъ, и велѣно мнѣ ѣхать въ дальнія деревни, жить до указу. Вотъ тутъ и другіе дяди съѣхались, всѣ тоже сказываютъ. Нѣтъ, нѣтъ, уже я вижу, что на это дѣло нѣту починки: это мнѣ свадебные конфекты. Скорѣе домой поѣхали, и съ тѣхъ поръ мы другъ друга не видали, и никто ни съ кѣмъ не прощались: не дали время. Я пріѣхала домой; у насъ уже, уже сбираются; велѣно, въ три дни чтобъ въ городѣ не было; принуждена судьбѣ повиноваться. У насъ такое время, когда къ несчастію, то нѣтъ уже никакого оправданія, не лучше Турковъ: когда бъ прислали петлю, должны бъ удавиться.

Подумайте, каково мнѣ тогда было видѣть: всѣ плачутъ, суетятся, сбираются! И я суечусь. Куда ѣду, не знаю, и гдѣ буду жить, не вѣдаю, только что слезами обливаюсь. Я еще и къ нимъ ни къ кому не привыкла; мнѣ страшно было только въ чужой домъ перейтить. Какъ это тяжело! Такъ далеко везутъ, что никого своихъ не увижу; однако въ разсужденіи для милаго человѣка все должна сносить; стала я сбираться въ дорогу; а какъ я очень молода, никуда не ѣзжала, и что въ дорогѣ надобно, не знала никакихъ обстоятельствъ, что̀ можетъ впредь быть: обѣимъ намъ и съ мужемъ было тридцать семь лѣтъ. Онъ выросъ въ чужихъ([23]), жилъ все при дворѣ; онъ все на мою волю отдалъ; не знала, что̀ мнѣ дѣлать, научить было не кому. Я думала, что мнѣ ничего не надобно будетъ, и что очень скоро насъ воротятъ. Хотя и вижу, что свекровь и золовки съ собой очень много берутъ изъ брилліантовъ, изъ галантереи, все по карманамъ прячутъ ([24]), мнѣ до того и нужды не было: я только хожу

([23]) Въ Другѣ Юношествѣ 1810 г., гдѣ въ первый разъ появились эти Записки, при словѣ *чужихъ* прибавлено въ скобкахъ *краяхъ*. Такъ какъ тогда печаталъ Записки родной внукъ князя Ивана Алексѣевича, кн. Иванъ Михайловичъ Долгорукій, то по всему вѣроятію эта прибавка сдѣлана не безъ основанія. Быть можетъ, любимецъ Петра II-го воспитывался въ Варшавѣ у своего роднаго дѣда, тамошняго Русскаго посланника кн. Григорія Ѳеѳоровича, гдѣ жила также и сестра его, невѣста имп. Петра II-го (см. Р. Арх. 1866, стр. 38).

([24]) Эти вещи, забранныя кн. Долгоруковыми съ собою въ ссылку, впослѣдствіи и погубили ихъ, ибо дали поводъ Березовскимъ жителямъ къ разнымъ толкамъ и доносамъ. По выпискамъ изъ подлиннаго дѣла видно, что въ Березовѣ кн. Долгорукіе ѣздили на дѣвичникъ къ одному посадскому человѣку, и кн. Наталья Борисовна подарила невѣстѣ серьги серебряныя вызолоченныя, камку, сѣтку серебряную на чепецъ. Даже и въ наши дни подобные подарки отъ ссыльной произведутъ въ любомъ уѣздномъ городѣ всякаго рода шушуканье. Когда въ 1732 г. у княгини родился второй сынъ кн. Борисъ (умеръ въ младенчествѣ), то крестною матерью упросили быть жену воеводы Ивана Бобровскаго, и подарили ей парчу, насыпанную серебряную (за что потомъ воевода битъ кнутомъ и съ урѣзаніемъ ноздрей сосланъ въ вѣчную работу). Въ 1739 году, по описи прапорщика Челищева, у княгини Натальи Борисовны, уже по разлученіи съ мужемъ, оказалось тонкой парчи по бѣлой землѣ съ золотыми травами 4 аршина, да денегъ 4106 р. 24 к. Это было или наслѣдство отъ свекра и свекрови, или пересланное отъ родныхъ братьевъ изъ Москвы.

за нимъ слѣдомъ, чтобъ изъ глазъ моихъ куда ни ушелъ; и такъ чисто собралась: что имѣла при себѣ, золото, серебро, все отпустила домой къ брату на сохраненіе; довольно моему глупому тогдашнему разсудку, изъяснить вамъ хочу, не токмо бриліантовъ что̀ оставить для себя и всякихъ нуждъ, всякую мелочь, манжеты кружевные, чулки, платки шелковые, сколько ихъ было дюжинъ, все отпустила. Думала, на что мнѣ тамъ? всего не переносить; шубы всѣ обобрала у него и послала домой, потому что они всѣ были богатыя; одинъ тулупъ ему оставила, да себѣ шубу, да платье черное, въ чемъ ходила тогда по государѣ. Братъ прислалъ на дорогу тысячу рублевъ, на дорогу вынула четыреста, а то назадъ отослала; думаю, на что мнѣ такъ много денегъ прожить? Мы поѣдемъ на общемъ коштѣ; мой отъ отца не отдѣленъ. Послѣ уже узнала глупость свою, да поздо было; только на утѣшеніе себѣ оставила одну табакерку золотую, и то для того, что царская милость.

И такъ мы, собравшись, поѣхали; съ нами было собственныхъ людей десять человѣкъ, да лошадей его любимыхъ верховыхъ пять. Я дорогою уже узнала, что я на своемъ коштѣ ѣду, а не на обчемъ. Ѣдемъ въ незнаемое мѣсто, и путь въ самой разливъ, въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ, гдѣ всѣ луга потопляетъ вода, и маленькіе разливы бываютъ озерами; а ѣхать до той деревни, гдѣ намъ жить, восемь сотъ верстъ ([25]). Изъ моей родни никто ко мнѣ не поѣхалъ проститься, или не смѣли, или не хотѣли, Богъ-то разсудитъ; а только со мной поѣхала моя мадамъ, которая за маленькою за мною ходила, иноземка; да дѣвка, которая при мнѣ жила: я и тѣмъ была рада. Мнѣ какъ ни было тяжело, однако принуждена духъ свой стѣснять и скрывать свою горесть для мужа милаго; ему и такъ тяжело, что самъ страждетъ, при томъ же и меня видитъ, что его ради погибаю. Я въ радости ихъ не участница была, а въ горести имъ товарищъ, да еще всѣмъ меньшая, надобно всякому угодить. Я надѣялась на свой нравъ, что я всякому услужу. И такъ, куда мы пріѣдемъ на станъ, пошлемъ закупать сѣно, овесъ лошадямъ. Стала уже и я въ экономію входить; вижу, что денегъ много идетъ Мужъ мой пойдетъ смотрѣть, какъ лошадямъ кормъ задаютъ, и я съ нимъ: отъ скуки что было дѣлать? Да эти лошади право и стоили того, чтобъ за ними смотрѣть; ни прежде, ни послѣ такихъ красавицъ не видала; когда бъ я была живописецъ, не устыдилась бы ихъ потреты написать.

Девяносто верстъ отъ города какъ отъѣхали, въ первой провинціальной городъ пріѣхали: тутъ случилось намъ обѣдать. Вдругъ явился къ намъ капитанъ гвардіи, объявляетъ намъ указъ: велѣно де съ васъ кавалеріи снять ([26]). Въ столицѣ знать стыдились такъ безвинно ограбить, такъ на дорогу выслали. Боже мой, какое это ихъ правосу-

([25]) Князья Долгоруковы, направляясь въ Пензенскую вотчину, поѣхали на Коломну, и оттуда Егорьевскимъ уѣздомъ Рязанской губерніи къ Касимову, подъ которымъ у нихъ было тоже помѣстье. Мѣстность эта изобилуетъ болотами.

([26]) Это былъ манифестъ 14 Апрѣля 1730 г. Его привезъ нашимъ путешественникамъ въ Коломну, посланный отъ Сената капитанъ Преображенскаго полка Петръ Воейковъ.

діе! Мы отдали тотчасъ съ радостію, чтобъ ихъ спокоить; думали, они тѣмъ будутъ довольны, обругали, сосланы; нѣтъ, у нихъ, не то на умѣ. Поѣхали мы въ путь свой, отправивши его, непроходимыми стезями, никто дороги не знаетъ; лошади свои все тяжелыя; кучера только знаютъ, какъ по городу провезти. Настигла насъ ночь, принуждены стать въ полѣ, а гдѣ, не знаемъ, на дорогѣ ли, или свернули, никто не знаетъ, потому что все воду объѣзжали. Стали тутъ, палатки поставили. Это надобно знать, что наша палатка будетъ всѣхъ далѣ поставлена, потому что лучшее мѣсто выберутъ свекру, подлѣ по близости золовкамъ, а тамъ деверьямъ холостымъ, а мы будто иной партіи: послѣднее мѣсто намъ будетъ ([27]). Случалось и въ болотѣ; какъ постелю сымутъ — мокра, иногда и башмаки полны воды. Это мнѣ очень памятно, что весь лугъ былъ зеленой, травы не было, какъ только чеснокъ полевой; и такой былъ духъ тяжелой, что у всѣхъ головы болѣли; и когда мы ужинали, то мы всѣ видѣли, что два мѣсяца взошло, ардинарный большой, а другой подлѣ него поменьше, и мы долго на нихъ смотрѣли, итакъ ихъ оставили, спать пошли. По утру, какъ мы встали, свѣтъ насъ освѣтилъ, удивлялись сами, гдѣ мы стояли: въ самомъ болотѣ и не по дорогѣ; какъ насъ Богъ помиловалъ, что мы гдѣ не увязли ночью; такъ оттудова насилу на прямую дорогу выбились.

Маленькая у насъ утѣха была, псовая охота. Свекоръ превеликій охотникъ былъ: гдѣ случится какой перелѣсочекъ, мѣсто для нихъ покажется хорошо, верхами сядутъ и поѣдутъ, пустятъ гончихъ; только провожденіе было времю, или сказать скукѣ ([28]). А я останусь одна, утѣшу себя, дамъ глазамъ своимъ волю, и плачу сколько хочу.

([27]) Тяжесть обстановки усиливалась для прекрасной и неповинной княгини еще и тѣмъ, что свекоръ не любилъ ея мужа, своего старшаго сына. Еще при жизни Петра II-го, князь Алексѣй Григорьевичъ, недовольный сыномъ, замышлялъ смѣнить его при государѣ, вторымъ своимъ сыномъ Николаемъ. Сестра ихъ, бывшая царская невѣста, открыто враждовала съ кн. Иваномъ. Молодой княгинѣ приходилось выносить всю муку мелочныхъ семейныхъ ссоръ. Опальное семейство, ѣхавшее въ ссылку, состояло изъ 1) отца, князя Алексѣя Григорьевича недавно дѣств. т. совѣтника и члена верховн. тайнаго совѣта. По согласному показанію современниковъ онъ былъ человѣкъ ненасытнаго корыстолюбія. 2) матери, княгини Прасковьи Юрьевны урожд. Хилковой, 3 и 4) князя Ивана 22-хъ лѣтъ и супруги его, нашей княгини Натальи Борисовны, 16-ти лѣтъ, 5) княжны Екатерины, бывшей царской невѣсты, 18-ти лѣтъ (по сказанію иностранцевъ, только что разрѣшившейся отъ бремени), 6) кн. Николая, 17-ти лѣтъ (мужское потомство его вымерло) 7) княжны Елены, 15-ти лѣтъ, бывшей потомъ за мужемъ за кн. Ю. Ю. Долгорукимъ же, 8) князя Алексѣя, 14-ти лѣтъ (отъ него осталось большое потомство, и сынъ его кн. Алексѣй Алексѣевичъ былъ впослѣдствіи министромъ юстиціи), 9) княжны Анны и 10) кн. Александра, 12-ти лѣтъ (отъ него есть мужское потомство).

([28]) Слабыя воспоминанія недавнихъ великолѣпныхъ охотъ, на которыхъ кн. Алексѣй Григорьевичъ созидалъ свое благополучіе! Охоты эти, не смотря на тогдашнюю бездорожицу, производились за сотню верстъ отъ Москвы. Покойный А. С. Хомяковъ разсказывалъ по преданію, что Петръ II-й охотился даже въ Чернскомъ уѣздѣ, и городу Черни дана была похвальная грамота, въ которой упоминалось о водившихся тамъ отличныхъ русакахъ. Вѣрно ли это преданіе, не знаемъ; но, живя зимою 1729 года довольно долгое время въ Тулѣ, Петръ II-й дѣйствительно могъ охотиться въ Чернскомъ уѣздѣ

Въ одинъ день такъ случилось, мой товарищъ поѣхалъ верхомъ, а я осталась въ слезахъ. Очень уже поздо, стало смеркаться, и гораздо уже темно; вижу, противъ меня скачутъ двое верховые, прискакали къ моей каретѣ, кричатъ: стой! Я удивилась; слышу голосъ мужа моего и съ меньшимъ братомъ, который весь мокръ. Говоритъ мнѣ мужъ: вотъ онъ избавилъ меня отъ смерти. Какъ же я испужалась! Какъ де мы поѣхали отъ васъ, и все разговаривали, и сшиблись съ дороги; видимъ мы, за нами никого нѣтъ; вотъ мы по лошадямъ ударили, чтобъ скорѣе кого своихъ наѣхать; видимъ, что поздо; пріѣхали къ ручью, казался очень мелокъ; такъ мой мужъ хотѣлъ напередъ ѣхать опробовать, какъ глубокъ. Такъ бы они конечно утонули, потому что тогда подъ нимъ лошадь была не проворна, и онъ былъ въ шубѣ; братъ его удержалъ, говоритъ: постой! на тебѣ шуба тяжела, а я въ одномъ кафтанѣ, подо мною же и лошадь добра, она меня вывезетъ, а послѣва переѣдете. Какъ это выговоря, тронулъ свою лошадь; она передними ногами ступила въ воду, а задними уже не успѣла, какъ ключъ ко дну; такъ крутоберего было и глубоко, что не могла задними ногами справиться, одна только шляпа поплыла; однако она очень скоро справилась, лошадь была проворная; а онъ крѣпко на ней сидѣлъ, за гриву ухватился. По счастію ихъ, человѣкъ ихъ наѣхалъ, который отъ нихъ отсталъ; видя ихъ въ такой бѣдѣ, тотчасъ кафтанъ долой, бросился въ воду; онъ умѣлъ плавать, ухватилъ за волосы и притащилъ къ берегу. И такъ Богъ его спасъ животъ, и лошадь выплыла. Такъ испужалась и плачу, и дрожу вся; побожилась, что я его никогда верхомъ не пущу; спѣшили скорѣе доѣхать до мѣста, на силу его отогрѣли, въ деревню пріѣхавши.

Послѣ, нѣсколько дней спустя, пріѣхали мы ночевать въ одну маленькую деревню, которая на самомъ берегу рѣки, а рѣка преширокая; только что мы расположились, палатки поставили, идутъ къ намъ множество мужиковъ, вся деревня, валяются въ ноги, плачутъ, просятъ: спасите насъ! сегодня къ намъ подкинули письмо; разбойники хотятъ къ намъ пріѣхать, насъ всѣхъ побить до смерти, а деревню сжечь; помогите вы намъ! у васъ есть ружья; избавьте насъ отъ напрасной смерти, намъ оборониться нечѣмъ; у насъ кромѣ топоровъ ничего нѣтъ; здѣсь воровское мѣсто; на этой недѣлѣ здѣсь въ сосѣдствѣ деревню совсѣмъ раззорили; мужики разбѣжались, а деревню сожгли. Ахъ, Боже мой! какой же на меня страхъ пришелъ; боюсь до смерти разбойниковъ; прошу, чтобъ уѣхать оттудова; никто меня не слушаетъ. Всю ночь не спали, пули лили, ружья заряжали, и такъ готовились на драку; однако Богъ избавилъ насъ отъ той бѣды: можетъ быть, они и подъѣзжали водою, да побоялись, видя такій великій обозъ, или и не были. Чего же мнѣ эта ночь стоила! Не знаю, какъ я ее пережила; рада, что свѣту дождалась. Слава Богу! уѣхали.

И такъ мы три недѣли путались и пріѣхали въ свои деревни, которыя были на половинѣ дороги, гдѣ намъ опредѣлено было жить.

Пріѣхавши, мы расположились на нѣсколько время прожить, отдохнуть намъ и лошадямъ; я очень ра-

да была, что въ свою деревню прiѣхали (29). Казна моя уже очень истончала; думала, что моимъ расходамъ будетъ перемѣна, не все буду покупать, по крайней мѣрѣ сѣна лошадямъ не куплю; однако я не долго объ этомъ думала; не больше мы трехъ недѣлей тутъ прожили, паче чаянiя нашего вдругъ ужасное нѣчто насъ постигло. Только что мы отобѣдали — въ эвтомъ селѣ былъ домъ господскiй, и окна были на большую дорогу: — взглянула я въ окно, вижу я пыль великую по дорогѣ; видно изъ далека, что очень много ѣдутъ и очень скоро бѣгутъ. Какъ стали подъѣзжать, видно, что все телѣги парами, позади коляска.... (30); всѣ наши бросились смотрѣть; увидѣли, что прямо къ нашему дому ѣдутъ: въ коляскѣ офицеръ гвардiи, а по телѣгамъ солдаты, двадцать четыре человѣка (31). Тотчасъ узнали мы свою бѣду, что еще ихъ злоба на насъ не умаляется, а больше умножается. Подумайте, что̀ я тогда была! Упала на стулъ; а какъ опомнилась, увидѣла полны хоромы солдатъ. Я уже ничего не знаю, что̀ они объявили свекру; а только помню, что я ухватилась за своего мужа, и не отпускаю отъ себя; боялась, чтобъ меня съ нимъ не разлучили. Великiй плачъ сдѣлался въ домѣ нашемъ; можно ли ту бѣду описать? Я не могу ни у кого доспроситься, что̀ будетъ съ нами, не разлучатъ ли насъ. Великая сдѣлалась тревога; домъ былъ большой, людей премножество, бѣгутъ всѣ съ квартиръ, плачутъ, припадаютъ къ господамъ своимъ, всѣ хо̀тятъ быть съ ними неразлучно; женщины какъ есть слабыя сердца, тѣ кричатъ, плачутъ. Боже мой, какой это ужасъ! Кажется бы, и варваръ, глядя на это жалкое позорище, умилосердился. Насъ уже на квартиру не отпущаютъ; какъ я и прежде писала, что мы вездѣ на особливыхъ квартирахъ стояли, такъ не помѣстились въ одномъ домѣ; мы стояли у мужика на дворѣ, а спальня наша была сарай, гдѣ сѣно кладутъ. Поставили у всѣхъ дверей часовыхъ, примкнуты штыки. Боже мой, какой это страхъ! Я отъ роду ничего подобнаго этому не видала и не слыхала. Велѣли наши командиры кареты задавать; видно, что хотятъ насъ везти, да не знаемъ куда. Я такъ ослабѣла отъ страху, что на ногахъ не могу стоять.

Войдите въ мое состоянiе, каково мнѣ тогда было! Только меня и пободряло, что онъ со мною, и всѣ, видя меня въ таковомъ состоянiи, увѣряютъ, что съ нимъ неразлучна буду. Я бы хотѣла самого офицера спросить, да онъ со мною не говоритъ, кажется неприступный; придетъ ко мнѣ въ горницу, гдѣ я сижу, поглядитъ на меня, плечами пожметъ, вздохнетъ и прочь пойдетъ, а я спросить его не осмѣлюсь.

Вотъ уже къ вечеру велятъ намъ въ кареты садиться и ѣхать. Я уже опомнилась, и стала просить, чтобъ

(29) Въ село Селище, въ 6 верстахъ отъ города Касимова по дорогѣ въ Елатьму, нынѣ слишкомъ 500 душъ обоего пола и одна церковь (См. Списки, населен. м. Р. имп. Ряз. губ. Спб. 1862, стр. 62). Село Селище съ деревнями теперь принадлежитъ Е. А. Пряженцовой и Н. А. Чебышевой.

(30) Въ подлинникѣ два слова нельзя разобрать.

(31) По выпискамъ изъ подлиннаго дѣла видно, что это было 20 iюня; въ Селище прiѣхалъ за кн. Долгоруковыми капитанъ-поручикъ Артемiй Макшеевъ, который 24 iюня и повезъ ихъ въ Сибирь. Выѣзжая изъ подъ Касимова, кн. Наталья Борисовна писала къ брату своему гр. Петру Борисовичу письмо о присылкѣ денегъ.

меня отпустили на квартиру собраться; офицеръ дозволилъ. Какъ я пошла, и два солдата за мною; я не помню, какъ меня мой мужъ довелъ до сарая того, гдѣ мы стояли. Хотѣла я съ нимъ поговорить и свѣдать, чтò съ нами дѣлается; а солдатъ тутъ, ни пяди отъ насъ не отстаетъ; подумайте, какое жалостное состояніе! И такъ я ничего не знаю, чтò далѣе съ нами будетъ. Мои домашніе собрались; я уже ничего не знаю; они сѣли въ карету и поѣхали; рада я тому, что я одна съ нимъ, можно мнѣ говорить, а солдаты всѣ за ними поѣхали. Тутъ уже онъ мнѣ сказалъ: офицеръ объявилъ, что велѣно васъ подъ жестокимъ карауломъ везти въ дальніе городы, а куда — не велѣно сказывать. Однако свекоръ мой умилостивилъ офицера и привелъ его на жалость; сказалъ: что насъ везутъ въ островъ (32), которой состоитъ отъ столицы четыре тысячи верстъ и больше, и тамъ насъ подъ жестокимъ карауломъ содержать, къ намъ никого не допущать, ни насъ никуда, кромѣ церкви; переписки ни съ кѣмъ не имѣть, бумаги и чернилъ намъ не давать. Подумайте, каковы мнѣ эти вѣсти; первое, лишилась дому своего и всѣхъ родныхъ своихъ оставила; я же не буду и слышать объ нихъ, какъ они будутъ жить безъ меня; братъ меньшій мнѣ былъ, который меня очень любилъ; сестры маленькія остались. О Боже мой, какая это тоска пришла! Жалость, сродство, кровь вся закипѣла отъ несносности. Думаю я, уже никого не увижу своихъ, буду жить въ странствіи; кто мнѣ поможетъ въ напастяхъ моихъ, когда они не будутъ и вѣдать обо мнѣ, гдѣ я; когда я ни съ кѣмъ не буду корешпонденціи имѣть, или переписки; хотя я какую нужду ни буду терпѣть, руки помощи никто мнѣ не подастъ; а можетъ быть, имъ тамъ скажутъ, что я уже умерла, что меня и на свѣтѣ нѣтъ; они только поплачутъ, и скажутъ: лучше ей умереть, а не цѣлый вѣкъ мучиться! Съ этими мыслями ослабѣли всѣ мои чувства, онѣмѣли, а послѣ полились слезы.

Мужъ мой очень испужался и жалѣлъ послѣ, что мнѣ сказалъ правду; боялся, чтобъ я не умерла; истинная его ко мнѣ любовь принудила духъ свой стѣснить и утаевать эту тоску, и перестать плакать; и должна была его еще подкрѣплять, чтобъ онъ себя не сокрушилъ: онъ всего свѣту дороже былъ. Вотъ любовь до чего довела: все оставила, и честь, и богатство, и сродниковъ, и страждe съ нимъ, и скитаюсь; этому причина — все непорочная любовь, которой я не постыжусь ни передъ Богомъ, ни передъ цѣлымъ свѣтомъ, потому что онъ одинъ въ сердцѣ моемъ былъ; мнѣ казалось, что онъ для меня родился, и я для него, и намъ другъ безъ друга жить нельзя. И по сей часъ въ одномъ разсужденіи, и не тужу, что мой вѣкъ пропалъ; но благодарю Бога моего, что Онъ мнѣ далъ знать такого человѣка, который того стòилъ, чтобъ мнѣ за любовь жизнію своею заплатить, цѣлый вѣкъ странствовать и великія бѣды сносить, могу сказать, безпримѣрныя бѣды. Послѣ услышите, ежели слабость моего здоровья допуститъ всѣ мои бѣды описать.

(32) Городъ Березовъ дѣйствительно стоитъ на острову, образуемомъ рѣками Сосвою и Вогулкою. По академическому календарю на 1866 г. въ немъ жителей и нынѣ всего 1462.

И такъ насъ довезли до города ([33]). Я вся расплакана; свекоръ мой очень испужался, видя меня въ таковомъ состояніи; однако говорить было нельзя, потому что офицеръ самъ тутъ съ нами и унтеръ-офицеръ; поставили насъ уже вмѣстѣ, а не на розныхъ квартирахъ, и у дверей поставили часовыхъ, примкнуты штыки.

Тутъ мы жили съ недѣлю, покамѣстъ изготовили судно, на чемъ насъ везти водою. Для меня все это ужасно было; должно было молчаніемъ покрывать. Моя воспитательница, которой я отъ матери своей препоручена была, не хотѣла меня оставить, со мною и въ деревню поѣхала; думала она, что тамъ злое время проживемъ; однако не такъ сдѣлалось, какъ мы думали, принуждена меня покинуть. Она человѣкъ чужестранный, не могла эти суровости понести; однако, сколько можно ей было, эти дни старалась, ходила на то безчастное судно, на которомъ насъ повезутъ; все тамъ прибирала, стѣны обивала, чтобы сырость сквозь не прошла, чтобъ я не простудилась; павильонъ поставила, чуланчикъ загородила, гдѣ намъ имѣть свое пребываніе, и все то оплакивала.

Пришелъ тотъ горестный день, какъ намъ надобно ѣхать; людей намъ дали для услугъ 10 человѣкъ, а женщинъ на каждую персону по человѣку, всѣхъ пять человѣкъ. Я хотѣла свою дѣвку взять съ собою, однако золовки мои отговорили; для себя включили въ то число свою; а мнѣ дали дѣвку, которая была помощницей у прачекъ, ничего сдѣлать не умѣла, какъ только платье мыть; принуждена я имъ въ томъ была согласиться. Дѣвка моя плачетъ, не хочетъ отъ меня отстать; я уже ее просила, чтобъ она мнѣ больше не скучала; пускай такъ будетъ, какъ судьба опредѣлила. И такъ я хорошо собралась; ниже рабы своей не имѣла, денегъ ни полушки; сколько имѣла при себѣ оная моя воспитательница при себѣ денегъ, мнѣ отдала; сумма не очень велика была, шестьдесятъ рублевъ; съ тѣмъ я и поѣхала. Я уже не помню, пѣшкомъ ли мы шли до судна, или ѣхали; недалеко рѣка была отъ дому нашего; пришло мнѣ тутъ разставаться съ своими, потому что дозволено было имъ насъ проводить. Вошла я въ свой каютъ; увидѣла, какъ онъ прибранъ; сколько можно было, помогала моему бѣдному состоянію; пришло мнѣ вдругъ ее благодарить за ея ко мнѣ любовь и воспитаніе, тутъ же и прощаться, что я уже ее въ послѣдній разъ вижу; ухватились мы другъ другу за шеи, и такъ руки мои замерли, и я не помню, какъ меня съ нею растащили ([34]). Опомнилась я въ каютѣ, или въ чуланѣ; лежу на постелѣ, и мужъ мой надо мной стоитъ, за руку держитъ, нюхать спиртъ даетъ; я вскочила съ постели, бѣгу въ верхъ, думаю, еще хотя разъ увижу—ниже мѣста того знать: далеко уплыли. Тогда я потеряла перло жемчужное, которое было у меня на рукѣ; знать я его въ воду опустила, когда я съ своими прощалась; да мнѣ уже и не жаль было, не до него: жизнь тратится. Такъ я и осталась одна, всѣхъ лишилась для одного человѣка. И такъ мы плыли всю ту ночь. ([35])

([33]) Т. е. до Касимова.

([34]) Имя этой воспитательницы намъ неизвѣстно.

([35]) По выпискамъ изъ слѣдственнаго дѣла видно, что капитанъ-поручикъ Артемій Мак-

На другой день сдѣлался великій вѣтеръ, буря на рѣкѣ, громъ, молнія; гораздо звончѣе на водѣ, нежели на землѣ; а я съ природы грому боюсь. Судно вертитъ съ боку на бокъ: какъ громъ грянетъ, то и попадаютъ люди. Золовка меньшая очень боялась, та плачетъ и кричитъ. Я думала свѣту преставленіе! Принуждены были къ берегу пристать. И такъ всю ночь въ страхѣ безъ сна препроводили. Какъ скоро разсвѣло, погода утихла, мы поплыли въ путь свой, и такъ мы три недѣли ѣхали водою; когда погода тихая, я тогда сижу подъ окошкомъ въ своемъ чуланѣ; когда плачу, когда платки мою: вода очень близка; а иногда куплю осетра, и на веревку его; онъ со мною рядомъ плыветъ, чтобъ не я одна невольница была, и осетръ со мною; а когда погода станетъ вѣтромъ судно шатать, тогда у меня станетъ голова болѣть и тошниться; тогда выведутъ меня на верхъ на палубу, и положатъ на вѣтру; и я до тѣхъ поръ безъ чувства лежу, покамѣстъ погода утихнетъ и покроютъ меня шубою: — на водѣ вѣтры очень проницательны. Иногда и онъ для компаніи подлѣ меня сидитъ. Какъ пройдетъ погода, отдохну; только ѣсть ничего не могла, все тошнилось ([36]).

Однажды что съ нами случилось:— погода жестокая поднялась, а знающаго никого нѣтъ, кто бъ зналъ, гдѣ глубь, гдѣ мель, и гдѣ можно пристать, ничего никто не знаетъ, а такъ все мужики набраны изъ сохи, плывутъ куда вѣтеръ несетъ, а темно ужъ становится, ночь близка, не могутъ нигдѣ пристать къ берегу, погода не допускаетъ; якорь бросили середи рѣки въ самую глубь: якорь оторвало. Мой сострадалецъ меня тогда не пустилъ на верхъ; боялся, чтобъ въ этомъ шумѣ меня не задавили; люди и работники всѣ по судну бѣгаютъ: кто воду выливаетъ, кто якорь привязываетъ, и такъ всѣ въ работѣ. Вдругъ нечаянно притянуло наше судно въ заливъ; ничто не успѣло; я слышу, что сдѣлался великій шумъ, а не знаю что. Я встала посмотрѣть: наше судно стоитъ какъ въ ящикѣ, между двухъ береговъ. Я спрашиваю, гдѣ мы; никто сказать не умѣетъ, сами не знаютъ; на одномъ берегу все березникъ, такъ какъ надобно рощѣ не очень густой: стала эта земля осѣдать и съ лѣсомъ нѣсколько саженъ опускаться въ рѣку, или въ заливъ, гдѣ мы стоимъ; и такъ ужасно лѣсъ зашумитъ подъ самое наше судно; и такъ насъ къ верху подыметъ, и насъ въ тотъ ущербъ втянетъ. И такъ было очень долго; думали все, что мы пропали; и командиры наши совсѣмъ были готовы спасать свой животъ на лодкахъ, а насъ оставить погибать. Наконецъ

шеевъ повезъ князей Долгоруковыхъ 24 іюня (1730) на стругахъ Окою. 26 іюня приплыли они въ Муромъ, 28 въ Нижній, 2 іюля въ Казань, 13 іюля поплыли по Камѣ, 1 августа въ Соликамскѣ сѣли на подводы. 3 августа въ деревнѣ Сурмагахъ нагналъ ихъ нарочный отъ Сената прапорщикъ Любовниковъ, который описалъ все бывшее съ ними имущество, но не отбиралъ. 24 августа чрезъ Верхотурье прибыли они въ Тобольскъ, а оттуда поѣхали въ Березовъ съ капитаномъ Сибирскаго гарнизона Петромъ Шарыгинымъ, 1 сержантомъ, 1 капраломъ и 24 человѣками солдатъ. 24 сентября Макшеевъ оставилъ ихъ въ Березовѣ, а самъ уѣхалъ въ Москву.

([36]) Княгиня была тогда беременна первымъ ребенкомъ, кн. Михаиломъ Ивановичемъ, родившимся въ Березовѣ 2 апрѣля 1731 года.

уже столько много этой земли оторвало, что видна стала за оставшей малою самою частію земли вода; надобно думать, что озеро; когдабъ еще этотъ остатокъ оторвало, то надобнобъ намъ въ томъ озерѣ быть. Вѣтеръ преужасный тогда былъ; думаю, чтобъ намъ тогда конецъ былъ, когдабъ не самая милость Божія поспѣшила. Вѣтеръ сталъ утихать, и землю перестало рвать, и мы избавились той бѣды, выѣхали на свѣту на свой путь, изъ онаго заливу въ большую рѣку пустились. Этотъ водяной путь много живота моего унесъ. Однако все переносила, всякіе страхи, потому что еще не конецъ моимъ бѣдамъ былъ; на бóльшія готовилась, для того меня Богъ и подкрѣплялъ.

Доѣхали мы до города ([37]) гдѣ надобно намъ выгружаться на берегъ, и ѣхать сухимъ путемъ; я была и рада, думала такихъ страховъ не буду видѣть; послѣ узнала, что мнѣ нигдѣ лучшаго нѣтъ: не на то меня судьба опредѣлила, чтобъ покоиться! Какая же это дорога? Триста верстъ должно было переѣхать горами, верстъ по пяти на горы, и съ горы также; они же какъ усыпаны дикимъ камнемъ, а дорожка такая узкая, въ одну лошадь только впряжено, что̀ называется гусемъ, потому что по обѣ стороны рвы, ежели въ двѣ лошади впрячь, то одна другую въ ровъ спихнетъ; оные же рвы лѣсомъ обросли. Не можно описать, какой они вышины; какъ взъѣдешь на самый верхъ горы, и посмотришь по сторонамъ, неизмѣримая глубина; только видны одни вершины лѣсу, все сосна да дубъ; отъ роду такого высокаго и толстаго лѣсу не видала. Эта каменная дорога, я думала, что у меня сердце оторветъ; сто разъ я просилась: дайте отдохнуть! Никто не имѣетъ жалости; а спѣшатъ какъ можно наши командиры, чтобъ домой возвратиться; а надобно ѣхать по цѣлому дню, съ утра до ночи, потому что жилья нѣтъ, а черезъ сорокъ верстъ поставлены маленькіе домики, для пристанища проѣзжавшимъ и для корму лошадямъ. Что случилось? Одинъ день весь шелъ дождь и такъ насъ вымочилъ, что какъ мы вышли изъ колясокъ, то съ головы и до ногъ съ насъ текло, какъ изъ рѣки вышли; коляски были маленькія, кожи всѣ примокли, закрыться не чѣмъ; да и пріѣхавши на квартиру обсушиться не гдѣ, потому что одна только хижина, а фамилія наша велика, всѣ хотятъ покою. Со мною и тутъ несчастье пошутило. Повадка или привычка прямо ходить; меня за то съ малу били: ходи прямо, притомъ же и росту я не малаго была: какъ только въ ту хижину вошла, гдѣ намъ ночевать, только черезъ порогъ переступила, назадъ упала, ударилась объ матицу, она была очень низка; такъ крѣпко, что я думала, что съ меня голова спала. Мой товарищъ испужался; думалъ, я умерла; однако молодость лѣтъ все мнѣ сносить помогала, всякія бѣдственныя приключенія; а бѣдная свекровь моя такъ простудилась отъ этой мокроты, что и руки и ноги отнялись, и черезъ два мѣсяца животъ свой окончила. Не можно всего описать, сколько я въ эвтой дорогѣ обезпокоена была, какую нужду терпѣла: пускай бы я одна въ страданіи была, товарища своего не могу видѣть безвинно-страждующаго.

([37]) Соликамска.

Сколько мы въ эвтой дорогѣ были недѣль, не упомню. Доѣхали до провинціальнаго города того острова, гдѣ намъ опредѣлено жить. Сказали намъ, что путь до того острова водою, и тутъ будетъ перемѣна; офицеръ гвардейскій поѣдетъ возвратно, а насъ препоручатъ тутошняго гварнизона офицеру, съ командою 24 человѣка солдатъ. Жили мы тутъ недѣлю, покамѣстъ исправили судно, на которомъ намъ ѣхать, и сдавали насъ съ рукъ на руки какъ арестантовъ. Это столько жалко было, что и каменное сердце умягчилось; плакалъ очень при разставаніи офицеръ, и говорилъ: таперь то вы натерпитесь всякаго горя; эти люди необычайные; они съ вами будутъ поступать, какъ съ подлыми, никакого снисхожденія отъ нихъ не будетъ. И такъ мы всѣ плакали, будто съ сродникомъ разставались. По крайней мѣрѣ привыкли къ нему; какъ ни худо было, да онъ насъ зналъ въ благополучіи, такъ нѣсколько совѣстно было ему сурово съ нами поступать. Какъ исправились съ судномъ, новой командиръ повелъ насъ на судно; процессія изрядная была, за нами толпа солдатъ идетъ съ ружьемъ, какъ за разбойниками. Я уже шла, внизъ глаза опустивъ, не оглядывалась; смотрѣльщиковъ премножество по той улицѣ, гдѣ насъ ведутъ. Пришли мы къ судну; я ужаснулась, какъ увидѣла, великая розница съ прежнимъ; отъ небреженія дали самое негодное, худое; такъ по имени нашему и судно; хотя бы на другой день пропàсть; какъ мы тогда назывались арестанты, инаго имени не было;—что уже въ свѣтѣ этаго титула хуже? Такое намъ и почтеніе! Все судно изъ пазовъ доски вышли; насквозь диры свѣтятся; а хотя немножко вѣтеръ, такъ все судно станетъ скрыпѣть; оно же черное, закоптѣлое; какъ работники раскладывали въ немъ огонь, такъ оно и осталось, самое негодное, никто бы въ немъ не поѣхалъ. Оно было отставное, опредѣлено на дрова; да какъ очень заторопили, не смѣли долго насъ держать, какое случилось, такое и дали; а можетъ быть и нарочно приказано было, чтобъ насъ утопить; однако, какъ не воля Божія, доплыли до показаннаго мѣста живы.

Принуждены были новому командиру покоряться; всѣ способы искали, какъ бы его приласкать; не могли найтить, да въ комъ и найтить? Дай Богъ и горе терпѣть, да съ умнымъ человѣкомъ! Какой этотъ глупой офицеръ былъ: изъ крестьянъ да заслужилъ чинъ капитанскій; онъ думалъ о себѣ, что онъ очень великій человѣкъ, и, сколько можно, надобно насъ жестоко содержать, яко преступниковъ. Ему казалось подло съ нами и говорить; однако со всею своею спѣсью ходилъ къ намъ обѣдать. Изобразите это одно, сходственно ли съ умнымъ человѣкомъ, въ чемъ онъ хаживалъ: епанча солдатская на одну рубашку, да туфли на босу ногу, и такъ съ нами сидитъ? Я была всѣхъ моложе и не воздержна; не могу терпѣть, чтобъ не смѣяться, видя такую смѣшную позитуру; онъ, это видя, что я ему смѣюсь, или то удалось ему примѣтить, говоритъ, смѣяся: „Теперь счастлива ты, что у меня книги сгорѣли, а то бы съ тобою сговорилъ!“ Какъ мнѣ ни горько было, только я старалась его больше ввести въ разговоръ; только больше онъ мнѣ ничего не сказалъ. Подумайте, кто намъ командиръ былъ, и кому были препору-

чены, чтобъ онъ усмотрѣлъ, когда бъ мы что̀ намѣрены были сдѣлать. Чего они боялись? Чтобъ мы не ушли? Ему ли смотрѣть? Насъ не караулъ ихъ держалъ, а держала насъ невинность наша; думали, что со временемъ осмотрятся и возвратятъ насъ въ первое наше состояніе. Притомъ же мѣшало много, и фамилія очень велика была. И такъ мы съ этимъ глупымъ командиромъ плыли цѣлый мѣсяцъ до того города, гдѣ намъ жить.....

Тутъ прерывается разсказъ княгини Н. Б. Долгоруковой. Что слѣдуетъ дальше, содержитъ въ себѣ нѣкоторыя повторенія, написано вѣроятно послѣ, и еще никогда не было напечатано.

Господи Іисусе Христе, Спаситель мой, прости мое дерзновеніе, что скажу съ Павломъ апостоломъ: бѣды въ горахъ, бѣды въ вертепахъ, бѣды отъ сродникъ, бѣды отъ разбойникъ, бѣды и отъ домашнихъ. За все благодарю моего Бога, что не попустилъ меня вкусить сладости міра сего. Что есть радость, я ея не знаю. Отецъ мой Небесный предвидѣлъ во мнѣ, что я поползновенна ко всякому злу, не попустилъ меня душою погибнуть; всячески меня смирялъ и всѣ пути мои ко грѣху пресѣкалъ; но я, окаянная и многогрѣшная, не съ благодареніемъ принимала и всячески роптала на Бога, и не вмѣняла себѣ въ милость, но въ наказаніе; но Онъ, яко Отецъ милостивый, терпѣлъ моему безумію и творилъ волю Свою во мнѣ. Буди имя Господне благословенно отнынѣ и до вѣка. Пресвятая Владычица Богородица, не остави въ страшный часъ смертный!

Какая бѣда въ свѣтѣ меня миновала или печаль, не знаю. Когда соберу въ память всю свою изъ младенческихъ лѣтъ жизнь, удивляюсь сама себѣ, какъ я эти всѣ печали снесла, какъ я всѣ бѣды пересилила, не умерла, ни ума не лишилась: все-то милосердіемъ Божіимъ и Его руководствомъ подкрѣплена была. Съ четырехъ лѣтъ стала сиротою; съ 15 лѣтъ невольницею; заключена была въ маленькомъ пустомъ мѣстечкѣ, гдѣ съ нуждою имѣть можно пропитаніе; сколько жъ я видѣла страховъ, сколько претерпѣла нуждъ! Будучи въ пути случилося ѣхать мнѣ горами триста верстъ безпрерывно, съ горы да на гору верстъ по пяти. Этижъ горы усыпаны природнымъ дикимъ камнемъ, а дорожки такія узкія, что въ одну лошадь впряжено; а по обѣ стороны рвы глубокіе и лѣсомъ обросли; а ѣхать надобно цѣлый день, съ утра до ночи, потому что жилья нѣтъ, а черезъ сорокъ верстъ поставлены маленькіе дворики для пристанища и корму лошадей. Я и тогда думала, что меня живую не довезутъ. Всякой разъ что на камень колесо взъѣдитъ и съѣдитъ, то меня въ коляскѣ ударитъ что, такъ больно треснетъ, кажется будто сердце оторвалось. Между тѣмъ одинъ день случилось, что цѣлый день дождь шелъ и такъ насъ вымочилъ, что какъ мы вышли изъ колясокъ, то съ головы до ногъ съ насъ текло, какъ бы мы изъ рѣки вышли; коляски были маленькія, кожи всѣ промокли, закрыться не чѣмъ, да и пріѣхавши на квартиры обсушиться негдѣ, потому что одна только изба, а фамилія наша велика, всѣ хотятъ покою. Довольно бы и того мнѣ, что я пропала и такую нужду терплю, такъ забывъ себя жаль товарища своего: не могу видѣть его въ таковомъ безвин-

номъ страданіи. Разсудилось нашимъ командирамъ перемѣнить намъ трактъ и вести насъ водою, или такъ и надобно было; я и рада была. Думала, мнѣ легче будетъ. Я и отъ роду по водѣ не ѣзжала и большихъ рѣкъ, кромѣ Москвы-рѣки, не видала(38). Первое, какъ мы тогда назывались арестанты, это имя уже хуже всего въ свѣтѣ. Съ небреженіемъ, какое случилось дали намъ судно худое, что всѣ доски и изъ чего оно сдѣлано разсохлись, потому что оно старое. Въ него насъ и посадили, а караульные господа офицеры для своего спасенія набрали лодокъ и ведутъ за собою. Что жъ я тутъ какого страху набралась! Какъ станетъ вѣтеръ судно наше поворачивать, оно и станетъ скрыпѣть: всѣ доски станутъ раздвигаться, а вода и польетъ въ судно. А меня за мертво положутъ на палубу на верхъ; безгласно лежу, покудова все утихнетъ и перестанетъ волнами судно качать. Тогда меня внизъ сведутъ. И уже такъ было страшно, ни рабы своей не имѣла. Однажды что случилось: погода жестокая поднялась и бьетъ насъ жестоко, а знающаго никого нѣтъ, ктобъ зналъ гдѣ глубь, гдѣ мель, гдѣ пристать; ничего того нѣтъ, а такъ все мужичье, плывутъ куда вѣтеръ гонитъ, а темно; уже ночь становится; не могутъ нигдѣ пристать; якорь бросили посреди рѣки—не держитъ, оторвало и якорь. Меня тогда еще не пустилъ мой сострадалецъ на верхъ; а положилъ меня въ чуланѣ, который для насъ сдѣланъ былъ, дощечками огороженъ, на кровать, и такъ за мертво лежу; слышу я вдругъ: насъ какъ дернуло, и всѣ стали кричать, шумъ превеликой сталъ. Что же это за крикъ? Всѣ испужались; нечаянно наше судно притянуло или прибило въ заливъ, и мы стали между береговъ, на которыхъ лѣсъ и большія березы. Вдругъ стала это земля осѣдать нѣсколько сажень и съ деревьями опускаться въ воду, и такъ ужасно лѣсъ зашумѣлъ, подъ самое наше судно, и такъ насъ къ верху подыметъ, тотчасъ насъ въ тотъ ущербъ втянетъ. И такъ было очень долго, и думали, что пропали, и командиры наши были совсѣмъ готовы спасать свои животы на лодкахъ, а насъ оставлять погибать; наконецъ уже видно стало, какъ эту землю все рвало, что осталось ея очень мало, а за нею вода, не видно ни берегу ни . . . . . .(39) а думаютъ, что надобно быть озеру. Когда бъ еще этотъ остатокъ оторвало, то надобно бъ намъ быть въ этомъ озерѣ. Вѣтеръ преужасной. Тогда то я думала, что свѣту преставленіе, не знала что дѣлать, ни лежать ни сидѣть не могла, только Господь милосердіемъ своимъ спасъ нашъ животъ. У работниковъ была икона Николы Чудотворца, которую вынесли на палубу и стали молиться: тотъ же часъ сталъ вѣтеръ утихать, и землю перестало рвать, и такъ насъ Богъ вынесъ (40). Съ апрѣля по сентябрь были въ дорогѣ. Всего много было: великіе страхи, громы, молніи, вѣтры чрезвычайные! Съ такимъ трудомъ довезли насъ въ маленькой городокъ, который сидитъ на острову; кругомъ вода, жители въ немъ самый подлый народъ,

(38) Это заставляетъ предполагать, что кн. Н. Б. Долгорукова родилась въ Москвѣ и съ родителями не живала въ Петербургѣ.

(39) Въ подлинникѣ неразобранное слово.

(40) Св. Николаю Чудотворцу, изъ глубокой древности, молятся о спасеніи отъ бѣдъ на водѣ.

ѣдятъ рыбу сырую, ѣздятъ на собакахъ, носятъ оленьи кожи: какъ съ него сдерутъ не разрѣзавши брюха, такъ и надѣнутъ, переднія ноги вмѣсто рукавовъ; избы кедровыя, окончины ледяныя, вмѣсто стекла; зимы 10 мѣсяцевъ или 8; морозы несносные, ничего не родится, ни хлѣба, никакого фрукту — ниже капусты. Лѣса непроходимые да болоты, хлѣбъ привозятъ водою за тысячу верстъ. До такого мѣстечка доѣхали, что ни пить, ни ѣсть, ни носить нечего. Ничего не продаютъ, ниже калача; тогда я плакала, для чего меня рѣки не утопили или не залили! Не можно жить въ такомъ дурномъ мѣстѣ. Не можно всего страданія моего описать и бѣдъ, сколько я ихъ перенесла. Что всего тошнѣе было, для кого пропала? И всѣ эти напасти несла и что въ свѣтѣ милѣе было, тѣмъ я не утѣшилась, а радость моя была съ горестью смѣшана всегда: былъ болѣнъ отъ несносныхъ бѣдъ, источники его глазъ не пересыхали [41]. Жалость его сердце съѣдала, видѣвъ меня въ такомъ жалкомъ состояніи; молитва его предъ Богомъ была неусыпная; постъ и воздержаніе нелицемѣрные; милостыня всегдашняя, не отходилъ отъ него просящій никогда тощъ; правило имѣлъ монашеское, безпрестанно въ церкви, всѣ посты пріобщался Святыхъ Таинъ и всю свою печаль возверзилъ на Бога; злобы ни на кого не имѣлъ, никому зла не помнилъ и всю свою бѣдственную жизнь препроводилъ христіански и въ заповѣдяхъ Божіихъ; и ничего на свѣтѣ не просилъ у Бога какъ только царствія небеснаго, въ чемъ и не сомнѣваюсь. Я не постыжусь описать его добродѣтели, потому что я не лгу. Не дай Богъ что написать неправильно; я сама себя тѣмъ утѣшаю, когда вспомню всѣ его благородныя поступки и счастливою себя щитаю, что я его ради себя потеряла, безъ принужденія, изъ своей доброй воли. Я все въ немъ имѣла: и милостиваго мужа и отца и учителя и старателя о счастіи моемъ. Онъ меня училъ Богу молиться, училъ меня къ бѣднымъ милостивою быть; принуждалъ милостину давать, всегда книги читалъ Святое Писаніе, чтобъ я знала Слово Божіе; всегда твердилъ о незлобіи, чтобъ никому зла не помнила. Онъ фундаментъ всему моему благополучію теперешнему, то есть мое благополучіе, что я во всемъ согласуюсь съ волей Божіей и всѣ текущія бѣды несу съ благодареніемъ; онъ положилъ мнѣ въ сердцѣ за все благодарить Бога. Онъ рожденъ былъ въ натурѣ ко всякой добродѣтели склонной, хотя въ роскошахъ и жилъ яко человѣкъ, только никому зла не сдѣлалъ и никого ничѣмъ не обидѣлъ, развѣ что нечаянно.

Этимъ оканчиваются Записки княгини Н. Б. Долгоруковой. Она не передаетъ намъ подробностей о жизни въ Березовѣ и дальнѣйшей судьбы своей. Дополнимъ ея разсказъ свѣдѣніями изъ другихъ источниковъ. Въ Березовѣ кн. Долгоруковы жили въ острогѣ, нарочно устроенномъ, вѣроятно еще для кн. Менщикова и находившемся неподалеку отъ каменной церкви во имя Рождества Богородицы. Тутъ они помѣщались въ просторанномъ, но не высокомъ деревянномъ домѣ, имѣли особую кухню и баню. Во дворѣ острога была сажалка, гдѣ плавали домашніе гуси, утки и лебеди, за которыми ссыльные любили ухаживать (Н. Абрамовъ, въ Чтен. Общ. Ист. и

[41]) Княгиня не называетъ своего супруга по имени,—это высшая черта чувства, доселѣ употребительная въ задушевныхъ рѣчахъ Русскаго простонародья. О характерѣ князя Ивана Алексѣевича см. выше примѣчаніе 7-е.

Др. 1866, кн. 2 стр. 115). Они ѣли точеными деревянными ложками, пили изъ оловянныхъ стакановъ. Сохранилась записная книжка ихъ расходовъ: видно, напр., что за пудъ сахару они платили 9 р. 50 к., цѣна по тому времени непомѣрная. Женщины занимались вышиваньемъ шелками св. иконъ по камкѣ и кисеѣ; когда кн. Долгорукіе были взяты изъ Березова, у нихъ найдена 21 икона. Мы уже знаемъ, что драгоцѣнныя вещи были у нихъ отобраны нарочнымъ посланцомъ изъ Москвы (см. Р. Архивъ 1866, стр. 46). Выѣхать изъ острога было строго запрещено. Но главную муку безъ сомнѣнія составляли семейныя ссоры. Только что они пріѣхали въ Березовъ, какъ 30 сент. умеръ отъ горячки отецъ ихъ кн. Алексѣй, о чемъ доносилъ въ Москву ихъ приставъ капитанъ Михалевскій. За тѣмъ 15-го октября скончалась и мать. Такимъ об разомъ главою семьи остался мужъ кн. Натальи Борисовны, кн. Иванъ. Не съ его нравомъ, кроткимъ и въ тоже время пылкимъ, было держать семью въ подчиненіи. Въ добавокъ у него была старшая сестра, непреклонная кн. Екатерина, *разрушенная* царская невѣста. Читатели Русскаго Архива (1866, стр. 38) уже знаютъ, что это была за женщина. Семейное преданіе, отчасти подтверждаемое записною книжкою княгини Долгоруковой (см. ниже прим. 55.) увѣряетъ, что не одинъ доносъ канцеляриста Тишина былъ поводомъ къ новому розыску и казни кн. Ивана; но что старшая сестра подучила младшаго брата, кн. Александра, закричать на кн. Ивана *слово и дѣло*, и что отсюда начался переборъ всего сдѣланнаго и сказаннаго за 8 лѣтъ еще въ Москвѣ. Кн. Александръ ужаснулся, видя послѣдствія своего доноса, и распоролъ себѣ животъ, который потомъ зашили. Такъ онъ и былъ извѣстенъ въ Москвѣ: „князь съ пороным брюхомъ". Эта катастрофа произошла весною 1738 г., а 9 августа, на дощаникѣ, увезли изъ Тобольска кн. Ивана, который и былъ четвертованъ въ Новгородѣ 8 ноября 1739 года. Въ ноябрѣ того же года преображенскаго полку прапорщикъ Челищевъ докладывалъ тайной канцеляріи розыскныхъ дѣлъ, что „князя Ивана Долгорукова жена проситъ, чтобъ ежели мужъ ея еще живъ, то бъ ее не разлучать съ нимъ, а если не живъ, то постричь ее." По возвращеніи изъ Сибири (еще импер. Анна дозволила ей выѣхать оттуда) княгиня отложила это намѣреніе ради воспитанія двоихъ сыновей своихъ. Въ памятной ея книжкѣ читаемъ: „И такъ, пріѣхавши къ Москвѣ, три года скиталась по чужимъ дворамъ, и такъ бѣдственно вдовствующую жизнь препроводила, дѣтей воспитала, сколько бѣдъ претерпѣла, нападковъ, разоренія, нестроеніе домашнее, тому Богъ свидѣтель." Она записала сыновей на службу, женила старшаго въ сентябрѣ 1754 г. на кн. Аннѣ Михайл. Голицыной; но сынъ скоро овдовѣлъ. Послѣ вторичнаго его брака въ сент. 1757 г. съ баронессою, Строгановою кн. Наталья Борис. уѣхала въ Кіевъ, и постриглась. По вступленіи на престолъ имп. Екатерины монахиня-княгиня писала къ ней о сыновьяхъ своихъ и получила слѣдующій отвѣтъ: „Честная мать! Письмо ваше отъ 12 іюня я получила, за которое и за присланную при томъ икону Пресвятыя Богоматери, также за усердныя желанія ваши много вамъ благодарна. О сыновьяхъ вашихъ будьте увѣрены, что по справедливости милостію и покровительствомъ моимъ оставлены не будутъ. Впрочемъ, поручаю себя молитвамъ вашимъ и пребуду вамъ всегда благосклонна. Екатерина. Въ Петергофѣ 26 іюня 1763 года". О младшемъ сынѣ мы уже говорили. Старшій, кн. Михаилъ Ивановичь, по выходѣ изъ гвардіи, служилъ въ Москвѣ почетнымъ опекуномъ воспитательнаго дома.

ПИСЬМА КН. Н. Б. ДОЛГОРУКОЙ.

1. Къ брату, гр. С. Б. Шереметеву.

Посылаю къ вамъ три закладныя: одна на Волынское ([42]), другая на Левоново,

([42]) Прекрасное подмосковное село, въ 6 вер-

третья на Рязаново. Послѣднюю милость прошу сдѣлать, ихъ принять и въ книгѣ расписаться и ихъ у себя удержать до сроку; по срокѣ ихъ явить и записать за себя, и тогда по указномъ срокѣ продать Волынское и Левоново большому сыну князю Михаилу, а Рязаново меньшому князю Дмитрію (43). И образъ Спасителевъ, который у васъ, изволь отдать князю Михаилѣ, да еще двѣ купчіи на людей, въ которой написано двои Колобовы: тѣхъ людей продать большому сыну князю Михаилѣ; а въ которой написанъ Александра Рудаковъ, тѣхъ меньшому сыну князю Дмитрію. Я намѣрена была въ Санцыри (44) посылать, да услышала, что вы въ Москвѣ будете; я и удивилась. А я все къ себѣ васъ ждала; таперь ужъ я и не знаю, пожалуешь ли ко мнѣ. А меня теперь разныя приключенія удерживаютъ, а больше сынъ, изъ Питера не ѣдитъ; боюсь, что путь худъ становится, чтобы мнѣ не плыть по грязи. За тѣмъ остаюся покорная ваша услужница и сестра княгиня Наталья Долгорукова.

Это письмо изволь поберечь до времени, покамѣстъ всѣ деревни справятся.

1757 году февраля 12 дня.
Село Успенское.

Надпись на письмѣ, которое запечатано черною печатью:

„Государю моему братцу графу Сергѣю Борисовичу его сіятельству Шереметеву".

стахъ по Дорогомиловской дорогѣ. Оно было выкуплено, и продано совсѣмъ уже сыномъ княгини, кн. М. И. Долгоруковымъ Двѣ другія деревни намъ неизвѣстны. Очевидно, что княгиня, по возвращеніи изъ Сибири, хотя вѣроятно и получила отъ импер. Елизаветы Петровны, нѣкоторую долю отписаннаго въ казну имущества своего казненнаго мужа, но все-таки находилась въ стѣсненныхъ денежныхъ обстоятельствахъ. Гр. Сергѣй Борисовичъ—тотъ любимый меньшой братъ, о которомъ она говоритъ въ своихъ Запискахъ, род. 1715, ум. 1768.

(43) Т. е. дѣтямъ княгини.

(44) Не ручаемся, такъ ли разобрано это слово.

2. *Къ сыну и невѣсткѣ.*

†

№ 8. Князь Михаила Ивановичъ. Княгиня Анна Николавна.

Сегодня я получила изъ Нѣжина отъ васъ письма и отъ дѣтей мазь красную. Покорно благодарствую, что вы меня утѣшили письмами дѣтскими. Боже ихъ благослови! Дай Богъ, чтобъ и того дождались, чтобъ они меня подчивали, только сумнительно. Сегодня снѣгъ молодой напалъ, зима новая. Жалѣю о Яковѣ, что онъ странствуетъ: человѣкъ доброй! Не сумнѣвайтеся, чтобъ онъ пилъ; это ничто иное какъ принудила терпѣть эту бѣду его нетерпѣливость: все спѣшилъ къ вамъ. Знать онъ поѣхалъ домой и такъ попался; а съ кѣмъ я его отпустила, его бы руками къ вамъ поставили. Знать ему разсудилось: они де долго проѣдутъ, а вы сіятельнѣйшіе не ревнуйте лукавнующимъ, ниже завидите беззаконіе творящимъ. Все пройдетъ! Сегодня канунъ читали о убогомъ Лазарѣ. Онъ лежалъ во гноищѣ, да тамъ хорошо! Когда вы будете у него обѣдать (45), заверни мнѣ въ бумажку отъ крупицъ, падающихъ отъ трапезы богатой, да и я буду участница его благъ. На томъ свѣтѣ на оправданіе ему, да поможетъ ему въ день судный, что и я странница питалась отъ дому его. Дай Богъ всѣмъ спастися и въ разумъ истины пріити. Горе намъ смѣющимся, яко восплачемся. Горе мнѣ окаянной паче всѣхъ человѣкъ.

К. Прасковья М. (46), благодарствую голубушка за твое письмо. Господь тебя да благословитъ и наградитъ милостью своею, что вы меня утѣшили.

К. И. Михаиловичъ, (47) благодарствую за письмо ваше. Радуюся тѣмъ, что вы

(45) Говорится конечно о старшемъ братѣ, графѣ Петрѣ Борисовичѣ Шереметевѣ.

(46) Старшая внука княгини, р. 1758, ум. 1844 г. дѣвицею.

(47) Старшій внукъ княгини, извѣстный писатель, род. 1764, ум. 1823.

въ праздникъ истиннаго христіанина пріобщились святыхъ тайнъ, съ чѣмъ васъ и поздравляю. Эта неоцѣненная вещь, когда вы будете всегда: отъ оной всѣ благополучія потекутъ. Благослови Господь домъ твой и всѣхъ живущихъ съ вами. За любовь вашу отмѣнную ко мнѣ очень благодарствую. Дай Богъ, чтобъ она продолжалась.

А вы, малютки, молитесь, чтобъ я къ вамъ пріѣхала: столько много гостинцевъ навезу, чтобъ васъ утѣшить; а вы меня подчивайте кофеемъ, чаемъ, медомъ.

И такъ васъ всѣхъ препоручаю Богу. Онъ васъ сохранитъ, и помилуетъ, и наставитъ на путь истинный. Въ евтомъ васъ крѣпко увѣряю, что всякую почту пишу; а для чего вы не всякую получаете, не знаю; не пѣняйте на меня: мнѣ только и прохладнаго времени, когда къ вамъ пишу или отъ васъ письмы получу. Зѣло мой путь тѣсенъ и прискорбенъ. Затѣмъ простите. С. Н. (48)

1771. 12 Марта.

Любезнѣйшей мадамѣ отъ меня поклонитесь и поблагодарите за ея поклонъ. Желаю отъ сердца моего ей благополучія душевнаго за ея прилежное къ вамъ раченіе. Ничѣмъ инымъ ей услужить не могу, какъ тѣмъ, что ей того желаю, что и себѣ. Всѣмъ моимъ милостивцамъ прошу засвидѣтельствовать мое почтеніе. Государынямъ моимъ Марѳѣ Артемьевнѣ, Аннѣ Ивановнѣ, Софьѣ Николавнѣ, Натальѣ Яковлевнѣ, и всѣмъ тѣмъ, кто меня помнитъ; научите вы Варвару П. (49) хотя бы на смѣхъ она ко мнѣ поклонъ написала: отцу не досугъ, ей бы можно.

Вы пишете, что 1 нумера письмо получили, а 2 гдѣ!

(48) Т. е. старица Нектарія. Этимъ опредѣляется отчасти время, когда княгиня постриглась. До постриженія она нѣсколько времени жила въ Кіевѣ просто въ монастырѣ.

(49) Т. е. кн. Варв. Петровну Шереметеву (1759—1824), племянницу княгини, впослѣдствіи гр. Разумовскую

Надпись: „Его сіятельству князь Михаилѣ Ивановичу Долгорукову. Въ Москвѣ. Домъ его на Никольской улицѣ, противъ печатнаго двора“.

№ 14. Князь Михайла Ивановичъ. Кнегиня Анна Николавна.

Черезъ почту отъ васъ письмо получила. Слава Богу, что вы здоровы, и надѣюсь на милость Господню: Онъ васъ сохранитъ невредимыхъ, и вся опасность пройдетъ. Что же вамъ прискорбно, что вамъ лекаря не даютъ, Бога ради имѣйте терпѣніе. Это не безъ Промыслу Божія; когда бъ Онъ съ вами былъ, вы бы такъ какъ человѣки думали: у насъ лекарь, онъ намъ въ нужномъ случаѣ поможетъ. Богъ самъ вамъ помогаетъ въ нужномъ случаѣ. Онъ говоритъ: Я вамъ лекарь, Я васъ сохраню отъ всѣхъ опасностей, на Меня надѣйтеся; егда же человѣка въ помощь призываютъ и больше на него надежду имѣютъ, тутъ Я уже не помогаю. Самъ Христосъ сказалъ, что и волосъ съ головы не спадетъ. Можетъ ли что зло приключиться безъ воли Его? Всѣ наши входы и исходы по власти Его. Онъ хотѣлъ васъ видѣть, какъ вы это примите, безъ роптанія ли будете или имѣть крѣпкую надежду на Него, что Онъ васъ безъ лекаря сохранитъ (50). Не испытуйте дѣла Его. Кто можетъ изслѣдовать премудрость Его? Вы писали ко мнѣ въ день рожденія вашего. Я уже прежде къ вамъ писала и васъ поздравляла. Наступивши въ новой годъ, дай Богъ вамъ новую и жизнь, душевную чистоту, чтобъ съ Богомъ соединеніе имѣть. Когда бъ я имѣла такую благодать, какъ Іаковъ! Онъ благословилъ сына своего Исаака тѣмъ, чѣмъ онъ хотѣлъ, такъ оно и было. А я человѣкъ скверной и многогрѣшной, ниже подумать о томъ смѣю; но по крайней мѣрѣ о томъ просить Бога не престану, чтобъ Онъ васъ благословилъ въ жизни вашей: далъ мирную жизнь и совѣсть чистую, и чтобъ вы были го-

(50) Писано во время Московской чумы.

спода надъ страстями своими и покорили бы невидимыхъ враговъ подъ ноги ваши, и воспитали бы чада ваши въ страхѣ Божіи и дожили бы до старости лѣтъ вашихъ и видѣли бы сыны сыновъ вашихъ, и такъ какъ Іосифъ возлегъ на ложѣ своемъ противъ ноги и умре, и сдѣлался великъ плачъ во всей земли Египецкой ([51]). И я бы васъ тамъ на страшномъ судѣ увидѣла, какъ чистую лилію, происшедшую изъ сердца моего, и услышала бы гласъ глаголющій хвалы: придите благословенніи Отца Моего, наслѣдуйте уготованное вамъ царствіе небесное. Я все то къ вамъ писала, что̀ я вамъ желаю и отраслямъ вашимъ и всѣмъ любящимъ васъ и супругѣ вашей и всѣмъ служащимъ вамъ вѣрою. Да благословитъ ихъ Богъ и наградитъ и здѣсь и въ будущемъ вѣкѣ. О себѣ я вамъ не знаю что сказать. Непремѣнно надобно мнѣ ѣхать къ Московскимъ странамъ, потому что я не гулять ѣду, а по обѣщанію. Когда не поѣду безъ причины по своей волѣ, это будетъ уже грѣхъ: солгу Богу. Развѣ не пустятъ или слабое мое состояніе не дозволитъ; а ежели Богу угодно, Онъ дастъ и путь. Однако это все по прошествіи маія узнаемъ. У насъ дни очень хороши, деревья уже распускаются, и я веселюсь своимъ садомъ, и буду къ вамъ писать что съ нимъ будетъ дѣлаться. Что же вы требуете совѣту, что намѣрены ѣхать въ Питербурхъ, это воля ваша, какъ вамъ разсудится. Гдѣ вамъ покойнѣе, тутъ и живите, мнѣ все равно, хотя вы еще далѣ будете: только бъ я письмы получала, только бъ вашей казнѣ сходно было. Ежели тамъ какой несчастливой случай послѣдуетъ, куда тогда дѣнетесь? Здѣсь, хотя Волынское убѣжище; хотя и скучно, да по своей волѣ живете, такъ какъ вы хотите, а тамъ все чужое, и выѣхать не куда. Однако все то въ вашей волѣ: гдѣ бъ вы ни жили, только бъ покойны были. Еще хочу къ вамъ написать предосторожность о деньгахъ: какія бъ ни были, въ руки Бога ради не берите, а прежде велите серебряныя и золотыя въ уксусъ, и варить, и довольно бъ кипѣли, и потомъ въ чистой водѣ вымыть и перетерѣть; изъ чьихъ рукъ ни были, и оброшныя, такъ велите навсегда.

Больше что къ вамъ писать не знаю, только что сказать: простите, Христосъ съ вами. Прости, голубушка милая, Бога ради не бойся ничего. Какъ же быть! Немножко скуку потерпи. Веселись мужемъ, дѣтушками. Мужъ съ Иванушкомъ яица катаетъ([52]), а вы съ Михайломъ на доскѣ скачите, въ гулючки играйте, чаще въ церковь ходите, и такъ скучное время пройдетъ. И тамъ уже будетъ очень весело.

Священномученику Харлампію ([53]) отпразнуйте, онъ за васъ помолится. За тѣмъ препоручаю васъ Богу. Калисѳена вамъ кланяется, а писать ей не досугъ, съ гостями сидитъ. Дѣтямъ всѣмъ мой поклонъ. С. Н.

1771 года. Апрѣля 15. Кіевъ.

Объ Аѳонскихъ горахъ и обо всемъ я къ вамъ прежде писала. Знать, что Калисѳена въ пророкахъ. Мудрено, когда и Саулъ былъ въ пророкахъ.

*

Князь Михайла Ивановичъ. Кнеиня Анна Николавна.

Не хотѣла пропустить почты, не дать вамъ знать объ себѣ, что я еще жива, благодаря Бога, хотя въ слабости нахожусь, однако все съ радостію пріемлю и васъ Богомъ прошу, не тужите обо мнѣ: Богъ властенъ изъ мертвыхъ

([51]) Тутъ конечно княгиня запамятовала библейскій разсказъ; въ книгѣ Бытія, главѣ 49, ст. 33 сказано: „И возложивъ Іаковъ нозѣ свои на одръ, умре“; и далѣе: „Плакася его Египетъ“.

([52]) Тогда была святая недѣля. Иванушко — князь Иванъ Михаиловичь Долгорукій.

([53]) Священном. Харлампію молятся о сохраненіи отъ внезапныя безъ покаянія смерти. См. Р. Арх 1863, изд. 2-е, стр. 33 и 34.

воскресить. Вѣдь когда нибудь умирать надо, во всемъ повиноваться власти Божіей, только бъ Богъ грѣхи мои отпустилъ. Великую нужду терплю въ питьѣ, всѣ сыропы сладкіе мнѣ опротивѣли. Когда бъ можно достать, хотя лимоновъ 15 прислать. Тоже моя бѣда, что кашлю, не чѣмъ помочь, теплаго нельзя пить. Препоручаю васъ Богу. Оставляю миръ и благословеніе. С. Н.

О КН. Н. Б. ДОЛГОРУКОЙ.

Изъ рукописныхъ Путевыхъ Записокъ внука ея, князя Ивана Михайловича Долгорукаго 1810 года. ([54])

Гробъ схимонахини Нектаріи былъ главный предметъ моего путешествія и давнишняя цѣль моего желанія. Достигнувши его, начну тѣмъ, что сообщу публикѣ черты исторіи сей знаменитой Россіянки.

Родилась она 1714 года генваря 17 дня и наречена при крещеніи Наталіей. Послѣ отца своего фельдмаршала графа Бор. Петр. Шереметева осталась она 4-хъ лѣтъ, а послѣ матери 14-ти лѣтъ, и сію эпоху она въ Запискахъ своихъ сама называетъ началомъ всѣхъ своихъ бѣдъ. Въ 1730 году апрѣля 5 го вышла она замужъ за дѣда моего роднаго кн. Ив. Алекс. Долгорукаго. Кто читалъ Россійскую исторію, тотъ знаетъ, что онъ былъ ближайшій любимецъ Петра II-го. По кончинѣ сего порфироноснаго покровителя всѣхъ Долгорукихъ, перемѣнились обстоятельства нашего рода. Императрица Анна не терпѣла каждаго изъ нашихъ; Биронъ гналъ все наше племя. Дѣдъ мой сосланъ, и кн. Наталья Борисовна поѣхала съ нимъ въ Сибирь на третій день послѣ вѣнца. Тамъ, въ Березовѣ, за крѣпкой стражей, прожили они со всѣми ихъ родными 8 лѣтъ, никуда, кромѣ церкви ихъ не выпускали, да и Богу молились подъ карауломъ.

По прошествіи 8 лѣтъ разлучили ее съ мужемъ, и вотъ какъ она сама о семъ изъясняется: „отняли у меня жизнь „мою, безпримѣрнаго моего милостиваго „отца и мужа, съ кѣмъ я хотѣла свой „вѣкъ окончить, и въ тюрьмѣ ему была „товарищъ; эта черная изба, въ которой „я съ нимъ жила, казалась мнѣ веселѣе „царскихъ палатъ; но попущеніемъ Бо„жіимъ за грѣхи мои и злодѣйствомъ сест„ры его родной и брата его лишилась“([55]).

Въ 1738 году дѣдъ мой заключенъ въ особливый покой. Сіи опыты новыхъ мученій начались апрѣля 10 дня; приставленъ удвоенный караулъ; не велѣно допускать къ нему жены. Любя его страстно, она изобрѣла одно средство видѣть его по одной минутѣ въ сутки тогда, какъ сама носила ему ѣсть; но и кушанье передавала ему не она, а часовой. Такое страдальчество продолжалось для нея до 4-го августа.

Прискакалъ гвардіи капитанъ съ командой, разорвалъ двухъ супруговъ, не далъ имъ проститься и увезъ дѣда моего въ Новгородъ. Здѣсь опять дамъ говорить ей самой: „Я не знала, что его

([54]) Эти Путевыя Записки составляютъ цѣлое большое сочиненіе, доселѣ не напечатанное. Князь ѣздилъ изъ Москвы до Одессы и подробно описалъ свое путешествіе туда и обратно. За сообщеніе помѣщаемаго здѣсь отрывка, мы обязаны сыну автора, князю Д. И. Долгорукому.

([55]) Эти отрывки, а равно и числовыя отмѣтки, находящіяся въ вышепомѣщенныхъ примѣчаніяхъ къ Запискамъ кн. Н. Б. Долгоруковой, взяты изъ ея записной книжки, гдѣ разсказъ начинался словами: „Экстрактъ бѣдственной моей жизни“. Книжка эта принадлежитъ нынѣ ея правнукѣ, Антонинѣ Ивановнѣ Новиковой, которой мы считаемъ долгомъ выразить здѣсь нашу признательность за сообщеніе какъ этой книжки, такъ и объяснительныхъ разсказовъ изъ семейнаго, живо сохранившагося преданія о ея предкахъ. Слова *и злодѣйствомъ сестры его родной и брата* выпущены въ рукописи кн. Ив. Михайловича, который, конечно, назначая ее въ печать (ибо путешествіе описано съ литературными пріемами) захотѣлъ умолчать о страшной семейной исторіи; мы внесли ихъ сюда изъ записной книжки княгини Натальи Борисовны.

„уже нѣтъ; мнѣ сказываютъ, что его „де увезли. Что я дѣлала? кричала, билась, волосы на себѣ драла; кто ни попадетъ встрѣчу, всѣмъ валяюсь въ ноги, прошу со слезами: помилуйте, когда „вы христіане, дайте только взглянуть „на него и проститься. Не было милосерднаго человѣка, не словомъ меня кто „утѣшилъ, а только взяли меня и посадили въ темницѣ и часоваго примкнувши штыкъ поставили".

По разлукѣ съ мужемъ, оставшись въ Сибири съ двумя сыновьями, отцемъ моимъ и дядей, она тутъ жила еще годъ и 10 мѣсяцевъ. Какая мука для души нѣжной и чувствительной! Тогда мучить была система правленія. 1739 года ноября 8 дня дѣдъ мой казненъ въ Новѣгородѣ, а въ 1740 году бабка моя съ малолѣтными сыновьями своими, изъ коихъ старшему отцу моему было 8 лѣтъ, вывезена изъ Сибири въ Россію іюня 17 дня, а въ Москву пріѣхала окт. 17-го ([56]).

И здѣсь не въ радостяхъ текли дни ея. Сперва странствовала по чужимъ домамъ, со слезами и всякимъ трудомъ воспитывала дѣтей своихъ, сносила нападки, тѣсноту, нужду и разныя домашнія нестроенія. Богатый Лазарь, такъ назову брата ея роднаго гр. Петр. Бор., не рѣдко допускалъ отца моего ходить безъ обуви у него въ домѣ и просить сапоговъ у глупаго его библіотекаря Вороблевскаго ([57]). Да, такъ, это правда. На судѣ Божьемъ онъ истяжется съ нами, а здѣсь, по словамъ царя Соломона, кто съ богатымъ поборется и на сильнаго вознесетъ глаголъ?

Для тѣхъ, кои захотятъ осужденіе мое почесть клеветой (ибо нѣтъ нечестиваго, который бы кому нибудь не сдѣлалъ иногда добра) для нихъ скажу два слова. Гр. Пет. Бор. остался наслѣдникомъ 60 тысячь душъ не одинъ; у него былъ братъ и нѣсколько сестеръ, въ томъ числѣ бабка моя, о коей рѣчь идетъ. Она выдана послѣ отца братомъ, слѣдовательно, разсуждая о порядкѣ наслѣдства по настоящимъ временамъ, она имѣла право на 14-ю часть, которая составляла болѣе, нежели 500 душъ, ей братомъ почти Христа ради данныхъ изъ ругательства къ ея злощастію; ибо ѣхавши въ ссылку, она могла бы и тѣхъ не получить: подъ штыками въ Сибири апелляціи нѣтъ. Поворотимъ теперь въ другую сторону законъ наслѣдства и опредѣлимъ такъ. Все слѣдуетъ по старымъ узаконеніямъ старшему сыну — и тогда не Пет. Бор., но Михайла, у котораго были малолѣтныя дѣти, пустившія потомъ свое племя, имѣлъ право на все родительское достояніе. И такъ легко, что гр. Пет. Борисов. отнялъ все у безсильнаго и сдѣлался могучъ на чужихъ развалинахъ ([58]). Но обратимся къ небесному существу, къ схимонахинѣ Нектаріи.

Наконецъ кн. Нат. Бор., женивъ отца моего, въ 1758 году, ([59]) въ мартѣ прибыла въ Кіевъ, а сентябр. 27 постриглась и приняла имя Нектаріи. Тутъ она посвятила всю себя Богу и въ унынiи взы-

([56]) Въ самый день кончины императрицы Анны Іоанновны,

([57]) См. Каталогъ Чертков. библ. № 1044.

([58]) Сколько намъ извѣстно, слова эти нѣсколько преувеличены. Гр. П. Б. Шереметевъ большую часть состоянія имѣлъ по женѣ своей, княжнѣ Черкасской. Съ другой стороны, узаконенія о наслѣдствѣ, какъ и многія другія, по разнымъ указамъ, изданнымъ при Петрѣ Великомъ, были довольно сбивчивы; имѣнія часто доставались не по маіорату, т. е. не по старшинству рожденія, а въ одни руки, т. е. было единонаслѣдіе; отцу предоставлялось право отдать деревни одному какому-либо сыну. Мы не знаемъ, какъ распорядился старикъ фельдмаршалъ Шереметевъ. Его завѣщаніе, о которомъ упоминаетъ кн. М. М. Щербатовъ въ запискѣ о повреждении нравовъ въ Россіи, намъ неизвѣстно.

([59]) Въ упомянутой выше записной книжкѣ княгиня отмѣтила: „1758 году выѣхала изъ дома своего февраля 25 дня, ночевала въ Липицахъ. Пріѣхала въ Кіевъ марта 20 дня, постриглась сентября 27 дня 1758 году"; слѣд. на 45 году жизни. Въ Другѣ Юношества 1810 г. январь, стр. 69, извѣстный И. В. Лопухинъ разсказываетъ, что будучи ребенкомъ онъ видалъ въ Кіевѣ княгиню, которая была другомъ

вала: „кто дастъ главѣ моей воду и глазамъ моимъ слезы? Не достаетъ силъ „ни плакать, ни вздыхать.“ — Но гдѣ уйдетъ человѣкъ отъ заключеній? Бѣды въ горахъ, бѣды во градахъ, бѣды и въ пропастяхъ земныхъ. Въ 1767 году марта 18 дня приняла схиму и въ умиленіи христіанскомъ писала къ отцу моему: „Господь совершилъ всѣ мои намѣ„ренія; сподобилась и схиму принять; „теперь только осталось ожидать пове„лѣнія Господня, когда душѣ выдти изъ „тѣла и стать предъ Судьей къ отвѣту.“

Но не у пріиде часъ кончины; еще житейскія бури волновали праведную ея душу. Въ 1768 году генваря 30 лишилась она брата своего гр. Серг. Бор., о которомъ такъ изъясняется въ своей перепискѣ: „Скончался любезный мой братъ, отецъ и другъ, гр. Сер. Борисов.“. Казалось, истощило небо всѣ свои удары. О, нѣтъ—еще остался одинъ сильнѣйшій и который отверзъ ей самой двери гроба. Скончался сынъ ея меньшій кн. Дмит. Иван. Поврежденный умъ вселилъ его въ молодости сущей въ монастырь; тамъ, бывъ въ разныхъ трудахъ и послушаніяхъ, онъ долго хворалъ и не могъ ни чѣмъ исправить своего воображенія, умеръ наконецъ въ монашескомъ рубищѣ и погребенъ въ глазахъ матери своей въ Лаврѣ. — Что могло быть еще чувствительнѣе для нея сей послѣдней потери? Жизнь становилась для нея тягостнѣйшимъ бременемъ; одна вѣчность могла представлять ей отрады. И въ самыхъ послѣднихъ дняхъ бытія своего Нектарія, испытавъ всѣ ужасы моровой язвы въ Кіевѣ, изливала кровью послѣднія свои жизненныя силы. Наконецъ судьба тихой смертью праведныхъ прекратила біеніе утомленнаго ея сердца и перенесла ее въ одно мгновеніе изъ ада въ рай (3 іюля 1771).

Въ Запискахъ ея, предъ кончиной, какъ думать надобно, оставленныхъ, видно слѣдующее увѣщаніе: „Оставшіе по смер„ти моей, пролейте слезы, вспомня мою „бѣдственную жизнь; всякаго христіани„на прошу сказать, вспомня меня: Слава „Богу, что окончилась ея жизнь; не „льются уже токи слезъ, и не вздыха„етъ сердце ея. Я васъ Богу вручаю; „Онъ васъ наградитъ за всѣ ваши успо„коенія въ моемъ странствіи и усугу„битъ васъ небесныхъ и земныхъ благъ. „Отецъ мой милосердный помилуетъ и „доведетъ меня къ тихому пристанищу“.

Такъ умирала, такъ умерла схимонахиня Нектарія, вдова кн. Долгорукова, дочь гр. Шереметева. По собственному ея изволенію, тѣло ея погребено при самомъ входѣ въ Кіевопечерскую Лавру рядомъ съ гробомъ сына ея, котораго потеря растворила всѣ ея раны душевныя. Надъ сими остатками положены были наровнѣ съ чугуннымъ поломъ двѣ чугунныя же плиты, съ надписями; но какъ шествовалъ черезъ Кіевъ государь Павелъ въ чужіе краи, тогдашній митрополитъ Кіевской разсудилъ приказать доски перевернуть гладью вверхъ. Причина этого неизвѣстна. Съ тѣхъ поръ надгробныя доски такъ и остались; надписей не видно; всѣ черезъ нихъ ходятъ. И мнѣ, когда я подошелъ ко вратамъ собора, какое то внутреннее предчувствіе сказало: „падай, это та, кого ты ищешь!“ (60)

его матери (Кіевской губернаторши). „Помню, особливо, какъ всѣ со слезами разсказывали, въ какой она борьбѣ христіанскаго великодушія съ нѣжностью сердечной страсти, при своемъ постриженіи (*въ схиму*), послѣ нѣсколькихъ лѣтъ житья въ монастырѣ до онаго, въ знакъ отверженія того, что ей на свѣтѣ еще одно драгоцѣнно было, бросила въ Днѣпръ перстень, коимъ обручена была съ любезнымъ своимъ, несчастнымъ супругомъ“.

(60) Императрица Екатерина, въ бытность свою въ Кіевѣ въ 1787 г., приказала окружить рѣшеткою надгробную плиту княгини Натальи Борисовны, въ знакъ уваженія своего къ ея памяти. Нынѣ могилы княгини Долгоруковой и ея сына означены боковыми надписями въ стѣнахъ трапезы, на право и на лѣво при входѣ въ соборъ Кіевопечерской лавры.

БУМАГИ И. И. ШУВАЛОВА.

Воспитанникъ любви и счастія богини,
Онъ сердца своего отъ нихъ не развратилъ....
Дмитріевъ.

Любителямъ Русской новой исторіи довольно извѣстна жизнь И. И. Шувалова, наперсника императрицы Елизаветы Петровны, славнаго вельможи временъ Екатерининскихъ, основателя и куратора Московскаго университета. Описанію его поприща и дѣятельности на пользу Русскаго просвѣщенія посвящена особая статья въ Русской Бесѣдѣ 1857 г., кн. 1 я. Его придворныя, общественныя и ученыя связи изображаются въ перепискѣ его съ графами М. П. Бестужевымъ-Рюминымъ и М. Л. Воронцовымъ (Р. Арх. 1863 и 1864), и въ изданныхъ академикомъ Гротомъ письмахъ къ нему Ломоносова и Сумарокова (Записки имп. ак. н. 1862). Но мало кто зналъ до сихъ поръ объ его политическомъ поприщѣ и живомъ его участіи въ дѣлахъ государственныхъ. Нижепомѣщаемыя бумаги, *собственноручно* писанныя И. И. Шуваловымъ и обязательно сообщенныя намъ Иларіономъ Николаевичемъ Толстымъ, къ которому онѣ перешли отъ его тестя, недавно умершаго кн. А. Ѳ. Голицына (приходившагося внучатнымъ племянникомъ Шувалову) проливаютъ новый свѣтъ и на эту сторону дѣятельности незабвеннаго „ревнителя наукъ". Въ тоже время бумаги эти содержатъ въ себѣ важнѣйшія показанія для исторіи Елизаветинскаго царствованія, — этой замѣчательной и плодотворной эпохи, которая была переходомъ отъ крутыхъ временъ Петровыхъ къ полному величію и славѣ нашего отечества и которая подготовила намъ Екатерину II-ю и блистательный вѣкъ ея. Оказывается, что не даромъ такъ любили Шувалова его современники, что не льстивы были громкія хвалы Ломоносова и Державина, и что имп. Елизавета не лишена была счастливой способности выбирать людей, кому можно довѣряться. 22-хъ лѣтъ отъ роду очутившись въ роскошнѣйшемъ дворцѣ сѣверной царицы, съ первенствующимъ значеніемъ, И. И. Шуваловъ не забывалъ блага общаго.....

Первая бумага, составленная вѣроятно по порученію императрицы, должна быть обращена къ фельдмаршалу С. Ѳ. Апраксину и писана весною 1757 года, когда началось наше участіе въ Семилѣтней войнѣ, и когда императрица, на торжественномъ выходѣ въ день св. Пасхи, объявила и войну и новое Божіе благословеніе въ явленіи мощей св. Димитрія Ростовскаго, между тѣмъ какъ противникъ нашъ кощунствовалъ съ Фернейскимъ философомъ. Захваты Пруссіи предписывали намъ военное вмѣшательство.

Не менѣе важна и нова по содержанію бумага VIII-я о (несостоявшемся сколько намъ извѣстно) еженедѣльномъ засѣданіи сенаторовъ при дворѣ, поданная императрицѣ *для памяти*. Тутъ, также и въ бумагѣ IX, поданной великому канцлеру, обнаруживается забота Шувалова объ установленіи добраго согласія между императрицею и ея племянникомъ. При отсутствіи опредѣленнаго закона о престолонаслѣдіи, слишкомъ полвѣка колебались у насъ отношенія между царствующимъ лицемъ и его объявленнымъ преемникомъ. Какъ при имп. Аннѣ неловко было положеніе принцессы Мекленбургской Анны Леопольдовны, какъ при Екатеринѣ дворъ в. князя Павла Петровича составлялъ нѣчто особое отъ большаго двора, и возникала даже мысль о предоставленіи престола старшему внуку помимо сына: такъ точно и отношенія къ вел. кн. Петру Ѳедоровичу обезпокоивали его царственную тетку. Въ добавокъ, великій князь, въ качествѣ герцога Голштинскаго, былъ самостоятельнымъ государемъ, да и на Рус-

скій престолъ имѣлъ явное право, какъ сынъ *старшей* дочери Петра Великаго. Его положеніе въ Семилѣтнюю войну было самое щекотливое. — Въ той же бумагѣ чрезвычайно замѣчательно предположеніе о такъ названныхъ фундаментальныхъ законахъ. Не участвовалъ ли въ этомъ обсужденіи народныхъ и государственныхъ нуждъ, другъ Шувалова Ломоносовъ, который, какъ извѣстно, подавалъ ему цѣлый рядъ (утраченныхъ къ сожалѣнію) записокъ подобнаго содержанія или, какъ называлъ онъ ихъ, „мыслей, простирающихся къ приращенію общей пользы" (см. Москвитянинъ 1842, кн. I-я).

Отрывокъ изъ письма къ графу Орлову содержитъ въ себѣ новые показанія для біографіи Шувалова, равно какъ и письмо къ нему за границу, писанное, какъ намъ кажется, бригадиромъ Александр. Григ. Гурьевымъ, отцомъ будущаго министра финансовъ графа Гурьева, который и воспитывался вмѣстѣ съ племянникомъ Шувалова, княземъ Ѳедоромъ Николаевичемъ Голицынымъ.

Помѣщаемыя бумаги писаны Шуваловымъ на черно, съ помарками; нѣкоторыя сохранились въ отрывкахъ; были ли онѣ дополнены, передѣланы и въ какомъ видѣ представлялись императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ, мы не знаемъ.

П. Б.

I.

Секретнѣйшая инструкція.

Притчина нынѣшней войны не токмо вамъ, но по обстоятельствамъ почти всѣмъ извѣстна, чтобъ о ней здѣсь распространяться; но сказать только то должно, что̀ къ дополненію нашей воли (и) даннаго вамъ плана операцій (¹) требуется, по которому, если угодно Всевышнему, желаемой успѣхъ получимъ.

Послѣ Дрезденскаго мира (²) король Прусской, пріобрѣтеніемъ себѣ Слезіи, умноженіемъ своей арміи, а особливо по неспокойному, вѣроломному и предпріимчивому своему ндраву, возбудилъ не токмо своихъ сосѣдей, но и уваженія всея Европы. Политическая предосторожность требовала, чтобъ стараться о уменьшеніи силъ сего государя, или лутче сказать, не допускать его до такого состоянія, которое бы вредъ кому либо изъ его сосѣдей принесть могло. Того ради заключили мы съ императрицею-королевою трактатъ въ 1746 г. (³) основанной на взаимныхъ интересахъ, ожидая послѣ того ежечасно нарушенія тишины королемъ Прусскимъ, для чего принуждены были держать нѣсколько лѣтъ въ Лифляндіи многочисленную армею великимъ иждивеніемъ.

Въ 1756 году возгорѣлось то пламя, котораго ожидали и отвратить не могли: самымъ дѣломъ оказалося, что сей монархъ, воюя противу сильныхъ державъ такъ долгое время, имѣя многія выгодности, многочисленную армею, въ щастіи и въ супротивности, еще не могъ по сіе время истощить свои силы, которыя столь опасны, сколь о себѣ въ всегдашнія времяна справедливое уваженіе заслуживаютъ. И тако какъ мы много для общаго добра, такъ для нашихъ союзниковъ, но собственно и для себя о его униженіи стараться должны, для востановленія прочнаго покою и безопасности.

(¹) Этотъ планъ операцій намъ не извѣстенъ.

(²) 25 Дек. 1745. Этотъ миръ былъ полнымъ торжествомъ Фридриха надъ Маріею Терезіею.

(³) Трактатъ этотъ, заключенный съ барономъ Претлахомъ, былъ въ сущности тайный: съ этой поры надо считать начало враждебныхъ отношеній между Елизаветою и Фридрихомъ, которые первоначально другъ друга испытывали (см. Р. Архивъ 1866, стр. 1541)

Принявъ во уваженіе оныя притчины, надобно всѣ свои мѣры къ достиженію сего намѣренія употребить, въ чемъ мы не сомнѣваемся на вашу вѣрность къ отечеству и намъ, что вы ничего не упустите, примѣчая и наблюдая слѣдующее:

1. Въ началѣ мы все, какъ и насъ самихъ, препоруча Всевышнему, ожидаемъ отъ Его милосердія успѣха всякаго происшествія, препоручаемъ попеченіе о сохраненіи людей, что̀ довольно въ нашемъ данномъ планѣ вамъ изображено, и надѣемся впротчемъ на ваше искусство, мужество и вѣрность.

2. Баталію нигдѣ не отваживать, развѣ гдѣ по разсужденію выгоды усмотрены будутъ, или необходимость приведетъ.

3. Между тѣмъ стараться непріятелю всевозможной вредъ дѣлать и тѣмъ показать нашимъ союзникамъ, что мы имъ дѣйствительно помочь подаемъ; дабы недѣйствіемъ не привесть ихъ въ сомнѣніе и паче чаянія по неудачѣ не привесть ихъ въ необходимость сдѣлать сепаратной миръ, хотя мы тому вѣрить весьма удалены; сіе полагается единственно на всякой непредвидимой случай, которой воображая, предосторожность свою брать можно.

4. Для сего надобно, чтобъ вамъ съ фельдмаршаломъ Дауномъ ([1]) имѣть надежную коресподенцію и стараться взаимную довѣренность получить; почему онъ, видя вашу добрую волю къ соспѣшествованію общаго добра сколько на дѣйства, столь и на намѣренія смотрѣть будетъ; иногда препятства справедливыми почитать, къ своему двору доносить что̀ великою пользою кажется быть нашимъ политическимъ интересамъ.

([1]) Австрійскимъ полководцемъ.

II.

Какія въ воспитаніи юношества неудобства происходятъ.

1. Всѣ родители и родственники, имѣя болѣе попеченія въ доставленіи принадлежащимъ имъ молодымъ людямъ чиновъ, а не должнаго ученія сходнаго съ ихъ рожденіемъ и пользою общею,

2. всѣ почти стараются ихъ имѣть въ своихъ глазахъ, и ослѣпленная любовь не допускаетъ отпустить ни въ какое мѣсто, гдѣ есть порядокъ и строгость для исправленія пороковъ; и потому къ полученію перваго записываютъ въ гвардіи полки, гдѣ покойная жизнь, малая должность и скорое произвожденіе соглашается совсѣмъ ихъ намѣренію. Отчего все знатное и достаточное дворянство опредѣляется въ гвардію. Въ кадетской корпусъ никого нѣтъ кромѣ самыхъ бѣдныхъ и за кѣмъ сто душъ, то уже богатымъ почитается, а половина почти, кои своихъ служителей не имѣютъ, и сами чорныя нужныя работы исправляютъ.

III.

..... не токмо должному въ юношествѣ воспитанію и способу младымъ людямъ оное имѣть, но и нужному сообществу, отчего великая часть въ отдаленныхъ деревняхъ въ крайнемъ невѣжествѣ твердѣютъ, должности приличной по состоянію не знаютъ, и тѣмъ предпочитаютъ свой покой и нужное пропитаніе славѣ и чести. Малое военное жалованье, дальніе походы истощаютъ ихъ вовсе имѣніе и тѣмъ службу совсѣмъ ненавистную дѣлаютъ.

При нынѣшнемъ ея императорскаго величества великомъ о дворян-

ствѣ попеченіи могутъ слѣдовать мнимыя мною неудобства: пойдутъ въ отставку многіе дворяне, имѣвшіе низшіе чины, не имѣющіе довольнаго достатка и тѣ, въ которыхъ склонности нѣтъ себя отличить и знанія должности отечеству быть полезными. Вновь такова же состоянія никто записываться въ службу не будетъ. Примѣры: сверхъ многихъ строгихъ указовъ, многіе недоросли въ преступленіе впали. И потому мое мнѣніе: надобно теперь учредить, чтобъ безъ крайней нужды въ продолженіе нынѣшней войны никто изъ службы не ходилъ, предписавъ записавшимся въ службу нѣсколько лѣтъ выслужить, а впредъ ободрить.

Установить школы и гимназіи по разнымъ мѣстамъ, какъ въ моемъ представленіи въ Правительствующій Сенатъ показано, школы и гимназіи, въ которыя повелѣть въ урочныя лѣта юношеству записываться начиная всякой по близости, въ школахъ, потомъ, для дальнѣйшихъ въ ученіи успѣховъ въ гимназіяхъ, кои будутъ учреждены въ губерніяхъ, а послѣ для совершенства нужныхъ наукъ итить въ кадетской корпусъ, въ университетъ и академію, въ инженерную школу, въ которыхъ быть до семнадцати или осмнадцати лѣтъ, и потомъ дать волю служить или нѣтъ.

Въ такомъ состояніи молодые люди, получа должное съ ихъ рожденіемъ воспитаніе, пріобыкши быть въ сообществѣ, потеряютъ грубое предубѣжденіе; получивъ надлежащее просвѣщеніе, конечно не захотятъ, развѣ малой части, возвратиться во свое темное жилище. Молодыя лѣта, вселенная ученіемъ къ отечеству должность, благородная ревность къ собственному добру....

IV.

Всемилостивѣйшая государыня. Почитая преступленіемъ моей должности усердія и вѣрности рабской, въ молчаніи о всемъ томъ что́ не соотвѣтствуетъ извѣстному вашего императорскаго величества милосердію и матерней любви къ своимъ подданнымъ, дерзаю, всемилостивѣйшая государыня, повторить мои всеподданническія представленія о принятіи въ уваженіе состояніе многихъ въ государствѣ дѣлъ, требующихъ сильнаго и скораго вашего императорского величества поправленія. Знаю, всемилостивѣйшая государыня, сколь всякое зло, происходимое вашимъ рабамъ, вашему величеству чувствительно, знаю сожалѣніе и соболѣзнованіе о прискорбіи вѣрныхъ подданныхъ, дабы не воображать, что мое частое и дерзкое напоминаніе умножаетъ вашего в–а неудовольствіе и гнѣвъ на меня, послѣднѣйшаго раба. Но, всемилостивѣйшая государыня, воззрите на плачевное многихъ людей состояніе, стенящихъ подъ игомъ неправосудія, нападковъ, грабежей, и разореніевъ; прикажите, кому изволите ввѣрить, разсмотрѣть мое представленіе. Клянусь самимъ Богомъ, что въ виду, кромѣ высочайшаго вашего императорскаго величества интересу, не имѣю, и благополучія государства, сопряженнаго съ вашею славою и милосердіемъ. Радъ истинно нести на себѣ всѣ горести и наконецъ посвятить жизнь для вашего императорскаго величества и благополучія и славы имперіи.

Вашего императорскаго величества всеподданнѣйшій рабъ
Иванъ Шуваловъ.

V.

Указъ нашему Сенату.

Соображая мудрыя установленія государя императора, нашего любезнѣйшаго родителя и плоды неусыпныхъ трудовъ его, долгъ нашъ и любовь къ отечеству усугубляетъ наше желаніе и стараніе о благосостояніи нашего государства. Мы лутчее средство къ достиженію сего избрать себѣ не можемъ, какъ подражать во всемъ узаконеніямъ и намѣреніямъ государя нашего родителя.

Главное сего монарха попеченіе было сдѣлать способныхъ людей, къ правленію разныхъ должностей, составляющихъ общій порядокъ государства; и для того не только въ главныхъ частяхъ, но и самыхъ малыхъ прилагалъ свое попеченіе произвесть людей годныхъ и полезныхъ и имѣлъ удовольствіе видѣть при себѣ успѣхъ своего великаго намѣренія. Военная наука, мореплаваніе, политика, архитектура, комерція и протчія полезныя ученія процвѣтали въ здѣшнихъ людяхъ, которые славу своему начальнику такъ и собственно себѣ своею склонностью и понятіемъ пріобрѣли въ такомъ, казалось, твердомъ основаніи. И когда суевѣріе и невѣжество, главные сопротивники просвѣщенія, исчезали, надлежало ожидать несомнѣнныхъ успѣховъ: но.... ([5]).

VI.

Въ военномъ искусствѣ государь Петръ Великій на сухомъ пути и на морѣ, желая имѣть своихъ людей, приказалъ послать нѣсколько дворянскихъ дѣтей достаточныхъ въ иностранную службу, чему, какъ вашему императорскому величеству извѣстно, и успѣхъ былъ. Нынѣшнее время войны полезной къ оному даетъ случай, когда высочайшая воля на то будетъ.

Не меньше потребно и въ штатскихъ политическихъ дѣлахъ, дабы при всякомъ нашемъ министрѣ человѣка по четыре молодыхъ, разумныхъ и склонныхъ къ оной должности людей выбрать и опредѣлить, которые, при министрахъ обучаяся, могутъ быть способные негосіатёры. ([6]) Также и здѣсь въ колегію иностранныхъ дѣлъ опредѣлить юнкеровъ хорошева дворянства на иномъ порядкѣ, какъ теперь, которые, добившись порутческаго чина, выходятъ тотчасъ въ армію: не сдѣлавъ себя въ одномъ мѣстѣ годными, ищутъ другаго.

При комерціи можно такожъ имѣть своихъ искусныхъ консуловъ и купцовъ, когда только указъ государя Петра Великаго въ дѣйство произвести о дворянскихъ и купецкихъ дѣтяхъ, которой, къ крайнему сожалѣнію, по сіе время своего дѣйства не имѣетъ.

Примѣромъ тому, и въ протчихъ мѣстахъ есть многіе способы къ заведенію своихъ искусныхъ людей. Польза государству по желанію вашего императорскаго величества несомнѣнно будетъ; не имѣя же, всемилостивѣйшая государыня, своихъ способныхъ людей, никогда интересы вашего императорскаго величества такъ наблюдены не будутъ; да и мнѣніе у иностранныхъ вкоренившееся, что не видать Россійскихъ достойныхъ людей, приноситъ всему народу крайнее предосужденіе. И по-

([5]) Эти же мысли развиты Шуваловымъ въ письмѣ его къ Гельвецію, см. Р. Бесѣда 1857, кн. 1, стр. 39.

([6]) Т. е. дѣльцы.

длинно удивительно, что отъ наукъ до самаго низкаго ремесла мало своихъ искусныхъ или почти никого нѣтъ, чему не склонность и понятіе людей, но худыя смотрѣнія въ премудрыхъ здѣсь учрежденіяхъ виноваты.

Единымъ симъ способомъ можно справедливо ласкаться видѣть въ цвѣтущемъ состояніи государство наше, и показать нашимъ завистникамъ, что всуе ласкаются, что мы сами себя невѣжествомъ нашимъ истребляемъ, возвращяяся безъ иностранныхъ ко оному ([7]), какъ ваше императорское величество въ перлюстрированныхъ реляціяхъ нѣкоторыхъ министровъ сами видѣть изволили (къ большому вашего императорскаго величества неудовольствію) что не токмо число способныхъ мало какъ министры представляли, но много такихъ, которые святые и полезные законы и вашего императорскаго величества волю не уважаютъ, оставляя правосудіе чисто для собственной своей прибыли, государству убытки и народу разореніе приносятъ, какъ то во многихъ судебныхъ мѣстахъ, въ губерніяхъ и городахъ дѣлаютъ, особливо когда государство несетъ бремя войны, гдѣ всякой истинной сынъ отечества свои силы къ споспѣшествованію общаго добра употреблять долженъ: тутъ многія имѣются неудобства, въ наборѣ рекрутъ, лошадей и протчаго, отъ чего народъ вдвое отъ такихъ внутреннихъ враговъ претерпѣваетъ.

Большая притчина того невѣжества, что прямо не знаютъ должности своей къ государю, къ государству, къ общему добру и любви къ ближнему. Многіе такіе непорядки слышны, но не слышно, кто бы былъ наказанъ, что̀ ободряетъ другихъ поступать такимъ же вреднымъ образомъ. Въ семъ случаѣ не человѣкъ, но порокъ истребляется, и защищается невинность.

Сіе подало многимъ молодымъ людямъ поводъ отстать отъ военной службы, искать штатской безъ жалованья, — довольный видъ уже есть грабленія, отчего командиры жалуются, что дворянства мало въ полкахъ къ произвожденію, а гдѣ оные дѣваются, того не изыскиваютъ.

Великое продолженіе суда есть великой вредъ государства, о чемъ ваше император. величество сколь милосердо, столь премудро разсуждать въ Москвѣ въ 1754 году съ присутствіи въ Сенатѣ, при членахъ колежскихъ, изволили и указали изыскивать всѣ способы въ прекращенію онаго. Главное было разсужденіе о приведеніи законовъ въ порядокъ, на что̀ Сенатъ учредилъ подъ своимъ смотрѣніемъ департаментъ, въ которомъ сочиняли уложеніе и котораго часть сочинена, только еще не апробована. Продолженіе онаго совсѣмъ отставлено, и члены въ разныя мѣста отлучаются. Дѣло, сколь нужное, столь славное, для царства вашего императорскаго величества, которое повелѣно государемъ Петромъ Великимъ и утверждено другими послѣ его государями, и окончано быть можетъ вашимъ императорскимъ в личествомъ, какъ совершительницею дѣлъ своего родителя.

Многіе челобитчики, милосерднѣйшая государыня, имѣя право прибѣгнуть подъ покровъ вашего величества, представить свои необходимости, и сколь милость ваша велика,

---

([7]) Т. е. къ допетровскому невѣжеству.

столь имъ вездѣ затворенъ путь къ достиженiю ихъ необходимаго желанiя; имѣя только случай, гдѣ только увидятъ ваше императорское величество, кричатъ, просятъ, ваше величество безпокоятъ и своимъ часто безобразнымъ стремленiемъ наводятъ справедливое неудовольствiе. Для лутчаго къ тому исправленiя потребно указать, чтобъ все поправить: есть ли могутъ просить, подавали бъ въ кабинетъ свои челобитья главному въ кабинетѣ повѣренному, единственно отъ воли вашего императорскаго величества, и о общемъ добрѣ пекущемуся. Должно ихъ разсмотрѣть и немедленно самую истину докладывать, и по тому скорую несомнѣнную резолюцiю по милосердiю вашему получить что̀ примѣромъ правосудiя прочимъ мѣстамъ будетъ и удержитъ неправду судей и караетъ обидящихъ и возставитъ надежду страждущихъ и утѣсненныхъ. И въ то время бы отъ нихъ никто не дерзалъ просить и трудить высочайшую вашего императорскаго величества персону, кромѣ самыхъ важнѣйшихъ притчинъ и доказательной недовѣренности порѣченнаго члена кабинетскаго.

VII.

Изъ Академiи Художествъ въ Канцелярiю Строенiя.

На присланную сего Iюня промеморiю отъ канцелярiи строенiя симъ отвѣтствую. Указъ ея императорскаго величества мною объявленъ былъ оберъ-архитектору, чтобъ галерею убирать деревянною рѣзьбою и позолотою; а какъ въ оной промеморiи написано, что велѣно убирать противъ поданнаго прожекта, о чемъ можетъ быть повелѣнiе кромѣ меня было; да и само по себѣ значится, когда бъ проэктъ высочайшей апробацiи удостоился, то не надлежало бы отъ рѣщиковъ спрашивать новыхъ проэктовъ, а должно бы было только имъ приказать слѣдовать апробованному. Что же профессоръ Жилетъ по сiе время не вступилъ въ работу, тому причина слѣдующее: 1. Что онъ, задачею своею почитая исполнять свою должность по своей совѣсти и чести, видѣлъ, что предпрiятая работа мастерствомъ не могла отвѣтствовать высочайшему намѣренiю по такой высокой цѣнѣ. 2. Что онъ себѣ безславiе не хотѣлъ сдѣлать, чтобъ имя его было употреблено, гдѣ дурная работа будетъ, какъ во многихъ комнатахъ въ Царскомъ Селѣ и Петербургѣ есть. 3. Для лутшаго приведенiя въ совершенство сей работы онъ сталъ выписывать подмастерьевъ за немалую цѣну, смотря болѣ чести въ успѣхѣ хорошаго мастерства, нежели великой прибыли. 4. При началѣ ихъ намѣренiя онъ свѣдалъ, что уже работа началася; паче жъ ему не было нужды ни рисунка, ни модели дѣлать, которые уже оба онъ сдѣлалъ съ похвалою отъ всѣхъ знающихъ людей. Что же канцелярiя говоритъ въ резонъ, что она потому увѣрена, что онъ не будетъ исправлять работъ, что онъ изъ академiи не выключенъ и жалованье получаетъ, и сему нѣтъ никакого основанiя: ибо онъ, будучи въ академiи, и другую должность, какъ оныя обѣ принадлежатъ къ службѣ ея императорскаго величества, исправлять можетъ. По сему жъ правилу должно всѣхъ мастеровыхъ исключать изъ мѣстъ, когда другiя работы предпринимать станутъ, а болѣ когда партикулярныя. Что о немъ заключаютъ, что онъ не знаетъ свое-

го искусства, въ томъ я долженъ защитить сколько его, столько и мѣсто. Я конечно бъ незнающаго человѣка на иждивенiе е. и. в. для обученiя учениковъ не выписалъ. Онъ членъ французской академiи, былъ шесть лѣтъ въ Италiи, и отъ тѣхъ академиковъ имѣетъ аттестаты. А въ чемъ онъ не знаетъ, и кто на него доказать можетъ, въ томъ императорская академiя требуетъ, чтобъ тѣмъ людямъ приказано было доказать, и для лучшаго ихъ и его знанiя приказать сдѣлать проэкты для украшенiя залы какъ имъ, такъ и ему, послать въ Римъ, гдѣ лутчiе скюлптеры (оставляя Парижъ, понеже сiе его отечество): тамъ могутъ ихъ прожекты быть судимы, и чрезъ то незнанiе и преимущество каждаго видѣть можно. Сiе требованiе повторяется, дабы ненависть и невѣжество не могли напрасно порочить достоинство и тѣмъ бы напрасно не сдѣлать обиды мѣсту, которое по всевысочайшей волѣ ея императорскаго величества установлено для заведенiя своихъ художниковъ, которое подъ его смотрѣнiемъ въ два рода болѣ сдѣлать успѣваетъ, нежели у иныхъ чрезъ двадцать лѣтъ, которые обманно жалованье получаютъ.

VIII.

По всевысочайшему вашего императорскаго величества повелѣнiю для памяти.

Учредить при дворѣ одинъ разъ въ недѣлю сенатское засѣданiе, сверхъ того что конференцiя свои назначенные дни имѣетъ; и чтобъ оное засѣданiе въ присутствiи вашего императорскаго величества было; или, когда быть не изволите, то по окончанiи собранiя докладывать о какихъ дѣлахъ разсужденiе было и что по онымъ исполнено. Во оное присутствiе пригласить великаго князя, какъ то обыкновенно вездѣ въ другихъ государствахъ есть. Сверхъ того изъ онаго слѣдуетъ польза: 1) Великой князь будетъ свидѣтелемъ матернему вашего императорскаго величества о народѣ своемъ попеченiю и милосердiю, служащему примѣромъ, къ удивленiю всѣхъ людей. 2) Будетъ имѣть понятiе совершеннѣе о узаконенiяхъ государскихъ Петра Велик. и вашего императорскаго величества. 3) Отъимутся отъ того случаи всѣмъ злонамѣреннымъ самыя лутшiя дѣла неправымъ разсужденiемъ преобращать во вредъ, предпочитая собственной свой интересъ общему и тѣмъ, кто не прямо случай имѣетъ дѣла знать, всѣвать другiя противныя намѣренiю мысли. 4) Напослѣдокъ, сiя повѣренность вашего величества возбудитъ въ немъ должную благодарность какъ къ матери и государынѣ, дастъ ему сходное съ его рожденiемъ и достоинствомъ упражненiе, отъиметъ случай приносить ему многiя разныхъ злыхъ льстецовъ внушенiя.

Въ ономъ присутствiи предлагать главнѣйшiя государственныя дѣла, какъ на примѣръ:

1. О сочиненiи государственныхъ на всѣ мѣста штатовъ, ибо вашему императорскому величеству извѣстно, что многiе чины и расходы умножилися, и тако доходъ, прежде положенной, не будучи довольнымъ, произвелъ великiе непорядки: мѣсто одно должно другому, нѣтъ вѣрной заплаты, отчего претерпѣваютъ многiе.

2. Приказать сдѣлать по обстоятельствамъ Сенату на себя инструкцiю.

3. Поспѣшать о сочиненіи Уложенія, ибо неясность или разные законы на одинъ случай останавливаютъ правосудіе, открываютъ путь къ ябедамъ и превратнымъ инымъ судіямъ къ преступленію ихъ должности.

4. Въ Москвѣ учредить въ Сенатской Конторѣ нѣсколько сенаторовъ, придавъ къ нимъ достойныхъ членовъ, дабы апеляціонныя челобитчиковы дѣла вершилися, а Сенату оставили время для дѣлъ государственныхъ.

5. Разсмотрѣть состояніе флота и все что къ тому принадлежитъ, какъ Морской кадетской корпусъ, пользу Кронштадскаго канала и протчее.

6. О разсмотрѣніи заводовъ, фабрикъ и протчего.

7. О приведеніи въ лутчее состояніе Ладожскаго канала, о чемъ полезные есть проэкты; также и весь водяной путь, чрезъ которой идутъ въ Петербургъ товары и съѣстные припасы. Отъ непорядку нѣкоторыхъ партикулярныхъ людей претерпѣваетъ польза и государственная и народная.

8. О учрежденіи въ государствѣ магазеиновъ, какъ для предосторожности въ случаѣ недороду хлѣба, такоже и о выпускѣ за моря, о чемъ есть уже изрядныя и полезныя мнѣнія.

9. О соединеніи рѣкъ каналами, какъ то намѣреніе государя императора Петра Великаго было, чрезъ что великое богатство государству получить можно, и произведетъ ободреніе земледѣльцамъ.

10. Вашего императорскаго милостиваго намѣренія столь часто слышать удостоился, сколь много разъ о установленіи сиротскихъ домовъ разсуждать изволили. Сіе все понынѣ безъ исполненія. Къ симъ учрежденіямъ слѣдуетъ гофшпиталей для больныхъ всякаго званія и для дому празднымъ тунеядцамъ, которые нищими себя являютъ и кормятся трудами другихъ людей

11. Учредить опекунскую коллегію, которая бы смотрѣла надъ деревнями молодыхъ людей, не допуская до разоренія ихъ имѣній, которыхъ необузданная молодость расточаетъ по своимъ страстямъ и прихотямъ.

12. Учредить воспитаніе юношеству, и опредѣленіе въ службу особливо дворянству, если высочайше опробовано будетъ поданное въ Сенатъ отъ генералъ-адъютанта и куратора Шувалова доношеніе, о которомъ Сенатъ хотѣлъ подать докладъ.

И наконецъ приказать собрать всѣ указы и намѣренія государя императора Петра Великаго, безъ дѣйствія оставленные, разсмотря по обстоятельствамъ въ дѣйство иные производить, протчія нужныя дѣла къ докладу представить, и взять со всѣхъ подчиненныхъ Сенату мѣстъ объясненія, въ чемъ которое какой недостатокъ имѣетъ, со мнѣніемъ, какъ оное исправить.

Ваше императорское величество, изволили разсуждать, чтобъ при исправленіи законовъ постановить нѣкоторые фундаментальные, которыхъ самая польза, благополучіе вашего императорскаго величества подданныхъ непремѣнными дѣлаютъ. Сколько могу вспомнить, по высочайшему вашего императорскаго величества милостивому повелѣнію, имѣю счастіе представить и дерзаю сказать свое слабѣйшее мнѣніе, дабы при началѣ оныхъ сдѣлать объявленіе такого содержанія:

Извѣстно всѣмъ, какимъ неисповѣдимымъ Божескимъ Промысломъ ваше императорское величество возведены на прародительскій, императорской, Россійской престолъ, въ то время, когда не токмо надежды ко оному лишалися, но и свое собственное состояніе опаснымъ почитали, и вѣрные вамъ, помнящіе услуги отечеству родителя вашего, свою ревность и усердіе къ в. і. в. безполезными видѣли. Въ такомъ обстоятельствѣ угодно было Господу Богу показать в. в. свое милосердіе и волю. Ваше императорское величество, почитая за первой долгъ предъ Богомъ и за главное, по мѣрѣ малыхъ человѣческихъ силъ предъ Нимъ воздаяніе — изыскать способы къ блаженству и благополучію даннаго отъ Него в. в. народа, котораго ко отечеству любовь и къ вашему императорскому величеству оказанная вѣрность, ревность и усердіе съ начала вступленія на престолъ въ разныхъ случаяхъ удостовѣрена, вы заблагоразсудили установить фундаментальные и непремѣнные законы въ его пользу при исправленіи нынѣшнихъ законовъ, утвердить и открыть путь къ общему благосостоянію. Почему в. і. в. несомнѣнно увѣрены, что всѣ вѣрные подданные, почитая матернее в. в. о нихъ попеченіе и любовь, восчувствуютъ справедливую благодарность и усугубятъ свои услуги любезному отечеству, пребудутъ съ равною, непремѣнною вѣрностью и усердіемъ какъ вашему императорскому величеству, такъ и по волѣ вашей нареченному наслѣднику, вашему любезному племяннику и всему дому государя Петра Великаго, отца в. и. в. и отечества. В. и. в. изволите увѣрять и обѣщать, предъ Богомъ какъ за себя, такъ и за наслѣдниковъ своихъ, слѣдующіе законы, свято, ненарушимо сохранять и содержать и повелѣть всѣмъ вѣрноподданнымъ, какъ истиннымъ дѣтямъ отечества, во всякихъ случаяхъ наблюдать ихъ непоколебимость и ненарушеніе, и въ семъ указать учинить присягу.

По высочайшему вашего императорскаго величества повелѣнію пункты фундаментальныхъ законовъ:

1. Утвердить самодержавною властію и присягою, дабы всѣ государи Россійскаго престола, и жены ихъ, и дѣти, и мужескъ и женскъ полъ, были Греческаго православнаго закона.

2. Всѣ Россіяне въ ономъ законѣ постоянно, навсегда пребудутъ.

3. Всѣ церкви, монастыри, духовенство сохранятъ свои права по законамъ государя императора Петра Великаго.

4. Святѣйшій Синодъ будетъ состоять изъ .... человѣкъ, на основаніи ихъ преимуществъ и должностей, по узаконеніямъ государя императора Петра Великаго.

5. Сенатъ имѣетъ состоять изъ 20 или ... персонъ. Всякой членъ долженъ быть Россійскій подданный и Греческаго закона.

6. Быть тремъ фельдмаршаламъ, двумъ Россійскимъ и одному иностранному, естли нужда потребуетъ.

7. Адмираламъ двумъ Русскимъ и одному иностранному, естли нужда потребуетъ.

8. Всѣмъ президентамъ, губернаторамъ быть здѣшнимъ подданнымъ.

9. Гвардіи полки состоятъ изъ здѣшнихъ подданныхъ, три части Русскихъ, а четвертая Лифляндцовъ, Эстонцовъ и прочихъ завоеванныхъ

провинцій, за оказанныя ими услуги и ревность къ нашей службѣ.

10. Армея наша, генералъ, штабъ и оберофицеры имѣютъ состоять изъ трехъ частей Русскихъ, а четвертая Лифляндцовъ, Эстонцовъ и иностранныхъ.

11. Флотъ, флагманы, офицеры и протчіе: три части Русскихъ, четвертая Лифляндцовъ и прочихъ иностранныхъ.

12. Во всѣ оныя мѣста Лифляндцы и Эстляндцы имѣютъ преимущество при вступленіи въ службу предъ иностранными.

13. Впадшее въ преступленіе дворянство теряетъ только конфискаціею собственно нажитое собою имѣніе, а не родовое.

14. Отъ безчестной политической казни дворянство свободить

15. Дворянину служить 26 лѣтъ, считая отъ времени дѣйствительной службы его, то есть отъ 20 лѣтъ возраста.

16. Отставныхъ солдатъ всѣхъ по инвалиднымъ по своимъ дачамъ распредѣлять безъ всякаго замедленія, и прилагать трудъ ко установленію ихъ состоянія, по нашему намѣренію.

О купцахъ и крестьянахъ сдѣлать разсмотрѣніе и стараться ихъ состояніе сдѣлать полезнѣйшимъ отечеству и имъ самимъ

IX.

Его сіятельству канцлеру на разсмотрѣніе мое мнѣніе.

При разсужденіи о читаемыхъ сего 17 Сентября въ коллегіи иностранныхъ дѣлъ трактатахъ, я примѣтилъ слѣдующее:

1. Испросить у ея императорскаго величества, не будетъ ли угодно, содержаніе Копенгагенскаго трактата или тѣхъ артикуловъ, которые до земель его высочества великаго князя принадлежатъ, по притчинѣ: 1. что оной такой трактатъ только извѣстенъ коллегіи, въ конференцію внесется, въ которой и великій князь иногда присутствуетъ. И тако отъ него онаго скрывать, мнится не должно. 2. Его высочество будетъ обезпокоенъ о собираніи войскъ Дацкихъ близь его владѣнія, о чемъ и отзывается чрезъ своего министра не совсѣмъ пристойно, что̀ и впредь случиться можетъ и будетъ е. в. досажденіемъ, а оное произойдетъ отъ этого, что онъ никакого свѣдѣнія не имѣетъ. 3. Его высочество отзывался канцлеру въ Петергофѣ, что не можно ли при благополучныхъ успѣхахъ оружія здѣшняго всемилостивѣйшей государынѣ представить, чтобъ возвратить ему законное владѣніе и негосировать о томъ съ союзными дворами, что̀ онъ себѣ первымъ бы благополучіемъ почиталъ. Но когда бъ великой князь оной трактатъ и приступленіе къ нему оной державы могъ знать, то бы по онымъ обстоятельствамъ онаго требованія дѣлать уклонился.

2. Объяснить слово gratuit. Хотя оное довольно изображено въ декларацiи, однако для избѣжанія какого либо недоразумѣнія.

3. Требовать, какое награжденіе дать въ понесенныхъ убыткахъ положено; хотя и говорено, что не изъ земель согласующихся державъ ни ихъ союзниковъ, но всегда оное нужно знать, когда къ нему дѣлать приступленіе, *(для)* лутчаго вѣдѣнія потребно знать

4. Удивительно, что требуетъ приступленіе неравной и безпридаточной размѣны земель, когда прежде

отъ Датскаго двора великому князю сверхъ графства Ольденбургскаго и Дельменгорфскаго еще знатная сумма денегъ, состоящая въ полутора милліонѣ рикссталеровъ, въ монетѣ цвейдритель-штикъ называемой, обѣщана была, и что е. в. король Дацкой всѣ признанные наличные долги на себя снимаетъ. И тако, сколь сомнительно, чтобъ великой князь на такія предложенія, уменьшенныя предъ прежними, поступилъ, тако жъ и ея императорское величество на то бъ согласилась свои официціи употреблять.

5. Вѣнской и Французской ([8]) справедливо не надѣются, что размѣна равная земель великаго князя съ Дацкимъ королемъ дѣйства своего имѣть не можетъ, и для того обѣщали ему другимъ оные убытки возвратить; естьли бы и какъ можно въ чемъ оное воздаяніе состоится, то можетъ быть великой князь и согласился бы размѣняться своею землею, когда бъ оныя обѣщанныя Дацкому королю земли великому князю къ его землямъ приданы были, когда они того стоятъ. Легко можетъ быть, что оныя состоятъ въ городахъ, Прусскому королю принадлежащихъ въ Нѣмецкой землѣ.

6. Оной трактатъ и по немъ сдѣланное вашимъ сіятельствомъ и коллегіею мнѣніе необходимо должны представлены быть къ докладу ея императорскаго величества конференціи, какъ оное дѣло само собою важности зависитъ, такъ и будучи оное сопряжено съ нынѣшними военными обстоятельствами.

7. Версальской трактатъ для такихъ же резоновъ конференціи открытъ быть долженъ; а паче всего ваше сіятельство, уважая одну пользу ея императорскаго величества и государства и слѣдуя своей ревности и усердію, сіе дѣло предпринять изволили и трактовать, въ такомъ обстоятельствѣ, что удобное время онаго упущено и предварительнаго предъ войною и въ продолженіе оной ничего не сдѣлано. И тако весьма вредно мнится, чтобъ въ томъ желаемой успѣхъ сходной съ интересами государства быть могъ и чтобъ невозможность по состоянію не причлась какому либо упущенію въ негоціаціи: то пускай ваши труды представятся ихъ([9]) мнѣнію, изъ которыхъ заключенія, а не по поверхности, отъ невѣденія дѣла, принимать будутъ. Вашего сіятельства предстательствомъ, угодно было всемилостивѣйшей государынѣ мнѣ повелѣть сію великую и важную матерію трактовать. Не имѣя никогда упражненія въ таковыхъ дѣлахъ, а паче воображая, что оное меня бъ совсѣмъ привело отклониться, по притчинѣ моего незнанія, естлибъ я мои труды не производилъ подъ наставленіемъ вашего сіятельства, я не думалъ бы тѣмъ соотвѣтствовать моими возможными, но мало полезными трудами высочайшему повелѣнію ея императорскаго величества и вашей вѣрности.

8. Требованіе отъ союзныхъ державъ, которому ваше сіятельство свое мнѣніе положили, мнѣ кажется сколь разумно, столь и справедливо. Хотя нѣкоторые члены коллегіи нашли нѣкоторые пункты оставить; только я бы хотѣлъ, чтобъ оные еще они прочли, и гораздо принявъ въ зрѣлое разсужденіе, лутчія бъ притчины къ отмѣненію ихъ дали.

([8]) Т. е. послы

([9]) Т. е. членовъ конференціи.

Я не понимаю, для чего за неудобно имъ кажется, чтобъ о намѣреніи нашемъ раздѣлаться съ Поляками и взять что намъ принадлежитъ по трактатамъ, сообщить нашимъ союзникамъ въ самой тайности. Сіе сообщеніе никакого вида ни конвенціи, ниже негоціаціи имѣть не можетъ, что будто тѣмъ дадимъ поводъ имъ войтить въ Польскія дѣла. Оное никакъ доказать не можно. Да когда захотятъ мѣшаться, то и безъ онаго войдутъ, какъ то и въ Версальскомъ трактатѣ о избраніи Польскаго короля упомянуто, да что и прежде бывало. Сія же откровенность ни къ чему иному, какъ предупредитъ отъ жалобы Польской, чтобъ наши союзники, будучи предварены и видя существо справедливаго дѣла, наше справедливое требованіе, а не какое насильство признали; а паче тѣмъ, чтобъ Французской и Вѣнской министры при Портѣ отъ неминуемыхъ въ то время Польскихъ жалобъ и нареканій Порту о правдѣ увѣрить и отъ тщетныхъ ихъ приношеніевъ отвратить могли. Естьли мы сего нынѣ не сдѣлаемъ, то послѣ конечно надобно дѣлать, время уйдетъ въ перепискахъ, и останется уже испорченное имъ поправлять, а не предупреждать.

9. Требовать нѣкоторые Прусскіе города для отдачи ихъ Полякамъ, въ томъ, чтобъ они свои претензіи на насъ тѣмъ уничтожили. Кажется, естьли оное истребовать, то не такъ сильно, какъ намъ о деньгахъ настоять, чтобъ войну заплатить, о чемъ довольно разсуждаемо было; да и какія ихъ претензіи, когда нашихъ гораздо болѣе? Можетъ быть, что союзники легче на отдачу городовъ намъ поступятъ, нежели на заплату положенную денегъ. И тако, когда мы оные получимъ, то весьма мало, или лутче сказать ничего не получимъ.

X.

Отрывокъ изъ письма И. И. Шувалова (къ гр. Г. Г. Орлову).

...Cela me determinerait à changer mes desseins de voyage, comme aussi de ma soeur. Enfin la persuasion des plusieurs personnes m'arreterait à la cour. V. e. peut être assurée que je n'ai (prié) même dans ce temps ni honneurs, ni rangs, ni richesses J'ai refusé la place de vice-chancelier, des terres dont plusieurs sont temoins, et surtout Goudowitz qui fut présent lorsque j'etais à genou pour lui demander grace de me dispenser de toutes marques de sa bienveillance.

Mon attachement pour s. m. i. glorieusement régnante ne peut être ignoré de toutes les personnes avec les quelles je suis en connaisance. V. e. elle même m'en rendra justice, et encore j'ai hasardé faire quelques demarches pour son service dont quelques personnes m'en rendront justice.

Dans le temps du precedent règne j'ai vu que les affaires allaient au prejudice du bien public. J'ai parlé. On rapporta mes discours. On changea des egards pour moi et j'ai changé ma conduite. J'écartai enfin non seulement la cour, mais même sa personne. J'ai pris la resolution de sortir hors du pays. L'occasion s'en présenta. Le defunt empereur dit que le roy de Prusse lui écrit que toutes les personnes qui lui sont suspectes ne doivent point rester auprès lui. Un moment après il ordonne à Melgounoff de me dire que je dois le suivre comme volontaire. Voilà l'histoire de ma campagne que plusieurs

personnes envisageraient autrement. Malheur ordinaire des hommes jugés par les apparences! Je me tais sur ma façon de penser sur tout ce mal qui menaçait notre patrie. J'en ai eu les momens de faire voir à v. e. mes sentimens; heureux, si elle s'en ressouvient!

Enfin la Clemence Divine, en sauvant notre patrie, vient de nous donner une souveraine telle que les voeux les plus sincères des bons sujets, des bons Russes se flattaient d'avoir. Elle nous promet le bonheur, la prosperité et tous les biens imaginable de son règne. Ce dans ce règne auguste que moi seul oublié! Je vois que je suis exclu de toute la confiance dont plusieurs de mes égaux partagent. Que dire, cher seigneur, après tout ceci? Que pense le public? Incapable d'être employé à aucune affaire, indigne de la bienveillance de notre mère! On juge par le présent du passé; peut-être m'attribue-t-on que j'ai mal servi l'impératrice defunte, que j'ai mal servi ma patrie. Que faire, mon cher seigneur, dites!

Переводъ.... Сіе, можетъ быть, заставитъ меня измѣнить намѣренія мои касательно путешествія, а также и сестры моей [10]. Наконецъ я остался бы при дворѣ, уговариваемый многими лицами. Ваше сіятельство [11]) можете быть увѣрены, что даже и въ то время не выпрашивалъ я ни почестей, ни чиновъ, ни богатства. Я отказался отъ мѣста вице-канцлера [12]), отъ помѣстьевъ, чему много есть свидѣтелей, и особливо Гудовичь [13]) въ присутствіи котораго я на колѣняхъ просилъ у него [14]) милости — уволить меня отъ всякихъ знаковъ его благоволенія. Приверженность моя къ ея императорскому величеству нынѣ славно царствующей государынѣ должна быть извѣстна всѣмъ лицамъ, съ коими я веду знакомство. Ваше сіятельство сами можете подтвердить это; я даже отваживался на нѣкоторыя мѣры въ ея пользу, и нѣкоторыя лица подтвердятъ это. Въ теченіи прежняго царствованія [15]) видѣлъ я, что дѣла идутъ въ ущербъ общественному благу. Я не молчалъ. Слова мои были передаваемы. Со мною стали обращаться холоднѣе, и я измѣнилъ мое поведеніе. Напослѣдокъ я сталъ удаляться не только отъ двора, но и отъ его особы. Я возымѣлъ твердое намѣреніе уѣхать изъ Россіи. Случай представлялся къ тому. По словамъ покойнаго императора, Прусскій король писалъ ему [16]), чтобы всѣ лица, которымъ онъ не совсѣмъ довѣряетъ, не должны быть оставляемы близь его особы. Получивъ это письмо, онъ тотчасъ приказалъ Мельгунову [17]) сказать мнѣ, что я долженъ послѣдовать за нимъ, безъ особенной должности [18]). Вотъ исторія моей поѣздки, которую многія лица истолковывали бы иначе,—обыкновенное горе, проистекающее отъ поверхностныхъ сужденій! Не буду излагать моихъ мыслей относительно всего этого зла, которое угрожало нашему отечеству: я имѣлъ случаи обнаружить передъ вашимъ сіятельствомъ чувства мои, и былъ бы счастливъ, если бы вы то припомнили. Наконецъ Божеское Милосердіе, спасая наше отечество, даровало намъ такую государыню, на какую лишь могли разчитывать искреннѣйшія пожеланія добрыхъ подданныхъ, добрыхъ Русскихъ. Своимъ царствованіемъ она обѣщаетъ намъ счастіе, благоденствіе и всевозможное добро. И въ это августѣйшее царствованіе я одинъ забытъ! Вижу се-

(10) Кн. Прасковьи Ивановны Голицыной.

(11) Графъ Г. Г. Орловъ, получившій тоже значеніе, какимъ Шуваловъ пользовался въ царствованіе Елизаветы.

(12) Въ 1758 году.

(13) Андрей Васильевичь, любимецъ Петра III.

(14) Петра III-го.

(15) Петра III-го.

(16) Цѣлы ли эти письма, которыми должно объяснитьея многое въ шестимѣсячномъ правленіи Петра III-го?

(17) Алексѣю Петровичу, своему любимцу.

(18) Т. е. въ походъ противъ Даніи.

бя лишеннымъ довѣрія, коимъ пользуются многіе мнѣ равные. Что сказать послѣ всего этого, любезный мой господинъ? Что думаетъ общество? Я не способенъ быть употребленнымъ ни на какое дѣло, я недостоинъ благоволенія нашей матери! По теперешнему судятъ и о прошедшемъ. Можетъ быть скажутъ, что я дурно служилъ усопшей императрицѣ, что я дурно служилъ моему отечеству. Что дѣлать, любезный господинъ мой, скажите! ([19]).

XI.

Письмо къ И. И. Шувалову за границу.

Коломенское село 1767 г.
Августа 20 дня.

И брань ваша меня пользуетъ. Его сіятельство [20]), получа ваше письмо, къ спѣси и суевѣрію (вымышленнымъ для меня порокамъ) хотѣлъ было неблагодарность и другіе тому подобные мнѣ въ добавокъ пожаловать; однако я тутъ имѣлъ случай изъяснить мою нѣмую жизнь, съ которою кто только изъ комнаты въ комнату въ одномъ домѣ переѣзжаетъ, и ни пріятелей, ни сродниковъ, ни города не видитъ, тотъ ничего новаго писать и видѣть не можетъ. Чего ради обѣщана мнѣ колесница и пегазы, и я буду имѣть способность познакомиться въ домѣ милостивой государыни княгини Прасковьи Ивановны [21]); а даннаго мнѣ отъ васъ пашпорта [22]) о моей чести еще по сіе время не вручалъ: мы по сіе время почти все вояжируемъ, а княгиня въ деревнѣ [23]). А о препятствіяхъ, въ которомъ числѣ и худое мое здоровье, воспретившихъ мнѣ писать къ вамъ, не упоминаю, чтобы не подумали, что я хочу оправдаться передъ вами. Не хочу, браните меня, милостивый государь, и знайте, что брани ваши съ той стороны мнѣ чувствительны, съ которой лежитъ моя сонная благодарность. Его сіятельство часто на дежурствѣ [24]), каждый разъ черезъ недѣлю; и я при немъ, какъ всегда прежде, такъ и нынѣ, откуду сіе писать честь имѣю. Вотъ нечаянной придворной, а вы меня называете нелюдимкою. Однако не ошиблись: никого, кромѣ стѣнъ дежурной комнаты, не вижу. Какъ ни хладнокровенъ, совсѣмъ тѣмъ выхожу и выбѣгаю видѣть ея величество монархиню, которая къ моему благодѣтелю милостива, отъ котораго она ваши просьбы пріемлетъ. По примѣчанію моему не надѣюсь я васъ видить въ Россіи, ибо вы еще и по сіе время въ Римѣ не были; а въ Римѣ быть да папы не видать, къ томужъ въ Миланѣ жить да Тодескины не поцѣловать, не можно. Она отъ меня научена говорить: радость моя, душа моя. Его сіятельство, будучи крайне недоволенъ графомъ Алексѣемъ Кириловичемъ [25]) за молчанье, напротивъ того крайне доволенъ, что

([19]) Письмо ни къ чему не повело. Екатерина сердилась на Шувалова между прочимъ за то, что Шуваловъ писалъ къ Вольтеру, будто кн. Дашкова возвела ее на престолъ. Весною 1763 г. Шуваловъ уѣхалъ въ чужіе края и пробылъ тамъ 14 лѣтъ сряду.

([20]) Гр. Кириллъ Григ. Разумовскій.

([21]) Голицыной, любимой сестры И. И. Шувалова.

([22]) Т. е рекомендательнаго письма.

([23]) Подмосковномъ селѣ Петровскомъ, Звенигородскаго уѣзда, подлѣ царскаго помѣстья Ильинскаго. Нынѣ оно принадлежитъ внуку упоминаемой княгини, кн. Михаилу Ѳедоровичу Голицину.

([24]) Т. е. при особѣ императрицы.

([25]) Старшимъ сыномъ гр. Разумовскаго, впослѣдствіи министромъ народнаго просвѣщенія. Онъ тогда учился въ чужихъ краяхъ подъ надзоромъ извѣстнаго мистика М. И. Ковалинскаго.

ваше превосходительство къ нему поближе подъѣхали, и есть ли бы не сей случай, то бы поворотилъ, опасаясь всего что̀ съ молодымъ человѣкомъ въ такой отдаленности случиться можетъ. На сихъ дняхъ Иванъ Перфильевичъ [26]), отобѣдавъ въ Петровскомъ [27]), отправился въ Петербургъ для строенія порученнаго ему города; повезъ съ собою и Дмитревскаго актера, для отправленія онаго въ Парижъ, сказываютъ, за новою труппою. А господинъ Тепловъ изъ Малой Россіи пріѣхалъ и устроивъ тамъ свою экономію, намѣреваетъ просить милости о высокомъ вспоможеніи въ приданномъ своей дочери. Его сіятельство былъ у него, ибо онъ пріѣхалъ крайне боленъ, а жена и фамилія въ деревнѣ [28]). Князь Вяземскій пожалованъ сенатскимъ генералъ-прокуроромъ и, кажется, онъ долженъ быть изъ первыхъ у сочиненія проекта новаго уложенія; ибо къ нему многіе литературные люди требуются къ тому дѣлу [29]). Прошлаго воскресенья была во дворцѣ благодарственная ея величеству церемонія отъ депутатовъ, въ которой, сказываютъ, просили депутаты принять титулъ премудрой, великой, матери отечества, на что отвѣтъ былъ достойный сей монархини слѣдующій: премудрость одному Богу; великая, о томъ разсуждать потомкамъ; мать же отечества, то я васъ люблю и любима быть желаю. Сожалѣю, что я не былъ на сей церемоніи ([30]). Сюда въ Коломенское пріѣхали Сибиряки, привезли въ подарокъ драгоцѣнности своей земли, черныхъ лисицъ и протчее. Графъ Алексѣй Григорьевичъ Орловъ крайне опасно былъ боленъ, и нынѣ не гораздо здоровъ и не дежуритъ. Нашъ графъ ([31]) того же имени слава Богу; я съ старикомъ, будучи въ гостинницѣ, много о васъ разсказывалъ, ибо онъ много меня и охотно слушалъ и спрашивалъ. Долгорукому, который былъ послѣдній въ Парижѣ, вашего имени не споминай: какъ порохомъ его взорветъ! Случилось мнѣ его не однажды слушать во дворцѣ, когда онъ на караулъ прихаживалъ. Онъ и меня дѣлалъ своимъ стремленіемъ краснорѣчивымъ и сномъ отягощенныхъ караульныхъ офицеровъ любопытными. Онъ васъ какъ отца и благодѣтеля и наставника для молодыхъ вояжировъ проповѣдуетъ ([32]). Да и кто о томъ, милостивый государь, умолчитъ, кто только доходилъ до вашего знанія? Развѣ я, доброй человѣкъ, у котораго скорѣе сердце нежели языкъ поворотится! Знаете ли, ваше превосходительство, что я вздумалъ? Меня достойное. Вздумалъ проситься въ отставку, удержать славу копченыхъ предковъ моихъ въ винокурнѣ, и стараюсь поскорѣе то сдѣлать, чтобы до вашего пріѣзду не имѣть укорителя себѣ въ моей неблагодарности.

([26]) Елагинъ?

([27]) См. выше примѣч. 23.

([28]) Стало быть, отношенія гр. Разумовскаго съ наставникомъ его Г. Н. Тепловымъ не прерывались и послѣ отмѣны гетманства (1764) Имѣніе Теплова въ Орловской губерніи, село Молдовос, Карачевскаго уѣзда.

([29]) Н. И. Новиковъ, кн. Козловскій, Майковъ, Кутузовъ (впослѣдствіи кн. Смоленскій) и др.

([30]) Любопытно, что въ письмѣ не передается подробностей о засѣданіяхъ коммиссіи объ уложеніи.

([31]) Т. е. старшій братъ гр. Разумовскаго, гр. Алексѣй Григорьевичъ, предшественникъ Шувалова въ милостяхъ имп. Елизаветы.

([32]) Это напоминаетъ стихъ Державина о Шуваловѣ: „Фаросъ младыхъ вельможъ."

Милостивый государь, кажется, доброе сердце имѣю, да не имѣю добраго великодушія. Убожество мое, и къ тому случившееся заарестованье вещей моихъ самыхъ нужныхъ въ таможнѣ, заставили меня попросить денегъ; мнѣ никогда еще не отказывано. Сія просьба, въ которой доступъ во зло употребленъ, такъ мнѣ безстыдною показалась, что я ея никакъ скончать не могъ, какъ сойдти и впрямъ въ бѣдную жизнь, чтобы оправдать просьбу состояніемъ. Ваше превосходительство простите мою фамиліярность. Человѣкъ, который всегда въ свѣтѣ такъ обращался, какъ бы его оставить, когда къ большимъ господамъ, то говоритъ къ ихъ качествамъ больше, а не къ титуламъ; да и Агличане, которые прямо людей почитать знаютъ, вопервыхъ почитаютъ ваши качества. Александра вашъ, любимый слуга его сіятельства, замучилъ меня своею отпускною; что его сіятельство въ Парижѣ обѣщалъ милостиво, то здѣсь со гнѣвомъ слушаетъ. При семъ прилагаю письмо Натальи Кириловны ([33]) къ Алексѣю Кириловичу. Прошу и меня ему вспомнить: онъ меня любилъ въ старые годы. Ваше же превосходительство прошу бранить меня почаще.

([33]) Дочь гр. Разумовскаго, впослѣдствіи Загряжская.

ПИСЬМА ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ II КЪ И. И. ШУВАЛОВУ.

1.

Иванъ Ивановичъ. Увѣдомленія ваши о всемъ томъ, что вы въ путешествіи своемъ между двумя столицами нашли для себя пріятнаго, тѣмъ болѣе служатъ къ моему удовольствію, коль нимало не сомнѣваюся объ истиннѣ оныхъ, знавъ свойственную вамъ искренность и похвальное къ добру общему усердіе ([1]). Пребываю впрочемъ вамъ доброжелательная. Екатерина.

Въ Петергофѣ
Іюля 16 дня 1779 г.

2.

Иванъ Ивановичъ. Коммиссія объ установленіи въ государствѣ народныхъ училищъ по дѣламъ ей ввѣреннымъ на пользу и просвѣщеніе народное, имѣя надобность въ ученыхъ людяхъ, ни отъ кого въ томъ лучшаго пособія заимствовать не можетъ, какъ отъ нашихъ здѣшней академіи наукъ и Московскаго университета: почему воля наша непремѣнная есть, что, естьли кто изъ академиковъ, профессоровъ или адъюнктовъ употребленъ будетъ тою коммиссіею для дѣлъ ей порученныхъ, въ томъ не надлежитъ препятствовать или же затрудненія дѣлать; тѣмъ болѣе, что означенная коммиссія не оставитъ по мѣрѣ трудовъ каждаго доставлять зависящее отъ нея одобреніе; и ежели изъ таковыхъ академиковъ, профессоровъ или адъюнктовъ употребленъ будетъ отъ коммиссіи, оный мѣсто свое въ акаде-

---

([1]) Шуваловъ, возратившійся передъ тѣмъ изъ заграницы, ѣздилъ въ Москву обозрѣвать свой университетъ.

міи или университетѣ со всѣми къ тому принадлежащими выгодами сохранять неотъемлемо долженствуетъ; о чемъ вамъ дая знать для слѣдующаго по тому исполненія, пребываемъ вамъ благосклонны. Екатерина.

Въ С.-Петербургѣ
Марта 4 дня 1784 года.

3.

Иванъ Ивановичъ. Изъ пожалованныхъ отъ насъ Московскому университету на надобности его пятнадцати тысячъ рублей, повелѣли мы нашему кабинету заплатить четырнадцать тысячъ пятьсотъ рублей генералу-порутчику князю Борятинскому, за домъ вами купленный у него для помѣщенія разнаго необходимаго къ университету принадлежащаго, а остальные пятьсотъ рублей вы можете приказать употребить на нужныя починки сего дома ([2]). Пребываемъ впрочемъ вамъ благосклонны. Екатерина.

Въ С.-Петербургѣ
Сентября 26 дня 1785 года.

4.

Иванъ Ивановичъ. Изъ приложенной при семъ копіи письма къ генералу Брюсу усмотрите распоряженія учиненныя нами относительно школъ, пенсіоновъ и другихъ тому подобныхъ училищъ, въ Москвѣ имѣющихся. О надлежащемъ къ исполненію того пособіи со стороны Московскаго университета, вы не оставите дать ваши предписанія. Пребываемъ впрочемъ вамъ благосклонны. Екатерина.

Въ С.-Петербургѣ
Октября 7 дня 1785 года.

([2]) Это тотъ самый домъ, который нынѣ составляетъ главное зданіе Московскаго университета.

СОБСТВЕННОРУЧНАЯ ЗАПИСКА А. П. СУМАРОКОВА (*).

Я нижайше вашему сіятельству объ отцѣ, которой можетъ быть черезъ недѣлю отъѣдетъ въ деревни, а ея величества походъ скоро въ Ростовъ. Онъ одинъ во своемъ чинѣ оставленъ безъ прикрасы.—Фамилія моя можетъ показать знаки вѣрности Петру Великому, котораго отецъ мой крестникъ.—Я надѣюся на ея величество, что и я въ разсужденіи того сколько меня обошли, а именно человѣкъ съ триста, нѣкоторыя поправки достоинъ.—Я же и кромѣ поэзіи можетъ быть нѣкоторыя достоинства имѣю, и могъ бы перомъ моимъ кромѣ стиховъ много принести пользы, а особливо по рефлексіямъ на Россію.—О банковыхъ деньгахъ, которыя съ меня поруки правятъ, напамятуйте.

(*) Писано вѣроятно къ гр. Г. Г. Орлову въ 1763 году. Сообщено *М. М. Евреиновымъ*.

Ю. А. НЕЛЕДИНСКІЙ-МЕЛЕЦКІЙ.

Очерки его жизни, бумаги и переписка его [1].

1. *Дѣтство и первоначальная обстановка.*

Извѣстный писатель, статсъ-секретарь импер. Павла, дѣйствит. тайн. сов., сенаторъ и почетный опекунъ Воспитательнаго Дома, Юрій Александровичъ Нелединскій-Мелецкій род. въ Москвѣ 6 Сен. 1752 года. Онъ происходилъ отъ стариннаго боярскаго рода и связанъ былъ родствомъ съ богатыми и чиновными людьми того вѣка. Мать его, Татьяна Александровна, урожд. княжна Куракина, родная племянница гр. Паниныхъ, свояченица кн. Репнина, скончалась на 23 г. жизни [2]) оставивъ сына по третьему году. Отецъ его, Александръ Юрьевичъ, также потомокъ стариннаго и знатнаго рода, въ то время прапорщикъ лейбъ-гв. Семеновскаго полка, былъ еще весьма молодъ въ то время, какъ умерла жена его. Вскорѣ по смерти жены, красавецъ-вдовецъ уѣхалъ въ чужіе краи, поступилъ волонтеромъ въ австрійскую армію, но во время семилѣтней войны жилъ въ Парижѣ какъ бы въ отпуску, постоянно требуя денегъ отъ старухи-матери. Когда вступила на престолъ Екатерина II, онъ уже числился отъ арміи полковникомъ, но вскорѣ (въ Москвѣ, 31 марта 1763) дали ему такъ называемый *апшидъ* [2]): „жить ему вездѣ свободно, и къ дѣламъ никакимъ безъ особливаго нашего объ немъ указа не опредѣлять“. За тѣмъ Александръ Юрьевичъ уѣхалъ опять въ Парижъ, и снова началъ вытребовать вѣрющихъ писемъ и поручалъ закладывать и продавать свои вотчины. Въ письмахъ его, только въ одномъ упоминаетъ онъ о сынѣ: „всепокорнѣйше прошу увѣдомить меня о сынѣ моемъ и позволить ему за меня ручку вашу поцѣловать“. Въ 1767 году отставной полковникъ возвратился въ Петербургъ, — отъявленнымъ поклонникомъ Вольтера. Это обстоятельство, соединенное съ природнымъ умомъ и съ приманкою парижской общежительности, а также родственныя связи, можетъ быть и близкое родство съ гр. А. П. Бестужевымъ, открыли Александру Юрьевичу доступъ въ частное общество самой императрицы. Вольтеръ назвалъ его въ одномъ изъ своихъ писемъ: „un aimable Russe“. Александръ Юрьевичъ сдѣланъ въ 1768 дѣйств. камергеромъ. Званіе это давало право бывать на куртагахъ, въ эрмитажѣ, играть съ императрицею

[1]) Эти очерки подготовлены, а бумаги и переписка разобраны роднымъ внукомъ Ю. А. Нелединскаго-Мелецкаго *П. Ѳ. Самаринымъ.*

[2]) Родилась 3 іюля 1732 г., вышла за мужъ 6 ноября 1751, ум. 16 дек. 1754.

въ карты, и отъ этого то времени сохранились тщательно завернутыя *двойка червей* и *двойка бубенъ*; на первой написано карандашомъ: *кумъ здравствуй*, на второй: *прошу павѣрить ва всемъ. Екатерина.* Вѣроятно послѣдняя надпись служила роспискою въ уплатѣ денегъ, проигранныхъ императрицею Александру Юрьевичу. Сынъ его отмѣтилъ: „найдены мною въ бумагахъ отца моего". Не зная другой службы, кромѣ придворной, Александръ Юрьевичъ получалъ чины и ленты. 1 янв. 1795 г. онъ переименованъ изъ тайныхъ въ дѣйств. т. совѣтники. По этому случаю сынъ его, жившій тогда въ Москвѣ, въ отставкѣ, написалъ ему поздравительное письмо съ слѣдующими „незатѣйливыми", по собственному его отзыву, стихами:

«Батька на службѣ, а сынъ на печи;
Батькѣ награда, а сыну ничто,
Онъ не участникъ.... Анъ нѣтъ лихъ, не то,
Умственникъ-вральманъ, ты что ни ворчи,
Чувство душевно громчѣй говоритъ,
Гласомъ природы оно намъ твердитъ:
Сынъ у отца завсегда въ половинѣ;
Радость отцова отдастся и въ сынѣ».

Уже почти старикомъ, Алекс. Юрьевичъ вступилъ въ бракъ съ молодою причудницею, гр. Настасьею Никол. Головиною. Онъ умеръ въ глубокой старости, въ 1803 г. въ домѣ единственнаго своего сына, не покинувъ до конца своего вольтеріанства..... Жизнь его, отразившаяся въ уцѣлѣвшихъ бумагахъ, наглядно обличаетъ гибельную сторону переворота, прозведеннаго Петромъ: дѣти тяжеловѣсныхъ бояръ вывѣтривались и всячески раззорялись. Крѣпость быта, залогъ будущаго преуспѣянія, сохранялась наиболѣе въ непокинувшей благочестія женской половинѣ общества. Прекраснымъ характеромъ и отличными качествами сердца Ю. А. Нелединскій былъ обязанъ исключительно своимъ бабушкамъ.

Сироту-малютку взяла на свои руки мать отца его, Анна Ивановна, ур. Талызина. Она была родная тетка гр. Михаила и Алексѣя Петровичей Бестужевыхъ-Рюминыхъ, игравшихъ столь значительную роль во внѣшнихъ и внутреннихъ дѣлахъ Россіи въ теченіи полувѣка. Въ то время Анна Ивановна жила въ Москвѣ, вдовою послѣ Юрія Степановича Нелединскаго-Мелецкаго (начавшаго службу еще стольникомъ при царѣ Ѳедорѣ, сидѣвшаго при Петрѣ въ конюшенномъ приказѣ товарищемъ боярина Тих. Никит. Стрѣшнева и впослѣдствіи бывшаго оберъ-комендантомъ Ярославля и приписанныхъ къ нему городовъ, и сенаторомъ). Она окружежена была почетомъ въ многочисленной роднѣ своей. Сохранившіяся послѣ нея семейныя бумаги довольно ярко изображаютъ намъ ту обстановку, въ которой жила она и въ которой воспитался внучекъ ея Ю. А. Нелединскій-Мелецкій, этотъ „дорогой Юша", какъ называли его. Старушка Анна Ивановна много видѣла на своемъ вѣку, была свидѣтельницею разныхъ превратностей въ судьбѣ близкихъ ей лицъ, а потому привыкла всего бояться и вздыхать о томъ, „какъ легко измѣняется фортуна". Такъ, родная племянница ея, кн. Аграфена Петровна Волконская (ур. Бестужева-Рюмина) въ первые дни царствованія Петра II-го, за участіе въ придворныхъ смутахъ, была пытана и сослана въ Тихвинъ монастырь. Подпись мужа Анны Ивановны, Юрія Степановича, въ числѣ 47-ми, встрѣчается на го-

сударственномъ актѣ 1727 г., утверждавшемъ подлинность завѣщанія имп. Екатерины 1 й. По какой именно причинѣ, неизвѣстно, только Анна Ивановна съ того времени боялась рукоприкладства [3]). Тихая, добрая, набожная женщина была запугана событіями, коихъ была свидѣтельницею. Однако дѣятельною перепискою съ Петербургомъ она, на старости лѣтъ, сохраняла родственныя и дружественныя связи со многими важными лицами, которымъ то улыбалось, то измѣняло счастіе: такъ осталось послѣ нея нѣсколько писемъ къ ней гр. Петра Михайловича и Алексѣя Петровича Бестужевыхъ-Рюминыхъ, Ст. Ѳед. Апраксина, Ивана Лукьяновича Талызина и другихъ. Съ послѣднимъ, будучи сама изъ рода Талызиныхъ, она была въ близкомъ родствѣ, также какъ и съ гр. Бестужевыми, изъ коихъ всесильнаго при Елисаветѣ великаго канцлера Алексѣя Петровича, мужъ ея, въ 1708 году письмомъ изъ Москвы поручалъ милостивому призрѣнію князя Василія Лукича Долгорукаго (посла нашего въ Парижѣ). Изъ писемъ, которыя получала Анна Ивановна, нѣкоторыя приведены ниже въ приложеніяхъ, въ точности списанныя съ находящихся у насъ подлинниковъ, лишь съ перемѣною правописанія, для удобства чтенія.

Домъ Анны Ивановны Нелединской за Сухаревою башнею, въ приходѣ Адріана и Наталіи, былъ пріютомъ сиротъ и безпомощныхъ близкихъ и дальнихъ родственниковъ. Владѣтельницѣ нѣсколькихъ тысячъ душъ родоваго имѣнія Нелединскихъ-Мелецкихъ (въ Тверской губерніи) ей было чѣмъ кормить и безбѣдно содержать призрѣваемыхъ ею, и Юрій Александровичъ на старости лѣтъ, вспоминая про свое дѣтство говаривалъ, что онъ „воспитывался у бабушки своей въ компаніи многихъ сверстниковъ и сверстницъ“. Жила она въ полномъ изобиліи и по тому времени даже въ роскоши: такъ напр. изъ сохранившихся счетовъ, которые присылалъ ей ея петербургскій племянникъ извѣстный адміралъ Иванъ Лукьяновичъ Талызинъ, видно, что она выписывала вина изъ чужихъ краевъ.

У этой-то Московской бабушки провелъ Ю. А. Нелединскій первые 12-ть лѣтъ своей жизни. Онъ вспоминалъ, что она старалась развивать въ немъ наблюдательную способность слѣдующимъ образомъ. Когда у нея бывали гости, она приказывала приводить въ гостиную маленькаго Юшу и въ теченіи короткаго времени заставляла молча и чинно сидѣть при гостяхъ; а на другой день распрашивала у него, кого онъ видѣлъ и что слышалъ. Ему было тогда уже около 9 лѣтъ, и въ это время онъ имѣлъ при себѣ наставникомъ иностранца Де Пексонния (De Pexonne), который принялъ его отъ дядьки, крѣпостнаго человѣка и отъ мамокъ. Мы не знаемъ, какого рода человѣкъ былъ этотъ Французъ и чему именно училъ онъ мальчика Нелединскаго; но вотъ чему онъ подрядился учить по заключенному письменному условію, въ Москвѣ, Мая 5-го 1761 года. „Я нижеподписавшійся обязуюсь въ домѣ ея превосходительства Анны Ивановны Нелединской-Мелецкой обучать внука ея со вся-

[3]) Сынъ пишетъ ей изъ Парижа, что послалъ вѣрющее письмо не на ея имя, такъ какъ «послѣ покойнаго батюшки она ни къ чему руки не прикладываетъ».

кимъ усердіемъ, а именно Французскому языку со основаніемъ и правописанію, ариѳметику и подобныя приличныя науки, какъ хронологію, исторію древнюю и временную, географію и познаніе сферы, Итальянской языкъ и Латинской языкъ, естьли будетъ требовано. Все мое наблюденіе должно простираться въ приготовленіи добронравія, для чего нравоученіе между первымъ попеченіемъ будетъ. Мнѣ же слѣдовать по деревнямъ и жить безспорно, сколько изволитъ ея превосходительство. За оное же мнѣ получать ежегодно по триста рублевъ денегъ, экипажъ, въ мою волю чай, сахаръ, кофе натурою, въ случаѣ моей болѣзни леченіе и лекарство. Оставляю о платьѣ и о протчемъ таковомъ удовольствіи на милость ея превосходительства, которая по усердію моему награждать не оставитъ. По окончаніи всякаго году имѣю просить, дабы порученной въ мое воспитаніе юноша былъ пріятелями дому въ своихъ пріобрѣтеніяхъ освидѣтельствованъ, чрезъ что заслужить милость уповаю. Естьли паче чаянія съ обѣихъ сторонъ воспослѣдуетъ какое неудовольствіе и принудитъ къ разрыву сего контракта, то обѣимъ сторонамъ за три мѣсяца впередъ объявлять. Во свидѣтельство сохраненія по сему съ обѣихъ сторонъ ровныя подписаны сего же числа. De Pexonne."

Чрезъ три года условіе это должно было нарушиться само собою, такъ какъ въ 1764 году сенаторша Анна Ивановна Нелединская скончалась, въ глубокой старости. Вѣроятно сынъ ея пріѣзжалъ изъ чужихъ краевъ за наслѣдствомъ; тутъ нашъ Юрій Александровичъ могъ нѣсколько узнать отца своего, который впрочемъ снова отправился во Францію. 12-ти лѣтній мальчикъ оставленъ былъ на попеченіе другой своей бабушки (уже съ материнской стороны) княгини Александры Ивановны Куракиной, которой тогда было 53 года и которая, сколько намъ извѣстно, жила постоянно въ Петербургѣ.

Такимъ образомъ кончилось Московское воспитаніе Ю. А. Нелединскаго. Жизнь въ бабушкиныхъ деревняхъ и въ Москвѣ, которая тогда по всей бытовой обстановкѣ походила на обширную, привольную деревню, должна была имѣть вліяніе на привычки и характеръ Нелединскаго. Хотя и въ Петербургѣ въ то время жили несравненно шире и проще, чѣмъ впослѣдствіи, тѣмъ не менѣе переѣздъ туда для мальчика Нелединскаго былъ важнымъ событіемъ. Если въ домѣ старшей своей бабки онъ много набрался старинной, благочестивой и задушевной простоты, и напитался вѣковѣчныхъ и общенародныхъ началъ Русской жизни, то въ Петербургѣ наступило для него образованіе во внѣшнихъ Европейскихъ формахъ. Князья Куракины, вслѣдствіе долгой службы въ заграничныхъ посольствахъ, одни изъ первыхъ Русскихъ семей усвоили себѣ пріемы и лоскъ Европейскаго, и преимущественно Французскаго просвѣщенія. Московскій мальчикъ Юша, до того времени обучавшійся одинъ, теперь очутился въ обществѣ и подъ одною кровлею съ цѣлою толпою двоюродныхъ своихъ братьевъ,—тоже сиротъ-мальчиковъ, князей Куракиныхъ, изъ которыхъ старшій, впослѣдствіи канцлеръ всѣхъ Россійскихъ орденовъ, кн. Александръ Борисовичъ былъ ровестникъ нашему Нелединскому.

Семеро этихъ князьковъ, осиротѣвъ послѣ смерти отца своего гофмейстера, князя Бориса Александровича (+1764) и матери, знаменитой красавицы Елены Степановны, ур. Апраксиной (+1768), воспитывались у той же бабушки кн. Александры Ивановны. Мы можемъ угадывать нѣкоторыя черты этого воспитанія: князья Куракины выросли честными людьми, но въ то же время совершенно въ родѣ великолѣпныхъ Французскихъ маркизовъ. Въ Петербургѣ жили тогда и воспитывались, если не въ одномъ домѣ, то почти вмѣстѣ, еще цѣлый рядъ двоюродныхъ братьевъ Нелединскаго, князей Лобановыхъ-Ростовскихъ, дѣтей кн. Екатерины Александровны Куракиной, изъ коихъ одинъ, кн. Яковъ Ивановичъ былъ впослѣдствіи обер-камергеромъ, а другой достойнѣйшій князь Дмитрій Ивановичъ министромъ юстиціи. Дѣтское общество разнообразилось немалымъ количествомъ двоюродныхъ сестрицъ, и Нелединскій жилъ и учился какъ бы въ нѣкотораго рода пансіонѣ.

Окруженная внучатами Александра Ивановна Куракина (1711—1786) пользовалась большимъ значеніемъ въ Петербургскомъ высшемъ обществѣ, въ особенности по братьямъ своимъ (коихъ она была много старше) графамъ Панинымъ, Никитѣ и Петрѣ Ивановичамъ. Графъ Никита, воспитатель великаго князя Павла Петровича и вицеканцлеръ, былъ на ту пору важнѣйшимъ государственнымъ лицомъ въ Россіи. Тутъ то молодой Нелединской имѣлъ случай бывать въ обществѣ будущаго императора (который былъ двумя годами его моложе), и это дѣтское знакомство имѣло вліяніе на дальнѣйшую судьбу Юрія Александровича. Около пяти лѣтъ воспитывался онъ въ домѣ у этой бабушки, подъ ближайшимъ надзоромъ ея дочери, своей незамужней тетки, княжны Аграфены Александровны (1734—1791).

Какъ и чему учился онъ въ Петербургѣ, мы въ подробностяхъ не знаемъ. Въ началѣ 1769 года его, вмѣстѣ съ двоюродными братьями, послали за границу, учиться въ Стразбургскій, тогда преимущественно посѣщаемый Русскими юношами университетъ; но ровно черезъ годъ онъ былъ выписанъ обратно въ Петербургъ, „по весьма справедливымъ жалобамъ приставленнаго къ нему гувернера,“ какъ самъ онъ выражается о себѣ ([4]).

Такимъ образомъ, первоначальное воспитаніе Нелединскаго прошло подъ вліяніемъ двухъ бабушекъ. Съ одной стороны это вліяніе, а съ другой сиротство безъ сомнѣнія подѣйствовили на его нѣжную отъ природы душу и отозвались заунывностью лучшихъ его пѣсней, которыя такъ долго распѣвала у насъ вся образованная Россія и которыя доселѣ не утратили своей прелести.

(Продолженіе впредь)

([4]) Въ автобіографической запискѣ, о которой будетъ говорено ниже. Вѣроятно, по причинѣ шалостей въ Стразбургѣ, кн. Александръ Борисовичъ Куракинъ тоже былъ вызванъ въ Петербургъ и въ слѣдующемъ 1770 г. отправленъ доучиваться въ Лейденъ. Онъ оставилъ намъ любопытныя записки о томъ времени, въ Чертк. библіот. по печатному каталогу № 3016. Сличи въ этой книгѣ стр. 20.

Приложенія.

1. *Письмо Юрія Степановича Нелединскаго къ кн. В. Л. Долгорукому* (5).

Государь мой и благонадежный другъ князь Василей Лукичь. Здравіе ваше моего государя да сохранитъ вседержащая десница Божія на вѣки. Зѣло, мой государь, безсчастна себя быти вмѣняю, еже не точію бы чрезъ многія числа, но и мѣсяцы не получаю къ себѣ отъ вашей милости желательнаго мнѣ вашего писанія: мню, что я у милости вашей забвенію преданъ есмь. Того ради покорнѣ прошу вашу милость, пожалуй, мой государь, прикажи ко мнѣ отписать о своемъ многолѣтномъ здравіи, о немъ же истинно всегда слышать желаю. Въ домѣ вашемъ, моего государя, все далъ Богъ здорово. Общее мое прошеніе было съ князь Лукою Өедоровичемъ (6) и прочими до твоей сожительницы, моей государыни, о племянникѣ моемъ Алексѣѣ Петровѣ сынѣ Бестужево-Рюминѣ (7), которому по имянному царского пресвѣтлого величества указу велѣно быть въ Европскихъ государствахъ для науки, чтобъ его Алексѣя взять на корабль и отвесть при себѣ до вашей моего государя милости. И нынѣ по вашей милости и въ надѣяніи неотмѣнной вашей ко мнѣ склонности его Алексѣя до твоего благородія съ сожительницею твоею моей государыней я отправилъ; и какъ онъ къ тебѣ моему государю прибудетъ, прошу твоей милости, пожалуй, государь, будь къ нему милостивъ и во всемъ къ нему милостивно призри, дабы ему не тунѣ время препроводить, но всякую благость на пользу по желанію нашему чрезъ твою милость получить. Паки прошеніе мое повторяю, пожалуй, батько мой, не презри о сей прозьбѣ моей; а я въ той надеждѣ на милость твою власно такъ какъ бы на рождшаго своего всегдашній вашъ моихъ государей слуга Юрья Нелединской.

Москва. Мая 3 дня 1708.

(5) Знаменитый своимъ умомъ, коварствомъ и несчастною участію кн. В Л. Долгорукій находился тогда посломъ въ Даніи.

(6) Отцемъ князя Василія Лукича, роднымъ братомъ славнаго кн. Якова Өедоровича; отъ обоихъ потомства не осталось.

(7) Бестужеву (мать котораго Талызина, родная сестра жены этого Нелединскаго) было тогда 15 лѣтъ: онъ опредѣленъ учиться въ Берлинъ.

2. *Указъ Петра Великаго Ю. С. Нелединскому.*

Ѣхать тебѣ къ Москвѣ и тамъ объявить губернатору, что ты присланъ съ мастерами для дѣланія кожъ (къ которому указъ о вспоможеніи вамъ отдать) и потомъ тѣхъ, которые кожи дѣлаютъ, учить со всякимъ прилежаніемъ и размножать по крайней силѣ; также, которые станутъ изъ всего государства для сего ученія пріѣзжать, и оныхъ равнымъ же образомъ обучать какъ и Москвичь. Что же къ тому какихъ матеріаловъ и протчего надлежитъ, и то требовать отъ губернатора. „Сіе все исполнять съ прилежаніемъ, чтобъ въ указное время было конечно исполнено, ибо взыщется не легко на тебѣ. Петръ" (8).

Данъ въ Санктъ Питербурхѣ
въ 3 день Ноября 1715 г.

3. *Письмо гвардейца А. Ю. Нелединскаго къ матери своей въ Москву.*

Милостивая государыня матушка. Милостивое ваше письмо отъ 11-го Октября исправно получилъ, гдѣ милостиво изволите напоминать, чтобъ я осторожно поступалъ и о которой невѣстѣ писалъ, чтобъ разсмотрѣлъ достоинства ея, ибо и другая въ ономъ домѣ есть. И я вамъ, милостивая государыня матушка, доношу: въ началѣ уповаю на Божескую милость, потомъ ваше мнѣ благословеніе, помянутая невѣста мнѣ нравна и уповаю, что вамъ не противна будетъ.

(8) Означеное кавычками писано собственноручно.

Всемѣрно бы желалъ съ вами увидѣться и болѣе бъ свое мнѣніе словесно могъ донесть, только Степанъ Ѳедоровичъ (9) сказалъ, что до генваря отпустить нельзя никово изъ тѣхъ, кто въ докладѣ не писаны; а особливо не уповаю докладу быть, развѣ когда вы изволите дать мнѣ позволеніе, то будутъ государынѣ докладывать съ стороны княгини Куракиной (10). А съ моей я уповаю, то надлежитъ отписать просительное письмо къ графу Алексѣю Петровичу (11), что вы намѣрены женить меня и чтобъ онъ съ моей стороны доложилъ. А ему оная женитба непротивна будетъ, и при томъ уповаю, что въ прапорщики войду, а уже по докладу полковому мнѣ будетъ слѣдовать въ подпоручики. Я вижу, милостивая государыня матушка, что сватанья за меня много будетъ, да можетъ быть не на такъ пріятной, о которой я нынѣ вамъ изъясняю и сожалѣть буду, ежели мимо меня пройдетъ. А уже съ ихъ стороны и недовольство есть, что отъ Ивана Лукьяновича (12) отвѣтъ ничево не значитъ. И тако, милостивая государыня матушка, покорно прошу отпустить мнѣ дерзновенное мое прошеніе и искреннее вамъ открытіе моихъ мнѣній; знаю, что ваша ко мнѣ матерняя милость и любовь имѣетъ попеченіе къ моему лучшему. Во ожиданіи милостиваго вашего повелѣнія и благословенія, пребываю съ глубочайшимъ почтеніемъ, милостивая государыня матушка, вашъ всепокорнѣйшій сынъ Александръ Нелединской Мелецкой.

Ст. Петербургъ.
Октября 18 день
1750 году.

(9) Апраксинъ, будущій фельдмаршалъ, командовавшій тогда Семеновскимъ полкомъ.

(10) Будущей тещи.

(11) Великому канцлеру Бестужеву, который былъ двоюроднымъ братомъ писавшему это письмо.

(12) Талызина, другаго двоюр. брата.

4. *Письмо С. Ѳ. Апраксина къ А. И. Нелединской.*

Милостивая государыня моя Анна Ивановна. Я уповаю, что вы уже давно извѣстны, что сынъ вашъ сюда пріѣхалъ и хотя было его для свиданія съ вами и надлежало къ вамъ отпустить (въ чемъ, уповаю, я вамъ и услужу), только мое желаніе есть, чтобъ онъ къ вамъ поѣхалъ офицеромъ, а не сержантомъ, чего я ему сердечно желаю.

При томъ же я вамъ объявить имѣю, что я дочь свою помолвилъ за князь Бориса Александровича Куракина, о чемъ уповаю и вы уже не безъ извѣстны. И тако мы нынѣ съ княгинею Александрою Ивановною находимся въ сватовствѣ. Почему желаю и сына вашего въ томъ сватовствѣ видѣть, что̀, уповаю, и вамъ противно не будетъ, и для того прошу намъ съ Иваномъ Лукьяновичемъ дать позволеніе его сватать. А его на то желаніе есть, только онъ, какъ я знаю, всегда (когда еще былъ и за моремъ) изъ вашей воли не выступаетъ, то и теперь безъ вашего позволенія дѣйствительно въ то дѣло вступить не отваживается. А мнѣ разсуждается, оное вамъ противно всеконечно не будетъ, что онъ у княгини Александры Ивановны дочь возметъ и намъ сватъ будетъ. Чего ради и прошу васъ дать въ томъ позволеніе, а мы помолвимъ. Также, ежели Богъ изволитъ, можетъ быть и офицеромъ будетъ, то его и къ вамъ отпустимъ. „Пожалуй, матушка тетушка, послушай племянника, оправь; васъ всегда люблю и почитаю и съ тѣмъ остаюсь, милостивая государыня тетушка, вашъ вѣрный слуга и племянникъ Степанъ Апраксинъ“.

18 Октября 1750.
(Спб.)

5. *Письмо къ ней же княгини А. И. Куракиной.*

Государыня моя Анна Ивановна, по воли всемогущаго Бога и всемилостивѣйшаго ея императорскаго величества

позволенію и въ надеждѣ, что оное и съ согласія вашего, четвертаго дня вечеру помолвила дочь свою княжну Татьяну за сына вашего. Уповаю, что вамъ удостоится своимъ почтеніемъ, которую препоручая о содержаніи въ вашей милости, остаюсь вамъ, государыня моя, „покорная слуга К. А. Куракина“.

Санктъ Петербурхъ 17 Декабря
1750.

6. *Реэстръ силовой свадьбы Александра Юрьевича Неледипскаго.*

А имянно,	Рубли.
Дано ему на покупку шоръ. . .	350
Къ свадьбѣ на дѣланіе ему платья и уборъ лаврейной.	800
Человѣку его Гаврилѣ дано на покупку дровъ, сѣна, овса, муки, крупъ, людямъ на указное . .	200
Порученъ былъ свадебной расходъ гвардіэ Семеновскаго полку порутчику Приклонскому; по его щетамъ дано ему денегъ. . .	1487

въ которыхъ показано: поваръ или метордотель Өуксъ для стола Ея Императорскаго Величества, гдѣ было 57 персонъ, по росписи его на всякіе съѣстные припасы, мясо, рыба и протчее что къ поварнѣ надлежитъ 357 р. 60 к.

Ему Өуксу за труды въ почесть 50 р.

Мункоку и протчимъ поварамъ и поваренымъ служителемъ 150 р.

А достальные . . . . 929 р. 40 коп. въ расходѣ, яко то приборъ дому всякимъ удобнымъ и пристойнымъ образомъ; починка, переправка, какъ наружѣ такъ и внутри, вновь дѣланные поварни, очаги, переправка очагамъ; для иллуминаціи щиты и 4000 болѣе плошекъ; музыканты на два дни дворцовые, которые стоятъ 120 р.; дача на конюшню за цуги дворцовые, гдѣ женихъ и невѣста ѣхали. Муншенки, тафель-декари, кофешенки и ихъ помощники, кто серебро привозилъ, чистилъ, кто съ бѣльемъ, и протчіе служители дворцовые; еще съ ряднюю кто пріѣзжалъ, потомъ съ приданымъ на цуги, и на тѣхъ людей дачи; при свадьбѣ многіе взяты офисіанты, яко то изъ дому графа Алексѣя Петровича, Степана Өедоровича Апраксина, княгини Александры Ивановны, не менѣе 20 человѣкъ солдатамъ гвардіи для караулу, и прежде свадьбы во услуженіе на полныхъ полковъ солдатамъ съ ихъ ундеръ-офицерами, которыхъ не менѣе было 150 человѣкъ.

	Руб.	коп.
Потомъ другіе пять столовъ были отданы на подрядъ вольному повару, и съ рыбою дано за два дни. . .	280	
Конфектурщику на всѣ столы на оба дни дано	328	
Вина разныхъ сортовъ къ свадьбѣ приготовлено на .	475	70
Еще куплено мною 1000 бутылокъ.	28	
1000 пробокъ	2	
Сахару 5 пудъ.	35	
Кофи три пуда.	30	
Меду съ вареньемъ. . . .	11	
6-ть пудъ свѣчь бѣлыхъ вощеныхъ.	90	
4 өунта чаю	6	
Чекулату 5-ть өунтовъ. . .	4	
Полотна на рубаху и батисту на галстуги.	6	
По полуящику лимоновъ, яблокъ и грушъ	10	
Уксусу анкерокъ	4	
Попу на молебенъ.	1	
За тѣмъ порутчику Приклонскому за его труды купленъ и подаренъ камзолъ серебренной.	35	
При немъ при управленіи во все время приходовъ и расходовъ и всякихъ пріемовъ употреблены два сержанта Семеновскаго полку, куплено имъ сукна краснаго и зеленаго 14 аршинъ	28	

ИТОГО. 4210 р. 70 к.

За тѣмъ у меня въ остаткѣ 289 р. 30 к.

7. *Письмо гр. А. П. Бестужева къ А. И. Нелединской.*

Государыня моя тетушка Анна Ивановна. Прилагая при семъ два письма отъ любезнаго вашего превосходительства сына, находящагося при командующемъ Аустріискою арміею генералъ-фелдмаршалѣ графѣ Дауиѣ волонтиромъ, я имѣю честь васъ увѣдомить, что онъ не только въ совершенномъ здоровьѣ, но и во время своего тамо пребыванія, а особливо въ послѣдовавшую недавно баталію и щастливо одержанную Аустрійцами надъ Прусаками побѣду, храбрыми своими поступками не малую похвалу себѣ пріобрѣлъ. Я тѣмъ ваше превосходительство поздравляя, не сумнѣваюсь, что пріемлемое мною въ томъ участіе примите за знакъ моей къ вамъ дружбы, пребывая въ прочемъ съ неотмѣннымъ почтеніемъ, вашего превосходительства послушный слуга „Гр. А. Бестужевъ-Рюминъ“.

Въ Санктпетербургѣ
26-го Іюня
1757.

8. *Письмо къ А. И. Нелединской кн. Б. А. Куракина.*

Милостивая государыня моя Анна Ивановна, я радуюся, что могу какъ вамъ въ утѣшеніе, такъ равномѣрно и по своему кровному обязательству нѣкоторое основаніе Юшѣ доставить ([13]), съ чѣмъ васъ имѣю честь поздравить. Боже дай, чтобъ впредь продолженіе въ силѣ моей было, чего всегда стараться стану. Я, заочно слыша объ немъ, радуюся, чтобъ онъ въ утѣшеніе ваше, которое происходитъ отъ вашего воспитанія, что ему конечно жизни своей предпочесть должно. Впротчемъ съ должнымъ почтеніемъ есмь, милостивая государыня моя, покорный слуга Куракинъ. Прошу фурьера отъ меня поцѣловать, поздравить.

С.П.Б. Октября 29
1758 г.

([13]) Вѣроятно рѣчь идетъ о записаніи въ службу 6-ти лѣтняго Ю. А. Нелединскаго и о зачисленіи его фурьеромъ.

9. *Письма къ ней же отъ сына.*

Милостивая государыня матушка!, Милостивыя письма ваши до 10 № всѣ исправно получилъ и приложенный вексель на 1000, за которые всепокорнѣйше благодарствую. Виноватъ, милостивая государыня матушка, что давно не писалъ къ вамъ; причина тому, что за близостію непріятельской арміи, которая нѣкогда и въ виду у насъ была, принуждены были не только мы, но и самъ фельдмаршалъ въ полѣ нѣсколько дней ночевать, гдѣ и досталъ флюсъ, отъ котораго зубы и голова такъ болѣли, что я почи не спалъ. Таперь непріятель изъ Богеміи вошелъ въ Саксонію, и мы такъ же за нимъ вошли и стоимъ на одномъ мѣстѣ около двухъ недѣль покойно, кромѣ малыхъ отдѣленныхъ корпусовъ и аванпостовъ, которые нѣкогда съ непріятельскимъ въ сраженіи бываютъ, а армія по взятьи города Цитау стоитъ праздно. Пребываю съ наиглубочайшимъ почтеніемъ, милостивая государыня матушка, вамъ всепокорнѣйшій сынъ Александръ Нелединской Мелецкой.

Въ Цитау.
Іюля 30 день.
1757.

Милостивая государыня матушка! Съ прошедшими почтами писемъ отъ васъ не получалъ, что я приписываю отъѣзду вашему въ деревню; предъ симъ послалъ я по приказу вашему вексель, которой, думаю, уже дошелъ. Только я отвѣту отъ васъ, милостивая государыня, не имѣлъ. Вамъ смѣшно покажется, что въ немъ я титулованъ графомъ: да ужъ этова перемѣнить нельзя, я между этими людьми такъ затверженъ. Пребываю съ наиглубочайшимъ почтеніемъ, милостивая государыня, вашъ все-

покорнѣйшій сынъ Александръ Нелединской Мелецкой.

Въ Вѣнѣ 7 Іюля.
1758 г.

Милостивая государыня матушка! Милостивыя письма ваши по 60-е получилъ и вѣрющее подписавъ при семъ посылаю. Знаю, что вы отъ меня давно оныхъ не получали и не изволите вѣдать, что я третей мѣсяцъ въ Парижѣ, куда меня князь Дмитрей Михайлычъ Голицынъ увезъ, обѣщая за меня въ ономъ отвѣтствовать что̀ уже и сдѣлалъ; только прошу, милостивая государыня, объ ономъ не говорить; чтожъ до писемъ моихъ касается, я пріѣхавъ сюда понещастью взялъ лакея плута, который письма на почтѣ не отдавалъ, а деньги за оныя пропивалъ; а нашлось оное такимъ образомъ, что онъ отъ глупости письма̀ не сжогъ. Впредь буду осторожнѣе поступать. Поздравляю васъ, милостивая государыня матушка, съ фурьеромъ; я думаю, что мнѣ надобно за оное благодарить князя Бориса Александровича. Пребываю съ наиглубочайшимъ почтеніемъ, милостивая государыня матушка, вашъ всепокорнѣйшій сынъ Александръ Нелединской Мелецкой.

30 Генваря
1759 г.

ПИСЬМА А. С. ПУШКИНА КЪ П. А. ОСИПОВОЙ.

Эти письма Пушкина обязательно предоставлены въ наше распоряженіе Алексѣемъ Николаевичемъ Вульфомъ, сыномъ П. А. Осиповой (отъ перваго ея брака). Въ статьяхъ нашихъ „Прогулка въ Тригорское", напечатанныхъ въ Спб. Вѣдом. (1866 г. №№: 139, 146, 157, 163-168 и 175) мы отчасти познакомили публику съ содержаніемъ этихъ писемъ; но такъ какъ письма приведены были нами въ отрывкахъ и большею частью въ переводѣ, то, разумѣется, для почитателей памяти поэта будетъ пріятно, а для будущихъ его біографовъ и необходимо, имѣть предъ собою эти письма вполнѣ и при томъ въ подлинникахъ.

Прасковья Александр. Осипова, ур. Вындомская (род. въ 1780 г. умерла около 1859 г.) умная и литературно-образованная женщина, была владѣтельницею села Тригорскаго, въ полуторѣ или двухъ верстахъ отъ сельца Михайловскаго, принадлежавшаго Пушкинымъ. Г-жа Осипова, съ давняго времени, была весьма близка къ семейству С. Л. Пушкина, но Александра Сергѣевича, кажется, узнала только съ перваго года по выходѣ его изъ Лицея. Молодой Пушкинъ скоро привязался къ другу его семейства, и эта привязанность обратилась въ чувство глубокой и искренней дружбы съ того времени, когда поэтъ нашъ, лѣтомъ 1824-го года, водворенъ былъ на жительство въ „Михайловскомъ" или (какъ онъ любилъ ошибаться, называя свое мѣстопребываніе) въ Тригорскомъ. Вмѣстѣ съ привольемъ вполнѣ обезпеченной жизни, онъ находилъ въ семействѣ г-жи Осиповой людей вполнѣ ему сочувственныхъ, понимавшихъ изящное во всѣхъ его проявленіяхъ, добрыхъ, веселыхъ и умныхъ. Прасковья Александровна года за два передъ тѣмъ вторично овдовѣла и жила съ дѣвицами-дочерьми. Съ іюля 1824-го по сентябрь 1826-го года, Пушкинъ, какъ говорится, живмя жилъ въ гостепріимномъ Тригорскомъ. Здѣсь и сама хозяйка, и ея дѣти любили Пушкина, какъ брата, какъ самаго дорогаго друга. Пушкинъ платилъ тѣми же чувствами любви и дружбы, и они прекрасно выражены имъ въ письмахъ къ Прасковьѣ Александровнѣ. Пушкинъ никогда ея не забывалъ: онъ обращался къ ней во всѣ переходы своей коловратной жизни, съ 1824-го года, и съ полнымъ чистосердечіемъ повѣрялъ ей, не задолго еще до своей кончины, всю горечь судьбы своей..... (*)

(*) Отношенія Пушкина къ П. А. Осиповой отчасти напоминаютъ собою отношенія Карамзина къ Настасьи Ивановнѣ Плещеевой. Благо-

Что до Алексѣя Николаевича Вульфа, письма къ которому также печатаются здѣсь, то сблизившись съ нимъ въ то время, когда Вульфъ пріѣзжалъ къ матери своей въ Тригорское на вакаціи изъ Дерптскаго университета ([1]), Пушкинъ всегда считалъ его въ числѣ своихъ добрыхъ, искренно любившихъ его друзей и почитателей его таланта, и въ свою очередь отдавалъ справедливость уму и образованію своего друга (см. отзывъ Пушкина о Вульфѣ въ Матер. Анненковымъ, стр. 281) Письма Пушкина къ Вульфу—шутки, проказы поэта: онъ обращается къ нему какъ къ удалому, любившему въ часъ досуга пошутить и погулять, студенту.

М. Семевскій.

1.

Voici, madame, deux lettres à votre adresse qui viennent d'arriver. L'une est de Pletnef et était incluse dans la mienne.

J'espére que lorsque vous aurez reçu ces lettres, vous serez arrivé à Riga gaiment et heureusement. Mes amis de Pétersbourg étaient persuadés que je vous accompagnerais. Pletnef m'écrit une nouvelle assez étrange: la decision de S. M. leur a paru un malentendu et l'on est résolu de Lui en parler de nouveau. Mes amis se donneront tant de peine, qu'on finira par m'enfermer à Schlusselbourg où certes je n'aurai pas le voisinage de Trigorsky, qui tout désert qu'il est maintenant, est encore pour moi une consolation.

J'attends bien impatiement de vos nouvelles; donnez m'en, je vous en supplie. Je ne vous parle par de ma respectueuse amitié, ni de mon éternelle reconnaissance. Je vous salue du fond de mon âme.

25 Juillet ([2])

Пер. Препровождаю къ вамъ, милостивая государыня, два письма на ваше имя. Одно отъ Плетнева: оно было вложено въ мой конвертъ. Я надѣюсь, что эти письма застанутъ васъ уже въ Ригѣ, веселою и довольною путешествіемъ. Мои Петербургскіе друзья были увѣрены, что я васъ сопровождаю. Плетневъ сообщаетъ мнѣ довольно странную вѣсть: опредѣленіе Е. В. показалось имъ недоразумѣніемъ, и они рѣшились снова Ему доложить. Услуги пріятелей доведутъ меня, пожалуй, до Шлюссельбурга, гдѣ конечно не будетъ сосѣдства Тригорскаго,—которое, какъ бы пусто оно ни было въ эту минуту, доставляетъ мнѣ истинное утѣшеніе. Жду съ нетерпѣніемъ вѣсти отъ васъ; пишите мнѣ, прошу васъ; умолчу о моихъ чувствахъ дружбы и вѣчной благодарности къ вамъ и прошу принять мой душевный привѣтъ.

25-го Іюля.

2.

Vous avez reçu, madame, de Pskow une lettre inutile que j'ai anéantie. Je vous envoye une autre de Batovo et une autre de ma mère: vous verrez quelle belle âme est ce Жуковскій. Cependant comme je ne puis absolument pas me faire l'opération par Moer, je viens de lui écrire pour le conjurer de ne pas venir à Pskow. Je ne sais d'ou viennent les espérances de ma mère, mais il y a longtemps que je ne crois plus aux espérances.

дарность потомства лицамъ, которыя, тонкимъ чувствомъ женскаго сердца, съумѣли раньше другихъ оцѣнить по достоинству высокихъ избранниковъ! *П. Б.*

([1]) Прасковья Александровна была въ первомъ замужствѣ за Николаемъ Ивановичемъ Вульфомъ и отъ этого брака имѣла дѣтей: Анну, Евпраксію и Алексѣя.

([2]) Письмо это отправлено изъ сельца Михайловскаго, 25 Іюля 1825 г. въ г. Ригу, куда П. А. Осипова уѣзжала въ это время съ дочерьми своими Анной и Евпраксіей и племянницей своей Анной Петровною Кернъ (ур. Полторацкою) къ мужу послѣдней, генералу Ермолаю Ѳедоровичу Кернъ, бывшему тогда комендантомъ въ г. Ригѣ.—Писано на осьмушкѣ, безъ адреса рукою П. А. О. отмѣчено: „1825“.

Rikotof a été me voir le lendemain de votre départ, il eut été plus aimable de me laisser m'ennuyer tout seul. Hier j'ai rendu visite au chateau de Trigorsky, à son jardin, à sa bibliothèque. Sa solitude est véritablement poëtique, puisqu'elle est pleine de vous et de votre souvenir. Ses aimables hôtes devraient se hater d'y retourner; mais ce souhait tient trop à mon egoisme de famille; si Riga vous amuse, amusez vous et souvenez vous quelquefois de l'exilé de Trigorsky (c. à. d. de Michailovsky): vous voyez que je confonds nos habitations et toujours par habitude.

29 Juillet.

Au nom du ciel, madame, n'ecrivez rien à ma mère concernant mon refus à Moer, cela ne ferait qu'un bruit inutile, car mon parti est pris ([3]).

Милостивая государыня. Вы получили изъ Пскова безполезное письмо, которое я уничтожилъ, посылаю вамъ другое изъ Батова и отъ матушки. Вы увидите, какая чудная душа этотъ Жуковскій. Но я рѣшительно не могу позволить Мойеру дѣлать мнѣ операцію и сей часъ писалъ ему, умоляя его не пріѣзжать въ Псковъ. Не знаю, какъ можетъ еще матушка надѣяться; я уже давно утратилъ всякую надежду. Рокотовъ явился ко мнѣ на другой день вашего отъѣзда; было бы любезнѣе оставить меня одного скучать. Я посѣтилъ вчера Тригорскій замокъ, его садъ и библіотеку. Тамошнее уединеніе полно поэзіи, потому что оно полно вами и воспоминаніями о васъ. Его любезные хозяева должны были бы поспѣшить возвращеніемъ; но это желаніе слишкомъ отзывается эгоистическимъ чувствомъ семьянина; если Рига вамъ нравится, веселитесь и вспоминайте иногда изгнанника Тригорскаго (т. е. Михайловскаго): вы видите, я смѣшиваю наши жилища, и все по привычкѣ.

29 Іюля.

Бога ради не пишите матушкѣ объ отказѣ Мойеру; это поведетъ къ безполезнымъ толкамъ: я уже порѣшилъ съ этимъ дѣломъ.

*

Прим. Обстоятельства жизни Пушкина за то время еще не совсѣмъ разъяснены. Видно, что П. А. Осипова писала въ Петербургъ къ Жуковскому о привезенномъ изъ Одессы поэтѣ, и получила отъ него слѣдующій отвѣтъ (Спб. Вѣд. 1866, № 146): „М. г. Прасковья Александровна, я имѣлъ честь получить письмо ваше, которое, признаюсь, привело меня въ совершенное замѣшательство: я не зналъ, что дѣлать, кого просить и о чемъ. Слава Богу, что все само собою устроилось. Левъ Пушкинъ увѣрялъ меня, что письмо къ Адеркасу ([4]) остановлено, и что оно никакихъ слѣдствій имѣть не можетъ. И жаль мнѣ: ничего теперь дѣлать не нужно; и я этому сердечно радъ, ибо увѣренъ, что могъ бы скорѣе повредить, нежели принести пользу. Изъ письма Алек. П. заключаю, что печальное его положеніе сдѣлалось еще для него тягостнѣе отъ семейственнаго несогласія. И кажется мнѣ, что въ этомъ случаѣ всѣ виноваты. Я увижусь съ Сергѣемъ Львовичемъ и скажу ему искренно что̀ думаю о его поступкахъ;

([3]) Письмо писано изъ Михайловскаго, на осьмушкѣ; рукою П. А. О. отмѣчено „1825 годъ". Пушкинъ хлопоталъ въ это время о дозволеніи съѣздить за границу, для чего сочтено было необходимымъ предварительно имѣть свидѣтельство о его нездоровьи отъ Дерптскаго профессора, знаменитаго оператора Мойера, человѣка, связаннаго дружбою съ В. А. Жуковскимъ. Все это дѣло и хлопоты по сему предмету друзей Пушкина не привели ни къ чему. У покойнаго Ивана Филиповича Мойера, какъ онъ самъ передавалъ намъ, хранилось письмо Пушкина съ просьбою не пріѣзжать къ нему и увѣреніями, что болѣзнь его не нуждается въ операціи. *П. Б.*

([4]) Борисъ Антоновичъ фонъ Адеркасъ былъ въ то время Псковскимъ гражд. губернаторомъ. Очевидно, что Жуковскій писалъ къ нему о смягченіи участи ссыльнаго поэта. *П. Б.*

не знаю, поможетъ ли моя искренность. А ваша дружба пускай дѣйствуетъ благодѣтельно на нашего поэта. Примите мою благодарность за довѣренность, которой вы меня удостоили. Усерднѣйше прошу васъ увѣдомить меня о слѣдствіяхъ, которыя имѣло письмо къ Адеркасу; я не надѣюсь, чтобъ А. взялъ на себя этотъ трудъ: онъ слишкомъ для этого безпеченъ. Съ совершеннымъ почтеніемъ и пр."

3.

J'arrive à l'instant de chez vous; la petite se porte très bien et m'a reçu de la manière la plus aimable. Nous avons eu un temps affreux, du vent, des orages etc: voici toutes les nouvelles que je puis vous donner; je suppose que celles de votre intendant seront plus variées.

Recevez, madame, les assurances de ma parfaite considération et de mon attachement. Je me recommande au souvenir de toute votre aimable famille.
1 Août ([5]).

Я сію минуту отъ васъ. Малютка совершенно здорова и приняла меня очень любезно. Погода у насъ стояла ужасная, вѣтеръ, бури и пр. Вотъ и всѣ новости, какія могу вамъ сообщить. Полагаю, что письма вашего управляющаго будутъ подробнѣе. Примите, милостивая государыня, увѣреніе въ совершенномъ уваженіи моемъ и преданности. Прошу напомнить обо мнѣ всей любезной семьѣ вашей.
1 Августа.

4.

C'est hier que j'ai reçu, madame, votre lettre du 31, du lendemain de votre arrivée à Riga. Vous ne sauriez vous imaginer combien cette marque d'affection et de souvenir m'a été sensible: elle a été droit à mon âme, et c'est bien du fond de l'âme que je vous en remercie.

C'est à Trigorsky que j'ai reçu votre lettre. An. Богд. m'a dit qu'on vous attendait vers la mi-Août: je n'ose l'espérer.

Que vous disait donc m-r K. concernant la surveillance paternelle de m-r A. à mon égard? Sont-ce des ordres positifs? M-r K. y est-il pous quelque chose? ou ne sont-ce que des bruits publics? Je suppose, madame, qu'à Riga vous étes plus au fait des nouvelles Européennes que je ne le suis à Michailovsky. Quant à celles de Pétersbourg, je ne sais rien de ce qui s'y passe. Nous attendons l'automne; mais nous avons encore quelques beaux jours et grâce à vous j'ai toujours des fleurs sur ma fenaître (*sic*).

Adieu, madame; recevez l'assurance de mon tendre et respectueux dévouement. Croyez qu'il n'y a de vrai et de bon sur la terre que l'amitié et la liberté: c'est vous qui m'avez fait aprécier le charme de la première. 8 Août ([6]).

Милостивая государыня. Вчера получилъ я ваше письмо отъ 31-го, писанное на другой день вашего пріѣзда въ Ригу. Вы не можете себѣ представить, какъ тронутъ я этимъ доказательствомъ вашей дружбы и вашего вниманія ко мнѣ; оно дошло до глубины души, и отъ души благодарю васъ. Ваше письмо застало меня въ Тригорскомъ. Анна Богд. сказала мнѣ, что васъ ждутъ туда къ половинѣ Августа, я не смѣю надѣяться.

Что говорилъ вамъ К. относительно родительскаго надзора А. ([7]) надо мною?

([5]) Изъ Михайловскаго, на осьмушкѣ, безъ адреса и означенія года. Письмо относится къ 1825-му году. Малютка, о которой упоминаетъ Пушкинъ, младшая дочь Прасковьи Александровны—Екатерина Ивановна.

([6]) Изъ Михайловскаго, въ 1825 г.; писано на полулистѣ, изъ котораго сложенъ пакетъ съ надписью: „à Madame, Madame Ossipof, à Riga".

([7]) Адеркаса?

не Рѣшительныя ли это приказанія? Значитъ ли что нибудь К. въ этомъ дѣлѣ или это одни общественные толки? Полагаю, что вамъ въ Ригѣ лучше извѣстно, что̀ дѣлается въ Европѣ, чѣмъ мнѣ въ Михайловскомъ. Что же касается новостей Петербурскихъ, я ничего не знаю, что̀ тамъ происходитъ. Мы ждемъ осени, однако пользуемся еще нѣсколькими хорошими днями, и благодаря вамъ, на моихъ окнахъ постоянно цвѣты.

Прощайте; примите увѣренія въ моей нѣжной и почтительной преданности. Вѣрьте, что на землѣ нѣтъ ничего лучшаго и болѣе вѣрнаго, какъ дружба и свобода. Вы научили меня цѣнить прелесть первой. 8-го Августа.

5.

Vous parlerai-je de ma reconnaissance? C'est bien aimable à vous, madame, de ne pas oublier votre hermite. Vos lettres m'enchantent, autant que vos soins généreux me touchent. Je ne sais que deviendra mon avenir, mais ce que je sais, c'est que les sentiments que je vous ai voués seront éternellement les mêmes. J'ai été aujourd'hui encore à Trigorsky. La petite se porte très bien et est très jolie. Je crois comme vous, madame, que les bruits qui sont venus à m-eur Kern sont faux, mais vous avez raison: il ne faut pas les négliger: ces jours-ci j'ai été chez Pechtchouroff— l'avocat patelin, comme vous l'appellez. Il me croyait à Pskof (NB). Je compte voir encore mon vieux négre de grand-oncle qui, je suppose, va mourir un de ces quatre matins, et il faut que j'aie de lui des mémoires concernant mon aïeul.

Je présente mes respects à toute l'aimable famille et suis, madame, votre tout dévoué. 11 Août ([8]).

Говорить ли о моей благодарности? Очень любезно съ вашей стороны, что не забываете вашего отшельника. Письма ваши приводятъ меня въ восторгъ, а великодушная забота обо мнѣ трогательна. Не знаю, что̀ предстоитъ мнѣ въ будущемъ; знаю только, что мои чувства къ вамъ останутся всегда неизмѣнными. Еще сегодня былъ я въ Тригорскомъ. Малютка совершенно здорова и прехорошенькая. Я согласенъ съ вами, что слухи, дошедшіе до г. К., не вѣрны; но вы правы, ими не слѣдуетъ пренебрегать. На дняхъ я былъ у Пещурова, лукаваго ходатая, какъ вы его называете; онъ думалъ, что я въ Псковѣ (NB). Я разсчитываю еще провѣдать моего стараго негра-дядю. Онъ, вѣроятно, умретъ на дняхъ, а мнѣ надо добыть отъ него записки, относящіяся до моего предка. Свидѣтельствую почтеніе всему вашему милому семейству и остаюсь, вамъ преданнымъ. 11-го Августа.

6.

Madame. Voici le nouveau poême de Baratinsky, que Delvig vient de m'envoyer; c'est un chef d'oeuvre de grâce, d'élégance et de sentiments: vous en serez enchantée.

Je présume, madame, que vous êtes maintenant à Twer; je souhaite que vous y passiez votre temps agréablement, mais pas assez pour oublier totalement Trigorsky; où après vous avoir regrettée, nous commençons déjà à vous attendre.

Recevez, madame, l'assurance de ma haute considération et de mon parfait dévouement.

20 Février.

Veuillez, madame, présenter mes hommages à m-elle votre fille, ainsi qu'à m-elle Netty ([9]).

([8]) Изъ Михайловскаго, какъ надо думать, въ 1825 г. Письмо писано на осьмушкѣ, на конвертѣ адресъ: „Ея высокородію г-жѣ Прасковьѣ Александровнѣ Осиповой въ Островъ". — Дядя негръ, о которомъ упоминается здѣсь: генералъ-маіоръ Петръ Абрамовичъ Ганнибалъ, послѣдній сынъ знаменитаго Арапа Петра Великаго.

([9]) Писано письмо изъ с. Михайловскаго, на четвертушкѣ безъ означенія года; но, какъ надо

Вотъ новая поэма Баратынскаго, присланная мнѣ Дельвигомъ. Это образецъ грацiи, изящества и чувства. Вы будете въ восторгѣ отъ нея. Теперь вѣроятно вы уже въ Твери. Желаю вамъ проводить время весело, но не на столько однако, чтобъ совсѣмъ забыть Тригорское, гдѣ послѣ грусти о разлукѣ съ вами мы начинаемъ уже поджидать васъ. Примите и пр. 20 февр. Передайте мое почтенiе вашей дочери, а также мамзель Нетти.

7.

Je suppose, madame, que mon brusque départ avec un фельдъ-егерь vous a surpris autant que moi. Voici le fait: chez nous autres on ne peut rien faire sans un фельдъ-егерь. On m'en donne un, pour plus de sûreté. D'après une lettre très aimable du baron Дибичь il ne tient qu'à moi d'en être tout fier. Je vais tout droit à Moscou, où je compte être le 8 du mois courant; dès que je serai libre, je reviens en toute hâte à Trigosky où desormais mon coeur est fixé pour toujours. Pskow, 4 Sept. ([10]).

Я полагаю, что мой внезапный отъѣздъ съ фельдъегеремъ удивилъ васъ столько же сколько и меня. Вотъ въ чемъ дѣло: у насъ ничего не дѣлается безъ фельдъегеря, мнѣ дали его для большей надежности. Послѣ очень любезнаго письма барона Дибича, мнѣ остается только гордиться этимъ. Я ѣду прямо въ Москву, куда думаю прибыть 8-го числа текущаго мѣсяца. Какъ только буду свободенъ, я поспѣшу возвращенiемъ въ Тригорское, къ которому мое сердце отнынѣ навсегда приковано. Псковъ, 4 Сентября.

8.

Voici 8 jours que je suis à Moscou sans avoir eu encore le temps de vous écrire; cela vous prouve, madame, combien je suis affairé. L'Empereur m'a reçu de la manière la plus aimable. Moscou est bruyant et dans les fêtes, à tel point que j'en suis déjá fatigué, et que je commence à soupirer après Михайловское, c'est à dire après Trigorsky; je compte partir tout au plus dans deux semaines. Aujourd'hui 15 Sept. nous avons la grande fête populaire; il y aura trois verstes de tables dressées au Дѣвичье Поле; les pâtés ont été fournis à la сажень comme si c'était du bois; comme il y a quelques semaines que ces pâtés sont cuits, on aura de la peine à les avaler et les digérer, mais le respectable public aura des fontaines de vin pour les humecter. Voici la nouvelle du jour: demain il y a bal chez la c-esse Orlof; un immense manége a été converti en salle; elle en a emprunté pour 40000 r. de bronze et il y a mille personnes d'invités. On parle beaucoup de nouveaux réglements, très sévères concernant les duels, et d'un nouveau code de censure; comme je ne l'ai pas vu, je ne puis rien en dire. Excusez le décousu de ma lettre, elle vous peint tout à fait le décousu de ma vie actuelle. Je suppose que m-lles Annettes sont déjà à Trigorsky; je les salue de loin et de tout mon coeur, ainsi que toute votre charmante famille. Agréez, madame, l'assurance de mon

---

думать, 1826 г., такъ какъ вначалѣ именно этого года Прасковья Александровна, по возвращенiи своемъ изъ Риги, отправилась въ Тверское свое имѣнье, съ старшею дочерью Анной Николаевной.

([10]) Письмо на четвертушкѣ, безъ означенiя года; письмо принадлежитъ къ 1826-му году: въ ночь на 2-ое или на 3-е сентября 1826 г. въ Михайловское прiѣхалъ изъ Москвы фельдъегерь и помчался обратно съ А. С. Пушкинымъ въ Москву, къ величайшему испугу няни его и Тригорскихъ друзей его. Императоръ Николай Павловичъ въ Москвѣ милостиво принялъ Пушкина и даровалъ ему свободу.

profond respect et de l'attachement inaltérable que je vous ai voué pour la vie.
Pouchkine.

Moscou.
13 Sept (11).

Вотъ уже 8 дней, какъ я въ Москвѣ, и не имѣю еще времени написать къ вамъ. Это доказываетъ вамъ какъ я занятъ. Государь принялъ меня самымъ любезнымъ образомъ. Москва шумитъ и пируетъ до такой степени, что я уже усталъ и начинаю вздыхать по Михайловскомъ, т. е. по Тригорскомъ; я намѣренъ выѣхать отсюда не позже, какъ черезъ двѣ недѣли. Сегодня, 15 Сент., у насъ большой народный праздникъ. На Дѣвичьемъ Полѣ разставлены столы на разстояніи трехъ верстъ; пироги везутъ саженями, какъ дрова; пироги эти печены уже нѣсколько недѣль тому назадъ; довольно трудно будетъ ихъ глотать и переваривать, но почтенная публика смочитъ ихъ фонтанами вина. Вотъ вамъ самая свѣжая новость: завтра балъ у графини Орловой. Огромный манежъ превращенъ въ залъ, графиня заняла бронзы на 40,000 руб. и пригласила 1000 человѣкъ. Говорятъ о новомъ, весьма строгомъ постановленіи относительно дуэли и о новомъ цензурномъ уставѣ, но не видавъ его, не могу о немъ ничего сказать.

Простите непослѣдовательность письма; оно вполнѣ передаетъ вамъ непослѣдовательность настоящей моей жизни. M-elles Annetes вѣроятно уже въ Тригорскомъ, посылаю имъ издалека сердечный привѣтъ, какъ и всему вашему прелестному семейству. Примите и пр. Москва 13 Сент.

(11) Письмо изъ Москвы (на четвертушкѣ, рукою П. А. О. отмѣчено: «1826 г.»). Письмо это не отъ 13-го Сентября, какъ помѣтилъ Пушкинъ, а отъ 15-го, такъ какъ онъ самъ говоритъ въ началѣ письма, что онъ уже *восемь дней* въ Москвѣ, и за тѣмъ упоминаетъ, что пишетъ 15 сентября. Пушкинъ привезенъ въ Москву 8-го Сентября (прямо въ Кремлевскій дворецъ).

9.

Je suis bien coupable envers vous, mais pas tant que vous pourrez le penser. Arrivé à Moscou, je vous ai tout de suite écrit en adressant mes lettres на ваше имя въ почтамтъ. Il se trouve que vous ne les avez pas reçues. Cela m'a découragé, et je n'ai plus repris la plume. Puisque vous daignez vous intéresser encore à moi, que vous diraije, madame, de mon séjour à Moscou et de mon arrivée à P. B. L'insipidité et la stupidité de nos deux capitales sont égales quoique diverses, et comme j'ai des prétentions à l'impartialité, je dirai que si l'on m'eut donné à choisir entre les deux, j'aurais choisi Trigorsk, à peu près comme arlequin, qui sur la question qu'aimerait - il mieux: d'être roué ou pendu? répondit: j'aime mieux une soupe au lait. Je suis ici sur mon départ et je compte absolument venir passer quelque jours à Михайловское; je salue en attendant de tout mon coeur vous et tout ce qui tient à vous (12).

Я очень виноватъ передъ вами, но не столько однако, какъ вы можете подумать. По пріѣздѣ въ Москву, я вамъ тотчасъ же написалъ, адресуя мои письма на ваше имя въ почтамтъ. Оказалось, что вы ихъ не получили. Это меня смутило, и я не бралъ болѣе пера въ руки. Но такъ какъ вы удостоиваете меня еще вашимъ участіемъ, то что же мнѣ сказать вамъ о моемъ пребываніи въ Москвѣ и моемъ прибытіи въ Спб? Пошлость и глупость нашихъ обѣихъ столицъ одна и таже, хотя и въ различномъ родѣ; и такъ какъ я имѣю претензію быть безпристрастнымъ, то скажу, что если бы мнѣ дали обѣ на

(12) Письмо на полулистѣ, изъ котораго сдѣланъ пакетъ съ адресомъ: „Ея высокородію Прасковьѣ Александровнѣ Осиповой въ Опочку". Годъ и число не означены, но какъ надо полагать письмо относится къ веснѣ 1827, изъ Петерб.

выборъ, я бы выбралъ Тригорское, почти также, какъ арлекинъ, который на вопросъ, хочетъ ли онъ быть колесованъ или повѣшенъ, отвѣчалъ: „Я предпочитаю молочный супъ". Я здѣсь на отъѣздѣ и на вѣрно расчитываю пріѣхать на нѣсколько дней въ Михайловское; покамѣстъ кланяюсь вамъ и всему вашему отъ всего моего сердца.

10.

Je suis si honteux, madame, d'avoir été si longtemps sans vous écrire, que j'ose à peine prendre la plume: ce n'est que le souvenir de votre amitié, souvenir qui me sera étérnellement délicieux, et l'assurance que j'ai de l'indulgence de votre bonté, qui m'enhardissent encore aujourd'hui. Delvig, qui abandonne ses fleurs pour des épines diplomatiques, vous parlera de notre existence à Pétersbourg. Je vous avoue que cette existence est assez sotte; et que je brule de la changer de manière ou d'autre. Je ne sais si je viendrais encore à Михайловское. Cependant c'eut été mon desir. Je vous avoue, madame, que le bruit et le tumulte de Pétersbourg, m'est devenu tout à fait étranger—je les supporte avec impatience. J'aime mieux votre beau jardin et le joli rivage de la Сороть. Vous voyez, madame, que mes gouts sont encore poétiques malgré la vilaine prose de mon existence actuelle. Il est vrai qu'il est difficile de vous écrire et de n'être pas poéte.

Agréez, madame, l'assurance de mon respect et de mon entier dévouement. Je salue de tout mon coeur toute votre charmante famille. Comment se trouve m-lle Euphrosine de son séjour à Torjok? et y fait elle beaucoup de conquêtes? A. P.(13)

24 Janvier.

Мнѣ такъ совѣстно моего долгаго молчанія, что я съ трудомъ берусь за перо. Только воспоминаніе о вашей дружбѣ, воспоминаніе, которое навсегда для меня будетъ дорого, и увѣренность, что я пользуюсь вашимъ добрымъ снисхожденіемъ, придаютъ мнѣ смѣлости сегодня. Дельвигъ, который мѣняетъ свои цвѣты на дипломатическія тернія, разскажетъ вамъ о нашемъ житьѣ въ Петербургѣ. Признаюсь, что это житье довольно пошло, и что я горю желаніемъ измѣнить его тѣмъ или другимъ образомъ. Не знаю, пріѣду ли еще въ Михайловское, хотя это искреннее мое желаніе. Признаюсь, что шумъ и суета Петербурга сдѣлались мнѣ совершенно чужды, я съ трудомъ ихъ переношу. Я предпочитаю вашъ прекрасный садъ и красивый берегъ Сороти. Вы видите, что у меня вкусъ еще поэтическій, не смотря на скверную прозу моего настоящаго существованія. Правда, что мудрено вамъ писать и не быть поэтомъ. Примите увѣреніе въ моемъ уваженіи и пр. Какъ понравилось мамзель Евпраксіи ея пребываніе въ Торжкѣ, и много ли у нея тамъ побѣдъ?

24 Генваря (1828)

11.

Je prends la liberté de vous envoyer les 3 derniers chants d'Онѣгинъ, je souhaite qu'ils puissent mériter votre approbation. J'y joins un exemplaire pour m-elle Euphrosine, en la remerciant beaucoup de la réponse laconique qu'el-

---

(13) Писано на полулистѣ, изъ коего сдѣланъ пакетъ съ надписью: „à Madame Ossipof". Рукою П. А. О. помѣчено: „année 1828 г." Письмо было написано въ Тверскую губернію, гдѣ въ это время была Прасковья Александровна съ дочерьми, изъ которыхъ здѣсь упоминается о Евпраксіи Николаевнѣ Вульфъ. Дельвигъ отправлялся въ это время съ женою въ Харьковъ, по пути онъ предполагалъ посѣтить Прасковью Александровну, которую очень уважалъ (см. письма барона А. А. Дельвига къ г-жѣ Осиповой въ II-й, IV-й и V-й статьяхъ: „Прогулка въ Тригорское" С. Петерб. Вѣд. 1866 г. №№ 146, 163 и 168).

le a daigné faire à ma question. Je ne sais, madame, si j'aurai le bonheur de vous voir cette année; on dit que vous vouliez venir à Pétersbourg. Est il vrai? cependant je compte toujours sur le voisinage de Trigorsky et de Зуево. Le sort aura beau faire, il faudra bien qu'à la fin nous nous réunissions sous les sorbiers de la Сороть. Agréez, madame, vous et toute votre famille l'assurance de mon respect, de mon amitié, de mes regrets et de mon parfait devouement ([14]).

Принимаю смѣлость послать вамъ три послѣднія пѣсни Онѣгина и желаю, чтобы онѣ заслужили ваше одобреніе. Прилагаю еще экземпляръ для мамзель Евпраксіи, причемъ благодарю ее за тотъ лаконическій отвѣтъ, которымъ она удостоила мой вопросъ. Не знаю, буду ли имѣть счастіе видѣть васъ нынѣшній годъ; говорятъ, что вы хотѣли быть въ Петербургѣ. Правда ли это? И однако, я все же расчитываю на сосѣдство Тригорскаго и Зуева. Какъ ни устроивай судьба, кончится тѣмъ, что мы сойдемся подъ рябинами, на берегу Сороти.

Примите, милостивая государыня, какъ вы, такъ и все ваше семейство, увѣреніе въ моемъ уваженіи, въ моей дружбѣ, въ моихъ сожалѣніяхъ, и въ моей совершенной преданности.

12.

C'est dans la solitude de Boldino, madame, que j'ai reçu vos deux lettres à la fois. Il faut avoir été absolument seul, comme je le suis maintenant, pour savoir le prix d'une voix amie et de quelques lignes tracées par quelqu'un que nous chérissons. Je suis bien aise que mon père ait, grâce à vous, bien supporté la nouvelle de la mort de B. Л. Je craignais beaucoup, je vous l'avoue, sa santé et ses nerfs si affaiblis. Il m'a écrit plusieurs lettres où il parait que la crainte de la (*sic*) choléra en a remplacé la douleur. Cette maudite choléra! Ne dirait-on pas que c'est une mauvaise plaisanterie du sort? J'ai beau faire, il m'est impossible d'arriver jusqu'à Moscou; je suis cerné par toute une echelle de quarantaines et cela de tout côté, le gouvernement de Nijni étant juste le centre de la peste. Cependant je pars après demain, et Dieu sait combien de mois je mettrai à faire 500 verstes que je parcours ordinairement en 48 heures.

Vous me demandez, madame, ce qu'est le mot *toujours* qui se trouve dans une phrase de ma lettre. Je ne m'en souviens pas, madame. Mais en tout cas ce mot ne peut-être que l'expression et la devise de mes sentiments pour vous et toute votre famille. Je suis fâché si ma phrase présentait un sens inamical; et je vous supplie de la corriger. Ce que vous me dites de la sympathie est bien vrai et bien délicat. Nous sympathisons avec les malheureux par une espèce d'egoïsme: nous voyons, que dans le fond, nous ne sommes pas les seuls. Sympathiser avec le bonheur suppose une âme bien noble et bien désintéressée. Mais le bonheur...... c'est un grand *peut être*, comme le disait Rabelais du paradis ou de l'éternité. Je suis l'athée du bonheur; je n'y crois pas, et ce n'est qu'auprès de mes bons et anciens amis que je suis un peu sceptique.

Dès que je serais à Pétersbourg, vous recevrez, madame, tout ce que j'ai imprimé; mais ici je n'ai pas les moyens de rien vous envoyer. Je vous salue, madame, de mon coeur, vous et toute vo-

---

([14]) Писано на осьмушкѣ; рукою П. А. О. помѣта: „reçue le 13 de Mars 1829 г.“ Зуево есть другое названіе Пушкинскаго сельца Михайловскаго.

tre famille. Adieu, au revoir. Croyez à mon entier dévouement ([15]).

A. Pouchkine.

Въ уединеніи Болдина получилъ я разомъ ваши два письма, милостивая государыня. Надо быть совершенно одинокимъ, какъ я, чтобы вполнѣ цѣнить голосъ дружбы и нѣсколько строкъ, начертанныхъ кѣмъ либо изъ тѣхъ, кого мы любимъ. Я очень доволенъ, что мой отецъ, благодаря вамъ, благополучно перенесъ извѣстіе о смерти В. Л. Признаюсь, я очень боялся за его здоровье и его разслабленные нервы. Онъ написалъ мнѣ нѣсколько писемъ; кажется, что боязнью холеры замѣнилась грусть. Эта проклятая холера! Не злая ли это шутка судьбы? При всѣхъ моихъ усиліяхъ, я не могу добраться до Москвы; меня оцѣпляютъ со всѣхъ сторонъ карантины, такъ какъ Нижегородская губернія — средоточіе эпидеміи. Тѣмъ не менѣе, послѣ завтра я уѣзжаю, и Богъ знаетъ, сколько мѣсяцевъ я употреблю на проѣздъ 500 верстъ, которыя въ обыкновенное время проѣзжалъ въ 48 часовъ. Вы спрашиваете у меня объясненія слова *всегда*, встрѣченнаго вами въ одной изъ фразъ моего письма. Не могу припомнить этой фразы. Но во всякомъ случаѣ это слово не можетъ быть ничѣмъ онымъ, какъ выраженіемъ и знаменемъ тѣхъ чувствъ, какія я питаю къ вамъ и ко всему вашему семейству. Я сожалѣю, если эта фраза имѣетъ недружественный смыслъ и умоляю васъ исправить ее. То, что̀ вы говорите о сочувствіи, весьма мѣтко и совершенно справедливо. Мы сочувствуемъ несчастнымъ изъ нѣкотораго рода эгоизма: мы, въ сущности видимъ, что не мы одни страдаемъ. Сочувствовать счастію можетъ только очень безкорыстная и благородная душа; но счастіе — это великое *можетъ быть*, какъ говорилъ Рабеле о раѣ или о вѣчности. Я атеистъ относительно счастія, я не вѣрю въ него и только подлѣ моихъ добрыхъ старыхъ друзей становлюсь немного скептикомъ. Лишь только пріѣду въ Петербургъ, отправлю къ вамъ все, что̀ я напечаталъ; отсюда же ничего не могу послать. Привѣтствую васъ и все ваше семейство. Прощайте, до свиданья. Вѣрьте моей совершенной преданности. А. Пушкинъ.

([15]) Писано на полулистѣ, изъ котораго сдѣланъ пакетъ съ адресомъ: „Ея высокородію м. г. Прасковьѣ Александровнѣ Осиповой въ Опочку". Письмо исколото въ карантинѣ. В. Л., о смерти котораго говоритъ Пушкинъ, есть Василій Львовичъ Пушкинъ, дядя Александра Сергѣевича, и самъ извѣстный поэтъ (ум. въ Августѣ 1830-го года). Письмо писано изъ Нижегородскаго имѣнія С. Л. Пушкина (Болдина) въ 1830-мъ году, позднею осенью.

13.

Je différais de vous écrire m'attendant à tout moment à vous voir nous arriver; mais les circonstances ne me permettent plus de l'espérer.

C'est donc par écrit, madame, que je vous félicite et que je souhaite à m-elle Euphrosine tout le bonheur dont ici-bas nous sommes capables et dont est si digne un être aussi noble et aussi doux.

Les temps sont bien tristes. L'épidémie fait à Pétersbourg de grands ravages. La peuple s'est ameuté plusieurs fois. Des bruits absurdes s'étaient répandus. On prétendait que les médecins empoisonnaient les habitans. La populace furieuse en a massacré deux. L'Empereur s'est présenté au milieu des mutins. On m'écrit: „Государь говорилъ съ народомъ — чернь слушала на колѣняхъ — тишина — одинъ царскій голосъ, *какъ звонъ святой*, раздавался на площади". Ce n'est pas le courage ni le talent de la parole qui lui manquent; cette fois-ci l'émeute a été apaisée; mais les désordres se sont renouvellés depuis.

Peut-être sera-t-on obligé d'avoir recours à la mitraille. Nous attendons la cour à Sarskoe Selo, qui jusqu'à pré-

sent n'est pas encore attaqué de la contagion; mais je crois que cela ne tardera pas. Que Dieu préserve Trigorskoe des sept plaies de l'Egypte; vivez heureuse et tranquille et puisse-je me retrouver un jour dans votre voisinage! Et à propos de celà, si je ne craignais d'être indiscret, je vous prierais, comme bonne voisine et bien chère amie, de me faire savoir si je ne pourrais pas faire l'acquisition de Savkino, et quels en seraient les conditions. J'y bâtirais une chaumière, j'y mettrais mes livres et j'y viendrais passer quelques mois de l'année auprès de mes bons et anciens amis. Que dites vous, madame, de mes chateaux en Espagne, ou de ma chaumière à Savkino? Pour moi ce projet-là m'enchante et j'y reviens à tout moment. Recevez, madame, l'hommage de ma haute considération et de mon entier dévouement. Mes hommages à toute votre famille; agréez aussi ceux de ma femme, en attendant que je n'aie eu l'avantage de vous la présenter ([16]).

Sarskoe-Selo.
29 Juin 1830.

Я откладывалъ намѣреніе свое писать къ вамъ, ожидая вашего пріѣзда каждую минуту. Но обстоятельства не таковы, чтобы можно было надѣяться видѣть васъ здѣсь. И такъ, письменно поздравляю васъ и желаю м-ль Евпраксіи всего счастія, какое только доступно намъ на землѣ, и котораго вполнѣ заслуживаетъ такое благородное и кроткое созданіе. Времена чрезвычайно печальныя! Эпидемія сильно опустошаетъ Петербургъ; народъ нѣсколько разъ возмущался. Самые нелѣпые слухи было распространились: утверждали, что доктора отравляли жителей. Бѣшеная толпа умертвила двухъ изъ нихъ. Государь явился среди бунтующихъ. „Государь, пишутъ мнѣ, говорилъ съ народомъ, чернь слушала на колѣняхъ... тишина... одинъ царскій голосъ, *какъ звонъ святой*([17]), раздавался на площади“. Мужества и дара слова ему не занимать. На этотъ разъ волненіе стихло, но впослѣдствіи безпорядки возобновлялись. Быть можетъ, вынуждены будутъ прибѣгнуть къ картечи. Мы ожидаемъ дворъ въ Царское Село; сюда не проникла еще холера, но думаю, что это не замедлитъ случиться.

Да сохранитъ Господь Тригорское отъ семи язвъ Египта! Живите счастливо и спокойно. Какъ бы я желалъ вновь быть вашимъ сосѣдомъ! Кстати, еслибы я не боялся быть нескромнымъ, я бы попросилъ васъ, какъ добрую сосѣдку и дорогаго друга, извѣстить, не могу ли я пріобрѣсти Савкино и на какихъ именно условіяхъ; я бы выстроилъ себѣ тамъ хижину, помѣстилъ свои книги и проводилъ бы тамъ вблизи моихъ добрыхъ, старыхъ друзей, по нѣскольку мѣсяцевъ въ году. Что скажете вы о моихъ воздушныхъ замкахъ и о моей хижинѣ въ Савкинѣ? Меня восхищаетъ эта мысль, и я постоянно къ ней возвращаюсь. Примите, милостивая государыня, увѣреніе въ чувствахъ глубокаго уваженія и совершенной преданности. Мой привѣтъ всему вашему семейству. Примите также привѣтствіе моей жены, пока я не буду имѣть счастіе вамъ ее представить. Царское Село, 29 Іюня 1830.

14.

Votre silence commençait à m'inquiéter, chère et bonne Прасковья Александровна; votre lettre est venue me

([16]) Писано на полулистѣ, изъ коего сдѣланъ пакетъ съ адресомъ: „Ея высокородію м. г. Прасковьѣ Александровнѣ Осиповой, въ Опочку“. Письмо исколото въ карантинѣ. Пушкинъ поздравляетъ своего друга Евпраксію Николаевну Вульфъ по случаю обрученія ея съ барономъ Борисомъ Александровичемъ Зревскимъ. Годъ на письмѣ выставленъ Пушкинымъ *ошибочно:* слѣдуетъ читать 1831-й годъ.

([17]) Стихъ изъ „Бориса Годунова.“

rassurer fort à propos. Je vous félicite encore une fois et vous souhaite à tous et du fond de mon coeur prospérité, repos et santé. J'ai porté moi-même vos lettres à Pavlovsk, en mourant d'envie d'en savoir le contenu; mais ma mère était sortie. Vous savez l'aventure qui leur était arrivée, l'escapade d'O., la *quarantaine* etc. Dieu merci, tout est maintenant fini. Mes parents ne sont plus aux arrêts, le choléra n'est guère à craindre. Il va finir à Pétersbourg. Savez-vous qu'il y a eu des troubles à Новгородъ dans les colonies militaires? Les soldats se sont ameutés toujours sous l'absurde pretexte de l'empoisonnement. Les généraux, les officiers, et les médecins ont été tous massacrés, avec un rafinement d'atrocité! L'Empereur y est allé, et a appaisé l'émeute avec un courage et un sang froid admirable; mais il ne faut pas que le peuple s'accoutume aux émeutes, et les emeutés à sa présence. Il parait que tout est fini. Vous jugez de la maladie beaucoup mieux que ne l'ont fait les docteurs et le gouvernement. Болѣзнь повальная, а не зараза, слѣдственно карантины лишніе; нужны однѣ предосторожности въ пищѣ и въ одеждѣ. Si cette vérité était connue avant, nous eussions évité bien des maux. Maintenant on traite le choléra comme tout empoisonnement—avec de *l'huile et du lait chaud*, sans oublier les bains de vapeur. Dieu donne que vous n'ayez pas besoin d'employer cette recette à Тригорское.

Je remets en vos mains mes intérêts et mes projets. Je ne tiens ni à *Savkino* ni à tout autre lieu; je tiens à être votre voisin, et propriétaire d'un joli site. Veuillez me faire savoir le prix de telle propriété ou de telle autre. Les circonstances, à ce qui parait, vont me retenir à Pétersbourg plus longtemps que je n'eus voulu, mais cela ne change rien à mon projet et mes espérances.

Agréez l'hommage de mon dévouement et de ma parfaite considération. Je salue toute la famille.

29 Juillet. Zarskœ-Selo ([18]).

Ваше молчаніе, дорогая и добрая Прасковья Александровна, начинало уже меня тревожить, и ваше письмо пришло очень кстати меня успокоить. Еще разъ поздравляю васъ и отъ всего сердца желаю всѣмъ вамъ благополучія, спокойствія и здоровья. Я самъ отвезъ ваши письма въ Павловскъ, при чемъ нетерпѣливо хотѣлось узнать ихъ содержаніе, но я не засталъ матушку дома. Вамъ извѣстно происшествіе, случившееся съ ними, шалости О., *карантинъ* и проч. Теперь, слава Богу, все кончилось. Родители уже болѣе не подъ арестомъ. Холеры уже бояться нѣчего; она скоро прекратится въ Петерб. Знаете ли вы, что въ Новгородскихъ поселеніяхъ произошли безпорядки? Солдаты, все подъ тѣмъ же нелѣпымъ предлогомъ, будто ихъ отравляютъ, взбунтовались. Генералы, офицеры и доктора были умерщвлены съ самою утонченною жестокостью. Государь отправился туда и утушилъ мятежъ съ удивительнымъ хладнокровіемъ и бодростью; не слѣдуетъ однако, чтобы народъ привыкалъ къ возмущеніямъ, а бунтовщики къ присутствію Государя. Кажется, все кончилось. Вы судите о болѣзни гораздо вѣрнѣе докторовъ и правительства. Болѣзнь повальная, а не зараза, слѣдственно карантины — лишніе; нужны однѣ предосторожности въ пищѣ и въ одеждѣ. Будь эта истина извѣстна ранѣе, мы бы избѣгли многихъ золъ. Теперь лечутъ отъ холеры, какъ отъ вся-

([18]) Письмо на полулистѣ, изъ коего сложенъ пакетъ съ надписью: „Ея высок. м. г. Прасковьѣ Александровнѣ Осиповой въ Опочкѣ въ селѣ Тригорскомъ.“ Въ этомъ письмѣ (принадлежащемъ къ 1831 г.) есть приписка жены А. С. Пушкина, въ которой она изъясняетъ чувства уваженія къ П. А. Осиповой.

каго другого отравленія: *деревяннымъ масломъ* и *теплымъ молокомъ*, а также и баней. Дай Богъ, чтобы вы не встрѣтили въ Триг. необходимости обратиться къ этому указанію! Препоручаю вамъ мои интересы и мои планы. Я не стою ни за *Савкино*, ни за какое либо другое мѣсто, но я хочу быть вашимъ сосѣдомъ и владѣльцемъ хорошенькой мѣстности. Извѣстите меня, пожалуйста, о цѣнѣ какого бы то ни-было имѣнья. Обстоятельства, какъ кажется, задержатъ меня въ Петербургѣ долѣе чѣмъ бы я желалъ, — но это не измѣнитъ ничего ни въ моихъ планахъ, ни въ моихъ надеждахъ. Примите увѣреніе въ преданности и въ моемъ совершенномъ уваженіи. Привѣтъ всему вашему семейству. 29-го Іюля. Царское Село.

15.

Recevez, madame, mes bien sincères remerciments pour les soins que vous avez bien voulu vous donner avec mes livres. J'abuse de vos bontés et de votre temps, mais je vous supplie, pour dernière grâce, de vouloir bien faire demander à nos gens de Михайловское s'il n'y a pas encore un coffre, envoyé à la campagne, avec les caisses qui contenaient mes livres. Je soupçonne qu' Архипъ ou d'autres en retiennent un à la prière de Nikita, mon domestique (à présent celui de Léon). Il doit contenir (j'entends le coffre et non Nikita) ses hardes, ses effets et aussi les miens, ainsi que quelques livres que je ne retrouve pas. Encore une fois je vous supplie de pardonner mon importunité, mais votre amitié et vorte indulgence m'ont tout à fait gâté.

Je vous envoye, madame, les Сѣверные Цвѣты dont je suis l'éditeur indigne. C'est la dernière année de cet almanach, et un tribut à la mémoire de notre ami dont la perte nous sera longtemps récente. J'y joins des contes à dormir debout; je souhaite que cela vous amuse un moment.

Nous avons appris ici la grossesse de m-me votre fille. Dieu donne que tout cela finisse heureusement et que sa santé se rétablisse tout à fait. On dit que les premières couches embellissent une jeune femme; Dieu donne qu'elles soient aussi favorables à la santé.

Daignez, madame, agréer l'hommage de ma haute considération et de mon inaltérable attachement. A. P. (¹⁰)

Искренно благодарю васъ за ваши заботы о моихъ книгахъ. Хоть и чувствую, что злоупотребляю вашею добротою и временемъ, тѣмъ не менѣе убѣдительнѣйше прошу васъ оказать мнѣ послѣднюю милость: прикажите узнать отъ нашихъ людей въ Михайловскомъ, нѣтъ ли тамъ еще одного сундука, посланнаго туда вмѣстѣ съ ящиками, въ которыхъ были книги? Я подозрѣваю, что Архипъ или кто другой удержали сундукъ, по просьбѣ моего слуги Никиты (нынѣ состоящаго при Львѣ). Онъ (я разумѣю сундукъ, а не Никиту) долженъ вмѣщать въ себѣ, вмѣстѣ съ платьями и вещами Никиты, мои вещи, а также нѣкоторыя книги, которыхъ я не нахожу. Еще разъ умоляю васъ простить мою докучливость: ваша дружба и ваше снисхожденіе совершенно меня избаловали. Посылаю вамъ „Сѣверные Цвѣты, которыхъ я недостойный издатель. Это послѣдній годъ существованія альманаха и дань памяти нашему другу, утрату котораго мы будемъ долго чувствовать. Присоединяю къ сему нѣсколько усыпительныхъ сказокъ и желаю, чтобы онѣ заняли васъ хоть на минуту. Мы узнали здѣсь о беременности вашей дочери. Дай Богъ, чтобы все кончилось счастливо и здоровье ея вполнѣ возстановилось. Говорятъ, что первые роды придаютъ прелесть молодой женщинѣ: дай

(¹⁰) Писано на полулистѣ. Помѣта П. А. О. «reçue le 14 de Janvier 1832».

Богъ, чтобы они были столько же благопріятны и для здоровья. Примите увѣреніе полнаго уваженія и неизмѣнной привязанности. А. П.

16.

M-r Алымовъ part cette nuit pour Pskow et Trigorsky, et il a bien voulu se charger dune lettre pour vous, chère, bonne et respectable Прасковья Александровна. Je ne vous ai pas félicité sur la naissance d'un petit fils. Dieu veuille que lui et sa mère se portent bien et que nous assistions tous à sa noce, si nous n'avons pu assister à son baptême. A propos de baptême, j'en aurai bientôt un на Фурштатской въ домѣ Алымова. N'oubliez pas cette adresse, si vous voudrez m'écrire un mot. Je ne vous donne aucune nouvelle ni politique, ni littéraire. Je suppose que vous en étes fatiguée, comme nous tous. Il n'estrien de plus sage que de rester dans son village et d'arroser ses choux,—vieille vérité dont tous les jours je me fais l'application au milieu d'une existence toute mondaine et toute bouleversée. Je ne sais si nous nous verrons cet été, c'est un de mes rêves; puisse-t-il s'accomplir.

Adieu, madame, je vous salue bien tendrement, vous et toute votre famille ([20]).

Г-нъ Алымовъ уѣзжаетъ сегодня въ ночь въ Псковъ и въ Тригорское; онъ взялся доставить вамъ мое письмо, дорогая и уважаемая Прасковья Александровна. Я еще не поздравилъ васъ съ рожденіемъ внука. Дай Богъ, чтобы онъ и мать его были здоровы, и чтобы намъ удалось быть на его свадьбѣ, если не пришлось быть на крестинахъ. Кстати о крестинахъ, скоро они будутъ у меня на Фурштатской, въ домѣ Алымова. Не забудьте этотъ адресъ, если вздумаете написать мнѣ словечко. Не сообщаю вамъ никакихъ новостей, ни политическихъ, ни литературныхъ. Я думаю, что онѣ вамъ надоѣли столько же, сколько и всѣмъ намъ. Нѣтъ ничего благоразумнѣе, какъ жить въ своей деревнѣ и поливать свою капусту. Это старая истина, которую я ежедневно повторяю среди свѣтской и безпорядочной жизни. Не знаю, увидимся ли мы нынѣшнимъ лѣтомъ? Это одно изъ моихъ мечтаній, дай Богъ, чтобы оно исполнилось.

Прощайте, посылаю вамъ и вашему семейству мой нѣжный привѣтъ.

([20]) Писано на полулистѣ. Помѣта П. А. О: „1834 г. числа 16-го", какого мѣсяца нельзя разобрать. Годъ помѣченъ ошибочно, письмо писано изъ С. Петербурга въ 1832-мъ году, такъ какъ Пушкинъ жилъ въ д. Алымова до Октября 1832 г.

17.

Pardon, mille fois pardon, chère Прасковья Александровна, si j'ai tardé à vous remercier pour votre bien aimable lettre et pour son interéssante vignette. Des embarras de toutes espèces m'en ont empêché. Je ne sais quand j'aurai le bonheur de me présénter à Trigorsky, mais j'en meurs d'envie. Pétersbourg ne me convient nullement: ni mes gouts ni ma fortune ne peuvent s'en accommoder. Mais durant 2 ou trois ans il faudra patienter. Ma femme vous fait dire mille amitiés ainsi qu'à Анна Николаевна. Ma fille nous a donné de l'inquiètude pendant ces cinq ou six jours :je suppose qu'elle fait ses dents. Elle n'en a pas une seule jusqu'à présent. On a beau se dire que tout le monde a passé par là, mais ces créatures sont si frêles qu'il est impossible de ne pas trembler en les voyant souffrir. Mes parents viennent d'arriver de Moscou. Ils comptent venir à Михайловское vers le mois de Juillet. Je voudrais bien être du voyage ([21]).

([21]) Письмо на полулистѣ, изъ коего сдѣланъ пакетъ съ надписью: „Ея высок. мил. госуд. Прасковьѣ Александровнѣ Осиповой въ Псковъ." Помѣта руки Пр. Алекс. „Reçue le 20 de Mai 1833."

Простите, тысячу разъ простите, дорогая Прасковья Александровна, что я замедлилъ поблагодарить васъ за ваше любезное письмо и его интересную виньетку. Всякаго рода препятствія мѣшали мнѣ. Не знаю, когда я буду имѣть счастіе явиться въ Тригорскомъ, хотя и горячо этого желаю. Петербургъ не по мнѣ: ни мои наклонности, ни мое состояніе не соотвѣтствуютъ Петербургской жизни. Но надо потерпѣть года два-три. Жена моя кланяется дружески вамъ и Аннѣ Николаевнѣ. Послѣдніе пять-шесть дней насъ очень безпокоило здоровье нашей дочери,—вѣроятно, это прорѣзываніе зубовъ; у нея еще нѣтъ ни одного. Сколько ни говори, что съ каждымъ тоже случалось, но созданія эти такъ слабы, что невозможно не содрогаться, глядя на ихъ страданія. Родители мои только что пріѣхали изъ Москвы. Они расчитываютъ быть въ Михайловскомъ около Іюля мѣсяца. Какъ бы мнѣ хотѣлось имъ сопутствовать!

18.

Je vous remercie de tout mon coeur, chère, bonne et aimable Прасковья Александровна, pour la lettre que vous avez eu la bonté de m'écrire. Je vois que vous me gardez toujours la même amitié et le même intérêt. Je m'en vais vous répondre franchement sur ce qui regarde Reichman. Je le connais honnête homme, et pour le moment, c'est tout ce qu'il me faut. Je ne puis avoir de confiance ni en Michel, ni en Penkovsky vû que je connais le premier et que je ne connais pas le second. N'ayant pas l'intention de venir m'établir à Boldino, je ne puis songer à relever un bien qui, entre nous soit dit, touche à une ruine complète; je veux seulement n'être pas volé, et payer les intérêts du Lombard. Les améliorations viendront ensuite. Mais soyez tranquille: Reichman vient de m'écrire que les paysans sont dans un tel état de misère et les affaires en si mauvais train, qu'il n'a pu prendre sur lui l'administration de Boldino, et que dans ce moment il est à Malinniki.

Vous ne saurez vous imaginer combien l'administration de ce bien me pese. Il n'y a pas de doute que Boldino mérite d'être sauvé, quand ce ne serait que pour Olga et Léon, qui, pour perspective, ont la mendicité ou tout au moins la pauvreté. Mais je ne suis pas riche, j'ai une famille à moi, qui dépend de moi, et qui sans moi tombera dans la misère. J'ai pris un bien qui ne me rapportera que des soucis et des désagrements. Mes parents ne savent pas qu'ils sont à deux doigts d'une ruine totale. S'ils pouvaient prendre sur eux de rester quelques années à Michailovsky, les affaires pourraient s'arranger, mais cela ne se fera jamais.

Je compte vous voir cet été, et comme de raison m'arreter à Trigorsky. Veuillez présenter mes hommages à toute votre famille et recevez encore une fois mes remerciments et l'expression de mon respest et de mon inaltérable amitié. A. P.

29 Juin. SPB.

13 *Juillet*. Voici une lettre qui devait déjà être chez vous depuis deux semaines; je ne sais comment elle n'est pas encore partie. Mes affaires m'arréteront encore quelque temps à Petersbourg. Mais j'ai toujours le projet de me présenter à votre porte ([22]).

Благодарю васъ отъ всего сердца, дорогая и добрая Прасковья Александровна, за ваше письмо. Я вижу, что вы неизмѣнно тѣже ко мнѣ въ чувствахъ дружбы и участія. Скажу вамъ от-

---

([22]) Писано на полулистѣ, сложенномъ пакетомъ. Адресъ и годъ не означенъ; надо полагать, письмо относится къ 1834 году.

кровенно все, что касается Рейхмана. Я его знаю, какъ человѣка честнаго, а въ настоящую минуту мнѣ только это и нужно. Я не могу довѣрить ни Михайлѣ, ни Пенковскому, потому что знаю перваго и не знаю послѣдняго. Не имѣя намѣренія поселяться въ Болдинѣ, я не могу думать о возстановленіи имѣнія, дошедшаго, между нами будетъ сказано, до совершеннаго раззоренія; я лишь желаю, чтобы меня не обкрадывали, и быть въ состояніи платить проценты въ Ломбардъ. Улучшенія возможны только впослѣдствіи. По успокойтесь: Рейхманъ пишетъ мнѣ, что крестьяне въ такомъ нищенскомъ состояніи, и дѣла ведены такъ плохо, что онъ не рѣшился взять на себя управленіе Болдинымъ и въ настоящую минуту находится въ Малинникахъ. Вы не можете себѣ представить, какъ тяготитъ меня управленіе этимъ имѣніемъ. Нѣтъ сомнѣнія, Болдино стоитъ спасти, хотя бы только для Ольги и Льва, которымъ въ будущемъ предстоитъ нищенство или, по меньшей мѣрѣ, бѣдность. Но я не богатъ, имѣю собственное семейство, которое зависитъ отъ меня, и которое безъ меня подвергнется лишеніямъ. Я взялъ имѣніе, которое, кромѣ хлопотъ и непріятностей, мнѣ ничего не принесетъ. Родители мои не знаютъ, что они въ двухъ шагахъ отъ полнаго раззоренія; если бы они могли рѣшиться прожить нѣсколько лѣтъ въ Михайловскомъ, дѣла могли бы поправиться; но этому никогда не бывать. Я расчитываю видѣть васъ это лѣто и разумѣется остановиться въ Тригорскомъ. Передайте мое почтеніе всему вашему семейству и примите еще разъ мою благодарность и увѣреніе въ чувствахъ уваженія и неизмѣнной дружбы. А. П.

29 Іюня Спб.

13 *Іюля.* Двѣ недѣли тому назадъ вы должны были получить это письмо. Не знаю, почему оно не было еще отправлено. Дѣла удержатъ меня еще нѣкоторое время въ Петерб., но я все-таки предполагаю явиться къ вамъ.

19.

Enfin, madame, j'ai eu la consolation de recevoir votre lettre du 27 Nov. Elle a été près de 4 semaines en chemin. Nous ne savions que penser de votre silence. Je ne sais pourquoi je vous suppose à Pskov et c'est là que je vous adresse cette lettre. La santé de ma mère est améliorée, mais ce n'est pas encore une convalescence. Elle traine, cependant la maladie s'est calmée. Mon père est bien à plaindre. Ma femme vous remercie de votre souvenir et se recommande à votre amitié. Ребятишки такъ же. Je vous souhaite santé et bonne fête, et je ne vous dis rien de mon inaltérable dévouement.

L'Empereur vient d'accorder la grâce de la plupart des conspirateurs de 1825, entre autres à mon pauvre Кюхельбекеръ. По указу долженъ онъ быть поселенъ въ южной части Сибири. C'est un beau pays; mais je le voudrais savoir plus près de nous; et peut-être lui permettra-t-on de se retirer sur les terres de m-me Glinka, sa soeur. Le gouvernement a toujours eu pour lui de la douceur et de l'indulgence.

Quand je songe que 10 ans se sont écoulés depuis ces malheureux troubles, il me parait que j'ai fait un rêve. Que d'événements, que de changements en tout, à commencer par mes propres idées—ma situation etc. etc. En vérité il n'y a que mon amitié pour vous et votre famille, que je retrouve en mon âme toujours la même, toujours pleine et entière.

26 Dec.

Votre lettre de change est prête, et je vous l'enverrai la prochaine fois. (Тутъ рукою П. А. О. отмѣчено: «je ne l'ai jamais reçu) ([23]).

([23]) Писано на осьмушкѣ, въ такую же осьмушку было запечатано съ адресомъ: „Ея вы-

Наконецъ то, милостивая государыня, я имѣлъ утѣшеніе получить письмо ваше отъ 27-го Ноября. Оно было въ дорогѣ около четырехъ недѣль. Мы не знали, что подумать объ вашемъ молчаніи. Я по чему то предполагаю, что вы въ настоящее время во Псковѣ и потому адресую туда свое письмо. Здоровье матушки лучше; но все же это еще не выздоровленіе,—она слаба, хотя болѣзнь утихла. Батюшка очень жалокъ. Жена моя благодаритъ васъ за память и препоручаетъ себя вашей дружбѣ. Ребятишки также. Желаю быть здоровыми и весело провести праздники,—не упоминаю о своей неизмѣнной преданности къ вамъ.

Государь даровалъ помилованіе большей части заговорщиковъ 1825 года,—между прочимъ и моему бѣдному Кюхельбекеру. По указу долженъ онъ быть поселенъ въ южной части Сибири. Край прекрасный, но мнѣ бы хотѣлось имѣть его поближе къ намъ: быть можетъ, ему позволятъ удалиться въ имѣніе его сестры — г жи Глинки. Правительство всегда было къ нему милостиво и снисходительно. Когда я подумаю, что уже десять лѣтъ прошло со времени этихъ несчастныхъ смутъ, мнѣ кажется, что я видѣлъ сонъ. Сколько событій, сколько перемѣнъ во всемъ, начиная съ моихъ собственныхъ идей, моей обстановки и пр. пр. Въ самомъ дѣлѣ, только одна моя дружба къ вамъ и къ вашему семейству остается въ душѣ моей неизмѣнною, всегда полною и нераздѣльною. 26-го Декабря.

Вексель вашъ готовъ, я его пришлю въ слѣдующій разъ.

20.

Me voici, madame, arrivé à Pétersbourg; imaginez vous que le silence de ma femme provenait de ce qu'elle s'était mis dans la tête d'adresser ses lettres à Опочка. Dieu sait d'où cela lui est venu. En tout cas je vous supplie d'y envoyer un de nos gens, pour faire dire au maitre de poste que je ne suis plus à la campagne et qu'il renvoye tout ce qu'il a à Pétersbourg.

J'ai trouvé ma pauvre mère à l'extremité, elle était venu de Pavlovsk pour chercher un logement, et elle est tombé subitement en faiblesse chez m-r Княжнинъ, où elle s'était arrêtée. Rauch et Spaski n'ont aucune espérance. Dans cette triste situation j'ai encore le chagrin de voir ma pauvre Nathalie en but à la haine du monde. On dit partout qu'il est affreux qu'elle soit si élégante, quand son beau père et sa belle mère n'ont pas de quoi manger, et que sa belle mère se meurt chez des étrangers. Vous savez ce qu'il en est. On ne peut pas dire à la rigueur qu'un homme qui a 1,200 paysans soit dans misère. C'est mon père qui a quelque chose, et c'est moi qui n'ai rien. En tout cas Nathalie n'a que faire dans tout cela, c'est moi qui devrait en répondre. Si ma mère s'était venu établir chez moi, Nathalie comme de reison l'aurait reçu; mais une maison froide, remplie de marmailles, et encombrée de monde, n'est guère convenable à une malade. Ma mère est mieux chez elle. Je l'ai trouvée déjà deménagée, mon père est dans un état bien à plaindre. Quant à moi je fais de la bile, et je suis tout abasourdi.

Croyez m'en, chère madame Ossipof, la vie, toute süße Gewohnheit qu'elle est, a une amertume qui finit par la rendre dégoutante, et c'est un vilain lac de boue que le monde. J'aime mieux Тригорское. Je vous salue de tout mon coeur (24).

сокородію, мил. государ. Прасковьѣ Александровнѣ Осиповой".

(24) Писано на полулистѣ, изъ котораго сдѣланъ пакетъ съ надписью: „Ея Высокородію милостивой государынѣ Прасковьѣ Александровнѣ Осиповой, во Псковъ, оттолѣ въ село Тригорское". Помѣчено А. Н. Вульфомъ: «1836 г.»

Ну, вотъ я и въ Петербургѣ, милостивая государыня. Вообразите, молчаніе моей жены происходило отъ того, что ей вздумалось адресовать свои письма въ Опочку. Богъ знаетъ, почему она такъ распорядилась. Во всякомъ случаѣ я васъ умоляю послать одного изъ нашихъ людей къ почтмейстеру и сказать ему, что меня болѣе нѣтъ въ деревнѣ и чтобы онъ выслалъ въ Петербургъ все, что̀ у него есть. Я нашелъ бѣдную матушку въ ужасномъ положеніи. Она пріѣхала изъ Павловска искать квартиру, какъ вдругъ почувствовала ужасную слабость, которая ее застала у г. Княжнина, гдѣ она остановилась. Раухъ и Спасскій не имѣютъ ни малѣйшей надежды. Къ этому грустному положенію присоединяется для меня еще огорченіе видѣть, что моя бѣдная Nathalie служитъ цѣлью злыхъ нападокъ свѣта. Всюду говорятъ, какъ это ужасно, что она такъ наряжается, тогда какъ свекру и свекрови нечего ѣсть и свекровь умираетъ у чужихъ людей. Вы знаете, въ чемъ дѣло. Конечно, нельзя сказать, что человѣкъ, имѣющій 1200 душъ крестьянъ, былъ бы въ нищетѣ. Мой отецъ все-таки имѣетъ что-нибудь, а я ничего. Во всякомъ случаѣ это до Nathalie не касается, я бы долженъ за все отвѣчать. Еслибы матушка поселилась у меня, Nathalie, конечно, приняла бы ее; но холодный, наполненный кучею дѣтей, и осаждаемый гостями домъ не представляетъ удобствъ для больной. Матушкѣ покойнѣе у себя. Я нашелъ ее уже на другой квартирѣ; батюшка въ очень жалкомъ положеніи,—я же нахожусь въ желчномъ настроеніи духа и совершенно ошеломленъ.

Повѣрьте, дорогая Прасковья Александровна, хотя жизнь и „пріятная привычка", но имѣетъ въ себѣ горечь, дѣлающую ее подъ конецъ отвратительною; свѣтъ—это гадкая лужа грязи. Я предпочитаю Тригорское. Привѣтствую васъ отъ всего сердца.

ПИСЬМА А. С. ПУШКИНА КЪ А. Н. ВУЛЬФУ.

1.

Здравствуй, Вульфъ, пріятель мой!
Пріѣзжай сюда зимой,
Да Языкова поэта
Затащи ко мнѣ съ собой
Погулять верхомъ порой,
Пострѣлять изъ пистолета
Лайонъ, мой курчавый братъ
(Не Михайловской прикащикъ)
Привезетъ намъ, право кладъ!
Что? — бутылокъ полный ящикъ.
Запируемъ — ужъ, молчи!
Чудо — жизнь Анахорета!
Въ Троегорскомъ до ночи,
А въ Михайловскомъ до свѣта;
Дни — любви посвящены,
Ночью — царствуютъ стаканы;
Мы же — то смертельно пьяны,
То мертвецки влюблены.

Въ самомъ дѣлѣ, милый, жду тебя съ отверстыми объятіями и съ откупоренными бутылками. — Уговори Языкова, да отдай ему мое письмо; такъ какъ я подъ строгимъ присмотромъ, то если вамъ обоимъ заблагоразсудится мнѣ отвѣчать, пришли письма подъ двойнымъ конвертомъ на имя сестры твоей А. Н.

До свиданія, мой милый. А. П. (25).

---

(25) Письмо писано на полулистѣ, сложено пакетомъ; адресъ: „Его благородію милостивому государю Алексѣю Николаевичу Вульфъ. Въ гор. *Дерптъ*". *Приписка сестры Алексѣя Николаевича Вульфа*, Анны Николаевны: «*Александръ Сергѣевичъ* вручилъ мнѣ это письмо къ тебѣ, мой милый другъ; онъ давно сбирается писать къ тебѣ и къ Языкову; но я думала, что это только будетъ на словахъ.— Пожалуста отдай тутъ вложенное письмо къ Языкову и ежели можешь употреби все стараніе уговорить его, чтобъ онъ зимой сюда пріѣхалъ съ тобой. Пушкинъ этого очень желаетъ; покамѣстъ пожалуста отвѣчай скорѣе на это письмо и пришли отвѣтъ отъ Языкова скорѣе. Сегодня я тебѣ писать много не могу. Пушкины оба у насъ, и теперь я пользуюсь временемъ, какъ они ушли въ баню. Я надѣюсь, что твое безпокойство на счетъ А.

П. кончилось. Пожалуста, моя душа, ежели можешь, пришли мнѣ книгъ. Я боюсь тебѣ надоѣсть съ этой просьбой, но такъ и быть, полагаюсь на твою братскую дружбу. Прощай, моя радость; съ нетерпѣніемъ будемъ мы ожидать твоего отвѣта; не забывай тебѣ душею преданную Анну Вульфъ.

Сентября 20, 1824 года.

Левъ тебя цѣлуетъ.

2.

Любезный Алексѣй Николаевичь — благорадю васъ за воспоминанья, обнимаю васъ братски, также и Языкова; посланіе его и чувствительная Элегія — прелесть. Въ посланіи послѣ *тобой хранимаго*, стихъ пропущенъ. А стихъ Языкова мнѣ дорогъ. Перешлите мнѣ его. А. П. ([26]).

3.

Любезный Алексѣй Николаевичь, я не успѣлъ благодарить васъ за дружеское стараніе о проклятыхъ моихъ сочиненіяхъ; чортъ съ ними и съ цензоромъ и съ наборщикомъ и съ *tutti quanti*: дѣло теперь не о томъ. — Друзья мои и родители вѣчно со мною проказятъ: теперь послали мою коляску къ Мойеру съ тѣмъ, чтобъ онъ въ ней ко мнѣ пріѣхалъ и опять уѣхалъ и опять отослалъ назадъ эту бѣдную коляску. — Вразумите его. — Дайте ему отъ меня честное слово, что я не хочу этой операціи, хотя бы и очень радъ былъ съ нимъ познакомиться. А объ коляскѣ сдѣлайте милость напишите мнѣ два слова, что она? гдѣ она? etc. Vale, mi fili in spirito. Кланяюсь Языкову; я написалъ на дняхъ подражаніе Элегіи на *подите прочь* ([27]).

4.

Милый Алексѣй Николаевичъ, чувствительно благодарю васъ за дружеское исполненіе моихъ препорученій, и проч. Почтеннаго Мойера благодарю отъ сердца, вполнѣ чувствую и цѣню его благосклонность и намѣреніе мнѣ помочь; но повторяю рѣшительно: ни во Псковѣ, ни въ моей глуши лечиться я не намѣренъ. О коляскѣ моей осмѣливаюсь принести вамъ нижайшую просьбу. Если (что можетъ случиться) деньги у васъ есть, то прикажите, нанявъ лошадей, отправить ее въ Опочку; если же (что также случается) денегъ нѣтъ — то напишите сколько ихъ будетъ нужно. На всякой случай поспѣшимъ, пока дороги не испортились. Что скажу вамъ новаго? Вы, конечно, уже знаете все, что̀ касается до проѣзда А. П.. Мужъ ея очень милый человѣкъ, мы познакомились и подружились. Желалъ бы я очень исполнить желаніе ваше касательно подражанія Языкову; но не нахожу его подъ рукой, вотъ начало:

Какъ широко,
Какъ глубоко.
Нѣтъ, Бога ради...

Не написалъ-ли Яз. еще чего нибудь въ томъ же родѣ? или въ другомъ? перешлите намъ — мы будемъ очень благодарны ([28]).

5.

Вы мнѣ обѣщали писать изъ Дерпта и не пишите — добро. Однако я жду васъ, любезный филистеръ, и надѣюсь обнять въ началѣ слѣдующаго мѣсяца. — Неправда ли, что вы привезете къ

([26]) На оборотѣ рукою П. А. Осиповой написано: „Очень хорошо бы было, когдабъ вы исполнили ваше предположеніе пріѣхать сюда. Алексѣй, намъ нужно бы было потолковать и о твоемъ путешествіи; хотя я не имѣю чести знать Языкова, но отъ моего имени пригласи его, чтобъ онъ оживилъ Тригорское своимъ присутствіемъ.“

Все письмо на лоскуткѣ бумаги менѣе осьмушки; писано, какъ надо полагать, весною 1825-го года.

([27]) Писано на четвертушкѣ, сложенной пакетомъ. Рукою А. Н. Вульфа приписано: „*Сентяб. 825 года*“.

намъ и вдохновеннаго? Скажите ему, что этого я требую отъ него именемъ славы и чести Россіи. Покамѣстъ, скажите мнѣ — не чрезъ Дерптъ ли проѣдетъ Жуковскій въ Карлсбадъ? Языковъ долженъ это знать. Получаете-ли вы письма отъ Ан. Ник. (съ которой мы совершенно помирились передъ ея выѣздомъ) и что дѣлаетъ Вавилонская блудница N. N? Говорятъ, что Б. очень щастливо металъ противъ почтеннаго Е. Ѳ. Мое дѣло — сторона; но что скажете вы? Я писалъ ей: Vous avez placé vos enfants, c'est très bien. Mais avez vous placé votre mari, celui-ci est bien plus embarrassant. Прощайте, любезный Алексѣй Николаевичь: привезите же Языкова и съ его стихами (29).

6.

Тверской Ловеласъ С. Петербурскому Вальмону здравія и успѣховъ желаетъ.

Честь имѣю донести, что въ здѣшней губерніи, наполненной вашимъ воспоминаніемъ, все обстоитъ благополучно. Меня приняли съ достодолжнымъ почитаніемъ и благосклонностію. Утверждаютъ, что вы *гораздо хуже меня* (въ моральномъ отношеніи), и потому не смѣю надѣяться на успѣхи, равные вашимъ. — Требуемыя отъ меня поясненія, на счетъ вашего П. бургскаго поведенія, далъ я съ откровенностію и простодушіемъ, отъ чего и потекли нѣкоторыя слёзы и вырвались нѣкоторыя недоброжелательныя восклицанія, какъ напримѣръ: *какой мерзавецъ! какая скверная душа!* но я притворился, что ихъ не слышу. При сей вѣрной оказіи доношу вамъ, что Марья Васиіевна Борисова есть цвѣтокъ въ пустынѣ, соловей въ дичи лѣсной, перлъ въ морѣ и что я намѣренъ на дняхъ въ нее влюбиться. Здраствуйте; поклоненіе мое Аннѣ Петровнѣ, дружеское рукожатіе баронессѣ etc.

27 Окт. 1828 года (30).

7.

Проѣзжая изъ Арзрума въ Петербургъ, я своротилъ вправо и прибылъ въ Старицкой уѣздъ для сбора нѣкоторыхъ недоимокъ. Какъ жаль, любезный Ловласъ Николаевичь, что мы здѣсь не встрѣтились! То-то побѣсили бъ мы бароновъ и простыхъ дворянъ! По крайней мѣрѣ, честь имѣю представить вамъ подробный отчетъ о дѣлахъ нашихъ и чужихъ. I) Въ *Малинникахъ* засталъ я одну Ан. Ник. съ флюсомъ и съ Муромъ. Она приняла меня съ обыкновенной своей любезностію, и объявила мнѣ слѣдующее: a) Евпр. Ник. и Ал. Ив. отправились въ Старицу посмотрѣть новыхъ улановъ, b) N. N. заняла свое воображеніе отчасти таліей К—ва, отчасти бакенбардами и картавымъ выговоромъ Ю—а. c) Гретхенъ хорошѣетъ и *часъ отъ часу дѣлается невиннѣе* (сей часъ А. Ник. объявила, что она того не находитъ).

II) Въ *Павловскомъ* Фридерика Ив. страждетъ флюсомъ; Пав. Ив. стихотворствуетъ съ отличнымъ успѣхомъ. На дняхъ исправилъ онъ наши общіе стихи

---

(28) На полулистѣ, сложенномъ пакетомъ съ надписью: „Его благородію Алексѣю Николаевичу Вульфу, въ Дерптъ.“ Рукою Вульфа помѣчено „10 Окт. *825 года Сел. Михайловское.*“

(29) *Рукою А. Н. Вульфа приписано.* „7 Мая, 1826 года“. Письмо на полулистѣ, сложенномъ пакетомъ съ надписью „Его благородію А. Н В. въ Дерптъ.“

Замѣтка. А. Н.: Видѣлъ я въ Сенекѣ нѣкоторые нескромные гекзаметры и сердечно имъ позавидовалъ“.

(30) Писано на четвертушкѣ, сложенной пакетомъ съ надписью: „Его благородію Алексѣю Николаевичу Вульфъ.“

слѣдующимъ образомъ: подъѣзжая подъ Ижоры

Я взглянулъ на небеса
И воспомнилъ ваши взоры,
Ваши синіе глаза.

Не правда-ли, что это очень мило?

III) Въ *Берковѣ* я не засталъ уже Минерву. Она съ своимъ ревнивцемъ отправилась въ Саратовъ. За то Netty, нѣжная, томная, истерическая, *потолствѣвшая Netty* здѣсь. Вы знаете, что Миллеръ изъ отчаянія кинулся къ ея ногамъ, но она симъ не тронулась; вотъ уже третій день, какъ я въ нее влюбленъ.

IV) *Разныя извѣстія.* Поповна (ваша Кларисса) въ Твери. П. кто то прибилъ, и ему велѣно подать въ отставку. Кн. Максютовъ влюбленъ болѣе чѣмъ когда нибудь. *Ив. Ив.* на строгомъ діэтѣ... Недавно узнали мы, что Netty, отходя ко сну, имѣетъ привычку крестить всѣ предметы, окружающіе ея постелю.... Симъ позвольте заключить поучительное мое посланіе.

16 Окт. [31].

---

[31]) Письмо 1829 г. писано, на четвертушкѣ на почт. бумагѣ, запечатано облаткой.

Чертковская библіотека открыта безплатно для чтенія въ Понедѣльникъ, Середу и Субботу отъ 10 до 4 часовъ утра.

Отчетъ о Чертковской библіотекѣ за 1866 годъ будетъ напечатанъ въ одной изъ ближайшихъ тетрадей Русскаго Архива.

ГЛАВНѢЙШІЯ СТАТЬИ

ВЪ

РУССКОМЪ АРХИВѢ 1864 ГОДА.

(Съ рисункомъ)

Путеводитель по Чертковской библіотекѣ.

„Образъ Ангела-хранителя съ похожденіями" и „Вѣтеръ", два отрывка изъ Русской символики гр. *А. С. Уварова.*

Два доселѣ неизвѣстныхъ письма изъ переписки *Вольтера съ гр. А. И. Шуваловымъ.*

Письмо *Н. И. Надеждина* къ Ю. Н. Бартеневу (о Крымѣ и о своихъ работахъ).

Неизданные отрывки изъ письма Жуковскаго о кончинѣ Пушкина.

Записки *А. Т. Болотова.*

Воспоминаніе о Н. В. Шеншинѣ.

Записка о масонствѣ, *И. П. Елагина.*

Письма *А. С. Пуш ина* къ гр. А. Х. Бенкендорфу. 1830.

Первые пособники Екатерины II.

Письма *гр. Воронцова* къ И. И. Шувалову.

Труды *Е атерины II* по составленію сравнительнаго словаря.

Изъ переписки *Але сандра I* съ В. С. Поповымъ. Мнѣнія *М. Л. Магниц аго.*

Образцы рѣшеній *Е атерины II* на всеподаннѣйшія просьбы. 1788.

Изъ письма *В. С. Попова* къ императору Александру I о Екатеринѣ II.

Подлинныя черты изъ жизни В. А. Жуковскаго. Письма *его* и *А. И. Тургенева.*

О перевозѣ тѣла Пушкина въ Святыя Горы.

Допросы, сдѣланные фельдмаршалу Миниху, гр. Остерману и гр. Головкину, и отвѣты ихъ при воцареніи Елизаветы Петровны.

Матеріалы для исторіи Морейской экспедиціи. 1770. а) Два рескрипта Спиридову, б) Письмо *гр. Орлова* къ Спиридову, в) Письмо *Спиридова* къ Екатеринѣ II.

Черты изъ жизни кн. Е. Р. Дашковой.

О видахъ добра. (Замѣтки *Е атерины II* и *гр. А. С. Строгонова*)

Записка *Е атерины II* къ ея духовнику И. И. Панфилову о графиняхъ Ефимовскихъ.

Письмо *Е атерины II* къ кн. Потемкину о кн. Зубовѣ. 1789.

Письмо *Але сандра 1-го* къ Г. П. Милорадовичу о сектѣ Татариновой.

Письма *Н. И. Нови ова* къ Булгакову.

Изъ бумахъ князя *В. Ѳ. Одоевскаго.* Письма *Д. М. Веланскаго, кн. А. А. Шаховскаго, А. С. Грибоѣдова, кн. В. Ѳ. Одоевскаго* къ А. С. Пушкину, *А. С. Пушкина, В. А. Жуковскаго, А. Ѳ. Воейкова, А. В. Кольцова, Н. В. Гоголя, М. И. Глинки, В. А. Каратыгина, гр. Е. П. Ростопчиной.*

О нападеніяхъ Петербургскихъ журналовъ на Пушкина, статья *кн. В. Ѳ. Одоевскаго.*

Изъ бумагъ Николая Петровича Архарова. (1775—1812) съ біограф. предисловіемъ и примѣчаніями.

Письма (104) имп. *Екатерины II* къ кн. Н. И. Салтыкову (1763—1796), въ томъ числѣ инструкція, какъ обращаться съ цесар. Павломъ Петровичемъ и письмо къ нему по вступленіи его въ совершеннолѣтіе, съ предисловіемъ и примѣчаніями.

24 Долбинскихъ стихотворенія *В. А. Жуковскаго* (1814—1815).

Два письма Пушкина къ Н. И. Кривцову.

Два письма *Пушкина* къ кн. Н. Г. Репнину, и письмо къ Пушкину *кн. Н. Г. Репнина.*

Два неизданныя стихотворенія *Лермонтова.*

Письма *Лермонтова.*

Записки Прусскаго пастора *Теге.*

РУССКІЙ АРХИВЪ

Историко-литературный сборникъ, посвященный изученію Россіи преимущественно въ XVIII и XIX столѣтіяхъ, будетъ выходить и въ

1867 ГОДУ,

въ томъ же видѣ, какъ и въ 1863, 1864, 1865 и 1866 годахъ. Всѣхъ выпусковъ въ теченіи года 12 (въ каждомъ не менѣе 4 листовъ сжатой печати, въ 2 столбца; иногда по два выпуска выходятъ вмѣстѣ).

Цѣна Русскому Архиву съ пересылкою въ города и доставкою на домъ въ Москвѣ и С. Петербургѣ

ШЕСТЬ РУБЛЕЙ.

Подписываться можно въ Москвѣ въ Чертковской библіотекѣ (на Мясницкой № 7), при коей издается Русскій Архивъ; и въ магазинѣ И. Г. Соловьева (бывшемъ Базунова).

Въ С. Петербургѣ на Невскомъ проспектѣ въ д. Ольхиной, въ магазинѣ *А. Ѳ. Базунова.*

Иногородные обращаются исключительно въ Москву, въ Чертковскую библіотеку.

Лица, проживающія въ чужихъ краяхъ, могутъ выписывать Русскій Архивъ, обращаясь въ Берлинскій почтамтъ, а также въ Москву, въ Чертковскую библіотеку, и высылаютъ на Русскія деньги: для доставленія *въ Германію* **7** р.; *во Францію и Бельгію* **7** р. **50** к.; *въ Англію* **8** р.; *въ Швейцарію и Италію* **9** р.

Составитель и издатель Русскаго Архива: **Петръ Бартеневъ.**

Типографія Грачева и К. у Пречистенскихъ воротъ д. Мыльниковой.

ГОДЪ ПЯТЫЙ

РУССКІЙ АРХИВЪ.

ИЗДАВАЕМЫЙ

2. ПРИ 1867.

ЧЕРТКОВСКОЙ БИБЛІОТЕКѢ.

СОДЕРЖАНІЕ.

МОСКВА

Въ Типографіи В. Грачева и Комп.

1866.

ЦѢНА РУССКОМУ АРХИВУ ЗА 1866 СЪ ПОРТРЕТОМЪ ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ II-Й И СЪ ПОЛНЫМЪ УКАЗАТЕЛЕМЪ КЪ ПОВРЕМЕННЫМЪ ИЗДАНІЯМЪ МОСКОВСК. ОБЩЕСТВА ИСТОРІИ И ДРЕВНОСТЕЙ. XXVI, 1777, XII И 134 СТР. 5 Р. СЪ ДОСТАВКОЮ 6 Р.

Вторыя изданія Русскаго Архива большими томами, въ которыхъ статьи размѣщены по порядку времени. **1863** года VI и 1066 стр. (**4** р., съ пер. **5** р.) **1864** года 154 и 1182 стр. съ рисунк. (**4** р., съ пер. **5** р.) **1865** года 1550 стр. (**5** р., съ пер. **6** р.) Иногородные за Русскимъ Архивомъ обращаются исключительно въ Москву, въ Чертковскую библіотеку. Выписывающіе въ города *всѣ четыре года вмѣстѣ* прилагаютъ съ перес. **20** рублей.

Тамъ же сочиненіе Ю. Ѳ. Самарина:

ІЕЗУИТЫ

И ИХЪ ОТНОШЕНІЕ КЪ РОССІИ.

(ПИСЬМА КЪ ОТЦУ МАРТЫНОВУ).

Изложено ученіе Іезуитовъ и разсказаны ихъ дѣйствія въ Россіи.

Цѣна 1 р. 50 к., съ перес. 2 рубля (8°. 304 стр.)

Тамъ же стихотворенія **КН. П. А. ВЯЗЕМСКАГО.**

ВЪ ДОРОГѢ И ДОМА.

М. 1862. Цѣна 1 р. 50 к., съ перес. 2 р. (8°. 420 стр.)

УКАЗАТЕЛЬ ЛИЧНЫХЪ ИМЕНЪ, УПОМИНАЕМЫХЪ ВЪ РУССКОМЪ АРХИВѢ 1866 ГОДА.

*

СОДЕРЖАНІЕ РУССКАГО АРХИВА 1866 ГОДА.

Прилагаются: 1) Портретъ имп. Екатерины II-й и 2) Указатель къ повременнымъ изданіямъ императорскаго Московскаго общества Исторіи и Древностей Россійскихъ за 1815—1865 годы.

ЦАРСТВОВАНІЕ ІОАННА VI АНТОНОВИЧА.

Изъ сочиненія Германа, Исторія Русскаго Государства (*)

I. Правленіе герцога Курляндскаго (съ 17 Октября по 9 Ноября 1740 г).

Только что скончалась императрица Анна, какъ на другое же утро собрались сановники, и имъ объявлено новое правленіе. Вице-канцлеръ Остерманъ передалъ завѣщательный манифестъ покойной государыни генералъ-прокурору кн. Трубецкому; тотъ поцаловалъ подпись и прочелъ вслухъ манифестъ. Всѣ, бывшіе на лицо, отозвались, что они совершенно согласны съ содержаніемъ онаго. Остерманъ говорилъ первый въ эту торжественную минуту. Тутъ же находился и герцогъ Брауншвейгскій, поставленный въ невозможность что либо возразить. Но ему не трудно было поддаться внушеніямъ. Нѣсколько молодыхъ, неопытныхъ людей успѣли натолковать ему, что постановленія, содержащіяся въ манифестѣ, ничего еще не значатъ; и тутъ то обнаружилось все его скудоуміе. Не сообразивъ нисколько, въ какую опасную игру заводятъ его, и какъ мало было залоговъ успѣха, Антонъ Ульрихъ тотчасъ же началъ дѣйствовать ([113]). Само собою разумѣется, что замыселъ его немедленно обнаружился; начато разслѣдованіе; обвинены адъютантъ принца Грамматинъ и камеръ-юнкеръ его Шеліанъ. Перваго арестовали, а второму, изъ уваженія къ иноземному его происхожденію, дозволено удалиться за границу, для чего и отправили его курьеромъ въ Брауншвейгъ. Вскорѣ за тѣмъ открылось, что главнымъ тутъ дѣйствующимъ лицомъ былъ кабинетсъ-секретарь Яковлевъ. Онъ зналъ все, что дѣлалось въ кабинетѣ и передавалъ Антону Ульриху черезъ Русскаго секретаря герцогини Анны; этимъ путемъ и увѣрили принца, будто завѣщательный манифестъ составленъ не совсѣмъ правильно. Отсюда также объяснилось, зачѣмъ герцогиня Анна, немедленно по кончинѣ императрицы, взяла къ себѣ въ службу каммерфрау Юшкову: отъ нея думали развѣдать тайну составленія манифеста. Антонъ Ульрихъ возлагалъ на это обстоятельство большія надежды, и для того выхлопоталъ Юшковой, яко бы въ награду за ея вѣрную службу императрицѣ, шесть тысячь рублей наличными деньгами, ежегодную пенсію въ тысячу рублей и пожизненное содержаніе. Герцогиня Анна скоро убѣдилась, что этимъ путемъ не возможно оспаривать у Бирона его регентство, и что ей нечего больше дѣ-

(*) См. въ Русскомъ Архивѣ 1866 года: Царствованіе Анны Іоанновны.

(113) Антонъ Ульрихъ не хотѣлъ понять, что ему говорилъ Остерманъ. „Когда императрица умерла и герцогъ Курляндскій сдѣлался регентомъ— разсказывалъ онъ позднѣе графу Линару—то я обратился за совѣтомъ къ Остерману; но весь совѣтъ его состоялъ въ томъ, что коль скоро у меня есть уже приверженцы, то я долженъ открыто говорить и дѣйствовать; а впрочемъ всего лучше примкнуть къ остальнымъ“. Донесеніе Линара 12 Апрѣля 1741.

лать, какъ жить смирно и принаравливаться къ новому порядку вещей; но молодые люди, замыслившіе отстранить Бирона, рѣшились испробовать счастія, не удастся ли имъ что либо сдѣлать черезъ Антона Ульриха. Бестужевъ говорилъ потомъ, что, если бы захотѣть, можно бы поступить съ симъ послѣднимъ гораздо строже. Онъ отецъ императора, но въ то же время и его подданный. Петръ I-й подалъ примѣръ, что можетъ сдѣлать самодержавный отецъ съ мятежнымъ сыномъ; въ обратномъ смыслѣ можно бы примѣнить самодержавное право и къ этому случаю. Супруга его это знала; она бросилась умолять герцога Курляндскаго, чтобы онъ замялъ дѣло и увѣряла, что сама будетъ смотрѣть за своимъ мужемъ. И дѣйствительно, она не выпускала его изъ своихъ покоевъ и изъ подъ своего надзора, чтобы кто нибудь опять не увлекъ его. И такъ ограничились тѣмъ, что Антону Ульриху прочли выговоръ въ собраніи сената и высшаго генералитета. Ушаковъ обнаружилъ тутъ особенное усердіе и обзывалъ принца *мальчикомъ* ([114]). Принцъ сознавался въ винѣ своей, со слезами просилъ прощенія, и чтобы на передъ не навлекать на себя подозрѣній, самъ письменно вызвался сложить всѣ военные чины, на что и изъявлено было согласіе подъ тѣмъ предлогомъ, что отцу императора не прилично состоять въ командѣ.

Кромѣ вышеназванныхъ лицъ было подвергнуто розыску еще около десяти человѣкъ; они обвинены въ совращеніи герцога Антона Ульриха, отвезены въ крѣпость и наказаны кнутомъ. Такимъ образомъ регентъ и правая рука его Бестужевъ торжествовали полную побѣду и полагали себя вполнѣ обезпеченными. Въ откровенной бесѣдѣ съ Пецольдомъ, Бестужевъ говорилъ: „Герцогъ Брауншвейгскій до сихъ поръ надѣялся на Вѣнскій дворъ, но теперь онъ долженъ убѣдиться, какъ обманчива такая надежда, потому что мы окончательно устранили людей, преданныхъ ему или его супругѣ и вообще можно сказать, что наше дѣло твердо. Что касается до меня лично, то я ставилъ на карту мою голову, и первые три дни по смерти императрицы провелъ въ немалой тревогѣ; но я знаю Русскій народъ: по первому толчку онъ способенъ взволноваться, но когда пройдутъ тревожныя минуты, можно быть увѣрену въ его полнѣйшемъ повиновеніи. Поэтому манифестъ о регентствѣ я заготовилъ еще при жизни императрицы; его и форму присяги печатали въ ночь послѣ ея кончины, отъ чего и можно было привести всѣхъ къ присягѣ, прежде чѣмъ безпокойные люди успѣли бы что нибудь предпринять. Сообразивши всю важность этого событія и принявъ во вниманіе многолюдство столицы, не найдемъ ничего мудренаго, что нашлись люди недовольные; удивительнѣе, что ихъ еще такъ мало. Теперь, для достиженія полнаго единодушія, намъ остается только награждать благонамѣренныхъ и примѣрно наказывать непокорныхъ".

И такъ Бестужевъ, знавшій, какъ немногіе, и внутреннія отношенія государства и самый характеръ Русскаго народа, былъ твердо убѣжденъ въ непоколебимости новаго правительства. И дѣйствительно герцогъ Курляндскій обнаруживалъ умѣніе властвовать: онъ дѣйствовалъ осторожно, разсудительно, хитро и строго. Но именно потому, что безправный народъ Русскій не показывалъ никакого участія къ тому что происходило, и пребывалъ въ страдательномъ равнодушіи,—именно потому и являлась возможность ночною передрягою свергать предержащія власти и сажать новыя. Тайные враги Бирона, подчиняясь силѣ обстоятельствъ, не помѣшали ему быть ре-

([114]) Антонъ Ульрихъ род. 21 Авг. 1714 г.

гентомъ; но они ждали только случая, чтобы погубить его.

Прежде всѣхъ выступилъ впередъ честолюбивый Минихъ. Поводомъ ему послужило полное пренебреженіе, которое регентъ оказывалъ родителямъ младенца-императора, и безпрестанныя оскорбленія, которымъ онъ подвергалъ ихъ. Двѣ недѣли герцогъ Брауншвейгскій не смѣлъ никуда показываться: Биронъ увѣрялъ, что публика раздражена противъ него, и потому онъ долженъ сидѣть дома, если не желаетъ подвергнуться личной опасности. А герцогиню Анну Биронъ явно, въ присутствіи кн. Черкасскаго, Миниха и другихъ высоко поставленныхъ людей, стращалъ тѣмъ, что онъ вызоветъ въ Петербургъ герцога Голштейнъ-Готторпскаго, дабы въ случаѣ надобности упразднить всякія притязанія ея, герцогини, и ея семейства на державную власть ([115]). Биронъ намѣревался женить старшаго сына своего принца Петра на царевнѣ Елизаветѣ, а потомъ свою дочь выдать замужъ за герцога Голштейнъ-Готторпскаго, которому шелъ тогда всего тринадцатый годъ ([116])

7 Ноября Минихъ представлялъ герцогинѣ Аннѣ кадетъ, изъ которыхъ она хотѣла выбрать себѣ пажей. Оставшись съ нимъ одна, она заплакала и сказала ему: „Графъ Минихъ! Вы видите, какъ обращается со мною регентъ. Мнѣ многіе надежные люди говорятъ, что онъ намѣренъ выслать меня за границу. Я готова и уѣду; но если вы можете, похлопочите, чтобы по крайней мѣрѣ отпустили со мною и моего ребенка.“ Герцогиня увѣряла Миниха, что она ни съ кѣмъ еще не говорила о томъ, что̀ ей дѣлать; Минихъ взялъ съ нея клятву блюсти строжайшую тайну и далъ ей слово освободить ее отъ тирана. На слѣдующее утро онъ опять былъ у нея и объявилъ, что намѣревается схватить регента. Герцогиня возразила, что онъ ставитъ на карту жизнь свою и всего своего семейства; но Минихъ настойчиво требовалъ ея согласія, и наконецъ она отвѣчала: „Быть такъ! Дѣлайте же поскорѣе что̀ хотите дѣлать“. Во время этого самаго разговора докладываютъ о пріѣздѣ герцога. Герцогиня Анна спѣшитъ къ нему на встрѣчу, а Минихъ уходитъ въ другую сторону. Черезъ нѣсколько времени Минихъ навѣщаетъ регента въ Лѣтнемъ дворцѣ; обѣдаетъ у него и остается до семи часовъ вечера ([117]). Биронъ этотъ день былъ какъ то особенно встревоженъ и разсѣянъ. Онъ заговаривалъ то объ томъ, то объ другомъ предметѣ, и внезапно спросилъ Миниха: „А что, фельдмаршалъ, вамъ никогда не случалось во время вашихъ воинскихъ предпріятій производить что либо значительное ночью?“ Минихъ оторопѣлъ отъ такого вопроса, но скоро спохватился, такъ что регентъ ничего не замѣтилъ на лицѣ его, и отвѣчалъ: „Не припомню; но у меня правило не откладывать дѣла и пользоваться всякимъ благопріятнымъ случаемъ“ ([118]). Въ два часа по полуночи (9 Ноября), Минихъ отправляется въ Зимній дворецъ и приказываетъ фрейлинѣ Юліи Менгденъ (на сестрѣ которой былъ женатъ сынъ его) разбудить герцогиню Анну. „Каждая минута дорога— говоритъ онъ ей—нынче же будетъ смѣненъ караулъ Преображенскаго полка, состоящаго въ моей командѣ; я жду отъ васъ рѣшительнаго повелѣнія; экипажъ для васъ готовъ и стоитъ на дворѣ“. Герцогиня сначала колебалась, выѣзжать ли ей изъ Зимняго дворца; но когда она сѣла въ экипажъ, Минихъ приказалъ

([115]) Донесенія Пецольда и Нейбауера отъ 30 Ноября 1740 г.

([116]) Записки Манштейна, стр. 355.

([117]) Донесеніе Нейбауера, отъ 30 Ноября 1740.

([118]) Записки Манштейна, стр. 351.

ѣхать вслѣдъ за ротою солдатъ, которая маршировала изъ Зимняго въ Лѣтній дворецъ (потомъ въ этомъ самомъ экипажѣ перевезли схваченнаго регента въ Зимній дворецъ). Оба эти зданія находятся на берегу Невы въ разстояніи семи или осьми сотъ шаговъ одинъ отъ другаго. По направленію къ Лѣтнему надо переходить, шагахъ во ста до него, мостъ черезъ каналъ, и потомъ еще другой мостъ черезъ другой каналъ, находящійся у самаго дворца. У этого втораго моста стоялъ караулъ изъ того же Преображенскаго полка, солдаты котораго сторожили и Зимній дворецъ. Когда подошли къ первому мосту, фельдмаршалъ велѣлъ остановиться и послалъ полковника Манштейна и одного офицера изъ главнаго караула, оставившаго Зимній дворецъ, сказать офицерамъ, находившимся у Лѣтняго, что герцогиня Анна сидитъ въ экипажѣ у перваго моста и желаетъ съ ними говорить. Офицеры явились на этотъ зовъ. Фельдмаршалъ и находившіеся при немъ офицеры передали имъ приказанія герцогини: они должны были проводить Манштейна и съ нимъ 12 человѣкъ солдатъ къ Лѣтнему дворцу, дать имъ свободный пропускъ и позаботиться о томъ, чтобы тамошній караулъ (у втораго моста) стоялъ смирно и не дѣлалъ тревоги. Манштейнъ безпрепятственно достигаетъ спальни герцога Курляндскаго. Тотъ и не грезилъ ни объ какой опасности. У него сдѣлано было распоряженіе, чтобы караулъ, въ случаѣ если кто ночью явится вооруженный и потребуетъ пропуска, стрѣлялъ во всякаго, безъ дальнихъ рѣчей. Биронъ и супруга его спали глубокимъ сномъ. Овладѣвъ Бирономъ, Манштейнъ отвезъ его плѣнникомъ въ Зимній дворецъ ([119]) Туда же вслѣдъ за тѣмъ онъ препроводилъ генерала Густава Бирона, занимавшаго должность подполковника въ Измайловскомъ полку. Другой адъютантъ фельдмаршала, капитанъ Кенигфельдъ захватилъ кабинетсъ-министра гр. Бестужева. Прочіе члены Биронова семейства оставлены въ Лѣтнемъ дворцѣ. Послѣ всего этого держанъ былъ большой совѣтъ, а около двухъ часовъ по полудни огромная закрытая карета въ шесть лошадей повезла бывшаго регента въ Шлюссельбургъ; съ нимъ отпустили одного только камердинера, а въ видѣ стражи съ каретою поѣхало четыре гренадера, у которыхъ были ружья со штыками. Туда же въ Шлюссельбургъ послали герцогиню съ дочерью ея Гедвигою Елизаветою и младшимъ сыномъ Карломъ (старшій Петръ оставленъ подъ стражею въ Лѣтнемъ дворцѣ, такъ какъ онъ былъ болѣнъ и еще не совсѣмъ оправился отъ болѣзни). Министръ Бестужевъ и генералъ Густавъ Биронъ отвезены въ Иваньгородъ, старинную крѣпость, находящуюся противъ Нарвы. Въ Іюнѣ слѣдующаго года Бирону и семьѣ его

([119]) Когда герцогъ совсѣмъ очнулся, то хотѣлъ освободиться отъ солдатъ и дрался кулаками на право и на лѣво. Солдаты въ свою очередь били его прикладами ружей, повалили на землю, заткнули ротъ платкомъ, связали ему руки офицерскимъ шарфомъ и совсѣмъ раздѣтаго вынесли къ караульнѣ; тамъ они покрыли его солдатскою шинелью и посадили въ ожидавшій его экипажъ фельдмаршала.- Покамѣстъ солдаты управлялись съ герцогомъ, герцогиня въ рубашкѣ выбѣжала изъ дворца за мужемъ на улицу; тамъ одинъ солдатъ схватилъ ее за руку и потащилъ къ Манштейну, у котораго спрашивалъ что ему съ ней дѣлать. Манштейнъ приказалъ отвести ее назадъ во дворецъ, но солдатъ не захотѣлъ съ нею возиться, бросилъ ее въ снѣгъ и ушелъ. Въ этомъ жалкомъ состояніи нашелъ ее гвардейскій капитанъ, поднялъ ее, велѣлъ ей дать одежду и отвести въ ея комнаты. Записки Манштейна, стр. 362. Въ этомъ же родѣ разсказываютъ Нейбауеръ и Пецольдъ въ донесеніяхъ отъ 30 Ноября 1740.

назначено было ѣхать въ ссылку въ Сибирскій городъ Пелымъ, въ 600 верстахъ за Тобольскомъ; онъ прибылъ туда 6 (17) Ноября 1741 г. и помѣстился въ простомъ деревянномъ домѣ, выстроенномъ по чертежу Миниха. Еще раньше Бирона увезены въ Сибирь его зять, Рижскій вицегубернаторъ, генералъ Бисмаркъ, и Бироновы братья генералы Густавъ и Карлъ, хотя сей последній (командовавшій войсками въ Москвѣ) ненавидѣлъ герцога Курляндскаго и вовсе не одобрялъ его поступковъ.

По удаленіи Бирона отъ регентства, мать императора приняла титулъ великой княгини, и обнародованный въ тоже утро 10 (21) Ноября манифестъ провозгласилъ ее правительницею государства на время несовершеннолѣтія ея сына-императора. Гвардія и всѣ остальные чины принесли ей присягу въ вѣрности, и этотъ новый правительственный переворотъ совершился «опять въ величайшемъ спокойствіи, ко всеобщему удовольствію и радости». Герцогъ Антонъ Ульрихъ назначенъ генералиссимусомъ, и вскорѣ за тѣмъ соправителемъ; фельдмаршалъ Минихъ первымъ министромъ; Остерманъ великимъ адмираломъ съ удержаніемъ министерства иностранныхъ дѣлъ; кн. Черкасскій государственнымъ канцлеромъ, каковое мѣсто оставалось незанятымъ со смерти великаго канцлера Головкина (21 Янв. 1734); сынъ сего послѣдняго гр. Михаилъ Головкинъ (братъ посланника въ Голландіи) сдѣланъ государственнымъ вице-канцлеромъ; баронъ Менгденъ пожалованъ въ тайные совѣтники.

Фельдмаршалъ Минихъ, съ согласія герцогини Анны, былъ единственнымъ виновникомъ этого благополучно совершившагося переворота. «Ни одна душа ничего не подозрѣвала, и самъ генералъ-адъютантъ Манштейнъ узналъ въ чемъ дѣло лишь въ ту минуту, когда фельдмаршалъ отдалъ ему приказанія». Дѣйствительно, все уже начинало успокоиваться, и никто не могъ предугадывать столь внезапной перемѣны правленія. «Мы — пишетъ Пецольдъ — все видѣвшіе и слышавшіе сами, только пожимаемъ плечами, когда теперь всякій старается кричать противъ Бирона и увѣрять, будто паденія его надо было ждать» ([120]). За день до переворота и въ самый день онаго, Пецольдъ былъ у Бирона и долго бесѣдовалъ съ нимъ въ его кабинетѣ. Биронъ снова завелъ рѣчь объ Антонѣ Ульрихѣ и объ его нескладныхъ замыслахъ, и разсказалъ между прочимъ, какъ тотъ привлекалъ къ себѣ въ соучастники одного Русскаго плясуна и лакея, служившаго у придворнаго шута Педриллы, а когда Биронъ спросилъ, чего именно онъ добивался, то Антонъ Ульрихъ отвѣчалъ съ чрезвычайною наивностью, что ему хотѣлось немножко побунтовать» (ein bisschen Rebellion gewollt), такъ что онъ Биронъ не зналъ, шутка ли это, или сказано изъ непокинутаго злорадства. За тѣмъ Биронъ началъ говорить о тѣхъ распоряженіяхъ въ Русскомъ государствѣ, которыя онъ намѣревался сдѣлать; о томъ, что онъ потребовалъ къ себѣ изо всѣхъ коллегій подписаннаго отчета за текущее время о входящихъ дѣлахъ, дабы впослѣдствіи, когда онъ сложитъ съ себя регентство, можно было показать, въ какомъ положеніи онъ засталъ государство и въ какомъ покидаетъ его. Отчеты военнаго и морскаго вѣдомства были уже получены; онъ досталъ ихъ, чтобы показать изъ нихъ кое что Пецольду; но отчетъ адмиралтейства молча отложилъ въ сторону, очевидно потому, что хвастаться было нечѣмъ. Биронъ несомнѣнно понималъ

([120]) Донесеніе Пецольда, 1-го февр. 1741.

обязанности дѣльнаго правителя; но высокомѣріе его было безпредѣльное, и онъ оскорблялъ въ самыхъ мелочахъ щекотливую суетность герцогини Анны. Въ печатномъ церемоніалѣ о траурѣ по умершей императрицѣ, герцогъ Брауншвейгскій поставленъ былъ выше регента, а герцогиня Анна и царевна Елизавета выше герцогини Курляндской. Когда Бирону поднесли этотъ церемоніалъ еще въ рукописи, онъ сказалъ: «Ну теперь пусть будетъ такъ; впередъ же чортъ меня возми, если я уступлю имъ хоть одинъ шагъ». Герцогиня Курляндская соглашалась принять титулъ высочества лишь въ такомъ случаѣ, если дадутъ его и ея дѣтямъ. Биронъ предлагалъ офицеру, который везъ его въ Шлюссельбургъ, бриліантовъ, золота и серебра за то, чтобы онъ позволилъ ему броситься къ ногамъ великой княгини; онъ также умолялъ пощадить жену его. Но герцогиня Анна съ Минихомъ, свергнувъ Бирона, не достигли того, чего надѣялись.

2. Правленіе великой княгини Анны (съ 9-го Ноября 1740 по 25 Ноября 1741).

Еще 19 Ноября 1740 г. Пецольдъ писалъ: „Нѣтъ ничего мудренаго, что на фельдмаршалѣ Минихѣ подтвердится пословица Proditionem amo, proditorem odi т. е. люблю произведеніе, не терплю производителя. Послѣдними дѣйствіями своими онъ показалъ, на что онъ способенъ, и потому нужна всяческая предосторожность, чтобы гвардейцы, и безъ того своенравные и вздорные, не вздумали, какъ скоро представится случай, повторить то, чему ихъ научили». Правительница нуждалась только тѣхъ, кто тяготилъ ее превосходствомъ силы; но она не хотѣла и думать о томъ, что ей грозила опасность, повидимому ничтожная, но не замѣтно принимавшая угрожающіе размѣры. Опасность эта проистекала отъ собственнаго ея нрава, причудливаго и нерѣшительнаго: она не могла никому внушить полной къ себѣ приверженности. Между тѣмъ недовольство расло и овладѣвало всѣми, такъ что наконецъ, кому первому пришло бы въ голову произвести переворотъ, тотъ и могъ разсчитывать на успѣхъ. Она забывала принять мѣры, предписываемыя самымъ простымъ благоразуміемъ и обязательныя для нея по отношенію къ народу, надъ коимъ она хотѣла властвовать и коего любовь должна была снискивать. По своей вялости, она не занималась сама дѣлами правленія, и вмѣсто того чтобы передать ихъ кому нибудь, кто бы имѣлъ надежную опытность, познанія и силу, она во всемъ руководилась внушеніями любимицы своей, фрейлины Юліи Менгденъ, Лифляндской уроженки, которой дали обыкновенное въ ея сословіи деревенское воспитаніе, съ тѣмъ чтобы выдать ее за мужъ за какого нибудь благороднаго помѣщика и выучили ее заниматься хозяйствомъ, такъ что она не имѣла ни малѣйшей опытности въ придворной сферѣ, гдѣ все искусство состоитъ въ умѣніи заводить и распутывать политическія интриги. При всемъ этомъ она во все вмѣшивалась, и вмѣсто помощи только путала и затрудняла. Правительница цѣлые дни сидѣла запершись съ нею въ ея комнатахъ, никого не видя и оставляя важнѣйшія бумаги неподписанными. Въ простомъ и небрежномъ нарядѣ, повязавъ голову носовымъ платкомъ, служившимъ ей вмѣсто ночнаго чепца, она проводила время съ друзьями и родственниками своей любимицы ([121]), или иногда приглашала къ себѣ на кар-

([121]) Записки Манштейна, стр. 382. Донесеніе Линара отъ 10 Марта 1741: „Графъ Минихъ и все его семейство почти не выпускаютъ правивительницу изъ своего общества.“

точную игру иностранныхъ министровъ; но государственнымъ сановникамъ къ ней не было доступа. Теперь она могла безпрепятственно и на свободѣ наслаждаться счастіемъ, котораго долго была лишена: съ нею опять находился другъ ея сердца, Саксонскій графъ Линаръ. Онъ занималъ прежде должность Саксонскаго посланника въ Петербургѣ, но въ 1735 году, ради слишкомъ близкихъ отношеній къ герцогинѣ, былъ отозванъ по настоятельному требованію императрицы Анны. Тотчасъ по смерти императрицы, употреблены были старанія о вторичномъ назначеніи его въ Петербургъ; а когда онъ пріѣхалъ, фрейльна Менгденъ изъ привязанности къ своей повелительницѣ, для прикрытія связи ея, прикинулась влюбленною въ графа Линара. Тотъ ничего лучшаго не желалъ, и пользовался близостью къ Юліи Менгденъ, чтобы обдѣлывать дѣла короля своего. Въ Августѣ (1741) при дворѣ произошло торжественное обрученіе его съ фрейльною Менгденъ; сама правительница надѣла имъ на руки драгоцѣнные перстни. Вскорѣ за тѣмъ женихъ уѣхалъ въ Саксонію по дѣламъ, съ тѣмъ чтобы въ непродолжительномъ времени возвратиться и, поступивъ въ Русскую службу, занять должность оберъ-камергера, такъ какъ Биронъ при покойной императрицѣ Аннѣ ([122]).

Минихъ, въ качествѣ близкаго родственника фрейльны Менгденъ, тоже разсчитывалъ на ея поддержку. Однако не трудно было убѣдиться, что хотя она и пользовалась неограниченнымъ вліяніемъ на великую княгиню, но полагаться на нее не было возможности. По своему неровному характеру, она дѣйствовала какъ ей покажется, и иногда ни съ того ни съ сего пренебрегала и друзьями и родными ([123]). Фельдмаршалъ и первый министръ занемогъ и весь Декабрь пролежалъ въ постели. Это было какъ разъ на руку вице-канцлеру Головкину и великому адмиралу Остерману, котораго больше всѣхъ другихъ обидѣло назначеніе Миниха первымъ министромъ. Головкинъ подучалъ герцога Брауншвейгскаго, чтобы онъ добивался предсѣдательства въ дѣлахъ, и хотя заранѣе было извѣстно, что фрейльна Менгденъ не преминетъ внушать правительницѣ, чтобы не давать супругу перевѣса надъ собою; но Головкину и то уже было выгодно, чтобы герцогъ считалъ Миниха своимъ противникомъ, который стоитъ ему поперекъ дороги. Остерманъ съ своей стороны нашептывалъ герцогу тоже самое; по часту онъ являлся къ нему въ своихъ носилкахъ, и они бесѣдовали цѣлые часы. За одно съ Остерманомъ, обергофмаршалъ Левенвольде старался, чтобы герцогъ, въ званіи генералиссимуса, приближалъ къ себѣ офицеровъ, которые были имъ преданы и не любили Миниха. „Такимъ образомъ, пишетъ полковникъ Нейбауеръ 7 Января 1741 г., противъ Миниха у насъ теперь дѣйствуютъ три важнѣйшія особы". Тотъ самъ подавалъ на себя оружіе своимъ непомѣрнымъ честолюбіемъ. По низверженіи Бирона онъ отстранилъ отъ себя званіе генералиссимуса, конечно потому, что мѣсто перваго министра показалось ему важнѣе на ту пору. Въ бумагѣ, которою супругъ правительницы назначался генералиссимусомъ, онъ не преминулъ вставить слѣдующее выраженіе: „Хотя званіе это подобаетъ фельдмаршалу Миниху за тѣ услуги, которыя онъ оказалъ государству, но онъ отказывается отъ онаго въ пользу императорскаго родителя, герцога Антона Ульриха, и довольствуется мѣстомъ перваго мини-

(122) Донесенія Линара отъ 10 Марта и 26 Августа 1741.

(123) Донесеніе Нецольда отъ 30 Ноября 1740

стра.“ Но за тѣмъ онъ уже не считалъ нужнымъ держаться установленнаго порядка въ перепискѣ, и во всѣхъ бумагахъ, посыланныхъ къ генералиссимусу, относился къ нему безъ всякихъ формъ подчиненности. Важныя дѣла онъ рѣшалъ безъ его вѣдома, и докладывалъ ему только о мелочахъ, напр. о повышеніи чиномъ какого нибудь офицера. Съ Остерманомъ нельзя было такъ дѣйствовать. Онъ не пропускалъ подобной невѣжливости и нѣсколько разъ настоятельно докладывалъ правительницѣ, что Минихъ, не имѣя познаній въ дѣлахъ иностранныхъ, находившихся уже 20 лѣтъ въ вѣдѣніи у него Остермана, только путаетъ и можетъ навлечь Русскому двору большія непріятности; что Минихъ опытенъ лишь въ управленіи воинскаго департамента, а въ дѣлахъ внутреннихъ тоже мало свѣдущъ, такъ что если главное завѣдываніе всѣми дѣлами останется у Миниха, то нечего будетъ дивиться, коль скоро усилится всеобщее недовольство ([124]). Общій ходъ управленія былъ знакомъ Остерману лучше всѣхъ другихъ; но чтобы не подчиняться Миниху и поставить его въ затруднительное положеніе, онъ нарочно ничѣмъ не занимался, отговариваясь то болѣзнью, то слабостью. Бреверпъ, разумѣется, во всемъ ему вторилъ и показывалъ, будто хочетъ проситься въ отставку. Между тѣмъ фельдмаршалъ замышлялъ прибрать въ свои руки и должность генералиссимуса, оставивъ Антону Ульриху одно только имя. Тогда правительница увидала наконецъ, что необходимо положить Миниху предѣлы. Она раздѣлила управленіе: Остерманъ снова получилъ въ исключительное вѣдѣніе иностранную часть; канцлеръ Черкасскій и Головкинъ внутреннія дѣла, а Минихъ дѣла военныя, удерживая названіе перваго министра ([125]). Онъ не въ силахъ былъ скрывать досаду на таковое совмѣстничество. Остерманъ безпрестанно раздражалъ его, дѣйствуя чрезъ Антона Ульриха. Не было ничего твердаго и опредѣлительнаго. Въ это время (въ первые дни Марта 1741 г.) такъ отзывался о Русскихъ дѣлахъ Левендаль, впослѣдствіи славный генералъ Французской службы, стоявшій такъ высоко во мнѣніи Миниха, что во время своей болѣзни онъ указывалъ на него правительницѣ какъ на достойнѣйшаго себѣ преемника: „Сколько я могу предугадывать, говоритъ Левендаль, фельдмаршалъ не долго удержится. Съ тѣхъ поръ какъ произошло недавнее распредѣленіе въ управленіи дѣлами, онъ уже другой разъ выражалъ свое негодованіе и просилъ отставки; въ послѣдній разъ ему отвѣчали, чтобы онъ оставался; но отвѣтъ послѣдовалъ въ выраженіяхъ жесткихъ и вовсе не заискивающихъ. Надо опасаться еще худшаго. Я полагаю, что даже теперешнее регенство не устоитъ, и что Россія, дол-

([124]) Записки Манштейна, стр. 369.

([125]) Донесеніе Линара отъ 10 Марта 1741: „Графъ Остерманъ, лишенный выгоды бывать у правительницы, столь же часто какъ гр. Минихъ, старается привлечь на свою сторону генералиссимуса, дабы чрезъ него могли доходить его внушенія. Это ему удалось, такъ какъ этотъ принцъ самъ ему сочувствовалъ, видя пренебреженіе къ себѣ со стороны фельдмаршала и ненавидя отъ всей души Миниховъ и Менгденовъ, которые пользуются чрезмѣрною милостью и до сихъ поръ, какъ говорятъ, злоупотребляли довѣріемъ правительницы для своихъ личныхъ выгодъ и мѣшали добрымъ отношеніямъ ея съ супругомъ. Принцъ часто ѣздитъ къ гр. Остерману, остается у него по долгу, и по отзывамъ его для всѣхъ становится замѣтно, что онъ беретъ уроки общей политики: въ особенности разсуждаетъ онъ о томъ, какія нужны мѣры для того, чтобы настоящія Европейскія обстоятельства прошли не безъ пользы для здѣшняго двора и народа.“

женствующая, но природнымъ свойствамъ своихъ жителей, имѣть надъ собою вполнѣ самодержавную главу, до тѣхъ поръ не можетъ быть благополучно управляема, пока великая княгиня не объявитъ себя самодержавною. Вѣдь царствовали же здѣсь два брата вмѣстѣ: еще проще было бы, въ теперешнихъ обстоятельствахъ, самодержавно царствовать матери вмѣстѣ съ сыномъ. Я не знаю только, черезъ кого бы передать эту мысль великой княгинѣ, а самъ я не имѣю возможности поговорить съ нею" (126). Паденіе Миниха послѣдовало черезъ нѣсколько дней, и не одинъ Левендаль, но и многіе другіе, были увѣрены, что для существованія Россіи необходима единая самодержавная глава, хотя бы правительство и не принимало особенно въ разсчетъ Русскую народность (127).

24 Марта, часомъ раньше до того, какъ обыкновенно садились играть въ карты, великая княгиня правительница позвала къ себѣ гр. Линара и изложила ему причины, по которымъ она считаетъ себя вынужденною дать отставку фельдмаршалу Миниху. „Онъ не исправимъ въ своемъ доброхотствѣ къ Пруссіи— сказала Анна—тогда какъ я ему много разъ выражала рѣшительную мою волю помочь Маріи Терезіи. Кромѣ того я ему давала понять, чтобы всѣ повелѣнія, приходящія къ нему отъ моего мужа, исполнялись какъ мои собственныя; онъ какъ будто и знать не хочетъ и не только отказывается принимать ихъ, но не исполняетъ рѣшительно и моихъ собственныхъ приказаній, а вмѣсто того дѣлаетъ распоряженія противныя. Я не могу дальше откладывать его увольненіе, потому что нельзя быть спокойною, пока имѣешь дѣло съ этимъ человѣкомъ". Родному сыну фельдмаршала (обергофмейстеру) и Левенвольде (обергофмаршалу) велѣно объявить ему это рѣшеніе. Боялись однако, что онъ съумѣетъ воспользоваться и нѣсколькими часами власти, до сложенія оной; поэтому герцогъ Брауншвейгскій, въ качествѣ генералиссимуса, тотчасъ же оповѣстилъ, именемъ императора, всѣмъ находившимся въ Петербургѣ и окрестностяхъ гвардейскимъ и полевымъ полкамъ объ увольненіи фельдмаршала; а на другой день послѣдовало торжественное объявленіе о томъ сенатскимъ указомъ, который читался во всѣхъ коллегіяхъ и канцеляріяхъ и по всему городу, съ барабаннымъ боемъ, что̀ обыкновенно дѣлалось лишь при объявленіи о наказаніи уголовныхъ преступниковъ! Два полицейскіе чиновника приняли потомъ на себя вину, будто они сдѣлали такое распоряженіе по ошибкѣ. Нѣсколько болѣе замѣтныхъ лицъ отвезено въ крѣпость, потому что ихъ подозрѣвали въ приверженности къ фельдмаршалу (128). Почти всѣ, отъ мала до велика, спѣшили высказать что либо

(126) Донесеніе Линара отъ 13 Марта 1741.

(127) Тоже, отъ 10 марта 1741: „Готовность народа примѣниться ко всему выразилась достаточно въ томъ, что онъ съ одинаковою легкостью и призналъ и отвергъ регенство герцога Курляндскаго. Въ прежнее время народъ находилъ, что слишкомъ предпочитаютъ во всемъ Нѣмцевъ; онъ боится, судя по тому, что̀ видитъ, что этому конца не будетъ, и поэтому въ мысляхъ его все еще царевна Елизавета, дочь императора Петра, и слѣдовательно женщина Русская".

(128) Въ томъ числѣ генералъ рекетмейстеръ Фенинъ и совѣтникъ юстиціи Масловъ, получившіе эти должности съ тѣхъ поръ, какъ Минихъ сталъ первымъ министромъ. „Въ гласную вину вмѣнены имъ всякаго рода интриги и полученіе непозволительныхъ подарковъ; про перваго изъ нихъ говорятъ, что въ короткое время онъ набралъ слишкомъ сто тысячъ рублей". Донесенія Линара 14 и 18 Марта 1741.

дурное на счетъ фельдмаршала; но никто такъ не злорадствовалъ его паденію, какъ Австрійскіе министры. Они предавались блестящимъ надеждамъ. Дѣло въ томъ, что Минихъ весьма сухо принялъ маркиза Ботту (отозваннаго въ Вѣну не задолго передъ кончиною императрицы Анны и присланнаго обратно въ Январѣ 1741 г. тотчасъ, какъ только въ Вѣнѣ узнали о томъ, что правленіе перешло къ герцогинѣ Аннѣ). Одному изъ друзей Пецольда, Минихъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ отзывался объ отношеніяхъ къ Австріи: «Генералъ Ботта съ первыхъ словъ предложилъ, чтобы Россія немедленно предоставила имъ въ распоряженіе свои 30 тысячь человѣкъ, и при этомъ не упомянулъ ни словомъ, на что будутъ употреблены и какъ содержаны эти войска. Вѣнскій дворъ и не думаетъ понижать своего прежняго высокомѣрнаго тона; на каждомъ шагу обнаруживается черезъ чуръ далеко распространяемая система тамошняго министерства, которая всему мѣшала еще при покойномъ императорѣ Карлѣ VI, и по которой будто не сдобровать Европѣ, коль скоро нарушится цѣлость Австрійскихъ владѣній, а отъ сохраненія ихъ будто окажется рано или поздно выгода для всѣхъ дворовъ. Я напоминалъ генералу Боттѣ, что въ послѣднюю Турецкую войну въ Вѣнѣ вовсе не спѣшили оказывать Россіи помощь, условленную въ трактатѣ; что мнѣ удивительно, неужели Австрія чувствуетъ себя въ крайности, между тѣмъ какъ противникъ ея король Прусскій дѣйствуетъ противъ нея всего съ 20 ю тысячами человѣкъ; что коль скоро они не готовы отразить и подобное нападеніе, то не помогутъ имъ и 30 тысячь Русскихъ; что наконецъ трудно вновь покорять своему владычеству страну, жители которой сами доброхотствуютъ непріятелю» ([129]). Тѣмъ временемъ Фридрихъ II не упускалъ подкрѣплять Миниха въ его нерасположеніи къ Австріи и оказывалъ ему всякаго рода вниманіе.

Еще въ регентство Бирона начались переговоры о возобновленіи и усиленіи послѣдняго союзнаго трактата Пруссіи съ Россіею, заключеннаго въ 1734 г. На совѣщаніяхъ 16 (27) Дек. 1740 г. Прусскій посланникъ достигъ по крайней мѣрѣ увѣренности, что Петербургскій кабинетъ не будетъ дѣйствовать враждебно; и хотя гр. Линаръ и маркизъ Ботта, помимо Миниха, соединенными усиліями склонили было правительницу разрушить заключенный съ Пруссіею трактатъ, но вскорѣ они увидали, что это не такъ легко сдѣлать. Правда, Остерманъ былъ противъ Миниха и пользовался его рѣзкими выходками, чтобы погубить его при содѣйствіи Антона Ульриха, безусловно преданнаго Австріи; но въ сущности онъ тоже стоялъ за Пруссію, и будучи уроженцемъ этой страны, не могъ подавить въ себѣ пристрастія къ ней. Къ тому же начинались неудовольствія съ Швеціею, и на этотъ разъ Россія не могла принять открытаго участія въ борьбѣ Пруссіи съ Австріею.

И такъ, паденіе Миниха, сверхъ чаянія, не произвело рѣзкаго измѣненія во внѣшней политикѣ Россіи. Но и внутреннія дѣла тоже не измѣнялись къ чему либо лучшему и болѣе надежному. Немедленно закипѣла ожесточенная вражда между Остерманомъ и вицеканцлеромъ гр. Головкинымъ. Сей послѣдній не отличался трудолюбіемъ и не имѣлъ вокругъ себя такихъ помощниковъ и совѣтниковъ, которые бы пополняли его изъяны; тѣмъ не менѣе ему хо-

---

([129]) Донесенія Пецольда и Нейбауера 19 Янв. 1741.

тѣлось, чтобы Остерманъ вѣдалъ исключительно одни иностранныя дѣла, тогда какъ тотъ вовсе не думалъ упускать изъ виду дѣла внутреннія, участіемъ въ коихъ открывался ему наилучшій способъ снискать себѣ значеніе и любовь Русскаго народа. Орудіемъ Остермана былъ Антонъ Ульрихъ, а Головкинъ дѣйствовалъ на правительницу, и устроивалъ такъ, что она почасту рѣшала важнѣйшія дѣла, не сказавъ ни слова ни супругу своему, ни Остерману. Партіи и замыслы перепутывались. Прежде всего на очереди былъ вопросъ, кому достанется послѣ Бирона Курляндское герцогство. Россія предъявила притязаніе на многія тамошнія земли, которыя и были заняты Русскими войсками. Еще Петръ I выдалъ значительную сумму супругу своей племянницы, герцогу Фридриху Вильгельму подъ залогъ помѣстій. Къ этому присоединились другіе долги, которые были частію выплачены Бирономъ, частію прощены императрицею Анною; но теперь Петербургскій кабинетъ объявилъ, что Биронъ очищалъ долги на счетъ Русской казны, и что подобной уплаты признать не возможно. Стали дѣйствовать на Курляндское дворянство. Ему предложенъ въ герцоги, подъ покровительствомъ Россіи, одинъ изъ многихъ братьевъ Антона Ульриха, Эрнстъ Людвигъ. Графъ Морицъ Саксонскій, тогда находившійся въ Парижѣ генераломъ французской службы, также попытался заявить свои притязанія, однако безуспѣшно. 27 Іюня директоръ сейма Корфъ, во главѣ запуганнаго дворянства, объявилъ, что въ государи единодушно выбранъ герцогъ Браунштейгскій Эрнстъ Людвигъ. Но и сему послѣднему не суждено было властвовать въ Курляндіи; ибо Польская республика воспротивилась его утвержденію, а между тѣмъ въ Петербургѣ смѣнилось правительство, и новоизбранный герцогъ очутился безо всякой поддержки. Онъ былъ красивъ собою и отваженъ духомъ; правительница Анна думала женить его на царевнѣ Елизаветѣ, которая конечно должна была бы подчиниться и этому, хотя въ то время у нея было совсѣмъ другое на умѣ: правительство съ каждымъ днемъ становилось слабѣе, и Елизаветѣ открывалась иная будущность

Въ то время, какъ молодой герцогъ Людвигъ занималъ собою Петербургское высшее общество и особливо женщинъ,—остальное досужее народонаселеніе столицы развлекалось зрѣлищемъ великолѣпнымъ и чрезвычайнымъ: торжественнымъ въѣздомъ двухъ посольствъ изъ странъ восточныхъ. По Бѣлградскому миру было выговорено, чтобы Русскаго посла въ Царьградѣ встрѣчали съ такимъ же торжествомъ, какъ и Римско-императорскаго; поэтому Петербургскій кабинетъ медлилъ принимать Турецкое посольство до тѣхъ поръ пока не узналъ о томъ, какъ былъ принятъ Русскій посолъ. Извѣстіе пришло удовлетворительное, и въѣздъ Турецкаго посла былъ великолѣпный. Но еще необычайнѣе было другое посольство, изъ Персіи. Надиръ-шахъ (Тамасъ-кули-ханъ), послѣ громкихъ побѣдъ своихъ въ Индіи, отправилъ въ 1740 году посольство къ императорскому двору съ тѣмъ, чтобы оповѣстить свои подвиги. Посольство состояло ни мало, ни много какъ изъ 16 тысячъ человѣкъ, и при нихъ 20 пушекъ. Русское правительство, получивъ во́ время извѣстіе о таковомъ посѣщеніи, выслало на встрѣчу Персамъ генерала Апраксина съ небольшимъ войскомъ и велѣло предупредить, что „на пространствѣ между Астраханью и Москвою лежатъ степи, гдѣ можетъ случиться недостатокъ въ продоволь-

ствія для людей и скота, и что поэтому благоразумнѣе будетъ ограничить посольство 3-мя тысячами человѣкъ." Это предупрежденіе озадачило Персидскаго посла; онъ отправилъ гонца къ своему повелителю и получилъ приказаніе уговориться съ Русскими чиновниками о числѣ посольской свиты ([130]). Онъ въѣхалъ въ Петербургъ 10 Окт. 1741 г. на конѣ, съ чрезвычайною пышностью и въ сопровожденіи 3-хъ тысячь человѣкъ. Впереди шло 14 слоновъ, изъ коихъ 9, присланные въ подарокъ императору, отличались необыкновенною громадностью; изъ остальныхъ пяти получили по одному правительница, царевна Елизавета, генералиссимусъ, графъ Остерманъ и оберъ-гофмаршалъ Левенвольде. На аудіенціи посолъ представилъ богатѣйшіе дары, множество цѣнныхъ тканей, жемчужныя и алмазныя застежки, пояса, запястья, перстни, золотую сбрую, украшенные бриліантами, рубинами, смарагдами и другими дорогими каменьями. По восточному обычаю — пишетъ Пецольдъ — алмазы всѣ въ естественномъ видѣ, не граненные; но многіе изъ нихъ весьма цѣнны, оправа же на нѣкоторыхъ такой прекрасной и искусной работы, что они обратили бы на себя вниманіе и въ Дрезденской Зеленой Палатѣ" ([131]). Посолъ сказалъ правительницѣ что „повелитель его захотѣлъ подѣлиться отнятою у великаго Могола добычею съ такимъ добрымъ союзникомъ, каковъ Россійскій императоръ." Сначала опасались, не замышляетъ ли Надиръ-шахъ захватить подъ рукою Астраханское царство; но опасеніе оказалось напраснымъ. Вѣроятнѣе, что шахъ отправилъ это великое посольство съ цѣлью жениться на царевнѣ Елизаветѣ, и для того обѣщался ввести въ свои владѣнія христіанское вѣроисповѣданіе. Положительно то, что Персидскому послу приказано было лично переговорить съ царевною; но ей не позволили дать ему аудіенцію, и царевна весьма негодовала на то. Тайный совѣтникъ Минихъ (братъ фельдмаршала) и генералъ-маіоръ Апраксинъ принимали отъ Персіанъ привезенные для нея подарки, и она приказала имъ передать гр. Остерману слѣдующее. „Онъ воображаетъ, что никому не замѣтно его лицемѣрство; но я очень хорошо вижу, какъ онъ не пропускаетъ случая нанести мнѣ оскорбленіе и подаетъ такіе совѣты, которые бы не пришли и въ мысли добросердечной правительницѣ. Онъ забываетъ, кто я и кто онъ самъ. Пусть вспомнитъ, что если теперь онъ важенъ, то за это обязанъ моему отцу, который вывелъ его въ люди изъ письмоводителей. Я же никогда не забуду, какія права предоставлены мнѣ Богомъ и моимъ происхожденіемъ. Онъ можетъ быть увѣренъ, что ему ничего не будетъ прощено" ([132]).

Такимъ образомъ, отношенія лицъ при Петербургскомъ дворѣ были въ напряженномъ состояніи. Между тѣмъ въ Стокгольмѣ вслѣдствіе борьбы партій, происходили бурныя засѣданія чрезвычайнаго сейма, окончившіяся тѣмъ, что Швеція, вопреки очевидной несостоятельности средствъ своихъ, принуждена была объявить войну Россіи, этому, хотя и дремлющему, но все же великану. Въ Германіи шла война; чтобы отвлечь Россію отъ участія въ ней

([130]) Манштейнъ, стр. 379. Бартольдъ, въ Раумеровой Исторической Карманной Книжкѣ, годъ 1837, стр. 65.

([131]) Донесеніе Пецольда 14 Окт. 1741. Зеленая Палата въ Дрезденѣ нѣчто въ родѣ нашей Грановитой. *П. Б.*

([132]) Пецольдъ, 21 Окт. 1741.

и тѣмъ самымъ нанести ущербъ Австріи, Версальскій кабинетъ находилъ выгоднымъ занять Россію войною на сѣверѣ. Впрочемъ и то правда, что новое, преданное Франціи Шведское министерство допущено было къ кормилу правленія лишь въ томъ предположеніи, что оно удовлетворитъ желанію народа помѣриться силами съ Россіею. Начальство надъ войскомъ получилъ предсѣдатель сейма, графъ Карлъ Эмиль Левенгауптъ, человѣкъ вовсе не свѣдущій и не опытный въ военномъ дѣлѣ. Безумная отвага восторжествовала, и 14 Іюля (4 Авг.) объявлена война. Шведы воображали, что имъ ничего не стоитъ раздвинуть свои границы, какъ онѣ были въ 1700 г., и взять обратно Прибалтійскій край, Выборгъ, Петербургъ, Шлюссельбургъ и Кронштадтъ. Въ одно время съ объявленіемъ войны затруднено было почтовое сообщеніе съ Петербургомъ, дабы Русское правительство не имѣло времени принять свои мѣры. Но Русскій посланникъ въ Стокгольмѣ, Бестужевъ находилъ множество путей для сообщенія въ Петербургъ обо всемъ, что̀ происходило на сеймѣ: можно было подумать, что онъ самъ присутствовалъ на засѣданіяхъ тайнаго комитета. Еще въ исходѣ Іюля генералы Кейтъ, Лассій и принцъ Гессенъ-Гомбургскій появились съ двумя войсками въ Финляндіи и расположились станомъ у Красной Горки, въ семи часахъ пути отъ Петербурга; третьему войску, подъ предводительствомъ Левендаля, велѣно стать въ Лифляндіи. Въ Шведскомъ манифестѣ причинами войны выставлены были: нарушеніе Ништатскаго договора, непрошенное вмѣшательство во внутреннія дѣла Швеціи, обида Шведскихъ подданныхъ въ Русскихъ судебныхъ мѣстахъ, запрещеніе отпускать въ Швецію хлѣбъ въ противность договору и наконецъ убійство Синклера. 25 Августа Кейтъ вступилъ въ Шведскую Финляндію, а за два дни передъ тѣмъ, въ праздникъ рожденія императора, обнародованъ, при радостныхъ кликахъ солдатъ, Русскій манифестъ о войнѣ. Сентября 3-го уже произошло сраженіи при городкѣ Вильманштрандѣ. Шведы оборонялись упорно, но были разбиты, городъ занятъ и опустошенъ. Причиною пораженія была непредусмотрительность генерала Врангеля, который и поплатился за то тюремнымъ заключеніемъ; черезъ два года разыскано, что виноватъ былъ генералъ-лейтенантъ Будденброкъ, опоздавшій явиться на помощь: его казнили смертію. Ему поручено было развѣдывать въ Финляндіи о силахъ непріятеля; но онъ доставлялъ свѣдѣнія неточныя и вымышленныя, существенно повредившія Шведскимъ войскамъ: вотъ настоящая причина казни, которой онъ подвергся. Послѣ побѣды своей Русскіе увели съ собою жителей Вильманштранда, расположились станомъ на прежнемъ мѣстѣ и посылали оттуда для нападенія небольшіе отряды. Въ Петербургѣ всячески ласкали Шведскихъ офицеровъ, и заискивали ихъ приверженности. Между тѣмъ, въ исходѣ Сентября, къ Русской границѣ приближался графъ Левенгауптъ съ 24-мя тысячами исправнаго во всѣхъ отношеніяхъ войска; но по видимому онъ не намѣревался предпринять что либо рѣшительное въ этомъ году, и потому Русскіе 8 Ноября расположились на зимнія квартиры.

Въ это время при Петербургскомъ дворѣ стали помышлять о необходимости упрочить и обезпечить предержащую власть. Іюля 26-го правительница разрѣшилась отъ бремени дочерью Екатериною. Вслѣдъ за тѣмъ, издано постановленіе, по которому право престолонаслѣдія, въ случаѣ кончины императора и не-

имѣнія другихъ дѣтей мужескаго пола, предоставлялось и дочерямъ отъ брака правительницы съ Антономъ Ульрихомъ. Вице-канцлеръ Головкинъ и нѣкоторыя другія лица выразили даже желаніе, чтобы Анна сама вступила на императорскій престолъ, что̀ и должно было совершиться 7 Декабря, въ день ея рожденія ([138]). Но принцесса, сама не замѣчая, готовила погибель себѣ и семьѣ своей медлительностью и нерѣшительностью. Министры тянули дѣла каждый на свою сторону, правительница продолжала ссориться съ супругомъ; и, при ненависти къ иноземному происхожденію предержащихъ властей, постепенно росло неуваженіе къ нимъ. Поэтому неудивительно, что вмѣстѣ съ этимъ возрастала и народная приверженность къ дочери Петра Великаго, царевнѣ Елизаветѣ, любимой не только за ея происхожденіе, но и за то, что она жила по русски и была вѣрна простонароднымъ обычаямъ. Она рѣшилась воспользоваться такимъ расположеніемъ умовъ, свергнуть тяготѣвшее надъ нею иго зависимости и сама вступить на престолъ. Доселѣ она жила особнякомъ, забытая и пренебрегаемая. Никто изъ чиновныхъ людей не отваживался ѣздить къ ея двору. Приближенными къ ней лицами были люди незамѣтные, ея камеръ-юнкеръ Воронцовъ, ея лейбъ-хирургъ Лестокъ и нѣкто Шварцъ. Сей послѣдній, проходимецъ, родомъ изъ Саксоніи, за долго до того поступилъ на службу къ царевнѣ въ качествѣ музыканта, потомъ ѣздилъ въ Китай съ посольствомъ и по возвращеніи оттуда опредѣленъ въ Академію наукъ, въ географическій департаментъ, со скуднымъ жалованьемъ, котораго не доставало ему на прожитокъ. По старому знакомству онъ пользовался пособіями отъ двора Елизаветы и могъ навѣщать ее, когда хотѣлъ. Вмѣстѣ съ Лестокомъ, и отчасти съ Воронцовымъ, онъ уже давно дѣйствовалъ въ пользу Елизаветы какъ при большомъ дворѣ, такъ и между остальнымъ обществомъ. Французскій посолъ, маркизъ Де ла Шетарди снабжалъ ихъ значительными деньгами, такъ что они посредствомъ подкупа могли разузнавать что̀ имъ было угодно. Но главною опорою предпріятія служила приверженость нѣкоторыхъ гвардейскихъ гренадеровъ. Дворъ и правительство, какъ ни небрежно велись дѣла, напали однако на слѣды этого заговора, что̀ и побудило царевну и ея сторонниковъ поспѣшить развязкою, которая иначе грозила имъ гибелью. Еще 24 Ноября, въ собраніи при дворѣ, правительница читала царевнѣ письмо, полученное будто изъ Бреславля и извѣщавшее о необходимости остерегаться царевны и немедленно предать заключенію ея лейбъ-хирурга Лестока. Прочитавъ письмо, правительница, по своему добродушію, неосторожно прибавила, что хотя она и не вѣритъ содержанію письма, но надѣется что царевна на нее не будетъ сердита, коль скоро Лестока арестуютъ за какія нибудь проказы.

Въ это самое время генералъ Левенгауптъ вздумалъ воспользоваться колебаніемъ Петербургскаго двора и разослалъ объявленіе, что онъ съ Шведскою арміею вступаетъ въ предѣлы Россіи единственно за тѣмъ, чтобы потребовать удовлетворенія за обиды, нанесенныя Шведской коронѣ *иностранными правительственными лицами*,

([138]) Аннѣ Леопольдовнѣ было тогда 23 года: она родилась въ Ростокѣ въ 1718 г. Не слѣдуетъ забывать, что большую часть времени своего правленія она была беременна, чѣмъ и объясняется вышеупомянутое нерасположеніе ея къ дѣламъ *П. Б.*

господствующими съ нѣкотораго времени въ Россіи, и въ тоже время, чтобы „избавить Русскій народъ отъ несноснаго ига и жестокости этихъ иностранцевъ.“ 24 Ноября отданъ въ Петербургѣ приказъ гвардіи, въ числѣ 4 тысячь человѣкъ, на другіе сутки идти въ походъ къ Выборгу. Разсказывали, что это распоряженіе сдѣлано было вслѣдствіе привезеннаго однимъ курьеромъ извѣстія о томъ, что генералъ Левенгауптъ выступилъ со всею Шведскою арміею и идетъ на Выборгъ. Но сторонники Елизаветы полагали, что извѣстіе было вымышлено, чтобы имѣть предлогъ къ удаленію изъ Петербурга гвардейцевъ, извѣстныхъ своею приверженностью къ царевнѣ; и кромѣ того, не безъ основанія опасались, что самой Елизаветѣ не долго оставаться на свободѣ. И такъ минуты были дороги; кто раньше приступитъ къ рѣшительному дѣйствію, тотъ и одолѣетъ. Надлежало уговорить царевну, и Лестокъ не отставалъ отъ нея до тѣхъ поръ, пока она согласилась, чтобы въ ту же ночь, съ 24 на 25 Ноября, произвести переворотъ.

ЧЕРТА НРАВОВЪ, СТО ЛѢТЪ НАЗАДЪ.

I.

Всепресвѣтлѣйшая, державнѣйшая великая государыня императрица Елисавета Петровна, самодержица Всероссійская, государыня всемилостивѣйшая.

Бьетъ челомъ раба вашего императорскаго величества послѣдняя, лейбъгвардіи преображенскаго полку прапорщика Максима Михайловича Ватазина, чтобъ заслужбу его тридцать лѣтъ пожаловать коллежскимъ асессоромъ рангъ маіорской. А что мужъ мой изъ гвардіи вышелъ, тому маіоръ Альбрехтъ ([1]) виновенъ: дважды билъ и объявилъ ему: «я-де жизнь твою скоротаю, или-де ты въ отставку или въ другіе полки проси, а то-де тебѣ живу отъ меня не быть! И мужъ мой, побоясь того, сталъ просить въ отставку. А нынѣ онъ въ Костромѣ воеводскимъ товарищемъ. А я просила господъ'сенаторовъ, да все отходятъ смѣшками. У Александра Борисовича ([2]) дважды была и толку не нашла. У князя Никиты Юрьевича ([3]) была и онъ сказалъ: «какъ же сударыня быть: есть его стари *(sic)?*» А намъ что нужды: они не просятъ, мы просимъ. А князь Иванъ Васильевичь ([4]) радъ душою, да одному нельзя. А вчерась Петра Ивановича ([5]) просила, только онъ гнѣвается, и я испужалась и прозьбы своей не докончала. А мнѣ безъ ранга и мужу моему показатца нельзя. А Александра Борисовичъ еще затѣялъ новое, чтобъ я сама въ сенатъ пошла, а я и дверей не знаю, да и солдаты не пустятъ.

Умились, матушка, надо мною сиротою, прикажи указомъ. А я подведу вашему императорскому величеству лучшихъ собакъ четыре: Еполитъ да Жульку, Женету, Маркиза. Ей Богу, безъ милости не поѣду и буду жить у Мавры Егорьевны ([6]); а мужа моего знаетъ придворный человѣкъ князь Петръ Михайловичь Голицынъ и свои деревни ему приказалъ, и Романъ Ларіоновичь ([7]), и Никита Андреяновичь,

---

([1]) О немъ есть нѣкоторыя извѣстія въ книгѣ Маркизъ де ла Шетарди».

([2]) Куракина

([3]) Трубецкаго.

([4]) Долгорукій?

([5]) Графа Шувалова.

([6]) У супруги графа П. И. Шувалова; къ ней писано нижеслѣдующее письмо

([7]) Воронцовъ

Анна Никитишна знають мужа моего: дуракомъ не назовуть, и Анна Ивановна и Веригинъ, зять Анны Никитишны. Прося съ умиленіемъ и слезами *Анна Данилова дочь Ватазина.*

II.

Сіятельнѣйшая графиня милостивая, государыня моя мать Мавра Егоровна.

Прошу у васъ государыня милости, помилуй не забуди убогую до конца. Напомни, государыня, мое сиротство, доложи всемилостивѣйшей государынѣ обо мнѣ, бѣдной. Уже я, бѣдная, кромѣ сего не имѣю себѣ надежды никакой, а въ Кострому ѣхать, милостивая государыня матушка, не смѣю.

А что, государыня матушка, касается до собакъ, то истинно кой часъ пріѣду въ Кострому, Жулію вамъ пришлю; а Иполита, матушка, обѣщала я его превосходительству Василью Ивановичу Чулкову. Еще же, милостивая государыня матушка, мужъ мой пишетъ ко мнѣ: досталъ такого славнаго кобеля, которого по всей Костромѣ лучше нѣтъ, и тѣмъ вамъ услужу.

Пожалуй, сіятельнѣйшая графиня, милостивая государыня матушка, не оставь бѣдной просьбы, чтобъ я бѣдная, пріѣхала въ Кострому вашею высокою милостію въ славу, а не въ посмѣшище. Помилуй, матушка, истинно только надежду имѣю, что васъ, государыня, а кромѣ васъ ни на кого надежды не имѣю.

А ежели вы, государыня матушка, милости не покажите, то пріѣхавши въ Кострому всѣхъ собакъ переведу и держать ихъ у себя не буду, коли они, проклятыя, бещасны. Вашего высокографскаго сіятельства всенижайшая раба *Анна Ватазина.*

Іюня 15 ч.
1753 году

ПИСЬМО С. А. ПОРОШИНА КЪ ГР. Г. Г. ОРЛОВУ.

Сіятельнѣйшій графъ, милостивый государь Григорій Григорьевичъ.

Имѣя нынѣ вѣрный случай писать, не могъ я преминуть, чтобъ не писать къ вашему сіятельству. Перемѣна моего состоянія, будучи мнѣ столь тягостна и чувствительна, безпрестанно побуждаетъ меня озираться на прошлыя дѣла свои и разбирать, какія бъ между ими могли быть причиною сего несчастнаго въ жизни моей произшествія. Вижу, милостивый государь, и слышу, что о поступкахъ моихъ при государѣ цесаревичѣ сдѣлано такое описаніе, отъ коего теперь я стражду. Размышляя о нихъ, сужу себя безъ всякаго самолюбія и потворства и повторяя стократно грустное таковое упражненіе, не нахожу ничего, чтобъ могло служить къ моему предосужденію. Съ самаго моего вступленія ко двору его императорскаго высочества обратилъ и посвятилъ я на то всѣ свои силы, чтобъ быть государю великому князю полезнымъ, и тѣмъ бы, сколько отъ меня зависѣло, споспѣшествовать высокоматернимъ намѣреніямъ ея императорскаго величества и сладчайшему упованію всего Россійскаго общества. При его высочествѣ служилъ я, милостивый государь, около четырехъ лѣтъ. Во все сіе время былъ при немъ почти безотлучно и съ ущербомъ собственныхъ своихъ забавъ и удовольствій, на которыя влекли меня и лѣта мои и безчисленные случаи, старался не упустить изъ виду оного своего предмету. По сему побужденію испросилъ я самъ для себя должность, чтобъ предлагать государю великому князю нужныя для военнаго искуства математическія науки, писалъ для его высочества особый курсъ, въ которомъ за-

ключались: ариѳметика, геометрія, начальныя основанія механики и идравлики, фортификація съ атакою и обороною крѣпостей, артиллерія и правила тактики. Ариѳметику государь великій князь всю почти съ доказательствомъ у меня окончилъ и въ геометріи сдѣлалъ начало. Оной курсъ намѣренъ я былъ вмѣстѣ съ учебными математическими тетрадьми руки его высочества поднесть ея императорскому величеству. Кромѣ сего приготовилъ я, милостивый государь, сочиненіе, названное мною: *Государственной механисмъ*. Въ ономъ хотѣлось мнѣ для его высочества вывесть и показать разныя части, коими движется государство, изъяснить напримѣръ, сколько надобенъ солдатъ, сколько земледѣлецъ, сколько купецъ и проч , и какъ кто долею поспѣшествуетъ всеобщему благоденствію; что не можетъ государство быть никакимъ образомъ благополучно, когда одинъ какой чинъ процвѣтаетъ, а прочіе въ небреженіи. Расположеніе сего сочиненія было уже у меня и сдѣлано. Онымъ же главнымъ своимъ намѣреніемъ упражняясь, началъ я съ нѣкоторымъ человѣкомъ ([1]), почтеннымъ отъ всѣхъ за его ученіе и преизящныя дарованія, переписку о разныхъ нравоучительныхъ и историческихъ матеріяхъ, которую сбирались мы напечатать и поднесть его высочеству. Сверхъ всего сего, вѣдая, что въ дѣтскихъ его высочества лѣтахъ не всегда пріятно и весело слушать формально предлагаемыя истины и знанія, старался вмѣшивать и доводить до него оныя, сколько смыслилъ, во всѣхъ моихъ повседневныхъ съ нимъ обращеніяхъ и разговорахъ иногда такъ, чтобъ и самому его высочеству то непримѣтно было, дабы не навесть скуки и отвращенія. Въ таковыхъ случаяхъ кромѣ всякихъ историческихъ свѣдѣній и анекдотовъ, кромѣ многихъ правилъ о красотѣ Россійскаго языка, которыя нечувствительно тщился я подавать государю цесаревичу, наблюдалъ, чтобъ въ его высочествѣ осталось за законъ и основаніе, чтобъ разсматривать и отличать прямыя достоинства, не ослѣпляясь блистательною и часто обманчивою наружностью; чтобъ любить народъ Россійской, отдавая потомъ справедливость каждому достойному изъ чужестранныхъ; чтобъ твердy и непоколебиму быть въ глубокомъ почтеніи туды, куды онымъ его высочество долженъ. Во всѣхъ таковыхъ своихъ упражненіяхъ, то̀, милостивый государь, имѣлъ за единственное себѣ одобреніе и утѣшеніе, чтобъ заслужить себѣ со времянемъ высочайшее благоволеніе всемилостивѣйшей и премудрой самодержицы. Теперь истинно не могу удержать слезъ своихъ, что посредѣ таковаго тихаго и какъ бы казалось не непохвальнаго теченія вверженъ въ наилютѣйшее безпокойство, приведенъ подъ гнѣвъ у ея императорскаго величества. Ударъ сей тѣмъ мнѣ несноснѣе, что пораженъ имъ незапно и нечаянно. И по оному своему поведенію могъ ли ожидать того, примите, милостивый государь въ разсужденіе. Правда, что и прежде сего по онымъ всегдашнимъ моимъ съ государемъ цесаревичемъ обращеніямъ, будучи я отъ его высочества почтенъ особливою склонностью и милостью, видѣлъ, что то завистливому невѣжеству непріятно было и принужденъ былъ сносить иногда отъ оного нѣкоторыя притѣсненія, кои однакожь презиралъ я и ни во что ставилъ. Случилось напримѣръ нѣкогда, что его высочество, увѣряя меня съ отмѣнною горячностію, что онъ меня жалуетъ,

([1]) Кто это, мы не знаемъ. Не будущій ли митрополитъ Платонъ?

услышалъ, что я ему говорю, что тому невѣрю, потому что изволитъ говорить, что жалуетъ, а когда въ излишности его увеселеній или въ невниманіи при ученьи уговаривать станешь, такъ иногда и не изволитъ слушать. Симъ государь великій князь такъ былъ тронутъ, что изволилъ дать мнѣ слово, чтобъ всегда меня слушатца. И подлинно долгое время отъ сего успѣхъ я видѣлъ: какъ скоро объ ономъ нашемъ договорѣ напомяну ему, то вѣрно изволитъ послушатца и отстать отъ той неприличности, въ коей его оговаривалъ. Сіе безвинное и почти шуточное, для его жъ высочества пользы положенное, условіе было перетолковано такъ, что будто я хочу, чтобъ только великій князь меня одново слушался и мнѣ бъ только слѣдовалъ, и однимъ словомъ, чтобъ дѣлалъ все то только, чего я ни захочу; были тутъ прибавлены и другіе тому подобные перетолки и низости, какіе только маленькой и темной духъ-пакостникъ вымыслить можетъ. Но о всемъ томъ тогда жъ изъяснялся я съ его высокопревосходительствомъ нашимъ главнокомандущимъ, [2] и онъ изволилъ мнѣ тогда дать знать, что входитъ въ мои изъясненія. А нынѣ что такое на меня взведено, ей, ей, милостивый государь, обстоятельно ни отъ кого не слыхалъ, и клянусь вашему сіятельству честью и всѣмъ, что есть святаго на свѣтѣ, что ничего не знаю. Защитите меня, милостивой государь, многомощнымъ ходатайствомъ вашимъ. Лишенному всего ваше сіятельство можете все доставить, и тѣмъ обязать меня на вѣки. Невинность моя за меня будетъ вамъ поборствовать: на васъ, милостивой государь, единственноя моя несомнѣнная надежда. Несчастіемъ своимъ гублю я своихъ родителей [3], гублю сестеръ своихъ и брата, кои отъ меня только всей себѣ помощи ожидали. Войдите, милостивой государь, въ бѣдственное мое состояніе. На сихъ дняхъ поѣду я въ Ахтырку, но откуда бъ не могла достать меня помощная рука ваша! Я пребываю по гробъ мой съ отличною преданностью и совершеннымъ почтеніемъ, милостивый государь, вашего сіятельства вѣрнѣйшій и покорнѣйшій слуга *С. Порошинъ.*

Москва
Маія 3 дня
1766 года.

(Изъ рукописныхъ сборниковъ Чертковской библіотеки).

Письмо это прибавляетъ новую черту къ біографіи Семена Андреевича Порошина (1741-1769) этого честнаго человѣка и добросовѣстнѣйшаго изъ наставниковъ. Въ тоже время оно служитъ нѣкотораго рода продолженіемъ драгоцѣнныхъ его дневныхъ Записокъ (Спб. 1844. 8°), отражающихъ въ себѣ какъ въ зеркалѣ историческую картину нашего двора и Петербургскаго общества за 1764-1766 года. Причину внезапнаго своего удаленія отъ должности наставника при великомъ князѣ Павлѣ Петровичѣ, Порошинъ подозрѣвалъ въ темныхъ каверзахъ иностранцевъ (Записки, стр. 449,526 и др.) соучастниковъ его въ дѣлѣ воспитанія; но едва ли самому ему былъ извѣстенъ одинъ изъ поводовъ, почему не взлюбилъ его гофмейстеръ 12 лѣтняго Павла Петровича, гр. Н. И. Панинъ. „Mr Porochine est congedié de la cour—пишетъ Фонвизинъ къ сестрѣ своей въ Москву въ Апрѣлѣ 1766 года—pour les impertinences qu'il a fait par raport de mademoiselle Cheremeteff. "(Соч. Фонвизина, изд. 1866,

(2) Гр. Н. И. Панинымъ.

(3) Отецъ Порошина, генералъ-поручикъ Андрей Ивановичь, въ это время былъ главнымъ начальникомъ Колывано-Воскресенскихъ заводовъ. Кто были его сестры, мы не знаемъ; отъ брата же его происходитъ издатель его Записокъ, извѣстный нашъ профессоръ и публицистъ Викторъ Степановичь Порошинъ.

стр. 386). Подробности намъ неизвѣстны. Но эта Шереметева, гр. Анна Петровна, была невѣстою гр. Панина. Замѣчательно, что Порошинъ, обиженный Панинымъ, обращается къ защитѣ Орлова, который однако, при всей своей силѣ, не властенъ былъ возвратить его ко двору. Записки Порошина прерываются 13 числомъ Января 1766 года; въ Маѣ онъ въ Москвѣ, откуда пишетъ это письмо къ гр. Орлову и гдѣ находился проѣздомъ въ Малороссію къ тому полку, куда его назначили служить. Въ 1768 году ему данъ въ команду Старооскольскій пѣхотный полкъ, но 12 Сент. 1769 г. на походѣ въ Турцію онъ скончался близь Елизаветграда. Какое уваженіе вселялъ къ себѣ этотъ достойнѣйшій человѣкъ, видно между прочимъ изъ того, что фельдмаршалъ Румянцовъ, скупой на изъявленія пріязни, навѣщалъ его во время его болѣзни (Записки, предисловіе, стр. XVII). *П. Б.*

ПИСЬМА ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ ПАВЛА ПЕТРОВИЧА

къ графу Ивану Григорьевичу Чернышеву.

1769—1776.

За сообщеніе этихъ писемъ въ Русскій Архивъ мы одолжены князю Петру Андреевичу Вяземскому; они были ему сообщены (въ спискѣ съ собственноручныхъ подлинниковъ) графомъ Григоріемъ Ивановичемъ Чернышевымъ, сыномъ того гр. Чернышева, къ которому письма писаны. Это собственно, скорѣе не письма, а дѣловыя записки по должности генералъ-адмирала, занимаемой великимъ княземъ Павломъ Петровичемъ въ царствованіе императрицы Екатерины II-й; гр. же Чернышевъ (родной прадѣдъ владѣльца нашей библіотеки Г. А. Черткова) служилъ тогда вице-президент. адмиралтействъ-коллегіи. Впрочемъ, великій князь, съ самаго дѣтства своего, близко зналъ гр. И. Г. Чернышева, весьма приближеннаго ко двору еще при имп. Елизаветѣ. По вступленіи своемъ на престолъ, Павелъ Петровичъ далъ гр. Чернышеву необыкновенную должность (или, вѣрнѣе сказать, почетное названіе) *генералъ-фельдмаршала по флоту.*

Читатели обратятъ между прочимъ вниманіе на слогъ писемъ и сравнятъ оный съ письменнымъ слогомъ тогдашнихъ русскихъ людей: изъ этихъ писемъ, а равно изъ приведенныхъ въ „Исторіи войны 1799 г.", видно, что императоръ Павелъ отмѣнно правильно и выразительно писалъ по русски. *П. Б.*

I.

Графъ Иванъ Григорьевичъ! Я получилъ письмо ваше съ тѣмъ большимъ удовольствіемъ, что нашелъ въ ономъ туже искренность и любовь, которая всегда заставляла меня любить васъ столь много. Будьте увѣрены, что оно меня еще болѣе утвердило въ тѣхъ мысляхъ, которыя я вамъ всегда старался оказывать, и теперишняя наша разлука тѣмъ для меня чувствительнѣе, что я не могу персонально вамъ того изъяснить. Извините, что я столь долгое время умедлилъ отвѣтствовать на письмо ваше, и будьте совершенно увѣрены, что я пребываю вамъ всегда благосклонный. Павелъ.

С. Петербургъ
Марта 12 дня, 1769 года.

II.

Графъ Иванъ Григорьевичъ! Повышеніе ваше въ чинъ нашего вицъ-президента сдѣлало мнѣ крайнее удовольствіе, зная ваше усердіе къ поправленію флота и имѣя въ васъ себѣ такова помощника. Въ самое то время, какъ я упражнялся сею радостію, получилъ посылки ваши съ великимъ удовольствіемъ и благодарностію, а особливо эстампы, которые конечно будутъ изъ лучшихъ въ моемъ кабинетѣ. Большая часть изъ оныхъ представляютъ экспедицію на Гавану, которую велъ господинъ Элфинстонъ: и такъ теперь имѣю я копію и оригинала для того, что онъ живетъ у насъ съ своими двумя сыновьями. Онъ

кажется быть человѣкомъ весьма достойнымъ и разумнымъ, такъ какъ и пріѣхавшіе сюда недавно поручики графъ Разумовской ([1]) и Козляиновъ ([2]) которыхъ достоинства и знанія очевиднымъ образомъ прибавились послѣ ихъ вояжей. Я не сумнѣваюсь, чтобъ всѣ сіи новопріѣзжіе не принесли великой пользы нашему флоту. Теперь приступаю я къ вамъ съ просьбою о присылкѣ картъ графства Сомерсетъ и острова святыя Елены; можетъ быть, покажется вамъ сія просьба излишнею прихотью, но вспомните уговоръ нашъ, установленной при отъѣздѣ вашемъ о взаимномъ исполненіи коммисій. Я съ великимъ сожалѣніемъ увѣдомился отъ пріѣхавшихъ сюда изъ Англіи, что вы отъ дурнаго Лондонскаго воздуха были больны. Желая, чтобъ вы отъ такихъ приключеній были впредь на всегда свободны и здоровы, остаюсь вамъ на всегда благосклонной. Павелъ.

Въ Петергофѣ Іюля 15 дня 1769 года

P. S. Сѣдла ваши съ уборами и хлыстикъ весьма полюбились всѣмъ, а особливо мнѣ, и думаю, что ничѣмъ болѣе не могу вамъ доказать оное, какъ давъ вамъ знать, что я ихъ почти всякой день употребляю.

III.

Графъ Иванъ Григорьевичь! Отсылаю обратно къ вамъ присланнаго ко мнѣ на ординарцы лейтенанта Сукина: думаю, что его ко мнѣ ошибкою Семенъ Ивановичъ ([3]) прислалъ; ибо онъ подъ судомъ. П.

(1776 Генварь).

IV.

Графъ Иванъ Григорьевичь! Отсылаю назадъ присланнаго ко мнѣ на ординарцы поручика Васькова съ тѣмъ, чтобъ на его мѣсто прислали другаго, ибо и кромѣ его другіе есть офицеры артилерійскіе, которыхъ желаю узнать. Вашъ благосклонной П.

(Генвар. 1776).

V.

Графъ Иванъ Григорьевичь! Сердечно сожалѣю, что васъ видѣть не могу и что болѣзнь ваша тому причиною. При семъ прилагаю выписку изъ меморій касательно до тѣхъ пунктовъ, на которые имѣю примѣтить. Вашъ благосклонной П.

(Генвар. 1776).

VI.

Царское Село Мая 21 дня 1776 года.

Графъ Иванъ Григорьевичь! Ея величество приказала мнѣ взять отъ коллегіи извѣстія, какія есть, по случаю построенія на Дону трехъ фрегатовъ, свѣдѣнія и приказала немедленно послать курьера въ Новопавловское адмиральтейство взять извѣстіе о успѣхѣ онаго построенія и, естьли не начато, то о успѣхѣ подрядовъ и пріуготовленій. Павелъ.

VII.

Царское Село, Мая 24 дн. 1776

Графъ Иванъ Григорьевичь! Съ симъ письмомъ отправляю предложеніе въ коллегію въ отвѣтъ на сдѣланной ею мнѣ вопросъ; сверхъ того

([1]) Гр. Андрей Кириловичь, старшій сынъ гетмана, въ послѣдствіи князь. Онъ началъ службу во флотѣ и сдѣлался весьма близокъ къ великому князю. Онъ находился на томъ кораблѣ, который высланъ былъ въ 1773 г. принять невѣсту великаго князя, впослѣдствіи великую княгиню Наталію Алексѣевну. Сличи письмо XIII.

([2]) Тимофѣй Гаврил. Козляиновъ, впослѣдствіи контръ-адмиралъ, дѣйствовавшій противъ Шведовъ въ 1788 и 1789 годахъ.

([3]) Адмиралъ Мордвиновъ?

имѣю повелѣніе приватно отъ ея величества коллегіи сказать, чтобъ она исключила вовсе изъ кондицій капитана Тройницкаго осьмой пунктъ.

Павелъ.

VIII.

Графъ Иванъ Григорьевичь! Полученной мною отъ коллегіи рапортъ въ слѣдствіе сообщенія господина Воронежскаго губернатора Потапова, я сего дня ея императорскому величеству представилъ; и на оной ея величество отозваться изволила, что повелѣно будетъ генералъ-прокурору сдѣлать выправку, какимъ образомъ лѣса вырублены и на мѣсто доставлены были, для построенія домовъ колонистамъ Саратовскимъ. По письму же господина контръ-адмирала и кавалера Сенявина, коимъ онъ проситъ о увольненіи его на годъ отъ службы, имѣетъ онъ ожидать имяннаго указа. Вашъ благосклонный Павелъ.

Маія 26-го дня 1776-го года.

IX.

Графъ Иванъ Григорьевичь! Прошу васъ прислать ко мнѣ ту вѣдомость о караулахъ и тѣ планы, кои у меня за нѣсколько дней предъ симъ были, съ принадлежащимъ къ тому подробнымъ росписаніемъ. Вашъ благосклонный Павелъ.

Іюня 3-го дня 1776 года.

X.

Графъ Иванъ Григорьевичь! Ея величество приказала спросить у коллегіи, для чего въ инструкцію капитана Козляинова не внесенъ пунктъ о проходѣ его и въ Черное море, и при томъ изволила мнѣ сказать, что сіе было ея главнымъ намѣреніемъ, безъ чего бы и вся сія посылка была безплодна. Вашъ благосклонный Павелъ.

Царское Село, Іюня 10 дня 1776 года.

XI.

Ордеръ господину вице-президенту и кавалеру графу Чернышеву. За отбытіемъ моимъ отсюда съ будущаго понедѣльника, то есть 13-го числа сего мѣсяца, имѣете вы принять главное начальство въ дѣлахъ касательныхъ до государственной адмиральтействъ-коллегіи, и производить оныя впредь до моего возвращенія.

Павелъ. (¹)

Іюня 10 дня 1776 года.

XII.

Графъ Иванъ Григорьевичъ! Ея величество изволила указать, дать запечатанную инструкцію капитану Козляинову о проходѣ, по выгрузкѣ товаровъ въ Константинополѣ, въ Черное море, которую ему распечатать въ Константинополѣ же. Чтоже касается до приказа кореспондента барона Фридрикса, отъ котораго по вашему расположенію фрегатамъ зависѣть надлежало бы, то ея величество нашла сіе непристойнымъ, потому что онъ могъ ихъ услать куда хотѣлъ; а о секретѣ изволила сказать, что и безъ того уже знаютъ. Павелъ.

XIII.

Царское Село, Іюня 11 дня.

Графъ Иванъ Григорьевичъ! Я въ крайнемъ теперь безпокойствѣ нахожусь о графѣ Разумовскомъ и не знаю что̀ подумать о его замедленіи и чему оное приписать; и такъ прошу васъ сдѣлать мнѣ одолженіе дать о немъ знать; а естьли и вы никакого извѣстія не имѣете, то естьли можно прошу васъ взять освѣдомленіе, какое вы сами заблагоразсудите, отъ капитановъ ли купеческихъ

(¹) Павелъ Петровичъ уѣзжалъ въ Берлинъ для свиданія съ будущею второю своею супругою Маріею Ѳедоровною.

кораблей, или какъ нибудь безпосредственно. Я увѣренъ, что вы не откажитесь чрезъ то меня одолжить и при томъ избавите отъ великаго безпокойства, особливо въ такіе дни, въ которые желалъ бы быть совсѣмъ спокоенъ и веселъ. Ожидаю съ нетерпѣливостію отвѣта и пребываю вашимъ благосклоннымъ. Павелъ.

Царское Село, Іюня 15 дня. (1776)

Подлинныя письма Павла Петровича къ графу И. Г. Чернышеву печатаны тремя различными печатями: 1) величиною въ полтинникъ, продолговатая съ государственнымъ гербомъ; 2) величиною въ двугривенный съ Голштинскимъ гербомъ; 3) такой величины, какъ и первая, съ слѣдующимъ изображеніемъ: по серединѣ щитъ, надъ нимъ корона, которую держитъ коронованный Геркулесъ, стоящій по правой сторонѣ щита; на лѣвой сторонѣ щита разныя знамена и сидящій орелъ, кусающій щитъ, у котораго правое крыло отпущено въ низъ; на серединѣ щита стоитъ буква Р.

ГРОБНИЦА КНЯЗЯ ПОТЕМКИНА.

Единый часъ, одно мгновенье
Удобны царства поразить,
Одно стихіевъ дуновенье
Гигантовъ въ прахъ преобразить;
Ихъ ищутъ мѣста—и не знаютъ:
Въ пыли героевъ попираютъ!

Героевъ?—Нѣтъ! но ихъ дѣла
Изъ мрака и вѣковъ блистаютъ;
Нетлѣнна память, похвала
И изъ развалинъ вылетаютъ;
Какъ холмы, гробы ихъ цвѣтутъ:
Напишется Потемкинъ трудъ.

Державинъ въ одѣ „Водопадъ".

Въ первомъ томѣ выходящаго теперь академическаго изданія *Сочиненій Державина,* между богатыми примѣчаніями, которыми г. Гротъ украсилъ это во всѣхъ отношеніяхъ превосходное изданіе, мы встрѣтили одно извѣстіе, которое стоитъ того, чтобы его разъяснить и разобрать поближе. Извѣстіе это помѣщено въ обширномъ „Примѣчаніи къ одѣ Водопадъ", гдѣ собраны любопытныя, отчасти заимствованныя изъ рукописей, свѣдѣнія о смерти князя Потемкина, память котораго нашъ поэтъ увѣковѣчилъ великолѣпными строфами своего *Водопада.*

Извѣстно, что Потемкину опротивѣли Яссы, гдѣ такъ долго жилъ онъ съ властію почти самовластнаго государя. Онъ называлъ ихъ своимъ гробомъ и уѣхавъ оттуда, неожиданно въ степяхъ бессарабскихъ скончался на пути въ Николаевъ, 5 октября 1791 года. Извѣстно также, что тѣло его, послѣ торжественнаго отпѣванія, совершеннаго 13 октября архіепископомъ Амвросіемъ ([1]), было перевезено въ Херсонъ и 23 ноября положено въ крѣпостной соборной церкви св. Екатерины ([2]).

---

[1]) Амвросій (Серебренниковъ) съ 1787 года архіепископъ Екатеринославскій и Херсонесо-Таврическій, а съ 1789 и мѣстоблюститель экзархіи Молдовлахійской. Этотъ святитель († 1792) былъ связанъ узами самой тѣсной дружбы съ покойнымъ княземъ. Л. Н. Энгельгардтъ, присутствовавшій при отпѣваніи послѣдняго въ Яссахъ, разсказываетъ, что, по совершеніи литургіи, преосвященный Амвросій вышелъ было сказать надгробное слово, но за рыданіемъ не могъ выговорить ни слова и вошелъ обратно въ алтарь. По словамъ архіеп. Гавріила, отпѣваніе происходило въ монастырѣ Голи (у Энгельгардта — Голлій), въ церкви Вознесенія Господня (Записки Л. Н. Энгельгардта. М. 1860, стр. 104 и 105. Очеркъ Новороссійскаго края— архіеп. Гавріила, въ Запискахъ Одес. общ. ист. и древн., т. V (1863), стр. 449 и 452).

[2]) Трудно опредѣлить съ точностью время построенія этого замѣчательнаго по своей архитектурѣ и иконамъ храма. Есть извѣстіе, что онъ заложенъ былъ 30 августа 1781 года и что первымъ строителемъ его былъ Иванъ Абрамовичъ Ганнибалъ (Зап. Одес. общ. ист. и древн., т. I, 1844 г., стр. 329). Въ письмѣ Екатерины изъ Херсона, отъ 14 мая 1787 на имя гр. Салтыкова, мы встрѣчаемъ упоминаніе, между прочимъ, и объ этомъ храмѣ. „Пять церквей каменныхъ я уже видѣла — пишетъ

„Въ рукописи современника—говоритъ по этому поводу г. Гротъ—упомянуто, что сердце его перевезено и предано землѣ между гробницами его предковъ въ Смоленскѣ; какъ въ семъ послѣднемъ мѣстѣ, такъ и въ Херсонѣ, воздвигнуты были ему великолѣпныя надгробія". При этомъ г. Гротъ приводитъ въ выноскѣ слѣдующее извѣстіе изъ сочиненія Жизнь кн. Г. А. Потемкина-Т. (М. 1812, ч. III, стр. 68): „Но и гробъ не можетъ сокрыть печальныхъ остатковъ отъ гнѣва и преслѣдованія сильныхъ! Черезъ пять или шесть лѣтъ тѣло Потемкина было вынуто изъ гробницы и похоронено на обыкновенномъ кладбищѣ внѣ Херсона" ([3]). Этимъ послѣднимъ извѣстіемъ, приведеннымъ безъ всякой оговорки, какъ бы подтверждается достовѣрность давно уже составившагося у насъ преданія, будто ненависть "сильныхъ" къ памяти князя Потемкина не дала мира его праху въ Екатерининскомъ соборѣ, изъ котораго онъ безпощадно былъ выброшенъ...

Есть ли какія нибудь историческія данныя, на которыхъ основывается это извѣстіе, или въ немъ надо видѣть не болѣе, какъ только порожденіе праздной фантазіи? До послѣдняго времени трудно было удовлетворительно отвѣчать на эти вопросы и положительно опредѣлить мѣсто, гдѣ покоится прахъ князя Потомкина. Только теперь, благодаря недавно произведеннымъ мѣстнымъ раскопкамъ и одновременно съ ними явившимся въ свѣтъ подлиннымъ бумагамъ, касающимся его погребенія, можно разъяснить себѣ это дѣло и возстановить истину.

Мы уже упоминали, что тѣло Потемкина положено было въ Екатерининскомъ соборѣ ([4]). Оно именно помѣщено было подъ церковью, въ особомъ склепѣ, куда велъ открывавшійся извнѣ храма, у западныхъ дверей, длинный ходъ: туда входили и служили тамъ панихиды. Въ такомъ видѣ гробъ Потемкина, открытый для публики, оставался въ склепу до царствованія императора Павла. Года черезъ полтора по восшествіи его на престолъ, въ одно прекрасное утро, посѣтители склепа увидали, что входъ въ него былъ закрытъ. Что сталось съ гробомъ Потемкина — никто не зналъ. „Секретное" веденіе дѣла, при извѣстномъ нерасположеніи императора къ памяти Потемкина ([5]), пре-

императрица — архитектуры самой хорошей, *одна посереди крѣпости*" (Руск. Арх. 1864, стр. 969). Но едва ли эта послѣдняя была уже тогда окончена. Архіеп. Гавріилъ полагаетъ ея построеніе между 1782 — 1806 годами (Зап. Одес. общ. ист. и древн., т. V, 1863, стр. 449). Мы не знаемъ, на чемъ основываетъ онъ это показаніе; но оно рѣшительно не согласно съ показаніемъ бывшей у насъ подъ руками подлинной „Описи имущества Херсонскаго крѣпостнаго Екатерининскаго собора", составленной 21 октября 1852 года: по этому показанію, которое кажется наиболѣе достовѣрнымъ, время построенія храма надо полагать между 1781—1796 годами. Заимствуемъ изъ этой „Описи" довольно любопытное въ историческомъ отношеніи извѣстіе объ Екатерининскомъ храмѣ. Соборъ св великомученицы Екатерины, говорится во введеніи, построенъ, какъ преданіе гласитъ и какъ значилось въ инженерномъ отчетѣ, между 1781 и 1796 годами, по повелѣнію всеавгустѣйшей императрицы Екатерины II, подъ непосредственнымъ распоряженіемъ свѣтлѣйшаго князя Потемкина-Таврическаго (который погребенъ въ семъ соборѣ подъ спудомъ, у колонны, близь праваго клироса), въ память присоединенія къ Россійской державѣ Новороссійскаго края и Таврическаго царства, что доказываетъ надпись при входѣ въ соборъ, съ западныхъ дверей, на фронтонѣ, литерами, вызолоченными чрезъ огонь: *„Спасителю рода человѣческаго Екатерина посвящаетъ"*.

Эта знаменательная надпись блеститъ на храмѣ и до сихъ поръ.

[3]) Сочиненія Державина, т. I, стр. 454.

[4]) Въ брошюрѣ „Князь Потемкинъ-Таврическій (Спб. 1864, стр. 46)" выдумано, неизвѣстно зачѣмъ, что тѣло князя Потемкина погребено въ Херсонской соборной церкви *Рождества Пресвятыя Богородицы.*

[5]) Впрочемъ нерасположеніе это, по замѣчанію г. Лебедева (Графы Никита и Петръ Панины. Спб. 1863, стр. 273), началось уже по воцареніи Павла, когда онъ прочиталъ бумаги своей матери и от-

доставляло широкое поле догадкамъ и толкамъ. Одни разсказывали, что гробъ князя былъ вынесенъ на общее кладбище; другіе—что ему не дано и тамъ мѣста, и что самый прахъ истребленъ ([6]). Уже Щекатовъ, въ своемъ довольно подробномъ описаніи Херсона, въ 1808 году, ничего не могъ сказать о мѣстѣ погребенія Потемкина ([7]). Правда, въ преданіяхъ немногихъ жителей этого города довольно долго хранилась вѣрная память о настоящемъ мѣстѣ его погребенія. Такъ еще въ 1841 году Херсонскіе старожилы разсказывали, что тѣло Потемкина покоится подъ церковнымъ поломъ, по правую сторону отъ амвона, что въ полу была сдѣлана подъемная дверь, чрезъ которую спускались въ сводъ, гдѣ стоялъ гробъ, а предъ нимъ святая икона съ горящею лампадою, но что съ давняго времени сходъ былъ уничтоженъ ([8]). Въ приведенной выше „Описи" 1852 года, какъ мы видѣли, прямо сказано, что Потемкинъ погребенъ въ соборѣ, подъ спудомъ у колонны близъ праваго клироса.

крылъ въ нихъ бывшее ему совершенно неизвѣстнымъ. Въ такомъ случаѣ распоряженія императора относительно памятника и гроба Потемкина должны быть приведены въ связь съ этимъ открытіемъ.

[6]) Записки Одес. общ. ист. и древн., т. v (1863), стр. 1007.

[7]) „Воздвигнутыя при соборѣ (Екатерининскомъ) пирамиды—говоритъ онъ—въ память опочивающихъ здѣсь мужей велятъ съ почтеніемъ къ себѣ приближаться. Тутъ погребенъ *принцъ Александръ Виртембергскій*; тутъ лежитъ гремѣвшій храбростію генералъ *баронъ Меллеръ-Закомельскій* (Иванъ Ивановичъ), потерявшій животъ свой при взятіи Киліи, рядомъ съ сыномъ своимъ, раздѣлявшимъ съ нимъ его славу, и тутъ сокрыто тѣло *князя Волконскаго* (генералъ-маіора, Сергія Абрамовича), съ неустрашимостью пожертвовавшаго жизнію своею при осадѣ Очакова". О покорителѣ же Очакова, лежавшемъ въ самомъ соборѣ, а не въ оградѣ его, ни слова! (Словарь геогр. Рос. госуд. ч. VI, стр. 732—735. М. 1808)

[8]) Записки Одес. общ. ист. и древн., т. I (1844), стр. 331.

Надо замѣтить впрочемъ, что это показаніе „Описи" оставалось почему-то неизвѣстнымъ даже тѣмъ изъ служившихъ при соборѣ, которые писали о мѣстѣ погребенія Потемкина. Еще въ 1859 году нѣкоторые указывали на Екатерининскій соборъ, какъ на мѣсто его погребенія, но о существованіи склепа уже никто не зналъ. Только въ сентябрѣ этого года, совершено случайно, при поднятіи пришедшаго въ ветхость пола, былъ открытъ этотъ склепъ, и въ немъ найденъ гробъ, который признали принадлежащимъ Потемкину.

Первое извѣстіе объ этомъ открытіи сообщено было въ „Петербургскихъ Вѣдомостяхъ" письмомъ изъ Херсона, отъ 12 октября 1859 года. „Прибывши въ Херсонъ на службу — писалъ корреспондентъ этой газеты — я старался было узнать что-нибудь о могилѣ Потемкина; но всѣ мои распросы ни къ чему не повели меня. Нѣкоторые, правда, говорили, что Потемкинъ погребенъ въ церкви, выстроенной Екатериною въ Херсонской крѣпости; но на чемъ основывался подобный слухъ, никто не могъ объяснить. Въ прошломъ мѣсяцѣ сняли въ означенной церкви полъ, пришедшій отъ времени въ ветхость, и тогда открылся входъ въ склепъ, находящійся подъ самою церковью и о существованіи котораго никто не зналъ. Склепъ большой и выстроенъ прекрасно. При осмотрѣ въ немъ найденъ только деревянный гробъ, отъ ветхости частію развалившійся, но все таки мѣстами сохранившій золотую бахрому, которою былъ обитъ; въ срединѣ же деревяннаго находился гробъ свинцовый, запаянный на глухо. Сообразивъ всѣ обстоятельства, нельзя не допустить, что въ немъ можетъ находиться только тѣло Потемкина„ ([9]).

Надо впрочемъ замѣтить, что это извѣстіе сообщено было лицомъ, которое, какъ впослѣдствіи оказалось, писало не по собственному наблюденію, а со словъ разскащиковъ, не видавшихъ въ пещерѣ

[9]) С. Петербург. Вѣд. 13 января 1860 г., № 9.

ничего болѣе, кромѣ раскинутыхъ въ ней блестокъ отъ позумента.

Тѣмъ болѣе интереса имѣетъ отчетъ объ этомъ открытіи, составленный уже впослѣдствіи, года четыре спустя, самимъ очевидцемъ и участникомъ его, и вызванный, какъ видно, статьею „О мѣстѣ погребенія тѣла фельдмаршала князя Потемкина-Таврическаго ([10])".

„Въ 1859 году—разсказываетъ составитель этого отчета ([11])—перемащивались полы въ херсонскомъ Екатерининскомъ соборѣ, съ дозволенія епархіальнаго начальства, подъ ближайшимъ моимъ надзоромъ, при содѣйствіи церковнаго старосты, артиллеріи полковника, г. Павлова. Когда были вскрыты половыя доски по правую сторону (при обращеніи лицомъ къ олтарю) амвона, между среднимъ правымъ клиросомъ и мѣстомъ сидѣнія императрицы Екатерины II, то у подножія этого мѣста показался провалъ, который сверху накрытъ былъ досками, изъ которыхъ нѣкоторыя обрушились и образовали разсѣлины. Всѣ присутствовавшіе при этомъ въ одинъ голосъ заговорили, что это — мѣсто погребенія князя Потемкина... Я спускался внизъ по лѣстницѣ съ зажженною свѣчою, но гроба тамъ не видѣлъ, а только по догадкамъ, вмѣстѣ съ другими, предполагалъ, что тамъ долженъ быть гробъ, и всего вѣроятнѣе—князя Таврическаго. Достовѣрно только то, что отъ праваго клироса, мимо Екатерининскаго мѣста, чрезъ все протяженіе храма, до лѣваго угла, при входѣ въ храмъ, у западныхъ дверей, проведены своды изъ камня, въ родѣ погребовой мины. Все пространство въ этомъ сводѣ наполнено насыпною землею почти до самаго верха; начиная же отъ Екатерининскаго мѣста, къ правому клиросу, земли меньше на половину, а можетъ быть и того болѣе. Для дознанія истины слѣдовало бы выбросить всю землю; но изъ опасенія могущихъ возникнуть неблагопріятныхъ послѣдствій мы не могли этого сдѣлать сами собою. Не взирая однако на то, врожденное всѣмъ любопытство взяло верхъ надъ опасеніями. Я ([12]) и сотоварищъ мой, священникъ Иваницкій, въ одномъ мѣстѣ откопали землю, примѣрно на пол-аршина или четверти на три, и докопались до чего-то металлическаго. По ощупаніи рукою, оказалось, что металлъ мягокъ и подается подъ ногтемъ, слѣдовательно свинецъ. Отсюда само собою выведено заключеніе, что подъ нимъ долженъ быть гробъ; а такъ какъ въ Екатерининскомъ соборѣ никого не погребено, кромѣ князя Таврическаго, то всѣ мы и заключили, что это гробъ свѣтлѣйшаго князя. Свинецъ представлялся нашему осязанію въ видѣ плиты, шириною въ аршинъ или болѣе; плита была отрѣзана съ двухъ сторонъ, съ правой и съ лѣвой. Съ той и другой стороны я опускалъ руки подъ свинецъ и тамъ внизу, кромѣ пустоты, ничего не встрѣтилъ".

На основаніи этого осмотра составитель отчета пришелъ къ заключенію, согласному съ однимъ существующимъ въ Херсонѣ преданіемъ, что тѣло князя Потемкина, похороненное въ склепу Екатерининской церкви, впослѣдствіи было изъ него вынесено и куда-то увезено. Въ подтвержденіе своей мысли онъ приводитъ слѣдующія соображенія: 1) надъ гробомъ гораздо меньше земли, нежели по всему протяженію отъ Екатерининскаго мѣста до западныхъ дверей; 2) въ одномъ только мѣстѣ, именно надъ самымъ гробомъ, сдѣланъ проломъ вверху свода и заложенъ досками, слѣдовательно онъ не самъ собою образовался; 3) свинецъ обрубленъ съ двухъ сторонъ, всего вѣроятнѣе — сообразно ширинѣ гроба, слѣдовательно гробъ

---

[10]) Записки Одес. общ. ист. и древн., т. V (1863). 1006—1010

[11]) Одесскій Вѣстн. за 1863 годъ, № 82 (27 іюля).

[12]) Разсказъ принадлежитъ священнику Привозной Свято-Духовской церкви въ Херсонѣ, Ал. Мухину.

былъ вскрываемъ, и 4) подъ свинцомъ ничего не оказалось, слѣдовательно находившееся тамъ тѣло или превратилось въ прахъ (чего, впрочемъ, авторъ статьи не рѣшается допустить, потому что тѣло было набальзамировано ([13])), или кѣмъ-то вынуто впослѣдствіи и перенесено куда-то въ другое мѣсто.

Что касается до упомянутаго выше преданія, которое какъ бы подтверждаетъ вѣрность сдѣланнаго (на основаніи этихъ, впрочемъ далеко не полныхъ, мѣстныхъ изысканій) вывода, то оно очень любопытно „Извѣстно (Труды Кіев. акад., м. мартъ 1863) — читаемъ мы въ той же статьѣ — что Іовъ, архіепископъ Екатеринославскій и Херсонесо-Таврическій [14]), происходилъ изъ фамиліи Потемкиныхъ и, какъ говорятъ, приходился племянникомъ князю Таврическому (*). Естественно, что останки столь знаменитаго родственника, не могли не интересовать Іова... Въ 1819 или 1820 году Іовъ, обозрѣвая епархію, прибылъ и въ Херсонъ. Въ субботу онъ служилъ панихиду въ Екатерининскомъ соборѣ, а въ воскресенье, прибывши къ коменданту Липгарду, вечеромъ, отправился съ нимъ въ соборъ, гдѣ они и пробыли до утра, а утромъ рано преосвященный прямо отъ собора отправился въ путь. Когда обучавшій у коменданта дѣтей, нѣкто Сѣриковъ (живущій и теперь), прибылъ въ восемь часовъ на урокъ, то услышалъ отъ коменданта, что тѣло Потемкина увезено Іовомъ куда-то изъ собора. За обѣдомъ было высказано и то, что тѣло оказалось неповрежденнымъ, кромѣ одного большаго пальца на ногѣ. Преданіе прибавляетъ къ этому, что тѣло князя препровождено въ имѣніе Браницкихъ, именно въ Бѣлую Церковь?„

Преданіе это, въ достовѣрности котораго есть основаніе сомнѣваться [15]), могло бы пріобрѣсть еще нѣкоторое значеніе, если бы на самомъ дѣлѣ не находилось въ противорѣчіи съ дѣйствительными результатами мѣстныхъ изслѣдованій. Опускали руки въ гробъ Потемкина, ничего не встрѣтили тамъ, кромѣ пустоты — и заключили, что тѣло его вынесено оттуда, и ужъ конечно Іовомъ, о которомъ было извѣстно, что онъ, во время пребыванія въ Херсонѣ, сходилъ въ склепъ своего дяди. Но вотъ въ октябрѣ 1863 года вторично былъ открытъ этотъ склепъ, и надъ зарытымъ въ немъ гробомъ произведено новое, болѣе обстоятельное, хотя къ сожалѣнію также далеко не полное изслѣдованіе [16]). По снятіи части земли и мусора, увидѣли деревянный, уже развалившійся гробъ, вмѣщавшій въ себѣ другой, свинцовый, съ сильно вдавленною внутрь крышкою, которую на первый взглядъ можно было принять за самое дно гроба; оказалось, что гробъ не былъ наглухо запаянъ, и когда приподняли и загнули съ обоихъ концовъ края крышки (отъ большаго количества наваленной на гробъ земли и мусора, трудно было поднять ее всю), то

[13]) „Его (Потемкина) анатомили и бальзамировали на другой день по кончинѣ“ — читаемъ въ современномъ письмѣ изъ Яссъ (Сочин. Державина, т. I, стр. 455).

[14]) На Екатеринославскую архіерейскую каѳедру Іовъ переведенъ былъ съ архіепископства Минскаго высочайшимъ указомъ отъ 7 февраля 1812 года и оставался на ней до самой смерти, послѣдовавшей въ 1823 году (Очеркъ Новор. края — архіеп. Гавріила въ v т. Записокъ, стр. 472 и 476).

*) Есть извѣстіе, что отецъ кн. Потемкина, хотя и старинный дворянинъ, былъ священникомъ. Связи кн. Потемкина съ духовенствомъ, по родству, по занятіямъ его въ св. Синодѣ и по личной склонности имѣли важнѣйшее значеніе во всей его дѣятельности. Іовъ не былъ ли прежде архимандритомъ Ниловской пустыни? См. Р. Арх. 1864, стр. 1164. *П. Б.*

[15]) Владѣтельница Бѣлой Церкви, старшая изъ пяти племянницъ Потемкина, особенно любимая имъ, графиня Александра Васильевна Браницкая, на рукахъ которой онъ и умеръ, была еще жива въ это время (род. въ 1754, ум. въ 1838 году), и предполагаемое перенесеніе тѣла ея дяди въ Бѣлую Церковь могло произойти не иначе, какъ съ ея желанія.

[16]) Объ немъ мы знаемъ отъ лицъ, принимавшихъ участіе въ произведенной раскопкѣ.

въ гробу открылись останки покойника. Впрочемъ, кромѣ костей да кожаныхъ, хорошо сохранившихся, довольно красивой отдѣлки туфлей, въ немъ не нашлось ничего болѣе; попадались только остатки парчи или скорѣе, розоваго бархата и палеваго атласа, да въ лежавшемъ на гробѣ мусорѣ обрывки золотаго позумента, которымъ онъ былъ обитъ [17]).

Соображая эти мѣстныя изслѣдованія съ преданіемъ объ Іовѣ, можно придти къ слѣдующему заключенію. Несомнѣнно, что Потемкинскій склепъ посѣщаемъ былъ гораздо раньше 1859 года: объ этомъ прямо свидѣтельствуетъ сдѣланное въ сводѣ надъ самымъ гробомъ отверстіе, заложенное потомъ досками; а сравнительно малое количество земли надъ гробомъ показываетъ, что онъ былъ когда-то отрываемъ. Преданіе называетъ Іова, будто бы сходившаго въ склепъ въ 1819 или 20 году. Но если онъ и былъ тамъ, то ужь конечно не затѣмъ, чтобы уносить оттуда тѣло Потемкина, котораго останки до сихъ поръ покоятся въ гробу. За недостаткомъ положительныхъ данныхъ, мы удерживаемся отъ всякихъ догадокъ о настоящихъ побужденіяхъ, которыми могъ руководствоваться Іовъ, вскрывая гробницу своего дяди, тѣмъ болѣе, что у насъ нѣтъ пока вполнѣ достовѣрнаго свидѣтельства, что онъ дѣйствительно вскрывалъ ее. Замѣтимъ только, что въ ней не оказалось ничего [18]), что̀ могло бы напоминать о лицѣ покойнаго, того „великолѣпнаго князя Тавриды", котораго хоронили почти съ царскою пышностью... ([19]).

Не смотря на это, едва ли можетъ быть какое-нибудь сомнѣніе въ томъ, что найденные въ склепу Екатерининской церкви останки принадлежатъ Потемкину. Въ этомъ отношеніи результаты, добытые мѣстными раскопками, находятъ себѣ полное подтвержденіе и оправданіе въ оффиціальной перепискѣ по дѣлу о погребеніи Потемкина, хранящейся въ Херсонскомъ комендантскомъ управленіи. Изъ нея между прочимъ обнаруживается, что какъ ни велика была ненависть „сильныхъ" къ памяти князя Таврическаго, все таки она не унижалась до того жестокаго и оскорбительнаго для человѣческаго достоинства поступка въ отношеніи его „печальныхъ остатковъ", который приписываютъ ей вышеприведенныя извѣстіе и преданіе.

Самый ранній изъ принадлежащихъ сюда *секретныхъ* документовъ — это письмо графа Михаила Васильевича Каховскаго, отъ 27 апрѣля 1798 года, изъ Акмечети (Симферополя), на имя Новороссійскаго гражданскаго губернатора, тайнаго совѣтника, Ивана Яковлевича Селецкаго. Содержаніе письма слѣдующее: „Господинъ дѣйствительный тайный совѣтникъ, генералъ прокуроръ и кавалеръ, князь Алексѣй Борисовичъ Куракинъ, отъ 10 минувшаго марта, сообщилъ мнѣ высочайшее его императорскаго величества повелѣніе, на имя его данное, чтобы сооруженный въ Херсонѣ отъ казны въ память князю Потемкину памятникъ былъ уничтоженъ. Я потому предписавъ о точномъ и немедленномъ исполненіи сего высочайшаго соизволенія херсонскому коменданту (Тернеру), нужнымъ почитаю объ ономъ извѣстить и ваше превосходительство» ([20]). Здѣсь конечно рѣчь идетъ

([17]) У Энгельгардта мы находимъ слѣдующее описаніе этого гроба: „На срединѣ амвона—говоритъ онъ—сдѣлано было возвышеніе, покрытое богатою парчею, на коемъ поставленъ былъ гробъ, обитый розовымъ бархатомъ, выложенный богатымъ золотымъ позументомъ, съ серебряными скобами, на серебряныхъ подножіяхъ, и покрытый богатымъ парчевымъ покрываломъ" (Записки, стр. 101).

([18]) Преданіе говоритъ, между прочимъ, о драгоцѣнномъ портретѣ императрицы, который Потемкинъ всегда носилъ на груди и который будто бы положенъ былъ съ нимъ въ гробъ.

([19]) Въ *Запискахъ* Энгельгардта находится подробное описаніе похоронъ князя Потемкина (стр. 100 — 105).

([20]) Письмо Каховскаго помѣчено, какъ мы ви-

объ уничтоженіи того „вѣликолѣпнаго надгробія“, которое, по рукописи современника, воздвигнуто было Потемкину въ Херсонѣ и которое въ пѣснѣ на смерть Потемкина называется „безцѣннымъ мавзолеемъ“ ([21]). Но этимъ не ограничились. Черезъ семнадцать дней князь Куракинъ, въ письмѣ отъ 27 марта, уже на имя Селецкаго, имѣвшаго мѣстопребываніе въ Екатеринославѣ, сообщаетъ о новомъ повелѣніи. „Извѣстно государю императору — пишетъ онъ — что тѣло покойнаго князя Потемкина донынѣ еще не предано землѣ, а держится на поверхности, въ особомъ сдѣланномъ подъ церковью погребу, и отъ людей бываетъ посѣщаемо; а потому, находя сіе непристойнымъ, высочайше соизволяетъ, дабы все тѣло, *безъ дальнѣйшей огласки*, въ самомъ же томъ погребу погребено было въ особо вырытую яму, а погребъ засыпанъ землею и изглаженъ такъ, какъ бы его никогда не бывало“. На другой же день по полученіи этого повелѣнія, 19 апрѣля, Селецкій отнесся ордеромъ на имя коменданта Тернера, который между 25—28 апрѣля ([22]) и исполнилъ высочайшее повелѣніе: тѣло въ ямѣ похоронилъ и мѣсто изгладилъ ([23]).

Такимъ образомъ въ Херсонѣ изглажена была, казалось, самая память о Потемкинѣ ([24]).

дѣли, *27 апрѣля* 1798 г., и потому рѣшительно не понятно, какъ покойный Андреевскій, сообщившій въ Одесское общество исторіи и древностей всю эту переписку, могъ сказать, что графъ Каховскій далъ предписаніе херсонскому коменданту объ уничтоженіи памятника *28 апрѣля* 1798 года, и построить на этомъ свое опроверженіе оффиціальнаго показанія о существовавшемъ въ Херсонѣ памятникѣ Потемкину (Записки, т. V, стр, 1009).

([21]) Гробъ въ яму опустили
Во храмѣ, у дверей,
Въ минуту утвердили
Безцѣнный мавзолей.

([22]) Тернеръ получилъ предписаніе 25 апрѣля, а объ исполненіи его донесъ 28-го: въ одинъ день 25 апрѣля, вопреки мнѣнію Андреевскаго, онъ конечно не могъ исполнить предписанія, ибо, кромѣ склепа, надо было засыпать еще длинный, тянувшійся по всему протяженію храма ходъ въ этотъ склепъ, на что, разумѣется, потребовалось болѣе одного дня.

([23]) Записки Одес. общ. ист. и древн., т. V, стр. 1008 — 1009.

([24]) Изглаживая память о князѣ Таврическомъ въ Херсонѣ, въ то же время старались увѣковѣчить память объ его сопернникѣ, графѣ Румянцовѣ, въ Петербургѣ: недѣли за двѣ до повелѣнія, даннаго Куракину, объ уничтоженіи въ Херсонѣ памятника Потемкину, данъ былъ указъ государственному казначею объ отпускѣ 82,441 рубля на сооруженіе обелиска Румянцову на площади между Лѣтнимъ садомъ и Ломбардомъ (П. С. З. Именной указъ отъ 25 февраля 1798 г., № 18, 401). — Какъ сильно въ это время было раздраженіе противъ памяти Потемкина, лучше всего можно видѣть изъ разговора съ Энгельгардтомъ, въ Казани, уже 6-го іюня 1797 года. Послѣ ученья, на которомъ только Энгельгардтъ оказался, по словамъ императора, «мастеромъ своего дѣла», онъ былъ приглашенъ къ столу. «Какъ скоро государь вышелъ изъ внутреннихъ покоевъ—разсказываетъ Энгельгардтъ —то прямо подошелъ ко мнѣ и спросилъ: «Изъ какихъ ты Энгельгардтовъ, лифляндскихъ или смоленскихъ?„—Смоленскихъ, ваше величество. «Знаю ли я кого изъ твоихъ родныхъ?» Когда ваше величество въ 1781 году изволили проѣзжать черезъ Могилевъ, отецъ мой тогда былъ тамъ губернаторомъ. « Помню; у тебя кажется, была сестра Варвара! гдѣ она теперь?„ — Она замужемъ за Навроцкимъ. „Давно ли она вышла замужъ?„ — Въ нынѣшнемъ году (тогда ей было тридцать три года.) «Не молодою же она вышла отроковицей; а ты гдѣ началъ служить?» — Въ гвардіи. «То есть по обычаю всѣхъ васъ, тунеядцевъ-дворянъ; а тамъ какъ?» Я было хотѣлъ пропустить, что былъ адъютантомъ у свѣтлѣйшаго князя, и сказалъ: — А потомъ въ арміи. «Да какъ?» — Взятъ былъ въ адъютанты къ князю Потемкину. «Тьфу, въ какіе ты попалъ знатные люди; да какъ ты не сдѣлался *негодяемъ*, какъ всѣ, при немъ бывшіе? Видно много въ тебѣ добраго, что ты уцѣлѣлъ и сдѣлался мнѣ хорошимъ слугой» (Записки, стр. 194). Имп. Павелъ имѣлъ много основаній къ таковому мнѣнію. Сама имп. Екатерина уже по смерти Потемкина отзывалась Храмовицкому, что въ новой Рос-

Мы видѣли, что сначала былъ уничтоженъ памятникъ, потомъ засыпанъ склепъ. Но авторъ статьи „О мѣстѣ погребенія тѣла фельдмаршала князя Потемкина-Таврическаго“ отвергаетъ существованіе въ Херсонѣ перваго. Онъ говоритъ: „Князь Потемкинъ, какъ извѣстно, скончался 4 октября 1791 года (25). Замѣчательно, что въ первомъ повелѣніи (отъ 10 марта, на имя Каховскаго) говорилось о памятникѣ, сооруженномъ князю Потемкину отъ казны. Недоразумѣніе, къ которому могло подать поводъ такое выраженіе, вѣроятно было причиною, что исполненіе по тому повелѣнію замедлилось. Графъ Каховскій далъ предписаніе херсонскому коменданту объ уничтоженіи памятника 28 апрѣля 1798 года (26), тогда, какъ по повелѣнію, полученному Селецкимъ (27) (о погребеніи Потемкина), исполненіе уже было сдѣлано. Самое изложеніе повелѣнія Селецкому какъ бы выказываетъ мысль о томъ, что въ сущности слѣдовало понимать подъ памятникомъ, сооруженномъ князю Потемкину, т. е. сдѣланный подъ церковью склепъ или погребъ, въ которомъ открыто хранился гробъ съ тѣломъ покойника“ (28).

Нечего и говорить, какъ произвольно и натянуто такое толкованіе словъ оффиціальнаго документа. Кромѣ послѣдняго, у насъ есть и другія свидѣтельства о существованіи въ Херсонѣ памятника надъ прахомъ Потемкина: объ немъ упоминается, какъ мы видѣли, и въ пѣсни на смерть Потемкина, и въ рукописи современника. Высочайшимъ повелѣніемъ отъ 10 марта 1798 года его приказано было уничтожить, о чемъ упоминаетъ въ своихъ *Запискахъ* и И. И. Дмитріевъ (29). Разсказывая о „крутыхъ переворотахъ“, послѣдовавшихъ въ Россіи съ возшествіемъ на престолъ преемника Екатерины, Дмитріевъ между прочимъ говоритъ слѣдующее: „Многимъ городамъ въ Крыму и Екатеринославской губерніи, получившимъ подъ управленіемъ свѣтлѣйшаго князя Потемкина-Таврическаго древнія имена греческія или славянскія, какъ то: Эвпаторія, Севастополисъ, Григоріополисъ и пр., возвращены прежнія татарскія или русскія простонародныя: Кизикермень, Козловъ и пр.; всѣ воинскія и гражданскія постановленія сего столь сильнаго вельможи отброшены; даже самый *мавзолей*, воздвигнутый надъ его прахомъ, приказано было разрушить“.

Но „злоба“ дня давно уже прошла и уступила мѣсто безпристрастной оцѣнкѣ великихъ дѣлъ Потемкина: надъ прахомъ его въ Екатерининскомъ соборѣ предполагается нынѣ соорудить памятникъ, на которомъ, по выраженію поэта, „напишется Потемкинъ трудъ“.

М. Шугуровъ.

Одесса, 31 октября 1866.

сіи набралось много негодныхъ людей (Зап. Храп. стр. 283)

(25 Потемкинъ скончался не 4, а 5 октября 1791 г.

(26) Мы видѣли, что это предписаніе не могло быть дано 28 апрѣля: оно должно было послѣдовать гораздо раньше, тотчасъ по полученіи высочайшаго повелѣнія отъ 10 марта.

(27) Селецкій получилъ повелѣніе 18 апрѣля 1798 года, а исполненіе, какъ мы видѣли, послѣдовало 25 — 28 апрѣля.

(28) Записки, т. V, стр. 1009

(29) Въ отрывкахъ изъ нихъ, приведенныхъ г. Аѳанасьевымъ въ «Дополненіи къ статьѣ г. Лонгинова: графъ Сперанскій (Рус. Вѣстн. за 1860 г., № 1, стр. 27 Современной Лѣтописи)».

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ ГЕНЕРАЛА-АДЪЮТАНТА ГРАФА Е. Ѳ. КОМАРОВСКАГО.

За сообщеніе этихъ Записокъ мы обязаны глубочайшею признательностью сыну автора, *графу Павлу Евграфовичу Комаровскому*, у котораго хранится подлинная рукопись. Генералъ-адъютантъ графъ Евграфъ Ѳедотовичь Комаровскій (род. 18 Нояб. 1769, скон. 13 Окт. 1843), происходилъ отъ стариннаго, издавна православнаго рода, переселившагося изъ Польши въ Россію въ XVII вѣкѣ. Предку его, еще при царѣ Алексѣѣ Михаиловичѣ, пожаловано было помѣстье въ тогдашнемъ Новгородскомъ краю. Онъ получилъ прекрасное образованіе и учился между прочимъ въ извѣстномъ Петербургскомъ пансіонѣ Масона, гдѣ товарищемъ ему былъ племянникъ кн. Безбородки (впослѣдствіи тоже князь) В. П. Кочубей. Французъ-Масонъ, какъ извѣстно, былъ однимъ изъ учителей великихъ князей Александра и Константина Павловичей. Состоя на службѣ при кн. Безбородкѣ, (гр.) Комаровскій участвовалъ въ извѣстномъ Таврическомъ путешествіи императрицы Екатерины, и изъ Кіева въ мартѣ 1787 г. посланъ былъ курьеромъ въ Парижъ съ подарками къ министрамъ французскаго двора. Осенью того же года ему поручено было съѣздить изъ Петербурга въ Лондонъ. Эти первыя поѣздки его за границу довольно подробно и очень живо описаны въ его Запискахъ. Позднѣе, еще нѣсколько разъ, ѣздилъ онъ въ чужіе края съ дипломатическими порученіями, и между прочимъ привезъ въ Петербургъ портретъ императрицы Елизаветы Алексѣевны, что дало ему возможность сдѣлаться лично извѣстнымъ Александру Павловичу, милостью котораго онъ потомъ неизмѣнно пользовался. Съ 1794 г. начинается дѣятельная служба (гр.) Евграфа Ѳедотовича въ Измаиловскомъ полку, въ который онъ былъ записанъ еще съ малолѣтства. Онъ управлялъ нормальною школою этого полка и былъ полковымъ адъютантомъ онаго. Отлично образованный, доброжелательный, распорядительный и дѣловой, онъ не могъ оставаться незамѣченъ. Высшее Петербурское общество отличало его въ кругу своемъ.

По вступленіи на престолъ императора Павла, молодой (гр.) Комаровскій особенно сдѣлался близокъ къ тогдашнему полковнику Измаиловскаго полка великому князю Константину Павловичу. Но тутъ уже слѣдуетъ собственный разсказъ его.

Записки графа Комаровскаго писаны въ старости, въ 1830 и 1831 г., въ сельскомъ уединеніи, въ Орловской деревнѣ его, селѣ Городищѣ. Нечего, кажется, прибавлять, что онъ писалъ ихъ не думая о публичности, единственно для любопытства и назиданія дѣтей своихъ; въ самомъ изложеніи отразился его кроткій, дѣятельно-ровный характеръ, и эта правдивость Записокъ гр. Комаровскаго составляетъ особенную ихъ цѣну для потомства. Всѣ любители нашей исторіи поблагодарятъ дѣтей его за то, что они изъявили согласіе подѣлиться съ другими своимъ семейнымъ сокровищемъ. *П. Б.*

...Я все это лѣто (1) провелъ на дачѣ, по Петергофской дорогѣ, на 5-той верстѣ, у княг. Варвары Александровны Шаховской. Дача эта принадлежала тогда кн. Дашковой и выходила на взморье, гдѣ выстроены были два каменные домика. Насъ жило у княгини очень много: въ большемъ домѣ жила она съ m-me Paris (съ дочерью ея, теперешнею Балабиною), m-me Breitkopf, также съ дочерью, которая вышла послѣ замужъ за Зиновьева. Дочь княгини Варвары Александровны была уже тогда за мужемъ за княземъ Шаховскимъ (2); они жили на ихъ дачѣ,

---

(1) 1796 года.

(2) Во второмъ бракѣ. Она сначала вышла въ чужихъ краяхъ за Француза кн. Аренберга, который участвовалъ во Французской революціи. Ихъ развели, и кн. Елизавета Борисовна вышла за кн. Петра Ѳедоровича Шаховскаго же, роднаго

принадлежавшей впослѣдствіи графинѣ Завадовской. Княгиня Елисавета Борисовна съ мужемъ и съ сестрою его княжною Шаховскою, находившеюся за мужемъ за княземъ А. М. Голицынымъ, бывали всякій день у матери своей; въ одномъ изъ домиковъ на взморьѣ жили родные племянники княгини: князья Александръ и Сергій Михайловичи (³) Голицыны и я, а въ другомъ два Француза — эмигранты г. г. Брессоль и Бушерà (m-rs le chevalier de Bressolles et Boucherat). Часто все общество ѣздило по окрестнымъ мѣстамъ; изъ всѣхъ этихъ поѣздокъ самая пріятная была въ Ропшу; по возвращеніи оттуда, всякій долженъ былъ выбрать статью изъ того что̀ случилось въ теченіе двухъ дней, въ Ропшѣ проведенныхъ и ее описать; послѣ все это соединено было вмѣстѣ и составило довольно занимательное сочиненіе, подъ названіемъ: Поѣздка однаго общества съ Ропшу (Voyage d'une société à Ropcha). Я не стану описывать причину плачевной кончины княгини Е. Б. Шаховской, дочери княгини Варвары Александровны, а скажу только, что извѣстно было всѣмъ, что она отравила себя ядомъ (⁴). Это происшествіе, особенно въ высшемъ обществѣ, столь необыкновенное, произвело много шуму и различныхъ толковъ; но вскорѣ послѣдовавшая за тѣмъ кончина императрицы Екатерины прекратила всѣ тѣ разговоры, которые занимали тогдашнюю публику.

Въ минуту возшествія на престолъ императора Павла I-го, какъ слѣдуетъ, всѣмъ войскамъ приказано было присягать на своихъ полковыхъ мѣстахъ, а роту гренадеръ послать во дворецъ за знаменами, гдѣ онѣ всегда находились. И тогда же намъ объявлено было, что императоръ принимаетъ на себя званіе полковника Преображенскаго полка; наслѣдника, великаго князя Александра Павловича, назначаетъ полковникомъ Семеновскаго полка и военнымъ губернаторомъ Петербурга (⁵), а Аракчеева комендантомъ; великаго же князя Константина Павловича полковникомъ Измайловскаго полка. Полкъ нашъ собрался на большемъ проспектѣ, который идетъ мимо церкви. Первый посланный изъ дворца сказалъ, ошибкою, что полкъ долженъ идти на дворцовую площадь; мы уже прошли нѣсколько улицъ какъ бывшій нашъ секундъ-маіоръ Кушелевъ (онъ женатъ былъ на сестрѣ Ланскаго, бывшаго любимца и, съ тѣхъ поръ, имѣлъ позволеніе ѣздить на обѣдъ къ императрицѣ; онъ этимъ позволеніемъ пользовался каждый день, хотя императрица съ нимъ никогда почти не говорила) возвращаясь изъ дворца, встрѣтилъ насъ и воротилъ назадъ. Весь полкъ пустился бѣжать на парадное мѣсто; не доходя до онаго, хотя было и темно, но видно было ѣдущаго кого то верхомъ, въ темномъ мундирѣ и въ голубой лентѣ. Этотъ ѣдущій, поровнявшись съ головою колонны полка, спросилъ: «А гдѣ адъютантъ Комаровскій?» Я случился близко, тотчасъ подъѣхалъ и узналъ, что то былъ великій князь Константинъ Павловичъ. Его высочество со мною поздо-

внука извѣстнаго своими Записками кн. Якова Петровича.

(³) Столь памятный Москвѣ почетный опекунъ † 7 февр. 1859.

(⁴) Ей было всего 23 года отъ роду.

(⁵) Это было первое знакомство будущаго императора съ дѣлами управленія. Что онъ исполнялъ губернаторскую должность не именемъ только, а во всей силѣ, видно изъ его писемъ къ Н. П. Архарову, помѣщенныхъ въ Русскомъ Архивѣ 1864 г. Это время произвело могущественное вліяніе на образованіе его характера.

ровался, приказалъ мнѣ находиться при его особѣ и спросилъ у меня: отъ чего полкъ давно не на парадномъ мѣстѣ? Я ему отвѣчалъ, что полку, ошибкою, приказано было идти ко дворцу. Это крайне его удивило. Во время присяги, великій князь, замѣтивъ, что полковой нашъ священникъ, отецъ Прохоръ, былъ въ нетрезвомъ видѣ, спросилъ у меня: «отчего отецъ Прохоръ пьянъ: отъ радости или отъ печали?» Я ему отвѣчалъ: «я думаю; ваше высочество, и отъ того и отъ другаго,» и онъ засмѣялся. Когда полкъ присягнулъ, его высочество приказалъ мнѣ взять взводъ гренадеръ, отнести знамена во дворецъ, отъискать тамъ наслѣдника, донести ему, что Измайловскій полкъ принялъ присягу, спросить куда прикажетъ поставить знамена и въ 5 часовъ утра быть у него. Подходя ко дворцу, я былъ въ большемъ затрудненіи, гдѣ мнѣ найдти наслѣдника; но къ счастію моему, когда я сошелъ съ лошади и подходилъ къ среднимъ воротамъ, я увидѣлъ кого-то въ такомъ же мундирѣ, въ какомъ былъ и великій князь Константинъ Павловичь и въ голубой лентѣ (ибо они уже надѣли тѣ мундиры, которые даны были всѣмъ гвардейскимъ полкамъ) идущимъ съ графомъ Татищевымъ, подполковникомъ Преображенскаго полка. Я не усомнился, что это былъ наслѣдникъ и исполнилъ порученіе великаго князя. Знамена же онъ приказалъ мнѣ поставить въ кабинетъ императора. Входъ въ оный былъ по деревянной лѣстницѣ. Я вошелъ по лѣстницѣ и въ первой комнатѣ нашелъ спящаго истопника, который позвалъ каммеръ-лакея, и мнѣ отворили кабинетъ. Я спросилъ, не знаетъ ли, куда поставить знамена? Онъ мнѣ сказалъ: «Поставьте ихъ въ уголъ, тамъ уже много ихъ находится». Въ тотъ день, какъ императрица занемогла, въ караулѣ стоялъ Семеновскій полкъ, а въ день ея кончины Измайловскій, и капитанъ былъ П. А. Талызинъ; мнѣ хотѣлось съ нимъ видѣться, и я зашелъ въ караульню; мы обнялись, и оба заплакали, равно и всѣ бывшіе въ караулѣ офицеры. Я увидѣлъ на столѣ Анненскій крестъ, на узкой лентѣ и спросилъ у него, что это значитъ? Онъ мнѣ отвѣчалъ: сейчасъ мнѣ принесли и сказали, что это второй классъ Анненскаго ордена, которымъ императоръ меня пожаловалъ, и что оный должно носить на шеѣ: прежде мы знали только ленту со звѣздою этого ордена.

На другой день былъ тоже караулъ Измайловскаго полка, и великому князю хотѣлось, чтобъ нѣкоторыя командныя слова были по Гатчински и чтобъ всѣ офицеры имѣли на парадѣ трости и съ раструбами перчатки. Когда я къ нему явился въ 5 часовъ утра, онъ мнѣ приказалъ тотчасъ отправиться искупить эти вещи, и чтобъ онѣ находились на полковомъ дворѣ, а онъ туда пріѣдетъ въ 8 часовъ; разводъ же назначенъ былъ въ 11 часовъ. Порученность эта была самая затруднительная, ибо гдѣ найти столько тростей и перчатокъ, и когда всѣ лавки еще заперты, а въ ноябрѣ мѣсяцѣ разсвѣтаетъ въ 7 часовъ по полуночи! Я просилъ его высочество, чтобъ онъ пожаловалъ нѣсколько изъ своихъ ѣздовыхъ въ мое разпоряженіе, на что онъ согласился, и я ихъ разослалъ по всѣмъ перчаточникамъ, а самъ поѣхалъ по гостинному двору. Къ счастію моему, лавочникамъ что-то въ эту ночь не поспалось: всѣ лавки были открыты очень рано, и мнѣ удалось во время исполнить порученіе, чѣмъ великій князь былъ очень доволенъ. Правду сказать, офицеровъ при

полку на лицо было тогда не много: одни находились просто въ отпуску, другіе же, подавъ челобитныя въ отставку, уѣхали съ тѣмъ, чтобъ ужъ болѣе не возвращаться. Кое какъ великій князь сладилъ съ разводомъ, и мы пошли ко дворцу. Въ приказѣ полковомъ сказано было, чтобы подъ знамя нарядить подпрапорщика. Въ прежнюю службу было четыре унтеръ-офицерскихъ чина, а именно: фуріеръ, подпрапорщикъ, каптенармусъ и сержантъ, и еще былъ чинъ капрала, который на обшлагѣ имѣлъ одинъ позументъ а потому и не былъ въ числѣ унтеръ-офицеровъ; изъ прочихъ чиновъ трое имѣли по два, а сержантъ имѣлъ три позумента; въ первыхъ трехъ чинахъ дворянъ почти не было, а потому и наряженъ былъ изъ сдаточныхъ. Разводъ остановился у бывшаго Чичеринскаго дома. Великій князь приказалъ мнѣ взять подпрапорщика, идти во дворецъ и, остановясь предъ кабинетомъ императора, велѣть доложить его величеству, что разводъ отъ Измайловскаго полка готовъ и что адъютантъ пришелъ за знаменемъ. Я все это исполнилъ; съ докладомъ къ императору пошелъ И. П. Кутайсовъ, бывшій тогда простымъ каммердинеромъ. Кутайсовъ отворилъ дверь кабинета и показалъ мнѣ знакомъ войти. Императоръ, стоя, надѣвалъ перчатки, и графъ Безбородко выходилъ съ бумагами. Его величество, приказавъ уже мнѣ взять знамя, спросилъ у меня, увидя подпрапорщика большаго роста: «а что, онъ дворянинъ?» Я отвѣчалъ: «никакъ нѣтъ».—«Знамя должно быть носимо дворяниномъ» сказалъ императоръ, а потому и приведите мнѣ унтеръ-офицера изъ дворянъ. Я тотчасъ пошелъ къ разводу, который уже строился противъ дворца. Великій князь, увидя меня, не могъ понять, отъ чего я иду безъ знамени; а когда онъ узналъ, что подъ оное наряженъ былъ не дворянинъ, чрезвычайно огорчился и сказалъ мнѣ: «возьми хоть сержанта и пойди скорѣе», что̀ я и сдѣлалъ. Императора уже въ кабинетѣ не было; онъ пошелъ къ императрицѣ и чрезъ нѣсколько минутъ вышелъ къ разводу. Достойно замѣчанія, что народа на площади было очень мало; и это небывалое зрѣлище, чтобъ самъ императоръ, едва вступившій на престолъ, присутствовалъ при разводѣ никакого примѣтнаго дѣйствія не произвело, какъ будто это всегда случалось. Императоръ былъ разводомъ нашимъ доволенъ и изъявилъ свое благоволеніе, что̀ насъ очень ободрило, а радость великаго князя была неизреченна.

Образъ жизни нашъ; офицерскій, совершенно перемѣнился. При императрицѣ, мы думали только о томъ, чтобъ ѣздить въ театры, въ общества, ходили во фракахъ, а теперь съ утра до вечера на полковомъ дворѣ, и учили насъ всѣхъ какъ рекрутъ. Великому князю угодно было, чтобъ я первый надѣлъ мундиръ новаго покроя и обстригъ себѣ волосы, и это такъ перемѣнило меня, что когда я пріѣхалъ домой, сестра Анна Ѳедотовна меня не узнала.

На четвертый день послѣ возшествія на престолъ императора Павла, мы видѣли зрѣлище совершенно новаго для насъ рода: то было вступленіе въ Петербургъ Павловскихъ и Гатчинскихъ баталіоновъ. Войска одѣты были совершенно по Прусски: въ короткихъ мундирахъ, съ лацканами, въ черныхъ щиблетахъ; на гренадерахъ были шапки, какъ нынѣ у Павловскаго полка, а на мушкатерахъ маленькія трехугольныя шляпы, безъ петлицы, а только съ одною

пуговкою. Офицеры всѣ одѣты были въ поношенныхъ мундирахъ, а такъ какъ цвѣтъ ихъ былъ темнозеленый, и вѣроятно перекрашенные изъ разноцвѣтныхъ суконъ, то всѣ они полиняли и представляли видъ пѣгій. Императоръ Павелъ, наслѣдникомъ, былъ генералъ-адмираломъ и президентомъ адмиралтейской коллегіи; во флотѣ были баталіоны, которые назывались морскими, они употреблялись на корабляхъ для дессантовъ. Изъ сихъ-то войскъ составлены были въ Гатчинѣ и въ Павловскѣ баталіоны. Офицеры поступали въ морскіе баталіоны изъ кадетъ Морскаго Корпуса, оказавшихся неспособными къ морской службѣ: они то и поступали въ Гатчинскіе и Павловскіе баталіоны. Едва войска пришли къ заставѣ, какъ присланъ съ донесеніемъ о томъ поручикъ Ратьковъ; императоръ самъ надѣлъ на него орденъ св. Анны втораго класса, и назначилъ его адъютантомъ къ наслѣднику; приказавъ войскамъ идти, сѣлъ на лошадь и поѣхалъ къ нимъ на встрѣчу. Когда войска вошли въ *алиніеманъ*, на дворцовой площади, императоръ имъ сказалъ: «Благодарю васъ, мои друзья, «за вѣрную вашу мнѣ службу и, въ «награду за оную, вы поступаете въ «гвардію, а господа офицеры чинъ въ «чинъ.» Всѣхъ баталіоновъ было шесть, изъ коихъ назначены: императора и Аракчеева въ Преображенскій; наслѣдника и Недоброва — въ Семеновскій; великаго князя Константина Павловича и Малютина — въ Измайловскій полки, рота егерей—въ гвардейскій Егерьскій баталіонъ. Прежде, при каждомъ гвардейскомъ полку была егерьская команда, изъ которыхъ командъ, при императорѣ Павлѣ, составленъ былъ баталіонъ. Кавалерія поступила въ Конную Гвардію... Съ какою печалью мы должны были считать ихъ своими товарищами! На всѣхъ напало какое то уныніе. Иначе и быть не могло, ибо эти новые товарищи были не только безъ всякаго воспитанія, но многіе изъ нихъ развратнаго поведенія; нѣкоторые даже ходили по кабакамъ, такъ что гвардейскіе наши солдаты гнушались быть у нихъ подъ командою.

Въ Измайловскомъ полку было три адъютанта: Бахметевъ, Арбеневъ и я; великій князь обоихъ первыхъ написалъ въ роты, а меня оставилъ и назначилъ двухъ Гатчинскихъ, бывшихъ адъютантами въ его высочества и Малютина баталіонахъ: Черепанова и Шебуева. Прежде, въ каждомъ гвардейскомъ полку была полковая канцелярія, и одинъ изъ офицеровъ былъ секретаремъ. Это званіе было штатное; въ этой канцеляріи производились всѣ письменныя дѣла, а адъютантъ завѣдывалъ только нарядами и рапортами, касающимися до строевой части. По новому образованію, канцелярія была уничтожена, и съ нею находившіеся въ ней писаря, и вся эта обуза пала на меня, какъ на полковаго адъютанта, такъ что я ни на минуту не имѣлъ отдыха, съ родными моими не видался даже по нѣскольку дней.

30-го ноября былъ разводъ нашего полка. Въ 6-ть часовъ утра, я долженъ былъ ѣхать за нѣкоторыми приказаніями къ коменданту Аракчееву, который жилъ во дворцѣ. Выходя отъ него, я встрѣтилъ наслѣдника. Увидя меня, его высочество, съ свойственною ему прелестною улыбкою, сказалъ мнѣ: „поздравляю, Комаровской". Я спросилъ: „съ чѣмъ, ваше высочество?"-„А развѣ тебѣ братъ ничего не сказалъ?" продолжалъ онъ. Я ему отвѣчалъ: „ничего!" Тогда онъ мнѣ сказалъ: „Prenez

comme si je ne vous ai rien dit“ (положимъ, что я тебѣ ничего не говорилъ). Я поѣхалъ въ полкъ, гдѣ былъ уже великій князь, и не будучи въ состояніи скрыть моей радости, я сказалъ ему: „Наслѣдникъ съ чѣмъ то изволилъ меня поздравить.“ Его высочество отвѣчалъ мнѣ: „Поздравить? развѣ онъ знаетъ съ чѣмъ, а я ничего не знаю.“ Тогда приказы при паролѣ отдавались въ комнатѣ; всѣ адъютанты и дежурные по полкамъ и по карауламъ штабъ-офицеры записывали эти приказы въ записныхъ книжкахъ. Приказы диктовалъ наслѣдникъ, какъ военный губернаторъ, и самъ императоръ всегда при томъ находился. Цѣпь состояла изъ конногвардейскаго внутренняго караула. Мнѣ случилось стоять близь государя; между прочими пунктами приказа одинъ изъ нихъ начинался: „Л. г. Семеновскаго полка капитанъ Путиловъ назначается адъютантомъ къ его императорскому высочеству наслѣднику; л. г. Измайловскаго полка полковый адъютантъ Комаровской назначается къ его императорскому высочеству Константину Павловичу адъютантомъ съ чиномъ капитанъ-поручика“. Меня это такъ удивило, что я не зналъ что дѣлать; я почувствовалъ только, что императоръ слегка ударилъ меня по плечу и сказалъ: „что же ты, братъ, стоишь? Дѣло то, кажется, идетъ не о чужомъ“. Я взглянулъ на наслѣдника, онъ мнѣ сдѣлалъ знакъ глазами, чтобъ я благодарилъ; я тотчасъ сталъ на одно колѣно, и государь подалъ мнѣ руку поцѣловать. Я не могу изъяснить моей радости, въ особенности, когда вспомнилъ, что избавляюсь отъ всѣхъ, столь несносныхъ для меня, хлопотъ.

Мнѣ случилось быть свидѣтелемъ одной необыкновенной сцены: крѣпостный мальчикъ Семеновскаго полка подпоручика Лихачева донесъ Архарову, бывшему тогда вторымъ Петербургскимъ военнымъ губернаторомъ, что господинъ его и того же полка капитанъ И. И. Дмитріевъ посягаютъ на жизнь императора. Лихачева и Дмитріева посадили въ крѣпость, но по сдѣланному строгому изслѣдованію, доносъ оказался ложнымъ. Императоръ приказалъ ихъ обоихъ привесть въ ту комнату, гдѣ отдавались приказы, въ то время какъ въ ней всѣ находились. Государь публично объявилъ, что Лихачевъ и Дмитріевъ невинны и обращаясь ко всѣмъ бывшимъ въ приказной комнатѣ сказалъ: „Неужели я имѣю, господа, между вами измѣнниковъ?“ Тогда мгновенно всѣ закричали: „нѣтъ, государь!“ и бросились цѣловать его руки. Императоръ, этимъ общимъ порывомъ и изъявленіемъ вѣрности, былъ тронутъ до слезъ. По окончаніи этой сцены, государь пошелъ къ императрицѣ Маріи Ѳедоровнѣ и съ восторгомъ сказалъ ей: „теперь я увѣренъ, что крѣпко сижу на престолѣ; я сей часъ получилъ новую присягу!“..... разсказалъ ей всѣ подробности того что̀ происходило въ приказной комнатѣ (6).

Я узналъ, что наканунѣ того дня, въ который на разводѣ объявлено о моемъ производствѣ, въ комнатномъ собраніи государь подошелъ къ великимъ князьямъ и спросилъ у нихъ:

(6) Все это происшествіе подробнѣе изложено въ недавно изданныхъ Запискахъ И. И. Дмитріева, стр. 124—130; но Дмитріевъ и Лихачевъ содержались три дня не въ крѣпости, а въ домѣ воен. губернатора Архарова. Мальчикъ донесъ на нихъ въ надеждѣ получить за то увольненіе отъ крѣпостнаго состоянія. Послѣднихъ словъ императора, обращенныхъ къ имп. Маріи Ѳедоровнѣ, И. И Дмитріевъ не передаетъ.

„что вы, господа, не берете къ себѣ никого еще въ адъютанты?“ Они поклонились и ничего не отвѣчали. Лишь только государь отошелъ, наслѣдникъ спросилъ великаго князя Константина Павловича: «Ты доволенъ Комаровскимъ?» онъ отвѣчалъ: «доволенъ.» — «Сдѣлай же мнѣ одолженіе, продолжалъ наслѣдникъ, возьми его къ себѣ «въ адъютанты, а я возьму Путилова.» Государь подошелъ къ нимъ и сказалъ:» Что вы, господа, надумались «ли?» Тогда великіе князья просили уже о назначеніи къ нимъ въ адъютанты: наслѣдникъ—Путилова, а великій князь Константинъ Павловичь — меня и съ повышеніемъ чина, на что императоръ изъявивъ свое соизволеніе; слѣдовательно и въ этомъ случаѣ видна была ко мнѣ милость наслѣдника. Это повышеніе въ чинъ было для меня весьма выгодно, но обидно для моихъ товарищей, ибо я былъ изъ младшихъ поручиковъ. А. Н. Бахметевъ (7) былъ настоящимъ полковымъ адъютантомъ: когда меня произвели въ прапорщики, онъ отдавалъ о томъ въ приказѣ, а когда меня произвели въ капитанъ-поручики, онъ оставался въ прежнемъ чинѣ. Новая моя должность была гораздо покойнѣе прежней, а главное что ни за какія упущенія не подвергался отвѣтственности; мнѣ казалось, что императоръ Павелъ былъ ко мнѣ очень милостивъ.

Генваря 6-го 1797-го г., въ день Богоявленія Господня, былъ парадъ всѣмъ гвардейскимъ войскамъ для водосвятія и окропленія знаменъ и штандартовъ святою водою. Морозъ былъ въ 14 градусовъ при сильномъ вѣтрѣ. Іордань устроена была противъ сената; императоръ и оба великіе князья были верхомъ при войскахъ, а императрица, великія княгини и великія княжны шли пѣшкомъ изъ зимняго дворца на Іордань и обратно, и многіе отъ сего занемогли. При императорѣ Павлѣ поздравленія дѣлались всегда наканунѣ придворныхъ праздничныхъ дней, а какъ на другой день было рожденіе великой княжны Анны Павловны, то и приказано было съѣзжаться во дворецъ ввечеру того же числа. Началось поздравленіе; императоръ обыкновенно всѣмъ мущинамъ давалъ цѣловать руку свою; когда же пришла моя очередь, и я подошелъ къ нему, его величество, придержавъ мою руку, сказалъ съ веселымъ видомъ: „что, братъ, справился ли ты, все ли у тебя цѣло?“ Надобно было разумѣть: не отморозилъ ли ты чего; я отвѣчалъ: „я совершенно здоровъ“. Онъ это дѣлалъ съ немногими.

Наступило время приготовленія къ отъѣзду на коронацію; вся свита раздѣлена была на нѣсколько отрядовъ, но принадлежавшимъ къ великимъ князьямъ приказано было собраться въ Павловское, гдѣ находился и дворъ Тутъ я нашелъ комендантомъ и шефомъ Павловскаго гренадерскаго полка (полкъ этотъ составленъ былъ частію изъ Московскаго гренадерскаго и изъ другихъ полковъ) Ѳ. Ѳ. Вадковскаго, съ которымъ я былъ очень хорошо знакомъ, и котораго иначе не видалъ какъ сидѣвшаго цѣлые дни передъ каминомъ въ волтеровскихъ креслахъ: онъ служилъ камергеромъ при дворѣ (8), куда онъ никогда не ѣздилъ. Въ давнія времена онъ былъ любимцемъ императора Павла и былъ въ его свитѣ, когда его величество вояжировалъ подъ именемъ Сѣвернаго графа. Ѳ. Ѳ. самъ не могъ нади-

(7) Впослѣдствіи извѣстный генералъ.

(8) При дворѣ Екатерины II-й?

виться этой съ нимъ перемѣнѣ и сказалъ мнѣ: „я долженъ былъ принять что̀ мнѣ предложили; я его давно знаю, онъ шутить не любитъ, хотя я двадцать лѣтъ какъ оставилъ военную службу.“ За нѣсколько мѣсяцевъ передъ отъѣздомъ въ Москву на коронацію императоръ купилъ у графа Безбородки преогромный его домъ противъ Головинскаго сада и назвалъ его Слободскимъ дворцомъ. Приказано было пристроить двѣ большія по бокамъ деревянныя залы; этотъ дворецъ сгорѣлъ во время Французовъ. Отрядъ, въ которомъ я находился, пріѣхалъ въ Москву прежде двора; свита великаго князя Константина Павловича помѣщена была противъ Слободскаго дворца, въ старомъ сенатѣ, гдѣ назначено было мѣстопребываніе и для го высочества. По принятому обыкзеновенію императоръ становился въ Петровскомъ дворцѣ. Вся гвадія на этотъ случай отправлена была въ Москву; это правда, что она была тогда не многочисленна. Назначенъ былъ день вшествія въ Москву; въ церемонію наряжены были камергеры и камеръ-юнкеры; а такъ какъ было холодно, то и приказано было имъ имѣть супперроки, т. е. родъ широкихъ кафтановъ изъ пунцоваго бархата. Ничего не было смѣшнѣе какъ видѣть этихъ придворныхъ (привыкшихъ ходить по паркету, въ тонкихъ башмакахъ и шелковыхъ чулкахъ) верхомъ, Богъ знаетъ на какихъ лошадяхъ и на тѣхъ не умѣющихъ держаться и ими управлять: многихъ лошади завозили куда хотѣли, и отъ того эти царедворцы потеряли свои ряды и надѣлали большую конфузію. Въ особенности примѣчателенъ былъ графъ Хвостовъ, бывшій тогда камергеромъ. Императоръ остановился въ Кремлѣ для того только, чтобъ приложиться къ св. мощамъ и иконамъ, и, сѣвъ опять на лошадь, продолжалъ шествіе свое до Слободскаго дворца, куда прибыли уже какъ начало̀ смеркаться. Мимо государя прошли церемоніальнымъ маршемъ всѣ войска, бывшія въ строю. Надобно было посмотрѣть на несчастныхъ придворныхъ; нѣкоторыхъ изъ нихъ принуждены были снимать съ лошадей, такъ сказать, окостенѣвшими отъ холода.

Великій князь поручилъ мнѣ купить лошадей для своего сѣдла; я ѣздилъ по Англичанамъ, но ничего не могъ найти порядочнаго; мнѣ сказывали, что есть хорошія верховыя лошади у г. Гончарова, имѣвшаго славныя парусинную и бумажную фабрики. Узнавъ, гдѣ онъ живетъ, я къ нему поѣхалъ, но не засталъ его дома; жена же г. Гончарова просила меня къ ней выдти, что̀ я и исполнилъ; она меня приняла очень ласково, говорила мнѣ, что мужъ ея будетъ въ отчаяніи, что не случилось его дома, что онъ на другой день непремѣнно самъ ко мнѣ пріѣдетъ; просила только, чтобъ я сказалъ, гдѣ я живу, и въ которомъ часу онъ можетъ со мною видѣться, изъявляя желаніе у себя меня видѣть, пока дворъ останется въ Москвѣ. На другой день, чѣмъ свѣтъ, г. Гончаровъ былъ уже у меня, и мы вмѣстѣ поѣхали къ нему смотрѣть лошадей. Я нашелъ у него двухъ, очень хорошихъ статей, и сказалъ ему, что я долженъ показать ихъ великому князю Константину Павловичу; что я по приказанію его высочества ищу для него лошадей. Г. Гончаровъ обезпамятѣлъ отъ радости и сказалъ: „ахъ! какъ я былъ бы счастливъ, если бъ мои лошади понравились его высочеству, и удостоилъ меня великій князь принять ихъ!“ Я ему отвѣчалъ: „не думаю, чтобъ

великій князь принялъ лошадей вашихъ даромъ“. По возвращеніи во дворецъ я донесъ его высочеству, что я нашелъ двухъ лошадей, и спросилъ когда угодно будетъ ихъ видѣть, назвавъ и хозяйна оныхъ. Великій князь приказалъ привесть кошадей на другой день, но чтобъ отнюдь г. Гончарова тутъ не было. Я тотчасъ послалъ къ нему ѣздоваго съ запискою, прося его самому не безпокоиться: я узналъ послѣ, что Гончарова это очень огорчило. Одна изъ лошадей очень понравилась его высочеству, и онъ приказалъ мнѣ узнать о цѣнѣ; я ему доложилъ, что хозяинъ этой лошади денегъ не возметъ, а если угодно будетъ сдѣлать ему подарокъ. Великій князь приказалъ мнѣ отвезть къ нему табакерку съ бриллiантами, стоющую цѣну лошади. Гончаровъ былъ чрезвычайно радъ этому подарку и не переставалъ носить табакерку, хотя и не нюхалъ табаку, покуда всѣмъ знакомымъ оной не показалъ. Съ тѣхъ поръ Гончаровъ сдѣлался моимъ хорошимъ пріятелемъ.

Императоръ Павелъ назначилъ день своего коронованія въ Свѣтлое Христово Воскресеніе. Вся императорская фамилія говѣла на страстной недѣли и въ великій четвергъ должна была пріобщиться святыхъ тайнъ (кромѣ императора) въ церкви Спаса за золотой рѣшеткой. Обѣдня совершена была митрополитомъ Платономъ; я былъ дежурнымъ, находился въ церкви и былъ свидѣтелемъ зрѣлища, которое на всегда останется у меня въ памяти: пусть представятъ себѣ императрицу Марію Өеодоровну въ цвѣтѣ лѣтъ, великихъ княгинь Елизавету Алексѣевну и Анну Өеодоровну, великихъ княженъ: Александру Павловну, Елену Павловну, Марію Павловну и Екатерину Павловну, всѣхъ одѣтыхъ въ бѣлыхъ платьяхъ, и скажутъ, можно ли видѣть болѣе августѣйшихъ красавицъ вмѣстѣ соединенныхъ! Одинъ Платонъ умѣлъ достойно это изъяснить; когда растворились царскія двери и прежде нежели діаконъ вынесъ сосудъ, митрополитъ Платонъ вышелъ изъ алтаря и какъ будто пораженный блескомъ сихъ красавицъ, отступилъ назадъ, потомъ обратясь къ императору, сказалъ: „Всемилостивѣйшій государь! воззри на вертоградъ сей“ и повелъ рукою, показывая на предстоявшихъ; у императора примѣтны были слезы на глазахъ.

Коронація происходила обыкновеннымъ порядкомъ: императоръ короновалъ императрицу Марію Өеодоровну; но что было замѣчательно, во время причастія вошелъ въ алтарь, взялъ сосудъ и, какъ глава церкви, самъ причащался святыхъ тайнъ (9); потомъ, на тронѣ, прочелъ самъ фамильный актъ, имъ составленный, о порядкѣ наслѣдія на престолъ; актъ сей (10) повелѣлъ хранить въ серебренномъ ковчегѣ въ Успенскомъ Соборѣ.

Примѣчательно было, что на балѣ въ Грановитой палатѣ дамы были одѣты въ робахъ чернаго бархата съ преогромными фижмами; балъ открыла императрица Марія Өеодоровна съ княземъ Александромъ Борисовичемъ Куракинымъ, минуэтомъ, и прочія дамы ей послѣдовали.

Скоро послѣ коронаціи, императоръ восприялъ, съ обоими великими князьями, путешествіе въ Казань. Съ великимъ княземъ Константиномъ Павловичемъ поѣхалъ товарищъ мой Сафоновъ; онъ былъ капитаномъ Измай-

(9) Съ самаго 1728 г. не было коронованія *государя*.

(10) Онъ составленъ былъ домашнимъ образомъ еще въ 1787 году.

ловскаго полка. Кстати о Сафоновѣ, любопытно будетъ знать, какимъ образомъ онъ попалъ въ адъютанты къ великому князю Константину Павловичу. Сафоновъ, до восшествія на престолъ императора Павла, уже подалъ челобитную въ отставку и отправилъ большую часть своихъ пожитковъ въ деревню, а остался дожидаться перваго пути, чтобъ самому съ матерью туда же отправиться. Какъ сдѣлалась перемѣна въ правленіи, онъ просилъ меня, чтобъ его высочество исходатайствовалъ ему отставку; великій князь отвѣчалъ, чтобъ Сафоновъ сходилъ хоть одинъ разъ въ караулъ и если удачно, тогда его высочество удовлетворитъ его желанію. Между тѣмъ императоръ, проходя одинъ разъ мимо нашихъ офицеровъ, во время развода, замѣтилъ Сафонова, вѣроятно потому что онъ всѣхъ офицеровъ лицомъ былъ старообразнѣе, спросилъ о немъ у маіора нашего полка Кушелева и, когда узналъ его фамилію, еще разъ посмотрѣвъ на него пристально, пошелъ далѣе. Въ тотъ же день, послѣ обѣда, приходитъ камердинеръ отъ государя къ великому князю съ повелѣніемъ, чтобъ капитану-поручику Сафонову приказано было пріѣхать къ его величеству. Тотчасъ посланъ былъ ѣздовой въ полкъ, и Сафоновъ полумертвый является къ императору. Государь спрашиваетъ у него, не тѣхъ ли онъ Сафоновыхъ, которые въ родствѣ съ Гендриковыми? (1) Онъ отвѣчалъ: „Тѣхъ, государь". — „Такъ стало быть мы свои, продолжалъ императоръ, мнѣ нужно имѣть при великомъ князѣ Константинѣ Павловичѣ человѣка, пожилыхъ лѣтъ въ родѣ дядьки, который бы мнѣ доносилъ о всѣхъ дѣйствіяхъ его высочества и ничего бы отъ меня не скрывалъ; мнѣ кажется, я въ тебѣ нашелъ этого человѣка; я тебя назначаю адъютантомъ къ великому князю, но только именемъ". Сафоновъ не могъ опомниться отъ радости. Императоръ въ ту-жь минуту послалъ за великимъ княземъ, который чрезвычайно удивился, увидя Сафонова въ кабинетѣ императора. Государь, взявъ за руку его высочество, сказалъ: „Вотъ человѣкъ, которому я тебя поручаю, онъ хотя и адъютантъ твой, но ты долженъ видѣть въ немъ довѣренную мою особу." Потомъ всѣ вмѣстѣ пошли къ императрицѣ, и государь, входя къ ней съ веселымъ видомъ и держа Сафонова за руку, сказалъ: „J'ai trouvé l'homme que j'ai cherché pour Constantin (я нашелъ человѣка, котораго я искалъ для Константина Павловича). Императрица наговорила множество пріятныхъ вещей Сафонову. Я тогда былъ у великаго князя, и каково же было удивленіе мое, когда увидѣлъ его высочество идущаго съ Сафоновымъ, какъ съ равнымъ себѣ и обнявши его. Великій князь съ притворно-веселымъ лицемъ сказалъ мнѣ: „прошу имѣть почтеніе и уваженіе къ Павлу Андреевичу: онъ, хотя и имѣетъ званіе моего адъютанта, но онъ для меня гораздо болѣе этого званія!" Не долго Сафоновъ пользовался своимъ преимуществомъ; великій князь взялъ надъ нимъ такую поверхность, что онъ сдѣлался однимъ изъ первыхъ его льстецовъ и ни одного раза не смѣлъ доносить государю о поступкахъ его высочества.

По возвращеніи изъ Казани въ Петербургъ, императоръ назначилъ ве-

(1) Гр. Марѳа Симоновна Гендрикова (1727—1754), двоюродная сестра императрицы Елизаветы Петровны, была въ замужствѣ за каммергеромъ Михаиломъ Иванов Сафоновымъ. — Великому князю Константину Павловичу было тогда 18 лѣтъ отъ роду.

ликаго князя Константина Павловича главнымъ начальникомъ надъ I-мъ Кадетскимъ корпусомъ, по тому примѣру, вѣроятно, что отецъ его величества, императоръ Петръ III, былъ директоромъ онаго, въ царствованіе Елисаветы Петровны. Императрица Екатерина поручала сей корпусъ всегда начальству генерала, имѣвшаго военную репутацію, каковы были: графъ Ангальтъ, графъ де-Бальменъ и т. п. Послѣдній былъ въ ея царствованіе М. Л. Кутузовъ (12), котораго императоръ Павелъ назначилъ командиромъ войскъ, въ Финляндіи расположенныхъ, а на мѣсто его директоромъ Кадетскаго корпуса славнаго генерала графа Ферзена, который разбилъ и взялъ въ плѣнъ Костюшку. Великій князь поручилъ мнѣ письменныя дѣла, какъ по Кадетскому корпусу, такъ и по Измайловскому полку. Его высочество, всякій день, по утру въ 5 часовъ, ѣздилъ со мною въ корпусъ; ему пріятно было видѣть, какъ по барабану нѣсколько сотъ дѣтей вставали и одѣвались. Между тѣмъ поступало ко мнѣ множество бумагъ отъ графа Ферзена, по бывшимъ будто бы злоупотребленіямъ, генераломъ Кутузовымъ допущеннымъ: распродажи пустопорожнихъ мѣстъ, корпусу принадлежавшихъ и проч. Я замѣтилъ, что между сими двумя генералами была взаимная личная вражда, отъ зависти, можетъ быть, въ военномъ искусствѣ происходившая; мнѣ хотѣлось, чтобъ представленія графа Ферзена не сдѣлали вреда генералу Кутузову, ибо я зналъ строгость императора и, еслибъ сіи бумаги доведены были до свѣдѣнія его величества, то генералъ Кутузовъ непремѣнно бы пострадалъ. Я много разъ ѣздилъ къ графу Ферзену и старался склонять его къ нѣкоторому снисхожденію, но успѣть въ томъ не былъ въ состояніи. Наконецъ, выбравъ веселую минуту великаго князя, объяснилъ все его высочеству; онъ меня поблагодарилъ и приказалъ поѣхать къ графу Ферзену и сказать ему: что все что было сдѣлано въ управленіе генерала Кутузова корпусомъ, происходило въ царствованіе августѣйшей его бабки, и что его высочеству не угодно, чтобъ генералъ, служившій ея величеству съ честію, получилъ какую либо непріятность, а потому приказываетъ его превосходительству, чтобъ впредь на генерала Кутузова никакихъ представленій болѣе не дѣлать. Графу Ферзену это было очень не пріятно. Въ первый разъ, какъ я встрѣтился съ генераломъ Кутузовымъ во дворцѣ, онъ меня чрезвычайно благодарилъ: вѣроятно ему все было извѣстно.

Первый Кадетскій корпусъ былъ преобразованъ Бецкимъ, въ царствованіе императрицы Екатерины II-й. По штату положено быть 5-ти возрастамъ и въ каждомъ возрастѣ по 100 кадетъ; выпуски были черезъ 15 лѣтъ; впослѣдствіи сіе измѣнилось, и выпускали по успѣхамъ; но кадеты, во время нахожденія ихъ въ корпусѣ, никуда отпускаемы не были, и для того были казенныя лошади и кареты, въ которыхъ возили ихъ прогуливаться. Кадеты получали воспитаніе моральное и гимнастическое; для сего послѣдняго устроенъ былъ jeu de pommes, который и теперь существуетъ (13) Кадетъ учили волтижировать, ѣздить верхомъ, фехтовать и танцовать. Императоръ Павелъ, желая увеличить число кадетъ, приказалъ составить новый штатъ и уничтожить всѣ гимна-

(12) Славный впослѣдствіи князь Смоленскій.

(13) Писано въ 1830 г.

стическіе классы, даже и танцовальный, оставивъ фехтовальный и манежъ. Для составленія сего штата назначены были: генералъ-маіоръ Андреевскій, служившій въ корпусѣ, экономъ онаго, баронъ Ашъ и я. Мы нашли способъ прибавить 226 кадетъ, и такъ число оныхъ было 726, и вмѣсто возрастовъ, кадеты были раздѣлены на роты. Штатъ этотъ былъ конфирмованъ въ 1797 году, и я, 11-го августа того же года, произведенъ былъ въ гвардіи капитаны.

Изъ загородныхъ дворцовъ, доставшихся послѣ императрицы Екатерины императору Павлу, онъ любилъ Петергофъ, Царскаго же Села терпѣть не могъ. Проведя весенніе мѣсяцы въ 1798-мъ году въ Павловскѣ, императоръ, въ началѣ іюня, переѣхалъ со всѣмъ дворомъ въ Петергофъ, гдѣ квартировалъ кирасирскій ея величества полкъ; онымъ командовалъ Мих. Алексѣев. Обрѣзковъ. На время высочайшаго пребыванія въ Петергофѣ, великій князь Константинъ Павловичь назначенъ былъ военнымъ губернаторомъ, Обрѣзковъ комендантомъ, я плацъ-маіоромъ, а Измайловскаго полка адъютантъ Черепановъ ([14]) плацъ-адъютантомъ. Время было прежаркое. Однажды императоръ, встрѣтивъ меня, сказалъ. „Nous sommes ici comme en Afrique,“ (Здѣсь такъ жарко, какъ бываетъ въ Африкѣ). Тогда пріѣхали два брата императрицы Маріи, герцоги Фердинандъ и Александръ. Императоръ ѣзжалъ, всякое утро, верхомъ съ герцогами и съ обоими великими князьями; я бывалъ всегда въ свитѣ.

Скоро послѣ того постигло несчастіе многихъ придворныхъ, а особенно тѣхъ, къ коимъ императрица Марія была милостива. Въ числѣ ихъ были: графъ Н. П. Румянцевъ, которому велѣно было ѣхать въ чужіе края; шталмейстеръ князь Голицынъ сосланъ былъ въ Москву; князь А. Б. Куракинъ, бывшій генералъ-прокуроромъ, отставленъ, а на мѣсто его назначенъ Лопухинъ; генералъ адъютантъ А. И. Нелидовъ былъ любимцемъ и имѣлъ военный портфель — отставленъ, а на мѣсто его графъ Ливенъ; графъ Буксгевденъ, тесть Нелидова, былъ Петербургскимъ военнымъ губернаторомъ - отставленъ, а на мѣсто его графъ Паленъ; Нелединскій, былъ у принятія челобитенъ, отставленъ, а на мѣсто его Неплюевъ. Сіе несчастіе распространилось и на особъ, къ которымъ былъ милостивъ наслѣдникъ: князь А. Н. Голицынъ, находившійся при его высочествѣ камергеромъ, отставленъ и высланъ въ Москву.... Лопухинъ скоро послѣ того выдалъ свою дочь за сына Кутайсова, и тѣмъ составилась партія, которая не могла быть въ духѣ императрицы Маріи Ѳедоровны.

Должность великаго князя, какъ военнаго губернатора, была находиться при вечернемъ рапортѣ караульнаго офицера, подаваемомъ императору. Всякое воскресеніе были въ Петергофѣ балы, на которые приглашались иногда иностранные министры. Въ одно воскресеніе послѣ такого бала, который продолжался довольно долго, когда вся императорская фамилія вошла во внутреннія комнаты, императоръ со всѣми распрощался, въ томъ числѣ и съ великимъ княземъ Константиномъ Павловичемъ. Его высочество, возвратясь къ себѣ, сказалъ мнѣ: «Государь меня отпустилъ, прикажи подать мой кабріолетъ, я поѣду

([14]) Александръ Ѳедоровичь, бывшій прежде въ морской службѣ (см. выше, 228) Сестра его, Александра Ѳедоровна, мать поэта Баратынскаго.

погулять въ нижній садъ.» Черезъ полчаса послѣ отъѣзда великаго князя приходитъ графъ Ливенъ и спрашиваетъ у меня: «гдѣ его высочество?» говоря при томъ, что государь дожидается его, чтобъ принять рапортъ отъ караульнаго офицера. Я ему отвѣчалъ, что великій князь поѣхалъ въ садъ и что его высочество считаетъ, что государь его отпустилъ, но я тотчасъ пошлю отыскать великаго князя. Не прошло получаса, какъ графъ Ливенъ опять приходитъ и говоритъ мнѣ: «Скажите его высочеству, что государь на него очень гнѣвается, что онъ не знаетъ своей должности.» Лишь только графъ Ливенъ ушелъ, какъ посланный мой нашелъ великаго князя, и онъ, прискакавъ домой, торопливо спрашиваетъ меня: «ну, что сдѣлалось?» Я ему пересказалъ все что случилось въ его отсутствіе. Его высочество чрезвычайно огорчился: «пожалуйста пойди, узнай отъ караульнаго офицера.» Караульный офицеръ мнѣ сказалъ, что государь не принималъ его съ рапортомъ, ожидая все великаго князя, наконецъ приказалъ ему войти и принялъ рапортъ. На другой день рано по утру великій князь прислалъ за мной; я нашелъ его весьма встревоженнымъ. «Я цѣлую ночь почти не спалъ,» сказалъ мнѣ его высочество. Онъ тотчасъ рѣшился написать письмо къ государю, но оно возвращено было не распечатаннымъ. Послѣ того приходитъ Обрѣзковъ и говоритъ его высочеству: «государь знаетъ, что ваше высочество сегодня не здоровы, а потому приказалъ мнѣ подать при разводѣ рапортъ,» который великій князь принужденъ былъ ему отдать. Это довершило отчаяніе его высочества; но болѣе еще привело его въ затруднительное положеніе то, что императрица присылаетъ къ нему записку, въ которой приглашаетъ его съ собою прогуливаться въ колясочкѣ. Я не знаю что онъ отвѣчалъ на эту записку императрицы. Ходя долго по комнатѣ взадъ и впередъ, наконецъ онъ бросился ко мнѣ на шею и сказалъ: «Мнѣ пришла мысль, исполни ее: пойди сейчасъ къ И. П. Кутайсову, скажи ему все что со мною случилось, скажи ему въ какомъ я отчаяніи, и чтобъ онъ испросилъ у государя одной милости, чтобъ меня выслушать.» Кутайсовъ былъ боленъ и жилъ подъ самымъ государевымъ кабинетомъ, что у гауптвахты; лишь только я къ нему вошелъ, какъ онъ мнѣ говоритъ: «вы вѣрно пришли отъ великаго князя Константина Павловича? я все знаю. Какъ великому князю.... не исполнять своей обязанности, и тѣмъ приводить въ гнѣвъ своего отца и государя!» Такая встрѣча меня удивила; я ему на сіе сказалъ: «еслибъ его высочество былъ виноватъ, онъ не сталъ бы себя оправдывать, а его высочество прислалъ меня просить васъ, чтобъ вы испросили у государя одной только милости — его выслушать.»-«Хорошо, сударь, отвѣчалъ Кутайсовъ, я исполню волю его высочества.» Я пожалѣлъ великаго князя и не передалъ ему всего разговора, а сказалъ только, что И. П. обѣщалъ исполнить его волю. Чрезъ нѣсколько минутъ опять великій князь послалъ меня къ Кутайсову; лишь только я поравнялся съ гауптвахтою, какъ государь выходитъ отъ Кутайсова; увидя меня, прямо идетъ ко мнѣ на встрѣчу и, вертя своею тростью, грозно мнѣ сказалъ: «а ты посломъ идешь?» Я тотчасъ сталъ на колѣно и говорю ему: «государь! великій князь передъ вами не виноватъ!» Его такъ это удивило, что онъ, взявъ меня подъ руку,

пошелъ со мною по аллеѣ верхняго сада. Я объяснилъ государю, какъ великому князю показалось, что онъ его отпустилъ, и увѣрялъ въ привязанности великаго князя къ его величеству, не только какъ къ отцу, но и какъ къ государю; что онъ вѣрнѣйшаго подданнаго какъ великаго князя у себя не имѣетъ, и что гнѣвъ государя довелъ его высочество до отчаянія. «Какъ! онъ точно огорченъ?» прервалъ государь;—«онъ такъ огорченъ, продолжалъ я, что если это состояніе продолжится, то онъ навѣрно сдѣлается больнымъ!» Тогда государь началъ мнѣ разсказывать, что онъ считалъ на привязанность одного только великаго князя Константина Павловича, но наканунѣ сдѣланный имъ поступокъ заставилъ думать государя, что и онъ передался противной партіи... Наконецъ государь присовокупилъ: «ну! если я его прощу, что, онъ этому обрадуется?» Я ему отвѣчалъ: «Его высочество будетъ безъ памяти отъ радости, государь!» Тутъ онъ, принявъ веселый видъ, сказалъ изъ италіанской оперы: «Dite, lo voi perme [15]), что я его прощаю, чтобъ онъ послалъ взять рапортъ у Обрѣзкова и подалъ бы мнѣ оный при разводѣ, подошелъ бы какъ обыкновенно, не показывая ни малѣйшей радости, чтобъ никто не догадался о томъ что между нами происходило,» и приказалъ мнѣ идти. Великій князь ожидалъ меня съ нетерпѣніемъ и не могъ понять, отъ чего я такъ долго не возвращался; когда я ему разсказалъ что со мною случилось, онъ сначала не хотѣлъ вѣрить, но видя, что я ему говорю именемъ государя, какъ ему поступать должно во время развода, тутъ онъ бросился ко мнѣ на шею и началъ меня цѣловать и такъ крѣпко обнимать меня, что я думалъ, что онъ меня задушитъ. Когда великій князь подошелъ съ рапортомъ къ государю, его величество сказалъ ему: «ты имѣешь прекраснаго посланника». Съ тѣхъ поръ государь всякій день что нибудь пріятное мнѣ говорилъ.

Я выше сказалъ, что лѣто было прежаркое. Наслѣдникъ, великій князь Константинъ Павловичь, двое князей Чарторижскихъ, изъ коихъ одинъ былъ при великомъ князѣ Александрѣ Павловичѣ, а другой при Константинѣ Павловичѣ, графъ П. А. Строгановъ, князь Волконскій, адъютантъ наслѣдника, и я, всякій день ходили купаться въ Петергофскую купальню, и великій князь Александръ Павловичь училъ меня плавать. Одинъ разъ до того разшалились, что у гавани стоялъ пре высокій столбъ, на которомъ утвержденъ былъ фонарь для мореплавателей и преузенькая лѣстница вела къ фонарю: всякой долженъ былъ туда взлѣсть, чтобъ показать, что онъ нетрусъ, а столбъ былъ такъ ветхъ, что весь шатался. Все это лѣто много дѣлали рѣзвостей подобнаго рода.

Осенью того же года (1798) назначены были маневры въ Гатчинѣ; войска были раздѣлены на двѣ арміи: одною командовалъ графъ Паленъ, а другою Кутузовъ. Великій князь Константинъ Павловичь опять назначенъ былъ военнымъ губернаторомъ въ Гатчинѣ, генералъ-маіоръ Чертковъ, командиръ Преображенскаго полка, комендантомъ; тогоже полка полковникъ Цызыревъ плацъ-маіоромъ, а я плацъ-адъютантомъ. Въ Гатчинѣ жизнь была довольно пріятная: по утру маневры, а ввечеру всякій день французскій спектакль, на придворномъ театрѣ. Я особенно находилъ удовольствіе въ Гатчинской жизни, потому что у обоихъ

(15) Скажите, я вамъ позволяю.

великихъ князей была общая передняя, и я всякій день имѣлъ счастіе видѣть наслѣдника и съ нимъ говорить. Великій князь Константинъ Павловичь также обходился со мною весьма милостиво. 18-го Сентября я произведенъ въ полковники. Когда войска возвращались въ Петербургъ, у Пудоской мельницы, 28-го Сентября, Государь пожаловалъ меня кавалеромъ Аннепскаго ордена на шпагѣ, который былъ тогда третьяго класса. Я эту зиму былъ въ большой милости у великаго князя Константина Павловича, пользовался совершенною довѣренностію у его высочества, и обѣдалъ всякій день за столомъ съ нимъ и съ великою княгинею.

Между тѣмъ загорѣлась опять война у Австрійцевъ съ Французами, и на сей разъ Россія намѣрена была принять дѣятельное въ оной участіе. Императоръ Францъ, не находя видно между своими полководцами достойнаго противостоять французскимъ предводителямъ арміи, обратился къ союзнику своему, императору Павлу 1-му съ прозьбою дать ему въ главнокомандующіе его арміею никогда не побѣжденнаго графа Суворова Рымникскаго, жившаго тогда въ Новгородской своей деревнѣ, подъ присмотромъ капитанъ-исправника. Императоръ Павелъ изъявилъ свое согласіе на просьбу Франца II-го, посланъ былъ курьеръ за графомъ Суворовымъ. Фельдмаршалъ немедленно пріѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ онъ принятъ былъ публикою съ восторгомъ. Во второмъ свиданіи, императоръ, какъ уже гроссмейстеръ, надѣлъ на графа Суворова крестъ великаго бальи ордена св. Іоанна Іерусалимскаго. Фельдмаршалъ поклонился объ руку государю и сказалъ: «спаси, Господи, царя.» Императоръ, поднявъ его, обнялъ и отвѣчалъ: «Тебѣ царей спасать».

Чтобъ придать болѣе важности этой кампаніи и удовлетворить желанію великаго князя Константина Павловича, государю угодно было позволить его высочеству находиться волонтеромъ при графѣ Суворовѣ. Для сопровожденія великаго князя въ пути и для нахожденія въ арміи при его особѣ назначенъ былъ изъ лучшихъ генераловъ Екатерининскаго вѣка, генералъ отъ кавалеріи графъ Дерфельденъ.

Между тѣмъ собирались три Россійскія арміи на границѣ: 1-я подъ командою генералъ отъ инфантеріи Нумсена, долженствующая идти въ Италію; 2-я подъ командою генералъ-лейтенанта Германа въ Голландію. Графъ Суворовъ, пробывъ въ Петербургѣ съ недѣлю, отправился въ Вѣну.

БАРАТЫНСКІЙ И ЕГО СОЧИНЕНІЯ.

Евгеній Абрамовичь Баратынскій родился въ 1800 году, въ селѣ Марѣ, Кирсановскаго у. Тамбов. г. Отецъ его Абрамъ Андреевичь былъ генералъ-адъютантомъ Павла I., разсылавшаго его по инспекціямъ и разнымъ порученіямъ во всѣ концы Россіи, куда то и дѣло скакали въ то время вѣстники изъ Петербурга съ разными приказами и отказами по части военныхъ формъ, строеваго устава и другихъ т. п. дѣлъ. Генералъ Баратынскій имѣлъ впрочемъ и важныя порученія. Такъ напр. онъ былъ посланъ въ февралѣ 1797 года въ Тульчинъ къ Суворову, отставленному отъ службы. Разсказъ объ этой поѣздкѣ, написанный очевидцемъ, Александромъ Алексѣевичемъ Столыпинымъ, адъютантомъ фельдмаршала, говоритъ много въ пользу Баратынскаго-отца. Изъ этого разсказа видно, что онъ не былъ изъ числа тѣхъ исполнителей, у которыхъ „усердіе все превозмогаетъ“, даже чувства самыя священныя. Онъ сожалѣлъ о судьбѣ, по-

стигшей героя, и не въ силахъ былъ повидимому понять, что Суворовъ можетъ быть отставленъ отъ службы по наушничеству низкихъ интригановъ.

Поэтъ нашъ получилъ воспитаніе въ деревнѣ, въ домѣ родительскомъ, гдѣ за нимъ ходилъ долгое время дядька-итальянецъ. Потомъ поступилъ онъ въ пажескій корпусъ. Тутъ, на 15 или 16 году возраста, испыталъ онъ тотъ ударъ судьбы, который рѣшилъ его будущую участь и наложилъ уже съ отроческихъ лѣтъ на его характеръ печать задумчивости и грусти, которыми проникнуты всѣ его произведенія, выражавшія такъ вѣрно внутреннее настроеніе его души. Баратынскій потерпѣлъ гоненіе жестокое. Онъ и нѣсколько другихъ пажей были исключены изъ корпуса съ запрещеніемъ опредѣлять ихъ въ службу. Причиною тому были сношенія ихъ съ однимъ товарищемъ X., за которымъ они не замѣчали ничего дурнаго и не подозрѣвали, что этотъ юноша дѣлалъ самые низкіе поступки въ домѣ своего дяди, куда ходилъ по праздникамъ. Продѣлки этого негодяя открылись, и всѣ, бывшіе съ нимъ въ сношеніяхъ, пострадали изъ за мнимаго спасенія чести заведенія, гдѣ они воспитывались.

Баратынскій уѣхалъ въ Москву и пробылъ года два тамъ и отчасти въ Смоленской губерніи, у своего дяди. Его терзала мысль о тѣни нареканія, невольно падавшей на него. Онъ всячески старался найти средство заставить забыть постигшее его несчастіе, заслужить трудомъ то, что досталось бы ему такъ легко, если бы не поразилъ его нежданный ударъ судьбы. Онъ искалъ возможности вступить въ службу и наконецъ добился этого. Но какъ? Послѣ долгихъ усилій онъ получилъ разрѣшеніе поступить въ лейбъ-гвардіи егерскій полкъ *рядовымъ*, и отправился на службу въ Петербургъ.

Литературныя наклонности повидимому уже были въ то время отличительнымъ признакомъ характера Баратынскаго. Живя въ казармахъ, неся солдатскую службу, онъ сталъ однако заниматься стихотворствомъ. Но онъ писалъ тихонько, про себя и имѣлъ довольно долго только одного повѣреннаго своей тайны. Это былъ молодой поэтъ, лучшій и неизмѣнный до конца другъ его — баронъ Дельвигъ, къ которому онъ въ разное время написалъ столько превосходныхъ посланій, дѣлясь съ нимъ сокровеннѣйшими своими мыслями и чувствами.

Въ Петербургѣ жили тогда всѣ эти юноши, начавшіе такъ славно свое литературное поприще, которое потомъ было прервано у большей части изъ нихъ раннею смертію или жизненными невзгодами. Пушкинъ уже рѣзко отдѣлялся отъ своихъ сверстниковъ; геній его порывался впередъ, и передъ взмахомъ его молодыхъ крыльевъ съ удивленіемъ останавливались старшіе поэты, съ недоумѣніемъ или негодованіемъ переглядывались литературные аристархи. Возлѣ Пушкина читатели уже замѣчали Дельвига, Кюхельбекера, Бестужева, Плетнева, къ которымъ скоро должны были присоединиться Рылѣевъ, Корниловичъ, Языковъ, Туманскіе и пр. Кромѣ того уже начинала дѣйствовать въ литературѣ меньшая ихъ братія: Сомовъ, Илличевскій, Креницынъ и др.

Это молодое поколѣніе не имѣло еще самостоятельности и согласно требованіямъ времени примыкало къ центру, имѣвшему за себя авторитетъ дѣятелей, уже пользовавшихся тогда извѣстностью. Это было Вольное Общество Любителей Россійской Словесности, учрежденіе литературное и вмѣстѣ благотворительное. Тутъ главными лицами были нѣкоторые изъ стариковъ, какъ гр. С. П. Салтыковъ, гр. Д. И. Хвостовъ, Сергій Алексѣевичъ Тучковъ, и писатели болѣе молодые, но уже успѣвшіе пріобрѣсти вѣсъ въ литературѣ въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ: Крыловъ, Гнѣдичъ, Ѳ. Н. Глинка, Гречь, Лобановъ, А. Е. Измайловъ, Воейковъ. Затѣмъ дѣятельными членами его были люди, которыхъ даже самыя имена уже неизвѣстны теперь: Боровковъ, Никитинъ, братья Дуропы, Теряевъ и т. п., признанные быть до-

стойными спутниками свѣтилъ, если не первой величины, то по крайней мѣрѣ законной давности. Общество это, основанное 17 января 1816, стало съ 1818 года издавать свои „Труды“, въ которыхъ напечатано много первыхъ опытовъ названныхъ нами молодыхъ писателей, принятыхъ туда сперва въ качествѣ сотрудниковъ, а потомъ и членовъ. Они же участвовали и въ другомъ обществѣ: Любителей словесности, наукъ и художествъ, основанномъ въ Петербургѣ 15 іюля 1801 года, въ которомъ въ то время дѣйствовали отчасти тѣ же лица и органомъ котораго былъ журналъ Измайлова „Благонамѣренный“.

Баратынскій вскорѣ познакомился черезъ Дельвига съ этими молодыми писателями, но не выступалъ самъ на авторское поприще. Недовѣрчивость ли къ своимъ силамъ, отвращеніе ли отъ выставки передъ публикой своего имени, которое онъ хотѣлъ заявить только тогда, когда минуетъ его невзгода, но достовѣрно то, что онъ былъ насильно записанъ въ цехъ тогдашнихъ литераторовъ. Баратынскій самъ говаривалъ, что Дельвигъ напечаталъ первые его стихи безъ его вѣдома. Странно, что поэтъ считалъ свое посланіе къ Дельвигу, явившееся въ Августѣ 1819 года, въ „Сынѣ Отечества“, первымъ своимъ напечатаннымъ стихотвореніемъ. Между тѣмъ, не только въ „Сынѣ“ же „Отечества, недѣлею раньше, напечатано его посланіе къ Креницыну, но первые его опыты появились за нѣсколько мѣсяцевъ прежде. Благодаря тогдашнему обычаю выставлять въ концѣ каждой журнальной книжки число выхода ея, мы можемъ съ точностію опредѣлить день, въ который первый разъ явилось въ печати имя Баратынскаго. Это было 31 марта 1819 года, въ 6-ой книжкѣ „Благонамѣреннаго.“ Тамъ было оно выставлено подъ тремя пьесами: 1) „Къ Алинѣ“ 2) „Портретъ В.“ и 3) „Любовь и дружба.“ За ними уже слѣдуетъ по хронологическому порядку вышеупомянутое стихотвореніе въ „Сынѣ Отечества“.

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ появленія первыхъ его стихотвореній, онъ создалъ въ 1820 году нѣсколько превосходнѣйшихъ пьесъ: „Финляндію“, „Дельвигу“, „Свиданіе“, „Элегію: повѣрь мой милый другъ, страданье нужно намъ“ пр.

Измѣнчивая судьба, игравшая жизнію поэтовъ новаго поколѣнія, почти на всѣхъ изъ нихъ успѣла положить особую печать при самомъ началѣ ихъ поприща. Даже позднѣе, въ произведеніяхъ ихъ выходитъ наружу струя, когда-то постоянно вдохновлявшая ихъ и чрезъ много лѣтъ все таки не затерянная подъ приливами новыхъ обстоятельствъ и впечатлѣній. У всякаго изъ нихъ было своего рода изгнаніе, годы странствія, по большей части не добровольнаго, и мѣста этого изгнанія, съ особенностями ихъ природы и нравовъ, дѣлались для нихъ какъ бы новою, духовною родиной, о которой они всегда говорили послѣ съ какимъ то особымъ чувствомъ, не смотря на испытанныя тамъ невзгоды. Края эти невольно привлекали ихъ къ себѣ напоминаніемъ о томъ, что тамъ, далеко, стали они впервыя жить самостоятельно и узнали жизнь на самомъ дѣлѣ, съ ея радостями и благотворными страданіями. Судьба этихъ поэтовъ служитъ однимъ изъ признаковъ, характеризующихъ нашъ тревожный вѣкъ, въ которомъ такъ рѣдки существованія ровныя, тихія, однообразныя. Эта нравственная тревога должна была выразиться преимущественно на избранныхъ натурахъ вѣка. Прежде почти не знали этой кочевой жизни, не вдохновлялись чужими небесами, подъ которыми проходили годы ссылки и странствій. Напр. симпатія Державина или Дмитріева, на сколько они проявлялись при условіяхъ тогдашней поэзіи, принадлежали Волгѣ и ея берегамъ, мѣсту, гдѣ они вступили въ жизнь. Не отвергдѣ подобныхъ чувствъ въ новѣйшихъ поэтахъ, нельзя однако не сознаться, что у нихъ постоянно и безпрестанно прорываются мотивы, вдохновенные страническимъ періодомъ ихъ жизни, и что эти мотивы, эти края первые приходятъ вамъ на мысль, когда вы подумаете о ихъ поэтическомъ поприщѣ. У Пушкина

это степи Бессарабіи и роскошный край Тавриды; у Языкова—Дерптскій университетъ; у Лермонтова—величественныя вершины Кавказа; у Баратынскаго — угрюмыя скалы Финляндіи. Безъ этихъ впечатлѣній поэзія ихъ была бы лишена своей оригинальной физіономіи.

Баратынскій попалъ въ Финляндію по обязанностямъ своей солдатской службы. Осенью 1819 года его произвели въ унтеръ-офицеры, но не въ гвардію, а въ Нейшлотскій пѣхотный полкъ, стоявшій въ Фридрихсгамѣ. И вотъ поэтъ нашъ въ пустынномъ уголку сѣвера, окруженный дикими красотами природы, поразившей еще за нѣсколько лѣтъ другаго поэта, когда край этотъ оглушался громомъ кровавой войны. Природа Финляндіи, мрачная и унылая, запечатлѣнная поэзіею своего рода, должна была имѣть тайную аналогію съ господствующимъ настроеніемъ души Баратынскаго, которой цвѣтъ такъ рано сталъ блекнуть отъ бурь, насланныхъ на нее враждебнымъ рокомъ. Онъ сроднился съ нею скоро и воспѣлъ ей этотъ поэтическій гимнъ, гдѣ такъ чудно слились прелести описательной поэзіи съ выраженіемъ коренныхъ возрѣній и вѣрованій поэта.

Поэтъ въ Финляндіи не былъ однако совершенно одинъ съ своею поэтической грустію, питавшеюся созерцаніемъ окружавшей его природы. Онъ сохранилъ сношенія съ избранными друзьями, особенно съ безцѣннымъ Дельвигомъ; встрѣтилъ и въ Финляндіи участіе умныхъ и добрыхъ людей. Посланіе его къ своему полковому командиру, храброму полковнику Лутковскому свидѣтельствуетъ о томъ, что отношенія его къ нему были дружескія, что онъ нашелъ въ немъ и сочувствіе и привѣтъ. Другой сослуживецъ сталъ его другомъ на всю жизнь: это былъ ротный его командиръ Никол. Михаил. Коншинъ, стихотворецъ и литераторъ. Такія связи не могли не услаждать тяжелыхъ минутъ, которыя ему приходилось переживать подъ гнетомъ грустныхъ обстоятельствъ жизни, вдали отъ прежнихъ друзей и близкихъ ему интересовъ.

Весною 1821 года Баратынскій прибылъ въ Петербургъ вмѣстѣ съ своимъ полкомъ, который пришелъ туда для занятія карауловъ на время пребыванія гвардіи въ лагерѣ. Поэтъ нашъ поселился вмѣстѣ съ Дельвигомъ; они жили въ кругу общихъ друзей: Эртеля, Плетнева, Коншина, кн. Эристова, Болтина, и пр. Жизнь ихъ была веселая, безпечная, оживленная дружескими бесѣдами, юношескими похожденіями, поэтическими подробностями, сохраненными въ стихотвореніяхъ, по большей части рукописныхъ, въ которыхъ такъ ярко блестятъ радужныя цвѣта, облекающія собою и незначительныя событія, когда они порождены молодостію, искренностію и изяществомъ чувствъ и мыслей ([1]). Баратынскій считалъ это время едва ли не лучшимъ въ своей юности.

Осенью Баратынскій отправился съ полкомъ обратно въ Финляндію и сталъ жить въ Роченсальмѣ, гдѣ расположился Нейшлотскій полкъ. Литературная репутація его была окончательно установлена многими прелестными стихотвореніями, изъ которыхъ особенно прославились «Пиры,» гдѣ кипитъ такъ много жизни и силы, не исключающей однако обычнаго поэту чувства грусти, искренней и привлекательной для душъ, настроенныхъ на поэтическій ладъ ([2]). Лѣтомъ 1822 года Баратынскаго посѣтили Петербургскіе друзья: Дельвигъ, Эртель и Павлищевъ (шуринъ Пушкина). Тутъ

([1]) Сл Р. Арх. 1863, изд. 2-е, стр. 983. *П. Б.*

([2]) „Пиры" были читаны 28 Февраля 1821 года въ Вольномъ О. Л. Р. С., котораго вскорѣ Баратынскій и былъ избранъ членомъ, пробывши два года его сотрудникомъ. Они напечатаны въ Трудахъ Общества. Въ засѣданіи, „Пиры" были читаны Гнѣдичемъ, пользовавшимся репутаціей отличнаго декламатора. Онъ былъ, какъ извѣстно, кривъ, и произнеся первые два стиха:

„Друзья мои, я видѣлъ свѣтъ,
На все взглянулъ я вѣрнымъ окомъ",

Гнѣдичь остановился и посмотрѣлъ вокругъ себя. При такомъ контрастѣ слушатели не могли не разсмѣяться.

припомнили они Петербургское житье. Затѣмъ жизнь поэта шла по прежнему. Съ 1823 года онъ сдѣлался однимъ изъ усерднѣйшихъ вкладчиковъ "Полярной Звѣзды", войдя въ сношенія по литературѣ съ Рылѣевымъ и Бестужевымъ. Имя его стояло однимъ изъ первыхъ въ спискѣ корифеевъ нашей поэзіи, и многіе читатели его изящныхъ произведеній не могли себѣ представить, что они обязаны эстетическимъ наслажденіемъ Нейшлотскому унтеръ-офицеру, находящемуся на стоянкѣ въ Роченсальмѣ.

Въ 1824 году генералъ губернаторомъ Финляндіи былъ назначенъ (гр.) А. А. Закревскій. Въ числѣ его адъютантовъ былъ Н. В. Путята, любитель литературы и пріятель многихъ друзей Баратынскаго, которые совѣтовали ему познакомиться ближе съ Баратынскимъ, когда онъ вмѣстѣ съ своимъ генераломъ пріѣдетъ въ Финляндію. Н. В. Путята увидѣлъ въ первый разъ поэта стоящимъ въ строю, въ знаменномъ ряду, когда шелъ за А. А. Закревскимъ по фронту Нейшлотскаго полка, которому генералъ дѣлалъ смотръ. Послѣ смотра онъ отыскалъ Баратынскаго, передалъ ему поклоны общихъ друзей и звалъ его къ себѣ. Поэтъ явился вскорѣ на это приглашеніе, не засталъ дома Н. В. Путяту и оставилъ ему записку, съ которой и начинаются ихъ письменныя сношенія. Въ самомъ скоромъ времени они уже были въ тѣсной дружбѣ, а много лѣтъ спустя въ родственныхъ связяхъ по женамъ ихъ, которыя родныя сестры.

А. А. Закревскій заинтересовался судьбой Баратынскаго, въ которомъ принимали теплое участіе адъютанты его Н. В. Путята и Александръ Алексѣевичь Мухановъ. Онъ прикомандировалъ его къ штабу, что дало ему возможность жить въ Гельсингфорсѣ, гдѣ разумѣется было болѣе удобствъ къ жизни чѣмъ въ другихъ городахъ. Унтеръ-офицеръ сдѣлался вскорѣ близкимъ, своимъ въ оживленномъ и веселомъ домѣ генералъ-губернатора; письма Баратынскаго свидѣтельствуютъ, что онъ всегда хранилъ признательное воспоминаніе о покровительствѣ главнаго начальника края, которому былъ обязанъ переводомъ въ Гельсингфорсъ, отпускомъ въ Москву въ 1825 году, наконецъ производствомъ въ томъ же году въ офицеры, которое стоило А. А. Закревскому большихъ хлопотъ. Наконецъ цѣль Баратынскаго, послѣ 8 лѣтней службы въ нижнихъ чинахъ, была достигнута. Онъ прислалъ изъ Москвы просьбу объ отставкѣ и былъ уволенъ отъ службы ([3]).

Баратынскій поселился въ Москвѣ и въ 1826 году женился на старшей дочери Л. Н. Энгельгарда, котораго прямодушныя, искреннія и любопытныя „Записки" конечно извѣстны читателямъ.

Литературная дѣятельность Баратынскаго не ослабѣвала. Онъ помѣщалъ много стихотвореній въ журналахъ и альманахахъ, особенно въ Сѣверныхъ Цвѣтахъ друга своего Дельвига. Къ длинной эпохѣ жизни съ 1826 по 1843 годъ, проведенной въ Москвѣ и въ деревнѣ, относятся появленія: Эды (1826), 1-го изданія его стихотвореній (1827), Бала (1828) и всѣхъ прочихъ отдѣльныхъ изданій его произведеній. Тутъ достигъ онъ скоро апогея своей славы, при появленіи трехъ названныхъ книгъ. «Эда» — любимое чадо его фантазіи, созданная еще въ Финляндіи, гдѣ происходитъ дѣйствіе поэмы, прежде всего приходитъ на память, когда слышится имя Баратынскаго. Почти у каждаго поэта есть такое произведеніе: у Байрона это Чайльдъ Гарольдъ; у Расина — Федра; у Лермонтова — Демонъ, у Корнеля — Сидъ, у Гете — Фаустъ. Не дѣлая никакихъ сравненій, можно сказать, что такую же роль играетъ у Баратынскаго Эда, живая картина невинной и обманутой любви, обставленная ландшафтами, такъ грустно, но обаятельно подѣйство-

([3]) Покойный И. В. Кирѣевскій передавалъ намъ для прочтенія большое письмо Е. А. Баратынскаго къ В. А. Жуковскому съ изложеніемъ судьбы своей, и письмо В. А. Жуковскаго къ кн. А. Н. Голицыну съ просьбою исходатайствовать помилованіе поэту. Цѣлы ли эти любопытныя и важныя письма? *П. Б.*

вавшими на поэта и оставившими въ немъ навсегда неизгладимое впечатлѣніе. Въ Эдѣ Баратынскій вполнѣ въ своей сферѣ; онъ описываетъ Финляндію и предается своимъ завѣтнымъ думамъ по поводу событія, напоминающаго скоротечность земныхъ утѣхъ, заставляющихъ его душу невольно двоиться анализомъ испытываемаго чувства въ самую минуту когда ихъ вкушаютъ. Двѣ другія его большія поэмы "Балъ„ (1828) и "Наложница„ (1831), къ которой было приложено прекрасное предисловіе о нравственности въ поэзіи, несравненно выше "Эды» по созданію характеровъ, глубинѣ мысли, жизненному опыту, наблюдательности и художественной отдѣлкѣ частей; но «Эда„ все таки остается лучшимъ образцомъ поэзіи Баратынскаго.

Первое собраніе мелкихъ стихотворерій Баратынскаго дало его мѣрку какъ элегическаго поэта и вообще лирика. Оно представило возможность оцѣнить всю прелесть его цѣломудренной Музы. Онъ издалъ эту книжку на рубежѣ новой жизни, которая открылась ему съ его супружествомъ. Онъ нашелъ наконецъ послѣ бурь мирную пристань, вѣрное убѣжище; но не съ тѣмъ, чтобы предаться умомъ и душой бездѣйствію. Мысль и движенія сердца не могли перестать шевелить думы поэта и изливаться въ гармоніи его стиховъ. Но онъ чувствовалъ, что цѣлая сторона земной жизни имъ разгадана, что цѣль ея достигнута и встрѣтилъ хоть съ этой стороны успокоеніе, сознаніе котораго внушило ему торжественный гимнъ любви и умиленія: *Судьбой наложенныя цѣпи.* (См. стих. его, изд. 1835, I, 189).

Изъ лирическихъ пьесъ Баратынскаго болѣе всего прославились его элегіи, эти болѣзненные откровенія души нѣжной, впечатлительной, способной анализировать самые тонкіе оттѣнки даже мимолетнаго чувства и извлекать изъ такого анализа мысль, часто ведущую поэта къ глубокимъ и вдохновеннымъ соображеніямъ объ общей судьбѣ ума и души человѣка. Элегіи эти по большей части вылились у него въ формѣ исповѣди, высказываемой любимой когда то женщинѣ или сочувствующему другу. Напомню здѣсь его «Разувѣреніе»; хотя есть у него и другія пьесы, заключающія въ себѣ мысль болѣе глубокую и общую, но эта элегія до того вѣрна натурѣ поэта, такъ сжато выражаетъ одно изъ господствующихъ въ немъ чувствъ, такъ типически воспроизводитъ процессъ его анализа и самую манеру его созданій, что она представляетъ какъ бы необходимый конспектъ его элегической поэзіи.

Не вникнувшій въ эту превосходную пьесу читатель увидитъ, можетъ быть, въ ней не болѣе какъ обыкновенную элегію, подобную множеству другихъ. Сотни поэтовъ перепѣли потомъ эту тему на всѣ лады. Но сравните ихъ серьозно и внимательно, и вы увидите, что мотивъ Баратынскаго полный и своебытный, а подражатели его разработывали только тотъ или другой его кадансъ. Это исторія Россини и его учениковъ. Нашъ славный Глинка превосходно понялъ значеніе этой элегіи Баратынскаго, избравши именно ее, чтобы создать на ея слова геніальную музыку, которая такъ удивительно гармонируетъ со стихами.

Необходимой конецъ земныхъ страданій—смерть, внушаетъ поэту безпрестанно тѣ глубокія размышленія, которыя присущи пытливому духу. Одна сторона ихъ выражена Баратынскимъ въ знаменитомъ по справедливости стихотвореніи "Черепъ» (стр. 186).

Но поэтически-религіозной душѣ поэта было противно видѣть въ смерти одно лишь тлѣніе, одну мертвящую сердце мысль о концѣ концовъ для всего живущаго. Онъ видѣлъ въ ней необходимое условіе вѣчной, обновляющейся жизни духа и природы: „Тебя изъ тьмы не изведу я„ (стр. 76).

Одно изъ самыхъ основныхъ вѣрованій поэта было убѣжденіе, что безпрестанное мышленіе, которому предается современный человѣкъ, вредитъ наслажденію чувствами, искусствомъ, красотами природы. Оно двоитъ духъ въ минуты высочайшаго блаженства, заставляя одну половину его наблюдать за другою без-

прерывно, колеблетъ его вѣрованія и такимъ образомъ лишаетъ его того счастія, которымъ онъ такъ полно упивался въ золотой вѣкъ и въ эпохи болѣе непосредственнаго существованія человѣчества. "Примѣты», "Послѣдній поэтъ„ и другія пьесы выражаютъ исключительно такое убѣжденіе, которое разлито и въ другихъ его твореніяхъ. Оно развилось потомъ вообще въ нашей поэзіи, но Баратынскій первый произнесъ его, покрайней мѣрѣ въ его полнотѣ и послѣдовательности. Нѣкоторые не призванные судьи находили на этомъ основаніи, что странно называть "поэтомъ мысли„ человѣка, сожалѣющаго о ея господствѣ въ нашемъ вѣкѣ. Одинъ изъ строгихъ цѣнителей Баратынскаго, Бѣлинскій самъ лучше всѣхъ опровергъ такое мнѣніе, сказавши, что одно такое убѣжденіе, хотя бы одностороннее, уже доказываетъ, что Баратынскій былъ мыслитель, и что мысль, хотя бы и для того чтобы вызвать себѣ противодѣйствіе, была ему неотступно присуща и вдохновляла звуки его лиры.

Посланія Баратынскаго иногда тѣ же элегіи и отличаются отъ нихъ тогда только нѣкоторыми частными подробностями. Другія изъ нихъ любезные комплименты, увлекательные прелестью стихотворства. Наконецъ третьи, какъ два посланія къ Гнѣдичу и эпистолы къ Богдановичу и дядькѣ-италіанцу, напоминаютъ блестящія произведенія въ этомъ родѣ Вольтера, І. Шенье, Делавиня и другихъ мастеровъ Французской школы «здраваго смысла». Но замѣтимъ, что эти полу-сатирическія, полу-философскія „рѣчи въ стихахъ "рѣже впадаютъ у Баратынскаго въ резонерство, столь несвойственное Русскому духу и что въ нихъ живѣе пробивается поэтическая струя, чѣмъ у его учителей.

Изъ антологическихъ стихотвореній Баратынскаго нѣкоторыя также приближаются къ тону элегіи, другія же вызываютъ кромѣ того удивительное пониманіе древняго міросозерцанія. Стихи его иногда не уступаютъ строфамъ Жуковскаго въ его дивныхъ переложеніяхъ античныхъ пьесъ Шиллера. Кто кромѣ него, казалось бы, могъ говорить такими звуками:

„Человѣку непокорно
„Море синее одно:
„И свободно, и просторно,
„И привѣтливо оно;
„И лица не измѣнило
„Съ дня, въ который Аполлонъ
„Поднялъ вѣчное свѣтило
„Въ первый разъ на небосклонъ.

Эпиграммы Баратынскаго имѣютъ особенный, совершенно оригинальный характеръ. Это не палочныя (какъ тогда говорили) эпиграммы ухарскихъ стихотворцевъ; въ нихъ видны не львиныя когти Пушкина, не желчь Писарева, не тонкая, быстрая насмѣшка кн. Вяземскаго. Читая ихъ, вы не присутствуете при мгновенномъ ужаленіи пчелы, а скорѣе наблюдаете за процессомъ высасыванія ею тончайшаго матеріала, смѣшнаго или жалкаго, накопляемаго ею изъ существенности, если только такого рода существенность можно сравнить съ цвѣткомъ. Для усвоенія себѣ всей тонкости такой аттической насмѣшки нужно чрезвычайно развитое эстетическое чувство. Пушкинъ находилъ эпиграммы Баратынскаго самыми страшными. Обыкновенная эпиграмма, по его мнѣнію «скоро старѣетъ и живѣе дѣйствуя въ первую минуту, какъ и всякое острое слово, теряетъ всю свою силу при повтореніи. Напротивъ съ эпиграммами Баратынскаго, сатирическая мысль пріемлетъ оборотъ то сказочный, то драматическій, и улыбнувшись ей, какъ острому слову, съ наслажденіемъ перечитываешь ее, какъ произведеніе искусства„.

Говоря о мелкихъ пьесахъ Баратынскаго, нельзя не напомнить о той изъ нихъ, которая есть живой портретъ его оригинальной Музы.

Не ослѣпленъ я Музою моею:
Красавицей ее не назовутъ,
И юноши, узрѣвъ ее, за нею
Влюбленною толпой не побѣгутъ.

Приманивать изысканнымъ уборомъ,
Игрою глазъ, блестящимъ разговоромъ,
Ни склонности у ней, ни дара нѣтъ;
Но пораженъ бываетъ мелькомъ свѣтъ
Ея лица необщимъ выраженьемъ,
Ея рѣчей спокойной простотой:
И онъ, скорѣе чѣмъ ѣдкимъ осужденьемъ,
Ее почтитъ небрежной похвалой.

Да, у этой Музы было въ лицѣ „необщее“ выраженье, и потому она переживетъ въ потомствѣ многихъ, къ которымъ свѣтъ будетъ по временамъ выражать свою скоропреходящую благосклонность. Она уже испытала равнодушіе не только толпы, но и людей, достойныхъ быть ея цѣнителями. Но развѣ Муза Пушкина не испытала той же участи, именно въ то время, когда красота ея стала вполнѣ ослѣпительна? Жизнь потребовала другаго, толчекъ былъ данъ въ иную сторону, и забылись вдохновенія, плѣнявшія сердца еще такъ недавно. Въ тридцатыхъ годахъ Баратынскій уже былъ оставленъ публикой, хотя и написалъ великолѣпную оду „На смерть Гете.“ Сдавленныя силы общества искали исхода и стремительно бросались на явленія, свидѣтельствовавшія о томъ, что жизненный духъ, когда то вѣявшій надъ нимъ вмѣстѣ съ поэтическими гимнами, не совсѣмъ подавленъ, а напротивъ занятъ внутренней работой, готовящей условія будущаго обновленія. Прозаическія литературныя формы сдѣлались господствующими, какъ болѣе удобныя для выраженія этихъ законныхъ стремленій. Гоголь сдѣлался представителемъ литературы. Прежніе дѣятели, пережившіе другаго рода молодость, разочарованные въ ея надеждахъ, рѣдѣли со дня на день, удаляясь отъ литературныхъ торжищъ, основанныхъ тогда и наполненныхъ людьми, которымъ при новыхъ условіяхъ, какъ ни были они впрочемъ неблаготворны, сдѣлалось однако легче чѣмъ прежде поднять голосъ среди провозглашенной недавно литературной анархіи. Баратынскій по литературнымъ преданіямъ и убѣжденіямъ своимъ не могъ не удалиться, какъ Ахиллъ въ свой шатеръ, въ тѣсный кругъ оставшихся друзей и въ міръ дорогихъ воспоминаній. Онъ оплакалъ Дельвига и Пушкина и допѣвалъ самыя гармоническія, самыя задушевныя пѣсни свои для немногихъ, чувствуя свое одиночество, грустно думая, что онъ „звѣзда разрозненной плеяды“, какъ онъ называлъ себя, посылая издалека братскій привѣтъ ветерану нашей поэзіи, князю Вяземскому. Стихамъ этимъ, принадлежащимъ къ тѣмъ, которыхъ тайна теперь потеряна, сочувствовали немногіе, сохранившіе преданіе прошлаго, умѣвшіе не потерять чувства красотъ поэзіи, не смотря на то что усвоили себѣ новые элементы духовнаго развитія общества. Когда въ 1842 года вышла книжка „Сумерекъ“ Баратынскаго, она произвела впечатлѣніе привидѣнія, явившагося среди удивленныхъ и недоумѣвающихъ лицъ, не умѣющихъ дать себѣ отчета въ томъ, какая это тѣнь и чего она хочетъ отъ потомковъ!

Намъ остается сказать нѣсколько словъ о послѣднемъ времени жизни Баратынскаго. Въ 1843 году онъ уѣхалъ черезъ Петербургъ, давно имъ покинутый, за границу, отчасти для разсѣянія и знакомства съ чужими краями, отчасти для здоровья своей жены. Зиму провелъ онъ въ Парижѣ, гдѣ сошелся со многими изъ лучшихъ людей литературы и науки, для которыхъ самъ перевелъ на Французскій языкъ нѣсколько своихъ стихотвореній. Заграничныя письма его очень замѣчательны. Когда наступала весна, непреодолимое влеченіе провести ее среди роскошной природы Италіи овладѣло Баратынскимъ. Онъ сѣлъ на пароходъ въ Марсели и поплылъ въ Ливорно. Это плаваніе вдохновило ему стихи, составляющіе по прелести описанія и по своей пластичности одинъ изъ лучшихъ перловъ Русской поэзіи („Пироскафъ“).

Баратынскій поселился близъ Неаполя и, переносясь мысленно въ края хо-

лодной родины изъ подъ лазореваго неба Италіи, написалъ тамъ безподобное посланіе къ дядькѣ-италіянцу, съ которымъ свела его судьба въ его младенчествѣ. "Дядькѣ-итальянцу" это были послѣдніе стихи, посланные имъ въ Россію для печати. Часъ его пробилъ. 28 Іюня 1844 вечеромъ, болѣзненный припадокъ жены такъ его встревожилъ, что онъ самъ слегъ въ постель. На другой день, 29 Іюня, его уже не было въ живыхъ. Отлетѣла внезапно отъ здѣшняго міра душа возвышенная, и кончилось поприще поэтическаго таланта, истиннаго и глубокаго.

Прахъ Баратынскаго покоится въ Невской Лаврѣ.

Москва 5-го декабря 1860 г.

Михаилъ Лонгиновъ.

ПИСЬМА Е. А. БАРАТЫНСКАГО КЪ Н. В. ПУТЯТѢ (*)

1824—1844.

I.

Весною 1824-го года, Финляндскій генералъ-губернаторъ А. А. Закревскій дѣлалъ инспекторскій смотръ нѣкоторымъ войскамъ, расположеннымъ въ Финляндіи, и въ томъ числѣ Нейшлотскому пѣхотному полку, въ которомъ Е. А. Баратынскій служилъ въ это время унтеръ-офицеромъ. Смотръ происходилъ близь г. Вильманстранда, на берегахъ пустыннаго озера. Я шелъ вдоль строя за генераломъ Закревскимъ (у коего былъ адъютантомъ) когда мнѣ указали Баратынскаго. Онъ стоялъ въ знаменныхъ рядахъ. Баратынскій родился съ вѣкомъ, слѣдовательно ему было тогда 24 года. Онъ былъ худощавъ, блѣденъ, и черты его выражали глубокое уныніе. Въ продолженіи смотра я съ нимъ познакомился и разговаривалъ о его Петербургскихъ пріятеляхъ. Послѣ онъ заходилъ ко мнѣ, но не засталъ меня дома и оставилъ прилагаемую записку.

25-го Мая 1824 г.

Баратынскій былъ у васъ, желая засвидѣтельствовать вамъ свое почтеніе и благодарить за участіе, которое вы такъ благородно принимаете въ немъ и въ судьбѣ его. Когда лучшая участь дастъ ему право на болѣе короткое знакомство съ вами, чувство признательности послужитъ ему предлогомъ рѣшительно напрашиваться на ваше доброе расположеніе; а покуда онъ остается вашимъ покорнѣйшимъ слугою.

II.

Нейшлотскій полкъ, по окончаніи смотра и ученій, возвратился въ укрѣпленіе Кюмень и окрестности, гдѣ имѣлъ постоянное квартированіе. Баратынскій жилъ тутъ вмѣстѣ съ своимъ полковымъ командиромъ Лутковскимъ, который очень его любилъ. Полковникъ Лутковскій былъ отлично храбрый офицеръ, доброй и простой души человѣкъ; онъ

(*) Письма эти предназначены для полнаго собранія сочиненій и переписки Е. А. Баратынскаго, которое предпринято старшимъ его сыномъ Львомъ Евгеніевичемъ и появленіе котораго обрадуетъ всѣхъ любителей и изслѣдователей нашей изящной словесности. Приносимъ живѣйшую благодарность *Николаю Васильевичу Путятѣ* за дозволеніе предварительно помѣстить въ нашемъ изданіи письма къ нему Е. А. Баратынскаго. Къ письмамъ присоединены примѣчанія Н. В. Путяты, обозначающія время, мѣстность и обстоятельства, въ которыхъ письма писаны. Такимъ образомъ и письма, и примѣчанія представляютъ собою нѣсколько подлинныхъ чертъ для біографіи Баратынскаго. *П. Б.*

убитъ или умеръ, не помню на вѣрное, во время Польской войны. Въ сочиненіяхъ Баратынскаго находится къ нему посланіе. — Осенью 1824 г. я увѣдомилъ Баратынскаго, что генералъ Закревскій позволяетъ ему пріѣхать въ Гельзингфорсъ и находиться при корпусномъ штабѣ; вмѣстѣ съ тѣмъ я приглашалъ его остановиться у меня. Слѣдующее письмо есть отвѣтъ на мое приглашеніе.

Получилъ я письмо ваше и не умѣю иначе благодарить васъ за благосклонное ваше предложеніе, какъ принимая его съ живѣйшею благодарностью. Меня точно бы пугала ваша столица, ежели бъ вы не подавали мнѣ надежды найти въ васъ наставника и защитника. Впрочемъ, что бы меня ни ожидало въ Гельзингфорсѣ, случай, доставляющій мнѣ удовольствіе провести нѣсколько дней съ вами и утвердить столько же для меня лестное, сколько пріятное знакомство, я почитаю очень счастливымъ случаемъ въ моей жизни.

III и IV.

Скоро потомъ Баратынскій къ намъ пріѣхалъ, прожилъ со мною въ Гельзингфорсѣ нѣсколько мѣсяцевъ, и мы тѣсно подружились. Онъ написалъ въ это время Бурю, Черепъ (напечатанъ въ первый разъ подъ заглавіемъ Могила), Аврорѣ Ш....... (Аврорѣ Карловнѣ Шернваль, бывшей за мужемъ за П. Н. Демидовымъ и потомъ за А. Н. Карамзинымъ), и нѣкоторыя другія пьесы. Началъ тогда же писать Эду.

Въ началѣ Февраля 1825-го года, я уѣхалъ въ Петербургъ, а оттуда въ Москву, гдѣ и получилъ два слѣдующихъ письма отъ Баратынскаго, возвратившагося въ это время въ Кюмень. Онъ послалъ со мною письмо къ В. К. Кюхельбекеру и нѣсколько стихотвореній для напечатанія.

Февраль 1825-го г.

Въ шумной Москвѣ ты не забылъ Финляндскаго отшельника, милый Путята, спасибо тебѣ: да благо ти будетъ и долголѣтенъ будеши на земли. Жаль мнѣ, что ты не засталъ Кюхельбекера: онъ человѣкъ занимательный по многимъ отношеніямъ и рано или поздно въ родѣ Руссо очень будетъ замѣтенъ между нашими писателями. Онъ съ большими дарованьями, и характеръ его очень сходенъ съ характеромъ Женевскаго чудака: та же чувствительность и недовѣрчивость, то же безпокойное самолюбіе, влекущее къ неумѣреннымъ мнѣніямъ, дабы отличиться особеннымъ образомъ мыслей; и порою та же восторженная любовь къ правдѣ, къ добру, къ прекрасному, которой онъ все готовъ принести въ жертву; человѣкъ вмѣстѣ достойный уваженія и сожалѣнія, рожденный для любви къ славѣ (можетъ быть и для славы) и для нещастія. Спасибо тебѣ за попеченіе твое о моихъ стихотворныхъ дѣткахъ: ты всѣхъ ихъ пристроилъ пристойнымъ образомъ. Очень меня обяжешь, ежели исполнишь свое обѣщаніе и пришлешь *Горе отъ ума*. Не понимаю, за что Москвичи сердятся на Грибоѣдова и на его комедію: титулъ ея очень для нихъ утѣшителенъ и содержаніе отрадно. Что сказать тебѣ о моей Кюменьской жизни? Гельзингфорскія воспоминанія наполняютъ пустоту ея. Съ удовольствіемъ привожу себѣ на память нѣкоторые откровенные часы, проведенные съ тобою и съ Мухановымъ (¹) Вспоминаю и пр. ....
Я заболтался, да не мудрено заболтаться. Прощай, мой милый, кру-

(¹) Александръ Алексѣевичь Мухановъ служилъ въ это время адъютантомъ А. А. Закревскаго. Это былъ человѣкъ замѣчательныхъ дарованій. Онъ сконч. въ 1835 г. неожиданно, почти наканунѣ давно желаннаго брака, къ прискорбію друзей своихъ, въ числѣ которыхъ былъ между прочимъ А. С. Хомяковъ, всегда съ особеннымъ чувствомъ вспоминавшій о немъ. *П. Б.*

жись въ вихрѣ большаго свѣта Московскаго; но не забывай уединеннаго друга, которому твое воспоминанье очень дорого.

*

Получилъ второе письмо твое изъ Москвы, милый Путята, спасибо тебѣ; съ живымъ участіемъ прочелъ я его первыя строки. Ежели мое сравненіе удачно, то твое распространеніе трогательно ([2]); но холодъ гробницы не совсѣмъ еще умертвилъ твою душу: она жива для дружбы и для всего добраго и прекраснаго. Заблужденія нераздѣльны съ человѣчествомъ, и иныя изъ нихъ дѣлаютъ больше чести нашему сердцу, нежели преждевременное понятіе о нѣкоторыхъ истинахъ.

Намъ надобны и страсти и мечты,
Въ нихъ бытія условіе и пища:
Не подчинишь однимъ законамъ ты
И свѣта шумъ и тишину кладбища.

За чѣмъ же раскаяваться въ сильномъ чувствѣ, которое ежели сильно потрясло душу, то можетъ быть развило въ ней много способностей дотолѣ дремавшихъ? Не хочешь ли видѣть предметы съ новой точки зрѣнія и вмѣсто нашей гробницы, не вспомнишь ли ты Шекспировъ плугъ, раздирающій и плодотворящій землю?

Но не кончишь, когда дѣло пойдетъ на сравненія. Фея твоя возвратилась уже въ Гельсингфорсъ. Кн. Л. провожалъ ее. Въ Фридрихсгамѣ расписалась она въ почтовой книгѣ такимъ образомъ: Le prince Chou-cheri héritier presomptif du royaume de la lune, avec une partie de sa cour et la moitie de son serail ([3]). Веселость природная или судорожная нигдѣ ея не оставляетъ.

Видѣлся я съ генераломъ ([4]) при проѣздѣ его чрезъ Фридрихсгамъ. Кажется, мнѣ мало надежды на производство; но такъ и быть! Мухановъ оставилъ Гельзингфорсъ, и корпусная квартера потеряла для меня половину своей приманчивости. Ты одинъ теперь у меня тамъ остаешься.

Не заѣдешь-ли ты ко мнѣ въ Кюмень? Я живу въ домѣ полковаго командира, имѣю особую комнату. То то бы ты меня обрадовалъ!

Пишу новую поэму. Вотъ тебѣ отрывокъ описанія бала въ Москвѣ:

Блистаетъ тысячью огней
Обширный залъ; съ высокихъ хоровъ
Гудятъ смычки: толпа гостей,
Съ приличной важностію взоровъ;
Въ чепцахъ узорныхъ, распашныхъ,
Рядъ пестрый барынь пожилыхъ
Сидитъ. Причудницы отъ скуки
То поправляютъ свой нарядъ,
То на толпу, сложивши руки,
Съ тупымъ вниманіемъ глядятъ
Кружатся дамы молодыя,
Пылаютъ нѣгой взоры ихъ;
Огнемъ каменьевъ дорогихъ
Блестятъ уборы головные.
По ихъ плечамъ полунагимъ
Златые локоны летаютъ;
Одежды легкія какъ дымъ
Ихъ легкій станъ обозначаютъ;
Вокругъ плѣнительныхъ Харитъ
И суетится и кипитъ
Толпа поклонниковъ ревнивыхъ;
Съ волненьемъ ловятъ каждый взглядъ.
Тутъ нещастливыхъ и щастливыхъ
Изъ нихъ волшебницы творятъ.
Въ движеньи все. Горя добиться
Вниманья лестнаго красы,
Кавалеристъ крутитъ усы,
Франтъ штатскій чопорно острится

([2]) Это относится къ одному выпущенному нами мѣсту предъидущаго письма.

([3]) Въ Финляндіи путешественники сами записываютъ свои имена въ заведенныхъ для того книгахъ на станціяхъ.

([4]) А. А. Закревскимъ. *П. Б.*

V.

29 Марта.

Я поклепалъ на тебя въ моемъ сердцѣ, милый Путята: думалъ, что ты проѣхалъ уже въ Гельсингфорсъ, не повидавшись со мною. Письмо твое много меня порадовало: пріѣзжай, пріѣзжай, обниму тебя съ нѣжнѣйшею дружбою.

По какому случаю ты ждешь письма отъ генерала, чтобъ возратиться въ корпусную квартиру? Неужели и ты хочешь оставить Финляндію? На кого же ты меня оставишь? Сколько перемѣнъ произошло въ два мѣсяца!

Благодарю тебя за похвалы моему отрывку. Въ самой поэмѣ ты узнаешь Гельзингфорскія впечатлѣнія. Стиховъ 200 уже у меня написано. Пріѣзжай, посмотришь и посудишь, и мнѣ не найти лучшаго и законнѣйшаго критика.

Московская цензура либо невинна какъ пятилѣтняя дѣвочка, либо весела какъ пьяная сводня: можно-ли позволить напечатать такую непристойную поэму какъ Леда! ([5]) Неужели Одоевскій вытиснилъ подъ ней мое имя? Сохрани Боже! Мнѣ нельзя будетъ показать глазъ читающимъ дамамъ. Пиши послѣ этого! Леда моя публично цѣлуется со своимъ Лебедемъ, а Бурѣ шумѣть не позволено ([6]). Неисповѣдимы судьбы твои, цензура Русская!

На Руси много смѣшнаго, но я не расположенъ смѣяться. Во мнѣ веселость—усиліе гордаго ума, а не дитя сердца. Съ самаго моего дѣтства я тяготился зависимостью и былъ угрюмъ, былъ нещастливъ. Въ молодости судьба взяла меня въ свои руки. Все это служитъ пищею генію; но вотъ бѣда: я не геній. Для чего же все было такъ, а не иначе? На этотъ вопросъ захохотали бы всѣ черти.

И этотъ смѣхъ служилъ бы отвѣтомъ вольнодумцу; но не мнѣ и не тебѣ. Мы вѣримъ чему то. Мы вѣримъ въ прекрасное и добродѣтель. Что то развитое въ моемъ понятіи для лучшей оцѣнки хорошаго, что то улучшенное во мнѣ самомъ, такія сокровища, которыя не купитъ ни богачь за деньги, ни щастливецъ щастіемъ, ни самый геній худо направленный.

Прощай, милый Путята, обнимаю тебя отъ всей души.

*

VI.

Весной 1825 г. я возвратился въ Гельзингфорсъ и по пути посѣтилъ Баратынскаго въ Кюмени; привезъ ему приказъ о производствѣ его въ офицеры, что очень его обрадовало и оживило. Между тѣмъ Нейшлотскій полкъ долженъ былъ готовиться идти на лѣто въ Петербургъ, для содержанія тамъ карауловъ.

Кюмень 15-го Мая 1825 г.

Спасибо, Путята, за пересланныя письма, а особенно за твое собственное. Ты въ немъ сказалъ почти все что могло мнѣ быть занимательнымъ. Чѣмъ отплачу тебѣ? Одною живою благодарностью. Получилъ я письмецо отъ Муханова: онъ остается въ Петербургѣ до 20-го Іюля, и такъ я надѣюсь съ нимъ увидѣться. Заочно ты будешь съ нами. Порадуемся и погорюемъ вмѣстѣ. Скажу тебѣ между прочимъ, что я уже щеголяю въ Нейшлотскомъ мундирѣ: это довольно пріятно; но вотъ что мнѣ не по нутру—хожу всякій день на ученье и чрезъ два дни въ караулъ. Не рож-

---

([5]) *Леда* была напечатана въ Мнемозинѣ, журналѣ, издававшемся княземъ Одоевскимъ и Кюхельбекеромъ (1824, ч. 4-я, стр. 221), безъ имени; но не вошла въ собранія сочиненій Баратынскаго.

([6]) Стихотвореніе Буря не было ни тогда, ни послѣ вполнѣ дозволено къ печати (изд. 1835, I, 10)

денъ я для службы царской. Когда подумаю о Петербургѣ, меня трясетъ лихорадка. Нѣтъ худа безъ добра и нѣтъ добра безъ худа. Скажи, ежели можешь, N........ что я сердечно признателенъ за ея участіе. Она не покидаетъ моего воображенія. Напиши мнѣ, какую ролю играетъ Мефистофелесъ. Я часто переношусь мысленно въ вашъ кругъ; но, можетъ быть, онъ уже не похожъ на кругъ мнѣ прежде знакомый. Мы скоро выступаемъ въ походъ: адресуй мнѣ свои письма на имя и проч......... Прощай, душа моя, обнимаю тебя отъ всего сердца.

VII.

Изъ Петербурга, гдѣ Баратынскій находился съ полкомъ.

Виноватъ, милый Путята, виноватъ, но не сердцемъ истинно къ тебѣ привязаннымъ, а нравомъ безпечнымъ и лѣнивымъ. Давно не писалъ къ тебѣ, но не переставалъ о тебѣ думать, не переставалъ вспоминать о нашей Гельзингфорской жизни и о дружескомъ твоемъ появленіи въ Кюмени.

Ты можешь себѣ вообразить, какъ меня изумило и обрадовало неожиданное свиданіе съ N. N., съ К. А., которая вовсе было вышла изъ моей памяти. Я уже два раза ихъ видѣлъ. Въ Сентябрѣ думаю побывать въ Гельзингфорсѣ, чтобы поблагодарить генерала за мое воскрешеніе и пожить съ тобою.

Многія подробности оставляю до первой почты.

Проводилъ я М........ въ Москву: онъ поѣхалъ безпокойный и грустный и будетъ таковымъ повсюду. Какой нещастный даръ, воображеніе слишкомъ превышающее разсудокъ! Какой нещастный плодъ преждевременной опытности, сердце жадное щастія, но уже неспособное предаться одной постоянной страсти и теряющееся въ толпѣ безпредѣльныхъ желаній! Таково положеніе М....... и мое и большей части молодыхъ людей нашего времени.

Черезъ нѣсколько дней мы возвращаемся въ Финляндію, я этому почти радъ: мнѣ надоѣло постоянное разсѣяніе, мнѣ нужно войти въ себя, а вошедъ въ себя я навѣрно встрѣчусь съ тобою и чаще стану къ тебѣ писать. Ты, я думаю, видишь по слогу этого письма, въ какомъ безпорядкѣ мои мысли. Прощай, милый Путята, до досуга, до здраваго смысла, и наконецъ до свиданья. Спѣшу къ ней. Ты будешь подозрѣвать, что я нѣсколько увлеченъ; нѣсколько, правда; но я надѣюсь, что первые часы уединенья возвратятъ мнѣ разсудокъ. Напишу нѣсколько элегій и засну спокойно. Поэзія чудесный талисманъ: очаровывая сама, она обезсиливаетъ чужіе вредные чары. Прощай, обнимаю тебя.

По возвращеніи съ полкомъ изъ Петербурга въ Кюмень, Баратынскій посѣтилъ Гельзингфорсъ и оттуда поѣхалъ въ отпускъ въ Москву.

Изъ Москвы

VIII.

Ежели съ пріѣзда въ Москву я къ тебѣ не писалъ, милый Путята, я виноватъ не душой, а бреннымъ моимъ тѣломъ, заболѣвшимъ черезъ недѣлю послѣ. Я теперь еще не выѣзжаю; однакожъ въ первые дни успѣлъ повиваться съ твоимъ батюшкой, съ Р........, и съ М.......... Странно, что проживши почти два мѣсяца въ Москвѣ, я принужденъ писать къ тебѣ какъ будто изъ Кюмени, ибо не знаю ничего новаго, ничего не могъ замѣтить, почти ни съ кѣмъ не познакомился и сидѣлъ одинъ въ моей комнатѣ съ вѣтхимъ моимъ сердцемъ и съ вѣтхими

его воспоминаніями. Я отдалъ письмо твое N. N........ Что скажу тебѣ про него? Онъ живетъ домкомъ, много читаетъ, жалуется на хандру и оживляется одними Финдляндскими воспоминаніями; однакожъ признается, что страсть къ А..... очень поуспокоилась. Все проходитъ!

За неимѣніемъ занимательнѣйшаго предмета буду говорить о себѣ. Я нашелъ семью свою въ Москвѣ. Свиданіе было радостно и горестно. Я думаю просить перевода въ одинъ изъ полковъ, квартирующихъ въ Москвѣ. Не говори покуда объ этомъ генералу: къ нему напишутъ отсюда. Я слышалъ, что ты будешь скоро къ намъ въ бѣлокаменную. Пріѣзжай, милый Путята, поговоримъ еще о Финляндіи, гдѣ я пережилъ все что было живаго въ моемъ сердцѣ. Ея живописныя, хотя угрюмыя, горы походили на прежнюю судьбу мою, также угрюмую, но по крайней мѣрѣ довольно обильную въ отличительныхъ краскахъ. Судьба, которую я предвижу, будетъ подобна Русскимъ однообразнымъ равнинамъ, какъ теперь, покрытымъ снѣгомъ и представляющимъ одну вѣчно унылую картину. Прощай, мой милый. Я отослалъ письмо твое къ Ознобишину; но за нездоровьемъ съ нимъ еще не видѣлся. Преданный тебѣ.

IX

Въ Январѣ 1826 г.

Спасибо тебѣ, милый Путята за твои письма. Одно изъ нихъ принесло двойную пользу: доставило мнѣ большое удовольствіе и успокоило твою матушку, которая нѣкоторое время не получала о тебѣ извѣстія и нѣсколько горевала.

Не мудрено, что отъ тебя ускользнуло описаніе Финляндіи. Оно писано не въ Гельзингфорсѣ, а въ Москвѣ. На дняхъ выдетъ моя Эда, и я тотчасъ пришлю къ тебѣ экземпляръ. Любезнаго Б....ва, нѣжнаго обожателя Ѳ. В. Б......на, благодарю за замѣчаніе; но прибавлю свое. Въ поэзіи говорятъ не то что есть, а то что кажется. На краю горизонта скалы касаются неба, слѣдственно всходятъ до небесъ. Въ прозѣ я виноватъ, а въ стихахъ едва-ли не правъ. Между тѣмъ вотъ ему на потѣху маленькое посланьице къ его пріятелю.

Въ своихъ листахъ душонкой ты кривишь,
Уродуешь и мнѣнья и сказанья;
Пріятельски дурачеству кадишь,
Завистливо поносишь дарованья;
Дурной твой нравъ дурной приноситъ плодъ.
Срамецъ, срамецъ! всѣ шепчутъ. Вотъ извѣстье!
— Эхъ не тужи, ужъ это мой расчетъ:
Подписчики мнѣ платятъ за безчестье.

Я скучаю въ Москвѣ. Мнѣ несносны новыя знакомства. Сердце мое требуетъ дружбы, а не учтивостей, и кривлянье благорасположенья рождаетъ во мнѣ тяжелое чувство. — Гляжу на окружающихъ меня людей съ холодною ироніею. Плачу за привѣтствія привѣтствіями и страдаю.

Часто думаю о друзьяхъ испытанныхъ, о прежнихъ товарищахъ моей жизни. Всѣ они далеко! И когда увидимся! Москва для меня новое изгнаніе. Для чего мы грустимъ въ чужбинѣ? Ничто не говоритъ въ ней о прошедшей нашей жизни. Москва для меня не та же ли чужбина? Извини мнѣ мое малодушіе, но въ скучной Финляндіи, можетъ быть, ты съ нѣкоторымъ удовольствіемъ узнаешь, что и въ Москвѣ скучаютъ добрые люди. Прощай, мой милый, обнимаю тебя.

X.

Милый Путята, вотъ письмо къ А. А. Закревскому объ моей отставкѣ;

я прошу тебя, милый другъ, или просто отдать письмо мое А. А. или объяснить ему почему я такъ поздно прошу его ходатайствовать объ увольненіи меня отъ службы. Окажи мнѣ это одолженіе, да еще одно. Я право не знаю, живъ-ли мой Лутковскій или нѣтъ: онъ мнѣ не отвѣчаетъ. Извини, что я безпокою тебя моими препорученіями, но ты чувствуешь, что на тебѣ одномъ всѣ мои надежды.

Я довольно часто вижу NN........ Кажется, что любовь его къ А. очень поуспокоилась. На дняхъ познакомился я съ Толстымъ, Американцемъ. Очень занимательный человѣкъ. Смотритъ добрякомъ, и всякій, кто не слыхалъ про него, ошибется.

Стихи у меня что то не пишутся, и я почти ничѣмъ не занятъ. Когда рѣшится судьба моя, болѣе спокойный духомъ, снова примусь за перо. Вотъ тебѣ покуда эпиграмма на поэтовъ прекраснаго пола:

Не трогайте Парнасскаго пера,
Не трогайте, смазливыя вострушки.
Красавицамъ не много въ немъ добра,
И имъ Амуръ другія далъ игрушки.
Любовь ли вамъ оставить въ забытьи
Для жалкихъ рифмъ? Надъ рифмами смѣются!
Уносятъ ихъ Летійскія струи.......
На пальчикахъ чернила остаются.

Обнимаю тебя.

*

Оставаясь въ Москвѣ, Баратынскій. по просьбѣ, былъ уволенъ отъ службы. Въ Іюнѣ 1826-го года, онъ женился на дочери генералъ-маіора Льва Николаевича Энгельгардта, Настасьѣ Львовнѣ. Во время коронаціи я видѣлся съ нимъ, въ его семейномъ кругу. Вскорѣ послѣ коронаціи, я возвратился въ Петербургъ, гдѣ получилъ слѣд. письмо осенью 1826-го года.

XI.

Какъ мнѣ жаль, милый Путята, что мнѣ не удалось съ тобой проститься при отъѣздѣ твоемъ изъ Москвы; а съ тѣхъ поръ отъ тебя ни слуху ни духу: что съ тобою? Я узналъ отъ твоей матушки, что ты еще въ Петербургѣ и по Московскимъ слухамъ, что ты не поѣдешь далѣе. Здѣсь говорятъ что З. будетъ министромъ юстиціи. Дай Богъ! Я думаю тебѣ и ему равно надоѣла Финляндія. Одинъ изъ моихъ братьевъ пріѣхалъ изъ Тульчина и привезъ извѣстія о М.......: въ новомъ положеніи онъ скучаетъ по прежнему. Въ Тульчинѣ еще скучнѣе чѣмъ въ Гельзингфорсѣ. Братъ мнѣ раcказывалъ подробности тамошней жизни. В. живетъ въ своей деревнѣ и ходитъ за своими виноградниками, а штатъ его въ городѣ Онъ добрый нѣмецъ, счастливый въ своемъ семействѣ, экономъ, ни въ чемъ не похожій на нашего герцога: у него не за кѣмъ волочиться, не о чемъ хлопотать, не съ кѣмъ мириться и ссориться, однимъ словомъ нѣтъ двора. Доставилъ-ли ты письмо мое Дельвигу? Я не получаю отъ него ни строчки. Сдѣлай милость, попеняй ему и узнай, печатаются-ли мои сочиненья или нѣтъ. Скажи Дельвигу, что я на него очень сердитъ. Три письма мои къ нему остались безъ отвѣта. Писать къ человѣку, который намъ не отвѣчаетъ, все равно что яриться на облако, подобно какому то баснословному герою. Будь милѣе Дельвига, милый Путята, не забывай меня и пиши ко мнѣ.

Я живу по тихоньку, какъ слѣдуетъ женатому человѣку, но очень радъ, что промѣнялъ безпокойные сны страстей на тихій сонъ тихаго счастья: изъ дѣйствующаго лица я сдѣлался зрителемъ и, укрытый отъ ненастья въ

моемъ углу, иногда посматриваю, какова погода въ свѣтѣ. Прощай, мой милый, люби меня, если не хочешь быть у меня въ долгу и вѣрь, что у меня въ сердцѣ всегда готово участье для радостей твоихъ и печалей.

*

Е. А. Баратынскій опредѣлился въ Москвѣ на службу въ Межевую Канцелярію (откуда вышелъ опять въ отставку 1831 года). Слѣд. письмо написано въ 1827 году, въ которомъ появилось въ свѣтъ первое изданіе его стихотвореній.

XII.

Я предъ тобою совершенно виноватъ, мой милый Путята: отвѣчаю на письмо твое черезъ три вѣка; но лучше поздно нежели никогда. Не думай однакожь, чтобы я имѣлъ неблагодарное сердце: мнѣ мила и дорога твоя дружба, но что ты станешь дѣлать съ природною неаккуратностію!

Прости, мой милый, такъ создать
Меня умѣла власть Господня;
Люблю до завтра отлагать
Что сдѣлать надобно сегодня.

Негожусь я ни въ какую Канцелярію, хотя недавно вступилъ въ Межевую, но слава Богу, мнѣ дѣла мало; а то было бы худо моему начальнику.

Благодарю тебя за твою дружескую критику. Замѣчанія твои справедливы въ частности; но ежели бы мы были вмѣстѣ, я, можетъ быть, доказалъ бы тебѣ, что нѣкоторыя изъ моихъ перемѣнъ хороши для цѣлаго. Впрочемъ я никакъ не ручаюсь за справедливость своего мнѣнія. Поэты большею частью дурные судьи своихъ произведеній. Тому причиной чрезвычайно сложныя отношенія между ними и ихъ сочиненіями. Гордость ума и права сердца въ борьбѣ безпрестанной. Иную пьесу любишь по воспоминанію чувства, съ которымъ она писана — переправкой гордишься потому, что побѣдилъ умомъ сердечное чувство. Чему же вѣрить? Однимъ я недоволенъ въ письмѣ твоемъ: оно не совсѣмъ дружеское. Ты пишешь ко мнѣ какъ къ постороннему, которому боишься наскучить, говоришь много обо мнѣ, а о себѣ ни слова. Что твоя.......? Къ стати я слышалъ, что А. А. сдѣланъ министромъ внутреннихъ дѣлъ; остаешься-ли ты при немъ? Думаешь-ли побывать въ красной Москвѣ? Я теперь постоянный Московскій житель. Живу тихо, мирно, щастливъ моею семейственною жизнью; но признаюсь, Москва мнѣ не по сердцу. Вообрази, что я не имѣю ни одного товарища, ни одного человѣка, которому могъ-бы сказать: помнишь? съ кѣмъ бы могъ потолковать на распашку. Это тягостно. Жду тебя какъ дождя майскаго. Здѣшняя атмосфера суха, пыльна неимовѣрно. Женатые люди имѣютъ болѣе нужды въ дружбѣ нежели холостые. Волокитство доставляетъ молодому свободному человѣку почти всегда небольшое разсѣяніе, онъ переливаетъ изъ пустаго въ порожнее съ какой нибудь пригожей дурой, и горя ему мало. Человѣкъ же семейный уже неспособенъ къ этой ребяческой забавѣ: ему нужна лучшая пища, ему необходимъ бодрый товарищъ, равносильный ему умомъ и сердцемъ, любезный самъ по себѣ, а не по мелочнымъ отношеніямъ мелочнаго самолюбія. Пріѣзжай къ намъ, мой милый Путята, ты подаришь меня истинно счастливыми минутами. Прощай, прости великодушно мою лѣнь и прости мои недостатки. Люби меня за то, что я люблю тебя душевно. Твой.

Доставилъ-ли тебѣ Дельвигъ экземпляръ отъ меня?

XIII.

1830 г.

Переписка наша, милый Путята, прервалась просто потому, что ты уѣхалъ въ армію, и я не зналъ куда адресовать тебѣ мои письма. Благодарю тебя за твое дружеское воспоминаніе. Ты меня имъ истинно порадовалъ. Письмо твое мнѣ показываетъ, что есть еще люди, съ которыми можно вспомнить старину и подышать ею. Я тоже не переставалъ помнить и любить тебя. Милый мой Путята, мы съ тобою рѣдкіе люди! Какъ бы я хотѣлъ тебя видѣть и поговорить вдоволь души. Знаю твои теперешнія огорченія и принимаю въ нихъ самое живое участіе. Утѣшать тебя нечего; но мы бы погоревали вмѣстѣ. Ты познакомилъ меня съ Адріанополемъ. Письмо твое живо и занимательно: ты бы отдалъ его въ Лит. Газету. Съ тѣхъ поръ какъ мы разстались, въ жизни моей не было никакой перемѣны, и слава Богу. Ты все еще при А. А. Напиши мнѣ, что у васъ подѣлывается, вѣдь я de la famille. Какъ я живо помню Гельзингфорскую жизнь! Ты по обязанности часто посѣщаешь Финляндію. Повѣришь-ли, что я бы съ большимъ удовольствіемъ теперь навѣстилъ ее? Я думаю о ней съ признательностью: въ этой странѣ я нашелъ много добрыхъ людей лучшихъ нежели тѣ, которыхъ узналъ въ отечествѣ, нашелъ тебя; этотъ край былъ пестуномъ моей поэзіи. Лучшая мечта моей поэтической гордости состояла бы въ томъ, чтобы въ память мою посѣщали Финляндію будущіе поэты. Прощай, милый Путята, пиши ко мнѣ: я не буду лѣнивъ на отвѣты. Обнимаю тебя отъ всей души.

*

Письмо за симъ слѣдующее написано во время первой холеры въ Россіи. Баратынскій былъ въ это время въ Казани съ семействомъ его жены и прожилъ тамъ болѣе года; около этого времени въ 1831 г. появилась *Наложница* съ замѣчательнымъ предисловіемъ о нравственности литтературныхъ произведеній. Во второмъ изданіи стихотвореній Баратынскаго, вышедшемъ въ 1835 году, Наложница напечатана подъ заглавіемъ *Цыганка*, и безъ предисловія.

XIV.

Поздно отвѣчаю на письмо твое, милый Путята; но ты со мною помиришься, когда узнаешь, что я получилъ его весьма недавно, что оно мнѣ было переслано изъ Москвы въ Казань, гдѣ я теперь нахожусь со всѣмъ моимъ семействомъ. Благодарю тебя за доставленіе Наложницы по адресу и за твои замѣчанія. Не спорю, что въ Наложницѣ есть нѣсколько стиховъ небрежныхъ, но повѣрь мнѣ, что вообще авторъ Эды сдѣлалъ большіе успѣхи слога въ своей послѣдней поэмѣ, не говоря уже о побѣжденныхъ трудностяхъ, о самомъ родѣ поэмы, исполненной движенія какъ романъ въ прозѣ; сравни безпристрастно драматическую часть и описательную: ты увидишь, что разговоръ въ Наложницѣ непринужденнѣе, естественнѣе, описанія точнѣе, проще. Обыкновенно мнѣ мое послѣднее сочиненіе кажется хуже прежнихъ, но перечитывая Наложницу, меня всегда поражаетъ легкость и вѣрность ея слога въ сравненіи съ прежними моими поэмами. Ежели въ Наложницѣ видна нѣкоторая небрежность, за то уже совсѣмъ незамѣтенъ трудъ; и это то и нужно было въ поэмѣ, исполненной затруднительныхъ подробностей, изъ которыхъ должно было выдти совершеннымъ побѣдителемъ или не браться за дѣло. Я заболтался, мой милый........ Желалъ бы сказать тебѣ что нибудь

занимательное, но я живу въ совершенномъ уединеніи и ничѣмъ не могу съ тобою дѣлиться кромѣ своими мыслями. Вижу по газетамъ, что у васъ не прекращается холера, но знаю по опыту, что умѣренностью въ пищѣ и стараніемъ не простудиться навѣрно можно ея избѣгнуть. Надѣюсь, что ты не будешь ея жертвою и что Богъ дозволитъ намъ еще разъ обнять другъ друга. Прощай, адресъ мой на имя мое въ *Казань*.

XV.

Н. В. Путята женился въ 1838 г. на родной сестрѣ Настасьи Львовны Баратынской. Переписка его съ Е. А. Баратынскимъ не прекращалась, но съ этого времени она касается уже большею частью хозяйственныхъ и семейныхъ ихъ дѣлъ. Поэтому мы помѣщаемъ здѣсь немногіе отрывки изъ писемъ 1842 и 1843 года, показывающіе образъ жизни и любимыя ежедневныя занятія Е. А. Баратынскаго въ его семейномъ, сельскомъ быту. *П. Б.*

Въ 1842 и 43-мъ г. Е. А. Баратынскій жилъ постоянно въ подмосковной, занимался хозяйствомъ, сводомъ рощи, постройкою дома въ сельцѣ Мурановѣ(7). Онъ любилъ архитектуру, имѣлъ въ ней вкусъ, дѣлалъ самъ планы строеніямъ и приводилъ ихъ въ исполненіе подъ своимъ надзоромъ. Окончательныя слова въ первомъ письмѣ 1842 г. относятся къ вышедшему тогда манифесту объ обязанныхъ крестьянахъ. Они свидѣтельствуютъ о сочувствіи, которое онъ питалъ къ освобожденію крестьянъ и о надеждахъ его на это. Уничтоженіе крѣпостнаго права постоянно занимало его мысли. Въ разговорахъ со мною объ этомъ предметѣ онъ выражалъ мнѣніе, что освобожденіе не должно совершиться иначе, какъ съ надѣломъ земли въ собственность крестьянъ, при вознагражденіи помѣщиковъ финансовою операціею, но какою—прибавлялъ онъ—этого я не берусь указывать: финансы не мое дѣло.

(7) Въ 6 верстахъ отъ Талицкой станціи по желѣзной дорогѣ въ Троицкую лавру. *П. Б.*

1842.

Христосъ воскресе! Желаю вамъ веселаго праздника, который мы, съ своей стороны, начали удовлетворительно. Въ 3 часа утромъ были у обѣдни въ сосѣдней деревнѣ, разговѣлись, выспались! Пишу вамъ въ самый день Свѣтлаго Воскресенья. Послѣ минуты нерѣшимости, мы положили остаться на мѣстѣ, и мнѣ въ случаѣ (который право мудрено предвидѣть) всегда убѣжище въ Москвѣ, а еще ближе въ Троицѣ, гдѣ между прочимъ находится и нашъ станъ, слѣдственно наше мѣстное правленіе, которому безъ сомнѣнія даны нужныя пособія въ теперишнихъ обстоятельствахъ. Редакція безподобна. Нельзя было приступить къ дѣлу умнѣе и осторожнѣе. Благословенъ грядый во имя Господне! У меня солнце въ сердцѣ, когда думаю о будущемъ. Вижу, осязаю возможность исполненія великаго дѣла и скоро и спокойно. Прощайте, обнимаю васъ и малютокъ вашихъ отъ всей души.

XVI

Того же года.

Дѣти ваши, слава Богу, здоровы (8) По письму твоему, любезный другъ, все будетъ исполнено въ точности..............

Мы нашли себѣ рисовальнаго учителя, настоящаго артиста. Всѣ мы, слава Богу, здоровы. Я на хозяйствѣ. Домъ подымается; дрова торгуютъ. Осенью буду

(8) Отправляясь за границу, мы оставили младшихъ дѣтей нашихъ у Баратынскихъ. Нѣкоторыя части имѣній у насъ были общія, и Баратынскій ими управлялъ. При отъѣздѣ за границу я поручилъ ему и собственное имѣніе моей жены.

садить деревья. На возвратномъ пути поѣзжайте на Москву и навѣстите наше и свое новоселье. Мнѣ весело будетъ вамъ похвастать плодами моей дѣятельности, если Богъ благословитъ ее. Прощайте, обнимаю васъ за себя, за Настю, за вашихъ и за моихъ дѣтей. Пейте здоровье въ водахъ Маріенбадскихъ и пользуйтесь весело Европейскимъ воздухомъ.

XVII.

Того же года.

.... Лѣсной матерьялъ начинаетъ сходить съ рукъ. Домъ отстраивается. Недѣли черезъ три мы перейдемъ въ верхній этажъ. Я получилъ очень милое письмо отъ Карамзиной въ отвѣтъ на мои стихи ([9]). Нѣжно обнимаю васъ и Настиньку.

XVIII.

Того же года.

.... Дѣти ваши, слава Богу, здоровы. Съ Олинькой я въ ссорѣ. Ужасная кокетка: тянется ко мнѣ на руки, а только я подойду, отвернется съ презрѣніемъ.......... Я былъ очень доволенъ моей деревенской жизнью, если бъ не частыя поѣздки въ Москву. Дома дни текутъ незамѣтно. Старшія дѣти начинаютъ уже жить за одно съ нами. Учителя добрые ребята, болѣе просвѣщенные, чѣмъ большая часть Русскихъ помѣщиковъ. Каждое утро ѣзжу одинъ въ Мураново ([10]) а вечеромъ послѣ чаю отправляемся туда пѣшкомъ съ дѣтьми и возвращаемся прямо къ ужину. Много мѣшаютъ намъ особенно частые дожди. Это все обѣщаетъ какъ здѣсь, такъ и въ другихъ имѣніяхъ, обильный урожай. Прощайте, обнимаю обоихъ васъ отъ всей души

XIX.

Въ концѣ 1842 года.

Поздравляю васъ, любезные друзья мои, съ наступающимъ новымъ годомъ. Долго не писалъ за хлопотами всякаго рода, сверхъ того хотѣлось дождаться положительныхъ результатовъ отъ свода рощи и постройки дома. Слава Богу, домъ хорошъ, очень тепелъ. Были большіе морозы и сильные вѣтры: мы не чувствовали ни тѣхъ, ни другихъ и что въ особенности рѣдко въ деревенскихъ домахъ, никогда не знали, съ которой стороны непогода. Продажа лѣса идетъ успѣшно.........Домъ отдѣланъ вполнѣ, въ два полныхъ этажа, стѣны общикатурены, полы выкрашены, крытъ желѣзомъ. Насъ посѣтила въ Мурановѣ А... В......... вѣроятно она вамъ объ насъ кое что писала. Нашъ бытъ противъ Артемовскаго измѣнился тѣмъ, что мы порѣжѣ ѣздимъ въ Москву. Прошлаго года столько было дѣлъ, что изъ 52 недѣль, мы вѣрно 25 провели въ городѣ. Теперь, слава Богу, мы постояннѣе бываемъ дома. Малютки ваши здоровы. Обнимаю васъ обоихъ и Настиньку.

XX.

1843 года.

Благодарю тебя, любезный другъ, за твои подробныя и занимательныя письма. Радъ, что вы такъ полно наслаждаетесь Италіей и что воображеніе, предупрежденное столькими описа-

---

([9]) Софьѣ Николаевнѣ Карамзиной, при посылкѣ Сумерекъ (*"Свиданьемъ съ вами на мгновенье."*)

([10]) Пока отстроивался домъ въ Мурановѣ, Е.А. Баратынскій жилъ съ семействомъ въ 3 хъ верстахъ оттуда, въ сельцѣ Артемовѣ, гдѣ нанималъ домъ г-жи Пальчиковой, которой принадлежало Артемово.

ніями, нашло на ея древней почвѣ впечатлѣнія новыя и свѣжія. Все можно передать довольно точно, кромѣ мѣстной физіономіи и вообще природы, и слава Богу. Не все уловляетъ печать, и что нибудь еще возможно чувствовать по своему. Теперь вѣсти изъ отечества: дѣти ваши здоровы. Всѣ мы также живемъ по добру, по здорову. Наше уединеніе чрезвычайно полезно дѣтскимъ урокамъ.

Прощайте, мои милые и добрые друзья. Поздравляю васъ съ новымъ годомъ, желая всякаго счастія, въ особенности продолженія отпуска, чтобы вы могли вмѣстѣ долечиться въ Маріенбадѣ. Крѣпко васъ обнимаю.

XXI.

Осенью 1843 г. Баратынскій приступилъ къ исполненію давнишняго желанія своего — собрался за границу. Онъ пріѣхалъ съ семействомъ въ Петербургъ, оставилъ намъ младшихъ дѣтей своихъ, а съ женою и старшими дѣтьми отправился сухимъ путемъ въ Берлинъ, оттуда въ Дрезденъ и чрезъ Франкфуртъ на Майнѣ въ Парижъ. Вотъ письма его изъ за границы.

Изъ Лейпцига 1843 года (осенью)

Настинька писала вамъ въ Дрезденѣ, и я приписываю въ Лейпцигѣ, куда мы по вашему совѣту воротились. Переночевали, а теперь ѣдемъ въ Франкфуртъ, на нѣмецкихъ длинныхъ т. е. съ лонъ-кучеромъ. Будемъ останавливаться на ночь и въ пятый день должны быть на мѣстѣ. Я очень наслаждаюсь путешествіемъ и быстрой смѣною впечатлѣній. Желѣзныя дороги чудная вещь. Это апоѳеоза разсѣянія. Когда онѣ обогнутъ всю землю, на свѣтѣ не будетъ меланхоліи. Обнимаю тебя, Соничку и дѣтей вашихъ и нашихъ. Когда буду на мѣстѣ, можетъ, передамъ вамъ нѣсколько впечатлѣній и замѣчаній, доставленныхъ мнѣ путешествіемъ. Прощайте до Франкфурта.

XXII

Изъ Парижа, того же года.

Друзья, сестрицы, я въ Парижѣ! (11) и благодаря Соболевскому, которому я вскорѣ буду писать особо, благодаря его за полезную его дружбу, вижу въ немъ не одни зданія и бульвары, хотя первый матерьяльный взглядъ на Парижъ вознаграждаетъ съ избыткомъ труды дальнаго путешествія. Я уже заглянулъ въ Faubourg St.-Germain и видѣлъ нѣкоторыхъ литераторовъ, но по моему, всего замѣчательнѣе во Франціи самъ народъ, привѣтливый, умный, веселый и полный покорности закону, котораго онъ понимаетъ всю важность, всю общественную пользу. Я удивлялся въ Берлинѣ городскому порядку, точности и безспорности отношеній. Какъ же я изумился найти то же самое, но въ высшей степени, въ многолюдномъ Парижѣ, въ его тѣсныхъ улицахъ, въ его безчисленныхъ сдѣлкахъ. Въ Германіи чувствителенъ еще нѣкоторый ропотъ на законы общественнаго устройства, которымъ повинуются; здѣсь ими гордятся люди, принадлежащіе послѣдней черни. Нѣсколько ясныхъ мыслей общежитія сдѣлались достояніемъ каждаго и составляютъ такую массу здраваго смысла, что мудрено подумать, чтобы можно было совратить народъ съ пути истиннаго его благосостоянія. Между тѣмъ партіи волнуются (12). Я много слушаю и много чи-

(11) *Друзья, сестрицы, я въ Парижѣ!*—начало шуточнаго посланія И. И. Дмитріева, будто бы написаннаго В. Л. Пушкинымъ изъ Парижа, къ своимъ друзьямъ.

(12) Эта фраза служитъ противорѣчіемъ всего вышесказаннаго и отчасти объясняетъ послѣдовавшія событія. Впрочемъ—errare huma-

таю. Люди, вышедшіе изъ рядовъ и наполняющіе газеты и салоны, не тверды въ своихъ мнѣніяхъ. Здѣсь переметчики менѣе подлы чѣмъ кажется съ перваго взгляда, и многіе изъ нихъ принимаютъ мнѣніе противоположное прежде выраженному съ совершенно искреннею вѣтренностью. Теперь всѣхъ занимаетъ вопросъ воспитанія: кто долженъ имъ завѣдывать, духовенство или университетъ? Вопросъ отмѣнно важный, слитый съ видами легитимизма. Ламартинъ напечаталъ вздорную діатрибу, которую я принужденъ хвалить въ обществѣ, съ которымъ началъ знакомство. Отвѣты противуположной партіи, почтительные къ таланту поэта, очень забавны. Профессоры начали свои курсы и о чемъ бы ни говорили, объ анатоміи или химіи, умѣютъ коснуться всѣхъ занимающаго вопроса. Мы живемъ въ самомъ центрѣ города. Вотъ нашъ адресъ: Rue Duphot, près le boulevard de la Madeleine, № 8. Сегодня я буду у M-me d'Aguesseau, завтра у Nodier, послѣ завтра у Thierry. Всѣмъ этимъ знакомымъ я обязанъ Сиркурамъ. Прощайте, обнимаю васъ и дѣтей. Кланяюсь очень Соболевскому, Плетневу. Я вижу почти всякій день А. И. Тургенева, который теперь нѣсколько нездоровъ. Онъ пѣняетъ Вяземскому за то, что онъ къ нему не пишетъ. Напомните ему обо мнѣ. Вижусь съ Балабинымъ, человѣкомъ очень умнымъ, очень свѣдущимъ, съ которымъ всякая встрѣча меня болѣе и болѣе сближаетъ.

XXIII.

Того же года.

Хорошо, что я въ Парижѣ проведу одну только зиму, а то изъ человѣка съ нѣкоторымъ смысломъ, я бы сдѣлался совершеннымъ зѣвакой, а что хуже свѣтскимъ человѣкомъ. Не я одинъ, всѣ Парижане съ одинадцати часовъ утра до двѣнадцати вечера на ногахъ и проводятъ часы въ визитахъ. Для настоящихъ Парижанъ, имѣющихъ свои виды, то дѣловые, то политическіе, посѣщающихъ каждое лице съ извѣстною цѣлью, эта жизнь не совсѣмъ убійственна; но для заѣзжаго, не смотря на любопытство, она утомительна до крайности: не смотря на привѣтливость лицъ, на новость явленій, чувствуешь недостатокъ прямыхъ отношеній, и если бъ я былъ въ Парижѣ безъ семейства, не знаю вынесъ ли бы я подобное существованіе. Первыя мои знакомства вовлекли меня въ Faubourg St. Germain къ M.-me d'A,....... къ Т..... Тутъ собираются академики и католическіе прозелитисты обоихъ половъ. Все это работаетъ вертограду Господню въ смыслѣ абатовъ. По довольно уединеннымъ улицамъ славнаго предмѣстья бѣгаютъ съ озабоченнымъ видомъ Латинскіе попы въ такомъ множествѣ, что если бы по Русскому обычаю отъ всѣхъ отплевываться, можно получить чахотку. Сиркуръ познакомилъ меня съ Виньи, съ двумя Тьери, Нодье, Сентъ-Бевомъ; Соболевскій съ Мериме и Mme Ancelot; случай—съ прежнимъ издателемъ одного изъ крайнихъ республиканскихъ журналовъ, черезъ котораго я надѣюсь добраться до Ж. Зандъ. Познакомился или возобновилъ знакомство съ нѣкоторыми земляками. Русскіе ищутъ Русскихъ въ Парижѣ и вообще въ чужихъ краяхъ. Самые вѣтренные изъ нихъ догадываются, что у насъ есть сердце и готовы на сентиментальность. Общества, съ точки зрѣнія политической, представляютъ самый печальный фактъ. Легитимисты, умные безъ надежды, безразсудные, по не-

num est. *Примѣч. И. С. Тургенева*, въ рукахъ у котораго эти письма находились нѣкоторое время.

исправимой привычкѣ, преслѣдуютъ идею своей партіи и отслужили ей въ Лондонѣ трогательную панихиду ([13]). Республиканцы теряются въ теоріяхъ, безъ единаго практическаго понятія. Партія сохранительная почти ненавидитъ ея настоящаго представителя, избраннаго ею короля. Всюду элементы раздоровъ. Движеніе поповъ, воскресшихъ для надеждъ бѣдственныхъ, ибо подъ личиною мистицизма, они преслѣдуютъ мысль возврата прежняго своего владычества: вотъ Франція!—а въ Парижскихъ салонахъ, конституція Французской учтивости мирно собираетъ умныхъ, сильныхъ, страстныхъ представителей всѣхъ этихъ разнородныхъ стремленій. Обнимаю васъ обоихъ и всѣхъ вашихъ и нашихъ ребятишекъ. Въ слѣдующемъ письмѣ сообщу вамъ подробности о всѣхъ названныхъ мною лицахъ([14]).

XXIV.

1-го Января 1844 года.

Поздравляю васъ, любезные друзья, съ новымъ годомъ, обнимаю васъ, вашихъ и нашихъ ребятишекъ, желаю вамъ его лучше Парижскаго, который ничто иное какъ привидѣніе прошлаго, въ морщинахъ и праздничномъ платьѣ. Поздравляю васъ съ будущимъ, ибо у насъ его больше чѣмъ гдѣ либо; поздравляю васъ съ нашими степями, ибо это просторъ, который никакъ не замѣнимъ здѣшней наукой; поздравляю васъ съ нашей зимой, ибо она бодрѣе и блистательнѣе и краснорѣчіемъ мороза зоветъ насъ къ движенію лучше здѣшнихъ ораторовъ; поздравляю васъ съ тѣмъ, что мы въ самомъ дѣлѣ моложе двѣнадцатью днями другихъ народовъ и посему переживемъ ихъ, можетъ быть, двѣнадцатью столѣтіями. Каждую изъ этихъ фразъ я могу доказать ученымъ образомъ; но теперь не время, оставимъ это до дня свиданія, ибо изъ Русскихъ писателей нѣтъ ни одного, который менѣе бы любилъ писать того, который васъ такъ нѣжно любитъ. Поклонъ мой Соболевскому и Плетневу, которымъ собираюсь писать не знаю о чемъ, отъ многосложности предметовъ; но постараюсь что нибудь выразить со всею правдой, которая отъ меня зависитъ.

XXV.

Того же года.

Послѣднее письмо Сонички принесло намъ вѣсть о вашей общей великой потерѣ. Ты не можешь сомнѣваться въ полнотѣ участія, которое мы въ ней принимаемъ. Память твоего почтеннаго отца принадлежитъ не одной твоей сыновней скорби, но всѣмъ, которые его знали и цѣнили: она принадлежитъ исторіи, въ гражданской исторіи двѣнадцатаго года([15]). Ты проводишь тяже-

([13]) Здѣсь говорится о посольствѣ 5-ти легитимистовъ въ Лондонъ въ графу Шамбору, для поздравленія его со вступленіемъ въ совершеннолѣтіе, въ слѣдствіе чего они, какъ извѣстно, подверглись парламентскому порицанію (Flétrissure.)

([14]) Къ сожалѣнію, этихъ подробностей, въ сообщеніи которыхъ конечно сказался бы мѣткій и наблюдательный умъ высоко-талантливаго путешественника, мы не имѣемъ. *П. Б.*

([15]) Извѣстно, что эта гражданская исторія 1812 года еще не писана. Баратынскій говоритъ здѣсь о кончинѣ отца Николая Васильевича Путяты, послѣдовавшей 4 Декабря 1843 года. Василій Ивановичъ Путята, служа въ военномъ министерствѣ, въ 1812 году слѣдовалъ за арміею изъ Смоленска, препрепровождалъ раненыхъ съ Бородинскаго поля въ Москву и потомъ вывезъ ихъ въ городъ Касимовъ, гдѣ устроивалъ госпитали. Когда началось бѣгство непріятеля, В. И. Путятѣ поручено было учредить военные госпитали въ нѣсколькихъ западныхъ губерніяхъ. Онъ завѣдывалъ этими учрежденіями, и въ тоже время, въ качествѣ управляющаго Виленскою

лую зиму: столько сердечныхъ потрясеній и столько заботъ положительныхъ! Моя здѣшняя жизнь также не восхитительна. Буду доволенъ Парижемъ, когда его оставлю. Для чужеземца, не принимающаго ни въ чемъ страстнаго участія, для холоднаго наблюдателя, свѣтскія обязанности, дающія пищу одному любопытству, часто обманутому въ своихъ ожиданіяхъ, отмѣнно тяжелы. Бываю вездѣ, гдѣ, требуется, какъ ученикъ въ своихъ классахъ. Масса свѣдѣній и впечатлѣній конечно вознаградитъ меня за трудъ, но все таки это трудъ, а рѣдко, рѣдко наслажденье. Въ одномъ изъ писемъ Вяземскаго Тургеневу помѣщено нѣсколько строкъ для меня особенно благоволительныхъ. Скажи ему при случаѣ, что я былъ ими очень тронутъ и что они сохранятся въ томъ чувствѣ, которое такъ хорошо назвали сердечною памятью. Бѣдный Тургеневъ боленъ почти съ моего пріѣзда въ Парижъ: по словамъ его, онъ обязанъ своими недугами тому, что гдѣ то въ Германіи, отъискивая Жуковскаго, упалъ въ ручей, продрогъ и съ тѣхъ поръ не можетъ оправиться. Онъ не оставляетъ креселъ, а для человѣка такого дѣятельнаго, какъ онъ, это хуже самой болѣзни ([16]). Мы разъѣзжаемъ по F. St. Germain, вѣрные покуда что Православной Греко-россійской церкви. Католическій прозелитизмъ здѣсь несносенъ. Меня заставили прочесть кучу скучныхъ книгъ, и теперь у меня лежитъ на столѣ Institut des Jésuites отца Равиньяна ([17]). Какъ ты думаешь, что это такое? Изложеніе статутовъ ордена, писанное съ простотою младенца или невинностью старика, потерявшаго память, человѣкомъ лѣтъ сорока, замѣчательнымъ своею ученостью и дарованьями. Вотъ мое опредѣленіе этого произведенія: livre niais écrit pour les niais, par un homme qui n'est pas niais. Вижу здѣсь почти всѣхъ авторовъ. Завтра буду у Ламартина. Тьери обѣщалъ меня представить Гизоту. Съ тѣхъ поръ какъ онъ министръ, доступъ къ нему довольно труденъ. У меня начаты письма къ Плетневу и Соболевскому и не окончены за Парижской суматохой. Кланяюсь имъ обоимъ. Вчера съ Настинькой были мы на балѣ de l'ancienne liste civile и видѣли въ полномъ блескѣ всю Французскую аристократію. Будьте здоровы, обнимаю васъ и дѣтей.

XXVI.

Того же года.

(въ началѣ весны.)

Благодарю тебя за желаніе моего портрета. Жаль, что получилъ твое письмо передъ самымъ нашимъ отъѣздомъ въ Италію, однакожъ постараюсь удовлетворить твоей дружеской прихоти въ Парижѣ, гдѣ по твоему совѣту можно литографировать нѣсколько экземпляровъ. Если не успѣю (ибо время нудитъ) то оставлю это до Рима ([18]). Мы

Коммиссаріатскою коммиссіею, снабжалъ обмундированіемъ резервы и всѣ проходившія, а потомъ возвращавшіяся изъ заграничнаго похода войска. Въ послѣдствіи В. И. Путята былъ генералъ-кригсъ-коммиссаромъ арміи. Намъ случалось слышать отъ современниковъ 1812 года и сотрудниковъ В. И. Путяты самые теплые отзывы о высокихъ качествахъ этого человѣка. *П. Б.*

([16]) А. И. Тургеневъ жилъ въ Парижѣ, издавна имѣя порученіе отъ нашего правительства собирать въ иностранныхъ архивахъ историческіе документы, относящіеся до Россіи. *П. Б.*

([17]) О дѣятельности отца Равиньяна можно прочитать подробности въ книгѣ Ю. Ѳ. Самарина: „Іезуиты и ихъ отношеніе къ Россіи“ М. 1866, стр. 145. Книга Раваньяна называется: De l'existence et de l'institut des Jésuites. Paris. 1844. *П. Б.*

([18]) Мы знаемъ только одинъ портретъ Е. А. Баратынскаго, приложенный къ собранію его стихотвореній 1835 г.; но этотъ портретъ, говорятъ, не отличается сходствомъ. *П. Б.*

ѣдемъ изъ Парижа съ впечатлѣніями самыми пріятными. Наши здѣшніе знакомые намъ показали столько благоволительности, столько дружества, что залечили старыя раны. Здѣсь намъ дали рекомендательныя письма въ Неаполь, Римъ и Флоренцію. Тамъ, какъ здѣсь, мы можемъ, если захотимъ, познакомиться съ обществомъ; но, кажется, мы на это не найдемъ досуга. Есть лица въ Парижѣ, которыя мы покидаемъ даже съ грустью. Путешественникъ долженъ быть путешественникомъ; ему не слѣдуетъ нигдѣ заживаться, если хочетъ въ самомъ дѣлѣ пользоваться своимъ мизантропическимъ счастьемъ. Мы ѣдемъ на Марсель; оттуда моремъ прямо въ Неаполь, а потомъ сухимъ путемъ въ Римъ и проч. и воротимся въ Россію через Вѣну. Я съ вами увижусь, богатый воспоминаньями всякаго рода. Я уставалъ отъ Парижской жизни, но теперь, прощаясь съ нею, доволенъ прошедшимъ, пересталъ къ вамъ писать собственно о Парижѣ, потому что всякій день мнѣніе мое измѣнялось. Къ тому жъ надобно родиться въ Парижѣ, чтобъ посреди его требованій и разсѣяній находить досугъ для мысли и для письменнаго упражненія [19]. Русскій видитъ и не вѣритъ, что эту самую жизнь ведутъ здѣшніе ученые, безпрестанно усовершенствуясь въ наукѣ и каждый годъ печатая какую нибудь книгу. Обнимаю васъ, мои милые, равно вашихъ и нашихъ дѣтей. Хотя хорошо за границей, я жажду возвращенія на родину. Хочется васъ видѣть и по Русски поболтать о чужеземцахъ. Балабинъ вамъ кланяется. Умный, добрый, просвѣщенный и любезный.

[19] Сличи выше, стр. 286, примѣч. 12-е. *П. Б.*

XXVII.

Изъ Неаполя 1844 года.

Пятнадцать дней какъ мы въ Неаполѣ, а кажется такъ давно, отъ полноты однообразныхъ и вѣчно-новыхъ впечатлѣній. Въ три дня, какъ на крыльяхъ, перенеслись мы изъ сложной общественной жизни Европы въ роскошно-вегетативную жизнь Италіи; Италіи, которую за всѣ ея заслуги должно бы на картѣ означить особой частью свѣта, ибо она въ самомъ дѣлѣ, ни Африка, ни Азія, ни Европа. Наше трехдневное мореплаваніе останется мнѣ однимъ изъ пріятнѣйшихъ моихъ воспоминаній. Морская болѣзнь меня миновала. Въ досугѣ здоровья, я не сходилъ съ палубы, глядѣлъ днемъ и ночью на волны. Не было бури, но какъ это называли наши Французскіе матросы: très gros temps, слѣдственно живость безъ опасности. Въ нашемъ отдѣленіи было нестраждущихъ одинъ очень любезный Англичанинъ, двое или трое незначущихъ лицъ, Неаполитанскій maestro музыки, Николинька и я. Мы коротали время въ непринужденности военнаго товарищества. На морѣ страхъ чего то грознаго, хотя вседневнаго, взаимныя страданія, или ихъ присутствіе, на минуту связываетъ людей, какъ будто бы не было, не только Московскаго, Парижскаго свѣта. На кораблѣ, ночью, я написалъ нѣсколько стиховъ, которые, немного переправивъ, вамъ пришлю, а васъ прошу передать Плетневу для его журнала [20].

[20] Современника (1844, т. XXXV, стр. 215). Здѣсь конечно говорится о стихотвореніи *Пироскафъ*:

Дикою, грозною ласкою полны,
Бьютъ въ нашъ корабль Средиземныя волны...
Съ дѣтства влекла меня сердца тревога
Въ область свободную влажнаго бога;

Вотъ Неаполь! Я встаю рано. Спѣшу открыть окно и упиваюсь животворительнымъ воздухомъ. Мы поселились въ Villa Reale, надъ заливомъ, между двухъ садовъ. Вы знаете, что Италія не богата деревьями, но гдѣ они есть, тамъ они чудно прекрасны. Какъ наши сѣверные лѣса въ своей романтической красотѣ, въ своихъ задумчивыхъ зыбяхъ, выражаютъ всѣ оттѣнки меланхоліи; такъ, яркозеленый, рѣзко отдѣляющійся листъ здѣшнихъ деревьевъ живописуетъ всѣ степени счастья. Вотъ проснулся городъ: на ослѣ, въ свѣжей зелени Итальянскаго сѣна, испещреннаго малиновыми цвѣтами, шажкомъ ѣдетъ Неаполитанецъ полуголый, но въ красной шапкѣ: это не всадникъ, а блаженный. Лице его весело и гордо. Онъ вѣруетъ въ свое солнце, которое никогда не оставитъ его безъ призрѣнія.

Каждый день два раза, утромъ и поздно вечеромъ, мы ходимъ на чудный заливъ, глядимъ и не наглядимся. На бульварѣ Chiaja, котораго подражаніе мы видимъ въ нашемъ Московскомъ, нѣсколько статуй, которыя освѣщаетъ для насъ то Итальянская луна, то Итальянское солнце. Понимаю художниковъ, которымъ нужна Италія. Это освѣщеніе, которое безъ рѣзкости лампы выдаетъ всѣ оттѣнки, весь рисунокъ человѣческаго образа, во всей точности, легкости, мечтаемой артистомъ, находится только здѣсь, подъ этимъ дивнымъ небомъ. Здѣсь, только здѣсь, можетъ образоваться и рисовальщикъ и живописецъ.

Мы осмотрѣли нѣкоторыя изъ здѣшнихъ окрестностей. Видѣли, что можно видѣть въ Геркуланумѣ, были въ Пуццолѣ, видѣли храмъ Серапійскій; но что здѣсь упоительно, это то внутреннее существованіе, которое даруетъ небо и воздухъ. Если небо, подъ которымъ Филемонъ и Бавкида превратились въ деревья, не уступаетъ здѣшнему, Юпитеръ былъ щедро-благъ, а они присно-блаженны ([21]).

Мы остаемся здѣсь на два или три мѣсяца. Въ продолженіи нашего морскаго путешествія у Настиньки возобновлялись ея нервическіе рюматизмы съ постоянной болью въ желудкѣ. Одинъ изъ лучшихъ здѣшнихъ докторовъ, котораго намъ рекомендовала К. Волхонская ([22]), настоятельно ей предписалъ морскія ванны и здѣшнюю желѣзную воду. Все это у насъ черезъ улицу и ни по чемъ. Съ Хлюстинымъ, котораго внезапная болѣзнь удержала въ Кенигсбергѣ, я полагалъ получить отъ тебя письмо. Нѣжно васъ обнимаю,

---

Жадныя длани я къ ней простиралъ.
Темную страсть мою днесь награждая,
Кротко щадитъ меня немочь морская:
Пѣною здравія брызжетъ мнѣ валъ!

([21]) Сквозь занавѣсъ вѣковъ еще здѣсь помнятъ виллы,
Пріюты отдыховъ и Марія и Силлы.
И кто, безчувственный среди твоихъ красотъ,
Не жаждалъ въ ихъ раю обрѣсть навѣсъ иль гротъ,
Гдѣ бъ скрылся, не на часъ какъ эти полубоги,
Здѣсь Лету пившіе, чтобъ крѣпнуть для тревоги;
Но чтобъ незримо слить въ безмысліи златомъ
Сонъ нѣги сладостной съ послѣднимъ, вѣчнымъ сномъ!

(Дядькѣ-итальянцу, Современн. 1844, томъ XXXV, стр. 220). Въ стихахъ этихъ слышится предчувствіе той участи, которая такъ скоро постигла поэта. И удивительнымъ образомъ предчувствіе это въ предсмертномъ стихотвореніи соединяется съ воспоминаніемъ Тамбовской деревни и первыхъ лѣтъ жизни. Быть можетъ, быстрая смѣна полноты внѣшняго счастія наступавшею грозою внутренней тревоги, и была причиною внезапной и ранновременной кончины поэта. *П. Б.*

([22]) Кн. З. А. Волконская. См. о ней ниже, стр. 311. *П. Б.*

равно какъ всѣхъ вашихъ и нашихъ ребятишекъ.

XXVIII.

Изъ Неаполя, того же года.

......Съ нетерпѣньемъ ждемъ отъ васъ письма, еще болѣе успокоительнаго на счетъ Насти и васъ самихъ. Не смотря на то, что горькое время для васъ миновалось, мы не могли прочесть предпослѣдняго вашего письма безъ содроганія, думая о томъ, что̀ вы претерпѣли. Отдыхаемъ вмѣстѣ съ вами, полагаюсь на милость Божію, уже такъ явную. Мы живемъ въ Неаполѣ какъ въ деревнѣ: дни наши монотонны, но небо, но воздухъ, но море, но югъ вообще не даютъ времени ни скучать, ни задумываться; каждый день наслаждаюсь однимъ и тѣмъ же и всегда съ новымъ упоеніемъ. Жары не несносны. Въ Россіи иногда бываетъ душнѣе. Веселый нравъ Неаполитанцевъ, ихъ необыкновенная живость, безпрестанныя катанья, процессіи, приходскіе праздники съ феерверками, все это такъ ярморочно, такъ безусловно-весело, что нельзя не увлечься, не отдаться дѣтски преглупому и пресчастливому разсѣянью. Мнѣ эта жизнь отмѣнно по сердцу: гуляемъ, купаемся, и ни о чемъ не думаемъ, по крайней мѣрѣ не останавливаемся долго на одной мысли. Это не въ здѣшнемъ климатѣ. Обнимаю васъ, милую Настю и остальныхъ вашихъ и нашихъ ребятишекъ. Въ другой разъ буду писать подробнѣе, а теперь спѣшу, чтобы не упустить почты. Богъ васъ береги всѣхъ!

XXIX.

Оттуда же.

Мы получили разомъ нѣсколько вашихъ писемъ, потому что догадались написать въ Римъ и Флоренцію, чтобы намъ ихъ переслали въ Неаполь. Посылаю вамъ два стихотворенія, отдайте ихъ Плетневу для его журнала. На дняхъ я вамъ адресую письма къ нему, Соболевскому и Вяземскому. Пожалуйста перешлите. Мы ведемъ въ Неаполѣ самую сладкую жизнь. Мы уже видѣли всѣ здѣшнія чудесныя окрестности: Пуцоли, Баію, Кастелламаре, Соренту, Амальфи, Салерну, Пестумъ, Геркуланумъ, Помпеію. Теперь недѣля наша проходитъ для дѣтей въ урокахъ, а каждое воскресенье мы дѣлаемъ une partie de plaisir, осматриваемъ здѣшніе церкви, дворцы и замки, или просто ѣдемъ за городъ въ какую нибудь деревню. Цѣлую, обнимаю васъ обоихъ, нашихъ и вашихъ дѣтей.

*

Два стихотворенія, присланныя съ этимъ письмомъ, были: ***Пироскафъ*** и ***Дядькѣ Италіянцу***. Они тогдаже напечатаны П. А. Плетневымъ въ его Современникѣ. Письмо это, въ которомъ Баратынскій говоритъ „мы ведемъ въ Неаполѣ самую сладкую жизнь“, писано имъ за нѣсколько дней до его кончины, послѣдовавшей $\frac{\text{29 Іюня}}{\text{11 Іюля}}$ 1844 г. Жена его была больна, и наканунѣ докторъ настаивалъ на необходимости пустить ей кровь. Это такъ встревожило Баратынскаго, что къ ночи онъ самъ занемогъ, а на другой день рано утромъ его не стало. Лѣтомъ 1845 г. тѣло поэта, въ кипарисовомъ гробѣ, привезено моремъ изъ Неаполя въ С. Петербургъ. Оно предано землѣ на новомъ кладбищѣ Александро-Невскаго монастыря, близь гробницы Гнѣдича, въ присутствіи семейства покойнаго и нѣсколькихъ его пріятелей: кн. П. А. Вяземскаго, П. А. Плетнева, кн. В. Ѳ. Одоевскаго и др. На памятникѣ, воздвигнутомъ его вдовою, изображены въ

медальонѣ черты его съ слѣдующею надписью изъ его стихотворенія *Отрывокъ*:

Въ смиреньи сердца надо вѣрить
И терпѣливо ждать конца.

КНИЖНАЯ РѢДКОСТЬ.

Намъ случилось имѣть въ рукахъ книжку, не упомянутую ни въ одной росписи и по всему вѣроятію немногимъ извѣстную. Она озаглавлена такъ: *Муравейникъ, литтературные листы, издаваемые неизвѣстнымъ обществомъ неученыхъ людей 1831* (безъ означенія мѣста печатанія и типографіи, въ малую 8-ю долю л.). На заглавномъ листѣ эпиграфомъ знаменитый завѣтъ Шиллера:

Beschäftigung die nie ermattet,
Die langsam schafft, doch nie zerstört,
Die zu dem Bau der Ewigkeiten
Zwar Sandkorn nur für Sandkorn reicht,
Doch von der grossen Schuld der Zeiten
Minuten, Tage, Jahre streicht.
Schiller (1).

Книжка раздѣлена на пять номеровъ, изъ коихъ въ первомъ 32 стр., во второмъ 31, въ третьемъ 32, въ четвертомъ 23, въ пятомъ 22 стр. Читая эти страницы, поминутно встрѣчаешься съ старыми знакомцами, а именно съ прекраснѣйшими, неувядаемыми, всегда зовущими къ чему-то лучшему произведеніями В. А. Жуковскаго, хотя имени его нигдѣ не означено.

Перечислимъ содержаніе „Муравейника“.

(1) Т. е. въ подражаніи В. А. Жуковскаго (соч. его, изд. 1835, II, 74) въ стихотвореніи „Мечты“:

Другъ вѣрный, *Трудъ* неутомимый,
Кому святая власть дана:
Всегда творить, не разрушая,
Мирить печальнаго съ судьбой,
И силу въ сердцѣ водворяя,
Беречь въ немъ ясность и покой.

Номеръ I. стр. 1—9. *Взглядъ на землю съ неба*, подписано буквами W. Z. Прозаическая статья эта помѣщена въ сочиненіяхъ Жуковскаго, изд. 1835, VII, 276—283 стр. (2); но безъ слѣдующаго эпиграфа, выражающаго ея прекрасное содержаніе, которое въ свою очередь выражаетъ собою основную мысль всей жизни Жуковскаго: Gott hat Seelen in Staub gesenkt, damit sie durch Irrthümer zur Wahrheit hindurch brächen, und durch Fehler zur Tugend, und durch Leiden zur Glückseligkeit. *Engel* (3). Въ собраніи своихъ сочиненій Жуковскій помѣтилъ статью эту 1831 годомъ, изъ чего можно заключать, что онъ написалъ ее именно для *Муравейника*, и можетъ быть лѣтомъ 1831 г., во время ужасовъ первой холеры, опустошавшей тогда Россію.

стр. 9—21. *Цидъ. Извлеченіе изъ древнихъ романсовъ Испанскихъ.* Предисловіе въ прозѣ, и за тѣмъ стихи. То и другіе находимъ съ легкими измѣненіями въ собраніи сочиненій Жуковскаго, IV, 189-215, съ тою разницею, что въ Муравейникѣ вездѣ *Цидъ* вмѣсто *Сидъ*. Окончаніе помѣщено на стр. 11—19 Муравейника, номера II-го. Оба раза подпись *W. Z.* Но въ первомъ номерѣ означено: „продолженіе въ слѣдующихъ №“, изъ чего можно заключать, не было ли у Жуковскаго переведено изъ Сида болѣе того, что̀ мы теперь имѣемъ.

стр. 22—23. Французская статья въ прозѣ: *Le sort commun des hommes*. Подпись: «Traduit de l'Anglais de Montgomery. N».

стр. 23—24. *Обращеніе Нортумберландіи въ Христіанство. Изъ древней хроники.* Подпись: «Съ англ. Р.»

стр. 24. *Изображеніе Аравитянъ. Изъ Фирдузи.* Подпись: „Р.“

стр. 25. *Разговоръ Магометова праотца съ непріятельскимъ военачальникомъ.* Подпись: „Р.“

(2) Мы вездѣ ссылаемся на это изданіе.

(3) Т. е. Богъ обрекъ души на бренное бытіе, дабы онѣ въ заблужденіяхъ домогались истины, и въ недостаткахъ достигали добродѣтели, и въ страданіяхъ обрѣтали счастіе.

стр. 25—26. *Le langage des oiseaux.* Въ прозѣ. Подпись: „Съ Англійскаго N“.

стр. 26—30. *Насъ семеро.* Съ Англійскаго, изъ Вортсворта. Въ примѣчаніи сказано: „Издатель получилъ два перевода сей статьи. Онъ рѣшился напечатать тотъ и другой, дабы доставить читателямъ своимъ удовольствіе сравненія“. Подъ первымъ подпись „N“, подъ вторымъ „M.“

стр. 30. *Фридрихъ II.* Подпись: „А.“

стр. 30—32. *Разговоръ дѣда со внукомъ.* Подпись: „M.“ Это прозаическое изложеніе извѣстнаго стихотворенія „Тлѣнность“ (соч. Жуков. VI, 128—133), написаннаго лѣтъ за 15 до изданія Муравейника.

Номеръ II. стр. 1—11. *Письмо къ издателю.* Подпись: «Село Покровское. 1829 іюня 12. NN». Это описаніе одной Новогородской деревни и ея владѣльцевъ, какъ надо думать, не вымышленное.

стр. 19—20. *Смерть Адама.* Подпись: «R. M.»

стр. 20—22. *Le lever du soleil au sommet de l'Etna. Fragments d'un voyage en Sicile.* Подписано двумя звѣздочками.

стр. 22—23. *Суворовъ на Сен-Готарѣ.* Подпись: „Съ Франц. О.“

стр. 23. *Голодный Аравитянинъ.* Подпись: „А.“

стр. 24—25. *Les saintes images.* Подп.: «Trad. de l'Allemand. I. O.»

стр. 25—31. *Пери и Ангелъ.* Подпись: „R. M.“ Это весьма точное изложеніе въ прозѣ извѣстной, переведенной Жуковскимъ, поэмы.

Номеръ III. стр. 1—12. *Способъ обратить добродѣтель въ привычку. Отрывокъ изъ записокъ Франклина.* Безъ подписи.

стр. 13—14. *Перчатка.* Безъ подписи. Извѣстная баллада. (Соч. Жук. V, 207).

стр. 15—17. *L'Etna. Fragmens d'un voyage en Sicile (continuation).*

стр. 17. *Любовь къ отечеству.* Подпись: „I. O.“

стр. 17—19. *Les catacombes de Rome.* Подпись: „R. M.“

стр. 19—22. *Описаніе Алгамбры въ древней Гренадѣ.* Подпись: „I. O.“

стр. 22—24. *Les Arabes.* Подпись: „R. M.“

стр. 24—28. *Неожиданное свиданіе. Быль.* Безъ измѣненій помѣщено въ собраніи соч. Жуковскаго. V, 73—77.

стр. 28—30. *Надгробная пѣснь Регнера Лодброга.* Подпись: „N“. Это изложеніе въ прозѣ, что̀ Н. М. Языковъ написалъ въ стихахъ. (Стих. его, изд. 1858, I, 12) въ альбомъ племянницѣ Жуковскаго А. А. Воейковой.

стр. 31—32. *Двѣ загадки.* Стихи.

Номеръ IV. Стр. 1—16. *Двѣ были.* Помѣщено въ собр. стих. Жуковскаго V, 24—44, подъ заглавіемъ „Двѣ были и еще одна“.

стр. 17—21. *О Петрѣ Великомъ (Извлечено изъ чтенія Руской старины).* Подпись: „О. Р.“

стр. 21—22. *Споръ.* Подпись: „Р. О.“

стр. 22. *Замокъ на берегу моря.* Извѣстные стихи Жуковскаго. II, 58—59, но съ нѣкоторыми измѣненіями.

стр. 23. *Два явленія.* Тоже, что̀ предъидущіе стихи, только въ прозѣ.

Номеръ V. Стр. 1—2. *Александръ Невскій.* Подпись: „А. Р.“

стр. 3—12. *Сраженіе съ змѣемъ.* Извѣстная баллада, въ соч. Жуковскаго V, 47—57.

стр. 12—14. *Аристодемъ.* Подпись: „П.“

стр. 14—15. *Наставленіе Ментора Телемаку.* Подпись: „П.“

стр. 16—17. *Островъ.* Стихи.

стр. 17—19. *Каннитферштанъ. Быль.* Подпись „Р. П.“ Изложеніе въ прозѣ вышепомѣщенныхъ стиховъ (Двѣ были).

стр. 19—22. *Пѣснь Регнера Лодброга.* Подпись: „В.“ Стихотворное переложеніе вышепомѣщеннаго.

Произведенія Жуковскаго, помѣщенныя въ „Муравейникѣ“, равно какъ и содержаніе остальныхъ статей онаго, все проникнутое высокою нравственною чистотою, не оставляютъ никакого сомнѣнія, что книжка эта издана, если не имъ, то при его ближайшемъ участіи. Не было ли это изданіе въ родѣ тѣхъ шести тетрадокъ, которыя напечаталъ Жуковскій въ 1818 г. въ Москвѣ, подъ названіемъ *Для немногихъ (Für Wenige)*, и которые, какъ извѣстно, служили руководствомъ для покойной императ-

рицы Александры Ѳедоровны при изученіи Русскаго языка? Но въ семъ послѣднемъ изданіи помѣщены вообще образцы Германской поэзіи съ прекрасными переводами Жуковскаго; въ статьяхъ же Муравейника мы замѣчаемъ цѣль наставительную, дѣтски образовательную.

Извлекаемъ изъ этой рѣдчайшей книжки слѣдующія стихотворенія, которыя, сколько намъ извѣстно, нигдѣ больше не были помѣщены, и которыя, по всему вѣроятію, принадлежатъ Жуковскому.

ДВѢ ЗАГАДКИ.

I.

Не человѣчьими руками
Жемчужный разноцвѣтный мостъ
Изъ водъ построенъ надъ водами.
Чудесный видъ! Огромный ростъ!
Раскинувъ паруса шумящи,
Не разъ корабль подъ нимъ проплылъ;
Но на хребетъ его блестящій
Еще никто не восходилъ!
Идешь къ нему — онъ прочь стремится,
И въ то же время недвижимъ;
Съ своимъ потокомъ онъ родится,
И вмѣстѣ исчезаетъ съ нимъ.

II.

На пажити необозримой,
Не убавляясь никогда,
Скитаются неизчислимо
Сереброрунныя стада.
Въ рожекъ серебряный играетъ
Пастухъ, приставленный къ стадамъ;
Онъ ихъ въ златую дверь впускаетъ,
И счетъ ведетъ имъ по ночамъ.
И недочета имъ не зная,
Пасетъ онъ ихъ давно, давно;
Стада поитъ вода живая,
И умирать имъ не дано.
Онѣ одной дорогой бродятъ,
Подъ стражей пастырской руки,
И юноши ихъ тамъ находятъ,
Гдѣ находили старики.
У нихъ есть вождь — *овенъ* прекрасный;
Ихъ сторожитъ огромный *песъ;*
Есть *левъ* межъ ними неопасный
И *дѣва*, чудо изъ чудесъ.

ОСТРОВЪ.

Цвѣтетъ и разцвѣтаетъ
Мой милый островокъ;
Тамъ вѣетъ и летаетъ
Душистый вѣтерокъ.

Сплела тамъ роща своды;
Въ тѣни ихъ тишина;
Кругомъ покойны воды,
Прозрачныя до дна.

Тамъ знойными лучами
День лѣтній не палитъ;
Тамъ сладостно листами
Прохлада шевелитъ.

Тамъ звѣзды ясной ночи
Сквозь темный сводъ древесъ
Глядятъ, какъ будто очи
Блестящія небесъ.

Плѣнительно сквозь сѣни
Луна сіяетъ тамъ,
Раскидывая тѣни
Деревъ по берегамъ.

Тамъ Геніи крылаты
Играютъ при лунѣ,
Пьютъ листьевъ ароматы,
И плещутся въ волнѣ.

Тамъ насъ встрѣчаетъ Радость;
Тамъ все забава намъ:
Подруга наша *Младость*
Играетъ съ нами тамъ.

Не относится ли послѣднее стихотвореніе къ прекрасному Царскому Селу, гдѣ В. А. Жуковскій провелъ часть лѣта 1831 года, занятый своею высокою, святоисполненною должностью? *П. Б.*

ЗАМѢТКА.

2 СЕНТЯБРЯ 1812 г.

Покойный графъ В. А. Перовскій, въ своихъ любопытныхъ Запискахъ, недавно изданныхъ въ Русскомъ Архивѣ (1865 г., изд. 2-е стр. 1031—1058), разсказывая объ обстоятельствахъ, сопровож-

давшихъ задержаніе его въ плѣну у Французовъ, сообщаетъ между прочимъ извѣстіе объ одномъ случаѣ, которымъ заключился вѣчно-памятный день 2 сентября 1812 года. Именно подъ вечеръ этого дня, часу въ пятомъ, Перовскій, въ сопровожденіи двоихъ казаковъ, выѣхалъ верхомъ изъ Москвы чрезъ Лефортовскую заставу. „Отъѣхавъ съ версту отъ города въ право — разсказываетъ онъ — увидѣли мы конницу, и хотя отъ насъ еще довольно далеко, но можно было различить, что тутъ была и наша и непріятельская. Подъѣхавъ еще ближе, велѣлъ я казакамъ подождать меня, а самъ поскакалъ къ стоящимъ верхомъ офицерамъ. То были нашъ генералъ-маіоръ Па...евъ и французскій ген. Себастіани, съ своими адъютантами: у одного изъ послѣднихъ спросилъ я о предметѣ разговора обоихъ генераловъ. „Они уговариваются о томъ, чтобы пропустили полки наши, отвѣчалъ онъ мнѣ; наша бригада отрѣзана, но насъ пропустятъ, и на сегодняшній день заключено перемиріе“. Въ то же время, по командѣ, раздалась французская конница, и нашъ драгунскій и казацкій полки пошли въ интервалы. Начинало смеркаться. Я поскакалъ на то мѣсто, гдѣ оставилъ двухъ казаковъ своихъ. Пріѣхавъ, искалъ и кликалъ ихъ, но, не находя, поѣхалъ весьма скоро обратно. Не прошло пяти минутъ, какъ я говорилъ съ адъютантомъ генерала П. Не смотря на сумерки, видны были еще мнѣ войска наши, но французы протянули уже ночную цѣпь свою, и когда я подъѣхалъ къ ней, меня окликнули“. Перовскій былъ задержанъ и отведенъ къ генералу Себастіани.

При этомъ разсказѣ Перовскаго объ освобожденіи двухъ нашихъ кавалерійскихъ полковъ, состоявшихъ подъ командою генералъ-маіора Па...ева, нельзя не вспомнить разсказа Михайловскаго-Данилевскаго ([1]) объ освобожденіи Милорадовичемъ двухъ задержанныхъ французами эскадроновъ полка генерала Панчулидзева: оба разсказа относятся къ одному и тому же времени, и генералъ-маіоръ Па...евъ есть, безъ сомнѣнія, Панчулидзевъ ([2]).

Когда арріергардъ и обозы отошли отъ города версты четыре, и Милорадовичъ, начальствовавшій 2 сентября арріергардомъ, расположился въ ближней деревнѣ, къ нему (разсказываетъ Михайловскій-Данилевскій) внезапно „явился генералъ-маіоръ Панчулидзевъ съ донесеніемъ, что два эскадрона его полка, или запоздавъ или заблудясь въ Москвѣ, не успѣли присоединиться къ арріергарду и остановлены позади непріятельской цѣпи. Милорадовичъ послалъ требовать возвращенія ихъ, но почитая дѣло слишкомъ важнымъ, сѣлъ верхомъ, опередилъ адъютанта, проскакалъ одинъ, безъ трубача, чрезъ непріятельскіе посты, сказалъ привѣтствіе Себастіани и, не ожидая его отвѣта, скомандовалъ нашимъ двумъ эскадронамъ: по три направо, заѣзжай! вывелъ ихъ изъ непріятельской цѣпи и съ ними вмѣстѣ освободилъ множество подъѣхавшихъ изъ Москвы экипажей“.

Какъ ни характеристиченъ этотъ разсказъ Михайловскаго-Данилевскаго, живо обрисовывающій блестящую, рыцарственную личность Милорадовича, но мы позволяемъ себѣ усумниться въ его

([1]) Исторія Отечественной войны (т. II, стр. 370—371).

([2]) Неизвѣстно только, который Панчулидзевъ. Въ „Росписаніи войскъ 1-ой Западной арміи“, помѣщенномъ въ приложеніяхъ къ Запискамъ Ермолова (Чтенія въ Московск. общ. ист. и др. за 1865 г., кн. 4, стр. 239 и 240) Панчулидзевыхъ показано двое. Оба были генералъ-маіоры и бригадные командиры. Въ бригадѣ Панчулидзева 2-го находились Ингерманландскій и Каргопольскій полки (2-го кавалерійскаго корпуса генералъ-адъютанта барона Корфа), а въ бригадѣ Панчулидзева 1-го были полки Харьковской и Черниговской (4-го кавалерійскаго корпуса генералъ-маіора графа Сиверса). Впрочемъ, есть основаніе думать, что въ обоихъ разсказахъ рѣчь идетъ о Панчулидзевѣ 1-мъ.

достовѣрности. Какіе это были два эскадрона полка генерала Панчулидзева? Изъ разсказа Перовскаго видно, что Себастіани пропустилъ оба его полка, не задерживая ни одного эскадрона, пропустилъ въ силу перемирія, которое Милорадовичъ, прикрывавшій отступленіе русской арміи, заключилъ съ королемъ неаполитанскимъ (до семи часовъ слѣдующаго утра). Если бы это дѣйствительно были—какъ доносилъ Милорадовичу Панчулидзевъ—отставшіе отъ его полка два эскадрона, которые, *„или запоздавъ, или заблудясь въ Москвѣ*, не успѣли присоединиться къ арріергарду“ и, будучи остановлены позади непріятельской цѣпи, были выведены потомъ изъ нея Милорадовичемъ, вмѣстѣ со множествомъ подъѣхавшихъ изъ Москвы экипажей: то Перовскій конечно не могъ бы не знать всего этого. Тотчасъ послѣ освобожденія Панчулидзева съ его бригадой, Перовскій былъ представленъ генералу Себастіани и принужденъ былъ остаться *при немъ* до слѣдующаго утра, когда отправленъ былъ въ Москву къ королю неаполитанскому. Проведя вечеръ и ночь у Себастіани, даже въ его собственной квартирѣ, могъ ли онъ ничего не знать о подвигѣ Милорадовича, даже не видѣть послѣдняго, когда онъ говорилъ привѣтствіе Себастіани? Но у Перовскаго, довольно обстоятельно описавшаго свое пребываніе у Себастіани, нѣтъ даже намека, который бы могъ хоть сколько нибудь оправдать извѣстіе, приводимое Михайловскимъ-Данилевскимъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что это извѣстіе (3) есть не болѣе, какъ анекдотъ, достовѣрность котораго мы можемъ рѣшительно отвергнуть теперь, благодаря Запискамъ Перовскаго (4). *М. Шугуровъ.*

(3) Оно приводится и послѣднимъ историкомъ «Отечественной войны 1812 года», ген.-маір. Богдановичемъ, въ прим. 45 къ XXV гл. II-го тома.

(4) Кстати сообщимъ здѣсь то что́ дошло до нашего свѣдѣнія уже по отпечатаніи Записокъ гр. В. А. Перовскаго: упоминаемый имъ С., товарищъ его плѣна во Франціи, есть Петръ Николаевичъ Семеновъ (сочинитель довольно извѣстнаго Митюхи Валдайскаго). *П. Б.*

ПИСЬМО СПАФАРІЯ КЪ БОЯРИНУ ГОЛОВИНУ (*)

Милостивый мой государь бояринъ Ѳедоръ Алексѣевичь. Предъ поѣздомъ своимъ изъ Царя-Града Іюля 21 дня, господинъ Сава Рагузинскій писалъ ко мнѣ, что онъ, по приказу велможности вашея, промыслилъ съ великимъ страхомъ и опасеніемъ житія своего отъ турковъ двухъ арапчиковъ, а третіего послу Петру Андреевичю, и тѣхъ арапчиковъ послалъ съ человѣкомъ своимъ сухимъ путемъ чрезъ Мултянскую и Волоскую земли для опасенія. И нынѣ, государь, Ноября въ 13 день, тотъ человѣкъ Савинъ пріѣхалъ съ тѣми арапчиками къ Москвѣ въ цѣлости, и я изъ тѣхъ трехъ выбралъ двухъ, которые лучше и искуснѣе, родныхъ братьевъ, и отдалъ ихъ въ пречестномъ домѣ вашемъ пречестной госпожѣ матушкѣ вашей, и дѣтемъ вашимъ благороднѣйшимъ, а третіего, который поплошѣе, оставилъ Петру Андреевичю, потому что такъ писалъ ко мнѣ и господинъ Сава, да и человѣкъ его сказалъ, что тотъ негоденъ. Меншей изъ нихъ именемъ Аврамъ крещенъ отъ племянника господаря Мултянскаго, а большой еще въ бесурманствѣ.

(*) За сообщеніе письма этого мы обязаны князю М. А. Оболенскому. Читатели сличатъ оное со статью М. Н. Лонгинова: „А. П. Ганнибалъ“ въ Русскомъ Архивѣ 1864 года. Впрочемъ упоминаемый въ письмѣ Аврамъ, кажется, не могъ быть предкомъ А. С. Пушкина. Ѳ. А. Головинъ управлялъ тогда посольскимъ приказомъ, а Петръ Андреевичь Толстой—нашъ посолъ въ Царьградѣ. *П. Б.*

Давно уже послалъ я къ велможности вашей переводы армянскіе за рукою моею, а по сю пору вѣдомости еще нѣтъ, приняты въ цѣлости, или нѣтъ, прошу униженнѣ отповѣдь.

А Вартапетъ граматы, что належатъ къ Цесарю и Курфирстру, хотѣлъ послати ко Орію, а я не велѣлъ ему до вашего указу, и о томъ какъ государь изволишь, и прикажи.

А въ Азовъ всѣ товары Савины пришли въ цѣлости съ племянникомъ его маленькимъ, а какъ будутъ сюда, что належитъ къ велможности вашей выберемъ и отдадимъ паки въ благородномъ домѣ вашемъ. За симъ десница Божія до сохранитъ велможность вашу и душевно и тѣлесно превыше всякаго искушенія. Велможности вашей нижайшій рабъ Николай Спаѳари.

Писано на Москвѣ
Ноября въ 15 день
1704.

Выписано изъ писемъ разныхъ лицъ (на Русскомъ языкѣ) 1704 г. №. 11. св. 14. Письма къ боярину Ѳедору Головину отъ переводчика Николая Спафарія съ приложеніями.

О МАРКИЗѢ ДЕ ЛА ШЕТАРДИ.

Изъ донесенія императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ гр. П. Г. Чернышева, отъ 23 окт. 1742, хранящагося въ Московскомъ Главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ.

Марки де ла Шетарди еще здѣсь (1) дней съ пять пробыть намѣренъ, а потомъ путь воспріиметъ чрезъ Дрезденъ и Франкфуртъ во Францію. Въ бытность его здѣсь онъ во всѣхъ оказіяхъ, говоря съ королемъ, съ королевами и съ прочими здѣсь первыми персонами, тщательно вездѣ вседолжно прославлялъ какъ всевысочайшее имя вашего императорскаго величества, такъ и благополучіе, которое нынѣ чувствуютъ въ богохранимомъ, благословенно счастливомъ государствованіи вашего императорскаго величества всѣ вѣрноподданные; о силѣ имперіи, о безпримѣрно порядочной дисциплинѣ военной, о хорошемъ состояніи флота, о огромности и магнифиценціи двора; такожде, сверхъ того, о премудрости, милости, великодушіи и щедрости вашего императорскаго величества ко всѣмъ. При чемъ здѣсь всѣмъ, какъ вышепомянутымъ, такъ и кто токмо у него смотрѣть хотѣлъ, казалъ всѣ вашего императорскаго величества ему при отъѣздѣ его всемилостивѣше пожалованные пребогатые подарки, которые здѣсь всѣ съ неописанною адмираціею смотрятъ, и при томъ единогласно, даже до королевы, сказали, что подобные въ свѣтѣ токмо сдѣлать тщивость имѣетъ и въ состояніи находится одна императрица Всероссійская. *Король же* (2), *которой не всегда съ охотою слышитъ, что въ свѣтѣ есть государи, которые всѣми качествами его превосходятъ, хотя ему Дешетарди, какъ онъ съ нимъ о вышеписанномъ говорилъ, ни въ чемъ не поперечилъ, однакожъ заочно сказалъ, говоря съ королевою своею матерью, что де съ нимъ объ Россіи говорить нельзя, ибо онъ ей совсѣмъ преданъ.*

Означенное курсивомъ въ подлинникѣ писано цифирью.

(1) Т. е. въ Берлинѣ, гдѣ гр. Чернышевъ былъ нашимъ посланникомъ. Изчисленіе подарковъ полученныхъ маркизомъ отъ императрицы Елизаветы см. въ книгѣ П. П. Пекарскаго: „Маркизъ де-ла-Шетарди“ Спб. 1862, стр. XVI.

(2) Т. е. Фридрихъ Великій.

ШУТОЧНАЯ ЗАПИСКА В. А. ЖУКОВСКАГО КЪ Н. И. ГНѢДИЧУ.(¹)

(Съ автографа).

Сладостно было принять мнѣ табакъ твой, о выспренній Гнѣдичъ!
Буду усердно, пріявши перстами, къ предверіямъ жаднаго носа
Прахъ сей носить благовонный и, сладко чихая, сморкаться!
Будетъ платкамъ отъ него помаранье, а носу великая слава!
Гдѣ ты сегодня? Что Алексѣй Николаевичъ? (²) Лучшель
Стало ему? Постараюся нынѣ съ нимъ видѣться утромъ.
Еслибъ ты, Николай, взгомозился зайти по дорогѣ за мною:
Вмѣстѣ бъ пошли мы, дорóгой вѣщая крылатыя рѣчи другъ другу!

О КНЯГИНѢ З. А. ВОЛКОНСКОЙ.

OEUVRES *choisis de la princesse Zénéide Volkonsky, née princesse Beloselsky. Paris et Carlsruhe, typ. de W. Hasper, 1865. 8⁰. XV и 538 стр.*

СОЧИНЕНІЯ *княгини Зинаиды Александровны Волконской, урожденной княжны Бѣлосельской. Парижъ и Карлсруэ. Печатано въ придворной тип. В. Гаспера въ Карлсруэ 1865 8⁰. 6 нен. и 175 стр.*

Книги эти обязательно доставлены въ Чертков. библіотеку сыномъ покойной кн. З. А. Волконской, нашимъ чрезвыч. посланникомъ и полном. министромъ при Испанскомъ дворѣ, кн. А. Н. Волконскимъ. Они составляютъ библіографическую рѣдкость, такъ какъ изданы не для продажи, а только въ воспоминаніе о женщинѣ необыкновенной по уму, красотѣ, разнообразнымъ талантамъ и душевной энергіи, женщины, оставившей довольно яркій слѣдъ въ исторіи нашего общества и въ нашихъ литературныхъ преданіяхъ. Къ сожалѣнію издатель, въ предисловіи къ собранію французскихъ произведеній кн. Волконской, воздерживается отъ сообщенія біографическихъ о ней подробностей; между тѣмъ какъ жизнь ея возбуждаетъ живѣйшее любопытство. Она была дочь оберъ-шенка кн. Александра Мих. Бѣлосельскаго (1752-1809), роднаго по матери племянника гр. Чернышевыхъ, столь извѣстныхъ въ Елизаветинское и Екатерининское царствованія. Кн. Бѣлосельскій былъ страстнымъ любителемъ словесности, и французскіе стихи его, къ которымъ съ большою похвалою относились Вольтеръ и Делиль, доставили ему громкую извѣстность. Онъ былъ литературнымъ воспитателемъ своей дочери. Мать кн. Волконской была Варв. Яковл. Татищева († въ 1792 въ Туринѣ, гдѣ мужъ ея былъ посланникомъ), по своей матери племянница славнаго П. Д. Еропкина (*). Съ малолѣтства кн. Волконская окружена была памятниками ума и произведеніями искусства. Она вышла за мужъ за егермейстера кн. Никиту Григорьевича Волконскаго († 1844, роднаго внука фельдм. кн. Репнина) и принадлежала къ самому высшему кругу Петербургскаго двора. Императоръ Александръ любилъ бывать въ ея обществѣ, въ Теплицѣ и Прагѣ въ 1813 г., потомъ въ Парижѣ, и на конгрессахъ Вѣнскомъ и Веронскомъ. Блестящимъ періодомъ жизни ея были года 1813—1831. Она находилась въ сношеніяхъ съ литературными, художественными и политическими знаменитостями какъ Россіи, такъ и всей Европы. Громкую славу пріобрѣла она своими успѣхами въ музыкѣ, исполняя новыя произведенія Россини, также въ сценическомъ искусствѣ и филологіи: она знала даже по гречески и по латинѣ. Въ филологіи наставникомъ ея былъ членъ нашей академіи Андрей Меріанъ; и она находилась въ дружескихъ сношеніяхъ съ извѣстнымъ ученымъ Гульяновымъ.

Съ 1824 по 1829 г. кн. Волконская жила въ Москвѣ, въ богатомъ домѣ брата своего у Тверскихъ воротъ, который она умѣла обратить въ настоящую академію наукъ и искусствъ. У нея часто бывали музыкально-литературные вечера, на которые собирались всѣ художественные таланты. Она страстно занялась Русскою словесностію, изученіемъ Русскихъ древностей и народнаго быта, и готова была даже составить особое Русское общество для обнародованія памятниковъ старины и народности. Однимъ изъ плодовъ этихъ занятій остался археологическій романъ ея *Ольга*, на русскомъ и французскомъ языкахъ, уцѣлѣвшіе отрывки котораго теперь напечатаны. Все что было лучшаго въ Русской словесности, съ почтеніемъ окружало высокоталантливую княги-

(*) Въ Р. Архивѣ 1865 г. изд. 2-е стр. 1407, ошибочно сказано, что мать кн. Волконской была урожд. Козицкая: эта была ея мачиха.

(¹) Сообщено М. Н. Лонгиновымъ. Читатели наши знаютъ, что Н. И. Гнѣдичь, переводившій Иліаду, былъ очень степененъ въ обращеніи, и весь преданный своему труду, любилъ говорить о немъ и приводить свои важные гексаметры. *П. Б.*

(²) Оленинъ.

нію. Въ приложеніи къ Русскимъ ея сочиненіямъ собраны стихи, ей посвященные, и тутъ, кромѣ извѣстныхъ посланій Пушкина (*Среди разсѣянной Москвы*) и Баратынскаго (*Изъ царства виста и зимы*) между прочимъ встрѣчаемъ стихи И. В. Кирѣевскаго,—единственный, сколько извѣстно въ печати, такого рода опытъ этого замѣчательнаго писателя. Жившій тогда въ Москвѣ Мицкевичъ находилъ себѣ восторженное сочувствіе въ кн. Волконской, а молодой Веневитиновъ привязанъ былъ къ ней всѣми силами души. С. П. Шевыревъ былъ у нея домашнимъ человѣкомъ. Словомъ, кн. Волконская была центромъ Московской умственной жизни.

И все это соединеніе благопріятныхъ условій, какъ часто бываетъ у насъ, пропало для Россіи быстро и безвозвратно. Вслѣдствіе ли частныхъ или общественныхъ причинъ, Богъ вѣсть, кн. Волконская въ 1829 г. уѣхала въ свою издавна любимую Италію, и съ тѣхъ поръ, кажется, не возвращалась домой. Она поселилась въ Римѣ, посвятила себя дѣламъ милосердія и скончалась въ 1862 г. строгою подвижницею иного закона. (См. Русскій Инвалидъ 1866 г. № 289, и также Правосл. Обозрѣніе 1866 года). Съ глубокою скорбью будущій историкъ отмѣтитъ, что всѣ высокіе дары, коими столь щедро надѣлена была покойная княгиня, не принесли *для Россіи* той пользы, какой можно было ожидать.

Въ собраніи Русскихъ ея сочиненій, кромѣ повѣсти Ольга, находятся путевыя ея замѣтки и нѣсколько стихотвореній, изъ коихъ для примѣра выписываемъ слѣдующее:

КНЯЗЮ П. А. В.

на смерть его дочери.

Въ стѣнахъ святыхъ она страдала,
Какъ мученица древнихъ лѣтъ;
Страдать и жить она устала;
Ужъ все утихло... дѣвы нѣтъ!

И кипарисъ неперемѣнной
Стоитъ надъ дѣвственной главой...
Свидѣтель тайны подземельной,
И образъ горести родной!

Ты ѣдешь.... но ея могилу
Оставишь мнѣ не сиротой:
Такъ солнца замѣняетъ силу
Лучь мѣсяца въ ночи святой!

Римъ 1835.

Гравированной портретъ кн. З. А. Волконской съ подлинника (работы К. П. Брюлова) приложенъ къ изданію написанной ею и положенной ею же на музыку кантаты въ память императора Александра Павловича. *П. Б.*

О ЧЕРТКОВСКОЙ БИБЛІОТЕКѢ ВЪ 1866 ГОДУ.

Библіотека, собранная покойнымъ предсѣдателемъ императорскаго общества исторіи и древностей Россійскихъ при Московскомъ университетѣ и предводителемъ Московскаго дворянства *Александромъ Дмитріевичемъ Чертковымъ*, принадлежащая нынѣ сыну его *Григорію Александровичу* и приспособленная имъ къ общественному безплатному пользованію, находится въ домѣ Г. А. Черткова, въ Москвѣ, на Мясницкой, № 7-й (первый, малый подъѣздъ, со стороны Китая-города). Она открыта для чтенія безплатно, отъ одинадцати до трехъ часовъ, каждый день, кромѣ общихъ праздниковъ. Число читателей въ Чертковской библіотекѣ въ 1866 году не превышало (среднею цифрою) 14 человѣкъ въ день, т. е. на 2 человѣка болѣе сравнительно съ 1865 годомъ. Ближайшія подробности объ ея составѣ и устройствѣ можно найти въ 1863 и 1864-мъ годахъ издаваемаго при Чертковской библіотекѣ Русскаго Архива.

Въ 1866 году въ Чертковскую библіотеку поступило новыхъ пріобрѣтеній: 1960 сочиненій въ 2075 томахъ, такъ что къ 1-му генварю 1867 въ библіотекѣ состояло 13,412 сочиненій въ 21,349 частяхъ, въ томъ числѣ 333 рукописи и 3027 брошюръ. Полные катологи, азбучный, перечневой и предметный, облегчаютъ пользованіе библіотекой, тѣмъ болѣе что книги получаются въ самое короткое время. Кромѣ того подробный предметный каталогъ 4105-ти сочиненій отпечатанъ.

Въ 1866 году въ Чертковскую библіотеку съ признательностью приняты слѣдующія приношенія отъ просвѣщенныхъ ревнителей общественнаго знанія:

Отъ **А. Н. Андреева**. Альбомъ фотограф. снимковъ съ барельефовъ Сенатской залы въ Москвѣ; также книги его сочиненія.

Отъ **Н. Ѳ. Балясснаго**. Фотограф. портреты Г. С. Сковороды, В. Н. Каразина и Г. Ѳ. Квитки-Основьяненка.

Отъ **П. А. Безсонова**. Нѣсколько печатныхъ листковъ и брошюръ, относящихся до послѣдняго Польскаго мятежа; рукописныя свѣдѣнія о погребеніи останковъ короля Станислава Лещинскаго; біографическія бумаги объ епископѣ Адамѣ Станиславѣ Красинскомъ и его руки Польское переложеніе Плача Ярославны.

Отъ **г. Болдырева** изъ Кадома (Тамб. г.) Печатный листъ церковнославянскаго типа, содержащій въ себѣ „Молитву въ нашествіи враговъ", которую, по распоряженію Кошута, въ 1849 г. уніатскіе священники приневолены были читать каждую обѣдню передъ херувимскою пѣснію для возбужденія негодованія противъ Русскихъ войскъ. Извѣстно, что эта мѣра Венгерскаго революціоннаго правительства неудалась вполнѣ: не только Русняки-уніаты, но и Венгерцы-кальвинисты дружески принимали войска наши.

Отъ **кн. А. Н. Волконскаго** изъ Мадрита, сочиненія кн. З. А. Волхонской на Русскомъ и Французскомъ языкахъ, изд. въ Карлсруэ 1865 г., также грав. портретъ ея при ея кантатѣ и письмо къ ней славной писательницы Сталь въ сентябрѣ 1812 г.

Отъ **В. И. Даля**. Нѣсколько рукописей новѣйшаго времени, большею частію относящихся до Оренбургскаго края.

Отъ барона **А. И. Дельвига**. Описаніе памятника Петру Великому въ Спб. на франц. языкѣ.

Отъ профессора Московскаго Университета **Ѳ. М. Димитріева** собственноручная переплетенная рукопись(109 листковъ въ продольную 8-ку) дѣдадяди его Ивана Ивановича Дмитріева, заключающая въ себѣ его „Апологи въ четверостишіяхъ 1823". См. о нихъ Русскій Архивъ 1866, стр. 1633.

Отъ **Г. Н. Геннади** 159 не имѣвшихся въ библіотекѣ брошюръ разнаго содержанія.

Отъ **М. М. Евреинова:** 1) Портретъ масляными красками импер. Маріи Терезіи.—2) Портретъ кн. Александра Борисовича Куракина, гравюра.—3) Портретъ гр. А. Х. Бенкендорфа, нарисовалъ перомъ А. Д. Одинцовъ 1847 —4) Собственноручное письмо А. П. Сумарокова къ гр. Г. Г. Орлову (напечатано въ Р. Арх. 1867, стр. 100).—5) Письма къ А. П. Сумарокову, одно отъ зятя его Аркадія Иван. Бутурлина, изъ Москвы 20 мая 1756 (оказывается, что жену Сумарокова звали Іоганна Крестьяновна), другое безъ числа, на фр. языкѣ, отъ куратора Моск. университета И. И. Мелиссино.—6) Письмо гр. Н. П. Румянцева къ гр. Ѳ. В. Ростопчину изъ Невеля, 5 іюля 1812 (о поѣздкѣ барона Штейна въ Москву).—7) Письма къ Ивану Андр. Евреинову одно гр. А. Р. Воронцова 18 мая 1799 г. и три графа Гр. Влад. Орлова 1814 - 1815. — 8) Собственноручная записка имп. Елизаветы Алексѣевны къ госп. Кожиной, безъ года.—9) Письмо гр. Д. Н. Блудова къ И. И. Мартынову 22 дек. 1827. — 10) Собственноручное письмо императора Павла въ Кіевъ генералъ-лейтенанту кн. П. М. Дашкову, изъ Спб. 24 окт. 1798.

Отъ **Н. А. Елагина**. Экземпляръ рѣдкой брошюры „О Военныхъ поселеніяхъ. Спб. 1825", сочиненіе Сперанскаго (см. его Жизнь, соч. барона М. А. Корфа, II, стр. 282).

Отъ **И. И. Живарева**. Объявленія

вольнаго эконом. общества XVIII в. и двѣ печатныя оды: кн. Потемкину и Е. В. Щербинину.

Отд **С. Д. Кожухова**. Рукописное собраніе писемъ Петра Великаго къ гр. Ѳ. М. Апраксину.

Отъ **С. Н. Колошина** нѣсколько записокъ, черновыхъ набросковъ и рисунковъ А. С. Пушкина, въ томъ числѣ шуточное шестистишіе:

Душа моя Павелъ,
Держись моихъ правилъ,
Люби то-то-то-то,
Не дѣлай того-то.
Кажись, это ясно.
Прощай, мой прекрасный.

Всѣ эти листки принадлежали В. П. Зубкову. Изъ стихотвореній тутъ черновые автографы: „Отвѣтъ X+У. Нѣтъ не Черкешенка она» и «За чѣмъ безвременную скуку», подписано: «1 Ноября 1826. Москва». Въ рисункахъ находимъ силуеты Веневитинова, князя П. А. Вяземскаго и супруги его и другихъ.

Отъ барона **М. А. Корфа.** Полнаго Собранія Законовъ Россійской имперіи, перваго собранія томы XVII и XVIII, втораго, томъ XX въ двухъ отдѣленіяхъ.

Отъ **Ѳ. В. Кривцова**, подлинный дипломъ на латинскомъ языкѣ, выданный орденомъ Мальтійскихъ рыцарей славному сподвижнику Петра Великаго Якову Георгу Гордону, 29 апрѣля 1706.

Отъ **Х. І. Лазарева** 17 литографированныхъ и гравированныхъ портретовъ Русскихъ людей.

Отъ **И. П. Липранди.** Нѣсколько важныхъ рукописей, большею частію новѣйшаго времени, въ томъ числѣ Записки оберпрокурора св. Синода А. А. Яковлева (1803); а также книги, сочиненія И. П. Липранди.

Отъ г. чиновника Московской удѣльной конторы **А. Н. Медвѣдева:** два собственноручныхъ письма императрицы Анны, когда она была еще Курляндскою герцогинею, къ сестрѣ ея царевнѣ Прасковьи Ивановнѣ, изъ Митавы 2 мая и 22 августа 1727 г.

Отъ покойнаго генер.-адъютанта **Н. Н. Муравьева-Карскаго.** Поясной портретъ (масляными красками) дѣда его, генералъ-инженера и сочинителя первой алгебры по русски (1732) Николая Ерофѣевича Муравьева, бывшаго при импер. Екатеринѣ Рижскимъ генералъ-губернаторомъ (изображенъ въ тогдашнемъ инженерномъ мундирѣ, въ правой рукѣ чертежъ Кенигсбергской крѣпости, въ которой онъ вѣроятно находился во время семилѣтней войны, когда восточная Пруссія принадлежала намъ).

Отъ графа **А. В. Мусина-Пушкина,** 16 старинныхъ рукописей, принадлежавшихъ дѣду его извѣстному археологу гр. А. И. Мусину-Пушкину: 1) Статейный списокъ Петра Потемкина и Семена Румянцова, ѣздившихъ въ 1678 г. въ Испанію и Францію — 2) Сказаніе о Донскомъ бою. — 3) Лѣтописъ Симона-попа, бывшаго на Флорентинскомъ соборѣ. —4) Книга разумѣнія о познаніи сошнаго и вытнаго письма и хлѣбной клади. —5) Барона Фоншредера царское сокровище. —6) Кроника Славянорусская о панствахъ Русскихъ, Польскихъ и Литовскихъ — 7) Кардинала Баронія Разноедѣяніе церковное. —8) Лѣтописъ келейный св. Димитрія Ростовскаго. — 9) Хронографъ и въ немъ Русская Лѣтопись до 1680 г. 2 части. — 10) Сказаніе о началѣ царства Казанскаго. —11) Лѣтописецъ царствованіе Василія Іоанновича. —12) Исторія Россійская съ избранія Шуйскаго до 1610 г. — 13) Повѣсти временъ и лѣтъ, до царя Алѣксѣя Михайловича. — 14) Догматическое богословіе новаго

письма. — 15) Сборникъ безъ начала и конца (объ Александрѣ Невскомъ.)— 16) О Прусехъ старыхъ и о землѣ ихъ, отъ нѣмцевъ нареченной Пруйстенъ.

Отъ **Ѳ. З. Олсуфьевой.** На столбцахъ: 1) Грамота ц. Алексѣя Михайловича въ Кашинъ И. Р. Арцыбашеву 1666 г.—2) Запись на продажу людей стольника Аѳ. Ив. Зиновьева 1693 г. 3) Указъ патріарха Іоакима въ Кашинскія его деревни 1684 г. 4) Печатные современные листы, изъ коихъ замѣчательны первый манифестъ Екатерины II, 28 іюня 1762, и манифестъ 5 іюля 1762 г. о кончинѣ Петра III; 12 дек. 1777 о рожденіи имп. Александра Павловича; 16 авг. 1782 объ открытіи памятника Петру Великому. 5) Бѣлая гербов. бумага 4 копѣечнаго достоинства 1777 г.

Отъ **М. П. ПОЛУДЕНСКАГО.** Рукописное описаніе Полоцкаго намѣстничества, составленное дѣдомъ его А. М. Лунинымъ.

Отъ **В. А. Рачинскаго** Oude en nieuwe staat van't Russische of Moskovische Keizerryck. Utrecht 1744, съ пред. I. F. Reitz. 4°. 2 ч. въ одномъ переплетѣ съ рисунк.

Отъ **С. А. Рачинскаго.** Лилипутное изданіе статьи С. А. Усова: Обезьяна въ 1812 году. М. 1855.

Отъ **В. Д. Яковлева:** Le Livre des Enfans. Дѣтская книга. На русск. и франц. языкахъ. Рукопись эта въ 4-ку, въ золотообрѣзномъ тисненномъ переплетѣ, посвящена Иваномъ Кудрявцевымъ И. И. Бецкому 26 марта 1768 г. Принадлежала «придворнаго театра актеру Алексѣю Яковлеву».

Отъ барона **Д. Ѳ. Шеппинга.** Столистовая карта Россіи, и два большія лавровыя дерева для украшенія библіотеки.

Пріобрѣтено отъ разныхъ лицъ:

Письмо гр. П. А. Румянцева къ гр. Н. И. Панину о Турецкомъ мирѣ, отъ 10 іюня 1774 г. изъ Браилова (напеч. въ Р. Арх. 1865).

Собственноручное письмо гр. Н. И. Панина къ имп. Екатеринѣ изъ Ульянки, 10 іюля 1778 о движеніи Прусскихъ войскъ въ Австрійскія владѣнія.

Собственноручная тетрадь Я. Б. Княжнина, на 45 стр. въ 4-ку, содержащая въ себѣ шуточную неизданную поэму его въ двухъ пѣсняхъ: «Бой стихотворцевъ»; начало:

Пою сраженіе героевъ я бумажныхъ,
Книгопродавцевъ брань, наборщиковъ отважныхъ,
Которые за честь имъ авторовъ драгихъ
Не пощадили зубъ, ушей, носовъ своихъ.

Въ той же тетради, его же отрывокъ изъ Посланія къ тремъ граціямъ (напеч. въ сочиненіяхъ Княжнина, Спб. 1818, изд. 3-е. V, 47).

Подорожная съ черною печатію, отъ 29 дек. 1797, выданная до города Оренбурга отст. прапорщ. Соколову за подписаніемъ императора Александра (въ то время С.-Петерб. военнаго губернатора) и генералъ-квартермистра, С.-Петербургскаго коменданта и кавалера барона Аракчеева.

Подорожная отъ имени *государя императора* Константина Павловича, выданная *19 дек. 1825* отъ города Дерпта до С.-Петербурга студенту Эдуарду Фирсу.

Черновое письмо гр. Ѳ. В. Растопчина на франц. языкѣ въ Петерб. 19 марта 1800, къ генералу Дюмурье съ приглашеніемъ удалиться изъ Россіи.

Собственноручная записка гр. Сперанскаго къ М. А. Балугьянскому, безъ года.

ГЛАВНѢЙШІЯ СТАТЬИ

ВЪ

РУСКОМЪ АРХИВѢ 1864 ГОДА.

(Съ рисункомъ)

Путеводитель по Чертковской библіотекѣ.
„Образъ Ангела-хранителя съ похожденіями“ и „Вѣтеръ“, два отрывка изъ Русской символики гр. *А. С. Уварова.*
Два доселѣ неизвѣстныхъ письма изъ переписки *Вольтера съ гр. А. И. Шуваловымъ.*
Письмо *Н. И. Надеждина* къ Ю. Н. Бартеневу (о Крымѣ и о своихъ работахъ).
Неизданные отрывки изъ письма Жуковскаго о кончинѣ Пушкина.
Записки *А. Т. Болотова.*
Воспоминаніе о Н. В. Шеншинѣ.
Записка о масонствѣ, *И. П. Елагина.*
Письма *А. С. Пушкина* къ гр. А. Х. Бенкендорфу. 1830.
Первые пособники Екатерины II.
Письма *гр. Воронцова* къ И. И. Шувалову.
Труды *Екатерины II* по составленію сравнительнаго словаря.
Изъ переписки *Александра I* съ В. С. Поповымъ. Мнѣнія *М. Л. Магницкаго.*
Образчики рѣшеній *Екатерины II* на всеподаннѣйшія просьбы. 1788.
Изъ письма *В. С. Попова* къ императору Александру I о Екатеринѣ II.
Подлинныя черты изъ жизни В. А. Жуковскаго. Письма *его* и *А. И. Тургенева.*
О перевозѣ тѣла Пушкина въ Святыя Горы.
Допросы, сдѣланные фельдмаршалу Миниху, гр. Остерману и гр. Головкину, и отвѣты ихъ при воцареніи Елизаветы Петровны.
Матеріалы для исторіи Морейской экспедиціи. 1770. а) Два рескрипта Спиридову, б) Письмо *гр. Орлова* къ Спиридову, в) Письмо *Спиридова* къ Екатеринѣ II.
Черты изъ жизни кн. Е. Р. Дашковой.
О видахъ добра. (Замѣтки. *Екатерины II* и *гр. А. С. Строгонова*).
Записка *Екатерины II* къ ея духовнику И. И. Панфилову о графиняхъ Ефимовскихъ.
Письмо *Екатерины II* къ кн. Потемкину о кн. Зубовѣ. 1789.
Письмо *Александра 1-го* къ Г. П. Милорадовичу о сектѣ Татариновой.
Письма *Н. И. Новикова* къ Булгакову.
Изъ бумахъ князя *В. Ѳ. Одоевскаго.* Письма *Д. М. Веланскаго, кн. А. А. Шаховскаго, А. С. Грибоѣдова, кн. В. Ѳ. Одоевскаго* къ А. С. Пушкину, *А. С. Пушкина, В. А. Жуковскаго, А. Ѳ. Воейкова, А. В. Кольцова, Н. В. Гоголя, М. И. Глинки, В. А. Каратыгина, гр. Е. П. Ростопчиной.*
О нападеніяхъ Петербурскихъ журналовъ на Пушкина, статья *кн. В. Ѳ. Одоевскаго.*
Изъ бумагъ Николая Петровича Архарова (1775—1812) съ біограф. предисловіемъ и примѣчаніями.
Письма (104) имп. *Екатерины II* къ кн. Н. И. Салтыкову (1763—1796), въ томъ числѣ инструкція, какъ обращаться съ цесар. Павломъ Петровичемъ и письмо къ нему по вступленіи его въ совершеннолѣтіе, съ предисловіемъ и примѣчаніями.
24 Долбинскихъ стихотворенія *В. А. Жуковскаго* (1814—1815).
Два письма Пушкина къ Н. И. Кривцову.
Два письма *Пушкина* къ кн. Н. Г. Репнину, и письмо къ Пушкину *кн. Н. Г. Репнина.*
Два неизданныя стихотворенія *Лермонтова.*
Письма *Лермонтова.*
Записки Прусскаго пастора *Теге.*

РУССКІЙ АРХИВЪ

Историко-литературный сборникъ, посвященный изученію Россіи преимущественно въ XVIII и XIX столѣтіяхъ, будетъ выходить и въ

1867 ГОДУ,

въ томъ же видѣ, какъ и въ 1863, 1864, 1865 и 1866 годахъ. Всѣхъ выпусковъ въ теченіи года 12 (въ каждомъ не менѣе 4 листовъ сжатой печати, въ 2 столбца; иногда по два выпуска выходятъ вмѣстѣ).

Цѣна Русскому Архиву съ пересылкою въ города и доставкою на домъ въ Москвѣ и С. Петербургѣ

ШЕСТЬ РУБЛЕЙ.

Подписываться можно въ Москвѣ въ Чертковской библіотекѣ (на Мясницкой № 7), при коей издается Русскій Архивъ; и въ магазинѣ *И. Г. Соловьева* (бывшемъ Базунова).

Въ С. Петербургѣ на Невскомъ проспектѣ въ д. Ольхиной, въ магазинѣ *А. Ѳ. Базунова*.

Иногородные обращаются исключительно въ Москву, *въ Чертковскую библіотеку*.

Лица, проживающія въ чужихъ краяхъ, могутъ выписывать Русскій Архивъ, обращаясь въ Берлинскій почтамтъ, а также въ Москву, въ Чертковскую библіотеку, и высылаютъ на Русскія деньги: для доставленія *въ Германію* **7** р.; *во Францію и Бельгію* **7** р. **50** к.; *въ Англію* **8** р.; *въ Швейцарію и Италію* **9** р.

Составитель и издатель Русскаго Архива: **Петръ Бартеневъ**.

Типографія Грачева и К. у Пречистенскихъ воротъ д. Милякова.

ГОДЪ ПЯТЫЙ.

РУССКІЙ АРХИВЪ.

ИЗДАВАЕМЫЙ

3. ПРИ 1867.

ЧЕРТКОВСКОЙ БИБЛІОТЕКѢ.

СОДЕРЖАНІЕ.

МОСКВА.

Въ типографіи Т. Рисъ у Мясницкихъ воротъ, д. Воейковой.

1867.

ЦѢНА РУССКОМУ АРХИВУ ЗА 1866 СЪ ПОРТРЕТОМЪ ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЧЫ ЕКАТЕРИНЫ II-Й И СЪ ПОЛНЫМЪ УКАЗАТЕЛЕМЪ КЪ ПОВРЕМЕННЫМЪ ИЗДАНІЯМЪ МОСКОВСК. ОБЩЕСТВА ИСТОРІИ И ДРЕВНОСТЕЙ. XXVI, 1777, XII И 134 СТР. 5 Р. СЪ ДОСТАВКОЮ 6 Р.

Вторыя изданія Русскаго Архива большими годами, въ которыхъ статьи размѣщены по порядку времени. **1863** года VI и 1066 стр. (**4** р., съ пер. **5** р.) **1864** года 154 и 1182 стр. съ рисунк. (**4** р., съ пер. **5** р.) **1865** года 1550 стр., (**5** р., съ пер. **6** р. (Иногородные за Русскимъ Архивомъ обращаются исключительно въ Москву, въ Чертковскую библіотеку. Выписывающіе въ города *всѣ четырѣ года вмѣстѣ* прилагаютъ съ перес. **20** рублей.

Тамъ же сочиненіе Ю. Ѳ. Самарина:

IЕЗУИТЫ

И ИХЪ ОТНОШЕНІЕ КЪ РОССІИ.

(ПИСЬМА КЪ ОТЦУ МАРТЫНОВУ).

Изложено ученіе Іезуитовъ и разсказаны ихъ дѣйствія въ Россіи. Цѣна 1 р. 50 к., съ перес. 2 рубля (8°. 304 стр.)

Тамъ же стихотворенія **Кн. П. А. Вяземскаго.**

ВЪ ДОРОГѢ И ДОМА.

М. 1862. Цѣна 1 р. 50 к., съ перес. 2 р. (8°, 420 стр.)

МИНИХОВЫ КОНДИЦІИ СЪ РУССКИМЪ ПРАВИТЕЛЬСТВОМЪ

1721 и 1727 гг.

О гр. Минихѣ написаны цѣлыя книги. Имя его, само по себѣ не Русское, звучитъ Русскому уху всѣми воспоминаніями кроваво-блестящей эпохи «временъ Очаковскихъ и покоренья Крыма», — въ самомъ буквальномъ и ужасающемъ смыслѣ этаго славнаго Грибоѣдовскаго стиха. При имени Миниха, въ воображеніи читателя, знакомаго съ Русской исторіей XVIII вѣка, такъ и встаютъ тѣни Анны, кровожаднаго Бирона, страшнаго Ушакова, бездушнаго кн. Трубецкаго, хитраго Волынскаго, блестящаго, но ничтожнаго гр. Левенвольда, низкопоклоннаго кн. Черкасскаго, и всей плеяды этихъ, теперь забытыхъ, значеній того времени, среди которыхъ, благодаря и себѣ и обстоятельствамъ, рельефно рисуется высокая, сухощавая фигура знаменитаго фельдмаршала, грозы Турковъ и Татаръ, жесткаго себялюбца на верху придворныхъ честей, мудреца и философа въ ссылкѣ.

Уроженецъ одного изъ безчисленныхъ уголковъ Германіи, Минихъ, уже въ лѣтахъ зрѣлаго мужества, пріѣхалъ въ Россію и, дѣйствительно полезный Петру, какъ инженеръ-гидрографъ, съумѣлъ казаться необходимымъ ближайшимъ преемникамъ Петра, которые, осыпая Миниха громкими титулами и щедрыми даяніями, послѣдовательно дѣлали его то администраторомъ, то полководцемъ, то наконецъ первымъ министромъ. Но Минихъ-администраторъ, Минихъ - полководецъ и Минихъ первый министръ—стоятъ гораздо ниже Миниха-инженера, услужившаго Россіи, по крайней мѣрѣ, Ладожскимъ каналомъ. Дѣло въ томъ, что Минихъ, подобно огромному большинству всѣхъ другихъ пришлецовъ въ гостепріимную Русскую землю, не роднился съ новымъ отечествомъ, искалъ только матеріальныхъ выгодъ, ловилъ всюду съ искусствомъ, дѣйствительно нѣмецкимъ, а какъ человѣкъ, къ несчастію Россіи, славолюбивый, прикрывалъ громомъ побѣдъ собственныя предпріятія, которыя, порождаясь придворными интригами, въ сущности, безполезно истощали Русскія деньги и обильно поливались Русскою кровью (1). Прослуживъ въ Россіи цѣлыя 20 лѣтъ и, осыпанный благодѣяніями пяти послѣдовательно смѣнявшихся Русскихъ правительствъ, Минихъ все-таки былъ и оставался Нѣмцемъ, даже рѣдко удостоивалъ подписывать имя свое по-русски и всегда питалъ намѣреніе удалиться изъ Россіи.

Эта послѣдняя черта Миниха, общая всѣмъ наемникамъ—авантюристамъ того времени, высказывается въ «кондиціяхъ», двукратно заключаемыхъ Минихомъ съ Русскимъ правительствомъ и до сихъ поръ не извѣстныхъ печатно. Первыя изъ этихъ кондицій относятся къ 1721 году, когда Минихъ, явясь къ Петру для «инженерства», не могъ, да и не смѣлъ бы, выговаривать себѣ условій, кромѣ тѣхъ, которыя дѣйствительно требовались его спеціальностію, а потому и не выходили изъ предѣловъ приличія. Совсѣмъ другое представляютъ кондиціи 1727, когда Минихъ, уже возгордившись вниманіемъ къ нему Петра и Екатерины, увидѣлъ возможность попользоваться счастіемъ съ тою безцеремонностію, которая, напримѣръ, доходила до того, что Минихъ, нѣкогда писавшій Петру: «по артиллеріи не могу служить, не зная ее въ подробности, и умѣя распоряжаться ею только при аттакѣ и оборонѣ крѣпостей и въ сраженіяхъ» (2), тотъ же Минихъ теперь, въ 1727 году, выпрашивалъ себѣ званіе генералъ-фельдцейгмейсте-

(1) Намъ кажется такія выраженія не совсѣмъ вѣрными даже по отношенію къ полезности, а сравнительное обозрѣніе тогдашней Европейской исторіи и еще болѣе учитъ снисходительности въ приговорахъ. Сличи Р. Архивъ 1865, стр. 1418—1446 и Р. Арх. 1866, стр. 171—185.

(2) Записка, изданная Минихомъ предъ вступленіемъ въ Русскую службу. См. Русск. Вѣст. 1841. № 1, стр. 137.

ра, съ прерогативами, которыми въ этомъ званіи пользовался гр. Брюсъ.

Предлагаемыя здѣсь «кондиціи» Миниха, извлечены нами изъ дѣлъ Государственнаго и Артиллерійскаго Архивовъ.

М. Д. Хмыровъ.

I.

Всеподданнѣйшіе вопросы Миниха въ 1721 году (3).

(*Дѣла Госуд. Арх., Кабин. Петра Великаго, Отд. II. № 56. л. 234*).

1.

Позволено ли мнѣ, чтобъ я сей зимы проэктъ сдѣлалъ, какъ фортификаціи города и цитаделя Риги въ совершенное оборонительное состояніе привесть?

2.

Чтобъ при томъ предуготовленія учинены быть могли и предбудущее лѣто одну полигону у города или у цитаделя укрѣпить и въ томъ пробу моего манера строенія сдѣлать.

3.

Чтобъ мнѣ къ тому строенію въ матеріалахъ, въ работникахъ и въ деньгахъ остановки не было.

4.

Чтобъ для подряду и уплаты за матеріалы и работникамъ одинъ комисаръ опредѣленъ былъ и онымъ деньгамъ расходъ держалъ.

5.

Чтобъ ко мнѣ одинъ кондукторъ и два человѣка ординарныхъ инженеровъ для надзиранія у работы опредѣлены были.

(3) Резолюцій на эти вопросы въ дѣлахъ не сохранилось, и мы не знаемъ, на все ли послѣдовало согласіе.

6.

Такожде нѣсколько минировъ, плотниковъ, мастеровъ свайныхъ, каменщиковъ и кузнецовъ опредѣлить.

7.

Чтобъ мнѣ позволено было однаго искуснаго мастера водянаго строенія, а особливо которой слюзное дѣло совершенно знаетъ, изъ Фрисландіи выписать.

8.

Когда мнѣ притомъ повелѣно будетъ проэктъ сдѣлать о укрѣпленіи Кроншлота, или какого инаго при Балтійскомъ морѣ лежащаго мѣста, и мнѣ повелѣно будетъ у той работы быть, чтобъ тогда въ переѣздахъ издержанныя деньги, такожде за квартиры и дрова, заплачены были.

9.

Чтобъ для рисунковъ или оныхъ переписывать, по меньшей мѣрѣ, за однаго или за два человѣка рисователей, или такихъ инженеровъ, которые знаютъ рисовать, (деньги) заплачены.

10.

Чтобъ дѣло, къ которому я опредѣленъ буду, токмо въ провинціяхъ при Балтійскомъ морѣ лежащихъ распространилось.

11.

Чтобъ мнѣ позволено было въ другомъ или въ третьемъ году, на нѣсколько мѣсяцевъ въ свои маетности въ Германію ѣхать.

12.

Притомъ я обѣщаю нѣсколькихъ инженеровъ и молодыхъ офицеровъ, которые обяжутся изъ службы его императорскаго величества не выходить, моему манеру строенія обучить

и онымъ въ пользу къ службѣ его величества ничего не скрывать, что̀ я знаю.

13.

И когда я въ 5 или 6 лѣтъ мое искусство довольно въ практикѣ показалъ и его величества инженеровъ въ томъ обучилъ, то домашнія мои нужды мнѣ не позволяютъ нынѣ болѣе какъ на 5 или на 6 лѣтъ обязаться.

14.

Зѣло потребно, чтобъ ко мнѣ добрый переводчикъ опредѣленъ былъ, который бы могъ мои письменные проэкты изъ Нѣмецкаго языка на Россійской переводить, ибо въ рисункахъ причины показать не можно, для чего такъ, а не инако, надлежитъ строить.

15.

Чтобъ для вспоможенія въ томъ строеніи потребная полная мочь и указы къ надлежащимъ генералъ-губернаторамъ и комендантамъ даны были.

16.

И понеже я того его императорскому величеству съ вѣрностію и ревностію служить истинно себѣ обязую, того ради уповаю, что его величество, по извѣстной и въ свѣтѣ славной милости, за мою работу и искусство, или поденныхъ денегъ, или годовой окладъ, въ равенство тому, что̀ я въ иной службѣ, для ревности къ службѣ его величества, оставилъ, мнѣ опредѣлитъ и высочайшею своею цесарскою милостію и протекціею меня не оставитъ.

(Собственноручно): *B. C. de Münnich.*

Въ Санктъ-Петербургѣ
въ 31 день Октября 1721 году.

II.

Кондиціи Миниха въ 1727 г. (1).

(*Дѣла Артил. Арх. Кн.* № *79., л. 44—46*).

Переводъ.

Всепокорнѣйшія кондиціи.

Понеже Ея Императорское Величество мнѣ всемилостивѣйше объявить повелѣла, что ея всемилостивѣйшее намѣреніе есть меня въ службѣ содержать и притомъ о всякой милости обнадежить соизволила:

Того ради Ея Императорскаго величества всемилостивѣйшей воли я себя предаю, отрекаюсь отъ всякой иной службы и обязуюсь ея Императорскому Величеству и Ея Императорской высокой фамиліи десять лѣтъ, а именно до 1 Января 1737 года вѣрно, честно, по крайней силѣ и мочи служить во всякихъ ея Императорскому Величеству и Ея Высокому Императорскому дому угодныхъ случаяхъ и не щадя тѣла и живота моего.

И дабы чрезъ Ея Императорскаго Величества высокую милость я въ состояніе приведенъ былъ тѣ службы, которыя отъ меня требуются, съ покойной мыслію и той вящшею пользою отправить, то я, по данному мнѣ всемилостивѣйшему позволенію, чрезъ сіе всепокорныя мои кондиціи представляю, а именно Ея Императорское Величество я униженно прошу:

(1) Заготовлены для представленія императрицѣ Екатеринѣ I, за кончиною которой утверждались императоромъ Петромъ II, почему и въ самой редакціи кондицій смѣшиваются то Его, то Ея Императорскія Величества.

1.

Что когда въ вышеозначенные годы я переживу, чтобъ мнѣ позволено было послѣдующія лѣта старости, въ которыя обычайно мочь убавляется, на волю всевышняго Бога до скончанія моея жизни предать и къ моему (и) фамиліи моея утѣшенію жизнь свою въ моемъ отечествѣ скончать, однакожъ съ такимъ изъясненіемъ, что я съ того времени иному какому государю наименше противъ Ея Императорскаго Величества служить не буду.

Его Императорскаго Величества всемилостивѣйшая резолюція.

На 1-е.

По окончаніи десятилѣтняго времени, ежели оной господинъ фонъ Минихъ пожелаетъ въ свое отечество отъѣхать, на то Его Императорское Величество всемилостивѣйше соизволяетъ, по такому изъясненію, что по отпускѣ изъ службы Его Императорскаго Величества иному какому государю и противъ Его Императорскаго Величества въ службѣ ему не быть.

2.

Чтобъ мнѣ позволено было моихъ дѣтей, которыя иногда высокою Ея Императорскаго Величества милостію здѣсь снабдены не будутъ, въ нынѣшнемъ 1727 году или ежели Ея Императорскаго Величества служба въ нынѣшнемъ году не допуститъ, въ предбудущемъ 1728 году, самому вывезти и въ надежное надзираніе отдать, чтобъ я въ ихъ христіанскомъ воспитаніи впредь увѣренъ и спокоенъ быть могъ

На 2-е.

Его Императорское Величество соизволяетъ, что когда служба здѣшняя допуститъ, тогда на то позволеніе ему дано будетъ.

3.

Когда Ея Императорскаго Величества всемилостивѣйшая воля есть мнѣ чинъ генерала-фелцейхъ-мейстера поручить, то пріемлю оной въ покорнѣйшемъ надѣяніи, что оной знатный чинъ безъ умаленія власти и надлежащаго преимущества мнѣ данъ будетъ, дабы я оной къ высокому Ея Императорскаго Величества интересу толь безпрепятственно отправлять могъ.

На 3-е.

Его Императорское Величество жалуетъ его господина фонъ Миниха въ полные генералы и при томъ соизволяетъ имѣть ему чинъ надъ фортификаціями всей Россійской имперіи оберъ-директора, и для того въ его командѣ содержаны быть имѣютъ всѣ инженеры и быть ему подъ вѣденіемъ военной коллегіи.

4.

Чтобъ мнѣ къ сему чину надлежащее жалованье и дусёры (douceurs), и иныя чести, и различности, какъ господинъ графъ Брусъ оныя имѣлъ и въ Ея Императорскаго Величества регламентѣ и военномъ штатѣ опредѣлено, во всемъ даны были.

На 4-е.

Жалованье ему давано быть имѣетъ противъ другихъ генераловъ-иноземцовъ.

5.

Чтобъ въ старшинствѣ или рангѣ съ того времени, какъ я честь имѣлъ Ея Императорскому Величеству служить и пока въ Ея службѣ пребуду, я уничтоженъ не былъ.

На 5-е.

Старшинство имѣть съ того времени, какъ онъ въ полные генералы отъ Его Императорскаго Величества пожалованъ.

6.

И понеже на Ладогѣ канальную работу, которая есть важнѣйшее предвоспріятіе въ Европѣ, я до сего времени счастливо производилъ, и я готовъ и впредь въ томъ попеченіе имѣть; чтобъ когда Ея Императорское Величество по моимъ всеподданнымъ представленіямъ мнѣ помогать всемилостивѣйше повелитъ, оная работа къ счастливому окончанію приведена была, дабы мнѣ то въ награжденіе дано было, что́ подрядчикамъ на каналѣ прежде моего времени, по высокому Его Императорскаго Величества опредѣленію, изъ сената дѣйствительно и дано и обѣщано, а именно: прибытки съ вина, табаку, кабаковъ и протчее, и по пяти копѣекъ съ кубической сажени земли, которая изъ канала вывезена быть имѣетъ; наградительныя, особливо прибыточныя деньги, которыя по большой мѣрѣ чрезъ мое попеченіе сбережены, съ того времени какъ я управленіе имѣлъ и до того времени, что я оное впредь имѣть буду.

На 6-е.

За трудъ Ладожскаго канала отъ Ея Императорскаго Величества блаженной и вѣчно достойной памяти ему пожаловано пять тысячь рублевъ, да сверхъ того по сту рублевъ на мѣсяцъ, а нынѣ по Его Императорскаго Величества милости дано ему будетъ въ нынѣшнемъ 1727 году пять тысячь рублевъ, въ томъ числѣ нынѣ три тысячи, а достальныя двѣ тысячи при окончаніи года.

7.

Доказать могу, что мои маетности въ графствѣ Олденъ-Бургѣ въ моемъ отсутствіи болѣе разорены, нежели въ доброе состояніе приведены; и съ нихъ за такою дальностію ничего не получаю, а здѣсь деревень не имѣю, чтобы я по своему характеру жить могъ, и въ разсужденіе, что я отъ всякаго въ иныхъ краяхъ уповаемаго счастія отрѣшился, чтобъ мнѣ довольные доходы въ Лифляндіи всемилостивѣйше пожалованы были.

8.

Когда до воины и какъ видится до генералнаго разрыву въ Европѣ дойдетъ и мои маетности ленныя и алодіальныя подъ Великобританскимъ и Датскимъ самовластнымъ владѣніемъ у меня отняты будутъ, чтобъ Ея Императорское Величество оныя мнѣ гварантировать или эквивалентомъ наградить всемилостивѣйше соизволила.

На 7-й и 8-й.

Покамѣстъ оной господинъ генералъ въ службѣ Его Императорскаго Величества будетъ, до того времени дано ему будетъ во владѣніе въ Лифляндіи или Эстляндіи маетности отъ пятнадцати до двадцати гаковъ, а ежели оной господинъ генералъ въ

службѣ Его Императорскаго Величества вѣчно останется, то оная мыза оставлена быть имѣетъ при немъ вѣчно и наслѣдственно.

9.

Чтобъ для лучшаго пріему тѣхъ господъ, которые впредь пріѣзжать будутъ каналъ смотрѣти, малой островъ на рѣкѣ Невѣ при Шлиселбурхѣ (съ котораго никакихъ доходовъ не имѣется) и деревенька Леднова, которая посреди канала лежитъ и старой дворецъ въ Ладогѣ на концѣ канала, пока ту работу я управлять буду, для строенія и для житья мнѣ отданы были.

На 9-е.

Малой островъ на Невѣ рѣкѣ при Шлюшелбургѣ и деревенька Леднова, которая лежитъ посреди канала, которой дворецъ въ Ладогѣ, на концѣ канала, для строенія и для житья ему, покамѣстъ оной господинъ генералъ при дѣлѣ того канала будетъ, ему отдается.

10.

Я готовъ къ славѣ и высокому интересу Ея Императорскаго Величества такой проектъ какъ городъ Санктъ Питербурхъ отъ высокой воды въ безопасность приведенъ быть можетъ, всепокорно подать и помогать оной проектъ въ дѣйство производить, когда Ея Императорскому Величеству всемилостивѣйше угодно будетъ. Противъ того отъ высокой милости прошу, что понеже я въ Питербурхѣ безъ квартиры быть не могу, чтобъ пристойная квартира мнѣ дана была или какъ скоро можно построена и къ вѣчной памяти мнѣ и моимъ потомкамъ отдана была.

Ея Императорскаго Величества высокой милости все предавъ, всемогущаго Бога молю, чтобъ Онъ Ея Величеству многолѣтное благословенное государствованіе даровать, Ея же высокую Императорскую фамилію безчисленными скипетрами и коронами на многіе вѣка благословить изволилъ. Въ Санктъ Питербурхѣ, 12 Февраля 1727 года.

На 10-й.

Отдать отписной дворъ Петра Толстова, которой въ Никольской улицѣ.

Подлинная резолюція за подписаніемъ Верховнаго Тайнаго Совѣта присутствующихъ особъ. Мая 23 дня 1727 года.

ДИСПОЗИЦІЯ И ЦЕРЕМОНІАЛЪ

торжественнаго въѣзда императрицы Анны Ивановны въ С. Петербургъ, 16 Генваря 1732 года.

Хотя такія церемоніи, какъ торжественные въѣзды государей въ ихъ столицы, происходятъ всюду болѣе или менѣе одинаково и совершаются по извѣстнымъ, въ главныхъ чертахъ общепринятымъ, правиламъ придворнаго этикета, но каждая изъ нихъ необходимо носитъ на себѣ оттѣнки и своей страны, и своего времени. Съ этой точки, описанія подобныхъ церемоній, не смотря на всю ихъ кажущуюся сухость и, повидимому, однообразіе, восполняютъ рельефъ эпохи, обнаруживая его оффиціальныя, такъ сказать, казенныя стороны. Прилагаемые здѣсь «Диспозицію» и «Церемоніалъ» мы не встрѣчали въ печати, а нашли ихъ въ дѣлахъ Артиллерійскаго Архива, и охотно дѣлимся найденнымъ съ любителями Русской старины.

М. Д. Хмыровъ.

Переѣздъ императрицы Анны Іоанновны изъ Москвы, гдѣ она воцарилась, въ Петербургъ, гдѣ

протекла вся остальная жизнь ея, особенно важенъ въ общей нашей исторіи того времени. Тутъ собственно началась страшная Бироновщина (см. Р. Арх. 1866, стр. 1510). До того времени жить въ Петербургѣ было почти невозможно отъ всякаго рода неудобствъ и чрезвычайной дороговизны, такъ какъ, по свидѣтельству Миниха, возъ сѣна стоилъ тамъ до 6 р., т. е. по крайней мѣрѣ до 60-ти нынѣшнихъ (см. Р. Арх. 1866, стр. 179). Лишь съ устраненіемъ этихъ неудобствъ явилась возможность прочно основаться тамъ. Анна Іоанновна переселилась въ Петербургъ, какъ скоро окончен былъ Ладожскій каналъ и новая столица обезпечилась продовольствіемъ. Вотъ одна изъ причинъ, кромѣ соображеній общихъ, почему дворъ такъ долго жилъ въ Москвѣ, именно съ Генваря 1728 г. по Генварь 1732: долѣе этого срока Петербургъ, съ самаго основанія своего, не оставался безъ государя. Анна Ивановна почти два года по воцареніи оставалась въ Москвѣ. Всякаго рода сооруженія продолжали быть возводимы въ Петербургѣ даже и при Петрѣ II-мъ, когда промелькнула было мысль повернуть дѣла къ старинѣ допетровской.

П. Б.

Диспозиція къ пришествію Ея Императорскаго Величества въ Санктъ-Петербургъ Генваря 16 дня 1732 года.

1. Во дворецъ Ея Императорскаго Величества, за день предъ пришествіемъ, послать надлежитъ 1 роту, съ знамемъ, Лейбъ Гвардіи Преображенскаго Полку, на караулъ; такожъ караулъ Гвардіи и въ Брюсовъ домъ, гдѣ Ея Императорское Величество ночевать изволитъ.

2. Въ день пришествія Ея Императорскаго Величества, по утру, въ 6-мъ часу, отъ Императорскихъ палатъ, кругомъ Адмиралтейства, ко Исакіевской церкви (въ которой Ея Императорское Величество прежде изволитъ быть къ слушанію Божественной службы), а оттуда, мимо двора бывшаго генералъ-лейтенанта Дупрея [1] до Адмиралтейскихъ первыхъ воротъ и далѣе по прешпективѣ, съ одной стороны—Лейбъ Гвардіи Преображенскаго, а съ другой—Семеновскаго, а потомъ по обоимъ сторонамъ Измайловскаго полковъ, въ двѣ шеренги, быть въ парадѣ.

3. Потомъ будутъ стоять гардемарины и отъ флота гранадеры по томужъ, въ двѣ шеренги по обоимъ сторонамъ улицы.

4. За тѣмъ будутъ стоять вдоль по прешпективѣ же, даже до послѣднихъ тріумфальныхъ воротъ и далѣе, Ладожскаго, Новогородскаго, Володимірскаго, Астраханскаго, Ингерманландскаго полковъ, каждаго полку баталіонъ противъ баталіона, въ двѣ жъ шеренги.

5. И дабы означенныхъ полковъ въ парадѣ болѣе было, то будутъ всѣ стоящіе тѣхъ полковъ на караулѣхъ съ здѣшними четырми гарнизонными полками, сколько возможно, смѣнены.

6. Всю ту дистанцію, на которой полки будутъ стоять, за нѣсколько дней ровнять каждому полку до тѣхъ мѣстъ, гдѣ будетъ (онъ) стоять, къ чему будетъ способствовать и полиція. Чего для каждому полку, гардемариномъ и гранадеромъ отъ флота мѣста свои вымѣрить заранѣе, а для приключившагося непорядку [2] надлежитъ всѣмъ полкамъ, предъ пришествіемъ Ея Величества, за нѣсколько

---

[1] Онъ выбылъ изъ нашей службы въ 1726 г. см. Богданова описаніе С.-Петербурга изд. 1779, стр. 79. *П. Б.*

[2] Т. е. чтобы не приключилось безпорядка.

дней, на свою дистанцію на малое время выступить, дабы всякой свою дистанцію могъ знать.

7. Обрѣтающійся при здѣшней командѣ генералитетъ встрѣтятъ Ея Императорское Величество на лѣвомъ крылѣ Ингерманландскаго полку и отдадутъ надлежащую честь; а штабъ и оберъ-офицеры въ своихъ полкахъ по своимъ мѣстамъ. Генералитетъ же, штабъ и оберъ офицеры Артиллерійскіе и Инженерные, находиться будутъ внѣ первыхъ тріумфальныхъ воротъ, по обѣ стороны оныхъ; а литаврщики, трубачи и музыканты отъ артиллеріи на верху воротъ; и начать онымъ играть тогда, когда близь стоящій оныхъ воротъ полкъ будетъ честь отдавать.

8. Когда Ея Императорское Величество предъ который полкъ за тридцать шаговъ пріѣхать изволитъ, тогда всѣмъ тѣмъ полкомъ отдадутъ честь и будутъ бить маршъ и музыка играть, и въ шествіе Ея Величества мимо полка офицеры-жъ протазанами и знамены уклоняютъ; а когда изволитъ Ея Императорское Величество весь тотъ полкъ миновать и въ дистанцію другаго полка вступить, тогда первому полку сказано будетъ: на плечо! и перестанутъ барабаны бить и музыка играть.

9. Когда Ея Императорское Величество изволитъ приблизиться къ Ингерманландскому полку, тогда первый сигналъ тремя ракетами дастся,—изъ которыхъ первая при первыхъ тріумфальныхъ воротахъ, вторая — у адмиралтейскихъ, а третья у адмиралтейской пристани имѣютъ быть разставлены, и потомъ выпалятъ изъ пушекъ съ крѣпостей: С. Петербургской — изъ семидесяти одной , а съ Адмиралтейской — изъ семидесяти. И какъ Ея Императорское Величество, по окончаніи божественной службы, изъ Исакіевской церкви во дворецъ шествовать изволитъ, тогда дастся другой сигналъ тремя ракетами жъ (которыя у оной церкви поставлены имѣютъ быть), а изъ Санктъ Питербургской крѣпости выпалится изъ восьмидесяти пяти, а съ Адмиралтейской изъ восьмидесяти четырехъ пушекъ. А какъ оная стрѣльба кончится и Ея Императорское Величество изволитъ въ палаты свои прибыть, тогда дастся третій сигналъ, тремя жъ ракетами (которыя имѣютъ быть поставлены при Адмиралтейской пристани), и по оному сигналѣ палить съ крѣпостей: Санктъ Питербургской—изо ста одной, а съ Адмиралтейской—изо ста пушекъ.

10. Противъ дворца, на рѣкѣ, поставить всѣ полковыя имѣющіяся здѣсь пушки и которыя при артиллеріи находятся и къ каждой по три патрона, къ которымъ опредѣлить надлежащее число канонировъ (а именно: правое крыло будетъ противъ императорскихъ палатъ, а лѣвое противъ строющагося мосту, на которомъ имѣетъ быть фейерверкъ), съ надлежащимъ числомъ артиллерійскихъ оберъ и унтеръ-офицеровъ. Да при оныхъ полковыхъ пушкахъ командровать (sic) четыре гранодерскія роты здѣшняго гарнизона и быть всѣмъ подъ командою подполковника фонъ Фукса.

11. Четвертый сигналъ тремя жъ ракетами дастся (которыя поставлены будутъ у полковыхъ пушекъ) и потомъ изо всѣхъ оныхъ, сколько ихъ

будетъ, палить, токмо по Россійскому лозонгу, не въ равномъ числѣ. А по окончаніи оной пальбы, зачнется генеральной залпъ бѣглымъ огнемъ всѣми, въ парадѣ будущими, а именно: отъ праваго крыла лейбъ-гвардіи Преображенскаго полку и слѣдуетъ оной до лѣваго крыла полевыхъ полковъ, а именно до Ингерманландскаго, двѣмя шеренги, по правой сторонѣ улицы, а потомъ — отъ лѣваго крыла, двѣмя жъ шеренгами, по лѣвой сторонѣ улицы возвратно, даже до конца лейбъ-гвардіи Семеновскаго полку; а на послѣдокъ четыре гранодерскія, при пушкахъ обрѣтающіяся, роты. И оные генеральные залпы трижды будутъ. А по послѣднемъ залпѣ, всѣ полки вдругъ на караулъ поставятъ и походъ въ барабаны ударятъ и, напримѣръ, десять минутъ продолжать. Тогда сказать: на плечо! а потомъ всѣ офицеры и рядовые, поднявъ шляпы вверхъ, (будутъ) махать и трижды вскричать: виватъ Анна, великая Императрица, виватъ, виватъ, виватъ! И тако всѣ полки въ строю будутъ стоять, пока генералитетъ, по отданіи своего подданнѣйшаго поздравленія, указъ о роспускѣ полковъ получатъ. И по полученіи онаго, полки къ своимъ квартирамъ маршировать будутъ, а именно: гвардія напередъ, а потомъ полевые полки, мимо Ея Императорскаго Величества палатъ. Тогда генералитету, штабъ и оберъ-офицеромъ знаменами честь предъ окнами отдавать. И по окончаніи полки порядочно въ квартиры свои пойдутъ; токмо, прежде прибытія къ штабъ-офицерскимъ квартирамъ, не имѣютъ быть роспущены.

12. Отъ начала пушечной стрѣльбы, даже до роспущенія полковъ, надлежитъ во всѣхъ церквахъ въ Санктъ Петербургѣ въ колокола звонить и на часахъ играть.

13. Съ вечера даже до полуночи во всемъ Петербургѣ наилутшимъ образомъ иллюминація будетъ, которая продолжится восемь дней.

14. Ежели Ея Императорское Величество на другой день, или спустя нѣсколько дней, изволитъ первой разъ въ Санктъ Петербургской крѣпости въ церковь Петропавловскую быть (которая въ тожъ время можетъ быть и освящена), то имѣютъ, какъ гвардія, полевые такъ и гарнизонные полки, отъ Ея Императорскаго Величества дворца, чрезъ рѣку Неву, даже до крѣпостныхъ воротъ и до той церкви по тому жъ, въ двѣ шеренги, въ парадѣ поставлены быть. И, по окончаніи божественной службы (или литургіи) съ Санктъ Петербургской и Адмиралтейской крѣпостей изъ пушекъ обыкновенно стрѣлять, а напослѣдокъ изъ полковыхъ пушекъ и изъ ружья трижды выпалить, и полки, какъ вышеупомянуто, мимо дворца Ея Императорскаго Величества весть.

B. C. de Münnich.

* * *

Церемонія.

Шествіе Ея Императорскаго Величества имѣетъ быть слѣдующимъ порядкомъ:

Ея Императорское Величество соизволитъ въ вечеръ предъ вшествіемъ своимъ, въ домъ, что̀ бывалъ гр. Брюс-

са, у Литейнаго двора, войти и тамо почевать, а поутру къ шествію убираться. А близь того показаннымъ дворамъ для свиты и гофштату Ея Величества ко убору быть вытопленнымъ и вычищеннымъ. И на оной улицѣ, за часъ дни, Ея Величества и другія кареты и возки и протчая, что́ къ той церемоніи принадлежитъ, такъ же драгуномъ и гвардіи солдатамъ, кои на лошадяхъ, и иностраннымъ купцамъ, собраться, и по большой Артиллерійской улицѣ порядкомъ поставленнымъ быть. А потомъ вся оная церемонія мимо вышеписаннаго Брюссова двора проѣдетъ. Церемонія жъ имѣетъ быть слѣдующимъ порядкомъ:

1. Почтъ–директоръ съ почтмейстерами и почтальонами поѣдутъ верхами, которымъ на почтовыхъ рогахъ трубить.

2. За ними капральство драгунское верхами.

3. Потомъ иностранное купечество каждой націи, въ равномъ мундирѣ, по два человѣка въ шеренгѣ, предъ которыми предводители изъ нихъ же.

4. Литаврщики и трубачи.

5. Порутчикъ съ тридцатью драгунами.

6. Кареты господъ министровъ и генералитета и протчихъ знатныхъ особъ, цуками.

7. Дворцовые литаврщики и трубачи.

8. Офицеръ и двѣнадцать гранодировъ отъ гвардіи верхами.

9. Ея Императорскаго Величества конюшенные служители верхами.

10. Фурієръ и Ея Императорскаго Величества лакеи верхами.

11. Ея Императорскаго Величества пажи, съ ихъ гофмейстеромъ, верхами.

12. Офицеръ съ двадцатью гранодиры отъ гвардіи верхами.

13. Два гофъ фуріера верхами.

14. Ея Императорскаго Величества придворные кавалеры, въ каретахъ цуками.

15. Его сіятельства господина оберъ–камергера (Бирена) карета.

16. Шесть камеръ-юнкеровъ и шесть камергеровъ, верхами, по два человѣка.

17. Ея Императорское Величество, въ каретѣ, запряженной осьми лошадьми. По сторонамъ оной имѣютъ ѣхать верхами ихъ сіятельства господа: оберъ-камергеръ и оберъ-гофмаршалъ (гр. Левенвольдъ), ея величества генералъ-адъютанты и подлѣ кареты пойдутъ пѣшкомъ Ея Величества гайдуки.

18. Ея Императорскаго Величества придворныя дамы въ каретахъ цуками.

19. Одинъ капитанъ съ пятьюдесяти человѣки отъ кавалеріи въ замкѣ.

А когда Ея Императорское Величество изволитъ прибыть ко Исакіевской церкви, то у дверей оной встрѣтятъ Сѵнодъ и протчіе духовные.

20. За Ея Императорскаго Величества фамиліей слѣдуютъ всѣ знатныя дамы, статскіе министры и гражданскіе служители; а Академія Наукъ принимаютъ Ея Императорское Величество на первой ступени нижняго крыльца.

21. Командрованные вышепомянутые отъ гвардіи на лошадяхъ и драгуны, тако жъ иностранное купечество, имѣютъ быть поставлены во первыхъ предъ Исакіевскою церковью тако, чтобъ мимо оныхъ Ея Императорскому Величеству шествовать. А

по окончанiи божественной службы— на Адмиралтейскую эспланаду, противъ Ея Императорскаго Виличества палатъ, и сидѣть отъ гвардiи гранодеромъ и драгуномъ на лошадяхъ, пока пѣхота роспущена будетъ; потомъ поставить два человѣка на караулъ, верхомъ, у первыхъ воротъ Ея Императорскаго Величества палатъ, которой караулъ быть имѣетъ впредь тамо порядочно содержанъ и смѣненъ, чего для надлежитъ оберъ-офицера съ тридцатью человѣки командровать, которой отъ Ея Императорскаго Величества генералъ-адъютантовъ получать будетъ приказы. Купечество же, какъ скоро Ея Императорское Величество въ свои палаты вступить изволитъ, то съ лошадей ссядутъ и придутъ въ императорскiя палаты, для отданiя нижайшаго своего поздравленiя.

22. На Адмиралтейской башнѣ надлежитъ на литаврахъ бить и на трубахъ трубить отъ начала Ея Императорскаго Величества прiѣзда даже до роспущенiя полковъ.

23. Онымъ департаментомъ, которые Ея Императорское Величество всепокорнѣйше поздравлять имѣютъ, надлежитъ быть въ палатахъ Ея Величества, дабы въ шествiи, въ нынѣшнюю стужу, тѣмъ Ея Величество не утрудить.

B. C. de Münnich.

ПИСЬМА ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ II-Й КЪ И. Ѳ. ГЛѢБОВУ (1).

I.

Иванъ Ѳедоровичь! Когда вы по отъѣздѣ нашемъ команду здѣсь возмете, то пошлите въ полицiю и во всѣ команды приказы для объявленiя во всемъ городѣ нижеслѣдующаго содержанiя:

1. Что какъ по именному нашему указу поручено вамъ главное надзиранiе надъ симъ городомъ, то за первый долгъ почитаете вы имѣть бдѣнiе надъ всякою безопасностiю жителей, а особливо отъ воровъ и разбойниковъ какъ въ самомъ городѣ, такъ и по близь лежащимъ къ оному дорогамъ, чего ради полицiя имѣла бы всевозможное старанiе о недопущенiи до подобныхъ сему неистовствъ.

2. Чтобъ оберъ-полицеймейстеръ всѣмъ хозяевамъ подтвердилъ, дабы въ ночное время всякiй изъ нихъ ворота запиралъ, и кому возможно, ночныхъ на дворѣ сторожей и собакъ имѣлъ; не менѣе того смотрѣлъ бы, чтобъ ночные патрули неослабно по предписанному имъ разстоянiю разъѣзжали и сами никакихъ шалостей не чинили, а еще менѣе время имъ для ѣзды предписанное проводили на

---

(1) За сообщенiе этихъ писемъ (въ точныхъ копiяхъ) мы обязаны академику М. П. Погодину, а за дозволенiе обнародовать ихъ — князю М. В. Глѣбову-Стрѣшневу-Шаховскому, кототорому принадлежатъ самые подлинники.

И. Ѳ. Глѣбовъ начальствовалъ въ Петербургѣ во время пребыванiя императрицы въ Москвѣ и путешествiя ея по Волгѣ въ 1767 году. Государыня покидала Петербургъ на цѣлый годъ.

П. Б.

кабакахъ, или въ иномъ какомъ непристойномъ мѣстѣ.

3. Въ случаѣ надобности имѣете вы какъ отъ остающагося здѣсь надъ гвардіею командира требовать, такъ и армейскому приказать (²), чтобъ въ пристойныхъ мѣстахъ поставлены были пикеты, а когда нужда потребуетъ, тобъ и пѣшіе патрули посыланы были по улицамъ.

Внизу: получено 5 февраля 1767. № 2.

II.

Секретно.

Указъ нашему генералу Глѣбову.

Въ отсутствіе наше въ Москву, случающіяся здѣсь по бывшей тайной канцеляріи дѣла ввѣряемъ въ единственное ваше вѣдѣніе.

Екатерина.

Имя императрицы, равно какъ надпись вверху: «секретно» писаны ея собственной рукою.

Внизу: февраля 1767 года. С. Петербургъ.

III.

Указъ нашему генералу-аншефу и сенатору Глѣбову.

Чрезъ сіе препоручаемъ вамъ, какъ старшему въ остающихся здѣсь Сената департаментахъ, во время отсутствія нашего въ Москву, главное попеченіе о сохраненіи добраго порядка въ здѣшнемъ столичномъ городѣ, всевысочайше притомъ повелѣвая, чтобъ вы о всѣхъ оставшихся въ Санктпетербургѣ разныхъ командахъ имѣли свѣдѣніе и, принимая отъ нихъ репорты, командирамъ ихъ на всякіе случаи и произшествія давали свои наставленія; почему вы кромѣ обыкновенныхъ сенатскихъ репортовъ можете доносить прямо на имя наше реляціями какъ о состояніи города, такъ и о добромъ во всѣхъ мѣстахъ порядкѣ. Но чтобъ вы, будучи главнымъ въ городѣ командиромъ, не имѣли недостатка въ содержаніи по характеру своему благопристойнаго стола, а наипаче для празднованія торжественныхъ дней и для какихъ либо знатныхъ проѣзжающихъ чужестранныхъ, которые нерѣдко у васъ случиться могутъ, повелѣваемъ вамъ получать изъ статсъ-конторы на столъ, пока мы въ отсутствіи пробудемъ, по пяти сотъ рублевъ на мѣсяцъ и оное время жить вамъ въ домѣ нашемъ, въ которомъ и пристойной караулъ гвардіи подъ вѣдомствомъ вашемъ находиться будетъ.

Екатерина.

Имя императрицы подписано ея собственной рукою.

Внизу: февраля 7 дня 1767 года. Въ Санктпетербургѣ.—Полученъ февраля 7. № 5.

IV.

Иванъ Θедоровичь! Реляціи ваши отъ 12 и 19 чиселъ сего мѣсяца я получила и читала съ удовольствіемъ, особливо послѣднюю, приписывая все порядочное состояніе ввѣренныхъ вамъ мѣстъ вашему хорошему распоряженію и старанію, въ чемъ и пріѣзжающіе сюда изъ Петербурга мнѣ свидѣтельствуютъ, что вашимъ похвальнымъ учрежденіемъ все находится у васъ въ тишинѣ и спокойствіи. Я, ожидая и впредь по извѣстному мнѣ

(²) Съ боку приписано: также и адмиралтейскому.

усердію вашему и попеченію такихъ пріятныхъ вѣдомостей, пребываю вамъ какъ и всегда доброжелательною.

Екатерина.

За проздравленіи ваши съ моимъ сюда пріѣздомъ благодарствую.

Имя императрицы и слѣдующія за симъ строки писаны ея собственной рукою.

Внизу: 26 февраля 1767. Москва.—Получено марта 4 числа. № 6.

V.

Иванъ Ѳедоровичъ! Приложенной пакетъ прикажите отослать къ архитектору Риналдію. Слышу я отъ Н. И. Чичерина, что восемдесятъ тысячь четвертей хлѣба, кои мы оставили въ лабазахъ въ Питербурхѣ, почти въ расходѣ; со мною же великое число людей убыло изъ города, а при мнѣ болѣе четырехъ тысячь четвертей въ недѣлю рѣдко расходилось: какъ же сдѣлалось, что въ четыре недѣли оберъ-полицеймейстеръ, такъ сказать, промоталъ по двадцати тысячь на недѣли четвертей? Прикажите ему, чтобъ онъ оглянулся; у него, подъ видомъ тѣмъ что въ уѣздъ требуютъ, таскаютъ въ Новгородъ, гдѣ нынѣ по четыре рубли за четверть, и скажите ему, что не все положиться на одномъ приказномъ порядкѣ и на томъ и заснуть. У Н. И. Чичерина бывало съ каждымъ почти цѣлая негоціяція, какъ придутъ требовать ерлыки для выпуска въ уѣздъ, и наконецъ добромъ уговоритъ, что иногда на третьей долѣ согласятся. Пожалуй, прикажите прислать ко мнѣ, куда сколько и кому въ уѣздъ съ моего отѣзда отпущено по полицейскимъ ерлыкамъ; а естьли въ круглой годъ по двадцати тысячь на недѣли будутъ продавать, то не менѣе осмисотъ тысячь въ годъ надобно будетъ, а столько въ Питербурхъ и рѣдко привозятъ. Сверхъ того, что́ болѣе хлѣба изъ Питербурха отпустятъ въ уѣздъ, то болѣе въ упадокъ придетъ хлѣбопашество, и то, что́ нынѣ заведено, пропадетъ; ибо пашутъ, боясь запрещенія, что изъ города къ нимъ отпущено ничего не будетъ что́ недавно предъ моимъ отъѣздомъ подтверждено. А какъ увидятъ, что господинъ графъ Толстой столь къ нимъ снисходителенъ, что отпускаетъ всякому по его требованію, то не скоро можно будетъ, чтобъ ихъ паки довести до такого пункта, какъ Н. И. ихъ оставилъ. Пожалуй, Иванъ Ѳедоровичъ, смотрите за нимъ, чтобъ онъ и магазинъ въ мѣсяцъ не промоталъ, ибо ни откуда взять будетъ. Въ прочемъ, желая вамъ здравствовать, остаюсь навсегда къ вамъ доброжелательна.

Екатерина.

Марта 23 ч. 1767.

Всѣ пріѣзжіе изъ Питербурха весьма хвалятъ тишину и безопасность, съ которою живутъ подъ вашимъ начальствомъ, чему весьма радуюсь.

Все письмо писано рукою императрицы.

VI.

Указъ нашему генералу Глѣбову.

Въ обыкновенной подарокъ возвращающемуся изъ Санктпетербурга въ Варшаву Польскаго двора посольства секретарю Глеру повелѣваемъ отпустить изъ Петербургской статсъ-конторы въ контору коллегіи иностран-

ныхъ дѣлъ шесть сотъ рублевъ серебромъ монетою. *Екатерина.*

Имя императрицы подписано ея собственной рукою.

Внизу: въ Москвѣ 2-го Апрѣля 1767-го. — № 8. Полученъ Апрѣля 14 числа 1767.

VII.

1767 г. Апрѣля 30 число изъ Твери.

Иванъ Ѳедоровичъ! Чрезъ сіе увѣдомляю васъ, что я третьева дни выѣхала изъ Москвы, а вчерашній день въ девять часовъ ввечеру сюда благополучно пріѣхала. Сегодня здѣсь остаюсь, а завтра день означу для отъѣзда; суда всѣ въ готовности, и мая эсквадра украшаетъ здѣшняго города; погода же такъ хороша, какъ лутче и пріятнѣе быть не можетъ. Я почаще къ вамъ съ дороги писать буду или сама или чрезъ другихъ, дабы вы знать могли, гдѣ я, и такъ же удоволствовать любопытныхъ, кои у васъ навѣдываться будутъ; а естьли иногда заблагоразсудите и для напечатанья въ Санктпетербурхскихъ газетъ; а при семъ краткой журналъ нашего пути сообщаю, желая вамъ здравствовать и быть такъ здорову и веселу, какъ я и всѣ при мнѣ находящіеся.

Екатерина.

Чужестранные почти всѣ министры поѣхали меня встрѣтить въ Ярославлѣ. Ваши же письмы можете адресовать къ графу Солтыкову въ Москву, который ко мнѣ оныя перешлетъ съ ежедневными куріерами.

Все письмо писано рукою императрицы.

VIII.

Иванъ Ѳедоровичъ! На письмо ваше отъ 23 Апрѣля симъ отвѣтствую, что о недостаткѣ у васъ въ хлѣбѣ я приказала ген: полицеймейстеру Чичерину къ вамъ писать, какія ему о томъ отъ меня велѣно взять мѣры. А что купецъ Кирило Поповъ проситъ, чтобъ ему дозволено было хлѣбъ возить изъ Гданска и Кенигсберга, то, хотя его челобитье еще и не дошло, но то весьма убыточное дѣло, а лутче бы ему закупать въ нашихъ Остзейскихъ городахъ и возить въ Питербургъ, и въ такомъ случаѣ я съ радостію его облегчу отъ тамошней на вывозимой хлѣбъ таможни; ибо сіе не есть вывозъ изъ государства, но внутренняя комерція; и подъ сими кондиціями можно было и Лифлянцовъ и Естлянцовъ склонить на привозъ нѣкотораго числа хлѣба нынѣшнимъ лѣтомъ въ Питербургъ. Посмотрите, не можете ли на сіе сыскать охотниковъ, о чемъ предоставляю вамъ взять приличныхъ мѣръ, и тѣмъ наипаче легко будетъ, естьли цѣны сходствуютъ. Въ прочемъ желаю вамъ здравствовать.

Екатерина.

Маія 1 ч. изъ Твери.

Завтра поѣду отселѣ и чрезъ четыре дней буду въ Ярославлѣ.

Приложенное письмо пошлите пожалуй къ архитектору Ринальдію.

Все письмо писано рукою императрицы.

IX.

Изъ Углича 6 ч. Маія 1767.

Иванъ Ѳедоровичъ! Видѣла я у Н. И. Чичерина челобитную Попова о дозволеніи изо Гданска и Кенигсберга привозить хлѣбъ въ Питербургъ. Сіе есть дѣло страшное, ибо онъ тамо будетъ покупать нашъ же

Остзейской хлѣбъ, а лутче обратите его мысли на наши *Лифляндскіе* города и ищите охотниковъ оттуда привозить вмѣсто того, что они отпускаютъ за море; а я въ томъ обѣщаю облегченіе въ пошлинѣ такое, чтобы цѣны сходственны могли быть съ Питербургскими, о чемъ можете снестись съ г. Броуномъ и съ Ревельскимъ оберъ-коменд: Тизенгаузеномъ, дабы потрудилися сыскать охотниковъ. А сверхъ того обѣщайте прейза въ награжденіе за первую четверть, кто оттудова привезетъ; и на сихъ прейзахъ можно бы тысячи до три рублей потерять, лишь бы хлѣбъ навезли. Отъ сихъ мѣстъ начали возить, и Тверскіе и Торжскіе обѣщались довезти до Питербурга, а Чичеринъ со мною ѣдитъ съ тѣмъ, чтобъ всѣхъ поощрять и уговаривать къ привозу хлѣба въ Питербургъ, и надѣюсь сыты будете. Впрочемъ желаю вамъ здравствовать. Мы всѣ здоровы.

Екатерина.

Все письмо писано рукою императрицы.

X.

Изъ Углича 6 ч. Маія 1767.

Иванъ Ѳедоровичь! Я сегодни, хотя къ вамъ и писала о обѣщаніи за привозъ хлѣба въ Питербургъ прейзовъ; но какіе оные поставлены не предписано: при семъ онымъ краткое примѣрное [3] росписаніе прилагаю, по которому какъ Питербурскимъ, такъ и чрезъ господъ Броуна и Тизенгаузена тамошнимъ хлѣбнымъ промышленникамъ извольте сообщить и что еще сверхъ всего золотыми медалями величиною по приличности награждены будутъ.

Екатерина.

Росписаніе прейзамъ.

Кто въ Маіѣ привезетъ прежде всѣхъ, тому наградить шесть сотъ рублевъ. Кто въ Маіѣ жъ, хотя и послѣ, но больше всѣхъ, тому тысячу рублевъ.

Кто въ Іюнѣ прежде привезетъ, тому выдано будетъ четыреста рублевъ.

Кто же въ Іюнѣ больше привезетъ, тому семь сотъ рублей.

Кто въ Іюлѣ прежде привезетъ, тому триста рублей.

А кто больше, тому пятьсотъ рублей.

А кто во всѣ тѣ мѣсяцы привезетъ больше всѣхъ, тому тысячу рублей.

Что императрицу весьма озабочивала дороговизна хлѣба, оказавшаяся въ одну изъ торжественныхъ эпохъ ея царствованія, во время съѣзда въ Москву депутатовъ,—видно также изъ весьма замѣчательнаго *секретнаго* указа отъ 5 Іюля 1767 г., посланнаго воеводѣ города Балахны Крапивину и напечатаннаго въ Чтеніяхъ Общ. Ист. 1847—1848, кн. I-я. Указъ этотъ свидѣтельствуетъ, что хлѣбъ дорожалъ въ Россіи съ 1762 г.

XI.

На галерѣ Тверь, проѣхавъ Кострому, Маія 16 ч. 1767.

Иванъ Ѳедоровичь! При отъѣздѣ моемъ изъ Ипатского монастыря, гдѣ вчерась цѣлой день проводила и угощена была Костромскимъ дворянствомъ во всемъ отличнымъ образомъ, получила ваше письмо отъ 7 ч. сего мѣсяца. Мы всѣ здоровы окромѣ Захара Григорьевича [4], которой ушибъ больно ногу; и продолжали путь изъ

[3] Слово: «примѣрное» писано надъ строкою, равно какъ внизу имя императрицы, ея собственной рукою.

[4] Чернышова.

Ярославля съ пятью иностранными министрами, кои изъ Москвы въ Ярославль выѣхали мнѣ на встрѣчу, а именно Цесарской, Датской, Пруской, Шпанской и Саксонской. И они всѣ приписываютъ честь господамъ Костромичамъ, что у нихъ все происходило съ такимъ порядкомъ, усердіемъ, благопристойностью, какъ лутче видить нигдѣ не можно, и удивились множеству дворянъ съ ихъ женами, кои мы тамо нашли. Я надѣюсь, естьли Богъ велитъ, Троицынъ брать въ Казани. Весьма хорошо, что́ вы сдѣлали съ таможнымъ долгомъ покойнаго Боссета, кажется, публичной характеръ консула не дозволитъ солгать въ подпискѣ. Впрочемъ желаю вамъ здравствовать. *Екатерина.*

Все письмо писано рукою императрицы.

XII.

Иванъ Ѳедоровичь! Реляцію вашу касательно привоза изъ Лифляндіи и Эстляндіи въ Питербургъ хлѣба я получила и сдѣланное отъ васъ о томъ распоряженіе апробую; а между тѣмъ, пока вы на сообщенія ваши отъ генерала-губернатора Броуна и оберъ-коменданта Тизенгаузена получите отвѣтъ, прикажите обѣщанныя медали на монетномъ дворѣ заготовить на счетъ кабинета, дабы оныя, кому надлежитъ, безъ задержанія даны быть могли, такъ же и обѣщанныя деньги велите всякой разъ въ срокъ выдать безостановочно (5). Я сегодня отсюда возвращаюсь въ Москву. Впрочемъ пребываю вамъ, какъ и всегда, доброжелательною.

Екатерина.

P. S. Принцу Голштейнъ Беку сообщите такъ же то, что́ уже Тизенгаузену сообщено, не упоминая о прежнемъ сообщеніи, и дайте мнѣ отчасти знать, какъ продажа Эстляндскаго хлѣба въ Питербургѣ съ рукъ идетъ.

8 Іюня 1767. Синбирскъ. — Получено 16. № 14.

XIII.

Иванъ Ѳедоровичь! Письмо ваше, отправленное 18 Іюня, я получила, изъ котораго усмотрѣла съ удовольствіемъ, что изъ Ревеля и Риги близь пяти тысячь четвертей ржи въ Петербургъ прибыло. Что же вы произвести прейзы остановились, усумнясь почитать ли за дѣйствительной привозъ хлѣба въ тѣхъ судахъ, которыя, хотя въ Петербургъ и не вступятъ, но остановятся при Кронштатскомъ портѣ; то отвѣтствую, что какъ Петербургомъ кормится Кронштатъ, то и слѣдуетъ выдать прейзъ перваго привоза тому кораблю, которой прежде прибылъ, хотя присталъ въ Кронштатѣ; естьли же онъ первой прибылъ въ Петербургъ, не остановясь въ Кронштатѣ, то не менѣе первый за привозъ хлѣба прейзъ сему кораблю принадлежитъ. А понеже изъ письма вашего видно, что Ревельскіе жители Денъ и Эбергардъ только одни въ Маіѣ мѣсяцѣ рожъ въ Кронштатъ доставили, то оба прейза имъ и принадлежатъ, ибо они первые привезли хлѣбъ, и болѣе всѣхъ привезли, потому что никто не привезъ кромѣ

(5) Слова: «такъ же и обѣщанныя деньги велите всякой разъ въ срокъ выдать безостановочно» приписаны съ боку рукою императрицы, равно какъ ея имя и приписка внизу.

ихъ. И хотя бы право ихъ къ полученію сихъ прейзовъ не такъ ясно было, какъ оно дѣйствительно есть, то они уже и за то одно достойны награжденія, что они сего привоза путь открыли. Награжденіе же сіе прикажите произвести изъ соляной конторы на счетъ будущей полицейской суммы; а медали можно выдать двѣ, по одной при каждомъ прейзѣ, въ пятнадцать и въ дватцать червонныхъ на первой случай, хотя съ коронаціоннымъ штемпелемъ; а для переду прикажите профессору Штелину сдѣлать рисунокъ для сего случая съ коронаціоннымъ же штемпелемъ: можетъ быть, готовыя есть у моего библіотекаря Константинова ([6]); естьли же нѣтъ, то прикажите сдѣлать изъ Колыванскаго золота на монетномъ дворѣ. Что касается до принятыхъ вами мѣръ о продажѣ Ревельскаго хлѣба, то оныя довольно показываютъ, сколько вы имѣете о семъ дѣлѣ попеченія, за что я вамъ весьма благодарю; а изъ нескорой распродажи онаго довольно видно, что въ Петербургѣ не такой недостатокъ въ хлѣбѣ, какъ наши корыстолюбивые въ семъ торгѣ промышленники разгласить стараются. Естьли оной привозной хлѣбъ инако продать не можно будетъ, то генералъ-полицеймейстеръ, буде цѣны чуть сходны будутъ, купитъ оной въ свой магазеинъ; а кажется можетъ и то распродажѣ оной ржи споспѣшествовать, что промышленники намѣрились оную перемолоть въ муку. Однако и сіе показываетъ, что большаго недостатка нѣтъ, въ чемъ и приложенная отъ васъ вѣдомость о привозѣ Россійскаго хлѣба, кажется, подаетъ надежду. И удивительно только, что уѣздные жители сію рожь на сѣмена не раскупаютъ; а мнѣ извѣстно, что и въ Ямбургѣ для новой колоніи искали такой ржи для посѣву, о чемъ вы можете приказать тамошнему ассесору Старкову, или къ Барклановскому ([7]) дать знать, дабы они, естьли у нихъ еще настоитъ нужда и способность къ перевозкѣ имѣютъ, оною рожью снабдиться могли. Въ прочемъ все вами прилагаемое стараніе о сей роскупкѣ мнѣ весьма пріятно, не меньше и то, что во всѣхъ вамъ ввѣренныхъ мѣстахъ находится все благополучно. Послѣднее ваше письмо отъ 21-го Іюня я получила, и пребываю вамъ, какъ и всегда, доброжелательною.

Екатерина.

29 Іюня 1767.
Москва.

Получено 3 Іюлія по нарочной эстафетѣ. № 17.

XIV.

Иванъ Ѳедоровичь! Каковъ отъ меня на реляцію вашу отъ 4-го Іюня, данъ Эстляндскому генералу губернатору принцу фонъ Голштейнъ-Бекъ указъ, о беззадержательномъ изъ Ревеля въ Петербургъ пропускѣ съ рожью судовъ, со онаго при семъ посылаю къ вамъ точную копію, пребывая, какъ и всегда, вамъ доброжелательною.

Екатерина.

6 Іюля 1767. Москва.

([6]) Зятя Ломоносову.

([7]) Слова: «или къ Баркланoвскому», вверху строки, равно какъ внизу имя императрицы, писаны ея собственной рукою.

Письмо же ваше 11 Іюня я сегодня получила, а третьево дни я сюда возвратилась изъ похода. А сей часъ слышу отъ С. М. Кузмина ([8]), что вы желаете ѣхать въОраніенбаумъ и Кронштатъ, на что̀ я весьма согласна: пожалуй, побывайте и въ Царскомъ Селѣ и посмотрите, каково тамъ землю распахали и каковъ хлѣбъ, ибо я сама тамо веду нѣкоторымъ образомъ экономію.

Имя императрицы и приписка внизу писаны ея собственной рукою.

XV.

Иванъ Ѳедоровичь! На реляцію вашу отъ 9-го числа сего мѣсяца отвѣтствую. 1-е) Хотя безъ сомнѣнія соляная контора по сообщенію вашему назначенные за привозъ ржи прейзы выдастъ безъ задержанія, однако жъ для избѣжанія всѣхъ канцелярскихъ формалитетовъ потрудитесь впредь такія выдачи истребовавъ отдавать сами или кому вы особливо оную выдачу поручите, дабы ни малѣйшаго задержанія не было. 2-е) Что хлѣбные промышленники просятъ медали со особливымъ на сей случай изображеніемъ, оное я приписывая ихъ усердію, посылаю при семъ апробованной мною рисунокъ медали, по которому прикажите сдѣлать и имъ роздайте. 3-е) Что касается до купцовъ Аренсбургскаго Деллингсгорзена, да Ревельскаго Дуберта, то, хотя и они по усердію своему заслуживаютъ награжденіе, но какъ имъ по учиненному о прейзахъ учрежденію оное не слѣдуетъ, назначенные же на Іюль мѣсяцъ прейзы должны даны быть тѣмъ, кои въ семъ мѣсяцѣ оные заслужатъ: того ради милосердуя объ нихъ, чтобъ и они въ убыткѣ не остались, объявите моимъ именемъ адмиралитетской коллегіи, чтобъ она по извѣстной мнѣ ей въ хлѣбѣ надобности оную привезенную ими рожъ отъ нихъ приняла и деньги за оную выдала, естьли не свыше трехъ рублевъ четверть оную продадутъ; естьли же они по увѣщанію вашему за оную цѣну не отдадутъ, то излишнее сверхъ трехъ рублевъ за четверть прикажите додать имъ изъ соляной конторы. Впрочемъ сдѣланныя вами по сему дѣлу распоряженія я пріемлю съ благоволеніемъ, пребывая вамъ, какъ и всегда, доброжелательною.

Екатерина.

Имя императрицы подписано ея собственной рукою.

Внизу: 16 Іюля 1767. Село Коломенское. Получено Іюлія 22 ч. 1767. № 16.

XVI.

Иванъ Ѳедоровичь! Я не хотѣла васъ безъ увѣдомленія оставить, что вчерашняго дня учинено открытіе коммиссіи о сочиненіи проекта новаго уложенія, а какимъ образомъ оное происходило, о томъ приказала васъ при семъ обстоятельно увѣдомить посылая при томъ къ вамъ копію ([9]) съ присяги депутатской и съ той рѣчи, которую отъ меня депутатамъ читалъ вице-канцлеръ.

Екатерина.

Имя императрицы подписано ея собственной рукой.

Внизу: 31 Іюля 1767. Москва.

([8]) Статсъ-секретаря.

([9]) Копій у насъ не имѣется, а подробности см. ниже на стр. 361—364.

XVII.

Иванъ Ѳедоровичь!

На сихъ дняхъ получили мы по Петербургской почтѣ пакетъ, подписанный о великоважномъ государственномъ секретномъ дѣлѣ на имя наше, по разсмотрѣніи жъ онаго нашли мы въ томъ пакетѣ экстрактъ и экспликацію отъ Устюжскаго купца Бабкина, кое мы разсматривали; по разсмотрѣнію жъ, во оныхъ экстрактѣ и названной экспликаціи никакихъ важныхъ секретныхъ дѣлъ нами не усмотрено, а увидѣли мы онаго Бабкина человѣка совсѣмъ въ разумѣ или, лучше сказать, и въ жизни развращеннаго, почему уже больше бъ и нужды не было объяснять его заблужденія, а только бъ наказать его по законамъ должно, какъ враля и дерзкаго человѣка. Но мы, снисходя по человѣколюбію нашему, сей его дерзкой поступокъ оставляемъ ему нынѣ безъ наказанія, а чтобъ онъ впредъ такихъ ложныхъ мыслей о себѣ, что какъ бы онъ свѣдущій государственныя положенія, отнюдь не имѣлъ, то мы, желая его отъ такого заблужденія отвратить, повелѣваемъ вамъ, призвавъ его къ себѣ, объявить: 1-е, Что касается до укрѣпленія границъ, то совсѣмъ сіе никогда на него возлагаемо не было, да и возложено быть не можетъ. 2-е О учрежденіи коммерціи дѣло есть не его попеченія и смысла. 3-е О учрежденіи жъ Государственнаго Банка и о дѣлѣ мѣдной монеты отнюдь мысли его не только не нужны, но и совсѣмъ не надобны, потому что о благосостояніи и пользѣ государственной довольно есть попеченія (кромѣ его самыхъ слабыхъ и съ разумомъ несходныхъ прожектовъ). 4-е приписываетъ онъ Бабкинъ себѣ въ выслугу то, что будто бъ таможенные сборы умножены и на откупъ не отданы по его представленіямъ, то и на сіе ему сказать, что таможни на откупъ не отданы отнюдь не по его представленіямъ, слѣдовательно и выслуги его въ томъ нѣтъ. 5-е Наконецъ подпискою его обязать, чтобъ онъ отъ сихъ ложныхъ мыслей себя старался конечно изцѣлить, а пользовался бъ по званію своему торговымъ промысломъ, впредъ же никакихъ своихъ прожектовъ и доношеній подавать не осмѣливался, ибо и прежде сего ему отъ комиссіи о комерціи о неподачѣ челобитенъ и прожектовъ, такъ какъ и о томъ, чтобъ онъ жилъ въ Устюгѣ, по нашему указу уже объявлено было, но онъ и за тѣмъ нынѣ еще насъ утруждать отважился. А естьли и за симъ онъ Бабкинъ дерзнетъ подачею какихъ доношеній впредъ насъ или наши правительства утруждать, то тогда повелимъ мы поступить съ нимъ какъ съ неспокойнымъ человѣкомъ по законамъ. По объявленіи жъ сего нашего повелѣнія отправить его въ Устюгъ, какъ того града гражданина, откуда уже его въ наши резиденціи отпускать не велѣть.

Екатерина.

Имя императрицы подписано ея собственной рукой.

Внизу: въ Москвѣ. 10 Августа 1767.—Получ. 16 ч. № 18.

XVIII.

Иванъ Ѳедоровичь! Извольте дать Елагину надежнаго гвардіи офицера

для посылки ко мнѣ съ большою моею короною, которая мнѣ здѣсь надобна для аудіенціи Дисидентскаго Посольства.

Екатерина (10).

Внизу: получено Августа 19, 1767. № 18.

XIX.

Иванъ Өедоровичь! Пришлите ко мнѣ планъ той аванзалы, которая предъ тронною залою на Неву рѣку, гдѣ вольные маскерады были. Я думаю, что планъ сей залы въ гофъ-интендантской или въ конторѣ отъ строенія зимняго дворца; господинъ Козминъ извѣститъ васъ о вчерашномъ произшествіи.

Екатерина (11).

Внизу: 13 Августа 1767. Москва.— Получено Августа 19 ч. № 21.

XX.

Иванъ Өедоровичь! Въ слѣдствіе того, что Никита Ивановичь Панинъ пишетъ теперь по волѣ моей къ прибывшему въ Санктпетербургъ Мартиникскому интенданту Де ла Ривіеру, извольте вы съ своей стороны сказать ему что вы имѣете отъ меня повелѣніе: 1-е нанять для него пристойный домъ, употребляя на наемъ помѣсячно сто рублевъ или же тѣ сто рублевъ выдавать каждой мѣсяцъ ему, дабы онъ самъ себѣ квартиру пріискалъ и нанялъ, 2-е на уборъ нанимаемой квартиры выдать ему нынѣ въ одинъ разъ тысячу рублевъ, а напослѣдокъ 3-е производить ему на содержаніе дома по двѣсти рублевъ въ мѣсяцъ, считая со дня пріѣзда его въ Санктпетербургъ. Выдачу денегъ имѣете вы производить по сему моему повелѣнію изъ статсъ-конторы, а впрочемъ пребываю я вамъ благосклонна.

Екатерина.

Имя императрицы подписано ея собственной рукою.

Внизу:; въ Москвѣ, 9 Октября 1767 года.— Получено Октября 15 ч. 1767. № 23.

XXI.

Иванъ Өедоровичь! Фельдмаршала Миниха сынъ графъ Минихъ сказывалъ мнѣ вчера, что отецъ его крайне болѣнъ; но какъ ему туда ѣхать никакъ не можно, ибо онъ самъ болѣнъ, то прикажите въ случаѣ смерти фельдмаршала вдовѣ его сказать, что вы имѣете уже повелѣніе отъ меня, чтобъ при погребеніи его ему приличная военная почесть отдана была, чего ради прилагается при семъ то, что̀ о томъ учреждено было при похоронахъ графа Бутурлина (12). При томъ велите у фельдмаршалши спросить, не надобенъ ли ей кто для отправленія сихъ печальныхъ учрежденій и придайте ей кого вы изберете, ибо пасынокъ ея боится, что она не будетъ имѣть на кого бы въ семъ случаѣ положиться можно было.

Екатерина.

Имя императрицы подписано ея собственной рукою.

Внизу: 21 Октября 1767. Москва.—Получено Окт. 26 ч. въ 9 часу полуночи.

---

(10) Слова: «для аудіенціи Дисиденскаго Посольства», равно какъ внизу имя императрицы писаны ея собственной рукою.

(11) Слова: «Я думаю, что планъ сей» и пр., равно какъ имя императрицы писаны ея собственной рукою.

(12) См. ниже стр. 376.

XXII.

Иванъ Ѳедоровичь! Господинъ Ларивіеръ представляетъ, что сверхъ полученныхъ имъ изъ моей казны на дорогу денегъ, издержалъ онъ своихъ собственныхъ на путевыя издержки семь тысячь восемь сотъ французскихъ ливровъ. Я не хочу, чтобъ его къ моему двору пріѣздъ ему что либо стоилъ. Извольте взять изъ статсъ-конторы столько денегъ, сколько по курсу произведетъ означенная сумма ливровъ и вручите оныя господину Ларивіеру. Я пребываю вама благосклонна. *Екатерина.*

Имя императрицы подписано ея собственной рукою.

Внизу: Въ Москвѣ, 7-го Ноября 1767 г.

XXIII.

Иванъ Ѳедоровичь! Нынѣшняго мѣсяца 19 или 20-го числа намѣрена я, если Богъ изволитъ, отсюда ѣхать въ Петербургъ и уповаю въ дорогѣ пробыть не болѣе пяти дней, о чемъ не хотѣла оставить васъ безъ увѣдомленія, пребывая вамъ, какъ и всегда, доброжелательна. *Екатерина.*

Имя императрицы подписано ея собственной рукою.

Внизу: 6 Генваря. 1768. Москва.

Приложеніе.

I.

Письмо къ И. Ѳ. Глѣбову статсъ-секретаря Козмина.

Милостивый государь мой Иванъ Ѳедоровичь! Вчера учинено открытіе коммисіи о сочиненіи проэкта новаго уложенія слѣдующимъ порядкомъ. По высочайшему ея императорскаго величества повелѣнію объявлено отъ Сената господамъ депутатамъ, чтобъ они по утру собрались въ Чудовъ монастырь. Ея величество того утра въ десятомъ часу, въ коронѣ и мантіи, изволила шествовать изъ Головинскаго дворца, въ провожаніи его императорскаго высочества, всѣхъ придворныхъ дамъ и кавалеровъ и за эскортомъ кавалергардскаго корпуса, въ Успенской соборъ. По прибытіи ея величества въ церковь генералъ-прокуроръ съ жезломъ повелъ господъ депутатовъ по два въ рядъ въ оной соборъ, по чемъ началась литургія, а по окончаніи оной молебенъ съ колѣнопреклонною молитвою. Послѣ того чтена присяга, по прочтеніи которой ея величество изволила итти въ Кремлевской дворецъ, а господа депутаты между тѣмъ подписывались къ присягѣ. По окончаніи оной генералъ-прокуроръ повелъ ихъ прежнимъ порядкомъ въ Кремлевскую аудіенцъ-залу, гдѣ ея величество ихъ на тронѣ ожидать изволила. Генералъ-прокуроръ представилъ ихъ ея величеству, при чемъ преосвященный митрополитъ Новогородскій, яко депутатъ святѣйшаго Синода, говорилъ ея величеству рѣчь, на которую именемъ ея императорскаго величества господинъ вицеканцлеръ приложенною рѣчью отвѣтствовалъ. По окончаніи оной ея императорское величество изволила всѣхъ депутатовъ жаловать къ рукѣ, по окончаніи чего тою же церемоніею изволила возвратиться въ Головинской дворецъ уже въ четвертомъ часу по полудни. Сегодня по утру господа депутаты собрались въ Грановитую палату, гдѣ всегдашнее ихъ собраніе будетъ, и выбирали кандидатовъ въ депутатскіе предводители. Ея императорское величество изволила изъ сдѣланнаго надъ Грановитою палатою стариннаго такъ называемаго тайника инкогнито смотрѣть сей выборъ, и не можно было довольно надивиться, съ какою тишиною и благоговѣніемъ все въ семъ толь многочисленномъ собраніи происходило, ибо однихъ депутатовъ было тутъ четыреста тридцать человѣкъ. Все сіе по высочайшему ея императорскаго величества повелѣнію донеся, имѣю честь быть

съ должнымъ почтеніемъ вашего превосходительства, милостиваго государя моего, покорнѣйшій слуга Сергѣй Козминъ.

31 Іюля 1767.
Москва.

II.

Вице-канцлерова рѣчь къ депутатамъ, послѣ присяги представшимъ лицу Ея Императорскаго Величества ([13]).

Господа депутаты!

Ея императорское величество съ удовольствіемъ видитъ здѣсь нынѣ предъ престоломъ своимъ собранныхъ депутатовъ правительствъ ея имперіи и всѣхъ скипетру ея подвластныхъ народовъ, въ слѣдствіе созвавшаго васъ ея манифеста отъ 14 Декабря 1766 года.

Ея императорскаго величества матернему, нѣжному ко своему народу, сердцу весьма пріятно было усмотрѣть, съ какимъ усердіемъ принято сіе ея повелѣніе во всякомъ родѣ людей и что всѣхъ души соединилися въ томъ, чтобы своими представленіями споспѣшествовать великому тому дѣлу, для котораго имъ велѣно прислать васъ въ сію древнюю столицу. Со стороны ея императорскаго величества въ вышеназначенномъ достопамятномъ манифестѣ сказано уже, что ея желаніе есть видѣти свой народъ столь счастливымъ и довольнымъ, сколь далеко человѣческое счастіе и довольствіе простираться можетъ на сей землѣ: слова, кои ея императорскому величеству ото дня возшествія ея до сего дня во всѣхъ ея предпріятіяхъ служили правиломъ, которому, подъ благословеніемъ Божіимъ и всѣ ея успѣхи приписать должно, и возбудили ту довѣренность и дѣтскую любовь къ ея особѣ, которую не только во всякомъ изъ предстоящихъ здѣсь нынѣ легко примѣтить можно, но которая наипаче ясно оказывается изъ составовъ многихъ вашихъ наказовъ. И такъ не осталось ея императорскому величеству инаго ничего желать и вамъ повелѣвать, какъ только то, чтобы съ помощію всѣхъ благъ Подателя, истину любящаго, всемогущаго Бога, предъ лицемъ Коего, принесши мольбы и призвавъ Его въ помощь и обязавшися предъ Нимъ, вы сюда сего дни предстали нынѣ приступить къ такому великому дѣлу, къ которому вы призваны и для котораго въ правило вамъ вручается отъ рукъ ея императорскаго величества наказъ и обрядъ управленія коммисіи о составленіи проекта новаго уложенія для поднесенія ея императорскому величеству на высочайшую ея конфирмацію.

Начинайте сіе великое дѣло и помните при каждой строкѣ онаго, что вы имѣете случай себѣ, ближнему вашему и вашимъ потомкамъ показать, сколь велико было ваше радѣніе о общемъ добрѣ и блаженствѣ рода человѣческаго, о вселеніи въ сердце людское доброправія и человѣколюбія, о тишинѣ, спокойствіи, безопасности каждаго и о блаженствѣ любезныхъ согражданъ вашихъ.

Вы имѣете случай прославить себя и вашъ вѣкъ и пріобрѣсти себѣ почтеніе и благодарность будущихъ вѣковъ.

Отъ васъ ожидаютъ примѣра всея подсолнечныя народы: очи ихъ на васъ обращены. Слава ваша въ вашихъ рукахъ, и путь къ оной вамъ открытъ; отъ согласія вашего во всѣхъ сихъ полезныхъ отечеству дѣлахъ зависѣть будетъ и совершенность оныя.

Наконецъ ея императорское величество, будучи совершенно увѣрена, что каждый изъ васъ впечатлѣетъ въ сердцѣ своемъ все сіе и къ исполненію приступитъ съ такимъ радѣніемъ, прилежаніемъ и любовію къ отечеству, какъ сама ея императорское величество тому примѣръ подала, составляя наказъ для сей важной коммисіи, уполномочиваетъ васъ нынѣ приступити къ начатію вамъ повѣреннаго дѣла.

Идите къ сему съ миромъ!

([13]) Вице-канцлеромъ былъ тогда кн. Александръ Михайловичь Голицынъ.

КАНЦЕЛЯРІИ ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩАГО СЕНАТА

Приказъ. *1789 г. Февраля 16 д. О говѣніи въ великій постъ всѣмъ служителямъ канцеляріи Правительствующаго Сената съ раздѣленіемъ онаго на двѣ недѣли, на первую и послѣднюю.*

Въ наступающую нынѣ четыредесятницу надлежитъ непремѣнно всѣмъ служителямъ канцеляріи Сената говѣть. А потому о семъ не только каждому подтверждается, но рекомендуется особливо гг. оберъ-секретарямъ и экзекуторамъ, дабы они, по прошествіи поста, за всѣхъ своихъ подчиненныхъ подали списки, кто изъ нихъ говѣлъ или нѣтъ и за чѣмъ имянно, расположа впрочемъ такъ, чтобъ одни исполнили сей христіанскій долгъ на первой недѣлѣ поста, а другіе на послѣдней, дабы и въ дѣлахъ не было остановки, что́ самое исполнить должно въ Сенатскомъ Архивѣ, въ Герольдмейстерской и Рекетмейстерской конторахъ, а равно и въ типографіи. Подлинный подписалъ: *Князь А. Вяземской.*

Февраля 16 дня
1789.

Подобныя распоряженія не рѣдко повторялись и прежде и послѣ, какъ видно по бумагамъ. Они конечно въ связи съ частыми напоминаніями императрицы Екатерины Храповицкому о говѣніи (См. Записки Храповицкаго).

Выписано изъ Архива Министерства Юстиціи. Сообщено Н. В. Калачовымъ.

ЗАМѢТКИ А. П. ЕРМОЛОВА ОБЪ ЕГО МОЛОДОСТИ.

Замѣтки эти служатъ важнымъ дополненіемъ къ недавно изданнымъ (М. 1865 бол. 8⁰) подлиннымъ Запискамъ Алексѣя Петровича Ермолова (1). Онѣ содержатъ въ себѣ показанія и подробности о первыхъ годахъ его жизни и службы въ царствованіе императора Павла, опущенныя, либо переданныя сокращенно и въ Запискахъ (начинающихся съ 1801 года) и въ богатомъ сборникѣ матеріаловъ для біографіи Ермолова, изданіи М. П. Погодина (М. 1863. мал. 8⁰), которому помѣщаемыя здѣсь Замѣтки и одолжены своимъ происхожденіемъ. Еще около 1845 года, не рѣдко бесѣдуя съ Ермоловымъ, М. П. Погодинъ просилъ его записывать разсказы свои и для удобства записыванія составилъ обозрѣніе его жизни на большихъ листахъ, перегнутыхъ вдвое, такъ чтобы Ермоловъ по вопросамъ и намекамъ могъ наполнять оставленные нарочно пробѣлы. Въ позднѣйшихъ свиданіяхъ маститый старецъ нѣсколько разъ говорилъ пытливому ученому, что тетрадь наполняется, показывалъ ее, но не отдавалъ, какъ неконченную. По смерти Ермолова, тетрадь не была отыскана; и лишь прошлымъ лѣтомъ, послѣ умершаго его деньщика, нашлось, къ сожалѣнію, только три листа этой тетради, исписанныхъ Ермоловымъ. Передаемъ ихъ здѣсь вполнѣ, и вмѣстѣ со всѣми любителями старины и почитателями Ермолова приносимъ благодарность М. П. Погодину.

Нужно прибавить, что эти автобіографическія Замѣтки дополняются любопытнѣйшими разсказами, записанными со словъ Ермолова и помѣщенными въ Чтеніяхъ Общ. Ист. и др. 1863, кн. 4-я.—Ермоловъ, 22-хъ лѣтъ отъ роду, уже въ чинѣ подполковника, командуя артилл. ротой, жилъ въ Несвижѣ (Минской губ.), когда его арестовали за одно съ братомъ его (по матери) бо-

---

(1) Это суть единственно-подлинныя Записки Ермолова, напечатанныя съ собственноручныхъ тетрадей двоюроднымъ племянникомъ его и наслѣдникомъ его рукописей, Н. П. Ермоловымъ. Ихъ не слѣдуетъ смѣшивать съ тѣми Записками о 1812 г., которыя, подъ его именемъ, ходили по рукамъ еще при жизни А. П. Ермолова, но которыхъ онъ не признавалъ. Они тоже изданы. М. 1863 мал. 8⁰.

гатымъ Смоленскимъ помѣщикомъ А. М. Каховскимъ, по извѣту Смоленскаго губернатора Льва Вас. Тредьяковскаго (сынъ извѣстнаго профессора элоквенціи) и отвезли судить въ Калугу; Государь нашелъ его невиннымъ. Съ этого начинаются нижеслѣдующія Замѣтки.

П. Б.

Всѣмъ обязанъ онъ (1) единственно милосердію Государя. Спрашиванъ о многихъ обстоятельствахъ, относившихся до его брата (2), но какъ они совершенно не были извѣстны Ермолову и были даже вымышлены, то отвѣты его заключались въ однихъ отрицаніяхъ. Генер. Л. (3), призвавъ къ себѣ офицера, сопровождавшаго Ермолова, объявилъ ему о дарованной ему свободѣ и чтобы онъ отправился обратно, если Ермоловъ пожелаетъ возвратиться одинъ. Ласково простясь съ Ермоловымъ, онъ сказалъ, что посланному на встрѣчу ему офицеру приказано отдать бумаги Смоленскому коменданту генер. маіору князю Долгорукову, въ случаѣ если еще онъ не препровожденъ изъ Несвижа. Сказалъ, что между возвращенными бумагами недостаетъ журнала и нѣсколькихъ чертежей, составленныхъ во время пребыванія въ Австрійской арміи въ Альпійскихъ горахъ (4), которые Государь изволитъ разсматривать. Проѣзжая обратно Смоленскъ, Ермоловъ получилъ бумаги, доставленныя разъѣхавшимся, вѣроятно, въ ночное время офицеромъ и привезъ въ Несвижъ данное шефу баталіона повелѣніе.

Прошло не много болѣе двухъ недѣль, какъ исполненный чувствъ благодарности, прославляющій великодушіе Монарха, Ермоловъ, призванный къ своему шефу, получаетъ приказаніе отправиться въ Петербургъ съ фельдъ-егеремъ, нарочно за нимъ присланнымъ. Я не былъ отставленъ отъ службы, не былъ выключенъ, ниже арестованъ, и объявлено, что Государь желаетъ меня видѣть.

Безъ затрудненія дано мнѣ два дни на пріуготовленіе къ дорогѣ; до отъѣзда не учреждено за мною никакого присмотра; прощаюсь съ знакомы-

(1) Ермоловъ говоритъ о себѣ то въ третьемъ, то въ первомъ лицѣ.

(2) Каховскій былъ заключенъ въ Динаминдскую крѣпость. См. Записки Пассека въ Р. Арх. 1863, изд. 2-е, стр. 772.

(3) Ѳ. И. Линденеръ, о коемъ см. статью А. А. Кононова въ Русской Бесѣдѣ 1860, кн. I. Покойный Ермоловъ передавалъ намъ, что настоящая фамилія Линденера была Липинскій, и что онъ былъ Полякъ, принявшій изъ своихъ видовъ нѣмецкую фамилію. Онъ много надѣлалъ зла Русскимъ людямъ.

(4) Ермоловъ въ 1795 году, состоя при австрійскомъ генералѣ Девисѣ, находился въ Италіи и принималъ участіе въ войнѣ противъ Французовъ. Служебному возвышенію Ермолова, кромѣ отмѣнныхъ дарованій и храбрости, вѣроятно содѣйствовало и вліяніе отца его статск. совѣтн. Петра Алексѣевича (1742—1833), который занималъ хотя не особенно-видную, но чрезвычайно важную должность: въ Мѣсяцословѣ на 1793 г. (стр. 21) онъ значится «у исправленія порученныхъ дѣлъ генералъ-прокурору». Онъ былъ человѣкъ необыкновенно умный и дѣловой. Преданіе разсказываетъ, что онъ собственно и былъ генералъ-прокуроромъ, а гр. Самойловъ только назывался. Екатерина удивила современниковъ, отыскавъ себѣ такого дѣльца въ малоизвѣстномъ до того предсѣдателѣ Орловской гражд. палаты. Къ тому же П. А. Ермоловъ приходился роднею ген. прокурору по женѣ своей Марьѣ Денисовнѣ, братъ которой Левъ Денисовичъ Давыдовъ женатъ былъ на сестрѣ гр. Самойлова, Екатеринѣ Николаевнѣ.

ми въ Несвижѣ и окрестности и отправляюсь.

Въ жизни моей нерѣдко весьма уловлялъ я себя въ недостаткѣ предусмотрительности; но въ 22 года, при свойствахъ и воображеніи, отъ природы довольно пылкихъ, удостоенный всемилостивѣйшаго прощенія, вызываемый по желанію Государя меня видѣть, питающій чувства совершеннѣйшей преданности, я допускалъ самыя обольщающія мечтанія и видѣлъ предъ собою блистательную будущность. Предъ глазами было быстрое возвышеніе людей неизвѣстныхъ и даже многихъ, оправдавшихъ свое ничтожество, и меня увлекали надежды!

Въ дорогѣ фельдъ-егерь оказывалъ мнѣ угодливость; на послѣдней къ П-бургу станціи, куда пріѣхали мы до обѣда, совѣтовалъ дождаться вечера, говоря, что могу быть встрѣченъ знакомыми, и непріятно будетъ мнѣ дать поводъ къ невыгоднымъ о себѣ заключеніямъ. Тутъ начало мнѣ представляться положеніе мое совсѣмъ въ другомъ видѣ. Въ П-бургѣ привезли меня прямо въ домъ генералъ-прокурора Петра Васил. Лопухина. Долго распрашиваемый въ его канцеляріи, фельдъ-егерь получилъ приказаніе отвезти меня къ начальнику тайной экспедиціи. Оттуда препроводили меня въ С-П.бургскую крѣпость и въ Алексѣевскомъ равелинѣ посадили въ казематъ. Въ продолженіи двухъ мѣсячнаго тамъ пребыванія одинъ разъ требованъ я былъ генералъ-прокуроромъ: взяты отъ меня объясненія начальникомъ тайной экспедиціи, въ которомъ неожиданно встрѣтилъ я г. Макарова, благороднѣйшаго и великодушнаго человѣка, который, служа при графѣ Самойловѣ, зналъ меня въ моей юности и наконецъ его адъютантомъ. Ему извѣстно было о дарованномъ мнѣ прощеніи, о взятіи же меня въ другой разъ онъ только то узналъ, что по приказанію Государя отправленъ былъ дежурный во дворцѣ фельдъ-егерь, и причина отсутствія его покрыта тайною. Объясненія мои изложилъ я на бумагѣ; ихъ поправилъ Макаровъ, конечно не прельщенный слогомъ моимъ, котораго не смягчало чувство правоты, несправедливаго преслѣдованія и заточенія въ казематѣ. Я переписалъ ихъ и возвратился въ прежнее мѣсто.

Не скоро однако же послѣ того присланъ фельдъ-егерь принять арестанта изъ 9 нумера и отправиться въ назначенный путь. Мнѣ приказано одѣваться теплѣе въ дорогу. Изъ убійственной тюрьмы я съ радостью готовъ былъ въ Сибирь. Въ равелинѣ ничего не происходитъ подобнаго описываемымъ ужасамъ инквизиціи, но конечно многое заимствовано изъ сего благодѣтельнаго и человѣколюбиваго установленія. Спокойствіе ограждается могильною тишиною, совершеннымъ безмолвіемъ двухъ недремлющихъ сторожей, почти не разлучныхъ. Охраненіе здоровья заключается въ постоянной заботливости не обременять желудка ни лакомствомъ пищи, ни излишнимъ ея количествомъ. Жилища освѣщаются неугасаемою сальною свѣчою, опущенною въ жестяную съ водою трубкою. Различный бой барабана, при утренней и

вечерней зарѣ, служитъ исчисленіемъ времени; но когда бываетъ онъ не довольно внятнымъ, повѣрка производится въ коридорѣ, который освѣщенъ дневнымъ свѣтомъ и солнцемъ, незнакомыми въ преисподней.

Въ дорогѣ фельдъ-егерь сообщилъ мнѣ, что долженъ сдать меня Костромскому губернатору, но что весьма нерѣдко поручается имъ отправлять несчастныхъ далѣе и даже въ Сибирь (5).

По прибытіи въ Кострому, мнѣ объявлено назначеніе вѣчнаго пребыванія въ губерніи, по извѣстному собственно государю императору преступленію. По счастію моему при губернаторѣ (6) находился сынъ его, съ которымъ въ молодости моей учились мы вмѣстѣ. По убѣжденію его онъ донесъ генералъ-прокурору, что находитъ нужнымъ оставить меня подъ собственнымъ надзоромъ для строжайшаго наблюденія за моимъ поведеніемъ, и мнѣ назначено жить въ Костромѣ.

Нѣкоторое время жилъ я въ домѣ губернскаго прокурора Новикова, человѣка отлично добраго и благороднѣйшихъ свойствъ и вскорѣ вмѣстѣ войска Донскаго съ генералъ-маіоромъ Платовымъ, въ послѣдствіи знаменитымъ войсковымъ атаманомъ, которому по волѣ Императора назначена также Кострома мѣстопребываніемъ. Полтора года продолжалось мое пребываніе; жители города оказывали мнѣ великодушное расположеніе, не находя въ свойствахъ моихъ, ни въ образѣ поведенія, ничего обнаруживающаго преступника. Я возвратился къ изученію латинскаго языка, упражнялся въ переводѣ лучшихъ авторовъ, и время протекало почти непримѣтно, почти не омрачая веселости моей. Судьба, не благопріятствующая мнѣ, возбуждала сѣтованія мои въ одномъ только случаѣ, когда воспоминалъ я, что баталіонъ артиллерійской, которому я принадлежалъ, находился въ Италіи, въ арміи, предводимой славнымъ Суворовымъ, что товарищи мои участвуютъ въ незабвенныхъ подвигахъ непобѣдимой нашей арміи. Въ чинѣ подполковника я былъ 22-хъ лѣтъ и въ царствованіе Екатерины имѣлъ ордена Св. Георгія и Св. Владиміра. Многимъ Суворовъ открылъ быструю карріеру: неужели бы укрылись отъ него добрая воля, кипящая, пламенная, рѣшительность, не знавшая тогда опасностей?

Въ Костромѣ получилъ я увѣдомленіе отъ одного лучшаго изъ пріятелей, сослуживца, который по супружеству своему былъ въ тѣсныхъ связяхъ родства съ любимцемъ императора графомъ Кутайсовымъ, что, склонивъ вниманіе его къ несчастному положенію моему, имѣетъ отъ него порученіе дать мнѣ знать, чтобы, изобразивъ его въ самыхъ трогательныхъ выраженіяхъ, я обратился къ нему съ письмомъ моимъ и что онъ надѣется испросить мнѣ прощеніе. Конечно

(5) У императора Павла Ермоловъ могъ находиться на дурномъ счету по отношенію къ отцу своему, который за разныя злоупотребленія былъ, немедленно по воцареніи государя, удаленъ отъ генералъ-прокурорскихъ дѣлъ, преданъ заключенію и потомъ уже доживалъ долгій вѣкъ свой въ Орлѣ (см. Записки Болотова, Р. Арх. 1864, изд. 2-е, стр. 768—770). Родственники же его, Каховскіе, были близки къ кн. Потемкину.

(6) Н. И. Кочетовѣ.

неблагоразуміемъ назову я твердую волю мою въ семъ случаѣ, но не дорожилъ я свободою, подобнымъ путемъ снисканною, и не отвѣчалъ на письмо пріятеля моего.

Не задолго до кончины Павла присланъ къ Платову фельдъ-егерь съ приказаніемъ прибыть въ П-бургъ. Чрезвычайно милостиво былъ принятъ императоромъ, взятъ на службу, пожалованъ орденомъ и назначенъ начальникомъ войскъ, отправляемыхъ для покоренія Бухаріи.

Съ горестью простился я съ Платовымъ, но завидовать счастію не могъ, ибо оно обращалось къ человѣку, извѣстному отличною храбростію и способностями.

Скончался имп. Павелъ, и на другой день восшествія на престолъ Александръ I освободилъ Каховскаго и меня въ числѣ прочихъ соучастниковъ вымышленнаго на него преступленія. Ему извѣстны были понесенныя нами наказанія. Въ числѣ не одной тысячи ищущихъ службы, которымъ ненавистное именованіе исключенныхъ изъ службы замѣнено названіемъ уволенныхъ, явился я въ Петербургъ.

Тогда Военною Коллегіею управлялъ генералъ Ламбъ ([7]), бывшій въ царствованіе Екатерины генер. маіоромъ и Костромскимъ губернаторомъ. По выѣздѣ его изъ Костромы остались тамъ двѣ дочери, въ семействахъ которыхъ принимаемъ я былъ благосклонно. Пріѣзжая для свиданія съ отцомъ, онѣ тронули его описаніемъ участи молодаго изгнанника, и достойный старикъ желалъ случая оказать мнѣ благотвореніе. Не долго являлся я просителемъ незамѣчаемымъ, наконецъ позвалъ меня въ кабинетъ и, показавъ изготовленную докладную записку, сказалъ: «я не спѣшу изыскивать благопріятную минуту, желая, чтобы ты принятъ былъ съ вознагражденіемъ чиномъ, котораго ты лишился». Вскорѣ лично изъявилъ мнѣ сожалѣніе, что не успѣлъ въ желаніи своемъ и что я принятъ въ артиллерію, въ прежнемъ чинѣ подполковника. Не долго былъ я празднымъ, и мнѣ дана конно-артиллерійская рота: назначеніе для молодаго офицера чрезвычайно лестное, ибо въ Россіи тогда былъ одинъ конной баталіонъ, состоявшій изъ пяти ротъ. Этому способствовалъ пріятель мой, заботившійся о свободѣ моей посредствомъ гр. Кутайсова (который легко могъ имѣть въ томъ успѣхъ; но мнѣ надлежало обратиться къ нему съ письмомъ, въ которомъ было бы изображено положеніе мое самымъ трогательнымъ. Онъ говорилъ, что изберетъ благопріятную минуту доложить ему о томъ и можетъ напередъ поздравить меня съ свободою. Неблагоразсудительность молодости истолковала мнѣ поступокъ низкимъ, и я даже не отвѣчалъ пріятелю на письмо. Я просидѣлъ въ Костромѣ лишній годъ до кончины императора!).

Когда графъ Аракчеевъ назначенъ былъ инспекторомъ всей артиллеріи, по неизвѣстнымъ мнѣ причинамъ, подпалъ я полной его немилости и преслѣдованію. Въ самомъ производствѣ

([7]) Вицепрезидентъ военной коллегіи. Ср. Записки Пассека, въ Р. Ар. 1863, изд. 2-е, стр. 685 и 686.

въ чинъ сдѣлана была мнѣ преграда и на которую не могъ я жаловаться, ибо когда по старшинству надлежало дать мнѣ чинъ, онъ приглашалъ изъ отставки и въ спискѣ ставилъ впереди меня. Я помышлялъ уже оставить службу и конечно не встрѣтилъ бы затрудненій въ томъ, но дабы при отставкѣ обратить на себя вниманіе и можетъ быть найти возможность объяснить причину, понуждающую меня къ тому, я прибѣгнулъ къ странному способу: по осмотрѣ роты моей инспекторомъ конной артиллеріи генер. маіоромъ Богдановымъ, я подалъ ему рапортъ, что отецъ мой, будучи не молодыхъ лѣтъ, имѣя меня единственнаго сына и состояніе разстроенное, желаетъ, чтобы я находился при немъ; что ускоряя нѣсколькими мѣсяцами поданіе прошенія вопреки установленнаго на то время, я не только не почитаю себя въ правѣ воспользоваться при увольненіи чиномъ, но, будучи семь лѣтъ подполковникомъ, прошу отставить меня маіоромъ. Инспекторъ, хорошій мнѣ пріятель, склонялъ меня взять обратно рапортъ, справедливо называя его безумнымъ; но я не согласился, и онъ долженъ былъ представить его графу Аракчееву. Рота моя расположена была тогда въ Вильнѣ, гдѣ военный губернаторъ баронъ Беннингсенъ былъ въ тоже время начальникомъ Литовской инспекціи, которой я принадлежалъ; знавши меня съ самыхъ молодыхъ лѣтъ моихъ, онъ оказывалъ мнѣ особенное благорасположеніе, и я увѣренъ былъ въ благопріятномъ отзывѣ его, если бы поручено ему было освидѣтельствовать, въ полномъ ли я разумѣ? Этого я долженъ былъ ожидать непремѣнно, но графъ Аракчеевъ написалъ мнѣ собственноручно весьма благосклонное письмо, изъявляя желаніе, чтобы я остался служить. Я исполнилъ волю его и не разъ имѣлъ причину раскаяваться....

ОЧЕРКЪ ЖИЗНИ ГРАФА Д. П. БУТУРЛИНА.

Гр. Дмитрій Петровичь Бутурлинъ, какъ глубокою и разносторонней своею ученостію, такъ и библіографическими трудами, извѣстными всей Европѣ, принадлежитъ къ замѣчательнымъ лицамъ Русскаго общества въ началѣ нынѣшняго столѣтія.

Онъ былъ внукъ фельдмаршала графа Александра Борисовича Бутурлина (1694—1767) получившаго графское, Россійской имперіи, достоинство за взятіе Берлина въ семилѣтнюю войну, и сынъ графа Петра Александровича (1734—1787) отъ брака его съ гр. Маріею Романовною Воронцовой (р. 1738). И Бутурлины, и Воронцовы пользовались особенною милостію императрицы Елизаветы Петровны. Гр. Д. П. Бутурлинъ родился 14 Дек. 1763 г. Воспріемницею при крещеніи присутствовала императрица Екатерина 2-я, и при купели пожаловала младенца Сержантомъ Гвардіи [1]. Молодые супруги вскорѣ уѣхали въ Испанію, куда около 1765 г. гр. П. А. Бутурлинъ назна-

[1] Имя Димитрій вѣроятно дано ему было въ память св. Димитрія Ростовскаго, друга Воронцовыхъ, въ семействѣ которыхъ хранилась, какъ мнѣ извѣстно, переписка ихъ съ этимъ святителемъ; но пропала ли она, или гдѣ находится, мнѣ неизвѣстно.

ченъ нашимъ посланникомъ ([2]). Гр. Дмитрій Петровичь былъ еще ребенкомъ, когда скончалась мать его, и онъ воспитывался подъ попечительнымъ надзоромъ роднаго своего дяди-холостяка, графа Александра Романовича Воронцова (1741—1805), въ послѣдствіи государственнаго канцлера имперіи, славнаго своими обширными познаніями и независимымъ образомъ мыслей. Молодой графъ Бутурлинъ поступилъ въ Петербургѣ въ Кадетскій корпусъ, и, припоминая то время, неоднократно разсказывалъ, что тѣлесныхъ наказаній для кадетъ тамъ не существовало, а только арестъ за чернымъ столомъ. Графъ Воронцовъ замѣнилъ ему мѣсто отца и умеръ на рукахъ любимаго имъ племянника въ своемъ имѣніи, Владимірск. губ., Покровскаго уѣзда, селѣ Андреевскомъ.

По выпускѣ изъ Кадетскаго корпуса, гр. Бутурлинъ опредѣлился въ адъютанты къ кн. Потемкину; но не имѣя никакой наклонности, а напротивъ даже чувствуя отвращеніе къ военной службѣ (которую онъ называлъ хомутъ) пробылъ въ этой должности не более, кажется, шести недѣль, и перешелъ въ коллегію иностранныхъ дѣлъ. Будучи въ отставкѣ, въ 1793 г., онъ женился на троюродной своей сестрѣ, граф. Аннѣ Артемьевнѣ Воронцовой (дочери дѣйствительнаго камергера Артемія Ивановича) и поселился въ Москвѣ въ своемъ домѣ, въ Нѣмецкой слободѣ, на берегу Яузы. Здѣсь-то онъ ревностно занимался составленіемъ знаменитой своей библіотеки, погибшей отъ пожара въ 1812 году.

([2]) См. Р. Арх. 1865 г., стр. 1468. *П. Б.*

Указомъ отъ 31 мая 1803 г. онъ назначенъ былъ чрезвычайнымъ посланникомъ во вновь учрежденномъ посольствѣ при Римскомъ дворѣ; къ нему опредѣленъ былъ и совѣтникъ посольства графъ Кассини; но отправленіе не состоялось по случаю разрыва дипломатическихъ сношеній съ Римомъ ([3]). Это произошло отъ того, что Папское правительство (вынужденное обстоятельствами), по настоятельному требованію Наполеона, выдало Французскимъ властямъ одного эмигранта Француза Шевалье де Вернегъ (Chevalier de Vernégues), находившагося въ то время въ Русскомъ подданствѣ, служившаго секретаремъ при нашей Римской миссіи и позволившаго себѣ неуважительно отзываться о первомъ консулѣ ([4]). Въ 1809 г. канцлеръ гр. Н. П. Румянцовъ предлагалъ гр. Бутурлину, отъ имени императора Александра Павловича, мѣсто начальника миссіи въ Штутгардѣ, «такъ какъ въ то время (сказано было въ письмѣ канцлера), другаго почти не имѣлось. Я вамъ совѣтую не отказываться. Его императорское величество изъявляетъ свое желаніе, чтобы вы его приняли» ([5]):

([3]) По прошествіи многихъ лѣтъ, и въ моемъ дѣтствѣ, гр. Дмитрій Петровичь ѣздилъ въ Римъ со всѣмъ семействомъ въ 1822 г., и я помню, что кардиналъ статсъ-секретарь Консальви пріѣзжалъ къ нему съ привѣтствіемъ отъ имени папа Пія VII, и съ изъявленіемъ сожалѣнія, что назначеніе его посланникомъ въ 1803 г. въ Римъ (гдѣ даже домъ былъ нанятъ) не осуществилось.

([4]) Обстоятельство это подробно изложено во 2-мъ томѣ «Histoire du Catholicisme Romain en Russie», par le Cte Tolstoy. Paris. 1863.

([5]) «Je vous conseille de ne pas rejeter ce poste que S. M. l'Empereur *persiste dans l'intention de vous confier*», письмо отъ 4 Апр. 1809.

но гр. Бутурлинъ отклонился отъ принятія этой должности, не желая вѣроятно покидать любимыхъ своихъ ученыхъ занятій. Позднѣе онъ былъ назначенъ директоромъ Императорскаго Эрмитажа, и на этомъ мѣстѣ оставался до 1817 г., когда по разстроенному здоровью выѣхалъ за границу и окончательно поселился съ семействомъ во Флоренціи, гдѣ купилъ себѣ палаццо Николини и сталъ неутомимо собирать вторую библіотеку, не менѣе замѣчательную первой. Онъ скончался во Флоренціи $^7/_{19}$ Ноября 1829 года, въ чинѣ тайн. совѣтника, дѣйств. камергера и сенатора, и погребенъ въ Ливорно, въ трапезѣ Греческой церкви, гдѣ также похоронены Италинскій, бывшій посланникъ въ Римѣ, Хитровъ, повѣренный въ 1817—1819 г. при Тосканскомъ герцогѣ, и многіе другіе Русскіе. Хотя въ Флорентинскомъ домѣ гр. Бутурлина устроена была домашняя церковь, но постояннаго священника не имѣлось; почему, опредѣлительно сказать не могу, но конечно не отъ скупости. Для службы и для говѣнія (что онъ исполнялъ 4 раза въ годъ) пріѣзжалъ Греческій священникъ изъ Ливорно, отецъ Іохимъ Валламонте (Vallamonte), уроженецъ Іоническихъ острововъ, который, желая намъ угодить, выучился служить литургію по славянски, не понимая впрочемъ ни одного слова; и что было страннѣе всего, гр. Бутурлинъ, его дѣти и Русская прислуга, послѣдовавшая за нимъ въ Италію, употребляли Италіянскій языкъ, исповѣдываясь у православнаго священника.

Гр Дмитрій Петровичь былъ, я думаю, единственный сановникъ, дослужившійся до 3-го класса и не имѣвшій никакого кавалерскаго ордена: онъ любилъ указывать на единственный крестъ, висѣвшій на его груди и возложенный при св. купели руками августѣйшей его крестной матери. Когда вѣсть о Московскомъ пожарѣ и уничтоженіи его библіотеки, картинной галлереи и экзотическихъ замѣчательныхъ теплицъ (онъ страстно также любилъ садоводство) достигла до него въ его слободѣ Бутурлиновкѣ (Воронежск. губ.), куда онъ съ семействомъ укрылся зимою и гдѣ прожилъ съ 1812 по 1813 годъ, то онъ только сказалъ: «Всевышній далъ, Онъ же и отнялъ: — да будетъ Святая Его воля»; и повѣривъ, какъ всѣ тогдашніе наши соотечественники ([6]), что Французы сожгли Бѣлокаменную, помѣстилъ въ тогдашнемъ Вѣстникѣ Европы статью размышленій на текстъ: «на рѣкахъ Вавилонскихъ», примѣняя слова Пророка къ печальнымъ событіямъ той эпохи. Искренній христіанинъ и ревностный сынъ православія, онъ не заразился Волтеріянскимъ духомъ, распространеннымъ въ высшихъ кругахъ общества во время его молодости, не предавался нѣмецкой, религіозной метафизикѣ и мистицизму, которые заняли мѣста прежняго скептицизма и индиферентизма, но ставилъ догматы церкви выше обрядовъ и принятыхъ обычаевъ. Іезуитовъ онъ не жаловалъ, какъ они ни были въ ходу въ то время у насъ. Замѣтивъ необыкновенныя

([6]) Какъ-же было не повѣрить, когда Москва дѣйствительно сгорѣла вслѣдствіе нашествія Французовъ, а не чего другаго? Статьи въ Вѣстн. Европы мы не могли отыскать. *П. Б.*

дарованія въ домашнемъ учителѣ старшаго своего сына, семинаристѣ Ефиміи Болховитиновѣ, который предавался неутѣшной скорби по кончинѣ молодой жены, графъ Бутурлинъ совѣтовалъ и убѣдилъ его вступить въ черное духовенство и, благодаря короткимъ своимъ отношеніямъ съ кн. Александромъ Николаевичемъ Голицынымъ и съ другими вліятельными лицами, открылъ путь въ церковной іерархіи человѣку, прославившемуся въ последствіи глубокой ученостію: это былъ преосв. Евгеній, въ позднѣйшее время Кіевскій митрополитъ.

При разностороннихъ познаніяхъ, графъ Дмитрій Петровичь былъ одаренъ столь рѣдкой памятью, что когда упоминалась при немъ какая нибудь необыкновенная мысль или историческое происшествіе, то онъ немедленно указывалъ на имя автора, описывалъ изданіе соотвѣтствующаго сочиненія, обозначалъ мѣсто (залу и шкафъ) гдѣ находилась та книга. Мало того: встрѣтившись однажды въ обществѣ съ какимъ-то французскимъ поэтомъ, читавшимъ свои только что сочиненныя стихи, графъ, по выслушаніи ихъ, серіозно замѣтилъ автору, что не честно выдавать чужое добро за свое, въ доказательство чего и къ изумленію бѣднаго поэта и всѣхъ присутствующихъ, прочелъ на память всю только что выслушанную піесу. Онъ говаривалъ, что съ ранней молодости до старости никогда не ложился спать безъ того, чтобы не пріобрѣсть какого нибудь новаго познанія въ теченіи дня. Онъ чуждался всякой насильственной мѣры и несправедливости, и его политическіе принципы и убѣжденія скорѣе клонились къ либерализму. Когда начались Греческія событія 1820 и 1821 г., онъ горячо принялъ сторону угнетенныхъ нашихъ единовѣрцевъ, былъ въ перепискѣ по сему предмету съ тогдашнимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ графомъ Каподистріею и написалъ въ защиту Грековъ довольно пространную брошюру подъ заглавіемъ: «Des Grecs et des Turcs et de l'ésprit public Européen», которую однако же издалъ только въ 1828 г. (7). Потому можно сказать, что онъ былъ изъ первыхъ, поднявшихъ полемику по нерѣшенному доселѣ восточному вопросу. Графъ Каподистрія, за нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ покинувшій Россію, которому гр. Бутурлинъ посылалъ, въ рукописи, свою статью, отвѣчалъ ему между прочимъ (изъ Женевы отъ $^{16}/_{28}$ Февр. 1823): «Je ne vous ai pas parlé dans le temps de votre écrit par ce que vous ne doutiez nullement de mon opinion personnelle, et par ce que celle qu'il importait d'eclairer, ne voulait alors et ne veut pas même aujourd'hui admettre que deux et deux font quatre. En traitant la question dont vous vous êtes occupé en Juillet 1821, votre raison a compulsé l'histoire et votre plume s'est laissé guider par les sentiments purs de votre coeur. Or, je pose en fait que pour certains hommes l'histoire n'existe que depuis 1814 et que pour eux le coeur n'a pas de palpitation à moins qu'il ne s'agisse des choses materiellement personnelles. Je vous le demande, monsieur le comte, avez vous de langage pour cette espéce d'hommes et pouvez

(7) Она напечатана въ Парижѣ (у Ренуара) въ немногихъ экземплярахъ, и потому теперь очень рѣдка.

vous ésperer qu'ils daignent d'un regard votre écrit? Votre travail cependant n'est pas perdu. Il demeure là où il doit avoir sa place. Il est *protocolé* dans nos archives avec la lettre dont vous avez bien voulu l'accompagner. C'est tout ce que je pouvais et je devais faire pour remplir les devoirs de serviteur et d'ami. Comte J. Capod'istia (8).

Я помню, что когда онъ во Флоренціи узналъ объ основаніи гр. Аракчеевымъ военныхъ поселеній, то заранѣе не одобрялъ эту систему и сказалъ, что изъ этаго можетъ произойти то же самое, чтó преторіянская гвардія въ послѣднихъ періодахъ Римской имперіи

Касательно его двухъ библіотекъ трудно рѣшить, которой изъ нихъ дать преимущество. Конечно, въ первой были невозвратныя драгоцѣнности, напр. автографическая переписка короля Генриха IV съ его министромъ Сюлли (9); но во второй имѣлось въ полномъ почти составѣ всё, чтó было издаваемо первыми основателями типографическаго искуства, отъ 1470 г. до конца 16-го столѣтія извѣстными Альдами, Джюнти, Ельзевирами и позднѣйшими усовершенствователями онаго, во 2-й половинѣ прошлаго 18-го столѣтія: Бодони въ Пармѣ и братьями Дидотами въ Парижѣ. Въ числѣ рукописей была «Божественная Комедія», современная Данту, принадлежавшая фамиліи покровителя его Маласпина (Malaspina, какъ о томъ свидѣтельствовалъ ихъ гербъ, вытѣсненный на бокахъ переплета) съ поправками современной руки, но не той, которою писанъ былъ текстъ, изъ чего можно было допустить правдоподобіе, что поправки эти были рукою самаго Данта. Были также и палимпсесты (10) но не представлявшіе никакого особеннаго интереса. Вообще обстоятельства края были весьма благопріятны для пріобрѣтенія библіографическихъ рѣдкостей. Въ рукахъ

(8) Гр. Каподистріа въ это время только что поселился въ Женевѣ, въ Августѣ предшествовавшаго года (1822) выѣхавъ изъ Петербурга (см. жизнь гр. Блудова, соч. Е. П. Ковалевскаго, стр. 139).

(9) Общій каталогъ этой библіотеки напечатанъ въ Парижѣ in 8° въ 1805 году, пересмотрѣнный извѣстными библіографами Barbier et Pougens. Ему предшествовалъ другой общій каталогъ, изданный въ Санктпетербургѣ въ 1794 г. подъ заглавіемъ: Catalogue de la Bibliothèque de M-r le Comte D. Boutourlin, première partie, contenant les livres imprimés en langue française, quelques manuscrits etc. etc. etc. 149 страницъ in 4°. Сверхъ того существуетъ описаніе 379 инкунабуловъ первой библіотеки Бутурлина на 467 страницахъ, in 4°, напечатанное, чуть-ли, не въ Лейпцигѣ. Все изданіе было переслано въ Москву для окончанія и также все сгорѣло, за исключеніемъ весьма немногихъ экземпляровъ, роздаренныхъ графомъ и кои всѣ безъ заглавнаго листа, предисловія и оглавленія, которыя, кажется, не были отпечатаны.

Второй библіотеки два каталога печатныхъ; одинъ изданъ во Флоренціи господиномъ Audin въ 1831 году; другой въ Парижѣ для аукціонной продажи въ 1839, 1840 и 1841 годахъ; оба in 8°. (Смотри: Литературу Русской библіографіи, Геннади, стр. 123, 124, 182, 183). *Прим. С. А. Соболевскаго.*

(10) Палимпсестами зовутъ старинные рукописи, въ которыхъ первоначальныя начертанія были почти выскоблены или вытравлены для позднѣйшаго написанія на этихъ же листахъ другаго текста; однако можно иногда возстановить оригинальный текстъ разными химическими средствами. Такимъ образомъ Ватиканскій библіотекарь г. Маи, открылъ около 1820 г. потерянное сочиненіе Цицерона «De republica».

мелкихъ и несвѣдущихъ торговцевъ и на уличныхъ прилавкахъ продавались книги и рукописи, разграбленныя изъ монастырей во время французскаго занятія Италіи; кромѣ того италіянскія древнія фамиліи дешево, по нуждѣ, разставались съ книгами и художественными вещами полу-опустѣвшихъ своихъ палаццовъ. Вся библіотека гр. Бутурлина составляла болѣе 33 тысячь томовъ и рукописей, но какъ она представляла болѣе искуственно-библіографическій чѣмъ научный интересъ, то по смерти графа, наслѣдники его долго не могли найти покупателя въ полномъ ея составѣ; и въ теченіи только нѣсколькихъ лѣтъ могли сбыть ее въ Парижѣ съ аукціона, и то не вдругъ, а отдѣльными частями. Выручено около 300 тысячь франковъ, тогда какъ собрать ее стоило конечно три или четыре раза дороже.

Семейное преданіе говоритъ, что будто бы родная, по матери, тетка гр. Бутурлина кн. Екат. Романовна Дашкова первоначально предлагала ему свое наслѣдство съ условіемъ прибавленія фамиліи Дашковыхъ къ Бутурлинымъ, но что онъ отказался, будучи доволенъ своимъ состояніемъ и не желая допустить какое нибудь измѣненіе въ его фамильномъ имени, въ слѣдствіе чего княгиня Дашкова обратилась, какъ утверждаютъ, къ родному своему брату графу Семену Романовичу Воронцову, который также отказался по тѣмъ же причинамъ, и потому она должна была обратиться къ графамъ Воронцовымъ, состоявшимъ съ нею въ родствѣ уже въ третьемъ колѣнѣ, каковые и приняли наслѣдство съ прибавленіемъ фамиліи Дашковыхъ.

Графъ Михаилъ Бутурлинъ.

28-го Октября 1866 г.
С. Игнатовское.

[1] Кстати два слова о княгинѣ Дашковой. Она, во время пребыванія въ Москвѣ, всегда обѣдала по Воскреснымъ днямъ у графа Бутурлина, а какъ много употребляла въ кушанья лимоннаго сока, то ставили цѣлый лимонъ передъ ея приборомъ, остатки коего она клала себѣ въ карманъ по выходѣ изъ за стола.

НЕИЗДАННАЯ БАСНЯ И. А. КРЫЛОВА.

Пестрыя Овцы.

Въ примѣчаніи къ моей статьѣ: *Хронологія басенъ Крылова*, напечатанной въ *Русскомъ Архивѣ* за 1865 годъ (стр. 1328 изд. 2-е), г. Бартеневъ объявилъ, что онъ слышалъ отъ покойнаго П. А. Плетнева, будто въ семействѣ г-жи Савельевой, наслѣдницы баснописца, сохранилась цѣлая корзина бумагъ, писанныхъ его рукою. По этому указанію я обратился къ проживающему въ Петербургѣ К. С. Савельеву и дѣйствительно нашелъ у него хотя и не цѣлую корзину, но во всякомъ случаѣ богатую коллекцію рукописей, которыя, какъ разсказываетъ г. Савельевъ, Крыловъ передалъ ему за нѣсколько лѣтъ до смерти. Въ этихъ рукописяхъ я нашелъ между прочимъ составленный Крыловымъ списокъ 24 басенъ, вошедшихъ въ составъ седьмой книги изданія 1825 г., и тутъ же сложенныя почти въ томъ же порядкѣ, переписанныя на чисто, на отдѣльныхъ перенумерованныхъ листахъ, 19 басенъ изъ означенныхъ въ спискѣ 24-хъ. Среди этихъ рукописей попалась мнѣ одна басня, которая никогда еще не являлась въ печати и о которой никто никогда не упоминалъ, подъ заглавіемъ: *Пестрыя Овцы*. Она переписана такъ же чисто и четко, на такой же бумагѣ и тѣмъ же почеркомъ, какъ

остальныя 19, и повидимому, вмѣстѣ съ другими назначалась къ печати. При разборѣ черновыхъ листовъ я открылъ еще три редакціи этой басни, значительно различающихся другъ отъ друга. Предлагаю всѣ эти редакціи въ томъ порядкѣ, какъ онѣ слѣдовали одна за другою, чтобы дать читателю возможность прослѣдить самый процессъ созданія и всѣ перемѣны, которымъ подверглась основная мысль произведенія.

Первая редакція, на отдѣльномъ листѣ, безъ заглавія, написана такъ неразборчиво, что нѣсколькихъ словъ вовсе нельзя прочесть; эти слова означаю точками. На одной сторонѣ листа слѣдующія строки:

Левъ не взлюбилъ овецъ.
И просто бы ему перевести не трудно;
Но это было бы не правосудно.
(*Чтожъ левъ придумалъ наконецъ* (1)
Онъ не за тѣмъ носилъ въ лѣсахъ вѣнецъ,
Чтобъ подданныхъ душить, но имъ давать расправу;
Притомъ сберечь свою онъ хочетъ славу.
. . . придумалъ наконецъ . . .

На оборотѣ того же листа находимъ продолженіе:

Придумалъ — и звѣрей сзываетъ на совѣтъ.
Друзья, онъ говоритъ, — . . . . .
. . . .
Съ прискорбіемъ давно я примѣчалъ,
Что кто у насъ и слабъ и малъ,
Тому съ трудомъ есть гдѣ и пріютиться,
Не только что кормиться;
А это не годится.
Кому жъ за слабаго и гдѣ . . . вступиться?
Я . . . .
И для того хочу, чтобъ бѣдненькихъ овецъ,
Которыхъ между насъ житье бываетъ тошно,
И прокормить и . . . какъ можно,
И для того луга имъ отвести,
Гдѣ бъ былъ обильный кормъ для матокъ,
И гдѣ бы поскакать, попрыгать для ягнятокъ;
А такъ какъ въ пастухахъ у насъ здѣсь недостатокъ,
(*То наряжать волковъ, чтобъ ихъ п—*)
То волки могутъ ихъ пасти . . .

Вторая редакція, написанная на одномъ листѣ съ черновою б. *Мельникъ*, уже гораздо полнѣе, но все еще съ значительными помарками, и также безъ заглавія:

Левъ пестрыхъ не взлюбилъ овецъ.
Ихъ (*истребить ему*) прямо перевесть ему не трудно;
Но это было бы не правосудно.
А онъ былъ милостивъ и подданныхъ отецъ.
(*И наблюдалъ свою онъ славу*).
Такіе бы ему поступки не по нраву,
При томъ же наблюдалъ свою онъ очень славу;
А видѣть пеструю овцу (*ему бѣда*) терпѣнья нѣтъ.
Въ такой кручинѣ и печали
Медвѣдя и лису зоветъ онъ на совѣтъ.
Пришли и разсуждать о царскомъ горѣ стали.
Всесильный левъ! сказалъ медвѣдь:
На что тутъ много разговоровъ?
Вели (*ты ихъ*) безъ дальнихъ сборовъ
Ихъ всѣхъ передушить (*кто станетъ ихъ жалѣть*); кому о нихъ жалѣть?
(*Лишь ты бы былъ у насъ въ покоѣ*).
Лиса, увидѣвши, что левъ нахмурилъ брови,
(*Вертя хвостомъ, смиренно говоритъ*)
Смиренно говоритъ: о царь! нашъ добрый царь!
Ты вѣрно гнать не станешь эту тварь
И не прольешь невинной крови.
Напротивъ: повели луга имъ отвести,
Гдѣ бъ былъ разгулъ и пища какъ для матокъ,
Такъ и для ягнятокъ;
А такъ какъ въ пастухахъ у насъ здѣсь недостатокъ,
То ихъ вели волкамъ пасти.
Пускай невинныхъ родъ овецъ . . . .
Пускай блаженствуютъ онѣ,
А тамъ, что съ ними ни случись,
Ты будешь въ сторонѣ.

Третья редакція, такъ же не вполнѣ законченная, на одномъ листѣ съ черновою б. *Змѣя и Овца*:

Пестрыя Овцы.

Левъ пестрыхъ не взлюбилъ овецъ.
Ихъ просто бы ему перевести не трудно;
Но это было бы не правосудно.

(1) Слова, заключенныя въ скобки, въ рукописи зачеркнуты.

(А онъ былъ милостивъ)
(На что же онъ въ лѣсахъ носилъ вѣнецъ)
(Чтобъ подданныхъ душить)
(*На то ли онъ*) Онъ не на то носилъ вѣнецъ,
Чтобъ подданныхъ душить, (*а*) но имъ давать расправу,
При томъ же наблюдалъ свою онъ очень славу,—
А видѣть пеструю овцу терпѣнья нѣтъ.
Въ такой кручинѣ и печали
Медвѣдя и лису онъ призвалъ на совѣтъ.
Пришли—и разсуждать о царскомъ горѣ стали.
Всесильный левъ! сказалъ насупяся медвѣдь:
На что тутъ много разговоровъ?
Вели безъ дальнихъ сборовъ
Ихъ всѣхъ перетерзать—кому о нихъ жалѣть?
Лиса, увидѣвши, что левъ нахмурилъ брови,
Смиренно говоритъ: о царь! нашъ добрый царь!
Ты, вѣрно, запретишь гнать эту бѣдну тварь
И не прольешь невинной крови.
Осмѣлюсь я совѣтъ другой произнести:
(Вели имъ)
Дай повелѣнье ты луга имъ отвести,
Гдѣбъ былъ обильный кормъ для матокъ,
И гдѣ бы поскакать (*попрыгать*), побѣгать для ягнятокъ;
А такъ какъ въ пастухахъ у насъ здѣсь недостатокъ,
То прикажи ты ихъ волкамъ пасти.
Не знаю, какъ-то мнѣ сдается (2),
(*Быть можетъ*) Что родъ ихъ самъ собой переведется;
А между тѣмъ пускай блаженствуютъ онѣ,
И чтобъ ни сдѣлалось, ты будешь въ сторонѣ.
Проэктъ свой . . . .
(*И наконецъ не только*)
(*Не только пестрыхъ тамъ овецъ*)
(*И гладкихъ стало мало*).
И такъ удаченъ былъ, что наконецъ,
Не только пестрыхъ тамъ овецъ,
И гладкихъ (*стало*) видно мало.

На оборотѣ этого листа находимъ свидѣтельство того, какого труда стоили Крылову его стихи, поражающіе читателя своею простотою и легкостію. Вверху страницы—рядъ знаковъ, доказывающихъ, что онъ скандировалъ свои стихи: «: / ◡ //(*) / ◡ // .в. / ◡ //б. / ◡ // р: ◡ // п ◡ //⁓ / † / =/. За тѣмъ слѣдуютъ стихи изъ предшествующей редакціи:

. . . . расправу.
А видѣть пеструю овцу терпѣнья нѣтъ.
(*Какъ сдѣлать—?—чтобъ свою сберечь*)

Слѣдуютъ два зачеркнутые стиха, въ которыхъ возможно разобрать только три слова:

Придумалъ, медвѣдя, на совѣтъ.
И вотъ зоветъ
Медвѣдя онъ съ лисою на совѣтъ . . .

Слѣдуютъ пять стиховъ совершенно сходныхъ съ слѣдующею, четвертою редакціею.

О *четвертой редакціи*, совершенно законченной, упомянуто выше; слѣдуетъ прибавить только то, что на томъ же листѣ написана карандашемъ черновая накидка б. *Свинья подъ дубомъ*, весьма неразборчиво, съ большими помарками. Такъ какъ въ этой рукописи всѣ слова выписаны и поставлены нѣкоторые знаки препинанія, обыкновенно пропускаемые Крыловымъ, то привожу эту редакцію съ соблюденіемъ его орѳографіи и пунктуаціи.

Пестрыя овцы.

Левъ пестрыхъ не взлюбилъ овецъ
Ихъ просто бы ему перевести не трудно;
Но это было бы неправосудно—
Онъ не на то носилъ въ лѣсахъ вѣнецъ,
Чтобъ подданныхъ душить но имъ давать расправу—
А видѣть пеструю овцу терпѣнья нѣтъ—
Какъ сбыть ихъ и сберечь свою на свѣтѣ славу.
И вотъ къ себѣ зоветъ
Медвѣдя онъ съ лисою на совѣтъ—
И имъ за тайну открываетъ,
Что видя пеструю овцу онъ всякій разъ
Глазами цѣлой день страдаетъ,
И что придетъ ему совсѣмъ лишится (*sic*) глазъ—
И какъ такой бѣдѣ помочь совсѣмъ не знаетъ.
Всесильный левъ сказалъ насупившись медвѣдь
На что тутъ много разговоровъ—
Вели безъ дальнихъ сборовъ
Овецъ передушить—кому о нихъ жалѣть.—
Лиса увидѣвши, что левъ нахмурилъ брови—

(2) Этотъ стихъ вписанъ послѣ.

Смиренно говоритъ — о царь! нашъ добрый
царь —
Ты вѣрно запретишь гнать эту бѣдну тварь
И непрольешь невинной крови.
Осмѣлюсь я совѣтъ иной произнести—
Дай повелѣніе ты луга имъ отвести—
Гдѣбъ, былъ обильный кормъ для матокъ,
И гдѣ бы поскакать побѣгать для ягнятокъ,
А такъ какъ въ пастухахъ у насъ здѣсь
недостатокъ
То прикажи овецъ волкамъ пасти.
Не знаю какъ то мнѣ сдается
Что родъ ихъ самъ собой переведется
А между тѣмъ пускай блаженствуютъ онѣ
И чтобъ ни сдѣлалось ты будешь въ сторонѣ—
Лисицы (*и*) мнѣніе (*лисы*) въ совѣте силу взяло,—
(*Проэктъ свой выполнять*)
И такъ удачно въ ходъ пошло, что наконецъ
Не только пестрыхъ тамъ овецъ
И гладкихъ стало мало—
(*Какіежъ вышли*) Какіе жъ у зверей пошли на
ето толки—
Что левъ бы (*былъ*) хорошъ, да все злодѣи волки.

Время сочиненія этой басни можно опредѣлить только приблизительно. Находя черновые ея списки на однихъ листахъ съ черновыми басенъ: *Мельникъ* и *Змѣя* и *Овца*, мы можемъ заключить, что сюжеты всѣхъ трехъ басенъ занимали автора одновременно. *Мельникъ* первый разъ явился въ печати въ *Полярной Звѣздѣ* Бестужева и Рылѣева на 1825 годъ, которая была подписана цензоромъ 20 Марта 1825 г.; *Змѣя и овца* въ первый разъ напечатана въ изданіи 1825 года, которое процензировано 30 Августа 1824 года; на этомъ основаніи, а главное, на основаніи нумераціи листовъ, составляющихъ этотъ отдѣлъ его рукописей, можно совершенно достовѣрно сказать, что *Пестрыя Овцы* занимаютъ середину въ группѣ басенъ, сочиненныхъ Крыловымъ въ промежутокъ времени отъ 1819 года, когда онъ объявилъ, что болѣе писать не будетъ, до 1825 года, когда появилось 5-е изданіе его басенъ.

Что касается до историческаго значенія этого произведенія, то безъ достаточно основательныхъ данныхъ разрѣшить нельзя этого вопроса; высказывать же свои предположенія, неоснованныя на очевидныхъ доводахъ, нахожу неумѣстнымъ.

В. Кеневичъ.

1866 года, 12-го Мая.

ИЗЪ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ П. М. ЯЗЫКОВА (1).

I. О графѣ Е. Ф. Канкринѣ.

23 Іюля 1840 г. На террасѣ замка на лавочкѣ сидѣлъ старецъ высокаго роста, Нѣмецкой наружности, въ изношенномъ сюртукѣ и въ военной Россійской фуражкѣ, съ краснымъ широкимъ околышемъ; онъ сидѣлъ рядомъ съ какимъ-то толстякомъ, украшеннымъ Прусскимъ крестомъ. Я прошелъ мимо, спросилъ, гдѣ живетъ графъ; мнѣ указали — я постучался, вышелъ молодой человѣкъ и сказалъ, что графъ на террасѣ. Я подошелъ къ нему, отрекомендовался.— «Садитесь! Объ васъ мнѣ писалъ изъ Парижа баронъ Мейендорфъ, а потому я желалъ васъ видѣть; вы не долго служили подъ моимъ начальствомъ, извините меня, что я васъ тогда не зналъ лично. У насъ въ Россіи горная часть въ послѣдніе пятнадцать лѣтъ очень подвинулась. До меня не посылали учиться въ чужія края; сперва я отправлялъ молодыхъ людей; но они учились больше въ трактирахъ и напитывались пустымъ либерализмомъ; теперь я посылаю чиновниковъ зрѣлыхъ лѣтъ, коихъ поведеніе надежно, что гораздо выгоднѣе для службы. Ч. неученый, но много пріобрѣлъ свѣдѣній и для переписки и сношеній иностранныхъ очень хорошъ; Ковалев-

(1) Послѣ покойнаго Петра Михайловича Языкова (извѣстнаго геолога, собравшаго въ Симбирскѣ большой минералогическій кабинетъ), остался любопытный дневникъ путешествія его въ чужіе края въ 1840 году. Въ дневникъ этотъ, вмѣстѣ съ впечатлѣніями чужихъ краевъ, занесены разсказы и замѣчанія о людяхъ Русскихъ. Нижеслѣдующія выписки обязательно сообщены намъ братомъ автора, Александромъ Михайловичемъ Языковымъ. *П. Б.*

скій имѣетъ большую опытность по управленію и хозяйственной части; К-въ былъ слишкомъ лѣнивъ; С-ій съ большими познаніями, но великій прожектеръ, и ему рѣдко что удается — теперь онъ запутался по платинному производству, и на немъ оказался начетъ. До меня въ корпусѣ былъ одинъ Соколовъ.» Потомъ графъ разспрашивалъ о цѣли моего путешествія; я ему сказалъ, что ѣзжу съ больнымъ братомъ (²) и по возможности осматриваю собранія окаменѣлостей для изученія оныхъ въ геогностическомъ отношеніи. — «Я не занимался геогнозіей какъ наукой, сказалъ графъ, но кое-что читалъ, и мнѣ кажется, что окаменѣлости не составляютъ отличительные признаки образованій, и вообще эта теорія слишкомъ запутана и невѣрна». —Оно дѣйствительно такъ кажется, возразилъ я, для тѣхъ, которые въ частности не изучали окаменѣлостей; но никакъ невозможно отвергать, чтобъ оныя не служили отличительнымъ признакомъ образованій и наипаче ярусовъ оныхъ. Можно вообще сказать, что съ тѣхъ поръ, какъ зоологію приложили къ геогнозіи, началась блистательная эпоха сей послѣдней науки.— «Вы меня извините, сказалъ графъ, теперь я долженъ заняться дѣломъ съ этимъ господиномъ; приходите утромъ или вечеромъ, я буду радъ вашему посѣщенію». Я всталъ и раскланялся. Графъ проводилъ меня до лѣстницы.

25 Іюля. Передъ концемъ обѣда взошелъ въ залу министръ нашъ и обошелъ столъ, раскланиваясь и привѣтствуя своихъ знакомыхъ; замѣчательно, что для бритья министръ выбралъ не хирурга, брѣющаго самого эрцгерцога, а его подмастерью, здоровую и краснощекую дѣвицу, что́ должно быть довольно каррикатурно. Въ залѣ министръ меня не замѣтилъ, но когда встали изъ-за стола и вышли на дворъ подъ холщевый навѣсъ, гдѣ на столѣ находились газеты, онъ узналъ меня, когда я поклонился.—«Здравствуйте,» сказалъ онъ нѣмецкимъ выговоромъ. Онъ такъ дурно одѣтъ, сюртукъ его такъ заношенъ и брюки сѣрые безъ штрипокъ такъ измараны, что не отличишь по одеждѣ отъ прочихъ Нѣмцевъ. Этотъ разъ онъ былъ въ старой круглой шляпѣ. — Ваше сіятельство вчерашній день прогуливались?—«Да, я ѣздилъ и очень усталъ—дорога прескверная». Онъ остался просматривать газеты, я ушелъ.

26 Іюля. Въ серединѣ обѣда явился въ залу министръ въ длинномъ сюртукѣ, никому не поклонился, не обратилъ никакого вниманія на эрцгерцога, подошелъ прямо ко мнѣ, говоря: «А я васъ ищу—послѣ завтра я ѣду. Зайдите ко мнѣ. Это возлѣ васъ вашъ братъ?» «Нѣтъ, в. с., это г. медикъ, находящійся при больномъ.» Графъ повернулся и пошелъ вонъ изъ залы. Такая странная выходка нашего министра обратила на него и на меня все вниманіе нѣмецкой публики.

27 Іюля. Докторъ Кинс разсказывалъ: Министръ вашъ очень брюзгливъ; ему здѣсь скучно; что ему ни скажешь—все не въ попадъ. Оно такъ и должно быть; при томъ супруга министра, какъ гордая Новгородка, не захотѣла представиться, наравнѣ съ прочими, Нѣмкѣ, женѣ эрцгерцога, умолченной въ календарѣ Готы: отозвалась болѣзнію и должна по необходимости сидѣть дома, что́ она и выполняетъ со всѣмъ своимъ семействомъ. Гуляя цѣлый день, здѣсь скучно; что же должно быть, сидя дома? Просто смерть! Я не пошелъ проститься съ министромъ; онъ вообще непріятенъ въ обращеніи — rude comme un rustre; бесѣда его не обворожаетъ любезностью свѣтскаго человѣка; онъ грубъ, неуклюжъ какъ старый Нѣмецъ, говоритъ по русски тяжело, нескладно, по французски тоже съ разстановкой. Очень видно, что онъ всю жизнь болѣе дѣлалъ, нежели говорилъ. Все время здѣсь онъ былъ не въ привычной сферѣ, былъ сердитъ и брюзгливъ отъ нечего дѣлать.

5 Августа. Сенаторша Багрѣева разсказывала: Передъ отъѣздомъ въ чужіе края, графъ Канкринъ поссорился съ докторомъ Арендтомъ, который, прописавши ему колхикумъ, назначилъ и пріемъ; но министръ началъ принимать втрое больше.

(²) Славнымъ поэтомъ, Николаемъ Михайловичемъ Языковымъ.

«Это вамъ сдѣлаетъ вредъ», сказалъ Арендтъ. —«Полноте, я самъ лучше васъ знаю медицину и что мнѣ вредно и что полезно.» «Позвольте вамъ замѣтить, графъ, прервалъ Арендтъ, что я хорошо знаю, что вы хорошій министръ, но дурной медикъ и архитекторъ. — «Меня ужасно раздосадовалъ Арендтъ—говорилъ графъ женѣ—пусть бы еще называлъ плохимъ докторомъ, а дурнымъ архитекторомъ—это просто грубость!» Канкринъ почитаетъ себя отличнымъ архитекторомъ. Онъ старъ, но поклонникъ прекраснаго пола.

СЫСКНОЕ ДѢЛО 1697 ГОДА О ДОРОГѢ ВЪ ХИВУ.

Великому государю, царю и великому князю Петру Алексѣевичу, всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержцу, холопи твои Андрюшка Нарышкинъ съ товарищи челомъ бьютъ. Въ нынѣшнемъ, великій государь, въ 205-мъ году, Февраля въ 14 день, въ твоей, великаго государя, грамотѣ писано къ намъ, холопямъ твоимъ, въ Тобольскъ. Указалъ ты, великій государь, которые были въ Казачьей ордѣ у Тевкихана Тобольскія дѣти боярскія Ѳедора Скибина съ товарищи допросить: сколь далеко отъ Тобольска до Казачьей орды и какимъ путемъ ходъ бываетъ и много ль дней идти будетъ сухимъ путемъ; горы каменныя есть ли, и лѣтнимъ путемъ ратнымъ людямъ какимъ въ кормахъ скудости не будетъ ли, и сколь рѣкъ, и тѣ рѣки велики ль и переправы какія черезъ тѣ рѣки; отъ Тевкиханова города до Бухаріи сколько пути, и сухой ли путь или водяной, и буде сухимъ путемъ, можно ль ѣхать, и въ сколько дней поспѣть можно, также отъ Бухаріи до Яика, куда ближе въ Хиву или въ Астрахань и какимъ путемъ сухимъ или водянымъ; горы или камень въ тѣхъ мѣстахъ есть ли. Тому всему учинить чертежъ по три аршина, и на томъ чертежѣ написать все подлинно и подписать именно, и о томъ къ тебѣ, великому государю, писать и тотъ чертежъ прислать къ Москвѣ, незамотчавъ [1].

И по твоему, великаго государя, указу и по грамотѣ, Тобольскія дѣти боярскія: Ѳедоръ Скибинъ, Василій Кобяковъ; конные козаки: Александръ Алемасовъ, Матюшка Трошинъ, Потапко Михаиловъ, Ѳомка Мосеевъ, Ларька Серебряковъ, толмачъ Богдашка Неустроевъ, приставъ Ѳедька Леневъ, полоненникъ Алешка Щепоткинъ, Якушко Уфинецъ; колмыки новокрещеные: Климко Алексѣевъ, Ивашко Григорьевъ, Бухаретинъ Тюлюкъ-бай; Тобольскіе жъ татары: Юлюкъ Шаманаевъ, Таушко Мерченъ, Аникъ Чичиревъ, въ Приказную Палату сысканы и допрашиваны, а въ допросѣ сказали:

Отъ Тобольска де въ Колмыки и въ Бухарію и въ Казачью орду дорога: изъ Тобольска вверхъ по Иртышу-рѣкѣ до Колмыцкаго перевоза до Шаншинскихъ юртъ тридцать верстъ, и переправяся Иртышъ на правый берегъ лугами черезъ многія грязныя рѣчки Тобольскимъ уѣздомъ, дубравами и борами чрезъ заставный Адбашскій острогъ ходу четыре дни и до перевоза чрезъ Вагай до Капканинскія волости ходу два дни до переправы; а переправясь Вагай рѣку, суземьи [2] чрезъ топкія и зыбучія и мелкія болота, минуя озеро Якишулъ и вышедъ на Ишимскіе пади на рѣчку Карасунь выше и ниже ходу четыре дни; и ѣдучи подлѣ Ишимъ до урочища бору Шанши-карагаю десять дней, и переправяся Ишимъ рѣку идти бездорожицею по правой сторонѣ по знакамъ, переправляяся съ урочища на урочище на послѣдніе степные броды, на вершину Ишима-рѣки на Каменный бродъ, ходу дней съ десять; а ходъ де бываетъ коньми и верблюды нужный, а тѣлегами тѣмъ путемъ и идти не возможно, потому что де та дорога околична и многіе по ней сгорки и объѣзды и рѣчки крутобрегія и грязныя и лѣсныя и водою глубокія и болота зыбучія и грязи топкія и безъ мостовъ де перебродить не возможно. И по той де Ишимской околичной дорогѣ

---

[1] Т. е. немедля.

[2] Т. е. топкая почва.

до самаго Каменнаго брода людямъ и скоту рыбою и птицею и травою кормиться можно. А съ вершины Ишима рѣки, перебредши Каменный бродъ до Казачьей орды до Тевкиханова Туркестана-города, дорога лежитъ прямо на зимній полдень, подлѣ рѣчекъ для воды и для конского корму, черезъ рѣчку Терсазеръ Сарысу, въ лѣвѣ камень Улутау до рѣчки Чиганамана, ходу четыре дня; а съ Чиганамана степью черезъ Тарганскую вершину до Тныркуля-озера, а надъ тѣмъ озеромъ камень частохолмъ не высокъ, и многія де съ него въ Тургай рѣчку пади, а ходу де три дня; и у того де озера воровскіе воинскіе люди, воевавши по слободамъ, покидаютъ тѣлеги, арбы и кошевую посуду дальняго похода. А отъ Тныркуля-озера по камню чрезъ рѣчку Кынырю подлѣ нея до большой рѣчки Кынырбая ходу полтора дня, а Кынырбай де рѣчка течетъ съ Востока изъ подъ камня отъ Норъ-Ишимскихъ озеръ, мѣстами быстра, а индѣ тиха, а устьемъ де пала съ лѣвой стороны въ Сарысу-рѣку; а на устьи въ мысѣ Чудской кирпичный городъ Сургана развалился, а осталось де еще три палаты цѣлыхъ; да въ Кынырбай же съ лѣвую сторону отъ Торганскихъ вершинъ рѣчка Кындыръ пала устьемъ выше Буюганы, ходу на три дни. А переѣхавъ Кынырбай-рѣку каменемъ, а подлѣ рынь-пески до мечети Каменной Палаты, ходу три дни; а отъ мечети до устья наволоками до Буюганы ходу три дня; а въ наволокахъ конскій кормъ тамъ мелкій и камышъ и воды желтыя, людямъ и скоту не здоровы и трава колюча, больше шипишнику, называють цюнга и тиканъ, и отъ той де травы бываетъ мыто и отъ солонцевъ скотъ умираетъ; а по пескамъ и по камню во всей де ордѣ растетъ древо Соксоунъ, подобно сандалу, а большаго лѣса никакого нѣтъ. А отъ Бурганы перейти Сарысу рѣку въ низъ по ней наволоками, минуя кладбище и три мыса, урочище Кашаунъ до урочища Кручинъ-кушъ ходу шесть дней. И въ томъ де мѣстѣ сошелся малопроходный съ обѣихъ сторонъ камень подлѣ рѣчки Сарысу, а тѣмъ де нужнымъ ходомъ идти два дни, а миновать де того мѣста невозможно. А проходъ де промежъ тѣхъ камней въ одинъ человѣкъ, а шерингою и телѣгами идти невозможно. И къ тому мѣсту со всѣхъ сторонъ со степи отъ городовъ и отъ кочевья и Тобольской дороги сошлись въ одно мѣсто до Туркестана за шесть дней; и на томъ де мѣстѣ воровскіе люди ждутъ каравановъ, и, сождавъ, разбиваютъ и грабятъ. И прошедъ камень и камышъ до урочища Тюмень-Карагай, до пятнадцати деревъ, день ходу; отъ того послѣдняго кормовища берутъ изъ Сарысырѣки воду въ запасъ на три дня, и отъ того де Туркестанская дорога раздѣлилась на двое: одна въ право, а другая въ лѣво. А Сарысъ де рѣка противъ тѣхъ пятнадцати деревъ, отшедъ отъ дороги, съ полдница, пала устьемъ подъ землю въ озеро Тиникуль. Да отъ пятнадцати де деревъ, по правую сторону дорога песками до камени, а къ Сумя ходу полтора дни; и отъ того де камени дорога въ Каракалпаки, а на верху того камени башня и карауль, и по степи де видѣть всякихъ людей далече; а ходу де подлѣ того камени два дни; а на выходѣ де того камени казачій городъ Юзугантъ, а отъ Юзуганта ходу козацкими городами до Туркестана три дни; а отъ Туркестана до Сырта-рѣки ходу полдня, а по лѣвую сторону отъ пятнадцати жъ деревъ по Калмыцкой дорогѣ, минуя три Чойскія озера, и въ тѣ озера пала устьемъ Чойрѣка, не дошедъ до Сырысу за полдница и ушла озеромъ подъ землю. А подлѣ Чоя Калмыцкою дорогою, мимо трехъ Чойскихъ озеръ, до камени Улутау ходу день, а съ камени до Туркестана камнями ходу два дня. Всего черезъ Ишимъ рѣку вышеписанными дорогами отъ Тобольска до Тевкиханова города Туркестана среднимъ ходомъ два мѣсяца, а скорымъ ходомъ тридцать дней, а тихимъ ходомъ девять недѣль. И тѣ де обѣ дороги отъ пятнадцати деревъ нужны людямъ и скоту безкормны, а по камню и въ городѣ въ близости лѣсу никакого нѣтъ, а ѣсть де варятъ, вмѣсто дровъ, конскимъ каломъ, а привозные де дрова таль и вѣтельникъ изъ наволоковъ отъ Сыртарѣки продаютъ въ городахъ вьюкъ прутнику мелочи полтину. А города де Казачь-

ей орды отъ Туркестана всѣ въ близости, городъ отъ города въ виду, а и дальніе де города, подъ камнемъ; ходу до нихъ дни по три, и по степи де, а отъ Сырта-рѣки въ дальномъ разстояніи, а при рѣкахъ де въ близости не живутъ, а дѣланы де въ городахъ ихъ многіе колодцы, а городовъ де ихъ всѣхъ и считаютъ двадцать. А крѣпости де въ Туркестанѣ и въ городахъ валены, валы земляные и по валу кладены стѣны кирпича необожженаго, а вышиною и съ валомъ стѣна сажени въ полтретьи, а ширипою мѣстами въ сажень, а въ иныхъ мѣстахъ больше и меньше, а къ верху аршина по полутора и по два; а больше де у нихъ въ городахъ валенье одни земляные валы безъ кирпичу, а земля плотна и не сыпуча, а рвовъ де копаныхъ нѣтъ. И во всѣхъ тѣхъ городѣхъ живутъ Бухарцы, а казаковъ мало, а казаки де всѣ живутъ для пашенныхъ земель по кочевьямъ, а пахоти де ихъ скудны, коней и овецъ много, а коровъ мало; кормятся мясомъ и молокомъ. А къ бою де удачливы, волшебству де учены отъ Донскихъ бѣглецовъ, а по смѣтѣ де всѣхъ ихъ казаковъ будетъ тысячь съ двадцать и больше. А бой де у нихъ лучной и копейный, а пушекъ де нѣтъ и мелкаго, длиннаго, огненнаго ружья мало, а кузнецевъ де у нихъ не сказываютъ, а огненное де ружье и порохъ и свинецъ и луки привозятъ изъ большой Бухаріи: а сказываютъ де, что берутъ селитру по кислымъ озерамъ и варятъ въ котлахъ, а сѣра де топится и изъ камени близко Еркенскихъ городовъ, а свинецъ де плавятъ изъ руды въ городѣ Карнакѣ и порохъ де чинятъ пріѣзжіе Бухарцы-полоненники; а руду де красной мѣди плавятъ на Тобольской дорогѣ. А рѣкъ де большихъ въ землѣ ихъ нѣтъ, а три де рѣки изъ подъ камени пали и тѣ среднія, а Сыртъ де рѣка течетъ изъ подъ камени, отъ городовъ ихъ не въ близости, а рыбы де въ ней мало, да и не ловятъ, а пала де устьемъ въ море Хивинское или Аральское, течетъ съ обѣдника ([3]) въ ночь, а ходу де до устья ея дней на двадцать; а полнымъ де рѣкамъ ходу дней по пяти и по десяти, и тѣ де рѣки не широки, и перевозовъ по нимъ нѣтъ, броды въ нихъ мелкіе, а степь голая. А по всей де степи, по рѣкамъ и по рѣчкамъ, кругъ озеръ и болотинъ, большаго лѣсу нѣтъ, ростетъ бѣлый и черный мелкій таль, мѣстами и вѣтельникъ, а иного нѣтъ; а по пескамъ и по камнямъ ростетъ небольшое дерево Соксоусъ, а походитъ листьемъ на жимолость, а корою на сандалъ, а угольемъ жарокъ и не гаснетъ, часто уголья дни три и больше, а въ кочевьяхъ де ѣсть варятъ конскимъ каломъ и камышемъ. А отъ Туркестана де земли въ низъ по Сырту-рѣкѣ на три дни до города Юзуганту, и въ томъ де городѣ Тевкиханъ въ прошломъ въ 203 году поступился Каракалпакомъ для сбору половиною городовъ и пашутъ пашню съ казаками живучи сообща. И отъ Юзюганту въ низъ же по Сырту по обѣ стороны кочуютъ Каракалпаки на десяти днищахъ до мечети ихъ Курчутъ. А городовъ де особыхъ нѣтъ, а къ воинскому де дѣлу съ казаками одного ученья и кормятся воровствомъ, а будетъ де человѣкъ ихъ тысячь съ шесть и больше, а ружье де казачье, пушекъ нѣтъ же; а владѣлецъ де ихъ Тобурчакъ-султанъ. А пріѣздъ де къ нимъ изъ Тобольска тою жъ одною дорогою чрезъ камень, а вверхъ по Сырту отъ Туркестана до города Сайрану ходу три дни, а смеженъ съ Юркенскими городами; а въ третью де сторону на западъ къ Бухаріи за Сыртъ-рѣку кочевья до четвертаго колодца на четыре днища, а въ четвертую де сторону отъ Туркестана на востокъ по Талаши-рѣкѣ все кочевья казацкія; а городовъ нѣтъ, ходу де до нихъ шесть дней, смежны съ калмыцкимъ Араптаномъ. Да отъ Туркестана жъ въ Бухарію до Сырта-рѣки конямъ ходу полдня и переправяся до колодца названіе Дертъ-Кутука, ходу три дня; а отъ Кутука чрезъ три колодца ходу степью пять дней до Аштлы; а отъ колодца Аштлы малозимовья до города въ Бухарію на верблюдахъ ходу шесть дней топкими и безводными степями, а воду де везутъ на верблюдахъ. А градъ де Бухарія строеніемъ и вышиною что Туркестанъ, а входу де въ него двѣнадцать

([3]) Съ полудня, съ юга.

башень, а владѣлецъ де ихъ Самангулъ-ханъ; города де и уѣзды подъ нимъ многіе, а воинскихъ людей у него тысячь съ четыреста и слывутъ де они Кокутаны, люди де рукодѣльные, торговые, а не воисты; и мелкаго огненнаго оружія много, зелье де и свинецъ дѣлаютъ сами, а боевыхъ пушекъ, по сажени, будетъ съ пятьдесятъ; а воздухъ и воды у нихъ не здоровы, тлетворны, вѣтры часто бываютъ. Отъ Большой Бухаріи переправяся Аму-Дарья рѣку, коя подъ Бухаріею и подъ Хивинскими жилищами до города Хивы, Хивинскими городами и кочевьями ходу пятнадцать дней, а межъ городовъ степь песчаная и водъ много, да не здоровы. А городъ Хива меньше Бухаріи, а строеніемъ такого же, а въ подданствѣ де къ Хивѣ постороннихъ городовъ много, а люди де невоисты, рукодѣльны; ружье и зелье дѣлаютъ сами, а пушекъ де у нихъ не видали, а бояръ де называютъ они Атальсками, служилыхъ людей Узбеками, крестьянъ Раятами, а родъ де ихъ Аральцы, Гурленцы, Трухменцы. Да отъ Тобольска жъ де по допросамъ слободскихъ жителей многихъ вѣдомцевъ и бывальцевъ пристойная де дорога вешняго пути въ Казачью орду слободами въ верхъ по Тоболу рѣкѣ, чрезъ многія рѣчки Тобольскимъ уѣздомъ до Торханскаго острогу 100 верстъ, отъ Торханскаго острога до Ялуторовской слободы 30 верстъ, отъ Ялуторовской до Суерской слободы 30 верстъ, отъ Суерской до Усть-Суерской 20 верстъ, отъ Усть-Суерской до Бѣлозерской 25 верстъ, отъ Бѣлозерской до Иковской 15 верстъ, отъ Иковской до Царева Городища 20 верстъ, съ Городища до Утяцкой 20 верстъ, отъ Утяцкой до Камыцкой 40 верстъ. И отъ тѣхъ верхнихъ Тобольскихъ слободъ съ Царева Городища и изъ Утяцкой и Камыцкой черезъ степь до Ишима ходу приходною Ордынскою дорогою 5 дней и степь равная, горъ нѣтъ, людямъ и скоту кормно. И переправясь Ишимъ-рѣку ходу большою лукою, прозваніемъ Улутагой, ходу до Каменнаго Брода 5 дней, и перебредши по тѣмъ же вышеписаннымъ урочищамъ до Туркестана ходу по дорогѣ Туркестанской, что̀ писано выше сего.

И по тѣмъ ихъ сказкамъ велѣли мы, холопи твои, сдѣлать чертежъ на Бухарской бязи (¹) и рѣки урочища и дороги и города на томъ чертежѣ подписаны именно, и тотъ чертежъ послали къ тебѣ, великому государю, мы, холопи твои, Тобольскаго уѣзда слободскихъ бѣломѣстныхъ казаковъ съ сотникомъ съ Ѳедотомъ Матигоровымъ, да съ татариномъ Стеушкомъ Мерченемъ; а пріѣхавъ къ Москвѣ велѣли имъ явиться и отписку и чертежъ подать въ Сибирскомъ Приказѣ боярину князю Ивану Борисовичу Репнину съ товарищи.

(Выписано изъ Архива Министерства Юстиціи. Сообщено *П. В. Калачовымъ*).

ПИСЬМА КЪ ДРУЗЬЯМЪ

изъ похода въ Хиву.

Походъ въ Хиву, предпринятый въ 1839 и 1840 годахъ, по мысли и подъ предводительствомъ Оренбургскаго военнаго генералъ-губернатора (гр.) Василія Алексѣевича Перовскаго, для обузданія хищныхъ Хивинцевъ, безпокоившихъ тамошніе предѣлы Россіи, — почти вовсе у насъ не извѣстенъ. О немъ долго ходили темные слухи, и не упоминалось ни единымъ словомъ въ Русской, всѣмъ доступной, печати. Только въ 1860 году, въ Чтеніяхъ общ. ист. и др. при имп. Моск. унив. (кн. I, стр. 117—166), появилось, сколько мы знаемъ, первое печатное извѣстіе объ этомъ достопамятномъ походѣ, въ статьѣ подъ заглавіемъ *Военное предпріятіе противу Хивы*. Статья эта очевидно составлена по бумагамъ подлиннымъ и содержитъ въ себѣ сжатое, но точное и дѣльное изложеніе всего хода дѣлъ. Цѣлью предпріятія, начатаго подъ видомъ посылки ученой экспедиціи къ Аральскому морю, было «смѣстить хана Хивы и замѣнить его надежнымъ султаномъ Кайсацкимъ, упрочить по возможности порядокъ, освободить всѣхъ плѣнныхъ, дать полную свободу торговлѣ нашей» На издержки

(¹) Бязь—бумажная ткань, бумажный холстъ.

отпущено 1,698,000 асс. и 12 т. червонныхъ. Въ походѣ участвовало 4 генерала, 14 штабъ-офицеровъ, и около 5,000 низшихъ чиновъ. Всѣ приготовительныя распоряженія отличались предусмотрительностью и надежностью, и однако шестимѣсячный походъ этотъ не удался въ томъ смыслѣ, что войска не достигли самой Хивы и принуждены были двинуться обратно вслѣдствіе чрезвычайныхъ снѣговъ и стужи, которая господствовала ту зиму: видно, замѣчаніе, что Русскіе всюду съ собою приносятъ холодъ, и тутъ оправдалось. Тѣмъ не менѣе цѣль предпріятія была достигнута: напуганный рѣшительными мѣрами нашего правительства Хивинскій ханъ Аллакулъ, въ Августѣ того же 1840 г. выслалъ въ Оренбургъ долгое время томившихся у него въ плѣну и теперь одаренныхъ имъ около 500 человѣкъ Русскихъ; мало того, онъ разослалъ фирманъ съ строгимъ запрещеніемъ брать или покупать Русскихъ и вредить чѣмъ либо Россіи. Вслѣдъ за тѣмъ Русскій купецъ Деевъ возобновилъ безпрепятственную торговлю съ Хивою. Такимъ образомъ не представлялось болѣе нужды предпринимать вторичный поискъ на Хиву, къ коему было готовились въ Оренбургѣ.

Мужество въ перенесеніи тяжкихъ лишеній и бѣдствій, коими ознаменовался Хивинскій походъ, составляетъ славу Русскаго имени, и мы искренно радуемся, что счастливый случай далъ намъ возможность познакомить читателей Русскаго Архива съ живыми подробностями этого смѣлаго и необыкновеннаго, по всей обстановкѣ своей, предпріятія. У одного изъ участниковъ похода, нашего извѣстнаго писателя (бывшаго въ то время чиновникомъ особыхъ порученій при В. А. Перовскомъ), *Владиміра Ивановича Даля*, отыскалась снимочная тетрадь тонкой Китайской бумаги, на которой (по способу, дающему два подлинника вдругъ) сухими чернилами отпечатлѣлись письма, посыланныя имъ съ похода, къ роднымъ и знакомымъ. Приносимъ нашу благодарность многоуважаемому В. И. Далю за дозволеніе напечатать нижеслѣдующія выдержки изъ этой тетради.

П. Б.

I.

Рѣка Илекъ, въ Зауральской степи, 1839 г. Ноября 25-го.

Не ждали вы отъ меня письма, и всего менѣе, можетъ, думали вечеромъ 25-го Ноября, что я сижу почти на открытомъ воздухѣ, въ кошомной кибиткѣ, при маленькомъ огонькѣ, въ кругу шести добрыхъ товарищей, на морозѣ, и пишу къ вамъ. Мы вышли въ походъ, идемъ войной и грозою на Хиву, эту дерзкую и вѣроломную сосѣдку, какъ названа она была въ приказѣ по корпусу. Путь далекъ, 1500 верстъ, идемъ зимою, и третьяго дня было 29° морозу; весь отрядъ верхомъ, всѣ на коняхъ, вьюки на верблюдахъ, ихъ до 12 тысячъ. Метемъ бураномъ по степямъ и въ Генварѣ должны быть на мѣстѣ. А когда воротитесь, спросите вы, по сродному вамъ добродушію и состраданію?—Знаемъ, когда вышли, а именно 17 Ноября, а воротившись скажемъ вамъ, когда воротились. Холоду мы не боимся; говоримъ это не изъ хвастовства, а по опыту; взгляните только на насъ, и вы убѣдитесь, что мы не хвастаемъ. Стеганные, на верблюжей шерсти, куртки и архалуки, платье разнаго рода на лебьжьемъ пуху, верхнее платье изъ шкуръ молодыхъ жеребятъ, или оленьи, сибирскіе совикй, киргизскіе дахи и ергаки; рукавицы и чулки козьяго пуху, изъ коего порядочные люди ткутъ столь извѣстныя вамъ кашемирскія шали,—словомъ, все запасено, припасено, и несчастные стужа, холодъ, морозъ, словомъ, вся зима, не знаетъ, съ котораго краю приступиться. Не удивляйтесь этимъ кривымъ строкамъ: сердце пишетъ прямо, но морозъ-снѣговичъ беретъ свое, шаршавитъ по своему, а онъ у насъ, какъ видите, толмачемъ. Сидимъ на корточкахъ, въ теплыхъ кофточкахъ и совикахъ; писать не совсѣмъ ловко. Нужды нѣтъ: когда нибудь на досугѣ разберете. Вы скажете: Ахъ, Боже мой, какія страсти! за 1500 верстъ, верхомъ, зимой — и прочее, и прочее. Ну, изволите видѣть, сыромъ въ маслѣ мы конечно не катаемся, равнымъ образомъ не льзя чтобы не было въ такомъ

огромномъ отрядѣ безъ разныхъ безпорядковъ, недостатка, нужды — ну придемъ домой и отдохнемъ, будемъ разсказывать ребятишкамъ своимъ и добрымъ пріятелямъ о похожденіяхъ своихъ и примѣчаніяхъ. Начинаютъ сей часъ разливать чай, а у насъ сегодня дневка — позвольте мнѣ сперва *налиться водой*, какъ говорятъ моряки, а потомъ стану продолжать.

Пепелъ отъ пылающаго костра завалилъ до того писаніе мое, что у меня едва достало духу (т. е. Athem) отдуться отъ этой неумѣстной присыпки. Зорю пробили, все улеглось, потому что все устало, только часовые перекликаются вкругъ нашего стана, и верблюды изрѣдка протяжно рычатъ. Опишу вамъ, отъ нечего дѣлать, артель нашу, нашъ *кошъ*, какъ его технически называютъ. Насъ въ одной кибиткѣ, по четыре шага во всѣ четыре стороны (размѣръ вѣренъ, но кибитка кругла) насъ лежитъ, на одномъ и томъ же войлокѣ, семь человѣкъ. Былъ осьмой, академистъ *Штернбергъ*, художникъ душой и тѣломъ, милый малый, о которомъ мы всѣ очень жалѣемъ—но онъ, присоединившись къ нашему походу волонтеромъ, побылъ съ нами только три дня, и, раздумавъ дѣло еще во̀ время, воротился. Онъ ѣдетъ въ Питеръ и потомъ вѣроятно въ Италію, гдѣ, говорятъ, нѣсколько теплѣе... Позвольте отогрѣть пальцы на огнѣ... Первый товарищъ нашъ и сожитель *Чихачевъ*, путешественникъ по званію и призванію, ein Reisender von Profession, молодецъ, красавецъ, говоритъ на всѣхъ языкахъ какъ на своемъ, бывалъ въ Германіи и въ Испаніи, въ Алжирѣ, въ Мексикѣ, но не бывалъ еще въ Хивѣ и потому отправляется туда съ нами при сей *вѣрной оказіи*. Онъ говоритъ и распѣваетъ весь день Персидскіе стихи и прозу съ муллой нашимъ и съ переводчикомъ и этимъ бѣситъ втораго нашего товарища, естествоиспытателя *Лемана*. Докторъ *Мобицъ*, который только по временамъ пытается войти въ число избранныхъ и пріютиться въ братскомъ и веселомъ теремѣ нашемъ, докторъ обыкновенно беретъ опять подъ мышку одинокую постель свою, состоящую изъ одной плохой кошомки или войлока, и отправляется въ одинокую кибитченку, гдѣ аптечная ступка съ пестикомъ обязаны принять на себя временно должность его товарища. Какъ быть, дѣло походное! Послѣдній товарищъ нашъ такой же чиновникъ какъ и я, съ тѣмъ только различіемъ, что у него совикъ (Самоѣдская оленья рубаха) изъ стараго, лѣтняго оленя, а у меня изъ лучшаго зимняго молодаго сосунка, и еще подбитъ лисой! Не повѣрите, что за раздолье такой кафтанъ, или салопъ, что̀ ваши печи... Позвольте только правую руку отогрѣть, на лѣвой славная рукавица... Вотъ такъ... Пепелъ этотъ мнѣ очень надоѣдастъ... Вообразите теперь палаточку, въ которой съ трудомъ только помѣщаются три человѣка, посадите туда или натолкайте ее биткомъ семью человѣками, живыми, вотъ какъ мы съ вами, одѣньте эти семь человѣкъ самымъ причудливымъ образомъ, Лапландцами, Самоѣдами, Алеутами, Киргизами, полу-Черкесами, полу-Калмыками, полу-Башкирами, полу-все что̀ угодно, право всякаго роду и наряду найдется въ одеждѣ нашей по клочку... — вообразите все это, и вы видѣте насъ. Прислушайтесь, и вы услышите Англійскій, Испанскій, Нѣмецкій и Французскій языки, Малоросійскія, Персидскія и Русскія пѣсни, Татарскій говоръ, а подлѣ, въ двухъ шагахъ, рычатъ скучные и жалкіе верблюды. Загляните, и вы увидите на рѣшеткѣ кибитки Черкесскую шашку, Испанкій, Толеданскій палашъ, казачью саблю, Персидскій, Индѣйскій, Турецкій кинжалъ; увидите сотню предметовъ скомканныхъ какъ въ мѣшкѣ, которымъ, для васъ, нѣтъ названья, потому что вы ихъ не видывали и не знаете, хотя мы здѣсь не можемъ безъ нихъ обойтись. Положимъ, вы поймете, если я скажу, что тутъ стоитъ котелокъ, таганъ, баклашка, но что вамъ въ томъ, если я скажу, что тутъ навалены торсуки, сабы̀, треноги, курджуны (¹), и проч.? А между тѣмъ это наше хозяйство.... Позвольте мнѣ теперь поворотиться на другой бокъ: у меня спереди Покровъ, а сзади Рождество, т. е. тутъ огонь, а тамъ морозъ... Хотите ли теперь взгля-

(¹) Переметная сума.

нуть среди дня на караванъ нашъ? Вообразите снѣжную степь, по которой видимо-не видимо, сколько глазъ займетъ во всѣ стороны, все верблюды съ огромными вьюками, гора горой, все вьюки и верблюды, а по сторонамъ прикрытіе: казаки, артиллерія и пѣхота... На этомъ словѣ вчера остановился. Сегодня, 26-е, въ воскресенье опять дневка; мы сошлись тутъ, всѣ четыре отряда вмѣстѣ, и теперь пойдемъ въ полномъ составѣ, дружно и густо, чтобы никто не могъ обидѣть, чтобы быть сильнѣе всякой силы кромѣ Божьей, на которую душой и сердцемъ уповаемъ. Онъ выведетъ насъ отселѣ черезъ 7, 8 мѣсяцевъ, или скорѣе, коли Ему угодно, и мы заживемъ опять новою жизнью, вдвое оцѣнимъ домашній бытъ и домашнее благо свое.

II.

5 Декабря 1839. Биштамакъ.

Сегодня 6 Дек., большой и благодатный праздникъ: мы справляемъ его на Биштамакѣ, верстахъ въ 270 отъ Оренбурга; слѣдов. шестую долю пути своего кончили, прошли, и прошли благополучно. Скажу вамъ, милые мои, съ тѣмъ чтобъ это осталось между нами, что у насъ нынѣ 31½ градусовъ, и что порядочный морозецъ, какъ говорятъ Уральцы, прохватываетъ ровно огнемъ. Впрочемъ, по совѣсти, мы еще ни разу не зябли, и въ цѣломъ отрядѣ нѣтъ ни одного человѣка съ ознобами, за исключеніемъ одного старика Киргиза. Больныхъ, коихъ болѣзнь можно бы приписать походу, также нѣтъ; простудныя и другія случайныя болѣзни и нѣсколько вновь открывшихся хроническихъ. Сижу и пишу теперь въ кибиткѣ, въ общей нашей такъ называемой каютъ-компаніи, и пишу при 30° слишкомъ морозу, безъ перчатокъ, и руки ничуть не зябнутъ: у насъ желѣзная печь. Путемъ доселѣ всегда было сѣно и дрова. Сѣно покупали у Кайсаковъ, которые по Илеку удивительно много накосили сѣна; дрова мѣстами тальникъ и другой кустарникъ, а въ помощь ему и кизечекъ, коими насъ также иногда снабжали аулы. Впрочемъ, въ такую бѣду, какъ сегодня, горитъ все, даже свѣжій навозъ изъ подъ верблюдовъ; этому въ городѣ трудно повѣрить. Посадилъ бы я еще прихотливаго жителя городскаго въ нашу кибитку, такого, которому дуетъ и несетъ изо всякаго угла и окна, и прихоти бы исчезли. Спасительное дѣло для насъ, что В. А. (2) завелъ на свой счетъ общественную трапезу и большую кибитку, въ которой всегда огонекъ: безъ этого мы бы замерзали каждый по одиночкѣ въ своемъ углу, потому что невозможно на каждаго отдѣльно запастись дровами, и нельзя было бы даже ставить для каждаго по одиночкѣ чай. Кайсаки въ походахъ и поѣздкахъ своихъ всегда раздѣваются на ночь до нага: они увѣряютъ, что это гораздо теплѣе, если только хорошо завернуться и укрыться. Я доселѣ, въ продолженіи 19-ти ночей, только два раза не раздѣвался; я нахожу, что дѣйствительно раздѣвшись гораздо теплѣе, и сегодня напр., при этой стужѣ, я спалъ въ мѣшкѣ своемъ, накрывшись тулупомъ и кошмой, какъ у Бога за пазухой. Конечно тамъ, гдѣ по ночамъ могутъ быть внезапныя тревоги, это не удобно: тамъ раздѣваться нельзя. Признаюсь, я никогда не думалъ, что, одѣвшись хорошо, можно до такой степени хорошо переносить такую стужу; я, увѣряю васъ, не зябъ еще ни разу. Ночью въ юламѣ (кибиткѣ нашей) никогда не горитъ огонь, а шесть человѣкъ грѣютъ другъ друга прекрасно. Вотъ вамъ цѣлая страница о холодѣ, о морозѣ, о теплѣ, объ огнѣ и прочее. Поговоримъ о другой, не менѣе важной, статьѣ: это обѣдъ, чай и проч. Мы выступаемъ каждый день съ разсвѣтомъ, иногда немножко прежде; становимся въ 2 часа, потому что дни коротки, а скотинѣ, и въ особенности верблюдамъ, которые ночью не ѣдятъ, надо покушать. Такимъ образомъ, прошедши 15—25 верстъ, распускаемъ верблюдовъ и лошадей на тебеневку; верблюды наѣдаются въ 1½, 2 часа, потомъ ихъ пригоняютъ и укладываютъ на кошмы, расчистивъ напередъ снѣгъ; кони

(2) Эти буквы (здѣсь и вездѣ ниже) означаютъ (гр.) В. А. Перовскаго.

остаются па всю ночь въ полѣ: лошадь не жуетъ жвачки и потому не можетъ наѣдаться въ такое короткое время. Между тѣмъ, какъ только пришли мы на мѣсто, раскидываютъ живо двѣ кибитки, генеральскую и вертепъ, какъ мы его называемъ, каютъ-компанію, или общественную: ставятъ самоваръ, наливаютъ чай и завариваютъ сбитень; мы грѣемся и пьемъ, между тѣмъ, часамъ къ семи или восьми, поспѣваетъ обѣдъ: щи, супъ и другое блюдо — каша, или капуста, селянка, баранина, говядина, а иногда, какъ вчера и третьяго дня, жеребятинка, которая, мимоходомъ сказать, очень хороша, какъ самая лучшая, кормленная мягкая говядина. Пообѣдавши принимаемся опять за чай да за сбитень; у кого есть дѣло, бѣгаетъ, хлопочетъ по отряду и прибѣжавши въ сборную нашу похлопываетъ рукавицами и кричитъ: чаю, сбитню! Часовъ въ 8, а много въ 9, все залегло уже спать. Встаютъ въ 3 часа: весь лагерь просыпается, начинается крикъ; шумъ, бѣготня, кони ржутъ, верблюды рычатъ; это бываетъ вслѣдъ за генералъ-маршемъ, въ 3 часа; въ 6 барабанъ бьетъ сборъ, вьючатъ, сымаютъ кибитки и выходятъ, напившись разумѣется чаю, и нахлебавшись жиденькой кашицы. Такъ тянемъ мы день за день, время уходитъ, — и скоро, скоро пролетятъ не только эти полгода, но и много другихъ полугодовъ и годовъ....

Надобно вамъ однако же разсказать плачевную и непріятную продѣлку: на дняхъ у насъ одного солдата разстрѣляли. Какъ быть! онъ ушелъ съ часовъ, покинувъ ружье, потомъ бѣжалъ, укралъ другое ружье, и пр. Время военное, опасное, пѣхота чрезмѣрно избалована, необходимо было показать примѣръ, для острастки. Къ счастію, такъ по крайней мѣрѣ я сужу по своимъ чувствамъ, казненный бѣднякъ былъ до того глупъ и тупъ, что по видимому вся ужасная церемонія эта, причащеніе и отпѣваніе за-живо, не сдѣлали на него никакого впечатлѣнія; — а смерть всякая одинакова, и скорая смерть лучше медленной и томительной. Во всякомъ случаѣ не льзя было не наказать виноватаго тѣлесно, и такъ, что онъ бы можетъ быть на всегда былъ калѣкою, а можетъ быть и умеръ бы; по этому — спокойной ему ночи и благодатнаго утра!

Маркитантъ нашъ, Зайчиковъ, или Деевъ взялъ съ собою пару добрыхъ собакъ, и мы уже затравили шесть лисицъ и волка. Для перемѣны и это забава. Леманъ очень прилежно ловитъ мышей. *Ханыковъ* спитъ отлично хорошо и занялъ постоянное мѣсто въ каютъ-компаніи противъ печки; одѣтъ онъ въ огромный, мохнатый совикъ свой и лѣтнюю легонькую шапочку на кожѣ: онъ не можетъ одѣвать тепло голову. Я постоянно одѣваюсь въ стеганную куртку и шаровары, или въ лебяжью, а сверху совикъ Штернберга и шапку, столь извѣстную, изъ бѣляка (тюленя), которая, помните? — надѣвается отъ маковки и по самыя плеча. Говоря о болѣзняхъ, забылъ я упомянуть, что у насъ было уже человѣкъ шесть больныхъ Сибирской язвой, не смотря на морозъ; человѣка два умерли. Страшная, непонятная болѣзнь, и странно, что она открылась теперь, въ такую жестокую стужу! Всѣ тѣ, которые пришли во время и можно было хорошо вырѣзать язву, остались живы.

Сей часъ всѣ пошли на молебствіе, 10 часовъ утра, а я остался, потому что надобно еще написать кой какія бумаги... Сижу въ теплой кибиткѣ В. А., гдѣ стоитъ большая кухонная печь, и сижу тепло: въ кибиткѣ этой теперь на полу 15°, на столѣ 4°, а на вышину головы 22°. В. А. теперь здоровъ; у него было разболѣлись глаза, и признаюсь, я за него боялся: какая возможность пользовать ихъ при такихъ обстоятельствахъ? Теперь, отъ стужи внѣ и жару внутри кибитки, у него высыпало и обметало лицо, и вслѣдъ за тѣмъ глазамъ стало гораздо легче. Было у насъ нѣсколько человѣкъ больныхъ жабою, angina tonsilaris, по омеопатія, пріемъ белладоны, устраняла болѣзнь каждый разъ въ теченіи нѣсколькихъ часовъ. Сегодня у насъ походный обѣдъ великолѣпный — четыре кушанья, шампанское и проч. Между тѣмъ все таки обѣдаемъ, какъ и прежде, стоя и похода, въ деревянныхъ чашкахъ, кто гдѣ и какъ умудрится. Къ вечеру будетъ обильная либація и пуншація, по русски: благородная по-

пойка, въ общемъ собраніи, за здравіе Царя, за котораго идемъ драться. Прощайте.

III.

Декабря 8-го 1839 г. 12 верстъ отъ Биштамака.

Здравствуйте еще разъ. Пишу на скучной и невольной дневкѣ, послѣ жестокой стужи, которую всѣ мы перенесли удивительно хорошо, потому что право даже почти не зябли; принуждены были сегодня остановиться и простояли сложа руки цѣлый день: буранъ; мететъ такъ, что свѣту Божьяго не видно, и притомъ — 22°, слѣдовательно идти невозможно; а я, стоя на колѣняхъ, какъ провинившійся школьникъ, пишу въ теплой кибиткѣ В. А. и могу писать не отогрѣвая рукъ, потому что висящій предо мною тепломѣръ показываетъ 3. Это уже такъ тепло, что изъ рукъ вонъ! Небо пасмурное, солнце плаваетъ въ какомъ-то полупрозрачномъ сумракѣ, блѣдное, не окраенное; кони стоятъ въ мерзлыхъ кожанныхъ попонахъ какъ въ латахъ, повѣсили головы и ждутъ овсеца, гривы сбиты въ ледяныя сосульки, клочья снѣгу покрываютъ хребетъ; верблюды лежатъ какъ мертвые на подстилкахъ своихъ, одинъ подлѣ однаго, какъ тюки, какъ огромные связки или чемоданы, жуютъ и пережевываютъ вчерашнее, а сегодня Богъ дастъ! Нельзя было даже выгнать ихъ на тебеневку: буранъ, того и гляди, загонитъ ихъ Богъ вѣсть куда, да и ѣсть не станутъ, а столпятся въ кучу и пойдутъ по вѣтру. Все поле укрыто шатрами, запорошенными бѣлымъ снѣгомъ; дымокъ вырывается тутъ и тамъ изъ боковой щелки между кошмъ, и вихорь уноситъ его и мгновенно развѣваетъ, какъ глотокъ табачнаго дыму, пущенный на вѣтеръ. Тутъ и тамъ подымаютъ верблюда со спокойнаго ложа его; мохнатый Кайсакъ взгромаживается самъ-другъ на четвероногій горбъ этотъ и отправляется за кустарникомъ, за бурьяномъ;—верблюдъ жалобно рычитъ и просится въ свою спаленку, т. е. на кошму; казаки и солдаты, должностные, бѣгаютъ закутанные съ ногъ до головы, мелькаютъ между кибитокъ и похлопываютъ махнушками своими, рука объ руку. Уралецъ глядитъ молодцомъ, отвѣчаетъ, если спросите холодно ли, «небольно морозно, ваше бл-діе, терпѣть можно». Жалкій служивый линейныхъ баталіоновъ глядитъ, съ позволенія сказать, бабой: наушники, налобникъ и наличникъ его обмерзли кругомъ цѣлою бахромою сосулекъ. Въ двухъ мѣстахъ въ эту минуту раздаются пѣсни; вплоть у кибитки, гдѣ я пишу, поютъ штабные господа наши въ буфетѣ или каютъ-кампаніи, поютъ разладицей и каждый свое, —а тамъ подальше, человѣкъ двѣнадцать Уральцевъ затягиваютъ согласно: «Охъ ты милый мой, милъ сердечный другъ». Вотъ вамъ весь бытъ нашъ: пусть Штернбергъ, измѣнникъ, его нарисуетъ. Чтобы согрѣть маленько воображеніе ваше, скажу еще, что вчера прибыли на Биштамакъ къ намъ 50 дровней съ дровами изъ Орска, а сегодня часть дровянаго транспорта, посланнаго въ догонку изъ Илецка. Всего ихъ до 500 верблюдовъ; но караванъ подъ командой извѣстнаго Грозненскаго батыря, Оренбургскаго войска хорунжаго Петрова. Это тотъ самый, который сидѣлъ недѣли двѣ на гауптвахтѣ за то, что неловко или неосторожно, какъ самъ онъ говоритъ, неосторожно снялъ съ лошади одного строптиваго Киргизскаго старшину, сломивъ ему руку и ногу. Но караванъ, сказалъ я, сбился и заплутался ночью, когда его захватилъ буранъ, и прибываетъ сегодня по частямъ. На Биштамакѣ было сѣна довольно; здѣсь также, и мы уже запасаемся дней на 12—14, до Эмбскаго укрѣпленія. Невыгода наша, въ сравненіи съ купеческими караванами, велика: въ караванѣ всякій хозяинъ идетъ съ верблюдами своими, бережетъ ихъ, холитъ, разгребаетъ подъ ними снѣгъ, подстилаетъ имъ кошмы; всякій выходитъ какъ успѣлъ навьючить, не дожидаясь никого; а у насъ солдатъ говоритъ: чортъ дери верблюда, былъ бы живъ я! И не смотря ни на какой присмотръ, верблюды иногда терпятъ безъ нужды горе, колѣютъ и гибнутъ. У насъ идутъ военнымъ порядкомъ: правая колонна, лѣвая колонна, въ срединѣ паркъ, артиллерія, штабъ, авангардъ, аріергардъ, который подбираетъ отсталыхъ, и все это

должно сняться вдругъ, а вьючится исподоволь: верблюды лежатъ завьюченные часа по три и ожидаютъ неготовыхъ, а это тяжело. Сверхъ того, караваны мѣняютъ усталыхъ верблюдовъ на пути и размѣнваютъ ихъ на обратномъ слѣдованіи. Всего этого намъ нельзя дѣлать, и не смотря на все это, мы придемъ благополучно, сдѣлаемъ что приказано и воротимся къ своимъ. Всякій изъ насъ убѣжденъ въ необходимости и въ пользѣ этой мѣры, что крайность заставила правительство наше поднять на этихъ воровъ копье и штыкъ; всякій идетъ охотно, не только по долгу, но и по убѣжденію.

Шесть часовъ. Бьютъ зорю. Снѣгъ хруститъ за кибиткой. Буранъ стихаетъ. Я выглянулъ за двери и велѣлъ ставить чай, и пожалѣлъ, что Штернберга нѣтъ съ нами. Лунный свѣтъ сверху, зарево огней снизу, а въ срединѣ лазоревая тьма. На землѣ кипитъ еще кровь наша, выше земли тьма, для насъ непроницаемая, еще выше свѣтъ, а какой, можно только иногда догадываться, когда душа безотчетно къ нему стремится и его пугается. Но какая это догадка? Догадка слѣпаго о цвѣтѣ молока, по разсказу поводатаря, что оно походитъ цвѣтомъ на гуся, котораго слѣпой также знаетъ только ощупавъ руку поводатаря, согнутую клюкой для изображенія гуся!.... Хозяйство мое не слишкомъ озабочиваетъ и безпокоитъ меня.... Вообще слава Богу, все идетъ довольно дружно, живутъ большею частію по людски, а это, ей Богу, не безделица. Мы сидимъ въ одномъ мѣшкѣ, и грызться, коситься и отплевываться тѣсно. Заканчиваю на сегодня, въ другой разъ болѣе; тѣсно, и генералъ *Молоствовъ* пришелъ, совѣстно занимать у него мѣсто, а я пишу на его кровати.

Продолжаю 9 Дек. Сидимъ вкругъ огонька. Чихачевъ разсказываетъ, какъ онъ, близь Квито, въ Коломбіи, долженъ былъ проходить каждый разъ черезъ экваторъ, чтобы спросить стаканъ воды, т. е. черезъ черту, которую Lacondamine (3) провелъ. В. А. также вошелъ сей часъ и забавлялся долго, слушая громкіе споры веселой братіи, которая его не замѣчала. Благородный, душевно уважаемый мною Молоствовъ, который теперь командуетъ нашей колонной, сидитъ, насунувъ мягкую казачью шапку на брови и дремлетъ, сей часъ спѣлъ онъ намъ солдатскую пѣсню и затихъ: онъ сердечный усталъ, проработавъ весь день. Чихачевъ сдѣланъ попечителемъ госпиталя. Я по крайней мѣрѣ числюсь секретаремъ и гофмаршаломъ. Одинъ Ханыковъ благоденствуетъ въ бездѣйствіи, постоянно засѣдаетъ въ огромномъ совикѣ своемъ и въ лѣтней фуражейкѣ предъ огонькомъ, на стулѣ, на первомъ мѣстѣ, и не встаетъ ни въ какомъ случаѣ съ мѣста, чтобы его не заняли, а зоветъ Курумбая, который въ цѣломъ отрядѣ вошелъ уже въ пословицу. Разговоръ идетъ объ акцизѣ, откупѣ, налогахъ, монополіи.

10-го Декабря. Сегодня вышли въ ½ 5-го и пришли на мѣсто рано, въ ½ 11-го, на рѣчку Таласъ-бай, которая течетъ омутами, пропадаетъ подъ землей и снова выходитъ. Это одинъ изъ пяти притоковъ р. Илека, который составляется у Бишъ-тамака пятью рѣчками. Бишъ-тамакъ значитъ *пять устьевъ*. Сегодня утромъ было болѣе 30°, теперь 28°; при всемъ томъ, слава Богу, мы не зябнемъ. Сижу теперь у желѣзной печи въ каютъ-кампаніи, пишу на стулѣ, стоя на колѣняхъ. До Эмбы осталось намъ 6—8 дней ходу, потомъ до Усть-Урта двѣ недѣли, по Теть-Урту столько же — и пришли! Надобно же надѣяться, что жестокіе морозы прекратятся, и погода установится потеплѣе. Я, откровенно говоря, самъ удивляюсь, что все это намъ такъ хорошо съ рукъ сходитъ и что мы живемъ припѣваючи при постоянной стужѣ въ 20—30 градусовъ. Ночь довольно тихая; бьютъ зорю—слышны только оклики часовыхъ и позывы того или другаго къ корпусному командиру. Знаете ли что? Въ лагерѣ трудно иногда доискаться того или другаго,— этотъ полевой и подвижной таборъ становится каждый день на новое мѣсто, улицъ и переулковъ нѣтъ, по этому заведено разъ навсегда, во всѣхъ походахъ, что начальникъ зоветъ подчиненнаго просто во весь голосъ изъ своей кибитки, и кричитъ: пе-

(3) Извѣстный ученый путешественникъ.

редавай! Въ одну минуту весь лагерь оглашается именемъ того, кого ищутъ, съ прибавленіемъ къ кому—и всякого легко отыскать. Больныхъ у насъ многонько; все лихорадки и горячки, 3—4 озноба, не значительныхъ впрочемъ; поносы, нѣсколько возобновившихся хроническихъ болѣзней. Старикъ Молоствовъ захворалъ, говорятъ, что худо переноситъ сильную стужу; у В. А. глаза совсѣмъ поправились, слава Богу. Изъ насъ нѣтъ ни одного больнаго, только Иванинъ захворалъ, потому что хотѣлъ непремѣнно поставить на своемъ и вытерпѣть весь походъ въ одномъ тепломъ сюртукѣ и *холодной* шинели верблюжьяго сукна; я его много уговаривалъ, но онъ увѣрялъ, что ему тепло. Дѣлаютъ чай: еслибъ вы увидѣли этотъ сбродъ пестрыхъ, цвѣтныхъ, полосатыхъ, одноцвѣтныхъ и всякаго калибра халаты, куртки, шпенсеры, сертуки, черкески, казакины, чекмени и чекменьки, увѣряю васъ, что это стоитъ кисти Штернберга, особенно если бы онъ не упустилъ разнообразные шапки, кушаки, пояса, платки, шали, косынки и пр. «Оселъ въ квадратѣ» восклицаетъ въ эту минуту Ханыковъ «что я не взялъ съ собою перины!» Надо вамъ сказать, что ему Курумбай стелетъ каждый день семь ковровъ, семнадцать кошмъ и полстей, подушки, тулупы, шубы, но ему, Сарданапальской душѣ, всего этого мало! Онъ и теперь, какъ обыкновенно, занимаетъ мѣсто предсѣдателя передъ топкой желѣзной печки и куритъ изъ черешневаго чубука своего талежникъ въ оглоблю. Да, у Волженцова, молодаго казака, который взятъ нами для съемки шкуръ и проч., у него сѣла на подбородокъ Сибирская язва; вырѣзали, присыпали во время, и все прошло благополучно; онъ здоровъ. Доброй ночи.

21-го Дек. на Эмбѣ, въ укрѣпленіи нашемъ Аты-Якши, что́ значитъ по Русски: *доброе имя*. Ура! 500 вер. прошли; не успѣемъ оглянуться какъ пройдемъ и еще столько, да полстолько, да еще одну версту—и пришли. Зима жестокая; 16⁰ у насъ ни почемъ, что́ называется тепло, если только нѣтъ вѣтру. Только два дня было у насъ 10⁰ и въ полдень еще меньше, теперь снова наладилъ морозъ-снѣговичъ 16, 18, 20, 25. Благодаря Бога, все удивительно благополучно, всего не болѣе человѣкъ десяти познобили себѣ пальцы или персты на ногахъ; никто не замерзъ, и одинъ только отморозилъ ногу, да и то такъ, что по всей вѣроятности она еще будетъ цѣла. Вы заботитесь обо мнѣ: говоря по совѣсти, положивъ руку на сердце, я со времени выхода изъ Оренбурга не *зябъ*, не только не подвергался опасности отморозить руку или ногу. Многіе познобили себѣ носы, щеки, это правда, и у многихъ наростаетъ на лицѣ другая и третія шкура; но я невредимъ доселѣ и приписываю это осторожности своей. Многіе чрезвычайно легко одѣты; увѣряютъ, что теплѣе одѣваться тяжело и пр. Я совсѣмъ съ этимъ не согласенъ; я одѣтъ очень тепло и притомъ легко сажусь на лошадь, двигаю руки и ноги безъ затрудненія. Не заботьтесь также объ утратѣ знаменитаго совика моего, которому нѣтъ подобнаго во всей поднебесной, или по крайней мѣрѣ въ нашемъ отрядѣ. Совикъ Штернберга также довольно одолжителенъ, и лебяжья куртка, которую я еще покрылъ верблюжьимъ сукномъ и не спускаю съ плечь, грѣетъ какъ печь. Вы все хотите подробностей, велите избѣгать общихъ мѣстъ и замѣчаній! Вотъ они вамъ, не скучайте, сами на нихъ напросились. Ханыковъ, получивъ имя Сарданапалъ-паши, съ минуты прибытія нашего на Эмбу, переселился въ укрѣпленіе къ астроному Васильеву, и мы его больше не видимъ. Сегодня несчастный Курумбай его потащилъ туда на плечахъ своихъ семисаженную кошму, ковры, подушки и всю спальную сбрую. Верблюдовъ угнали верстъ за 10 на тебеневку; поэтому Курумбай долженъ былъ взять на себя ихъ обязанность, а постель Ханыкова право составляетъ хорошій вьюкъ. Васильевъ опредѣлилъ широту и долготу Аты-якши: $3^1/_2$ градуса южнѣе Оренбурга и $2^1/_{20}$ восточнѣе. Это стало быть широта винограда, кипариса и почти даже винныхъ ягодъ и оливки,—а у насъ снѣгъ завалилъ все, буранъ свищетъ, и трескучій морозъ погоняетъ рьяныхъ коней, коней своихъ во всю Ивановскую и

собрался, кажется, гнать насъ до самаго нельзя. Боялись, что мало будетъ снѣгу: что впередъ Богъ дастъ, а именно на Устьуртѣ и здѣсь небесной манны этой въ волю. Она насъ питаетъ: уже много разъ ночевали мы безъ воды. Далѣе: Леманъ усердно распарываетъ мышей и въ Самоѣдской ермолкѣ своей много походитъ на папу Пія VII-го. Чихачевъ, какъ попечитель больницы, много хлопочетъ и до того заботится о лошадяхъ своихъ, что идетъ всегда $^{3}/_{4}$ перехода пѣшкомъ и не спитъ ночь, навѣдываясь по часту, хорошо ли ихъ кормятъ. Теперь мы опять у сѣна, а нѣсколько дней кони голодали и отрывали бѣдный кормъ подъ глубокимъ снѣгомъ. Сегодня считали и пересчитывали всѣхъ верблюдовъ, осматривали, много ли плохихъ, негодныхъ вовсе и хорошихъ: почти пятая часть оказываются негодными и должны быть выписаны въ инвалиды. Это досадно: подновить ихъ нечѣмъ! Далѣе: Мулла будетъ скоро разстриженъ, поступаетъ въ войско, съ чиномъ урядника и черезъ двa-три дня произведенъ будетъ въ хорунжаго: честолюбіе морозитъ и убиваетъ насъ, а дивизіонъ 1-го казачьяго полка портитъ кровь, взвариваетъ желчь и заставляетъ говорить печенкой вмѣсто легкаго. Мулла ретивый и честный, надежный парень. Смѣшитъ онъ насъ, когда завернувшись вечеромъ въ огромную кошму свою, занимаетъ мѣсто за троихъ, и если кто начинаетъ ссориться съ нимъ и требовать, чтобъ онъ легъ поубористѣе, поумѣстительнѣе, то кряхтитъ, стонетъ и притворяется больнымъ. За это ему столько достается, что онъ увѣряетъ и божится, что дѣлаетъ это во снѣ и самъ того не помнитъ. Мы впрочемъ раздѣлились на двѣ юламы: шестерымъ тѣсно, нельзя разводить огня. Теперь мы стоимъ въ одной три, въ другой четыре человѣка, лежимъ просторно и разводимъ огонекъ. При томъ нѣкоторые изъ сотоварищей нашихъ негодовали на беззаботность другихъ, которые отнюдь не хотятъ похлопотать даже за себя и предоставляютъ это занятіе любителямъ. Мулла, Ивановъ, Чихачевъ и я въ одной юламѣ, а въ двухъ шагахъ отъ насъ Леманъ, Ханыковъ и корнетъ Шоттъ, ординарецъ В. А. Впрочемъ артель наша не раздѣлилась: кони, люди и верблюды остались подъ вѣденіемъ Иванова, а мулла произведенъ въ чай-баши, и разливаетъ въ кибитченкѣ нашей чай. Знаете ли, какъ хорошо посидѣть вокругъ огонька и пить чаекъ!

Въ укрѣпленіи гарнизонъ живетъ въ довольно опрятныхъ и удобныхъ землянкахъ, но воздухъ въ нихъ спертый, нездоровый и ничѣмъ не можетъ быть исправленъ. В. А. покупаетъ у здѣшнихъ Кайсаковъ нѣсколько кибитокъ съ тѣмъ, чтобы помѣстить въ нихъ часть больныхъ и здоровыхъ. Я также согласенъ, что въ кибиткахъ, съ огоньками, жить гораздо здоровѣе. Кайсаки всѣ кочуютъ спокойно на своихъ мѣстахъ, ничего не боятся, и доселѣ ихъ никто не тронулъ волоскомъ. Старый хрѣнъ Юсупъ Кула́новъ явился съ просьбою, чтобы камышъ на зимовьѣ его, верстахъ въ 8 отсюда, былъ пощаженъ. Вѣроятно просьбу его исполнятъ, хотя для насъ это очень неудобно.

IV.

Аты-Якши, на р. Эмбѣ, 23 Декабря.

Вчера мы было уговорились съ удалымъ уральскимъ есауломъ Назаровымъ (Максимомъ) ѣхать сегодня до свѣту на кабановъ, которыхъ здѣсь въ камышахъ много. Я всталъ сегодня часа за полтора до свѣту, вышелъ съ холода на холодъ, потому что въ юламѣ нашей также не было еще огня,— снѣгъ сильно захрустѣлъ подъ ногами, дыханіе мгновенно мерзло на длинныхъ усахъ и на бородѣ: я не брился уже болѣе мѣсяца, со дня выступленія изъ Оренбурга. Окинувъ взглядомъ воротникъ тулупа, подъ которымъ провелъ ночь, я встрѣтилъ нѣсколько длинныхъ сосулекъ: видно холодно. Подошедши съ фонаремъ къ термометру Чихачева, висящему постоянно подъ часами, у кибитки В. А., я узналъ, что и сегодня опять 26°. Воздухъ тихъ, небо ясно, звѣзды сверкаютъ. Подумавъ хорошенько, разсудилъ, что лучше остаться дома, особенно еще послѣ бани, или лучше выразиться по польски: *мовни*, потому что я съ Ивано-

вымъ вымылся вчера вечеромъ у Зайчикова въ землянкѣ. И такъ я пошелъ въ юлламу Назарова, который занимался разливкою чая, и объявилъ, что я на сегодня отщепенецъ. Ханыковъ, который, на все время нашего здѣсь пребыванія, перебрался въ укрѣпленіе къ Васильеву, снарядился однакоже и поѣхалъ на кабановъ. Онъ былъ замѣчательно уродливъ въ огромномъ, толстомъ совикѣ своемъ, съ ружьемъ (въ чехлѣ) за плечами, особенно, когда сердился въ это время и подбиралъ пули и патроны по калибру. Я совѣтовалъ ему дружески оставить воинственныя, предпріимчивыя затѣи свои и ѣхать просто зрителемъ, потому что кабанъ иногда не любитъ шутить, а испуганная выстрѣломъ и нападеніемъ кабана лошадь не рѣдко скидываетъ подобныхъ ѣздоковъ. Онъ однакоже пребылъ твердъ и не поколебимъ; пошли ему Господь на этотъ разъ побольше равновѣсія. Напившись чаю, вышелъ я взглянуть на восходящее солнышко, мутное, блѣдное, сонное,—и увидѣлъ вмѣсто одного солнца три. При нынѣшней стужѣ мы уже частенько видѣли эти побочные облики Аполлона, но ни разу еще обликъ не былъ такъ хорошъ, какъ сегодня. Рѣшительно нельзя было сказать, которое изъ трехъ видимыхъ свѣтилъ настоящее солнце; можно было только догадываться, что это, какъ обыкновенно, среднее. Я забылъ сказать, что передъ самымъ восходомъ, надъ солнцемъ поднялся высокій столпъ яркаго свѣта, потомъ уже явились три солнца, потомъ вскорѣ начали тускнѣть, два изъ нихъ приняли радужные цвѣта и растянулись нѣсколько по виртикалу, края ихъ заплыли, и ярче разгорѣвшееся солнце разогнало остатки своего подобія. День ясный, тихій, почти теплый — а 26°!! Въ землянкахъ укрѣпленія 8°—10° тепла, а между тѣмъ тамъ жарко и душно; дыханіе видно, какъ въ холодной комнатѣ, а намъ, окостенѣвшимъ уже на морозѣ, жарко. Свѣтлыя искры льются по воздуху, переливая фіалковые, радужные цвѣта; блескъ снѣга на землѣ невыносимъ безъ наглазниковъ, и больнымъ, которыхъ въ одномъ нашемъ т. е. 4-мъ отрядѣ болѣе 70 человѣкъ, не хорошо: тутъ никакое лѣкарство не помогаетъ, коли самъ не подымешься. Болѣзни большею частію простудныя, въ укрѣпленіи напротивъ до сотни человѣкъ горячешныхъ, цынготныхъ и проч. Землянки ихъ хороши, но землянка всегда землянка: будь она опрятна и свѣтла, все она подъ землей! Вотъ почему, кажется, очень хорошо дѣлаютъ, что хотятъ вывести большую часть гарнизона въ кибитки. Вѣрьте мнѣ, въ кибиткѣ и при 30° хорошо и тепло, былъ бы только днемъ огонекъ, хоть маленькій, чтобы можно погрѣться глазами и воображеніемъ, — и былъ бы на ночь хорошій тулупъ да кошма. И такъ, морозу мы не боимся, не шутя: пишу это при 26°, въ такое время, когда впродолженіи мѣсяца два только раза термометръ показывалъ менѣе 10°, шесть разъ болѣе 28-ми, двѣнадцать дней болѣе 20-ти. Мы простоимъ здѣсь съ недѣлю или болѣе; можетъ статься, морозы спадутъ. Это было бы желательно для нижнихъ чиновъ, которые не могутъ раскладывать бивачныхъ костровъ, а иногда съ нуждою только сварятъ свою кашицу. Ихъ кормятъ очень хорошо; теперь даютъ по цѣлому фунту мяса въ день. Здѣсь вблизи кочуютъ Назаровцы (Чиклинцы) и начинаютъ уже садиться на зимовье. Отрядъ нашъ проходилъ мѣстами вплоть мимо ауловъ ихъ, и къ чести отряда должно сказать, что никто не тронулъ Кайсаковъ пальцемъ, не смѣлъ взять волоска, или клока шерсти, не говоря уже о баранѣ. Я не думалъ, что все это обойдется и можетъ обойтись такъ чинно. Извѣстный батырь—въ старые годы наѣздникъ и воръ—Юсупъ Кулановъ получилъ вчера хорошіе подарки, между прочимъ синій кафтанъ, двуствольное ружье и золотой перстень съ арабскою надписью. Старикъ, лѣтъ 80, былъ очень доволенъ и обѣщалъ стараться о пополненіи недостающихъ верблюдовъ, лошадей и рогатаго скота. Для этого черезъ недѣлю будетъ у насъ туй, т. е. пиръ, на который должны собраться всѣ ближніе Назаровцы и вести съ собою скотъ, что́ у кого лишнее есть, и за каждую голову будутъ платиться деньги.

Написавъ это, я отправился въ столицу нашу, въ укрѣпленіе, самъ не зная, за чѣмъ

и къ кому, такъ прогуляться. Вдругъ входитъ Ханыковъ, мерзлый, отчаянный; онъ воротился съ неудачной охоты, и говоритъ: «идите скорѣе въ лагерь, васъ ищутъ: гонцы прибыли съ Акъ-Булака (со втораго укрѣпленія) съ извѣстіемъ, что тамъ дерутся съ Хивинцами».. Вотъ разсказъ посланныхъ: 13-го Декабря отправлены были отселѣ 130 человѣкъ пѣхоты и сотня казаковъ въ Акъ-Булакъ, чтобы привести оттолѣ всѣхъ больныхъ, до сотни. Команда эта, ничего не чая, остановилась для послѣдняго ночлега 18 Дек. верстъ за 10 недоходя укрѣпленія, и ночью вдругъ Хивинцы съ крикомъ и визгомъ напали, кинувшись напередъ всего на лошадей. Лошади были стреножены, но до 30 треногъ лопнуло, и кони шарахнулись безъ удержу; 40 верблюдовъ поскакали за ними вслѣдъ. Между тѣмъ отрядецъ справился, собралъ остальныхъ лошадей и верблюдовъ, окружилъ себя заваломъ изъ телегъ и вьюковъ и благополучно выдержалъ $1\frac{1}{2}$ дневную осаду 2-хъ до 3-хъ тысячъ Туркменъ, Каракалпаковъ и Хивинцевъ. Казаки и солдаты отстрѣливались славно, кидались нѣсколько разъ изъ засады своей на непріятеля, который наконецъ принужденъ былъ удалиться. Съ нашей стороны убиты: три солдата и два казака; ранено 11. У Хивинцевъ потеря не извѣстна, потому что они утаскивали убитыхъ и раненыхъ съ собою; но сами посланные, бывшіе вожаками при отрядѣ, видѣли 8 человѣкъ, свалившихся съ лошадей. Трое убиты были такъ близко, что тѣла ихъ Хивинцы не успѣли выхватить и покинули. На одномъ изъ посланныхъ была завоеванная сабля, которыхъ взято 5. Прибывъ за тѣмъ благополучно въ укрѣпленіе, молодцы наши услышали здѣсь, что тотъ же Хивинскій отрядъ осаждалъ его три дня, но не могши нанести ему никакого вреда и потерявъ нѣсколько человѣкъ отъ гранатъ и картечи, прошелъ мимо, вѣроятно для развѣдокъ;—и на этомъ то розыскѣ встрѣтилъ конвой, посланный для больныхъ. Вся слава разбойниковъ и трусовъ состоитъ въ томъ, что они звѣрски замучили и разрѣзали по частямъ одного Кайсака, посланнаго, охотой, съ увѣщевательными грамотами къ Хивинскому народу, къ Каракалпакамъ и проч., дабы, по возможности, предупредить напрасное кровопролитіе. Прибывшіе сюда гонцы нашли остатки тѣла его на дорогѣ, верстъ не болѣе какъ въ 5—6 отъ самого укрѣпленія. Это озлобило вообще всѣхъ Кайсаковъ до того, что они называютъ Хивинцевъ кяфырами, не мусульманами и клянутся въ мести. Тѣмъ вѣрнѣе будутъ они намъ служить, тѣмъ менѣе можно ожидать побѣговъ, хотя, правду сказать, и теперь изъ отряду нашего бѣжало Кайсаковъ 3 или 4 человѣка, и только изъ числа высланныхъ за нами Бай-Мохамедомъ, при 350 верблюдахъ, прибывшихъ вовсе отдѣльно и по себѣ, бѣжало 12 человѣкъ Кайсаковъ. И такъ, первая побѣда надъ непріятелемъ одержана, а главное—Хивинцы вышли изъ гнѣзда своего и должны теперь драться. Пора спать: до завтраго. Двое Кайсаковъ прибывшихъ съ этою вѣстію вызвались для опасной посылки, а другихъ охотниковъ не было. Это тѣже самые, которые были отсюду посланы вожаками съ командой, ушедшей въ Акъ-Булакъ за больными. Одинъ изъ нихъ человѣкъ бывалый, видѣлъ войну между Кайсаками, видѣлъ войну Хивинцевъ съ Персіанами, съ Бохарцами,—но эдакой войны, говоритъ, какъ бой 200 человѣкъ, этой горсти, за тюками и телѣгами, не видалъ. Онъ не можетъ надивиться хладнокровію солдатъ нашихъ, которые почти двои сутки отстрѣливались, пѣли при этомъ пѣсни, какъ именно Кайсаки замѣчаютъ въ разсказѣ своемъ, даже курили трубки. У Хивинцевъ было два трубача, огромныя, саженныя трубы съ широкимъ раструбомъ; трубачи эти сзывали правовѣрное воинство на бой; всѣ около нихъ собирались, но, какъ трубачамъ нельзя было подъѣзжать близко къ заваламъ нашимъ, потому что-де стрѣляли оттуда, то и наѣздники вмѣстѣ съ трубачами давали тылъ. Причина весьма удовлетворительная: у трубача, какъ у всякаго другаго молодца тогоже калибра, лобъ не за каменной стѣной. Очень хвалятъ поручика Ерофѣева, командира роты, за хладнокровіе и распорядительность его. Онъ тѣмъ болѣе заслуживаетъ похвалы, что въ первый разъ попалъ въ огонь и войны не видалъ. Сол-

датъ было съ нимъ, какъ я узналъ теперь вѣрнѣе, 170 челов., а казаковъ сотня, изъ коихъ 40 верхами, а лошади изъ подъ остальныхъ были заложены въ сани и телѣги, подъ больныхъ. Все это прекрасно. Остаются только неодолимыя хлопоты съ больными, этою вѣчною мукою всѣхъ военныхъ отрядовъ: за ними сто разъ болѣе хлопотъ, чѣмъ за убитыми. У насъ, въ 4-й колоннѣ, ихъ уже до 90 человѣкъ.

У насъ идетъ повѣрка и пересмотръ верблюдовъ: ихъ должно бы быть 10 т.; но выходитъ менѣе, такъ, что за выключкой негодныхъ едва наберется 8 т. Запаснаго продовольствія въ Хиву нельзя будетъ взять болѣе чѣмъ на мѣсяцъ; прежде не разсчитывали на тамошнія средства вовсе, а теперь надобно будетъ оглянуться тамъ, нѣтъ ли гдѣ хлѣбца, или обратить часть верблюдовъ опять на Эмбу, для подвозу. Впрочемъ, у насъ есть еще порядочный запасъ въ Новоалександровѣ, это ближе, и туда можно будетъ послать съ мѣста: туда всего отъ Хивы двѣ недѣли ходу. Солдатъ кормятъ очень хорошо, даютъ имъ теперь по полному фунту мяса на день; не смотря на это, опи болѣютъ. Сначала выступленія В. А. былъ очень озабоченъ неисправностію цѣпи нашей; не умѣли опрашивать проходящихъ, пропускали безъ отзыва, засыпали на часахъ, кутались въ кошмы отъ булановъ; поэтому всѣ наличные при штабѣ офицеры стали обходить (ночью) цѣпь и повѣрять часовыхъ. Нынѣ дошли до того, что можемъ быть спокойны; часовые стоятъ хорошо и понимаютъ обязанность свою. В. А. вчера ночью хотѣлъ проѣхать насильно черезъ цѣпь; часовой уставилъ ему штыкъ въ грудь и побожился, что заколетъ, если не остановится на мѣстѣ до прихода ефрейтора, котораго звалъ отчаяннымъ голосомъ. Мы также боялись частыхъ побѣговъ Кайсаковъ съ верблюдами, но доселѣ было только два или много три случая, остальные служатъ хорошо и стали даже сами (т. е. не верблюды, а Кайсаки) вьючить ихъ къ крайнему облегченію войска. Бай-Мохамедъ прислалъ 380 верблюдовъ, изъ числа этого ушло дорогою 42 верблюда, т. е. 12 челов. съ ними бѣжали. Удивительно, что доселѣ нѣтъ здѣсь самого Бай-Мохамеда, ему срокомъ назначено было 15-е число, и онъ хотѣлъ прибыть съ 400 Кайсаковъ.

Насчитать ли вамъ, хотя ради небольшаго самохвальства, всѣ неудобства нашего необыкновеннаго похода? Начинаю тѣмъ, что еслибы идти намъ по утвержденнымъ и установленнымъ на этотъ предметъ общимъ постановленіемъ, то мы бы доселѣ не дошли далѣе Илецкой Защиты. Напримѣръ: предписывается посылать квартиргеровъ, занимать биваки всегда по близости селеній, разводить бивачные огни, стоять на мѣстѣ, ждать, если морозъ превышаетъ 15°. Хороши бы мы были! Долго бы намъ пришлось дожидаться пятнадцати градусовъ, и дожидаться, покогѣ выростутъ на пути лѣса и выстроятся селенія! Мы идемъ глубокимъ снѣгомъ, цѣликомъ, безъ дороги,—и это тяжело; верблюды безпрестанно развьючиваются, за ними хлопотъ много, и много остановки; нѣсколько верблюдовъ пристаютъ вовсе, на каждомъ переходѣ,—надобно скакать по отряду, искать порожняго верблюда, чтобы не покинуть вьюка; а между тѣмъ Кайсаки рѣжутъ отслужившаго горбуна и дѣлятъ между собою мясо. Расчитывали, что на верблюда могутъ садиться поперемѣнно по два солдата, оно справедливо, и верблюдъ несетъ двухъ человѣкъ легко; но оказывается, что жесткая сума солдатская занимаетъ много мѣста и сверхъ того набиваетъ верблюду заднiй горбъ, а верблюдъ со сбитымъ горбомъ идетъ только подъ ножъ. Число верблюдовъ сравнительно съ числомъ войскъ, очень велико; верблюдъ, избалованное животное, которое требуетъ—не корму, не воды, а присмотру. Не хорошо навьючить, не выровнить тюки, пустить веревку черезъ горбъ—значитъ лишиться верблюда, онъ уже не служака и изъ счету вонъ; каждый день надобно разгребать снѣгъ на томъ мѣстѣ, гдѣ верблюды укладываются и даже, гдѣ только можно, срывать землю, до талой земли—работы много. Надобно также подстилать подъ скотину эту кошмы или камышъ; а солдаты гораздо охотнѣе укрываются кошмами сами и жгутъ камышъ, и верблюды болѣютъ и дохнутъ.

В. А. уѣхалъ въ укрѣпленіе, отъ котораго мы въ полуверстѣ—заботиться о больныхъ; папа Пій VII-й поймалъ Menonites Tamaricina и очень доволенъ; онъ ходитъ по сугробамъ снѣга въ мѣховыхъ сапогахъ, нагольномъ тулупѣ и самоѣдской скуфьѣ, закрываясь локтемъ отъ жестокаго бурану. Сарданапалъ-царевичъ возвратился съ охоты благополучно и очень удачно, т. е. къ счастію не видалъ кабана и остался цѣлъ и невредимъ. Ивановъ варитъ пельмени, разъ по семи на день и ѣстъ, увѣряя, что это грѣетъ. Мулла, нынѣ чиновникъ, урядникъ, взялъ у меня ружье, послышавъ о близости Хивинцевъ и пригоняетъ пули. Сабли онъ не снимаетъ съ себя даже ночью, потому что теперь онъ военный человѣкъ. Чихачевъ таки доходился на морозѣ до того, что его вчера маленько встряхнуло—нынѣ онъ здоровъ. Бодиско стоитъ отъ насъ саженяхъ во ста, за штабомъ, въ обозѣ; мы видимъ его только за обѣдомъ, да изрѣдка навѣщаемъ; ему вчера выдернули зубъ, который его нѣсколько дней сильно мучилъ.

Я помянулъ пельмени: скажите пожалуста тому, до кого это можетъ касаться,—что пельмени наши никуда не годятся; въ Оренбургѣ, какъ вы чай помните, была оттепель; заботливый поваръ нашъ пересыпалъ ихъ въ это время мукой, чтобы не слиплись всѣ въ одинъ пельмень—теперь, какъ сварятъ ихъ, точно клейстеръ, мука́ сваренная въ водѣ. Между тѣмъ ѣдимъ ихъ очень прилежно, потому что французскій самоучитель, M-r l'Appetit, даетъ намъ полезные уроки. Вчера вся честна̀я піющая братія возстала на меня дружнымъ и шумливымъ ополотомъ, за то, что я не умѣю достать вина̀ для нихъ, которое замерзло въ боченкѣ. Я просилъ наставленія, какъ это сдѣлать,—потому что боченокъ на морозѣ не отойдетъ, а рубить его не приходится; водяныя части вина̀ разумѣется замерзли напередъ, а послѣ уже спиртовыя, и потому надобно бы оттопить все. Велегласное совѣщаніе кончилось тѣмъ, что нельзя ничего сдѣлать, и трое ретивыхъ спорщиковъ, которые хвалились, что распорядились бы гораздо лучше, еслибы дѣло было поручено имъ, замолчали. Имъ однакоже очень прискорбно, что мы завтра, первый праздникъ, будемъ безъ вина. И такъ сегодня сочельникъ; походная церковь наша поставлена въ укрѣпленіи; зеленая кровля шатромъ виднѣется издали. Въ Оренбургѣ храмикъ нашъ исчезалъ среди высокихъ зданій,—здѣсь, между курныхъ и дымныхъ кибитокъ, между рыхлыхъ землянокъ, занесенныхъ сугробами снѣга, между будками спитыми на живую нитку изъ лубковъ и рогожъ, походная церковь составляетъ самое великолѣпное зданіе. Тридцать два заряда приготовлены, колоколъ сзываетъ на всенощную—здѣсь конечно отъ созданія міра впервыя раздается звонъ христіанскаго колокола. Для сочельника вѣтеръ стихъ; погода прекрасная, мы ходимъ въ одних курткахъ и сертучкахъ—и не можемъ надивиться, что термометръ докладываетъ намъ о 14 градусахъ. Это, право, оптическій обманъ. Земля нырнула уже въ глубокую тьму—вокругъ поднимаются искристые столбы туманнаго свѣту, это огни наши; вблизи на всѣхъ кибиткахъ, по своду кровли, широкія огненныя прорѣхи, изъ которыхъ вылетаетъ дымъ, паръ, и тутъ и тамъ искры; часовые опять затянули уже круговую зѣвоту свою, верблюды угнаны на далекое пастбище, и потому унылыхъ пѣней ихъ не слыхать. Все тихо;—«солдатъ стой, убью—солдатъ стой, что отрылъ?» раздается тутъ и тамъ—и благодать Господня почіетъ на христолюбивомъ воинствѣ.

Командиръ колоннъ перемѣняется по случаю назначенія Толмачева командующимъ пѣхотой, Ціолковскаго кавалеріей, Кузминскаго артиллеріей. Первой колонной командуетъ полковникъ Бизяновъ, славный, почтенный старецъ и знакомецъ мой, уралецъ, ходившій еще при Павлѣ I въ аломъ кафтанѣ и синей шапкѣ, воевавшій еще съ Суворовымъ—и первая колонна идетъ впередъ, чуть ли не на второй день праздника. Счастливый и завидный путь!

V.

27 Дек. Четыре колонны наши пойдутъ отсюда эшелонами, съ тѣмъ, чтобы 1-я колонна приняла въ одномъ или двухъ пере-

ходахъ отъ Акъ-Булака высланныхъ оттуда, подъ прикрытіемъ Чижева, больныхъ, передала ихъ за переходъ во 2-ю, тамъ въ 3-ю, 4-ю, и такимъ образомъ будутъ они доставлены благополучно сюда, и мы не лишимся конвоя своего, который въ иномъ случаѣ долженъ бы проводить больныхъ и съ ними остаться. Чихачевъ еще открылъ, что термометръ его вралъ на $1^1/_4{}^0$, а именно показывалъ меньше, потому что висѣлъ на кибиткѣ В. А., въ которой бывало до 20^0 и болѣе тепла. Стало быть 6-го Дек. у насъ было до 34^0 морозу, что̀ и согласно съ наблюденіемъ въ другихъ колоннахъ. Странная болѣзнь появляется здѣсь изрѣдка, скажите мнѣ, что это такое: начинается прямо безпамятствомъ и сумашествіемъ, между тѣмъ какъ по всему нельзя предполагать тутъ воспаленія мозгу; человѣкъ до пяти заболѣвали, и двое умерли.

Отъ Оренбурга шли мы все въ гору, вверхъ по Илéку; перешли Сыртъ, т. е. раздѣленіе водъ, возвышеніе Буссага̀, которое на картахъ изображаютъ огромными, небывалыми горами; тамъ спустились внизъ по Эмбѣ и теперь пойдемъ низменною степью до самаго Чинта. До Эмбы земля довольно плодоносна, растетъ ковыль, а гдѣ ковыль, тамъ можетъ расти и хлѣбъ; отселѣ далѣе почва илистая, песчаная, солонцеватая, глинистая, словомъ, дно морское: растутъ одни тонкія солянки и мелкотравчатая полынь, да мѣстами бурьянъ и помочка, словомъ земля голодная, лѣтомъ почти непроходимая. По Илеку сидѣли аулы Ташинцевъ; здѣсь Чиклинцы, и именно Назаровцы; это народъ довольно дикій, многіе изъ нихъ не видали отъ роду Русскихъ;— между тѣмъ аулы ихъ сидятъ спокойно кругомъ, не уходятъ, потому что зимою имъ бѣжать нельзя, и приводятъ даже скотъ на продажу; имъ велѣно поставить намъ сколько можно верблюдовъ и лошадей. Нѣсколько ауловъ вѣденія Кулъ-Джапи не дали вовсе верблюдовъ, когда собирали ихъ для экспедиціи и платили найму по 10 руб. серебр. за каждый. Этимъ молодцамъ задана теперь задача—поставить двѣ сотни горбуновъ. По случаю ссоры Назаровцевъ съ Хивинцами никакихъ вѣстей о войскѣ ихъ нѣтъ; не знаемъ что и какъ будетъ, а надѣемся встрѣтить ихъ.

28 Дек. Кто скажетъ намъ, какіе это Хивинцы съ нами дрались? Передовой ли отрядъ, или просто команда Менембая (Джангиза), которая вышла встрѣчать караванъ и сорвать съ него что можетъ, и вздумала прислужиться хану нападеніемъ на Акъ-Булакъ? Статься можетъ, что мы ихъ и не удивимъ больше, и знаменитою вылазкою двѣнадцати солдатъ и 4-хъ Грозненскихъ казаковъ кровопролитіе кончится! По человѣчеству—прекрасно; но, соображая цѣль многотрудной и дорогой экспедиціи нашей, дурно. Если все обойдется по христіански, чинно, смирно, тихо — тогда не узнаютъ страху, и нельзя поручиться, чтобы черезъ нѣсколько лѣтъ Хива не сдѣлалась опять тѣмъ же вертепомъ. Если напротивъ придется побить ихъ путемъ, разбить какой нибудь глиняный валъ или стѣну ядрами или подорвать его миной, поднять на штыкъ ихнее ополченіе, размести, какъ говорится, пепелъ хвостомъ конскимъ: тогда бы помнили Русскихъ долго. Первая угроза имъ легла бы смерчемъ на безпутное ханство, и каждое требованіе было бы свято исполняемо.

— Вчера В. А. въ первый разъ приказалъ сдѣлать нѣсколько ночныхъ сигналовъ; колонны въ сборѣ, и потому всѣ могли наблюдать ихъ хорошо. Впрочемъ, никогда употребленіе этого средства на сухомъ пути не можетъ сдѣлаться до такой степени общимъ, какъ на морѣ (*): тамъ ничего не мѣшаетъ наблюдать огни, тамъ часовой закричитъ: сигналы — и вахтенный, не сходя съ мѣста направляетъ глаза или трубу въ ту сторону, гдѣ флагманъ; здѣсь иному придется бѣжать съ версту, покуда найдетъ того, кому надо наблюдать, и этому опять искать чистаго мѣста, откуда сигналы видны.

Мы обстрѣливаемъ коней своихъ: мои, мухортый и карій, ничего не боятся, словно знали, что подъ такого богатыря пойдутъ. Для охоты это очень пріятно. Леманъ вчера

(*) Передъ назначеніемъ въ Оренбургъ гр. Перовскій служилъ нѣкоторое время въ морскомъ вѣдомствѣ, П. Б.

ѣздилъ верстъ за десять, видѣлъ горы морскихъ ракушекъ и животныхъ, далъ нѣсколько промаховъ изъ ружья и щедро наградилъ казаковъ, которые убили ему пятокъ куропатокъ и два жаворонка. Онъ тѣшился ими. Чихачевъ, выбривши и вымывши всю прислугу нашу, сжегъ рукавъ совика, обрѣзалъ огромные бахилы и работалъ потомъ съ астрономомъ Васильевымъ. Онъ, Чихачевъ, постоянный метеорологъ нашъ, беретъ высоты, наблюдаетъ барометръ, термометръ и даже баро-термометръ: машинка, по которой черезъ кипяченіе перегонной воды узнается возвышеніе мѣста отъ поверхности моря, потому что вода, какъ извѣстно, кипитъ при различной температурѣ, смотря по возвышенію мѣста или тяжести воздушнаго надъ нею столба. Мнѣ поручено строить койки, о которыхъ я говорилъ, и это занятіе право больше идетъ ко мнѣ, чѣмъ быть очень неисправнымъ буфетчикомъ. Но, что̀ всего лучше, у насъ теперь прекрасныхъ, сухихъ, березовыхъ щепъ вдоволь: въ юламѣ пылаетъ неугасимый огонь, и Весталка наша, знаменитый Бай-севъ Чихачева, не можетъ нахвалиться щедротами Аллаха. У Байсена этого рожа право самая неблагопристойная, разсудка нѣтъ, кажется, ни на волосъ, а между тѣмъ онъ пасетъ прекрасно верблюдовъ, день и ночь караулитъ лошадей и сто̀итъ намъ теперь дороже трехъ исправныхъ деньщиковъ. Мы позвали вчера вечеромъ моего Саната въ юламу, сѣли вокругъ огня, затопили чайникъ, произвели Муллу-Нура въ чайбаши и заставили Саната разсказывать сказку, услышавъ случайно, что онъ большой мастеръ этого дѣла. Чтоже вы думаете? Право мы изумились; ждали какого нибудь вздору, а Санатъ мой высыпалъ намъ цѣлую поэму о Чуръ-батырѣ, Ногайцѣ, въ презамысловатыхъ стихахъ, съ безконечнымъ ожерельемъ прибаутокъ, съ риѳмами, съ пѣснями, съ припѣвами, складно, ладно и причудливо. Это большая рѣдкость между Кайсаками; у нихъ обыкновенно не найдете, въ народной поэзіи, воспоминаній былевыхъ, а пѣснопѣвцы слагаютъ стишки свои, по четыре въ строфѣ, на обумъ, помня немногіе изъ нихъ на изустъ. Чуръ-батырь непремѣнно будетъ переписанъ, отъ слова до слова, и переведенъ на Русскій языкъ. Я далеко не все понималъ, но удивился необыкновенному сходству духа этой сказки и самаго разсказа съ Русскими богатырскими сказками. Что такое народная поэзія? Откуда берется это безотчетное стремленіе нѣсколькихъ поколѣній къ одному призраку, и какимъ образомъ наконецъ то, что̀ думали и чувствовали впродолженіи десятковъ или сотенъ лѣтъ цѣлые народы, племена и поколѣнія, оживаетъ въ словѣ, воплощается въ словѣ одного, и снова развивается въ толпѣ и дѣлается общимъ достояніемъ народа? Это загадка. Сто устъ глаголятъ одними устами—это хоръ древнихъ Грековъ, и значеніе хора ихъ можетъ понять только тотъ, кто способенъ постигнуть душою, что̀ такое народная, созданная народомъ поэма: это дума вслухъ цѣлаго народа, цѣлыхъ поколѣній народа. Для меня, это первый залогъ нашего безсмертія. Говорятъ: гласъ народа, гласъ Божій; что же сказать о гласѣ цѣлаго поколѣнія? Этотъ залогъ — долженъ найти свой отголосокъ, онъ не замретъ въ простотѣ и силѣ своей, а отголоска ему въ этомъ мірѣ нѣтъ. Такъ-то мы читаемъ въ каждой книгѣ не то что̀ написано, а то, что̀ можемъ понять и постигнуть, что̀ тронетъ и займетъ насъ; такъ-то народныя преданія для иныхъ — бабьи сплетни, для иного совсѣмъ иное.

Такъ коловратно все на свѣтѣ! Не болѣе трехъ часовъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ я кончилъ эту страницу письма̀, и погода измѣнилась, сдѣлалось гораздо теплѣе, вѣтеръ затихъ, а у насъ въ отрядѣ двухъ Кайсаковъ разстрѣляли. Ночью бѣжало шесть человѣкъ съ 18-ю верблюдами, а потомъ всѣ верблюдчики въ колоннѣ Толмачева объявили, что далѣе идти не намѣрены, а хотятъ воротиться. Причины раздумья ихъ были очень просты: верблюды-де у насъ плохи, устанутъ, не дойдутъ, непріятель впереди, время опасное—такъ зачѣмъ мы туда пойдемъ? В. А. выѣхалъ къ нимъ тотчасъ самъ, велѣлъ ихъ собрать и окружить карауломъ, человѣкъ до 200. За тѣмъ

Ивановъ растолковалъ имъ, что мы всѣ идемъ не по своей волѣ, а по волѣ Государевой, что всякій, кто теперь смѣетъ сказать: «я не иду далѣе» ослушникъ и преступникъ и долженъ быть строго наказанъ; что Кайсаковъ у насъ кормятъ хорошо, даютъ имъ мяса и крупъ болѣе чѣмъ солдату; что непріятеля имъ бояться не для чего, какъ могутъ заключить изъ первой стычки нашей съ нимъ: тамъ Кайсаки лежали, по распоряженію офицера, за пулями, а солдаты и казаки отстрѣливались; солдаты же и казаки ранены и убиты, а Киргизы всѣ цѣлы и пр. За тѣмъ спросили всю толпу, кто понялъ рѣчь эту, образумился и хочетъ идти, и кто нѣтъ. Нѣкоторые увидали, что мимо нихъ прошли рабочіе солдаты съ лопатами и кирками, а другіе съ ружьями за ними, и спѣшили бѣгомъ перебраться на правую сторону; другіе послѣдовали ихъ примѣру, а семь человѣкъ, и въ томъ числѣ знаменитый ораторъ, который кричалъ за всѣхъ, что мы де не пойдемъ, перешли на лѣвую сторону. Послѣднихъ тотчасъ же окружили казаки съ пиками, и В. А. указалъ на одного изъ нихъ (кажется, на перваго встрѣчнаго, на кого упала рука). Его вывели, раздѣли, завязали глаза, и залпъ раздался. Вслѣдъ за тѣмъ та же судьба постигла другаго, остальные пять взывали о милосердіи и отдавали души свои въ поруки, что готовы идти на край свѣта. В. А. сказалъ имъ, что прощаетъ ихъ во уваженіе просьбы султана-правителя Бай-Мохамеда, который присутствовалъ тутъ же. и образумѣвшіеся глупыши, бѣгомъ, кувыркомъ и прыжкомъ, пробрались между лошадьми и пиками на правую сторону, къ праведнымъ. Примѣръ этотъ необходимъ. Подкрѣпи только Господь здоровье В. А. (*) и душевную силу его! Онъ иногда бываетъ очень разстроенъ отъ безпрестанныхъ непріятностей и трудовъ, отъ заботъ, которыя нельзя устранить и не всегда можно увѣнчать успѣхомъ.

(Окончаніе будетъ.)

(*) Сравни Р. Арх. 1865. Записки гр. Перовскаго.

ИЗЪ БУМАГЪ О ГРАФѢ СПЕРАНСКОМЪ, ВЪ ДОПОЛНЕНІЕ КЪ ЕГО „ЖИЗНИ", ИЗДАННОЙ ВЪ 1861 ГОДУ. (*)

I.

Къ стр. 22-й (примѣч.) тома II-го.

Здѣсь упоминается о собственноручномъ письмѣ графа Павла Александровича Шувалова. Оно было отъ 27-го Августа 1815-го года, во время заточенія Сперанскаго въ селѣ Великопольѣ. Вотъ что писалъ ему графъ:

„Je saisis avec le plus vif empressement l'occasion du départ de Mr Mohiliansky pour me rappeler à votre souvenir. Je serais déjà à Novgorod pour avoir l'honneur et le plaisir de vous voir; mais l'Empereur n'étant pas ici, je ne puis quitter Pétersbourg; dès qu'il sera arrivé, je lui en demanderai la permission. Je vous réitère par écrit la prière que je vous ai déjà faite par quelques personnes; je vous la fais avec les plus vives instances: employez-moi si je puis vous être utile; donnez-moi les moyens de l'être, la voix d'un honnête homme peut se faire entendre auprès d'un Souverain comme le notre. Il peut être abusé quelquefois, mais ne se refusera pas à l'évidence. Employez-moi, je vous en supplie, toujours et comme vous le croirez le mieux; vous prouverez par là que vous conservez quelque amitié à celui qui vous a voué pour la vie l'attachement le plus sincère et la reconnaissance la plus vraie."

Т. е. „Пользуюсь съ живѣйшею готовностію отъѣздомъ г. Могилянскаго, чтобы напомнить вамъ о себѣ. Я уже непремѣнно былъ бы въ Новгородѣ, чтобъ имѣть честь и удовольствіе свидѣться съ вами, если бы отсутствіе Государя не удерживало меня въ Петербургѣ; но тотчасъ по его возвращеніи я буду просить дозволенія васъ посѣтить. Между тѣмъ возобновляю письменно, и притомъ самымъ настойчивымъ образомъ, прось-

(*) Сообщеніемъ этихъ бумагъ почтилъ наше изданіе высокоуважаемый авторъ «Жизни графа Сперанскаго», баронъ *Модестъ Андреевичъ Корфъ*. П. Б.

бу, уже переданную вамъ отъ меня чрезъ посредство нѣсколькихъ лицъ, а именно употребить меня, если я могу вамъ быть на что либо пригоденъ. Дайте мнѣ къ тому случай. Голосъ честнаго человѣка будетъ услышанъ такимъ Государемъ каковъ нашъ. Его можно иногда ввесть въ заблужденіе, но онъ не будетъ упорствовать передъ очевидностію. Употребляйте же меня, прошу васъ о томъ, вездѣ и всегда, какъ вамъ представится полезнѣйшимъ; этимъ вы докажете, что не охладѣли въ дружбѣ къ тому, который съ своей стороны на всю жизнь привязанъ къ вамъ искреннѣйшею пріязнію и живѣйшею благодарностію.“

II.

Къ стр. 90-й тома II-го.

Какъ матеріалъ для исторіи нашей литературы, прилагаемъ здѣсь письма Сперанскаго къ разнымъ лицамъ, въ которыхъ изложена исторія его перевода книги „О Подражаніи Христу“, вмѣстѣ съ подробностями, относящимися какъ къ этому переводу, такъ и къ его изданію. Изъ числа этихъ писемъ донынѣ было извѣстно публикѣ, сколько мы знаемъ, только одно — 28-го Января 1818 г., къ Лабзину. Прочія мы нашли въ черновыхъ отпускахъ, между бумагами писавшаго ихъ. Бывъ напечатанъ, по Высочайшему повелѣнію на казенный счетъ и пожертвованъ Сперанскимъ въ пользу Императорскаго Человѣколюбиваго Общества, упомянутый переводъ его (*) принесъ послѣднему 6371 р. 28 к. асс., изъ которыхъ воспользовались пособіемъ болѣе 500 семействъ.

Умершій протоіерей Казанскаго Собора Петръ Николаевичъ Мысловскій, бывшій нѣкогда духовникомъ участниковъ 14-го Декабря 1825-го года, разсказывалъ намъ, что одинъ изъ нихъ, зараженный совершеннымъ безвѣріемъ, испыталъ на себѣ, еще во время содержанія въ крѣпости, благодѣтельное вліяніе „Подражанія Христу.“ Прочитавъ, по указанію Мысловскаго, эту книгу въ переводѣ Сперанскаго, онъ обратился въ истиннаго христіанина, исповѣдывался и пріобщился Св. Тайнъ, съ самымъ чистосердечнымъ раскаяніемъ въ прежнихъ заблужденіяхъ.

Скажемъ, впрочемъ, что, въ отношеніи собственно литературномъ, переводъ Сперанскаго скорѣе можно назвать посредственнымъ; видно, что переводчикъ, какъ и самъ онъ говоритъ, жертвовалъ изящностью рѣчи для буквальной почти передачи подлинника. Но слогъ помѣщенныхъ въ той же книжкѣ „Избранныхъ мѣстъ изъ разныхъ твореній Ѳомы Кемпійскаго“ не лишенъ достоинствъ, разумѣется по отношенію ко времени его появленія. Тутъ Сперанскій, уже не придерживаясь рабски оригинала, извлекъ только его духъ и сущность и передалъ все это свободно творческимъ своимъ языкомъ.

1817 г. Января, 9-го къ князю А. Н. Голицыну, какъ предсѣдателю Императорскаго Человѣколюбиваго Общества.

Не въ качествѣ переводчика, но въ точной увѣренности въ истинной пользѣ книги *О Подражаніи*, весьма обрадованъ я былъ, что сіе малое приношеніе, какъ лепта вдовицы, принято вами благосклонно. Г. Цейеръ донесетъ вашему сіятельству, гдѣ и чрезъ кого я желалъ бы ее напечатать; я съ нимъ говорилъ о семъ подробно.

1818 г. Января 28, къ А. Ѳ. Лабзину.

. . . .

Еще болѣе благодаренъ вамъ за предложеніе ваше объ изданіи перевода моего *О Подражаніи*. Я началъ переводъ сей еще въ 1805 году, переводивъ по листочку въ день, среди великихъ хлопотъ, по утрамъ, вмѣсто молитвы. Изъ сихъ листочковъ соста-

(*) Впослѣдствіи онъ былъ еще нѣсколько разъ напечатанъ.

вились три первыя части. Легко можно представить, что переводъ и неровенъ и негладокъ. Въ Перми окончилъ я четвертую. При отъѣздѣ въ Пензу, я просилъ князя А. Н. Голицына (*), не угодно ли ему будетъ приказать первыя три части, въ бумагахъ моихъ (въ Петербургѣ, въ 1812 г.) оставшіяся, отыскать и сложить вмѣстѣ съ четвертою, приказавъ напечатать въ пользу бѣдныхъ. Послѣдовало Высочайшее соизволеніе—напечатать на счетъ кабинета. Изданіе намѣренъ я былъ поручить одному моему пріятелю, статскому совѣтнику Цейеру. Между тѣмъ, при перепискѣ и прочтеніи, замѣчены были, людьми свѣдущими, въ переводѣ первыхъ трехъ частей разныя неровности и недостатокъ единообразія въ слогѣ. Я истребовалъ сюда (въ Пензу), чтобы пересмотрѣть и исправить. Вмѣстѣ съ тѣмъ прислали ко мнѣ и Латинское Парижское изданіе 1810 г., прекраснѣйшій стереотипъ, несравненно лучшій нежели тотъ экземпляръ, съ коего я переводилъ. Такимъ образомъ работа удвоилась; но я близокъ уже къ концу. Какъ скоро окончу, то и доставлю все къ вамъ и, вмѣстѣ, буду просить князя Александра Николаевича, чтобы деньги, на сіе назначенныя, отпущены были въ ваше распоряженіе; за то все изданіе должно поступить, по первому моему обѣщанію, въ пользу Человѣколюбиваго Общества. Я помню переводъ „Подражанія" въ *Избранной библіотекѣ* и недавно имѣлъ его въ рукахъ.

(*) Разумѣется—письменно, такъ какъ въ то время они не видѣлись; но письма этого не отыскано.

Онъ весьма неисправенъ; послѣднее изданіе 1816 г. несравненно лучше. Вообще я не желалъ бы, чтобъ „Подражаніе" слагалось съ чѣмъ нибудь другимъ. Эта книга—классическая и должна идти сама по себѣ. Присоедините къ сему, что маленькія книжки и расходятся скорѣе и проникаютъ далѣе. Дробите насущный намъ хлѣбъ: онъ скорѣе до насъ дойдетъ.

Того же числа, къ князю А. Н. Голицыну.

Я долженъ еще вашему сіятельству дать отчетъ въ книгѣ *Подражанія*, которая и по сіе время еще не въ печати. При чтеніи первыхъ трехъ частей нѣкоторымъ знатокамъ въ Петербургѣ показалось, что переводъ не довольно гладокъ; я истребовалъ его сюда и нашелъ мнѣніе ихъ справедливымъ. Принялся поправлять, а между тѣмъ доставили ко мнѣ новое Латинское изданіе сей книги, въ 1810 г. напечатанное, исправнѣйшее нежели всѣ доселѣ бывшія; сіе заставило меня все вновь пересмотрѣть и теперь надѣюсь, что переводъ, дѣйствительно, будетъ лучше. Какъ скоро окончу, то и доставлю его по прежнему назначенію. А. Ѳ. Лабзинъ вызывается самъ смотрѣть за изданіемъ; по малой опытности въ сихъ дѣлахъ г. Цейера и по болѣзненному его состоянію, сіе предложеніе я считаю весьма обязательнымъ и нынѣ же о семъ къ нему пишу.

1818 Марта 26-го, къ А. И. Тургеневу.

Дозвольте мнѣ, милой мой Александръ Ивановичъ, принести вамъ искреннюю мою благодарность за участіе ваше въ изданіи *Подражанія*.

Вѣсть сія дошла ко мнѣ поздно, но, по счастью, я ни съ кѣмъ никакихъ не сдѣлалъ обязательствъ и чрезъ недѣлю или двѣ доставлю къ вамъ мой переводъ. Никто лучше васъ не можетъ содѣйствовать его успѣху, а успѣхъ состоитъ въ томъ, чтобъ книгу сію какъ можно болѣе читали и любили.

Того же числа, къ Ф. И. Цейеру.

Изъ письма моего къ Аркадію Алексѣевичу (Столыпину) (*) вы вѣрно видѣли причину, по коей я думалъ поручить *Подражаніе* Лабзину,—*думалъ*, но теперь уже не думаю, потому что страхъ быть предупреждену его изданіемъ миновался, а остались токмо одни неудобства. Посему и рѣшился я нынѣ же обратиться на прежнее и начинаю тѣмъ, что пишу къ А. И. Тургеневу и благодаря его за участіе, утверждаю въ добромъ намѣреніи. Тебѣ извѣстно, что я съ Лабзинымъ никогда не имѣлъ никакой связи, а терпѣлъ за него очень много. Впрочемъ и его гонятъ, мнѣ кажется, безъ всякой причины, развѣ за самолюбіе и нѣкоторую рѣзкость въ словахъ. Говоря о *Подражаніи*, я не сдѣлалъ съ нимъ никакого обязательства, а на предложеніе его отвѣчалъ учтивымъ предложеніемъ. И онъ замолчалъ, вѣроятно, потому что изъ письма моего увидѣлъ, что весь доходъ сей книги обреченъ уже на другое употребленіе. Богъ съ нимъ! Дѣло сіе кончено, и никогда вы болѣе отъ меня объ немъ не услышите. Примѣтьте въ заключеніе, что когда я къ нему писалъ, то ничего еще не зналъ о вызовѣ А. И. Тургенева.

(*) Не отыскано.

1818 Іюня 11, къ Ф. И. Цейеру.

Наконецъ, послѣ столь многихъ отлагательствъ, представляю вамъ, любезный мой Францъ Ивановичъ, двѣ книги *Подражанія*. По первому взгляду вы примѣтите, что переводъ не переправленъ, а почти весь передѣланъ. Причины сего состоятъ, кратко, въ томъ, что я перемѣнилъ самое правило и образъ перевода. Смѣю думать, что ни на какомъ европейскомъ языкѣ нѣтъ перевода столь близкаго и буквальнаго, какъ настоящій. Я переводилъ прежде, подражая другимъ и изыскивая выраженія, кои казались мнѣ удобнѣе и изящнѣе, т. е. одѣвалъ мысли автора въ мое платье. Поправлялъ же или, лучше сказать, передѣлывалъ переводъ точно съ тою же вѣрностію, какъ бы я переводилъ текстъ Св. Писанія. По счастью, переводъ ничего отъ сего не потерялъ ни въ ясности, ни въ слогѣ, но онъ получилъ точно ту физіономію, которую имѣетъ въ подлинникѣ, т. е. простоту и краткость. Всю внѣшность изданія оставляю въ полную волю издателя (*), ибо я не знатокъ ни въ форматѣ, ни въ шрифтѣ; требую только, чтобъ бумага и буквы были лучшія, не гоняясь за дешевизною. Желалъ бы крайне избавить васъ отъ переписки на чисто; но здѣсь пособить некому; предлагаю вамъ одно средство: пріискать себѣ помощника и поставить на мой счетъ всѣ издержки, чтобъ переписано только было

(*) Т. е., какъ видно изъ предъидущаго, А. И. Тургенева.

подъ вашимъ надзоромъ. Ошибки правописанія, если бы и встрѣтились, поправитъ издатель при корректурѣ: онъ совершенный дѣла сего знатокъ. Третья часть придетъ въ слѣдъ за симъ, и не дожидаясь отдавайте издателю; за нею не будетъ остановки, если бъ и чрезъ недѣлю по полученіи начали печатать. Четвертая и „Избранныя мѣста" у васъ, и слѣдственно все въ порядкѣ.

По разнымъ соображеніямъ *весьма нужно*, чтобъ, на другой день по полученіи сего письма съ приложеніемъ, увѣдомили бы вы издателя и довели до свѣдѣнія князя Голицына такимъ путемъ, какъ найдете лучше. Послѣдній, кажется, начинаетъ сомнѣваться въ окончаніи сего дѣла; объяснять же ему трудности перевода, мое мелочное, но терзательное многодѣліе (*) припадки моей лѣности и rêverie, отъ коихъ не могу никакъ избавиться, было бы и скучно и неприлично.

1818 Іюня 26, къ тому же.

Я бы желалъ, чтобъ вы пріостановились вручить Лабзину рукопись моего перевода (**). По крайней мѣрѣ должно испросить на сіе точное приказаніе князя Александра Николаевича. Осторожность сія нужна, чтобъ не подать повода къ какимъ либо новымъ сплетнямъ.

1818 Іюля 9, къ тому же.

Je reçois dans l'instant votre lettre du 28 juin. Charmé, parfaitement content de la tournure que l'édition de l'Imitation avait prise. Mille grâces à Mr Tourgeneff et pour la lettre que je viens d'ouvrir et pour ses soins vraiment amicals (*). Я оканчиваю послѣднія двѣ тетради 3-й книги, и съ будущею почтою вы вѣрно все получите. Вмѣстѣ съ тѣмъ пришлю вамъ и самый экземпляръ Латинскаго стереотипа, который, впрочемъ, думаю, для 4-й книги будетъ вамъ не нуженъ, потому что книгу сію въ Перми я переводилъ съ Латинскаго изданія О. Соммаля, съ котораго и сей стереотипъ снятъ, а потому думаю что à linea стиховъ будутъ одинаковы. Не худо, однако же, слегка просмотрѣть и сообразить.

Со временемъ напишу я и рецензію на сію книгу, для помѣщенія въ газетахъ. О переводѣ сказать нечего, кромѣ что онъ исправенъ; но о самой книгѣ еще можно сдѣлать нѣсколько полезныхъ примѣчаній, для возбужденія спящаго у насъ вниманія,—примѣчаній, коихъ не могъ я помѣстить въ предисловіи.

1818 Іюля 23, къ тому же.

На другой день по отправленіи къ вамъ, мой любезный, послѣднихъ тетрадей *Подражанія*, пришло мнѣ въ мысль перемѣнить одно слово и, хотя перемѣна сія не существенна, для чего ее не сдѣлать, когда есть еще время? Слово сіе есть: монахъ, монашествующій, монашескій. Оно встрѣчается наипаче въ XVII и XIX главѣ первой книги. Въ подлинникѣ сто-

(*) Сперанскій былъ уже тогда Пензенскимъ губернаторомъ.

(**) Вѣроятно, что со стороны Лабзина были какія-нибудь настоянія на прежнемъ его предложеніи—быть издателемъ.

(*) Т. е. «Я получилъ сію минуту ваше письмо и совершенно доволенъ тѣмъ направленіемъ, которое приняло дѣло объ изданія въ свѣтъ Подражанія. Очень благодаренъ Тургеневу и за письмо, только что мною распечатанное, и за его истинно дружескія хлопоты.»

итъ точно монахъ; но, къ несчастію, слово сіе, въ употребленіи его на Русскомъ языкѣ, такъ обвѣтшало и сдѣлалось такъ близко и смежно съ разными предразсудками, что можетъ быть непріятно покажется для щекотливаго уха. Есть другое слово болѣе Славянское, но менѣе простонародное, а именно слово *инокъ*. Вездѣ, гдѣ стоитъ *монахъ*, или *монашествующій*, я бы желалъ поставить *инокъ*, а гдѣ стоитъ *монашескій*, напримѣръ: монашеская жизнь, или монашеское состояніе, тамъ поставить бы *иноческій*. Слово сіе наше, въ церковныхъ книгахъ употребительнѣе, а потому и благороднѣе. По корню своему оно значитъ человѣка, *иный* образъ принявшаго и соотвѣтствуетъ нѣсколько французскому réformé, comme p. ex. *Carme réformé*.

1819 Декабря 10, къ дочери.

Съ послѣдними двумя почтами получилъ я мое *Подражаніе*. Тургеневъ пишетъ, что онъ и къ тебѣ послалъ экземпляръ. Мое намѣреніе было издать сей переводъ такъ, чтобы никто не зналъ и не подозрѣвалъ моего имени, ибо дѣла сего рода должны быть учреждаемы также, какъ подаяніе милостыни. Судьба расположила иначе, и дѣло сіе стало гласнымъ. И сколько гласность сія ни противна моимъ правиламъ и предположеніямъ, но я не могъ поступить иначе. Во время гоненія, между прочими нелѣпостями, меня обвиняли и въ безбожіи, или по крайней мѣрѣ деизмѣ. Въ отвѣтъ я указалъ на сей переводъ, который взятъ былъ и хранимъ вмѣстѣ съ моими бумагами. Онъ начатъ былъ еще въ 1805 году и продолжаемъ отрывками, но почти ежедневно. Вотъ исторія сего изданія. Книга прекрасная, а переводъ отличается отъ всѣхъ прочихъ тѣмъ, что онъ отмѣнно близокъ и почти буквальный. Со всѣмъ тѣмъ, мнѣ жаль, что все это огласилось. Я не люблю пустаго шуму: ибо по опыту знаю, что шумъ, кромѣ зависти, ничего не производитъ.

1820 Мая 20, къ князю А. Н. Голицыну.

Мнѣ писали, что переводъ *Подражанія* расходится съ успѣхомъ. Если благотворительное общество, коему принадлежитъ сія книга, расположится сдѣлать второе изданіе, то я желалъ бы перемѣнить нѣсколько словъ и выраженій, не для красоты слога, но для ясности и большей еще точности.

Вотъ еще одно письмо о „Подражаніи.“ Оно писано изъ Перми, именно 6-го Августа 1813-го, и говоритъ не о переводѣ Сперанскаго, а о самой книгѣ. Это письмо къ П. А. Словцову:

Я рекомендовалъ вамъ Ѳому Кемпійскаго и теперь еще рекомендую. Право, вы найдете тутъ сокровище; но еще повторяю: читать его надобно не предъ чувствіемъ, но послѣ чувствія. Одно покаяніе, или лучше сказать, сердечное сокрушеніе, можетъ возбудить чувствіе, а чтеніе потомъ укрѣпитъ его и усилитъ. Книги о подражаніи Іисусу Христу не что другое суть, какъ избранныя мѣста изъ Св. Писанія, по двумъ главнымъ путямъ расположенныя. Первыя двѣ книги относятся къ покаянію; третія— къ обращенію со Христомъ и пред-

ставляетъ самые разительные и, такъ сказать, съ натуры снятые примѣры, какъ бесѣдуетъ Христосъ съ душою. Вы увѣритесь въ сихъ бесѣдахъ нѣкогда и будете жалѣть, что поздно увѣрились: je t'ai connu trop tard, vérité ancienne et nouvelle (*), восклицалъ долго блуждавшій, нѣкогда къ плоти привязанный, гордою платоническою мудростію преисполненный и наконецъ раскаявшійся, обратившійся, смиренный Августинъ. Четвертая книга Ѳомы Кемпійскаго изображаетъ таинство Евхаристіи.

III.

Къ стр. 98 и 99-й тома II-го.

Въ то время, когда Сперанскій томился въ Великопольскомъ своемъ заточеніи и весь былъ погруженъ въ аскетическія размышленія, до него внезапно донеслась вѣсть о событіи, обратившемъ на себя вниманіе всего міра, — тотъ актъ, въ которомъ три разновѣрные монарха, три первенствующіе самодержца Европы, неразрывно соединялись вѣчнымъ союзомъ, какъ бы въ одной совокупной исповѣди, не только втайнѣ передъ лицомъ Божіимъ, но и гласно передъ лицомъ цѣлаго христіанства. Мысль объ этомъ актѣ родилась, какъ извѣстно, во дни битвъ при Люценѣ, Дрезденѣ и Бауценѣ, когда союзныя войска, не смотря на все ихъ мужество, принуждены были постоянно отступать передъ непріятелемъ. „Если Богъ—сказалъ тогда Фридрихъ Вильгельмъ III Александру I-му—благословитъ, какъ я уповаю, общія наши усилія, то будемъ вмѣстѣ исповѣдывать передъ цѣлымъ свѣтомъ наше убѣжденіе, что *вся слава этого дѣла принадлежитъ единственно Богу* (*). Когда эти надежды, казавшіяся сначала столь шаткими, осуществились, императоры Австрійскій и Русскій, вмѣстѣ съ королемъ Прусскимъ, подписали 25-го Декабря 1815-го года, въ день Рождества Христова, манифестъ, за которымъ исторія сохранила названіе *акта священнаго союза.*

На Сперанскаго, при религіозно-мечтательномъ настроеніи его духа, еще болѣе созрѣвшемъ въ несчастіи и уединеніи, это событіе произвело особенно-глубокое впечатлѣніе. Не останавливаясь своею опалою, онъ поспѣшилъ высказать императору Александру нѣсколько мыслей, возбужденныхъ означеннымъ актомъ. Доказательствомъ тому, что тутъ былъ не одинъ ловкій привѣтъ идеѣ, возобладавшей въ ту эпоху Государемъ, а плодъ истиннаго, задушевнаго убѣжденія, могутъ служить два другія, современныя письма Сперанскаго къ повѣренному всѣхъ его думъ, Цейеру (**), переписка съ которымъ всегда оставалась завѣтною между ними тайною. Вотъ, въ хронологическомъ порядкѣ, всѣ три письма: одно къ Цейеру, другое—къ императору Александру, съ приложеніемъ мыслей по случаю манифеста о священномъ союзѣ, и третье—опять къ Цейеру. Они примѣчательны для характеристики и лица и духа времени.

Письмо къ Цейеру отъ 31 Декабря 1815.

Enfin un grand trait de lumière m'éclaire et décide toutes mes incertitudes: c'est le manifeste du 25 décembre (упомянутый актъ о священномъ союзѣ). Je puis donc me livrer à tout l'entrainement de mes idées, j'ose dire de mon inspiration, et entretenir l'Empereur sur le seul sujet digne de Son attention. Malheur à moi si je me tais maintenant! Et puisqu'il a plu à notre Seigneur de me délivrer de toutes mes incertitudes,

(*) Я узналъ тебя слишкомъ поздно, истина древняя и новая.

(*) Leben des Königs von Preussen Friedrich Wilhelm III. von K. Fr. Eylert. Th. II. Abtheil. 2. S. 42—257.

(**) Объ отношеніяхъ къ Цейеру говорится въ «Жизни графа Сперанскаго». T. I. стр. 83—84.

je remets entre Ses mains le succés de ma lettre. Il s'agit des interets de Son règne et comment pourrais-je, sans être parjure à ma grâce, y placer un seul mot, qui me regarde personellement. Faites, Seigneur, venez, époux chéri de cette épouse si longtemps abandonnée, méconnue, maltraitée; venez, et que la *désolée* s'apelle désormais *mariée* (Issaie dans un des derniers chapitres).

Vous rapellez-vous d'une conversation que nous avons eu l'éte passé au jardin de Velikopolié sur l'esprit qui aurait du diriger les Souverains dans leurs transactions au congrés de Vienne? J'eus la lacheté de désespérer, et le manifeste actuel me reproche vivement mon peu de foi.

Mais n'est-ce pas une illusion? Suis-je sûr du sens qu'on y attache? Malheur à ceux qui se joueraient ainsi des mots et des choses les plus sacrées! Non; l'esprit des ténèbres peut étouffer dans la suite cette explosion de la grâce, comme il l'a déjà fait tant de fois; mais cette lumière est encore pure et active maintenant; et après tout, comprimée ou propagée, elle doit l'emporter à la fin.

Heureusement, la lettre que je comptais écrire à l'Empereur le jour du nouvel an n'est pas partie. Celle que j'écris maintenant ne partira que jeudi prochain.

Je me propose d'envoyer à l'Empereur un livre qui contient une prophétie complette du manifeste, avec des maximes étendues sur ce qu'on doit faire en vertu de cette union. Oh, union sacrée! Que toutes les bénédictions du Ciel descendent et s'attachent à toi.

Т. е. Наконецъ лучь свѣта озарилъ мой духъ и разсѣялъ всѣ мои сомнѣнія: я разумѣю манифестъ 25-го Декабря. Мнѣ можно, наконецъ, отдаться вполнѣ стремленію моихъ мыслей, смѣю сказать моего вдохновенія, и бесѣдовать съ Государемъ о предметѣ, единственно достойномъ Его вниманія. Горе мнѣ если я буду теперь молчать! И такъ какъ Господу угодно было освободить меня отъ всѣхъ моихъ недоумѣній, то въ Его же руки предаю судьбу моего письма. Можно ли мнѣ тамъ, гдѣ рѣчь идетъ о преуспѣяніи царствія Божія, намекнуть, безъ страха за вѣчное мое спасеніе, хоть словомъ о томъ, чтò касается собственно моего лица! Соверши, Господи, пріиди супругъ возлюбленной жены, столь долго покинутой, непризнанной, оскорбленной, пріиди и да наречется *съ презрѣніемъ отвергнутая* вновь *призванною* (пророчество Исаіино въ одной изъ послѣднихъ его главъ) (*).

Помните ли разговоръ нашъ прошлымъ лѣтомъ въ Великопольскомъ саду, когда, разсуждая о духѣ, который долженствовалъ бы руководить Монарховъ при ихъ дѣйствіяхъ на Вѣнскомъ конгрессѣ, я имѣлъ малодушіе отчаяваться? Настоящій манифестъ сильно упрекаетъ меня въ моемъ маловѣріи.

Но не призракъ-ли это? Такъ ли я понималъ истинный смыслъ, придаваемый этому акту? Горе тѣмъ, которые отважились бы такъ играть именами и предметами самыми священнѣйшими. Нѣтъ; духъ тьмы можетъ впослѣдствіи опять погасить это проявленіе благодати, какъ не разъ уже бывало; но теперь—этотъ свѣтъ еще и чистъ и дѣйствуетъ во всей полнотѣ; сверхъ того, стѣсненный или распространенный, все же онъ наконецъ долженъ взять верхъ.

Къ счастію, письмо, которое я хотѣлъ послать Государю въ день новаго года, еще не отправлено. То, которое пишу теперь, пойдетъ только въ будущій четвергъ.

Я думаю послать Его Величеству книгу, въ которой находится полное пророчество о нынѣшнемъ манифестѣ, съ пространнымъ изложеніемъ правилъ, какъ поступать вслѣдствіе этого союза. О союзъ святый! Да снизойдутъ на тебя, да будутъ тебѣ присущи всѣ благословенія Неба.

(*) Въ церковно-славянскомъ переводѣ Библіи соотвѣтствующій этому текстъ находится въ 6 стихѣ 54 главы, гдѣ онъ читается такъ: «не яко жену оставлену и малодушну призва тя Господь, ниже яко жену изъ юности возненавидѣну, рече Богъ твой.» Въ Вульгатѣ это мѣсто переведено нѣсколько иначе: «Nam ut uxorem derelictam et dolentem animo revocat te Jehova, et uxorem adolescentiae, quamvis spreta sit, appellat Deus tuus.» (т. е. «Iегова снова призоветъ тебя, хотя ты и была женою оставленною и скорбящею сердцемъ, и Богъ твой назоветъ тебя женою юности или женою возлюбленною, хотя и была презрѣна»). Сперанскій очевидно придерживался здѣсь смысла, а не текста.

Письмо къ Императору Александру отъ 6 Января 1816.

Ваше Императорское Величество не отвергли всеподданнѣйшихъ изъясненій, кои имѣлъ я счастіе представить изъ Перми. Могу ли и нынѣ надѣяться того же снисхожденія?

Истины, въ манифестѣ 25-го Декабря и въ актѣ союза изображенныя, налагаютъ на всѣхъ подданныхъ Вашихъ новую обязанность неограниченнаго довѣрія и откровенности.

Болѣе нежели многіе другіе я долженъ чувствовать и исполнять сію обязанность. На пути, коимъ вело меня Провидѣніе въ вѣрѣ, пытливость разума часто ввергала меня въ изысканія болѣе тонкія, нежели основательныя; изысканія сіи были въ свое время предметомъ бесѣдъ, коихъ Вы меня удостоивали. Могу ли и долженъ ли я теперь молчать, когда вижу несомнѣнные признаки истинной, сердечной, а не умственной, благодати, сердце Ваше озарившей? Да не оскорбится скромность Ваша симъ выраженіемъ! Благодать Христова дается безъ заслугъ и можетъ быть признаваема безъ лести.

Примите, всемилостивѣйшій Государь, какъ лепту вдовицы, прилагаемую при семъ книжку. Она содержитъ нѣкоторыя предчувствія, довольно ясныя, чуднаго союза, нынѣ совершившагося, и нѣкоторые виды его послѣдствій. Сочинитель ея мнѣ совсѣмъ неизвѣстенъ; но, кажется, не безъ особеннаго дара благодати она написана.

Къ сему осмѣливаюсь присоединить мысли, при первомъ прочтеніи манифеста у меня излившіяся. Да будетъ приношеніе сіе слабымъ свидѣтельствомъ того общенія въ духѣ, къ коему слово и примѣръ Вашъ всѣхъ призываютъ (*).

Мысли Сперанскаго, представленныя при этомъ письмѣ.

Союзъ, манифестомъ 25-го Декабря (1815 г.) возвѣщенный, есть величайшій актъ, какой только отъ самого перваго введенія Христіанской вѣры былъ постановленъ. Его можно хвалить безъ пристрастія, потому что онъ произошелъ не изъ самолюбія. Государи, его заключившіе, измѣнили бы собственному своему чувству, если бы признали его личнымъ ихъ дѣяніемъ. Онъ есть чистое изліяніе преизбыточествующей Христіанской благости, коей удостоились они быть органами.

Война, непрестанно возраждающаяся; внутреннія потрясенія, часто возникающія; растлѣніе нравовъ, постепенно расширяющееся, давно уже указывали слабость тѣхъ основаній, на коихъ стоятъ общества. Но строители государственнаго порядка считали себя въ необходимости держаться сихъ основаній потому, что не находили лучшихъ. Они не примѣтили, или пренебрегли то коренное начало, коему все должно быть подчинено въ государствахъ, исповѣдующихъ единое крещеніе, едину вѣру, единаго Господа. *Камень, его же небрегоша зиждущіе, сей бысть во главу угла.*

Внезапный свѣтъ проникъ въ самое

(*) Былъ ли на это письмо отвѣтъ отъ Государя? Не думаемъ. По крайней мѣрѣ ни въ бумагахъ Сперанскаго такого не нашлось, ни самъ онъ не упоминаетъ о томъ въ послѣдующихъ письмахъ къ Цейеру, чего бы конечно не оставилъ сдѣлать.

средоточіе дѣйствующихъ силъ, въ душу Государей, и возбудилъ ихъ основать въ Европѣ, вмѣсто *дряхлыхъ* и *худородныхъ* стихій, новое политическое право, коего твердости *и врата адова не одолѣютъ*: ибо оно лежитъ *на краеугольномъ камени Господа силъ*.

Двѣ главныя истины составляютъ существо сего права:

I. Истинная цѣль человѣческихъ обществъ состоитъ въ томъ, чтобъ образуя нравы и пріучая людей къ общенію и любви, руководствовать ихъ къ соединенію во Христѣ.

II. Іисусъ Христосъ есть и долженъ быть главою всѣхъ Христіанскихъ обществъ. Истинныя правила ихъ управленія не могутъ ни откуда быть почерпаемы, какъ изъ правилъ и ученія Его.

Нѣтъ сомнѣнія, что князь тьмы воздвигнетъ противъ сихъ правилъ и священнаго союза Государей всѣ свои усилія. Но тотъ, который *видѣлъ Сатану яко молнію съ небесе спадше*, разсыплетъ ихъ яко прахъ, вѣтромъ возметаемый.

Побѣда сія несомнительна, если Государи, союзъ заключившіе:

1) *Пребудутъ вѣрны благодати въ нихъ дѣйствующей*. Самое существо и цѣль сего союза обязуютъ ихъ съ сего времени освящать себя въ дѣлѣ ихъ служенія непрерывною молитвою. Здѣсь, въ молитвѣ и въ прилежномъ чтеніи Св. Писанія, могутъ они почерпать силу и свѣтъ, толико имъ нужныя. И сія сила и свѣтъ проліются имъ обильно: ибо пользы царствъ ихъ будутъ тогда пользами самого царствія Христова.

2) *Если не будутъ они соблазняться клеветами и нарѣканіями*, коимъ съ сего времени болѣе, нежели когда либо, всѣ дѣла ихъ будутъ подвержены. Съ сего времени они твердо должны помнить и часто повторять, *что нѣсть брань ихъ къ крови и къ плоти, но къ началомъ, и ко властемъ, и къ міродержателемъ тьмы вѣка сего, къ духовомъ злобы поднебеснымъ*.

3) *Если будутъ они остерегаться другаго врага, еще опаснѣйшаго: собственной мудрости*. Нѣтъ сомнѣнія, что Тотъ, предъ Коимъ они столь торжественно повергли вѣнцы свои, увѣнчаетъ совѣты и дѣла ихъ великими успѣхами. Люди будутъ превозносить ихъ мудрость и добродѣтель, а здѣсь-то и начало идолопоклонства, въ которое могутъ они впасть сами и ввергнуть своихъ подданныхъ. Смиреніе и самоотверженіе суть печать, которую они должны прилагать ко всѣмъ ихъ дѣламъ и мыслямъ, чтобъ врагъ ихъ не обезобразилъ.

Когда тако будутъ они ходить предъ Богомъ: тогда союзъ ихъ скоро воспріиметъ силы неожидаемыя и окажетъ дѣйствія неимовѣрныя.

Не дерзая предварять внушеній собственной ихъ благодати, не излишнимъ признается здѣсь означить нѣкоторые предметы, на кои въ нашемъ отечествѣ прежде другихъ можно бы было обратить вниманіе:

1) Всѣ благомыслящіе люди давно уже признавали составъ такъ называемаго у насъ народнаго просвѣщенія весьма недостаточнымъ. При внутреннемъ свѣтѣ, озаряющемъ душу Государя, Его Величество нынѣ яснѣе еще, нежели прежде, узритъ сіи недостатки. Если правила обществен-

наго порядка должны быть почерпаемы изъ ученія Христова, то кольми паче правила воспитанія. Въ государствахъ, гдѣ ученые предразсудки укоренились вѣками, можетъ быть труднѣе преобразовать сію часть, нежели у насъ,—гдѣ, по счастью, она не имѣетъ еще ничего твердаго и неприступнаго. Между тѣмъ

2) весьма было бы полезно сколь можно болѣе сѣять сѣмя слова Божія, не смотря гдѣ и на какую землю оно падаетъ. Сверхъ Библіи, яко главной силы питательной, можно было бы издавать небольшія отборныя сочиненія, подобныя тѣмъ, какія издаются въ Англіи отъ извѣстнаго общества и изъ коихъ нѣкоторыя съ успѣхомъ переведены уже и на русскій языкъ, но, къ сожалѣнію, весьма мало извѣстны въ провинціяхъ, а тамъ-то можетъ они были бы и плодовитѣе. Журналъ, посвященный сему предмету (и уже возвѣщенный) можетъ также принести великую пользу (*). Но въ Россіи главное дѣло устроить мѣры распространенія сихъ книгъ: ибо большая часть затрудненій происходитъ отъ нашихъ разстояній и недостатка сообщеній (**).

3) законы уголовные въ Россіи довольно умѣренны; но полиція сихъ законовъ весьма жестока: подъ симъ разумѣется образъ содержанія колодниковъ, устройство темничное, смѣшеніе людей подозрѣваемыхъ, обвиняемыхъ и обвиненныхъ, сліяніе разныхъ степеней самого преступленія, поведеніе низшихъ правительствъ съ преступниками, уже наказанными и долгъ свой правосудію уже заплатившими. наипаче же совершенное пренебреженіе и отчужденіе Христіанскихъ утѣшеній (*) въ такомъ состояніи и въ такія минуты, когда, изринутые человѣческими законами. люди сіи скорѣе другихъ могли бы отверзть сердца свои покаянію и, слѣдовательно, всѣмъ дарамъ благодати и, можетъ быть, скорѣе и лучше многихъ другихъ воспріять Того, Который призванъ не праведникамъ, но грѣшникамъ ко спасенію. Кто можетъ съ достовѣрностію утвердить, чтобъ въ числѣ сихъ осужденныхъ не было и невинныхъ, а это сущіе братіе Христовы: „Елика сотвористе единому отъ сихъ братій Моихъ меньшихъ, Мнѣ сотвористе". Много есть учрежденій важнѣйшихъ, нежели сіе, но трудно найти другое, болѣе нужное и съ духомъ любви Евангельской болѣе сообразное.

4) Уравнительное распредѣленіе государственныхъ податей и тяжестей требуетъ также скораго разсмотрѣнія. Здѣсь корень большей части злоупотребленій. Тщетно будутъ искать его въ одномъ свойствѣ управляющихъ лицъ, хотя и въ нихъ не безъ грѣха. Здѣсь не время распространяться о семъ подробно; но нельзя умолчать, что есть подати, коихъ и простая языческая нравственность едвали бы потерпѣла. Таковы суть винные от-

(*) Можетъ быть не безъ успѣха можно бы пользоваться подобнымъ журналомъ, въ Англіи издаваемымъ, подъ именемъ: The Bible Magazine and theological review. *Примѣч. Сперанскаго.*

(**) Для чего бы, напримѣръ, не дать въ почтовыхъ конторахъ предписаній принимать требованія на сіи книги и ихъ выписывать? *Примѣч. Сперанскаго.*

(*) Нигдѣ почти у насъ нѣтъ въ темницахъ ни церкви, ни службы, ни молитвъ, и никогда утѣшительный гласъ вѣры не раздавался въ сихъ пещерахъ плача, порока и страданія, кромѣ развѣ при послѣднихъ минутахъ жизни, да и то весьма небрежно. *Примѣч. Сперанскаго.*

купы. Изъ всѣхъ софизмъ самая нелѣпая есть та, что замѣнить ихъ нечѣмъ.

Предметы, здѣсь означенные, не суть, конечно, самые высшіе; но они встрѣчаются первые при начальномъ обозрѣніи. Впрочемъ благодать Господа нашего Іисуса Христа одна можетъ наставить и указать, когда и какими удобнѣйшими средствами дѣла Ему угодныя могутъ быть совершаемы и начинаемы.

Въ сельцѣ Великопольѣ.
6 Января 1816 г.

Письмо къ Цейеру отъ 11-го января 1816.

Ma lettre est partie Jeudi passé, le 6. Le livre qui y est annéxé est une traduction russe d'un ouvrage allemand dont l'auteur m'est absolument inconnu. Je le suppose assez vieux, puisque notre édition est de 1784. C'est une sorte d'instruction, en forme de lettre adressée à tous les Souverains de l'Europe. Il les engage à faire un pacte d'union, afin d'avancer le règne de J. C.; il leur montre les moyens, prédit l'événement, en trace le caractère et l'influence sur les gouvernements, sur les mœurs et sur tous le rapports civils et politiques. Longtemps ce livre a fait le fond de mes rêveries sur la perfectibilité des gouvernements et sur l'application de la doctrine de notre Seigneur aux affaires publiques. Je conviens cependant, que je croyais l'époque de cette application bien éloignée; aussi n'ai je pas ouvert ce petit livre de cinq ou six ans. A la lecture de ce Manifeste, toutes ces idées se retracèrent dans mon esprit, et avec tant de vivacité, que je courus vite consulter mon visionnaire et le trouvant encore plus précis que je ne pensais, je me crus dès-lors obligé d'en faire l'usage que je fis. J'ai ajouté à ma lettre, en forme de mémoire, quelques réfléxions de la même teneur, en me restreignant à la règle que je m'étais faite de ne pas parler de moi. Il me semble que mon intention pour cette fois-ci était simple et pure. Le reste n'est pas à moi.

Т. е. Письмо мое отправилось въ прошлый четвергъ, 6-го. Приложенная къ нему книга есть русскій переводъ одного нѣмецкаго сочиненія, котораго авторъ мнѣ совершенно неизвѣстенъ, но долженъ, я полагаю, быть довольно старъ, такъ какъ и находящееся въ моихъ рукахъ изданіе напечатано еще въ 1784 году. Это родъ наставленія, въ видѣ письма, обращеннаго ко всѣмъ Монархамъ Европы. Оно приглашаетъ ихъ къ заключенію союза, съ цѣлью приблизить царствіе Спасителя, исчисляетъ средства, предсказываетъ совершеніе, обрисовываетъ его характеръ и вліяніе на правительства, на нравы и на всѣ соотношенія гражданскія и политическія. Уже давно эта книга пробуждала во мнѣ мечтанія о возможномъ усовершенствованіи правительствъ и о приложеніи ученія Богочеловѣка къ дѣламъ общественнымъ. Сознаюсь однако, что эпоха такого приложенія представлялась мнѣ еще всегда отдаленною, такъ что я уже лѣтъ пять или шесть какъ не раскрывалъ моей книжки. При чтеніи настоящаго Манифеста всѣ эти мысли опять возобновились въ моемъ умѣ и съ такою силою, что я поспѣшилъ снова обратиться къ моему прорицателю и, найдя въ немъ еще болѣе точности нежели прежде, рѣшился дать ему извѣстное вамъ назначеніе. Къ письму моему я приложилъ нѣсколько собственныхъ размышленій того же содержанія, строго впрочемъ держась правила — не говорить о самомъ себѣ. Кажется, что намѣреніе мое въ этомъ случаѣ было просто и чисто. Остальное не въ моихъ рукахъ.

IV.

Къ стр. 223-й тома II-го.

Знаменитый въ свое время Джонъ Кохрэнъ въ напечатанномъ (на англійскомъ языкѣ) описаніи своего мнимо-пѣшеходнаго путешествія, утверждалъ что онъ, въ продолженіе странствованія по Си-

бири, переписывался съ Сперанскимъ и, по временамъ, давалъ ему отчетъ въ своихъ поѣздкахъ. Это, кажется, было только маленькимъ хвастовствомъ съ его стороны: по крайней мѣрѣ между бумагами Сперанскаго не сохранилось никакихъ слѣдовъ такой переписки. Кн. (тогда еще графъ) Кочубей, видѣвшій передъ тѣмъ Кохрэна въ Петербургѣ, былъ о немъ такого же мнѣнія, какъ и Сперанскій (см. во II томѣ нашей книги, стр. 224) и сверхъ того подозрѣвалъ въ немъ нѣчто въ родѣ тайнаго политическаго агента. 8-го ноября 1820 онъ писалъ Сибирскому генералъ-губернатору:

„Я получилъ отъ *сумасшедшаго* Кохрэна два письма. Таковымъ называю его при всемъ умѣ его, ибо ничто не можетъ быть вѣтреннѣе его путешествія. Онъ ни о чемъ, до Россіи относящемся, и понятія не имѣлъ и какъ вы удостовѣрились, о Сибирской географіи еще менѣе что либо зналъ. Я надѣюсь, что вы приказали, однако жъ, имѣть за нимъ нѣкоторое наблюденіе. Господа англичане не безъ зависти смотрятъ на наши заведенія на американскихъ берегахъ и приписываютъ имъ болѣе важности, нежели доселѣ они того заслуживаютъ; а Кохрэнъ можетъ весьма легко сопричисленъ быть къ тѣмъ почетнымъ бродягахъ, коими Англія изобилуетъ и отличающимся подъ общимъ названіемъ *adventurers*.“

ПИСЬМА И ЗАПИСКИ Н. М. КАРАМЗИНА КЪ Е. Ѳ. МУРАВЬЕВОЙ.

Эти письма и записки обязательно доставлены намъ М. А. Бибиковымъ. Печатаемъ ихъ, какъ памятникъ письменныхъ сношеній между достойнѣйшими людьми прошедшаго и нашего вѣка. Знаменитая политическими и другими несчастіями родной семьи своей, Екатерина Ѳедоровна Муравьева (урожденная баронесса Колокольцова), въ то время, когда писаны эти письма, жила въ Петербургѣ съ двумя сыновьями, Никитою и Александромъ, вдовою послѣ извѣстнаго писателя и царскаго наставника, Михаила Никитича Муравьева. Извѣстно, что сему послѣднему Карамзинъ обязанъ былъ исходатайствованіемъ исторіографскаго званія (см. его письма къ Муравьеву въ Москвит. (1845, № 1). Онъ помнилъ эту услугу, и воспользовался случаемъ заплатить долгъ благодарнаго сердца. По смерти Муравьева, когда вдова его задумала издать собраніе его сочиненій, Карамзинъ, не смотря на множество занятій по сочиненію исторіи, принялъ на себя трудъ печатанія сочиненій, Муравьева. Въ Чертковской библіотеки хранится корректурный экземпляръ оныхъ, со многими исправленіями въ слогѣ, сдѣланными Карамзинымъ, весьми любопытными, такъ что, эта книга представляетъ собою наглядно два слога, XVIII и XIX столѣтій. Въ 1816 году, когда Карамзинъ пріѣхалъ въ Петербургъ для представленія Исторіи Государю, Е. Ѳ. Муравьева отвела ему помѣщеніе въ своемъ домѣ. Благодарностью за это гостепріимство и начинаются нижеслѣдующія письма. П. Б.

1.

Москва, 29 Марта 1816 г.

Почтеннѣйшая и любезнѣйшая Катерина Ѳедоровна! Послѣднимъ словомъ моимъ въ Петербургѣ было изъявленіе мое сердечной къ вамъ благодарности, и первымъ въ Москвѣ да будетъ тоже! Ваша милость и дружба составляютъ одно изъ главныхъ благъ моей жизни. Зная чистоту вашей души, радуюсь вашею любовію, которая даетъ болѣе достоинства моему нравственному существу.—Съ нѣжностію цѣлую вашу руку.

Я счастливъ свиданіемъ съ милымъ семействомъ, но сынъ Андрей не здоровъ: это безпокоитъ меня, хоть и не вижу еще опасности. У него идутъ, кажется, зубы; а можетъ быть есть и простуда. Помолитесь за насъ: мы же будемъ за васъ молиться.

Дай Богъ, что къ концѣ Мая мы увидѣлись или въ Царскомъ Селѣ или въ Петербургѣ, благополучно! Хорошо жить въ одномъ мѣстѣ съ вами.

Обнимаю молодыхъ друзей моихъ, любезнаго Никиту Михайловича и ве-

селаго братца его; всѣмъ, кто ѣздитъ въ вашъ благословенной домъ и вспомнитъ обо мнѣ, отъ добраго сердца кланяюсь.

Простите, почтеннѣйшая Катерина Ѳедоровна. Я еще не совсѣмъ отдохнулъ отъ худой дороги; но если Богъ сохранитъ мое остальное семейство, то я готовъ веселиться и прыгать.

Любите насъ всегда, какъ мы васъ любить будемъ. Богъ съ вами и съ ними! Душею преданный вамъ на вѣки Н. Карамзинъ.

2.

Царское Село, 22 Іюля 1817 г.

Беремъ сердечное участіе въ вашихъ заботахъ, почтеннѣйшая Екатерина Ѳедоровна. Знаемъ, что вамъ не легко будетъ разстаться съ любезнымъ Никитою Михайловичемъ и на короткое время. Дай Богъ, чтобы онъ возвратился къ вамъ благополучно.

Въ разсужденіи дома, мы уже не думаемъ о перемѣнѣ: остаемся у Баженовой. Состояніе Катерины Андр. не дозволяло мнѣ ѣздить въ городъ, чтобы искать удобнѣйшаго дома; а между тѣмъ срокъ приближился, и намъ должно было рѣшиться.

Жена все еще не родила: жду этой минуты съ безпокойствомъ и съ надеждою на милость Божію.

Цѣлую вашу ручку съ почтеніемъ и съ любовію. Жена и дѣти мои увѣряютъ васъ въ томъ же искреннемъ къ вамъ чувствѣ. Богъ съ вами и съ нами! Навѣки преданный вамъ Н. Карамзинъ.

3.

Какъ намъ грустно, что мы такъ давно не видали васъ, любезнѣйшая и почтеннѣйшая Катерина Ѳедоровна! Жена моя всякую минуту ждется родить: отъ того не могу оставить ее; иначе былъ бы у васъ. — А. И. Тургеневъ сказывалъ мнѣ, что вы желали бы отдать намъ вашъ верхній этажъ; это было бы для насъ прекрасно, но боюсь вашей излишней *деликатности*. Съ 1-го Авг. намъ должно или переѣхать въ другой домъ или остаться въ занимаемомъ нами. Мы платимъ 4000 руб.; можемъ дать и болѣе. Скажите слово, но ради Бога безъ малѣйшаго принужденія. Цѣлую вашу ручку, душею и сердцемъ преданный вамъ. Н. Карамзинъ.

(1818 г.)

На этой запискѣ не означено времени, но она должна быть писана въ 1818 г. такъ какъ осенью этого года Карамзинъ поселился въ домѣ Е. Ѳ. Муравьевой, у Аничкова моста. (Письма Карамзина къ Дмитріеву, Спб. 1866, стр. 246).

4.

Царское Село, 27 Іюня 1819 г.

Любезнѣйшая и почтеннѣйшая Катерина Ѳедоровна! Напрасно ждали мы отъ васъ письма изъ Москвы: вы не хотѣли написать къ намъ ни строки, и это намъ очень грустно, тѣмъ болѣе, что мы въ своей уединенной жизни ничего объ васъ не слышимъ. Богъ далъ намъ сына Владиміра. Катерина Андр. оправляется, но какъ-то медленно, и теперь все еще слаба, хотя и начинаетъ бродить по саду. Все еще надѣемся, что вы хотя изъ Нижняго дадите намъ добрую вѣсть о вашемъ здоровьѣ. Время, кажется, хорошо для путешествующихъ. Я давно не помню такого прекраснаго лѣта. Мы живемъ въ единообразіи, а вы безпрестанно видите новые предметы. Намъ покойнѣе, а вамъ веселѣе. Ниж-

ній съ своею блестящею ярморкою представится вашимъ глазамъ не въ томъ видѣ, въ какомъ мы его въ 1812 году видѣли. Всего болѣе желаемъ вамъ здоровья; сто разъ цѣлую вашу ручку. обнимаю любезныхъ братьевъ, Никиту и Александра Михайловичей. Усердно кланяюсь г. Гедике. Когда ждать васъ назадъ? въ Октябрѣ? Какъ еще долго! Навѣки вашъ Карамзинъ.

5.

Царское Село, 14 Іюня 1820 г.

Здравствуйте, любезнѣйшая и почтеннѣйшая Катерина Өедоровна. Мы думали нынѣшній день ѣхать въ городъ, слѣдственно и къ вамъ; но остаемся дома отъ того, что чувствую себѣ не совсѣмъ здоровымъ. Пишу къ вамъ съ А. И. Тургеневымъ.

Книги Государю я отдалъ. Онъ говорилъ о незабвенномъ Михайлѣ Никитичѣ съ истиннымъ чувствомъ; сказалъ, что знаетъ достоинства Никиты Михайловича, его умъ, свѣдѣнія, ревность къ добру и къ чести; что радъ снова открыть ему путь по службѣ, когда Никита Михайловичъ пожелаетъ того. Это отъ слова до слова. Я былъ совершенно доволенъ отзывомъ.

На той недѣлѣ авось явимся у васъ. Цѣлую вашу ручку, обнимаю любезныхъ Никиту Михайловича и Александра Михайловича. Навѣки преданный вамъ Н. Карамзинъ.

6.

Царское Село, 5 Сент. 1821.

Сердечно благодаримъ васъ, почтеннѣйшая и любезнѣйшая Катерина Өедоровна, за ваше дружеское поздравленіе. Это былъ для насъ имянинной *сюрпризъ:* мы болѣе удивились, нежели обрадовались.

Передъ отъѣздомъ Имянинника я напомнилъ ему о нашемъ любезномъ Никитѣ Михайловичѣ, и даже опять упомянулъ объ немъ въ письмѣ 1 Сент. Отчего это длится, не знаю: не отъ начальника ли? Увидимъ.

Мы, слава Богу! здоровы, но безпокоились о Лизѣ: ея кормилица занемогла.

Нѣжно цѣлую вашу ручку, обнимаю любезнаго Никиту Михайловича. Жена и дочери у обѣдни. Богъ съ вами и съ нами! Навѣки преданный вамъ Н. Карамзинъ.

7.

Царское Село, 14 Сент. 1821.

Почтеннѣйшая и любезнѣйшая Катерина Өедоровна! Отъ всего сердца поздравляемъ васъ и любезнаго Никиту Михайловича со днемъ его Ангела, желая дорогому имяниннику всего, чего себѣ желаемъ.

Отдано ли въ приказѣ? Увѣдомьте насъ, когда вы переѣдете въ городъ: мы тотчасъ отправимся къ вамъ въ гости, если не ночевать, то обѣдать.

Повторяю просьбу, чтобы вы приказали на счетъ нашъ нанять работника и вставить двойныя окончины въ нашихъ комнатахъ хорошенько. Цѣлую вашу ручку. Душею вамъ преданный Н. Карамзинъ.

8.

Ц. С. 7 Окт. 1821.

Любезнѣйшая и почтеннѣйшая Катерина Өедоровна! Всею душею раздѣляемъ ваши чувства: радуемся, что любезный Никита Михайловичъ снова

въ службѣ, и грустимъ, что вы съ нимъ должны разстаться! Дай Богъ, чтобы не надолго, и съ пользою для его службы! Самъ Государь сказалъ мнѣ о вашемъ къ нему письмѣ, прибавивъ къ тому весьма хорошее слово о достоинствѣ Никиты Михайловича, который, надѣюсь, не уѣдетъ до нашего переѣзда въ городъ. Думаемъ скоро послѣ 20-го Октября быть подъ вашимъ кровомъ. Мы, слава Богу! здоровы. Всѣ мои свидѣтельствуютъ вамъ свою любовь и почтеніе, а я съ нѣжностію цѣлую вашу ручку. Навѣки преданный вамъ Н. Карамзинъ.

9.

Царское Село, 28 Іюля 1822.

Почтеннѣйшая и любезнѣйшая Катерина Ѳедоровна! Вы и мы были въ Петергофѣ, а не съѣхались. Графъ Каподистріа помѣшалъ и моей бесѣдѣ съ любезнымъ Никитою Михайловичемъ, къ моему сердечному сожалѣнію. Мы собирались къ вамъ, но теперь думаемъ отложить до 19 Августа, чтобы праздновать у васъ любезные имянины. Позволите ли пріѣхать намъ и съ сыновьями? то есть, можете ли помѣстить всѣхъ насъ дня на два въ вашемъ обновленномъ домѣ! Думаю завтра, если не будетъ дождя, съѣздить часа на три въ городъ для свиданія съ Иван. Иван. Дмитріевымъ. Полагаю, что вы еще въ Петергофѣ, и не имѣю надежды видѣть васъ; послѣ засухи льютъ дожди, такъ что грустно. Впрочемъ мы здоровы, слава Богу, и живемъ въ тишинѣ; мало дѣлаемъ, но много читаемъ. Въ Петергофѣ всего пріятнѣе была прогулка въ шлюпкѣ по морю, а прекрасной иллюминаціи мы почти не видали. Цѣлую вашу ручку, обнимая вашихъ милыхъ, и свидѣтельствую мое душевное почтеніе Александрѣ Николаевнѣ (*). Катерина Андр. будетъ писать къ вамъ завтра. Навѣки преданный вамъ Н. Карамзинъ.

10.

Всѣмъ семействомъ поздравляемъ милаго имянинника, васъ, почтеннѣйшая Катерина Ѳедоровна и любезнаго Никиту Михайловича. Всего, что можетъ назваться добромъ въ здѣшнемъ свѣтѣ, сердечно желаемъ ему и вамъ. Будемъ пить за его здоровье, жалѣя, что не въ вашемъ присутствіи. Благодаримъ за дружеское угощеніе и за прекрасную прогулку, о которой еще съ удовольствіемъ воспоминаю. Мы, слава Богу! здоровы. Авось еще побываемъ у васъ въ гостяхъ, если осень будетъ также хороша, какъ лѣто. Цѣлую вашу ручку, обнимаю вашихъ милыхъ. Навѣки вашъ Н. Карамзинъ.

Царское Село, 28 Авг. 1822.

11.

Царское Село, 26 Сент. 1822.

Почтеннѣйшая и любезнѣйшая Катерина Ѳедоровна! Еще ли вы за городомъ, или уже въ городѣ? И мы помышляемъ о вашемъ городскомъ кровѣ. Сдѣлайте милость, узнайте, вставлены ли у насъ двойныя окончины нашими платерами, которымъ я послалъ за то и деньги? Да еще просимъ сдѣлать второе одолженіе, приказать, чтобы въ людскихъ комнатахъ задѣ-

(*) Батюшковой, сестрѣ поэта, которая гостила у Е. Ѳ. Муравьевой?

лали щель надъ дверью, въ которую очень несетъ. Здоровы ли вы съ вашими милыми? У насъ все хорошо, слава Богу! Нѣжно цѣлую вашу ручку, обнимая любезныхъ Никиту Михайловича и Александра Михайловича. Навѣки душею и сердцемъ преданный вамъ Н. Карамзинъ.

Если принесутъ на мое имя цибикъ чаю, то прикажите дворецкому взять его.

12.

Царское Село, 13 Авг. 1823 г.

Любезнѣйшая и почтеннѣйшая Катерина Ѳедоровна! Мы наняли извѣстный вамъ домъ купца Мижуева на Моховой. Я долженъ самъ пріѣхать, чтобы перенести туда книги и фортепіано; но скоро быть не могу, будучи въ грусти и безпокойствѣ о дѣтяхъ. Между тѣмъ можно отослать туда наши не важныя мёбели и адресоваться къ прикащику хозяина, который отопретъ комнаты и укажетъ, гдѣ что поставить: для чего прошу васъ приказать вашему управителю нанять на нашъ щетъ трехъ или четырехъ носильщиковъ и посмотрѣть за ними, чтобы все было цѣло.—Всѣ мои свидѣтельствуютъ вамъ и вашимъ, вмѣстѣ со мною, свое дружеское почтеніе. А мы живемъ теперь въ совершенномъ уединеніи, ибо всѣ насъ бѣгаютъ какъ чумныхъ, боясь коклюша нашихъ дѣтей. Нѣжно цѣлую вашу ручку. Навѣки душею преданный вамъ Н. Карамзинъ.

13.

Почтеннѣйшая и любезнѣйшая Катерина Ѳедоровна! Всѣмъ семействомъ усердно васъ поздравляемъ съ завтрашнимъ праздникомъ, столь любезнымъ для вашего сердца нѣжнаго; поздравляемъ почтеннаго Никиту Михайловича, милостивую государыню Александру Григорьевну (*) и Александра Михайловича; желаю, чтобы вы весело провели не только этотъ день, но и весь годъ. Если бы не болѣзнь дѣтей, которая насъ очень безпокоитъ, особливо Андрюшина, то мы поздравили бы васъ лично; будьте всѣ здоровы со всѣми вашими милыми. Цѣлую вашу ручку. Навѣки преданный вамъ Н. Карамзинъ.

Царское Село,
18 Авг. 1823.

14.

Царское Село, 6 Сент. 1823 г.

Любезнѣйшая и почтеннѣйшая Катерина Ѳедоровна! Давно не имѣемъ объ васъ извѣстія: надѣемся, что вы здоровы и благополучны со всѣмъ милымъ семействомъ. Мы все еще слышимъ жестокій кашель нашихъ дѣтей и все еще безпокоимся, хотя, слава Богу! и менѣе прежняго.

Не имѣя охоты отъ больныхъ ѣхать въ городъ, и боясь, чтобы мои книги не мѣшали отдѣлкѣ вашихъ комнатъ, прошу васъ приказать, чтобы ихъ вынули изъ шкаповъ и въ какихъ нибудь коробахъ или въ рогожахъ перенесли въ новую нашу квартиру, вмѣстѣ съ фортепіано; но какъ это нужно сдѣлать бережно, то я пишу къ А. И. Тургеневу, чтобы онъ далъ, для сей операціи, своего чиновника надежнаго, который бы далъ себѣ

(*) Супругу Никиты Михаиловича Муравьева, урожд. графиню Чернышеву.

трудъ за всѣмъ посмотрѣть, положилъ бы книги въ той комнатѣ, пятой отъ входа, гдѣ будетъ мой кабинетъ, и закрылъ бы ихъ на полу рогожами; впрочемъ даю вамъ и Александру Ивановичу carte blanche: сдѣлайте милость, устройте такъ, чтобы книги были цѣлы, ибо нѣкоторыя изъ нихъ казенныя, императрицины, рѣдкія и проч. Надобно также для переноски выбрать не дождливый день. Утруждаю васъ этою просьбою въ надеждѣ на вашу дружескую къ намъ милость. Нѣжно цѣлую вашу ручку, свидѣтельствуя душевное почтеніе всѣмъ вашимъ. Навѣкп преданный вамъ Н. Карамзинъ.

Когда перенесутъ книги и всѣ наши вещи къ Мижуеву, то ихъ запереть и отдать ключи его прикащику.

15.

Почтеннѣйшая и любезнѣйшая Катерина Ѳедоровна! Отъ всего сердца и всѣмъ семействомъ поздравляемъ васъ со днемъ вашего рожденія. Намъ грустно, что не будемъ праздновать его съ вами: мы не можемъ переѣхать въ городъ прежде 10-го Ноября. Лишенные великаго удовольствія жить подъ вашимъ кровомъ, желаемъ замѣнить его частыми свиданіями съ вами; по крайней мѣрѣ остаемся вашими сосѣдями. Дѣти наши, слава Богу! уже не мучатъ насъ своимъ кашлемъ. Дай Богъ, чтобы мы всѣхъ васъ нашли совершенно здоровыми. Свидѣтельствуемъ душевное почтеніе милостивой государынѣ Александрѣ Григорьевнѣ. Мысленно обнимаю любезныхъ Никиту Михайловича и Александра Михайловича. Навѣки преданный вамъ Н. Карамзинъ.

Царское Село,
1 Ноября 1823 г.

16.

Любезнѣйшая и почтеннѣйшая Катерина Ѳедоровна! Мы объ васъ безпокоились: не испугало ли васъ страшное наводненіе? Здоровы ли вы со всѣми вашими? Мы не рады тому, что Богъ не далъ намъ видѣть этого общаго бѣдствія. Нездоровье мое задержало насъ въ Царскомъ Селѣ. Надѣемся переѣхать къ вамъ въ Субботу и найти васъ всѣхъ въ добромъ здоровьѣ. Между тѣмъ цѣлую вашу ручку. Душею и сердцемъ вамъ преданный Н. Карамзинъ.

Получили ли вы наше письмо 1-го Ноября?

(Ноябрь 1824. Ц. Село.)

17.

Царское Село, 19 Авг. 1825.

Любезнѣйшая и почтеннѣйшая Катерина Ѳедоровна! Всѣмъ семействомъ поздравляемъ васъ со днемъ рожденія любезнаго Никиты Михайловича; поздравляемъ и всѣхъ вашихъ, начиная съ него самаго. Будьте всѣ здоровы, спокойны и веселы! Какъ жаль, что мы лично не празднуемъ съ вами! Я все хилѣю, и дней шесть былъ опять очень нездоровъ. Дайте намъ о себѣ вѣсть. Уже нѣтъ Тургенева, черезъ котораго мы знали все, что́ у васъ дѣлается! Теперь живемъ въ глуши. Не лѣнитесь ли? дѣлаете ли движеніе? Между тѣмъ цѣлую вашу ручку съ нѣжностію. Богъ съ вами и съ нами! Навѣки вамъ преданный Н. Карамзинъ.

ОТГОЛОСОКЪ КАРАМЗИНСКАГО ЮБИЛЕЯ ВЪ ПАРИЖѢ.

Karamzine. Lettres d'un voyageur Russe en France, en Allemagne et en Suisse (1789—1790). Traduites du Russe; accompagnées de notes et d'une notice biographique sur l'auteur. Paris. Emile Mellier. 1867, in-18. XXIV et 364 pages.

Юбилей Карамзина былъ праздникомъ всѣхъ просвѣщенныхъ Русскихъ людей, гдѣ бы они ни находились въ то время, когда онъ торжествовался. Лучшимъ доказательствомъ тому служитъ книга, заглавіе которой сейчасъ выписано и изданная въ Парижѣ къ дню 1 Декабря 1866 года. Этотъ переводъ избранныхъ „Писемъ Русскаго путешественника„ сдѣланъ извѣстнымъ нашимъ ученымъ В. С. Порошинымъ, проживающимъ близъ Парижа, и имъ же составлено біографическое извѣстіе о Карамзинѣ.

Переводчикъ сдѣлалъ чрезвычайно удачный выборъ изъ сочиненій Карамзина, когда рѣшился перевести именно его заграничныя письма. Едва ли могло другое произведеніе славнаго нашего писателя болѣе заинтересовать иностранныхъ читателей, нежели эти живыя, до сихъ поръ увлекательныя страницы, на которыхъ такъ живописно высказались впечатлѣнія, произведенныя на него природой, такъ ярко отразились чувства и мысли, порожденныя въ немъ нравами чуждыхъ странъ, знакомствомъ съ знаменитыми людьми и созерцаніемъ событій въ эпоху, о которой никогда не наговоришься и не наслушаешься.

Г. Порошинъ перевелъ и напечаталъ лишь нѣкоторыя письма Карамзина, именно такія, которыя по достоинству и особенно по содержанію своему могутъ наиболѣе заинтересовать иностранцевъ. Такъ какъ книга его издана во Франціи, то естественнымъ образомъ значительная часть ея занята письмами изъ Парижа. Мы не сомнѣваемся, что Французы прочтутъ съ любопытствомъ и удовольствіемъ выраженіе впечатлѣній и взглядовъ, порожденныхъ въ молодомъ Русскомъ путникѣ Парижемъ въ началѣ революціи. Современныя свидѣтельства объ этой эпохѣ ловятся во Франціи съ жадностію въ наше страстное до изслѣдованій время. Особенно занимательны будутъ поэтому разсказы о ней Русскаго; такихъ оригинальныхъ документовъ не много. Подлинность и правдивость показаній Карамзина удостовѣряется г. Порошинымъ для иностранной публики въ примѣчаніяхъ, приложенныхъ имъ къ тексту. Въ нихъ выставлены справки, точно указывающія на самые дни, когда происходило то, что̀ описываетъ Карамзинъ, напр. новый дебютъ Ларива въ „Эдипѣ“, представленія „Сида“ и „Медеи“ или „Монастыря“ и „Петра Великаго“, и т. п. Все это придаетъ письмамъ Карамзина, колоритъ достовѣрности, важный для иностранцевъ.

Кромѣ этого г. Порошинъ помѣстилъ въ своихъ примѣчаніяхъ много извѣстій о прошедшей и позднѣйшей судьбѣ людей, зданій и пр., видѣнныхъ Карамзинымъ, характеристики знаменитѣйшихъ лицъ, которыхъ онъ посѣтилъ и т. п. Словомъ сказать переводчикъ обставилъ часть писемъ Карамзина на французскомъ языкѣ тѣми условіями, которыя блистаютъ, къ стыду нашему, своимъ отсутствіемъ во всѣхъ изданіяхъ оригинала одной изъ превосходнѣйшихъ и любопытнѣйшихъ книгъ, когда либо писанныхъ на Русскомъ языкѣ.

Во введеніи, предпосланномъ тексту, переводчикъ очень рельефно выставилъ литературныя и моральныя достоинства „Писемъ Русскаго путешественника“ и заслуги писавшаго ихъ. Въ заключеніи этого введенія онъ весьма справедливо выставляетъ характеристическую черту Карамзина, состоящую въ томъ, что онъ первый изъ соотечественниковъ своихъ былъ провозвѣстникомъ реакціи противъ грубости или равнодушія ихъ къ физическому и нравственному злу, уменьшать которое по возможности есть долгъ человѣка, такъ что содѣйствовать укорененію такого убѣжденія, подобно Ка-

рамзину, есть служба, сослуженная всему человѣчеству.

Извѣстно, какъ усвоилъ себѣ г. Порошинъ французскій языкъ. Поэтому мы и не станемъ распространяться о достоинствахъ его перевода, которому конечно отдадутъ справедливость знатоки дѣла. Ко всему сказанному прибавимъ, что изданіе его книги не только изящно, но и роскошно.

Мы не можемъ кончить нашей статьи, не выразивши отраднаго чувства, которое производитъ появленіе книги г. Порошина и раздѣляется конечно всѣми истинно Русскими. Намъ дорогà такая заботливость о томъ, чтобы познакомить просвѣщенныхъ иностранцевъ съ избранными произведеніями глубоко чтимаго и горячо любимаго отечественнаго писателя. Намъ любезно это стремленіе Русскаго—и на чужбинѣ присоединяться мыслію и дѣломъ къ общему Русскому торжеству, особенно когда оно посвящено драгоцѣнной памяти славнаго дѣятеля на поприщѣ цивилизаціи и добра.

Михаилъ Лонгиновъ.

Москва.
7 Февраля 1867.

ДЛЯ БІОГРАФІИ ГЕРЦОГА БИРОНА.

I.

УКАЗЪ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ I-Й ТАЙНОМУ СОВѢТНИКУ БЕСТУЖЕВУ О БИРОНѢ.

Немедленно отправь въ Бреславль оберъ-камеръ-юнкера Бирона или другова, который бы зналъ силу въ лошадяхъ и охотникъ къ тому былъ и доброй человѣкъ, для смотрѣнія и покупки лошадей, которыхъ для насъ сыскалъ князь Василій Долгорукой въ Бреславлѣ.

II.

ПИСЬМО ОБЕРЪ-КАММЕРГЕРА БИРОНА КЪ КАММЕРГЕРУ КНЯЗЮ АЛЕКСАНДРУ ЧЕРКАССКОМУ.

Сіятельный князь и благородный господинъ камер-геръ. Ея императорское величество указала, чтобъ вы во всѣ деревни послали указы, дабы половина надлежащаго отъ нихъ сѣна была къ отдачѣ во всякой готовности: понеже ея величество уповаетъ, что изъ Нѣмецкихъ краевъ нѣсколько лошадей приведено будетъ въ Митаву въ скоромъ времени, которымъ надобно тамо нѣкоторое время для отдыху пробыть и ваше сіятельство того ради по оному ея величества указу извольте помянутую сѣна надлежащую со всѣхъ деревень половину всю сполна отобрать и беречь его въ удобныхъ мѣстахъ; а какъ будете извѣстны, что тѣ лошади будутъ не въ дальной отъ Митавы дистанціи, о томъ сюда немедленно извольте репортовать. Впрочемъ остаюсь вашего сіятельства доброжелательный.

E. I. G. Biron.

P. S. А помянутыя лошади будутъ Гишпанскія, а не тѣ, которыя подъ лейбъ-гвардію конной полкъ куплены.

Въ Москвѣ, Авг. 26 дня 1731 году.

(Подлинникъ за собственноручнымъ подписомъ Бирона хранится въ Моск. Главн: Архивѣ М. И. Д. между Курляндскихъ дѣлъ).

III.

ПИСЬМО БИРОНА КЪ ГР. А. П. БЕСТУЖЕВУ-РЮМИНУ

изъ ярославля отъ 16 Іюня 1743 года.

Во всемъ моемъ несчастіи съ самого отъѣзду изъ Шлюссельбурга я отъ тяжкихъ болѣзней освобожденъ былъ, но тому 18 дней, какъ тяжкая болѣзнь у меня оказалась, которой уже я въ 38 году болѣнъ былъ; однакожь какъ меня тогдашній архіатеръ Фишеръ и докторъ Лестеніо нѣсколько недѣль полѣчили, то я отъ оной освобожденъ былъ; а здѣсь кромѣ Бога никакого врача употребить не могу, хотя болѣзнь, кую я чувствую, ежедневно умножается, печаль же въ моемъ продолжающемся несчастіи мнѣ толь наименьше облегченія подать можетъ. И такъ я ваше сіятельство прошу, по природному своему праводушію, меня не оставить, но паче къ стопамъ ея величества подвергнуть и ее для правосудія и для самого пострадавшаго Христа о моемъ освобожденіи попросить. Я готовъ во всемъ, съ самого того перваго часа, какъ я въ Россію пріѣхалъ, не токмо въ важныхъ дѣлахъ, но и что каждой портикулярной на меня доносить имѣетъ, отвѣтъ дать. Ваше сіятельство тогда въ чужестранныхъ земляхъ были, и тако вамъ неизвѣстны тѣ услуги, которыя я многимъ показывалъ, что такіе люди были и, можетъ быть, теперь есть, которые мнѣ злое за благое воздавали. Оное я горе довольно чувствовалъ и то признаніе, которое они мнѣ показали, имѣетъ каждый отъ такихъ людей ожидать, котораго они о своей дружбѣ такъ весьма обнадеживаютъ. Да можетъ быть такіе люди еще и нынѣ есть, о сохраненіи которыхъ, ежелибы я не постарался, они уже предъ нѣсколькими годами принуждены были бы изъ Россіи выѣхать: письма бывшаго фельдмаршала Миниха послѣ Очаковскаго штурма о томъ свидѣтельство подать могутъ. А нынѣ, какъ я въ несчастіи, всякъ меня можетъ письменно и словесно злословить, понеже я съ Давыдомъ сказать принужденъ: есмь человѣкъ не имѣяй помощи, ни прекословія въ устѣхъ моихъ. При многихъ вашего сіятельства трудахъ я не смѣю васъ болѣе утруждать; я ваше сіятельство, а вы меня знаете, и какъ мало я и домашніе мои любовь вашу во всю жизнь позабыть можемъ, такъ мало и вы меня въ моемъ невинномъ страданіи оставите.

(*Сообщено профессоромъ С. М. Соловьевымъ.*)

IV.

ЭПИГРАММА.

(на герцога Бирона?)

Для чего природа въ свѣтъ умныхъ посылаетъ?—
Тѣмъ рожденіемъ она землю украшаетъ,
Ими чтобъ владѣлъ ихъ умъ, пропадали страсти,
А они-бъ держать могли дураковъ во власти.

—

Для чегожъ и дураковъ въ свѣтъ та являетъ?—
Для того, на сей вопросъ разумъ отвѣчаетъ:
Когда бъ въ свѣтѣ не была оная притчина,
О четырехъ бы ногахъ вся была скотина.

—

А скотину для чего счастье возвышаетъ?—
Ими, золотя рога, оное играетъ;
Но какъ золотомъ своимъ скотъ тотъ возгордится,
То съ рогами и краса съ головы свалится.

—

Часто видя быкъ свои золотые роги,
Поднимаетъ къ небесамъ безразсудно ноги,
И не зная на небо никакой дороги,
Хочетъ счастья, чтобъ его поверстали въ боги.

—

Пробу видимъ мы теперь надъ регентомъ строгимъ,
Видимъ онаго быкомъ, но уже безрогимъ.
Бывши златорогій прежъ, тотъ сталъ нынѣ голой,
А бодливой нашъ регентъ нынѣ быкъ камолой. (*)

(Сообщено П. А. Ефремовымъ.)

ШУТОЧНОЕ ПИСЬМО Н. В. ГОГОЛЯ КЪ ОДНОЙ РУССКОЙ ДАМѢ.

Вѣна, Іюня 22.

Странная вещь! Какъ только напьюсь чаю, въ ту же минуту кто-то невидимкой толкаетъ меня подъ руку писать къ вамъ, и Елисавета Григорьевна не сходитъ ни на минуту съ мыслей. И отъ чего бы это? Пусть бы еще эта потребность являлась во время кофію, тогда, по крайней мѣрѣ понятно. Кофій клеится въ моей памяти съ вами: вы сами мнѣ клали сахаръ и наливали; но во время чаю вы не брали на себя никакой должности. Отъ чего же это? Я теряюсь и становлюсь похожимъ на того почтеннаго гражданина и дворянина, который всю жизнь свою задавалъ вопросъ: почему онъ Хрисанфій, а не Иванъ, и не Максимъ, и не Онуфрій, и даже не Кондратъ, и не Прокофій.— Вы вѣрно знаете, отъ чего вы живѣе въ моихъ мысляхъ послѣ чаю. Вѣрно вы одинъ разъ, пивши его, вообразили, что льете мнѣ его на голову и вылили вашу чашку на полъ. Или хотѣвши швырнуть блюдечкомъ мнѣ въ лобъ, попали имъ въ верхнюю губу и передній зубъ вашего доктора, который только что успѣлъ вамъ разсказать, какъ весь городъ удивляется терпѣнію вашего Гриши, или можетъ быть ваша Лиза, взявши чашку съ чаемъ и приготовляясь пить, закричала во весь голосъ: „ахъ мама, вообрази въ чашкѣ сидитъ Гоголь!" Вы бросились съ мѣста и вскрикнули: „гдѣ Гоголь?" Лиза принялась ловить ложечкой въ стаканѣ и закричала вновь: „ахъ это не Гоголь, это муха!" И вы увидѣли, что это была точно муха и можетъ быть въ эту минуту сказали: „ахъ, зачѣмъ эта муха, которая такъ надоѣдала мнѣ, уже далеко отъ меня!" Словомъ, что нибудь вѣрно случилось, иначе мнѣ бы не было такого сильнаго желанія писать къ вамъ именно послѣ чаю. Вы мнѣ обыкновенно представляетесь сидящею въ креслахъ, въ вашихъ креслахъ. Но послѣ чаю вы стоите возлѣ меня живо, оперпшсь на спинку стула и какъ будто что-то говорите. Почти такъ, какъ помните одинъ разъ вы сказали или можетъ даже подумали такъ, что сосѣдъ вашъ вовсе не слыхалъ, а услышалъ я. Вы сидѣли у окна, ваши губы едва шевельнулись, или почти не шевельнулись. Вы мнѣ лучше и чаще представляетесь въ эту минуту. Словомъ, хотя мнѣ чай вреденъ, но я буду его пить чаще, чтобы имѣть подобныя минуты.

Знаете ли, что это письмо пишется къ вамъ изъ Вѣны? Я могъ бы сію минуту сходить въ Poste restante и взять ваше письмо и написать на него отвѣтъ, но я не хотѣлъ этого сдѣлать

(*) Камолый быкъ — съ обломленными рогами.

для того, чтобы до завтра быть въ сладкой увѣренности, что тамъ лежитъ точно ваше письмо ко мнѣ. Если жъ тамъ нѣтъ его—Боже! сколько злости прольется, всѣмъ достанется: и нѣмцамъ, и Вѣнѣ и шляпѣ, и перчаткамъ, и мостовой, и собственному носу, о чемъ какъ кажется было уже писано. И ни одному нѣмцу, который будетъ сидѣть со мною въ дилижансѣ, не позволю выкурить ни одной сигары, пусть онъ треснетъ проклятый. Прощайте, цѣлую ваши ручки.

Гоголь.

ЗАМѢТКА О РОДѢ ШЕПЕЛЕВЫХЪ.

Въ Русскомъ Архивѣ за 1865 г. изд. 2, стр. 438—440, помѣщена статья Гельбига въ переводѣ М. Н. Лонгинова съ примѣчаніями и добавленіями сего послѣдняго: „Случайные люди въ Россіи.“ Въ число этихъ случайныхъ людей включенъ оберъ-гофмаршалъ *Дмитрій Андреевичъ Шепелевъ.*

Занимаясь дѣлами Николая Дмитріевича Шепелева, я получилъ отъ него порученіе напечатать возраженіе противу статьи Гельбига и Лонгинова. Собравъ нынѣ достаточныя свѣдѣнія, я исполняю сдѣланное мнѣ порученіе. Гельбигъ говоритъ, что Дмитрій Андреевичъ Шепелевъ былъ сынъ Русскаго простолюдина, находился при смазкѣ колесъ у придворныхъ каретъ при Петрѣ I; по мнѣнію слѣдовательно Гельбига Шепелевы ведутъ свое дворянство отъ временъ Петра I-го. Между тѣмъ по полученной мною изъ Правительствующаго Сената по департаменту Герольдіи, формальной копіи съ родословной рода Шепелевыхъ и копіи съ Книги Родословной, родъ Шепелевыхъ ведетъ свое начало въ Россіи отъ Шеля, о которомъ сказано слѣдующее: „Въ лѣто $^{6884}/_{1376}$ пріѣхалъ изъ Нѣмцевъ изъ Свейскаго королевства въ Польшу къ королю Ольгерду мужъ честенъ имянемъ Шель, съ вотчиною Ермоливальскою, и въ Польшѣ крестился, и въ крещеніи имя ему Георгій, по прозванію Юрій, и изъ Польши пріѣхалъ къ великому князю Димитрію Іоанновичу Донскому; а у Юрія дѣти: 1-й Петръ прозвище Шепель, и отъ него повелись мы, Шепелевы, 2-й сынъ Нестеръ, и отъ Нестера повелись Нестеровы.“

Внесеніе Шеля въ Родословную доказываетъ, что и онъ не былъ причисленъ къ простолюдинамъ. Къ нимъ не причислялись и его потомки. Въ Родословную внесено 18 поколѣній Шепелевыхъ, и по ней, какъ равно и по книгѣ, видно слѣдующее: Дмитрій Андреевичъ принадлежитъ къ 15-му колѣну потомства Шеля, и изъ предковъ его многіе Шепелевы жалованы были граматами на разныя вотчины въ нынѣшней Калужской губерніи, несли важныя государственныя, гражданскія и военныя должности, и многіе изъ нихъ убиты въ сраженіяхъ противъ непріятеля. Такъ: пожалованы граматами, въ 10-мъ колѣнѣ Ѳеодій, въ 11-мъ Григорій (по прозванію Лыка) и Воинъ, въ 12-мъ Алексѣй; упоминаемые Григорій и Воинъ были, 1-й полковымъ воеводою, а 2-й при царѣ Михаилѣ Ѳедоровичѣ Мценскимъ воеводою; изъ 12-го колѣна Тимофѣй былъ у Московскихъ стрѣльцовъ головою при царѣ Михаилѣ Ѳедоровичѣ; изъ 13-го Савва былъ въ Темниковѣ воеводою, Иванъ у рейтаръ полковникомъ, умершій отъ ранъ; Агей генералъ, думной и воевода. Убитыхъ въ сраженіяхъ: Андрей подъ Муромомъ, какъ приходилъ Лисовскій, Петръ въ Нѣмецкомъ походѣ при царѣ Ѳедорѣ Ивановичѣ, Василій подъ Ригою, Андрей и Михаилъ на службѣ, Семенъ подъ Торопцомъ, Иванъ, Прохоръ и Петръ подъ Конотопомъ.

Хотя ни объ отцѣ, ни о родномъ дѣдѣ Дмитрія Шепелева ничего особаго въ Родословной не сказано, но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы онъ происходилъ изъ простолюдиновъ. Всѣ вышепомяну-

тыя лица были ему родные, имѣвшіе по состоянію и по служебной іерархіи вѣсъ и значеніе. Гельбигъ говоритъ, что сынъ Дмитрія Петръ Шепелевъ женился на племянницѣ князя Потемкина-Таврическаго, рожденной Энгельгардтъ. Лонгиновъ, исправляя ошибку Гельбига указаніемъ, что Петръ былъ сынъ генералъ-поручика Амплея и что дѣдъ его Степанъ былъ вѣроятно роднымъ братомъ Дмитрія Андреевича (это справедливо), заключаетъ однако, что отецъ Петра былъ выведенъ въ люди Дмитріемъ Андреевичемъ. Заключеніе это было бы вѣроятнымъ, если бы родоначальникомъ Шепелевыхъ былъ Дмитрій Андреевичъ, по свѣдѣніямъ Гельбига, простолюдинъ (такъ какъ таланты людей при переходѣ ихъ изъ низшаго въ высшее сословіе не бываютъ часты), но Амплей Степановичъ имѣлъ своихъ предковъ, пользовавшихся и знатностью и качествами, достаточными для того, чтобы дать ему ходъ на службѣ и значеніе въ обществѣ. Наконецъ равнымъ образомъ нельзя относить и супружество Мавры Шепелевой (будто бы родной сестры гофмаршала) съ графомъ Шуваловымъ вліянію лишь того же Д. А. Шепелева, какъ указываетъ Гельбигъ; ибо Мавра Егоровна Шепелева была не сестра, а дальняя по 8-му только колѣну племянница Д. А. Шепелева: она имѣла роднаго прадѣда, упомянутаго выше Агея, генерала, думнаго воеводу, и слѣдовательно вышла за мужъ за графа Шувалова по своему собственному положенію въ свѣтѣ. Надобно здѣсь еще прибавить, что Шепелевы входили въ широкія связи черезъ супружество: такъ Амплей Степановичъ Шепелевъ, отецъ Петра Амплеевича, женившагося на Энгельгардтъ, былъ самъ женатъ на графинѣ Матвѣевой, принадлежавшей, какъ извѣстно, къ знаменитому роду.

Опровергнувъ выводы Гельбига и согласившагося съ нимъ Лонгинова, что Шепелевы принадлежатъ будто бы къ *случайнымъ* людямъ (выводы сдѣланные и вопреки даже Россійской Родословной книгѣ князя Долгорукова, по которой фамилія Шепелевыхъ показана существующею прежде 1600 года), я перехожу къ разсмотрѣнію нѣкоторыхъ другихъ свѣдѣній, переданныхъ Гельбигомъ. Онъ говоритъ, что Дмитрій Андреевичъ Шепелевъ сдѣлался ненавистенъ своею грубостью. Откуда взялъ Гельбигъ эту аттестацію для Д. А. Шепелева, мнѣ неизвѣстно; но я позволю себѣ усумниться въ правильности оной, на томъ основаніи, что Д. А. Шепелевъ служилъ при пяти государяхъ и удостоивался отъ нихъ постоянныхъ повышеній: такъ, при Петрѣ I, онъ служилъ въ гвардіи и находился при государѣ, сопутствуя ему, въ 1716 и 1717 годахъ, во второмъ его путешествіи по Европѣ, былъ вмѣстѣ съ нимъ въ Даніи, Голландіи и во Франціи исправлялъ должность гофмаршала. Императоръ Петръ II произвелъ Шепелева оберъ-гофмаршаломъ и возложилъ на него орденъ Св. Александра Невскаго; Елисавета Петровна пожаловала его генералъ-аншефомъ и кавалеромъ ордена Св. Андрея Первозваннаго. Трудно повѣрить, чтобы человѣкъ, служившій столько времени и пользовавшійся благосклонностью пяти государей, могъ содѣлаться ненавистенъ своею грубостью; трудно, повторяю, повѣрить, чтобы человѣкъ грубаго характера могъ удержаться на службѣ при пяти государяхъ и достигнуть высшихъ почестей. Въ фамильныхъ преданіяхъ нѣтъ ничего такого, чтò бы подтверждало правильность аттестаціи Д. А., сдѣланной ему Гельбигомъ; но самое достовѣрное опроверженіе я нахожу въ Словарѣ достопамятныхъ людей Русской земли Дмитрія Бантышъ-Каменскаго. Онъ говоритъ о Д. А. Шепелевѣ: „къ чести сего почтеннаго современника великому монарху, слѣдуетъ упомянуть здѣсь, что онъ устранилъ себя отъ произнесенія роковаго приговора надъ царевичемъ Алексіемъ Петровичемъ.“ Такая черта характера говоритъ многое и не требуетъ дальнѣйшихъ комментаріевъ.

О Петрѣ Амплеевичѣ Шепелевѣ г. Лонгиновъ разсказываетъ, что „свѣтлѣйшій Потемкинъ, позавидовавъ успѣхамъ кн. Петра Голицына, рѣшился во что бы то ни стало отдѣлаться отъ него, и нашелъ человѣка, готоваго на злодѣйство ради разныхъ выгодъ и покровительства: это былъ Петръ Амплеевичъ Шепелевъ, который какъ-то придрался къ кн. Петру Голицыну, вышелъ съ нимъ на поединокъ и убилъ его измѣнническимъ образомъ. Послѣ этого онъ получилъ въ награду руку племянницы Потемкина Надежды Васильевны Энгельгардтъ, а за тѣмъ и открылся ему путь къ повышеніямъ и богатству." Лонгиновъ называетъ этотъ разсказъ преданіемъ, не указывая его источника. Я имѣю основаніе предполагать, что если это преданіе и существуетъ, то лишь въ тѣсномъ кругу фамиліи кн. Голицыныхъ, и что это преданіе составилось въ кругу этой фамиліи по страсти и потому не заслуживаетъ вѣроятія. Въ самомъ дѣлѣ, если бы допустить даже, что Потемкину могъ не понравиться князь Голицынъ, что ему хотѣлось отъ него отдѣлаться, что онъ нашелъ въ лицѣ Петра Шепелева руку исполнителя и что сей послѣдній убилъ кн. Голицына измѣннически: то въ такомъ случаѣ никто, понимающій истинное благородство, не допуститъ, чтобы злодѣю (измѣнническое убійство есть злодѣйство), дана была такая награда, какую далъ ему кн. Потемкинъ, выдавъ за него за мужъ свою племянницу. Есть люди, которые могутъ находить полезнымъ злодѣйство какъ и доносы, и награждать деньгами злодѣя и доносчика, но никто изъ благородныхъ не приметъ къ себѣ въ семью того или другаго. Этотъ же Петръ Шепелевъ достигнулъ въ послѣдствіи первокласнаго чина и званія сенатора. Развѣ правительство могло бы возвысить на столько человѣка, опозореннаго злодѣйскимъ поступкомъ?

Дмоховскій.

ЗАМѢТКА О БИБЛІОТЕКѢ ГР. Д. П. БУТУРЛИНА.

(*См. выше, стр. 383—385.*)

Не могу раздѣлить мнѣнія гр. М. Д. Бутурлина о сравнительномъ достоинствѣ библіотекъ его отца. Первая была *составлена* со тщаніемъ изъ книгъ, разнесенныхъ Французскою революціею; вторая *собрана*, пользуясь безъ разбора всякимъ случаемъ. Отъ этого проданныя съ аукціона книги не имѣютъ особеннаго уваженія между библіофилами, и замѣтка въ каталогѣ: Exemplaire du Comte Boutourlin— не есть безспорная рекомендація въ торговлѣ. Многіе экземпляры были худо сбережены, худо переплетены, обрѣзаны, неполны, замараны, исписаны неизвѣстными, и такъ далѣе. По этому не думаю, чтобы это собраніе стоило графу (какъ пишетъ его сынъ) вдвое или втрое вырученной цѣны.—Во всемъ этомъ со мною согласенъ Brunet.

С. Соболевскій.

Чертковская библіотека (въ Москвѣ, на Мясницкой, № 7) открыта безплатно для чтенія ежедневно отъ 11 до 3 часовъ утра, кромѣ дней праздничныхъ.

ИЗВѢЩЕНІЕ.

Въ непродолжительномъ времени выйдетъ въ свѣтъ новая книга: «*Новиковъ и Московскіе Мартинисты, изслѣдованіе М. Лонгинова.*» Текстъ ея состоитъ изъ 25 главъ и къ нему присоединены: болѣе 1500 примѣчаній и 43 приложенія. Объемъ книги составляетъ болѣе 30 печатныхъ листовъ, въ большую осьмушку.

РУССКІЙ АРХИВЪ

Историко-литературный сборникъ, посвященный изученію Россіи преимущественно въ XVIII и XIX столѣтіяхъ, будетъ выходить и въ

1867 году,

въ томъ же видѣ, какъ и въ 1863, 1864, 1865 и 1866 годахъ. Всѣхъ выпусковъ въ теченіи года 12 (въ каждомъ не менѣе 4 листовъ сжатой печати, въ 2 столбца; иногда по два выпуска выходятъ вмѣстѣ).

Цѣна Русскому Архиву съ пересылкою въ города и доставкою на домъ въ Москвѣ и С. Петербургѣ

ШЕСТЬ РУБЛЕЙ.

Подписываться можно въ Москвѣ въ Чертковской библіотеки (на Мясницкой № 7), при коей издается Русскій Архивъ; и въ магазинѣ *И. Г. Соловьева* (бывшемъ Базунова).

Въ С. Петербургѣ на Невскомъ проспектѣ въ д. Ольхиной, въ магазинѣ *А. Ѳ. Базунова.*

Иногородные обращаются исключительно въ Москву, *въ Чертковскую библіотеку.*

Лица, проживающія въ чужихъ краяхъ, могутъ выписывать Русскій Архивъ, обращаясь въ Берлинскій почтамтъ, а также въ Москву, въ Чертковскую библіотеку, и высылаютъ на Русскія деньги: для доставленія *въ Германію* 7 р.; *во Францію и Бельгію* 7 р. 50 к.; *въ Англію* 8 р.; *въ Швейцарію и Италію* 9 р.

Составитель и издатель Русскаго Архива: **Петръ Бартеневъ.**

Типографія Т. Рисъ у Мясницкихъ воротъ д. Воейковой № 2.

ГОДЪ ПЯТЫЙ

РУССКІЙ АРХИВЪ.

ИЗДАВАЕМЫЙ

4. ПРИ **1867.**

ЧЕРТКОВСКОЙ БИБЛІОТЕКѢ.

СОДЕРЖАНІЕ.

МОСКВА.

Типографія Грачева и К. у Пречистенскихъ воротъ д. Миляковой.

1867.

ЦѢНА РУССКОМУ АРХИВУ ЗА 1866 СЪ ПОРТРЕТОМЪ ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ II-Й И СЪ ПОЛНЫМЪ УКАЗАТЕЛЕМЪ КЪ ПОВРЕМЕННЫМЪ ИЗДАНІЯМЪ МОСКОВСК. ОБЩЕСТВА ИСТОРІИ И ДРЕВНОСТЕЙ. XXVI, 1777, XII И 134 СТР. 5 Р. СЪ ДОСТАВКОЮ 6 Р.

Вторыя изданія Русскаго Архива большими томами, въ которыхъ статьи размѣщены по порядку времени. **1863** года VI и 1066 стр. (**4** р., съ пер. **5** р.) **1864** года 154 и 1182 стр. съ рисунк. (**4** р., съ пер. **5** р.) **1865** года 1550 стр. (**5** р., съ пер. **6** р.) Иногородные за Русскимъ Архивомъ обращаются исключительно въ Москву, въ Чертковскую библіотеку. Выписывающіе въ города *всѣ четыре года вмѣстѣ* прилагаютъ съ перес. **20** рублей.

Тамъ же сочиненіе Ю. Ѳ. Самарина:

І Е З У И Т Ы

И ИХЪ ОТНОШЕНІЕ КЪ РОССІИ.

(ПИСЬМА КЪ ОТЦУ МАРТЫНОВУ).

Изложено ученіе Іезуитовъ и разсказаны ихъ дѣйствія въ Россіи.

Цѣна 1 р. 50 к., съ перес. 2 рубля (8°. 304 стр.)

Тамъ же стихотворенія **КН. П. А. ВЯЗЕМСКАГО.**

ВЪ ДОРОГѢ И ДОМА.

М. 1862. Цѣна 1 р. 50 к., съ перес. 2 р. (8°. 420 стр.)

СВѢДѢНІЯ ОБЪ ОФИЦЕРАХЪ КОННОЙ ГВАРДІИ

въ іюнѣ мѣсяцѣ 1762 года.

Все, относящееся къ столь важному историческому событію, какъ восшествіе на престолъ Екатерины II, должно быть изслѣдовано съ возможною подробностью. Въ „Русскомъ Архивѣ" 1864 года помѣщено свѣдѣніе о первыхъ пособникахъ Екатерины. Извѣстно, какое участіе принимала въ этомъ дѣлѣ любившая ее гвардія. Конно гвардейскій полкъ выказалъ въ этомъ случаѣ особенную привязанность къ государынѣ, которую возбуждали въ немъ особенно поручикъ Ѳедоръ Хитровъ и вахмистръ Потемкинъ. Конная гвардія выѣхала поголовно, со всѣми офицерами передъ фрунтомъ. Когда она присоединилась къ шествію Екатерины между нынѣшнимъ Аничковскимъ дворцомъ и Казанскимъ соборомъ, полкъ этотъ былъ въ какомъ то чаду восторга и энтузіазма. Солдаты плакали и величали Екатерину своею спасительницею. Поэтому любопытно познакомиться съ тогдашними гвардейскими офицерами вообще. Представляемъ здѣсь списокъ офицеровъ, состоявшихъ на лицо въ конной гвардіи въ знаменательный день 28 іюня 1762 года. Извлекаемъ его изъ полковыхъ списковъ и присовокупляемъ къ нему нѣкоторыя примѣчанія.

Въ конной гвардіи былъ тогда подполковникомъ баронъ Юрій Григорьевичъ Ливенъ (1). Званіе это было лишь почетное, хотя нѣтъ сомнѣнія, что Ливенъ имѣлъ вліяніе на офицеровъ полка, котораго онъ былъ прежде дѣйствительнымъ командиромъ, а именно съ 1740 по 1744 годъ.

Полкомъ командовалъ тогда съ 1761 года премьеръ-маіоръ Яковъ Бергеръ (2).

Секундъ-маіорами подъ нимъ были съ 9 іюня 1762 года князь Петръ Петровичъ Черкасскій (3), и съ 24 февраля 1762 князь Петръ Яковлевичъ Голицинъ.

(1) Род. 10 сент. 1696, ум. 15 мар. 1763, въ чинѣ генералъ-аншефа и александровскимъ кавалеромъ. Онъ былъ издавна сторонникомъ Екатерины. Въ концѣ 1757 года, когда Екатерина, великою княгинею, была уже въ немилости у императрицы Елизаветы, Ливенъ, котораго хотѣли замѣшать въ слѣдственное дѣло о фельдмаршалѣ Апраксинѣ, сказалъ кн. Понятовскому, глядя на Екатерину, на балѣ у Австрійскаго посла Эстергази: «вотъ женщина, въ пользу которой честный человѣкъ не задумается вынести нѣсколько ударовъ кнутомъ».

(2) Бергеръ сдѣлалъ карьеру доносомъ на несчастную Наталью Ѳедоровну Лопухину и ея родныхъ и друзей, обвиненныхъ въ заговорѣ противъ императрицы Елизаветы Петровны. Бергеръ былъ переведенъ 22 окт. 1743 изъ Кирасирскихъ поручиковъ въ секундъ-ротмистры конной гвардіи, «за вѣрную службу, что онъ донесъ о зломъ умыслѣ Степана Лопухина». Въ 1749 году пожалованъ онъ былъ въ ротмистры, а 28 дек. 1761 въ секундъ-маіоры конной гвардіи. Видно, онъ былъ 28 іюня на сторонѣ Екатерины, ибо она произвела его 9 іюля въ подполковники этого полка. Но вѣроятно новая императрица скоро увидѣла его дурныя свойства, ибо 24 іюля того же года уволила его отъ службы и отдала полкъ въ команду секундъ-маіора князя П. А. Черкасскаго. Бергеръ прожилъ потомъ не долго и умеръ въ самыхъ жалкихъ обстоятельствахъ.

(3) Сынъ генералъ аншефа и бывшаго при Елизаветѣ командира конной гвардіи кн. Петра Борисовича. Конной гвардіей командовалъ съ 1 января

Вотъ списокъ тогдашнихъ оберъ-офицеровъ конной гвардіи по старшинству:

Ротмирсты: князь Михаилъ Александровичъ Черкасскій ([4]), Илья Мухановъ, князь Александръ Яковлевичъ Голицинъ ([5]), Тихонъ Яминской, Александръ Яковлевичъ Мансуровъ, Иванъ Дарагановъ, Григорій Дарагановъ.

Секундъ-ротмистры: князь Юрій Васильевичъ Хованскій ([6]), Христофоръ Христофоровичъ фонъ Дерфельденъ, Левъ Разваринъ, Николай Прончищевъ, князь Сергѣй Петровичъ Черкасскій ([7]).

Поручики: Александръ Ильиль Ржевскій([8]), баронъ Густавъ фонъ деръ Паленъ, Николай Аѳанасьевичъ Бахтинъ, Платонъ Абалдуевъ, Ѳеодоръ Хитрово([9]), графъ Валентинъ Платоновичъ Мусинъ-Пушкинъ ([10]), князь Петръ Михайловичъ Голицинъ ([11]).

Подпоручики: Баронъ Сергѣй Николаевичъ Строгановъ ([12]), Иванъ Игнатьевичъ Поливановъ, Андрей Петровичъ Мельгуновъ, князь Борисъ Григорьевичъ Шаховской([13]), князь Иванъ Васильевичъ Несвицкій([14]).

Корнеты: Александръ Щепотьевъ ([15]), баронъ Александръ Николаевичъ Строгановъ ([16]), Вильгельмъ-Христофоровичъ фонъ-Дерфельденъ ([17]), Ѳедоръ Дубянскій, князь Алексѣй Платоновичъ Мещерскій ([18]), Иванъ Наумовъ, князь Петръ Ивановичъ Одоевскій, Ѳедоръ Елгозинъ (полковой секретарь), Павелъ Ивановичъ Голохвастовъ ([19]) Ѳедоръ Александровичъ Суворовъ ([20]), Александръ Наумовъ, Николай Васильевичъ Толстой ([21]), графъ Иванъ Ивановичъ Гендриковъ,

---

1764 по 8 сент. 1767, второй секундъ-маіоръ 1762 года князь Петръ Яковлевичъ Голицынъ (род. 13 мая 1719, ум. 8 сент. 1767) носившій званіе преміеръ-маіора и о которомъ тутъ же мы говоримъ.

([4]) Братъ упомянутаго въ прим. 2-мъ.

([5]) Род. 1729, мая 30. Ум. полковникомъ въ отставкѣ.

([6]) Внукъ по своей матери знаменитаго Шафирова и братъ фрейлины Екатерины II княжны Марьи Васильевны, вышедшей въ 1769 году за князя Ѳедора Сергѣевича Борятинскаго, игравшаго большую роль въ событіяхъ 1762 года. Князь Хованскій былъ въ это время за границей.

([7]) Сынъ князя Петра Борисовича, умершаго въ 1768 г. генералъ-аншефомъ и александровскимъ кавалеромъ и командовавшаго конною гвардіей передъ Бергеромъ, съ 1744 по 1761 годъ, послѣ барона Ливена (1740—1744).

([8]) Род. 13 авг. 1726, ум. 11 окт. 1809. Въ іюлѣ 1762 получилъ слѣдующій чинъ, камеръ-юнкерство и 18,000 рублей. Потомъ былъ камергеромъ.

([9]) Въ іюлѣ 1762 получилъ слѣдующій чинъ, камеръ-юнкерство и 800 душъ.

([10]) Въ іюлѣ 1762 получилъ слѣдующій чинъ камеръ-юнкерство и 600 душъ. Онъ род. 6 дек. 1735, ум. 8 іюля 1804, въ чинѣ фельдмаршала. Отецъ его сенаторъ графъ Платонъ Ивановичъ пострадалъ въ 1740 году по дѣлу Волынскаго.

([11]) Род. 15 дек. 1738, ум. 11 ноября 1775, бучи генералъ-поручикомъ и александровскимъ кавалеромъ. Ему первому удалось поразить Пугачева. Онъ былъ убитъ Шепелевымъ на дуэли.

([12]) Род. 16 апр. 1738, ум. 29 авг. 1777, бригадиромъ въ отставкѣ.

([13]) Ум. въ апр. 1813 генералъ-лейтенантомъ въ отставкѣ. Онъ былъ извѣстенъ въ Москвѣ разными странностями.

([14]) Въ іюлѣ 1762 получилъ слѣдующій чинъ, камеръ-юнкерство и 600 душъ. Ум. 15 апр. 1806 оберъ-шенкомъ и андреевскимъ кавалеромъ.

([15]) Въ февралѣ 1764 года Екатерина отдала ему въ управленіе казенный фарфоровый заводъ, «въ разсужденіе особливой его къ химическимъ наукамъ склонности и пріобрѣтенныхъ имъ, во время пребыванія его въ чужихъ краяхъ, знаній въ сихъ наукахъ», какъ сказано въ указѣ ея.

([16]) Ум. 13 марта 1789 дѣйств. тайн. совѣтникомъ. Это родной дѣдъ графовъ Сергѣя и Александра Григорьевичей Строгановыхъ.

([17]) Род. 1735. Ум. 9 сент. 1819, генераломъ отъ кавалеріи. Это знаменитый сподвижникъ Суворова.

([18]) Это былъ второй сынъ извѣстнаго генералъ-аншефа князя Платона Степановича (р. 1713, ум. 23 дек. 1799).

([19]) Онъ былъ потомъ депутатомъ въ славной коммиссіи 1767 года и умеръ 1812 г. дѣйств. ст. совѣтникомъ.

([20]) Двоюродный братъ славнаго фельдмаршала.

([21]) Род. 1737; 10 іюля 1774 умерщвленъ въ Казани Пугачевымъ.

графъ Андрей Ивановичь Гендриковъ ([22]), князь Алексѣй Александровичь Черкасскій ([23]), Николай Ладыженскій, князь Иванъ Ивановичь Одоевскій ([24]), Алексѣй Ртищевъ, князь Иванъ Енгалычевъ. И того 19. Всѣхъ оберъ-офицеровъ 43.

Конечно, нѣкоторые изъ поименованныхъ офицеровъ не были во фрунтѣ 28 іюня 1762 года, но это были лишь исключенія по болѣзни или отлучкѣ ихъ изъ столицы. Мы не внесли въ этотъ списокъ нѣсколько офицеровъ, обозначенныхъ малолѣтными, а также бывшихъ тогда при управленіи Починковскимъ конскимъ заводомъ полка.

По восшествіи на престолъ Екатерина назначила сподвижника своего генералъ-аншефа князя Михаила Никитича Волхонскаго ([25]) подполковникомъ конной гвардіи (30 іюня) и затѣмъ поручила командованіе его, вмѣсто Бергера, князю Петру Александровичу Черкасскому (24 іюля.) Тогда же многіе офицеры пожалованы слѣдующими чинами.

Въ іюлѣ 1762 года былъ представленъ отъ полка докладъ и о томъ, чтобы были произведены въ корнеты слѣдующіе вахмистры конной гвардіи (вѣроятно они всѣ отличились 28 іюня): Григорій Александровичь Потемкинъ ([26]), Андреянъ Ивановичь Дивовъ ([27]), Алексѣй Сабуровъ, Григорій Осиповъ, Николай Овцынъ и Александръ Жеребцовъ ([28]). Но императрица собственноручно написала противъ имени Потемкина: „быть подпоручикомъ", а прочихъ пожаловала корнетами. Потомъ 30 ноября 1762 Потемкинъ получилъ камеръ-юнкерство, но остался въ полку, такъ же какъ и прочіе конно гвардейцы камеръ-юнкеры, пожалованные въ іюлѣ: Ржевскій, Хитрово, графъ Мусинъ-Пушкинъ и князь Несвицкій.

Въ слѣдъ за симъ было еще 3 августа 1762 производство въ корнеты вахмистровъ конной гвардіи, вѣроятно дополнительное къ первому. Тогда произведены: Александръ Григорьевичь Каринъ ([29]), Петръ Ивановичь Бабарыкинъ ([30]) Василій Елагинъ и Георгій Фонъ-Ренцъ; а въ ноябрѣ 1762 произведены еще въ корнеты: Василій Алексѣевичь Аргамаковъ ([31]) и графъ Иванъ Сиверсъ.

Желательно, чтобы были обнародованы подобные же списки по полкамъ Преображенскому, Семеновскому и особенно Измайловскому, который первый и болѣе всѣхъ содѣйствовалъ счастливому воцаренію Екатерины ([32]).

Михаилъ Лонгиновъ.

Село Красное, 3 Августа 1866.

([22]) Это были внучатные братья Петра III, очень молодые люди, ничѣмъ не примѣчательные въ послѣдствіи.

([23]) Извѣстный въ послѣдствіи мистикъ и сподвижникъ Новикова во всѣхъ его предпріятіяхъ.

([24]) Род. 5 апр. 1742, ум. 11 дек. 1806, генералъ-поручикомъ.

([25]) Род. 9 окт. 1713. ум. 8 дек. 1789. Онъ былъ главнокомандующимъ въ Москвѣ съ 1771 по 1780 годы.

([26]) Род. съ сентябрѣ 1739, ум. 5 окт. 1791, въ чинѣ фельдмаршала и съ титуломъ свѣтлѣйшаго князя Таврическаго.

([27]) Ум. 8 мая 1814, въ званіи сенатора.

([28]) Кажется, это былъ Александръ Алексѣевичъ, бывшій потомъ тайн. совѣтникомъ и женатый на Ольгѣ Александровнѣ Зубовой (р 1766, ум. 1 марта 1849), сестрѣ извѣстныхъ временщиковъ въ послѣдніе годы царствованія Екатерины II.

([29]) Переводчикъ и авторъ разныхъ театральныхъ піесъ.

([30]) Родной братъ матери извѣстнаго потомъ временщика графа Мамонова, Анны Ивановны, командовавшій въ послѣдствіи конною гвардіею со 2 іюня 1788 по 17 мая 1789 и съ 18 іюля 1789 по 5 марта 1790 въ званіи премьеръ-маіора оной.

([31]) Въ послѣдствіи зять славнаго Фонъ Визина, бывшій тогда камеръ-пажемъ и кавалеромъ посольства въ Варшавѣ при графѣ Кейзерлингѣ.

([32]) Имена тѣхъ нѣкоторыхъ оберъ-офицеровъ этихъ полковъ, которые особенно содѣйствовали успѣху дѣла 28 іюня, напечатаны были въ № 64. С. П. бургскихъ Вѣдомостей. Но этотъ нумеръ вышелъ уже 9 августа, а потому эти офицеры показаны въ чинахъ, полученныхъ ими уже послѣ 28

ПИСЬМА КЪ Я. И. БУЛГАКОВУ (*).

I. СУВОРОВА (1)

1.

Люблинъ. 10/21 января 1770 года.

Милостивый государь мой, Яковъ Ивановичь (2). Удивляюсь, что бригадиръ г. Игельстромъ, по сіе время, еще здѣсь сквозь не проѣхалъ; правда есть дорога прямѣе съ Коцка (3) на Красноставъ; паче чаянія, поѣхалъ тою (4)! О чемъ, какъ скоро свѣдаю, депешъ къ нему полученный, при письмѣ вашемъ отъ 7/18 сего мѣсяца, немедленно въ слѣдъ отправлю. Не прогнѣвайся, батюшка, что я васъ по долгу, въ надлежащее время, не поздравилъ съ симъ новымъ годомъ, а сіе нынѣ чиню. Свидѣтель Богъ! не до того;— здоровьемъ пooслабъ; хлопотъ пропасть, почти непреодолѣваемыхъ; трудности, въ ихъ будущемъ, умпожаются; во всѣ стороны наблюденіе дистанціи почти безмѣрной; неуспѣваемый перелетъ съ одного мѣста на другое; неожидаемое, въ необходимой нуждѣ, подкрѣпленіе; слабость силъ: —(100 на 3-хъ); горы, Висла; (въ 40 м.) (5) Варшава. Коликая бы мнѣ то была милость, если бы дали отдохнуть, хотя на 1 мѣсяцъ, то есть—выпустили бы въ поле! Съ Божьею помощью, на свою бы руку я охулки не положилъ!

Сію минуту слышу, что б. Игельстромъ прямо изъ Коцка на Красноставъ проѣхалъ: чего ради спѣшно посылаю съ стафетою за нимъ вашъ депешъ. Препоручаю себя вашей дружбѣ и остаюсь, съ искреннимъ и отличнымъ почитаніемъ, милостивой государь мой! вашъ покорнѣйшій слуга Александръ Суворовъ.

іюня за отличіе, вмѣстѣ съ другими наградами, о которыхъ говорятъ Вѣдомости. Въ нихъ названы: Преображенскаго полка, капитанъ-поручики Петръ Богдановичь Пассекъ, Сергѣй Александровичь Бредихинъ, Михаилъ Баскаковъ; поручики Григорій Протасовъ, князь Ѳедоръ Сергѣевичь Барятинскій; Евграфъ Васильевичь Чертковъ, Захаръ Дубянскій и Иванъ Васильевичь Ступишинъ; Семеновскаго полка, капитанъ Ѳедоръ Григорьевичь Орловъ; Измайловскаго полка, капитаны Михаилъ Похвисневъ, Александръ Рославлевъ, Михаилъ Ласунскій, князь Петръ Алексѣевичь Голицинъ; капитанъ поручики Петръ Вырубовъ, Иванъ Обуховъ, прапорщики Сергѣй и Илья Всеволожскіе. Намъ вообще такъ мало извѣстны тогдашнія дѣла, что мы не знаемъ навѣрно, гдѣ именно служили въ гвардіи, до 28 іюня 1762, Алексѣй и Ѳедоръ Орловы.

*) Письма эти, въ подлинникахъ, принадлежатъ *Н. С. Киселеву,* который и сообщилъ ихъ вмѣстѣ съ составленными имъ примѣчаніями. Имъ же доставлено (съ примѣчаніями) и нижеслѣд. письмо Бибикова. *П. Б.*

(1) Съ 1768 г., Суворовъ, въ чинѣ бригадира, участвовалъ въ дѣлахъ противъ польскихъ конфедератовъ; въ 1770 г., за свои подвиги въ Польшѣ и Литвѣ онъ былъ награждалъ чиномъ генералъ-маіора.

(2) Булгаковъ, въ это время, находился въ Варшавѣ, гдѣ, съ 1764 г., онъ состоялъ при посольствѣ, сначала въ качествѣ секретаря, а съ 1768 г., со времени назначенія посломъ кн. М. Н. Волконскаго, въ должности совѣтника.

(3) Мѣстечко въ нынѣшней Люблинской губерніи.

(4) Вѣроятно бар. Осипъ Андреевичь Игельстромъ, покинувъ тогда дипломатическое поприще, отправлялся на югъ, въ армію, дѣйствовавшую противъ Турокъ; здѣсь ознаменовалъ онъ себя участіемъ въ покореніи Киліи и взятіемъ Аккермана.

(5) Слова, заключенныя въ скобки, написаны очень наразборчиво; почему нельзя ручаться за вѣрность ихъ передачи

2.

26 сентября 1770 года, Люблинъ.

Милостивой государь мой, Яковъ Ивановичъ! Иванъ Ивановичь Веймарнъ ([6]) писалъ къ г. Захару Григорьевичу ([7]) о переводѣ меня въ главную армію. Тако наконецъ избавляюся здѣшнихъ хлопотъ! Князь Михайла Никитичь ([8]) сіе мнѣ во зло поставить не изволитъ, ибо у его сіятельства насъ много,— я же прямо подъ нимъ состоять не могъ..... Препоручая себя въ вашу дружбу, остаюсь, съ истиннымъ почтеніемъ, милостивый государь мой! вашего высокоблагородія покорнѣйшій слуга Александръ Суворовъ.

II. КНЯЗЯ М. Н. ВОЛКОНСКАГО.
(1770—1773)

Первыя десять писемъ относятся къ тому времени, когда Волконскій, тяготясь своимъ положеніемъ въ Варшавѣ и тщетно повторяя просьбу объ отозваніи отъ труднаго поста, получилъ наконецъ позволеніе ѣхать, лѣтомъ 1770 г., за границу возстановлять разстроенное здоровье. Булгаковъ былъ тогда совѣтникомъ посольства и, какъ видно изъ писемъ Волконскаго, увѣдомлялъ его о происшествіяхъ въ Польшѣ и извѣстіяхъ, приходившихъ въ Варшаву изъ разныхъ мѣстъ, гдѣ разыгрывались русскіе интересы. — Одиннадцатое письмо писано на пути изъ Варшавы въ Петербургъ, когда уже посломъ въ Польшѣ былъ баронъ Сальденъ; двѣнадцатое — изъ Петербурга, передъ отъѣздомъ въ Москву, куда Волконскій былъ назначенъ главнокомандующимъ, на смѣну гр. Г. Г. Орлова на мѣсто гр. П. С. Солтыкова; послѣднія два письма писаны изъ Москвы, гдѣ Михаилъ Никитичь окончилъ свою долговременную служебную дѣятельность въ 1780 году.

([6]) Главнокомандующій расположенныхъ въ Польшѣ войскъ.

([7]) Чернышеву, въ то время вице-президенту военной коллегіи.

([8]) Волконскій.

1.

Государь мой Яковъ Ивановичь! На письмо ваше я прежде отвѣтствовать не могъ, какъ по прибытіи въ Познань, куда вчерась благополучно прибылъ. Сегодня здѣсь пробуду; завтра въ 5 часовъ по утру въ путь свой вступлю. Я сношу дорогу, слава Богу, нарочито. Прошу отъ меня поклониться всѣмъ друзьямъ, particulièrement à monsieur le comte Poninski ([1]). J'ai couché sur sa terre: il a un fort joli jardin et deux très belles petites soeurs(*). Съ нетерпѣливостью желаю вѣдать что̀ въ Молдавіи воспослѣдовало, о чемъ прошу меня увѣдомить и мнѣ вѣрить о моей истинной къ вамъ дружбѣ, съ которою завсегда пребыть честь имѣю, вашъ вѣрный слуга к. М. Волконской.

Познань.
$^{2}/_{13}$ іюня 1770.

2.

Государь мой Яковъ Ивановичь! Два письма ваши, № 1 и 3, получилъ; на первое изъ Познани отвѣтствовалъ: да знать оно пропало или по почтѣ вояжируетъ; по прежнему благодарствую за письма ваши и прошу продолжать.

([1]) Великаго короннаго кухмистра Понинскаго Волконскій считалъ однимъ изъ сторонниковъ русскаго вліянія въ Польшѣ; дѣйствительно, вмѣстѣ съ гр. Браницкимъ, онъ предлагалъ противодѣйствовать Барской конфедераціи образованіемъ генеральной конфедераціи, для успокоенія Польши, при содѣйствіи Россіи; но планъ этотъ не состоялся. Иначе смотрѣлъ на Понинскаго преемникъ умнаго, но слишкомъ довѣрчиваго Волконскаго, Сальдернъ: дѣлая оцѣнку главныхъ дѣйствующихъ лицъ въ Польшѣ, онъ включилъ Понинскаго въ число *мнимыхъ друзей Россіи* (Ист. паден. Польши, Соловьева, стр. 117) и, при случаѣ, назвалъ его въ лицо *негоднымъ человѣкомъ* (тамъ же, стр. 125).

(*) Т. е. въ особенности графу Понинскому: я ночевалъ въ его имѣніи. У него превосходный садъ и двѣ красавицы-сестрицы.

Я вчера въ Прагу пріѣхалъ, а сейчасъ ѣду въ Карлсбадъ; принужденъ путь мой взять на здѣшнее мѣсто, ибо, какъ чрезъ Дрезденъ, такъ и на другой трактъ, мнѣ бъ съ каретою моей не проѣхать въ горахъ и ущеліяхъ. Правда и этимъ путемъ, въ Лаузаціи, отъ Цитау и межъ Габеля и Брендзенза, на силу съ каретой могъ протащиться. Послѣ, письмо № 3 вчерась, при пріѣздѣ моемъ сюда, получилъ. Весьма я одолженъ за цареградскія и тріестскія вѣдомости и за исходатайствованіе рекомендаціи Исаеву; покорно прошу протежировать на респонденцію вашу, а мнѣ вѣрить, что я съ истинной и усердной преданностью завсегда пребуду покорно вѣрный слуга к. М. Волконской.

Прага.
$^{12}/_{23}$ іюня 1770.

3.

Карлсбадъ.
$^{17}/_{28}$ іюня 1770.

Государь мой Яковъ Ивановичь! Письмо ваше, отъ $^{5}/_{16}$ сего, № 4 вчерась получилъ; покорно благодарствую за оное, также что и деньги по векселю приняли, прошу ихъ у себя содержать до моего возвращенія. Я сюда пріѣхалъ $^{13}/_{24}$ сего; вчерась началъ воды пить и думаю къ августу кончить. Здѣсь не много знатныхъ, однако компанія изрядная. Прошу увѣдомлять почасту что̀ до васъ дойдетъ изъ Молдавіи, Мореи и Царяграда; здѣсь разныя разглашенія, не знаю чему вѣрить. Впрочемъ пребываю съ искреннею преданностью покорно вѣрный слуга к. М. Волконской.

4.

Карлсбадъ.
$^{5}/_{16}$ іюля 1770.

Государь мой Яковъ Ивановичь! Письмо ваше № 9 получилъ вчера; покорно благодарствую. Здѣсь слухи носятся, что будто наша армія побита, генералъ-аншефъ ([2]) убитъ и к. Николай Васильевичь ([3]) въ полонъ взятъ и тому подобныя враки. Здѣсь также много лгутъ, какъ и въ Варшавѣ. Ваше письмо мнѣ служило къ доказательству, что это все неправда. Я кончу свои воды пить чрезъ 6 дней, да послѣ окончанія еще здѣсь недѣлю мѣста пробуду; вы, пожалуйте, не переставайте ко мнѣ писать; я, какъ точныя мѣры возьму о своемъ отсюда отъѣздѣ и которою доро̀гою поѣду, то и васъ увѣдомлю обстоятельно. Здѣсь, сказываютъ же, что конфедераты умножаются, и что однаго нашего офицера съ 60 человѣками въ Сандомирскомъ порубили; прошу увѣдомить, правда ли. Впрочемъ пребываю съ истинною, дружескою преданностью, государь мой, вашъ вѣрный слуга к. М. Волконскій.

5.

Карлсбадъ.
$^{8}/_{19}$ іюля 1770.

Государь мой Яковъ Ивановичь! Письмо ваше подъ № 10, я вчера исправно получилъ. Приложенный экстрактъ изъ письма графа Румянцева привелъ меня въ состояніе опровергнуть разныя газетныя враки и пустыя отъ конфедератовъ разглашенія([4]). Графъ Унруге, окончивъ свой курсъ, поѣхалъ отсюда въ Дрезденъ; я, чрезъ три дня, свой курсъ окончу же; одна-

([2]). Румянцевъ.

([3]). Репнинъ, командовавшій, подъ главнымъ начальствомъ Румянцева, отдѣльнымъ корпусомъ въ Молдавіи и Валахіи.

([4]). И всѣ эти ложныя разглашенія дѣлались въ то самое время, когда побѣды при Ларгѣ и Кагулѣ, взятіе Измаила, Киліи и Браилова подчиняли Россіи весь лѣвый берегъ Дуная. Видно, благопріятствующая намъ Европа слѣдуетъ, въ этомъ отношеніи, давнишнимъ преданіямъ.

ко нѣсколько дней еще здѣсь побуду. Впредь къ вамъ писать буду, которою дорогой поѣду и куда вамъ ко мнѣ писать; а теперь только скажу, что я, съ непремѣнною преданностью, пребываю, государь мой, вашъ вѣрный слуга к. М. Волконской.

6.

[11]/[22] іюля 1770.
Прага.

Государь мой Яковъ Ивановичь! Я вчерась сюда пріѣхалъ, для свиданія съ князь Дмитріемъ Михайловичемъ, и письмо ваше, подъ 11 №, получилъ, за что благодарствую. Завтра, послѣ обѣда, князь Дмитрій Михайловичь поѣдетъ въ Вѣну ([5]), а я въ Карлсбадъ, гдѣ до 8 августа новаго штиля пробуду; и тако уже ко мнѣ симъ каналомъ больше не пишите, а съ полученія сего, на первой почтѣ адресуйте ко мнѣ письма къ князь Володиміру Сергіевичу, въ Берлинъ ([6]) въ тѣмъ, коли письмо прежде меня придетъ, чтобы до меня удержали; на третей же почтѣ, послѣ полученія сего письма, адресуйте письма во Гданскъ, съ тѣмъ-же. Я положилъ тако, ежели что не помѣшаетъ: 8 августа поѣду изъ Карлсбада, 11 пріѣду въ Дрезденъ; на другой день выѣду оттуда и въ Берлинъ пріѣду 15; тамъ дня два пробуду и поѣду чрезъ Гданскъ и Кенигсбергъ; сіи числа по нов. штилю. Во Гданскѣ одинъ день, а въ Кенигсбергѣ два дня пробуду; и такъ надѣюсь въ Варшаву быть около 12 сентября н. ш. Между тѣмъ прошу продолжать вашу корреспонденцію, а мнѣ вѣрить, что съ истинною преданностью, государь мой, вашъ вѣрный слуга к. М. Волконскій.

([5]). Вѣроятно здѣсь рѣчь идетъ о кн. Дмитріѣ Михайловичѣ Голицинѣ, нашемъ послѣ въ Вѣнѣ, гдѣ онъ занималъ эту должность въ продолженіе 30-ти лѣтъ (извѣстномъ учредителѣ одной изъ лучшихъ московскихъ больницъ).

([6]). Въ это время русскимъ посланникомъ въ Берлинѣ былъ кн. Владиміръ Сергѣевичь Долгоруковъ, 24 года находившійся въ этомъ званіи при дворѣ Фридриха Великаго.

7.

Государь мой Яковъ Ивановичь! Письмо ваше, подъ № 14, отъ $^{7}/_{18}$ сего, я получилъ; № 12 и 13 не получилъ: можетъ быть завтра, на ординарной почтѣ,—одно, а другое, чрезъ штафетъ, что съ Лангомъ послано, получу; покорно благодарствую за увѣдомленія. Я карлсбадскія теплыя воды уже пить кончилъ; теперь пью кислыя здѣшнія же и на сей недѣли кончу и поѣду, какъ изъ Праги я прежде къ вамъ писалъ, развѣ (*имя не разобрано*) меня здѣсь не задержитъ ли, котораго сюда ожидаю. Я гораздо сталъ здоровѣе и свѣжѣе, не знаю что впередъ будетъ. Кастелланъ Познанскій и Гуровскій ([7]) сюда пріѣхали: послѣдній употребляетъ воды. Бутурлинъ пріѣхалъ въ Дрезденъ и теперь въ Прагѣ; меня онъ тамъ не засталъ; ѣдитъ (*названіе не разобрано*), конечно отъ должниковъ. Пребываю, государь мой, вашъ вѣрный слуга к. М. Волконской.

$^{17}/_{28}$ іюля 1770.
Карлсбадъ.

8.

Карлсбадъ $\frac{24\ \text{іюля}}{4\ \text{августа}}$ 1770.

Государь мой Яковъ Ивановичь! Вчерась я получилъ отъ васъ два письма № 16 и 17, отъ $^{11}/_{25}$ и $^{17}/_{28}$, за которыя покорно благодарствую. Я весьма обрадовался, что Петръ Александро-

([7]). Маршалъ литовскій, о которомъ Сальдернъ отзывался какъ о человѣкѣ хитромъ и умномъ, *но безъ искры честности*, и котораго онъ считалъ нужнымъ, *для развѣдыванія чужихъ тайнъ и мыслей* (Ист. паден. Польши Соловьева, стр. 117).

вичь побилъ Турковъ (8): здѣсь были разглашенія тому все противныя. Ивану Ивановичу (9) прошу мое почтеніе засвидѣтельствовать, и покорно его благодарю за приписаніе въ вашемъ постъ-скриптѣ и сердечно его поздравляю съ побѣдою. Завтра, въ 10 часовъ поутру, я отсюда поѣду на Дрезденъ, Берлинъ, Гданскъ и Кенигсбергъ. Въ Дрезденѣ больше сутокъ не буду; въ Берлинѣ дня три пробуду, съ тамошними доктурами (*sic*) посовѣтовать о моей фистулѣ и глухотѣ; также и его в. короля Прусскаго буду имѣть честь видѣть, ежели его застану: онъ $^4/_{15}$ августа поѣдетъ въ Моравію. Во Гданскѣ больше дня не буду, а въ Кенисгбергѣ дня два, и стану наровить, чтобы мнѣ въ Варшаву $^1/_{12}$ сентября прибыть. Я весьма чувствую вашу ко мнѣ дружбу, что вы ко мнѣ намѣрены выѣхать на встрѣчу во Гданскъ, но это далеко: ежели и въ Кенигсбергѣ увидимся, то довольно вашего мнѣ одолженія. Mes compliments à notre cher ami, le comte Poninski; je suis fort sensible de son amitié et je souhaite de tout mon coeur d'être en quelque chose utile pour lui (*). Я позабылъ: вы получили мое письмо изъ Праги, отъ $^{11}/_{22}$ іюля, гдѣ я писалъ объ моемъ отсюда отъѣздѣ. Штафету, что съ Лангомъ послана, я еще не получалъ; ежели она послѣ меня сюда придетъ, велѣлъ вслѣдъ меня послать. Здѣсь разглашаютъ и въ газетахъ нѣмецкихъ, намъ недоброжелательныхъ пишутъ, что въ Мореѣ уже нашихъ ни однаго человѣка нѣтъ (10). Прости, другъ сердечный; до свиданія! Между тѣмъ непремѣнно пребуду съ истинною преданностью, государь мой, вашъ вѣрный слуга к. М. Волконской.

(8). Побѣда при Ларгѣ была одержана 7-го іюля.

(9) Т. е. Веймарну, командовавшему расположенными въ Польшѣ русскими войсками и, въ отсутствіи Волконскаго, исправлявшему его должность.

(*) Т. е. поклонъ мой нашему любезному другу графу Понинскому; весьма цѣню пріязнь его, и ото в сего сердца желаю въ чемъ либо быть ему полезну.

9.

$^{11}/_{22}$ августа 1770. Гданскъ

Государь мой Яковъ Ивановичь! Два ваши письма въ Берлинѣ получилъ. Вчера пріѣхалъ въ Гданскъ. Я считалъ отъ васъ два письма получить, но не получилъ; думаю—или пропали, какъ сказываютъ, что три варшавскія почты сюда не бывали, или вы послали чрезъ Кенигсбергъ, то долго сюда не доходятъ. Напротивъ того, при пріѣздѣ моемъ сюда, получилъ я отъ васъ посланный съ Лангомъ штафетъ, который вслѣдъ меня ѣхалъ. Завтра я отсюда поѣду; въ три дня въ Кенигсбергъ пріѣду; тамъ два или три дня пробуду; и тако надѣюсь около 25 августа с. ш. въ Варшаву прибыть. О другой побѣдѣ графомъ Петромъ Александровичемъ (11) я, при пріѣздѣ моемъ сюда, свѣдалъ чрезъ письмо отъ вицъ-канцлера (12); и Ребиндеръ получилъ о томъ отъ двора; съ чѣмъ васъ, друга моего, поздравляю. До свиданія! Пребываю съ истинною преданностью, вѣрный слуга к. М. Волконской.

Приложенное письмо, пожалуй, какъ скоро можно сошли.

(10). Не можемъ опять не припомнить, что въ это самое время, постоянные успѣхи Орлова, Спиридова и Ельфинстона увѣнчались при Чесмѣ (24-го іюня) совершеннымъ истребленіемъ непріятельскаго флота.

(11). 21-го іюля Румянцевъ одержалъ побѣду при Кагулѣ.

(12). Кн. Александръ Михаиловичь Голицынъ, впослѣдствіи оберъ-камергеръ.

10.

$^{14}/_{25}$ августа 1770. Кенигсбергъ.

Государь мой Яковъ Ивановичь! Сейчасъ пріѣхалъ я сюда и, при пріѣздѣ моемъ, письмо ваше отъ Лицина (*) получилъ; покорно за оное благодарствую. Я здѣсь завтра и послѣ-завтра пробуду; а $^{17}/_{28}$ сего отсюда поѣду; чрезъ три дня пріѣду въ Виленбергъ, а оттуда дня въ четыре въ Варшаву; и тако надѣюсь $\frac{25 \text{ августа}}{5 \text{ сент.}}$ къ вамъ прибыть. Я, слава Богу, здоровъ. До свиданья! Пребываю вѣрный вашъ слуга к. М. Волконской.

Сіе посылаю чрезъ штафетъ.—Штафету вашу наконецъ во Гданскѣ получилъ: ѣхала все вслѣдъ меня; и откуда къ вамъ писалъ; надѣюсь, уже получили.

11.

Рига $^{19}/_{30}$ іюня 1771.

Государь мой Яковъ Ивановичь! Дружеское письмо ваше, по пріѣздѣ моемъ сюда, на другой день, то есть вчера, получилъ; благодарствую за оное. Желаю сердечно вамъ по вашимъ меритамъ лучшаго состоянія; сожалѣю же о неудовольствіяхъ: надѣюсь, не продолжатся. Что касается до кондуиты Гагенмейстера, жаль, что я прежде не вѣдалъ; а теперь такія мѣры всюду сходныя съ его кондуитою. Письмо Приклонскому ([13]) отдалъ. Я, слава Богу, здоровъ, завтра рано путь мою продолжать буду и надѣюсь, какъ вы это письмо получите, то я въ то время въ Петербургъ пріѣду. Я васъ не хочу много увѣрять о моей истинной дружбѣ, а желаю только случая дѣйствіемъ оную засвидѣтельствовать. О моей дискреціи не сомнѣвайтесь; а мнѣ вѣрьте, что съ искренностью всегда пребуду вашъ, государь мой, покорно вѣрный слуга к. М. Волконской.

12.

Государь мой Яковъ Ивановичь! Письмо ваше я сейчасъ получилъ при отъѣздѣ моимъ въ Москву, куда сегодня ѣду съ язвою драться и главную команду тамъ имѣть. Покорно благодарствую какъ за дружеское ваше письмо, да и за присылку бритвъ; я ихъ не видалъ: онѣ еще въ таможнѣ; послѣ меня, Алексѣй Ивановичь возьметъ. Пожалуй, отпиши, сколько за нихъ денегъ и кому отдать. О моей истинной дружбѣ будьте увѣрены; дай Боже, чтобъ я случай имѣлъ ее дѣйствомъ вамъ доказать. Ваши достоинства я не преминулъ всѣмъ и вездѣ, гдѣ случай дошелъ, изъяснять; хотя еще сіе дѣйства своего не имѣло, но я должность свою сдѣлалъ. Вы увидитесь съ князь Николаемъ Васильевичемъ ([14]); прошу ему мое искреннее почтеніе засвидѣтельствовать. Удивляюсь нахальству конфедератовъ и оплошности нашей въ укражѣ короля ([15]): развѣ пикеты сведены, которые при мнѣ были, и патрулей кирасирскихъ больше нѣтъ? Пребываю съ истинною преданностью, государь мой, вашъ вѣрный слуга к. М. Волконской.

$^{6}/_{17}$ октября 1771
С. Петербургъ

P. S. Прошу всѣмъ поклониться, кто обо мнѣ вспомнитъ.

(*) Вѣроятно одинъ изъ незаконныхъ дѣтей какого нибудь князя *Голицина. П. Б.*

([13]). Приклонскіе были въ свойствѣ съ Я. И. Булгаковымъ, сестра котораго была за мужемъ за Приклонскимъ.

([14]). Репнинъ, котораго Румянцевъ упрекалъ за независѣвшую отъ него потерю Журжи, испросилъ увольненіе въ чужіе края и вѣроятно долженъ былъ проѣхать черезъ Варшаву.

([15]). Извѣстнымъ конфедератомъ Пулавскимъ.

13.

Государь мой Яковъ Ивановичь! Дружеское письмо ваше получилъ, за которое покорно благодарствую. Сердечно желаю, чтобъ, по желанію вашему, васъ Богъ избавилъ. Деньги по векселю заплатилъ, который при семъ возвратно прилагаю. У насъ здѣсь, на Москвѣ, слава Богу, все хорошо: болѣзнь совсѣмъ утихла; уже восьмой день сегодня, что ни одинъ человѣкъ не умиралъ и не заболѣлъ. Упражняюсь теперь всѣ мѣры взять ко отвращенію, чтобъ весной, какъ здѣсь, такъ и въ уѣздѣ, не отрыгнула. Я понесъ не малый убытокъ: у меня въ деревнѣ, въ 35 верстахъ отсюда, гдѣ было 3350 душъ муж. и жен., изъ онаго числа умерло 865 душъ (*). Покой и время все наградятъ. Долго ль я здѣсь пробуду еще, не знаю: мнѣ кажется, что я здѣсь не гвоздемъ прибитъ; вѣдь вы знаете, что мнѣ нигдѣ двухъ годовъ не опредѣлено на одномъ мѣстѣ прожить (16). Я слава Богу, здоровъ; я бы радъ былъ на коня: не знаю что будетъ. Прости, другъ сердечный: князь Николаю Васильевичу сердечно кланяюсь. Отецъ вашъ (17) у меня былъ; я ему сказывалъ, что онъ имѣетъ причину вами радоваться и просилъ его, чтобъ онъ почаще у меня бывалъ и сказывалъ, ежели я въ чемъ могу служить. Въ другой разъ прости и вѣрь, что я съ истинною преданностью, государь мой, вашъ покорно вѣрный слуга к. М. Волконской.

Москва.
12/23 генваря 1772.

14.

Государь мой Яковъ Ивановичь! Письмо ваше я получилъ, за которое благодарствую. О чемъ вы ко мнѣ писали, на оное отвѣтствую: одно уже сдѣлано, касающее до отца вашего; а по другому я бы сердечно радъ, но знаю, что письма мои не помогутъ; а ежели бы мнѣ случилось въ Петербургѣ быть (куда однакожъ не вижу еще дороги, развѣ зимою), то бы все употребилъ, что бы мнѣ только можно, дабы вы, по вашему желанію, получить могли. Конечно вы больше заслужили какъ Козловъ. Прошу Александу Ильичу (18) мое почтеніе засвидѣтельствовать и его поздравить въ генералахъ полныхъ; я сему истинно порадовался: достойное достойному! Прости другъ мой, и вѣрь, что я всегда съ истиннымъ усердіемъ вашъ вѣрный слуга к. М. Волконской.

13 мая 1773.
Москва.

ПИСЬМО А. И. БИБИКОВА КЪ КН. М. Н. ВОЛКОНСКОМУ (1)

Милостивый государь, князь Михайло Никитичь! Принося, по должности, покорную благодарность започтен-

(*) К. Волхонскій говоритъ здѣсь, по всему вѣроятію, о своемъ большомъ подмосковномъ имѣніи (гдѣ онъ почасту живалъ) селѣ Раменскомъ, находящемся нынѣ близъ Рязанской желѣзной дороги и принадлежащемъ его родному правнуку кн. А. Ѳ. Голицыну Прозоровскому. *П. Б.*

(16). Предположенія Волконскаго не сбылись: онъ девять лѣтъ управлялъ Москвой, самъ просилъ объ увольненіи и умеръ въ отставкѣ въ 1788 г.

(17). Иванъ Михаиловичь Булгаковъ жилъ въ отставкѣ, въ Москвѣ; при Петрѣ Великомъ онъ былъ секретаремъ преображенскаго полка.

(18). А. И. Бибиковъ, въ 1771 году, замѣнилъ генерала Веймарна, въ командованіи войсками въ Польшѣ и въ апрѣлѣ 1773 года былъ произведенъ въ генералъ-аншефы.

(1) Письмо это печатается не съ подлинника, а съ копіи, писанной рукою Ивана Михайловича Булгакова, отца извѣстнаго дипломата Як. Ив.

нѣйшее письмо ваше, отъ 10 марта, и за увѣдомленіе объ отправленной артилеріи, изъ которой въ Казань уже три пушки прибыли, поспѣшаю васъ, милостивый государь, увѣдомить, что патріотическое желаніе совершилось: я отъ сердца васъ поздравляю, что, преодолѣвъ всѣ трудности, одержали, 22 дня марта, при крѣпости Татищевой, въ 52 верстахъ отъ Оренбурга, совершенную и полную побѣду надъ самимъ самозванцемъ ([2]). Сей злодѣй имѣлъ сонмище свое проклятое въ 9000 измѣнниковъ, которое, по шестичасовомъ огнѣ, разбито,—и крѣпость взята съ 36-ю большими орудіями. На мѣстѣ побито измѣнниковъ около 2000, полонено 3000 слишкомъ, въ томъ числѣ болѣе 600 яицкихъ воровъ казаковъ; и послѣднихъ еще приводятъ безпрерывно, не считая солдатъ, взятыхъ ими у Чернышева ([3]), и гренадеръ, потерянныхъ Каромъ ([4]). Неизвѣстно еще, живъ ли самъ злодѣй или нѣтъ; но если онъ живъ остался, то побѣжалъ онъ къ Илецкому городку, ибо отовсюда путь ему пресѣченъ. Теперь первое извѣстіе получите, ваше сіятельство, что корпусъ съ провіантомъ и фуражемъ вступилъ въ Оренбургъ, по столь долго бѣдственному его страданію; къ счастію дороги степныя .... еще изрядныя. А Яицкій городокъ, по многократнымъ покушеніямъ злодѣевъ, уцѣлѣлъ; Симоновъ ([5]) недавно, въ отсутствіе изверга, сдѣлалъ на измѣнниковъ удачную вылазку и чуть не захватилъ онаго измѣнника. А жену его, на которой онъ женился, взяли. Теперь уповаю, не будетъ затрудненія съ толпою: достальныя хлопоты. Жаль только, что робкіе сибирскіе военные начальники допустили сему злу распространиться, а паче недѣйстіемъ своимъ господинъ Декулонгъ ([6]). Вотъ, милостивой государь, вѣсти, которыя васъ, по любви вашей къ отечеству и

Булгакова. Изъ переписки кн. М. Н. Волконскаго съ Яковомъ Ивановичемъ видно, что Волконскій, бывши главнокомандующимъ въ Москвѣ, оказывалъ особое вниманіе старику Булгакову, по дружбѣ къ сыну. Это обстоятельство достаточно объясняетъ, почему письмо, полученное съ театра грознаго мятежа, особенно съ первыми утѣшительными извѣстіями, къ тому же сообщаемыми лицомъ, на котораго возлагались всѣ надежды на подавленіе возмутившагося края, — оказалось въ копіи между бумагами Ив. Мих. Булгакова.

([2]) Честь этой побѣды принадлежитъ, какъ извѣстно, кн. Петру Михайловичу Голицыну, уже отличившемуся передъ симъ въ дѣлахъ противъ польскихъ конфедератовъ.

([3]) Полковникъ Петръ Матвѣевичь Чернышевъ, вышедшій изъ Симбирска, гдѣ занималъ должность коменданта, съ отрядомъ изъ 1200 человѣкъ, на помощь осажденному Оренбургу,—вслѣдствіе измѣны, былъ 13-го ноября 1773 г., разбитъ Пугачевымъ и повѣшенъ вмѣстѣ съ 34-мя офицерами, съ нимъ бывшими.

([4]) Генералъ-маіоръ Каръ, подъ предлогомъ болѣзни, самовольно покинулъ ввѣренное ему войско и предалъ его совершенному пораженію. Впрочемъ вопросъ о поведеніи Кара не вполнѣ разъясненъ; см. о томъ Матер. для ист. Пугачевск. бунта, Я. К. Грота, стр. 8 и 9.

([5]) Подполковникъ Симоновъ держался въ Яицкомъ городкѣ съ двумя легкими командами и не переставалъ тревожить шайки самозванца вылазками и нечаянными нападеніями.

([6]) Генералъ-поручикъ Де-Калонгъ, начальникъ сибирской линіи, не смотря на всѣ требованія оренбургскаго губернатора Рейнсдорпа, не оказалъ ни малѣйшей помощи Оренбургу и, подъ предлогомъ наблюденія за сибирскими кочевниками, оставался во все время осады въ Верхне-Уральскѣ.

([7]) Письмо это писано Бибиковымъ изъ Бугульмы, гдѣ онъ, по пріѣздѣ, получилъ отъ кн. Голицына донесеніе о пораженіи Пугачева, при Татищевой крѣпости, и объ освобожденіи Оренбурга.—9-го апрѣля того же года, смерть прекратила полезную и многоразличную дѣятельность Александра Ильича.

.... особливой ко мнѣ, утѣшать, а я, поспѣшая сего отправить, окончу мое письмо, подтверждая то истинное и нелицемѣрное почтеніе, съ которымъ навсегда остаюсь, милостивый государь мой, вашего сіятельства покорнѣйшій слуга Александръ Бибиковъ.

26 марта 1774 г. (7).

*

Приложеніе

Въ числѣ бумагъ И. М. Булгакова, относящихся къ пребыванію А. И. Бибикова въ Казани и къ дѣятельности его, во время Пугачевщины, есть между прочимъ краткая записка о движеніяхъ войскъ, дѣйствующихъ или назначенныхъ для дѣйствій противъ мятежниковъ. Кѣмъ, для кого, когда эта записка, составлена, — на ней не значится; но очевидно она писана въ началѣ февраля 1774 года, т. е. вскорѣ по пріѣздѣ Бибикова въ Казань. Весьма вѣроятно, что свѣдѣнія, въ ней заключающіяся, почерпнуты изъ переписки Александра Ильича съ кн. Волконскимъ, оказавшимъ своими распоряженіями столь дѣятельное пособіе въ подавленіи мятежа.

Изъ Казани войска слѣдуютъ къ Оренбургу:

1. Корпусъ изъ Самары, подъ предводительствомъ генералъ маіора Мансурова (8), состоящій въ 3500 человѣкахъ регулярныхъ людей; а потомъ вскорѣ въ Самару ожидается донскихъ вѣрныхъ казаковъ 2500 человѣкъ, и оные тудажъ пойдутъ.

2. Корпусы изъ Бугульмы, подъ предводительствомъ генералъ-маіора Голицына (9) и Фреймана (10), будутъ слѣдовать къ Оренбургу жъ; и оба сіи корпуса должны сойтись въ Бузулуцкой крѣпости и, по соединеніи, пойдутъ подъ Оренбургъ на злодѣйскую толпу; и надѣются не ранѣе быть дѣлу, какъ 28-го февраля.

3. Еще корпусъ пошлется по бугульминской дорогѣ, въ запасъ, подъ предводительствомъ генералъ-маіора Ларіонова, числомъ въ 1500 человѣкахъ (11).

4. Партія послана въ Кунгуръ, въ 250 человѣкахъ, коя уже знатное дѣло имѣла (12).

5. Въ Мензелинскъ и въ Заинскъ; и тамъ много возмутившихся обращено (13).

---

(8) Послѣ освожденія Самары маіоромъ Муфелемъ, 29-го января 1774 г., генералъ Мансуровъ былъ назначенъ для защиты самарской линіи; онъ освободилъ Уральскъ и, 14-го февраля, разбилъ мятежниковъ при Бузулуцкой крѣпости; послѣ пораженія Пугачева подъ Татищевой, Мансуровъ былъ отряженъ къ Илецкому городку.

(9) Корпусъ кн. Петра Голицына долженъ былъ дѣйствовать между Казанью и Оренбургомъ и охранять дорогу къ Москвѣ. Побѣды Голицына подъ Татищевой и подъ Каргаломъ, на Сакмарѣ (1-го апрѣля), нанесли рѣшительный ударъ мятежу; дальнѣйшія дѣйствія нашихъ войскъ были преимущественно направлены къ поимкѣ самаго самозванца.

(10) Генералъ Фрейманъ, еще до появленія Пугачева, усмирялъ яицкихъ казаковъ, взбунтовавшихся по поводу раздоровъ между атаманомъ и старшинами, и убившихъ присланнаго для прекращенія смутъ генерала Траубенберга. Впослѣдствія Фрейманъ былъ посланъ Голицынымъ для усмиренія Башкирцевъ.

(11) Казанское дворянство, одушевленное рѣчами Бибикова, постановивъ образованіе на свой счетъ коннаго корпуса, выбрало въ начальники этого корпуса ген.-м. Александра Леонтьевича Ларіонова, своднаго брата Александра Ильича. Ему поручена была оборона дороги отъ Оренбурга и Уфы; но, вслѣдствіе своего бездѣйствія, онъ долженъ былъ сдать команду полковнику Михельсону.

(12) Въ Кунгуръ была послана партія рекрутъ съ секундъ-маіоромъ Поповымъ, который своими распоряженіями съумѣлъ отстоять этотъ городъ противъ неоднократныхъ нападеній мятежниковъ.

(13) Отрядъ этотъ состоялъ изъ 4-хъ ротъ пѣхоты и 3-хъ ротъ гусаръ, подъ начальствомъ полковника Бибикова; онъ освободилъ Заинскъ и крѣпость Бакалы (11-го февраля). Въ сраженіи подъ Татищевой, Бибиковъ командовалъ лыжниками; въ послѣдующихъ дѣйствіяхъ, онъ

6. Вверхъ по Камѣ.

7. Со стороны Екатеринбурга, оборонитель — генералъ-поручикъ Декалонгъ ([14]), который городъ Челябу охранилъ и къ Екатеринбургу ожидался, въ двухъ полевыхъ командахъ.

8. Генералъ-маіоръ Станиславскій — въ Орской крѣпости, съ одной полевой командой; а отголь куда слѣдовать неизвѣстно; а думать надлежитъ, что и онъ къ Екатеринбургу возвратится; а къ Оренбургу съ одной командой идти не можно ([15]).

Подъ Кунгуромъ, въ селѣ Ардѣ, была стычка съ толпой, состоящей въ 2000 человѣкахъ: побито 400, въ полонъ взято 200 человѣкъ, пушекъ 18, пороху 12 пудовъ; а прочіе злодѣи конные убѣжали ([16]).

Въ Заинскѣ сраженіе, подъ предводительствомъ подполковника Бибикова; а побито злодѣевъ очень знатное число ([17]). А наконецъ уже 42 деревни жителей съ повиновеніемъ явились; а впредь и того больше въ повиновенію ожидаютъ.

нѣсколько разъ имѣлъ случай отличиться, начальствуя авангардомъ корпуса Голицына.

([14]) См. прим. 6-е.

([15]) Станиславскій былъ командированъ Де-Калонгомъ въ Оренбургскій край, еще въ ноябрѣ 1773 г.; но эта единственная попытка Де-Калонга оказать помощь Оренбургу не принесла ни малѣйшей пользы, ибо, по малочисленности ли отряда, или по другимъ причинамъ, Станиславскій оставался въ Орской крѣпости, во все время осады Оренбурга.

([16]) Побѣду эту одержалъ съ небольшой командой нарвскаго пѣхотнаго полка преміеръ-маіоръ Гагаринъ.

([17]) См. примѣч. 13-е.

Къ прим. 8-му. А не 29-го дек. 1773 г., какъ значится въ Исторіи Пугачевскаго бунта, ибо Пугачевъ занялъ Самару 28-го декабря, а Муффель посланъ былъ, для освобожденія Самары, по распоряженію Бибикова (Зап. о жизни А. И. Бибикова, изд. 2-е, стр. 135), пріѣхавшаго въ Казань 25 декабря: полученіе въ Казани извѣстія о взятіи Самары самозванцемъ и приведеніе въ исполненіе приказа, отданнаго въ Казани, никакъ не могли потребовать однихъ только сутокъ. Неточность эта повторяется въ примѣчаніи г-на Щебальскаго, на 390-мъ столбцѣ Русск. Арх. 1866 г.

ПИСЬМО ГР. Н. И. ПАНИНА КЪ ГР. НЕССЕЛЬРОДУ-ОТЦУ.

St. Pétersbourg ce 1 du Novembre 1779.

J'ai bien du plaisir à vous annoncer, monsieur, l'approbation que l'impératrice a daigné accorder à votre mariage avec m-lle Gontard. Prenant de l'intérêt au bonheur auquel vous vous attendés, monsieur, je ne saurais me refuser la satisfaction de vous faire compliment sur cette union, et de vous offrir tous mes voeux, pour qu' elle devienne une source de prospérité pour vous et pour celle qui va unir son sort au votre.

Le chevalier de Horta se trouvant ici depuis quelques semaines, l'intention de l'impératrice est que vous mettiés de la diligeance, monsieur, à vous rendre à votre poste dès que vous aurés terminé les arrangements qui vont maintenant précédér votre départ. Aussi n'aurés vous point à vous attendre à des prescriptions ultérieures à Londres, mais vous voudrés bien poursuivre votre route vers l'endroit de votre destination, sans donner d'autre relache à votre voyage, que celui que peuvent exiger les fatigues, qui en sont inséparables.

J'ai l'honneur d'être avec une parfaite considération, monsieur, votre très humble et très obéissant serviteur

C. N. Panin.

à mr. le cte de Nesselrode.

Переводъ. Спб. 1 Ноября 1779. Мнѣ пріятно увѣдомить васъ, милостивый государь, что императрица изволила из-

явить свое согласіе на бракъ вашъ съ дѣвицею Гонтаръ. Пріемля участіе въ ожидаемомъ вами благополучіи, я не могу отказать себѣ въ удовольствіи поздравить васъ съ этимъ союзомъ и принести вамъ мои пожеланія, чтобы оный содѣлался источникомъ благъ какъ для васъ, такъ и для той, которая соединяетъ судьбу свою съ вашею. Такъ какъ кавалеръ Горта (1) уже нѣсколько недѣль находится здѣсь, то императрица желаетъ, чтобы и вы, милостивый государь, окончивъ нынѣшнія ваши приготовленія къ отъѣзду, не медлили далѣе отправленіемъ къ вашей должности. Посему вамъ нечего ждать предписаній кромѣ тѣхъ, которыя вы получили въ Лондонѣ, а благоволите продолжать путь вашъ къ мѣсту назначенія, останавливаясь только въ тѣхъ случаяхъ, когда найдете нужнымъ оправиться отъ неразлучной съ плаваніемъ усталости. Имѣю честь быть съ совершеннымъ почтеніемъ вашимъ покорнѣйшимъ и нижайшимъ слугою гр. Н. Панинъ. Господину гр. Нессельроду.

*

Гр. Вильгельмъ Нессельродъ (1724 — 1810) отецъ покойнаго канцлера гр. Карла Васильевича, былъ тогда нашимъ дѣйствительнымъ камергеромъ и назначенъ чрезвычайнымъ посланникомъ и полномочнымъ министромъ въ Португалію. Онъ женился на дочери франкфуртскаго купца Еврея, Луизѣ Гонтаръ (ум. 1785). См. Записки сына его въ Русскомъ Вѣстникѣ 1865 г. X, стр. 520. Письмо это, а равно и слѣдующее за нимъ письмо Гарриса, списаны съ подлинниковъ и обязательно сообщены намъ А. А. Половцовымъ. *П. Б.*

ПИСЬМО ГАРРИСА (ЛОРДА МАЛЬМСБЮРИ) КЪ ГР. НЕССЕЛЬРОДУ-ОТЦУ.

Je suis trop intéressé, mon cher comte, à la naissance de votre fils pour ne pas repondre tout de suite à votre lettre de 2 janvier par la quelle vous m'annoncez cet evenement; je vous fais ainsi qu'à mame la comtesse mes très sinceres complìments, en vous priant d'y ajouter ceux de ma femme. J'approuve, comme vous pensez bien, la religion que vous avez choisi pour votre enfant, et je me flatte que ses dogmes politiques seront aussi sains, quand il est d'un age à en comprendre la valeur. Ce terme est très difficile à deviner, attendu que sur cette matière, l'esprit humain devient tous les jours plus sublime et moins comprehensilbe.

A tout prendre, mon cher comte, je ne pense pas que le beau climat de Lisbonne vous dedommage d'autres inconveniens. Le tableau que vous me faites de vos collegues n'est pas infiniment touchant, et par ce que je connois des allures de votre société, elle ne doit point être de plus aimables.

Ici, de ce coté, nous gagnions à vue d'oeil, et quoique je trouve que nous autres ministres etrangers avons etabli entre nous un certain ton de gamins que je désapprouve fort, cependant cela va mieux que par le passé. Verac, quoique mon ennemi, est parfait honnete homme. Cobenzl grand amateur de diners et soupers et il repand des largesses parelles à pleines mains. Votre pendant le cheu-r Horta est le meilleur enfant du monde, mais enfant au pied de la lettre et qui à la suite d'une education metaphysique de Coimre, soutient des paradoxes avec une facilité merveilleuse; malheuresement il les croit lui-même sans pouvoir les faire croire aux autres, et de là il resulte que dans les operations de la vie, il est sujet de prendre l'exeption à la place de la regle. Le comte Göertz et les Hollandois, ambassadeurs et resident, forment un phalang formidable: comme la boite de Pandore

(1) Шеваліе д'Орта-Машадо, Португальскій полномочный министръ при нашемъ дворѣ

ils distribuent des maladies, et entre autres ils m'ont destinés *la jaunisse*. Je ne doute nullement que leur boite en contient bien d'autres, mais je me flatte qu'ils ne trouveront pas l'esperance au fond. Nolcken ne varie point, et tous ses efforts ne font pas varier sa femme. Sacken a reçu l'ordre de l'aigle blanc sans être pour cela plus aigle. Quand à notre Neapolitain, nous avons des nouvelles plus fraiches de l'Amerique que de lui: il s'enferme l'hiver comme une marmotte, et jusque'à son suisse personne est à la maison.

Ayant passé en revue tous mes dignes camarades, il ne me reste qu'à vous parler de moi même et sur cet article, je ne puis que vous dire que mon séjour ici m'est infiniment agréable et intéressant, et que ni la mort recente de mon père, ni nuls autres motifs domestiques m'engageront à le changer. Adieu, non cher comte, racommodez votre cheminée, priez Dieu contre des tremblemens de terre, et acceptez les assurances de l'amitié de votre serviteur. Harris.

Pétersbourg ce 19 février v. s. 1780.

Переводъ. Любезный графъ. Отвѣчаю на письмо ваше отъ 2 января, извѣщающее о томъ, что у васъ родился сынъ,—(1) событіе, которому я слишкомъ радуюсь, чтобы не поспѣшить моимъ отзывомъ. Я и жена моя посылаемъ наши искреннія привѣтствія вамъ и графинѣ. Само собою разумѣется, что я одобряю религію, которую вы избрали для вашего ребенка (2), и ласкаюсь надеждою, что столь же святы будутъ и его политическіе догматы, когда онъ достигнетъ возраста, чтобы понять значеніе оныхъ; предѣлъ этотъ весьма трудно обозначить, такъ какъ относительно этого предмета умъ человѣческій съ каждымъ днемъ становится возвышеннѣе и неуловимѣе.

Судя по всему, любезный графъ, я не думаю, чтобы тяжесть Лиссобонской жизни могла быть для васъ искупаема тамошнимъ прекраснымъ климатомъ. Начертанное вами изображеніе вашихъ сотоварищей отнюдь не привлекательно, и пріемы того общества, въ которомъ вы обрѣтаетесь, сколько мнѣ извѣстно, не должны быть очень любезны. Въ этомъ отношеніи, мы здѣсь счастливѣе, и хотя мнѣ сдается, къ великой моей досадѣ, что мы, здѣшніе иностранные министры, дѣйствуемъ какъ мальчишки, не менѣе того все же у насъ теперь лучше, чѣмъ было прежде. Веракъ (3), хотя и врагъ мой, но человѣкъ превосходный. Кобенцель (4), великій охотникъ до обѣдовъ и ужиновъ, и въ этомъ отношеніи держитъ себя на славу. Вашъ противень кавалеръ Горта— лучшее дитя сего міра, но дитя въ буквальномъ смыслѣ слова: вслѣдствіе метафическаго воспитанія, полученнаго имъ въ Коимбрѣ, онъ съ удивительнымъ искусствомъ защищаетъ свои парадоксы; къ несчастію онъ вѣруетъ въ нихъ, и не можетъ вселить эту вѣру въ другихъ, отъ чего и происходитъ, что въ житей-

(1) Гр. К. В. Нессельродъ въ Запискахъ своихъ (Р. Вѣст. 1865, X, стр. 519) говоритъ, что онъ родился 2/13 декабря 1780 г., что противорѣчитъ этому подлинному письму. Онъ писалъ свои Записки въ глубокой старости и могъ ошибиться; либо Гаррисъ ошибся въ письмѣ своемъ.

(2) „Отецъ мой—говоритъ гр. К. В. Нессельродъ—согласился на желаніе матери моей окрестить и воспитать меня по обрядамъ той вѣры, которую она сама исповѣдывала. Въ Лиссабонѣ не оказалось инаго протестантскаго храма кромѣ домашней церкви Англійскаго посольства; въ ней совершилось мое крещеніе, и такимъ образомъ я на всю жизнь принялъ Англиканское вѣроисповѣданіе.» — Знаменитый Гаррисъ и гр. Нессельродъ-отецъ могли сблизиться между собою въ Берлинѣ, гдѣ первый изъ нихъ былъ Великобританскимъ посланникомъ, а второй камергеромъ при Фридрихѣ Великомъ.

(3) Марки де Веракъ, полномочный министръ Французскій.

(4) Графъ Луи Кобенцель, чрезвычайный посланникъ и полномочный министръ Австрійскій.

(5) Португальскій полномочный министръ.

скихъ дѣлахъ онъ нерѣдко беретъ исключеніе за правило. Графъ Гёрцъ (6) и Голландцы, посолъ и резидентъ (7) образуютъ изъ себя грозную фалангу; точно изъ ящика Пандоры, отъ нихъ только и слуховъ, что о болѣзняхъ, и меня между прочимъ они провозгласили въ *желтухѣ*. Нисколько не сомнѣваюсь, что у нихъ въ ящикѣ много еще и другихъ золъ, но мнѣ пріятно думать, что на днѣ онаго они не сыщутъ надежды. Нолькенъ (8) не измѣняется, и всѣ его усилія не заставляютъ измѣниться его супругу. Сакенъ (9) получилъ бѣлаго орла, отъ чего не прибавилось ему прозорливости. Что касается до нашего Неаполитанца (10), то мы скорѣе получаемъ извѣстія изъ Америки, нежели объ немъ; онъ заперся на зиму какъ сурокъ, и у него всегда никого нѣтъ дома, кромѣ его швейцара.—Перебравъ всѣхъ моихъ недостойныхъ товарищей, долженъ напослѣдокъ сказать вамъ что нибудь и о себѣ, и на этотъ предметъ сообщу, что здѣшнее мое пребываніе для меня чрезвычайно пріятно и интересно, и что ни недавняя кончина батюшки, ни какія другія домашнія обстоятельства не понудятъ меня оставить это мѣсто (11). Простите, любезный графъ, почините у себя каминъ, молитесь Богу, чтобы не было землетрясенія и примите увѣренія въ дружбѣ вашего слуги Гарриса. Петербургъ 19 февраля ст. ст. 1780.

(6) Чрезвычайный посланникъ и полн. м. Прусскій.

(7) Баронъ Вассенаеръ де Старенбургъ, чрезв. и полном. посолъ и господинъ де Свартъ, резидентъ.

(8) Баронъ Нолькенъ, чрезв. посолъ Шведскій.

(9) Баронъ Остенъ-Сакенъ, послан. и полн. министръ Саксонскій.

(10) Дюкъ ди Санъ Никола, полном. мин. Неаполитанскій.

(11) Вскорѣ обстоятельства перемѣнились: настойчивость имп. Екатерины и гр. Панина заставили Гарриса покинуть званіе чрезвычайнаго посланника и полномочнаго министра, и позднѣе, въ 1788 году онъ много повредилъ намъ въ Берлинѣ и Лондонѣ (См. Зап. Храповицкаго, стр. 114, 120 и 129.) Его депеши за время пребыванія его у насъ см. въ Русскомъ Архивѣ 1866 г. стр. 584.

ДВА СОБСТВЕННОРУЧНЫХЪ ПИСЬМА ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ II

На имя Уфимскихъ намѣстниковъ Якобія и барона Игельштрома.

I.

Господинъ генералъ-поручикъ Якоби! Здѣсь дошелъ слухъ партикулярнымъ образомъ изъ дому ассессора Твердышева, будто бы между Башкирцами Уфимской губерніи происходятъ разныя болтанія и разсѣваются и между крестьянами, подавая причины къ замѣшательству. Извѣстія сіи тѣмъ менѣе намъ кажутся вѣроятными, что мы имѣли недавно донесеніе ваше о совершенной тишинѣ и благополучіи въ краѣ; даже увѣрены, что ежели бы что либо подобное открылось въ краѣ, главному начальству вашему ввѣренномъ, вы конечно не упустили бы по должности своей донести намъ тотчасъ о томъ. Страненъ намъ показался приказъ, находящагося въ Зѣлоярской крѣпости (1) секунда-маіора Тимашева къ прикащику Твердышева Евдокимову (въ копіи при семъ прилагаемый) въ которомъ сей офицеръ говоритъ о намѣреніи Башкирцевъ къ бунту въ нынѣшнее лѣто и поручаетъ прикащику о томъ развѣдать и примѣчать. Вы не оставите исправить таковыхъ начальниковъ, чтобы они не такъ легко слово *бунтъ* употребляли тамъ, гдѣ его признаковъ нѣтъ, и подобныя развѣдыванія и примѣчанія не возлагали на людей, отъ коихъ только излишняя тревога и всякое злоупотребленіе происходить могутъ. Впрочемъ,

(1) Нынѣ казачья станица Оренбургскаго уѣзда.

дабы мы были по возможности извѣстны о состояніи того пограничнаго края, повелѣваемъ вамъ, получая еженедѣльныя увѣдомленія отъ всѣхъ уѣздовъ губерній вамъ ввѣренныхъ ([2]) и отъ крѣпостей, въ нихъ находящихся, доносить намъ всякую недѣлю на обыкновенной почтѣ, однажды, о спокойствіи и благосостояніи всѣхъ оныхъ мѣстъ, изъясняя при томъ, естьли случатся, всякія приключенія, вниманіе наше заслуживающія. Не сомнѣваемся мы, что вы стараетесь о безопасности того края и не упустите благовременно брать мѣры къ упрежденію неустройствъ и къ обузданію продерзостей. Пребываемъ всегда вамъ благосклонны. Екатерина.

Царское Село.
Іюля 9. 1782.

Приложеніе.

Секретно.

Отъ находящагося въ Зѣлоярской крѣпости коменданта, секундъ-маіора Тимашева г. коллежскаго ассесора Якова Твердышева Преображенскаго его завода ([3]) прикащику Аѳонасію Евдокимову

Приказъ.

Нѣкоторою частію извѣстно мнѣ, что сосѣдствующіе около здѣшнихъ мѣстъ и лежащіе далѣе Башкирцы, въ разсужденіи ихъ легкомыслія, намѣренія свои предпринимаютъ къ нарушенію общаго спокойствія, клонящіяся въ нынѣшнее лѣто и къ бунту, о чемъ я чрезъ многіе случаи секретно изслѣдовалъ, да и въ губернскую ([4]) о томъ рапортовалъ; почему тебѣ въ предосторожность опредѣляю съ наикрѣпчайшимъ подтвержденіемъ о семъ ихъ Башкирскомъ зломъ намѣреніи не открыто, а пристойнымъ образомъ чрезъ надежныхъ людей развѣдывать секретно и непримѣтными имъ способами, и примѣчать при томъ, не приготовляютъ ли при томъ стрѣлъ, ружей и прочаго и по развѣдываніи меня со обстоятельствомъ увѣдомить. Марта дня 1782 года. Маіоръ Козьма Тимашевъ.

II.

Секретно.

Господинъ генералъ-поручикъ баронъ Игельштромъ! Донесеніе Сибирскаго драгунскаго полка прапорщика Менщикова о развѣданномъ имъ между крестьянами Каминской волости ([5]) касательномъ до появленія будтобы самозванца, тѣмъ менѣе заслуживаетъ вниманіе, что упоминаемое тутъ о регулярныхъ войскахъ и артиллеріи въ степи собранныхъ и вовсе вѣрованнымъ быть не можетъ; напротивъ того подаетъ поводъ къ сомнѣнію, что сей прапорщикъ, какъ самъ говоритъ, простоявъ въ деревнѣ Ялымской за недачею лошадей трое сутки, принялъ разсказы за дѣло. Но для чего онъ не увѣдомилъ тогда же и не предостерегъ о семъ исправника того уѣзда, а равномѣрно и сей послѣдній былъ обязанъ должностью своей наблюдать порядокъ и спокойствіе въ уѣздѣ ему ввѣренномъ и симъ образомъ могъ не вѣдать въ немъ происходящее, и особливо таковыя разглашенія надлежитъ не оставить безъ изслѣдованія и взысканія. За симъ, хотя и всякая осторожность не только не излишняя, но и нужна есть, но дол-

([2]) Къ Уфимскому намѣстничеству принадлежала и Симбирская губернія.

([3]) Оренбургскаго уѣзда.

([4]) Губернскую канцелярію или намѣстническое правленіе.

([5]) Нынѣ Оренбургской губерніи Челябинскаго уѣзда; сюда принадлежитъ дер. Ялымская, гдѣ былъ задержанъ крестьянами прапорщикъ Менщиковъ.

жно всемѣрно остерегаться въ подобныхъ случаяхъ, чтобъ не показать ни малѣйшаго вида опасности или тревоги, ибо сіе послужило бы къ вящему смущенію и безпокойствію жителей. Когда же исправники, нижніе земскіе суды и прочіе, до кого относится сохраненіе сельскаго устройства и благочинія, болѣе станутъ бдѣть о должности своей, не упуская ничего въ самомъ началѣ исправленія требующаго, охраняя округу, каждому ввѣренную отъ обидъ и притѣсненій и о всемъ благовременно донося начальству: то нѣтъ сомнѣнія, что не только безпокойныя какія либо произшествія, но и самыя разглашенія мѣста имѣть не будутъ. На семъ основаніи, взявъ отъ означенныхъ прапорщика и исправника объясненія, вы не оставите насъ увѣдомить обстоятельно. Пребываемъ впрочемъ вамъ благосклонны. Екатерина.

Царское Село
Мая 8, 1786 года.

Эти оба письма на полубѣлой бумагѣ, въ размѣрѣ почтоваго листа большаго формата, хранятся переплетенными въ особую книгу вмѣстѣ съ многими письмами и рескриптами императрицы Екатерины II, императоровъ Павла I, Александра I и Николая I и многихъ высокихъ особъ въ Уфимскомъ губернскомъ правленіи. Нужно ли говорить, что чрезъ 11 лѣтъ послѣ казни Пугачева въ народѣ еще ходили слухи о самозванцахъ и его еще волновало имя Петра III(6)

(6) Пугачевщина въ тѣхъ мѣстахъ оставила глубокіе слѣды. Еще лѣтъ тридцать тому назадъ въ проѣздъ по тамошнему краю одного изъ Государей Великихъ Князей, сопровождавшій чиновникъ, въ одной станицѣ, пока перекладывали лошадей (близь Оренбурга), забѣжалъ въ казачью избу напиться молока и обратился къ подававшей молоко старухѣ со словами: «Что, вѣдь давно не видали вы царскаго корени?» — «Какъ же родимый — добродушно отвѣчала ему старая казачка — съ самого государя Петра Ѳедоровича не видали.» *П. Б.*

Благодаря просвѣщенному содѣйствію членовъ Уфимскаго Губернскаго Статистическаго комитета, и предсѣдателя онаго, г-на начальника губерніи Г. С. Аксакова, обратившихъ полное вниманіе на памятники старины, я имѣлъ случай разбирать архивы города Уфы; къ сожалѣнію тамъ не оказалось въ числѣ старыхъ намѣстническихъ дѣлъ никакихъ бумагъ по этимъ двумъ письмамъ Екатерины II; впрочемъ г. Уфа не разъ выгоралъ, особенно въ 1816 году, и изъ старыхъ архивскихъ дѣлъ не много уцѣлѣло отъ этихъ пожаровъ.

Руфъ Игнатьевъ.

Семейство Робеспьеровъ.

Въ «Мелочахъ изъ прошлаго» помѣщенныхъ въ двѣнадцатой книжкѣ Русскаго Архива за 1865 годъ (стр. 1537-1538) передается разсказъ о *пріятностяхъ* жизни Петербургскаго общества при Павлѣ Петровичѣ, разсказъ проживавшаго будто бы въ Россіи брата Робеспьерова. Упомянувъ въ началѣ статейки о братѣ другаго революціонера, Марата, принявшемъ фамилію Будри и служившемъ, какъ оказывается [1]), профессоромъ французскаго языка въ Царскосельскомъ лицеѣ, авторъ нашъ сообщаетъ слѣдующее извѣстіе о братѣ Робеспьера: «Едва ли многіе знаютъ — говоритъ онъ — что братъ Робеспьера также бѣжалъ изъ Франціи въ Россію, въ царствованіе Павла Петровича проживалъ въ Петербургѣ, а потомъ переселился въ Кіевъ, гдѣ жилъ еще въ последнее десятилѣтіе и гдѣ, кажется, и умеръ весьма недавно. Онъ также какъ Маратъ перемѣнилъ свою фамилію и назывался M-r de Meilhan, по имени своего роднаго селенія».

Достовѣрность этого извѣстія о *третьемъ* Робеспьерѣ, главнымъ образомъ по

[1]) Изъ „Воспоминаній лицеиста“ въ Рус. Арх. 1866 г., кн. 1, стр. 131. См. также „Библ. Зап.“ 1859 г., т. II, стр. 136.

отношенію къ принятой имъ фамиліи, справедливо заподозрѣна кн. М. А. Оболенскимъ, который, сообщивъ нѣсколько данныхъ объ извѣстномъ французскомъ эмигрантѣ, носившемъ у насъ въ Россіи фамилію де Мельянъ, высказываетъ предположеніе, не приняли ли этого эмигранта временъ Екатерины II, по какимъ нибудь догадкамъ, за брата Робеспьерова, смѣшавши неясные слухи о немъ, какъ объ эмигрантѣ временъ революціи, съ такими же слухами о дѣйствительно жившемъ въ Россіи братѣ другаго главнаго дѣятеля революціи, Марата, и не перенесены ли впослѣдствіи эти слухи на сына де Мельяна, который дѣйствительно жилъ одно время въ Россіи (1795), а можетъ быть и постоянно въ ней оставался. „Притомъ же — продолжаетъ авторъ — на сколько намъ извѣстна біографія этого послѣдняго (Робеспьера), мы не можемъ утвердительно сказать, имѣлъ ли онъ еще какого нибудь брата, кромѣ того младшаго Робеспьера (Augustin-Bon-Joseph), котораго онъ такъ любилъ и который, какъ извѣстно, подвергся одной съ нимъ участи. Любопытно было бы заглянуть въ Записки сестры ихъ, Шарлотты Робеспьеръ (умершей въ 1835 году), которыхъ пока мы не имѣемъ еще подъ рукою; не найдется ли развѣ тамъ какихъ нибудь указаній для разъясненія этого вопроса?". „Вѣрно тутъ пока одно — заключаетъ кн. Оболенскій — что если и былъ у Робеспьера какой-нибудь малоизвѣстный братъ, бѣжавшій въ Россію и принявшій фамилію де Мельянъ, то фамиліи этой никакъ не могъ онъ производить отъ мѣста своего рожденія, какъ это дѣлалъ г. де Мельянъ въ Кіевѣ, потому что семейство Робеспьеровъ было не изъ Мельяна, а изъ Арраса, чего, разумѣется, нельзя было не знать подлинному брату Робеспьера" [2]).

(2) «Сенакъ де Мельянъ, французскій эмигрантъ XVIII вѣка и его отношенія къ Россіи» — статья кн. М. А. Оболенскаго въ Рус. Арх. 1866 г., стр. 459.

Въ видахъ дальнѣйшаго разъясненія этого вопроса считаемъ нелишнимъ сказать нѣсколько словъ объ извѣстныхъ намъ членахъ семейства Робеспьеровъ, руководствуясь интересною и теперь довольно рѣдкою брошюрою [3]), подъ заглавіемъ: «Les Robespierre, monographie bibliographique», par J. M. Quérard. Paris. Mars. 1863. Этотъ въ высшей степени добросовѣстно и отчетливо составленный библіографическій трудъ Керара представляетъ, въ систематическомъ порядкѣ и замѣчательной полнотѣ, не только дѣльныя указанія на литературныя пособія, необходимыя для всякаго, желающаго обстоятельно познакомиться съ Робеспьерами, или съ эпохой ихъ жизни и дѣятельности, но нерѣдко и любопытныя выдержки изъ малоизвѣстныхъ и далеко не всѣмъ доступныхъ и въ самой Франціи сочиненій. Монографія Керара даетъ возможность прослѣдить литературную и политическую дѣятельность *троихъ* Робеспьеровъ: Максимиліана Maximilien-Marie-Isidore [4]), его сестры, Шарлотты (Marie-Marguerite-Charlotte de [5]), и брата ихъ, Августина (Augustin-Bon-Joseph) [6]), или Робеспьера младшаго (Robespierre le jeune, le cadet); впрочемъ большую часть монографіи занимаетъ личность старшаго Робеспьера (стр. 5—43), и только послѣднія страницы (43—44) посвящены его сестрѣ и брату.

Мы не будемъ распространяться здѣсь о тѣхъ новыхъ или малоизвѣстныхъ данныхъ, которыя предлагаетъ брошюра для біографіи обоихъ братьевъ-террори-

(3) Она выпущена была всего въ количествѣ *ста* экземпляровъ.

(4) Род. въ Аррасѣ 6 мая 1758 (а не 1759 г., какъ ошибочно показывали всѣ его біографы), погибъ въ Парижѣ на гильотинѣ 10 термидора II года (28 іюля 1794 г.).

(5) Род. въ Аррасѣ 21 января 1760 г., ум. въ Парижѣ 1 августа 1834 (а не 1835 г., какъ по ошибкѣ замѣчено у кн. Оболенскаго).

(6) Род. въ Аррасѣ 21 января 1763 г., погибъ въ Парижѣ на гильотинѣ вмѣстѣ съ братомъ.

стовъ и сестры ихъ Шарлотты, дѣвушки возвышеннаго, благороднаго характера, умной и благочестивой, не только не раздѣлявшей политическихъ увлеченій Максимиліана и Августина, но даже становившейся поперекъ имъ на дорогѣ и навлекшей за это на себя сильнѣйшую ненависть младшаго брата[7]). Замѣтимъ только, что у Керара нигдѣ нѣтъ и помину о существованіи третьяго брата Шарлотты, жившаго будто бы въ Россіи. Мы не знаемъ, на сколько *Записки* ея,[8]) которыхъ у насъ, къ сожалѣнію, также нѣтъ теперь подъ рукою, могутъ разъяснить этотъ вопросъ; думаемъ впрочемъ, и что въ нихъ не найдется никакихъ указаній на Робеспьера-де Мельяна. Мы рѣшаемся утверждать это на основаніи одного достовѣрнаго извѣстія о положеніи семьи Робеспьеровъ по смерти ихъ отца[9]). Извѣстіе это взято Кераромъ у *Лодьё* (Lodieu), автора біографіи «Максимиліана Робеспьера», напечатанной въ Аррасѣ въ 1850 году. Лодьё лучше, чѣмъ кому нибудь, извѣстны всѣ данныя касательно семейства Робеспьеровъ: служа помощникомъ коммиссара Аррасскаго округа, онъ имѣлъ возможность, кромѣ изданныхъ въ свѣтъ сочиненій о своемъ героѣ, перебрать и мѣстные архивы на самой родинѣ Робеспьеровъ. Изъ сообщаемаго Лодьё извѣстія видно, что семья Робеспьеровъ, по смерти ихъ отца (въ 1767 г.), состояла изъ четырехъ лицъ; только четвертымъ лицомъ былъ не искомый братъ Максимиліана Робеспьера, а *другая сестра* его, имени которой мы впрочемъ не знаемъ. Вотъ самое извѣстіе: «Едва Максимиліану—говоритъ Лодьё—исполнилось девять лѣтъ, какъ онъ, потерявъ отца, остался круглымъ сиротою съ меньшими *братомъ* и *двумя сестрами* (avec un frère et deux soeurs). Надо было кому нибудь пріютить безпомощныхъ дѣтей, и двѣ тетки по отцу призрѣли обѣихъ дѣвочекъ, а дѣдъ и бабка по матери взяли на себя заботы о воспитаніи Максимиліана и его брата Августина.»

М. Шугуровъ.

---

(7) Вотъ отзывъ его о сестрѣ въ письмѣ къ Максимиліану: «*Ma soeur n'a pas une seule goutte de sang qui ressemble au notre.* J'ai appris et vu tant de choses d'elle, que je la regarde comme notre plus grande ennemie. Elle abuse de notre réputation sans tache, pour nous faire la loi et pour nous menacer de faire une démarche scandaleuse, afin de nous compromettre. *Il faut prendre un parti décidé contre elle.* Il faut la faire partir pour Arras, et éloigner de nous une femme qui fait notre désespoir commun...»

(8) Онѣ были изданы уже по смерти ея въ IV томѣ *Mémoires de tous* (1835 г.) и отдѣльно, подъ заглавіемъ: *Mémoires de Charlotte Robespierre sur ses deux frères,* précédés d'une Introduction et suivis de Pièces justificatives, par Laponneraye. Paris. 1835 in-8 de 152 pag. Впослѣдствіи онѣ вошли во 2-й томъ *Oeuvres de Maximilien Robespierre,* изданныхъ тѣмъ же Лапоннере въ Парижѣ (1840—1842) въ 3-хъ томахъ.

(9) Максимиліана *Деробеспьера* (Maximilien-Barthelemy-Francois); мать ихъ (Jacqueline — Marguerite), какъ видно, умерла раньше его. Предки извѣстнаго Максимиліана, переселившіеся изъ Ирландіи во Францію въ половинѣ XVII вѣка, писались и *Robespierre* и *Derobespierre*; любопытно, что онъ первый, будучи еще адвокатомъ въ Аррасѣ, сталъ отдѣлять почетную частицу *де* и писался *de Robespierre;* во время революціи онъ ее отбросилъ. Отецъ и дѣдъ Максимиліана были также адвокатами въ провинціальномъ Аррасскомъ совѣтѣ.

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ ГЕНЕРАЛЪ-АДЪЮТАНТА ГРАФА Е. Ѳ. КОМАРОВСКАГО (*).

Великій князь Константинъ Павловичь изволилъ выѣхать изъ Петербурга въ началѣ Марта 1799-го года. Въ свитѣ его высочества находились: генералъ графъ Дерфельденъ, генералъ-маіоръ Сафоновъ, великаго князя адъютанты-полковники: я и Лангъ, Измайловскаго полка поручикъ Озеровъ и адъютантъ графа Дерфельдена кадетскаго корпуса поручикъ Перскій, двора его высочества докторъ Вельценъ, лейбъ-хирургъ Линстремъ, два пажа: Храповицкій и кн. Гагаринъ и берейторъ Штраубе. Въ каретѣ съ великимъ княземъ сидѣли гр. Дерфельденъ, Сафоновъ и я. Сафонову поручена была экономическая часть, а я занимался всегда письменною. Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ угодно было поручить мнѣ привезть для ея величества изъ Италіи разныхъ шелковъ и сыра-пармезана, до котораго императрица была охотница.

Императоръ Павелъ оказывалъ тогда большое покровительство французскимъ принцамъ. Когда принцъ Конде былъ въ Петербургѣ, его величество пожаловалъ ему домъ у Синяго моста, бывшій гр. Чернышева и на коемъ написано было: *Hôtel Condé*, Королю Людовику XVIII-му далъ убѣжище въ Митавѣ, гдѣ находится дворецъ бывшихъ герцоговъ Курляндскихъ. Этотъ дворецъ назначенъ былъ для жительства короля. Въ проѣздъ чрезъ Митаву, великій князь послалъ меня навѣдаться о здоровьѣ Людовика XVIII-го и просить позволенія его навѣстить. Король мнѣ сказалъ, что онъ счастливъ будетъ увидѣть сына своего благодѣтеля. Его высочество приказалъ и намъ всѣмъ идти къ королю. Его величество встрѣтилъ великаго князя въ первой комнатѣ, въ коей стояли въ два ряда его gardes de corps: ихъ оставалось еще нѣсколько человѣкъ. Дворъ короля былъ тогда довольно многочисленъ. Людовикъ XVIII-й взялъ великаго князя за руку, привелъ его въ гостинную, куда и мы вошли, и показавъ его высочеству портретъ императора Павла, висѣвшій надъ канапе, сказалъ: Voici mon bienfaiteur (вотъ мой благодѣтель). Потомъ великій князь представилъ насъ королю. Его величество пригласилъ его высочество, и со всѣми нами, къ обѣ-

(*) См. выше стр. 219 и слѣд. Въ помѣщаемомъ здѣсь отрывкѣ гр. Е. Ѳ. Комаровскій передаетъ между прочимъ свои воспоминанія о знаменитомъ Итальянскомъ походѣ 1799 года. Но кромѣ того, военныя событія этого похода, преимущественно тѣ, въ коихъ принималъ участіе великій князь Константинъ Павловичь, описаны имъ подробно въ особыхъ Запискахъ, которыя напечатаны, безъ имени, отрывками, въ Военномъ Журналѣ 1810 года, изд. Рохманова кн. II. стр. 56—74; кн. III, стр. 33—69; кн. IV. стр. 44 — 77; кн. V, стр. 13 — 58; кн. VI. стр. 27—64: кн. VII. стр. 32 — 94, и вполнѣ хранятся въ Архивѣ военно-топограф. депо, № 41. 992. Этими дѣловыми, чисто-военными записками гр. Комаровскаго пользовался Д. А. Милютинъ въ своей „Исторіи войны Россіи съ Франціею въ царствованіе императора Павла I“ (см. между прочимъ, т. IV, стр. 419); то же, что̀ теперь печатается, было ему неизвѣстно. Сличи главу XX-ю Исторіи, во 2-й части. *П. Б.*

денному столу; насъ сидѣло особъ пятьдесятъ. Первый каммеръ-юнкеръ короля былъ duc de Duras (герцогъ Дюрасъ). Я видѣлъ тутъ многихъ другихъ, принадлежавшихъ къ знатнѣйшимъ фамиліямъ Франціи.

На самой Австрійской границѣ, ожидалъ уже его высочество присланный отъ императора Франца II-го, для встрѣчи и для сопровожденія великаго князя до Вѣны, сынъ и наслѣдникъ того князя Эстергази, который былъ посломъ при коронаціи во Франкфуртѣ на Майнѣ ([1]). Во время путешествія его высочества чрезъ владѣнія императора Римскаго, отдаваемы были великому князю всѣ возможныя военныя почести. Не доѣзжая до Вѣны, на послѣднюю станцію, выѣхалъ на встрѣчу дядя его высочества герцогъ Фердинандъ Виртембергскій, бывшій тогда военнымъ губернаторомъ Вѣнскимъ ([2]).

Я долженъ теперь обратиться нѣсколько назадъ. Лѣтомъ 1798-го года, пріѣхалъ съ письмомъ къ великому князю Константину Павловичу отъ герцогини Кобургской (матери великой княгини Анны Ѳеодоровны) находившійся въ службѣ герцога Кобургскаго, подполковникъ баронъ Винценгероде, который, по просьбѣ великаго князя Константина Павловича, былъ принятъ въ нашу службу маіорскимъ чиномъ и назначенъ адъютантомъ къ великому князю. Когда начались слухи о войнѣ у Австрійцевъ съ Французами и еще не извѣстно было, что Россія будетъ въ оной участвовать. Винценгероде просился служить волонтеромъ въ Австрійской арміи; но императоръ Павелъ ему отказалъ, подъ тѣмъ предлогомъ, что его величеству не угодно, чтобъ служащіе въ его войскахъ чиновники находились волонтерами въ чужихъ арміяхъ; а какъ иностранца, вѣроятно, императору не угодно было назначить Винценгероде быть при великомъ князѣ, во время кампаніи. Онъ однакоже упросилъ наслѣдника написать письмо къ герцогу Фердинанду Виртембергскому, что такъ какъ Винценгероде началъ свою службу въ Австрійской арміи, то чтобы герцогъ исходатайствовалъ у императора Франца принять его опять въ свою службу, а онъ, подъ предлогомъ фамильныхъ дѣлъ, отпросится за границу. Когда великій князь Константинъ Павловичь сѣлъ въ карету Фердинанда, чтобъ вмѣстѣ доѣхать до Вѣны, герцогъ просилъ позволенія у его высочества прочитать письмо наслѣдника, врученное ему великимъ княземъ Константиномъ Павловичемъ, говоря, что вѣроятно великій князь Александръ Павловичь не пишетъ къ нему никакихъ секретовъ. Каково же было удивленіе обоихъ, когда они увидѣли, что Винценгероде все это дѣлалъ скрытно отъ великаго князя Константина Павловича, у котораго онъ былъ адъютантомъ... Этотъ поступокъ Винценгероде очень прогнѣвалъ его высочество, равно и соучастіе въ немъ наслѣдника его огорчило; я все это слышалъ отъ самаго великаго князя.

Мы пріѣхали прямо въ Бургъ: такъ называютъ въ Вѣнѣ императорскій дворецъ. Великій князь переодѣлся и пошелъ къ императору. Для всей свиты его величества отведены были во дворцѣ комнаты, назначены прислуга, экипажъ и верховыя лошади. На другой день великій князь представилъ

([1]) Т. е. при коронаціи императора Франца II-го въ 1792-мъ году, на которой гр. Е. Ѳ. Комаровскому случилось присутствовать, что̀ и описано въ его Запискахъ.

([2]) Великій князь ѣхалъ подъ именемъ графа Романова (Милютинъ, II.22); но, кажется, это инкогнито скоро было оставлено. Великому князю тогда было всего 20 лѣтъ отъ роду.

всѣхъ насъ императору. Мы всякій день приглашаемы были къ гофмаршальскому столу, а великій князь обѣдалъ съ императоромъ. Мы вообще мало приглашаемы были Вѣнскими вельможами; только одинъ посолъ нашъ, гр. А. К. Разумовскій старался угощать его высочество и всю его свиту: онъ давалъ большіе обѣды, завтраки и нѣсколько баловъ въ домѣ своемъ, въ Пратерѣ, который тогда не былъ такъ великолѣпенъ, какъ теперь.

Между тѣмъ лишь только графъ Суворовъ пріѣхалъ къ арміи, какъ начались побѣды; всякій день бюлетень объявлялъ о какомъ нибудь выигранномъ сраженіи, такъ что графъ Дерфельденъ сказалъ мнѣ: «надобно просить великаго князя ѣхать поскорѣе къ арміи, а то мы ничего не застанемъ; я знаю графа Суворова, теперь уже онъ не остановится.»

Въ Вѣнѣ только и было тогда разговоровъ, что о графѣ Суворовѣ. Когда онъ выѣзжалъ изъ своей квартиры, весь народъ бѣжалъ за нимъ и кричалъ: «виватъ, Суворовъ!» и провожалъ его до того мѣста, гдѣ онъ останавливался. Выходя изъ кареты, фельдмаршалъ обращался къ народу и кричалъ: «виватъ, Францъ!» Сказывали, что однажды онъ былъ приглашенъ въ гофъ-кригсъ-ратъ, и просили графа Суворова привезть съ собою планъ кампаніи. Фельдмаршалъ пріѣзжаетъ, садится на назначенное ему мѣсто. Начались между тѣмъ разныя сужденія; потомъ графъ Тугутъ, первый того времени министръ, обращается къ графу Суворову и говоритъ: «Вы, господинъ фельдмаршалъ, изволили вѣроятно уже сдѣлать и привести съ собою вашъ планъ кампаніи?» Графъ Суворовъ встаетъ съ своего мѣста, вынимаетъ изъ подъ мундира большой листъ бумаги, развертываетъ и кладетъ на столъ; всѣ съ удивленіемъ увидѣли, что то былъ листъ бѣлой бумаги, и потомъ сказалъ присутствующимъ: «я другихъ плановъ кампаніи никогда не дѣлалъ,» поклонился всѣмъ и уѣхалъ.

Наконецъ назначенъ былъ день отъѣзда нашего изъ Вѣны къ арміи (³). За нѣсколько дней предъ выѣздомъ нашимъ изъ Петербурга, великій князь послалъ меня, по волѣ императора, спросить у графа Безбороки, кому и какіе должно будетъ дѣлать подарки, при Вѣнскомъ дворѣ. Я не могу не отдать, и при семъ случаѣ, полной справедливости необыкновенной памяти, великимъ познаніямъ и свѣдѣніямъ графа о всѣхъ Европейскихъ дворахъ. Онъ началъ мнѣ разсказывать, какъ будто читая въ книгѣ, родословную всѣхъ Вѣнскихъ вельможъ, кто изъ нихъ чѣмъ примѣчателенъ, кто и въ какое время наиболѣе оказалъ услугъ двору нашему; такъ что я, около часа, слушалъ его съ большимъ вниманіемъ и любопытствомъ: онъ познакомилъ меня почти со всѣми вельможами, которыхъ я увижу въ Вѣнѣ. Потомъ онъ сѣлъ и написалъ своею рукою списокъ всѣмъ, которымъ должно дать подарки и какіе именно. «Табакерку съ портретомъ его высочества, осыпанную брилліантами, назначивъ въ какую цѣну,» сказалъ онъ, «должно подарить тому, кто будетъ присланъ на встрѣчу великаго князя; вѣроятно это будетъ или кн. Эстергази, или кн. Лихтенштейнъ, ибо сіи суть двѣ знатнѣйшія фамиліи въ Австріи». Графъ, конечно, и о прочихъ дворахъ имѣлъ такія же свѣдѣнія. Когда я получилъ приказаніе отъ великаго князя дѣлать подарки, его высочество приказалъ мнѣ показать списокъ, данный мнѣ графомъ

(³) Великій князь пробылъ въ Вѣнѣ съ 15 по 19 апрѣля (Милютинъ II, 21 — 23).

Безбородкою, послу нашему графу Разумовскому; тотъ, прочитавъ ,сказалъ: «графъ Безбородко совершенный геній! Онъ лучше это знаетъ, никогда не выѣзжавъ изъ Россіи, нежели я, который 15 лѣтъ слишкомъ живу здѣсь.»

Князю Эстергази приказано было отъ императора сопровождать великаго князя до главной квартиры фельдмаршала. Его высочеству угодно было возложить на меня вести журналъ пребыванія его въ арміи; въ немъ описаны всѣ баталіи, военныя движенія и дѣйствія, при коихъ великій князь находился. Этотъ журналъ помѣщенъ былъ отрывками въ Военномъ Журналѣ, издаваемомъ свиты его величества капитаномъ Рахмановымъ, и у меня находится оный въ спискѣ; а потому и упоминать здѣсь о происшествіяхъ этой достопамятной компаніи, которая впрочемъ извѣстна всему ученому свѣту, изъ сочиненій различныхъ классическихъ авторовъ, я нахожу излишнимъ, а ограничусь только изложеніемъ нѣкоторыхъ случаевъ, не относящихся собственно до военныхъ дѣйствій.

По пріѣздѣ въ армію, мы нашли фельдмаршала въ Вогерѣ; это было поздно вечеромъ. Лишь только онъ узналъ, что великій князь къ нему пришелъ, графъ Суворовъ выскочилъ изъ другой комнаты, подошелъ къ его высочеству, поклонился ему объ руку и сказалъ: «Сынъ природнаго нашего государя!» Фельдмаршалъ былъ одѣтъ въ короткомъ бѣломъ кителѣ, на головѣ родъ каски, на которой былъ вензель П. I., на шеѣ Мальтійскій крестъ, на широкой черной лентѣ, и глазъ завязанъ чернымъ платкомъ. Онъ не снялъ каски, вѣроятно, потому что она придерживала завязку. Его высочество обнялъ фельдмаршала и спросилъ: „что это у васъ, графъ Александръ Васильевичъ, глазъ завязанъ?“ — «Ахъ, ваше высочество, отвѣчалъ фельдмаршалъ, вчерашній день проклятые не-могу-знайки меня опрокинули въ ровъ и чуть косточекъ моихъ всѣхъ не разбили!» (Казаки взяли въ реквизиціи гдѣ-то небольшую, синяго цвѣта, карету; графъ Суворовъ увидѣлъ ее и приказалъ купить; въ этой каретѣ, запряженной парою лошадей, которыхъ брали изъ ближнихъ деревень, онъ всегда ѣздилъ съ кучеромъ изъ мужиковъ, а кривой поваръ его стоялъ всегда лакеемъ на запяткахъ). Потомъ, подходя къ Дерфельдену, сказалъ: «не вижу.» Великій князь назвалъ ему генерала. «Старинный пріятель и сослуживецъ, Вильгельмъ Христофоровичъ!» сказалъ фельдмаршалъ перекрестясь, и поцѣловалъ крестъ, который находился на андреевской звѣздѣ. «Намъ должно,» продолжалъ онъ, «его высочество, сына природнаго нашего государя», и опять поклонился объ руку, «беречь болѣе нежели глазъ своихъ; у насъ ихъ два, а великій князь у насъ здѣсь одинъ.» Его высочество подвелъ ему и всѣхъ насъ. Графъ Суворовъ, между прочимъ, сказалъ великому князю: «ваше высочество! говорятъ, что трудно служить будто бы двумъ государямъ, а мы служимъ же трехъ-ипостасной Троицѣ!» (4) На другой день фельдмаршалъ пришелъ къ великому князю въ полномъ фельдмаршальскомъ Австрійскомъ мундирѣ (ибо онъ принятъ былъ симъ чиномъ въ Австрійскую службу) и долго находился въ кабинетѣ его высочества; вышедъ оттуда, великій князь назвалъ ему князя

(4) Суворовъ писалъ въ Вѣну гр. А. К. Разумовскому: „Я служу двумъ государямъ въ одномъ лицѣ, и въ трехъ лицахъ Богу: послѣдній насъ такъ да благословляетъ. На что эгоизмъ! Онъ вреденъ.“ (Военн. Журналъ 1810, кн. III, стр. 65).

Эстергази, который былъ одѣтъ въ богатѣйшемъ своемъ, Венгерской гвардіи, мундирѣ, которою онъ тогда командовалъ. Графъ Суворовъ сказалъ ему по нѣмецки: «прошу васъ донести императору, что я войсками его величества очень доволенъ, они дерутся почти также хорошо какъ и Русскія.» Это послѣднее, казалось, было не очень пріятно слышать надменному князю Эстергази.

Въ тотъ же самый день великій князь, по совѣту фельдмаршала, отправился къ корпусу Россійскихъ войскъ, а князь Эстергази въ Вѣну.

Послѣ неудачнаго сраженія 1-го маія подъ Бассиніаною ([5]) великій князь послалъ меня къ фельдмаршалу, ибо онъ требовалъ, чтобъ его высочество самъ и войска бывшія въ сраженіи пришли въ его главную квартиру. Его высочество отговорился тѣмъ, что находится при войскахъ и съ ними прибудетъ. Графъ Суворовъ призвалъ меня къ себѣ и сказалъ мнѣ съ грознымъ видомъ: «я сейчасъ велю васъ и всѣхъ вашихъ товарищей сковать и пошлю къ императору Павлу съ фельдъегеремъ; какъ вы смѣли допустить великаго князя подвергать себя такой опасности? Если бъ его высочество, чего Боже сохрани! взятъ былъ въ плѣнъ, какой бы стыдъ былъ для всей арміи, для всей Россіи! Какой ударъ для августѣйшаго его родителя, и какое торжество для республиканцевъ; тогда принуждены бъ мы были заключить самый постыдный миръ, словомъ такой, какой предписали бъ намъ наши непріятели!» (извѣстно, что когда графъ Суворовъ находился съ кѣмъ либо на единѣ, то онъ говорилъ съ большимъ краснорѣчіемъ и умомъ) Во все это время онъ ходилъ по комнатѣ, а я молчалъ. Потомъ спросилъ онъ у меня: «какъ великъ конвой изъ казаковъ при его высочествѣ?» Я отвѣчалъ: «20 человѣкъ при одномъ оберъ-офицерѣ.» Фельдмаршалъ, уже нѣсколько успокоясь, продолжалъ: «Мало!» Тотчасъ позвалъ адъютанта и приказалъ изъ своего конвоя отрядить еще казаковъ, при самомъ исправномъ штабъ-офицерѣ и внушить имъ, что они должны быть тѣлохранителями сына ихъ императора. Потомъ Суворовъ отпустилъ меня и приказалъ отправиться съ симъ конвоемъ къ великому князю. Я передалъ весь разговоръ фельдмаршала его высочеству. «Такъ онъ очень сердитъ?» сказалъ великій князь и задумался. На другой день войска выступили, и его высочество поѣхалъ въ главную квартиру. Едва великій князь вошелъ къ графу Суворову, какъ онъ, встрѣтивъ его въ передней, просилъ войти въ свою комнату, гдѣ они заперлись; бесѣда продолжалась очень долго, и великій князь вышелъ изъ оной очень красенъ. Фельдмаршалъ хотѣлъ было отдать приказъ по арміи и отнести всю неудачу сраженія 1-го маія къ неопытности и лишней запальчивости юности; но тогда бы всѣ узнали, что сіе относится до великаго князя. Дѣйствительно его высочество весьма погорячился. Когда открытъ былъ непріятель на высотахъ противулежащаго берега, подъ крѣпостью Валенцою, и когда нѣсколько батальоновъ нашихъ переправились черезъ рѣку По, на островъ, съ котораго можно было перейти въ бродъ на другой берегъ, то великій князь сказалъ генералу Розенбергу: «Нечего мѣшкать, ваше превосходительство, прикажите

([5]) Милютинъ, II, 48, 52, 64,65. Въ этомъ дѣлѣ, стоившемъ довольно дорого, великій князь Константинъ Павловичъ обнаружилъ личную отвагу и два раза подвергался большой опасности. Императоръ Павелъ приказалъ выдать нижнимъ чинамъ, находившимся при этомъ подъ командою великаго князя, по два рубли на человѣка.

людямъ идти впередъ». Генералъ отвѣчалъ его высочеству: «Мы еще слишкомъ слабы; не дождаться ли намъ подкрѣпленія?» Великій князь возразилъ: «Я вижу, ваше превосходительство, что вы привыкли служить въ Крыму; тамъ было покойнѣе и непріятеля въ глаза не видали.» (Генералъ Розенбергъ точно нѣсколько лѣтъ командовалъ войсками въ Крыму и оттуда назначенъ былъ въ Итальянскую армію). Генералъ Розенбергъ отвѣчалъ: «я докажу, что я не трусъ,» вынулъ шпагу, закричалъ солдатамъ: «за мной», и самъ первый пошелъ въ бродъ. Эта поспѣшность имѣла самыя дурныя послѣдствія. (По пріѣздѣ въ Вѣну, его высоч-во приказалъ берейтору своему Штраубе купить для его сѣдла лошадей, и всякій изъ насъ далъ ему такую же коммисію. Хотя Штраубе и искупилъ всѣхъ нужныхъ лошадей для великаго князя и для его свиты, но онѣ не могли поспѣть къ дѣлу 1-го мая. Генералъ графъ Милорадовичъ, великолѣпный во всѣхъ его дѣяніяхъ, по прибытіи его высочества къ корпусу генер. Розенберга, въ которомъ Милорадовичъ служилъ, подвелъ великому князю прекрасную Англійскую лошадь; Сафонова и меня, какъ бывшихъ съ нимъ однополчанъ, ссудилъ также Англійскими лошадьми. Изъ этихъ лошадей, въ дѣлѣ при Бассиніанѣ, одна только лошадь его высочества уцѣлѣла, а моя и Сафонова пропали). Генералъ Розенбергъ во всю кампанію служилъ съ отличною храбростію. Послѣ сего несчастнаго сраженія, мы были свидѣтелями только однихъ побѣдъ.

Въ прекраснѣйшей странѣ всей Европы (а такъ какъ военныя дѣйствія происходили въ сѣверной части Италіи, то и отъ жаровъ мы не страдали) во всемъ мы находили большое изобиліе, великое множество всякаго рода фруктовъ, а сверхъ того за нами слѣдовала повсюду очень изрядная труппа актеровъ, между которыми были отличные прыгуны. Лишь только останавливались въ какомъ нибудь городкѣ (ибо во всякомъ изъ нихъ есть театръ) мы ходили проводить вечера наши въ Итальянской оперѣ. Словомъ, вся эта кампанія была не что иное какъ самая пріятная прогулка: въ самомъ дѣлѣ, мы пріѣхали въ Верону, въ концѣ апрѣля, а 6-го августа была славная баталія при городѣ Нови, на границѣ Генуэзской республики. И такъ съ небольшимъ въ три мѣсяца, мы прошли и очистили отъ непріятеля всѣ владѣнія Венеціанской республики, всю Ломбардію и Піемонтъ. Въ теченіе этого времени армія возвращалась отъ Турина назадъ до Піаченцы, гдѣ три дня продолжалась знаменитая баталія, на трехъ рѣкахъ: Тидонѣ, Требіи и Нуръ, и опять пришла къ Турину.

Походъ чрезъ Альпійскія горы не представлялъ намъ такихъ выгодъ, ни такого изобилія въ продовольствіи какъ въ Италіи; напротивъ того, въ осеннее время, съ безпрестранными дождями, а часто и съ снѣгомъ, армія безъ баракъ, которыхъ не изъ чего было сдѣлать, находилась подъ открытымъ небомъ и питалась однимъ картофелемъ и сыромъ, отчего сдѣлались болѣзни. Пріятно однако же было видѣть, съ какимъ радушіемъ встрѣчали насъ добрые Швейцарцы: они выносили нашимъ солдатамъ на встрѣчу вино, хлѣбъ, сыръ и фрукты.

Когда мы перешли чрезъ Сентъ-Готардъ, великій князь послалъ меня поздравить фельдмаршала съ совершеніемъ столь многотруднаго и знаменитаго похода и что имя его пріобрѣло тѣмъ незабвенную славу въ исторіи. Графъ Суворовъ принялъ поздравленіе со всеподданническою признательно-

стію, какъ отъ сына природнаго его государя: это были его слова При семъ я отъ себя прибавилъ ему комплементъ, но фельдмаршалъ мнѣ отвѣчалъ: «А Аннибалъ? Онъ первый тоже сдѣлалъ!»

Когда окончилась и самая Швейцарская экспедиція, и армія слѣдовала на свои кантониръ-квартиры въ Аугсбургъ, великій князь, находясь всегда при ней, въ одномъ небольшомъ городкѣ, на берегу Рейна, нашелъ дядю своего герцога Александра Виртембергскаго, который служилъ тогда въ Австрійской арміи генераломъ и командовалъ отрядомъ арміи эрцъ-герцога Карла. Герцогъ былъ очень радъ увидѣться съ его высочествомъ; всѣхъ насъ принялъ очень ласково и угостилъ обѣдомъ. Во время отступленія Австрійской арміи, герцогъ долженъ былъ защищать одинъ мостъ; къ нему присланъ былъ, отъ корпуса генерала Корсакова, генералъ-маіоръ Шеншинъ, съ нѣсколькими баталіонами въ подкрѣпленіе; герцогъ отзывался съ великою похвалою о личной генерала Шеншина храбрости и бывшихъ подъ командою его войскъ ([6]).

Я почти въ это же время получилъ письмо отъ Винценгероде, въ которомъ онъ съ какою-то боязливостію рѣшается о себѣ мнѣ напомнить, какъ о бывшемъ своемъ сотоварищѣ, а просить меня повергнуть его, какъ онъ пишетъ въ письмѣ своемъ, къ стопамъ великаго князя никакъ не осмѣливается. Я однакоже, выбравъ удобную минуту, показалъ великому князю это письмо; я примѣтилъ, что его высочество перемѣнился въ лицѣ; онъ сказалъ мнѣ: «никогда не говори мнѣ о немъ!»

Наконецъ главная квартира фельдмаршала, который получилъ тогда уже отъ императора Павла титулъ генераллисимуса и князя Италійскаго, пришла въ Аугсбургъ, а великій князь остановился въ небольшомъ разстояніи, въ одномъ городкѣ.

Чрезъ нѣсколько дней его высочество послалъ меня къ князю Суворову испросить позволеніе, пока не рѣшено будетъ объ участи нашей арміи, съѣздить въ Кобургъ, для свиданія съ родителями его супруги великой княгини Анны Ѳедоровны. Едва доложили генералиссимусу, что я присланъ отъ его высочества, какъ онъ приказалъ мнѣ войти къ себѣ. Я исполнилъ данное мнѣ отъ великаго князя порученіе. Князь Суворовъ сказалъ мнѣ: «доложите великому князю, сыну природнаго моего государя, что я самъ въ повелѣніяхъ его высочества и чтобы изволилъ дѣлать что̀ ему угодно.» Между тѣмъ, онъ спросилъ прежде вѣроятно о моемъ имени и отчествѣ, назвавъ меня оными и показавъ мнѣ стулъ, стоящій подлѣ стола, а самъ сѣлъ на канапе, противъ меня и, облокотясь обоими локтями на столъ, закрылъ глаза и сказалъ мнѣ: «садись, слушай и перескажи его высочеству что̀ я буду говорить.» Князь началъ свой разговоръ о тогдашней политикѣ всѣхъ дворовъ. Говоря объ Англіи, онъ сказалъ: «сія держава старается поддерживать только вражду противъ Франціи всѣхъ прочихъ государствъ, дабы не дать ей усилиться, ибо одна Франція можетъ соперничать съ Англіею на моряхъ; политика ея лукава.» Въ доказательство тому князь Суворовъ привелъ, что Англійское министерство, завидуя успѣхамъ нашей арміи въ Италіи, домогалось и интриговало, чтобы оная послана была въ Швейцарію, гдѣ, по малолюдству своему, армія наша должна была погиб-

(6) Если не ошибаемся, это былъ Василій Никаноровичь, отецъ Н. В. Шеншина, о коемъ см. Р. Архивъ 1864 г. изд. 2, стр. 868 и далѣе.

нуть; сверхъ того Англійскій флотъ, блокировавшій Генуию, допустилъ Французскому гарнизону, тамъ находящемуся, моремъ получить и секурсъ и продовольствіе. «Австрійская политика, продолжалъ онъ, самая вѣроломная и управляема врагомъ своего отечества, Тугутомъ, который вмѣсто того, чтобъ дѣйствовать на защиту лишенныхъ престола королей, своихъ союзниковъ, вздумалъ дѣлать пріобрѣтенія изъ завоеванныхъ нами у непріятеля городовъ и провинцій. Гофъкригсъ-ратъ, мой злѣйшій врагъ, предписалъ, мимо меня, генералу Меласу, во всякомъ взятомъ нами у непріятеля городѣ выставлять Австрійскій императорскій гербъ, но я сему воспротивился. Австрійцы дорого заплатятъ за ихъ вѣроломство! Одинъ нашъ императоръ поступаетъ какъ прилично высокому союзнику, безо всякихъ видовъ корысти, а изъ единаго похвальнаго подвига, чтобъ возстановить храмы Божіи и престолы царей! Сію монаршую волю мы, кажется, сколько могли, исполнили; я сдѣлался старъ и слабъ, присовокупилъ онъ, и одной прошу милости у всемилостивѣйшаго государя моего, чтобъ отпустилъ меня домой. Мы увидимъ что̀ будетъ съ Австрійцами, когда бичь ихъ, Бонапарте, возвратится въ Европу!» (Бонапарте былъ тогда въ Египтѣ). Генералиссимусъ еще со мною нѣсколько времени говорилъ, но что̀ я могъ теперь припомнить, кажется было самое интересное. Великій князь былъ очень доволенъ отданнымъ мною отчетомъ его высочеству о сужденіяхъ кн. Суворова.

Австрійскій кабинетъ, увидя, но поздно, что кн. Суворовъ, огорченный дѣйствіями онаго, рѣшительно желаетъ оставить армію, а тѣмъ уничтожиться можетъ и коалиція съ Россіею, вознамѣрился прислать въ главную квартиру, въ Аугсбургъ, князя Эстергази, какъ особу, которой великій князь оказывалъ милости. Инструкція кн. Эстергази состояла въ томъ, чтобъ склонить его высочество быть посредникомъ между двумя императорами; что недоумѣніе происходило отъ того, что министры, во взаимныхъ своихъ сношеніяхъ, не всегда соблюдали строго интересы обѣихъ державъ. Князь Эстергази привезъ отъ императора Франца двѣ ленты военнаго ордена Маріи Терезіи: одну великому князю, а другую кн. Суворову; два ордена на шею: кн. Багратіону и Милорадовичу и нѣсколько орденовъ въ петлицу, которые предоставлено было генералиссимусу возложить, по его усмотрѣнію, на тѣхъ, которыхъ онъ признаетъ болѣе отличившимися, при освобожденіи Италіи отъ непріятеля. Нельзя было показать болѣе уваженія къ заслугамъ кн. Суворова и къ нему самому. Въ тоже почти время и король Сардинскій прислалъ генералиссимусу: цѣпь военнаго ордена св. Лазаря и Маврикія, нѣсколько орденовъ на шею и въ петлицу; изъ сихъ послѣднихъ и я получилъ. Удостоеніе сими орденами предоставлено было также на произволъ кн. Суворова, за освобожденіе отъ непріятеля Піемонта, какъ провинціи, принадлежащей королю Сардинскому. Цѣпь носится на шеѣ, и тотъ, кто получаетъ ее называется двоюроднымъ братомъ короля (le cousin du roi) Кн. Суворовъ, при раздачѣ орденовъ, поступилъ болѣе пристрастно, нежели справедливо, ибо получили оные или родственники его, бывшіе въ арміи, или находившіеся при немъ чиновники; изъ отличившихся же дѣйствительно въ арміи, никто почти оныхъ не былъ удостоенъ.

Князь Эстергази открылся первому мнѣ о данномъ ему порученіи каса-

тельно великаго князя. Я ему сказалъ, что не могу взять на себя довесть до свѣдѣнія его высочества; а чтобъ онъ испросилъ аудіенцію, и самъ бы объяснился съ великимъ княземъ. Для испрошенія сей аудіенціи онъ отнесся ко мнѣ офиціально. Его высочество отвѣчалъ ему письменно, что онъ въ арміи находится волонтеромъ, что дипломатическія отношенія между союзными дворами ему вовсе не извѣстны, что онъ не можетъ войти ни въ какое посредничество безъ высочайшей воли императора, его родителя, и что онъ, видя теперь въ князѣ Эстергази дипломатическое лице, долженъ перемѣнить образъ своего съ нимъ обращенія. (Я сохранилъ у себя всю бывшую по сему предмету переписку). Сей отзывъ его высочества огорчилъ князя Эстергази; ибо Тугутъ увѣренъ былъ, что посланные ордена великому князю, генералиссимусу и прочимъ чиновникамъ Россійской арміи произведутъ желаемое имъ дѣйствіе и что кн. Эстергази несомнѣнно успѣетъ въ своей миссіи. Сіе подтвердилось тѣмъ, что кн. Эстергази опять обратился ко мнѣ, и въ отчаяніи своемъ, сказалъ: «я нахо«жусь въ такомъ положеніи, что мнѣ «нельзя почти возвратиться въ Вѣну; «министръ требовалъ отъ меня, чтобъ «я непремѣнно привезъ согласіе вели«каго князя на сдѣланное его высо«честву предложеніе.» Я ему совѣтывалъ стараться испросить свиданіе съ кн. Суворовымъ. Онъ мнѣ отвѣчалъ: «какъ можно говорить съ такимъ чело«вѣкомъ, отъ котораго нельзя добиться «толка!»—«Вы его не знаете, возразилъ я, и если князь приметъ васъ наединѣ, то вы совсѣмъ другихъ будете о немъ мыслей.» Долго кн. Эстергази не получалъ удовлетворительнаго отвѣта; наконецъ кн. Суворовъ назначилъ ему часъ свиданія, и мнѣ случилось встрѣтиться съ Эстергази, какъ онъ выходилъ отъ генералиссимуса. Увидя меня, онъ сказалъ: «ваша правда! что за человѣкъ! онъ столько же уменъ и свѣдущъ, сколько великъ, какъ полководецъ! Но я ничего не могъ у него успѣть. «(Cest vrai, c'est un diable d'homme! il a tant d'esprit et de connaissances qu'il est grand général, mais je n'ai rien pu obtenir de lui), и скоро послѣ того уѣхалъ въ Вѣну. Такимъ образомъ окончилась и война для Россіи, и дружескія ея отношенія къ Австрійской державѣ. Начало сего разрыва ознаменовалось тѣмъ, что великій князь, на возвратномъ своемъ пути въ Россію, поѣхалъ уже не на Вѣну, а на Прагу.

Я въ этомъ городѣ получилъ приказъ, отданный при паролѣ отъ 4-го ноября въ Петербургѣ, что я, по старшинству, произведенъ въ генералъ-маіоры, съ оставленіемъ при прежней должности. И такъ я съ небольшимъ въ 7 лѣтъ, изъ сержантовъ гвардіи, получилъ генералъ-маіорскій чинъ! Это могло случиться въ царствованіе императора Павла, гдѣ безпрестанныя были выключки, отставки, а потому и большія производства. Здѣсь можно привесть въ примѣръ Аркадія Ивановича Нелидова: при восшествіи императора Павла на престолъ, т. е. 6-го ноября 1796-го г., онъ только что выпущенъ былъ изъ каммеръ-пажей въ поручики грардіи; въ мартѣ мѣсяцѣ 1797-го онъ былъ генералъ-маіоромъ и генералъ-адъютантомъ, а въ день коронаціи получилъ Анненскую ленту и 1000 душъ. Я забылъ сказать выше, что, въ тотъ же самый день, всѣ служившіе въ гатчинскихъ и павловскихъ баталіонахъ штабъ и оберъ-офицеры получили деревни отъ 100 до 250 душъ, по чинамъ, а нѣкоторые какъ: графъ Аракчеевъ, Кологривовъ, Донауровъ, Кушелевъ и прочіе, по 2000 душъ. Я

выѣхалъ изъ Италіи въ Анненскомъ крестѣ на шеѣ, бриллiантами украшенномъ, съ командорскимъ крестомъ Іоанна Іерусалимскаго, съ пенсіономъ по 300 рублей въ годъ изъ почтовыхъ доходовъ, и съ орденомъ въ петлицѣ св. Лазаря и Маврикія.

Мы пріѣхали въ Петербургъ 27-го декабря 1799-го года. Императоръ Павелъ принялъ великаго князя съ большою радостію; на другой день его высочество представлялъ всѣхъ насъ государю. По тогдашнему обыкновенію, должно было стать на колѣно тому, кто за что нибудь благодаритъ; а какъ всякій изъ насъ долженъ былъ благодарить: или за чинъ, или за полученные во время кампаніи знаки отличія, то императоръ, не допуская становиться на колѣно, всякаго изъ насъ обнималъ, говоря при томъ: «не вы, а я долженъ васъ благодарить за службу вашу мнѣ и цесаревичу»; а ко мнѣ оборотясь, сказалъ: «ты сверхъ того еще отличилъ себя въ сраженіяхъ, командуя баталіономъ». Товарищъ мой, его высочества адъютантъ, полковникъ Лангъ, также командовалъ баталіономъ, но умеръ отъ раны, полученной имъ въ сраженіи.

Одинъ разъ государь спросилъ у великаго князя, покойна ли теперешняя одежда для солдатъ, во время походовъ? Императоръ зналъ, что во всю компанію солдаты щиблетъ не надѣвали, а унтеръ-офицерскія галлебарды, которыя вышиною были въ 4 аршина, всѣ изрублены были на дрова, когда проходили снѣжныя Альпійскія горы. «Я готовъ сдѣлать всякую перемѣну въ одѣяніи, ибо удобность познается опытомъ». Тогда его высочество отвѣчалъ, что башмаки, щиблеты, а особливо унтеръ-офицерскія галлебарды вовсе неудобны въ походѣ. На сіе императоръ ему сказалъ: «Прикажи одѣть рядоваго и унтеръ-офицера во всей аммуниціи и вооруженіи и представь мнѣ для образца.» Великій князь чрезъ нѣсколько дней представилъ императору образцовыхъ; такъ какъ форма немного походила на бывшую при императрицѣ Екатеринѣ, государь съ гнѣвомъ сказалъ его высочеству: «Я вижу, что ты хочешь ввесть Потемкинскую одежду въ мою армію; чтобъ они шли съ глазъ моихъ долой!» и самъ вышелъ изъ комнаты, гдѣ находились образцовые....

Полкъ конной гвардіи, съ давняго времени, имѣлъ несчастіе быть подъ гнѣвомъ императора. Генваря 6-го 1800 года, въ день Богоявленія Господня, былъ обыкновенный парадъ, для освященія знаменъ и штандартовъ; полкъ сей въ числѣ прочихъ войскъ бывшихъ въ парадѣ, проходилъ церемоніальнымъ маршемъ мимо государя и такъ его прогнѣвалъ, что множество офицеровъ, въ томъ числѣ четыре брата Васильчиковы, были посажены подъ арестъ и выключены изъ службы; одинъ Иларіонъ Васильевичъ остался при дворѣ каммеръ-геромъ, которымъ онъ былъ прежде. С. И. Мухановъ, командиръ полка, былъ выключенъ изъ службы и лишенъ Анненскаго креста 2-го класса, котораго онъ былъ кавалеръ. Отдано было въ приказѣ, чтобъ конногвардейскій полкъ выступилъ въ томъ же самый день въ Царское Село; великому князю Константину Павловичу поручено было принять сей полкъ подъ свое начальство... Его высочеству приказано было жить въ своемъ домѣ, въ Царскомъ Селѣ, который былъ купленъ для него императрицею Екатериною у Ланскаго. Я въ тотъ самый день занемогъ и потому не поѣхалъ съ великимъ княземъ въ Царское Село. Его высочество нашелъ дворецъ свой во всю зиму нетопленнымъ, и потому

холодъ въ ономъ былъ ужасный. Я пріѣхалъ на третій день и нашелъ, что всѣ мои товарищи сидятъ въ комнатахъ въ шинеляхъ на мѣху. Великая княгиня Анна Ѳеодоровна такъ сильно простудилась въ этомъ домѣ, что едва не умерла отъ жестокой горячки.

Не за долго предъ тѣмъ пріѣхалъ въ Петербургъ Дибичь, отецъ фельдмаршала. Онъ служилъ адъютантомъ при Фридрихѣ Великомъ. Императоръ принялъ его въ нашу службу и опредѣлилъ къ своей особѣ... Великій князь взялъ съ собою въ Царское Село двухъ офицеровъ Измайловскаго полка: Олсуфьева и Опочинина, которые потомъ были его адъютантами. Императоръ прикомандировалъ къ его высочеству двухъ своихъ генералъ-адъютантовъ: Кожина и князя А. Ѳ. Щербатова. Бѣдная конная гвардія должна была всякій день, по колѣно въ снѣгу, дѣлать ученіе, не взирая на жестокость морозовъ!.... Великому князю позволено было только по Воскресеніямъ пріѣзжать въ Петербургъ съ Сафоновымъ. Его высочество, наслѣдникъ, когда я отъѣзжалъ въ Царское Село, изволилъ мнѣ сказать: «Если тебѣ нужно будетъ пріѣз-«жать въ Петербургъ, то отнюдь не «прописывайся на заставахъ своимъ «именемъ, а чужимъ или Ахта или «Линдстрема, а то тебѣ будетъ худо»! Первый былъ каммердинеръ, а другой лейбъ-хирургъ при его высочествѣ. Я во всякомъ случаѣ находилъ неоцѣненное для меня участіе, которое наслѣдникъ принималъ во мнѣ.

Однажды великій князь, въ зимнемъ дворцѣ, послалъ меня съ порученіемъ къ его высочеству Александру Павловичу. По окончаніи онаго, ему угодно было завести со мной какой то разговоръ, и мы подошли къ окну. Это было въ большомъ его высочества кабинетѣ, что̀ на углу, противъ адмиралтейства; мы не чувствовали, что народъ, увидя наслѣдника, началъ собираться толпой. Его высочество, взглянувъ нечаянно въ окно и примѣтя сію толпу, сказалъ мнѣ: «Прощай, братъ, убирай-«ся поскорѣе, а то обоимъ намъ будетъ «бѣда!» и самъ поспѣшно ушелъ въ другую комнату. Какъ видна была и тогда уже любовь народа къ сему милосерднѣйшему изъ государей!

Въ мартѣ мѣсяцѣ пріѣхалъ въ Царское Село генералъ-адъютантъ Уваровъ, съ повелѣніемъ выбрать изъ полка конной гвардіи лучшихъ людей и лошадей для сформированія кавалергардскаго полка, котораго Уваровъ назначенъ былъ шефомъ. Великому князю кавалерійская служба начала очень нравиться. Во время Италіанской компаніи, его высочество имѣлъ при себѣ Австрійскій Лобковица драгунскій полкъ, которымъ онъ очень занимался; а сверхъ того и въ полку конной гвардіи его высочество принималъ уже большое участіе. Пріѣздъ Уварова великому князю былъ очень непріятенъ, тѣмъ болѣе, что его высочеству извѣстно было, что кавалергардскій полкъ формировался по предложенію Уварова, который былъ тогда въ большой милости у императора, по связямъ сего генерала съ княгинею Л. При выборѣ людей и лошадей Уваровъ встрѣтилъ большія затрудненія, такъ что онъ ѣздилъ въ Петербургъ и привезъ высочайшее повелѣніе допустить его безпрепятственно производить выборъ. Отъ сего времяни родилось въ великомъ князѣ неудовольствіе противъ кавалергардскаго полка и противъ шефа онаго.

Всякій день я посылалъ ѣздоваго въ Петербургъ за приказомъ. 2-го маія полученъ былъ приказъ, при паролѣ отданный, въ которомъ сказано: «адъ-

ютантамъ его императорскаго высочества Константина Павловича, генералъ-маіорамъ Сафонову и Комаровскому и полковнику гр. Шувалову (онъ находился тогда въ Италіи, за раною) состоять по арміи и носить общій армейскій мундиръ!» (Сафоновъ и я носили мундиръ Измайловскаго полка) Прочтя сей приказъ, я тотъ часъ понесъ оный къ великому князю. Его высочество, въ первую минуту, не могъ ничего сказать и примѣтно перемѣнился въ лицѣ, потомъ говоритъ:« Ну что же? Это значитъ, что вы должны носить обще-армейскій мундиръ ,а все остаетесь при мнѣ.» Я ему возразилъ: тогда бы сказано было *съ оставленіемъ при прежней должности*. Великій князь всталъ съ своего мѣста.... и приказалъ мнѣ написать къ гр. Ливену и спросить у него, остаемся ли мы при его высочествѣ или нѣтъ, и въ такомъ случаѣ что намъ дѣлать? а самъ написалъ къ наслѣднику и тотъ часъ велѣлъ отправить ѣздоваго съ письмами въ городъ. Возвратившійся нашъ посланный привезъ отвѣты вовсе неудовлетворительные. Графъ Ливенъ пишетъ, что государь потребовалъ его къ себѣ въ кабинетъ въ 6 часовъ утра, приказалъ ему сѣсть и самъ продиктовалъ первый пунктъ приказа; что ему кажется, что мы уже болѣе не состоимъ при великомъ князѣ и совѣтуетъ намъ тотчасъ пріѣхать въ городъ и завтра же при разводѣ представиться государю въ обще-армейскихъ мундирахъ. Наслѣдника письмо было почти такого же содержанія. Великій князь былъ тронутъ симъ до слезъ, благодарилъ насъ за вѣрную къ нему службу и прощаясь нѣсколько разъ обнималъ насъ, написалъ письмо къ своему гофмаршалу князю Вяземскому(7), чтобъ въ случаѣ нашего отъѣзда изъ Петербурга снабдилъ насъ экипажемъ и всѣмъ нужнымъ на дорогу, а сверхъ того приказалъ производить Сафонову и мнѣ по три тысячи рублей въ годъ пенсіона по смерть.

Мы тотчасъ оба отправились въ Петербургъ. Въ ночь, кое какъ намъ сдѣлали обще-армейскіе мундиры, и мы въ назначенный часъ пріѣхали къ разводу. Намъ сказано, что государю представляются въ комнатѣ, что подлѣ фонарика. Дежурнымъ генералъ-адъютантомъ былъ тогда князь П. Г. Гагаринъ, уже женившійся на княж. Лопухиной. Государь вышелъ къ намъ съ грознымъ видомъ, и когда представляли ему Сафонова, онъ сказалъ: «Aussitôt pris, aussitôt pendu» (какъ скоро взятъ—такъ скоро и повѣшанъ), а мнѣ: «и вы, сударь, не заживетесь!» Я подумалъ: «какая разница въ пріемѣ нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, какъ мы возвратились изъ Италіи! Сафоновъ не зналъ ни слова по французски и отвѣчалъ одною улыбкою, потомъ спросилъ меня, что государь ему сказалъ! Я ему перевелъ слово въ слово: онъ весь поблѣднѣлъ... Я тотчасъ его успокоилъ, сказавъ ему, что это французская поговорка, которая значитъ, что онъ вѣроятно имѣетъ уже мѣсто. На другой день Сафоновъ назначенъ былъ шефомъ С.-Петербургскаго гренадерскаго полка, квартировавшаго въ Ригѣ, на мѣсто выключеннаго изъ службы князя Бориса Владиміровича Голицына. Любопытно знать, за что князь Голицинъ былъ такъ строго наказанъ. Разводъ его полка, въ обыкновенное время, шелъ по одной улицѣ, и поравняясь съ домомъ, гдѣ находилась въ родахъ женщина, барабанщики ударили походъ, отъ чего та женщина вѣроятно испугалась и имѣла несчастные роды: донесено было о семъ происшествіи, и

(7) Князю Николаю Григорьевичу (1747-1846)

шефъ полка выключенъ изъ службы!

Послѣ представленія государю, я пошелъ къ наслѣднику. Его высочество принялъ меня чрезвычайно милостиво и сказалъ мнѣ: «Я жалѣю о братѣ, что онъ тебя лишился; я знаю, что онъ тебя любитъ», вошелъ во всѣ домашнія обстоятельства и когда я ему объяснилъ, что отъ меня нѣкоторымъ образомъ зависятъ: зять, сестра, племянникъ и племянница, его высочество, подумавъ не много, сказалъ: «такъ надобно стараться, чтобъ ты остался здѣсь.» Походя нѣсколько по комнатѣ, «не теряя времени, продолжалъ онъ, поѣзжай къ Обольянинову (онъ былъ тогда генералъ-провіантмейстеромъ и генералъ-прокуроромъ) скажи ему, что онъ никогда столько ни меня, ни брата одолжить не будетъ въ состояніи, какъ теперь, если ты причисленъ быть можешь къ провіантскому департаменту и назначенъ тѣмъ чиновникомъ, который долженъ быть посланъ на границу, для сведенія счетовъ съ Австрійскимъ правительствомъ, по случаю продовольствія нашихъ войскъ, во время кампаніи. Сіе тѣмъ удобнѣе для тебя, что ты служилъ въ этой кампаніи и можешь объясняться на французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ.» Я тотчасъ поѣхалъ ко Обольянинову. Онъ пользовался тогда большею довѣренностію императора, и потому у него всѣ комнаты наполнены были гостями. Лишь только онъ меня увидѣлъ, какъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ мнѣ на встрѣчу. Я ему сказалъ, что пріѣхалъ отъ его императорскаго высочества наслѣдника; онъ меня взялъ за руку и отвелъ въ сторону. Я ему объяснилъ все что приказалъ великій князь АлександръПавловичь ему сказать, и съ своей стороны просилъ его оказать мнѣ сіе благодѣяніе. Онъ мнѣ отвѣчалъ, что и для меня готовъ все сдѣлать, а исполнить волю государя наслѣдника и великаго князя Константина Павловича есть священная для него обязаность, и что онъ, при первомъ удобномъ случаѣ, непремѣнно доложитъ императору. Къ несчастію моему, построенъ былъ тогда въ адмиралтействѣ корабль, названный «Благодать»; онъ имѣлъ 120 пушекъ и былъ первый такой величины; корабельный мастеръ видно ошибся въ конструкціи, ибо когда надобно было оный спускать на воду, то корабль съ мѣста не тронулся. Государь былъ такъ этимъ занятъ, что почти цѣлые дни проводилъ въ адмиралтействѣ; наконецъ придумали устроить какія то машины на противулежащемъ берегу и помощію канатовъ на силу стащили его съ мѣста. По сей причинѣ, Обольяниновъ не нашелъ случая обо мнѣ доложить.

Между тѣмъ получено было донесеніе отъ Подольскаго военнаго губернатора графа Гудовича, что Каменецъ-Подольская крѣпость остается безъ коменданта, и меня назначили въ сіе званіе. Маія 5-го 1800-года я чувствовалъ себя уже нездоровымъ, а сіе назначеніе болѣе еще разстроило мое здоровье; собравшись съ силами, однако, я поѣхалъ къ наслѣднику просить его высочество позволить мнѣ нѣсколько дней остаться въ Петербургѣ.

Я признаюсь, что я былъ въ такомъ положеніи, что мнѣ и выѣхать было не съ чѣмъ, ибо нѣсколько денегъ, которыя я имѣлъ, должно было оставить на прожитокъ моимъ домашнимъ. Великій князь Александръ Павловичь мнѣ сказалъ: «ты знаешь порядокъ, что тотъ, кто назначенъ въ какую нибудь должность, непремѣнно выѣхать обязанъ на другой день, хотя полумертвый; но я прикажу тебя прописать завтра на заставѣ выѣхавшимъ, а ты можешь остаться три дни, но съ тѣмъ, что никому не показывайся, особливо чтобъ Паленъ

(графъ Паленъ былъ тогда вторымъ военнымъ Петербургскимъ губернаторомъ) не зналъ, что ты здѣсь.» Я бросился со слезами благодарить его высочество за такую милость, чувствуя, какъ много великій князь себя этимъ подвергалъ. Едва я воротился домой, какъ наслѣдникъ, съ своимъ камердинеромъ, прислалъ мнѣ тысячу рублей на дорогу. Я не нахожу словъ, чтобъ изъяснить то что я испытывалъ при полученіи сего благодѣянія, оказаннаго мнѣ въ самую крайнюю, можно сказать, минуту. Я симъ завѣщаю моимъ дѣтямъ чтить память Александра Благословеннаго, не только какъ бывшаго ихъ императора, но и какъ высокаго и единственнаго благодѣтеля отца ихъ! Въ теченіи тѣхъ трехъ дней наслѣдникъ присылалъ ко мнѣ адъютанта своего князя П. М. Волконскаго навѣдываться о моемъ здоровьи и предложилъ мнѣ пробыть еще день или два, если бъ здоровье мое того требовало. Но я, хотя и не совсѣмъ выздоровѣлъ, выѣхалъ однако въ назначенное время, чтобъ не употребить во зло столь драгоцѣнной для меня довѣренности его высочества, подъ именемъ отставнаго полковника Муромцева, ѣдущаго въ деревню, на своихъ лошадяхъ; а такъ какъ была полночь, меня пропустили безъ затрудненія. При выѣздѣ, я чувствовалъ довольно сильные геморроидальные припадки, но оные, видно отъ движенія и отъ начинающихся жаровъ, усилились до самой высшей степени боли; остановиться же мнѣ никакъ было не возможно, ибо пробывъ уже три дня въ Петербургѣ, послѣ рапорта о выѣздѣ моемъ изъ онаго, и еслибъ я еще нѣсколько дней замедлилъ прибыть къ мѣсту моего назначенія, то непремѣнно былъ бы выключенъ изъ службы за долгое неприбытіе къ своей должности. Я могъ бы взять свидѣтельство о болѣзни, но пока оное дошло бы по порядку, куда слѣдуетъ, дѣло было бы сдѣлано; тѣмъ болѣе, что я опредѣленъ былъ на мѣсто инженеръ-генералъ-маіора Глухова, который находился въ экспедиціи, посланной въ Корфу и когда оная не состоялась, то Глуховъ назначенъ былъ комендантомъ въ Каменецъ. По представленію военнаго губернатора, что крѣпость остается долгое время безъ коменданта, генералъ-маіоръ Глуховъ былъ выключенъ изъ службы за долгое неприбытіе къ своему мѣсту, хотя послѣ и объяснилось, что онъ физически не могъ скорѣе пріѣхать изъ такой отдаленности, и Глуховъ былъ принятъ въ службу, но ударъ былъ ужъ нанесенъ.

Военный Подольскій губернаторъ графъ Гудовичь, братъ перваго любимца Петра III-го, былъ чрезмѣрно гордый, стариннаго вѣка вельможа, особливо противъ Поляковъ, но ко мнѣ онъ былъ весьма ласковъ. Тогда жилъ въ Подольской губерніи изгнанный и заточенный въ свои деревни, графъ А. И. Морковъ; онъ въ послѣднее время, при императрицѣ Екатеринѣ, особенно когда князю Зубову поручена была дипломатическая часть, игралъ большую роль и былъ въ оной главное лице. Его упрекали въ неблагодарности противъ графа Безбородки, который составилъ его счастіе, а Морковъ передался князю Зубову; онъ дорого заплатилъ за это. Поляки старались оказывать ему всевозможное презрѣніе, считая его изъ главныхъ виновниковъ послѣдняго раздѣла Польши. Графъ Гудовичь, по связямъ своимъ съ графомъ Безбородкою, обходился съ графомъ Марковымъ весьма надменно; во всѣхъ процессахъ его съ Поляками, по имѣнію (ибо въ Польшѣ ихъ великое множество) рѣдко находилъ онъ защиту. Графъ Морковъ часто, по дѣламъ своимъ, пріѣзжалъ въ

Каменецъ и проводилъ все свое время у меня, особливо когда пріѣхали ко мнѣ въ Каменецъ Алексѣй Николаевичь, сестрица Анна Өедотовна и племянница моя Александра Алексѣевна ([8]).

Я видѣлъ за столомъ однажды у графа Гудовича то что̀ только можно видѣть въ одной Польшѣ: жену, сидящую между двумя мужьями. Это была графиня Потоцкая; по одну сторону у нея сидѣлъ графъ Потоцкій, а по другую графъ Виттъ, прежній ея мужъ, а чтобъ довершить сію картину, напротивъ графини сидѣлъ бискупъ Сѣраковскій, который дѣлалъ ея разводъ и совершалъ вторый бракъ.

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, графъ Гудовичь былъ отставленъ, а на мѣсто его опредѣленъ въ Подольскіе военные губернаторы Андрей Григорьевичь Розенбергъ, тотъ самый, который служилъ въ Италіанской компаніи. Мнѣ еще пріятнѣе было служить съ симъ новымъ начальникомъ, который имѣлъ ко мнѣ полную довѣренность.

Графу Моркову вздумалось было женить меня на одной изъ дочерей графа Потоцкаго, бывшей потомъ за графомъ Шоазель и умершей женою А. Н. Бахметева; дѣло кончилось одною только корреспонденціею между графомъ Морковымъ и графинею Потоцкою. Фамиліи, кажется, не хотѣлось, чтобъ дѣвица вышла за мужъ не за католика,— да и я не о́чень желалъ быть женатымъ на Полькѣ, имѣя предъ глазами множество примѣровъ ихъ непостоянства.

Генералъ Розенбергъ поѣхалъ объѣзжать ввѣренныя ему губерніи: Подольскую, Волынскую и Минскую. Около сего времени, великій князь Константинъ Павловичъ посланъ былъ императоромъ Павломъ инспектировать войска легкой кавалеріи, находившіяся подъ начальствомъ генерала Баура и расположенныя по Австрійской границѣ. Его высочество находился не въ дальнемъ разстояніи отъ Каменца. Ему угодно было посѣтить меня въ новомъ моемъ мѣстопребываніи. Узнавъ, что великій князь уже близко отъ города, я выѣхалъ къ нему на встрѣчу верхомъ. Онъ обошелся со мною весьма милостиво и изволилъ мнѣ сказать, что онъ нарочно пріѣхалъ въ Каменецъ, чтобъ со мною видѣться. Для его высочества была приготовлена квартира въ домѣ военнаго губернатора и приличный караулъ. Великій князь удержалъ меня весь вечеръ у себя. Откланиваясь, я испросилъ у него позволеніе имѣть честь представиться его высочеству, на другой день, всѣмъ военнымъ и гражданскимъ чиновникамъ, находящимся въ Каменцѣ, удостоить своимъ присутствіемъ балъ, который будетъ имѣть честь дать его высочеству дворянство Подольской губерніи, и принялъ приказаніе на счетъ развода. Возвратясь домой, я нашелъ у себя графа Моркова; лишь только онъ меня увидѣлъ: „Спасите меня, любезный генералъ, сказалъ онъ мнѣ, вы знаете, какъ поступаютъ со мною Поляки и если великій князь обойдется со мною немилостиво и принять изволитъ меня въ числѣ прочихъ, то я пропаду! Злодѣи мои умножатъ еще свои на меня притязанія.“ Я старался, сколько могъ, его успокоить и обѣщалъ все объяснить великому князю. Принцъ Нассау былъ въ отставкѣ и жилъ на второй станціи отъ Каменца, въ имѣніи жены его; я иногда бывалъ у него въ гостяхъ, тотчасъ послалъ ему сказать, что великій князь на другой день желаетъ его видѣть. Я пришелъ къ его высочеству очень рано по утру, началъ изъ далека говорить о графѣ Мор-

([8]) Астафьевы, мужъ, жена и дочь.

ковѣ, потомъ объяснилъ положеніе, въ которомъ онъ тогда находился. Въ первую минуту великій князь мнѣ сказалъ: „какъ ты хочешь, чтобъ я его принялъ? — онъ у государя подъ гнѣвомъ!“ Я осмѣлился просить его высочество, чтобъ онъ уважилъ службу его императрицѣ, а болѣе еще, чтобъ не дать восторжествовать Полякамъ. Наконецъ великій князь согласился и приказалъ мнѣ, прежде общаго представленія, ввесть къ нему въ кабинетъ принца Нассау, а потомъ графа Моркова. Я вышелъ отъ великаго князя, чтобъ посмотрѣть, начали ли собираться въ пріемной комнатѣ. Увидя графа Моркова, я подошелъ къ нему и сказалъ въ пол-голоса. „Le grand duc vous verra dans son cabinet“ (Великій князь васъ приметъ въ своемъ кабинетѣ). Онъ схватилъ мою руку и такъ крѣпко ее сжалъ отъ радости, что я едва не закричалъ. Его высочество говорилъ съ графомъ Морковымъ довольно долго, и надобно было видѣть его передъ Поляками, по выходѣ его изъ кабинета великаго князя. Верхъ его счастія было, когда онъ получилъ приглашеніе вмѣстѣ съ принцемъ Нассау къ обѣденному столу его высочества; сверхъ того во время бала, великій князь разговаривалъ съ графомъ Морковымъ. Я долженъ отдать справедливость ему: онъ всегда за оказанную мною сію ему услугу былъ мнѣ признателенъ. Его высочество былъ вообще весьма любезенъ въ Каменцѣ, и всѣ его милостивымъ и ласковымъ обращеніемъ были довольны; со мною же онъ обходился какъ съ своимъ домашнимъ. На другой день, рано по утру, великій князь изволилъ выѣхать изъ Каменца.

Въ мое время было получено въ Каменцѣ новое постановленіе, чтобъ въ крѣпостяхъ и губернскихъ городахъ были полицеймейстеры; я въ затрудненіи находился, кого представить въ сію должность. Однажды является ко мнѣ выключенный изъ службы полковникъ Удомъ (братъ Ивана Ѳедоровича, который былъ женатъ на двоюродной моей племянницѣ Акининой.) Онъ служилъ въ Таврическомъ гренадерскомъ полку и въ капитанскомъ чинѣ, въ Варшавскую революцію, получилъ Георгіевскій крестъ. Мнѣ показалось неизлишнимъ объяснить здѣсь все случившееся съ Удомомъ, чтобъ показать, за что самые заслуженные и отличнаго поведенія чиновники подвергались иногда выключкѣ. Во всякомъ армейскомъ полку были двѣ флигель-роты, т. е. фланговыя гренадерскія, которыя, соединясь съ двумя ротами другаго полка, составляли сводный гренадерскій баталіонъ, и они дѣйствовали всегда отдѣльно отъ своихъ полковъ. По случаю предполагаемой тогда войны противъ Турокъ, нѣсколько сводныхъ гренадерскихъ баталіоновъ, для составленія особыхъ отрядовъ, должны были собраться на границѣ. Полковникъ Удомъ, отъ полка, назначенъ былъ командиромъ флигель-ротъ. Шефъ Таврическаго гренадерскаго полка, генералъ-маіоръ Ляпуновъ не отправилъ съ нимъ всего положеннаго по штату обоза. На рапортъ о семъ полковника Удома, шефъ далъ ему предписаніе, чтобъ онъ съ командою своею слѣдовалъ непремѣнно и что вслѣдъ за нимъ выслано будетъ все что должно, чтобъ укомплектировать обозъ по штату; но генералъ-маіоръ Ляпуновъ сего не исполнилъ. Полковникъ Удомъ приходитъ съ своими двумя флигель-ротами на сборное мѣсто; отрядный начальникъ дѣлаетъ смотръ, при которомъ полковникъ Удомъ представляетъ ему копію съ его рапорта шефу Таричетскаго гренадерскаго полка и предписаніе сего послѣдняго, по которому онъ

не смѣлъ не выступить, хотя и не имѣлъ положеннаго по штату обоза. Отрядный начальникъ донесъ, что приведенныя полковникомъ Удомомъ флигель-роты Таврическаго гренадерскаго полка онъ нашелъ во всей исправности, но не имѣютъ при себѣ всего положеннаго по штату обоза. Приказано полковника Удома выключить изъ службы. Вотъ все его преступленіе! Видя несчастное положеніе сего заслуженнаго штабъ-офицера и совершенную его невинность, и желая ему быть полезнымъ, я предложилъ полковнику Удому полицеймейстерскую должность въ Каменцѣ. Онъ принялъ предложеніе мое съ великою признательностію. «Но я выключенный изъ службы! отвѣчалъ онъ, а насъ не велѣно никуда опредѣлять на службу!» И дѣйствительно сіе повелѣніе на счетъ сихъ несчастныхъ существовало, и сверхъ того имъ запрещенъ былъ въѣздъ въ столицы. Я рѣшился однакоже представить Удома генералу Розенбергу. Онъ ему очень понравился; узнавъ, что я прошу его высокопревосходительство представить Удома въ полицеймейстеры: «помилуйте генералъ, сказалъ мнѣ военный губернаторъ, вы хотите погубить насъ всѣхъ троихъ!» На сіе я ему отвѣчалъ: «я прошу васъ только сдѣлать представленіе объ Удомѣ, а я оное отправлю, при партикулярномъ своемъ письмѣ къ генералъ-прокурору Обольянинову, который, я надѣюсь, мнѣ не откажетъ». Чрезъ нѣсколько времени мы получили самый удовлетворительный отзывъ отъ Обольянинова, и Удомъ опредѣленъ былъ въ полицеймейстеры въ Каменецъ. Это самый тотъ, который служитъ теперь генералъ-лейтенантомъ и тонулъ въ рѣкѣ Рымникѣ съ кн. Аркадіемъ Александровичемъ Суворовымъ.

Мы въ Каменцѣ жили довольно весело; у насъ бывали иногда балы. Я могу сказать, что меня Поляки любили, но все я не увѣренъ былъ, чтобъ кто нибудь не сдѣлалъ на меня доноса, и каждую почту ожидалъ я съ нѣкоторымъ страхомъ. Начальникъ мой былъ въ великомъ безпокойствѣ: онъ зналъ, что одинъ Жидъ, за то что открыли у него большую контрабанду на границѣ, въ которой замѣшаны были многіе изъ купцевъ Австрійскихъ и нашихъ, послалъ на него доносъ въ Петербургъ. Я нѣсколько дней не выходилъ изъ дома, отъ сильнаго ревматизма въ правой рукѣ.

Въ теченіе сего времяни, въ одно послѣ обѣда, приходитъ ко мнѣ полицеймейстеръ Удомъ, съ встревоженнымъ лицемъ, и держитъ въ рукѣ бумагу. Я сидѣлъ съ моими родными; онъ мнѣ дѣлаетъ знакъ рукою, чтобъ я къ нему вышелъ; я, видя его въ такомъ положеніи, спрашиваю у него: что сдѣлалось? Онъ мнѣ, прерывающимся голосомъ, отвѣчаетъ: «я, право самъ не знаю», и подаетъ мнѣ бумагу, я ее беру и въ первую минуту не повѣрилъ глазамъ своимъ — то была подорожная присланнаго изъ Кіевскаго провіантскаго депо куріера въ Каменецъ-Подольское коммисіонерство. Подорожная начиналась: „По указу его императорскаго величества императора Александра Павловича и проч.“ Я прочитавъ нѣсколько разъ, наконецъ вскрикнулъ: „Боже мой, какое счастіе“! Сестрица и всѣ мои родные не могли понять что̀ со мною сдѣлалось, и въ ту самую минуту я пересталъ чувствовать боль отъ ревматизма. Прежде нежели сестрица успѣла на восклицаніе придти, я бросился къ нимъ въ комнату и началъ ихъ всѣхъ обнимать и поздравлять, показывая имъ подорожную. Удомъ за мной идетъ и все мнѣ говоритъ: «Ваше превосходительство, не

подлогъ ли это—тогда мы всѣ пропадемъ!» Я приказалъ тотчасъ позвать къ себѣ присланнаго, который мнѣ сказалъ, что наканунѣ рано пріѣхалъ курьеръ изъ коммисаріатскаго департамента въ Кіевъ съ объявленіемъ, что императоръ Павелъ скончался и императоръ Александръ воцарился, и что какъ онъ выѣзжалъ, то весь Кіевскій гарнизонъ собирался къ присягѣ. Я поспѣшно одѣлся, взялъ курьера съ собою и пошелъ къ военному губернатору. Онъ тогда отдыхалъ; лишь только я стукнулъ дверью, онъ спросилъ: кто тутъ? и тотчасъ вскочилъ съ кровати. «Что случилось, ваше превосходительство? спросилъ онъ, нѣтъ ли изъ Петербурга курьера?» Видя, что онъ чрезвычайно встревоженъ, я отвѣчалъ ему: «Успокойтесь, ваше высокопревосходительство.»—«Да что у васъ за бумага?»—Я ему говорю: подорожная! и разсказалъ ему все что̀ случилось. Генералъ Розенбергъ долго не могъ опомниться, наконецъ сказать мнѣ: «Да правда ли?» Тогда я позвалъ курьера, и онъ все подтвердилъ. Радость Андрея Григорьевича была чрезмѣрная, и мы машинально бросились другъ друга обнимать и поздравлять. Тутъ онъ мнѣ признался о томъ безпокойствѣ, въ которомъ находился и что ежеминутно ожидалъ себѣ бѣды. «Что же намъ дѣлать?» спросилъ онъ у меня, «мы еще ничего не имѣемъ офиціальнаго». Гарнизонъ Каменецкій состоялъ изъ двухъ полковъ армейскихъ, изъ нѣсколькихъ пушекъ артиллеріи и инженерной команды; одинъ изъ полковъ помѣщенъ былъ въ казармахъ, а другой расположенъ по окрестнымъ деревнямъ. Я предложилъ генералу Розенбергу послать въ тотъ полкъ, который стоитъ по деревнямъ, чтобъ былъ готовъ къ выступленію въ крѣпость, и что я дамъ знать войскамъ, стоящимъ внутри города, быть тоже готовыми. На другой день пріѣхалъ къ намъ курьеръ изъ Петербурга съ манифестомъ о возшествіи на престолъ императора Александра I-го, и съ присяжнымъ листомъ. Войска были немедленно собраны, и я съ несказаннымъ восторгомъ приводилъ ихъ къ присягѣ обожаемому мною императору!

Едва сія счастливая новость разнеслась, какъ я получилъ два письма, одно отъ принца Нассау, а другое отъ гр. Моркова; оба они требовали отъ меня подтвержденія сей новости и спрашивали моего совѣта: ѣхать ли имъ въ Петербургъ? Обоихъ я удостовѣрилъ, пославъ къ нимъ копію съ манифеста, и совѣтывалъ тому и другому представиться новому императору, а графа Моркова просилъ доставить отъ меня письмо государю, чрезъ кого онъ почтетъ приличнымъ.

Я получилъ 10-го маія 1801-года, изъ Петербурга, высочайшій приказъ, отданный при паролѣ апрѣля 17, въ которомъ на мѣсто мое назначается генералъ маіоръ Ганъ, а мнѣ повелѣно состоять по арміи; а отъ 22-го того же мѣсяца предписано отъ великаго князя Константина Павловича, чтобъ я сдалъ крѣпость назначенному на мое мѣсто комендантомъ генералъ-маіору Гану, а по сдачѣ рапортовать его высочеству и государственной военной коллегіи. Я тогда удостовѣрился, что письмо мое дошло до его величества, въ которомъ я только писалъ, что повергая себя къ стопамъ государя и благодѣтеля, изъявляю неизрѣченную мою радость, что могу наименоваться наивѣрнѣйшимъ изъ его подданныхъ, и чтобъ письмо мое напомнило обо мнѣ императору. Я предложилъ Алексѣю Николаевичу и сестрицѣ ѣхать въ Петербургъ, гдѣ надѣялся скоро съ ними соединиться. Я прожилъ въ Каменцѣ около трехъ

недѣль въ ожиданіи моего преемника. По пріѣздѣ генералъ-маіора Гана, я сдалъ ему крѣпость въ три дни и, распростясь съ моимъ добрымъ начальникомъ Андреемъ Григорьевичемъ Розенбергомъ, полетѣлъ въ Петербургъ, взявъ съ собою просьбу полицеймейстера Удома объ опредѣленіи его въ армію. Удомъ, чрезъ мѣсяцъ послѣ моего пріѣзда въ Петербургъ, опредѣленъ былъ полковникомъ въ тотъ же Таврическій полкъ, изъ котораго онъ былъ выключенъ. Сколько сія перемѣна сдѣлала счастливыхъ подобно Удому!

Я пріѣхалъ въ Петербургъ послѣ обѣда. Одѣвшись отправился къ Михайлу Ларіоновичу Кутузову, бывшему тогда военнымъ губернаторомъ, на мѣсто графа Палена. Проѣзжая по улицамъ, на лицахъ всѣхъ встрѣчавшихся со мною людей я примѣчалъ изображеніе какого то душевнаго удовольствія. Явясь къ военному губернатору, который принялъ меня очень ласково, я просилъ его высокопревосходительство представить меня императору. Онъ мнѣ на сіе сказалъ: „Я знаю, что государь васъ всегда жаловалъ, и потому я вамъ совѣтую завтра, въ половинѣ перваго часа, поѣхать прямо на Каменный Островъ, вызвать дежурнаго каммердинера и приказать доложить о себѣ его величеству: въ это время государь возвращается отъ развода и бываетъ одинъ.“ Я съ нетерпѣніемъ ожидалъ другаго дня и назначеннаго часа ѣхать на Каменный Островъ. Наконецъ часъ наступилъ, я во дворцѣ, вызываю каммердинера, который мнѣ сказалъ: „тотъ часъ доложу“ и черезъ десять минутъ отворяетъ дверь и говоритъ:“ пожалуйте къ государю“. Я не въ состояніи описать той минуты, когда я увидѣлъ моимъ императоромъ того, который съ небольшимъ за годъ предъ тѣмъ, какъ наслѣдникъ престола, оказалъ мнѣ милости и благодѣянія, которымъ нѣтъ примѣра. Я не заплакалъ, а зарыдалъ и только что могъ сказать: „Простите, государь! это слезы радости и неизъяснимой благодарности.“ Императоръ меня обнялъ. Я хотѣлъ поймать его руку, чтобъ поцѣловать ее, но онъ ее отнялъ, и я поцѣловалъ его въ плечо. Государь мнѣ сказалъ: „Я радъ, что тебя вижу; теперь, я надѣюсь, мы будемъ жить вмѣстѣ“; продолжать изволилъ: „Каково ты жилъ въ Каменцѣ? И ты не въ претензіи, что выѣхалъ оттуда?„ Я отвѣчалъ его величеству: „не въ претензіи, потому что выѣздъ оттуда доставляетъ мнѣ счастіе теперь видѣть моего государя.“ —Потомъ императоръ изволилъ спросить у меня: „былъ ли ты у брата?“ Я отвѣчалъ: „Нѣтъ еще, ваше величество“. „Такъ съѣзди же къ нему“, присовокупилъ государь. Я откланялся и поѣхалъ въ большомъ восторгѣ отъ милостиваго пріема императора. Въ тотъ же день я отправился въ Стрѣльну, гдѣ находился великій князь Константинъ Павловичъ. Его высочество обласкалъ меня какъ нельзя болѣе и сказалъ: „Ну, Комаровской, я надѣюсь опять ко мнѣ“. Я отвѣчалъ, что я почту за великое счастіе находиться, по прежнему, при особѣ его высочества. „Такъ я доложу государю, продолжалъ великій князь, теперь Богъ съ тобою!“ Я пошелъ повидаться съ бывшими моими товарищами и нашелъ только одного Озерова; впрочемъ я увидѣлъ множество новыхъ для меня лицъ: Баура, Н. Ѳ. Хитрова, который былъ тогда въ большой милости, Витовтова, Олсуфьева и Опочинина, которыхъ я оставилъ офицерами Измайловскаго полка, адъютантами его высочества, и тонъ ихъ вообще мнѣ очень не понравился. Черезъ годъ я нашелся у великаго князя въ кругу совсѣмъ почти незнако-

момъ. Возвратясь домой, я думалъ, какъ бы мнѣ еще встрѣтиться съ государемъ и если возможно избавиться отъ предлагаемаго мнѣ великимъ княземъ. Я узналъ, что императоръ всякій день послѣ развода, въ 12-мъ часу, прогуливаться изволитъ съ Уваровымъ (*) въ Лѣтнемъ саду. Я туда поѣхалъ и къ счастію моему тотчасъ встрѣтилъ государя. Его величество мнѣ сказалъ: „здравствуй, Комаровской, что тебя давно не видать?“ Я доложилъ государю, что я не смѣю безпокоить его величество. „Вздоръ какой! пріѣзжай ко мнѣ, когда хочешь“, присовокупилъ императоръ. Получивъ такое позволеніе, я рѣшился въ тотъ же день поѣхать на Каменный Островъ и тотчасъ былъ принятъ императоромъ. Государь изволилъ у меня спросить: „ты видѣлся съ братомъ, и онъ, я увѣренъ, тебѣ обрадовался?“. Я отвѣчалъ его величеству, что великій князь меня принялъ очень милостиво, и что его высочеству угодно, чтобъ я по прежнему находился при его особѣ. Сказавъ сіе, я замолчалъ, и послѣднія слова я выговорилъ съ нѣкоторою разстановкою. Государь, взглянувъ на меня пристально, продолжалъ: „А ты что думаешь?“. Я молчалъ. Потомъ изволилъ сказать: „Говори откровенно“. Тогда я объяснилъ государю, что, будучи слишкомъ годъ въ отсутствіи отъ великаго князя, я нашелъ при его особѣ много людей мнѣ вовсе не знакомыхъ, которые вѣроятно уже удостоены довѣренности его высочества, а я, въ моемъ чинѣ, буду только составлять число чиновниковъ, при великомъ князѣ находящихся; что я не желалъ бы вести жизнь праздную и что тѣ занятія, которыя я имѣлъ при его высочествѣ, конечно возложены на другія лица. Императоръ слушалъ меня съ примѣтнымъ вниманіемъ. Помолчавъ немного, государь сказалъ: „Развѣ ты хочешь быть моимъ генералъ-адъютантомъ?“. Я не опомнился отъ радости и отвѣчалъ: „Это было бы верхъ моего счастія!“ и бросился благодарить государя. Его высочество меня обнялъ и изволилъ сказать: „Ну теперь никому ни слова. Мнѣ надобно уладить это съ братомъ,“ и отпустилъ меня.

Хотя назначеніе мое казалось вѣрнымъ; но я опасался, чтобъ великій князь сему не воспрепятствовалъ. Чрезъ нѣсколько дней я читаю однажды въ высочайшемъ приказѣ, отъ 1-го іюля 1801-го года: „состоящій по арміи генералъ-маіоръ Комаровской назначается генералъ-адъютантомъ къ его императорскому величеству.“ Всякій можетъ вообразить себѣ, что я почувствовалъ при прочтеніи этого приказа! Сіе назначеніе тѣмъ для меня было лестнѣе, что я первый удостоился получить сіе званіе при императорѣ Александрѣ I-мъ. Послѣ императора Павла остались генералъ-адъютанты: Уваровъ, графъ Ливенъ, князь Долгорукій (сіи два послѣдніе имѣли военный портфель) и князь Гагаринъ, который находился министромъ во Флоренціи. Я узналъ потомъ, что въ первое свиданіе императора съ великимъ княземъ Константиномъ Павловичемъ, государь, между прочимъ, спросилъ у великаго князя: „у тебя былъ Комаровской?“— «Былъ, государь!“ отвѣчалъ великій князь. «Я надѣюсь, что ваше величество пожалуете его мнѣ по прежнему?» продолжалъ его высочество. Государь изволилъ сказать: «охотно, но у меня только одинъ генералъ-адъютантъ Уваровъ; Ливенъ и Долгорукій имѣютъ свою часть; мнѣ не хотѣлось бы взять, кого я не знаю; при тебѣ же будутъ два: Хитровъ и Комаровской, они оба

(*) Ѳедоромъ Петровичемъ, о которомъ см. выше, стр. 542.

мнѣ извѣстны, уступи мнѣ одного изъ нихъ". Императоръ уже зналъ, что отъ меня великій князь уже отвыкъ, а Хитрова онъ очень любитъ. Его высочество, подумавъ нѣсколько, отвѣчалъ: „Если вашему величеству уже непремѣнно угодно имѣть одного изъ двухъ, то извольте взять Комаровскаго, а Хитрову позвольте носить конно-гвардейскій мундиръ." Государь изволилъ сказать. „Очень радъ". Возвратясь въ Стрѣльну, великій князь обнимаетъ Хитрова и поздравляетъ. Наконецъ объясняется, что онъ выпросилъ Николаю Ѳедоровичу позволеніе носить конно-гвардейскій мундиръ и что меня уступилъ государю. Хитровъ мнѣ никогда не могъ простить, что не онъ сдѣланъ былъ генералъ-адъютантомъ, а я: онъ считалъ, что при семъ случаѣ мною употреблена была какая нибудь интрига ибо и его императоръ очень жаловалъ. Вѣроятно Хитровъ былъ причиною, что съ тѣхъ поръ великій князь ко мнѣ перемѣнился до того, что приказалъ своей конторѣ не производить мнѣ тѣхъ трехъ тысячъ рублей, которые пожалованы въ пенсіонъ мнѣ были по смерть.

Я всякій день, послѣ обѣда, былъ водворцѣ на Каменномъ Островѣ. Обѣдовъ тогда съ гостьми у государя не было. Уваровъ выѣзжалъ съ императоромъ по утру верхомъ или гулялъ пѣшкомъ съ его величествомъ въ Лѣтнемъ саду, а я сопровождалъ государя послѣ вечернихъ его величества занятій, въ кабріолетѣ парою, которою государь самъ правилъ.

Въ одно время были съ докладомъ у императора вмѣстѣ: Беклешовъ и Трощинскій. Первый былъ генералъ-прокуроромъ, на мѣсто Обольянинова, второй первымъ статсъ-секретаремъ. Я видѣлъ, что они вышли изъ государева кабинета оба чрезвычайно раскраснѣвшись, какъ будто послѣ жаркаго прѣнія или спора и, казалось, въ великомъ негодованіи другъ на друга. Лишь только я сѣлъ подлѣ государя въ кабріолетѣ, его величество изволилъ у меня спросить: „ты видѣлъ, каковы были лица на Беклешовѣ и Трощинскомъ, когда они вышли отъ меня?» Я отвѣчалъ: „видѣлъ, государь"—„Не правда ли, что они похожи были на вареныхъ раковъ?» продолжалъ императоръ. «Они, безъ сомнѣнія, по опытности своей въ дѣлахъ, знающѣе всѣхъ прочихъ государственныхъ чиновниковъ, но между ними есть зависть Я примѣтилъ это, потому что, когда одинъ изъ нихъ объясняетъ какое либо дѣло, кажется нельзя лучше; лишь только оное коснется для приведенія въ исполненіе до другаго, тотъ совершенно опровергаетъ мнѣніе перваго, тоже, кажется, на самыхъ ясныхъ доказательствахъ. По неопытности моей въ дѣлахъ, я находился въ большомъ затрудненіи и не зналъ, кому изъ нихъ отдать справедливость; я приказалъ, чтобъ по генералъ-прокурорскимъ дѣламъ они приходили съ докладомъ ко мнѣ оба вмѣстѣ и позволяю имъ спорить при себѣ, сколько угодно, а изъ сего извлекаю для себя пользу». Я нашелъ, что государь очень благоразумно дѣлаетъ, ибо это былъ одинъ способъ его величѣству ознакомиться скорѣе съ дѣлами.

Мое положеніе становилось болѣе и болѣе для меня пріятнымъ, особливо, когда мнѣ извѣстны сдѣлались всѣ происшествія, которыя сопровождали возшествіе на престолъ императора Александра, отчасти разсказанныя мнѣ самимъ великимъ княземъ Константиномъ Павловичемъ. Императоръ Павелъ, за нѣсколько недѣль до сего происшествія, повелѣлъ Обольянинову, бывшему тогда генералъ-прокуроромъ,

привести обоихъ великихъ князей къ присягѣ. (Провидѣніе очевидно спасло меня тѣмъ, что я удаленъ былъ въ Каменецъ.... Я не престаю возсылать благодаренія ко Всевышнему Создателю что сохранилъ мою совѣсть чистою отъ всякаго упрека!)

По возшествіи императора Александра на престолъ, графу Н. П. Румянцеву немедленно позволено было возвратиться въ Россію, и онъ, по пріѣздѣ своемъ, назначенъ былъ министромъ коммерціи. Я думаю, это нѣсколько способствовало къ назначенію меня въ генералъ-адъютанты, ибо государь былъ къ нему очень милостивъ, и я графу сообщилъ мои мысли, что мнѣ очень было бы непріятно находиться между тѣми, которые окружали великаго князя, по возвращеніи моемъ изъ Каменца. Я бывалъ у графа Н. П. очень часто, и онъ обращался со мною какъ съ близкимъ своимъ родственникомъ.

Я долженъ здѣсь сказать къ славѣ императора Александра, чѣмъ началъ его величество свое царствованіе: государь повелѣлъ учредить коммисію, которая должна была разсмотрѣть всѣ дѣла и поступки, по коимъ сослано было множество. Невинные были возвращены; нѣкоторые получили прежнія свои должности; другіе вознаграждены были единовременно выданными пособіями, или по смерть пенсіонами....

День коронаціи назначенъ былъ 15-го сентября. Насъ поѣхало четверовмѣстѣ на коронацію: я, какъ старшій генералъ-адъютантъ, генералъ-маіоръ Репнинскій, князь Петръ Михайловичь Волконскій (бывшій тогда флигель-адъютантомъ и полковникомъ) и капитанъ 2-го ранга Клокачевъ: онъ былъ тогда начальникомъ императорской флотиліи. Вояжъ нашъ былъ превеселый: насъ чрезвычайно забавлялъ Клокачевъ, который никогда почти не ѣздилъ по твердой землѣ, а все плавалъ по морямъ, и онъ испытывалъ отъ движенія экипажа по землѣ ту же болѣзнь, которую имѣютъ на морѣ, и мы прозвали Клокачева страдальцемъ отъ земляной болѣзни. Онъ всѣ вещи называлъ морскими именами; напримѣръ, ему нужна была веревка, онъ говорилъ: подайте мнѣ шкотъ. Я имѣлъ случай разсказать это государю, и его величество очень смѣялся.

День торжественнаго въѣзда императора Александра въ Москву былъ какъ праздникъ отличается отъ будней, такъ онъ не походилъ на бывшій четыре года и нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ! Тогда всѣ чиновники, военные и статскіе, въ карикатурныхъ мундирахъ, ѣхали по два въ рядъ, младшіе впереди, что̀ составляло предлинную линію, въ видѣ протянутой веревки, императоръ Павелъ ѣхалъ одинъ, а нѣсколько позади два великіе князья. Теперь же молодой императоръ, въ красѣ лѣтъ, богоподобной наружности, ѣхалъ окруженный многочисленною и блестящею свитою; все было величественно, а не карикатурно. Передъ императоромъ ѣхало одно только Московское дворянство, по два въ рядъ, на отличнѣйшихъ лошадяхъ, на коихъ были богатѣйшіе уборы; послѣ церемоніи всѣ эти лошади подведены были государю. Стеченіе народа было неимовѣрное; радостные клики сопровождали императора отъ самаго Петровскаго дворца до Кремлевскаго. Дома были украшены разноцвѣтными дорогими тканями; дамы во всѣхъ окошкахъ привѣтствовали вожделѣннаго гостя, махая бѣлыми платками своими, развѣвающимися по воздуху; погода была прекрасная, какъ посреди лѣта. Я въ жизни моей не виды-

валъ ни торжественнѣе, ни восхитительнѣе сего достопамятнаго дня! ...

Священный обрядъ коронаціи происходилъ, какъ обыкновенно, въ Успенскомъ Соборѣ. Зрѣлище было восхитительное и трогательное, когда императоръ возлагалъ корону на августѣйшую свою супругу, и видѣть потомъ молодую императорскую чету, плѣнительной красоты и въ царскихъ облаченіяхъ, шествующую при пушечной пальбѣ, колокольномъ звонѣ и восклицаніяхъ многочисленнаго народа, подъ золото-глазетовыми балдахинами, вокругъ древняго Кремля. По сему случаю праздники были превеликолѣпные, особливо у графа Шереметева, въ Останкинѣ, гдѣ даны были: спектакль, балъ, фейрверкъ и ужинъ; вся дорога отъ Москвы до Останкина на разстояніи шести верстъ была иллюминована.

Его величество, всякій день, послѣ развода, изволилъ прогуливаться верхомъ, по Московскимъ улицамъ, въ сопровожденіи бывшаго тогда въ Москвѣ главнокомандующимъ графа Салтыкова и генералъ-адъютанта. Однажды я имѣлъ счастіе сопровождать императора; множество народа окружало государя и безпрестанно кричали: ура! Одинъ мужикъ долго шелъ подлѣ стремени императора, все любуясь на него, вдругъ обтеръ пыль съ сапога его величества, перекрестился и поцѣловалъ его въ ногу; это было какъ сигналомъ для толпы, которая, такимъ же образомъ, начала цѣловать съ обѣихъ сторонъ ноги императора ...

По возвращеніи моемъ въ Петербургъ [10] случилось происшествіе, которое сдѣлало тогда много шуму. Въ Семеновскомъ полку служилъ поручикомъ Шубинъ. Онъ очень друженъ былъ съ К. М. Полторацкимъ, бывшимъ тогда полковымъ адъютантомъ Семеновскаго полка. Шубинъ однажды открылся ему, что какой то Григорій Ивановъ, находившійся прежде при дворѣ великаго князя Константина Павловича, предлагаетъ ему войти въ заговоръ противъ императора Александра, что Шубинъ никакъ на сіе не соглашается, а открывается Полторацкому съ тѣмъ, что нельзя ли Григорья Иванова схватить, ибо у нихъ свиданія бываютъ въ Лѣтнемъ саду, когда смеркнется. Полторацкій на сіе согласился и въ назначенный день и часъ поѣхалъ съ Шубинымъ въ Лѣтній садъ. Идя вмѣстѣ по большой аллеи, Шубинъ сказалъ: «слышишь, кто то идетъ. Это вѣрно онъ! ты постой, а я пойду къ нему на встрѣчу!» Полторацкій послѣ показалъ, что онъ точно слышалъ будто шаги и видѣлъ даже, что кто-то мелькнулъ между деревьями; сіе вѣроятно ему просто показалось. Чрезъ пять минутъ Полторацкій слышитъ пистолетный выстрѣлъ, бѣжитъ на оный и видитъ друга своего Шубина лежащаго на земли, который говоритъ: «Ахъ! злодѣй меня застрѣлилъ!» Полторацкій не зналъ, что̀ съ нимъ дѣлать, поднимаетъ его и примѣчаетъ, что у него идетъ кровь изъ лѣвой руки; къ счастію, увидя огонь въ нижнемъ этажѣ Михайловскаго замка, Полторацкій ведетъ Шубина туда; этотъ огонь былъ въ комнатахъ, занимаемыхъ бывшимъ кастелляномъ того замка. Полторацкій разсматриваетъ рану своего друга и видитъ, что она не смертельна, а только прострѣлена рука выше локтя. Послали за лѣкаремъ, а Полторацкій поѣхалъ тотчасъ на Каменный Островъ, чтобъ немедленно довести до свѣдѣнія императора такое важное происшествіе. На Каменномъ Ос-

---

[10] Передъ тѣмъ гр. Е. Ѳ. Комаровскій разсказываетъ о женитьбѣ своей на Елизаветѣ Егоровнѣ Цуриковой, въ Москвѣ, 8 января 1802 года.

тровѣ все спало; Полторацкій идетъ въ комнаты, гдѣ жилъ оберъ-гофмаршалъ Никол. Александровичъ Толстой, приказываетъ его разбудить и разсказываетъ ему о случившемся въ Лѣтнемъ саду. Графъ Толстой рѣшается идти къ государю и сообщаетъ его величеству о слышанномъ отъ Полторацкаго. Петербургскимъ военнымъ губернаторомъ былъ тогда М. Л. Кутузовъ. За нѣсколько дней предъ симъ случились еще два происшествія въ столицѣ. Одна карета, ѣхавшая съ Васильевскаго Острова, смяла одного Англичанина. У Михайловскаго замка, послѣ постройки онаго, оставались шалаши, въ которыхъ жили рабочіе люди; братъ кавалера великихъ кн. Николая и Михаила Павловичей Ушакова, возращаясь ночью домой въ Михайловскій замокъ, гдѣ онъ жилъ вмѣстѣ съ братомъ своимъ, выскочившими изъ тѣхъ шалашей людьми былъ ограбленъ и жестоко прибитъ. Государь дѣйствіями Петербургской полиціи былъ уже весьма не доволенъ, ибо и то и другое изъ сихъ приключеній остались не раскрытыми; происшествіе же, случившееся въ Лѣтнемъ саду, довершило прогнѣвать государя на полицію. Михаилъ Ларіоновичъ сказался больнымъ. На другой день послѣ Шубинской исторіи назначена была коммиссія изъ генералъ-адъютантовъ Уварова, князя Волконскаго и сенатора Макарова, чтобъ произвесть строгое по сему дѣлу розысканіе. Случившійся тогда въ Петербургѣ фельдмаршалъ графъ Каменской названъ былъ главнокомандующимъ въ столицѣ, а я назначенъ къ нему въ помощники и начальникомъ Петербургской полиціи. Фельдмаршалъ и я случились тогда во дворцѣ, когда государю угодно было позвать графа Каменскаго и меня въ свой кабинетъ и объявить намъ сію высочайшую свою волю. Вышедши изъ государева кабинета, я предложилъ фельдмаршалу навѣстить М. Л. Кутузова. Графъ Каменской на сіе согласился. Мы нашли Кутузова очень разстроеннымъ, особливо Шубинскою исторіею. Говоря о ней, я сказалъ: Il me semble que ce prétendu Григорій Ивановъ n'est qu'un fantome (мнѣ кажется, что Григорій Ивановъ ничто иное какъ призракъ). Михаилъ Ларіоновичъ съ восклицаніемъ отвѣчалъ: «Vous avez raison, mon général, ce n'est qu'un fantôme.» (Я съ вами согласенъ, ваше превосходительство, это лишь призракъ.) На другой день пріѣхалъ ко мнѣ оберъ-полицеймейстеръ Овсовъ съ полицеймейстерами Зайцовымъ и Еврейновымъ и со всѣми частными приставами. Изъ поданныхъ мнѣ рапортовъ я усмотрѣлъ, что при многихъ буткахъ не было вовсе буточниковъ. Это меня крайне удивило; я, спросивъ о причинѣ, сказалъ: «мудрено ли, что по улицамъ дѣлаются грабежи и драки, когда не кому ни брать грабителей, ни разнимать дерущихся!» Частные пристава мнѣ отвѣчали, что въ буточники посылаютъ обыватели людей своихъ, кого хотятъ; а тѣмъ, которые не пожелаютъ человѣка прислать натурою, дозволяется взнесть девять рублей въ мѣсяцъ деньгами, и что на сію сумму никакой нѣтъ возможности нанять человѣка, который согласился бы безсмѣнно стоять на часахъ, а особливо зимою на морозѣ (тогда въ будкахъ не было печей). Между частными приставами я замѣтилъ одного, который мнѣ показался расторопнѣе другихъ, фамилія его была Гейде. Я приказалъ ему явиться къ себѣ послѣ обѣда (11). Я спросилъ у него, знаетъ

(11) Обо всѣхъ этихъ полицейскихъ чиновникахъ см. въ Русскомъ Архивѣ 1863 г. (изд. 2 с стр. 705 и др.): Записки В. В. Пассека.

ли онъ о двухъ происшествіяхъ, случившихся нѣсколько дней тому назадъ съ Англичаниномъ и съ ограбленнымъ г-мъ Ушаковымъ? Гейде мнѣ отвѣчалъ, что онъ о томъ слышалъ. Я ему приказалъ непремѣнно найти, кому принадлежала карета, ѣхавшая съ Васильевскаго Острова и отыскать тѣхъ людей, которые ограбили Ушакова, и что его ожидаетъ награда, если онъ все это раскроетъ. Гейде испросилъ у меня позволеніе дѣйствовать въ партикулярномъ платьѣ, что̀ я ему позволилъ. Черезъ нѣсколько дней найдено было, кому принадлежала карета и кто въ ней ѣхалъ; лошади были ямскія. Ограбившіе Ушакова были бѣглые солдаты, которые также отысканы. Гейде за сіе произведенъ былъ въ слѣдующій чинъ.

Я занимался раскрытіемъ и Шубинской исторіи. Полиція открыла, что на третій день послѣ выстрѣла, истопникъ Михайловскаго замка, ловя рыбу въ поперечной канавѣ, которая идетъ изъ Фонтанки въ Екатерининскій каналъ, вытащилъ пистолетъ, который тотчасъ былъ ко мнѣ представленъ. Я увидѣлъ, что онъ долженъ быть изъ военнаго сѣдла. Призвавъ къ себѣ Шубинскаго каммердинера, я спросилъ у него, нѣтъ ли у господина его форменнаго сѣдла? «Есть, отвѣчалъ онъ мнѣ, баринъ мой нѣсколько времяни исправлялъ въ полку адъютантскую должность». Я приказалъ принесть пистолеты, а каммердинеръ принесъ мнѣ только одинъ, который совершенно былъ пара найденному. Между тѣмъ я узналъ, что къ Шубину допускается Полторацкій; я сообщилъ коммиссіи, что мнѣ кажется не должно позволять имъ имѣть свиданья, ибо они могутъ сговориться, и тогда нельзя будетъ дойти до истины. Коммиссія уважила сіе обстоятельство, и къ Полторацкому приставленъ былъ полицейскій офицеръ. Шубинъ представилъ примѣты Григорія Иванова. Тотчасъ по всѣмъ трактамъ посланы были фельдъегеря его отыскивать. (Примѣты эти чрезвычайно были похожи на П. В. Кутузова, которому показалось это очень обидно) Узнавъ, что у Шубина, не за долго предъ тѣмъ, бѣжалъ одинъ изъ его лакеевъ, я послалъ за его каммердинеромъ, который мнѣ сіе подтвердилъ. Я спросилъ у него, не подавалъ ли баринъ его о томъ объявленіе въ часть и въ которую? Каммердинеръ отвѣчалъ, что онъ самъ носилъ объявленіе въ 3-ю Адмиралтейскую часть. Я приказалъ оное принесть къ себѣ; открылось, что въ немъ написаны примѣты тѣ же самые, какіе имѣлъ мнимый Григорій Ивановъ. Я отправилъ въ коммиссію и найденный пистолетъ и копію съ объявленія о бѣжавшемъ лакеѣ. Сіи двѣ улики не мало способствовали къ доведенію Шубина до признанія, что вся эта исторія была имъ выдумана; что Григорія Иванова никогда не существовало, что онъ выстрѣлилъ въ свою руку самъ и бросилъ пистолетъ въ канаву; что, надѣлавъ много долговъ, которые отецъ его отказался за него платить, онъ рѣшился все это сдѣлать, надѣясь, что государь его наградитъ. Шубина лишили чиновъ и сослали въ Сибирь; Полторацкому, какъ говорится, вымыли голову за его легковѣріе (12).

Государь скоро примѣтилъ, что графъ Каменской былъ слишкомъ тороплив,

(12) Этотъ Шубинъ, Алексѣй Петровичъ, былъ однимъ изъ потомковъ того Шубина, который пользовался расположеніемъ императрицы Елизаветы Петровны. Императоръ Александръ даровалъ ему помилованіе съ 1815 году, во время извѣстнаго смотра войскъ при Вертю, и онъ былъ возвращенъ изъ Иркутска (Слышано отъ одного изъ родственниковъ Шубина). *П. Б.*

чрезмѣрно вспыльчивъ и переиначивалъ иногда даже приказанія, его величествомъ ему даваемыя. Въ отвращеніе сего послѣдняго, государь повелѣлъ мнѣ всякіе послѣ обѣда пріѣзжать къ нему за полученіемъ приказаній, а отъ фельдмаршала по утру принимать позволилъ только рапортъ, а когда онъ о чемъ докладывалъ, то его величество ему отвѣчалъ: «Я послѣ вамъ дамъ знать что сдѣлать должно.» Мое положеніе было самое затруднительное: иногда фельдмаршалъ вздумаетъ самъ собою сдѣлать какое нибудь распоряженіе, а я знаю, что не угодно будетъ государю, или я уже получилъ совсѣмъ противное тому повелѣніе; то я долженъ былъ ему представлять, какъ будто отъ самаго себя, что не лучше ли будетъ сдѣлать иначе; ибо государю не угодно было, по сродной его величеству деликатности, огорчить фельдмаршала тѣмъ, что будто онъ не имѣетъ къ нему полной довѣренности. Я, пользуясь позволеніемъ всякій день послѣ обѣда пріѣзжать къ его величеству, представилъ государю однажды записку о положеніи, въ которомъ находилась тогда полиція и что кромѣ того что буточниковъ при всѣхъ будкахъ не находится, но что когда бываетъ пожаръ, то буточники ходятъ по улицамъ, вертятъ трещотками и сзываютъ съ обывательскихъ дворовъ людей, назначенныхъ хозяевами для сей повинности, что̀ весьма не удобно; сверхъ того драгунская полицейская команда раздѣлена по частямъ, и что у старательнаго только частнаго пристава оная находится въ порядкѣ. Его величество, прочитавъ мою записку, удивился и сказать изволилъ: «Какъ! здѣшняя полиція находится въ такомъ положеніи, и мнѣ никто объ этомъ по сіе время не говорилъ!» Поблагодаривъ меня за мою догадку, приказать мнѣ изволилъ представить ему мысли мои на счетъ улучшенія полиціи.

Проэктъ мой состоялъ въ томъ, чтобъ хозяева домовъ не посылали людей натурою въ полицейскія должности, а платили бы по 9 рублей въ мѣсяцъ за каждаго, на что, по собраннымъ мною свѣдѣніямъ, хозяева домовъ всѣ были согласны. Въ буточники и пожарные служители опредѣлять изъ армейскихъ полковъ менѣе способныхъ къ фронтовой службѣ, которые поступали въ гарнизонные полки, гдѣ не отправляли никакой службы. Присовокупивъ собираемую съ хозяевъ домовъ сумму къ положенному по штату жалованію и провіанту, можно улучшить состояніе каждаго полицейскаго служителя. Драгунскія полицейскія команды, для единообразія, должны соединены быть въ одну команду, и поручить ее исправному штабъ-офицеру. Государь во всѣхъ частяхъ изволилъ утвердить мой проэктъ и приказалъ тотчасъ учредить изъ полицейскихъ драгунъ одну команду, начальникомъ которой я назначилъ подполковника Гейде. Теперь всѣ буточники и служители въ пожарныхъ командахъ комплектуются, по тогдашнему моему проэкту, изъ внутренней стражи, не только въ Петербургѣ и въ Москвѣ, но и во всѣхъ губернскихъ городахъ.

Скоро потомъ назначены были маневры всѣмъ гвардейскимъ войскамъ, при Красномъ Селѣ, а равно и армейскимъ полкамъ, въ окрестностяхъ Петербурга расположеннымъ. Всѣ войска поручены были начальству фельдмаршала графа Каменскаго. Государю угодно было видѣть искусство въ военномъ ремеслѣ сего состарѣвшагося въ ономъ генерала, но, кажется, онъ не

вполнѣ оправдалъ ожиданія его величества.

На время отсутствія графа Каменскаго изъ столицы, я остался единственнымъ оной начальникомъ. Я долженъ признаться, что настоящая моя должность часу отъ часу была для меня тягостнѣе: дурное устройство полиціи, о которомъ я выше упоминалъ, безтолковость моего ближайшаго начальника, противъ которой я долженъ былъ почти безпрестанно дѣйствовать, вовлекали меня въ большія непріятности, а сверхъ того и безпрестанныя хлопоты, сопряженныя съ исправляемою мною должностью, изнуряли мои силы.

По возвращеніи императора изъ Краснаго Села, хотя его величество и изволилъ изъявить мнѣ свое удовольствіе за управленіе мною столицею, но я рѣшился при первомъ удобномъ случаѣ просить государя уволить меня отъ возложенной на меня обязанности. Однажды я былъ приглашенъ на обѣдъ къ императору. Во время стола, государь публично отзываться изволилъ, что онъ моею службою очень доволенъ и, глядя на меня, сказалъ: «но ты, братъ, не потолстѣлъ: видно, полицейскіе хлѣбы тебѣ не въ прокъ!» Я только что поклонился, не отвѣчая ничего. Послѣ обѣда я долженъ былъ принять, по обыкновенію, приказанія отъ государя. Получивъ оныя, я осмѣлился представить его величеству, что физическія мои силы отказываются продолжать служеніе въ настоящей моей должности и что я прошу одной милости — меня отъ оной уволить. Государь, помолчавъ немного, сказать мнѣ изволилъ: «на кого же ты меня оставляешь? Ты знаешь, каковъ фельдмаршалъ». Я продолжалъ: здѣшняя полиція въ самомъ дурномъ положеніи, какъ вашему величеству извѣстно; я со всѣмъ моимъ желаніемъ и усердіемъ не въ состояніи ее исправить, ибо не имѣю ни малѣйшей опытности, ни познаній по полицейской части; одинъ, по моему мнѣнію, генералъ-маіоръ Эртель, бывшій оберъ-полицеймейстеромъ почти во все время царствованія покойнаго государя, въ Москвѣ, можетъ привесть здѣшнюю полицію въ порядокъ.—«Да ты знаешь-ли, возразилъ государь, каковы были поступки Эртеля въ Москвѣ? Я долженъ былъ перваго его удалить отъ должности и дать ему полкъ!» Я на сіе отвѣчалъ: «вашему величеству докладывалъ графъ Салтыковъ, что Эртель дѣйствовалъ самовластно; можетъ быть, онъ имѣлъ на то высочайшее повелѣніе, но здѣсь, и въ присутствіи вашего величества, онъ конечно не осмѣлится выдти изъ границъ своей должности; впрочемъ я могу засвидѣтельствовать предъ вашимъ величествомъ что Московскіе жители вообще были Эртелемъ очень довольны.» Государь, подумавъ не много, изволилъ сказать: «Хорошо, я согласенъ, но съ тѣмъ, что ты останешься теперь начальникомъ полиціи». Я осмѣлился возразить: «отъ сего потерпитъ служба вашего величества, ибо генералъ-маіоръ Эртель, будучи гораздо старѣе меня въ чинѣ, не охотно мнѣ будетъ повиноваться». Императоръ изволилъ отвѣчать: «Но ты мой генералъ-адъютантъ!»—«Все равно, государь, продолжалъ я, старшему быть въ командѣ у младшаго очень обидно». Наконецъ его величество согласился и приказалъ мнѣ послать фельдъегеря за Эртелемъ, который былъ тогда шефомъ Бутырскаго пѣхотнаго полка. Я несказанно былъ радъ пріѣзду Эртеля, который тотчасъ назначенъ былъ Петербургскимъ оберъ-полицеймейстеромъ, а Овсовъ получилъ другую должность.

Когда генералъ-маіоръ Эртель принялъ должность Петербургскаго оберъ-полицеймейстера, государь, въ высочайшемъ приказѣ, изволилъ объявить мнѣ свое удовольствіе за хорошее мною исправленіе порученной мнѣ должности и въ знакъ всемилостивѣйшаго благоволенія пожаловалъ мнѣ перстень съ бриллiантами и съ вензеловымъ его величества именемъ.

Я долженъ сказать, что во все время нахожденія моего подъ начальствомъ графа Каменскаго, онъ обращался со мною, не взирая на его крутой нравъ, весьма снисходительно. Фельдмаршалъ такъ, можно сказать, надоѣлъ императору, что его величество мнѣ однажды сказать изволилъ: «Не хочетъ ли графъ Каменской проситься прочь? Еслибъ сіе случилось, я поставилъ бы свѣчу Казанской Божіей Матери!» Съ одной стороны государь не хотѣлъ огорчить фельдмаршала увольненіемъ его отъ должности, а съ другой графъ Каменской привыкъ служить тамъ, куда государи его опредѣляли, хотя фельдмаршалъ мнѣ также говорилъ: «Я пріѣхалъ сюда огурчикомъ, а теперь сталъ похожъ на вялую рѣпу.»

(Продолженіе будетъ).

ЖИЗНЬ И ДѢЯНІЯ

генерала-фельдмаршала князя Григорія Александровича Потемкина Таврическаго.

СОЧИНЕНІЕ ГРАФА А. Н. САМОЙЛОВА.

Сочиненіе это писано роднымъ племянникомъ кн. Потемкина, извѣстнымъ генералъ-прокуроромъ (въ послѣдніе годы Екатерининскаго царствованія) Александромъ Николаевичемъ Самойловымъ. Подлинная рукопись не его руки, но въ нѣкоторыхъ мѣстахъ есть дополненія и поправки, сдѣланныя гр. Самойловымъ собственноручно (они напечатаны у насъ курзивомъ), а въ одномъ мѣстѣ онъ самъ называетъ себя „сочинителемъ исторіи сей." Нечего, кажется, прибавлять, как важны для историка показанія лица, столь близкаго къ кн. Потемкину и занимавшаго столь важное служебное мѣсто. Рукопись обязательно сообщена намъ роднымъ внукомъ гр. Самойлова, гр. Александромъ Алексѣевичемъ Бобринскимъ. Изъ примѣчанія 3-го видно, что сочиненіе это писано послѣ 1812 года; гр Самойловъ жилъ тогда въ имѣніи своемъ Кіевской губерніи, гдѣ и скончался 1 ноября 1814 года. Особой біографіи его мы, къ сожалѣнію, не имѣемъ, кромѣ краткаго очерка въ книгѣ П. И. Иванова: „Опытъ біографій генералъ-прокуроровъ и министровъ юстиціи" Спб. 1863, стр. 57-64; тамъ находится и портретъ его. Съ 1776 г. онъ былъ правителемъ дѣлъ тогдашняго государственнаго совѣта. При взятіи Очакова (6 дек. 1788), онъ первый взошелъ въ него, и получилъ орденъ св. Георгія 2-й степени; онъ бралъ Измаилъ, заключалъ миръ съ Турціею, за что ему данъ орденъ св. Андрея Первозваннаго; въ сентябрѣ 1792 г. назначенъ, по завѣту кн. Потемкина, генералъ-прокуроромъ и занималъ эту должность до 4 дек. 1796 г (См. Записки Храповицк. стр. 147, 260, 265 и 275) *П. Б.*

ГЛАВА I-я

Вступленіе.

Исполненный благоговѣніемъ къ памяти покойнаго фельдмаршала князя Григорія Александровича Потемкина Таврическаго, которому былъ обязанъ многими оказанными мнѣ благодѣяніями, какъ то одобреніемъ службы моей, возвышеніемъ моимъ, а наипаче пріобрѣтеніемъ въ послѣдствіи отъ государыни премудрой, проницательной и благосердой, той довѣренности, коей имѣлъ счастіе удостоиться: не могу читать безъ душевнаго негодованія напечатанныхъ въ разныхъ книгахъ недостойныхъ лжей, злословій и клеветъ на щотъ его вымышленныхъ,

и вмѣсто признательности за заслуги отечеству, за добро содѣянное, за благотворенія явленныя всѣмъ вообще и каждому имѣвшему въ защитѣ и покровительствѣ его нужду, съ прискорбіемъ вижу въ разныхъ изданіяхъ, что сколько злоба, зависть и невѣжество могли въ хулу ему излить яда, ничего не было оставлено. Однакожъ, вопреки неблагонамѣреннымъ тѣмъ порицателямъ, отдавая справедливость памяти великихъ людей, совершившихъ со славою поприще служенія престолу и отечеству, каждый здравомыслящій Россіянинъ, всякой прямой сынъ отечества, не отвергнетъ сего, что князь Потемкинъ Таврическій принадлежитъ къ сословію тѣхъ великихъ мужей, коихъ возвышенный духъ проложилъ имъ путь къ безсмертію, что имя его останется въ потомствахъ незабвеннымъ и что дѣянія его навсегда пребудутъ извѣстны, не по преданіямъ, но по памятникамъ заслугъ его и подвиговъ.

Къ утвержденію сей истины довольно сказать, что онъ, бывъ избранъ императрицею великою, которой немерцающая слава во вѣки вѣковъ громкою останется, пріобрѣлъ отъ мудрой законодательницы сей полную довѣренность, парилъ какъ нѣкій творческій геній ко исполненію ея намѣреній, достигъ совершенія оныхъ путями новыми и необыкновенными, успѣвалъ во всѣхъ предпріятіяхъ, не останавливаясь на малостяхъ; но, страстно любя все великое, возвышенное, огромное, истинно и обще полезное, умѣлъ всѣ препятствія преодолѣвать съ легкостію, и явилъ отечеству заслуги великаго вождя, мудраго градоправителя, проницательнаго и дальновиднаго политика и приверженнаго къ престолу вѣрноподданнаго.

Съ самаго возвышенія своего по кончину, въ продолженіе 18-ти лѣтъ, онъ былъ ближайшій при своей монархинѣ, и имѣя полную довѣренность ея, пріобрѣтенною поверхностію надъ всѣми частьми государственнаго управленія, не омрачилъ жизни своей ни любостяжаніемъ, ни ненавистію, ни губительствомъ завистниковъ своихъ, ни мщеніемъ тѣхъ, кои ему вредить старались; но, воспаряя къ славѣ по стезѣ, указанной ему отъ премудрой государыни, бывъ выше всѣхъ другихъ страстей, оправдалъ выборъ ея въ полной мѣрѣ.

Многіе завистники и пристрастные толкователи относятъ всѣ успѣхи дѣяній сего великаго мужа къ счастію его (¹) и могуществу у двора; и мнятъ помрачить славу, по справедливости ему принадлежащую. Но степи южныя, подъ руководствомъ его преобразованныя изъ дикихъ въ цвѣтущія и населенныя страны, на пространствѣ 200 т. квадратныхъ верстъ; многочисленность воздвигнутыхъ городовъ на мѣстахъ, до того почитаемыхъ не удобонаселяемыми; устроенныя гавани для расширенія внѣшней торговли и заведенія военныхъ флотовъ и крѣпостей для обузданія дерзости черкесовъ, татаръ и турокъ; все сіе произведенное, такъ сказать, по великости своей, во мгновеніе, съ издержками, не истощившими государственныхъ финансовъ, подъ непосредственною его администраціею — ознаменовало въ князѣ Потемкинѣ великія дарованія мужа государственнаго. Покоренныя безъ вой-

(¹) Сіе мнѣніе къ стати опровергнуть здѣсь лаконическимъ изреченіемъ, которое присвоиваютъ герою Италійскому, сказавшему въ отвѣтъ одному генералу на счетъ счастія людей слѣдующее: „Одинъ разъ счастіе! два раза, три раза, шесть, десять разъ счастіе! право надобно нѣсколько и ума!“

ны области, Кавказъ, Кубань, Тамань и царство Тавриды; и Татарскія орды: Крымская, Ногайская и Бѣлгородская *т. е.* Буджадская, бывшія ужасомъ южнаго края, превращенныя въ мирныхъ подданныхъ доказываютъ въ князѣ Потемкинѣ сколь предпріимчиваго, столь и дальновиднаго политика (²).

Сооруженіе Черноморскаго флота, подъ начальствомъ его въ семь лѣтъ построеннаго, владычествовавшаго на Черномъ морѣ и наводившаго страхъ Константинополю и берегамъ Азійскимъ, являютъ въ князѣ Потемкинѣ рѣдкое дарованіе знать пользоваться мѣстными удобствами къ произведенію великихъ предпріятій и употребить съ пользою для отечества дарованія способныхъ людей (³). Онъ искалъ ихъ, стараясь вырывать отвсюду, и они, такъ сказать, роились вокругъ его. Наконецъ война съ Портою Оттоманскою, начавшаяся въ 1787-мъ году, продолжавшаяся подъ верховнымъ его полководствомъ *слишкомъ четыре года*, со славою на сушѣ и на морѣ, въ Европѣ и Азіи, на восточныхъ и западныхъ берегахъ Чернаго моря, въ Бессарабіи, Молдавіи, Валахіи, Булгаріи, въ неприступномъ до сего Кавказѣ и въ Абазіи, даже въ самой Мореѣ; и послѣ всемѣстныхъ надъ невѣрными

(²) Въ 1781-мъ году Черноморскій флотъ состоялъ изъ нѣсколькихъ малаго размѣра фрегатовъ и другихъ судовъ, но ни одного линейнаго корабля не было; къ окончанію же войны простиралось ихъ за 20. Въ послѣднюю морскую баталію вице-адмиралъ Ушаковъ начальствовалъ надъ 16-ю линейными кораблями окромѣ употребленныхъ въ другихъ мѣстахъ; при началѣ же войны было только 6 линейныхъ кораблей, изъ коихъ три находившіеся въ Днѣпровскомъ лиманѣ, не были даже въ дѣйствіи; а дѣйствовали только 3 корабля Севастополькой эскадры, и изъ оныхъ одинъ занесенъ бурею въ Царь-Градъ. И такъ сооруженіе Черноморскаго флота производилось въ самую войну, а гребной флотъ, истребившій въ виду Очакова Турецкую эскадру не токмо гребную, но и парусную, изъ 10 линейныхъ кораблей состоявшую, подъ начальствомъ самого капитанъ-паши, построенъ въ одинъ годъ, состоя изъ галеръ, батарей, шлюпъ, бриковъ и канонерскихъ лодокъ, числомъ до 100, кои вооружены были для войны частію изъ судовъ тѣхъ, что̀ построены были для путешествія государыни изъ Кіева до Екатеринослава.

(³) Что князь Потемкинъ зналъ какъ и къ чему употребить способныхъ людей и дать имъ поприще по дарованіямъ, сообразное личнымъ достоинствамъ каждаго, и что въ отличіи такихъ людей онъ чуждъ былъ всякаго пристрастія и руководствовался истиннымъ патріотизмомъ: то сіе оправдываютъ какъ событія, такъ и послѣдствія. Умалчивая о другихъ, только замѣтимъ, что въ военачальствѣ предпочтены имъ были князь Репнинъ и герой Италійскій на сухомъ пути, а Ушаковъ на морѣ, которыхъ удостоивалъ у престола всѣхъ высочайшихъ милостей и наградъ. Для образованія Новодонскаго войска имъ былъ избранъ и поставленъ на степень отличія М. И. Платовъ. А спаситель отечества, незабвенной во вѣки князь Михаилъ Ларіоновичь Голенищевъ-Кутузовъ Смоленскій, отъ полковничьяго чина бывъ подъ начальствомъ князя Потемкина, былъ употребляемъ имъ во многія обстоятельства предпочтительно другимъ и при жизни еще князя Потемкина получилъ чинъ генералъ-порутчика. Истинна обязываетъ меня не оставить въ молчаніи о чиновникѣ, которой имѣлъ полную отъ князя Григорія Александровича довѣренность, употребленъ бывъ отъ него для руководства письменными его дѣлами военными, гражданскими, кабинетскими и всѣми секретными самоважнѣйшими; но по умѣренности, свойственной характеру его, сей одаренной способностями чиновникъ взялъ отъ меня слово, чтобы имя его оставить въ молчаніи; почему хотя не именую его, но заслуги, имъ оказанныя и нынѣ продолжаемое похвальное его служеніе дѣлаетъ его публикѣ извѣстнымъ. *Примѣчаніе гр. Самойлова.*

Здѣсь конечно говорится о Василіѣ Степановичѣ Поповѣ. *П. Б.*

побѣдъ, доведенная къ вожделѣнному миру—доказываетъ въ немъ дарованія великаго полководца. И хотя смерть, пресѣкшая жизнь сего вождя при окончаніи войны, среди самыхъ успѣховъ, не допустила его довершить подвигъ сей славнымъ миромъ; но низложенныя стѣны важной крѣпости Очакова, покоренные и завоеванные Бендеры, Измаилъ, Анапа, Аккерманъ, Килія и Гаджибей, истребленные непріятельскіе флоты, и господство Россійскаго флага на Понтѣ и на Дунаѣ, такъ же благоуспѣшно крейсировавшая эскадра въ Архипелагѣ (4), безпрепятственные успѣхи Россійскаго оружія и повсемѣстное сокрушеніе непріятельскихъ усилій, оправдали его предъ свѣтомъ въ томъ, что онъ достоинъ тѣхъ почестей и лавровъ, коими былъ увѣнчанъ и награжденъ. Реформа, учиненная имъ въ войскахъ, для выгоды и удобства одѣянія войновъ, для сбереженія здоровья ихъ и соблюденія по сей части какъ въ быту солдатскомъ излишнихъ издержекъ на щегольство, такъ и для сбереженія казенныхъ расходовъ; вниманіе его о искорененіи жестокихъ наказаній, не менѣе того вкравшихся отъ наблюденія въ полкахъ безполезнаго, прихотливаго и неприличнаго солдату щегольства и отъ педантизма службы, которымъ и большіе военные начальники были заняты *(солдаты Рускіе никогда не забудутъ того, что князь Григор. Алекс. остриженіемъ волосъ избавилъ ихъ отъ головныхъ болѣзней, отъ лишнихъ и напрасныхъ издержекъ для мазанія пудреной головы)* попеченіе его о обогащеніи артелей солдатскихъ и о устроеній мѣстныхъ лазаретовъ и гошпиталей; не менѣе того произведенное имъ умноженіе и самое одушевленіе иррегулярныхъ войскъ казачьихъ, которыхъ заслуги отечество ощущаетъ и монархъ признаетъ (5), чтò исполнено безъ отягощенія народа и государства,—являютъ въ князѣ Потемкинѣ благоразумнаго военачальника. Словомъ сказать, чтò бы злословіе и клевета ни вымышляли, но памятники вѣчно живущіе дѣяній сего мужа скажутъ о немъ потомствамъ, что онъ былъ великій человѣкъ; и что достоинъ признательнаго воспоминанія отъ истинныхъ сыновъ отечества (6). Но вопреки справедливости и благомыслію,

(4) Ламбро-Качіони изъ Албанцовъ, поселившихся въ Россіи, былъ избранъ княземъ Потемкинымъ и отправленъ въ Архипелагъ командовать эскадрою, составленною изъ корсеровъ; сія эскадра нападала на берега Мореи и Азіи съ успѣхомъ.

(5) Всѣмъ служившимъ въ тѣ времена извѣстно, что казацкія войска прежде были въ пренебреженіи и въ военное время употреблялись по большой части для сопровожденія транспортовъ и были такъ сказать служаками у начальниковъ при обозахъ и конюшняхъ, а лошади ихъ для разгоновъ и партикулярныхъ разсылокъ; но князь Потемкинъ одушевилъ сіи войска и началъ употреблять ихъ въ войнѣ съ выгодою; при немъ составились Екатеринославскіе, Новодонскіе, Терскіе, Бугскіе и Черноморскіе козаки, а Чугуевскіе умножены.

(6) Графъ Сегюръ въ сочиненіи своемъ о князѣ Потемкинѣ рѣшительно говоритъ, что онъ не былъ великій, но чрезвычайный человѣкъ. Французамъ свойственно утверждать рѣшенія о всемъ; нѣкоторые изъ нихъ и въ Петрѣ Великомъ не признали генія образователя, но подражателя!! Однако, благодаря событіямъ, опредѣленія французскихъ умовъ не признаетъ болѣе свѣтъ законодательными. Графъ Сегюръ не остановился однакожъ провозглашать великимъ самаго лютѣйшаго изверга природы, котораго благословенный отъ Бога помазанникъ караетъ нынѣ достойнымъ образомъ и всю Европу спасаетъ отъ ига.

по кончинѣ сего великаго мужа, появились о немъ исторіи, отъ издателей отечественныхъ и иностранныхъ, изъ которыхъ не было ни одной вѣрной; всѣ сіи біографы не вникали въ существо истины, а можетъ быть не имѣли и источниковъ, откуда оную почерпнуть; но, слѣдуя преданіямъ, разсказамъ и злословію, разсѣянному отъ враговъ и завистниковъ князя Потемкина, описывали жизнь его невѣрно и оскорбительно (7). Нѣкто иностранный писатель, по наущенію ли недоброжелателей или по собственному ожесточенію, старался изобразить князя Потемкина Таврическаго такими чертами, по коимъ бы и самыя важныя его заслуги казались событіями случайности его и слѣпаго счастія; наполнилъ повѣствованіе свое лживыми сплетеніями и нелѣпостями, которыя здравымъ разсудкомъ и соображеніемъ съ законами и обыкновеніями Россійскими сами собою опровергаются. Но къ сожалѣнію такіе лживые вымыслы многимъ нравились, и то сочиненіе переложено на отечественный языкъ безъ всякаго исправленія. Умалчивая о многихъ выдуманныхъ разсказахъ того автора, пропущая вредныя для славы сего великаго мужа вымышленныя изображенія характеристики его; почитая счисленіе и опроверженіе всѣхъ нелѣпостей тѣхъ трудомъ безполезнымъ, представлю здѣсь одинъ примѣръ невѣрности оного злонамѣреннаго автора. Онъ выдаетъ за истину, будто въ первыхъ годахъ возвышенія князя Потемкина, императрица подарила ему Новогородское намѣстничество!! Но всякой Россіянинъ познаетъ изъ сего, что авторъ сей былъ изъ числа иностранныхъ невѣждъ, что онъ вѣрилъ площаднымъ разсказамъ и не зналъ ни законовъ ни обычаевъ Русскихъ. Однакожъ и переводчикъ его, не запинаясь ни на одномъ лживомъ преткновеніи, коими каждый періодъ того сочиненія исполненъ, перевелъ все раболѣпно и выдалъ въ свѣтъ, содѣлавшись хулителемъ того, котораго многочисленныя Россійскія племена память благословляютъ, и о коемъ не изваянные, но созижденные имъ памятники будутъ вѣщать. А къ удивленію, цензура, разбирая буквальную вѣрность перевода съ текстомъ, позволила такія бредни печатать, не разсудя, что лживыя преданія, составляющія оное сочиненіе, наносили оскорбленіе для памяти законодательницы Россійской, которую современники и потомство единогласно признали великою государынею, и дворянство Россійское, спустя послѣ кончины ея 14 лѣтъ, воздвигло ей памятникъ въ Москвѣ! Дѣянія великихъ заслугами мужей, должно бы почерпать изъ государственныхъ бумагъ или изъ собственныхъ ихъ записокъ, и для изданія въ свѣтъ довлѣло бы отдавать подъ разсмотрѣніе цензуры, составленной изъ современниковъ и сослуживцевъ ихъ, а особливо такихъ, коимъ причины поступковъ ихъ и дѣйствій, по свѣдѣнію государственныхъ тайнъ, могутъ быть извѣстны. Тогда бы каждая біографія имѣла свое достоинство и вѣрность, тогда бы и память заслуженныхъ мужей не оскорблялась клеветою и ненавистію; а сіе тѣмъ паче кажется полезнымъ, что злоба и лесть, оставшись безсильными, не производили бы вреднаго вліянія въ мнѣніяхъ порицательныхъ о самомъ правительствѣ.

(7) Нѣкто (думать должно, что *наемный* писака) сочинилъ пасквиль подъ заглавіемъ *Князь Тьмы*; сіе по слогу, по нелѣпости и по глупостямъ презрительное и нетерпимое нигдѣ сочиненіе было напечатано.

Для опроверженія преданій, невыгодныхъ и несправедливыхъ, о происхожденіи, возвышеніи, служеніи и о характеристикѣ князя Потемкина Таврическаго, не будучи ни писателемъ, ни историкомъ, но по изъясненнымъ при началѣ сего сочиненія побудительнымъ причинамъ, бывъ современникомъ его и приближеннымъ къ нему отъ самаго юношества, потомъ сослуживцемъ ему подчиненнымъ при покореніи Таврическаго полуострова и въ войнѣ съ Портою Оттоманскою, имѣя разныя препорученія важныя, довѣренность его доказывающія, какъ то на Кубанѣ, въ Кавказскихъ горахъ и за оными, въ Грузіи и селеніяхъ Лезгиновъ; въ уполномочіи на заключеніе мира съ Турками, за что̀ удостоясь отъ императрицы высочайшихъ наградъ и отличій, былъ наконецъ усчастливленъ всемилостивѣйшею полною довѣренностію по службѣ гражданской, которую я не происками пріобрѣлъ, но по самому великой монархини избранію и по волѣ ея удостоясь, не токмо по блаженную ея кончину сохранилъ, но продолжилъ нѣсколько времени и при государѣ императорѣ Павлѣ 1-мъ, отъ коего я благодѣтельствованъ,—въ теченіе же сей послѣдней какъ и прежней службы мей, не помышлялъ я о выгодахъ своихъ, ничего не пріобрѣлъ самому себѣ; ничего государственнаго не упустилъ, а умножилъ доходы имперіи безъ народнаго отягощенія. Власть монаршаго самодержавія дѣйствовала въ кротости, безъ принужденія и ужаса: никого не обидѣлъ, никого не притѣснилъ; государственное же все было въ сохранности и не нарушено. Доказательствомъ сему послужитъ то, что уже истекло 17 лѣтъ, какъ оставилъ служеніе, но по сіе время ни одна жалоба не вступила на меня къ монаршему престолу по всѣмъ важнымъ мѣстамъ, которыя я предъ окончаніемъ служенія моего занималъ. Сіе обстоятельство успокоиваетъ душу мою и приближеніе разрушенія моего дѣлаетъ безмятежнымъ.

И такъ, зная болѣе многихъ всѣ подробности жизни сего достойнаго славы мужа, наперсника и, осмѣливаюсь сказать, друга великой монархини (ибо таковое ему названіе я удостоился слышать изъ собственныхъ устъ ея величества) имѣя достовѣрные источники, изъ коихъ почерпаю сіе описаніе, рѣшился я издать въ свѣтъ исторію о жизни и дѣяніяхъ князя Потемкина Таврическаго. Привязанность къ нему и благодарность, хотя бы и наклоняли меня пропустить въ немъ слабости человѣческія, но въ преклонныхъ моихъ лѣтахъ не простительно мнѣ быть раболѣпнымъ и льстецомъ. Издаю сіе для потомства и для тѣхъ современниковъ моихъ, которые будутъ умѣть различить истину отъ вымысла; предаю сіе для тѣхъ умовъ, которые, разсматривая общеполезное въ цѣломъ, испытуютъ великія дѣянія по совершеннымъ подвигамъ, по пользамъ отъ оныхъ произшедшимъ и по средствамъ, каковыми оныя произведены: на сихъ основаніяхъ приступаю къ повѣствованію.

ГЛАВА 2-я

Происхожденіе, юношество, воспитаніе и начало службы князя Григорія Александровича Потемкина Таврическаго.

Родъ дворянъ Потемкиныхъ знаменитъ отъ давнихъ временъ былъ: сіе подтверждается тѣмъ, что предокъ князя Григорія Александровича, Петръ Ивановичъ Потемкинъ, при вступленіи

на престолъ царя Ѳедора Алексѣевича, въ 1676-мъ году, былъ уже бояриномъ и при дворѣ царскомъ по отличному своему уму и по рѣдкой въ тогдашнее время просвѣщенности уважаемъ, почему и былъ отправленъ посломъ въ Вѣну, въ Мадритъ, въ Парижъ и въ Лондонъ. Въ семъ столичномъ городѣ Англіи списанъ былъ съ него портретъ, на коемъ изображенъ онъ въ тогдашнемъ бояръ Россійскихъ одѣяніи, и съ подлинника того сгравированъ и отпечатанъ былъ эстампъ для знаменованія сей новой между двумя державами дружественной связи ([8]),

Александръ Васильевичь Потемкинъ ([9]) отецъ Григорія Александровича, служилъ долгое время въ армейскихъ полкахъ, былъ во многихъ сраженіяхъ и понесъ многія и тяжкія раны, ради коихъ былъ уволенъ отъ службы въ отставку подполковникомъ. Чтобъ изобразить благородство духа его, помѣщаю о немъ слѣдующій анекдотъ. Не безъизвѣстно, что, по прежнимъ узаконеніямъ, дворянство, не имѣя существующихъ нынѣ преимуществъ, не могло оставлять военной службы ни по какимъ другимъ причинамъ, какъ по болѣзни и по увѣчью отъ ранъ; въ первомъ обстоятельствѣ должно было имѣть отъ врачей несомнительныя свидѣтельства, а въ послѣднемъ надлежало предъ начальствомъ дать освидѣтельствовать свои раны. Александръ Васильевичь, просившій увольненія отъ службы по причинѣ тяжкихъ ранъ, явясь въ государственную военную коллегію для предъявленія оныхъ, по обыкновенію началъ было скидавать свой мундиръ, какъ познавъ въ числѣ членовъ коллегіи одного, служившаго у него въ ротѣ унтеръ-офицеромъ, тогда когда уже онъ былъ капитаномъ, и не могши снести такого для себя уничиженія, сказалъ, указывая на того члена: «Какъ? и онъ будетъ меня свидѣтель«ствовать! Я сего не перенесу и оста«нусь еще въ службѣ, сколь ни тяжки «мои раны.» И дѣйствительно послѣ сего произшествія прослужилъ еще два года.

Григорій Александровичь Потемкинъ родился 1742-го года, въ помѣстьѣ отца своего, селѣ, называемомъ Чижево ([10]), а не въ Москвѣ, какъ нѣ-

([8]) Какъ оригинальной, такъ и гравированный портреты во время знаменитости князя Григорія Александровича Потемкина присланы къ нему были отъ извѣстнаго г. Фокса, бывшаго въ то время Великобританскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ, при письмѣ, въ коемъ между протчимъ онъ изъясняетъ: что „какъ предокъ „его былъ нѣкогда орудіемъ согласія между „двумя монархіями, то потомокъ вяще оное со„гласіе утвердитъ“. Оригинальный портретъ этотъ находится въ Эрмитажѣ; а гравированный у графа Самойлова. *Примѣч. гр. Самойлова.* Портретъ этотъ—работы Кнеллера. Превосходная гравюра съ него, работы Вайта, недавно издана въ фотографическомъ (одинаковомъ по величинѣ) снимкѣ, см. Русскіе портреты изъ собранія Г. Н. Геннади. М. 1866. *П. Б.*

([9]) По Родословной Книгѣ, ч. 2-я стр. 169, Александръ Васильевичь Потемкинъ, подполковникъ, небогатый помѣщикъ Смоленскій и Тульскій, род. въ 1673 г., ум. въ 1746. Составитель Родосл. Книги пользовался неизданною тетрадью записокъ о кн. Потемкинѣ, составленныхъ его дальнимъ родственникомъ, извѣстнымъ археологомъ П. Ѳ. Карабановымъ (см. Списки замѣч. лицъ Русскихъ въ Чтеніяхъ общ. ист. и др. 1860, кн. 1). Гдѣ теперь эта тетрадь? *П. Б.*

([10]) О мѣстѣ рожденія кн. Потемкина см. Записки С. Н. Глинки въ Русскомъ Вѣстникѣ 1866 кн. І-я. стр. 230 и 244. Мы не знаемъ, кому теперь принадлежитъ село Чижево, находящееся въ Смоленской губерніи, Духовщинскаго уѣзда. С. Н. Глинка родился въ 7-ми верстахъ оттуда. Въ то время тамошніе края были еще окраиною Россіи. Въ духовной борьбѣ съ чужеродными стихіями крѣпли тамъ Русскіе люди и порож-

которые написали ([11]). Никогда отецъ его не назначалъ въ иночество. Каждому Россіянину извѣстно, что въ нынѣшнія времена сего обыкновенія у дворянъ нѣтъ, да и законы обязывали дворянство дѣтей, при достиженіи совершеннолѣтія ихъ, представлять въ герольдію и записывать въ государственную службу. Оное неосновательное мнѣніе о предназначеніи Григорія Александровича въ духовное званіе опровергается и фамильными обстоятельствами, ибо несвойственно и съ разсудкомъ несогласно, чтобы родители, при пяти дочеряхъ, имѣя единственнаго сына, положили бы посвятить онаго въ монашество ([12]). Опровергнувъ сіе несправедливое мнѣніе сочинителей, о первыхъ лѣтахъ Григорія Александровича, объявляю, что оныя привелъ онъ въ домѣ

дали горячихъ и высокихъ народолюбцевъ. Годъ рожденія кн. Потемкина обыкновенно показываютъ 1736 или 1739, а не 1742-й, какъ пишетъ гр. Самойловъ, коего показаніе слѣдуетъ принять къ соображенію. *П. Б.*

([11]) Оное село нынѣ принадлежитъ дѣйствительному тайному совѣтнику Энгельгардту, одному изъ родныхъ племянниковъ князя Григорія Александровича.

([12]) У князя Потемкина родныхъ братьевъ не было, но имѣлъ пять сестеръ:

1-я старшая его сестра, Марья Александровна, выдана была въ замужство за дворянина Николая Борисовича Самойлова, служившаго въ арміи капитаномъ, которой въ послѣдствіи дослужился въ чинъ тайнаго совѣтника, былъ сенаторомъ и ордена Святыя Анны кавалеромъ. Отъ нихъ родились: сынъ Александръ, получившій за службу графское достоинство, въ военныхъ чинахъ служилъ до генералъ поручика, былъ въ двухъ войнахъ противъ Турокъ и въ разныхъ заграничныхъ военныхъ дѣйствіяхъ, наконецъ въ послѣдніе годы царствованія великія Екатерины произведенъ дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ, генералъ прокуроромъ, государственнымъ казначеемъ и членомъ верховнаго совѣта, и въ продолженіе службы получилъ за отличіе знаки всѣхъ Россійскихъ орденовъ, и вышелъ въ отставку. Дочь Н. Б. Самойлова Екатерина была въ замужствѣ въ первомъ бракѣ за Раевскимъ, а во второмъ за Давыдовымъ, имѣетъ четырехъ сыновей, которые въ военной службѣ и нынѣ служатъ противу французовъ; изъ нихъ старшій, рожденный отъ перваго брака, генералъ отъ кавалеріи Раевскій, оказалъ въ сраженіи при Дашковкѣ рѣдкій примѣръ патріотизма: чтобы убѣдить солдатъ болѣе къ мужеству, онъ поставилъ по обѣимъ сторонамъ себя двухъ сыновей, изъ коихъ меньшему было только одиннадцать лѣтъ, сказалъ: „робята, вотъ я и оба сына мои при мнѣ, впередъ!“ *Онъ много отличилъ себя и въ дѣлѣ близъ Смоленска, гдѣ съ однимъ корпусомъ своимъ удержалъ на цѣлый день напряженіе всей французской арміи* и въ теченіе сей войны заслужилъ отъ государя императора много отличій и наградъ.

2-я сестра князя Потемкина, Маѳа Александровна, была въ замужствѣ за дворяниномъ Васильемъ Энгельгардтомъ, котораго родъ происходитъ отъ рыцарей Тевтоническаго ордена и отъ древнихъ временъ въ сословіи дворянъ Смоленской губерніи; отъ нихъ дѣти: сынъ Василій въ отставкѣ дѣйст. тайн. совѣт.; онъ служилъ въ войскѣ противу Турковъ, а въ гражданской службѣ былъ сенаторомъ. Дочери: *первая, Александра Васильевна* за графомъ Браницкимъ, бывшимъ въ Польшѣ великимъ гетманомъ, статсъ-дама и ордена святыя Екатерины 1-го класса кавалеръ. *Вторая, Варвара Васильевна*, кавалерственная дама ордена святыя Екатерины, была въ замужствѣ за генераломъ отъ инфантеріи княземъ Голицынымъ. *Третья, Екатерина Васильевна*, статсъ дама, кавалеръ орденовъ святыя Екатерины 1-го класса и Іоанна Іерусалимскаго, была въ первомъ бракѣ за графомъ Скавронскимъ, а нынѣ за оберъ-гофмейстеромъ и членомъ государственнаго совѣта графомъ Литта; а дочь ея отъ перваго брака была въ замужствѣ за генераломъ отъ инфантеріи знаменитымъ храбростію и воинскими подвигами княземъ Багратіономъ. *Четвертая, Надежда Васильевна* въ замужствѣ за дѣйст. тай. совѣт. и сенаторомъ Шепелевымъ. *Пятая, Татьяна*

отеческомъ, по обыкновенію дворянъ обучаясь дома; потомъ для лучшаго образованія первоначально отвезенъ былъ въ Москву къ свойственнику матери его генералъ-поручику Александру Артемьевичу Загряжскому (13); потомъ, записанъ будучи въ конную гвардію рейтаромъ и для дальнѣйшаго пріобрѣтенія въ наукахъ, вступилъ пансіонеромъ въ университетъ Московскій. Тутъ раскрывшаяся въ немъ врожденная привязанность къ познаніямъ и стремленіе къ изящности влекли его искать связей съ людьми, исполненными дарованій; въ числѣ оныхъ нашедъ въ іеродіаконѣ Греческаго монастыря Дорофеѣ (14) великія дарованія и совершенное свѣдѣніе въ церковной исторіи и въ Еллино-греческомъ языкѣ, прилѣпился онъ къ сему просвѣщенному иноку, почерпая отъ наставленій его все то, что только пылкой его постижимости и острой памяти предлагалось; такъ что онъ не только пріобрѣлъ склонность, но и самую страсть къ изученію исторіи церковной и Еллиногреческаго языка (15), и чрезъ наставленія Дорофея могъ разумѣть Гомера, постигать красоты его, могъ дѣлать изъ оныхъ сравненія съ древними и новыми стихотворцами и отдавать ему предпочтеніе; въ исторіи же духовной пріобрѣлъ онъ такое познаніе, что никто изъ современниковъ его не могъ въ томъ съ нимъ сравняться (16). Можетъ быть, мнѣніе сіе, что Григорій Александровичъ Потемкинъ родителями предназначенъ былъ въ монашество взято и отъ того, что онъ, будучи въ университетѣ, наиболѣе сими предметами занимался, а притомъ не рѣдко предъ сверстниками своими отзывался «что естьли онъ не будетъ «полководцемъ, то по крайней мѣрѣ «архіереемъ».

Чтобъ юношество сего знаменитаго мужа не замѣчательно было остротою и отличностію ума, какъ нѣкоторый сочинитель его исторіи пишетъ, то сего онъ знать не могши ошибается; но тѣ, кои близки къ нему были, замѣчали въ образѣ обращенія его и ученія великую пылкость ума, понятіе всеобъемлющее, память необыкновенную, стремленіе сильное къ отличію себя отъ другихъ, большую смѣлость духа и непреоборимую твердость, которая наиболѣе оказывалась противу высшихъ, когда власть ихъ по мнѣнію его простиралась за предѣлы справед-

---

Васильевна за дѣйст. тай. совѣт. княземъ Юсуповымъ.

3-я сестра князя Потемкина, Пелагея Александровна, была въ замужствѣ за Высоцкимъ, отъ коей сынъ Николай генералъ маіоръ въ отставкѣ, и дочь Екатерина, бывшая въ замужствѣ за бригадиромъ Павловымъ.

4-я сестра князя Потемкина, Надежда Александровна, скончалась дѣвицею.

5-я меньшая Дарья была замужемъ за дворяниномъ Лихачевымъ и умерла бездѣтна.

(13) Въ признательность ему князь Григорій Александровичь, при возвышеніи своемъ, исходатайствовалъ орденъ Польскій Бѣлаго Орла.

(14) Отличныя достоинства сего іеродіакона, при предстательствѣ князя Потемкина, возвели его въ послѣдствіи въ санъ архіепископа Херсониса Таврическаго.

(15) Сіе познаніе его, будучи извѣстно императрицѣ Екатеринѣ II., было поводомъ помѣщенія его, когда уже онъ былъ камеръ-юнкеромъ, за оберъ прокурорской столъ въ святѣйшій синодъ; и потому же государыня, во время архіерейскаго служенія въ придворной церкви, призывала его къ своему мѣсту, спрашивала изъясненій о таинствахъ литургіи и о обрядѣ облаченія архіепископскаго.

(16) Сіе племянникъ его графъ Самойловъ и протчіе посторонніе подтверждаютъ

ливости. Доводомъ сему послужитъ то, что онъ, бывши только рейтаромъ конной гвардіи и пансіонеромъ университета, не поколебался идти противъ одного изъ вышнихъ начальниковъ университетскихъ([17]).

Дарованія и успѣхи въ ученіи юнаго Потемкина доставили ему слѣдующее отличіе: Иванъ Ивановичъ Шуваловъ, учредитель Московскаго университета, желая ознаменовать плоды сего установленія предъ дворомъ и предъ просвѣщенною публикою, приказалъ выбрать двѣнадцать достойнѣйшихъ учениковъ и на казенномъ иждивеніи доставить ихъ въ Санктпетербургъ. Большая часть учениковъ избраны были по причинамъ постороннимъ, а меньшее число, между коими былъ и Григорій Александровичь, по отличію и успѣхамъ въ наукахъ. Никто столько какъ онъ, изъ всѣхъ привезенныхъ учениковъ, не соотвѣтствовалъ намѣренію Шувалова: онъ познаніями своими, остроуміемъ и изреченіями наиболѣе замѣченъ былъ въ домахъ иностранныхъ министровъ и другихъ знатныхъ, куда ихъ возили ([18]); напослѣдокъ они представлены были государынѣ Елизаветѣ Петровнѣ, и свѣдѣнія Григорія Александровича въ Еллиногреческомъ языкѣ и въ церковной исторіи обратили сей монархини ([19]) вниманіе, во изъявленіе чего изволила она его пожаловать капраломъ конной гвардіи ([20]).

([17]) При семъ случаѣ раскрылась въ Григорьѣ Александровичѣ способность къ стихотворенію; но онъ сего дарованія не поддержалъ въ теченіе жизни своей, не надѣясь достигнуть превосходства въ ономъ.

([18]) Эта поѣздка описана товарищемъ кн. Потемкина, Фонъ-Визинымъ (см. его сочиненія, Спб. 1866, стр. 537--539). Тутъ 15-ти лѣтній Потемкинъ въ первый разъ могъ обратить на себя вниманіе занимавшейся науками и находившейся тогда въ опалѣ великой княгини, т. е. Екатерины II-й. Ея выдающееся положеніе при дворѣ могло также быть предметомъ размышленій геніальнаго отрока. Поѣздку университетскихъ питомцевъ ко двору относятъ одни къ началу 1758 г., т. е. именно ко времени подозрѣній на канцлера Бестужева и его ареста; другіе къ іюню 1757 г.; послѣднее вѣроятнѣе. *П. Б.*

([19]) Набожность императрицы Елизаветы внушала ей живую любознательность ко всему относящемуся до церкви. Она не могла не остановиться милостивымъ вниманіемъ на мальчикѣ *дворянскаго происхожденія*, который былъ не только начетчикомъ церковныхъ книгъ, но и зналъ по гречески. *П. Б.*

([20]) Вотъ числовыя данныя о первоначальномъ служебномъ поприщѣ кн. Потемкина, извлеченныя М. Н. Лонгиновымъ изъ разныхъ печатныхъ книгъ, а также изъ рукописей: 30 Мая 1755 записанъ онъ въ конной гвардіи рейтаромъ, 15 Августа 1757 произведенъ съ капралы, 31 Дек. 1758 въ ефрейтъ-капралы, 19 Іюня 1759 въ каптенармусы. Все это время онъ пользовался общимъ тогда дозволеніемъ не являться на службу до окончанія наукъ и числился въ Московскомъ университетѣ. Въ 1761 онъ произведенъ въ вахмистры и явился на службу въ конную гвардію въ Петербургъ (Въ Іюнѣ 1757 г. директоръ Московскаго университета возилъ его и его университетскихъ товарищей въ Петербургъ для представленія императрицѣ Елизаветѣ, но въ 1760 г. онъ вмѣстѣ съ Н. И. Новиковымъ исключенъ изъ университета за лѣность и нехожденіе въ классы). Въ Іюлѣ 1762 г. представленъ въ корнеты, но импер. Екатерина написала „быть подпоручикомъ“; 30 Ноября 1762 пожалованъ въ камеръюнкеры; 19 Апрѣля 1765 произведенъ въ поручики, въ этомъ же году правилъ казначейскую должность и надзиралъ за шитьемъ новыхъ мундировъ 19 Іюня 1766 получилъ командованіе 9-й ротой. Въ 1767 г. съ двумя ротами своего полка командированъ въ Москву во время комиссіи о уложеніи; 22 Сент. 1768 пожалованъ въ дѣйствительные камергеры (Кромѣ того въ 1766 году видимъ его за оберпрокурорскимъ столомъ св. синода „для бытія при текущихъ дѣлахъ“). 11 Ноября 1768 отчисленъ отъ конной гвардіи по волѣ императрицы, какъ состоящій при дворѣ. Въ 1769 года былъ волонтеромъ въ арміи

Пребываніе маловременное юнаго Потемкина въ Петербургѣ открыло ему нѣсколько и познаніе свѣта; онъ почувствовалъ, что для возвышенія, къ коему духъ его стремился, недостаточны были свѣдѣнія, имъ пріобрѣтенныя въ Еллиногреческомъ языкѣ и въ церковной исторіи и что нужно достигать обширнѣйшихъ познаній. И такъ по возвращеніи съ протчими университентами въ Москву углубился онъ въ важнѣйшія науки и въ чтеніе жизней великихъ и славныхъ мужей и другихъ военныхъ и политическихъ книгъ; при чемъ, имѣя сильное влеченіе и любопытство къ наукамъ, положа въ мысли достигнуть знаменитости, предался ученію всего, чрезъ что могъ пріобрѣсти (универсальность) *генеральность свѣдѣній* [21], которой въ послѣдствіи самые просвѣщенные люди въ немъ удивлялись [22],

Наконецъ пребываніе въ университетѣ утомило занятый достиженіемъ по службѣ возвышеній, пылкій духъ Григорія Александровича. Онъ уже мысленно искалъ другаго поприща и для того просилъ мать свою Дарью Васильевну [23] позволить ему отправиться въ Петербургъ на службу, на что она по нѣкоторомъ сопротивленіи согласилась.

Явясь въ полкъ ефрейтъ-капраломъ, прилѣпился онъ къ познанію конной строевой службы и столько къ оной

гр. Румянцова; 21 Апрѣля 1773 изъ генер.-маіоровъ произведенъ въ генералъ-поручики; 15 Марта 1774 въ преображенскій полкъ подполковникомъ; 30 Мая того же года въ генералъ-аншефы. *П. Б.*

(21) Курзивомъ означена поправка руки гр. Самойлова. Прежде было: «общность познаній.» *П. Б.*

(22) Императоръ Римскій Іосифъ II., бывшій въ Россіи во время возвышенія князя Потемкина и въ построенномъ имъ среди степей Херсонѣ, имѣлъ случай познать его и отзывался о немъ, что въ универсальности свѣдѣній онъ равнаго не знаетъ. Сочинитель сей исторіи, будучи въ Вѣнѣ, удостоился слышать оное изъ устъ сего великаго государя. Князь Кауницъ, будучи тоже славенъ универсальностію свѣдѣній въ свѣтѣ и въ семъ къ самому себѣ пристрастенъ, подтверждалъ, что онъ отъ императора своего слышалъ многіе анекдоты о князѣ Потемкинѣ, по коимъ могъ заключать о свѣдѣніяхъ его подробнѣйшихъ не токмо въ изящныхъ художествахъ, но даже и въ самыхъ ремеслахъ.

(23) Мать Потемкина (р. 1704 ум. въ іюлѣ 1780) была родомъ Скуратова. Потемкинъ происходилъ отъ втораго ея брака; въ первомъ же она была за Кондыревымъ и имѣла ли отъ него дѣтей, не знаемъ. Л. Н. Энгельгардтъ въ Запискахъ своихъ говоритъ, что бракъ родителей кн. Потемкина былъ однимъ изъ первыхъ примѣровъ того, что Смоленскій дворянинъ Русскаго происхожденія женился на Русской же дворянкѣ: до того времени они женились обыкновенно на Полькахъ. Овдовѣвъ и послѣ втораго мужа, она отдала единственнаго сына своего въ Москву въ домъ къ родственнику его (по отцу) тайн. совѣтнику и президенту камеръ-коллегіи Григорію Матвѣевичу Кисловскому для воспитанія съ сыновьями его (См. Чтенія въ Общ. Ист. и Др. 1860, кн. I, въ предисловіи къ Спискамъ замѣчательныхъ лицъ Русскихъ). Къ этому можно еще прибавить, что изъ имѣвшейся въ нашихъ рукахъ записки о Потемкинѣ, составленной Александромъ Дмитріевичемъ Боборыкинымъ (коего отецъ былъ товарищемъ Потемкина) видно, что будущій князь Таврическій ходилъ учиться въ Москвѣ въ Нѣмецкую слободу въ учебное заведеніе какого-то Литкена. Бобарыкины были въ родствѣ съ Потемкиными. Анна Ивановна Бобарыкина была матерью извѣстнаго гр. А. М. Мамонова, коего отецъ Матвѣй Васильевичъ еще съ Елизаветинскихъ временъ служилъ въ придворномъ вѣдомствѣ и могъ содѣйствовать успѣхамъ какъ Потемкина, такъ и другаго родственника своего, славнаго Фонъ-Визина (Сличи Записки Храповицкаго подъ 20 Іюля 1786) Мать кн. Потемкина въ послѣдствіи была пожалована штатсъ-дамою. Мы ничего не знаемъ, жила ли она въ Петербургѣ и въ какихъ отношеніяхъ находился къ ней ея сынъ. *П. Б.*

прилежалъ, что оставилъ всѣ занятія и всякую разсѣянность. Вскорѣ произведенъ былъ вице-вахмистромъ, взятъ былъ на ординарцы къ принцу Жоржу ([24]) и въ тоже время правилъ ротою, въ коей служилъ. Въ семъ-то чинѣ былъ онъ при восшествіи на престолъ ([25]) Великія Екатерины; и вскорѣ послѣ того, пожалованъ Григорій Александровичь подпорутчикомъ конной гвардіи, и не по старшинству; а чрезъ нѣсколько мѣсяцовъ тогоже 1762-го года камеръ-юнкеромъ, а за симъ, какъ выше въ 15-мъ примѣчаніи сей главы сказано, въ святѣйшій Синодъ за оберъ-прокурорскій столъ.

При семъ первомъ появленіи его, такъ сказать, на сценѣ придворной, будучи 22-хъ лѣтъ ([26]) имѣлъ онъ случай показать смѣлость свою, присутствіе духа и остроту ума. Однажды, по должности дежурнаго камеръ-юнкера во время стола, сидя напротивъ самой государыни, ея величеству угодно было отозваться къ нему на французскомъ языкѣ, на что онъ отвѣтствовалъ на русскомъ. Тогда нѣкто знатнѣйшій чиновникъ, не пропуская сего обстоятельства и въ порицаніе ему, сказалъ, что на какомъ языкѣ государь предлагаетъ рѣчь подданному, на томъ самомъ онъ долженъ отвѣтствовать; но Григорій Александровичь, нимало не смущаясь, отвѣтствовалъ ему слѣдующее: «А я напротивъ того думаю, что подданный долженъ отвѣтствовать своему государю «на томъ языкѣ, на которомъ можетъ «вѣрнѣе мысли свои объяснить; рус«ской же языкъ учу я слишкомъ 22 «года.» Но при первоначальномъ служеніи Григорія Александровича при дворѣ, когда столь лестныя надежды приготовляли его къ скорому возвышенію, постигло его несчастіе, произведшее сильное вліяніе на первой періодъ его жизни: ему приключился болѣзненный припадокъ, отъ котораго онъ лишился праваго глаза. И какъ о семъ приключеніи описывавшіе жизнь его выдаютъ басни и даже не согласны о времени, когда оное случилось; то, зная достовѣрно о семъ обстоятельствѣ, бывъ тому очевидцемъ (какъ и о всѣхъ протчихъ), подробно объ ономъ поясняю.

Въ 1763-мъ году, по возвращеніи высочайшаго двора изъ Москвы, Григорій Александровичь занемогъ, и бывши отъ природы крѣпкаго сложенія, отъ самого дѣтства никакими припадками не страдая, болѣзнь сія въ немъ ознаменовалась прежестокою горячкою; а какъ онъ не токмо тогда, но и во все теченіе жизни своей, не имѣлъ большой довѣренности къ врачебной наукѣ и къ медикамъ, сверхъ того хотѣлъ быть и былъ во всемъ оригинальнымъ; то, отложа при семъ случаѣ всѣ пособія, обыкновенно употребляемыя, не ввѣрясь никакому доктору, велѣлъ отыскать нѣкоего крестьянина, прослывшаго весьма искуснымъ въ излеченіи отъ горячекъ, и по рѣшимости, которая была въ его характерѣ всегда замѣчательна, ввѣрилъ себя тому обманщику ([27]). Сей,

---

([24]) Голштинскому, любимому дядѣ императора Петра III-го, который 3 марта 1762 передалъ ему званіе полковника конной гвардіи. *П. Б.*

([25]) При семъ происшествіи Григорій Александровичь, будучи еще унтеръ-офицеромъ, не могъ поднести своего темляка государынѣ, поелику оный былъ не офицерскій; и потому сіе преданіе, въ нѣкоторыхъ сочиненіяхъ напечатанное, не вѣрно и неосновательно.

([26]) Это нѣсколько противорѣчитъ вышеприведенному показанію о годѣ рожденія кн. Потемкина. *П. Б.*

([27]) Поправка рукою гр. Самойлова; было:

приготовя невѣдомо какую припарку, велѣлъ оною ему голову и глаза обвязать. Григорій Александровичь, повинуясь мнимому цѣлителю, не позволилъ однакожъ обвязать себѣ обоихъ глазъ припаркою, чтобъ не лишиться удовольствія смотрѣть на свѣтъ, но голова и правый глазъ оною были обвязаны. По крайней мѣрѣ сіе сопротивленіе было спасительно, что онъ вовсе зрѣнія не лишился; ибо припарка притянула пресильный жаръ къ головѣ, а болѣе къ обвязанному глазу, отъ чего болѣзнь усилилась до нестерпимости. Тогда сорвалъ онъ припарку и почувствовалъ, что тѣмъ глазомъ не видитъ, при чемъ замѣтилъ на страждущемъ глазѣ родъ нàрости, которую въ первомъ движеніи душевной скорби поспѣшилъ снять булавкою, но послѣ сей операціи усмотрѣлъ онъ, что на зрачкѣ того глаза бѣльмо.

Не можно изобразить всѣхъ горестныхъ ощущеній, которыя тогда омрачали сердце Григорія Александровича, который, бывъ прекраснѣйшимъ мущиною, исполненный склонностями къ нѣжному полу, обольщенный надеждами счастія и возвышенія, отличный дарованіями и качествами при внѣшнихъ своихъ достоинствахъ, вдругъ пораженъ былъ сею внезапностію ([28]). Горесть о потерѣ глаза возродила въ душѣ его мысли мрачныя и отчаянныя; имъ овладѣла сильная меланхолія. Онъ отказался отъ наслажденія дневнымъ свѣтомъ, заперся въ своей спальнѣ, въ коей чрезъ цѣлые 18-ть мѣсяцовъ окна закрыты были ставнями; не одѣвался, рѣдко съ постели вставалъ, допустилъ отростить свою бороду, и не принималъ къ себѣ никого во все время, кромѣ самыхъ ближнихъ и искренно къ нему приверженныхъ. Съ начала затворничества положилъ онъ за непремѣнное постричься въ монахи, чтобъ достигнуть архіерейства; но съ облегченіемъ болѣзни и сердечнаго прискорбія изчезло сіе несообразное съ склонностями его желаніе. Вскорѣ мечтанія о достиженіи возвышенной степени въ немъ возобновились, и пролагая мысленный путь къ знаменитости, прилѣпился онъ къ чтенію классическихъ и другихъ ученыхъ авторовъ, усугубилъ прилежаніе къ просвѣщенію себя всѣми познаніями, чтобы имѣть способность быть военнымъ и государственнымъ человѣкомъ и достойнымъ всякой степени, сколь бы оная знаменита ни была. Сіе уединенное прилежаніе ([29]) при чрезвычайной памяти, коей онъ одаренъ былъ отъ природы, здравое соображеніе, не рабственное понятіе о томъ что̀ прочитывалъ ([30]), замѣчательное разсмотрѣ-

„шарлатану.“ Тогда былъ въ славѣ крестьянинъ Ерофѣичь, о которомъ Державинъ въ своихъ Запискахъ (стр. 44) говоритъ, что онъ вылѣчилъ отъ тяжкой болѣзни гр. А. Г. Орлова, и котораго имя увѣковѣчилось въ названіи извѣстной водочной настойки. *П. Б.*

([28]) Не въ оскорбленіе памяти сего великаго мужа объявлю, что тогдашніе остроумы сравнивали его съ аѳинейскимъ Альцибіадомъ, прославившимся душевными качествами и отличною наружностію.

([29]) Въ Бѣльскомъ уѣздѣ въ селѣ Татевѣ (принадлежащемъ нынѣ В. А. Рачинскому) часто находили молодаго Потемкина позднимъ утромъ спящаго въ библіотекѣ, на стоявшемъ тамъ и доселѣ уцѣлѣвшемъ биліардѣ: онъ просиживалъ за книгами цѣлыя ночи, пріѣзжая гостить въ Татево къ роднымъ. *П. Б.*

([30]) Это выраженіе вполнѣ характеризуетъ не только Потемкина, но и многихъ другихъ дѣятелей Екатерининскаго вѣка. Рабственное отношеніе ко всему печатному и особливо печатному на языкахъ иностранныхъ бывало не рѣдко плачевнымъ удѣломъ поколѣній позднѣйшихъ. *П. Б.*

ніе въ познаніи истинъ и родъ жизни, къ которой, такъ сказать, онъ себя осудилъ, исполнили его просвѣщеніемъ и глубокомысліемъ и расширили въ умѣ его науку всеобщихъ познаній, въ коей пріобрѣлъ онъ столь великое превосходство. Естественно, что сей образъ жизни былъ ничто иное, какъ слѣдствіе приключенія и родъ припадка, который съ возстановленіемъ здоровья и съ теченіемъ времяни долженствовалъ прекратиться. И такъ, утомясь уединенными своими занятіями, послѣ полутора-годоваго заключенія, началъ онъ выѣзжать за городъ, удаляясь однакожъ и общества и свѣта, но пребывалъ мрачнымъ и скучнымъ, и приверженные къ нему отчаявались, чтобы онъ когда либо возвратился къ прежней жизни. Между тѣмъ слѣдующее событіе сдѣлало съ нимъ переворотъ.

Нѣкоторая знатнаго происхожденія молодая, прекрасная и всѣми добродѣтельми украшенная дѣвица (о имяни коей не позволяю себѣ объявить), которую онъ прежде несчастнаго припадка отличалъ въ сердцѣ своемъ, бывши сама къ нему не равнодушною ([31]), безпокоясь о странности положенія его и изъявляя къ нему соболѣзнованіе, отозвалась къ извѣстнымъ ей искреннимъ друзьямъ его такимъ образомъ: «Весьма жаль, что человѣкъ толь рѣдкихъ «достоинствъ пропадаетъ для свѣта, «для отечества и для тѣхъ, которые «умѣютъ его цѣнить и искренно къ «нему расположены.» Друзья Григорія Александровича, пользуясь случаемъ, пересказали ему о семъ и не упустили украшеніями возбудить въ немъ лестныхъ для каждаго молодаго человѣка надеждъ, а онъ, по врожденной наклонности къ полу и по скукѣ, истощившей его въ уединеніи, почувствовавъ сильнѣе прежняго къ оной дѣвицѣ влеченіе, рѣшился перемѣнить жизнь и явиться въ общество. Она же, узнавши о томъ, ускоряя довершить свое надъ нимъ торжество, начала проѣзжаться мимо окошекъ дома, въ которомъ онъ жилъ; а сіе понудило отшельца обрить отрощенную чрезъ 18 мѣсяцевъ бороду, и появляясь къ окну искать взглядами проѣзжающуюся побѣдительницу свою. Впослѣдствіи чрезъ друзей произошли между ими объясненія, и приглашенія его въ домъ ея родителя, который и прежде его любилъ, ласкалъ всегда какъ сына, и можетъ быть имѣлъ искренно такое къ нему расположеніе. Но одичавшій отъ общества чрезъ долгое уединеніе Григорій Александровичь не могъ на приглашеніе еще рѣшиться и написалъ къ ней: «что онъ хочетъ явиться въ свѣтъ, «не для свѣта, но для нея одной, то и «не иначе согласится на сіе, какъ по»луча на то отъ собственной руки ея «приказаніе.» За симъ остановки не послѣдовало. Григорій Александровичь наконецъ представился въ тотъ домъ, но и предъ дѣвицею, къ которой сердце его стремилось, не хотѣлъ иначе одѣтымъ быть, какъ въ форменномъ сертукѣ, съ повязаннымъ по глазу бѣлымъ платкомъ. Такимъ образомъ Григорій Александровичь проводилъ жизнь свою нѣсколько мѣсяцевъ.

Между тѣмъ государыня императрица неоднократно желала о немъ освѣдомиться; но враги его, имѣвшіе у двора великую силу, разсѣевая клевету, отзывались двусмысленно, останавливали высочайшее соизволеніе о появленіи его ко двору. Наконецъ князь Григорій Григоріевичь Орловъ, коего

([31]) Не графиня ли Прасковья Александровна Румянцова, вышедшая потомъ за графа Брюса? *П. Б.*

честность и возвышеніе духа всѣмъ извѣстны, испросилъ дозволеніе у императрицы поѣхать съ братомъ его графомъ Алексѣемъ Григорьевичемъ и представить ея величеству уединившагося Потемкина. И такъ сіи извѣстные великодушіемъ, заслугами, приверженностію и вѣрностію къ государынѣ два брата пріѣхали къ нему неожидаемо, и для предупрежденія, чтобъ не допустить его скрыться отъ нихъ, вошли въ его спальню разными дверьми. Первое слово князя Орлова было: «Тезка ([32]), государыня приказала мнѣ глазъ твой посмотрѣть.» Но при всемъ благоговѣніи своемъ къ монархинѣ, Григорій Александровичь не желалъ сему повиноваться. Между тѣмъ графъ Алексѣй Григорьевичь, предъусмотря сіе прежде и условясь съ братомъ заблаговременно, имѣя, какъ всѣмъ извѣстно, отъ природы силу чрезъестественную, зашедъ сзади Григорья Александровича, схватилъ его поперегъ, и какъ онъ не могъ сопротивляться, то князь Григорій Григорьевичь, снявъ съ глазу платокъ и видѣвъ на ономъ бѣльмо, сказалъ: «Ну, тезка, «мнѣ не такъ про тебя говорили, и всѣ «сказывали, что ты проказничаешь; «изволь одѣться: государыня приказала »привезти тебя къ себѣ.»

На сіе Григорій Александровичь отговаривался, что для появленія у двора не имѣетъ пристойнаго платья; но одинъ изъ нихъ пошелъ въ его гардеробъ, нашелъ старой фракъ, которой принудили его надѣть и отправились съ нимъ во дворецъ.

Императрица, познавши причину несчастнаго его приключенія, странность, которую онъ предпринималъ, и желая способностямъ его дать пристойное поприще, приняла его съ большою милостію, соизволила допустить его во всѣ малыя собранія и внутреннія бесѣды, во дворѣ бываемыя, въ которыхъ имѣлъ онъ случай оказывать познанія, пріобрѣтенныя имъ отъ уединенныхъ его занятій, природное остроуміе и непринужденную ловкость въ обращеніи. Всеобъемлющій умъ государыни, проницательность и великія свѣдѣнія во всѣхъ частяхъ учености, среди попеченій о управленіи обширнѣйшей имперіи, при занятіи превыспреннихъ думъ ея о изложеніи законодательства, искалъ отдохновенія въ бесѣдахъ, составленныхъ изъ сословія просвѣщеннѣйшихъ ея подданныхъ, въ коихъ каждый могъ свободно раскрывать предъ нею свои дарованія.

Тутъ Григорій Александровичь имѣлъ всегда случай оказывать возвышенность своихъ понятій и способность ко всему великому. Съ сего времяни онъ сталъ ближайшимъ при ея величествѣ, и сдѣлавшись непринужденнымъ въ присутствіи ея, увеселялъ остроумными своими изреченіями; а государыня находила великое удовольствіе собесѣдовать съ человѣкомъ, который въ состояніи былъ постигать высочайшій разумъ ея и съ пріятностію отвѣтствовать на утонченные разговоры ея величества: — словомъ сказать, императрица оказывала къ нему всевысочайшее свое благоволеніе. Тогда завистники, души низкія и недальные умы, начали почитать его опаснымъ, затверживали неумышленныя слова его и толкуя всякую рѣчь его во вредъ ему, и всякой поступокъ въ злоумышленіе, старались очернить его предъ тѣми, которые имѣли силу вредить ему. Сверхъ сего Григорій Александровичь, достигнувъ въ уединеніи многихъ познаній,

---

([32]) Названіе сіе давалъ ему князь Орловъ потому, что имяна ихъ были одинаковы.

не могъ преодолѣть врожденнаго свойства пылкости: въ характерѣ его не доставало умѣренности, безъ коей при дворѣ трудно существовать, и хотя онъ былъ почтителенъ и вѣжливъ къ достойнымъ людямъ, но не могъ по молодости удержаться, чтобы не осмѣивать тѣхъ, кои заслуживали порицаніе и тонкую сатиру. Сія черта свойствъ его возбудила противъ него сильныхъ, и онъ не возмогъ долго удержаться при вторичномъ и счастливомъ своемъ появленіи ко двору: чрезъ нѣсколько *времени* ([33]) послѣдовало неожидаемое имъ удаленіе; такъ что въ вечеру, отбывши изъ дворца съ милостію императрицы и съ привѣтствіями отъ всѣхъ придворныхъ, на другой же день поутру получаетъ повелѣніе отправиться немедленно въ Швецію съ препорученіемъ весьма маловажнымъ; противъ желанія, оставя льстившія его надежды, уѣхалъ ([34]). Хотя же нѣкоторый писатель увѣряетъ, что при семъ удаленіи получилъ онъ выгодное жалованіе, но это несправедливо; ибо онъ получалъ 1000 р. жалованія, какъ камеръ-юнкеръ, да 1000 р. пансіону, который имѣли всѣ бывшіе при возшествіи ея величества на престолъ на ряду съ другими и пожалованъ помѣстьемъ 400 душъ крестьянъ. Сверхъ сего получилъ обыкновенную сумму денегъ, которая въ подобныхъ случаяхъ давалась на проѣздъ.

По возвращеніи Григорія Александровича изъ Швеціи онъ не имѣлъ болѣе у двора той пріятности, какою пользовался до отбытія своего, но однакожъ всегда былъ уважаемъ. Привязанность его къ военной службѣ при семъ случаѣ не была больше развлеченною; онъ не пропускалъ ни одного полковаго строя, чтобы на ономъ не быть и вникалъ въ практику тактики съ прилежаніемъ; между тѣмъ получилъ онъ по старшинству чинъ камеръ-гера, и особенная къ нему милость монархини ознаменована при семъ, ибо въ сей чинъ поступилъ онъ послѣднимъ ([35]).

(Продолженіе будетъ).

([33]) Было написано прежде „мѣсяцовъ". *П. Б.*

([34]) Въ другихъ извѣстіяхъ о кн. Потемкинѣ обыкновенно говорится, что онъ былъ посланъ курьеромъ въ Швецію еще въ 1762 году съ извѣстіемъ о восшествіи на престолъ Екатерины II-й. *П. Б.*

([35]) ? *П. Б.*

ПИСЬМА КЪ ДРУЗЬЯМЪ ИЗЪ ПОХОДА ВЪ ХИВУ (*).

VI.

1-го Генв. 1840. Съ новымъ годомъ! День славный; вчера и сегодня градусовъ 10—15, тепло; снѣгъ не идетъ, вѣтру нѣтъ. Снѣгъ однакоже ужасно глубокъ: Богъ вѣсть, какъ протащимся съ орудіями, больными и ящиками. Дай Богъ, чтобы мы могли сдѣлать по 10 верстъ въ день. Вѣроятно выступимъ дня черезъ три. Вчера опять ушло у насъ четыре Кайсака, Семиродца, это всего выходитъ 24 человѣка; поймать ни одного не удалось доселѣ; хоть бы разстрѣлять какого нибудь бѣглеца, такъ бы можетъ быть стали трусить. В. А. сегодня очень разстроенъ, не спалъ всю ночь и много беспокоится. Я все говорю алахъ-керимъ, Богъ милостивъ, и Русскій Богъ великъ; дойдемъ хорошо, сдѣлаемъ дѣло и воротимся благополучно. Мы доселѣ сдѣлали нѣсколько менѣе 500 верстъ въ 32 дня, а отсюда пойдемъ еще вдвое медленнѣе. Бизановъ, который выступилъ четвертаго дня съ своей колонной, проходилъ первые два дня по пяти и по семи верстъ. Пѣхота пашетъ по колѣна въ снѣгу. Всѣ Кайсаки говорятъ, что отъ роду такого снѣгу

(*) См. выше, стр. 400—431.

здѣсь не запомнятъ; обыкновенно по сю сторону Сырта Буссага̀, который раздѣляетъ вершины Илека и Эмбы, зима бываетъ несравненно мягче и снѣгу бываетъ гораздо менѣе, чѣмъ у васъ; теперь на оборотъ. Вы ждете снѣгу, а мы отрываемся лопатами. Наша колонна шла въ походѣ такимъ порядкомъ: лѣвый флангъ верблюдовъ въ десять рядовъ или нитокъ; впереди, для порядку, по одному казаку на каждый рядъ, а иногда и на каждые два ряда. Правая колонна или флангъ также; въ срединѣ паркъ, за нею штабъ, за нимъ лодки, церковь, аріергардъ; впереди парка артиллерія, впереди ея авангардъ 1-го полка. Нельзя впрочемъ не признаться, что иногда, особенно въ началѣ, было много путаницы, и долго не могли привыкнуть останавливаться тѣмъ же порядкомъ и выступать также. Теперь всякій знаетъ свое мѣсто; кибитка корпуснаго командира становится въ самой срединѣ за паркомъ и выдвигается впередъ; за нею каютъ-кампанія и кухня: по обѣ стороны: влѣво стоятъ дежурный штабъ офицеръ, дежурство и прочее, вправо мы. Теперь прибыли къ намъ въ палатку еще два генерала: команд-щій пѣхотой Толмачевъ, и кавалеріей Ціолковскій. Они, кажется, станутъ на правомъ флангѣ, подлѣ дежурства. Скажу вамъ еще частное и собственное мнѣніе мое: мы весною воротиться не можетъ. Дай Богъ, чтобы я ошибался. Во всякомъ случаѣ обратный путь будетъ по моему безъ всякаго сравненія легче и удобнѣе; мы можемъ идти порознь, разными дорогами и малыми частями. Мнѣ кажется, что мы, вопреки всякому расчету, отвѣдаемъ Хивинскихъ дынь, а можетъ быть и винограду. Вы видите, что я говорю откровенно, что̀ думаю, поэтому и вѣрьте, что я вообще отъ васъ ничего не скрываю; В. А. позволилъ писать мнѣ *все*, и письма эти почти тоже, что̀ дневникъ мой.

4-го Генв. Довольно холодно; 22°, но ясный, солнечный день. Изготовилъ до 150 коекъ для больныхъ, которыхъ будутъ подвѣшивать на верблюдовъ; пересмотрѣлъ стклянки и банки по должности дворецкаго — все полопалось, вино, трюфли, морсъ, прощай! Даже портвейнъ и мадера высадили въ боченкахъ дно. Говорятъ, если правда, что у Ціолковскаго все цѣло: вотъ что значитъ хозяинъ, и вотъ какая разница въ хозяйствѣ хозяина и бурлака. Впрочемъ, все у насъ было обшито кошма̀ми: не знаю, въ чемъ сила. В. А. уѣхалъ вчера еще въ укрѣпленіе къ Геку, и пишетъ письма; Никифоровъ и Ханыковъ живутъ тамъ постоянно, Артюховъ являлся туда ежедневно, чтобы поѣсть свѣжаго хлѣба и напиться квасу; я въ теченіе двухъ недѣль навѣдывался туда, по дѣлу, раза два-три. Муллу произвели зауряд въ хорунжіи, онъ ходитъ съ темлякомъ; Чихачевъ вздумалъ чистоплотничать сегодня, вытереться спиртомъ, да хотѣлъ погрѣть огромное полотенце, съ простынею, обмакнувши его въ спиртъ —огонъ вспыхнулъ, и мы едва не сожгли юламу свою, насилу выкинули тряпку въ снѣгъ.

5-Генв. На дняхъ отданъ приказъ, чтобы всѣ офицеры покидали здѣсь въ укрѣпленіи всѣ излишнія тяжести, все безъ чего только можно обойтись, потому что иначе, быть можетъ, принуждены будутъ по недостатку верблюдовъ кинуть добро свое путемъ на распутье. Почему же и не такъ? Въ Турціи гевальдигеры жгли, по приказанію главнокомандующаго, всякую лишноту, т. е. всякую повозку, когда строго велѣно было всѣмъ итти на вьюкахъ, но не могли истребить всего обоза: много телѣгъ перешло за Балканъ —и—виноватъ, въ томъ числѣ и наша. Дѣвать вещей своихъ мнѣ было некуда, и чѣмъ жечь ихъ самому, я рѣшился тогда предоставить дѣло это судьбѣ и оберъ-гевальдигеру. Кто изъ нихъ былъ милостивѣе, не знаю; но мы съ Зейдлицемъ сохранили телѣгу свою. Здѣсь иное дѣло; мы поднялись съ мѣста на вьюкахъ, всѣ знали, что лишняго брать нельзя, и всѣ мы знали кромѣ того, что насъ будутъ кормитъ готовымъ. У меня бросать нечего; на шт. офицера полагалось при выступленіи два верблюда, а я занялъ своими вещами одного. Но тулупъ, та-

ганъ, котелокъ, ведро, топоръ, лопата, чайникъ, треноги, арканъ и всякая, неизчислимая, но необходимая дрянь накопляется и—смотришь—выходитъ тотъ же вьюкъ. Тутъ еще овса выдадутъ вдругъ на нѣсколько сутокъ, да сухарей людямъ, да наберешь сѣнца, да дровецъ—и бѣдный верблюдъ кряхтитъ и рычитъ подъ ношей, а убавить нечего. Удивительно, какъ дрянь эта накопляется въ походѣ, и какъ она необходима. Напримѣръ, у человѣка излишняя кошомка, дрянная, изодранная, но она грѣетъ, если ею укроешься въ 25° морозу, и грѣетъ, если ее подстилать подъ себя; и кто рѣшится ее кинуть? Вотъ какъ пойдемъ, завоевавши ханство, домой, тогда облегчимся: тулуповъ и теплыхъ сапогъ не надо, кинемъ ихъ; овса лошадямъ не нужно, сѣна не нужно, муки верблюдамъ не нужно, дровъ таскать не нужно, ни теплыхъ постелей и покрывалъ, и прочее и прочее.

6-го Генв. Погрузили крестъ въ Эмбу, освятили бусурманскія воды, палили изъ пушекъ. Священникъ нашъ молодой вдовецъ, лѣтъ двадцати не съ большимъ, благочестивый, доброжелательный и всѣми уважаемый. Онъ стоялъ въ бѣлой какъ снѣгъ ризѣ, на бѣломъ снѣгу, и солнце генварское ярко играло на золотыхъ галунахъ. День ясный и теплый, 10°. На дняхъ генер. Молоствовъ стрѣлялъ въ цѣль, Уральцы изъ винтовокъ своихъ били также не совсѣмъ плохо: на 100 и 150 шаговъ. Скоро и я буду походить на Уральца: я не брился со дня выступленія изъ Оренбурга и не намѣренъ бриться до возвращенія: на походѣ, да еще зимой, заниматься этимъ скучно. Скоро напишу вамъ, къ какому разряду изъ всѣхъ бородъ принадлежитъ борода моя: клиномъ ли она, лопатой ли, вѣникомъ, вѣеромъ или хохолкомъ. Верблюды наши худѣютъ — перенеси Богъ; но иначе и быть не можетъ; зимняя тебеневка можетъ по нуждѣ поддерживать скотину, кой-какъ, но откормиться на ней скотина не можетъ. При выступленіи отсюда, верблюды по необходимости будутъ сутки полторы не ѣвши; они ходятъ верстъ за 20, ближе нѣтъ кормовъ; ихъ пригонятъ сюда съ утра, здѣсь они переночуютъ, на другой день навьюченные должны они еще сдѣлать хоть небольшой переходъ и удовольствоваться потомъ неимовѣрно-тощимъ кормомъ, потому что снѣгъ завалилъ все. Лошадямъ идетъ по 5 ф. сѣна, и по 4 и 5 гарнцевъ овса. Этого довольно. Я не ковалъ лошадей своихъ вовсе и очень этимъ доволенъ: снѣгъ не набивается подъ копыта, и лошади, непривычной къ ковкѣ, легче. О Хивинцахъ никакого слуху: словно сгинули. Тяжело будетъ намъ пройти еще верстъ 200, т. е. до Усть - Урта; тамъ, поднявшись, найдемъ много дровъ, найдемъ и корму для верблюдовъ и, вѣроятно, поменѣе снѣгу. Бывалые люди увѣряютъ, что мы ни подъ какимъ видомъ не найдемъ въ Хивѣ, въ цѣломъ ханствѣ, достаточное для себя продовольствіе, а что необходимо будетъ требовать подвозу изъ Бохары. Я тоже такъ думаю, и думаю, что изъ Бохары, если *просить* объ этомъ не застѣнчиво, могутъ доставить довольно. Каракалпаки могутъ снабдить насъ говядиной, а Туркмены верблюдами. Мы придемъ въ Хиву къ веснѣ; вѣроятно хозяевамъ не много удастся посѣять, и гости еще менѣе того пожнутъ. Пора не земледѣльческая, година брани. Я говорилъ уже вамъ, что на дняхъ попытались сдѣлать нѣсколько ночныхъ сигналовъ огнями, по условленному порядку. Такъ какъ это случилось въ первый разъ, то В. А. послалъ увѣдомить о томъ всѣхъ начальниковъ, чтобы они не прозѣвали ракеты. На другой день одинъ подалъ мнѣніе свое, что было бы необходимо имѣть какой нибудь сигналъ, означающій: „больше сигналовъ въ эту ночь не будетъ“, чтобы избавить людей отъ труда караулить ихъ. Это очень походитъ на извѣстный анекдотъ о какомъ - то городничемъ или губернаторѣ, который отдалъ приказъ, чтобы пожарныя трубы всегда были запряжены за полчаса до пожару.

8-го Генв. Скука начинаетъ одолѣвать насъ: все еще стоимъ на мѣстѣ, стоимъ еще оттого, что намъ, для уничтоженія укрѣпленія при Акъ-Булакѣ, надобно поднять оттуда все и въ особенности больныхъ и препроводить ихъ безопасно сюда, на Эмбу; и будутъ передавать, по пересылкѣ, одинъ отрядъ другому, и потому надобно расчесть время такъ, чтобы каждый выступилъ въ пору. Между тѣмъ непомѣрно глубокіе снѣга замедляютъ ходъ, Чижевъ пришелъ въ Акъ-Булакъ вѣроятно только 3-го или 4-го. Скажу вамъ правду, В. А. заботами, безсонницей и тьмою хлопотъ и затрудненій, а пуще всего именно заботами о будущемъ, очень разстроенъ. Тутъ, кажется, немножко не правы тѣ, которые старались убѣждать его всегда, что затрудненій и препятствій быть не можетъ, и что весь походъ этотъ будетъ прогулкой. Нѣтъ; я не велика спица въ колесницѣ, и не мнѣ бы объ этомъ судить, но я всегда былъ вовсе противнаго мнѣнія и доселѣ все еще удивляюсь, какъ все идетъ хорошо, и какъ мало встрѣчаемъ мы препятствій. Развѣ доселѣ подобный походъ не считался почти несбыточнымъ? Развѣ не одно только крайнее предусмотрѣніе и необыкновенные средства и способы могли дать возможность предпринять его? Развѣ кто нибудь изъ насъ не зналъ, что мы должны пройти болѣе десятой доли четверти круга земнаго по буранамъ, необитаемымъ пустынямъ, покрытымъ снѣгомъ, ограничиваясь собственными средствами и не ожидая ни отъ кого почти никакой помощи? Развѣ не знаемъ и не видали мы, какъ люди голодаютъ, болѣютъ, гибнутъ, какъ постигаетъ всякая военная невзгода войска, среди земель Европейскихъ, гдѣ казалось бы есть всѣ средства избѣгнуть всякой подобной бѣды? А между тѣмъ настоящій походъ не можетъ равняться ни съ какимъ другимъ походомъ — это иное дѣло. Стало быть, мы все это знали, на все это готовились и не должны удивляться теперь ничему. Говорятъ: да теперь, можетъ быть, всѣ верблюды падутъ, мы останемся безъ подъемныхъ средствъ, у насъ выйдетъ продовольствіе, мы его всего беремъ на шесть недѣль; въ Хивѣ мы его не найдемъ, люди всѣ переболѣютъ, и прочее, и прочее. Отвѣчаю опять тоже: все это можно и должно было предвидѣть; противъ всего этого взяты заблаговременно всѣ возможныя мѣры, — а чего предупредить нельзя, то во власти Господней. Насъ можетъ поглотить и землетрясеніе; но вѣроятно ли это, хоть сколько нибудь? Нѣтъ. Такъ и то; трудностей будетъ много, но мы ихъ, дастъ Богъ, одолѣемъ. Верблюды не могутъ никогда пасть вдругъ; потеряемъ въ теченіи пути треть, ну половину — и дойдемъ на остальныхъ; оставимъ часть людей и сложимъ часть продовольствія, котораго не въ силахъ поднять, пойдемъ дальше и сдѣлаемъ свое. А чтобы можно было кончить все это и воротиться весною въ Оренбургъ — этому я никогда не вѣрилъ, и молчалъ, чтобы не быть зловѣщимъ пѣтухомъ. У насъ здѣсь о сю пору надѣятся и самъ В. А. не вѣритъ, чтобы мы не воротились весной — а я остаюсь при своемъ. Надо приготовить продовольствія, которое можемъ получить только изъ Бухары — чему также не хотятъ вѣрить; надобно достать верблюдовъ у Туркменъ и Кайсаковъ (у Каракалпаковъ ихъ нѣтъ), а на нашихъ верблюдахъ мы воротиться не можемъ: весной скотина тоща, особенно послѣ зимняго похода. Надобно кончить политическія дѣла, не только въ Хивѣ, но вѣроятно и съ Туркменами — словомъ, это не игрушка. Но все это, я увѣренъ, сдѣлается; только на это нужно время. Еслибы я былъ здѣсь нуженъ, или въ особенности полезенъ — я бы не жалѣлъ о томъ, что покинулъ престарѣлую мать и малолѣтнихъ дѣтенышей; а какъ я считаю себя почти излишнимъ, потому что каждый грамотный человѣкъ могъ бы написать 12 или 15 номеровъ бумагъ, которыя у меня о сю пору вышли, то по одному только этому иногда не-

вольно вздыхаю по своимъ. Вотъ почему я отнюдь не хотѣлъ быть въ числѣ *охотниковъ*, хотя и пошелъ охотно, когда сказано было: иди. Личная привязанность и благодарность моя за много добра заставляли меня почти желать, чтобы я при назначеніи этомъ не былъ обойденъ; а увѣренность, что во мнѣ не можетъ быть никакой нужды, побуждала отвѣчать на вопросъ: хотите ли идти? — Какъ прикажите, какъ угодно.

Посланные впередъ для развѣдокъ Кайсаки привезли отъ Бизянова, изъ передоваго отряда, хорошія вѣсти: глубокій снѣгъ лежитъ только на четыре перехода отселѣ, а тамъ его меньше, и тебеневка изрядная. Кузминскій, слѣдующій за Бизяновымъ, вопіетъ еще отчаяннымъ гласомъ, но вѣроятно и онъ вскорѣ выберется изъ сугробовъ и оправится. Здѣсь всѣ бросили излишнюю поклажу свою; все укрѣпленіе завалено. Мнѣ остается только бросить ящики, которые вѣсятъ до 3-хъ пудовъ и переложить бѣлье и платье въ мѣшокъ —поклажи лишней нѣтъ. Иные оставляютъ здѣсь даже бѣлье, берутъ съ собою дюжину и даже менѣе рубахъ — на это я не рѣшаюсь; кинуть, такъ кину на дорогѣ, гдѣ придетъ раздорожица, а бѣлья здѣсь не брошу. Судьба хранила меня доселѣ отъ всякихъ плотоядныхъ набѣговъ шестиногой пѣхоты, но у многихъ изъ товарищей моихъ большой и указательный персты правой руки исправляли должность удочки и таскали по вечерамъ бѣлорыбицу изъ подъ воротника рубахи.... Я увѣренъ, по опыту, что никогда и ни въ одномъ походѣ Русскій солдатъ не ѣлъ такъ хорошо и сытно, какъ нынѣ здѣсь; между тѣмъ имъ все мало. Ѣдятъ какъ акулы, а работаютъ какъ мухи; они походятъ на какихъ-то институтокъ, не видавшихъ отроду ничего и не умѣюшихъ заботиться ни о чемъ. Все имъ въ диковину; вѣрите ли, не умѣютъ разложить огня и сварить каши, не умѣютъ сладить съ камышемъ и кизякомъ, не умѣютъ зарѣзать коровы, заколоть барана. Кто ихъ нянчилъ и лелѣялъ, кто качалъ ихъ и прибаюкивалъ? Уральцы молодцы; ихъ суютъ всюду, и всюду они успѣваютъ, и вездѣ ими довольны. Отборные Башкиры Ціолковскаго также молодцы; дивизіонъ 1-го полка воюетъ съ Кайсаками, отбиваетъ въ отрядъ верблюдовъ, гдѣ можетъ, и говоритъ, что покажетъ себя въ дѣлѣ. Впрочемъ, маіоръ Давыдовскій, командующій имъ, прекрасный, благородный, заботливый человѣкъ; жаль только, что онъ самохваловъ не оставилъ въ Уфѣ.— Уральцы не съѣдаютъ казенной дачи, а линейные баталіоны, стоя 3 недѣли здѣсь на мѣстѣ, не могутъ утолить голода никакими средствами; чтоже будетъ, когда пойдемъ на половиной дачѣ? Впрочемъ, надобно сказать правду, отъ безпорядку при раздачѣ и по другимъ причинамъ, всякое стараніе, всякая забота главнаго начальника дѣйствуетъ не рѣдко въ превратномъ смыслѣ или видѣ, и никакой глазъ не можетъ усмотрѣть тутъ за порядкомъ во всѣхъ частностяхъ.

Завтра, 10-го, идемъ непремѣнно. В. А. остается еще здѣсь на нѣсколько дней и догонитъ насъ; колонна Гека также еще остается. Морозы опять поправились; дня три все по 25°, но въ полдень солнце удивительно грѣетъ. Спасибо, нѣтъ вѣтру. Только бы до Усть-Урта, какихъ нибудь 250 верстъ, а тамъ не боимся ничего. Да, если бъ послушали меня глупаго, говаривала нянька Соломонида, были бы разумны; *зимою* надобно было идти на Гурьевъ или Сарайчикъ; только весной или осенью эта дорога предпочтительна. Mądry liach poścodzie. Слава Богу, добрыя вѣсти отъ Бизянова, изъ передовой колонны, развеселили нѣсколько и В. А; въ самомъ дѣлѣ, не бездѣлица вести на свой отвѣтъ столько народу!

Вечеромъ. Былъ въ укрѣпленіи, въ этой Капуѣ, и наглядѣлся всякой всячины. Примите къ свѣдѣнію, что при этой массѣ движущихся силъ, никогда не можетъ дѣло обойтись безъ всякихъ безпорядковъ, сколько начальникъ ни хлопочи, хоть онъ разорвись. Тутъ не только виноваты виноватые, но иногда и не виноватые; виноватъ случай и сплетеніе обстоятельствъ, напримѣръ:

при новомъ разсчетѣ верблюдовъ койкого забыли вовсе. Тутъ съ большимъ ожесточеніемъ и настойчивостію требуютъ изъ укрѣпленія въ отрядъ 30 пудовъ сала, комендантъ плачетъ и отдаетъ послѣдніе 25 пудовъ; вѣшають его, казакъ отмораживаетъ себѣ при этомъ палецъ, и лишь только сало это, взятое почти съ бою, привозится въ колонну, какъ уже возвращается назадъ, потому что въ колоннѣ отыскалось 100 пудовъ сала, о которыхъ по видимому позабыли. Не одно сало впрочемъ, и сухожильное мясо съ костями отыскивается иногда такимъ же образомъ: въ какомъ-то невѣдомомъ углу укрѣпленія, въ темной землянкѣ, нашлись сегодня 22 человѣка слабыхъ 1-го баталіона, о которыхъ также историческихъ, статистическихъ и географическихъ свѣдѣній не отыскалось. Ктожъ васъ продовольствовалъ? спросилъ я. — Да мы посылали каждый день человѣкъ трехъ, которые по крѣпче, и имъ отпускали, по маленьку, всего.... — — Жаль, что въ отрядѣ недостаетъ многихъ лицъ и мѣстъ, къ которымъ привыкли на походѣ всегда по разнымъ дѣламъ обращаться, зная уже, гдѣ и у кого чего искать. Нѣтъ начальника-штаба, оберъ-квартирмейстера, оберъ-провіантмейстера и многихъ другихъ. Кромѣ того — позвольте сказать между нами правду — кромѣ немногихъ, людей нѣтъ....

11-го. Вчера, поздненько, сдѣлано было окончательное распоряженіе о непремѣнномъ выступленіи. У укрѣпленія осталось много сѣна; можно бы было прокормить ночью верблюдовъ и выступить сегодня въ порядкѣ, но сборъ пробили въ часъ и вскорѣ начали выступать. Всего приходилось пройти намъ до ночлегу версты двѣ, но давно уже смерклось, какъ, отъ безпорядку и излишняго порядка (то и другое одинаково неудобно) сотни вьюковъ и верблюдовъ лежали еще на мѣстѣ и сотни валялись растянувшись на цѣломъ пути. Такимъ образомъ мы нынѣ повѣряемъ и считаемъ верблюдовъ и держимъ ихъ — со времени пригона съ пастбища — двое сутокъ тощакомъ. Если *такъ* будемъ идти, то не дойдемъ; въ этой печальной истинѣ я вчера только, съ сокрушеннымъ сердцемъ, долженъ былъ убѣдиться. Но въ этомъ случаѣ погубятъ насъ не морозы, не снѣга, не трудность пути, а погубятъ двѣ крайности: одна лежитъ по одну сторону, другая по другую сторону порядка, этой души всякаго дѣла. Надобно во всемъ этомъ винить случай, трудность и новизну дѣла, трудность управленія частями и цѣлымъ и сотни неустраняемыхъ помѣхъ. Довели, напримѣръ, главнаго начальника до того, что онъ хочетъ кинуть все, весь обозъ свой и, по собственнымъ словамъ его, записаться въ солдатскую артель: такой недостатокъ, говорятъ, въ верблюдахъ; а между тѣмъ вдругъ оказываются ихъ сотни лишнихъ подъ юллами и разною дрянью возчиковъ-Кайсаковъ. Ну, полно объ этомъ; много будете знать, скоро состарѣетесь.... Поговоримъ о другомъ. Папа Пій VII-й вздумалъ угостить Эверсмана и другихъ сопутниковъ кофеемъ и сказалъ своимъ языкомъ казаку: тамъ слышь, лежитъ въ бутылкѣ кофе, сдѣлай. Казакъ сварилъ кофе, принесъ его, гости стали наливать, положили и сахару, прибавили сливокъ — вкусъ, говорятъ, довольно странный и совсѣмъ не кофейный; нюхаютъ, прихлебываютъ — наконецъ приказываютъ принести бутылку, и оказывается, что козакъ сварилъ кофе изъ сухой ваксы....

Да, безначаліе худо, а многоначаліе мало лучше. Это то же многоженство. В. А. остался еще на время въ укрѣпленіи. Начальники колоннъ были при выступленіи: Ціолковскій, Кузминскій, Толмачевъ и Мансуровъ; на мѣсто послѣдняго поступилъ давно уже Молоствовъ; къ Кузминскому въ колонну отправился, еще съ Эмбы, генер. Толмачевъ. У насъ въ колоннѣ междуцарствіе. Ушли колонны: Бизянова и Кузьминскаго, и за нами выступаетъ Геке. Снѣгъ глубокъ, почти по колѣни, кормы покрыты, а верблюдъ кормится только тѣмъ, что сверхъ снѣгу; онъ не можетъ

разгребать снѣгъ мягкими перстами своими и пяткой, какъ лошадь копытомъ. Я нѣсколько разъ говорилъ, еще во время стоянки нашей на Эмбѣ, что по нынѣшнему состоянію верблюдовъ необходимо уменьшить вьюки; теперь, кажется, опытъ заставитъ приступить къ пересыпкѣ провіанта для уменьшенія тяжести. Не дай только Богъ оттепели— тогда бѣда; морозы снова пріударятъ, и снѣга покроются черепомъ: вся скотина пропала; ноги верблюдамъ подрѣжетъ, а корму нѣтъ тогда вовсе. Теперь идемъ рядами, нитками, рядовъ въ пять, глубокими тропинками, протоптанными передовыми верблюдами; какъ верблюдъ оступится въ глубокій снѣгъ, съ жесткой тропы, такъ и полетитъ и уже рѣдко встаетъ. Вьюки пригнанные здѣсь, въ укрѣпленіи, сдѣланы дурно, не впору, ни по сѣдлу, ни по верблюду, сваливаются, душатъ верблюда: очень естественно, этотъ родъ вьюченья съ клячами, очень хорошъ, если пригнать тщательно каждый вьюкъ отдѣльно; въ противномъ случаѣ не годится, а гораздо лучше вьючить по киргизски, съ завязкой. Объ этомъ докладывалъ я, когда только узналъ, что дѣлаются въ укрѣпленіи вьюки; дѣло кончилось бесѣдою, а теперь бѣда. О Хивинцахъ ни слуху, ни духу. Лошади всѣ въ отличномъ тѣлѣ, какъ были выкормлены въ Оренбургѣ. Вынеси Господь насъ на Усть-Уртъ; тамъ дойдемъ, дастъ Богъ; снѣга не могутъ быть тамъ глубоки, какъ здѣсь. По сю пору офицеры у насъ всѣ здоровы, что будетъ впередъ!

Въ укрѣпленіи жгли мы, и гарнизонъ частію, башкирскія телѣги, ихъ осталось тутъ тысячи; а если бъ вы видѣли, сколько тутъ брошено желѣза, шинъ, рваней, право страхъ сказать: вся степь или вѣрнѣе весь лагерь заваленъ. Вчера, 13-го, послѣдовалъ приказъ о назначеніи Ціолковскаго командующимъ колонной вмѣсто захворавшаго Молоствова. Сегодня опять считали верблюдовъ, днёвка; такъ считали, никакъ, сыновъ Израилевыхъ въ пустынѣ. Кули, благодаря Бога, пересыпаютъ. Вчера я было совсѣмъ разклепался, сегодня мнѣ хорошо, только поясница болитъ; но это болѣзнь на походѣ скучная, да не опасная. Вчера сидѣли мы всѣ пятеро въ юламѣ своей вкругъ огонька, и Л. насъ ужасно насмѣшилъ и распотѣшилъ. Въ чайникѣ нашемъ была водка; выливши ее, мы положили въ него снѣгу, чтобы выполоскать, и поставили на огонь. Л. ничего этого не зная взвылъ по верблюжьи и зарычалъ львомъ, когда голубое пламя внутри чайника стало пробѣгать по снѣгу. Мы съ своей стороны отвѣчали преспокойно, что это не диво и что здѣшній снѣгъ всегда горитъ. Ist es möglich? Wäre es möglich? Das wäre doch des Teufels — словомъ, у нашего ученаго умъ за разумъ зашелъ; онъ началъ доказывать, что въ снѣгу могутъ находиться горючія частицы щелока, и тому подобное, выскочилъ сломя голову изъ юламы, ухватилъ, какъ вдохновенно бѣснующійся, комъ снѣгу и поднесъ его къ огню — но снѣгъ не загорался; рѣшено было, въ общемъ собраніи, что снѣгомъ топить нельзя, а надо запасаться дровами. Смѣшной случай этотъ напомнилъ мнѣ другой, подобной анекдотъ, видѣнный и слышанный мною у старика Паррота; онъ показывалъ намъ какой-то физическій опытъ и указалъ всѣмъ на желѣзную трубочку, изъ которой вода должна ударить; началъ качать, качаетъ, качаетъ — воздухъ шипитъ, а воды ни капли. Старикъ обошелъ насосъ со всѣхъ сторонъ, осмотрѣлъ его, удивлялся, но счелъ наконецъ обязанностію объяснить ожидающимъ развязки ученикамъ причину неожиданнаго явленія, и прочелъ очень ученое слово о барометрическихъ, термометрическихъ и игрометрическихъ вліяніяхъ на насосы. Не успѣлъ однакоже кончить его, когда рябой и кривой прислужникъ его, знаменитый Кристьянъ, перебилъ его преспокойно, замѣтивъ, что вода еще не налита. На дневкѣ сегодня поиграли мы съ Коваленскимъ и Сафоновымъ немного въ шахматы, но они оба слабеньки. Между тѣмъ другіе поднесли Л. баранью башку, увѣряя его, что это голова дикаго осла, найденная на древ-

немъ полѣ сраженія. Хорунжій Мулла-Нуръ между тѣмъ препоясывалъ чресла свои мечемъ - кладенцемъ, чтобы явиться къ новому начальнику, отцу и командиру своему.

VII.

18 Генв На вчерашнемъ переходѣ встрѣтили мы больныхъ нашихъ съ Акъ-Булака. У меня сильно болитъ поясница, и я не могу еще сѣсть верхомъ, и лежалъ въ койкѣ на верблюдѣ; поэтому я не могъ самъ видѣть больныхъ, но, говорятъ, было страшно. Изъ Акъ - Булака отправлено нхъ 232 человѣка, а на дорогѣ, въ шесть дней, умерло изъ нихъ 46. Все цынга. Разумѣется, что тѣ, которые скончались дорогою, не долго прожили бы и въ цынготныхъ землянкахъ своихъ, въ Акъ - Булакѣ; а кто вынесетъ переходъ этотъ, можетъ надѣяться выздоровѣть. На Эмбѣ имъ будетъ лучше, они будутъ жить въ кибиткахъ. Дай Богъ скорѣе дотащиться. На Усть - Уртѣ — бывало столь страшномъ — мы отдохнемъ. Не можетъ же быть, чтобы тамъ былъ такой снѣгъ. Здѣсь верблюдовъ посылаютъ на тебеневку съ лопатами, расчищаютъ напередъ снѣгъ. Коваленскій, о которомъ у васъ разнеслись какіе то нелѣпые слухи, ждетъ насъ въ Акъ Булакѣ, но, говорятъ, самъ боленъ. Моей болѣзни не пугайтесь; она мнѣ крайне надоѣдаетъ, это правда, но извѣстный Drachenschuss, столь страшный по прозванію, какъ сами вы знаете, никогда не бываетъ опасенъ.—У насъ появилась дойная верблюдица; молоко очень хорошо, густо какъ сливки и солоно.

22-го. Прошли знаменитыя горы Бакыръ и Али; до Акъ-Булака осталось намъ не болѣе 45 верстъ. Что за пустынный печальный край! Здѣсь лѣтомъ одно только сухое море. Мысль цѣпенѣетъ, когда глазъ обнимаетъ на безконечное пространство сухую, чахлую, безводную и безплодную почву. А зимой! Въ продолженіи двѣнадцати дней, съ самаго выступленія съ Эмбы, мы два только раза могли напоить лошадей; одинъ разъ въ дурномъ, соленогорькомъ озерѣ и вчера, у подошвы горы Али изъ родника, бѣднаго, но прѣснаго, хотя и напитаннаго гипсомъ. Верблюдовъ водятъ пасти съ лопатами, разгребаютъ для нихъ снѣгъ; но силъ человѣческихъ не достаетъ на то, чтобы разгрести достаточное для нѣсколькихъ тысячъ верблюдовъ пространство; снѣгъ глубокъ, жестокъ, смерзъ и окрѣпъ, и притомъ спросите, что подъ снѣгомъ этимъ?—обвѣтрившійся мергель, гипсъ, сѣрая вакка, желѣзистая, разсыпная, и еще соленоватый илъ; чернозему ни зерна. Ковылъ (stipa) по сю сторону Эмбы появляется только изрѣдка на сопкахъ пригорковъ, а въ полѣ горькія полыни, бѣдныя, мелкотравчатыя, да уродливыя солянки, разсѣянныя тутъ и тамъ нещедрою рукою, не могутъ покрыть собою ни одного фута земли. Это край, который лежитъ въ пустѣ цѣлыя столѣтія, вѣроятно тысячелѣтія, съ тѣхъ поръ, какъ обнажился отъ морскихъ волнъ. Кочевой Ордынецъ раннею весною торопливо и боязливо прогоняетъ по этимъ мѣстамъ тощіе стада и табуны свои, поспѣшая на Эмбу, въ Барсуки или въ Каракумъ, и считаетъ сыпучіе пески отраднымъ убѣжищемъ въ сравненіи съ этой могилой.... О Хивинцахъ ничего положительнаго не слышно; говорятъ, будто они выжидаютъ насъ у Каратамака, у Давлетъ-Гирея. Я этому не вѣрю; они не могутъ держаться столько времени на одномъ мѣстѣ, не могутъ запастись продовольствіемъ. Говорятъ, у Акъ-Булака появляются по высотамъ конники и высматриваютъ что̀ дѣлается; это можетъ быть. Для этого непріятель могъ оставить по дорогѣ полсотни двуконныхъ наѣздниковъ. Конечно надобно быть болѣе нежели скотомъ, чтобы не сдѣлать даже и этого; и журавли, и гуси, и олень ставятъ сторожей по высотамъ, чтобы не поддаться расплоху. Десять дней уже, какъ мы разлучены съ В. А.; сегодня онъ долженъ прибыть къ намъ, слава Богу. Онъ обрадуется: мы идемъ довольно хорошо, кидаемъ въ одной нашей колоннѣ—ежедневно отъ 8 до 20

верблюдовъ, это правда; но благодаря Бога, подвигаемся впередъ. Весь путь усѣянъ падшими подъ ношей своей животными двухъ передовыхъ колоннъ. Въ Акъ-Булакѣ есть сѣно, изъ Акъ-Булака близко, не съ большимъ 400 верстъ, до спуска съ Усть-Урта, и на этотъ путь намъ достаточно половины верблюдовъ, съ которыми вышли. Сей часъ закричали, что В. А. ѣдетъ; молодцы наши глядѣли въ зрительныя трубы и увидали, какъ онъ спускался съ горы. Кругомъ въ лагерѣ козаки и солдаты запѣли пѣсни. Онъ выѣхалъ изъ укрѣпленія съ Бай-Мохамедомъ, надѣясь нагнать насъ дня въ два; между тѣмъ мы ушли благополучно впередъ, и онъ былъ нѣсколько дней въ крайней нуждѣ: кромѣ черныхъ сухарей не было ничего. Вчера мы послали ему на встрѣчу мяса, вина и нѣсколько полѣнъ дровъ. О себѣ онъ всегда подумаетъ послѣ всѣхъ!....

28 *Акъ-Булакъ.* Какая огромная, неимовѣрная разница въ теплѣ, съ вѣтромъ или безъ вѣтру на свѣтѣ жить! Три дня жили мы здѣсь, по 19°, 20°, 22°, морозу и сильный NO вѣтеръ, безъ выюги; нельзя было вынести этого холоду, и никакой огонь не спасалъ; продувало всѣ шубы и всѣ кибитки. Сегодня тѣже 19°, но ясно, тихо — и мы ходимъ въ однихъ курточкахъ, и маленькій огонекъ, на который искололи нѣсколько опорожнившихся ящиковъ, грѣетъ какъ нельзя лучше. 10-го мы наконецъ вышли изъ Аты-Якши, между тѣмъ какъ Бизяновъ съ колонной своей выступилъ 2-го, а Геке послѣ насъ, кажется 16-го. Переходъ былъ труденъ: какихъ нибудь 170 верстъ или меньше, мы насилу прошли въ 15 дней и прибыли сюда 25-го. Всѣ колонны шли также медленно....

На полпути отъ Эмбы прошли мы препорядочную гору Бакыръ — мѣдь, по Русски, потому что тутъ есть и мѣдная руда. За тѣмъ протащились съ большимъ трудомъ чрезъ гору Али, въ снѣгу по колѣна. Орудія опять поставлены на колёса: на саняхъ тяжеле, потому что въ такомъ непомѣрномъ снѣгу они орутъ, какъ плугъ, а колеса идутъ накатомъ, и передъ ними не накопляются горы снѣгу. 12-ти фунтовыя идутъ въ 8 лошадей, и не рѣдко люди помогаютъ. Въ ящикахъ идутъ верблюды и лошади; но вообще верблюдъ везетъ хорошо только по ровному, не топкому мѣсту. Одну Крымскую арбу оставили мы на Эмбѣ (Аты-Якши), другую изрубили дорогою на дрова; верблюды стали, а въ саняхъ идутъ изрядно, если сани легки. Погрѣлись мы около арбы этой и жгли рѣдкій и здѣсь небывалый лѣсъ, какъ простую чилигу: яворъ, грабъ, букъ, кизылъ, караичъ. Первыя три недѣли мы, по глупости своей и по избытку совѣсти, жили безъ огня, безъ всякаго удобства; нынѣ все это измѣнилось къ лучшему: мы воруемъ дрова и уголь не хуже всякаго. Взгляните напримѣръ въ эту минуту въ юлламу нашу: на дворѣ еще свѣтлый день, а у насъ темная ночь, все кругомъ закутано и закрыто, ни щелки, ни дырочки; по срединѣ лежитъ желѣзная шина: это чувалъ нашъ или каминъ; среди шины тлѣетъ изрядная кучка угольевъ, рядомъ лежитъ вязанка сухихъ дровецъ, изъ окрашенныхъ ящиковъ и номерованныхъ бирокъ, которыми хотѣли было отмѣчать верблюдовъ; но скоты эти всѣ захотѣли быть рядовыми, безъ отличія, и хозяева ихъ, будучи тогоже мнѣнія, оборвали съ нихъ въ первые два перехода всѣ знаки безпорочной службы...

Я писалъ вамъ, что укрѣпленіе на Эмбѣ довольно благовидно, землянокъ много, и они довольно опрятны; кровли и будки лубочныя, есть магазины, амуничники. Акбулацкое совсѣмъ въ другомъ вкусѣ: большой, бастіонированный редутъ разгороженъ валомъ и рвомъ и ³/₄ его покинуты; землянки бѣдныя, по стѣнамъ цвѣтетъ селитра и магнезія; половина ихъ разломаны уже по недостатку дровъ и сожжены; словомъ, не грѣхъ покинуть укрѣпленіе это.... Между тѣмъ дунулъ и потянулъ ночной вѣтерокъ отъ NO; это произвело небольшое разстройство въ угодьѣ и раздольѣ нашемъ. Юлламейка вдругъ остыла, и термометръ, показывавшій прежде на ящикѣ моемъ 7°, стоитъ на —3°. Поки-

нувъ писаніе, напились мы въ буфетѣ чаю и наслушались жаркихъ преній, споровъ о родствѣ и свойствѣ и происхожденіи знаменитѣйшихъ вельможъ нашихъ и столбовыхъ, столичныхъ дворянъ и гвардейскихъ разсказовъ объ актрисахъ. Сказать ли вамъ, между нами, что бы я сдѣлалъ теперь на мѣстѣ нашего старшаго? Намъ дорогъ каждый кусокъ хлѣба и каждый верблюдъ, который можетъ поднять какую нибудь ношу; больныхъ, какъ излишнюю тягость, на этомъ трудномъ походѣ отправляютъ обратно; съ ними-то вмѣстѣ, я отправилъ бы и всякую иную лишноту. Пересчитайте хорошенько, и вы согласитесь, что ея довольно; тогда бы много штабъ и оберъ-офицерскихъ и деньщичьихъ пайковъ пошли бы на строевыхъ, много верблюдовъ подъ сухари и крупу, облегчилося бы и сердце начальника также; заботою меньше. Мысль эта, можетъ быть, нѣсколько себялюбива, потому что я и себя считаю въ числѣ этой лишноты; но право, я говорю болѣе изъ любви къ пользѣ общей. Теперь слово о другомъ: нѣсколько нижнихъ чиновъ (изъ пѣхоты) умерли почти скоропостижно; ихъ схватываетъ подъ ложкой, дыханіе съ минуты на минуту болѣе затрудняется, иногда еще присоединяются корчи и — аминь. Apoplexia pulmonum? Кровопусканія временно облегчаютъ. Впрочемъ, я только видѣлъ ихъ мимоходомъ—пользуютъ другіе. Но я волей и неволей очень плачевнымъ образомъ попалъ во врачи. В. А. пріѣхалъ съ Эмбы очень нездоровый. Загадочная болѣзнь его возобновилась ([3]). Что тутъ дѣлать, на походѣ, когда и на мѣстѣ ничего не помогало?

VIII.

3-го Февр. В. А. не уѣдетъ прежде чѣмъ не успокоится на счетъ общаго отправленія. Тутъ по крайней мѣрѣ у насъ есть хлѣбъ, и есть кой какія средства и пособія въ рукахъ; напереди—одна гибель. У насъ теперь падаетъ до 150 и не менѣе 100 верблюдовъ въ сутки; это на мѣстѣ, безъ работы, что же было бы на походѣ? Долго мы обманывали сами себя, никто не смѣлъ думать, не только говорить о возвратѣ; я записалъ однакоже, самою мелкою и нечеткою рукой, въ записной книжкѣ своей, 10 го Генваря: въ первый разъ сомнѣваюсь положительно въ нашемъ успѣхѣ; верблюды такъ плохи, что не дойдешь. В. А. сильно колебался, сомнѣвался, допрашивалъ всѣхъ, допытывалъ всякаго; всѣ полагали, что идти надобно, что возвратиться никакъ и ни въ какомъ случаѣ нельзя, если бы даже положить головы; эту справедливость надобно отдать по крайней мѣрѣ большей части офицеровъ—и на этомъ основаніи отвѣчали всегда только увѣреніями и убѣжденіями; даже тѣ, которые сами были увѣрены въ невозможности, говорили безотчетно противное. Наконецъ, когда дѣло дошло до того, что надобно было двигаться впередъ, когда сосчитали верблюдовъ, сочли убыль и разочли, что надобно поднять—тогда горестная истина обнажилась и несбыточность заняла мѣсто надежды. Съ Эмбы пало у насъ 2000 верблюдовъ; скажу вамъ, не отвѣчая за истину этого, что говорятъ сами Кайсаки: до 1000 верблюдицъ между прочимъ ожеребились на походѣ, и естественно, что они уже изъ счету вонъ. Эти верблюдицы, равно и много плохихъ верблюдовъ, говорятъ Кайсаки, были подмѣнены послѣ того, какъ вы ихъ изволили осматривать; это, говорятъ они, случилось почти со всѣми верблюдами, которые съ наемщиками, а не съ хозяевами. Впрочемъ, повторяю, и лучшіе верблюды не выдержали, и къ веснѣ, безъ всякаго сомнѣнія, будутъ еще слабѣть и худѣть до новаго подножнаго корму...—Убитые у Акъ-Булака Хивинцы доказываютъ собою, что сборы у нихъ были большіе; во 1-хъ, это не Кайсаки, а Хивинцы, Туркмены и Каракалпаки—ихъ отличаютъ по одеждѣ и въ особенности по шапкамъ; во 2-хъ, всѣ были одѣты необык-

([3]) Болѣзнь легкихъ, слѣдствіе тяжкихъ физическихъ лишеній и ранъ, и отчаянная тоска. Гр. Перовскій и умеръ отъ этой болѣзни. Слич. Р. Арх. 1865, Изд. 2-е, стр. 1031.

новенно тепло, на всякомъ по шести и семи халатовъ, рубаха или нижній стеганный халатъ, стеганные наушники и портянки. Наѣздники дѣйствительно сидѣли на аргамакахъ, изъ нихъ также одинъ остался на полѣ битвы. Больныхъ у насъ —въ особенности въ укрѣпленіяхъ—много; всего до 600 челов. Изъ 1500 казаковъ, включая туда и артиллерію и дивизіонъ 1 го полка, которые совсѣмъ не казаки, убыло больными и умершими около 60; а изъ 2750 чел. пѣхоты слишкомъ 600. Люди 1 го полка также очень болѣютъ и увеличиваютъ въ кавалеріи число больныхъ. Уральцевъ, кромѣ пяти, шести человѣкъ съ отмороженными перстами и съ ознобами, больныхъ нѣтъ. Доселѣ замерзъ у насъ одинъ только солдатъ, и то здѣсь, на Акбулакѣ, ушедши въ буранъ за дровами. Я удивляюсь еще, какъ народъ такъ хорошо переноситъ стужу эту и недостатокъ топлива; у насъ сегодня, 3 го Февр. опять — 29°, и уже около двухъ недѣль все 22 и 24. Дровъ нѣтъ. Сожли лодки, сожгли канаты, которые горятъ превосходно; пѣхота словно не живая; вѣрите ли, что солдата нашего надобно не только одѣть и обуть, но и завернуть, окутать и застегнуть; надобно научить его, какъ въ походѣ варятъ на камышѣ кашу, какъ ставятъ котелки въ одинъ рядъ и отгребаютъ золу и прочее. Не смотря на все это, надобно сказать правду: даже и пѣхота наша повѣсила носъ, когда объявили приказъ о томъ, чтобы поворотить оглобли; казаки просились убѣдительно, чтобы ихъ пустить одинхъ, и старикъ Бизяновъ даже самъ увлекся неумѣстнымъ пыломъ этимъ и хотѣлъ кончить походъ двумя полками Уральцевъ; только убѣдившись, что верблюды наши не донесутъ до Хивы продовольствіе даже и для двухъ полковъ и что вся остальная часть отряда была бы не въ состояніи дойти до Эмбы, еслибы отобрать всѣхъ лучшихъ верблюдовъ, онъ увидѣлъ несбыточность своихъ предположеній и вспомнилъ атамана Нечая и думнаго дьяка его, котораго, какъ извѣстно, повѣсили на Дьяковыхъ горахъ, противъ Рубежнаго, за то, что онъ не хотѣлъ идти на Хиву, а впослѣдствіи отрядъ погибъ тамъ до послѣдняго человѣка, на обратномъ пути. Теперь тоже: дойти двумъ полкамъ можно—но назадъ какъ? Набѣгъ можно сдѣлать за три, четыре перехода отъ операціонной точки своей, но не за полторы тысячи. Чихачевъ у насъ одинъ изъ полезнѣйшихъ людей въ отрядѣ; онъ взялъ на себя самую тяжелую, въ военное время и самую неблагодарную часть: попечительство о больныхъ. Онъ возится съ ними день и ночь, не ѣстъ, не спитъ, и успѣлъ многихъ накормить, которые безъ него вѣроятно остались бы голодны, и обогрѣть такихъ, которые бы замерзли. Намъ жаловаться не на что; въ сравненіи съ рядовыми, мы знаемъ всѣ трудности похода своего только по наслышкѣ. Бай Мохамедъ, когда требовали чтобы онъ сказалъ положительно мнѣніе свое о верблюдахъ нашихъ, по прибытіи на Акъ Булакъ, отвѣчалъ: „надежнаго на весь путь верблюда я не видалъ ни одного.“ Къ этому онъ прибавилъ, что въ такую жестокую зиму, верблюды дохнутъ сами по себѣ, на мѣстѣ, безъ работы, не только на походѣ и подъ вьюкомъ. Мы покидаемъ на Акъ Булакѣ болѣе 1000 четвертей, частію и розданныя, кому было угодно, не въ зачетъ. Еслибы у насъ не было на Эмбѣ продовольствія, а въ Оренбургѣ помощи, то не знаю какъ бы мы дошли домой; кажется, не дошли бы вовсе. Я во всю жизнь свою, сколько помню, видѣлъ только разъ или два побочныя солнца, которыя всегда предвѣщаютъ жестокія стужи; нынѣ явленіе это было во всю зиму такъ обыкновенно, что подъ конецъ не обращало на себя почти никакого вниманія. Нѣсколько разъ, при самомъ восходѣ солнца, являлось въ одну секунду три солнца на горизонтѣ.

14-го Февр. Въ Дебатахъ (Journal des Debats) и другихъ газетахъ, которыя до насъ доходятъ, пишутъ всякую всячину. Общаго только то, во всѣхъ разсужденіяхъ этихъ, что называютъ от-

рядишко нашъ *армію*, не вѣрятъ, чтобы онъ состоялъ только изъ 20-т. человѣкъ; говорятъ, что резервная армія идетъ еще сзади и что вся степь сѣла на коня, чтобы сдѣлать вмѣстѣ съ нами набѣгъ на среднюю Азію. Газетчики не догадываются вовсе, что у насъ всего на все, съ деньщиками, съ фурлейтами, не было полныхъ *пяти* тысячъ челов; что весь Оренбургскій корпусъ, хотя и называется корпусомъ, по составу своему отвѣчаетъ только одной слабой армейской дивизіи; что вся помощь, которую въ крайнемъ случаѣ, можно бы еще получить съ линіи въ пѣхотѣ, состоитъ, по *вѣрнѣйшимъ* расчетамъ, изо *ста* человѣкъ, и то съ тѣмъ, чтобы замѣнить еще нѣсколько карауловъ Башкирами и прикомандировать часть инвалидовъ въ баталіоны...

Какъ различны обнаруживающіяся на разныхъ лицахъ впечатлѣнія, отъ неудачи настоящаго Хивинскаго похода! Насъ всѣхъ можно, въ этомъ отношеніи подвести подъ три главные разряда. Одни горюютъ, понимая всю важность неудачи при нынѣшнихъ политическихъ отношеніяхъ: ударъ на Хиву въ самомъ дѣлѣ былъ бы теперь, когда Англичане заняли Кабулъ, очень во время и у мѣста; намъ бы придало дѣло это много вѣсу, въ Азіи и въ Европѣ. Другіе—человѣка два, не болѣе,—соболѣзнуютъ, собственно по привязанности своей къ главному начальнику, о немъ; также о необыкновенныхъ условіяхъ края, о потерѣ людей, а нѣтъ, кажется, сомнѣнія, что все предпріятіе это, считая и Башкировъ, возившихъ лѣтомъ продовольствіе, будетъ стоить почти 1000 человѣкъ. Третіи наконецъ, и этотъ разрядъ самый обильный, не могутъ скрыть негодованія своего на счетъ обманутой надежды своей—не надежды увидѣть Россію первенствующею въ Средней Азіи державою, какъ политическое положеніе и достоинство ея требуютъ; не надежды увидѣть смѣлый и славный ударъ благополучно исполненнымъ—а надежды на чинъ и крестъ. „Чортъ меня понесъ, зачѣмъ я пошелъ!“, эти восклицанія можете услышать частенько; потомъ разсужденія, что, не смотря на неудачу, труды и лишенія были у насъ все тѣже, что это де заслуживаетъ уваженія, и что вообще весьма несправедливо принято у насъ награждать за одну удачу, хотя бы трудовъ было не много, а оставлять безъ вниманія неудачныя предпріятія, хотя бы онѣ были труднѣе кампаніи 12-го года.

20-го Февраля 1840. Сидимъ на Эмбѣ и надѣемся, со дня на день, увидѣть весну; между тѣмъ вчера и сегодня — 25°. Я сдѣлалъ сегодня разсчетъ, взялъ среднее состояніе тепла во время экпедиціи Берха, и нынѣшней зимою. У Берха за 79 дней (16 Дек. по 4 Март.) среднее 15½-о; у насъ, за 94 дня, съ 19 Ноября по 20-е Февр. круглымъ числомъ приходится почти по 19° на день. Какъ у Берха, такъ и у насъ, бралъ я изъ ежедневныхъ наблюденій только одно, самое большее число. Слишкомъ три мѣсяца сряду, по 19° кругомъ на день!! Вчера начали мы праздновать масляницу: блины, по недостатку здѣсь сковороды, пеклись на жестянныхъ тарелочкахъ, собственно по моему изобрѣтенію и предложенію, и мы выслушали при этомъ всѣ подробности родословной тарелокъ этихъ и узнали, какъ это сказано было намъ утвердительно и подтвердительно, что тарелки англійской жести, настоящей англійской, двойной. Почтенный сожитель нашъ Молоствовъ вчера отправился въ колонну: онъ идетъ на линію, вмѣстѣ съ прочими отпущенниками. Чихачевъ не захотѣлъ воспользоваться этимъ случаемъ, и отказался. Ему конечно все равно, гдѣ зимовать и лѣтовать. Путнику по *званію* съ чужбины домой ѣхать не за чѣмъ...

5—6 дней провели мы въ укрѣпленіи тепло и, можно сказать, пріятно. Много было шутокъ и смѣху; В. А. спокоенъ и иногда довольно веселъ... Не по моему вкусу только то, что мы ложимся не прежде часу, а спимъ по *неволѣ* долго послѣ обѣда. По неволѣ, говорю, чтобы не мѣшать другимъ; ляжешь, лежишь

часа два, три тихохонько и уснешь. Превратная жизнь эта непремѣнно разстраиваетъ здоровье; сидѣть за полночь обращается въ привычку; человѣкъ уже не можетъ заснуть ранѣе, тревожное веселье, готовность сидѣть и любезничать ночью, является у насъ на счетъ утренняго здоровья, и мы встаемъ въ десятомъ часу съ тяжелой головой и тусклами очами; человѣкъ дѣлается, послѣ ночнаго отдыха, смутнымъ, невеселымъ; и только къ ночи состояніе его дѣлается опять сноснымъ, чувства его въ своей тарелкѣ, и онъ здоровъ. Это состояніе обманчивое, лживое, разстроенное; человѣкъ здоровый душой и тѣломъ чувствуетъ себя утромъ, послѣ законнаго отдыху, въ естественно веселомъ расположеніи и въ силахъ. Ночное здоровье есть только слѣдствіе превратной жизни нашей и большинства духовной жизни, перевѣсу ея надъ тѣлесною. А этого быть не должно: одно равновѣсіе спасительно.

Вчера, до поздней ночи, шла рѣчь о плачевныхъ опытахъ нашихъ при неудачномъ предпріятіи и о томъ, кто, какъ, чѣмъ и на сколько отъ этого поумнѣлъ. Всѣ видѣли огромное затрудненіе пройти съ войскомъ 1500 верстъ по безпріютному пространству и нести непомѣрное количество продовольствія съ собою. Хотѣли избѣгнуть большей части неудобствъ, пустивъ войска впередъ, а продовольственные караваны отдѣльно. Изъ этого однакоже возникаетъ тоже самое затрудненіе, еще въ бо́льшей степени: для конвоя и для навьючки необходимо тогда отряжать новыя силы, а для нихъ также свое продовольствіе, свои обозы и караваны. Говорили также, что отрядъ должно пустить, для облегченія хода и добывки фуража, не одною, а двумя различными дорогами—на Сарайчикъ и на Сыръ. *Кажется*, при этомъ не разчитали, что тогда необходимо дѣлать два склада, одинъ вовсе отдѣльно отъ другаго, особыми средствами, и что что все это будетъ стоить двухъ экспедицій вмѣсто одной. Я думаю такъ: главнѣйшія затрудненія: 1. снабженіе отряда продовольствіемъ и 2. разный маршъ, передвиженіе войска въ отдаленный край. Все остальное, какъ то: охраненіе каравана, побѣда надъ непріятелемъ, и прочее, все это обстоятельства второстепенныя, потому что представляютъ несравненно менѣе затрудненій. Основываясь на помянутыхъ двухъ главнѣйшихъ началахъ, должно ограничиться возможно меньшимъ количествомъ войскъ, а слѣдовательно ни подъ какимъ видомъ не увеличивать числа его, помнить, что каждый человѣкъ требуетъ, для шестинедѣльнаго продовольствія здороваго, сильнаго верблюда; и второе, устроить все такъ, чтобы не стоять по двѣ и по три недѣли на одномъ мѣстѣ, а идти ходко, спѣшно, до самаго мѣста; не строить дорогою колоннъ, которыя очень красивы въ чертежной, на бумажкѣ, но неисполнимы на дѣлѣ, замедляютъ до неимовѣрности ходъ, изнуряютъ людей и верблюдовъ и не ведутъ ни къ чему; а наконецъ, коли найдутся способы доставить все необходимое въ Сарайчикъ, то привести и все войско туда; оно выиграетъ этимъ путемъ—предполагая, что пойдутъ зимою (а это необходимо, для воды) верстъ 200 или 300 степной дороги, хоть и пройдетъ столькоже лишней въ своемъ краю. Но 300 вер., выигранныя въ первомъ случаѣ, дороже 400 домашнихъ. Если же 3-т. человѣкъ здоровые прибудутъ въ ханство съ продовольствіемъ на шесть недѣль, то дѣло наше выиграно, и зная непріятеля и всѣ обстоятельства, нельзя опасаться неудачи. Возраженій можно сдѣлать много; отвѣчаю на все это, что нѣтъ войны безъ *авось*, и здѣсь оно также занимаетъ свое обычное мѣсто; но соображаясь со всѣми данными, ограничиваясь возможнымъ и истиннымъ, придерживаясь не *сѣрой* теоріи, не зеленыхъ предположеній и умозрѣній, а опыту, надобно, при новомъ предпріятіи признать основными началами: 1, какъ можно менѣе людей; 2, ускорить ходъ, идти во всѣ лопатки, покуда верблюды держатся, зная, что они отъ отдыху зимой не

поправляются, а худѣютъ; 3, уменьшить по возможности то пространство, которое должно пройти съ продовольствіемъ на плечахъ; 4, уменьшить (и это относится уже къ 1-му пункту) уменьшить или уничтожить вовсе сословіе г. г. бездѣльниковъ, т. е. всѣхъ, которые безъ вреда отряду могутъ быть оставлены, оставить дома, а лучше дать имъ крестъ за доброе сидѣнье на мѣстѣ. Кромѣ неудобствъ матеріальныхъ, происходящихъ отъ присутствія этой лишноты, есть еще вредъ нравственный, и онъ опаснѣе перваго. Еще важнѣйшее правило на будущее время, выведенное къ несчастію также изъ опыта: помнить день и ночь, что верблюдъ не деревянная кобылка, которой нѣтъ износу ни изводу, а тоже живое созданіе, хоть и скотина. Несчастный предразсудокъ, бѣдственное мнѣніе, что верблюду ничего не значитъ пробыть сутки или двое безъ пищи, надѣлалъ намъ много вреда. Верблюдъ индюшка, животное кволое, нѣжное, любитъ тепло, гибнетъ отъ стужи; онъ выручитъ изъ бѣды и пробудетъ три, четыре дня безъ пищи тамъ, гдѣ настоитъ дѣйствительная крайность, если его беречь и холить и кормить напередъ и удержать въ тѣлѣ до этой критической минуты.... Очень знаю всѣ неимовѣрныя трудности присмотрѣть надлежащимъ образомъ за такимъ огромнымъ количествомъ скота, и еще на походѣ, гдѣ всякій по неволѣ заботится о себѣ, старается отогрѣться, наѣсться и отдохнуть; но тѣмъ менѣе можно пренебрегать этимъ, тѣмъ болѣе должно стараться за скотомъ смотрѣть хозяйскимъ, а не казеннымъ глазомъ. Къ несчастію намъ теперь, когда мы въ дѣйствительной крайности, нельзя уже беречь верблюдовъ, а остается почти только доканать ихъ въ конецъ. Перевозка продовольствія, доставка топлива, все это прогулка въ оба конца верстъ въ 40, 50, 60—двои сутки усиленнаго перехода, безъ всякаго корму, потому что его близъ укрѣпленія нѣтъ ни зерна, ни былинки, это свалитъ съ ногъ здороваго и заморитъ сытаго, а тощаго уложитъ на дорожкѣ и свернетъ ему, на послѣдушкѣ, голову подъ крыло. Нынѣшній походъ сталъ казнѣ съ небольшимъ $1\frac{1}{2}$ милліона; а если оцѣнить все что сдѣлано мѣстными средствами на деньги, то нельзя изворотиться 15 ю милліонами. Одни верблюды, которыхъ по доброй волѣ *нельзя* купить за деньги, одни верблюды по оцѣнкѣ стоятъ полтора милліона; а доставка продовольствія Башкирами, если бы произведена была наймомъ, должна стать шесть милліоновъ, но и тутъ опять нѣтъ сомнѣнія, что деньгами сдѣлать этого нельзя; нѣтъ возможности отправить изъ Оренбурга 12-т. наемныхъ телѣгъ, если ихъ не выписать изъ Русскихъ губерній, и тогда они обойдутся еще вдвое дороже: я клалъ по 500 р. на ямщика....

IX.

21-го. Празднуемъ маслянницу блинами, и блины ѣдимъ съ яйцами, съ лукомъ, съ масломъ, съ свѣжей икрой. Впродолженіе недѣли что стоимъ теперь на Эмбѣ, въ землянкѣ нашей ночь и день не слыхать почти другаго слова, какъ расчеты четвертей, гарнцевъ, пудовъ и фунтовъ. В. А. перечитываетъ между тѣмъ, лежа подлѣ, Пугачева и Арабески, единственныя книги, которыя кто-то завезъ на Аты-Якши. У меня взято книгъ съ пятокъ, которыя могутъ быть перечитаны по нѣскольку разъ, напр. Шекспиръ, Фаустъ; но и чтеніе надоѣдаетъ, недостаетъ терпѣнія: какое-то безотчетное безпокойство отвлекаетъ мысли и иногда, схвативши ружье, съ особеннымъ удовольствіемъ бѣжишь пострѣлять черныхъ жаворонковъ и подорожниковъ, которыхъ вкругъ укрѣпленія множество. Разсчеты эти вслухъ, впродолженіе цѣлаго дня, наводятъ въ тѣсной землянкѣ тоску. Въ десятый разъ разсчитали сейчасъ, что у насъ продовольствія станетъ мѣсяца на три—очень утѣшительно; хоть бы его не было вовсе, такъ поскорѣе бы ушли!

Кто-то замѣтилъ сегодня въ разговорѣ, что у многихъ казаковъ на лицѣ перемѣнилась третья и четвертая шку-

ра; В. А. на это замѣтилъ: „да, удивительно; всѣ мы, не смотря на безпримѣрные, жестокіе морозы, возвращаемся съ *носомъ*"…. Завтра ѣдемъ съ В. А. въ отрядъ, верстъ за 30, провожать отправляющійся во свояси дивизіонъ; тамъ опять воротимся, и тогда уже предположено заняться по вечерамъ пятьюдесятью двумя разбойниками. Прибѣжище конечно жалкое, но дѣлать нечего; гарнцы, четверики и четверти хуже и несноснѣе картъ…. Расчетъ за 101 день нашего похода, даетъ равно 18° холоду на день. Морозы все продолжаются 26°, 18°, 16°, а между тѣмъ соки во всѣхъ кустарникахъ уже ударили изъ корней въ стволы и сучья; дрова наши такъ сыры, что почти не горятъ, одинъ только дымъ и паръ; на дняхъ поймали тушканчика, который видно проснулся не по погодѣ, а по числамъ, надѣялся встрѣтить въ концѣ Февраля весну. Леманъ нашелъ уже 3-хъ 4-хъ живыхъ жуковъ; словомъ, по всему весна, еслибы только не морозъ, не снѣгъ по колѣно, да не буранъ, который теперь ежедневно разыгрывается и бушуетъ съ ужасной силой. Я сегодня также сдѣлалъ разсчетъ больныхъ и умершихъ; вотъ что выходитъ: пѣхоты выступило изъ Оренбурга: 2,928 челов., казаковъ Уральскихъ 1,204; дивизіонъ 1-го полка 219 чел.; Башкировъ и Оренбург. казаковъ, по поламъ, 345 чел., конныхъ артиллер. (казаковъ) 141, гарниз. артилл. 112. Больныхъ было: 1,308; выздоров. 909; отправлено въ Оренб. и Защиту 56, умерло 139, состоитъ 304. Въ укрѣпленія былъ кромѣ того свой гарнизонъ, были обозы Башкировъ и свои госпитали; въ Эмбенскомъ пѣхоты переболѣло 830 чел. (слѣдов. каждый обратился по нѣскольку разъ въ госпиталѣ), умерло 154; умерло еще разной команды, частію переданной изъ отряду — всего: состояло 1,450; выздоров. 750; умерло 247. Поэтому въ отрядѣ изъ пѣхоты, болѣлъ второй человѣкъ, изъ дивизіона 1-го полка второй, изъ Башкировъ 10-й, изъ Уральскихъ казаковъ 52-й!! Объ Оренбургскихъ казакахъ нельзя сдѣлать вѣрнаго расчета, потому что они же были и въ укрѣпленія, и свѣдѣнія перемѣшаны; но болѣлъ, видно, около 10-го. Умерло: въ пѣхотѣ 24 й изъ здоровыхъ, въ дивизіи 24-й, въ Башкирахъ, всего 170 челов., умершихъ нѣтъ; у Уральцевъ умеръ двухъсотый! Если къ этому еще пояснить, что 170 Башкировъ были выбраны молодые, здоровые ребята изъ лучшихъ кантоновъ, что даже пѣхота была пересортирована въ Оренбургѣ и много слабыхъ и ненадежныхъ оставлено, а что Уральцевъ напротивъ выставили сюда поскребышей, безъ всякаго разбора, стараго и малаго, потому что у нихъ уже 3 полка ушли на службу, кромѣ команды въ Москвѣ, линейцевъ, и пр. пр.: то нельзя не удивиться этой необыкновенной породѣ, которая выростаетъ среди тяжкихъ трудовъ своего промысла и свыкается заранѣе съ тугой, съ голодомъ и холодомъ. Да, храбрѣйшая сторона нашего несчастнаго похода (или горемычнаго лучше сказать, потому что горе мыкали всѣ, а бѣды не видали) храбрѣйшая часть, это бодрый духъ и пѣсни Уральцевъ во всякое время, во всякую погоду въ 20 и въ 32 градуса, въ ведро и въ ненастье, въ буранъ, который заноситъ снѣгомъ горло и глотку. Посмотрѣли бъ вы, какъ они проводили масляницу; было 16° и сильный буранъ; а у нихъ съ утра до ночи пѣсни и весь день, воскресенье, шла по лагерю такая гульба, будто дома, подъ качелями. Трое сѣли на одну лошадь, одинъ задомъ, одинъ передомъ, одинъ бокомъ, объѣхали съ пѣснями лагерь и прощались съ масляной, раскланиваясь всѣ во всѣ стороны. Потомъ явился медвѣдь въ поводатаремъ; тотъ плясалъ, а этотъ приговаривалъ и лупилъ его хворостиной по бокамъ, такъ что и медвѣдь обругался наконецъ вслухъ по Русски. Тамъ возили другъ друга въ саняхъ, съ пѣснями, и воображали, что катаются, наряжались, боролись, и раздѣвались для этого до рубахи. Передъ пьянымъ было у нихъ положено сымать шапку, и тверезый долженъ ему гово-

рить: ваше благородіе.... Ждемъ, не дождемся, будетъ ли нѣтъ ли нынѣ весна? Жучьки оживаютъ, тушканчики просыпаются, овцы—по словамъ Кайсаковъ—дней черезъ 10 должны ягниться, а сегодня 18°, снѣгъ лежитъ въ аршинъ, крѣпокъ, жестокъ, рѣки промерзли до дна, рыба во льду окаменѣла. Уральцы предсказываютъ, что зима будетъ стоять здѣсь до 25-го марта; у нихъ на это свои примѣты; пасха поздняя, февральское свѣтило (луна), свѣтитъ въ Мартѣ и пр; но обстоятельство заслуживающее вниманіе: они говорятъ, когда рога луны круты, непремѣнно строгая и поздняя зима. Крутыми рогами называютъ они обращенные нѣсколько вверхъ; нынѣ было полное лунное затмѣніе, луна, если я не ошибаюсь, была въ узлѣ, и — кажется — рога ея именно тогда и должны быть обращены къ верху, потому что она восходитъ по орбитѣ своей вверхъ. Можетъ быть, дѣйствительно при такомъ положеніи луны зима всегда строгая, надобно бы справиться за нѣсколько лѣтъ назадъ. Такимъ образомъ нерѣдко народное повѣрье основано на какомъ нибудь смыслѣ, хотя и кажется съ перваго взгляда суевѣріемъ, безсмыслицею. Если невѣжественная чернь неистовствуетъ безсмысленно какъ звѣрь, разъяренный всякимъ сопротивленіемъ и препоною, если толпа, повторяя слѣпо и глухо восклицанія глашатаевъ, которые кричатъ для того только чтобы ихъ слышали, требуетъ безсмыслицы, то я не вѣрю поговоркѣ: гласъ народа, гласъ Божій; а держусь тогда другой: мужикъ уменъ, да міръ дуракъ. Тоже сказалъ, помнится, гдѣ-то Шиллеръ: Einzeln ist jeder der Herrn leidlich gescheidt und vernünftig; sind sie beisammen, gleich wird auch ein Dumkopf daraus! Но я вѣрю преданіямъ, повѣрьямъ, обычаямъ, иногда и суевѣрьямъ; я вѣрю имъ столько, что не рѣшусь осмѣять ни одного, не изслѣдовавши его, не дошедши, по крайнему разумѣнію своему, до начала и корня, до смысла и значенія его. Не вѣрьте, если вамъ кто скажетъ, что въ народныхъ бредняхъ нѣтъ смысла и значенія; по крайней мѣрѣ изо ста повѣрьевъ найдется, на первый случай, не болѣе пяти, шести, въ которыхъ мы не въ состояніи добиться до смыслу, да и тутъ еще спрашивается, гдѣ вина: искажено ли повѣрье временемъ и случаемъ, такъ что его нельзя узнать въ лицо, основано ли на утраченныхъ обычаяхъ и забытыхъ обстоятельствахъ, или просто мы слишкомъ удалены отъ понятій того сословія, которое держится повѣрья. Всѣ другія заключаютъ въ себѣ толкъ, иносказательный, или прямой; даже обычай не класть хлѣба на круглую корку, грѣшно, означаетъ, другими словами вѣроятно вотъ что: положи свѣжій хлѣбъ на круглую корку, то она отстанетъ, а потомъ плѣсень вскорѣ сядетъ и угнѣздится между мякишемъ и коркой. Объ этомъ предметѣ шелъ у насъ (В. А. NN и я) намедни предлинный разговоръ и бесѣда. Съ отбытіемъ Молоствова, В. А. взялъ насъ обоихъ къ себѣ въ кибитку и какъ онъ поздно ложится, то есть время побесѣдовать вечеркомъ, когда воображеніе разыгрывается и охотно беретъ верхъ надъ сухимъ и холоднымъ разсудкомъ. Мы рѣшили между прочимъ, что сонъ самая загадочная вещь въ природѣ человѣка, а бдѣніе, бодрость души во время сна, непостижима; но все это вы знаете также, какъ и мы, и ждете вѣроятно отъ меня не метафизическихъ разсужденій съ береговъ пустынной Эмбы, а дѣла. Скажу жъ вамъ, что Бай-Мохаммедъ на дняхъ отправляется съ тремя сотнями Уральцевъ и горнымъ единорогомъ собирать верблюдовъ, потому что мы сидимъ на мели, подняться не чѣмъ, едва смогли перетаскать изъ укрѣпленія большую часть продовольствія въ отрядъ, и то большею частію на казачьихъ лошадяхъ, да переморили при этомъ послѣднихъ верблюдовъ, на разстояніи 30 верстъ. Уджрайцы и нѣкоторыя другія племена къ счастію не дали верблюдовъ, когда былъ общій сборъ; теперь есть придирка, и ихъ обдерутъ — если только захватятъ, какъ надѣемся, на зимовьяхъ. У насъ едва

осталось 700 годныхъ верблюдовъ, да и тѣ вѣроятно скоро откажутся, хотя и оставлены, по необходимости, при отрядѣ, для подвозки дровъ; остальные, все инвалиды на голо, отосланы на дальнія пастбища, въ надеждѣ, что нѣкоторые изъ нихъ поправятся къ веснѣ. Много верблюдовъ отморозили себѣ лапы; многихъ обули въ кеньги и полусапожки, но врядъ ли это поможетъ: уже поздно. По прибытіи нашемъ въ Оренбургъ, вы увидѣте у Житкова въ альбомѣ, какими мы уродами здѣсь ходимъ... Разсчетъ мой относительно смертности въ пѣхотѣ не вѣренъ; гарнизоны обоихъ укрѣпленій состояли въ числѣ 2930 человѣкъ пѣхоты, а всего умершихъ до 400, слѣдов, умеръ почти *седьмой* изъ здоровыхъ, въ 3 мѣсяца, а изъ Уральцевъ двухсотый....

1 Марта 1840. Градусовъ не много, 8; но сильный буранъ. Третьяго дня добрый, почтенный священникъ нашъ поѣхалъ, по зову, изъ отряда въ укрѣпленіе, вдвоемъ съ казакомъ. Ихъ также захватилъ на дорогѣ буранъ, они сбились съ пути и принуждены были ночевать въ чистомъ полѣ, между сугробами. Утромъ пріѣхалъ онъ, бѣднякъ, и насилу здѣсь отогрѣлся. Верблюды наши послѣ послѣднихъ булановъ отказались вовсе; ихъ я думаю всего на все не осталось одной тысячи; да и тѣ не походятъ на живыхъ. Для перевозки изъ укрѣпленія осталася одна надежда,—на казачьихъ лошадей. В. А. говоритъ, что можно раздѣлить верблюдовъ нашихъ (вмѣсто того что дѣлили ихъ доселѣ на *годныхъ* и *негодныхъ*) на такихъ, которые околѣваютъ по собственному усмотрѣнію и на свободѣ, и такихъ, которые околѣваютъ на службѣ государству. Я думаю можно раздѣлить ихъ просто на дохлыхъ и на издыхающихъ.

X.

8 Марта 1840. На Эмбѣ.

Всѣ письма Оренбургскія доказываютъ, что и тамъ даже не понимаютъ какъ должно настоящаго нашего положенія. Что же послѣ этого можно ожидать отъ Петербурга? Хвалятъ насъ за то, что мы воротились, что благоразуміе взяло верхъ надъ славолюбіемъ и другими страстишками. Я былъ свидѣтелемъ и знаю, чего стоила неудача эта тому, въ чью руку была положена и власть и отвѣтственность; но тутъ нельзя было не покориться необходимости. Выбору не было, противъ матиматической невозможности идти нельзя; а коли можно было сосчитать по пальцамъ, что даже и наличное число верблюдовъ не подыметъ необходимѣйшаго продовольствія для пути, не говоря уже о неминуемой убыли ихъ во время самаго похода, когда, поднявшись въ обратный путь на Эмбу бросили до 3000 четвертей и множество другихъ тяжестей—лодки, канаты, гвозди, кожи, соль, сало кошмы и пр.: то дѣло было, кажется, довольно очевидно. Хвалить за рѣшимость, за самоотверженіе, значитъ въ этомъ случаѣ допускать еще какую нибудь возможность идти впередъ, а ея не было... Утромъ и вечеромъ не менѣе 13°—18°, а 4 Марта солнышко опять взошло самъ-третей; вскорѣ изъ побочныхъ солнцевъ образовались радужныя дуги и стояли почти до полудня. Мы стоимъ въ оврагѣ, на берегу Темира, закрыты, по видимому, отъ всѣхъ булановъ; но окаянный поддувала не щадитъ насъ и здѣсь: на дняхъ были сильные, докучливые бураны. Изъ укрѣпленія почти все перевезено, послѣднихъ верблюдовъ переморили, досталось и лошадямъ, а между тѣмъ перевозка эта была необходима. Бай-Мохамедъ ушелъ съ тремя сотнями за верблюдами, къ Уджрайцамъ; сотъ шесть ожидаемъ отъ васъ, да коли Богъ милостивъ, то около тысячи останется живыхъ изъ нашихъ десяти тысячь; тогда мы можемъ весною подняться и дней въ 20 дойдемъ до Оренбурга, или по крайней мѣрѣ до Илецкой. Дни тогда будутъ по длиннѣе и кормъ хорошій.....

*

Этимъ оканчиваются письма. Весна не по нашему быстро наступила, верб-

люды прибыли, отрядъ снялся по частямъ, поднявъ лишь путевые харчи и покинувъ все лишнее невольнымъ хозяевамъ своимъ, Киргизамъ; вся степь ярко зеленѣла избыткомъ корма, лишь мѣстами бѣлѣлись песчаныя прогалины. Вода стояла еще всюду въ ложбинахъ, попадалась и дичь, и рыба. Уцѣлѣвшіе радостно встрѣтились съ семьями и друзьями своими, а принесшіе въ себѣ неисцѣлимую немочь цынги отправились помирать по больницамъ.....

В. Даль.

ПИСЬМА

АЛЕКСАНДРА ИВАНОВИЧА ТУРГЕНЕВА КЪ И. И. ДМИТРІЕВУ (*)

1.

23 Декабря (годъ неизвѣстенъ).

М. Г. Иванъ Ивановичъ. Поспѣшаю препроводить къ вашему высокопревосходительству стихи, пѣтые въ здѣшней гимназіи, и другіе того же автора, и пѣтые въ масонской ложѣ. Къ симъ послѣднимъ присовокупляю одну строфу *для вашего токмо свѣдѣнія.* Она неизвѣстна даже и масонамъ, а только нѣкоторымъ. Вчера проповѣдывалъ митрополитъ въ Невскомъ монастырѣ при стеченіи многочисленной публики. Если слово его, не сочиненное на бумагѣ, но свободно говоренное, будетъ напечатано, я не премину вамъ его доставить. Гр. Хвостовъ пріѣхалъ туда съ кучею стиховъ своихъ, и въ самую минуту, когда я съ умиленіемъ внималъ пѣнію Херувимской, онъ втеръ мнѣ въ руки перепечатанные стихи свои. Вѣроятно не я одинъ изъ предстоящихъ былъ жертвою его нахальной Музы.

24 Декабря.

Вчера прибылъ Государь въ Царское Село; обѣдалъ тамъ и ввечеру пріѣхалъ сюда къ чаю Великой Княгини. Завтра парадъ. Г. Кокошкинъ привезъ мнѣ отъ А. А. А. (1) двѣ послѣднія части Трудовъ Общества Любителей Рос. Сл. Всего любопытнѣе переписка. Неутомимый Гр. Х. вездѣ оставилъ памятникъ своего генія. Графъ по скромности (на стр. 23) упоминаетъ только *о пользѣ*, которую сочиненія его должны принести обществу, а о удовольствіи читателей и рецензентовъ ни слова.

2.

М. Г. Иванъ Ивановичъ. Зная, что прокуроръ Евреиновъ иногда бываетъ у вашего высокопревосходительства и пользуется вашимъ благорасположеніемъ, я обращаюсь къ вамъ, м. г., съ покорнѣйшею просьбою, которая состоитъ въ слѣдующемъ. По прошенію штатсъ-дамы княгини Волконской (2),

(*) Письма эти обязательно сообщены намъ профессоромъ Московскаго университета Ѳ. М. Дмитріевымъ, но не въ подлинникахъ, а *въ спискѣ.* Они составляютъ продолженіе писемъ къ И. И. Дмитріеву отъ разныхъ лицъ, напечатанныхъ въ Русскомъ Архивѣ 1866 года, стр. 1616—1730. Письма Тургенева писаны изъ Петербурга, гдѣ А. И. Тургеневъ служилъ директоромъ въ департаментѣ духовныхъ дѣлъ и находился въ близкихъ отношеніяхъ къ своему министру, царскому любимцу, кн. Александру Николаевичу Голицыну. По должности, по общественному положенію и литературнымъ связямъ, Тургеневъ находился у самыхъ источниковъ всякаго рода новостей. И. И. Дмитріевъ жилъ въ Москвѣ въ отставкѣ. Къ сожалѣнію на письмахъ не помѣчены числа. Мы располагаемъ порядокъ ихъ приблизительно, означая годы въ скобкахъ. За нѣкоторыя поясненія относительно этихъ писемъ мы одолжены кн. П. А. Вяземскому и С. Д. Полторацкому. Тѣмъ не менѣе нѣкоторыя мѣста остаются не объясненными. *П. Б.*

(1) Антона Антоновича Прокоповича Антонскаго.

(2) Александры Николаевны, супруги кн. Григорія Семеновича Волконскаго.

въ св. Синодъ поданному, о позволеніи перенести гробъ покойнаго отца ея генералъ-фельдмаршала князя Репнина съ одного мѣста на другое, къ первому прилежащее, св. Синодъ опредѣлилъ спросить о семъ мнѣніе настоятеля Донскаго монастыря и Московскую синодальную контору и, если нужно вытребовать и планъ церкви, дабы легче можно было судить, не стѣснитъ ли переносъ надгробнаго камня внутренности церкви. Требованіе о семъ послано уже въ контору. Опасаясь, чтобъ настоятель Донскаго монастыря, усмотрѣвъ, что за нѣсколько лѣтъ предъ симъ одинъ изъ его предшественниковъ, архимандритъ Викторъ ([3]), и нынѣ еще въ семъ монастырѣ живущій, отказалъ въ удовлетвореніи сей просьбы княгинѣ Волконской, не вздумалъ поступить по прежнему примѣру, я желалъ бы, чтобы г. Евреиновъ обратилъ на сіе дѣло особенное вниманіе и принялъ бы въ соображеніе то, что послѣ того Донской монастырь поставилъ памятникъ Н. Н. Бантышъ-Каменскому точно на томъ мѣстѣ, котораго испрашиваетъ нынѣ дочь фельдмаршала для памятника отцу своему, столь славно отечеству послужившему. Уваженіе мое къ памяти незабвеннаго мужа и дружеская связь его съ отцомъ моимъ, заставляетъ меня принимать участіе въ просьбѣ его дочери, по мнѣнію моему весьма справедливой; ибо я въ бытность мою въ Москвѣ самъ осматривалъ въ монастырѣ мѣсто сіе и вмѣстѣ съ тогдашнимъ архимандритомъ нашелъ, что для симметріи весьма бы лучше было перенести памятникъ Репнина и устроить его на просимомъ мѣстѣ ([4]).

Почитая, что по занимаемой мной должности неприлично мнѣ просить о семъ г. Евреинова, я осмѣлился обременять васъ, м. г., съ тѣмъ, чтобы вы приняли на себя трудъ внушить ему, сколь пріятно было бы мнѣ доказать чѣмъ либо благоговѣйное усердіе мое къ памяти князя Репнина. Я увѣренъ, что вы простите мнѣ сію дерзость, ибо она основана на чувствѣ, для васъ не чуждомъ. Сіе самое извинитъ меня и въ глазахъ г. Евреинова, которому я извѣстенъ только по офиціяльнымъ сношеніямъ.

Вчера Н. М. Карамзинъ переѣхалъ изъ Царскаго Села въ П.-бургъ, въ домъ Е. Ѳ. Муравьевой, у которой мы и обѣдали вмѣстѣ, а сегодня будемъ у канцлера ([5]). По суботамъ проводимъ мы вечера у В. А. Жуковскаго, гдѣ собираются литераторы всѣхъ расколовъ и всѣхъ націй. Братъ мой свидѣтельствуетъ вамъ истинное свое почтеніе, съ каковымъ и пр.

7 Октября (1818).

P. S. Сей часъ имѣлъ честь получить письмо вашего высокопревосходительства отъ 30 Сентября, и первымъ движеніемъ моимъ было отобрать два портрета Руссо и Вольтера для немедленнаго ихъ отправленія къ вамъ; но къ крайнему моему сожалѣнію увидѣлъ я, что въ числѣ шести портретовъ, которые еще до отъѣзда моего въ Москву назначалъ я для вашего кабинета, именно Вольтера и Руссо нѣтъ, а есть Мольеръ, Расинъ, Корнель, Буало, Даламберъ и Лабрюеръ. Всѣ они къ вашимъ услугамъ, если вы ихъ не имѣете. Между тѣмъ постараюсь отыскать

([3]) Антонскій, братъ извѣстнаго Антона Антоновича.

([4]) Желаніе кн. Волконской было исполнено: прахъ фельдмаршала кн. Н. В. Репнина покоится въ такъ называемой трапезной церкви Донскаго монастыря, насупротивъ Н. Н. Бантыша-Каменскаго; на гробницѣ лежитъ фельдмаршальскій жезлъ.

([5]) Гр. Н. П. Румянцова.

Вольтера и Руссо; но желалъ бы знать, въ какомъ форматѣ они быть должны.

Вяземскій ([6]) давалъ обѣдъ Полякамъ, которые проводили цесаревича въ Ахенъ, откуда онъ поѣдетъ осматривать Русскія войска во Францію. Если получу недавно вышедшую переписку Абата Гальяни съ разными особами того времени, то буду имѣть честь вамъ доставить. Ожидаю съ нетерпѣніемъ торжественнаго собранія университета, въ которое Вас. Львовичъ будетъ сказывать сказку. Если бы собраніе прибѣгло къ другому роду его таланта, то оно могло бы содѣлаться баснословнымъ.

3.

16 Декабря (1818)

М. Г. Иванъ Ивановичъ Кн. Вяземскій доставилъ мнѣ прилагаемыя у сего книги: 2 части Лафонтена, брошюру Констана и Польскіе акты для препровожденія къ вашему высокопревосходительству. Онъ утѣшаетъ и забавляетъ меня исправною и оригинальною перепискою. Еженедѣльно получаемъ мы другъ отъ друга письма, въ которыхъ, какъ говоритъ поэтъ, вся душа слышна. Ни съ кѣмъ такъ охотно не предаешься искренности, какъ съ нимъ. Онъ возбуждаетъ мысли и угадываетъ ихъ, или лучше сказать: ловитъ на лету. Умъ его обратился теперь, кажется, къ предметамъ важнымъ. Состязаніе партій о дѣлахъ государственныхъ во Франціи питаетъ его и заставляетъ дѣлать наблюденія, отъ которыхъ, можетъ быть, и Гальяни бы не отрекся. Даже и въ стихотвореніяхъ его примѣтно то же направленіе ума, которое можетъ погасить обыкновенный талантъ, но образовать человѣка для государства. Впрочемъ онъ, кажется, скучаетъ прозою Варшавской жизни; но гдѣ же поэзія въ жизни, послѣ первыхъ лѣтъ молодости, если она не сохранилась въ душѣ поэта? Я не разумѣю подъ поэтомъ только того, кто пишетъ стихи. Могутъ быть поэты въ душѣ и въ жизни, но не въ книгахъ. Вы конечно уже знаете изъ газетъ о новѣйшемъ произведеніи Стурдзы: Mémoire sur l'état actuel de l' Allemagne. Оно напечатано только въ числѣ 50 №№, изъ коихъ большая часть розданы министрамъ иностраннымъ. Въ П.бургѣ только три экз., изъ коихъ одинъ у меня. Я прочелъ эту книжку съ негодованіемъ и съ досадою на автора, котораго люблю. Онъ доказалъ только, что и съ талантомъ нельзя писать о предметахъ, коихъ не изслѣдовалъ. Но Нѣмцы сами за себя стали и уже во всѣхъ частяхъ гнѣвъ ихъ проявляется ([7]). Стурдза и Сѣверинъ остаются въ Германіи почти на годъ, а гр. Каподистріа уѣзжаетъ въ свое теплое отечество и прежде Іюня сюда не будетъ. Сегодня пріѣхалъ сюда первый курьеръ отъ Государя изъ Вѣны. Братъ Государыни Ел. А., герцогъ Баденскій скончался. Чтобы не кончить только тѣмъ, чѣмъ все на свѣтѣ кончается, скажу вамъ, что сей часъ получилъ еще письмо отъ кн. Вяземскаго и гостинецъ: и какой же? Лафонтена Лафонтену, а мнѣ Страсбургской пирогъ. Книги вѣроятно вы получите позже письма сего, ибо я посылаю ихъ съ тяжелою почтою. Извините пестроту письма; не хотѣлось пропустить почты, а мысли собрать не въ силахъ за хлопотами.

([6]) Кн. П. А. Вяземскій служилъ тогда въ Варшавѣ. См. письма его оттуда къ И. И. Дмитріеву въ Р. Архивѣ 1866 года.

([7]) См. о происхожденіи этой записки разсказъ самаго А. С. Стурдзы въ Чтеніяхъ Общ. Ист. и Древн. 1864, кн. 2-я.

4.

20 Декабря (1818)

М. Г. Иванъ Ивановичъ. Я имѣлъ честь получить письмо вашего высокопревосходительства отъ 8 Декабря и поспѣшаю васъ увѣдомить, что я не получалъ отъ Батюшкова портрета Шатобріяна. Тотъ, который былъ у него, подарилъ ему я; мнѣ подарила его С. П. Свѣчина, а ей далъ самъ Шатобріянъ. Еслибъ Батюшковъ оставилъ его здѣсь, то я за него сдержалъ бы слово. Портретъ Суворова вы конечно уже получили. Книги отъ кн. Вяземскаго отправилъ я по тяжелой почтѣ. Статью о письмѣ Екатерины ([8]) къ Сумарокову и предисловіе къ оному прислалъ Вяземской въ С. О-ва. Рѣчь Н. Мих. ([9]) не скоро еще, кажется, выдетъ въ печать. Я предлагалъ ему списать для васъ копію, но онъ мнѣ не довѣряетъ; попытаюсь еще. Почтенный наставникъ мой ([10]), въ первый разъ, сказалъ рѣчь, которую нельзя назвать неважною. Объявляя намъ о недостаткахъ въ примѣрахъ историческому слогу, онъ вѣроятно не на Елагина мѣтилъ. Недостатокъ въ Россійской грамматикѣ давно чувствовалъ я, читая иногда его письма. Но мы вышлемъ на него богатыря Соколова. Открытія Московскихъ газетчиковъ въ области Русской литературы были и для меня совершенно новыми; постараюсь познакомиться съ симъ любопытнымъ незнакомцемъ, съ помощію Украинскаго Вѣстника и Трудовъ Казанскаго Общества Любителей Отечественной словесности, коихъ 1-ю часть сей часъ получаю. Какъ удивится Шильдъ сосѣдству соученика моего Кириченки-Остромова! Вчера и мы были въ торжественномъ собраніи Академіи Художествъ. Президентъ прочелъ отчетъ о занятіяхъ не столько самой Академіи, сколько правленія оной; сопутствовалъ оставляющихъ Академію воспитанниковъ добрыми совѣтами. Профессоръ Щедринъ, на основаніи статутовъ, избранъ другимъ ректоромъ, ибо Мартосъ остается. Нѣкоторыхъ произвели въ академики; а ученикамъ розданы золотыя и серебренныя медали; но золотыя только изъ втораго разряда, ибо къ первому Академія никого не нашла достойнымъ. Въ заключеніе былъ прекрасный завтракъ, послѣ коего мы пошли въ натуральный классъ, гдѣ видѣли человѣчество во всей наготѣ его. Выставка была не самая блистательная. Живописецъ Московскій Аргуновъ написалъ намъ сенатора Рунича и выбранъ за то въ академики. Примѣчательно то, что графа Дмитрія Ив. ([11]) не было въ семъ собраніи. Скажите Василью Львовичу, что кн. Вяземскій почти еженедѣльно вспоминаетъ объ немъ въ письмахъ его ко мнѣ съ самою нѣжною заботливостію. Первою свободною минутою воспользуюсь, чтобы передать ему и свои и его чувства.

5.

М. Г. Иванъ Ивановичъ. Я имѣлъ честь получить вчера письмо вашего высокопревосходительства отъ 25 апрѣля и жалѣю, что Сынъ Отечества не могъ еще порадовать васъ прозою Вяземскаго. Цензура, т. е. грозный Яценко вооружился противъ Вольтера, котораго не бранитъ Вяземскій за терпи-

([8]) Эта статья кн. Петра Андреевича Вяземскаго напечатана, безъ его подписи въ *Сынъ Отечества* 1818, № 49, ч. 50, стр. 166-173. *С. П.*

([9]) Рѣчь Н. М. Карамзина, читанная въ засѣданіи Росс. Академіи 5 Дек. 1818, напечатана въ *Сынъ Отечества*, 1819, № 1, ч. 51, стр. 3—22. См. Письма Карамзина къ Дмитріеву Спб. 1866, стр 250 252. *С. П.*

([10]) ?

([11]) Хвостова.

мость, похваляя Русское правительство за сію коренную добродѣтель его. Дѣло пошло на разсмотрѣніе высшаго начальства. Не знаю еще, чѣмъ кончится, и одержитъ ли побѣду здравый разсудокъ надъ мнѣніемъ цензора. Будемъ надѣяться. Но между тѣмъ Вяземскій скоро, можетъ быть, заслужитъ другимъ опытомъ лестное одобреніе ваше. Вы первый объ ономъ узнаете, разумѣется, однакоже послѣ меня, литературнаго лазутчика. Братъ Николай пріемлетъ съ чувствительною признательностію участіе ваше въ намѣреніи его издавать журналъ. Вѣроятно оно состоится въ исполненіи, ибо много уже матеріаловъ заготовлено, и онъ обыкновенно преслѣдуетъ свои предпріятія. Но сотрудники еще весьма зелены, исключая молодаго Муравьева ([12]), который подаетъ прекрасную надежду. Я опасаюсь однакоже, чтобы новое мѣсто брата Николая не заняло всей его дѣятельности. Онъ сдѣланъ управляющимъ III отдѣленіемъ Министерства Финансовъ, которое давно желало имѣть его, но братъ долго не соглашался вступать снова въ оное и убѣжденъ былъ только счастливымъ негоціяторомъ, графомъ Нессельроде и благороднымъ характеромъ министра. Онъ съ нимъ будетъ въ непосредственныхъ сношеніяхъ. Часть сія дѣлается теперь весьма важною; ибо къ ней относятся всѣ кредитныя установленія, банки, сношенія по займамъ и по переводамъ суммъ въ чужихъ краяхъ и долги внутренніе. Занимавшій сіе мѣсто д. с. с. Жерве уволенъ отъ онаго съ позволеніемъ ѣхать въ чужіе краи и съ сохраненіемъ всѣхъ окладовъ. Другой награды не желалъ бы за службу; жаль, если надобно для полученія оной потерять прежде здоровье. Братъ остается и въ Совѣтѣ, но оставляетъ Коммисію Законовъ. Вы справедливо укоряете меня въ нечитаніи Русскихъ журналовъ; но справедливо ли и не жестоко ль самое требованіе ваше? Принужденный по обстоятельствамъ читать и слушать такъ называемыя государственныя пренія ([13]), я вяну умомъ и душею и рѣдко, весьма рѣдко, освѣжаю умственныя силы мои чтеніемъ изящнаго, и то бываетъ урывками, безъ плана, безъ постояннаго направленія къ одному предмету. Что же будетъ, если вмѣсто того, чтобы въ часы безмятежнаго досуга, въ забвеніи утреннихъ занятій, читать Минерву ([14]), я стану возмущать желчь свою азіатскимъ Вѣстникомъ ([15]). Избѣгая надзора за журналомъ, котораго вы мнѣ желаете, я лучше пойду въ квартальные надзиратели. Тамъ я имѣю бутошниковъ и Городовое Положеніе, а Уставъ о цензурѣ, прекрасный памятникъ перваго пятилѣтія государствованія Александра, давно разрушенъ, если не закономъ, то силою и духомъ времени, къ которому сила обыкновенно прибѣгаетъ для извиненія дѣйствій своихъ. Нѣтъ, я готовъ приносить себя на жертву тамъ, гдѣ требуетъ сего польза пріятелей или общественная; но желаю оставаться эгоистомъ по части просвѣщенія и дѣйствовать только въ такихъ случаяхъ, когда, безъ насилія своимъ правиламъ, позволяется мнѣ участвовать въ общей мѣрѣ; а раздѣлять мелкія состязанія мелкихъ умовъ не хочу, сберегая малый мой капиталъ на лучшее, благороднѣйшее употребленіе. Если бъ я одаренъ былъ

([12]) Никиты Михаиловича?

([13]) Кромѣ мѣста своего въ министерствѣ духовныхъ дѣлъ, А. И. Тургеневъ исправлялъ еще должность статсъ-секретаря въ государственномъ совѣтѣ, въ департаментѣ законовъ.

([14]) Французскій политическій журналъ оппозиціоннаго направленія.

([15]) Т. е. Вѣстникомъ Европы.

талантомъ, то званіе писателя имѣло бы для меня величайшую прелесть, но и тогда не унизился бы я до журналиста мелкой литературы; а развѣ участвовалъ бы только въ такомъ изданіи, котораго цѣль благо политическое и высшая нравственность, поспѣшествованію которой можетъ много содѣйствовать и поэзія, и вся изящная, высшая словесность. Теперь же избираю лучшихъ и умнѣйшихъ между современниками, и, читая мертвыхъ, стараюсь не прерывать бесѣды съ первыми; заслуживать любовь ихъ любовію всего изящнаго въ нихъ ([16]). Я не теряю однако жъ надежды обратить на себя и ихъ вниманіе; но для этаго нужно время и исполненіе тѣхъ надеждъ, которыя теперь уже прельщаютъ мое воображеніе. Къ стати о воображеніи: я получилъ недавно прелестное письмо отъ нашего Батюшкова изъ Неаполя. По всему видно, что онъ въ полномъ наслажденіи. Наблюденія и замѣчанія его описаны въ прекрасномъ слогѣ. Онъ точно имѣетъ умъ наблюдательный, который возвышается его воображеніемъ. Любовь къ отдаленному отечеству заставляетъ его иногда мечтать о немъ, и не безъ пользы для силы чувства. Онъ получилъ письмо отъ Дашкова ([17]), который также вздыхаетъ по отечествѣ. Батюшковъ уже встрѣтилъ давно весну. Она тамъ въ полномъ цвѣтѣ: миндалевое дерево покрыто цвѣтами, розы уже отцвѣтаютъ, а зрѣлые апельсины падаютъ на землю. Желая, по возможности, утѣшить себя, я поѣду на биржу. И тамъ лежатъ уже апельсины, но только не на землѣ, благоухающей цвѣтами. Батюшковъ проситъ произведеній Русской словесности, но что мнѣ послать ему? Молодой Пушкинъ еще въ рукописи, а Жуковскій весь въ грамматикѣ. На одного Вяземскаго вся моя надежда на сей разъ. О Сѣверинѣ я уже писалъ къ вамъ. Стурдза выѣхалъ изъ Варшавы, гдѣ стерегла его полиція отъ замысловъ какихъ то студентовъ, товарищей Занда. Фанатикъ сей живъ еще, страдаетъ отъ раны и операціи и не показываетъ раскаянія въ преступленіи. Я сію минуту получилъ о немъ извѣстіе изъ Германіи. Противъ воли оканчиваю бесѣду съ вами, въ которой безпрерывно былъ прерываемъ. Примите увѣреніе въ душевномъ почтеніи и пр.

6 Мая (1819)

6.

7 Августа 1819.

М. Г. Иванъ Ивановичъ. Я имѣлъ честь получить письмо вашего высокопревосходительства отъ 30 Іюля и просилъ исполнить порученіе ваше къ А. П. Козодавлевой кн. Александра Николаевича, при удобномъ случаѣ. Онъ отправился сего дня къ ней на дачу обѣдать. Здѣсь ни одного изъ вашихъ кандидатовъ не назначаютъ преемникомъ усопшему ([18]); но часто Московскія предчувствія вѣрнѣе. Порученіе о вашемъ портретѣ скажу завтра Николаю Михайловичу, хотя и удивляюсь, что вы такъ довольны грознымъ изображеніемъ исторіографа. Онъ и самъ и даже Кат. Андр. довольны портретомъ, но я нахожу въ немъ черты Ивана Васильевича во второй ужасной эпохѣ его жизни. Исторіографъ грозитъ намъ, кажется, вторымъ пришествіемъ любимаго своего героя. Но конечно работы Ут-

([16]) Въ этихъ словахъ все высокое общественное значеніе А. И. Тургенева.

([17]) Изъ Царьграда, гдѣ Д. В. Дашковъ находился совѣтникомъ посольства.

([18]) Т. е. О. П. Козодавлеву, умершему министр. внутреннихъ дѣлъ; мѣсто его заступилъ гр. В. П. Кочубей, вновь занявшій эту должность, изъ которой вышелъ въ 1807 г. А П. Козодавлева, ур. кн. Голицына была внучатною сестрою кн. А. Н. Голицына.

кина сравнить нельзя съ лубочными произведеніями другихъ художниковъ. — Пушкина ([19]) здѣсь нѣтъ; онъ въ деревнѣ на все лѣто и отдыхаетъ отъ Парнасскихъ своихъ подвиговъ. Поэма у него почти вся въ головѣ. Есть, вѣроятно, и на бумагѣ, но врядъ ли для чтенія. Я сообщу ему ваше желаніе. Между тѣмъ посылаю послѣднее произведеніе Варшавскаго поэта, писанное на Краковской площади:

Куда бѣжитъ народъ нетерпѣливый?
Стѣснились улицы кругомъ;
Восторга гласъ краснорѣчивый,
Веселыхъ плесковъ грянулъ громъ.
Кого земля въ сей день вѣнчаетъ торжествомъ,
Какой герой на бранной колесницѣ
Является въ вѣнкѣ признательной столицѣ?
Какой защитникъ правъ народныхъ предъ царемъ
Идетъ, сопровожденъ усердною молвою?
Какой мудрецъ, свой край прославившій собою,
Съ согражданъ заживо сбираетъ дань труда?—
Медвѣдь, управленный корыстною рукою,
Вертится на дыбахъ, подъ палкою Жида.
Народъ! Вотъ почестей твоихъ образчикъ славный,
Народъ! всѣхъ дѣлъ людскихъ и цѣль и судія,
То деспотъ съ палицей, то съ куклою дитя!
Все пища для твоей забавы своенравной.
Великій мужъ, со злобою въ борьбѣ,
Позорный блескъ счастливаго разврата,
Медвѣжья пляска, казнь Сократа,
Равно есть зрѣлище, потѣшное тебѣ.
А ты тщеславья рабъ, за славою гоняйся
И, послѣ утомясь въ мучительной гоньбѣ,
Соперничества ты съ медвѣдемъ добивайся!

Завтра въ 4 часа утра отправляюсь въ Ц. Село и въ Павловскъ къ молебствію и пробуду три дни въ любезномъ обществѣ; въ 10 часовъ будетъ литургія и молебствіе, всѣмъ Св. Синодомъ совершаемое. Рескриптъ государыни императрицы Маріи Ѳеодоровны о рожденіи великой княжны Маріи къ князю А. Н. Голицину увидите въ Сѣверной Почтѣ.

([19]) Молодаго Александра Сергѣевича.

7.

6 Генваря (1820).

М. Г. Иванъ Ивановичъ. Приношу искреннюю благодарность мою за письмецо ваше отъ 28 Декабря. Постараюсь отыскать и запрещенную піесу Вяземскаго и вамъ доставить; но съ нетерпѣніемъ ожидаю вашего мнѣнія о его стихахъ, особливо о *Первомъ Снѣгѣ* и объ *Унынiи* ([20]). Послѣднее называетъ онъ *бытіемъ своего сердца*; ибо мысли и чувства черпалъ оттуда; но самъ не весьма доволенъ стихосложеніемъ. Вчера я получилъ отъ него только одну старую эпитафію, написанную по случаю извѣстія о мнимой смерти Давыдова. Вотъ она:

Жизнь ночь, а смерть есть день; иль ночь могилы сѣнь,
А жизнь есть день для насъ; но къ цѣли безопасной
Равно вести должна послѣдняя ступень.
Прохожій, гость земли! Отвергни страхъ напрасной,
Иль по бурномъ днѣ насъ сонъ постигнетъ ясной,
Иль бурной ночи въ слѣдъ проглянетъ ясный день.

Отрывокъ Ник. Мих., который онъ прочитаетъ послѣ завтра въ Р. Академіи, не напечатается въ книжкѣ Академической; а стихи Жуковскаго я пришлю къ вамъ, если и они не будутъ напечатаны, чего однакожъ не думаю. Академія взялась за умъ, и вы услышите благую вѣсть о семъ засѣданіи. Вчера былъ для меня счастливый день: вмѣстѣ съ письмомъ вашимъ получилъ я изъ Неаполя отъ Батюшкова, изъ Парижа отъ брата и кн. Гагарина, изъ Варшавы отъ Вяземскаго и даже изъ Иркутска отъ Сперанскаго, любопытныя письма, каждое въ своемъ родѣ. Первый далъ наконецъ знакъ жизни и описалъ мнѣ образъ ея, а вмѣстѣ съ тѣмъ и свои занятія. Ничто ему не чуждо. Онъ отвѣчаетъ мнѣ на нѣкоторые вопросы,

([20]) См. Сынъ Отеч. 1820, ч. 60, стр. 265.

по части наукъ политическихъ и юридическихъ, и въ то же время увѣдомляетъ, что теперь въ сѣверной Италіи пишутъ болѣе и подражаютъ Нѣмцамъ. Меланхолія и романтическій вкусъ начинаютъ нравиться внукамъ Аріоста. Старики гнѣваются, и Академія Круска старается всѣми силами выгонять новыя слова и выраженія, кои вторгаются въ святилище языка Тосканскаго. Но талантовъ, какъ увѣряетъ Батюшковъ, мало. Монти старѣется. Итальянцы переводятъ поэмы Байрона и читаютъ ихъ съ жадностію; слѣдовательно тоже явленіе, что и у насъ на Невѣ, гдѣ Жуковскій дремлетъ надъ Байрономъ, и на Вислѣ, гдѣ Вяземскій бредитъ о Байронѣ. Но Итальянцы имѣютъ болѣе права восхищаться имъ: Байронъ говоритъ имъ о ихъ славѣ языкомъ страсти и поэзіи. Въ самомъ дѣлѣ, мечтанія его надъ Римскими развалинами прелестны, и я бы взялъ только одни стихи его въ Римъ съ собою, и развѣ еще письмо Шатобріяна. Къ стати о немъ: изъ Парижа одна дама (граф. Разумовская) шлетъ мнѣ нѣкоторыя литературныя новости. Письмо ея заставляетъ меня ожидать ихъ съ живымъ нетерпѣніемъ. Пріѣздъ брата (который 3 числа сего мѣсяца опредѣленъ совѣтникомъ въ Царь-градъ) обогатитъ меня французскою словесностію, но вся его библіотека, довольно богатая, придетъ ко мнѣ не прежде весны, моремъ. Мы ожидаемъ сюда новаго сенатора а съ нимъ и стараго поэта (21). Сердца и объятія наши ему отверсты. Онъ найдетъ насъ неизмѣнными Арзамасцами и по привязанности къ нему и по лѣни нашей. Покровитель А. Ѳ. Малиновскаго (22) очень старѣетъ и хилѣетъ. Я видѣлъ его вчера. Угасающая съ часу на часъ жизнь его тетки А. Н. Нарышкиной (23), сильно на него дѣйствуетъ, но онъ сохраняетъ необыкновенную твердость духа въ своемъ положеніи, которое отдаляетъ его отъ общества.

8.

9 Генваря (1820)

М. г. Иванъ Ивановичъ. Не смотря на недосугъ мой, поспѣшаю увѣдомить васъ о вчерашнемъ засѣданіи Академіи: оно было точно торжествомъ истиннаго таланта и прекрасной дѣятельности. Послѣ рѣчи президента (24), который старался намъ доказать преимущество академическихъ трудовъ предъ частными авторскими занятіями, маленькій секретать Академіи (25) прочелъ исторію оной прошедшаго года; потомъ Гнѣдичъ, хотя и нѣсколько гробовымъ голосомъ, но весьма ясно и съ чувствомъ читалъ стихи Жуковскаго; за нимъ снова Соколовъ—переводъ изъ Тита-Ливія о Регулѣ, и наконецъ Исторіографъ, въ нѣсколькихъ словахъ объяснивъ намъ точку, съ которой начиналось чтеніе Исторіи Ивана Васильевича, приводилъ слушателей попеременно то въ ужасъ, то въ восхищеніе. Невольнымъ и неизъяснимымъ образомъ при нѣкоторыхъ мѣстахъ слушатели взглядывали другъ на друга, и дѣлался какой-то шумъ одобренія; а повѣствованіе объ Адашевѣ, Филиппѣ и отвѣтъ гр. Шереметева тирану тронули многихъ до слезъ. Дѣйствіе чтенія было магическое, и надъ кѣмъ же? Даже надъ тѣми, коихъ долговременное отсутствіе изъ Россіи, казалось, охладило ко всему тому, отъ чего бьется и трепещетъ

(21) Алексѣя Ѳедоровича Малиновскаго и В. А. Пушкина?

(22) Канцлеръ гр Н. П. Румянцовъ.

(23) Жена его роднаго дяди, Анна Никитична Нарышкина, урожд. кн. Трубецкая.

(25) П. И. Соколовъ.

(24) А. С. Шишкова См Письма Карамзина къ Дмитріеву, стр. 0129.

Русское сердце: князь Разумовскій слушалъ съ Арзамасскимъ вниманіемъ, и у всѣхъ было одно чувство. Исторіографъ пощадилъ оное и остановился на самыхъ ужасныхъ злодѣйствахъ великаго тирана. Первымъ движеніемъ, по окончаніи чтенія, было всеобщее рукоплесканіе. Затѣмъ послѣдовало предложеніе президента о поднесеніи отъ имени Академіи большой золотой медали исторіографу. Министръ Дух. Д. и Народ. просвѣщенія ([26]) яко членъ Академіи, первый подписалъ оное, потомъ и другіе. На эту минуту Н. М. удалился въ другую комнату. Духовенство съ искреннимъ чувствомъ благодарило его за Филиппа, честь и славу Россійскихъ іерарховъ. Замѣчательно что весь 1-й департаментъ Сената, сбирающійся обыкновенно въ 12 часовъ въ присутствіе, собрался на этотъ разъ въ 9 часовъ утра, чтобъ въ 12 быть въ Академіи. Собраніе было многочисленное, и зала едва вмѣщала посѣтителей. Наканунѣ академическаго торжества былъ я въ минералогическомъ обществѣ, гдѣ сидѣлъ цѣлый часъ и ничего не слыхалъ о минералогіи; ибо президентъ бар. Фиттенгофъ читалъ похвальное слово *великому* Козодавлеву на французскомъ языкѣ, а секретарь общества изчислялъ переписку свою съ заграничными и здѣшними членами. Я потерялъ терпѣніе и вышелъ изъ собранія. Провидѣніе явно мнѣ благопріятствовало, ибо вскорѣ потомъ прочтено посланіе гр. Хвостова къ Ломоносову о рудословіи. Вы конечно уже имѣете и оригиналъ и переводъ гр. Салтыкова.

9.

Письмо вашего высокопревосходительства получилъ вчера и послалъ уже за второй книжкой Академическаго собранія для доставленія оной къ вамъ. Я не зналъ о ея появленіи. Найденную здѣсь французскую книгу также пришлю. Письмо ваше къ Сѣверину доставлено ему въ свое время исправно. Онъ теперь въ деревнѣ у Стурдзы, а потомъ поѣдетъ въ Варшаву. Еще не извѣстно, здѣсь ли онъ останется или получитъ назначеніе въ чужихъ краяхъ. Къ счастію матушка и сама получила отъ Сергѣя извѣстіе изъ Царя-Града и успокоилась. Теперь и кн. Долгорукій ([27]) уже отъискался. На сихъ дняхъ явится въ свѣтъ поэма молодаго Пушкина. Не смѣю послать вамъ ее; ибо вы, какъ слышу, осудили ее, по отрывкамъ, почти на ничтожество. Но порадуюсь вашимъ отзывомъ о Бородинской ночи Павловскаго лунатика ([28]), который и самъ обрадовался воскресшему въ немъ Генію. Кстати объ отчетахъ: я, кажется, освободилъ себя на сей годъ и вѣроятно на всѣ будущія отъ представленія отчета въ библ. общества, и черезъ недѣлю будутъ ораторствовать мои два товарища. Слышали ли о произшествіи въ Неаполѣ? Одинъ баталіонъ рѣшилъ участь государства, и военная сила, которая доселѣ была всегда орудіемъ единовластія, дѣлается въ другой разъ виновницею конституціоннаго правленія. Вѣроятно и въ Сардиніи примѣръ сей не останется безъ подражанія. Въ Ав-

---

([26]) Начальникъ Тургенева, кн. А. Н. Голицынъ.

([27]) Кн. Дмитрій Ивановичъ Долгорукій, нынѣ сенаторъ въ Москвѣ, бывшій тогда однимъ изъ чиновниковъ Цареградскаго нашего посольства, а впослѣдствіи по случаю возникшихъ тогда непріятностей съ Турціею, корабль, на которомъ ѣхалъ въ Царьградъ кн. Д. И. Долгорукій, достигъ Босфора послѣ долгихъ выжиданій. нашимъ посланникомъ въ Персіи.

([28]) Отчетъ о Лунѣ, извѣстное стихотвореніе В. А. Жуковскаго, напис. въ Іюнѣ 1820.

стрійской Италіи Босняки и Сербы, вѣроятно, не захотятъ быть Квирогами. Но давно уже новѣйшая исторія избрала своимъ эпиграфомъ два стиха Шиллера:

„И границы всѣхъ земель измѣняются,
„И старыя формы разрушаются".

Посылаю вамъ привѣтствіе государю Тверскаго архипастыря Филарета.

23 Іюля 1820. С П.бургъ.

10

С.-П.-бургъ, Августа 24-го 1820.

Сейчасъ имѣлъ честь получить письмо вашего высокопревосходительства отъ 18 Августа и спѣшу увѣдомить васъ, что по извѣстіямъ, которыя я имѣлъ дни два тому назадъ, Николаю Михайловичу и дочери его гораздо лучше, и они почти совершенно выздоровѣли. Царскосельская почта еще не пришла сего дня. Надежды и желанія ваши сообщу Жуковскому и Воейкову. Вчера обѣдалъ у новорожденнаго, которому минуло 90 лѣтъ—митрополита Сестренцевича. Наканунѣ былъ онъ въ Экономическомъ Обществѣ и принимаетъ по сю пору живое участіе въ садахъ и въ Исторіи, слѣдовательно въ природѣ и человѣчествѣ. Изъ Варшавы мы еще не имѣемъ никакого извѣстія; слышно только, что наши дипломаты выписываютъ отсюда въ Краковъ двухъ или трехъ писцовъ.

Поэтъ Пушкинъ на Кавказѣ.

По приказанію вашему поспѣшаю увѣдомить васъ, что Николай Михайловичь почти совсѣмъ выздоровѣлъ, и вчера получилъ я отъ него письмо, первое, писанное больною рукою. Вотъ извѣстія о Парижѣ, чрезъ Варшаву полученныя (сюда также пріѣхалъ курьеръ французской). „Въ Парижѣ открытъ заговоръ противъ королевской фамиліи. Правительство уже съ нѣкотораго времени о немъ знало и хотѣло ему дать созрѣть, чтобы нанесть ударъ рѣшительный и полный! Парижскія войска въ немъ участвовали, даже частію и королевская гвардія. Ночью захватили 32-хъ заговорщиковъ, которые пришли въ казармы и хотѣли весть полки овладѣть замкомъ, а оттуда Тюльерійскимъ дворцомъ, все перерѣзать и провозгласить сына Наполеона, а Евгенія Богарне правителемъ. Впрочемъ по отъѣздѣ курьера, который пріѣхалъ въ Варшаву въ 8-й день, все уже было въ Парижѣ покойно". Крейтонъ, по желанію государыни Маріи Ѳедоровны пріѣхавшій изъ Парижа сюда, привезъ мнѣ двѣ запрещенныя тамъ книги, изъ коихъ одна: Portraits pittoresques des députés, сего года, забавляетъ меня чрезвычайно. Есть описанія прелестныя и анекдоты любопытные. Кологривовъ, который долго жилъ въ Парижѣ, многія лица вспомнилъ по портретамъ. Другая Les deux cloches, исполнена политическихъ распрей. Сейчасъ выгрузилъ ящикъ съ новыми Парижскими книгами, но къ сожалѣнію, кажется, не мнѣ принадлежащими, а кн. Сергѣю Ив. Гагарину.

Франкъ вашъ, что у меня въ департаментѣ, произведенъ въ столоначальники, и слѣдовательно получилъ 500 р. прибавки къ жалованью.

11

7 Октября (1820).

Письмо вашего высокопревосходительства отъ 1 Сент. получилъ и спѣшу увѣдомить васъ, что на дняхъ вы должны получить или уже теперь, можетъ быть, и получили письмо и книгу въ двухъ частяхъ отъ кн. Вяземскаго, чрезъ Н. М. Карамзина, которому, кажется, она доставлена была для прочтенія. — Въ концѣ прошедшей недѣли я навѣщалъ исторіографа и въ доказательство его выздоровленія скажу только, что онъ обѣдалъ въ Павловскомъ; возвращаться сюда еще не

скоро намѣренъ. Назначенныя вами книги выпишу чрезъ кн. Вяз.; но та, которую онъ къ вамъ посылаетъ, любопытнѣе всѣхъ другихъ въ семъ родѣ, по мнѣнію Ник. Мих. — Если онъ не прислалъ еще къ вамъ: Mémoires pour servir à l'histoire de France en 1815—1820, то я напишу къ нему о доставленіи; ибо по словамъ брата, который читалъ ее, вѣроятно, что самъ Наполеонъ составлялъ ее. Въ предисловіи сказано, что ее хотѣли назвать продолженіемъ: du Manuscrit de S-te Hélène.

И здѣсь вышла примѣчательная новость. Это *Урывки времени, соч. г. Козлянинова*, усерднаго члена Англійскаго нашего клоба. Онъ увѣряетъ, что онъ писалъ стихами и что въ критико-философическомъ словарѣ его много глубокомыслія. Вотъ нѣкоторые примѣры:

Восторгъ, прыжокъ лжи и лести.

Желанія, коклюшки, коими плетутъ кружева жизни.

Краснорѣчіе—опухоль здраваго смысла.

Но нѣкоторыя есть и не безъ смысла; напр.

Балъ: подрывъ свахамъ.

Авторъ пишетъ для того, чтобы обѣдать въ клобѣ, и члены онаго самые усердные его читатели. Я посылаю сегодня книгу его къ Батюшкову и даю ему краткій отчетъ въ пріятеляхъ его и въ словесности; ибо вижу, что другіе, которые лучше моего могли бы это сдѣлать, единаго мя оставили служить отсутствующимъ! И подъ Неапольскимъ небомъ можетъ быть грустно по отечествѣ, а вдали и смрадъ отечества пріятенъ. Вотъ почему я и рѣшился послать Козлянинова и послалъ бы даже Графово новое произведеніе. — Читали ли вы письмо Блудова къ Гречу въ послѣднемъ № С.-Отеч. объ эпитафіи Батюшкова. Виноватъ Воейковъ. Виноватъ онъ и предъ Пушкинымъ. Что за разборъ поэмы! Доказываетъ, что она шуточная, а не библейская. Да кто же въ этомъ сомнѣвался? — Братъ Сергѣй изъ Царьграда просилъ Батюшкова сочинить другую эпитафію матери того младенца, Малышевой, милой женщинѣ, о которой знавшіе ее вспоминаютъ со слезами. Я бы напечаталъ письмо брата о ея характерѣ, если бы братство не принуждало меня къ скромности. Изъ Варшавы нѣтъ еще ничего новаго примѣчательнаго. Простите, что заболтался. Если прикажите, то впредъ не буду, а если промолчите, то приму за разрѣшеніе въ празднословіи. При свиданіи поблагодарите милую Елену Григорьевну Пушкину за письмо ко мнѣ и къ брату въ Царьградъ. Послѣднее опоздало часомъ; но пошлется, въ утѣшеніе слезъ его, съ слѣдующимъ курьеромъ.

12.

4 Февраля (1821)

М. г. Иванъ Ивановичъ. Приношу чувствительнѣйшую благодарность за участіе, пріемлемое въ моей болѣзни. Вотъ уже 3-й мѣсяцъ, какъ я затворникомъ и смотрю на Божій свѣтъ только въ окно. Начиналъ выѣзжать; но хирагра въ лѣвой рукѣ въ первый разъ напомнила мнѣ, что я уже не прежній я, цвѣтущей жизни полный. — Реманъ, самъ страждущій, борется съ моими тремя недугами и кажется, начинаетъ преодолѣвать ихъ. Скоро надѣюсь справиться и снова войду въ кругъ моихъ пріятелей, которые не оставляли меня одного съ мрачными мыслями, съ коими врядъ ли не въ первый разъ познакомился. Прошу васъ не говорить о семъ матушкѣ. Она ничего не знаетъ о моей болѣзни. Впрочемъ все къ лучшему, я имѣлъ время надуматься, прочесть со вниманіемъ многое, что̀ прежде читалъ въ разсѣяніи свѣта. Если глумленія Мо-

сковскихъ пачкуновъ выживутъ васъ наконецъ изъ Москвы, то я опять скажу: все къ лучшему, ибо конечно увидимъ васъ тогда въ Петербургѣ. Ожидаю съ нетерпѣніемъ В. Европы, а между тѣмъ завтра сбираюсь, если Ремавъ позволитъ, въ Рос. Академію, гдѣ почтенный исторіографъ огласитъ насъ словомъ истины о тиранѣ, лучшее и самое краснорѣчивое опровержение всѣхъ Вѣстниковъ ([29])—Вы говорите о воспитаніи: прочтите Казанскія инструкціи. Я такъ полонъ негодованіемъ къ тому что̀ происходитъ, и мыслями о томъ, что̀ могло бы быть, что въ одномъ только оптимизмѣ долженъ искать утѣшенія. Вмѣстѣ съ отрывкомъ изъ Рос. Ист. въ Академіи будутъ читать только переводы. Утѣшаться ли тѣмъ, что и во Французской Академіи двухъ переводчиковъ за однѣ переводы, Делиля и Сегюра, предлагали въ члены? Но по первому предложенію и переводчику Георгикъ тамъ отказали въ стулѣ, а Исторіи Карла Vго и подавно. — При свиданіи прочту я вамъ новое произведеніе Варшавскаго поэта которое, по моему мнѣнію, въ силѣ мысли, чувствъ и выраженій превосходитъ все его прежнее въ семъ родѣ. Ежедневно ожидаютъ разрѣшенія отъ бремени Екат. Андревны. О возвращеніи Государя ничего не слышно. Прежде апрѣля я не полагаю сего возможнымъ. —Желаю слышать о блистательныхъ подвигахъ Вас. Льв. на сценѣ міра и домашнихъ театровъ. Между тѣмъ племянникъ его невинно исключенъ изъ Пансіона ([30]), а другой написалъ другую поэму, но пріятелей своихъ забылъ.

Perdu pour ses amis, il vit pour l'univers:
Nous pleurons son sort, en repetant ses vers.

можно сказать и о Батюшковѣ: онъ, тоже по послѣднимъ извѣстіямъ, не выздоравливаетъ и въ Неаполѣ.

13.

М. Г. Иванъ Ивановичъ. Сію минуту получилъ письмо вашего высокопревосходительства и надѣюсь, что кн. Вяземскій, по одолженію своему, скоро доставитъ вамъ брошюру подъ заглавіемъ: Histoire de la fille d'un Roi. Прекрасная аллегорія о французской конституціи. Въ ней можно угадать разныя лица, о которыхъ намекаетъ авторъ, и сочиненія или дѣйствія коихъ имѣли вліяніе на участь конституціоннаго порядка во Франціи. Я получилъ еще и другія новости изъ Франціи, но не слишкомъ замѣчательныя.

Мнѣ самому, по старой памяти, стало жаль старика Хераскова, но не надѣюсь убаюкать авторское самолюбіе, ибо это лучшій стихъ во всей піесѣ ([31]). Новыхъ писачекъ скорѣе старыхъ забудутъ. Вреда большаго они принесть не могутъ. Менѣе ли экземпляровъ разойдется исторіи Карамзина въ имперіи отъ сборника Каченовскаго? Воейковъ, кажется, готовитъ отвѣтъ: пусть воюютъ крохоборы за свои крохи. По замѣчаніямъ кн. Вяземскаго, К. точно каплунъ въ словесности. Какъ силился онъ уязвить и автора и издателя! И

([29]) Мы не знаемъ, читалъ ли Карамзинъ въ Россійской Академіи и въ этомъ году, какъ въ предшествовавшемъ и 1823: по крайней мѣрѣ о томъ ничего не говорится въ письмахъ его къ Дмитріеву. Это же письмо А. И. Тургенева писано несомнѣнно въ 1821 году (Слич. письмо Карамзина къ Дмитріеву, отъ 25 генв. 1821, въ академическомъ изданіи. № 265).

([30]) Левъ Сергѣевичъ Пушкинъ въ генварѣ 1821 г. принужденъ былъ оставить благородный Пансіонъ при Педагогическомъ институтѣ.

([31]) Кажется рѣчь идетъ о стихѣ кн. П. А. Вяземскаго: „Державинъ рвется въ стихъ, а втащится Херасковъ".

только былъ въ силахъ выставить тупое жало, а водяный ядъ вылился на него самаго. Вяземской сердится на меня, что я не послалъ къ вамъ его предпослѣдней пьесы: *Негодованіе*, но я сдѣлалъ сіе изъ осторожности. При удобномъ случаѣ доставлю. Поблагодарите добраго Пушкина за письмо; отвѣчать теперь не имѣю времени. Болѣзнь моя проходитъ, но слѣды ея могутъ продолжиться. Къ счастію, я могу уже выѣзжать, и въ понедѣльникъ въ первый разъ буду въ Совѣтѣ. Вотъ доказательства, что Московскіе слухи, и до васъ дошедшіе, несправедливы; впрочемъ: Fais ce que dois, advienne ce qui pourra. Вчера видѣлъ Екатерину Андреевну. На сихъ дня крестилъ новорожденную кн. А. П. Оболенскій и Е. Ѳ. Муравьева. Государя ожидаютъ прежде св. недѣли. — Съ совершеннымъ почтеніемъ и пр.

12 апрѣля 1821.

14.

13 Мая (1821).

Препровождаю къ вашему высокопревосходительству переводъ изъ Лалла-Рукъ Жуковскаго. Вы увидите тоже и въ первомъ № Сына Отечества; Вяземскому не посылаю, чтобы заманить его скорѣе сюда. Дашкова оставилъ баронъ Строгановъ въ Царѣ-Градѣ на время смутныхъ обстоятельствъ. Я скрываю страхъ свой за брата отъ матушки; но самъ не имѣю минуты покойной. Мы ожидаемъ Государя къ 17-му, хотя, по увѣдомленію его, время пріѣзда не вѣрно; но Государыня начинаетъ ждать съ 16-го. Бар. Штакельбергъ посылается съ великолѣпной свитой посломъ въ Лондонъ съ поздравленіемъ (³²); при немъ будутъ флигель-адъютанты и иные дипломаты. Пушкинъ написалъ другую поэму: Кавказскій Плѣнникъ; но въ поведеніи не исправился: хочетъ непремѣнно не однимъ талантомъ походить на Байрона. Съ совершеннымъ почтеніемъ и пр. и пр. Девятый томъ Исторіи посылается въ продажу.

(³²) По случаю возшествія на престолъ Георга IV-го.

15.

25 Мая (1821).

Чувствительно благодарю ваше высокопревосходительство за письмо отъ 17 Маія писанное. Поспѣшаю, по порученію Николая Михаиловича, препроводить IX томъ его исторіи. Къ достопримѣчательностямъ вѣка нашего принадлежитъ и то, что ценсура не позволила журналисту перепечатать статью объ опричныхъ. Я получилъ письмо отъ Сережи (³³) отъ 1 Маія. Дашковъ еще тамъ, но сбирается къ себѣ въ деревню; слѣдовательно вы прежде насъ его увидите. Вотъ выписка изъ письма брата моего, которую прошу не показывать матушкѣ. Вяземскихъ еще не видѣлъ, а завтра увижу ихъ здѣсь. Въ Ц. Село урваться еще не могъ, слѣдовательно и Василій Львовичь еще въ портфелѣ. Отвѣчать буду ему послѣ. Примите на себя трудъ доставить ему Пери. Вчера Государь обѣдалъ въ Гатчинѣ, а ночевалъ въ Ц. Селѣ. Вотъ и италіянская игрушка.

Выписка изъ писемъ С. И. Тургенева изъ Константинополя отъ 16 апрѣля и 1-го маія (1821).

Вы знаете уже конечно о происшествіяхъ, возмутившихъ нѣкоторыя Христіанскія владѣнія Порты. Они подали поводъ къ гоненіямъ ея противъ Грековъ; и какъ бунтовщики въ прокламаціяхъ своихъ говорили о низверженіи магометанства, то Турки кровожадное свое мщеніе обращаютъ осо-

(³³) Сергѣя Ивановича Тургенева, служившаго вмѣстѣ съ Дашковымъ при нашемъ посольствѣ въ Константинополѣ.

бенно на духовныхъ. Отрубивъ прежде головы драгоману Порты, князю Мурузи и другимъ знатнымъ фанарскимъ Грекамъ, Турки избрали день Свѣтлаго Христова Воскресенья, чтобы казнить патріарха Константинопольскаго и трехъ важнѣйшихъ митрополитовъ. Но чтобъ еще усилить жестокость ругательствомъ, они выбрали для нихъ родъ казни самой постыдной, предоставленной самымъ низкимъ преступникамъ, и который никогда не былъ употребляемъ противъ патріарховъ. Григорій, патріархъ Константинопольскій, больной, семидесятилѣтній старикъ, вообще всѣми почитаемой, былъ повѣшенъ вмѣстѣ съ тремя митрополитами, между обѣднею, которую онъ самъ служилъ, и вечернею, въ Христово Воскресенье, 10 Апрѣля. Во время казни и послѣ оной, курилъ возлѣ тѣлъ ихъ свою трубку верховный визирь въ продолженіи цѣлаго часа. Тѣла ихъ были выставлены до вторника Святой Недѣли, когда наконецъ приказало правительство снять ихъ Жидамъ, которые нѣсколько часовъ таскали по улицамъ, сопровождая эту варварскую церемонію криками, прыганьемъ, пѣснями; послѣ чего они тѣла нещастныхъ бросили въ море. Жидовъ тутъ было около двухъ тысячь.

Идучи на казнь, патріархъ встрѣтилъ нѣсколько Грековъ, просящихъ его благословенія. Не будучи въ состояніи поднять рукъ своихъ связанныхъ, онъ словесно благословилъ ихъ, укрѣплялъ ихъ въ терпѣніи и увѣщевалъ не покидать святой вѣры, за которую онъ шелъ на смерть мученика.

На его мѣсто тотчасъ же приказала Порта синоду выбрать Евгенія, архіепископа Писидійскаго, который принялъ свое назначеніе и вступилъ въ должность.

Кромѣ патріарха и митрополитовъ, казнено множество другихъ духовныхъ, столь же невинныхъ, какъ и они, между прочими одинъ Греческій священникъ 112-ти лѣтъ, и котораго старость была уже дѣтство, казненъ былъ за то, что забылъ отдать два пистолета, которые нашлись между его вещами, послѣ приказанія обезоружить всѣхъ Христіанъ, подданныхъ Порты.

О такихъ произшествіяхъ слышимъ мы безпрестанно. Они тѣмъ болѣе раздираютъ сердце, что мы ни помочь имъ, ни удалиться отъ нихъ не можемъ, ни даже получить какое либо развлеченіе отъ личной намъ опасности, ибо для насъ ея нѣтъ. Насъ не тревожатъ, и матеріально мы спокойны. Не знаю, чѣмъ все это кончится.

Въ Константинополѣ казни правительства и безпорядки народные продолжаются. Но вы можете быть на щетъ мой совершенно спокойны. У васъ разнесшіеся слухи вовсе несправедливы. Въ Мореѣ Греки дерутся съ Турками, но это отъ сюда далеко, и до насъ не дойдетъ.

На этихъ дняхъ Турецкіе студенты, Жиды и прочія канальи разграбили патріархію Константинопольскую. Нѣкоторыя Христіанскія церкви также были разорены, но не ограблены.

Мы скоро опять переѣзжаемъ въ Буюкъ-Дере.

16.

Вотъ выписка изъ письма брата изъ Царь-Града отъ 15 іюня, стараго стиля.

„Здѣсь время стоитъ прелестное и еще не жарко. Босфоръ и берега его во всей красотѣ природной; но опустѣли отъ гоненія и душегубства Турецкаго. Сады въ полномъ цвѣтѣ, но не кому пользоваться ихъ прохладою и ароматомъ цвѣтовъ. Домы заперты, окна выбиты. Въ домахъ еще скрываются жертвы варварства, бѣдные христіане, но набережныя и улицы пусты какъ въ Геркуланумѣ или Помпеѣ. По каналу еще ходятъ корабли, но они уже не товарами, а спасающимися семействами наполнены; и вмѣсто гуляющихъ по каналу шлюбокъ видны только разъѣжающіе Турецкіе караулы. Тишина царствуетъ, какъ на кладбищѣ."

Курьеръ поѣхалъ 16-го оттуда. Братъ, прочитавъ уже IX томъ Рос. Исторіи и Пери, далъ ихъ читать Дашкову. Такимъ образомъ повторяются предъ глазами ихъ ужасы нашего тирана. Я скрываю отъ матушки мое безпокойство; но положеніе брата не завидное. Онъ думаетъ не о себѣ, а объ общемъ дѣлѣ и пишетъ ко мнѣ: «Царства рушатся — до насъ ли?» Третьяго дни видѣлъ въ Ц. Селѣ Карамзиныхъ и Н. Я. Плюскову. Извините меня предъ Вас. Львов., не отвѣчаю ему: хлопотно.

17.

3 Марта 1825. С.-П.-бургъ.

Приношу искреннѣйшую благодарность за письмо отъ 24 Февраля. По-

кажу его сего дня и Карамзинымъ, ибо вчерашнее ваше письмо къ нимъ не упоминаетъ о болѣзни Вяземскаго, о которой вчера узнали они и вмѣстѣ о его выздоровленіи. Мы были въ мучительной неизвѣстности, съ которой можно сравнить только сладость вчерашней минуты, въ которую получилъ я два письма вдругъ о выздоровленіи друга. По представленію кн. Ю. новаго ничего еще нѣтъ, о г. Сонцовѣ просилъ и напоминаю при каждомъ свиданіи.—Пожалѣйте обо мнѣ, но не гнѣвайтесь: сего дня первою мыслію было желаніе послать вамъ, въ память выздоровленія Вяземскаго, портретъ Вольтера. Бросился искать его въ портфелѣ и не нашелъ его; ибо у меня его и не было; а въ числѣ шести: Лабрюйеръ, Корнель, Даламберъ, Мольеръ, Расинъ и Буало. Поѣду всюду искать Вольтера, того же изданія, и авось успѣхъ увѣнчаетъ мои поиски. Новопріѣжжій въ первый разъ видѣлъ государя третьяго дня и бесѣдовалъ долго; но я не былъ у него и безъ особеннаго приглашенія не поѣду. М. (34) удерживается оставленіемъ кроткаго Московскаго куратора (35) на прежнемъ мѣстѣ. Давыдовъ (36) имѣлъ уже послѣ сего аудіенцію, продолжавшуюся 2 часа съ $^1/_2$, у министра, и Логика его т. е. Дав. уже не столь опасна ни для него, ни для ввѣреннаго ему юношества. Въ главномъ правл. у. сильный перевѣсъ на сторонѣ здраваго разсудка, и даже Лаваль встрепенулся и почти либеральничаетъ. К. А. Б. Кур. сдѣланъ вице-президентомъ Совѣта на мѣсто гр. Кочубея, уволеннаго по его желанію отъ министерства и вице-президенства, и получившаго $\frac{16}{т.}$ пенсіи, *яко первый учредитель мин. внутреннихъ дѣлъ*. Предо мной прелестная литографія, съ головы до ногъ, кн. Козловскаго, сдѣланная въ Берлинѣ; но не моя, а принадлежащая одной возвратившейся оттуда фрейлинѣ, и Жуковскаго album, присланный ему съ дружескою надписью отъ Прусскаго кронъ-принца. Желалъ бы передать вамъ разговоръ мой съ великой княгиней Марьей Павловной, который обворожилъ меня. Отъ Россіи перешли мы къ Германіи и ея ученымъ, отъ Гетингена къ Енѣ, отъ Гете къ Карамзину и съ нимъ опять возвратились въ Россію. И я желалъ бы вѣчно слушать эту порфироносную Музу. В. К. Анна Павловна говорила съ чувствомъ о Москвѣ и о пѣвцѣ въ станѣ Русскихъ воиновъ.

(34) Магницкій.

(35) Князя Андрея Петровича Оболенскаго.

(36) Иванъ Ивановичъ Давыдовъ, тогдашній молодой профессоръ Москов. университета терпѣлъ непріятности отъ Магницкаго за свою книгу: Начальныя основанія логики. М. 1821. Сличи въ Р. Ар. 1864: „Два мнѣнія Магницкаго“.

18.

30 Марта (1825)

Христосъ воскресе! М. Г. Иванъ Ивановичъ, спѣшу принести вашему высокопревосходительству усердное поздравленіе съ наступившимъ праздникомъ и съ исполненіемъ желанія вашего: вчерась подписанъ указъ о каммергерѣ Сонцовѣ (37). Можетъ быть, и до васъ дошелъ слухъ о затрудненіяхъ, кои возникли съ начала по представленію князя Н. Б. Юсупова о Матвѣѣ Михайловичѣ. Государь остановился на немъ одномъ, полагая, что чинъ его не соотвѣтствуетъ званію, которое для него испрашиваютъ. Князь А. Н. (38) на другой же день сказалъ мнѣ о семъ, прибавивъ, что Государь готовъ пожаловать его въ званіе камеръюнкера и велѣлъ

(37) Матвѣй Михайловичъ Солнцовъ женатъ былъ на сестрѣ Сергѣя и Василія Львовичей Пушкиныхъ, Елизаветѣ Львовнѣ. См. Р. Арх. 1866, стр. 862.

(38) Кн. А. Н. Голицынъ

взять справку. Я умолялъ князя отвесть сей ударъ отъ г. Сонцова, представляя, что ни лѣта его, ни семейственныя отношенія, какъ отца семейства, съ дочерьми-невѣстами, ни даже наружность его, не позволяютъ ему желать сего званія. На другой день я опять былъ у князя и просилъ его, а передъ докладомъ писалъ къ нему и рѣшительно объявилъ, что Матвѣй Михайловичъ лучше не желаетъ никакой награды, нежели каммеръюнкерства. Князь повезъ, кажется, два проэкта указовъ и вывезъ ключь; а вчера я поѣхалъ къ нему, не смотря на мое нездоровье, и онъ обрадовалъ меня тотчасъ, показавъ указъ о Сонцовѣ. Къ сожалѣнію и всѣ другіе указы подписаны, и NN съ первою Анною! — Примите на себя трудъ поздравить отъ меня моего новаго соключника. Желаю ему болѣе успѣховъ на скользкомъ паркетѣ двора, нежели имѣлъ хворый его товарищъ. — Г. Франкъ увѣдомилъ меня, что представленіе о Пинскомъ ([39]) пойдетъ въ Сенатъ въ первые дни Ѳоминой недѣли. Николай Мих. получилъ вчера отъ Государыни Маріи Ѳедоровны перстень съ ея портретомъ. Петръ Ивановичъ Полетика пожалованъ въ тайные совѣтники и сенаторы, съ оставленіемъ и коллежскихъ складовъ. Графъ Воронцовъ — генералъ отъ инфантеріи. Я встрѣтилъ Свѣтлый праздникъ мрачнымъ лицемъ, ибо хвораю уже другую недѣлю, и братъ также. Читалъ Звѣзду и, благодаря издателей за подарокъ, увѣрялъ ихъ, что за успѣхъ изданія ручается намъ немерцающая слава трехъ звѣздочекъ ([40]). Совѣстно было похвалить обозрѣніе. И въ нашихъ журналахъ рѣдко встрѣчаешь такую нелѣпицу. Бестужевъ перещеголялъ Мольеровыхъ барынь! И какое наглое, безстыдное самохвальство патріотизма! Мы превзошли Нѣмцевъ и Французовъ журналами! Нѣмцы отнимаютъ суму у Ольдекопа! У Французовъ одинъ журналъ *сносный*! И которой же? Самый несносный своею мелочною литературою! Дашковъ, вѣроятно, уже съ вами. Примите на себя трудъ сказать ему о повышеніи Полетики и что *другое неправда*. Онъ угадаетъ смыслъ сихъ словъ. Братъ мой свидѣтельствуетъ вамъ также свое истинное почтеніе, съ коимъ, равно какъ и съ совершенною преданностію, честь имѣю быть и проч. Государь послѣ завтра уѣзжаетъ въ Ц. Село, а въ суботу въ Варшаву. Алексѣй Перовскій сдѣланъ исправляющимъ должность Харьковскаго попечителя.

([39]) Недавно умершемъ въ Спб. тайномъ совѣтникѣ М. М. Карніолинѣ-Пинскомъ, который первоначально жилъ учителемъ въ Симбирскѣ и пользовался покровительствомъ Дмитріевыхъ.

([40]) Въ письмѣ Тургеневъ пишетъ: „не мерцающая слава *трехъ* звѣздочекъ". Тургеневъ разумѣетъ здѣсь три звѣздочки подъ которыми означены два стихотворенія, находящіяся въ *Полярной Звѣздѣ* 1825 года, а именно: 1) стр. 183, *Слѣпецъ, Собака его и Школьникъ* (Басня), и 2) стран. 277, *Надгробіе отъ супруга супругѣ*. Если не ошибаюсь, эти два стихотворенія принадлежатъ Ивану Ивановичу Дмитріеву, къ которому и пишетъ Тургеневъ это письмо. Еще есть другое стихотвореніе въ *Полярной Звѣздѣ* на 1825 годъ, помѣченное тремя звѣздочками, стр. 278—286, подъ заглавіемъ: *Цвѣты изъ Греческой Антологіи*. Это стихотвореніе принадлежитъ *Батюшкову*.

Вслѣдъ за словами *о трехъ* звѣздочкахъ Тургеневъ пишетъ въ этомъ письмѣ, приводя слова А. Бестужева: „У Французовъ одинъ журналъ *сносный*". Въ статьѣ *Бестужева*: *Взглядъ на Русскую Словесность въ теченіи 1824 и началѣ 1825 годовъ*, помѣщенной въ 1825 году въ *Полярной Звѣздѣ*, стр. 1—24 сказано стр. 23: „Назовите мнѣ хоть одинъ *сносный* Литературный „Журналъ во Франціи кромѣ *Revue Encyclopédique*." *С. П.*

ПИСЬМО А. С. ПУШКИНА КЪ А. И. ТУРГЕНЕВУ.

Очень мнѣ жаль, что я не простился ([1]) ни съ вами ни съ обоими Мирабо ([2]). Вотъ вамъ на память посланіе Орлову ([3]), примите его въ вашъ отеческій карманъ, напечатайте въ собственной типографіи и подарите одинъ экземпляръ пламенному питомцу Беллоны, у трона вѣрному гражданину ([4]). Къ статѣ о Беллонѣ: когда вы увидѣте бѣлоглазаго К–на, поговорите ему, хоть ради вашего Христа, за С —скаго, воспитанника Унив. Панс. К–нъ притѣсняетъ его за какія-то теологическія мнѣнія и достойнаго во всѣхъ отношеніяхъ молодаго человѣка вытѣсняетъ изъ Пансіона, оставляя его въ нижнемъ класѣ, не смотря на успѣхи и великія способности. Вы были покровителемъ С.-каго, вспомните объ немъ и, какъ кардиналъ-племянникъ ([5]) зажмите родъ доктору Теологіи К–ну, который добивается въ инквизиторы. Препоручаю себя вашимъ молитвамъ и прошу камергера Don Basile ([6]) забыть меня по крайней мѣрѣ на три мѣсяца.

Пушкинъ.

1819.
9 Іюля.

([1]) Передъ отъѣздомъ въ Псковскую деревню на лѣто.

([2]) ?.

([3]) Говорится объ извѣстномъ посланіи къ Орлову, только не къ Михаилу Θедоровичу, какъ обыкновенно думаютъ, а къ тогдашнему конногвардейцу, впослѣдствіи князю, Алексѣю Θедоровичу:

О ты, который сочеталъ
Съ душею пылкой, откровенной,
Хотя и Русскій генералъ,
Любезность, разумъ просвѣщенный и пр.

([4]) Питомецъ пламенной Беллоны,
У трона вѣрный гражданинъ,—
стихи изъ Посланія Пушкина къ А. Θ. Орлову.

([5]) Соль этой остроты заключается въ томъ, что Тургеневъ былъ тогда главнымъ дѣльцомъ при министрѣ *духовныхъ* дѣлъ, кн. А. Н. Голицынѣ.

([6]) Кто это—намъ неизвѣстно.

ДОПОЛНЕНІЯ И ПОПРАВКИ.

стр. 280, Первую холеру 1830—1831 года Баратынскій прожилъ сначала въ Москвѣ и уже потомъ переѣхалъ въ Казань.

Стр. 296, въ примѣчаніи 22-мъ, вмѣсто *кн. З. А. Волконская*, слѣдуетъ читать *свѣтлѣйшая княгиня Софья Григорьевна Волконская*.

Стр. 432, графа Шувалова звали не Павломъ Алексанровичемъ, а Павломъ Андреевичемъ.

Чертковская библіотека открыта для общаго безплатнаго чтенія ежедневно отъ 11 до 3 часовъ, кромѣ дней воскресныхъ и праздничныхъ.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ИЗВѢЩЕНІЕ.

Увѣдомляемъ читателей Р. Архива о выходѣ въ свѣтъ новой книгѣ: *Новиковъ и Московскіе Мартинисты, изслѣдованіе М. Лонгинова.* Текстъ ея состоитъ изъ 25 главъ. Къ нему присоединены: 1., До 1500 ссылокъ на источники, примѣчаній библіографическихъ, біографическихъ и пр., 2., Приложенія въ числѣ 50 нумеровъ и 3., Азбучный указатель именъ. Объемъ книги 35 печатн. листовъ, въ осьмую долю.

Цѣна *три рубля серебромъ.*

Въ книгѣ этой собраны и расположены въ систематическомъ и хронологическомъ порядкѣ всѣ доселѣ извѣстныя, а также многіе еще неизданные свѣдѣнія и документы о Новиковѣ (1744—1818), о Русскомъ Масонствѣ 18 вѣка, о Русскихъ Розенкрейцерахъ (1782—1792) и о дѣятельности Московскихъ Мартинистовъ (1779—1791), сосредоточивавшейся въ „Дружескомъ Ученомъ Обществѣ" (1782—1784) и „Типографической компаніи" (1784—1791) а также о судьбѣ ихъ послѣ 1792 года. Кромѣ того нѣкоторыя главы этого изслѣдованія посвящены краткому изложенію сущности ученія Герметической философіи и повѣствованію объ исторіи Теософовъ, Алхимистовъ, древнихъ Вольныхъ Каменьщиковъ, новѣйшихъ Масоновъ разныхъ системъ, Розенкрейцеровъ и Иллюминатовъ.

Гг. Книгопродавцы обращаются за этою книгою въ Москву, на Мясницкую, въ домъ Кудрявцева, № 57 къ Петру Ивановичу Бартеневу и пользуются обыкновенною уступкою.

РУССКІЙ АРХИВЪ

Историко-литературный сборникъ, посвященный изученію Россіи въ XVIII и XIX столѣтіяхъ, выходитъ въ

1867 ГОДУ,

въ томъ же видѣ, какъ и въ 1863, 1864, 1865 и 1866 годахъ, но въ большемъ противъ прежняго объемѣ. Всѣхъ выпусковъ въ теченіи года 12 (въ каждомъ не менѣе 4-хъ листовъ сжатой печати, въ 2 столбца; иногда по два выпуска выходятъ вмѣстѣ).

Цѣна Русскому Архиву съ пересылкою въ города и доставкою на домъ въ Москвѣ и С.Петербургѣ

ШЕСТЬ РУБЛЕЙ.

Подписываться можно въ Москвѣ въ Чертковской библіотекѣ (на Мясницкой № 7), при коей издается Русскій Архивъ; и въ магазинѣ *И. Г. Соловьева* (бывшемъ Базунова).

Въ С.Петербургѣ на Невскомъ проспектѣ въ д. Ольхиной, въ магазинѣ *А. Ѳ. Базунова.*

Иногородные обращаются исключительно въ Москву, *въ Чертковскую библіотеку.*

Лица, проживающія въ чужихъ краяхъ, могутъ выписывать Русскій Архивъ, обращаясь въ Берлинскій почтамтъ, а также въ Москву, въ Чертковскую библіотеку, и высылаютъ на Русскія деньги: для доставленія *въ Германію* **7** р.; *во Францію и Бельгію* **7** р. **50** к.; *въ Англію* **8** р.; *въ Швейцарію и Италію* **9** р.

Составитель и издатель Русскаго Архива: **Петръ Бартеневъ.**

ГОДЪ ПЯТЫЙ.

РУССКІЙ АРХИВЪ.

ИЗДАВАЕМЫЙ

5 и 6. ПРИ 1867.

ЧЕРТКОВСКОЙ БИБЛІОТЕКѢ.

СОДЕРЖАНІЕ.

МОСКВА.
Типографія Т. Рисъ, у Мясницкихъ воротъ, д. Воейкова.
1867.

ЦѢНА РУССКОМУ АРХИВУ ЗА 1866 СЪ ПОРТРЕТОМЪ ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ II-Й И СЪ ПОЛНЫМЪ УКАЗАТЕЛЕМЪ КЪ ПОВРЕМЕННЫМЪ ИЗДАНІЯМЪ МОСКОВСК. ОБЩЕСТВА ИСТОРІИ И ДРЕВНОСТЕЙ. XXVI, 1777, XII И 134 СТР. ВЪ ОДНОМЪ ТОМѢ. 5 Р. СЪ ДОСТАВКОЮ 6 Р.

Вторыя изданія Русскаго Архива большими томами, въ которыхъ статьи размѣщены по порядку времени. **1863** года VI и 1066 стр. (**4** р., съ пер. **5** р.) **1864** года 154 и 1182 стр. съ рисунк. (**4** р., съ пер. **5** р.) **1865** года 1550 стр. (**5** р., съ пер. **6** р.). Иногородные за Русскимъ Архивомъ обращаются исключительно въ Москву, въ Чертковскую библіотеку. Выписывающіе въ города *всѣ четыре года вмѣстѣ* прилагаютъ съ перес. **20** рублей.

Тамъ же изданія „Русскаго Архива“:

I. IЕЗУИТЫ

И ИХЪ ОТНОШЕНІЕ КЪ РОССІИ.

(ПИСЬМА Ю. Ѳ. САМАРИНА КЪ ОТЦУ МАРТЫНОВУ).

Изложено ученіе Іезуитовъ и разсказаны ихъ дѣйствія въ Россіи. М. 1866. Цѣна 1 р. 50 к., съ перес. 2 рубля (8°. 304 стр.)

II. НОВИКОВЪ И МОСКОВСКІЕ МАРТИНИСТЫ.

Изслѣдованіе М. Н. Лонгинова. М. 1867. 8°. IV, 384 и 176 стр. Цѣна 3 р., пересылка за три фунта.

Тамъ же стихотворенія **Кн. П. А. Вяземскаго**:

ВЪ ДОРОГѢ И ДОМА.

М. 1862. Цѣна 1 р. 50 к., съ перес. 2 р. (8°, 420 стр.)

ПОТЕМКИНСКІЙ ПРАЗДНИКЪ 1791 ГОДА [1].

(*Письмо въ Москву.*)

Петербургъ 1791-го года Мая 6-го дня.

Ваше сіятельство, милостивый государь мой князь Иванъ Михайловичъ! Милостивое и благосклонное письмо, коимъ вы съ любезнѣйшею вашею супругою удостоить меня изволили, удостовѣряя меня о вашемъ ко мнѣ благорасположеніи, сугубитъ въ сердцѣ моемъ чувствительнѣйшую мою къ вамъ привязанность и искреннее почтеніе. На сіе письмо я вамъ долженъ отвѣтомъ. Давно намѣревался я исполнить сей мой долгъ предъ вами; но что могъ я сказать достойнаго вашего вниманія? Мнѣ бы надлежало изъявить вамъ, сколь много чувствую вашу ко мнѣ благосклонность и пріязнь; но какъ все, что бы я ни сказалъ, не можетъ сравниться съ чувствованіями моими, то, заключивъ оныя въ мое сердце, напишу вамъ лучше о здѣшнихъ новостяхъ, хотя впрочемъ и оныя ничего уже новаго для васъ въ себѣ не заключаютъ. Важнѣйшая изъ нихъ, и можетъ быть пріятнѣйшая, есть празднество, данное 28-го Апрѣля свѣтлѣйшимъ княземъ Потемкинымъ-Таврическимъ въ домѣ его близъ Конной Гвардіи. Первая мысль, которая, кажется, встрѣтится при семъ вашему сіятельству, есть сія: гдѣ было дать благородной публикѣ и народу великолѣпное угощеніе, когда домъ не только вовсе не убранъ, но ниже достроенъ, а что больше всего, когда для народа нѣтъ никакой площади, никакого мѣста кромѣ улицы. Не дивитесь сему! Обыкновенному человѣку трудно отвратить такія препятствія; но свѣтлѣйшему князю ничто ни въ чемъ преграды не полагаетъ. Извините, ваше сіятельство, что я обременю васъ нѣсколько подробностями. Вамъ извѣстно, въ какое движеніе приведена была наша столица прибытіемъ въ нее преславнаго нашего Ироя [2]. Вся знатность, богатые частные люди, даже богатые мѣщане, всѣ со рвеніемъ другъ предъ другомъ старались угостить его, вмѣняя себѣ за славу принятіе толь знаменитаго гостя. Всякъ

---

(1) За сообщеніе этого письма (въ подлинникѣ) мы обязаны князю Александру Ивановичу Долгорукому, къ отцу котораго (извѣстному нашему литератору) князю Ивану Михайловичу письмо писано. Писавшій, Тимофей Прокофьевичъ Кирьякъ, служилъ тогда инспекторомъ классовъ въ Смольномъ монастырѣ, гдѣ нѣкогда воспитывалась супруга кн. И. М. Долгорукаго. Въ Росписи Смирдина, подъ №№ 3082 и 6309 означены изданные Кирьякомъ переводы сочиненій Фридриха Великаго, именно «Исторія моего времени», Спб. 1793, 8°, 2 ч. и «Оставшіяся творенія». Спб. 1789—1791. 8° 8 ч Хотя свѣдѣнія о Потемкинскомъ праздникѣ собраны Я. К. Гротомъ въ значительной полнотѣ (Соч. Державина, т. I. стр. 377 и д.): но это письмо представляетъ нѣсколько новыхъ подробностей. П. Б.

(2) Это былъ послѣдній пріѣздъ Потемкина въ Петербургъ. Онъ прибылъ 28 Февраля 1791 г., въ Пятницу, на первой недѣли великаго поста (Зап. Храповицкаго, стр. 239). Россія находилась въ войнѣ съ Турціею и въ самыхъ напряженныхъ отношеніяхъ къ Пруссіи и Англіи. Можетъ быть, праздникъ былъ данъ между прочимъ и для того, чтобы развлечь умы.

выискивалъ возможныхъ для вкуса рѣдкостей, и, кажется, презиралъ наилучшія вещи, если только они были всѣмъ общи и обыкновенны. Покупали стерлядей, одну по 100, 200, 300 р. и выше. Главнѣйшимъ у всѣхъ предметомъ при угощеніи была уха. Наперерывъ старались сдѣлать ее дороже, и, чтобы придать важности угощенію, разглашали цѣну оныя до 5, 6 сотъ рублей и выше. Забавы и веселія соотвѣтствовали рѣдкости случая. Рѣдкой день проходилъ, чтобы кто не далъ великолѣпнаго пира. Великой постъ превратился въ масленичные праздники. Нарушеніе святыни поражало умы людей благочестивыхъ; но мудрые и просвѣщенные міра сего посмѣвались благочестію, считая оное грубымъ суевѣріемъ и заржавѣлою древностію.—Свѣтлѣйшій князь, изъ признательности ли къ почестямъ, ему оказываемымъ, или дабы мысли людскія занять сколько нибудь пріятнѣйшими предметами, или что всего вѣроятнѣе, по свойству своему производить дѣла чрезвычайныя и чудесныя, восхотѣлъ и у себя сдѣлать праздникъ. Для онаго назначенъ былъ преждеупомянутый не совсѣмъ достроенный домъ его въ сосѣдствѣ нашемъ (3). Никто тутъ не предполагалъ ничего особливаго; ибо не было никакой причины къ чрезвычайному торжеству. Но вдругъ появилось въ домѣ множество всякихъ художниковъ и работниковъ. Стали съ поспѣшностію отдѣлывать недодѣланные покои, и оконченные украшать. Начали распространяться слухи о употребляемыхъ на украшенія издержкахъ. Въ городѣ заказано было мастерамъ множество разныхъ домашнихъ уборовъ. Изъ лавокъ взято на прокатъ до двухъ сотъ люстръ и не мало большихъ зеркалъ, кромѣ премногихъ, привезенныхъ изъ его собственныхъ заводовъ. Отъ придворной конторы принято триста пудъ воску заимообразно, къ коему потомъ еще прибавлено слишкомъ сто; не считая девяти или десяти тысячь свѣчь, приготовляемо было больше двадцати тысячь шкаликовъ или стаканчиковъ съ воскомъ. Заводъ стеклянной занятъ былъ дѣланіемъ разноцвѣтныхъ и разнообразныхъ стеклянныхъ фонарей, всякихъ древесныхъ плодовъ, бусъ и прочихъ фигуръ. Видѣли предъ домомъ строющуюся иллюминацію; слышали о угощеніи народномъ; знали о богатой ливреи, приготовляемой слишкомъ на сто человѣкъ. Цвѣтущая юность дворянства начала учить кадриль. Сколь все сіе ни велико, но молва все еще несравненно увеличивала: ибо говорили, что въ Петербургѣ и воску уже столько не нашлось, сколько для князя потребно, и что по почтѣ послали за нимъ въ Москву, увеличивая цѣну онаго до 70 тысячь руб. и проч. и проч., что̀ и вы безъ сомнѣнія слышали и, можетъ быть, въ гораздо еще чудообразнѣйшемъ видѣ. По теченію дѣла видно, что великолѣпіе и пышность раждались по мѣрѣ успѣха въ оныхъ; ибо расположеніе украшеній совсѣмъ видъ свой перемѣнило, пока доведено до окончанія. Все сіе однакоже предвозвѣщало необыкновенное празднество,

(3) Т. е. въ сосѣдствѣ съ Смольнымъ монастыремъ.

и тѣмъ болѣе поразительное, что никто не зналъ цѣли онаго; да какъ и знать, когда никакой особливой не было? Всепроницающіе народные политики на вѣрное полагали, что оно приготовляется для торжествованія мира; но они, по обыкновенію своему, обманулись. Послѣ многихъ догадокъ и заключеній услышали, на послѣдней недѣли поста, что князь даетъ празднество въ теченіе святыя недѣли и что народныя забавы къ оному присовокуплены будутъ. Никто не могъ сему вѣрить, потому что вовсе не было способнаго для оныхъ мѣста. Но скоро сдѣлалось сіе вѣроятнымъ. Ваше сіятельство изволите припомнить, что по улицѣ къ нашему обществу (¹), противу самаго княжескаго дома, на лѣвой рукѣ, ѣдучи къ намъ, находилось вѣтхое деревянное строеніе, послѣ котораго вдоль же улицы продолжался заборъ до маіорскаго конно-гвардейскаго дома, въ коемъ жилъ Михельсонъ. Сей заборъ загораживалъ развалины стараго строенія. Предъ самымъ праздникомъ, когда все уже къ окончанію приходило, повелѣлъ князь сдѣлать площадь для народа. Повелѣнію тотчасъ слѣдовало исполненіе. Тотчасъ домъ срытъ до основанія, заборъ отнятъ, и немалое за онымъ пространство расчищено такъ, что можно было построить качели. Въ три дня увидѣли предъ княжескимъ домомъ довольно пространную площадь, въ концѣ коея построена деревянная стѣна, дабы скрыть низкія и топкія мѣста, простирающіяся къ рѣкѣ и заброcанныя щебнемъ и бревнами стараго строенія. Средину стѣны составлялъ небольшой полуциркуль. Предъ нею сдѣлано нѣсколько ступеней, по коимъ восходили на небольшую площадку, простирающуюся чрезъ всю ея длину. Вся сія стѣна раздѣлена была расписанными столбами на многія ворота, изъ коихъ на крайнихъ представлены были живописью занавѣсы, а прочіе убиты ельникомъ, коего верхушки и изъ за стѣны видны по всей ея длинѣ, что̀ представляетъ въ дали лѣсъ. По сторонамъ площади поставлены были качели отъ стѣны до дороги, отъ которой отдѣлялись рогатками. Все было готово, и празднества непремѣнно ожидали на святой недѣлѣ въ четвергъ. Наступилъ и четвергъ; но сколь странно всѣмъ показалось, когда вмѣсто празднества увидѣли совсѣмъ новыя работы. Хорошій видъ стѣны и площади закрывался отъ самой средины княжескаго дома деревяннымъ домомъ, находившимся между двумя каменными флигелями въ самомъ дворѣ. При томъ же сараи, конюшни, людскія избы и проч. представляли въ дворѣ непріятные виды. Князь повелѣлъ ничему не быть. Въ три дни все исчезло, и такъ изглаждено было, что и слѣдовъ ничему не осталось. Тогда обнаружилась вся огромность зданія. Дворъ явился чистый и пространной; изъ всего фасада видна была площадь, уготованная для народа; на мѣстѣ бывшаго деревяннаго дома, воздвигнуты противу самаго главнаго входа тріумфальныя ворота, украшенныя изображеніями разныхъ побѣдоносныхъ знаковъ и оружій; по обѣимъ сторонамъ флиге-

(¹) Смольный монастырь долго назывался Обществомъ для воспитанія благородныхъ дѣвицъ.

лей, вмѣсто рѣшетки, которой тутъ по плану быть должно, сдѣлана небольшая стѣна или ограда, убитая ельникомъ. На ней выведены изъ дерева фигуры для иллюминаціи. Между тѣмъ какъ все сіе приготовлялось снаружи, внутри дома прибавлены многія украшенія. Такимъ образомъ послѣдніе дни святыя недѣли протекли въ приготовленіяхъ. Общее было мнѣніе, что празднество будетъ въ день рожденія императрицы, т. е. въ понедѣльникъ на Ѳоминой недѣли; потомъ сказали во вторникъ и въ пятницу; но въ оба сіи дни было только повтореніе кадрили и небольшіе балы, какіе обыкновенно въ такіе дни бывали, т. е. такіе, въ кои столъ бывалъ на сто восемдесять и никогда не меньше какъ на сто курвертовъ; въ кои одна уха стоила свыше тысячи рублей, ибо ею наполняли преогромную семи или осьми пудовую серебряную чашу: два человѣка стоя раздавали всему столу, и по раздачѣ оставалось ея еще для толикаго же числа гостей, словомъ, такіе балы, кои всякой разъ стоили до четырнадцати тысячь. Все сіе однакоже пишу по слухамъ и увѣреніямъ другихъ.

Наконецъ для сего безпредметнаго торжества назначено 28-го Апрѣля. По причинѣ многократныхъ отлагательствъ никто сему не вѣрилъ до полученія билета, кои большею частію были раздаваемы въ тотъ самой день по утру. По билетамъ приглашены были только первые пять классовъ и изъ низшихъ лучшія фамиліи; однакоже и безъ приглашенія многіе нашли способъ веселиться и пиршествовать въ семъ маскарадѣ. Утро сего дня, послѣ продолжавшейся холодной и отчасти снѣжной и дождливой погоды, предвозвѣщало хорошее время; но скоро погода перемѣнилась. Во весь день шелъ дождь, и холодъ былъ чувствительной. Съ утра на площадкѣ, сдѣланной у стѣны, расположены были для народа съѣстные припасы; но для питья никакого вина не было, а только медовой квасъ и простывшій сбитень разставленъ былъ въ небольшихъ кадкахъ. Стѣна же вся увѣшана была разными, къ мужскому одѣянію служащими, вещами; какъ то: сапогами, котами, онучами, лаптями, шляпами, кушаками и проч. всего куплено на три тысячи рублей, но и сему цѣну несравненно возвышаютъ. Время для маскерада назначено было въ 5 часовъ; однакоже народъ началъ собираться почти съ утра. Разнесшійся въ черни слухъ, что станутъ хватать въ солдаты тѣхъ, которые что возмутъ изъ выставленныхъ вещей, худая погода, работный день, и самая тѣснота мѣста, всѣ сіи обстоятельства стеченіе народа уменьшили. Съѣздъ господъ начался въ три часа. Сперва кареты ѣхали какъ обыкновенно, въ одинъ рядъ; потомъ мало по малу до того умножились, что въ четыре и пять рядовъ предъ княжескимъ домомъ стѣснялись, и въ 7-мъ еще часу вся улица, отъ княжескаго до Литейнаго дома, занята была ѣдущими каретами. Казалось, что весь городъ стекался видѣть сіе позорище. О множествѣ ѣхавшихъ изъ того заключить можете, что вся императорская фамилія принуждена была останавливаться на дорогѣ. Многіе, проѣхавъ мимо, возвращались домой

посторонними дорогами, а прочіе оставались дожидать народнаго угощенія, не включая сюда приглашенныхъ въ маскерадъ. Между тѣмъ какъ зрители ожидали народнаго угощенія, произошелъ довольно забавной случай. Для начатія онаго опредѣлено было дать знакъ играніемъ на трубахъ и не прежде какъ по прибытии императрицы. Прибытія ея ожидали въ 5 часовъ, но уже проходилъ и седьмой, а она еще быть не изволила. Чернь, ожидавшая цѣлой день на дождливой погодѣ своего пира, съ великимъ вниманіемъ и нетерпѣливостію ожидала знака. Не много уже ждать оставалось, какъ вдругъ собака, выбѣжавшая изъ промежду народа на площадь, все дѣло испортила. Не успѣла она появиться, въ ту минуту стоявшіе близъ того мѣста, гдѣ она показалась, закричали на нее и затопали. Сіе было знакомъ къ начатію пира. Всѣ со стремленіемъ кинулись хватать, что́ было представлено. Прежде нежели опредѣленная стража опамятовалась отъ изумленія, все во мгновеніе ока было разорвано. Но многіе дорого за сію ошибку заплатили. Караульные, наступивши на нихъ всею силою, обратили въ бѣгство. Солдаты прикладами, казаки плѣтьми, полицейскія трубами заливными въ такой страхъ привели чернь, что она опрометью бросилась назадъ, давя другъ друга. Вскорѣ опять все утихло; но какъ не чѣмъ уже было испорченнаго поправить, то и повелѣно было окончить начатое прежде прибытія императрицы. Она изволила прибыть со всѣмъ царскому сану приличнымъ великолѣпіемъ послѣ семи часовъ, и при входѣ, бывъ встрѣчена свѣтлѣйшимъ княземъ, препровождена въ галлерею.

Здѣсь естественно слѣдуетъ описаніе всѣхъ украшеній, какія око внимательнаго зрителя могло замѣтить въ семъ зданіи; но мнѣ показалось сего не довольно. Не знавъ, извѣстно ли вашему сіятельству самое расположеніе онаго, рѣшился я отчасти и о семъ упомянуть. Я предположилъ, что вы въ немъ никогда не бывали. Простите моей дерзости, и вооружитесь на нѣсколько минутъ терпѣніемъ прочитать слабое начертаніе того, что́ однимъ токмо разсматриваніемъ ясно понять можно. Первой покой отъ главнаго входа, надъ коимъ находится надпись: *Отъ щедротъ Великія Екатерины,* такъ какъ преддверіе всего зданія, долгое время оставался безъ всякаго украшенія. Въ немъ находится трое дверей: по сторонамъ обыкновенные (сими входятъ въ покои главнаго фасада, простирающіеся прямою линіею по обѣ стороны, до боковыхъ флигелей); а противу самаго входа, великія, сводомъ выведенныя и столбами поддерживаемыя (на подобіе царскихъ вратъ въ большой придворной церкви, если отнять самыя двери). Сіи ведутъ въ залъ съ куполомъ, представляющій нѣкій родъ храма. Дабы придать великолѣпія какъ храму, такъ и самому преддверію онаго, князь далъ повелѣніе, на послѣдней уже недѣлѣ, воздвигнуть предъ сказанными вратами два огромные столба подъ красной мраморъ. Сіе сдѣлалось какъ-бы нѣкимъ творческимъ духомъ. Въ самое короткое время воздвигнуты столбы въ діаметрѣ около двухъ аршинъ, вышиною несравнен-

но врата превосходящіе, съ позлащенными капителями, и вверху соединенные карнизомъ изъ такого же мрамора. На карнизѣ златыми буквами написано: *Екатеринѣ Великой.* Самой храмъ или пантеонъ имѣетъ фигуру квадрата съ обрѣзанными углами, и только двѣ главныя стѣны по правую и лѣвую руку; другія же двѣ стороны занимаются колоннами, поддерживающими небольшіе хоры сводомъ. Какъ колонны, такъ и стѣны идутъ вверхъ только до половины высоты храма и оканчиваются широкимъ вокругъ карнизомъ. Далѣе возвышается оной сводомъ и самымъ куполомъ, который также отдѣляется отъ сводовъ большимъ карнизомъ. Въ сводахъ и въ куполѣ окна. Стѣны сего пантеона и куполъ расписаны перспективною живописью, представляющею внутренность чертоговъ, и увѣшены гирляндами, къ первому карнизу прикрѣпленными. Печки, по всѣмъ угламъ стоящія, убраны китайскими сосудамя и фигурами. Всѣ карнизы и окна уставлены различной величины и цвѣта стеклянными фонарями. На хорахъ, поддерживаемыхъ первымъ рядомъ столбовъ отъ входа, устроенъ органъ; а на противолежащей сторонѣ для симетріи поставленъ китайской комодъ, имѣющій видъ органа. Весь сей храмъ, бывъ освѣщенъ множествомъ разноцвѣтныхъ огней, представлялъ прекрасное зрѣлище. Отсюда чрезъ промежутки столбовъ, идущихъ въ паралель первому ряду на противной сторонѣ, входятъ въ преогромную галлерею. Вшедшему представляется она въ поперегъ по самой срединѣ. Въ ширину кажется небольше имѣетъ какъ 7 саженъ, длина же ея простирается не меньше какъ на 30, и съ обѣихъ сторонъ оканчивается овально. По обоимъ симъ концамъ находится по восьми большихъ и сверху по толикому же числу малыхъ круглыхъ оконъ (⁵). Какъ на томъ, такъ и на другомъ концѣ сдѣлано по небольшому возвышенію отъ полу чрезъ всю ширину галлереи; оба сіи возвышенія загорожены балюстрадомъ. На лѣвой рукѣ отъ входа, все пространство за оградой убито зеленымъ сукномъ, и вокругъ стѣны подъ окнами лавки съ подушками, покрытыми тонкимъ ситцомъ. Сей пространный, но непышный диванъ опредѣленъ былъ для царской фамиліи и первостепенной знатности. Противоположенное же возвышеніе на другомъ концѣ галлереи, сдѣланное амфитеатромъ, для пѣвчихъ и музыкантовъ. Вся сія галлерея поддерживается двумя огромными колонадами, простирающимися чрезъ всю ея длину съ обѣихъ сторонъ до оконъ. Каждая заключаетъ въ себѣ тридцать шесть столбовъ, имѣющихъ въ діаметрѣ 2 аршина и стоящихъ по два такъ, что чрезъ всю длину галлереи можно идти между ими въ рядъ двумъ человѣкамъ. Вверху соединяются они повѣшенными на голубыхъ лентахъ гирляндами, сплетенными изъ зелени и цвѣтовъ. Для освѣщенія сего пространнаго портика, кромѣ множества разноцвѣтныхъ съ воскомъ стаканчиковъ, разставленныхъ по карнизамъ и при гирляндахъ, повѣшено еще подлѣ колоннъ, паралельно съ оными, трид-

(⁵) См. рисунокъ, приложенный къ стр. 382-й 1-го тома сочиненій Державина, изд. Я. К. Грота.

цать два люстра и по обоимъ концамъ галлереи по одному отмѣннаго искусства и величины, съ органами внутри. Сіи послѣдніе принадлежали нѣкогда герцогинѣ Кингстонъ. Сверхъ того между самыми колоннами находится тридцать два большихъ фонаря. Простѣнки между окнами снизу до верху покрыты большими стѣнными подсвѣчниками, сдѣланными, для большаго блеску, изъ бѣлой жести на подобіе солдатскихъ султанчиковъ, если раздѣлить ихъ на двѣ половинки. На каждомъ перѣ сверху, гдѣ оное маленько къ нему загибается, придѣлана для свѣчи трубочка; весь же вѣнчикъ увѣшанъ гранеными хрусталями, какіе обыкновенно бываютъ на люстрахъ; а подлѣ оныхъ большіе стеклянные сосуды разныхъ цвѣтовъ. Все сіе при освѣщеніи издавало блескъ, глаза ослѣпляющій. Въ первой колоннадѣ, по обѣимъ сторонамъ отъ входа изъ пантеона, сдѣлано между колоннами по три ложи, кои снаружи убраны подзорами изъ бѣлой и зеленой тафты съ отмѣннымъ вкусомъ; отъ подзоровъ внизъ по столбамъ опускаются занавѣсы изъ такой же тафты, такъ что каждая ложа представляетъ съ низу, если стать между столбами, прекрасный балдахинъ. Оныя опредѣлены были для знатныхъ особъ, болѣе женскаго пола. Противолежащая же колоннада отдѣляетъ отъ галлереи садъ, коего украшенія еще блистательнѣе, ибо большая часть оныхъ состоитъ изъ зеркалъ. По обоимъ концамъ сея колоннады, между послѣдними двумя столбами, поставлены превеликія зеркала, увитыя зеленью и цвѣтами. Въ нихъ представляется троякая длина оныя. Въ саду, противу самой средины галлереи, близъ колоннады, воздвигнутъ родъ жертвенника объ 8-ми вокругъ стоящихъ столбахъ, имѣющихъ въ діаметрѣ больше аршина и высотою своею равняющихся колоннамъ галлереи. Верхъ онаго сведенъ куполомъ, полъ выстланъ сѣрымъ мраморомъ. Среди сего олтаря, на подножіи изъ краснаго мрамора, стоитъ образъ Екатерины, изсѣченный изъ чистѣйшаго бѣлаго мрамора въ ростъ человѣческій, во образѣ божества, въ длинномъ Римскомъ одѣяніи. Видъ ея обращенъ къ галлереи; въ одной рукѣ держитъ скипетръ, а другая, простертая положена на раскрытую книгу, лежащую на усѣченномъ столбѣ. У ногъ ея рогъ изобилія, изъ коего сыплются ордены и деньги. На подножіи златыми буквами начертана надпись: *Матери отечества и мнѣ премилосердой* (Разбирая по граматикѣ сіи слова, не можно найти въ нихъ яснаго смысла, или можетъ быть я одинъ ихъ не ясно понимаю). Столбы сего жертвенника также украшены вверху гирляндами, висящими на голубыхъ лентахъ. Отъ оныхъ спускаются, до половины высоты столбовъ, вѣнки, сплетенные изъ цвѣтовъ, въ срединѣ коихъ повѣшены изъ разноцвѣтнаго стекла сдѣланныя, граненыя и хрусталями унизанныя, лампадки. Столбы, по самой срединѣ, также препоясаны цвѣтами; и отъ пояса опускаются вокругъ цѣпи изъ цвѣтовъ.

Садъ, въ разсужденіи своего пространства, не великъ, примѣрно можно положить въ длину сажень 25, а въ ширину 20; раздѣляется на десять куртинъ разной фигуры и величины.

Сверхъ того вокругъ всей оранжереи посажены деревья. Всѣ сіи куртины отдѣляются одна отъ другой искривленными дорожками, начинающимися отъ жертвенника. Всѣ они къ срединѣ сада возвышены, а къ окнамъ и жертвеннику покаты, и вообще весь садъ состоитъ изъ небольшихъ пригорковъ, густо усаженныхъ цитронными, померанцовыми и другими подобными деревьями, изъ коихъ нѣкоторыя и плоды имѣютъ; но на большой части деревьевъ плоды поддѣланы были изъ стекла, какъ-то: сливы, вишни и разныхъ цвѣтовъ виноградъ, коего цѣлыя гроздія представлены сдѣланными изъ стекла, на подобіе оныхъ, фонарями. Изъ среди сихъ куртинъ возвышаются поддѣланные кедры, кои многолиственными своими верхами поддерживаютъ потолокъ; а безъ того оной, судя по пространству зданія, не могъ бы, кажется, держаться. Дорожки, устланныя по краямъ дерномъ, также обращали на себѣ зрѣніе. Всѣ они усажены ананасами, арбузами и дынями натуральнаго цвѣта, величины и вида. Листья ихъ и стебли сдѣланы изъ жести, а самый плодъ изъ стекла; всѣ сіи плоды имѣли въ срединѣ огонь. За жертвенникомъ простирается къ окнамъ оранжерейнымъ устланная дерномъ площадка, имѣющая видъ трапеціи, и раздѣляющая садъ на двѣ половины. Окна противу оныя вовсе задѣланы съ низу до верха зеркалами, изъ коихъ составленъ гротъ. Сіе произведеніе воображенія весьма удачно. Представьте себѣ тронъ, у стѣны стоящій и открытый спереди. Видъ сея блестящія пещеры имѣетъ великое сходство съ онымъ; вся внутренность его убрана зеленью и пятью зеркалами, изъ коихъ три идутъ снизу вверхъ около трехъ сажень, съужаясь къ верху (сіи наставныя); а двое боковыя возвышаются до половины высоты другихъ зеркалъ. Сіи послѣднія, какъ сверху такъ и по краямъ, густо обложены ельникомъ и другою зеленью, и всѣ соединенія зеркалъ зеленью же задѣланы; вмѣсто шнуровъ и бахрамы, коими обыкновенно украшаются занавѣсы, здѣсь висятъ гирлянды изъ цвѣтовъ и плодовъ многоразличныхъ. Внутри сея бесѣдки поставленъ сосудъ изъ бѣлаго мрамора; вокругъ лавки изъ зеленаго сафьяну, и полъ убитъ зеленымъ сукномъ. Противу самаго входа въ сей гротъ, въ концѣ прежде упомянутой площадки, и по одной линіи съ мраморнымъ образомъ императрицы, воздвигнута небольшая пирамида изъ желтаго мрамора; но мраморъ виденъ токмо по краямъ, самая же средина, какъ на подножіи, такъ и на пирамидѣ, состоитъ изъ зеркалъ, такъ что мраморъ составляетъ токмо рамы оныхъ. Къ сей пирамидѣ восходятъ тремя ступеньками, отъ коихъ подножіе возвышается кубомъ, аршина въ полтора; вставленныя во всѣ бока зеркала обложены по краямъ хрустальною гранью; а въ вернемъ краю повѣшены разнымъ узоромъ, такъ какъ ожерелья, хрустальные различной величины граненые камни. Самая пирамида стоитъ на четырехъ по угламъ шарикахъ, и пространство, отдѣляющее ее отъ подножія, также увѣшано граненымъ хрусталемъ. Къ верху оныя, на каждой сторонѣ, сдѣланы на зеркалѣ про-

долговатые изъ разноцвѣтныхъ фольгъ вѣнцы, а на самой верхушкѣ поставленъ изъ разноцвѣтныхъ же, драгоцѣнныхъ или поддѣльныхъ, камней, точно не знаю, довольно великой вензель Екатерины. Въ нѣсколькихъ шагахъ по сторонамъ грота, дивана, бесѣдки, какъ вамъ угодно, противу коего находится пирамида, стоятъ въ концѣ дорожекъ превеликія зеркала, увитыя цвѣтами, зеленью и бусами отмѣнной величины, кои повѣшены какъ шнуры на занавѣсахъ. Какъ сіи зеркала, такъ и зеркала бесѣдки и пирамиды, удвоя и утроя всѣ предметы сада, представляли оной необозримо-пространнымъ.

Теперь обозримъ, ваше сіятельство, хотя мимоходомъ покои, приготовленные для маскерада. Они раздѣляются на двѣ половины и находятся за колоннадою, противоположенною саду. Въ первую входъ отъ дивана, а во вторую отъ оркестра между столбами. Половина, отъ дивана начинающаяся, пріуготовлена для принятія императорской фамиліи. Первой покой убранъ картинами живописными, о коихъ работѣ судить не умѣю. Для человѣка, не знающаго цѣны оныхъ, наиболѣе поразительно расположеніе; видно, что поспѣшая ихъ разставлять, смотрѣли больше на форму, нежели на содержаніе. На стѣнѣ, противоположенной первымъ дверямъ, видны картины миѳологическаго содержанія. Изображенія на нихъ прелестны. Съ одной стороны Леда, лежащая въ страстномъ положеніи съ Юпитеромъ во образѣ лебедя; съ другой нагая, красотою и стройностію тѣла ослѣпляющая дочь ея Діана; вверху Нимфы или другія прекрасныя божества, купающіяся въ источникѣ. Занявшись толь плѣнительными предметами, не можно не удивиться, увидѣвъ образъ Рождества Спасителя среди оныхъ. На мраморномъ подзеркальномъ столикѣ сего покоя, стоятъ пребогатые, нѣкогда герцогини Кингстонъ принадлежавшіе часы на золотомъ или бронзовомъ вызолоченномъ слонѣ, который при играніи курантовъ движетъ глазами, ушами и хвостомъ. Украшенія оныхъ вообще драгоцѣнны. Говорятъ, что цѣна ихъ 15 тысячь. Другой послѣ сего покой убитъ предорогими обойными картинами священнаго содержанія; всѣхъ ихъ только три, по одной на каждой стѣнѣ. Сколь они ни велики, но не покрываютъ всѣхъ стѣнъ; все пространство съ боковъ, не занятое картинами, покрыто зеленою тафтою, сложенною мелкими складками съ выпуклостію; складки имѣютъ видъ раздвоенной въ длину палки. Пространство же между картинами и потолкомъ, въ ширину съ аршинъ, убрано вокругъ всего покоя подзоромъ изъ зеленой и бѣлой тафты съ рѣдкимъ вкусомъ. Полъ убитъ пребогатымъ ковромъ, сдѣланнымъ à l'arabesque. Изъ сего покоя входятъ въ тотъ рядъ покоевъ, которой составляетъ первой и главной фасадъ. Въ первомъ покоѣ, отъ оркестра, сдѣланъ пышной диванъ, занимающій большую половину онаго, изъ малиноваго штофа съ бѣлымъ подзоромъ. Стѣны сея горницы выкрашены малиновою же краскою, и убраны хорошими и худыми эстампами, коихъ рамы обложены гирляндами и вѣнками изъ цвѣтовъ; другой покой ничего особли-

ваго не заключаетъ, убранъ живописными картинами и стариннаго вкуса штофными, малиновыми мебелями. Изъ онаго входятъ въ прежде объявленной рядъ покоевъ; всѣхъ ихъ отъ флигеля до флигеля десять. Самую средину составляетъ первой покой отъ главнаго входа. Длина же ихъ всѣхъ вмѣстѣ около 250 обыкновенныхъ шаговъ. Лѣвой рядъ оныхъ, разумѣя отъ входа, кончается театромъ, которой принадлежитъ уже къ боковому флигелю на лѣвой рукѣ. Всѣ сіи главнаго фасада покои убраны на скорую руку живописными картинами и эстампами по раскрашеннымъ стѣнамъ. Всѣ двери и окна уставлены стаканчиками въ два ряда. Подъ карнизами къ потолку и въ простѣнкахъ оконъ выведены разные изъ дерева узоры, по которымъ также разставлены были разноцвѣтные огни. Всѣ покои, бывъ освѣщены, производили обворожительное дѣйствіе. Самые же флигели не убраны; правой заключаетъ кухни, а лѣвой вовсе внутри не отдѣланъ.

Остается упомянуть о самомъ маскерадѣ. Императрица первѣе всего изволила прійти въ галлерею. Тутъ встрѣчена кадрилью, выходившею изъ саду. Съ музыкою оныя соединялся громогласной хоръ. Кадриль одѣта была блистательнѣйшимъ образомъ. Каждый платья дѣлалъ отъ себя. Кавалеры одѣты были въ испанскую одежду, а дамы въ греческую. У дамъ какъ чалмы, такъ и платья богато вышиты золотомъ; пояса и ожерелья блистали драгоцѣнными каменьями. Кадриль состояла изъ 24-хъ паръ и раздѣлялася на двѣ колонны. Первую т. е. лѣвую велъ принцъ Виртембергскій съ фрелиной Екатериною Петровною Протасовою (6), а за ними слѣдовалъ великій князь Александръ Павловичъ съ старшею Салтыковою (7); другую князь Голицынъ конной гвардіи съ графинею Брюсшею. А вторую пару составлялъ великій князь Константинъ Павловичъ со старшею Голицыною. Танецъ начинается маршомъ, потомъ превращается въ греческой, и весь продолжается не больше четверти часа. Въ 8-мъ часовъ началось театральное представленіе. Между тѣмъ, какъ оное продолжалось, зажигали иллюминацію. Для сего, по увѣренію офицеровъ, бывшихъ при сей должности, употреблено 300 человѣкъ, и едва въ полтора часа все зажечь успѣли. По окончаніи представленія, при которомъ я не былъ, императрица со всею свитою и публикою опять изволила прійти въ галлерею, и ходить по саду и по всѣмъ покоямъ. Послѣ еще разъ танцовали кадриль, а потомъ обыкновенные контръ-дансы. Въ 11 часовъ начался ужинъ, столъ былъ накрытъ болѣе нежели на пять сотъ приборовъ, и только для дамъ; а кавалеры, не садясь, должны были дамамъ прислуживать. Лучшая часть онаго расположена въ театрѣ. На мѣстѣ самыхъ явленій столъ накрытъ для кадрили. Для прочей публикѣ въ партерѣ, а императорская фамилія со свитою своею изволила кушать между партерою и сценою, на особливо пріуготовленномъ столѣ, лицемъ къ партерѣ. Столъ сей имѣлъ такой же видъ, какъ и са-

(6) Впослѣдствіи супругою гр. Ѳ. В. Растопчина.

(7) Вѣроятно съ гр. Прасковьею Ивановною, впослѣдствіи Мятлевою, которой было тогда 19 лѣтъ отъ роду.

мая партера, т. е. амфитеатромъ; ибо оный сдѣланъ былъ на самыхъ лавкахъ, партеру составляющихъ, такъ что двѣ лавки поставивъ ровно, покрывали доскою, которая и составляла столъ. Такимъ образомъ, вся партера превратилась въ узкія длинныя столики, за коими сидѣли такъ, какъ во время зрѣлища. Для освѣщенія стола, поставлены были съ огнемъ великія стеклянныя братины или чаши, расписанныя разными красками, отъ которыхъ свѣтъ издавался всякихъ цвѣтовъ. Изъ кавалеровъ сидѣли только принцы. Прочіе должны были прислуживать дамамъ; но какъ многіе утомлены были танцами, то, забывъ и оставивъ своихъ дамъ, думали только объ отдохновеніи, почему дамы весьма худо были угощаемы. Кромѣ стола въ театральномъ залѣ, находилось множество малыхъ столовъ въ ближайшихъ отъ онаго покояхъ, такъ что даже и кушанья для всѣхъ не достало. При столѣ не было наблюдаемо никакого порядка; одни вставали, другіе садились; иные ѣли ходя, и сіе продолжалось. Для услуги хотя множество было придворныхъ служителей, но во все болѣе употреблялись ливрейные княжескіе слуги, коими наряжены были гвардейскіе солдаты. Одпихъ лакеевъ было 80; кромѣ оныхъ 12 гусаръ, двѣнадцать сгарей и четыре преогромныхъ гайдука. У всѣхъ ливрея палевая съ голубымъ, съ серебряннымъ позументомъ. Отмѣнны были гусарскія платья. У гайдуковъ длинное польское или черкесское. Столъ продолжался за полночь; послѣ стола проигралъ органъ, и была вокальная и инструментальная музыка. Императрица, послушавъ мало, изволила отбыть со своею фамиліею, а публика веселилась до совершеннаго разсвѣта. По отбытіи ея еще продолжалась музыка. Между прочимъ пѣли со всѣми инструментами одну любимую княземъ и нынѣ всѣмъ городомъ Малороссійскую пѣсню. Въ самомъ дѣлѣ напѣвъ оныя весьма пріятенъ. Я хотѣлъ было сообщить оную вашему сіятельству, но не могши достать музыки, оставилъ и самую пѣсню; ибо слова оныя для неразумѣющаго языка не весьма пріятны. Въ саду на прудѣ пріуготовлена была китайская шлюбка, и нѣсколько другихъ съ тѣмъ, чтобы гребцы подъ начальствомъ какого-то г-на надворнаго совѣтника Митрофанова, пѣли гребецкія пѣсни; но худая погода быть сему не дозволила.—Примите же, ваше сіятельство, сіе наскладное, но искренностію сопровождаемое начертаніе толь великолѣпнаго праздника за знакъ того глубокаго и непремѣннаго почтенія, съ каковымъ за честь поставляю себѣ быть всегда, ваше сіятельство, милостивый государь мой, вашимъ покорнѣйшимъ слугою

Тимофей Кирьякъ.

1791-го года
Мая 8-го дня.

Цѣлуя съ глубокимъ подобострастіемъ руки любезнѣйшей вашей супруги, приношу ей тѣмъ жертву моего искренняго и вѣчно непремѣннаго почтенія. И любезнаго друга моего Павлушу стократно цѣлую.

ЗАМѢТКИ О ПОЛЬСКОМЪ ВОЗСТАНІИ 1830 ГОДА.

Въ 1863—1864 г. напечатанъ переводъ съ нѣмецкаго языка „Исторіи польскаго возстанія и войны 1830 и 1831 г.", написанной *Ф. Смитомъ*. По всему замѣтно, авторъ поставленъ былъ въ благопріятныя обстоятельства къ источникамъ, чтобы написать замѣчательно-дѣльную книгу, отличающуюся всѣми качествами добросовѣстности и такимъ безпристрастіемъ, какое только возможно для чиновника Русской службы. Въ изложеніи военныхъ дѣлъ авторъ, конечно, наиболѣе зависѣлъ отъ реляцій, слѣдственно, обмолвки и недостатки по этой части—вещи неизбѣжныя и, прибавимъ, покамѣстъ терпимыя, а потому не вредящія общему достоинству книги. Но что въ ней особенно привлекаетъ вниманіе читателя, такъ это полнота и, такъ сказать, подноготность извѣстій о польскихъ дѣлахъ. Кто жилъ въ Польшѣ до возстанія 1830 г., того книга невольно располагаетъ въ свою пользу: у каждаго осталось на столько своихъ воспоминаній, чтобы провѣрить обстоятельства извѣстныя, а за тѣмъ, сопоставивъ ихъ съ тѣми, которыя прежде не всѣмъ были извѣстны и которыя выводятся теперь на свѣтъ, убѣдиться въ достовѣрности послѣднихъ. Еще, важная заслуга книги состоитъ въ томъ, что послѣ войны, когда разбредшіеся по всему свѣту герои и не-герои польскаго возстанія вызывали повсюду сочувствіе и состраданіе своимъ положеніемъ и перьями, которыми водила изгарь мести и озлобленія, историкъ предъявилъ противъ нихъ свой протестъ, разсказавъ на общеизвѣстномъ европейскомъ языкѣ происшествія такъ, какъ онѣ были.

Возстаніе въ Варшавѣ описывается подробно и обстоятельно. Бывши однимъ изъ захваченныхъ тамъ въ плѣнъ русскихъ офицеровъ, я записывалъ для памяти то, что̀ зналъ, видѣлъ и слышалъ, и находя у историка нѣкоторыя мѣста изъ варшавскихъ событій не вѣрными или не полными, рѣшаюсь представить на нихъ небольшія замѣтки, въ надеждѣ, что кто нибудь изъ тогдашнихъ современниковъ моихъ по службѣ въ Польшѣ подтвердитъ, либо опровергнетъ ихъ. Замѣтки мои ограничиваются предметами, содержащимися въ первомъ томѣ исторіи.

1. Послѣ общаго очерка польскаго заговора, съ объясненіемъ, въ какой мѣрѣ участвовали въ немъ всѣ сословія (особенно военное) и когда собралась въ Бельведеръ русская кавалерія, а также приведены туда польскими гвардейскими конно-егерями съ Александровской площади шесть польскихъ же гренадерскихъ ротъ съ 4 орудіями, шедшихъ въ Лазенки на помощь къ заговорщикамъ,—авторъ замѣчаетъ странность случая, что эти роты, назначенныя взять въ плѣнъ русскую кавалерію, сдѣлались „лучшею, единственною" защитою ея и Бельведера, какъ въ этотъ вечеръ, такъ и въ два послѣдующіе дня. Затѣмъ дѣлается такой выводъ: „къ несчастію, теперь пропустили удобный моментъ для дѣйствія. Въ эту первую минуту, когда заговорщики еще дѣйствовали робко и не рѣшительно, легко было подавить возстаніе; но давъ имъ время усилиться чернью и солдатами, въ началѣ медленно приближавшимися, дозволивъ имъ безъ сопротивленія распорядиться въ городѣ и умертвить всѣхъ тѣхъ, которые старались возвратить солдатъ къ ихъ долгу, допустили такимъ образомъ развитіе безпорядка, который въ слѣдующіе дни превратился въ настоящую революцію (стр. 140)."

Трудно рѣшить, въ какой мѣрѣ заслужили упомянутыя роты названіе „лучшихъ защитниковъ" Бельведера и собранной при немъ кавалеріи. Хотя выстрѣлами ихъ на Александровской площади (сдѣланными по приказанію русскаго генерала) ранены двое подъѣзжавшихъ и хорошо одѣтыхъ подго-

ворщиковъ, но самъ историкъ замѣчаетъ при этомъ, что роты „остались вѣрными своему долгу единственно благодаря твердости генерала Даненберга“; а сохранили ли бы онѣ вѣрность при серьозномъ столкновеніи съ военными мятежниками, это еще неизвѣстно, или просто сомнительно. Вспомнимъ также о покушеніи изъ тѣхъ же защитниковъ подпоручика Волосчанскаго на жизнь великаго князя Константина Павловича, что не удалось только по причинѣ осѣчки ружья. Мы не отвергаемъ, конечно, нравственнаго вліянія на другихъ отъ пребыванія въ Бельведерѣ польской пѣхоты; но едва ли не столько же дѣйствовало на ея вѣрность и присутствіе четырехъ кавалерійскихъ полковъ, считая въ томъ числѣ польскій конно-егерскій, показавшій на самомъ дѣлѣ много уваженія къ чувству долга. Во всякомъ случаѣ, гренадерскія роты могли быть „единственными“ развѣ только въ первые сутки, а на другой день передъ вечеромъ присоединились уже къ отряду Цесаревича оба русскіе пѣхотные полки, Литовскій и Волынскій, а также польскій гвардейскихъ гренадеровъ (кромѣ отдѣлившейся изъ него части къ мятежникамъ).

Что касается до возможности подавленія мятежа на первый день или, правильнѣе, ночь, то мы далеко не раздѣляемъ этого мнѣнія по слѣдующимъ соображеніямъ. Изъ Исторіи видно, что заговорщики въ Лазенкахъ начали заряжать ружья въ $6^1/_2$ ч.; за тѣмъ послѣдовали одно за другимъ — нападеніе на Бельведеръ, двукратное нападеніе на наши кавалерійскія казармы, съ отступленіями, тревога, сборъ и прибытіе къ Бельведеру русской кавалеріи, такая же тревога, сборъ и прибытіе изъ средины города конныхъ егерей и приводъ ими съ Александровской площади гренадерскихъ ротъ съ артиллеріею. Все это, какъ бы ни было поспѣшно сдѣлано, не могло совершиться безъ потери довольно значительнаго времени. Между тѣмъ, подпрапорщики, послѣ неудачныхъ нападеній, бросились въ городъ и по прибытіи къ арсеналу, застали тамъ полное возстаніе. То же нашли и двое посланныхъ отъ великаго князя, какъ увидимъ въ концѣ нашихъ замѣтокъ. Казармы конныхъ егерей находились сзади Саксонскаго сада, и выступленіе этого полка сдѣлано, конечно, не по поводу происшествій въ Бельведерѣ, отъ котораго онъ былъ слишкомъ далеко, а всего вѣроятнѣе вслѣдствіе уже арсенальскихъ и уличныхъ безпорядковъ. Я даже припоминаю разсказъ, что когда лазенковскіе заговорщики нападали на казармы уланъ, въ другихъ сосѣднихъ казармахъ поднята тревога по распоряженію командира конныхъ егерей, генерала Курнатовскаго. Далѣе. Хотя, по Смиту, Заливскій поджегъ два еврейскіе дома и приступилъ къ открытому мятежу возлѣ арсенала послѣ 7 часовъ, но это показаніе принадлежитъ Заливскому, а онъ въ то время бѣсновался на лазенковскаго зачинщика, Высоцкаго, не видя пожарнаго сигнала на Сольцу, что по условію должно было появиться въ 6 час.; и такъ какъ Заливскій не успѣлъ нечаянно обезоружить Волынскій полкъ (что входило въ планъ заговорщиковъ) то естественно было желаніе оправдать себя долгимъ ожиданіемъ знака съ Сольца. Наконецъ, въ моихъ запискахъ отмѣчено, что первое извѣстіе о мятежѣ сообщено мнѣ хозяиномъ квартиры „часовъ въ $7^1/_2$.“ По уходѣ хозяина я вышелъ на дворъ къ воротамъ посмотрѣть, что дѣлается на улицѣ. Въ воротахъ возлѣ находившагося тутъ шинка собралась толпа, и въ средѣ ея шли горячіе разсказы. На вопросъ мой одного глашатая, у котораго уже гремѣла сабля при боку, что дѣлается у арсенала, онъ отвѣчалъ, что 4 полкъ дерется съ Волынцами, и что изъ арсенала выбрасываютъ разное оружіе и приказываютъ народу вооружаться, а кто не дѣлаетъ этого, того убиваютъ (¹). Въ то время въ сторонѣ

(¹) Показаніе, что ворота арсенальскія отбиты чернью, въ числѣ которой были женщины, не заслуживаетъ вѣро-

арсенала видно было большое зарево. Если возмемъ все это въ соображеніе и добавимъ къ тому, что войска Заливскаго выведены въ 5 ч. и офицеры нетерпѣливо домогались у него начатія дѣйствій, угрожая, въ противномъ случаѣ, роспускомъ ротъ,—то будемъ имѣть достаточное основаніе къ заключенію, что возстаніе при арсеналѣ начато едва ли позже нападеній лазенковскихъ, запозданныхъ на полчаса противу того, какъ было условлено. А потому время, которое Смитъ признавалъ благопріятнымъ для подавленія мятежа, основываясь на нерѣшительности первыхъ дѣйствій въ Лазенкахъ, представляло городскія дѣла совсѣмъ въ другомъ видѣ; даже лазенковскіе нерѣшительные заговорщики успѣли уже полизать крови, совершивъ нѣсколько злодѣйствъ во время шествія своего по улицамъ города; изъ начальниковъ многіе убиты, и за тѣмъ мятежъ перешелъ окончательно въ руки заговорщиковъ. Между тѣмъ буйная варшавская чернь съ выпущенными колодниками успѣла, во славу вольности, разбить шинки и напиться. Но главнѣе всего представляется вопросъ: кѣмъ подавлять мятежъ? Самъ авторъ говоритъ, что русская пѣхота удалена была отъ кавалеріи почти на цѣлую милю и, въ добавокъ, находилась она за арсеналомъ и другими серединными частями города, кипѣвшими мятежомъ, прекратившимъ всякое сообщеніе между русскими. Не считалъ ли историкъ достаточнымъ для того собравшагося у великаго князя кавалерійскаго отряда съ приведенными къ нему противъ воли гренадерскими ротами? Слишкомъ было бы простовато вѣрить, что послѣднія, за часъ тому шедшія на помощь заговорщиковъ, теперь станутъ усмирять ихъ; скорѣе всего, вступивъ въ улицы, онѣ воспользовались бы первымъ удобнымъ мѣстомъ, чтобы сыпнуть пулями въ своихъ сопутниковъ-усмирителей. А одной кавалеріи въ такомъ городѣ, какъ Варшава, нечего дѣлать противъ строевой мятежной пѣхоты.

2. На стр. 149 повторяется мнѣніе о возможности прекращенія возстанія. „Быстрая атака нѣсколькихъ эскадроновъ кавалеріи въ различныхъ улицахъ легко могла разогнать еще слабыя толпы народа, и не дозволить заговорщикамъ утвердиться на открытомъ пунктѣ. Большая часть войска, увлеченная нѣсколькими офицерами, бывшими въ заговорѣ и покинутая народомъ, возвратилась бы къ своему долгу; болѣе упорные были бы доведены до сего силою; такимъ образомъ все возмущеніе было бы подавлено тѣмъ легче, что для поддержанія кавалеріи можно было употребить бóльшую часть пѣхоты.“

Какъ-то не хочется вѣрить, чтобы это легковѣсное и такъ мало отвѣчающее важности событій мнѣніе написано было авторомъ Исторіи польскаго возстанія. Самая толпа далеко не была слаба, по крайней мѣрѣ численностію; она, конечно, сначала буйствовала около арсенала и ближайшихъ глухихъ мѣстъ, но снабженная оружіемъ и за тѣмъ боевыми снарядами, скоро разлилась густыми волнами по всѣмъ улицамъ, установила свои опросы и отзывы для незнакомыхъ, вкусила сладость грабежа, и веселая и вольная въ польскомъ духѣ, въ 9 часу (какъ у меня отмѣчено) начала стрѣльбу. Слова нѣтъ, еслибы возмутилась только эта чернь, ее можно бы разгонять и одною кавалеріею, потому именно, что у варшавской черни, говоря вообще, не было въ то время ни особенной цѣли, ни даже особенной ненависти къ русскимъ; ею управляло одно желаніе zazyc wolnosci „попользоваться свободою“, т. е. пobражничать и побуйствовать на счетъ кого бы-то ни было. Но о томъ-то и рѣчь, что возстаніе сдѣлано и управлялось не толпою черни, а горячими головами военной молодежи, и не по поводу какой нибудь случайной вспышки, но на основаніи заговора, давно задуман-

ятія. Мятежъ поднятъ не народомъ, а войскомъ и въ началѣ не войско шло за народомъ, а народъ за войскомъ, и онъ дѣлалъ то, что оно дѣлало или приказывало.

наго и широко распространеннаго, особенно между польскими войсками. И когда мы за тѣмъ видимъ во главѣ мятежа, при самомъ его началѣ, любимые Цесаревичемъ 4-й полкъ и саперный батальонъ, а также разныя части изъ многихъ другихъ полковъ, школу подпрапорщиковъ съ воспитанниками другихъ военныхъ заведеній, артиллерійстовъ и т. п.; когда возмемъ во вниманіе, что всѣ начальники, старавшіеся отвлечь эти войска отъ мятежа, были грубо оттолкнуты или побиты: то едва ли можно утверждать, что подобные люди вернулись бы къ своему долгу, при оставленіи ихъ народною толпою, разогнанною кавалеріею. Самъ историкъ, если логически выводить заключеніе непосредственно изъ сущности совершившихся предъ тѣмъ дѣлъ, подтверждаетъ наше сомнѣніе; напр. „но зачинщики революціи всего менѣе думали о томъ, чтобы сойти съ пути, на которомъ они стояли, и пр.“ Это сказано по поводу прокламаціи Административнаго Совѣта, написанной въ умѣренномъ духѣ. О пѣхотѣ, которая, по мнѣнію автора, должна была поддерживать кавалерію, мы уже говорили прежде и повторять здѣсь считаемъ лишнимъ. Смитъ, впрочемъ, замѣчаетъ, что „таково было мнѣніе почти всѣхъ генераловъ.“ Охотно этому вѣримъ, но, полагаемъ, оно относится не къ первому дню, а къ тому времени, когда русская пѣхота присоединилась уже къ великому князю, между тѣмъ какъ разлитый въ польскихъ войскахъ враждебный духъ еще не вполнѣ обнаружился. Даже во время самыхъ событій слышно было, что извѣстный своею храбростію генералъ Герштенцвейгъ особенно настаивалъ у великаго князя послать войска противъ мятежниковъ, брался самъ за исполненіе и ручался за успѣхъ. На это надобно сказать одно, что русскимъ и всѣмъ вообще начальникамъ не было тогда извѣстно о размѣрахъ и общей связи заговора, а потому они смотрѣли на начало возстанія какъ на актъ частный.

О томъ, чему у Смита приписывается отказъ на это великаго князя, мы вспомнимъ послѣ, а теперь пойдемъ за историкомъ. „Было только (говоритъ онъ далѣе) дозволено генералу Курнатовскому въ сопровожденіи русскихъ генераловъ Даненберга и Фансгаве (2), съ гвардейскимъ конно-егерскимъ полкомъ, сдѣлать попытку къ утишенію возстанія. Они пробрались по Краковскому предмѣстью до Замка, а одинъ эскадронъ даже до арсенала, разогнали собирающійся народъ и арестовали нѣсколько человѣкъ; но не подкрѣпленные пѣхотою, они не отважились предпринять что либо противъ арсенала, гдѣ въ настоящее время былъ главный пунктъ возстанія.“

Прежде всего, не доказываетъ ли эта попытка, что безъ пѣхоты и при началѣ мятежа нельзя было сдѣлать ничего важнаго. Потомъ нужно замѣтить, что Краковское предмѣстье съ Новымъ Свѣтомъ — одна изъ широкихъ и прямыхъ улицъ, способныхъ для движенія кавалеріи, кромѣ небольшаго пространства около поворота въ Козью уличку; что Краковское предмѣстье удалено отъ арсенала, кругомъ котораго сначала толпился народъ, а потому полку не трудно было дойти до Замка и оттоль эскадрону пробраться до арсенала, конечно, по Медовой и Долгой, тоже широкимъ улицамъ. Но важнѣе всего въ этой попыткѣ то, что конные егеря — поляки; народъ не могъ еще ясно сознавать, къ какой цѣли направлены ихъ дѣйствія. И вообще появленіе на улицахъ конныхъ егерей, какъ родичей, не могло возбуждать того озлобленія, къ какому подалъ бы поводъ мундиръ русскаго улана, гусара или кирасира (3): въ послѣднемъ случаѣ народъ и въ

(2) Генерала съ такимъ прозваніемъ не было. Не Феньшъ ли это?

(3) Въ выноскѣ на 123 ст. переводчикъ поправляетъ автора, увѣряя, что Подольскій кирасирскій полкъ не былъ гвардейскимъ. Г. переводчику, какъ гвардейскому офицеру, слѣдовало бы знать, что Подольскіе кирасиры и уланы Цесаревича принадлежали къ старой, а Гродненскіе гусары къ молодой гвардіи.

правду повѣрилъ бы всѣмъ возгласамъ заговорщиковъ, которые, призывая его къ оружію, кричали, что москали нападаютъ, москали рѣжутъ.

3. Описавъ разрозненность русскихъ казармъ и смѣшеніе пѣхотныхъ съ польскими, отчего сообщеніе русскихъ войскъ чрезъ городъ было невозможно, историкъ говоритъ (стр. 129): „вслѣдствіе чего со времени брюссельскихъ происшествій, первоначальныя приказанія по этому предмету были измѣнены. Прежде, въ случаѣ тревоги, пѣхота должна была двинуться къ арсеналу и оборонять его; но въ послѣдствіи мысль объ оборонѣ города была совершенно оставлена, и командиры русскихъ полковъ получили тайный приказъ, на случай народнаго возстанія, тотчасъ покинуть городъ и идти на открытое поле къ Бельведеру.“

Автору, значитъ, не были извѣстны подробности касательно послѣднихъ приказаній и ихъ исполненія. Мы однако, прежде поясненія этого предмета, не лишнимъ полагаемъ сказать нѣсколько словъ объ обстоятельствахъ предшествовавшихъ. Великій князь Константинъ Павловичъ имѣлъ во второмъ супружествѣ, какъ извѣстно, польскую княжну Ловичъ; велъ онъ съ нею жизнь самую скромную, въ полномъ смыслѣ семейную. Главное занятіе и вмѣстѣ развлеченіе его состояли въ совершенствованіи строевой службы войскъ русскихъ и польскихъ. Расположеніе и способность поляковъ къ военному дѣлу всѣмъ извѣстны. Не говоря о конницѣ, для которой, повидимому, наиболѣе пригодны свойства ихъ, самая пѣхота не оставляла ничего желать лучшаго. Особенно пользовались извѣстностью и вниманіемъ великаго князя 4 линейный полкъ и батальонъ саперовъ. Слышно было, что въ 4-й полкъ переводили изъ другихъ все, что оказывалось дурнаго въ нравственномъ отношеніи. Это были польскіе архаровцы. За то всѣ строевыя выдумки и улучшенія начинались и испытывались въ 4-мъ полку; за то на царскихъ смотрахъ и ученьяхъ этотъ полкъ всегда получалъ по нѣсколько рублевиковъ на солдата больше противъ всѣхъ другихъ полковъ польскихъ и русскихъ. Вообще короткій, срокъ службы для нижнихъ чиновъ, хорошіе оклады жалованья офицеровъ, служба въ своемъ краю, любовь Цесаревича и вниманіе коронованныхъ особъ, не рѣдко пріѣзжавшихъ въ Варшаву и всегда любовавшихся военнымъ устройствомъ, что̀ питало тщеславіе поляковъ, готовыхъ всегда порисоваться своимъ молодечествомъ,—все это вмѣстѣ служило къ тому, что въ польскихъ войскахъ былъ почти двойной составъ офицеровъ, и очередь къ производству считалась рѣдкостью, потому что старшіе не хотѣли оставлять службы и затирали дорогу къ повышеніямъ для младшихъ. Какъ ни маловажно, повидимому, это обстоятельство въ ходѣ послѣдующихъ событій, а оно имѣло на нихъ большое вліяніе, настраивая честолюбивую служилую молодежь къ недовольству, всегда порождающему дурныя страсти. Самъ зачинщикъ мятежа Высоцкій (какъ передавалъ товарищъ его по службѣ въ школѣ подпрапорщиковъ, офицеръ Литовскаго полка Барановскій) едва ли не большую долю чувствъ своихъ зачерпнулъ не въ патріотизмѣ, а въ досадѣ, что онъ оставался около десяти лѣтъ въ одномъ чинѣ и не видѣлъ надежды къ выходу изъ подпоручическаго положенія, между тѣмъ сверстники его, поступившіе въ русскую гвардію, имѣли уже значеніе штабъ-офицеровъ. Приведенныя Смитомъ замѣчанія кн. Любецкаго, что „революція была произведена адвокатами безъ кліентовъ, докторами безъ паціентовъ и молодыми субалтеръ-офицерами, не хотѣвшими болѣе оставаться субалтерами“, заключаетъ въ себѣ не одну остроту, но и самую вѣрную мысль. Историкъ говоритъ (ст. 103): „дѣйствовалъ ли онъ (Высоцкій) въ этомъ случаѣ по собственному влеченію, или, что вѣроятнѣе, по побужденію свыше,—остается не извѣстнымъ.“ Этой вѣ-

роятности ничто не подтверждаетъ. Намъ кажется, ходъ разсматриваемаго дѣла былъ такой. Когда въ 1815 г. великій князь Цесаревичъ принялъ во вновь созданномъ Царствѣ Польскомъ верховное управленіе, онъ сразу повелъ дѣло къ опредѣленной цѣли, безъ уступокъ, даже круто, чего, повидимому, требовали самыя обстоятельства: поляки слишкомъ долго находились въ безначальномъ или, что одно и то же, въ многоначальномъ состояніи, чтобы могли скоро подчиниться строгому порядку, особенно военные люди, которые, въ качествѣ сподвижниковъ Наполеона, столько времени топтали и ломали чужія права, столько времени пользовались военнымъ самодурствомъ, обыкновенно называемымъ необходимостію. Кромѣ того, ничто предшествовавшее не внушало полякамъ увѣренности въ возможность развитія того общественнаго благосостоянія, которое ожидало ихъ вслѣдствіе порядка вещей, созданнаго Александромъ первымъ. И поляки взялись за тайныя общества, вели ихъ со всею дѣятельностію неугомонныхъ свойствъ своихъ, со всѣмъ пыломъ исторической ненависти къ русскимъ. Такимъ образомъ Польша отравлена заговорами съ начала учрежденія Царства; эта отрава, проникая повсюду, испортила наконецъ цѣлый организмъ народа—до того, что самый воздухъ въ Польшѣ зараженъ былъ революціею. Подъ самое основаніе новаго порядка подведена была мина, какъ о томъ и другомъ свидѣтельствуетъ одинъ изъ дѣятельнѣйшихъ участниковъ возстанія, Морицъ Мохнацкій. Москва загорѣлась отъ грошевой свѣчки. Высоцкій былъ этою свѣчкою для Польши: онъ поджогъ и взорвалъ уже готовую мину.

Великій князь, породнившись съ Польшею посредствомъ своего брака и любя искренно поляковъ, не переставалъ быть русскимъ (въ чемъ, кажется, многіе сомнѣвались, толкуя превратно привязанность великаго князя къ народу, усыновленному его добрымъ сердцемъ). Въ силу этого чувства не могъ онъ ограничивать своихъ желаній однимъ водвореніемъ въ Польшѣ порядка и общаго довольства: у него замѣтна была другая высшая цѣль. Все показывало, что эта цѣль, назовемъ ее, пожалуй, мечтою (достойною, впрочемъ, самыхъ благородныхъ стремленій) состояла въ надеждѣ, а можетъ быть и въ увѣренности, что имя его будетъ навсегда нераздѣльно съ памятью примиренія вѣковыхъ раздоровъ между Русью и Польшею. Отсюда покровительство князя и княгини бракамъ русскихъ съ польками, отсюда учрежденіе своднаго корпуса, въ которомъ и полки и начальники русскіе перемѣшены съ польскими. Такая мечта о сліяніи не представляла тогда ничего несбыточнаго, чему служитъ доказательствомъ и то, что изъ высшихъ польскихъ офицеровъ до капитана включительно очень немногіе участвовали въ заговорѣ. То же можно сказать и о большей части гражданъ, развившихъ ввое благосостояніе въ теченіи 15 лѣтъ въ такихъ размѣрахъ, какихъ оно никогда не достигало. Это, впрочемъ, нисколько не противорѣчитъ тому, что говорилось выше о нравственной порчѣ: ею заражена была преимущественно та среда, которая во время покоя не имѣла общественнаго голоса, но которая, подъ вліяніемъ тогдашняго духа времени и смутъ европейскихъ, сразу дала заговорщикамъ и силу и господство. Стало быть, увѣренность князя въ благонадежности польскихъ войскъ была не безъ основаній, и эта увѣренность въ связи съ добрымъ расположеніемъ къ полякамъ пустила въ его сердцѣ самые глубокіе корни, такъ что онъ первымъ открытіямъ заговора не придавалъ никакой важности, а первымъ извѣстіямъ объ измѣнѣ войскъ не хотѣлъ вѣрить, какъ объясняютъ между прочимъ и слѣдующіе случаи. Великій князь послалъ въ городъ фельдъегеря Рейзера узнать, что тамъ дѣлается. Рейзеръ по возвращеніи донесъ, что 4-й полкъ за одно съ мятежною толпою

и роздаетъ изъ арсенала оружіе народу. „Не можетъ быть! живо отвѣчалъ князь; ты побоялся близко подъѣхать, не разсмотрѣлъ хорошо и ошибся. Поѣзжай опять и узнай какъ можно лучше“. Рейзеръ поѣхалъ — и былъ взятъ въ плѣнъ. Та же исторія повторилась съ адъютантомъ (¹) Цесаревича, капитаномъ Грессеромъ. Когда онъ послѣ первой удачной поѣздки сказалъ объ участіи въ мятежѣ 4-го полка, великій князь до того былъ проникнутъ изумленіемъ, что, казалось, не довѣрялъ своимъ ушамъ и обратился къ другому адъютанту, польскому полковнику Турно, съ вопросомъ — слышалъ ли онъ Грессера? И не смотря на утвердительный отвѣтъ Турно, все еще не хотѣлъ вѣрить словамъ перваго, все еще сомнѣвался въ измѣнѣ 4-го полка, приписывая извѣстіе какому нибудь недоразумѣнію; онъ снова приказалъ Грессеру ѣхать къ арсеналу и какъ можно вѣрнѣе узнать дѣло. Замѣчанія о невозможности уже добраться до арсенала не помогли и были дѣйствительно ошибочны: Грессеръ доѣхалъ до арсенала, но там получилъ много ранъ и отбитъ только знакомымъ офицеромъ 4-го полка. Все это разсказывали сами Рейзеръ и Грессеръ въ Замкѣ, куда собраны были русскіе плѣнные офицеры. Въ то время у Грессера голова была обвязана бинтами, и хотя ему дано до десяти ранъ, но, повидимому, не было очень тяжелыхъ, потому что Грессеръ не обнаруживалъ особенныхъ страданій.

Не смотря однако на такую увѣренность Цесаревича въ польскихъ войскахъ, онъ нисколько не отвергалъ возможности безпорядка частнаго, и для того, за долго до возстанія, были удвоены караулы, усилены патрули и т. п. Этихъ мѣръ, при вѣрности польскихъ войскъ, было очень достаточно. Что касается до русской пѣхоты, расположенной въ казармахъ на сѣверной сторонѣ города, то великій князь въ то же время отдалъ чрезъ полковыхъ адъютантовъ такого рода приказаніе: въ случаѣ какихъ либо смятеній въ городѣ, русскія войска должны выдти изъ казармъ, соединиться на плацъ-парадной площади и тамъ ожидать дальнѣйшихъ приказаній; оружіе употреблять въ крайности и только для собственной обороны — чтобы не сказали, что мы нападаемъ. „Пусть, прибавилъ князь, поляки сами себя усмиряютъ“, разумѣя, конечно, подъ усмирителями польскія войска. Это не разъ разсказывалъ во время плѣна одинъ изъ посредниковъ въ передачѣ приказанія, адъютантъ Волынскаго полка Круссеръ. Но съ приказаніемъ вышла такая исторія: командиръ Литовскаго полка, генералъ Энгельманъ, сообщилъ волю Цесаревича своимъ батальоннымъ командирамъ, а командиръ Волынскаго полка, генералъ Есаковъ, почему-то не счелъ нужнымъ сдѣлать подобное довѣріе своимъ помощникамъ. И случилось такъ: когда вспыхнулъ мятежъ, Энгельманъ и Есаковъ, бывшіе въ гостяхъ у директора походной канцеляріи Данилова, въ Брюлевскомъ дворцѣ, сѣли на дрожки и поскакали сломя голову къ своимъ полкамъ, т. е. по Вержбовой улицѣ и за тѣмъ, повернувъ къ арсеналу, вдругъ очутились среди бунтующейся толпы, которая и схватила ихъ. Между тѣмъ и дивизіонный генералъ Рихтеръ задержанъ въ какомъ-то публичномъ увеселеніи (по Смиту, въ концертѣ на Медовой улицѣ). Полки остались безъ начальниковъ. Старшіе офицеры Литовскаго полка, зная волю великаго князя, отправились тотчасъ на плацъ-парадъ, а батальонные командиры Волынскаго, не имѣя никакого приказанія, сочли обязанностію идти на защиту арсенала въ помощь оберегавшей его польской пѣхотѣ; 1-й батальонъ сталъ занимать ближайшія улицы для очищенія ихъ отъ народа, и тамъ подвергся выстрѣламъ, о которыхъ говоритъ Смитъ, а

(¹) А не флигель-адъютантомъ, какъ ошибочно показано у Смита. Во флигель-адъютанты приняты всѣ адъютанты великаго князя послѣ его смерти.

2 батальонъ направился прямо къ арсеналу. Увидѣвъ возлѣ его 4-й полкъ, солдаты весело заговорили: а вотъ и четвертаки наши!— Кто идетъ? окликнули поляки.— Волынцы! былъ отвѣтъ.— Волынцы, бросай оружіе (rzucaj bron)! И вслѣдъ за тѣмъ сыпнули залпъ... Эта неожиданная измѣна произвела въ батальонѣ замѣшательство, и онъ началъ отступать. Едва отдалились Волынцы отъ арсенала, какъ передъ ними сталъ выдвигаться изъ поперечной улицы батальонъ польскихъ саперовъ. Русскій батальонный командиръ, полковникъ Албертовъ, отозвался къ польскому (полуплѣнному) батальонному командиру подполковнику Майковскому, отодвинуться назадъ. Тотъ скомандовалъ, саперы послушались, конечно въ послѣдній разъ; а лишь минули Волынцы, саперы направились къ арсеналу на соединеніе съ мятежниками. Когда сошлись оба батальона Волынскаго полка, они послали узнать, гдѣ же находится Литовскій полкъ—и только послѣ этого разъяснилось дѣло, и Волынскій полкъ отправился къ Литовскому на плацъ-парадъ.

Теперь мы видимъ, что мысль не употреблять русскія войска на подавленіе мятежа вовсе не принадлежитъ наущеніямъ, хотя бы и лукавымъ, какого нибудь адъютанта Замойскаго, какъ о томъ говорится у Смита, а обсужена и принята она великимъ княземъ гораздо раньше событій. Но правильна ли въ основаніяхъ самая мысль невмѣшательства? Чтобы яснѣе былъ отвѣтъ на эту задачу, нужно хоть слегка коснуться того, представлялась ли удобная пора для подавленія варшавскаго возстанія? Что нельзя было приступить къ тому на первый день, это мы уже доказывали. Лучшее время, повидимому, наступило по прибытіи на другой день „въ вечеру“ къ русскому отряду (стоявшему уже за Варшавою у Мокатова) русскихъ пѣхотныхъ полковъ, двухъ артиллерійскихъ батарей, а также польскихъ гвардейскихъ гренадеровъ. Тогда, значитъ, въ распоряженіи великаго князя составилось пять русскихъ полковъ съ двумя батареями, два гвардейскихъ полка (пѣхотный не полный) и нѣсколько ротъ и командъ другихъ полковъ, съ 4 орудіями. Кромѣ того, приказано генералу Шембеку привесть свою бригаду, приблизившуюся къ Блонѣ. Не извѣстно лишь, было ли въ русскомъ отрядѣ достаточно боевыхъ снарядовъ. Между тѣмъ обстоятельства быстро стали измѣняться: надъ польскими войсками принялъ главное начальство Хлопицкій, пользовавшійся общею народною любовью, славившійся высокими талантами и качествами воина, обладавшій энергіею и непоколебимою твердостію духа и воли, наконецъ обнаружившій свое направленіе заявленіемъ, что онъ будетъ дѣйствовать отъ имени Царя. Это подало надежду на успокоительный исходъ совершавшихся въ Варшавѣ безпорядковъ. Но при отъѣздѣ Шембека, давшаго великому князю слово привесть свою бригаду, къ нему подходитъ гвардейскихъ егерей (до сихъ поръ самыхъ вѣрныхъ) поручикъ Крушевскій, и требуетъ инструкцій, а Крушевскій это сдѣлалъ конечно не отъ одного своего лица. Шембекъ идетъ изъ Блони не къ русскому отряду, а въ Варшаву, и въ то же время посылаетъ приказаніе Крушевскому, чтобы находящіяся у великаго князя польскія войска послѣдовали примѣру Шембека; въ самыхъ же войскахъ этихъ духъ отложенія до того созрѣлъ и развился, что Цесаревичъ рѣшился уволить всѣхъ поляковъ, желая, по выраженію историка, избавить ихъ отъ позора добровольной измѣны.

И такъ, обращаясь къ заданному вопросу: правильна ли мысль о недопущеніи русскихъ къ усмиренію возстанія? мы рѣшаемся сказать *да* — не потому только, что она согласна съ примирительными чувствами великаго князя, а что находимъ ее согласною и съ самыми очевидными соображеніями. До прибытія къ нему русской пѣхоты и

артиллеріи нечего было думать о возможности подавленія возстанія, а по прибытіи той и другой, когда Даненбергъ и Герштенцвейгъ настоятельно требовали идти на Варшаву, покорность въ польскихъ войскахъ окончательно уже рушилась, и вмѣшательство русскихъ могло бы произвести только новое замѣшательство, которое прежде всего лишило бы Хлопицкаго возможности облегчить отступленіе великаго князя въ Россію. Возстаніе, скажемъ еще разъ, поднято не толпою или партіею недовольныхъ, а войскомъ, и не подъ предлогомъ частнаго озлобленія, а во имя національныхъ интересовъ. Зачинщики съ перваго же шагу сдѣлали столько преступленій, что разомъ отдѣлили себя пропастью, чрезъ которую нельзя уже было проложить къ нимъ дорогу угрозою и воззваніями, а нужно проходить по мосту изъ труповъ человѣческихъ. Конечно, для того было бы достаточно однихъ русскихъ войскъ, если бы дѣло шло собственно о мятежникахъ перваго дня; но за этими застрѣльщиками готовы были десятки тысячь отлично устроеннаго войска, вполнѣ имъ сочувствовавшаго. И неужели тѣ же гвардейскіе егеря и гренадеры, которые сначала оставались вѣрными порядку благодаря дисциплинѣ и остатку покорности въ постоянномъ присутствіи начальниковъ, стали бы помогать, даже равнодушно смотрѣть на истребленіе ихъ несобратовъ „москалями?“ Допустить это, значитъ, сильно увлекаться. Если многіе еще колебались приставать къ зачинщикамъ, такъ потому только, что у послѣднихъ не было еще знамени, всѣмъ извѣстнаго и уважаемаго. Когда выставлено это знамя въ лицѣ Хлопицкаго, тогда нечего уже было и говорить о вѣрности и признательности къ русскому правительству. Правда, поляки скоро начали щипать и рвать это знамя, покуда оно не упало; но таково свойство всѣхъ революцій. Однимъ словомъ, посылка въ Варшаву русскаго отряда была бы равносильна вызову на смертельный бой 32 тысячнаго войска, кромѣ народа, противъ 7 тысячь. Теперь, когда многія, въ то время темныя, обстоятельства разъяснились, отгадать послѣдствія не трудно.

24 Января 1867 г. *И. Ульяновъ.*

Посел. Усадьба-Миражъ
Міускаго округа В. Д.

Н. М. ЯЗЫКОВЪ.

1803—1846.

(Новые стихи его и письма).

Почти во всѣхъ замѣткахъ и статьяхъ о Языковѣ высказываются сѣтованія на скудость біографическихъ о немъ извѣстій. Правда, жизнь Языкова бѣдна внѣшними событіями, тѣмъ не менѣе для пониманія его произведеній, необходимо болѣе короткое знакомство съ его житейскою обстановкою, и средствомъ къ такому знакомству служатъ ниже помѣщаемыя письма Языкова къ лучшему его другу *Алексѣю Николаевичу Вульфу*. Писемъ этихъ 37-мь: онѣ относятся ко времени съ 1825-го по 1846-й годъ, т. е. по годъ смерти Языкова; писаны и стихами и прозой, и до сихъ поръ, кромѣ небольшихъ отрывковъ, приведенныхъ въ статьяхъ нашихъ: „Прогулка въ Тригорское“ (¹) не были напечатаны. А. Н. Вульфъ обязательно предоставилъ ихъ въ наше распоряженіе. Письма писаны изъ разныхъ мѣстъ: изъ Дерпта, Москвы, изъ Симбирской деревни и изъ чужихъ краевъ. Кромѣ этихъ писемъ въ нашемъ распоряженіи рукописный сборникъ стихотво-

(¹) Санктпетербургскія Вѣдомости 1866 г. № 163, 168 и 175.

реній Языкова. Сюда, рукою А. Н. Вульфа и его матери П. А. Осиповой, при жизни еще Языкова внесено 72 стихотворенія (рукопись въ 4—ку, 134 стр. съ общимъ эпиграфомъ ко всему сборнику: „Идѣже духъ Господень, ту свобода" (*) къ Коринѳ. 2, гл. 4 стих. 16). По тщательномъ сличеніи этого сборника съ послѣднимъ, безспорно полнѣйшимъ и лучшимъ изданіемъ стихотвореній Языкова (1858 г. 8°. 2 ч.) мы, кромѣ множества мелкихъ разнорѣчій нашли 20 стихотвореній, до сихъ поръ не напечатанныхъ, за исключеніемъ впрочемъ *семи* небольшихъ отрывковъ, приведенныхъ изъ нихъ въ нашихъ замѣткахъ: „Прогулка въ Тригорское."

Николай Михайловичъ Языковъ род. 4-го Марта 1803-го года, въ Симбирскѣ. Отецъ Языкова, Михаилъ Петровичъ, зажиточный помѣщикъ и гвардіи прапорщикъ въ отставкѣ, умеръ 52 лѣтъ, въ 1819 году; мать поэта, Екатерина Александровна, урожденная Ермолова, умерла въ 1831 г. Въ 1820 году Н. М. Языковъ кончилъ курсъ въ С.-Петербургѣ, въ институтѣ Горныхъ Инженеровъ, гдѣ воспитывалися и старшіе братья его Александръ Михайловичъ и извѣстный минералогъ Петръ Михайловичъ (1798—1851); въ этотъ же институтъ почти одно временно съ Языковымъ отданъ былъ и Алексѣй Николаевичъ Вульфъ, который однако пробылъ здѣсь не долго: мать Вульфа перевела его въ концѣ 1822 г. въ Дерптъ, гдѣ онъ и отданъ былъ къ одному изъ профессоровъ для приготовленія въ университетъ. Въ первой половинѣ 1823-го года Языковъ поступилъ въ Дерптскій университетъ, уже испробовавши свои литературные силы: стихотворенія его уже появились въ „Новостяхъ Литературы" журналѣ 1822-го г., гдѣ подъ однимъ изъ нихъ: („Къ А. М. Языкову„) издатель предсказывалъ блистательный успѣхъ молодому поэту. Въ 1823-мъ году Языковъ сошелся съ А. Н. Вульфомъ, который былъ студентомъ Дерптскаго Университета, и между молодыми людьми завязалась тѣсная дружба. Вообще нужно сказать, что Языковъ одаренъ былъ самымъ добрымъ и привязчивымъ сердцемъ. Онъ сходился съ людьми туго, но, разъ полюбивъ кого нибудь, навсегда оставался вѣренъ. Письма Языкова къ Вульфу наполнены извѣстіями объ ихъ общихъ друзьяхъ и сотоварищахъ по университету. Пельцеръ, А. Н. Шепелевъ, А. И. Тютчевъ, А. Д. Хрипковъ (впослѣдствіи ландшафтный живописецъ), А. В. Тихвинскій (лекторъ русской словесности въ Дерптскомъ университетѣ), Вронченко и Ортенбергъ (свитскіе офицеры, слушавшіе въ 1823—25 г. лекціи астрономіи у Дерптскаго профессора Струве, Вронченко впослѣдствіи времени сдѣлался извѣстенъ своимъ переводомъ Гамлета и другими литературными трудами), А. Н. Татариновъ, А. Н. Степановъ, А. Н. Очкинъ и нѣкоторые другіе: вотъ тѣ лица, которыя составляли дружескій кружокъ студента-Языкова, тѣ лица, которымъ онъ посвящалъ свои бойкія послания, облетавшія еще въ рукописи многія тысячи грамотнаго люда на Руси.... Но изъ всего этого кружка наиболѣе тѣсною дружбою связанъ

(*) У Н. М. Языкова была печать въ вырѣзаннымъ на ней этимъ текстомъ по гречески. П. Б.

былъ Языковъ съ Шепелевымъ, Тютчевымъ и Вульфомъ. Последнему посвящено до 12-ти посланій Языкова.

1823—1826 года самые поэтическіе въ жизни Языкова: свѣжій, румяный, русокудрый, голубоокой и молодой человѣкъ, дышавшій полнотою жизненныхъ и избыткомъ нравственныхъ силъ, онъ занялъ видное мѣсто въ ряду отечественныхъ талантовъ. Восторженныя хвалы жадно читавшей, заучивавшей и пѣвшей его стихи молодежи встрѣчали каждое новое его произведеніе. Жуковскій, Пушкинъ, Баратынскій, Дельвигъ спѣшили привѣтствовать новаго пѣвца. На немъ останавливались лучшія надежды, его, таланту совершенно искренно сулили блестящую будущность. Стихотворенія: „Чужбина", „Элегія: не улетай, не улетай", „Муза", "къ Александрѣ Андреевнѣ Воейковой", „Катинькѣ Моіеръ", „Элегія: она меня очаровала", „Евпатій", „Молитва", „Ала", „Ливонія", „Разбойники", „Поэтъ", „Двѣ картины", „Тригорское", „Вечеръ", „Къ нянѣ А. С. Пушкина" и многія другія изъ *шестидесяти* посланій, элегій, пѣсенъ и лирическихъ произведеній Языкова, явившихся въ альманахахъ и журналахъ того времени, совершенно оправдываютъ тѣ надежды, какія возлагались въ то время на него.

Языковъ восторженно отзывается о Дерптѣ:

Гдѣ милы юности прекрасной
Разнообразные дары,
Студентовъ шумные пиры,
Веселость жизни самовластной,
Свобода мнѣній, удаль рукъ,
Умовъ небрежное волненье
На полѣ славы и наукъ и т. д.

Альбомные стихи, которыми Языковъ не мало платилъ дань современной модѣ, не всѣ и не всегда гласили у него о любви и т. п. Нѣкоторыя изъ нихъ, напротивъ, выражаютъ чувства и мысли поэта по поводу различныхъ жизненныхъ вопросовъ. Предъ нами напр. весьма замѣчательное рукописное его стихотвореніе: „Извиненье", написанное имъ въ альбомъ М. П. Дириной „20 Декабря 1825 г.". Къ сожалѣнію мы можемъ привести только начало этого стихотворенія:

Я не исполнилъ обѣщанья:
Не все и плохо написалъ;
Но я прекраснаго желалъ,
Но я имѣю оправданье
Во глубинѣ моей души.
Онѣ довольно хороши:
Я жажду славы и свободы.
На что пророчутъ мнѣ мечты?
—Предвижу царство пустоты
И прозаическіе годы.

Вотъ еще такого рода стихотвореніе, также изъ альбома М. П. Дириной, бывшей потомъ замужемъ за Рейцомъ, професоромъ Римскаго права въ Дерптскомъ университетѣ:

Клятвенное обѣщаніе.

Потупя очи, къ небесамъ
Мою десницу подымаю,
Стою какъ вкопанный, и вамъ
Благоговѣйно присягаю:
Я ниженазванный клянусь
Тѣмъ горнимъ промысломъ, тѣмъ богомъ,
Который правитъ нашу Русь,
И помогаетъ ей во многомъ,
Что я хочу и долженъ я,
На всѣхъ дорогахъ бытія,
Лишь вамъ одной повиноваться,
Что будетъ кровь моя за васъ
Во всякой день, во всякой часъ,
Какъ повелите, волноваться;
Что ваши милыя права....
Желанья, прихоти, указы,
Мнѣ будутъ пуще божества,
Святѣе всякаго закона,

И вамъ живая оборона
Моя рука и голова.
Когда узнаю стороною,
Что вамъ на поприщѣ суетъ
Грозитъ убытокъ или вредъ,
Я охраню и успокою
Мой поэтическій предметъ;
Когда таинственное дѣло
Вы мнѣ повѣрите — я вамъ
Уберегу его такъ цѣло,
Что будетъ любо небесамъ.
Клянусь — и долженъ сей присягѣ
Ни на словахъ, ни на бумагѣ,
И вообще не измѣнять;
Но правомѣрно и повсюду
Душой и тѣломъ помнить буду
Мой долгъ и вашу благодать.
И такъ подъ вашею державой
Я дни подданства проведу,
Что даже страшному суду,
Не перепуганный и правый,
Отвѣты умные найду. (²)

Вотъ въ дополненье къ извѣстнымъ уже многочисленымъ посланіямъ Языкова, извлекаемыя нами изъ рукописнаго сборника А. Н. Вульфа:

Къ В—му.

Не робко пей, товарищъ мой:
Такъ наши прадѣды пивали,
Въ бояхъ, за чашой круговой
Они и нѣмцовъ побѣждали.
Счастливъ, кто вѣруетъ въ вино
Сердечно, слѣпо и надежно;
Какъ утѣшительно, какъ нѣжно,
Какъ упоительно оно!
Что краше, слаще наслажденья,
Когда играетъ голова,
Отважны, пламенны движенья,
Отважны, пламенны слова!
Такъ умъ кипитъ въ гражданской смутѣ,
Такъ жажда вольности пылка,
О рай тому, кто pro virtute
Достоинъ Вакхова вѣнка! (³)

(²) *Рук. сб.* стр. 46—48. Въ другомъ сборникѣ, принадлежащемъ М. И. О—вой, стихотв. это помѣчено: «7 Авг. 1825 г.»

(³) *Рук. сб.* стр. 119—120. По замѣчанью А. Н. Вульфа— стихи относятся къ 1827 году.

Къ А. Н. Тютчеву.

Какимъ восторгомъ ты пылаешь,
Какъ радостны твоя мечты,
Когда подарокъ красоты,
Устами жадными лобзаешь!
Твоя душа озарена
Живой надеждой наслажденья,
И ей доступны вдохновенья,
И возвышается она.
А я — напрасно я Киприду
Моей богиней называлъ:
Одну печаль, одну обиду
Мнѣ подарилъ мой идеалъ.
Дай руку—съ гордостью спокойной
На побѣдителя смотрю
И, стиснувъ зубы, говорю
Обѣтъ, измѣнницы достойный. (⁴)

Петру Николаевичу Шепелеву написано было Языковымъ нѣсколько посланій, три изъ нихъ вошли въ изд. 1858 года; приводимъ еще одно, и притомъ изъ раннихъ:

П. Н. Шепелеву.

Ты мой пріятель задушевный;
Мы поэтически живемъ,
Мы вольно учимся и пьемъ;
Мы разсуждаемъ ежедневно
Объ идеальномъ и благомъ;
Однакожь дѣло не объ томъ.
Скажи: кого порою ночи
Твои привѣтствуютъ мечты,
Чьи возмутительныя очи
Звѣздами называешь ты?
Она мила, она далеко,
Она измѣнитъ! Такъ не разъ
Тебя встревожитъ сердца гласъ
Въ часы печали одинокой.
Откройся мнѣ:, какъ ты, мой другъ,
Любви я знаю самовластье;
Пусть охладитъ мое участье
Твой соблазнительный недугъ;
Знакомый съ дѣвами и свѣтомъ,
Тебя утѣшу я вполнѣ
Иль поэтическомъ совѣтомъ,
Иль посланьемъ о винѣ (⁵).

13 Февраля 1826 г.

(⁴) *Рук. сб.* стр. 22—23. Стихотвореніе принадлежитъ къ 1825—26 гг. по замѣчанію А. Н. Вульфа.

(⁵) *Рук. сбор.* стр. 51—52. По словамъ А. Н. Вульфа, у П. Н. Шепелева (нынѣ мироваго посредника въ Рязанской губ.) должно быть нѣсколько неизданныхъ стихотвореній Языкова.

А вотъ одно изъ обѣщанныхъ Языковымъ тому же другу утѣшительныхъ посланій; посланіе, также не попавшее до сихъ поръ въ печать:

П. П. Шепелеву.

Счастливъ, кому дала природа
Не поэтическую грудь,
Кто совершаетъ какъ нибудь
Труды земнаго перехода;
Мірскимъ довольствуется онъ!
Слегка печаль его печалитъ,
Полувлюбленъ—когда влюбленъ,
Онъ вѣчно радъ—и Бога хвалитъ!
Ты, другъ, иначе сотворенъ:
Черезъ долину испытанья
Твоя дорога; съ юныхъ дней
Душѣ недремлющей твоей
Знакомы жгучія желанья;
Ты любишь сильно. Знаю я,
Тобою избранная дѣва
Мила, какъ радостная Евва
При первомъ блескѣ бытія:
Еще въ ней ясны выраженья
Великой мысли божества,
Взоръ полонъ свѣжести творенья,
Въ устахъ гармонія жива....
И чтожь, о другъ, какое чувство
Во мнѣ кипитъ и бѣситъ кровь,
Когда возмется за любовь
Мое священное искусство,
Мнѣ странно: что я ни начну
Въ Цитерской области Парнаса—
Всегда летучаго Пегаса
Съ дороги въ сторону сверну;
Играю, вольничаю, тѣшусь,
И вдругъ направо перевѣшусь
И знаменитую жену
Стихомъ за щеку ущипну.
И здѣсь готовилъ я сравненье
На зло красавицѣ моей—
Да нѣтъ, твое воображенье
Не терпитъ шалостей.—Богъ съ ней!
Постигнутъ холодомъ измѣны
И я, какъ ты, мой милый другъ;
Люблю глаза моей Елены,
Люблю мой пагубный недугъ.
Мы оба пламенны до нынѣ,
Въ насъ вѣрны мысли и мечты:
Такъ на лазоревой пучинѣ,
Подъ океаномъ темноты,
Пловца порою путеводитъ
Звѣзда пустынная; на
Вдали чуть, чуть ему видна,
А онъ очей къ нея не сводитъ.

6 Августа 1826 г. ([6])

Вотъ еще одно стихотвореніе Языкова; это изъ рода альбомныхъ, но весьма прочувствованныхъ и недурныхъ его элегическихъ стихотвореній.

Эпилогъ.

Смотрю умильными глазами
На эти скромные листы,
Гдѣ я небрежными стихами
Вамъ рисовалъ мои мечты,
Мнѣ драгоцѣнныя когда то.
Когда то милыя, онѣ
Съ моей надеждою крылатой
Въ одной живали сторонѣ.
Въ тѣ дни—свѣтла, какъ житель рая,
Сильна, какъ мысли божества,
Свѣжа, какъ роза молодая,
Какъ пѣсня вольности жива,
Любовь свободно покоряла
Всѣ силы сердца моего,
И, ей подвластная, его
Восторги Муза воспѣвала.
Они прошли какъ сонъ! И вновь
Ни словомъ ласковымъ, ни взоромъ
Не подружитъ меня со вздоромъ
Моя почтенная любовь.
Ее вы знаете.—Едвали
Опять во мнѣ.... Сіи листы
Хранятъ,—какъ выше мы сказали,
Мои давнишнія мечты:
Онѣ, я знаю, недостойны,
Воспоминанья: порой
Не ясны; дышатъ суетой,
И многословны, и нестройны
И говорятъ о старинѣ,
И часто бредятъ... не читайте,

([6]) *Рук. сбор.* стр. 66—69. Звѣзда, съ которой не сводилъ очей Языковъ, была супруга Воейкова—Александра Андреевна, урожденная Протасова; на сестрѣ ея былъ женатъ професоръ Дерптскаго университета И. Ф. Моіеръ. У Моіера собирался время отъ времени небольшой кружокъ Русской молодежи, находившейся въ Дерптѣ. Бывало, какъ разсказываетъ А. Н. Вульфъ, недѣли въ двѣ придетъ разъ и нашъ дикарь Языковъ, заберется въ уголъ, промолчитъ весь вечеръ, полюбуется Воейковой, выпьетъ стаканъ чаю, а потомъ въ стихахъ и изливаетъ пламенную страсть свою къ красавицѣ, съ которой и слова-то бывало не промолвитъ. А. А. Воейкова скончалась въ 1829 г. въ Ливурно.

Забудьте ихъ—и обо мнѣ
Не по стихамъ воспоминайте.
29 Мая 1826 г. (7)

Лѣто того года, къ которому относится большая часть приведенныхъ нами стиховъ Языкова, было счастливѣйшее въ жизни нашего поэта: оно проведено было имъ вмѣстѣ съ Вульфомъ въ Тригорскомъ, въ обществѣ его обитательницъ, въ постоянныхъ ежедневныхъ свиданіяхъ съ Пушкинымъ, для котораго въ то время ежедневно посѣщать Тригорское было потребностью. Мы не станемъ повторять извѣстныхъ подробностей объ этомъ благодатномъ времени въ жизни обоихъ поэтовъ. Языковъ, обыкновенно застѣнчивый и угрюмый въ обществѣ дамъ и дѣвицъ, въ Тригорскомъ мало по малу оживился. „А то, по замѣчанію одной изъ тогдашнихъ обитательницъ Тригорскаго, первое время по пріѣздѣ въ деревню, Языковъ былъ удивительно застѣнчивъ: бывало разговариваетъ онъ съ братомъ моимъ (А. Н. В.), войдемъ къ нимъ, Языковъ тотчасъ замолчитъ, сконфузится и выйдетъ изъ комнаты". Дочери П. А. Осиповой (владѣлицы Тригорскаго), отличаясь красотой, граціей, прекраснымъ образованіемъ, и одна изъ нихъ высокимъ музыкальнымъ талантомъ,—совершенно очаровали молодаго Языкова. Николай Михайловичъ въ бытность свою въ Тригорскомъ по цѣлымъ часамъ декламировалъ оживленныя, дышущія силой и поэзіей стихотворенія. Пушкинъ съ наслажденіемъ, безмолвно, внималъ юному пѣвцу свободы, вина и грацій. Кто не знаетъ, какимъ неизсякаемымъ источникомъ высокой поэзіи послужило для Языкова шестинедѣльное пребываніе его въ Тригорскомъ? Лучшіе стихи его, по приговору самыхъ придирчивыхъ его критиковъ, связаны съ этимъ временемъ. Началомъ этого цикла стихотвореній Языкова было небольшое посланіе его къ А. С. Пушкину, отрывки изъ котораго были напечатаны нами въ статьѣ: „Прогулка въ Тригорское" (8). Приводимъ это замѣчательное, въ автобіографическомъ отношеніи, стихотвореніе вполнѣ:

Къ Пушкину.

О ты, чья дружба мнѣ дороже
Привѣтовъ ласковой молвы,
Милѣе дѣвицы пригожей,
Святѣе всякой головы!
Огнемъ стиховъ ознаменую
Тѣ достохвальныя края
И ту годину золотую,
Гдѣ и когда мы: ты да я—
Два сына Руси православной—
Постановили своенравно
Нашъ поэтическій союзъ.
Пророкъ изящнаго, забуду-ль,
Какъ волновалася во мнѣ,
На самой сердца глубинѣ
Восторговъ пламенная удаль,
Когда могущественный ромъ
Съ плодами сладостной Мессины,
Съ немного сахара, съ виномъ,
Переработанный огнемъ—
Лился въ бокалы-исполины;
Какъ мы, бывало, пьемъ, да пьемъ,
Творимъ обѣты нашей Гебѣ,
Зовемъ свободу въ нашу Русь—
И я на вѣчѣ, я на небѣ!
И славой прадѣдовъ горжусь!
Мнѣ утѣшительно доселѣ,
Мнѣ весело воспоминать
Сію поэзію во хмѣлѣ,
Ума и сердца благодать.
Теперь, когда Парнасса воды
Хвостовы черпаютъ на оды,
И добродушная Москва,

(7) *Рук. сборн.* стр. 62—64. Посланіе это относится къ М. П. Дириной.

(8) Спб. Вѣдом. 1866 г., № 163.

Полна святаго упованья,
Приготовляетъ торжества
На свѣтлый день царевѣнчанья,—
Съ челомъ возвышеннымъ стою,
Передъ скрижалью вдохновеній,
И вольность нашихъ наслажденій,
И берегъ Сороти (⁹) пою.

19 Августа 1826 г. (¹⁰)

Въ Декабрѣ 1826 года Языковъ разстался съ Вульфомъ. Задушевный другъ нашего поэта, окончивъ курсъ въ Дерптскомъ университетѣ, отправился въ одно изъ своихъ имѣній, въ Тверскую губ., а потомъ въ Петербургъ, гдѣ проводилъ время въ обществѣ Пушкина, Дельвига и другихъ знаменитостей литературнаго круга того времени. Весной 1827 г. Вульфъ пріѣзжалъ въ Дерптъ на короткое время за своимъ аттестатомъ и засталъ Языкова уже только числящимся при университетѣ въ числѣ вольныхъ слушателей. Въ этомъ званіи поэтъ нашъ еще болѣе двухъ лѣтъ жилъ въ Дерптѣ. Въ теченіи этаго-то времени онъ велъ постоянную переписку съ Вульфомъ, причемъ въ письмахъ своихъ на ряду съ толками о Русской литературѣ вообще и о Пушкинѣ въ особенности, Языковъ сообщалъ извѣстія о своемъ житьѣ-бытьѣ, своихъ занятіяхъ, планахъ и предположеніяхъ. Приведемъ изъ этихъ писемъ болѣе интересные отрывки:

„Благодарю тебя за письмо твое, (такъ начинается, 27 Января 1827 г. первое изъ имѣющихся у насъ писемъ Языкова) почтеннѣйшій собратъ,—судьба и доселѣ позволяетъ мнѣ носить это достохвальное имя: зане я уже не студентъ, слѣдственно состою теперь опять въ одномъ сословіи съ тобою „и я филистимлянинъ." Затѣмъ, сообщивъ о томъ, что Пушкинъ приглашаетъ его участвовать въ „Московскомъ Вѣстникѣ", Языковъ пишетъ, что большая часть его друзей поразъѣхались изъ Дерпта, наконецъ переходитъ къ явленіямъ общественной жизни этого городка:

„Вчера я видѣлъ знаменитаго актера Вурма на сценѣ: имъ восхищаются какъ божествомъ, и должно сознаться, что онъ очень хорошо играетъ свои роли; но все таки не диво, потому что гибкій голосъ, развертливость на сценѣ, совершенное понятіе лица представляемаго — суть условія всякаго хорошаго актера, но еще не составляютъ необыкновеннаго явленія. Доказательствомъ этому служитъ между прочимъ и то, что въ Россіи можно начесть человѣкъ пять такихъ актеровъ какъ Вурмъ въ комическомъ, слѣдственно легчайшемъ родѣ, а они все таки не чудеса!"

„Мои дѣла идутъ довольно хорошо, головныя боли какъ то присмирѣли, и я могу отъ сердца благодарить судьбу за эту пріятную новость моего житья-бытья. Вотъ тебѣ нѣсколько стиховъ моей работы: самые свѣжіе:

Къ Музѣ:

«Мой ангелъ милой и прекрасной, и проч. (¹¹)

„Мое приготовленіе къ экзамену началось этими стихами, или лучше сказать моя литература въ Дерптѣ кончилась ими. Прощай, весь твой Н. Языковъ."

(⁹) Сороть рѣка, надъ которой стоитъ село Тригорское.
(¹⁰) *Рук. сбор.*, стр. 95—97.

(¹¹) Стихотвореніе это напечатано въ изд. 1858 г. на стр. 71—72 въ 1-й части, въ числѣ стихотвореній 1826 г.

„Кланяйся и свидѣтельствуй почтенія въ мое воспоминаніе тамъ, гдѣ живешь теперь“ (т. е. въ Тригорскомъ).

Нельзя не сказать здѣсь нѣсколькихъ словъ о состояніи Дерптскаго университета въ ту эпоху, когда въ числѣ его питомцевъ находился Языковъ.

Дерптскій университетъ въ это время раздѣлялся на четыре отдѣленія или факультета: 1) философскій, на которомъ кромѣ философіи, слушались науки филологическія, науки математическія, камеральныя и естественныя; Исторія и Статистика слушались вмѣстѣ съ другими факультетами.; 2) богословскій; 3) юридическій и 4) медицинскій. На всѣхъ факультетахъ въ числѣ профессоровъ было нѣсколько человѣкъ, пользовавшихся Европейскою извѣстностью. Таковы были: *Эверсъ*, профессоръ Исторіи и ректоръ университета, человѣкъ громадной учености и пользовавшійся большимъ уваженіемъ. Молодежь Дерптская росла на свободѣ, дѣло образованія не было стѣсняемо никакими формальностями; такъ по крайней мѣрѣ было въ первые 20-ть лѣтъ существованія Дерптскаго университета. Въ концѣ 1823 г. старикъ Эверсъ чуть не со слезами прочелъ студентамъ распоряженіе, что отнынѣ студенты должны ходить въ мундирахъ. Ничего не имѣя, кромѣ долговъ, которые обыкновенно уже уплачивались по выходѣ изъ университета или при поступленіи на службу, студенты долго и долго не могли исполнить этого распоряженія начальства.... Другой *Эверсъ*, однофамилецъ первому, былъ профессоръ богословіи. Это былъ бодрый и свѣжій 80 лѣтній старикъ, весь погруженный въ науку. Онъ обыкновенно ходилъ въ костюмѣ 18-го вѣка: носилъ чулки, башмаки и проч. *Моіеръ*, славный операторъ своего времени, былъ гордостью медицинскаго факультета вмѣстѣ съ *Эрманомъ*, физіологомъ, знаменитостью своего времени. *Пейманъ*, юристъ, въ самое короткое время прекрасно изучилъ Русскій языкъ и на Русскомъ языкѣ объяснялъ Русскую правду и проч. Это былъ человѣкъ очень ученый и въ то же время съ большими странностями. Онъ каждый день напр., не смотря ни на какой морозъ, въ одномъ сюртукѣ, послѣ лекцій, отправлялся пѣшкомъ верстъ за 15-ть отъ города, къ женѣ. Старикъ умеръ лѣтъ 70-ти, прекрасно воздѣлавъ доставшійся ему кусокъ плохой земли близь Гатчины. Академикъ *Парротъ*, французъ, другъ Императора Александра 1-го, человѣкъ славный своимъ умомъ, честностью и прямотою своего характера, читалъ физику. Знаменитый *Струве* занималъ каѳедру астрономіи. Военныя науки читалъ *Адеркасъ*, маіоръ Прусской службы, воевавшій въ 1799 г. противъ Дюмурье; этотъ Адеркасъ явился въ Россію вмѣстѣ съ Дибичемъ; послѣдній поступилъ въ гвардію и сдѣлалъ себѣ блестящую карьеру, первый же, мирно прослуживъ въ университетѣ 25 лѣтъ, сдѣлался гернгутеромъ и удалился на родину.... Русскую литературу преподовалъ въ Дерптскомъ университетѣ, въ описываемое нами время В. М. Перевощиковъ, братъ Московскаго математика. Онъ читалъ не особенно живо, впрочемъ среди Нѣмцовъ и трудно было оживиться профессору Русской словесности.

Какъ бы то ни было, но въ Дерптѣ, въ 1823—1828 гг., было кого послушать, было у кого поучиться. Въ ряду профессоровъ университета сіяло, если можно такъ выразиться, нѣсколько звѣздъ первой величины. И такъ была бы охота, была бы энергія и любовь къ наукѣ, и каждый изъ Дерптскихъ студентовъ могъ многое и многое вынести изъ университетскихъ лекцій. И молодежь пріобрѣтала знанія,—мало только выпадало ихъ на долю Языкова, человѣка лѣниваго, въ этомъ отношеніи лишеннаго всякой энергіи къ труду усидчивому и постоянному....

Занятія его науками дѣйствительно шли и вяло, и плохо. Въ этомъ онъ самъ сознавался.... „Мое приготовленіе къ экзамену, пишетъ между прочимъ Языковъ 17-го Февраля 1827 г., идетъ очень плохо; только было началъ я кое-что дѣлать по части наукъ камералистическихъ, какъ наперекоръ сему занятію (сказано между нами) мнѣ явилось удовольствіе служить моею обителью Пельцеру.... Не знаю, когда возмогу снова заняться какъ бы хотѣлось, какъ ты занимался. Что будетъ—будетъ! а будетъ то, что Богъ дастъ". Письмо заканчивается прочувствованными строками о томъ высокомъ наслажденіи, съ какимъ вспоминаетъ поэтъ о пребываніи своемъ въ Тригорскомъ—лѣтомъ 1826 года. Годовщину этого времени Языковъ проводилъ въ селеніи Камби, близь Дерпта, въ тихомъ уединеніи, куда перебрался изъ города съ раннею весною.

„Третьяго дня, говоритъ онъ въ письмѣ отъ 19 Апрѣля 1827 г. получилъ я письмо твое, мой почтѣннѣйшій и любезнѣйшій Аяксъ, и отвѣчаю на него вотъ какъ:

Теперь я въ Камби, милый мой.
Для поэтическихъ занятій,
Для жизни дѣльной и простой,
Покинулъ я хмѣльныхъ собратій и проч. (12)

Уединеніе благопріятствовало поэтической дѣятельности Языкова, такъ что онъ въ одномъ этомъ письмѣ помѣстилъ еще другое посланіе къ „А. Н. Вульфу", въ которомъ весьма мило вспоминаетъ о лѣтѣ 1826 года, проведенномъ въ обществѣ Пушкина:

Повѣрь, товарищъ, сладко мнѣ
О мирной думать сторонѣ,
Гдѣ я, разгульный и свободный,
Завѣтнымъ преданный мечтамъ,
Бродилъ рѣки голубоводной
По величавымъ берегамъ....
Мнѣ все плѣнительно въ Тригорскомъ, и проч. (13)

Впрочемъ П. А. Осипова весьма убѣдительно и на это лѣто просила Языкова погостить у нея; нетерпѣливо ждали его и дочери г-жи Осиповой.... Но Языковъ по своей застѣнчивости и мало-подвижности не исполнилъ ни ихъ, ни собственнаго желанія.

„.... Я тяжело виноватъ передъ Прасковьей Александровной, — пишетъ Языковъ въ томъ же письмѣ отъ 19-го Апрѣля—моя многогрѣшная (добро) за-

---

(12) Въ изд. стих. Яз. 1858 г. т. I. стр. 105—106: «къ Вульфу.» Языковъ называлъ своего друга «Аясомъ»: прозвище данное Вульфу его сотоварищами по «буршеншафту» Студенты Дерптскіе раздѣлялись и тогда на нѣсколько корпорацій. Членовъ чистаго буршеншафта, мечтавшихъ объ единствѣ Германіи—было всего только *семь*. Въ числѣ ихъ былъ и Вульфъ. Остальные студенты распадались на отдѣльные коры: Эстляндцы, Курляндцы—составляли отдѣльные кружки, земля Рижская и земля Дерптская въ лицѣ своихъ представителей студентовъ тоже составляли особые кружки. Языковъ не принадлежалъ ни къ буршеншафту, ни къ ландсманшафтамъ,—его числили, въ разрядѣ диких т. е. лицъ, стоявшихъ внѣ законовъ корпорацій, а потому и не охраняемыхъ сими законами.

(13) Тамъ-же стр. 105—106 «къ Вульфу».

стѣнчивость принудила меня не отвѣчать на почтенное письмо: зане стыдилась отвѣчать отрицательно. Хрипковъ.... живетъ теперь также въ Камби, возлѣ шума колесъ мѣльницы, а я въ темной и возвышенной каморкѣ ткача, въ лѣсу, на горѣ. Ежели ты бывалъ здѣсь, то вообрази все это и соображай какъ и что?“

„Я совершенно на своей волѣ: желаніе писать стихи уединило меня въ обитель тихую; не знаю, когда опять начну приготовляться къ Іисусу, а теперь покуда ни краемъ уха не слушаю совѣтовъ честолюбія ученическаго! Мнѣ-же, слава Богу, ей Богу не куда торопиться.... Теперь, разбѣга ради, воспѣваю здѣшнія урочища; а послѣ и скоро примусь за что нибудь знаменитѣйшее; впрочемъ не бѣда, какъ во ржи лебеда, а то бѣда, какъ ни ржи, ни лебеды! Стиховъ для Дельвига доставлю въ свое время, еще успѣю“.

Нельзя однако сказать, чтобъ дѣятельность Языкова и на поэтическомъ поприщѣ за это время была особенно велика; по крайней мѣрѣ отъ 1827-го г. мы имѣемъ въ печати едва десятокъ его стихотвореній, да нѣсколько нравоучительныхъ четверостишій. Намѣренія приняться за что нибудь, какъ выражается Языковъ: „знаменитѣйшее“—начинаютъ зачастую заявляться имъ какъ въ стихахъ, такъ и въ письмахъ поэта.... Но, увы! намѣренья оставались намѣреньями, и результаты дѣятельности пѣвца свободы, вина и грацій—все еще далеко не соотвѣтствовало его замѣчательному дарованью. Разгадку этого надо искать въ характерѣ Языкова: лѣнь была присуща ему; онъ не пріобыкъ къ труду усидчивому, постоянному, энергическому. Между тѣмъ нельзя сказать, чтобъ онъ не имѣлъ большихъ способностей къ наукамъ или языкамъ. Онъ напр., какъ увѣряютъ нѣкоторые изъ лицъ близко его знавшихъ, хорошо изучилъ языкъ греческій, прекрасно владѣлъ языкомъ нѣмецкимъ и былъ близко знакомъ съ нѣмецкою литературою.

Притомъ Языковъ вполнѣ сознавалъ всю необходимость серьезныхъ занятій и смотрѣлъ на поэтическую свою дѣятельность только какъ на развлеченіе и отдыхъ...

.... „Жизнь моя, говоритъ онъ въ письмѣ отъ 27-го Апрѣля 1827 г. сдѣлалась (по отъѣздѣ одного изъ друзей его) гораздо благообразнѣе, благопристойнѣе и занимательнѣе прежней: началась и работа въ нѣкоторомъ, впрочемъ благородномъ, смыслѣ; но все еще я не вовсе впился въ занятія сухія, скучныя, прозаическія, но необходимыя; тѣмъ болѣе что чувствую себя въ необходимости написать кое что стихотворное прежде, нежели предамся вполнѣ труду вышеназванному. Ежели богъ Поэзіи благословитъ меня въ сіе время, ежели онъ возвыситъ до прекраснаго мою поэтическую дѣятельность, то, мой почтеннѣйшій Аяксъ, и давно обѣщанное, разгульное посланіе къ тебѣ выдетъ изъ головы моей во всеоружіи, какъ Минерва изъ головы Зевеса! Дай Богъ. Вотъ тебѣ моя литературная новость: говорятъ, и сильно, что скоро сюда будетъ моя Муза, мое солнце—жду съ нетерпѣніемъ. Этотъ случай, многозначительный для стиховъ моихъ, ко-

нечно возвратитъ мнѣ ревность Парнасскую, воспламенитъ мою душу.... Тогда все прозаическое къ черту: меня всего наполнитъ поэзія жизни и жизнь поэзіи!... Жителямъ Тригорскаго мои почтенія, поклоны—и будутъ *стихи* можетъ быть скоро, ежели Богъ дастъ здоровье"....

„1-го Мая. 1827 г. Поздравляю тебя съ праздникомъ весны, мой любезнѣйшій и почтеннѣйшій Аяксъ! Сегодня вечеромъ господа студенты или вѣрнѣе часть студентовъ, несутъ здравствованіе профессорамъ отходящимъ, Еше и Штиксу и вотъ и все, что здѣсь есть новаго!—Хрипковъ согласенъ совокупно съ Тихвинскимъ и мною предпринять въ началѣ каникулъ почтенное путешествіе въ Тригорское, любезное, славное. Онъ поѣдетъ и пріѣдетъ съ кистію въ рукѣ: ему уже знакомы страны православнаго Пскова: какая пища для кисти, пера и лиры! А въ Тригорскомъ и того болѣе. И такъ все славу Богу"....

Друзья Языкова не все были „хмѣльные собратья", отъ которыхъ человѣку, желающему заняться, надо было бѣжать: мы видѣли выше, что самъ Языковъ свидѣтельствуетъ о томъ прилежаніи, съ какимъ занимался Вульфъ, Теперь въ томъ же письмѣ поэтъ говоритъ о другомъ своемъ другѣ, Тютчевѣ ([14]). „Онъ съ утра до ночи въ работѣ, скоро хочетъ предстать на страшное судище, и теперь такъ отощалъ, такъ обросъ волосами, что его едва узнать можно—особливо вблизи. Вотъ что значитъ трудъ прозаическій!..."

Самому только Языкову не давался этотъ трудъ, такъ что онъ самъ писалъ нѣсколько дней спустя (18 Мая 1827) „Въ моемъ положеніи внѣшнемъ и внутреннемъ все идетъ прежнимъ порядкомъ, а вѣрнѣе сказать безпорядкомъ; приготовленія къ экзамену, должно признаться, не начались, потому что мнѣ совѣстно назвать симъ почтеннымъ именемъ обыкновенное чтеніе, справки и выправки учебныя безъ системы, какъ въ голову придетъ, безъ цѣли близкой. Тютчевъ же работаетъ сильно...." За то при этомъ же письмѣ, проливающемъ столь неблагопріятный свѣтъ на университетскія занятія Языкова, уже пятый годъ считавшаго себя въ числѣ подвижниковъ Дерптскаго университета,—приложено было прелестное стихотвореніе: „Къ нянѣ А. С. Пушкина" ([15]).

Экзамены были отодвинуты въ сторону; Языковъ объяснилъ своему любезному Аяксу почему и какъ это случилось!

....„Ежели всякіе стихи, пишетъ онъ къ нему отъ 6-го Іюня 1827-го г., ежели всякіе стихи, какіе бы они ни были—поэзія, то во мнѣ сильно дѣйствуетъ теперь Парнасская дѣятельность: она обратилась не къ небу и къ поприщу славы, а къ родственникамъ и родинѣ. Замѣть мимоходомъ странность: до сихъ поръ я не писалъ ни одного посланія семейственнаго, не смотря на то, что сей родъ стихотвореній составляетъ главное народо-

([14]) А. Н. Тютчевъ молодой человѣкъ, весьма много обѣщавшій, скончался въ 1831-мъ году. Ему принадлежитъ нѣсколько весьма не дурныхъ стихотвореній, оставшихся впрочемъ въ рукописи. Языковъ почтилъ его смерть особымъ стихотвореніемъ. Соч. Языкова изд. 1858 г. II ч. стр. 35.

([15]) См. въ изд. 1858 г. ч. I. стр. 89.

населеніе въ жилищѣ моей славы литературной. Не знаю, что сдѣлается съ моимъ орломъ (*), о которомъ ты столь часто вспоминаешь. Прощай до слѣдующей почты. Prope et longe tuus Н. Языковъ. Кланяюсь и почтеніе свидѣтельствую почтеннымъ обитательницамъ дома на горѣ, среди лощинъ, передъ серебряннымъ прудомъ".

1-го Мая 1827 г. онъ помянулъ время, проведенное въ этомъ дорогомъ для него убѣжищѣ—большимъ посланьемъ къ „П. А. Осиповой." Начало его было уже напечатано нами ([16]); здѣсь считаемъ не лишнимъ привести его вполнѣ:

Къ П. А. Осиповой.

Благодарю васъ за цвѣты,
Они священны мнѣ: порою
На нихъ задумчиво покою
Мои любимыя мечты;
Они плѣнительно и живо
Тѣ дни напоминаютъ мнѣ,
Когда на волѣ въ тишинѣ,
Съ моей Каменою лѣнивой
Я своенравно отдыхалъ
Вдали удушливаго свѣта,
И вдохновеннаго поэта
Къ груди кипучей прижималъ!
И нынѣ съ грустью безутѣшной,
Мои желанія летятъ
Въ тотъ край возвышенныхъ отрадъ
Свободы милой и безгрѣшной.
И часто вижу я во снѣ:
И три горы, и домъ красивый,
И свѣтлой Сороти извивы
Златаго мѣсяца въ огнѣ,
И тамъ, у берега, тѣнь ивы—
Пріютъ прохлады въ лѣтній зной,
Наяды пологъ продувной;
И тѣ отлогости, тѣ нивы,
Изъ за которыхъ, вдалекѣ,
На ворономъ аргамакѣ,
Заморской шляпою покрытый,
Спѣша въ Тригорское, одинъ—
Вольтеръ и Гёте и Расинъ—
Являлся Пушкинъ знаменитый;
И ту площадку, гдѣ въ тиши
Насъ нѣжила, насъ веселила
Вина чарующая сила—
Оселокъ сердца и души;
И все божественное лѣто,
Которое изъ рода въ родъ,
Какъ драгоцѣнность, перейдетъ,
Зане Языковымъ воспѣто!
Златые дни! златые дни!
Взываю къ вамъ, и гдѣ-жъ они?
Теперь не то: съ утра до ночи
Міръ политическихъ суетъ
Мнѣ утомляетъ умъ и очи,
А пользы нѣтъ, и славы нѣтъ!
Скучаю горько, и едва ли
Къ порѣ, ко времени, пройдутъ
Мои учебныя печали
И прозаическій мой трудъ.
Но чтобы ни было, оставлю
Незанимательную травлю
За дичью суетныхъ наукъ,
И, другъ природы, лѣни другъ,
Безпечной жизнью позабавлю
Давно ожиданный досугъ.
И такъ, впередъ! молюся Богу,
Да Онъ меня благословитъ,
Во имя Феба и Харитъ,
На православную дорогу;
Да мой обрадованный взоръ
Увидитъ вновь, восторга полный,
Верхи и скаты вашихъ горъ,
И темный садъ, и домъ, и волны.

1 Мая 1827 г. ([17])

Что касается до посланій къ „роднымъ", къ которымъ обратился Языковъ въ это время и о которыхъ онъ упоминаетъ въ вышеприведенной выпискѣ изъ его письма, то, какъ кажется, къ этому времени и къ этому именно разряду относится посланіе его къ брату Александру Михайловичу, всегда имъ особенно любимому

(*) Не разумѣетъ ли здѣсь Языковъ два свои неизданные стиха:

Дай мнѣ очи, дай мнѣ крылья Олимпійскаго орла.
Въ волны воздуха я брошусь, покупаюсь въ небесахъ.

([16]) «Прогулка въ Тригорское» ст. IV-я С. П. Вѣд. 1866 г. № 163.

([17]) *Рук. сборн.* А. Н. Вульфа стр. 91—94.

и уважаемому ([18]). Посланіе это не было до сихъ поръ напечатано, по крайней мѣрѣ мы его не находимъ въ собраніяхъ сочиненій Языкова, а между тѣмъ оно не лишено ни интереса содержанія, ни силы и выразительности стиха, ни значенія автобіографическаго. Приводимъ его вполнѣ:

Къ А. М. Языкову.

Теперь, когда пророчественный даръ
Чуждается моихъ уединенныхъ Ларъ,
Когда чудесный міръ мечтательныхъ созданій
На многотрудныя затѣи мудрованій
О ходѣ царствъ земныхъ, о суетѣ суетъ,
На скуку поминать событья нашихъ лѣтъ,
Работать для молвы и почести неславной,
Я тихо промѣнялъ, поэтъ несвоенравной, —
Мои желанія отрадныя летятъ
Къ твоей обители, мой задушевный братъ!
Любезный мыслитель и цензоръ благодатный
Моихъ Парнасскихъ дѣлъ и жизни коловратной.

Такъ, я досадую на самаго себя,
Что, рано вольности прохладу полюбя
И рано предъ судомъ обычая крамольнымъ,
Я пріучилъ свой умъ къ дѣятельности вольной,
Къ трудамъ поэзія. Она же, — знаешь ты —
Богиня милая убранствомъ простоты,
Богиня странныхъ думъ и жизни самобытной;
Она не блестками заслуги челобитной,
Не звономъ золота, не бренною молвой
Насъ вызываетъ въ путь свободный и святой.
И юноша, кого небесъ благословенье
Избрало совершить ея богослуженье,
Всю свѣжесть, весь огонь, весь пылъ души своей,
Всѣ силы бытія онъ обрекаетъ ей.
За то отъ раннихъ лѣтъ замѣченному славой,
Ему даровано властительное право
Предъ гордостью царей не уклонять чела
И проповѣдывать великія дѣла.
Удѣлъ божественный! Но свѣтъ неугомонный,
Невѣрный судія и часто беззаконный,
Въ безсмертныхъ доблестяхъ на поприщѣ Каменъ
Онъ видитъ не добро, а суету и тлѣнъ.

Я знаю, можетъ быть, усердіемъ напраснымъ
Къ искусствамъ творческимъ, высокимъ и прекраснымъ,
Самолюбивая пылаетъ грудь моя,
И славнаго вѣнка не удостоюсь я.
Но что бы ни было, когда успѣхъ недальной
Меня вознаградитъ наградою похвальной
За прозу моего почтеннаго труда
И возвратитъ пѣвца на родину — тогда,
Плѣнительные дни! душой и тѣломъ вольный
Не стану я носить ни шляпы трехъугольной,
Ни грубаго ярма приличій городскихъ,
По милости богинь-хранительницъ моихъ:
Природу и любовь и тишину златую
Я словословіемъ стиховъ ознаменую,
И свѣтозарныя, благословятъ онѣ
Мои сказанія о Русской старинѣ.

Я жду, пройдетъ оно, томительное время,
Чужбину и заботъ однообразныхъ бремя
Оставлю скоро я. Родительской Пенатъ
Соединитъ меня съ тобою, милый братъ;
Тамъ безопасные часы уединенья
Мы станемъ украшать богатствомъ просвѣщенья
И сладострастіемъ возвышенныхъ трудовъ;
Ни вялой праздности, ни скуки, ни долговъ!
Тогда въ поэзіи свободу мы возвысимъ.
Тамъ бодро выполню, — счастливъ и независимъ —
И замыслы моей фантазіи младой,
Теперь до лучшихъ лѣтъ покинутые мной,
И дружеской совѣтъ премудрости врачебной:
Беречься бахуса и нѣги непотребной.
Мнѣ улыбнется жизнь, и вѣчный скороходъ
Ее прекрасную покойно понесетъ.

Предыдущее посланіе, равно какъ тогда же присланное въ Тригорское стихотвореніе Языкова „Къ нянѣ А. С. Пушкина" привело въ восторгъ друзей поэта. А. Н. Вульфъ разсыпался въ похвалахъ.

„Благодарю тебя за похвалы моему посланію стихотворному, — отвѣчалъ ему, 13-го Октября 1827 г., Языковъ: — жаль только, что въ немъ выраженныя мои желанія и надежды все еще не сбылись и кромѣ плановъ или, вѣрнѣе скажу, заглавій для будущихъ подвиговъ моей Музы, я не сочинилъ почти, ровно ничего! Такова судьба человѣческая! Не знаю, что будетъ

([18]) Такъ одно изъ самыхъ первыхъ стихотвореній его (1822 г.) было написано имъ А. М. Языкову. См. въ изд. 1858 г. ч. I. стр. 3.

дальше. Теперь же, какъ мнѣ кажется, во мнѣ снова пробуждается охота писать элегіи: предметъ для сего рода сочиненій есть, и какой! „Чувствительная душа и въ чужѣ веселится"—сказалъ Дмитріевъ,—ликуй же и веселись нынѣ ты, нѣкогда добрый и усердный товарищъ моихъ подвиговъ, набѣговъ и преслѣдованій скромно-любовныхъ. Я вполнѣ согласенъ съ тобою, что отъ моего облеченія въ бѣлую одежду зависитъ много и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше; но дѣло въ томъ, что мой характеръ весь составленъ изъ какой то беззаботности, и я даже теперь не могу сказать рѣшительно: когда кончится мое скучное и уже излишнее въ нѣкоторомъ смыслѣ пребываніе въ Дерптѣ; потому что оно зависитъ единственно отъ меня. Элегія: „*Теперь не то, что былъ я встарь*" — не моя, ее сочинилъ Вр—о ([19]), и я не знаю, почему она, гдѣ бы то ни было, существуетъ подъ моимъ именемъ..."

18-го Января 1828 г. Дерптъ... „Вчера отправились отсюда въ Питеръ князья Циціановы, твои знакомцы; они могутъ сказать тебѣ много новаго о нашемъ Дерптѣ, о рефракторѣ, о лунѣ, нравахъ и повѣрьяхъ нынѣшнихъ и т. п. Мое знакомство съ ними есть одно изъ пріятнѣйшихъ душѣ моей. Старшій—романистъ перомъ и романтикъ мнѣніями — покинулъ бранной славы пустой и гибельный призракъ и, кажется, хочетъ водвориться на одномъ изъ пустопорожнихъ мѣстъ нашего Парнасса. Дай Богъ ему славу трисолнечную! Я все еще нахожусь въ такомъ состояніи, или лучше положеніи, что мнѣ очень непріятно отвѣчать на твои вопросы, что́ я дѣлаю, буду дѣлать и долго ли останусь въ Дерптѣ? Не знаю, не знаю, не знаю!!! Что касается до моей Музы, то все теперь въ сторонѣ, не смотря на то, что на большой дорогѣ нѣтъ ничего, а вдали туманъ, мракъ, неизвѣстность. Деньги потерялъ—ничего не потерялъ, время потерялъ—много потерялъ, мужество потерялъ—все потерялъ, говаривалъ Суворовъ. Что же, если все это потеряно?? Не встрѣтишь ли ты на поприщѣ жизни Петербургской, на Невскомъ проспектѣ, легкую и нѣкогда насъ увлекавшую М. В.?.... Кланяйся Пушкину и Дельвигу..."

Грустное сознаніе въ растратѣ времени, которое никогда уже не пришлось ему наверстать, постоянно высказывалось у Языкова.

Стихотворнымъ посланіемъ начинается письмо Языкова къ А. Н. Вульфу отъ 27 Апрѣля 1828 г., все изъ того же Дерпта, съ которымъ никакъ не могъ онъ разстаться:

Помнишь ли, мой другъ застольной,
Какъ въ лѣсу, порою тьмы,
Праздникъ молодости вольной
Вмѣстѣ праздновали мы? и пр. ([20])

„Вотъ тебѣ стихи, мой почтеннѣйшій, это первые въ теперешней эпохѣ моей жизни, которая начинается моимъ переѣздомъ на квартиру, по-

([19]) Упоминаемая здѣсь элегія Вронченки, по ошибкѣ попала въ сочиненія Языкова: изд. 1858 г. ч. I, стр. 93: «Ужъ я не то, что былъ я встарь.»

([20]) Стихотвореніе это напечатано въ изд. 1858 г. ч. I, стр. 116—117: «А. Н. Вульфу.»

чти загородную... Критики и пророки говорятъ, что Тютчевъ приступитъ къ экзамену со мною вмѣстѣ; я же о своемъ ничего не пророчу: боюсь солгать и себѣ и людямъ... Кланяйся Тригорскому!"

Владѣлица Тригорскаго не за долго предъ симъ прислала своему пріятелю поэту „плоды воспѣтаго имъ сада". Языковъ, пользовавшійся каждымъ новымъ случаемъ написать нѣсколько теплыхъ строкъ о Тригорскомъ, благодарилъ П. А. Осипову слѣдующимъ, доселѣ неизданнымъ посланіемъ:

Къ П. А. Осиповой.

Плоды воспѣтаго мной сада,
Благословенные плоды,
Они души моей отрада,
Какъ славы свѣтлая награда,
Какъ вдохновенные труды.
Прекрасныхъ рядъ воспоминаній,
Они возобновляютъ мнѣ,
И волны прежнихъ упованій
Встаютъ въ сердечной глубинѣ!
Скучаю здѣсь; моя Камена
Оковы умственнаго плѣна
Еще носить осуждена;
Мнѣ жизнь горька и холодна,
Какъ вялый стихъ, какъ Мельпомена
Ростовцева ([21]) иль Княжнина;
Съ утра до вечера я занятъ
Мірскимъ и тягостнымъ трудомъ
И богъ поэтовъ не помянетъ
Его во царствіи своемъ.
И долго сонному забвенью
Мой не потухнетъ ѳиміамъ:
Но я покоренъ Провидѣнью
И жду чего?.. не знаю самъ...
Я утѣшаюсь горделиво
Мечтой, что въ вашей сторонѣ
Самостоятельное живо
Воспоминанье обо мнѣ.
И благодаренъ вамъ душою
За вашъ подарокъ, и въ отвѣтъ
Изъ края скуки и суетъ,
Вы благосклонною рукою
Мои убогіе дары
Примите—пару книжекъ модныхъ
Произведеній ежегодныхъ
Словоохотной нѣмчуры.
Мои жъ стихи да будутъ знакомъ
Что скоро и легко для васъ
Мой пробуждается Парнасъ,
И что поэтъ Языковъ лакомъ
Вездѣ, всегда воспоминать
Свой рай и вашу благодать.

Декабря 8, 1827 г. ([22])

Друзья были героями пѣснопѣній Языкова, о друзьяхъ бесѣдуетъ онъ преимущественно и въ письмахъ своихъ: всякая вѣсточка о житьѣ-бытьѣ друга, уѣхавшаго почему либо изъ Дерпта, живо принималась поэтомъ нашимъ. Такъ напр. нѣсколько писемъ его къ А. Н. Вульфу весною 1828-го года заняты распросами и толками объ одномъ общемъ ихъ другѣ П. Н. Шепелевѣ, нежданно-негаданно для всѣхъ его пріятелей смѣнившимъ Дерптъ на деревню, гдѣ то въ глуши и на проекты удалиться еще дальше, въ Персію....

„....Жаль,—пишетъ, между прочимъ, Языковъ отъ 22-го Мая 1828 г., что я только теперь узналъ объ его Персидской поѣздкѣ: я бъ снабдилъ его посланіемъ, не смотря на то, что въ семъ случаѣ, кажется, нельзя бы мнѣ было въ свое оправданіе привести слова Магомета: Die Tinte des Gelehrten und das Blut der Martyrer haben im Angesichte des Himmels gleichen Werth!...

.... „Мнѣнія о законности любви, замѣчаетъ Языковъ въ другомъ письмѣ къ Вульфу (отъ 7-го Іюня 1828 г.) по поводу того же общаго пріятеля,

([21]) Трагедія Я. И. Ростовцова (впослѣдствіи графа) *Персей* появилась въ печати въ Спб. въ 1823 г.

([22]) *Рук. Сборн.* стр. 102—104.

по существу своему, должны быть различны; оставимъ споръ объ этомъ, да не разгорячимся подобно тѣмъ двумъ рыцарямъ, которые сражались за щитъ, одному изъ нихъ казавшійся серебрянымъ, а другому золотымъ; они видѣли его съ разныхъ сторонъ, одинъ была точно золотой, а другой серебрянный.... Здѣсь прилагается къ тебѣ посланіе. На сихъ дняхъ привелъ меня Богъ увидѣть, какъ ничтожилъ издатель Телеграфа еще въ началѣ текущаго года мою Музочку. Поэты раздражительны вообще, а мнѣ надобно же хоть чѣмъ нибудь ознаменовать первую грозную выходку на мои стихи студентскіе. Молва гласитъ, что Полевой ополчился на меня, Дмитріева старца ради, за апологи! ([23]) Да будетъ это посланіе только изліяньемъ души моей, по части полемики, не пускай его по рукамъ,—все это будь сказано между нами! Кляняйся Пушкину и небожителямъ Тригорскаго.... Къ тебѣ явится Аладьинъ отъ моего имени: отдай ему мое посланіе о праздникѣ 21 Апрѣля, онъ напечатаетъ его въ Невскомъ Альманахѣ, безъ прозванія сочинителя.“ ([24])

Рѣзкая статейка Полеваго въ „Московскомъ Телеграфѣ“ была первымъ щелчкомъ, нанесеннымъ бойкою рукою авторскому самолюбію нашего поэта; онъ задѣтъ былъ за живое и написалъ „Посланіе къ журналистамъ“, которое и послалъ къ своему другу въ приведенномъ выше письмѣ. Но по самому характеру своему Языковъ не былъ способенъ къ сатирѣ: посланіе его вышло игриво, забавно, но не особенно сильно и далеко не зло. Тѣмъ не менѣе тоже добродушіе заставило его просить Вульфа не только не отдавать въ печать, но даже и не пускать по рукамъ это стихотвореніе. Мы не приводимъ его здѣсь, такъ какъ оно было уже напечатано (Рус. Бесѣда 1859 г. кн. IV, стр. 7. и С. Петерб. Вѣдом. 1866 г. № 168).

Скоро Языкову, столь живо хватавшемуся за каждый поводъ написать посланіе,—представился прекрасный къ тому случай: А Н. Вульфъ поступилъ въ гусары и спѣшилъ на театръ военныхъ дѣйствій. Не зная еще навѣрное, ѣдетъ ли его другъ въ армію, Языковъ препровождалъ къ нему „на всякой случай посланіе:“

Прощай, неси на поле чести
Отваги юношескій жаръ,
Сердечный гласъ вражды и мести
И неизбѣжный твой ударъ! ([25])

„Объ моихъ дѣлахъ текущихъ, приписываетъ въ томъ же письмѣ Языковъ (отъ 25-го Сентября 1828 г.),—и надеждѣ оставить Дерптъ: все въ руцѣ Божіей.... что будетъ—будетъ! Что дѣлается въ литературѣ? Я вовсе отсталъ отъ ея успѣховъ и исторіи современной. Такова судьба человѣческая! Здѣшній профессоръ Парротъ junior ([26]) отправляется, будущею зимою, на свой щетъ, съ нѣсколькими

([23]) См. въ изд. стихотвореній Н. М. Языкова. «Нравоучительныя четверостишія» (ч. I, стр. 108—110) пародіи на извѣстныя четверостишія И. И Дмитріева. По свидѣтельству А. Н. Вульфа, пародіи эти сочинены были среди шутокъ Языковымъ вмѣстѣ съ Пушкинымъ, въ бытность ихъ обоихъ лѣтомъ 1826 г. въ Тригорскомъ.

([24]) Дѣло идетъ о посланіи къ «А. Н. Вульфу»: «Помнишь ли, мой другъ застольный», напечатанномъ въ Невскомъ Альманахѣ Аладьина 1829 г., вмѣсто имени автора поставлены были три звѣздочки.

([25]) Соч. Языкова изд. 1858, ч. I. стр. 117—118: «къ А. Н. Вульфу.»

([26]) Сынъ профессора физики.

студентами, на Араратъ!! Съ нимъ хочетъ ѣхать и твой учитель математики, теперешній мой, Ѳедоровъ. Торопится предупредить Гумбольта, зане слышно, что онъ уже велѣлъ лошадей запрягать для поѣздки въ Азію!..."

Начало 1829-го года застало еще Языкова въ Дерптѣ. 26-ти лѣтъ молодой человѣкъ, онъ по прежнему принималъ живое участье въ университетской жизни, и въ Февралѣ сего года отъ всей души радовался, что судьба и усилія какъ его, такъ и его товарищей-студентовъ, спасли университетъ отъ страшнаго несчастья: Дерпскій университетъ едва было не сгорѣлъ.

„.... Здѣсь все славу Богу,—пишетъ по этому случаю Языковъ 3-го Февраля 1829-го г. къ А. Н. Вульфу: Богъ, кажется, особенно благоволитъ граду, насъ воспитавшему. За четыре дня до настоящаго числа, въ первомъ часу ночи, загорѣлся было университетъ: все смутилось, возстало, бросилось спасать главную славу, важнѣйшее богатство и единственную красоту Дерпта: и успѣхъ увѣнчалъ старанья пылкихъ юношей и добрыхъ гражданъ; въ числѣ первыхъ особенно отличился и на вѣки вѣковъ воспролавился нашъ Тютчевъ, сокрушившій нѣсколько половицъ и шкаповъ огромнымъ желѣзнымъ ломомъ, и такимъ подвигомъ открывшій вѣрный путь потушенію пожара! Потеря не велика, какъ слышно; кабинетъ Адеркаса потерпѣлъ всего болѣе, потомъ кабинетъ натур. ист., гдѣ, между прочимъ, сгорѣлъ лось. Профессора дѣйствовали сильно, Брокеръ ([27]) особенно голосомъ, и до того, что, говорятъ, отморозилъ себѣ языкъ. Дѣло статочное: стужа была въ 18 градусовъ Р."

Узнавъ, что Вульфъ поступилъ въ военную службу и самъ собираясь проститься съ Дерптомъ, Языковъ писалъ своему другу отъ 9-го Февраля 1829-го г.: „.... Поздравляю тебя съ ментикомъ и гусарскій полкъ принца Оранскаго и самого принца Оранскаго съ тобою; дай мнѣ обѣщаніе писать ко мнѣ изъ подъ знаменъ войны православной, да вѣдаетъ твой пѣвецъ современный всѣ подробности новой судьбы твоей, необходимыя мнѣ для многихъ сображеній и предпріятій въономъ званіи. Вотъ тебѣ нѣчто объ состояніи моего духа: черезъ мѣсяцъ, много черезъ два, покину я Дерптъ на вѣки—сяду въ деревнѣ Симбирской, буду пѣть жизнь партіаршескую, Волгу, тебя и еще кое-кого и кое-что.... и вотъ всѣ мои надежды на совершеніе давно желанныхъ подвиговъ. Дерптъ мнѣ такъ надоѣлъ, что я бы бѣжалъ отсюда пѣшкомъ, еслибы не стыдился оставить здѣсь мое прозваніе на позоръ заимодавцамъ. Долго ли ты пробудешь въ Торжкѣ? Напиши мнѣ, можетъ быть судьба хочетъ дать намъ прекраснѣйшій праздникъ, представляя возможность обнять другъ друга передъ разъѣздомъ въ страны совершенно противообразныя, на подвиги равно достославные и разнохарактерные!... Прощай покуда:

Еще тебя благословляю,
Мой добрый другъ, воспѣтый мной, и проч. ([28])

([27]) Профессоръ юридическаго факультета, онъ былъ горбатъ и хромъ.

([28]) Послѣдующее восьмистишье напеч. въ соч. Языкова изд. 1858 г. ч. I, стр. 128—129 въ стихотвореніи: «Отъѣздъ.»

„Пиши изъ Турціи о нашихъ здѣшнихъ пріятеляхъ.... Кланяйся отъ меня всѣмъ вашимъ и той *толпѣ красавицъ*, которой ты приносишь одуревающій ѳиміамъ похвалъ и лести."

Большая часть друзей Языкова давнымъ давно пооставляли Дерптъ, болѣе или менѣе удачно окончивъ курсъ въ университетѣ. Всѣ они разбрелись по разнымъ концамъ Россіи, при чемъ либо поступили на разныя поприща служебныя государству, либо удалились въ помѣстья, гдѣ посвятили себя мирнымъ занятіямъ хозяйственнымъ... Языковъ все еще надѣялся превозмочь свою поэтическую лѣнь и беззаботность; но наконецъ, не собравшись втеченіи цѣлыхъ шести лѣтъ выдержать экзаменъ, въ концѣ 1829-го г. оставилъ Дерптъ. Онъ не получилъ атестата въ окончаніи курса; но за то литературная извѣстность его была твердо упрочена, и хотя въ печати уже слышались голоса строгой критики, требовавшей отъ него произведеній, болѣе соотвѣтствующихъ тѣмъ надеждамъ, какія возлагались на его талантъ, тѣмъ не менѣе стихотворенія его, полныя жизни и огня, съ жадностью читались и въ печатной, и въ рукописной литературѣ.... Послѣдняя, какъ извѣстно, встарь была довольно обширна, и нашъ поэтъ былъ тѣмъ усерднѣйшимъ ея вкладчикомъ, что писалъ не для гонорарія, печаталъ, какъ и жилъ, спустя рукава, т. е. какъ придется. Очень можетъ быть, что, не имѣй Языковъ обезпеченнаго состоянія, волею не волею онъ работалъ бы усерднѣе и обогащалъ бы чаще нашу словесность произведеніями своей гульливой Музы.

А муза была гульлива и страстна! Что напр. за раскошное, полное необузданной страстности стихотвореніе его къ

Аделаидѣ ([29]).

Я твой, я твой Аделаида,
Тобой узналъ я, какъ сильна,
Какъ восхитительна Киприда,
И какъ торжественна она.
Ланитъ и персей жаръ и нѣга,
Живыя груди, блескъ очей,
И волны вѣтренныхъ кудрей...
Съ минуты перваго свиданья
Мои кипучія желанья,
Мои пророческіе сны,
Всѣ на тебя устремлены;
Предайся мнѣ; любви забавы
Я пѣснью громкой воспою
И окружу лучами славы
Младую голову твою!
А ты, а ты, кого доселѣ
Душою страстной я любилъ,
Кому поэзіи прекрасной
Я пѣсни первыя дарилъ,
Я отрекаюсь отъ закона
Твоихъ очей и томныхъ устъ,
И отдаю тебя на хлюстъ
Учебной ротѣ Геликона.

Приведемъ въ заключеніе еще стихотворенія Языкова — лучшаго т. е. Дерптскаго періода его жизни; стихотворенія эти мы нашли въ рукописныхъ сборникахъ А. Н. Вульфа и не находимъ ни въ одномъ изъ четырехъ изданій сочиненій Языкова:

Одну минуту, много двѣ,
Любви живыя упованья
Кипятъ, ликуютъ въ головѣ
Богоподобнаго созданья:
Разгоряченная мечта
Прогонитъ сонъ души усталой,
Напомнитъ время и мѣста,

---

(29) Приводимъ съ рук. списка; въ печати (изд. 1858 г. ч. I. стр. 65.) есть также стихи Языкова: «Аделаидѣ»; но они вдвое короче рукописныхъ и значительно противъ нихъ разнятся.

Гдѣ небывалое бывало.
Но сей чувствительный соборъ
Надеждъ, восторговъ и загадокъ
Заноситъ въ душу безпорядокъ,
Или мѣняющійся вздоръ,
Хоть самъ плѣнителенъ и сладокъ,
Хоть самъ блеститъ какъ метеоръ (30).

А. А. В.

Мечты любви, мечты пустыя!
Я вѣрно знаю ихъ: онѣ
Не разъ побѣды удалыя
И рай предсказывали мнѣ.
Я пѣлъ ее и ждалъ чего-то.
Стихамъ внимала красота,
А отвѣчали мнѣ зѣвотой
Ея пурпурныя уста;
Я произнесъ любви признанье —
И скученъ былъ нашъ разговоръ!
Все суета! улыбка, взоръ,
Прекрасно ваше предвѣщанье;
Но вы, почтеннѣйшія, вздоръ!
Мечты любви не стоятъ горя:
Прельстятъ, обманутъ хуже сна,—
И что любовь? одна волна
Большаго жизненнаго моря! (31)

Съ конца 1829-го по 1832-й годъ включительно мы видимъ нашего поэта въ Москвѣ. Онъ занимается Русскою исторіей, по прежнему живо интересуется современною литературою, болѣе и болѣе вдумывается въ планы сочиненій, зараждающихся въ его фантазіи, пишетъ нѣсколько десятковъ весьма поэтическихъ произведеній, собирается написать нѣчто высоко замѣчательное и, увы! на приготовленіяхъ дѣло останавливается.... А между тѣмъ, разгулъ, сдѣлавшійся уже потребностью нашего пѣвца, увлекаетъ его и въ Москвѣ.... Но онъ уже болѣнъ. Болѣзнь рано, слишкомъ рано захватываетъ въ свои страшныя объятія пѣвца „свободы, веселья и грацій“ и начинаетъ постепенно душить несчастнаго.... Второй періодъ кратковременной жизни Языкова, періодъ начинающійся съ переѣзда его въ Москву, представляетъ грустную картину страданій, среди которыхъ только изрѣдка творческая и сильная фантазія поэта создаетъ высоко художественныя лирическія произведенія....

М. Семевскій.

Село Голубово,
1866 г. Августа 7.

(30) *Рук. сбор.* стр. 39—40.
(31) *Рук. сбор.* стр. 42—43.

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ ГЕНЕРАЛЪ-АДЪЮТАНТА ГРАФА Е. Ө. КОМАРОВСКАГО (*).

Въ царствованіе императрицы Екатерины, солдаты гвардейскихъ полковъ жили въ такъ называемыхъ свѣтлицахъ; свѣтлицы выстроены были по обѣимъ сторонамъ улицы, въ линію, и въ каждой изъ нихъ квартировала одна рота, а потому и теперь называютъ еще улицы по номерамъ жившихъ тогда въ нихъ ротъ. Офицеры жили въ большихъ деревянныхъ связяхъ: у богатыхъ и у женатыхъ оныя были прекрасно убраны. Императору Александру, еще наслѣдникомъ престола, угодно было, на свой счетъ, для своего Семеновскаго полка выстроить: каменный полковый дворъ (для помѣщенія церкви и лазарета), три флигеля для офицеровъ и казармы для солдатъ всего полка. Производство сихъ строеній поручено было полковнику Путилову (бывшему тогда

(*) См. выше, стр. 219 и 521.

адъютантомъ при его высочествѣ наслѣдникѣ) и архитектору Волкову, а по выходѣ Путилова въ отставку, на его мѣсто опредѣленъ гардеробмейстеръ Геслеръ. Дабы скорѣе окончено было строеніе, отдали оное на подрядъ. Архитекторъ Волковъ вскорѣ умеръ. Послѣ восшествія императора Александра на престолъ, черезъ два года, казармы Семеновскаго полка оказались, отъ сырости, къ жительству почти совсѣмъ неспособными. Однажды государь мнѣ изволилъ разсказывать, какой капиталъ употребленъ на построеніе казармъ и въ то время, когда онъ самъ нуждался въ деньгахъ; а теперь онѣ обратились ко вреду тѣмъ, которымъ его величество желалъ доставить покой и выгоды! Императоръ находился въ большомъ затрудненіи, какимъ бы образомъ сдѣлать казармы къ жительству удобными. Наконецъ государь изволилъ мнѣ сказать: „Не возьмешься ли ты за это дѣло?“ Я отвѣчалъ: „Вашему величеству извѣстно и мое усердіе, и моя ревность; я готовъ исполнить все что́ приказать изволите,“ и тотчасъ предложилъ средство, которое государю очень понравилось. „Мнѣ кажется, сказалъ я, что должно созвать всѣхъ лучшихъ здѣшнихъ архитекторовъ и каменныхъ мастеровъ, осмотрѣть съ ними казармы и потребовать ихъ мнѣнія о приведеніи оныхъ въ такое состояніе, чтобы безвредно можно было въ нихъ жить.“ Это было сдѣлано, и нашли, что должно пристроить особливыя кухни и прачешни. Потомъ государю было угодно возложить на меня построеніе Кавалергардскихъ, Конно-гвардейскихъ, Измайловскихъ и построить вновь нѣсколько Семеновскихъ казармъ.

—

Въ началѣ 1803 года, эрцъ-герцогъ Палатинъ изъявилъ желаніе видѣться съ императоромъ и съ вдовствующею императрицею, послѣ кончины его супруги великой княгини и эрцъ-герцогини Александры Павловны. Государю угодно было послать меня на встрѣчу его императорскаго высочества. Я дождался эрцъ-герцога Палатина въ Вильнѣ. Какъ это было въ Мартѣ мѣсяцѣ, то дороги такъ испортились, что его императорское высочество принужденъ былъ оставить свои тяжелые экипажи и ѣхать на перекладныхъ повозкахъ. Я предлагалъ эрцъ-герцогу остановиться въ Нарвѣ и послать курьера въ Петербургъ, чтобъ высланы были легкіе экипажи, но на сіе онъ не согласился. Подъѣзжая къ Петербургу, въ саняхъ не было возможности ѣхать, и мы сѣли въ двѣ тѣлеги: въ одной эрцъ-герцогъ со мною, а въ другой одинъ изъ его адъютантовъ съ камердинеромъ его императорскаго высочества. Я боялся, что привезу эрцъ-герцога полумертвымъ, и дѣйствительно онъ на силу на ногахъ могъ держаться, когда мы пріѣхали въ зимній дворецъ. Его императорское высочество ввели въ приготовленныя для него комнаты. Немедленно пришли къ нему императоръ и вдовствующая императрица; всѣ пѣняли эрцъ-герцогу, что онъ такъ много рисковалъ; но онъ тотчасъ же однако сказалъ, что я просилъ его остановиться въ Нарвѣ и послать за экипажами, но его нетерпѣніе увидѣться съ ихъ

императорскими величествами было такъ велико, что онъ ни минуты не хотѣлъ промедлить. Я долженъ былъ всякое утро приходить къ государю и принимать приказанія на цѣлый день для эрцъ-герцога; иногда императоръ мнѣ говорилъ: „Поди къ матушкѣ и спроси, какъ ей угодно, чтобъ Палатинъ провелъ день.“ Я безпрестанно находился съ эрцъ-герцогомъ, кромѣ только когда онъ обѣдалъ или проводилъ вечеръ съ императорскою фамиліею. Свита его высочества состояла изъ гофмейстера его, графа Сапари, двухъ каммергеровъ, двухъ адъютантовъ и одного медика.

Эрцъ-герцогъ обходился со мною весьма милостиво, а графъ Сапари полюбилъ меня какъ невозможно болѣе. Онъ пользовался совершенною довѣренностію его высочества. Однажды графъ Сапари мнѣ сказалъ: „Вы, генералъ, примѣчаете, я думаю, какъ эрцъ-герцогъ васъ любитъ; ему хотѣлось бы сдѣлать что нибудь для васъ пріятное: скажите мнѣ откровенно что́ вы желали-бъ?“ Я ему отвѣчалъ: „Для меня очень лестно слышать, что его императорское высочество имѣетъ столько ко мнѣ милостей; я этимъ очень доволенъ и болѣе ничего не желаю!“ — „Вы мнѣ сказывали, генералъ, продолжалъ графъ Сапари, что вы недавно женаты; развѣ вамъ и молодой вашей супругѣ не было бы пріятно получить графское достоинство? Этотъ титулъ вы оставили-бъ въ наслѣдство вашему потомству.“ Это предложеніе меня очень удивило и, признаюсь, обрадовало. „Я почелъ бы это большимъ для меня счастіемъ,“ отвѣчалъ я; но безъ воли императора, не могу принять милости, которую угодно его высочеству оказать мнѣ, а между тѣмъ прошу ваше сіятельство повергнуть мою признательность къ стопамъ эрцъ-герцога“. На другой день, по утру рано, я пришелъ къ государю, и къ счастію моему, никого не было у его величества. Я тотчасъ передалъ императору разговоръ мой съ графомъ Сапари, слово отъ слова. Государю, примѣтно, это было очень пріятно, и онъ изволилъ сказать мнѣ, съ обыкновенною его милостію: „Я этому очень радъ, и какъ ты думаешь, продолжалъ государь, если и я примолвлю за тебя слово эрцъ-герцогу, не испорчу дѣла?“ Я началъ его величество благодарить; государь меня обнялъ и продолжать изволилъ: „Не ужели ты думалъ, что я когда нибудь помѣшаю твоему счастію? Я всегда, напротивъ, готовъ тому способствовать!“ Въ этотъ день былъ обѣдъ у императора, и я видѣлъ, что, послѣ стола, государь отвелъ эрцъ-герцога къ окну и довольно долго съ нимъ разговаривалъ, чего я прежде не замѣчалъ; въ тотъ же вечеръ эрцъ-герцогъ отправилъ курьера въ Вѣну. Мнѣ странно было, что графъ Сапари не спрашивалъ у меня послѣ, просилъ ли я у государя позволенія принять предложенное мнѣ имъ отъ имени эрцъ-герцога достоинство и получилъ ли я или нѣтъ высочайшее на то соизволеніе. Спустя нѣсколько недѣль, прихожу я въ одно утро, по обыкновенію, къ эрцъ-герцогу; вдругъ вижу, что отворяются обѣ половинки двери изъ его кабинета, и онъ несетъ на обѣихъ рукахъ какую-то широкую, въ малиновомъ

бархатѣ, переплетенную книгу, и идетъ ко мнѣ на встрѣчу. Подошедъ ко мнѣ, его императорское высочество сказалъ: „Je vous félicite, monsieur le comte du St. Empire Romain.“ (Поздравляю васъ, графъ Святой Римской Имріи): я догадался, что та книга должна быть дипломъ на графское достоинство, принялъ книгу и, принеся благодарность мою эрцъ-герцогу, просилъ позволенія отнесть ее къ государю. Императоръ изволилъ меня поздравить графомъ и повелѣлъ мнѣ дипломъ мой оставить у его величества, который препровожденъ былъ потомъ, чрезъ бывшаго тогда министромъ юстиціи Г. Р. Державина, при высочайшемъ указѣ, въ правительствующій сенатъ, для распубликованія повсемѣстно. (Австрійскому курьеру, привезшему мой дипломъ на графское достоинство, я подарилъ 100 червонцевъ.) Мнѣ сказывалъ послѣ графъ Сапари, что когда императоръ Францъ извѣстился о желаніи государя, чтобъ я получилъ графское достоинство, и что эрцъ-герцогу хотѣлось, прежде отъѣзда своего изъ Россіи, лично вручить мнѣ дипломъ, его величество приказалъ канцлеру своему графу Кобенцелю оставить всѣ прочія дѣла и заняться скорѣйшимъ отправленіемъ диплома въ Петербургъ. Я забылъ сказать, что предварительно изъ герольдіи вытребована была моя родословная. Государь довершилъ милостивое свое ко мнѣ участіе тѣмъ, что когда я получилъ графское достоинство, его величество повелѣлъ своему послу въ Вѣнѣ, графу Разумовскому, испросить особую аудіенцію у императора Франца и изъявить его величеству, отъ имени государя, признательность за возведеніе меня въ достоинство графа Св. Римской Имперіи.—Эрцъ-герцогъ собирался къ отъѣзду изъ Россіи. Мнѣ хотѣлось дать прощальный обѣдъ свитѣ его императорскаго высочества, и для того я позвалъ оную къ себѣ. По случаю возложеннаго на меня государемъ порученія о построеніи для гвардейскихъ полковъ казармъ (о чемъ я говорилъ выше), я не могъ сопровождать эрцъ-герцога Палатина, на возвратномъ его пути до границы; это возложено было на генералъ-адъютанта Иларіона Васильевича Васильчикова. Прощаясь со мною, его высочество подарилъ мнѣ золотую табакерку, осыпанную бриллiантами съ его вензелемъ, которую цѣнили тогда въ 7000 рублей.

Когда государь собирался ѣхать въ Аустерлицкую кампанію, приказать мнѣ изволилъ явиться къ себѣ. „Я ѣду въ армію, сказалъ мнѣ императоръ, но тебя не беру съ собой, потому что ты гораздо нужнѣе будешь для меня здѣсь; впрочемъ ты пороха нанюхался уже (1) и видѣлъ близко непріятеля, продолжалъ государь. Я поручаю столицу Вязмитинову (бывшему тогда Петербургскимъ военнымъ губернаторомъ), а тебя назначаю къ нему въ помощники. Сверхъ того я желаю, чтобъ учреждена была la haute police (высшая полиція), которой мы еще не имѣемъ, и которая необходима въ теперешнихъ обстоятельствахъ; для составленія правилъ оной, назначенъ будетъ комитетъ изъ князя Лопухина (министра юстиціи), графа Кочубея

(1) Въ Итальянскомъ походѣ 1799 г.

(министра внутреннихъ дѣлъ) и тебя. Ты видишь, что тебѣ нечѣмъ обижаться, что не будешь находиться въ кампаніи; я знаю твою голову и усердіе твое; прощай, Богъ съ тобой." По отъѣздѣ государя къ арміи, я былъ у благодѣтеля моего, графа Николая Петровича Румянцева и сообщилъ ему о комитетѣ. Онъ мнѣ сказалъ: „У меня есть много книгъ касательно этой полиціи, и мы вмѣстѣ, если хочешь, станемъ дѣлать выписки объ образованіи оной; когда ты пріѣдешь въ комитетъ, ты будешь имѣть понятіе о предметѣ онаго, и сообщишь свѣдѣнія, которыя прочимъ членамъ комитета, можетъ быть, вовсе неизвѣстны." Мы дѣйствительно этими выписками нѣсколько времени занимались. Комитетъ сей однако не состоялся, и мнѣ никогда не была извѣстна сего причина.

Во время отсутствія государя, которое продолжалось, какъ извѣстно, не очень долго, я исполнялъ нѣкоторыя порученія генерала Вязмитинова и занимался казенными строеніями.

По возвращеніи императора въ Петербургъ, его величество съ удовольствіемъ увидѣть изволилъ хорошій успѣхъ въ строеніяхъ, подъ моимъ распоряженіемъ бывшихъ, и по донесенію Петербургскаго военнаго губернатора объ исправномъ исполненіи дѣлаемыхъ имъ мнѣ порученій, его величеству угодно было, 16 Марта 1806 г., наградить меня орденомъ Св. Анны 1-го класса, при весьма милостивомъ рескриптѣ.

Во время еще служенія моего въ Измайловскомъ полку, я весьма друженъ былъ съ А. Д. Балашовымъ. Онъ выпущенъ былъ изъ камеръ-пажей поручикомъ въ нашъ полкъ, вышелъ въ армію подполковникомъ, а въ царствованіе императора Павла, какъ и всѣ тѣ, которые не подверглись выключкѣ изъ службы, скоро достигъ до генералъ-маіорскаго чина. Когда объявлена была война Англіи, Балашовъ назначенъ былъ военнымъ губернаторомъ въ Ревель. Адмиралъ Нельсонъ пришелъ, съ ввѣренною ему эскадрою, въ Балтійское море, съ тѣмъ чтобъ истребить нашъ флотъ. Императоръ Павелъ тогда скончался; государь Александръ Павловичъ, по возшествіи своемъ на престолъ, послалъ въ Англію Новосильцева, а Балашову поручено было трактовать съ Нельсономъ, бывшимъ уже съ своею эскадрою въ виду Ревеля. Какъ извѣстно, миръ съ Англіею скоро былъ заключенъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ уничтожилось и Ревельское военное губернаторство; Балашову повелѣно было состоять по арміи. Потомъ онъ назначенъ былъ шефомъ Троицкаго пѣхотнаго полка, и я его потерялъ совсѣмъ изъ вида. Въ одно воскресенье, во время спектакля въ Эрмитажѣ, графъ Кочубей говоритъ мнѣ: „Государь поручилъ мнѣ спросить у васъ, не знаете ли вы кого нибудь изъ вашихъ сослуживцевъ, котораго бы можно было назначить въ Московскіе оберъ-полицеймейстеры?" Я ему отвѣчалъ, что въ эту минуту никого не имѣю, но чтобы графъ позволилъ мнѣ подумать. На другой день мы званы были на музыкальный вечеръ къ А. Н. Гончарову, который переселился въ

Петербургъ; сынъ его (²) учился тогда у славнаго Роде играть на скрыпкѣ. Каково же было удивленіе мое встрѣтить тамъ А. Д. Балашова! (Балашовъ, по первой женѣ своей, былъ въ родствѣ съ женою Гончарова). Не видавшись столько лѣтъ, мы другъ другу очень обрадовались. Я началъ у него распрашивать, почему онъ во фракѣ, оставилъ службу военную и давно ли въ Петербургѣ? Онъ мнѣ отвѣчалъ: „Въ Петербургъ я только пріѣхалъ и не по своей надобности; я имѣлъ дѣло около Вышняго-Волочка, гдѣ нашелъ одного изъ моихъ пріятелей, который былъ въ затрудненіи доставить сына своего въ Петербургъ, для опредѣленія въ корпусъ; я, какъ человѣкъ свободный, продолжалъ Александръ Дмитріевичь, и бывъ на половинѣ дороги, вызвался оказать моему пріятелю эту услугу, а вмѣстѣ съ тѣмъ я желалъ повидаться съ моими знакомыми; а что оставилъ службу, то потому, что меня имѣть въ оной болѣе не желаютъ!" Я возразилъ: „Какъ не желаютъ! Этого, кажется, быть не можетъ?" Онъ мнѣ на сіе отвѣчалъ: „Выслушай, что со мною случилось. Я былъ, какъ тебѣ извѣстно, Ревельскимъ военнымъ губернаторомъ и имѣлъ тамъ весьма важное порученіе, которое, кажется исполнилъ какъ нельзя лучше: вмѣсто награды я лишился мѣста и состоялъ по арміи! Вдругъ получаю приказъ, что Преображенскаго полка полковникъ Запольскій назначается шефомъ перваго по арміи полка, Екатеринославскаго гренадерскаго, а я вмѣстѣ съ нимъ получаю Троицкій полкъ, который расположенъ по Кавказской линіи! Я однако поѣхалъ къ полку и, дождавшись 1 Сентября, подалъ въ отставку. Послѣ сего желаютъ ли меня имѣть на службѣ, и какъ бы ты на моемъ мѣстѣ поступилъ?" Я долженъ былъ согласиться, что ему не оставалось ничего другаго дѣлать. „Но, продолжалъ я, неужели ты рѣшишься, въ твои лѣта, никогда болѣе уже не служить? Есть должности, въ которыхъ можно быть полезнымъ отечеству, и кромѣ военной службы." — „Я живу съ моею матушкою, съ женою, съ сестрами, отвѣчалъ онъ, и въ кругу моего семейства я чрезвычайно счастливъ."— „А если можно соединить и семейную жизнь и службу вмѣстѣ, — не будетъ ли это пріятнѣе?" Тогда я сообщилъ Балашову о сдѣланномъ мнѣ порученіи. Онъ, подумавъ не много, отвѣчалъ мнѣ: „Хотя и трудно рѣшиться быть разжалованнымъ изъ поповъ въ діаконы, ибо, какъ военный губернаторъ, я имѣлъ въ командѣ у себя полицеймейстера и всю полицію и ни отъ кого не зависилъ, а тутъ я самъ буду подъ командой; но я бы эту должность принялъ, только увѣренъ, что меня не опредѣлятъ." Въ слѣдующій день, по утру, я донесъ государю, что, по сдѣланному мнѣ порученію графомъ Кочубеемъ, по волѣ его величества, я осмѣлился бы рекомендовать въ Московскіе оберъ-полицеймейстеры Балашова, но онъ полагаетъ, что имѣетъ несчастіе быть подъ гнѣвомъ его величества; потомъ разсказалъ государю все мною слышанное отъ Александра Дмитріевича. Его ве-

²) Николай Аѳонасьевичь, тесть А. С. Пушкина.

личество изволилъ слушать съ большимъ вниманіемъ, наконецъ сказалъ: „Я помню Балашова съ того времени, какъ онъ былъ еще камеръ-пажемъ при бабушкѣ; послѣ я видѣлъ его въ Казани комендантомъ, и зналъ его, когда онъ былъ Ревельскимъ военнымъ губернаторомъ; это мѣсто, послѣ мира съ Англіею, само сабой уничтожилось. Назначеніе же полковника Запольскаго шефомъ Екатеринославскаго гренадерскаго полка произошло отъ того, что я въ этомъ полку беру большое участіе: ты знаешь, что шефомъ онаго я назначенъ былъ покойною бабушкою (императрица Екатерина не за долго до ея кончины назначила шефами полковъ гренадерскихъ: Екатеринославскаго—великаго князя Александра Павловича и С.-Петербургскаго — великаго князя Констaнтина Павловича). Полкъ этотъ приведенъ былъ въ большое разстройство Палицынымъ; мнѣ надобно было поручить оный такому начальнику, котораго бы я лично зналъ по службѣ и который бы былъ въ состояніи полкъ исправить; Балашовъ, кажется, отъ фронтовой службы нѣсколько отвыкъ, а какъ онъ состоялъ по арміи, то и назначенъ былъ шефомъ перваго вакантнаго полка. Изъ сего ты видишь причины, по коимъ сдѣланъ шефомъ Екатеринославскаго гренадерскаго полка Запольскій, а не другой кто. Ты можешь увѣрить Балашова, что я вовсе не хотѣлъ его обидѣть и ничего кромѣ хорошаго противъ него не имѣю; если онъ желаетъ быть Московскимъ оберъ-полицеймейстеромъ, то я охотно его въ эту должность опредѣляю. Прикажи ему явиться къ Кочубею.“ Увидѣвшись съ Александромъ Дмитріевичемъ, я ему передалъ разговоръ мой съ государемъ. Это было началомъ послѣдующей его фортуны по службѣ и всѣхъ почестей, имъ въ оной пріобрѣтенныхъ. Я долженъ отдать А. Д. Балашову справедливость, что онъ всегда старался болѣе и болѣе оказывать мнѣ знаки своей дружбы и откровенности.

Въ Октябрѣ мѣсяцѣ 1806 года я весьма сильно занемогъ и по причинѣ жестокой болѣзни моей, продолжавшейся около года, я не могъ участвовать въ Фридландской компаніи. Государь изволилъ принимать самое милостивое и живѣйшее участіе въ отчаянномъ почти положеніи, въ которомъ я находился, прислать изволилъ лѣчить меня собственнаго своего медика Крейтона, который обязанъ былъ всякій день доносить императору о состояніи моего здоровья. Его величество полагать изволилъ, что эта жестокая болѣзнь моя приключилась отъ простуды, которую я получилъ, ѣздивъ безпрестанно по казеннымъ строеніямъ, въ самую ненастную погоду; тѣмъ болѣе государь желалъ моего выздоровленія. Наконецъ болѣзнь моя кончилась, но осталось сильное разслабленіе въ нервахъ; лечившіе меня медики признали необходимымъ, чтобъ я поѣхалъ къ минеральнымъ водамъ въ чужіе краи. Лишь только я послалъ о семъ просьбу государю, какъ его величество соизволилъ на мой отъѣздъ, не отдавая о томъ въ приказѣ, дабы я не лишился, во время путешествія, моего трактамента. Мы все это лѣто прожили по Петербургской дорогѣ, на 6-й

верстѣ, на дачѣ, принадлежавшей княгинѣ Дашковой (3).

....Государь изволилъ меня принять весьма милостиво и долго со мной разговаривалъ, входя во всѣ подробности моего лѣченія, пребыванія въ чужихъ краяхъ и семейнаго моего положенія. Въ мое отсутствіе, для окончанія начатыхъ подъ моимъ распоряженіемъ казенныхъ строеній, учреждена была коммиссія, которою управлялъ В. А. Пашковъ, бывшій тогда членомъ военной коммиссіи.

Образъ жизни моей былъ единообразенъ до 1811 года Іюля 7, когда я былъ, по высочайшему приказу, инспекторомъ вновь учреждаемой Внутренней Стражи и помощникомъ, по сей части, военнаго министра, которымъ былъ тогда Барклай де Толли. Государь, прежде назначенія моего, приказалъ мнѣ разсмотрѣть постановленіе о Внутренней Стражѣ и, съ моими замѣчаніями передать военному министру. Потомъ все это внесено было въ Государственный Совѣтъ и получило высочайшее утвержденіе. Барклай де Толли хотѣлъ, чтобъ я носилъ званіе дежурнаго при немъ генерала по Внутренней Стражѣ; но государь на это не согласился, сказавъ: „Графъ Комаровскій мой генералъ-адъютантъ, и я хочу, чтобъ онъ былъ между мною и вами.“

Сначала послѣдняго образованія Государственнаго Совѣта и учрежденія Комитета Министровъ, государь самъ предсѣдательствовалъ всегда какъ въ Совѣтѣ, такъ и въ Комитетѣ Министровъ. Когда внесено было въ Совѣтъ положеніе о Внутренней Стражѣ, императоръ приказалъ прочесть оное, и самъ объяснялъ выгоды сего учрежденія, опорочивая прежнее постановленіе о губернскихъ и уѣздныхъ штатныхъ командахъ, тѣмъ что онѣ, будучи составлены изъ воинскихъ нижнихъ чиновъ, подчиняются штатнымъ чиновникамъ, какъ-то губернаторамъ и городничимъ, и что тѣ нижніе чины безпрестанно употребляются на партикулярныя работы, вмѣсто отправленія ихъ служебныхъ обязанностей; что въ команды сіи офицеры опредѣляются Сенатомъ, съ гражданскими чинами; что вообще въ командахъ тѣхъ нижніе чины имѣютъ только званіе солдата; а потому чтобы команды сіи, войдя въ составъ Внутренней Стражи, получили образованіе, соотвѣтствующее ихъ предназначенію, онѣ должны висѣть отъ военнаго министерства. На это Балашевъ, бывшій уже министромъ полиціи, просилъ и получилъ позволеніе объяснить свое мнѣніе. Онъ старался доказать, что мѣстное гражданское начальство, лишась способа дѣйствовать по своему усмотрѣнію, часто не пропуская ни мало времени, военною силою, не будетъ въ состояніи отвратить могущіе возникнуть важные безпорядки и сохранить спокойствіе и тишину между обывателями, столь необходимыя въ благоустроенномъ государствѣ; что, по мнѣнію его, Внутренняя Стража должна быть подъ непосредственнымъ распоряженіемъ мѣстнаго гражданскаго начальства. Это мнѣніе министра

(3) Далѣе гр. Е. Ѳ. Комаровскій разсказываетъ о своемъ путешествіи въ чужихъ краяхъ, которое было предпринято для возстановленія здоровья, и откуда онъ возвратился въ Петербургъ осенью 1809 г.

полиціи, какъ извѣстно, не было принято; однакоже прѣніе, посему предмету, между государемъ и Балашевымъ, какъ говорили, продолжалось довольно долго, и засѣданіе это имѣло что то конституціонное.

Главный же предметъ учрежденія Внутренней Стражи состоялъ въ томъ, чтобы при баталіонахъ оной формируемы были рекруты, чтобъ посредствомъ оной препровождались, въ случаѣ войны, плѣнные; чтобъ конвоированы были рекрутскія партіи съ мѣста набора въ назначенные рекрутскія депо, куда прикомандированы должны быть офицеры Внутренней Стражи. На эту потребность отряжались команды при офицерахъ изъ дѣйствующихъ войскъ; при самыхъ рекрутскихъ наборахъ находились прежде штабъ-офицеры изъ армейскихъ полковъ, которые должны были быть замѣнены штабъ-офицерами изъ Внутренней Стражи. Пересылка арестантовъ всякаго рода прежде возлагаема была на обывателей—повинность самая отяготительная, особенно въ рабочую пору; а сверхъ того, за упуски на пути арестанта, несчастные эти подвергались тюремному заключенію и часто незаслуженному наказанію; также и эта обязанность вошла въ число обязанностей Внутренней Стражи. Эта огромная инспекція сначала раздѣлена была на 8 округовъ (каждымъ командовалъ генералъ-маіоръ на правахъ дивизіоннаго командира), на бригады и на полубаталіоны, ибо они состояли тогда только изъ трехъ ротъ. Округъ составляли нѣсколько бригадъ, а бригаду два или три полубаталіона. Въ послѣдствіи времени число округовъ, по представленію моему, увеличилось до 11, и прибавлено по одной ротѣ къ каждому полубаталіону, которые переименованы были въ баталіоны. Въ каждомъ губернскомъ городѣ назначено находиться одному баталіону и называться именемъ того города; въ каждомъ уѣздномъ городѣ учреждена служащая инвалидная команда. Принято было за правило, чтобъ въ губернскіе баталіоны поступали изъ арміи нижніе чины, опредѣленные на службу изъ самой той губерніи, а въ уѣздные команды изъ тѣхъ самыхъ уѣздовъ. Это соблюдалось, сколько было возможно. Для удобнѣйшаго препровожденія арестантовъ и пересыльныхъ, учреждены, по большимъ трактамъ, этапныя команды. По назначеніи меня инспекторомъ Внутренней Стражи, я часто имѣлъ счастіе быть призванъ въ кабинетъ государя. Его величество весьма много занимался сею вновь учрежденною имъ частью. Когда я представилъ императору первый мѣсячный рапортъ о ввѣренной мнѣ сей обширной и по всей Россіи (кромѣ Сибири) разбросанной инспекціи, государь былъ чрезвычайно доволенъ. Какъ инспекторъ Внутренней Стражи, я имѣлъ при себѣ канцелярію, состоявшую изъ одного секретаря, двухъ чиновниковъ, оберъ-аудитора и нѣсколькихъ писцовъ. По званію моему, я могъ имѣть четырехъ адъютантовъ, но сначала находились при мнѣ только три: л.-г. Преображенскаго полка баронъ Швахеймъ, Семеновскаго Дохтуровъ и Измайловскаго Храповицкій.

Насталъ для Россіи роковый 1812 годъ! Государь, въ Мартѣ мѣсяцѣ,

отправиться изволилъ въ Вильну, куда приказалъ и мнѣ ѣхать. За нѣсколько времени передъ отъѣздомъ, у императора былъ обѣденный столъ, на которомъ, въ числѣ многихъ военныхъ чиновниковъ, и я находился. Послѣ обѣда, государь подошелъ къ намъ и сказать изволилъ: „Мы участвовали въ двухъ войнахъ противъ французовъ, какъ союзники, и, кажется, долгъ свой исполнили, какъ слѣдовало; теперь пришло время защищать свои собственныя права, а не постороннія, и потому, уповая на Бога, надѣюсь, что всякій изъ насъ исполнитъ свою обязанность и что мы не помрачимъ военную славу, нами пріобрѣтенную!"

Я взялъ съ собою въ Вильну двухъ моихъ адъютантовъ: Швахейма и Дохтурова и оберъ-аудитора Кулакова, а адъютанта Храповицкаго оставилъ въ Петербургѣ управлять моею канцеляріею.

Кому неизвѣстны военныя и политическія событія сей знаменитѣйшей эпохи въ лѣтописяхъ нашей имперіи! Судьбѣ не угодно было, какъ впослѣдствіи будетъ видно, чтобъ я и въ этой войнѣ дѣятельнымъ образомъ на полѣ брани участвовалъ; свѣдѣнія, которыя о ней имѣю, я почерпнулъ изъ реляцій и изъ другихъ источниковъ, а потому и говорить здѣсь о сей войнѣ я не намѣренъ.

Въ Вильну, противу всякаго чаянія, пріѣхалъ адъютантъ Наполеона графъ Нарбонъ съ собственноручнымъ письмомъ своего государя къ нашему императору; содержаніе письма тогда никому не было извѣстно. Въ Вильнѣ и окрестностяхъ сего города стояла 3-я дивизія, которою командовалъ графъ Коновницынъ; государю угодно было показать пріѣзжему гостю какъ наши войска маневрируютъ; для сего собрана была вся 3-я дивизія, и всѣ движенія производила она превосходно.

Не задолго предъ отъѣздомъ изъ Петербурга, извѣстный Шведскій уроженецъ генералъ графъ Армфельдъ назначенъ былъ состоять въ свитѣ его величества; онъ находился тоже въ Вильнѣ. Всѣ военные чиновники, бывшіе тогда при государѣ, какъ-то: генералъ и флигель-адъютанты и проч. вознамѣрились дать императору праздникъ. Для сего назначенъ былъ замокъ недалеко отъ Вильны, называвшійся Закретъ; собрали деньги, и распорядителемъ этого праздника избранъ былъ графъ Армфельдъ. Замокъ былъ назначенъ для бала, а для ужина положили выстроить деревянную галлерею, что̀ поручено было лучшему архитектору изъ поляковъ, находившемуся въ Вильнѣ. Наканунѣ того дня, въ который назначенъ былъ праздникъ, вся построенная галлерея обрушилась; къ счастію, что въ ней тогда никто не случился, а болѣе, еще, что не тогда, когда она наполнена была гостьми! Архитекторъ, строившій сію галлерею, послѣ несчастнаго этого происшествія, безъ вѣсти пропалъ; сказываютъ, что нашли его шляпу на берегу рѣки Виліи, и изъ сего заключили, что онъ бросился въ воду. Праздникъ однако данъ и удостоенъ былъ присутствія императора.

Окрестности Вильны прелестны. Государь всякій день изволилъ ѣздить

верхомъ съ дежурнымъ генералъ-адъютантомъ. Мнѣ случилось показывать императору загородный домъ, называемый Верке, принадлежащій одному изъ графовъ Потоцкихъ, гдѣ я былъ прежде съ Балашовымъ. Мѣстоположеніе Верке единственное: на превысокой горѣ, у подошвы которой извивается рѣка Вилія, окруженная зелеными лугами, съ разбросанными по онымъ кустарниками по обоимъ ея берегамъ, представляла видъ очаровательный! Этою прогулкою государь былъ очень доволенъ. (Въ Вильнѣ князь В. С. Трубецкой жилъ вмѣстѣ съ П. В. Кутузовымъ. Виленскій полиціймейстеръ г. Вейсъ служилъ прежде подъ командою Кутузова, въ бытность сего послѣдняго оберъ-полицеймейстеромъ въ Петербургѣ; Вейсъ приглашаетъ однажды къ себѣ на чай Кутузова и Трубецкаго, который, увидѣвъ прекрасную дочь хозяина, влюбился въ нее и потомъ съ нею обвѣнчался).

По принятому тогда плану кампаніи, когда извѣстно сдѣлалось, что Наполеонъ перешелъ черезъ рѣку Нѣманъ, съ многочисленною своею арміею, составленною изъ войскъ почти всѣхъ Европейскихъ націй, приказано было нашимъ корпусамъ, разположеннымъ по Прусской границѣ, отступать къ Дриссѣ. Часть главной квартиры, находившейся въ Вильнѣ, отправлена уже была по тому же направленію. Государь разсудилъ послать съ отвѣтомъ къ Наполеону и избрать для сего изволилъ А. Д. Балашова. Поздно ввечеру наканунѣ нашего оттуда отъѣзда, приказываетъ ему явиться къ себѣ, отдавая письмо и приказываетъ тотчасъ отправиться къ Наполеону. Балашовъ доноситъ императору, что онъ уже обозъ свой съ прочими отправилъ, и что у него нѣтъ ни генеральскаго мундира, ни ленты; государь приказываетъ ему у кого нибудь достать для себя мундиръ и все что ему нужно и чтобъ непремѣнно онъ черезъ часъ выѣхалъ, назначивъ находиться при Балашовѣ полковника М. Ѳ. Орлова, который былъ тогда причисленъ къ князю П. М. Волконскому. Я жилъ вмѣстѣ съ Александромъ Дмитріевичемъ. Онъ приходитъ домой, въ отчаяніи, разсказываетъ мнѣ все что съ нимъ случилось, говоря, что александровскою лентою его ссудилъ гр. П. А. Толстой; къ счастію мой обозъ еще не уѣхалъ, и я ему предложилъ мой генеральскій мундиръ. Надобно было оный примѣрять; на-силу мундиръ мой влѣзъ на Балашова, но нечего было дѣлать; онъ рѣшился его взять и обѣщалъ во все время сколь можно менѣе ѣсть, чтобъ похудѣть. На другой день государь и вся его величества свита оставили Вильну. Извѣстно, что нашъ аріергардъ, состоявшій изъ однихъ гвардейскихъ казаковъ, подъ начальствомъ генералъ-адъютанта графа Орлова-Денисова, былъ атакованъ французами въ Виленскихъ улицахъ. Этотъ генералъ такъ славно защищался, что не только отретировался въ совершенномъ порядкѣ, но даже ранилъ и взялъ въ плѣнъ начальника непріятельскаго отряда графа Сегюра; а полковникъ Ефремовъ самъ своею пикою нанесъ почти смертельный ударъ принцу Гогенлое, бывшему впослѣдствіи, при нашемъ дворѣ, министромъ короля

Виртембергскаго. Главная квартира императора пришла въ мѣстечко Видзы, сдѣлавъ 6 переходовъ; а о Балашовѣ еще слуху не было! Начали уже на счетъ его безпокоиться: не оставилъ ли его Наполеонъ военно-плѣннымъ? Наконецъ, предъ выходомъ изъ сего мѣстечка, посланный отъ государя возвратился и привезъ собственноручное письмо къ его величеству отъ Наполеона. Всѣ обступили Александра Дмитріевича и начали распрашивать, чтó съ нимъ случилось, во время его отсутствія. Вотъ что онъ разсказывалъ: Оставя Вильну, на другой день, онъ пріѣхалъ на французскіе аванъ-посты; когда трубачь его протрубилъ три раза и Балашовъ объявилъ, что онъ Россійской арміи генералъ, присланный къ императору Наполеону, то непріятельскій офицеръ его остановилъ, а самъ послалъ получить приказанія. Черезъ нѣсколько времени посланный возвратился; Балашову и Орлову завязали глаза и вели ихъ такимъ образомъ до главной квартиры маршала Даву; тутъ имъ развязали глаза, и Балашова одного ввели къ маршалу, которому онъ объявилъ причину своего пріѣзда и просилъ отправить его къ императору французовъ. Давустъ ему отвѣчалъ, что онъ не знаетъ точно, гдѣ находится теперь его величество; но если генералъ Балашовъ желаетъ, то онъ пошлетъ письмо отъ Россійскаго императора съ своимъ адъютантомъ къ императору Наполеону; на что Балашовъ возразилъ: что ему отъ государя своего повелѣно отдать письмо лично, и потому онъ никому онаго поручить не можетъ. Маршалъ сказалъ ему, что онъ тотчасъ пошлетъ извѣстить Наполеона о пріѣздѣ къ нему генерала отъ императора Александра. Посланный не возвращался четыре дни; между тѣмъ Балашовъ видѣлъ, что за всѣми его движеніями примѣчали; онъ наконецъ рѣшился спросить маршала Давуста, не считаетъ ли онъ его своимъ плѣннымъ? въ такомъ случаѣ онъ проситъ его дать ему способъ донесть о томъ своему государю, ибо онъ не постигаетъ, какимъ образомъ, когда извѣстно, что императоръ Наполеонъ перешелъ черезъ наши границы, посланный его адъютантъ не привозитъ по сію пору никакого отвѣта! Маршалъ ему отвѣчалъ: „Помилуйте, генералъ, не ужели намъ неизвѣстны права военныя и что особа парламентера, по всѣмъ законамъ, неприкосновенна и даже священна; замедленіе же сіе, продолжалъ маршалъ, происходитъ вѣроятно отъ того, что императоръ объѣзжаетъ многочисленные корпуса своей арміи, расположенной на большомъ пространствѣ, и адъютантъ мой не успѣлъ его догнать.“ Наконецъ посланный возвратился съ повелѣніемъ къ Давусту: препроводить Русскаго генерала, подъ приличнымъ конвоемъ, въ настоящее мѣстопребываніе императора Наполеона. Каково же было удивленіе Балашова, когда его привезли въ Вильну, въ тотъ дворецъ, гдѣ жилъ государь, и Наполенъ принялъ его въ той самой комнатѣ, изъ которой, нѣсколько дней тому назадъ, отправлялъ его императоръ Александръ! Это Александръ Дмитріевичъ разсказывалъ всѣмъ любопытнымъ; мнѣ же, какъ мы жили вмѣстѣ, онъ

сообщилъ всѣ подробности его пребыванія въ Вильнѣ. Когда его ввели къ Наполеону и онъ подалъ письмо отъ нашего государя, императоръ французовъ, прочитавши оное, сказалъ: „Насъ Англичане поссорили! Я удивляюсь, продолжалъ онъ, что вашъ императоръ находится самъ при войскахъ; что ему тутъ дѣлать? Онъ природный государь, ему должно царствовать, а не воевать! Мое дѣло другое: я солдатъ, и это мое ремесло! Я не могу согласиться на требованія вашего императора: когда я что занялъ, то считаю своимъ. Вамъ мудрено защищать вашу границу, столь обширную, съ такимъ малымъ числомъ людей!“ Во все время онъ ходилъ по комнатѣ, потомъ подумавъ немного, прибавилъ: „Увидимъ чѣмъ все это кончится!“ Наполеонъ много еще говорилъ, но это составляло почти всю сущность разговора. Балашовъ былъ приглашенъ къ обѣденному столу, за которымъ находились кромѣ его: Наполеонъ, Бертье, Дюрокъ, Бессіеръ и Коленкуръ. За обѣдомъ Наполеонъ обращается къ Балашову и говоритъ: „Вы думаете, генералъ, что эти господа (показывая на Бертье и Бессіера) что нибудь у меня значутъ—ничего не бывало: они только исполнители моихъ приказаній!“ Потомъ продолжалъ: „Вы были, кажется, начальникомъ Московской полиціи?“ и не давъ времени Балашову отвѣчать, спросилъ у Коленкура: „Вы знаете Москву? Большая деревня, гдѣ видно множество церквей!“ и продолжая говорить: „къ чему онѣ? Въ теперешнемъ вѣкѣ перестали быть набожными!“ На это Балашовъ отвѣчалъ: „Я не знаю, ваше величество, набожны ли во Франціи, но въ Испаніи и въ Россіи много еще есть набожныхъ!“ Послѣ обѣда, который продолжался съ небольшимъ полчаса, Коленкуръ подошелъ осторожно къ Балашову и сказалъ: „Зайдите, генералъ, ко мнѣ.“ Александръ Дмитріевичъ это исполнилъ. Коленкуръ много говорилъ о милостяхъ, императоромъ Александромъ ему оказанныхъ, во время пребыванія его посломъ въ Петербургѣ, и о привязанности его къ нашему государю. Въ разговорахъ своихъ онъ былъ очень откровененъ и даже совѣтовалъ быть твердымъ въ предпріятіяхъ своихъ. Балашовъ сказывалъ, что тогда уже французская кавалерія очень много пострадала: вся дорога усѣяна была палыми лошадьми.

Черезъ нѣсколько переходовъ пришли мы въ знаменитый укрѣпленный лагерь, на правомъ берегу рѣки Десны, генераломъ Пфулемъ устроенный. Я поѣхалъ впередъ съ барономъ Толемъ, бывшимъ тогда оберъ-квартирмейстеромъ нашей арміи, чтобъ онъ, какъ мастеръ этого дѣла, показалъ мнѣ укрѣпленіе и объяснилъ мнѣ выгоды и невыгоды его. Баронъ Толь математически доказалъ мнѣ, что если мы дождемся Наполеона въ этомъ лагерѣ, то онъ насъ всѣхъ, какъ говорится, живьемъ возьметъ. Лагерь устроенъ былъ на высокомъ берегу, въ утесѣ, а къ рѣкѣ внизу большая отмель. Для отступленія всей арміи находились три моста на рѣкѣ Деснѣ. Еслибъ мы атакованы были во фронтъ лагеря, и въ то самое время непріятель послалъ отрядъ внизу утеса отмелью, который легко могъ бы овла-

дѣть хотя первымъ мостомъ, тогда бы никакъ отступленія имѣть мы не могли (Никто такъ не надоѣдалъ генералу Пфулю своими дерзкими насмѣшками, на счетъ укрѣпленнаго его лагеря, какъ маркизъ Паулуччи. Мы всѣ ходили обѣдать за гофмаршальскій столъ, но бѣдный Пфуль пересталъ ходить съ нами, чтобъ не быть предметомъ насмѣшекъ). Къ счастію Наполеонъ видно не зналъ, въ какомъ невыгодномъ положеніи находилась наша армія. Между тѣмъ мы не имѣли никакого свѣдѣнія о непріятелѣ. Корпуса, приходившіе въ соединеніе, не были имъ обезпокоиваемы. При нашей арміи, казаковъ, кромѣ гвардейскихъ, почти вовсе не было. Рѣшились командировать генерала Корфа съ регулярною кавалеріею сдѣлать сильное рекогносцированіе, чтобъ открыть непріятеля, но онъ возвратился безъ успѣха. Графъ Мишо, служившій тогда полковникомъ въ свитѣ его величества, составилъ записку о бѣдственномъ положеніи нашей арміи и предлагалъ, оставя немедленно лагерь, идти по лѣвому берегу рѣки Десны къ Полоцку. Эта записка, чрезъ князя Волконскаго, представлена была государю. Учрежденъ былъ совѣтъ для разсмотрѣнія мнѣнія графа Мишо. При государѣ находился комитетъ для отправленія государственныхъ дѣлъ, состоявшій изъ графа Аракчеева, Шишкова (государственнаго секретаря) и Балашова. Совѣтъ согласился съ мнѣніемъ гр. Мишо, и отступленіе арміи было рѣшено. Графъ Витгенштейнъ оставленъ былъ съ своимъ корпусомъ для обезпеченія отступленія арміи.

Шишковъ и Балашовъ, съ которыми я жилъ вмѣстѣ, сказывали мнѣ, что рѣшено сдѣлать воззваніе къ Москвѣ и ко всей Россіи, чтобы собрать добровольное ополченіе, что они на-силу могли убѣдить гр. Аракчеева, чтобъ онъ упросилъ государя оставить армію, и самому императору ѣхать въ Москву, гдѣ присутствіе его величества произведетъ большое дѣйствіе въ эту критическую минуту. Когда Шишковъ и Балашовъ представляли гр. Аракчееву, что необходимо государю ѣхать въ Москву, и что это единственное средство спасти отечество, гр. Аракчеевъ возразилъ: „Что мнѣ до отечества! Скажите мнѣ, не въ опасности ли государь, оставаясь долѣе при арміи?" Они ему отвѣчали: „Конечно, ибо если Наполеонъ атакуетъ нашу армію и разобьетъ ее, что тогда будетъ съ государемъ? А если онъ побѣдитъ Барклая, то бѣда еще не велика!" Это заставило Аракчеева идти къ государю и упросить его величество на отъѣздъ изъ арміи. Можно сказать, что душа и чувства гр. Аракчеева были совершеннаго царедворца и чужды любви къ отечеству.

Съ нами жилъ также генералъ-адъютантъ Винцингероде; онъ просился сдѣлать, съ нѣсколькими гусарами, поиски на непріятеля, но никого не открылъ. Императоръ слѣдовалъ съ арміею до Полоцка, но еще изъ лагеря подъ Дриссой посланъ былъ генералъ-адъютантъ князь Трубецкой съ воззваніемъ въ Москву.

Государь, на другой день по прибытіи въ Полоцкъ, изволилъ отправиться въ Москву. Въ свитѣ его ве-

личества находились: оберъ-гофмаршалъ гр. Толстой, гр. Аракчеевъ, кн. П. М. Волконскій, А. С. Шишковъ, А. Д. Балашовъ и я. Главную квартиру свою императоръ поручилъ генералъ-адъютанту П. В. Кутузову.

Тогда главнокомандующимъ въ Москвѣ былъ гр. Ѳ. В. Растопчинъ. Государь повелѣлъ ему, чтобъ никакой встрѣчи для его величества дѣлано не было и нарочно пріѣхалъ въ Москву ночью; но отъ послѣдней станціи къ Москвѣ, вся дорога была наполнена такимъ множествомъ народа, что, отъ бывшихъ у этихъ желающихъ видѣть своего государя фонарей, было свѣтло, почти какъ днемъ. Въ слѣдующій день, по утру, императоръ назначить изволилъ быть молебну въ Успенскомъ соборѣ. Стеченіе народа на всей Кремлевской площади было такъ велико, что находившіеся при государѣ генералъ-адъютанты принуждены были составить изъ себя родъ оплота, чтобъ довесть императора отъ Краснаго крыльца до собора. Всѣхъ насъ можно было уподобить судну безъ мачтъ и кормила, обуреваемому на морѣ волнами; мы очутились почти у гаубтвахты и оттуда уже кое какъ добрались до церкви. Между тѣмъ громогласное ура заглушало почти колокольный звонъ. Это шествіе продолжалось очень долго, и мы едва совершенно не выбились изъ силъ. Я никогда не видывалъ такого энтузіазма въ народѣ, какъ въ это время. На другой день, приказано было сдѣлать мостки съ перилами отъ Краснаго крыльца до собора. Архіепископъ Августинъ встрѣтилъ государя съ крестомъ и св. водою и произнесъ весьма трогательное и краснорѣчивое слово.

Въ пространныхъ залахъ Слободскаго дворца назначены были собранія для дворянства и купечества. Императоръ самъ поѣхалъ въ Слободской дворецъ. Войдя въ залу, гдѣ собрано было все Московское дворянство, губернскимъ предводителемъ коего былъ В. Д. Арсеньевъ, государь сказалъ: „Вамъ извѣстна, знаменитое дворянство, причина моего сюда пріѣзда. Императоръ французовъ, вѣроломнымъ образомъ, безъ объявленія войны, съ многочисленною арміею, составленною изъ порабощенныхъ имъ народовъ, вторгся въ нашу границу; всѣ средства истощены были, сохраняя однако достоинство имперіи, къ отвращенію бѣдствія; но властолюбивый духъ Наполеона, не знающій предѣловъ, не внималъ никакимъ предложеніямъ. Настало время для Россіи показать свѣту ея могущество и силу! Я въ полной увѣренности, взываю къ вамъ: вы, подобно предкамъ вашимъ, не потерпите ига чуждаго, и непріятель да не восторжествуетъ въ своихъ дерзкихъ замыслахъ; — сего ожидаетъ отъ васъ отечество ваше и государь!" Вся зала огласилась словами: „Готовы умереть скорѣе, государь, нежели покориться врагу. Все, что мы имѣемъ, отдаемъ тебѣ; на первый случай, назначаемъ десятаго человѣка со ста душъ крестьянъ нашихъ на службу." Всѣ, бывшіе въ залѣ, не могли воздержаться отъ слезъ. Государь самъ былъ чрезмѣрно тронутъ и прибавилъ: „Я многаго ожидалъ отъ Московскаго дворянства, но оно превзошло мое ожиданіе." (И весь этотъ

разговоръ остался у меня въ совершенной памяти). Потомъ императоръ изволилъ войти въ залу, гдѣ находилось Московское купечество. Государь встрѣченъ былъ радостнымъ восклицаніемъ. Купцы объявили его величеству, что на нѣсколько милліоновъ рублей, которые они приносятъ въ даръ отечеству, уже сдѣланы подписки. Императоръ, окруженный толпою народа. который отвсюду стремился навстрѣчу его величества, съ безпрестаннымъ крикомъ ура, возвратился въ Кремлевскій дворецъ. Многіе изъ первѣйшихъ Московскихъ чиновниковъ, и мы всѣ, въ этотъ день, приглашены были къ обѣденному столу государя. Императоръ нѣсколько разъ изволилъ повторять, что онъ этаго дня никогда не забудетъ. Послѣ обѣда посланъ былъ орденъ св. Анны 1-го класса Московскому губернскому предводителю В. Д. Арсеньеву. Многіе изъ моихъ знакомыхъ, Московскихъ дворянъ, мнѣ говорили: одни, что отдадутъ всѣхъ своихъ музыкантовъ, другіе актеровъ, третіи дворовыхъ людей, псарей въ ратники, ибо ихъ скорѣе образовать можно для военнаго ремесла нежели крестьянъ.

Начальникомъ Московскаго ополченія избранъ былъ дворянствомъ М. Л. Кутузовъ и въ помощь ему графъ Ираклій Ивановичъ Марковъ. Въ Москвѣ уже получено было извѣстіе о занятіи Смоленска французами; съ этимъ извѣстіемъ пріѣхалъ великій князь цесаревичъ. Государь вскорѣ послѣ того изволилъ отъѣхать въ Петербургъ. Въ этой столицѣ собирало Петербургское дворянство также ополченіе, и это дворянство подчинило ратниковъ своихъ также М. Л. Кутузову. Въ этомъ качествѣ онъ пріѣхалъ явиться государю. Это было въ Таврическомъ дворцѣ. Я, увидѣвъ этаго славнаго генерала, подхожу къ нему и говорю: „Стало быть, дворянство обѣихъ столицъ нарекло ваше высокопревосходительство защитникомъ своимъ и отечества!“ Михаилу Ларіоновичу еще не извѣстно было, что Московское дворянство избрало его также начальникомъ своего ополченія. Когда онъ узналъ отъ меня объ этомъ назначеніи, съ полными глазами слезъ сказалъ: „Вотъ лучшая награда для меня, въ моей жизни!“ и благодарилъ меня за это извѣстіе. Хотя Барклай де-Толли и названъ былъ главнокомандующимъ 1-ю западною арміею, онъ не переставалъ быть военнымъ министромъ; въ отсутствіе же его военнымъ министерствомъ управлялъ князь А. И. Горчаковъ. Однажды я былъ дежурнымъ при государѣ, на Каменномъ Острову. Князь Горчаковъ, бывшій ко мнѣ всегда чрезвычайно хорошо расположенъ, пріѣзжаетъ съ докладомъ къ императору и говоритъ мнѣ: „Ахъ, любезный другъ, какую я имѣю ужасную коммиссію къ государю: я избранъ ходатаемъ отъ всего Комитета гг. министровъ, чтобъ просить его величество перемѣнить главнокомандующаго арміею, и вмѣсто Барклая де-Толли назначить Кутузова. Ты знаешь, какъ государь жалуетъ Барклая, и что это собственный выборъ его величества.“ Я ожидалъ съ нетерпѣніемъ, когда кн. Горчаковъ выдетъ изъ кабинета императора. Дѣйствительно случай былъ рѣдкій, чтобъ ка-

кое либо мѣсто, хотя составленное впрочемъ изъ первѣйшихъ государственныхъ членовъ, предложило государю нашему, противу воли его, перемѣнить лице, и какое же? главнокомандующаго арміею! Тѣмъ болѣе, что императоръ, какъ извѣстно было, не весьма благоволилъ тогда къ генералу Кутузову. Наконецъ я увидѣлъ кн. Горчакова, выходящаго изъ кабинета государя; видно было, что у нихъ былъ продолжительный и жаркій разговоръ, ибо князь имѣлъ лице какъ пламя. Онъ мнѣ сказалъ: „Слава Богу, я успѣлъ. Нельзя не дивиться кротости и милосердію государя; представь себѣ, что я осмѣлился наконецъ сказать его величеству, что вся Россія желаетъ назначенія генерала Кутузова, что въ отечественную войну приличнѣе быть настоящему Русскому главнокомандующимъ.“ Государь приказалъ кн. Горчакову дать знать генералу Кутузову, чтобъ на другой день, по утру, онъ пріѣхалъ къ его величеству. Мое дежурство еще продолжалось, когда генералъ Кутузовъ пріѣхалъ на Каменный Островъ. Я съ нимъ былъ одинъ. „Мнѣ предстоитъ великое и весьма трудное поприще, сказалъ Кутузовъ. Я противъ Наполеона почти не служилъ; онъ все шелъ впередъ, а мы ретировались; можетъ быть, по обстоятельствамъ, нельзя было иначе! Скажите мнѣ, продолжалъ онъ, кто находится въ главной квартирѣ Барклая, изъ чиновниковъ, занимающихъ мѣста по штабу? Я никого не знаю.“ Я ему назвалъ всѣхъ, и когда онъ услышалъ, что оберъ-квартирмейстерскую должность отправляетъ баронъ Толь, онъ мнѣ сказалъ: „Я этому очень радъ, онъ выпущенъ изъ перваго Кадетскаго Корпуса, когда я онымъ командовалъ.“ Послѣ сего позвали его къ государю. Выходя изъ кабинета его величества, генералъ Кутузовъ мнѣ сказалъ: „Дѣло рѣшено,—я назначенъ главнокомандующимъ обѣихъ армій; но, затворяя уже дверь кабинета, я вспомнилъ, что у меня нѣтъ ни полушки на дорогу; я воротился и сказалъ: „Mon maître, je n'ai pas un sou d'argent pour partir.“ Государь мнѣ пожаловалъ 10 тысячъ рублей. Простясь со мною, генералъ Кутузовъ уѣхалъ, и мнѣ болѣе съ нимъ не случилось уже видѣться никогда....

Положено было учредить, для скорѣйшаго образованія рекрутъ, пѣхотные и кавалерійскіе резервы. Первые поручены были генералу отъ инфантеріи кн. Лобанову-Ростовскому, а вторые генералу отъ кавалеріи Кологривову. Государь изволилъ призвать меня однажды къ себѣ въ кабинетъ и объясняя всю важность учрежденія этихъ резервовъ и что отъ нихъ зависѣть долженъ впредь весь успѣхъ дѣйствующихъ армій, сказать мнѣ изволилъ: „Я хочу возложить на тебя весьма важное порученіе; я имѣю донесеніе, что нѣкоторые повѣты Волынской губерніи заняты уже непріятелемъ; ты знаешь какъ расположены къ намъ поляки! Хотя и обнародованъ указъ, чтобъ съ тѣхъ губерній, которыя не даютъ ополченій, взимать рекрутъ, и въ томъ указѣ сказано также, чтобъ помѣщикамъ Подольской и Волынской губерній, вмѣсто рекрутъ, предоставить на волю ставить лошадей; но я не надѣюсь,

чтобъ мѣстнымъ начальствомъ это было исполнено. Тебѣ извѣстно, что эти двѣ губерніи изобилуютъ лошадьми и чтобъ оными не воспользовался непріятель, то я посылаю тебя съ повелѣніемъ собрать съ тѣхъ губерній, вмѣсто рекрутъ, по сдѣланному расчету, до 20 тысячь лошадей, которыхъ и отправлять въ кавалерійскіе резервы, къ Кологривову; ибо и мы и непріятель болѣе имѣемъ нужды въ лошадяхъ, нежели въ людяхъ. Ты бывалъ въ тѣхъ мѣстахъ, и духъ жителей тебѣ извѣстенъ. У тебя, во Внутренней Стражѣ, вѣроятно много есть штабъ-офицеровъ, служившихъ прежде въ кавалеріи, возьми ихъ къ себѣ, сколько хочешь. Изъ этого ты видишь, что я никого кромѣ тебя не могу употребить въ этомъ государственномъ дѣлѣ, а въ успѣхѣ я не сомнѣваюсь. Пойди къ гр. Аракчееву, ты получишь отъ него всѣ нужныя бумаги. Пиши обо всемъ прямо ко мнѣ.“ Это порученіе, по тогдашнимъ обстоятельствамъ, дѣйствительно было весьма важно. Получивъ бумаги отъ гр. Аракчеева послѣ обѣда, на другой день, по утру, я пріѣхалъ къ государю откланяться и получить послѣднія приказанія. Когда я вошелъ въ кабинетъ государя, я нашелъ его величество въ чрезвычайномъ смущеніи. На большомъ столѣ лежала развернутая секретная, маршрутная карта Россіи; императоръ ее разсматривалъ и нѣсколько времени не примѣчалъ, что я былъ въ комнатѣ; увидѣвъ меня, сказать изволилъ: „Здравствуй, что все-ли получилъ?“ Я отвѣчалъ, что я совсѣмъ готовъ къ отъѣзду и пришелъ получить послѣднія приказанія и спросить, какою дорогою мнѣ ѣхать, ибо на Смоленскъ не возможно, развѣ на Москву? Государь, посмотря на меня и помолчавъ немного, сказать изволилъ: „Ну.... конечно, на Москву; впрочемъ поѣзжай какъ Богъ тебя пронесетъ!“ и обнявъ меня, прибавилъ: „Прощай, Богъ съ тобою!“ Съ Каменнаго Острова я поѣхалъ откланяться цесаревичу. У его высочества я нашелъ П. И. Озерова, только что пріѣхавшаго изъ Москвы. Я спрашиваю у него, можно ли проѣхать чрезъ Москву? Онъ мнѣ отвѣчалъ: „Не знаю, когда я выѣхалъ оттуда, Французы уже были на Воробьевыхъ горахъ!“ Я тотчасъ догадался, по смущенному виду государя, что получено было извѣстіе о занятіи Москвы непріятелемъ; и точно, въ тотъ самый день, рано по утру, пріѣхалъ курьеръ отъ Кутузова съ этою ужасною новостью; но въ публикѣ она не была еще извѣстна.

Я выѣхалъ изъ Петербурга 8 Сентября 1812 года, взявъ съ собою аудитора Кулакова, адъютанта моего барона Швахейма и придворнаго берейтора Вольгеборна. Адъютанту моему Дохтурову я позволилъ служить при дядѣ его, генералѣ Дохтуровѣ, а адъютанта Храповицкаго оставилъ управлять дѣлами моей канцеляріи; кн. Горчаковъ позволилъ ему, въ отсутствіе мое, ходить къ себѣ съ докладомъ. Я назначилъ изъ баталіоновъ Внутренней Стражи, для пріема лошадей, полковника Куликовскаго, подполковника Вевера, маіора Фюрстенау и рекомендованнаго мнѣ кн. А. И. Горчаковымъ подполковника Макарова; впослѣдствіи я опредѣлилъ

также для пріема лошадей маіора Дезописа, который находился тогда въ отставкѣ и послѣ былъ моимъ адъютантомъ.

Пріѣхавъ въ Новгородъ, я нашелъ въ трактирѣ кн. С. Н. Долгорукова, который спрашивалъ у меня объ участи Москвы. Я, видя, что онъ о взятіи ея ничего не знаетъ, не хотѣлъ вдругъ ему открыться; между тѣмъ слышимъ, что у почтоваго двора кто-то остановился съ колокольчикомъ; князь самъ побѣжалъ узнать, не курьеръ ли ѣдетъ изъ арміи? Вскорѣ потомъ возвращается и приводитъ съ собою унтеръ-офицера, ѣдущаго курьеромъ къ государю отъ генералъ-адъютанта Винцингероде; мы спрашиваемъ у него: кто въ Москвѣ? Курьеръ отвѣчалъ: два дни были тамъ Французы, а послѣ изъ оной вышли. Князь Долгорукій догадался, что Москва уже въ рукахъ непріятеля, и это извѣстіе ужасно его поразило.

Въ Вышнемъ Волочкѣ я увидался съ П. О. Лабою, бывшимъ тогда генералъ-провіантмейстеромъ; я съ нимъ былъ очень друженъ со времени пребыванія моего комендантомъ въ Каменцѣ-Подольскѣ. Лаба имѣлъ порученіе заготовлять провіантъ для Петербурга и другихъ мѣстъ, куда изъ Вышняго Волочка удобнѣе доставлять. Я нашелъ его въ большомъ затрудненіи, особенно, когда онъ узналъ, что въ Москвѣ непріятель; ибо если Французы пойдутъ Московскимъ трактомъ въ Петербургъ, то непремѣнно должно провіантъ истребить, а его находилось на нѣсколько милліоновъ рублей; разрѣшенія онъ ни откуда не получалъ, хоть посылалъ курьеровъ и въ Петербургъ и къ главнокомандующему арміею, и я бѣднаго Лабу оставилъ въ этой ужасной неизвѣстности.

Въ Твери тогда былъ губернаторомъ Л. С. Кологривой, съ которымъ я былъ знакомъ прежде; по женѣ своей онъ нѣсколько родня матушкѣ. Кологривой тотчасъ ко мнѣ пріѣхалъ и разсказалъ о всемъ, что̀ съ Москвою случилось, что онъ отправилъ все семейство свое въ Ярославль и всѣ дѣла изъ присутственныхъ мѣстъ, что тамъ находится принцъ Ольденбургскій и великая княгиня, что между Москвою и Тверью расположеннымъ отрядомъ войскъ командуетъ генералъ-адъютантъ Винцингероде. Я тотчасъ послалъ курьера къ этому генералу, увѣдомляя его о моемъ пріѣздѣ, и что какъ я имѣю важное порученіе отъ государя, то прошу его извѣстить меня, какимъ образомъ я могу продолжать путь мой до мѣста моего назначенія? Винцингероде предложилъ мнѣ пріѣхать въ г. Клинъ, гдѣ онъ будетъ имѣть со мною свиданіе. По пріѣздѣ моемъ въ этотъ городъ я нашелъ тамъ князя С. Г. Волконскаго[1], который, именемъ Винцингероде, просилъ меня одного поѣхать въ деревню Давыдовку, куда генералъ, по обстоятельствамъ, долженъ былъ перевесть свою квартиру. Наше свиданіе было весьма трогательно; мы долго обнявшись оплакивали участь Москвы, и всѣ тутъ бывшіе тоже дѣлали. Винцингероде развернулъ карту и показалъ мнѣ тѣ пункты, ко-

---

[1] Впослѣдствіи Декабриста, умершаго въ 1866 году. П. Б.

торые занимаютъ его форпосты; въ одной Московской, до границы сосѣдственныхъ губерній, они всѣ расположены были на растояніи отъ Москвы не болѣе 30 верстъ; хотя отъ начальниковъ форпостовъ онъ получалъ часто донесенія, но ручаться не могъ однако, чтобъ они пробыли долго въ томъ же положеніи. Я вмѣстѣ съ Винцингероде (у этого генерала было правило: имѣть при себѣ особъ, принадлежащихъ первымъ фамиліямъ, какъ-то князя Волконскаго, Нарышкина, Бенкендорфа и проч., и онъ старался доставлять имъ чины и награды) составилъ для себя маршрутъ до г. Тулы, и съ нимъ растался.

Я поѣхалъ изъ Клина на города: Дмитровъ, Покровъ, Егорьевскъ, Зарайскъ, Коломну, Веневъ и Тулу; такимъ образомъ я сдѣлалъ три четверти круга Москвы. Выѣзжая изъ Клина ввечеру, я вижу вдали большое зарево, спрашиваю у ямщика, что это значитъ? Онъ со вздохомъ мнѣ отвѣчалъ: „Москва горитъ ужь пятый день!“ У меня невольно полились слезы изъ глазъ; такъ эта столица-мать для всякаго Русскаго драгоцѣнна! Во все время какъ я объѣзжалъ Москву, я видѣлъ бѣдныхъ жителей, укладывавшихъ свои пожитки на телѣги; я спрашивалъ: „куда же вы хотите ѣхать?“ „А куда глаза глядятъ, баринъ; теперь покуда въ лѣса, а тамъ куда Богъ приведетъ!—“Когда я просилъ для своихъ экипажей лошадей, даже за двойные прогоны, они мнѣ въ нихъ не отказывали, но говорили: „пожалуйста не загоняй лошадей далеко, баринъ, чтобъ намъ было съ чѣмъ уѣхать!“

Въ г. Покровѣ была квартира начальника Владимірскаго ополченія, которымъ тогда командовалъ князь Борисъ Андреевичъ Голицынъ; онъ былъ всегда друженъ съ княземъ П. И. Багратіономъ. Князь Голицынъ мнѣ разсказывалъ, съ большимъ прискорбіемъ, какъ привезли, въ его деревню, недалеко отъ г. Покрова, сего изъ славнѣйшихъ героевъ Россійской арміи раненаго. Съ какимъ духомъ, свойственнымъ неустрашимому князю Багратіону, онъ перенесъ отнятіе ноги! Послѣднія его слова были: „Спаси Господи Россію!“ Богъ внялъ молитвѣ героя. Я весьма любилъ князя Багратіона; онъ имѣлъ отличныя свойства и въ особенности необыкновенную доброту сердца, и тронутъ былъ до глубины души извѣстіемъ о его смерти, о которой я прежде не слыхалъ. Богъ случайно привелъ меня въ знаменитую въ нашихъ лѣтописяхъ обитель св. Сергія Радонежскаго чудотворца; нынѣшнее лѣто (это писано въ 1830 году) мы были въ этой обители и узнали, что только одна ризница, драгоцѣннѣйшая во всей Россіи, была вывезена изъ Лавры, во время нашествія Французовъ, а что всѣ богатые оклады на иконахъ оставались на своихъ мѣстахъ, и что непріятель не доходилъ только 20-ти верстъ до монастыря.

Въ Тулѣ, бывшій тогда губернаторомъ, Богдановъ показывалъ мнѣ конныхъ ратниковъ Тульскаго ополченія: я нашелъ ихъ въ отличномъ устройствѣ. Проѣзжая по Московской дорогѣ, я на всѣхъ ямахъ слышалъ отъ ямщиковъ родъ негодованія, что государь собираетъ со всѣхъ помѣщичьихъ

крестьянъ ратниковъ на службу, а съ нихъ никого не берутъ, что они охотно бы дали изъ двухъ сыновей одного и снарядили бы ихъ молодцами и не пожалѣли бы дать имъ своихъ лучшихъ лошадей. Я счелъ обязанностью донести изъ Тулы государю какъ о Тульскомъ полкѣ конныхъ ратниковъ, такъ и объ изъявленномъ мнѣ желаніи отъ ямщиковъ Московской дороги служить противъ общаго врага Россіи. Вѣроятно вслѣдствіе сего моего донесенія, генералъ-адъютантъ Кутузовъ назначенъ былъ, вскорѣ потомъ, сформировать нѣсколько полковъ изъ ямщиковъ, выше мною упомянутыхъ.

По пріѣздѣ моемъ въ Житомиръ, я объявилъ высочайшее повелѣніе и указъ изъ правительствующаго Сената, чтобъ вмѣсто рекрутъ собирать лошадей въ Волынской и Подольской губерніяхъ. Въ первой былъ губернаторомъ М. И. Комбурлей, во второй же графъ Сенпри. Я требовалъ отъ рекрутскихъ присутствій обѣихъ губерній, чтобъ доставлены были ко мнѣ вѣдомости о числѣ принятыхъ уже рекрутъ и сколько еще ихъ поступить должно. За всякаго рекрута положено было взимать или трехъ кирасирскихъ, или четырехъ драгунскихъ, или пять уланскихъ, или гусарскихъ лошадей. По собраннымъ свѣдѣніямъ оказалось, что до моего пріѣзда въ обѣихъ губерніяхъ уже около половины рекрутъ собрано было натурою. Въ нѣкоторыхъ повѣтахъ Подольской губерніи оказалась чума; эти мѣста были оцѣплены, а потому ни рекрутъ, ни лошадей собирать съ нихъ было невозможно. Съ графомъ Сенпри я имѣлъ свиданіе на границѣ его губерніи. Назначенные мною для пріема лошадей чиновники пріѣхали. Чтобы удостовѣриться, сколько есть на лице годныхъ къ фронтовой службѣ лошадей, и подъ тѣмъ предлогомъ, чтобы не водили напрасно въ опредѣленныя мѣста для пріема лошадей, негодныхъ къ употребленію, я отнесся къ обоимъ губернаторамъ, что отъ меня посланы будутъ во всѣ повѣтны чиновники, прося содѣйствія земской полиціи, которые на мѣстахъ назначатъ лошадей, могущихъ быть принятыми. Между тѣмъ однако же пріемъ лошадей, на назначенныхъ пунктахъ, воспріялъ свое начало. Я немедленно отнесся къ князю Горчакову, чтобы повелѣно мнѣ было, для провода лошадей, употреблять находящихся на мѣстѣ рекрутъ, которые тамъ поступятъ на службу; иначе это должно бы дѣлаться чрезъ обывателей. Въ Волынской и Подольской губерніяхъ оставались на непремѣнныхъ квартирахъ запасные эскадроны квартировавшихъ тамъ кавалерійскихъ полковъ. Я представлялъ также, чтобъ я могъ и ихъ употребить для препровожденія партій лошадей; это имѣло ту выгоду, что служащіе въ кавалеріи офицеры и нижніе чины умѣютъ лучше обращаться съ лошадьми и сберечь ихъ въ пути. Оба мои представленія съ похвалою были утверждены.

(*Окончаніе будетъ.*)

ПИСЬМА В. А. ЖУКОВСКАГО КЪ А. И. ТУРГЕНЕВУ.

Письма эти (въ точныхъ спискахъ, обязательно снятыхъ профессоромъ В. С. Порошинымъ) получены въ Русскій Архивъ изъ Парижа, отъ *Николая Ивановича Тургенева*, у котораго хранятся самые подлинники. Приносимъ глубокую нашу благодарность многоуважаемому дѣятелю Русской мысли за вниманіе къ изданію нашему, выраженное присылкою этихъ писемъ, коихъ важность безъ сомнѣнія оцѣнятъ наши читатели. Это новыя и дорогія данныя для біографіи Жуковскаго. Ихъ слѣдуетъ сопоставить съ другими бумагами Жуковскаго, напечатанными въ Русскомъ Архивѣ, а именно. Въ 1863 г. письмо къ П. И. Голубкову (Бѣлевъ, 25 Мая 1809); въ 1864-мъ: письмо къ А. И. Тургеневу, (Муратово, 4 Авг. 1814) (*), три письма къ роднымъ (изъ Спб. и Дерпта 1815 и 1816), письмо А. И. Тургенева о первомъ чтеніи стиховъ Жуковскаго у имнер. Маріи Ѳеодоровны (Спб. 1 Янв. 1815), Долбинскія стихотворенія біографическаго содержанія, и письмо о кончинѣ Пушкина, въ полномъ видѣ. Въ 1865 г.: письмо къ роднымъ о первомъ свиданіи съ имнер. Маріею Ѳеодоровною (Спб. 11 Іюня) и два письма къ И. В. Попову о хозяйственныхъ дѣлахъ (Спб. 1835). Въ 1866 г.: письмо къ принц. Луизѣ о холерномъ возмущеніи (Петергофъ, 3 іюля 1831); къ А. И. Тургеневу (Муратово, 1814); три письма къ кн. П. А. Вяземскому, въ стихахъ (1814); къ нему же (Эмсъ, 2 іюля 1847); семь писемъ къ И. И. Дмитріеву (Спб. и Дерптъ 1816—1837). Мы увѣрены, что собраніе писемъ Жуковскаго было бы книгою чрезвычайно важною, не только по отношенію къ словесности и педагогіи, но и въ смыслѣ историческомъ. Жуковскій есть одно изъ лучшихъ достояній нашей исторической жизни. Какъ разнообразны и плодотворны были сношенія этого человѣка! Чѣмъ ближе знакомишься съ подробностями его біографіи, тѣмъ больше выступаетъ наружу несмѣтная сумма добра, сдѣланнаго имъ въ теченіи слишкомъ полувѣка и на пространствѣ отъ Бѣлевской деревни до береговъ Рейна. А. И. Тургеневъ долго былъ ему ревностнымъ сподвижникомъ и пособникомъ. Дружба ихъ началась еще въ прошломъ вѣкѣ, когда они вмѣстѣ учились въ Московскомъ университетскомъ пансіонѣ (Жуковскій былъ годомъ старше Тургенева). Общее горе, кончина Андрея Ивановича Тургенева, о которой такъ поэтически говоритъ Жуковскій въ стихахъ своихъ, еще тѣснѣе ихъ сблизила. Впослѣдствіи Тургеневъ съумѣлъ показать въ Петербургѣ, что за человѣкъ Жуковскій, и много содѣйствовалъ въ его опредѣленіи къ Высочайшему двору. То что печатается здѣсь изъ переписки ихъ, безъ сомнѣнія составляетъ лишь весьма малую часть. Сколько намъ извѣстно, и другія письма тоже сохранились. На письмахъ, которыя здѣсь теперь печатаются, къ сожалѣнію не означено годовъ, но по соображенію обстоятельствъ, первое изъ нихъ должно относиться къ концу 1810 года и писано въ Петербургъ изъ Бѣлева. Другія писаны туда же въ исходѣ 1816 года и въ началѣ 1817 года, изъ Дерпта. Нѣкоторыя примѣчанія принадлежатъ В. С. Порошину.

П. Б.

(*) Ошибкой означено: (Спб. 1815.).

1.

7 Ноября (1810).

Письмо твое отъ 31 Октября получилъ, мой милый Миллеръ([1]); благодарю

([1]) Вѣроятно Жуковскій въ шутку называетъ Тургенева именемъ знаменитаго историка Іоанна Миллера, разумѣя дружбу и переписку сего

тебя за присылку книгъ, которыхъ еще у меня нѣтъ, и еще разъ повторяю просьбу мою доставить мнѣ всѣ остальныя, а чтобы узнать какія онѣ, перечитай всѣ прежнія письма мои, и отложи свою обыкновенную, досадную безпечность, которая одна мѣшаетъ лишь *въ полнотѣ* восхищаться тобою.

Ты спрашиваешь на что мнѣ нуженъ Геренъ и въ какомъ отношеніи? Я уже написалъ къ тебѣ объ этомъ въ моемъ послѣднемъ нѣсколько сердитомъ письмѣ, но написалъ коротко. Теперь напишу по пространнѣе. Но въ предисловіе объясню, для чего не писалъ къ тебѣ такъ долго, и отъ чего могутъ и впередъ случаться нѣкоторые промежутки въ нашей перепискѣ. Причиною этому Миллеръ, или лучше сказать одно изъ его прекраснѣйшихъ правилъ: Constantiam et Gravitatem werden sie nicht eher erlangen bis alle ihre Stunden wie im Kloster regelmässig ausgetheilt sind. Этому правилу стараюсь послѣдовать со всею точностію трудолюбиваго Нѣмца. Часы мои раздѣлены. Для каждаго есть особенное непремѣнное занятіе. Слѣдовательно, есть часъ и для писемъ. Обыкновенно въ вечеру, наканунѣ почты, пишу письма, и такихъ эпохъ у меня двѣ въ недѣлѣ. Но я долженъ часто писать въ типографію; два раза въ недѣлю непремѣнно долженъ отправить корректуру моего собранія стихотворцевъ, котораго еще ни одинъ томъ не отпечатанъ (²); первый готовъ, но еще нѣтъ предисловія (слѣд. ты и не могъ получить его); наконецъ случаются и другія письма. Всѣ эти дѣла положено исправлять у меня въ понедѣльникъ и пятницу, по вечерамъ; отъ чего и случается иногда совершенная невозможность къ тебѣ писать; а въ этомъ порядкѣ непремѣнно хочу быть педантомъ: въ противномъ случаѣ, что ни дѣлай, все будетъ не основательно. Прибавь еще къ тому и то, что иногда въ часъ опредѣленный для переписки, въ головѣ моей сидитъ геморой, отъ котораго душа какъ мертвая, а я хочу угощать тебя живою душою; хочу, что бы *рука писала отъ сердца*. Но какъ писать, когда голова въ спорѣ съ сердцемъ!

И такъ, поговоримъ о Геренѣ и братіи. Entre nous soit dit, я совершенный невѣжда въ исторіи. Неправда ли, что въ этомъ отношеніи наша переписка нѣсколько далека отъ Миллеровой съ Бонстеттеномъ? Онъ въ двадцать лѣтъ предвидѣлъ политическія перемѣны міра. Но я хочу получить объ исторіи хорошее понятіе; не быть въ ней ученымъ, ибо я не располагаюсь писать исторію, но пріобрѣсть философическій взглядъ на происшествія въ связи. Исторія изъ всѣхъ наукъ самая важнѣйшая; важнѣе философіи, ибо въ ней заключена лучшая философія, то есть практическая, слѣдовательно полезная. Для литтератора и поэта исторія необходимѣе всякой другой науки: она возвышаетъ душу, расширяетъ понятіе и предохраняетъ отъ излишней мечтательности, обращая умъ на существенное. Я хочу прочитать всѣхъ классиковъ-историковъ; но для того, чтобы извлечь изъ нихъ всю возможную пользу и чтобы идея объ исторіи была не смутная, а ясная, хочу предварительно составить себѣ общій планъ всѣхъ произшествій въ связи. Для этого и начинаю Гаттереромъ и Гереномъ. Вотъ моя метода,—нѣсколько трудная и продолжительная, но для упрямой памяти моей необходимая.

послѣдняго съ славнымъ писателемъ Бонстеттеномъ. Тургеневъ находился тогда на службѣ въ Петербургѣ. Онъ съ дѣтства былъ страстнымъ любителемъ отечественной исторіи, и въ началѣ столѣтія въ журналахъ встрѣчаются статьи его по этому предмету.

(²) Собраніе Рускихъ стихотвореній, взятыхъ изъ сочиненій лучшихъ стихотворцевъ Россійскихъ и изъ многихъ Рускихъ журналовъ, изданное Васильемъ Жуковскимъ. М. 1810—11. 8⁰. 5 частей и 6-я (дополненіе), М. 1815. Это собраніе нынѣ весьма рѣдко. Оно напечатано на плохой бумагѣ и было предпринято по всему вѣроятію съ книгопродавческою цѣлью: Жуковскій жилъ тогда исключительно трудомъ литературнымъ.

Прочитавъ статью въ Гаттерерѣ, имѣя передъ глазами Габлеровы таблицы, откладывая книгу и потомъ составляя нѣсколько картъ (à la Schlötzer fils) того времени, о которомъ читалъ, на картахъ, въ хронологическомъ и вмѣстѣ синхронистическомъ порядкѣ, изображаю главнѣйшія происшествія, — это оставляетъ въ головѣ чрезвычайно ясную идею о перемѣнахъ и ихъ послѣдствіи. Кончивъ этотъ трудъ, пишу изъ головы общее обозрѣніе произшествій прочитаннаго періода. Такъ составится у меня цѣлый курсъ всеобщей исторіи. Подробностей знать не буду; но теперь онѣ мнѣ еще и не нужны. Я хочу имѣть одинъ планъ, съ которымъ можно было бы не заблудиться посреди безчисленныхъ подробностей. Составивъ этотъ планъ, мнѣ уже будетъ весьма легко послѣ заниматься отдѣльно чтеніемъ классиковъ, изъ которыхъ ни одинъ не написалъ обо всемъ, а избралъ для себя какую нибудь важнѣйшую часть. Эти важнѣйшія части будутъ мнѣ извѣстны подробно, а связь между ими сохранитъ мое предварительное чтеніе Гаттерера и Герена. Руская исторія однако будетъ другаго рода занятіемъ. Тутъ уже нечего думать о классикахъ, а надобно добираться самому до источниковъ. Но и для Руской исторіи, прежде нежели погружусь въ океанъ лѣтописей, намѣренъ я составить такой же точно планъ, для котораго мнѣ нужна будетъ какая нибудь краткая, но хотя нѣсколько сносная Руская исторійка. Не знаешь ли чего нибудь въ этомъ родѣ? Владиміръ будетъ моимъ фаросомъ; но чтобы плыть прямо и безопасно при свѣтѣ этого фароса, надобно научиться искуству мореплаванія. Вотъ-что я теперь и дѣлаю. Ахъ, братъ и другъ, сколько погибло времени! Вся моя прошедшая жизнь покрыта какимъ то туманомъ *недѣятельности душевной*, который ничего не даетъ мнѣ различить въ ней. Причина этой недѣятельности тебѣ извѣстна. А теперь, другъ мой, эта самая дѣятельность служитъ мнѣ лѣкарствомъ отъ того, что̀ было прежде ей помѣхою. Естьли романическая любовь можетъ спасать душу отъ порчи, за то она уничтожаетъ въ ней и дѣятельность, привлекая ее къ одному предмету, который удаляетъ ее отъ всѣхъ другихъ. Этотъ одинъ убійственный предметъ какъ царь сидѣлъ въ душѣ моей по сіе время. Но теперешняя моя дѣятельность, наполнивъ мою душу (или лучше сказать *начиная* наполнять), избавляетъ ее отъ вреднаго постояльца. Естьли бы онъ ушелъ самъ, *не уступивши* мѣста своего другому, то душа моглабы угаснуть; но теперь она только перемѣнила свое направленіе и, признаться, къ совершенной своей выгодѣ. Эту выгоду я очень чувствую, и ты скоро, можетъ быть, получишь отъ меня *Посланіе о дѣятельности*, о благодѣтельности этого святаго генія, которому посвящаю жизнь мою, которымъ будетъ храниться все мое щастіе. Не забудь однако, что этотъ геній всегда рука въ руку съ геніемъ дружбы. Пускай же они будутъ моими ангелами-хранителями. Въ эту минуту желалъ бы имѣть тебя передъ собою, чтобы подать тебѣ руку, прижать тебя къ сердцу, не сказать можетъ быть ни слова, но за то все выразить своимъ молчаніемъ. Не подумай однако, чтобы моя мысль о дѣйствіи любви была *общею* мыслію, а не моею; нѣтъ, она справедлива и неоспорима, но только тогда, когда будешь предполагать нѣкоторыя особыя обстоятельства; она справедлива въ отношеніи ко мнѣ. Надобно сообразить мои обстоятельства: воспитаніе, семейственныя связи и *двухъ* тѣхъ, которые такъ много и такъ мало на меня дѣйствовали (³). Объ этомъ

(³) Т. е. отца и мать. Перваго Жуковскій мало зналъ, ибо лишился его лѣтъ 6 отъ роду.

хорошо говорить на словахъ, и я надѣюсь говорить объ этомъ съ тобою въ какомъ нибудь Московскомъ уголку, въ которомъ мы будемъ двое вспоминать о прошедшемъ и располагать будущее, возобновляя душевной обѣтъ навсегда, навсегда быть добрыми спутниками въ щастіи и нещастіи. Такъ, братъ, и въ нещастіи! Видя какъ все рушится, иногда приходитъ мнѣ въ голову мысль, что можетъ быть впереди готовитъ для насъ судьба что нибудь ужасное. Я часто хотѣлъ писать къ тебѣ объ этомъ. Милый другъ! никогда не теряй изъ головы мысли, что намъ надобно помогать другъ другу переносить бурю; что нещастіе должно соединить насъ, что намъ непремѣнно должно быть вмѣстѣ, когда начнется это испытаніе. Какое оно—не знаю. Но подумай о томъ, что̀ были многіе эмигранты, разсыпанные по всему свѣту революціею; взгляни на то, что̀ происходитъ около насъ, и вообрази возможности. И эти-то возможныя времена должны соединить насъ, естьли они настанутъ. Для двухъ нещастіе не ужасно; двое могутъ имѣть одну общую непоколебимую твердость, которой каждый изъ нихъ *одинъ* можетъ быть имѣть не способенъ; въ глазахъ и въ рукѣ друга — надежда и сила. Признаюсь тебѣ, иногда мысль о будущемъ приводитъ меня въ уныніе. Что̀ естьли предпринятая мною дѣятельность будетъ безплодна? Но въ этомъ случаѣ надобно забывать будущее невѣрное, а только возможное; и я всегда говорю себѣ: *настоящая минута труда уже сама по себѣ есть плодъ прекрасный*. Такъ, милый другъ, *дѣятельность и предметъ ея польза* — вотъ что меня теперь одушевляетъ. Первая же моя недѣятельность происходила, можетъ быть, и отъ мысли, что я *не могу* быть дѣятельнымъ. Теперь начинаю вѣрить противному, ибо я нахожу удовольствіе даже и въ томъ, чтобы учить наизусть примѣры изъ латинскаго синтаксиса, воображая, что со временемъ буду читать Виргилія и Тацита. Теперь главныя занятія мои составляютъ: Исторія всеобщая, какъ приготовленіе къ Руской и къ классикамъ, и языки, пока латинской, а черезъ нѣсколько времени и греческой. Въ *Вѣстникъ* (¹) буду посылать переводы, ибо это необходимо для кармана. Между тѣмъ, чтобы не разнакомиться съ Музами, буду дѣлать минутные набѣги на Парнасскую область, съ тѣмъ однако, чтобы со временемъ занять въ ней выгодное мѣсто, поближе къ Храму Славы. Три года будутъ посвящены труду *приготовительному*, необходимому, тяжелому, но услаждаемому высокою мыслію быть прямо тѣмъ, что̀ должно. Авторство почитаю службою отечеству, въ которой надобно быть или отличнымъ или презрѣннымъ: промежутка нѣтъ. Но съ тѣми свѣдѣніями, которыя имѣю теперь, нельзя надѣяться достигнуть до перваго. И такъ лучше поздно, нежели никогда. Тебѣ, какъ доброму другу моему, надобно желать одного: чтобы обстоятельства, по крайней мѣрѣ въ эти приготовительные годы были благопріятны мнѣ, и не столкнули меня съ дороги. А трудъ, который былъ для меня прежде тяжелъ, становится для меня любезенъ, часъ отъ часу болѣе. Я увѣренъ теперь,

---

Мать Жуковскаго, женщина прекрасныхъ нравственныхъ качествъ, но не получившая вовсе умственнаго образованія, была плѣнная (принявшая наше вѣроисповѣданіе) Турчанка. Она скончалась лѣтомъ 1811 года. Объ отцѣ своемъ Жуковскій никогда не говаривалъ. Разъ только помнятъ, что въ дружеской бесѣдѣ кто то, жалуясь на своего отца, случайно сказалъ Жуковскому: «тебѣ хорошо, у тебя нѣтъ такого отца!»—Ah! воскликнулъ Жуковскій, мгновенно смутясь и закрывъ лицо руками, «si j'avais un père!»

(¹) Т. е. въ Вѣстникѣ Европы, который былъ въ 1808 г. издаваемъ Жуковскимъ, но въ это время уже принадлежалъ Каченовскому.

что одинъ тотъ только почитаетъ трудъ тяжкимъ, кто не знаетъ его; но тотъ именно его и любитъ, кто наиболѣе обремененъ имъ. Вотъ мысль Горація, которая привела меня въ восхищеніе; ибо теперь съ отмѣнною живостію чувствую истину, въ ней заключенную:

Et ni
Posces ante diem librum cum lumine, si non
Intendes animum studiis et rebus honestis,
Invidia vel amore vigil torquebere.

Не подумай однако, чтобы я хотѣлъ хвастать знаніемъ своимъ латинскаго языка. Я прочиталъ это въ переводѣ, а для тебя, какъ для латинуса, выписываю въ оригиналѣ (5).

Переписанныхъ моихъ сочиненій нельзя тебѣ скоро имѣть: милая переписчица (6) улетѣла въ Москву плѣнять все, что ей ни встрѣтится, слѣдовательно и переписывать ей некогда. А переписчика здѣсь нѣтъ. Терпѣніе, милый другъ. Что нибудь подоспѣетъ новое, тогда вдругъ все получишь. Между тѣмъ мое *Посланіе* очень вертится у меня въ головѣ, и я бы давно написалъ его, естьли бы не былъ рабомъ моего нѣмецкаго порядка, — и восхищенію стихотворному назначенъ у меня часъ особый, свой. Но это восхищеніе какъ-то упрямо, и не всегда въ положенное время изволитъ ко мнѣ жаловать. Между прочимъ скажу тебѣ, чтобы поджечь твое любопытство, что у меня почти готова еще баллада, которой главное дѣйствующее лицо діаволъ, которая вдвое длиннѣе *Людмилы*, и гораздо ея лучше. И этотъ *діаволъ* посвященъ будетъ милой переписчицѣ, которая сама нѣкоторымъ образомъ по своей обольстительности—діаволъ.

Но пора кончить. Надобно еще написать письмо къ Блудову, который зоветъ и напрасно, къ сожалѣнію моему, зоветъ меня въ Москву. Я буду въ Москвѣ не прежде какъ въ концѣ Декабря, и то на короткое время, и ты непремѣнно въ ней быть долженъ. Въ противномъ случаѣ, милый мой Миллеръ, мы можемъ опять не увидѣться, а это будетъ для меня очень грустно. Постарайся расположить дѣла свои такъ, чтобы тебѣ непремѣнно пріѣхать въ Москву около новаго года.

Въ заключеніе письма двѣ просьбы: первая, непремѣнно увидѣться съ Сѣверинымъ, и попросить его для меня самымъ усерднымъ образомъ объ отвѣтѣ на мое письмо. Онъ жалуется на мое молчаніе, а самъ пренебрегаетъ отвѣчать мнѣ тогда, когда бы надобно было тотчасъ, безо всякаго замедленія, отвѣчать; ибо я, по прежней моей съ нимъ пріятельской связи, просилъ его объ услугѣ, въ точномъ увѣреніи, что ему пріятно будетъ для меня ее сдѣлать. Его молчаніе для меня непостижимо и признаюсь, нѣсколько обидно. Можно ли такимъ образомъ перемѣняться? Покажи ему эти строки и попроси его, чтобы онъ объяснилъ мнѣ, что я долженъ подумать о его молчаніи?— Антонскій (7) совѣтуетъ мнѣ ѣхать въ Петербургъ, и пользоваться случаемъ нашего министра юстиціи (8)! Нѣтъ, я не поѣду; не сдѣлаю той глупости, которую вздумалъ было въ началѣ послѣдняго года сдѣлать! (9) Все

---

(5) Это мѣсто находится у Горація во 2-й его епистолѣ (къ Леллію), стихи 35 и д. книги 1-й. «Если ты до разсвѣта дневнаго, съ возженною свѣчею, не будешь ощущать потребности въ книгѣ; если не будешь упражнять душу умственными и честными трудами, то, въ безсонницѣ, одолѣетъ тебя зависть или любовный жаръ.»

(6) Одна изъ племянницъ Жуковскаго.

(7) А. А. Прокоповичъ-Антонскій, подъ надзоромъ котораго Жуковскій воспитывался въ Униве рс. Благор. Пансіонѣ и у котораго нѣкоторое время онъ жилъ въ предъидущемъ (1809) году.

(8) Т. е. И. И. Дмитріева; въ Январѣ 1810 г. онъ принялъ министерство юстиціи.

(9) Въ началѣ 1809 г. Жуковскій ѣздилъ въ Петербургъ на короткое время.

увѣряетъ меня, что нашъ министръ и для своихъ пріятелей министръ! Онъ не имѣетъ того расположенія въ душѣ, чтобы воспользоваться силою для добра тѣхъ, которыхъ онъ ласкалъ и называлъ *своими* во время оно, и сдѣлать это, избавивъ ихъ отъ жестокаго труда, или лучше сказать отъ мученія выплакивать себѣ выгоду, и предупредивъ ихъ своимъ добрымъ желаніемъ, и принаровивъ свое объ нихъ попеченіе къ ихъ собственнымъ желаніямъ и способностямъ. Онъ не Муравьевъ ([10]), который два раза, не знавши меня совсѣмъ въ лице, присылалъ у меня спрашивать, не можетъ ли онъ мнѣ быть полезенъ, и котораго я не могу вспомнить безъ благодарнаго чувства... Но *basta*!

Зная теперь, какъ мнѣ время дорого, ты долженъ безъ всякаго отлагательства прислать мнѣ лат. граматику и греческую. И ты много одолжилъ бы меня, естьли бы снабдилъ меня и Эйхгорномъ и Histoire de la diplomatie. На книги твои позволяю себѣ имѣть полное право, и ты долженъ снабжать меня всѣми, какія имѣешь. Покупать ихъ не могу, ибо я бѣднякъ, а тебѣ должно быть пріятно помогать мнѣ въ нуждѣ. Только не медли!

2.

Посылаю тебѣ требуемое тобою письмо; не знаю, годится ли. Но скажи мнѣ, нужно ли писать мнѣ это письмо?([11]) Ты хочешь представить государю книгу мою черезъ министра просвѣщенія: всего бы приличнѣе ему самому и обратить на нее вниманіе государя. А мнѣ какъ подносить ему такую книгу, которая съ годъ какъ напечатана, и напечатана по подпискѣ, и раздана же отъ меня самого многимъ?([12]) Министръ можетъ и имѣетъ право представить ее, какъ новое произведеніе литтературы, сказать объ ней свое мнѣніе и проч. А мнѣ съ какой стати писать объ ней? И какъ ни будь написано мое письмо, все оно будетъ какъ будто просьба. Впрочемъ, могу и ошибиться. Вотъ письмо: дѣлай съ нимъ что хочешь. Вели переписать и подпиши мое имя.

Въ началѣ декабря я буду въ Петербургѣ. Пріѣду на $1\frac{1}{2}$ мѣсяца; потомъ отправлюсь опять въ Дерптъ, и изъ Дерпта въ Бѣлевъ. Прошу у тебя позволенія привезти съ собою одного изъ здѣшнихъ моихъ знакомыхъ, Вейрауха ([13]): онъ не стѣснитъ тебя. Онъ будетъ жить въ моей горницѣ; а ты можешь быть ему полезенъ. Это человѣкъ съ необыкновенными дарованіями, поэтъ въ обширномъ значеніи сего слова; слѣдовательно не созданный для сего свѣта, въ которомъ однако надобно ему жить; слѣдовательно со многими странностями, къ которымъ напередъ прошу тебя быть снисходительнымъ. Увѣдомь меня, могу ли его привезти съ собою?

Приложеніе къ 2-му письму.

ПРОЭКТЪ ПИСЬМА КЪ ИМПЕРАТОРУ АЛЕКСАНДРУ ПАВЛОВИЧУ.

Всемилостивѣйшій государь!

Осмѣливаюсь повергнуть къ священнымъ стопамъ вашего императорскаго величества слабые труды свои. Не льщу себя надеждою, что они обратятъ на себя вниманіе ваше, всемилостивѣйшій государь; но смѣю думать, что чувства, изображенныя въ нѣкоторыхъ стихахъ

([10]) Михаилъ Никитичъ+1807, по представительству котораго и Карамзинъ получилъ возможность посвятить себя Русской исторіи.

([11]) То есть нижеслѣдующее письмо къ Государю, которое написано было по требованію Тургенева для представленія сочиненій Жуковскаго. Было ли письмо подано, не знаемъ.

([12]) Вѣроятно первое собраніе стихотвореній Жуковскаго, вышедшее въ 1815 г. въ бол. 4-ку, съ виньетами.

([13]) Сколько намъ извѣстно, Вейраухъ былъ извѣстный музыкантъ и нѣмецкій стихотворецъ.

моихъ, посвященныхъ славѣ отечества, даютъ мнѣ право желать сего вниманія.

Смѣю думать, всемилостивѣйшій государь, что писатель, уважающій свое званіе, есть такъ же полезный слуга своего отечества, какъ и воинъ, его защищающій, какъ и судья, блюститель закона. Одобреніе государя освящаетъ труды его: быть достойнымъ сей награды есть добродѣтель писателя; стремиться къ сей прекрасной цѣли есть обязанность. Въ священномъ одобреніи государя заключено одобреніе отечества: оно даетъ право на уваженіе современниковъ и потомства.

Всемилостивѣйшій государь! Одно изъ стихотвореній своихъ дерзнулъ я украсить вашимъ именемъ. Естьли удостоите обратить на него вниманіе, то повѣрите, что оно произведено искреннимъ, свободнымъ чувствомъ, а не ласкательствомъ. Стихи:

Все сладкое для сердца: честь, свобода,
Великость, слава, миръ, отечество, олтарь,
Все, все слилось въ одно святое слово: царь!

сказаны не поэтомъ, а восхищеннымъ подданнымъ царю добродѣтельному, отъ лица всего народа.

Вашего императорскаго величества вѣрноподданный *Василій Жуковскій*.

3.

21 Октября (1816).

Естьли *хочешь*, чтобъ я кончилъ *Пѣвца*, то пришли его мнѣ; у меня нѣтъ списка: пришли скорѣе. Я писалъ къ тебѣ и Вяземскому въ Москву о причинахъ, которыя мѣшали мнѣ кончить эту піесу, по моему мнѣнію слабую. Но... когда Государь *долженъ узнать объ ней* (14), вижу, что кончить ее надобно. Не надѣюсь однако на большой успѣхъ. Вспомни, что она писана была *въ одно время* съ *Посланіемъ*(15), въ уединеніи... Того, что̀ уже написано, я бы теперь написать не могъ; но слава Богу, что оно уже написано, съ искреннимъ, безкорыстнымъ чувствомъ, безъ всякой другой побудительной причины, кромѣ удовольствія писать. Что осталось, то одно *общее*. Мнѣ было бы тяжело думать, что такая піеса написана для какихъ

(14) Письмо это, какъ и предъидущее, если не ошибаемся, слѣдуетъ отнести къ 1816 году, и писано оно изъ Дерпта, гдѣ Жуковскій провелъ большую часть 1815 и 1816 годовъ, живя вмѣстѣ съ сестрою своею Екатериною Аѳонасьевною Протасовою и двумя племянницами, изъ которыхъ младшая была за профессоромъ Дерптскаго университета Воейковымъ. Это былъ періодъ жизни Жуковскаго, когда онъ, хотя и удостоенный особеннаго вниманія вдовствующей императрицы, еще не имѣлъ никакихъ опредѣленныхъ занятій при Высочайшемъ дворѣ. Другъ его Тургеневъ постоянно хлопочетъ въ это время о томъ, чтобы упрочить внѣшнее положеніе Жуковскаго, и благодаря его настойчивымъ стараніямъ черезъ князя А. Н. Голицына, въ исходѣ 1816 года, поднесены Государю сочиненія Жуковскаго, и ему назначена пенсія въ 4000 р. Около этого же времени (14 Янв. 1817 г. въ Дерптѣ) выходитъ за мужъ за профессора Мойера старшая племянница Жуковскаго; онъ получаетъ должность преподавателя Русскаго языка великой княгинѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ, и съ этой поры начинается придворный періодъ его жизни, продолжающійся съ небольшими перерывами до самаго 1840 года.—*Пѣвецъ*, о которомъ говорится въ началѣ этого письма, есть большое стихотвореніе Жуковскаго: *Пѣвецъ на Кремлѣ. Въ день Рождества Спасителя и воспоминанія о спасеніи Россіи*. У И. Ѳ. Золотарева подлинная рукопись этихъ стиховъ. На оборотѣ заглавнаго листа Жуковскій обозначилъ: «Стихи сіи написаны въ концѣ 1814. Въ заключеніи нѣкоторыя мысли заимствованы изъ Іоганна Миллера.» Пѣвецъ на Кремлѣ былъ изданъ отдѣльно. Спб. въ Мед. тип. 1816, въ 4—ку. Это время было апогеемъ литературной славы Жуковскаго. Вся Россія твердила наизусть стихи его, а передъ тѣмъ разошлось три изданія «Пѣвца во станѣ Русскихъ воиновъ.» Занятія педагогическія надолго отвлекли Жуковскаго отъ дѣятельности литературной. Будучи доселѣ однимъ изъ усерднѣйшихъ дѣятелей на этомъ поприщѣ, съ этого времени (1818) онъ пишетъ очень рѣдко для печати; но съ 1840 года наступаетъ опять и продолжается непрерывно до кончины обильная словесными трудами работа.

(15) Съ «Посланіемъ къ императору Александру», писаннымъ до знакомства съ Парротомъ.

нибудь личныхъ видовъ, и сохрани Богъ мою чистую, посвященную благороднымъ друзьямъ моимъ лиру отъ всякой заразы корысти! Присылай — я кончу!

Я не удивляюсь, что ты не доволенъ письмомъ моимъ ([16]). Можетъ быть, что въ немъ много неприличнаго. Но за чѣмъ же ты не объяснился? Надѣюсь, что ты ничего не нашелъ неприличнаго въ томъ чувствѣ, съ какимъ оно написано. Въ этомъ случаѣ заслужить твое неодобреніе было бы для меня тяжело, и я бы удивился, когда бы заслужилъ его. Милый другъ! Тотъ свѣтъ, который я самъ для себя составилъ, въ которомъ заключены *всѣ* мои судьи, очень не многолюденъ. Съ ошибками противъ слога, смысла, приличія и тому подобнаго, мнѣ весьма легко показаться въ этомъ маленькомъ свѣтѣ; но со стороны нравственности, хочу быть въ немъ чистъ со всѣхъ сторонъ. Ты, Карамзинъ, Вяземской, Блудовъ (и нѣсколько милыхъ женщинъ) вотъ мои судьи, противъ которыхъ нѣтъ апелляціи. Безъ мысли о вашемъ одобреніи не можетъ быть счастія.

Мнѣ весело думать, что *ты* обо мнѣ хлопочешь. Очень было бы хорошо, когда бы то, что ты затѣялъ, и о чемъ я не имѣю понятія, совсѣмъ обошлось безъ письма моего. Неужели должно непремѣнно *просить* вниманія? Довольно того, чтобъ его стоить! Вниманіе государя есть святое дѣло. Имѣть на него право могу и я, естьли буду Русскимъ поэтомъ, въ благородномъ смыслѣ сего имени. А я буду! Поэзія часъ отъ часу становится для меня чѣмъ-то возвышеннымъ... Не надобно думать, что она только забава воображенія! Этимъ она можетъ быть только для Петербургскаго свѣта. Но она должна имѣть вліяніе на душу всего народа, и она будетъ имѣть это благотворное вліяніе, естьли поэтъ обратитъ свой даръ къ этой цѣли. Поэзія принадлежитъ къ народному воспитанію. И дай Богъ въ теченіе жизни сдѣлать хоть шагъ къ этой прекрасной цѣли. Имѣть ее позволено, а стремиться къ ней значитъ заслуживать одобреніе государя. Это стремленіе всегда будетъ въ душѣ моей. Работать съ такою цѣлію есть счастіе; а друзья будутъ знать, что я имѣю эту цѣль,—вотъ награда! Прости! Жаль мнѣ очень, что ты не позволяешь мнѣ привезти Вейрауха. Скажи, будетъ ли мѣсто и мнѣ? — Я все забывалъ спросить у тебя: что ты сдѣлалъ для Ковалькова ([17]), того молодаго человѣка, о которомъ писалъ Иванъ Володимеровичъ къ князю? ([18]) И сдѣлалъ ли что нибудь? Братъ! это завѣщаніе нашего добраго благодѣтеля; надо исполнить во всей силѣ его! Напиши къ Ковалькову. Онъ долженъ быть въ Орлѣ; объ немъ можно узнать отъ Губарева, къ которому адресуй письмо: *Орловской губерніи въ городѣ Кромахъ.* — Прости! Обнимаю тебя! Обними Блудова, Уварова, и Жихарева. Я пишу усердно *Искупленіе* ([19]); написано болѣе половины. Піеса будетъ такъ же велика какъ и 12 Спящихъ Дѣвъ, и кажется хорошо. Между тѣмъ написалъ т. е. перевелъ съ нѣмецкаго піесу подъ титуломъ: *Овсяной кисель*; не думай, чтобъ этотъ кисель былъ для Арзамаса; нѣтъ, но

([16]) Т. е. вышеприведеннымъ письмомъ къ государю.

([17]) Александръ Ивановичъ Ковальковъ (р. 1794) былъ, сколько намъ извѣстно, воспитанникомъ извѣстнаго мартиниста И. В. Лопухина и самъ писалъ мистическія сочиненія, которыя Лопухинъ издавалъ. По дружбѣ своей съ отцомъ Тургенева, Иванъ Владиміровичь зналъ близко и цѣнилъ Жуковскаго. Намъ случилось видѣть подаренный имъ Жуковскому и надписанный экземпляръ его Записокъ. Лопухинъ умеръ 22 Іюня этого (1816) года.

([18]) Т. е. къ князю А. Н. Голицыну, покровителю мистиковъ.

([19]) Т. е. Вадима, или вторую половину Двѣнадцати Спящихъ Дѣвъ; первая половина названа потомъ Громобоемъ.

надѣюсь, что онъ покажется вкуснымъ для Арзамасцевъ, хоть и не разведенъ на безсмыслицѣ. Это переводъ изъ *Гебеля*, вѣроятно тебѣ неизвѣстнаго поэта, ибо онъ писалъ на швабскомъ діалектѣ и для поселянъ. Но я ничего лучше не знаю! Поэзія во всемъ совершенствѣ простоты и непорочности. Переведу еще многое. Совершенно новый и намъ еще неизвѣстный родъ!

A propos: нельзя ли попросить Алексѣя Николаевича Оленина сдѣлать виньету для *Пѣвца*. Вотъ мысль: Всевидящее око въ небесахъ; лучи его ударили на землю, и тучи разлетѣлись, и полшара въ сіяніи; въ удаляющихся тучахъ гаснутъ молніи.

Бываешь ли ты у Брея ([20])? Я желалъ бы, чтобъ ты познакомился съ его семьею.

За что ты въ неудовольствіи на Петерсена ([21])? Онъ не долженъ быть помѣщенъ въ число Вальтера и Вебера. Его докторство законное, такъ какъ и Тидебеля. И тотъ и другой были экзаменованы какъ должно. Они хорошо учились и знаютъ свое дѣло. Будетъ очень больно, естьли ихъ не отличатъ отъ прочихъ. Это пятно будетъ не заслуженное. Осуждая виноватыхъ ([22]), щадите университетъ! Онъ и безъ того упадаетъ, и упадаетъ потому, что правительство отняло отъ него свою руку. Неужели всему должно у насъ, не созрѣвъ, разрушаться? Не ужели Россіи должно быть грудою развалинъ, покрытыхъ лаврами, которые засохнутъ?

Ковалькова зовутъ Александръ Ивановичъ.—Оленина попроси о виньетѣ отъ себя, а не отъ меня.

4.

31 Октября (1816).

И я не погибну съ вами! Братъ, что за слово? Съ вами! Обвиняй не себя, а свое положеніе въ томъ чувствѣ, которое побуждаетъ тебя это писать и думать. Не смѣшивай самого себя съ своимъ убійственнымъ, рабскимъ положеніемъ. Ты вѣчно останешься прежнимъ, тѣмъ чѣмъ ты былъ въ святое время нашей ранней молодости. Для меня и для *своихъ* родныхъ друзей ты всегда былъ и будешь ободреніемъ къ лучшему, *мѣркою* благородства. Не смотря на наше холодное Петербургское *вмѣстѣ*, я въ это время только усилилъ въ душѣ своей чувство уваженія къ тебѣ, и *благородство души* всегда тѣсно соединено для меня съ твоимъ воспоминаніемъ. Оно имѣетъ для меня лице твое. Не ссорься съ собою; или естьли хочешь ссориться, то ссорься не надолго, чтобы эти ссоры не отымали у тебя душевной бодрости. Не суди о себѣ по чернымъ или что еще хуже по холоднымъ минутамъ душевнаго небытія. Это осенніе дни: они проходятъ! Настоящее существо души твоей — *чистота*. Я говорю по опыту; я часто ссорюсь съ самимъ собою; но слава Богу, и мои осенніе дни проходятъ. И надежда на это *непостоянство* ихъ ободрительна. Карамзинъ тебя любитъ—мудрено ли? Но любовь его есть счастіе. И для меня она также нужна какъ счастіе. Скажи ему при пер-

---

([20]) Графъ Брей, Баварскій посланникъ при нашемъ дворѣ «человѣкъ съ умомъ и здѣшній хлѣбосолъ», пишетъ о немъ Карамзинъ къ Дмитріеву (отъ 22 Ноября 1817). Супруга его была, кажется, родомъ изъ Прибалтійскаго края. Графъ Брей (Brey) Остзеецъ, написалъ Исторію Лифляндіи.

([21]) Карлъ Петерсенъ (1775—1823) библіотекарь Дерптскаго университета, человѣкъ очень любимый въ тамошнемъ обществѣ. Въ Чертковской библіотекѣ (D. II $\frac{4}{1}$) есть рѣдкая книжка: «Karl Petersen's poetischer Nachlass. Manuscript für seine Freunde. Cöln, bei P. Hammer's Erben» безъ года. Этотъ Петерсенъ былъ другомъ Мойера; но о немъ ли здѣсь говоритъ Жуковскій, мы не знаемъ навѣрное.

([22]) Кн. А. Н. Голицынъ, при которомъ служилъ и имѣлъ вліяніе Тургеневъ, былъ тогда уже и министромъ народнаго просвѣщенія.

вомъ случаѣ (когда будешь съ нимъ обо мнѣ говорить, обнявъ его за меня какъ друга и вѣрнаго товарища во всемъ прекрасномъ), что я, сколько могъ, сдержалъ свое обѣщаніе, что мнѣ будетъ можно спокойно показаться на его глаза и пожать отъ всей души ему руку. Время, которое мы провели разно съ послѣдняго нашего разставанія, не оставило на мнѣ пятна. Я бывалъ не доволенъ собою; но поступки и побудительныя ихъ причины были чисты. Теперь все устроилось. Дай Богъ *чистаго* будущаго! Кажется, что оно теперь для меня вѣрнѣе. Писать какъ можно лучше, съ доброю цѣлью, и жить какъ пишешь,—вотъ и все! — Я радъ несказанно тому неудовольствію, которое нашъ Арзамазскій патріархъ ([23]) имѣлъ съ типографіею: оно разлучило его съ нею и передало его Исторію въ вѣрныя руки. Кавелинъ добрый для него работникъ.

То, что ты пишешь о князѣ ([24]) и Ковальковѣ тронуло меня до глубины сердца, и я готовъ любить этого князя, который такъ помнитъ завѣщаніе умирающаго. Письмо Ив. Влад. къ князю было какъ будто предчувствіемъ. Такая нѣжная заботливость о чужомъ человѣкѣ, такая вѣрность просьбѣ умирающаго для меня чрезвычайно трогательны. Даю тебѣ слово, что всякое воскресенье буду у обѣдни у князя ([25]). Болѣе для него я сдѣлать не могу!

Обними за меня Николая ([26]). Врагъ хановъ долженъ быть Арзамасцемъ. Тащи его въ Арзамасъ.

Поблагодари Жихарева за переписку *Пѣвца* и доставь ему приложенное письмо ([27]). Постараюсь *Пѣвца* кончить и конецъ сдѣлать получше. Не знаю, удастся ли. Переводы изъ Гебеля пришлю; но съ тѣмъ чтобы не давать печатать. Я не намѣренъ ничего печатать. Третій томъ ([28]) долженъ состоять изъ *новыхъ* піесъ. Но изъ этого выключается *Пѣвецъ II* и продолженіе *12 Спящихъ Дѣвъ*, которое весьма уже близко къ концу, и которое должно быть напечатано вмѣстѣ съ первою балладою ([29]) особо, въ видѣ сказки.

Я очень радъ буду, естьли дѣло обойдется безъ письма моего. На что оно? Надобно получить одобреніе государя, а не выпросить. Это одобреніе можетъ быть прекраснымъ идеаломъ для поэта. Ничѣмъ этого идеала помрачать не должно.

Слово о Петерсенѣ: я не знаю, что называешь ты s'encanailler! Ему нужно было докторство. Онъ экзаменовался *какъ должно*, и получилъ дипломъ. Какъ должно, увѣряю тебя, ибо я это очень хорошо знаю. Естьли нѣкоторыя формы были упущены, то это не его вина; по крайней мѣрѣ онъ не требовалъ этого упущенія. Другой товарищъ его по докторству, Тидебель, человѣкъ извѣстный по своимъ знаніямъ, благороднаго характера и всѣми вообще уважаемый, такъ же точно былъ экзаменованъ, и также точно при его произведеніи въ доктора, безъ его требованія, упущены нѣкоторыя формы, упущены потому что были и въ другихъ случаяхъ упускаемы. Бѣда ихъ въ томъ, что они произведены вмѣстѣ съ Вальтеромъ и Веберомъ. Это обратило и на нихъ

([23]) Т. е. Карамзинъ, печатавшій тогда свою исторію въ военной и медицинской типографіяхъ; послѣдняя находилась въ вѣдѣніи Д. А. Кавелина, который былъ совоспитанникомъ и нѣкоторое время пріятелемъ Жуковскаго.

([24]) Голицынѣ.

([25]) Домовая церковь кн. А. Н. Голицына, въ казенной квартирѣ его (гдѣ жилъ и Тургеневъ) на Фонтанкѣ противъ Михайловскаго замка, съ мистическими намеками и аттрибутами, была очень извѣстна въ тогдашнемъ Петербургскомъ обществѣ.

([26]) Николая Ивановича Тургенева, который и былъ выбранъ членомъ Арзамаза.

([27]) Оно прилагается ниже.

([28]) Т. е. третій, не вышедшій тогда томъ собранія стихотвореній Жуковскаго.

([29]) Т. е. и Громобой и Вадимъ.

вниманіе, для нихъ оскорбительное. Я слышалъ, что въ совѣтѣ университетскомъ положено уничтожить и ихъ дипломы наравнѣ съ Вальтеровымъ, за несоблюденіе формъ. Вообще справедливо, но для нихъ жестокая и несносная несправедливость. За что же стоять имъ на одной доскѣ съ Вальтеромъ? Естьли виноватъ юридическій факультетъ, то за что имъ страдать невиннымъ образомъ? Такой приговоръ непремѣнно произведетъ ложное мнѣніе, что *и ихъ дипломы купленные*! Сносно ли это? Мнѣ больно за Петерсена и Тидебеля! Это поношеніе не заслуженное! Спрашиваю у тебя, будетъ ли противно справедливости, естьли вмѣсто того, чтобы уничтожить дипломы, министръ опредѣлитъ имъ только дополнить то, чего не достаетъ въ формѣ, а не уничтожитъ дипломы по представленію совѣта? Прошу тебя объ этомъ подумать! Прошу также повѣрить, что я все это пишу безъ вѣдома Петерсена и Тидебеля (одинъ въ Ригѣ, другой въ Ревелѣ); ты можешь самъ понять, что въ такое дѣло вмѣшиваться мнѣ неприлично, и что никто не будетъ знать о томъ, что̀ я теперь пишу къ тебѣ. Но если можно спасти честныхъ людей отъ тяжкаго незаслуженнаго поношенія, не нарушая справедливости, то ты это сдѣлать долженъ. Обвиняй профессоровъ (виноватыхъ), называй ихъ какъ хочешь, но чтобы эта анаѳема не падала на всѣхъ безъ изъятія и на весь университетъ. Здѣсь есть прекрасные люди(30). И изъ первыхъ для меня, даже по убѣжденію сердца, Парротъ (31), съ твердымъ умомъ, съ благороднымъ чувствомъ. Назову другаго, Эверса,—не старика Эверса, это святой,—а молодаго, историка, оцарапаннаго обвѣтшалыми когтями Шлёцера (32). Это честный и прямодушный человѣкъ, уважающій свое званіе. О Мойерѣ (33) говорить нечего. Еще есть и другіе. А самъ университетъ долженъ быть для васъ святымъ: за что разрушать его? Отвѣчай, прошу тебя, на это, и возьми къ сердцу честь двухъ честныхъ людей.

Прости; обнимаю тебя братски. Обними Блудова, и будь почаще у Брея.

Жуковскій.

(*Степану Петровичу Жихареву*)

Любезнѣйшій другъ, не стыдно ли тебѣ не отвѣчать мнѣ на письмо мое? Я просилъ тебя увѣдомить меня, что сдѣлалъ ты и что нужно сдѣлать по просьбѣ Азбукина (34) о доставленіи ему дворянской грамоты и герба. Ты на это ни слова. Еще болѣе: я просилъ возвратить бумаги Азбукина, и все ихъ не получаю! Стыдись, Громобой (35)! Гдѣ бывшая твоя аккурат-

(30) Жуковскій могъ отнести къ себѣ извѣстные стихи, что

прелестью живой стиховъ онъ былъ полезенъ
И милость къ падшимъ призывалъ!

Живя въ Дерптѣ, точно также какъ прежде въ Москвѣ, Орлѣ и Бѣлевѣ, какъ потомъ въ царскомъ дворцѣ и въ чужихъ краяхъ, онъ непрестанно дѣлалъ добро, и можно составить длинный списокъ людей, которые были имъ облагодѣтельствованы и которые — что гораздо рѣже—въ тоже время горячо его любили.

(31) Тотъ самый, который въ скромной долѣ былъ однако другомъ императора Александра; но послѣ письма своего о Сперанскомъ уже болѣе не имѣлъ съ нимъ ни свиданій, ни письменныхъ сношеній.

(32) Шлецеръ называлъ Эверса «der Chazaren-Dichter», Пѣвецъ или изобрѣтатель Хазаровъ. В. П.

(33) Иванъ Филиповичъ Мойеръ, въ слѣд. году женившійся на племянницѣ Жуковскаго, Марьи Андреевнѣ Протасовой, въ то время преподавалъ хирургію въ Дерптскомъ университетѣ; а въ обществѣ славенъ былъ прямотою и благородствомъ характера, обширнымъ классическимъ образованіемъ и музыкальнымъ талантомъ.

(34) Василій Андреев. Азбукинъ, товарищъ Жуковскаго по Московскому ополченію, въ Февр. 1815 года женился на племянницѣ его, Екатеринѣ Петровнѣ Юшковой.

(35) Жихарева звали въ Арзамасѣ Громобоемъ.

ность? Ужь и впрямъ, не отдалъ ли ты дьяволу душу? Присылай ради Бога, бумаги! Я до смерти объ нихъ безпокоюсь! Чужія и важныя! Но будетъ большое для меня огорченіе, естьли какъ нибудь онѣ затеряются. Прошу тебя избавить меня отъ этого безпокойства.

Да напиши же, что у васъ дѣлается? Ждете ли вы меня, и постарайся узнать, къ которому числу, котораго мѣсяца можно надѣяться, что я буду въ Петербургѣ. Обнимаю тебя отъ всего сердца и люблю по старому. Твой на всегда *Жуковскій.*

5.

Любезный Александръ Ивановичъ! Вы хвастаете своимъ Арзамасомъ! Хвастайте, хвастайте, голубчики! Правда, вы запаслись *Рейномъ* (36), пожива славная! Но, милые друзья! Надобно помнить и о томъ, что ближе къ Арзамасу: Мещевской (37) въ Сибири, а вы, друзья, очень весело поживаете въ Петербургѣ! Естьли вы не собрались еще о немъ вспомнить отъ разсѣянности, то это срамъ и ребячество! Естьли жь отъ холодности къ его судьбѣ, то это.... что это? Я не знаю какъ назвать это! На что жъ намъ толковать о добрѣ, о общей пользѣ, о хорошихъ возвышающихъ душу стихахъ? На что смѣяться надъ Шаховскими и Rivarol? Ни на то, ни на другое не имѣемъ мы права, естьли способны быть столь безпечными, когда дѣло идетъ о судьбѣ, можетъ быть о жизни, а можетъ быть (что еще важнѣе) о нравственномъ спасеніи человѣка, который намъ себя ввѣряетъ! Признаться, мнѣ больно быть хлопотуномъ за Мещевскаго, безсильнымъ его орудіемъ! Своихъ способовъ нѣтъ, а вы не помогаете! Естьли бы у меня была сила въ рукахъ, я бы вамъ не поклонился!—Посылаю письмо Вяземскаго, чтобъ пристыдить васъ и поддать вамъ, естьли можно, жару. Онъ не безпеченъ, когда *надобно* дѣйствовать. Прилагаю и копію съ письма къ нему отъ Герценберга о Мещевскомъ (38).

Объ Асмусѣ (39) *не забуду*! Покорно благодарю! Я давно это слышу!—Я знаю, что у васъ въ Петербургѣ случилось нѣчто для меня весьма интересное, а ты ни слова!

(36) Т. е. приняли въ Арзамасъ новаго члена М. Ѳ. Орлова, подъ именемъ *Рейна.*

(37) Кто былъ Мещевскій и какая судьба его, мы не могли доискаться, и просимъ разъясненія кто знаетъ. Стихотворенія Мещевскаго попадаются въ тогдашнихъ журналахъ.

6.

За Воейкова (40) благодарю сердечно. Ливенъ уже сказалъ ему, что получилъ отъ тебя книги. Не оставь же этого дѣла недоконченнымъ. Когда возвратится Ливенъ (41) въ Петербургъ, заставь его подать книги министру, а самъ работай и помни: намъ надобенъ не подарокъ, а крестъ. Естьли крестъ данъ Гнѣдичу за *недоконченную Иліаду*, то какъ не имѣть его Воейкову за *доконченные Сады* и *Георгики*? Ты можешь хлопотать со всѣмъ усердіемъ: ничего кромѣ справедливаго отъ тебя не требуется. Не забудь о Асмусѣ!—Вы читали въ Арзамасѣ мое письмо! Поздравляю васъ! Да что же вы сдѣлали? Какъ не взбѣситься, подумавъ, что десять человѣкъ, добрыхъ, имѣющихъ чувство и дружныхъ между собою, не могутъ найти свободной минуты, чтобы

(38) Этихъ приложеній мы, къ сожалѣнію, не имѣемъ.

(39) Асмусъ былъ потомъ тоже однимъ изъ профессоровъ Дерптскаго университета.

(40) Александра Ѳедоровича, который съ самаго 1814 года по кончину (1839) пользовался непрестанными и разнообразными благодѣяніями Жуковскаго.

(41) Вѣроятно попечитель Дерптскаго учебнаго округа.

подумать о судьбѣ несчастнаго человѣка, ожидающаго отъ нихъ помощи и можетъ быть спасенія? Не стыдно ли вамъ, что я принужденъ писать къ вамъ десять писемъ объ одномъ и томъ же дѣлѣ, которое вамъ бы и безъ просьбы надобно было сдѣлать, и писать по пустому!

Прости! О себѣ ничего не пишу. *Старое* все миновалось, а новое никуда не годится! Съ тѣхъ поръ какъ мы разстались, я не оживалъ. Душа какъ будто деревянная! Что изъ меня будетъ, не знаю! А часто, часто хотѣлось бы и совсѣмъ не быть. Поэзія молчитъ! Для нея еще нѣтъ у меня души. Прежняя вся истрепалась, а новой я еще не нажилъ. Мыкаюсь, какъ кегля.

7.

(*Въ началѣ 1817*).

Податель этого письма есть Феліціанъ Феліціановичь Заремба, котораго усердно тебѣ рекомендую. Онъ ѣдетъ въ Петербургъ на службу; — естьли найдешь способъ, помоги ему протѣсниться къ кабинету Фортуны. Онъ прекрасно учился въ Дерптѣ. Я былъ свидѣтелемъ его докторской диспутаціи, могу увѣрить тебя, что онъ стоитъ своего докторства. Диссертація его писана худымъ Рускимъ языкомъ; но этому причиною то, что онъ учился въ Дерптѣ, и въ нѣмецкомъ языкѣ имѣетъ болѣе навыка нежели въ Рускомъ. Онъ сначала написалъ свою диссертацію по нѣмецки, потомъ перевелъ ее самъ. Но она можетъ быть свидѣтелемъ его основательныхъ знаній. Я увѣренъ, что онъ будетъ человѣкъ дѣльной и полезной по службѣ. Онъ знакомъ съ Карамзинымъ, которому прошу тебя его представить.

Посылаю поправленную Лербергову біографію ([42]). Я не могъ сдѣлать изъ нея ничего порядочнаго. Графъ Румянцевъ этого и не требовалъ; я поправилъ однѣ важнѣйшія ошибки. Какова она ни есть, ее прочтутъ, и напрасно ты противъ нея вооружаешься. Оригиналъ прекрасенъ! Авторъ съ чувствомъ выразилъ характеръ великаго человѣка и трогаетъ сердце своимъ изобрѣтеніемъ. Нельзя не полюбить автора: онъ знакомитъ читателя съ прекрасною, твердою, чистою душою! Доказательство, что у него есть подобное въ душѣ.

Къ статѣ объ этомъ авторѣ. Не давно я имѣлъ случай съ нимъ разговориться о его обстоятельствахъ и обстоятельствахъ здѣшняго университета. Знаешь ли, братъ, что можетъ быть черезъ полгода, естьли ничто не будетъ сдѣлано для университета, Парротъ, лучшій его профессоръ, долженъ будетъ (дабы избѣгнуть отъ долговъ) продать свои домишки, и искать учительскаго мѣста, то есть, послѣ ревностныхъ трудовъ, и въ такую эпоху жизни, въ которую бы спокойно надобно было наслаждаться плодомъ этихъ трудовъ, онъ принужденъ будетъ начать съ начала: для куска хлѣба подчинить себя волѣ партикулярнаго человѣка, и за все, что имъ сдѣлано для университета, остаться съ бѣдностію, съ разрушенными надеждами, и прочими тому подобными конфектами. Это сжимаетъ мнѣ сердце и признаюсь заставляетъ коситься на мой пенсіонъ: я обезпеченъ на всю жизнь, въ молодости, безъ

([42]) Здѣсь разумѣются конечно «Біографическіе извѣстія о А. Х. Лербергѣ», находящіяся въ началѣ книги: «Изслѣдованія, служащіе къ объясненію древней Русской исторіи А. Х. Лерберга. Изданы на нѣмецкомъ языкѣ, по опредѣленію императорской С.-Петербургской Академіи наукъ Ф. Кругомъ. Перевелъ Д. Языковъ. Спб. 1819.» 4⁰. Книгу эту издавалъ на свой счетъ гр Н. П Румянцовъ. Кто писалъ въ подлинникѣ и кто переводилъ извѣстія о Лербергѣ, намъ неизвѣстно (не Парротъ ли?); но рука Жуковскаго видна въ прекрасномъ слогѣ перевода.

семьи! И что жъ я сдѣлалъ? Наслаждался, писалъ стихи! Вотъ отецъ семейства, котораго жизнь была обременена трудами, котораго дѣятельность никакъ нельзя сравнить съ моею,—чтожъ ему наградою? таже бѣдность, съ какою онъ началъ! И бѣдность при старости, слѣдовательно безнадежная! Однимъ словомъ, какъ вы хотите, а профессорамъ сумы не давайте! Поберегите честь государя! Европа заговоритъ языкомъ, для него непріятнымъ и будетъ — права.

Прости! Приложенное письмо отдай Кавелину; а пакетъ Румянцеву отошли поскорѣе.

Арзамасъ обнимаю. Смотрите, хлопотать о Мещевскомъ. Ж.

8.

Здравствуй, милой другъ! Обнимаю тебя отъ всего сердца! Я послалъ на этой почтѣ къ Кавелину рукопись, полученную мною отъ Мещевскаго: поэма *Наталья, Боярская дочь;* а къ Карамзину письмо его, въ которомъ онъ посвящаетъ ему свою поэму. Мещевской долженъ быть пріемышемъ Арзамаса. Я писалъ къ Кавелину и къ Блудову о томъ, что я располагаю сдѣлать съ его поэмою; къ Карамзину послалъ его письмо ко мнѣ, въ коемъ онъ требуетъ помощи. Переговори съ ними объ этомъ дѣлѣ, и придумай что можешь придумать. Между тѣмъ я наложилъ и на тебя и на Николая подать, нужную для напечатанія *Натальи;* ты сдери ее и съ Уварова. Будь дѣятеленъ: дѣло идетъ о сотвореніи поэта и спасеніи человѣка. Да воскреснетъ Арзамасъ!

Я принялся за работу, и шутить не хочу. Радуйся, другъ, ты мнѣ сдѣлалъ добро, и на всю жизнь. Я чувствую новую необходимость дѣятельности, и это побужденіе святое: благодарность къ государю, который далъ мнѣ лучшее благо — независимость (43), и имѣетъ на меня надежду! Этой надежды обмануть не надобно! Я теперь въ службѣ, и долженъ служить по совѣсти! И какое для меня наслажденіе думать, что мое лучшее—*твое!* Недовольно того, что мы съ молоду товарищи на одной дорогѣ, но еще надобно было одному сдѣлаться хранителемъ другаго, а другому на всю жизнь получить драгоцѣнное чувство благодарности къ своему брату! Мы съ тобой теперь неразлучно имѣемъ одно счастіе. Я принялся за работу, и часы мои идутъ порядочно. Вокругъ меня все устроено. Свадьба кончена (44), и душа совсѣмъ утихла. Думаю только объ одной работѣ. Благослови Богъ!

Присылай мнѣ мою картинку. Планъ для баллады готовъ и, кажется, хорошъ. Но объ этомъ ни слова. Надобно сперва кончить *Вадима.*

Бываешь ли ты у Брея? Что тамъ дѣлается, и нѣтъ ли чего мнѣ сказать?

Пришли форму вѣрющаго письма для полученія пенсіона. Я дамъ его Кавелину. Говорятъ, что нельзя иначе получать какъ по третямъ. А я хотѣлъ было въ концѣ года.

Узнай, что стоитъ перстень? № 1137 (45).

Взяты ли деньги у Румянцева? Первая выручка за *Пѣвца* М. Ивановичу (46)! Прошу къ нему переслать и мнѣ доставить его письмо, дабы я могъ дать отчетъ Румянцеву.

Обнимаю Николая! И сержусь на него! Онъ не хочетъ дать мнѣ покоя, и не справился еще по сію пору о бумагахъ Азбукина (47)! Нельзя ли какъ нибудь его усовѣстить? У меня

(43) «Доброй государь пожаловалъ Жуковскому 4000 р. пенсіи и перстень съ шифромъ», пишетъ Карамзинъ къ Дмитріеву отъ 31 Дек. 1816 года.

(44) Т. е. свадьба, И. Ф. Мойера съ М. А. Протасовой, въ Дерптѣ, 14 Января 1817 года.

(45) Т. е. пожалованный изъ царскаго кабинета перстень.

(46) Вѣроятно Мещевскому.

(47) См. выше, примѣч. 34-е.

кошки на сердцѣ! Да нельзя ли ему прислать мнѣ адресъ чорта-Жихарева?

Приложенное письмо перешли поскорѣе къ Уткину въ Академію Художествъ.

Твой Жуковскій.

9.

24 Февраля (1817).

Наконецъ рѣшился ты написать, лѣнивецъ; и то писалъ на полетѣ: ни на что не отвѣчаешь, объ чемъ я къ тебѣ писалъ. Бѣда съ вами!

Теперь вѣрно уже ты видѣлся съ Мантейфелемъ и знаешь, чего ему надобно. Прошу тебя ему помочь.

За Эверса обнимаю тебя отъ всего сердца! Какъ бы хотѣлось обнять за Паррота, за Воейкова и за весь университетъ, между прочимъ и за Асмуса. A propos о Воейковѣ! Получилъ ли ты отъ Кавелина списокъ его *Георгикъ*, и рѣшился ли что нибудь сдѣлать по моей просьбѣ? Ты не для одного меня долженъ похлопотать о Воейковѣ. Мои причины тебѣ извѣстны; ты съ ними согласенъ, и такъ объ нихъ ни слова. Но Воейковъ, какъ Руской поэтъ, достоинъ всякаго одобренія. Онъ имѣетъ истинное дарованіе, и съ этимъ дарованіемъ соединяетъ трудолюбіе постоянное. До сихъ поръ, его переводъ *Садовъ* есть, безъ всякаго сравненія, лучшая поэма на Рускомъ языкѣ. Переводъ Виргиліевыхъ *Георгикъ*, при всѣхъ недостаткахъ, которые можно въ немъ замѣтить, и которые онъ со всеусердіемъ старается изъ него выгнать, есть также важное произведеніе Руской поэзіи; онъ хочетъ *посвятить себя* Виргилію. Онъ стоитъ поощренія уже и за одинъ этотъ планъ! Но этотъ планъ отчасти уже исполненъ. Кто жъ откажетъ ему въ правѣ на вниманіе государя? Я совѣтую Воейкову представить куратору списокъ своего перевода, съ тѣмъ чтобы онъ доставилъ оный министру для поднесенія императору! Одобряешь ли это? Или не лучше ли тебѣ передать и ту и другую поэму князю? Отвѣчай на это поскорѣе.

Вы собираетесь сдѣлать сборъ для напечатанія Мещевскаго поэмы: хорошо! Но скоро ли вы соберетесь? Послать эти деньги Мещевскому, а поэму продать,—это скорѣе и менѣе хлопотъ? Правда! Но за то менѣе и денегъ. Я бы думалъ: напечатать 600 экземпляровъ на счетъ Арзамаса, 300 распродать самимъ по 5 рублей экземпляръ; остальные 300 продать рубли по два гуртомъ въ лавку: вышло бы 2000 рублей съ лишнимъ. Впрочемъ, сдѣлайте какъ сами разсудите, толь ко сдѣлайте, и поскорѣе. Въ Сибири терпѣніе тяжелѣе чѣмъ въ Москвѣ, и въ Дерптѣ, и въ Петербургѣ.

Не забудь же объ Асмусѣ. Поповъ ([48]) скорѣе сдѣлаетъ для тебя чѣмъ Мартыновъ ([49]). Асмусъ былъ учителемъ въ уѣздной Дерптской школѣ. Онъ взялъ отставку; но урочное время выслужилъ. Ему слѣдуетъ чинъ губернскаго секретаря; не получить его при отставкѣ обидно; а такихъ людей, каковъ Асмусъ, надобно не обижать, а золотить. У него теперь воспитывается въ собственной школѣ около 50 мальчиковъ: всѣ они вѣрно выйдутъ изъ нея съ прекрасно образованнымъ сердцемъ. Слѣдовательно, Асмусъ можетъ быть и титулярнымъ совѣтникомъ.

Ты очень одолжишь меня, естьли постараешься мнѣ отыскать и прислать поскорѣе Weltgeschichte von Carl von Rotteck. Одолжи, другъ!

Обнимаю тебя и коллежскаго совѣтника Николая Ивановича Тургенева.

Пришли мнѣ и Рускую статистику Вихмана.

([48]) Василій Михайловичъ, директоръ департамента въ министерствѣ народнаго просвѣщенія.

([49]) Извѣстный Иванъ Ивановичъ, предшественникъ Попова.

10. (50)

Посылаю тебѣ чудака, поэта, бродягу, ребенка, старика. Не осердись на меня за то, что обременяю тебя ненужными тебѣ знакомствами. Податель этаго письма не будетъ тебѣ въ тягость; онъ бродитъ по свѣту, и описываетъ въ стихахъ свои похожденія; у него никогда нѣтъ гроша: вся его гардероба (два сертука, два жилета и вѣроятно двое штановъ, съ большою трубкою въ карманѣ) всегда на немъ; *всѣ* его сочиненія всегда у него за пазухою; тѣ, которыя не могутъ уложиться, сожигаются. Онъ идетъ въ Петербургъ, для того, чтобъ сказать себѣ: „Я былъ въ Петербургѣ!“ Но денегъ у него нѣтъ, и онъ объ этомъ не заботится. Онъ хочетъ въ нынѣшнемъ году выдать *по подпискѣ* свои пѣсни; подписная цѣна 1 рубль серебромъ. Постарайся собрать ему нѣсколько подписчиковъ, чтобъ было что ѣсть въ Петербургѣ. Важная цѣль его путешествія въ Петербургъ есть: видѣть праздникъ Свѣтлаго Воскресенія и описать его въ стихахъ. Вѣрно и для тебя строфа будетъ. Вообще въ его стихахъ много хорошаго, хотя и много безпорядочнаго. Самъ же онъ необыкновенное явленіе въ свѣтѣ. Въ немъ есть что-то младенческое. До сихъ поръ еще не начиналъ онъ думать о завтрашнемъ днѣ. Въ 15 лѣтъ исходилъ онъ около 20000 верстъ пѣшкомъ. Въ Петербургѣ пробудетъ двѣ недѣли; отъ туда въ Ревель; изъ Ревеля въ Бременъ; гдѣ онъ остановится, я не знаю. Но естьли въ Петербургѣ случится ему въ чемъ нибудь нужда, помоги ему. Твой *Жуковскій.*

---

(50) **На этомъ письмѣ рукою А. И. Тургенева написано карандашемъ: «*Белендорфъ*».—должно быть имя поэта-чудака. В. П.**

ПИСЬМА В. А. ЖУКОВСКАГО КЪ И. И. КОЗЛОВУ.

Письма эти суть отрывочныя и случайныя свидѣтельства той тѣсной дружеской связи, которая соединяла Жуковскаго съ поэтомъ-слѣпцомъ Иваномъ Ивановичемъ Козловымъ (1784—1840). Извѣстна судьба сего послѣдняго. По рожденію и воспитанію принадлежа къ высшему обществу, онъ долго оживлялъ лучшіе Московскіе кружки своею природною веселостью, и не было ни одного сколько нибудь замѣтнаго собранія въ средѣ беззаботной Московской знати, на которомъ бы не отличался Козловъ, и въ особенности въ танцахъ. Съ небольшимъ тридцати лѣтъ отъ роду постигнутъ онъ былъ тяжкою болѣзнію: у него отнялись ноги, и вслѣдъ за тѣмъ потухло зрѣніе. Недавній весельчакъ очутился въ безпомощномъ состояніи. Но, видно, глубока была душа его. Живая, дѣтски-искренняя веселость часто бываетъ выраженіемъ этой душевной глубины. Прикованный къ постели, слѣпецъ-Козловъ обнаружилъ въ себѣ высокій даръ истинно-привлекательной поэзіи.

Пѣвецъ! Когда передъ тобою
Во мглѣ сокрылся міръ земной,
Мгновенно твой проснулся геній,
На все минувшее воззрѣлъ,
И въ хорѣ свѣтлыхъ привидѣній,
Онъ пѣсни дивныя запѣлъ.

Такъ привѣтствовалъ его Пушкинъ, прочитавъ его поэму „Чернецъ“.—Жуковскій, знакомый съ Козловымъ еще по Московской жизни, сдѣлался у него домашнимъ человѣкомъ въ Петербургѣ, „неизмѣнною опорою всей его семьи. Никто, во всѣ 20 лѣтъ страдальческаго существованія Козлова, такъ часто не являлся у его постели, какъ Жуковскій. Его веселыя и задушевныя бесѣды бывали лучшимъ утѣшеніемъ несчастному поэту, и въ послѣдніе его часы все тотъ же дружескій голосъ Жуковскаго читалъ

отходныя молитвы умирающему другу и напутствовалъ его душу въ торжественный переходъ отъ жизни къ вѣчности". По кончинѣ его, въ 1840 г. въ Сѣв. Пчелѣ (№ 37) появилась о немъ и его сочиненіяхъ прекрасная статья Жуковскаго.

За дозволеніе напечатать эти письма мы обязаны дочери поэта, Александрѣ Ивановнѣ Козловой. *П. Б.*

1.

Милый другъ, Саша жива и даже не больна; вотъ все, что могу тебѣ сказать. Мы вмѣстѣ—это не утѣшеніе, но облегченіе. На счётъ ея здоровья будь спокоенъ: слезы лучше всякаго рецепта. Но послѣднее сокровище ея жизни пропало. Этому ничто не пособитъ. Мы ни о чемъ не говоримъ, ни о чемъ не думаемъ, мы вмѣстѣ плачемъ, и все тутъ. Напиши къ ней, а я дней черезъ десять буду у васъ. *Жуковскій.*

Письмо это относится къ Марту или Апрѣлю 1823 года. 9 Марта 1823 г. скончалась въ Дерптѣ Марья Андреевна Мойеръ, племянница Жуковскаго. Саша, о которой говорится здѣсь и въ другихъ письмахъ, есть сестра Марьи Андр. Мойеръ, Александра Андреевна Воейкова, съ которою Козловы были очень дружны. Обѣ сестры были для Жуковскаго самыми дорогими существами. Жуковскій возвратился изъ Дерпта „блѣденъ какъ мертвецъ", по отзыву одного современника.

2.

Ты, я думаю, дивишься, а (чего добраго?) можетъ быть и сердишься, что я на твои письма тебѣ не отвѣчаю.— Первое изъ нихъ, въ коемъ ты звалъ меня къ себѣ на имянины, получилъ я уже въ Царскомъ Селѣ; а второе вчера у Карамзиныхъ по возвращеніи изъ Царскаго Села. Ты же, Богъ знаетъ почему, все мечталъ, что я могъ быть въ Петербургѣ въ то время, когда Великій Князь въ Царскомъ; и все стрѣлялъ въ Шепелевской дворецъ, надѣясь попасть въ меня эпистолярнымъ ядромъ своимъ.

Вчера я не успѣлъ къ тебѣ завернуть. На сихъ дняхъ увидимся. Теперь въ теченіи 15 дней буду кочевать между Елагинымъ островомъ и Шепелевскимъ дворцемъ, въ коемъ квартирую до отъѣзда въ Петергофъ. *Жуковскій.*

3.

Писать некогда, спѣшу къ Своему Ученику. Вотъ альбомъ княгини: я написалъ въ него Ночь и Рыбака съ музыкою и вклеилъ всѣ свои гравюры.

До середы мнѣ никакъ нельзя будетъ съ тобой увидѣться.

Богъ проститъ. И я также исповѣдаюсь нынче, и завтра причащаюсь. Прошу также прощенья. А въ Свѣтлое воскресенье я пью у тебя чай, и въ этотъ день праздную твое рожденье. Прости. *Жуковскій.*

4.

Не сердись на меня, душа моя, что такъ давно у тебя не былъ. Я все это время не выходилъ со двора. Съѣлъ грибъ! да и болѣзнь старая ѣстъ меня и теперь еще не выхожу. Какъ скоро освобождусь, буду къ тебѣ. Пришли сына, я переговорю съ нимъ; только не по утру, а ввечеру послѣ семи часовъ, нынче. *Жуковскій.*

5.

Мой милый Иванъ Ивановичъ, такъ давно я у тебя не былъ, что изъ рукъ вонъ, и больно, и досадно; по крайней мѣрѣ въ это все время я о тебѣ думалъ. Объ этомъ переговоримъ при свиданьи. Какова Софья Андреевна? (1) И она видно грибъ скушала. Мы всѣ были на грибномъ, сколько насъ ни есть. Нынче или завтра зайду къ тебѣ, а въ новый годъ во всякомъ случаѣ у тебя буду. Обнимаю дружески. *Жуковскій.*

---

(1) Супруга Козлова, урожд. Давыдова.

6.

Душа моя Иванычь, я тебя не забылъ, иначе себя бы забылъ. А была причина и глупая причина, отъ которой у тебя я не былъ; не сердись, душа моя. Завтра это тебѣ разтолкую и безъ твоей просьбы явлюсь къ тебѣ на чай ввечеру. Буду около девяти часовъ, чтобъ тебѣ самому прочитать Камоэнса. Обнимаю отъ всего сердца. *Жуковскій.*

Я давича отъ сборовъ совсѣмъ забылъ поздравить тебя съ новорожденнымъ и твоего новорожденнаго; поздравляю васъ обоихъ; новорожденному посылаю на зубокъ разныхъ книгъ изъ своей библіотеки. Прошу ихъ ему передать и обнять его за меня. *Жуковскій.*

7.

Любезнѣйшій другъ, посылаю тебѣ письмо отъ княж. Суворовой([2]), съ посылкою. Увѣдомь, каковъ ты. Я хотѣлъ быть 21-го въ Петербургѣ; но теперь долженъ отложить. Надобно кой что приготовить для уроковъ Принцессы Шарлоты, которую императрица мнѣ поручила ([3]). Изготовленное надо будетъ напечатать; тогда къ вамъ пріѣду дни на три. Обнимаю тебя. Скажи мое почтенье Софьѣ Андреевнѣ. Поздравляю ее и тебя съ днемъ ея ангела.

8.

Посылаю тебѣ на зубокъ Валтеръ-Скотовъ романъ. Это будетъ началомъ твоей библіотекѣ романовъ. Надпись ошибкою сдѣлалъ на второмъ, а не на первомъ томѣ: все равно. До свиданья въ 8 часовъ ввечеру. Очень буду радъ прочитать графинѣ Лаваль мои новыя стихотворныя бредни. *Жуковскій.*

9.

Милый, обнимаю тебя; жду съ нетерпѣньемъ Чернеца. Писать некогда. Стихи Пушкина несравненные; я желалъ бы, чтобъ онъ думалъ обо мнѣ, ибо они душевно меня тронули, не самолюбіе, а сердце: такъ и повѣяло на меня поэзіей. Завтра постараюсь быть у тебя ввечеру и принести Шильонскаго Узника, и поговоримъ о Али-Пашѣ и о Іорданской красавицѣ.— Но прости ([4]). *Твой Жуковскій.*

10.

Бредишь ты, Иванычь, будто сердце мое тебя забыло. А что не былъ я у тебя давно, это правда. И это правда, что однажды пошелъ къ тебѣ, да не дошелъ; не отъ того, чтобы раздумалъ, а отъ того, что остановили меня у Вьельегорскаго. Нынче постараюсь придти къ тебѣ, если не будетъ поздно. Будетъ у насъ Вейнахтбаумъ ([5]). Благодарствуй, милый, за стихи и прозу. На сихъ дняхъ опять буду у тебя чайничать. *Жуковскій.*

Молитва твоя удивительно хороша.

11.

Здоровъ ли ты, милый Чернецъ? Мы всѣ, слава Богу, здоровы. Я живу въ Царскомъ Селѣ, въ сосѣдствѣ съ Сашей, которая всякой вечеръ вмѣстѣ со мною гуляетъ. Врямя идетъ порядочно, благодаря занятіямъ. Жаль только одного: некогда сходить на

([2]) Вѣроятно, кн. Марья Аркадіевна, позднѣе супруга кн. Мих. Мих. Голицына, а во второмъ бракѣ Остолопова.

([3]) Ея Императорское Высочество, Великая Княгиня Елена Павловна. Записка эта должна относиться къ 1823 году.

([4]) Жуковскій говоритъ здѣсь вѣроятно о посланіи Пушкина къ Козлову (изд. Исакова I, 324), исполненномъ глубокой задушевности:

А я, коль стихъ единый мой
Тебѣ мгновенье далъ отрады,
Я не хочу другой награды:
Не даромъ темною стезей
Я проходилъ пустыню міра,
О нѣтъ не даромъ жизнь и лира
Мнѣ были ввѣрены судьбой!

Пушкинъ жилъ тогда въ ссылкѣ и приказывалъ брату своему въ Петербургѣ читать слѣпому поэту Онѣгина.

([5]) Т. есть Рожественская елка, во дворцѣ.

поклонъ къ Музѣ. Это твое дѣло. Обдумай на всякой случай сюжетъ моихъ двухъ Монаховъ. А мнѣ непремѣнно пришли два экземпляра своего Чернеца; одинъ надпиши Варварѣ Павловнѣ Ушаковой, а другой Марьѣ Пав. Ушаковой; я имъ это обѣщалъ. Вотъ тебѣ 100 рублей денегъ на мелкіе расходы моего Жуковскаго (6); прошу отдать ихъ отъ меня Софьѣ Андреевнѣ, которой сердечно кланяюсь и поручаю моего недоросля. Держи его въ рукахъ. Спрашивай, что онъ дѣлаетъ, и чтобъ онъ читалъ и писалъ тебѣ все, что прикажешь. Разъ въ недѣлю можно его пускать въ театръ. Прилагаю два письма: одно къ барону Дельвигу, которое отдай немедленно, другое къ Сапожникову, которое перешли съ Жуковскимъ. Прости. Обнимаю тебя. *Жуковскій.*

12.

Эмсъ. $\frac{3}{15}$ Іюня (1826.)

Здравствуй изъ Эмса, мой милый Иванъ Ивановичь. Хочу непремѣнно тебя увѣдомить о себѣ, ибо знаю, что это будетъ тебѣ весьма пріятно.— Вотъ уже три недѣли какъ я въ Эмсѣ. Вы должны уже имѣть обо мнѣ извѣстіе. Я писалъ уже три раза. Надѣюсь, что письма мои дошли до васъ, хотя начинаю опасаться противнаго, ибо я во все это время получилъ только одно письмо, отъ Перовскаго (7). Благодаря ему, я успокоенъ на счетъ Саши и на счетъ Карамзиныхъ. Но мнѣ очень горько быть совершенно безъ извѣстій подробныхъ. Скажу тебѣ въ кратцѣ о моихъ обстоятельствахъ; много писать некогда: я написалъ болѣе десяти писемъ. Мое морское и потомъ земное путешествіе до Эмса совершились благополучно. Въ Эмсѣ тотчасъ по прибытіи я принялся за лѣченіе. Пью воды, по четыре стакана въ день, и каждый день хожу въ ванну; чувствую большое внутреннее облегченіе, голова свѣтла, и сонъ и аппетитъ въ порядкѣ, словомъ все хорошо, кромѣ остатка слабости, единственнаго признака моей проходящей болѣзни. Надѣюсь, что и этому поможетъ Эгра, куда поѣду въ началѣ Августа. Если случай не повредитъ, то надѣюсь къ вамъ возвратиться здоровымъ. А возвращусь въ первыхъ числахъ Октября. Вотъ тебѣ моя біографія. Въ Эмсѣ довольно скучно; но жизнь идетъ однообразно что̀ мнѣ не непріятно. Здѣсь между прочими Русскими княгиня Голицына-Суворова. Я ее вижу довольно часто и слушаю съ большимъ удовольствіемъ ея милое пѣніе. Она чрезвычайно поправилась; но ей запрещено возвращаться въ Россію, и мы ея долго не увидимъ. Нашъ климатъ ей не по натурѣ. Она тебя помнитъ и любитъ и всегда говоритъ о тебѣ, да и сбирается сама къ тебѣ писать. Вотъ все, что̀ для тебя интересно. Мнѣ пора кончить. Поцѣлуй дѣтей и скажи мой поклонъ Софьѣ Андреевнѣ. Обними Плетнева и Гнѣдича и дай имъ обо мнѣ извѣстіе. Между тѣмъ пиши Долгорукую, чтобъ я нашелъ ее почти готовую вступить въ свѣтъ и принести славу отцу своему. Прости, милый, обнимаю тебя. *Жуковскій.*

13.

Мой милый другъ, сердечно благодарю тебя за твое безцѣнное письмо. Ты утѣшилъ имъ сиротствующую мою душу. Во все время моего пребыванія въ Эмсѣ я имѣлъ только одно письмо, отъ друга Перовскаго. Онъ увѣдомилъ меня о Сашѣ и успокоилъ на счетъ ея. Всѣ прочіе какъ будто забыли, что я на свѣтѣ. А я, при всей лѣни моей, писалъ нѣсколько разъ. Ты вѣрно уже получилъ письмо мое.

(6) П. В. Жуковскій, родственникъ того Андрея Григорьевича Жуковскаго, который былъ крестнымъ отцемъ нашему поэту и далъ ему имя.

(7) (гр.) Василія Алексѣевича, съ которымъ Жуковскій былъ весьма друженъ.

Теперь пишу къ тебѣ одному. Снова благодарю за всѣ извѣстія, которыя ты мнѣ сообщаешь. Благодаря тебѣ, знаю отчасти, что у васъ дѣлается. Вотъ тебѣ нѣсколько подробностей обо мнѣ. Я кончилъ свой курсъ въ Эмсѣ и чувствую, что воды, особенно ванны и души мнѣ помогли, но дѣйствіе ихъ, какъ говорятъ, будетъ гораздо ощутительнѣе послѣ; надобно только быть осторожнымъ, держаться строго предписанной діеты и вести порядочную и однообразную жизнь. Покориться этому правилу не трудно. Возвратясь въ Петербургъ, буду жить затворникомъ. Пугаетъ меня нашъ благословенный климатъ. Чтобы Эмскія воды произвели все дѣйствіе, надлежало бы взять два курса и въ промежуткѣ провести зиму въ тепломъ климатѣ: тогда излеченіе было бы совершенное; но какъ это согласить съ моими обстоятельствами, съ моею должностію, которая теперь для меня всего важнѣе?

Надѣюсь, что мнѣ не нужно будетъ на слѣдующій годъ сюда возвращаться. Впрочемъ еще посмотрю, что сдѣлаетъ для меня Эгра. Посовѣтуюсь съ Крейсигомъ, и его совѣтъ будетъ для меня рѣшителенъ. Завтра уѣзжаю изъ Эмса и потихоньку, берегомъ Рейна, поѣду въ Эгру, гдѣ надѣюсь быть дней черезъ десять. Въ Эгрѣ пробуду недѣли двѣ, не болѣе. Оттуда поѣду въ Дрезденъ, гдѣ пробуду съ недѣлю съ Тургеневыми. Мнѣ кажется, что извѣстія, къ вамъ дошедшія о Сергѣѣ ([8]), были весьма увеличены: я получилъ здѣсь отъ него нѣсколько писемъ, и онъ не слишкомъ жалуется о состояніи своего здоровья; даже и нравственное его состояніе въ порядкѣ: онъ пишетъ ко мнѣ съ благоразумной твердостію. Мысль ихъ ([9]) увидить вмѣстѣ весьма утѣшаетъ меня. Вотъ все что могу сказать тебѣ о себѣ. Черезъ два мѣсяца мы увидимся. Дай Богъ, чтобъ я нашелъ васъ всѣхъ здоровыми. Ты получишь это письмо отъ Саши; но къ ней самъ я не пишу въ наказаніе за ея непонятное молчаніе.

Сообщи ей это письмо. Изъ него она узнаетъ все, что ей обо мнѣ знать нужно. Прилагаю письмо отъ кн. Голицыной, которая пробудетъ въ Эмсѣ еще нѣсколько дней. Ея здоровье весьма поправилось. Она очень любезна и добра. Я бывалъ и довольно часто у нея и всякой разъ плѣнялся ея милымъ пѣніемъ. Главнымъ моимъ здѣсь утѣшеніемъ былъ графъ Каподистрія, который прожилъ недѣли четыре въ Эмсѣ. Я еще надѣюсь увидѣть его въ Франкфуртѣ, гдѣ буду дни черезъ четыре. Теперь здѣсь великая кн. Марія Павловна. Можешь вообразить, съ какимъ чувствомъ я ее встрѣтилъ. Глубокая, молчаливая горесть ея ([10]) производитъ въ душѣ какое то благоговѣніе. Какъ она напоминаетъ Александра, не императора, но человѣка плѣнительнаго, прекраснаго душею, котораго такъ весело было встрѣчать, который былъ такъ привѣтливъ, такъ очарователенъ въ обращеніи, который былъ другомъ и душею своего семейства.

Она здѣсь не болѣе трехъ дней и пробудетъ еще недѣли четыре. Ея здоровье, разстроенное горестію, начинаетъ однако поправляться. Надѣюсь увидѣть ее въ Веймарѣ.— Прости, милый, писать болѣе некогда. Отвѣчай на это письмо въ Берлинъ, прямо на мое имя, poste restante. Напиши поболѣе подробностей. Да нельзя ли заставить написать и Сашу?

Жуковскій.

Эмсъ 23 Іюля / 4 Августа. 1826.

([8]) Сергѣѣ Ивановичѣ Тургеневѣ, который рано скончался.

([9]) Т. е. его и брата его Александра Ивановича.

([10]) Вслѣдствіе кончины императора Александра Павловича.

14.

Дрезденъ, Сентября 28 (1826).

Обнимаю тебя изъ Дрездена, мой милый Иванъ Ивановичъ! Что ты замолчалъ? Я писалъ къ тебѣ и знаю, что письмо мое должно было до тебя дойти, а отвѣта отъ тебя нѣтъ. Это совсѣмъ на тебя не похоже. Ты одинъ только снабдилъ меня подробностями о томъ что у васъ было: всѣ прочіе были весьма не словоохотны. И Саша не лучше прочихъ. Вотъ тебѣ нѣсколько подробностей обо мнѣ. Я теперь въ Дрезденѣ. Кончивъ курсъ въ Эмсѣ, объѣхалъ Рейнъ. Время было благопріятное; но я ѣздилъ полубольной и весьма не столько могъ воспользоваться своимъ путешествіемъ, какъ бы хотѣлъ. Надобно было, подобно Вральману, любоваться утесами и разрушенными замками съ козелъ. А бродить по высотамъ и даже по ровнымъ мѣстамъ мѣшала слабость, которая и теперь еще несовсѣмъ миновалась, хотя воды сдѣлали мнѣ рѣшительную пользу. Проживши три недѣли въ Францбруннѣ близь Эгры, я пріѣхалъ наконецъ въ Дрезденъ, гдѣ нашелъ свою родину, ибо живу вмѣстѣ съ Тургеневыми. Мы ведемъ вмѣстѣ прекрасный образъ жизни, сколько возможно при болѣзни. Сергѣй очень слабъ, но только слабъ физически. Ему нельзя скоро поправиться: причина его болѣзни въ глубинѣ души. Но все чтó было съ нимъ въ послѣднее время, теперь миновалось и нѣтъ опасности, чтобъ могло возвратиться. Присутствіе брата для него спасительно. О моемъ возвращеніи не могу тебѣ сказать ничего рѣшительно. Мое здоровье поправилось, но надобно чтобъ оно укоренилось, слѣдственно, нельзя еще теперь возвратиться въ Петербургъ. Я просилъ отсрочки: жду изъ Москвы отвѣта. Получивъ его, увѣдомлю тебя и Сашу. Или мы увидимся скоро, или еще нѣсколько времени здѣсь пробуду. Это значитъ, что ты долженъ ко мнѣ или *къ намъ* писать въ Дрезденъ, на имя Bassenge et compagnie. Я все еще успѣю получить твое письмо. Мое письмо очень бѣдно подробностями, но нѣтъ никакихъ подробностей. Я въ Дрезденъ перевезъ съ собою свою Петербургскую комнату. Никуда не хожу и никого не вижу, ибо некогда. Надобно работать для Петербурга, и я намѣренъ вполнѣ воспользоваться здѣшнею совершенною свободою, дабы въ Петербургѣ было мнѣ легче. Въ противномъ случаѣ не избавлю себя снова отъ болѣзни. И такъ мнѣ описывать тебѣ нечего. Но ты въ своемъ углу, на своей постелѣ все видишь и обо всемъ знаешь. Напиши поболѣе подробностей. Прости. Увѣдомь о нашихъ Петербургскихъ знакомцахъ.

Обними за меня Плетнева, Гнѣдича и Мюральта. Дѣтей цѣлую. Мое почтенье Софьѣ Андреевнѣ. *Жуковскій.*

Елена Григорьевна Пушкина поручила мнѣ тебѣ кланяться и сказать тебѣ, что она дружески тебя помнитъ.

15.

Вчера я возвратился въ Эмсъ изъ Парижа; но не буду тебѣ описывать моей Парижской жизни, она не оставила мнѣ веселаго воспоминанія; да теперь и ни о чемъ другомъ не могу говорить кромѣ Саши[11]. По пріѣздѣ моемъ сюда, я получилъ отъ нея коротенькое письмо, которое мнѣ слишкомъ много сказало, и въ то же время ничего не сказало. Она больна отчаянно и ѣдетъ въ Италію: вотъ все что я узналъ изъ письма ея.

Въ тоже время получилъ письмо и отъ тебя, и въ немъ объ ней почти ни слова. Не понимая этого неизъяснимаго молчанія съ твоей стороны, остаюсь въ жестокомъ недоумѣніи и не знаю сколько еще времени долженъ

---

(11) Александра Андреевна Воейкова въ это время (1827) отправлялась лечиться въ чужіе краи (скончалась въ Ливурнѣ).

въ немъ остаться. Можетъ быть, ты скоро ко мнѣ напишешь. Я этого надѣюсь. Но можетъ быть мнѣ надобно ожидать отвѣта на это письмо и слѣдовательно еще цѣлый мѣсяцъ не знать никакихъ подробностей; — это право стоитъ болѣзни. Какъ бы то ни было, напиши ко мнѣ, мой милый другъ, всю правду. Я просилъ Жилля побывать у тебя; продиктуй ему письмо, въ которомъ опиши все что̀ было до сихъ поръ съ Сашею, что̀ заставило Арендта рѣшиться послать ее въ Италію; и скажи, имѣетъ ли она средства сдѣлать это путешествіе. Вотъ что наиболѣе меня безпокоитъ. Мнѣ необходимо надобно быть увѣреннымъ, что она эти средства имѣетъ; тогда я бы радъ былъ ея путешествію, ибо увидѣлъ бы въ немъ единственную возможность ея спасенія.

Не сѣтуй, что не пишу къ тебѣ ничего ни о себѣ, ни о тебѣ, ни о твоихъ стихахъ. Я все получилъ въ свое время, многимъ радовался, многое критиковалъ, но обо всемъ буду говорить, а не писать. Ты знаешь, какъ я вообще не охотникъ писать; а теперь право не то на сердцѣ. Жду съ величайшимъ нетерпѣніемъ письма твоего. Адресуй на мое имя въ Эмсъ или отдай Жиллю. Обнимаю тебя, твоихъ и Темиру (12), отъ которой также прошу письма. Она очень меня одолжитъ. Только напишите немедленно. Право ждать несносно. *Жуковскій.*

Эмсъ $\frac{15}{3}$ Іюля (1827).

Тургеневъ обнимаетъ тебя. Онъ здоровъ, пробудетъ въ Эмсѣ недѣли двѣ и отсюда поѣдетъ въ Дрезденъ. Онъ не пишетъ къ тебѣ потому, что спѣшитъ писать къ брату.

16.

Благодарю тебя и Темиру за ваши милыя письма: онѣ меня успокоили. Теперь только радуюсь мыслію, что Саша ѣдетъ и ѣхать можетъ. Это сохранитъ ея жизнь, естьли только угодно будетъ Богу. Надобно же ей имѣть нѣсколько минутъ спокойныхъ и беззаботныхъ. Два года тихой жизни въ Италіи будутъ ей благодѣтельны. — Грустно, что надобно съ ней разстаться; но этимъ можно заплатить за веселое свиданіе, коего надѣюсь въ сердцѣ. Самъ я здоровъ. Оканчиваю Эмскій курсъ и черезъ 6 дней отсюда выѣду.

Воды мнѣ очень помогли; а возвратясь въ Петербургъ, начну вести жизнь порядочную и буду держаться строгаго режима. Здѣсь теперь княгиня Софья Волконская (13) и Алина. Вотъ цѣлый мѣсяцъ почти, какъ я съ ними ежедневно и такъ къ этому привыкъ, что будетъ очень больно съ ними разстаться. Алина прелестное, милое, доброе, умное созданіе. Она стоитъ счастія и авось будетъ имѣть его. Я радъ, что судьба меня съ ней познакомила, хотя на короткое время. Прости, другъ, скоро увидимся. Я непремѣнно желаю къ вамъ возвратиться. Обнимаю дѣтей, дружеской поклонъ всѣмъ нашимъ знакомымъ, милой Темирѣ и Софьѣ Андреевнѣ.

Твой Жуковскій.

$\frac{8}{20}$ Августа (1827).

Эмсъ.

17.

Благодарю васъ, почтеннѣйшій Иванъ Ивановичъ, за благолѣпное ваше поздравленіе въ разсужденіи чина, мною воспріятаго отъ щедротъ монаршихъ. Весьма радуюсь, что вы насладились трогательнымъ пѣснопѣніемъ дѣвицы Зонтагъ, имѣющей право называться не только воскресеньемъ, но даже и свѣтлымъ воскресеньемъ, понеже го-

(12) Татьяна Семеновна Вейдемейеръ, урожденная княжна Херхеулидзева.

(13) Княгиня Софья Григорьевна, супруга князя Петра Михаиловича. Алина—вѣроятно дочь ихъ, Александра Петровна, вышедшая потомъ за П. Д. Дурнова.

лосъ ея воскрешаетъ душу чувствительныхъ особъ. Ваше стихотворное изъявленіе глубочайшей преданности сей пѣвицѣ я читалъ съ трогательнымъ колыханіемъ сердца и желаю сердечно, чтобъ сія превосходная воскресительница соблаговолила заглянуть въ поэтическій пріютъ вашъ и огласить его тонами, льющимися изъ ея соловьинаго горла. Простите, Иванъ Ивановичъ. О Тургеневѣ не могу ничего вамъ сказать, ибо не имѣю объ немъ вѣсти. *Жуковскій.*

Эта шуточная записка писана во время пребыванія въ Петербургѣ знаменитой пѣвицы *Зонтагъ* (вышедшей въ послѣдствіи замужъ за графа Росси, который пріѣзжалъ послѣ министромъ Сардинскаго короля въ Петербургъ).

18.

(*Писано во время холеры 1831*). [14]

Мой милый Иванъ Ивановичъ! Каковъ ты? и какъ ведешь себя въ трудныхъ обстоятельствахъ? — Надѣюсь, что ты уменъ и не мучаешь себя излишне: это было бы и безполезно, и вредно, и грѣшно! Когда же и имѣть твердую надежду на Бога, какъ не въ такихъ испытаніяхъ, какія насъ постигли въ эту минуту. Слава Богу: одна бѣда прошла, народъ успокоился! Пройдетъ и другая. Теперь страшный періодъ холеры миновался: она должна начать терять силу свою. И я надѣюсь, что бѣдствіе минуетъ тебя! Я сдѣлалъ было попытку о томъ, чтобъ тебѣ дать пріютъ въ Петергофѣ (о Царскомъ Селѣ и думать нечего), но не удалось. Кн. А. Н. Голицынъ просилъ позволенія перевести тебя въ Петергофъ. Государь отказалъ, потому что въ Петергофѣ всѣ дома будутъ заняты дипломатическимъ корпусомъ, а домовъ жилыхъ весьма немного. И такъ, мой милый, остается тебѣ вооружиться всею твердостію, нужною для человѣка, при видѣ близкой бѣды; но ты болѣе, нежели кто нибудь, имѣешь средствъ сохранить въ бѣдѣ нужное спокойствіе. Твоя душа всегда была полна вѣрою христіанскою; теперь должно пользоваться плодами этой спасительной вѣры! Надѣюсь на тебя крѣпко. Будемъ еще вмѣстѣ говорить о теперешнихъ временахъ, какъ о прошедшемъ трудномъ опытѣ.—Что то мои бѣдныя институтки? И къ нимъ закрался врагъ [15]. Думаю, что онѣ всѣ перепуганы: дѣтямъ такое зрѣлище ужасно. Я желалъ бы, чтобъ ты меня о нихъ увѣдомилъ, хотя и не могу требовать, чтобы кто нибудь изъ твоихъ навѣстилъ институтъ: теперь нужно быть осторожнымъ. Имѣю объ нихъ извѣстіе, но желалъ бы знать, что онѣ дѣлаютъ и что въ эту минуту чувствуютъ. Пишу теперь къ Катѣ и, можетъ быть, получу отъ нея отвѣтъ. Напиши, любезный другъ, объ себѣ и дай знать, естьли нужно будетъ еще о чемъ хлопотать. Я князя Голицына предувѣдомилъ о твоихъ порученіяхъ, сказалъ ему, что ты просишь его быть провидѣніемъ твоего семейства. Но надѣюсь крѣпко, что еще ты самъ будешь говорить съ нимъ объ этомъ тогда, когда всѣ бѣды кончатся. Обнимаю тебя. *Жуковскій.*

1-е Іюля.

P. S. Мы остаемся въ Петергофѣ и въ Царское не ѣдимъ: всѣ дороги заперты, холера и въ самомъ Царскомъ скоро откроется. Пиши ко мнѣ въ Петергофъ.

19.

27 Генваря (8 Февр.) 1833.

Верне, близь Веве.

Давно сбираюсь писать къ тебѣ, мой милый Иванъ Ивановичъ, и чув-

[14] Сл. письмо Жуковскаго о холерномъ возмущеніи 1831 г. въ Русск. Арх. 1866, стр. 339.

[15] Жуковскій говоритъ о сиротахъ-дѣвочкахъ, дочеряхъ А. А. Воейковой, Екатеринѣ и Александрѣ Александровнахъ.

ствую передъ тобою тяжкую свою вину, въ которой просто прошу прощенья. Ты по своей дружбѣ конечно обо мнѣ безпокоишься, но надѣюсь однако, что знаешь обо мнѣ отъ нашихъ пріятелей; ты на это молодецъ: любишь своихъ друзей безъ флегмы и вѣрно добился извѣстій обо мнѣ посредствомъ Плетнева или Жилля отъ Мердера. Я писалъ самъ къ Плетневу и просилъ его у тебя побывать, разсказать обо мнѣ и приготовить тебя къ полученію письма моего. Теперь пишу самъ. Вотъ тебѣ во первыхъ отчетъ о моей физикѣ. Мнѣ вообще лучше. Путешествіе моремъ, шесть недѣль въ Эмсѣ я бралъ теплыя ванны, четыре недѣли въ Велльбахѣ (близь Франкфурта), гдѣ я пилъ сѣрныя воды, воняющія гнилыми яицами, но несмотря на то весьма животворныя,—все это поставило меня на ноги, и я пріѣхалъ въ Швейцарію ѣсть виноградъ съ новымъ румянцемъ на щекахъ, съ большими силами, безъ одышки. Но въ Швейцаріи ходъ моего выздоровленія остановился; не скажу, чтобъ мнѣ было хуже, чтобы выигранное было проиграно,— нѣтъ; но я не двигаюсь впередъ и еще не дошелъ до такого состоянія, чтобъ смѣло возвратиться на Сѣверъ. Надѣюсь однако, что нѣсколько мѣсяцевъ такой жизни, какую теперь веду, возобновятъ совершенно мои силы и заведутъ снова разстроенную машину мою. Еслибъ не дѣйствіе моей болѣзни, которая мѣшаетъ душѣ имѣть живость и свѣжесть, еслибъ не безпрестанное безпокойство, которое тянетъ меня назадъ, напоминая мнѣ, что я оставилъ главное дѣло своей жизни, то моя здѣшняя жизнь имѣла бы много прелестей. Климатъ самый кроткій, природа великолѣпная, уединеніе, досугъ, свобода — чего бы желать болѣе?... Мой домъ въ поэтическомъ мѣстѣ, на самомъ берегу Женевскаго озера, на краю Симплонской дороги; впереди Савойскія горы и Мельерскіе утесы, съ лѣва Монтре на высотѣ и Шильонъ на водахъ, съ права Кларанъ и Веве. Эти имена напомнятъ тебѣ и Руссо, и Юлію, и Бейрона. Для меня краснорѣчивы только слѣды послѣдняго: въ Шильонѣ, на Боливаровомъ столбѣ, вырѣзано его имя, а въ Кларанѣ у самой дороги находится простой крестьянской домъ, въ которомъ Бейронъ провелъ нѣсколько дней и изъ котораго онъ ѣздилъ въ Шильонъ. Руссо не перенесъ здѣшнихъ картинъ въ свой романъ; онъ ничего вѣрно не выразилъ; ничего, что́ видишь здѣсь глазами, не находишь въ его книгѣ. И, не во гнѣвъ тебѣ будь сказано, нѣтъ ничего скучнѣе Новой Элоизы: я не могъ дочитать ее и въ молодости, когда воображенію нужны болѣе мечты, нежели истина. Попытался прочитать ее здѣсь и еще болѣе увѣрился, что не ошибся въ своемъ отвращеніи. Для великой здѣшней природы и для страстей человѣческихъ Руссо не имѣлъ ничего кромѣ блестящей декламаціи: онъ былъ въ свое время лучезарный метеоръ, но этотъ метеоръ лопнулъ и исчезъ. Бейронъ другое дѣло: многія страницы его вѣчны. Но и въ немъ есть что-то, ужасающее, стѣсняющее душу. Онъ не принадлежитъ къ поэтамъ-утѣшителямъ жизни. Что такое истинная поэзія? Откровеніе въ тѣснѣйшемъ смыслѣ. Откровеніе божественное произошло отъ Бога къ человѣку, и облагородило здѣшній свѣтъ, прибавивъ къ нему вѣчность. Откровеніе поэзіи происходитъ въ самомъ человѣкѣ и облагороживаетъ здѣшнюю жизнь въ здѣшнихъ ея предѣлахъ. Поэзія Бейронова не выдержитъ этой повѣрки. По той дорогѣ, по которой вѣроятно гулялъ здѣсь Бейронъ, хожу я каждый день, или въ лѣво отъ моего дома къ Шильону, или въ право черезъ Кларанъ въ Веве. Въ обоихъ направленіяхъ по три версты (взадъ и впередъ 6 верстъ); я вымѣрялъ раз-

стояніе шагами, и каждая верста означена моимъ именемъ, нацарапаннымъ мною на камнѣ. Иногда въ этихъ прогулкахъ сочиняю и стихи; но теперь еще только переводилъ; можетъ быть, если поболѣе слажу съ болѣзнью, удастся написать и свое. Благодарю тебя за доставленіе твоихъ стиховъ: они очень милы. Я былъ въ Эмсѣ, когда умерла Раздивилъ-Витгенштейнъ и вмѣстѣ съ старымъ фельдмаршаломъ и молодымъ вдовцомъ шелъ за ея гробомъ въ церковь: это было въ темную, звѣздную ночь. Мы шли тихо, а на другомъ берегу рѣки гремѣла музыка и плясали на балѣ.

Прости, милый, напиши мнѣ о себѣ и обо всемъ, что̀ со времени моего отъѣзда случилось въ Петербургскомъ свѣтѣ и въ нашей литературѣ. Ты ничего не видишь, но все знаешь. Обними за меня своихъ, жену и дѣтей. Особенно дружески пожми за меня руку Муравьеву ([16]). Хочу весьма знать, что̀ онъ дѣлаетъ. По глупой критикѣ, напечатанной въ Сѣверной Пчелѣ, знаю о его битвѣ Тиверіадской и долженъ думать, что трагедія не имѣла успѣха; но увѣренъ напередъ, что въ ней много красотъ и требую отъ Муравьева, чтобъ онъ не обращалъ вниманія на неудачу (если подлинно была неудача); онъ поэтъ въ благородномъ смыслѣ сего слова и писать долженъ. Передай мое сердечное почтеніе графинѣ Лаваль и дружескій поклонъ Борху. Татьяну Семеновну обнимаю. Тургеневъ пишетъ ко мнѣ изъ Рима. Онъ здоровъ. Прости. *Жуковскій*. Пиши чрезъ Жилля, то есть ему передавай свои письма.

20.

Венеція $\frac{4}{16}$ Ноября (1838)

Мой милый Иванъ Ивановичъ, не грѣхъ ли тебѣ, что по сію пору ты ко мнѣ не написалъ ни строчки? Фельдъегерь ѣздилъ къ намъ поминутно; могъ бы ты дать о себѣ вѣсточку. Смѣшно мнѣ дѣлать тебѣ подобные выговоры: самъ я ни къ кому не пишу и мнѣ, кажись, было бы неприлично другихъ бранить за лѣнь. Но вѣдь уже это извѣстная болѣзнь моя, неизлѣчимая, давнишняя. А ты большой писака; ты можешь быть названъ эпистолярнымъ героемъ; отчего же молчишь? Напиши непремѣнно, и цѣлую біографію, о себѣ и обо всемъ что̀ знаешь съ минуты нашего отъѣзда. А чего ты не знаешь? Ты, какъ царь Берендей, знаешь все что̀ дѣлается подъ солнцемъ, хотя и не видишь его.—Подумай, откуда пишу къ тебѣ. Изъ Венеціи! При этомъ имени передъ закрытыми глазами твоими являются Тассъ, Бейронъ и тысячи гигантскихъ и поэтическихъ тѣней прошедшаго. Я живу на берегу большаго канала; въ тѣхъ горницахъ, которыя занималъ императоръ Александръ. Есть у меня угольная горница; окна, какъ вездѣ въ Италіи, до полу и съ балконами. Выду на одинъ балконъ, передо мною широкой каналъ и что то очень похожее на видъ изъ оконъ Зимняго Дворца, на Биржу и Адмиралтейство: такое же широкое пространство водъ; вмѣсто Биржи церковь S. Giorgio Maggiore, а вмѣсто церкви Петра и Павла великолѣпная церковь Maria della Salute, монументъ избавленія Венеціи отъ моровой язвы. Выду на другой балконъ — тутъ ужъ зрѣлище единственное. Передъ самымъ окномъ моимъ возвышается и заслоняетъ его огромная гранитная колонна съ св. Ѳедоромъ на капители и рядомъ съ нею другая съ крылатымъ львомъ св. Марка: обѣ памятникъ осады Тиры и крестовыхъ походовъ. Передъ ними такъ называемая Piazetta или маленькая площадь св. Марка, ограниченная съ одной стороны церковью св. Марка, съ другой чудеснымъ дворцемъ Дожевъ, передъ

(16) Андрею Николаевичу, съ отцомъ и братьями котораго Жуковскій былъ близко знакомъ.

которымъ тянется широкая набережная, на коей возвышается рядъ великолѣпныхъ зданій, которыя всѣ до одного суть надгробный мавзолей прошедшаго. Но они печальнѣе надгробнаго памятника. Могила не пуста: она бережетъ нѣчто, ей отданное на вѣки и на вѣки ей принадлежащее; а великолѣпное зданіе, преданное разрушенію, разительно выражаетъ *отсутствіе* прежняго великаго или прекраснаго. Но баста!—Оставимъ Венецію. Я еще въ ней ничего не видалъ; мы только что пріѣхали и не успѣли осмотрѣться. Хочу сказать тебѣ о другомъ болѣе для тебя интересномъ. Я былъ въ Миланѣ у Манцони ([17])! Это случилося неожиданно. Я не надѣялся имѣть этаго счастія, ибо мнѣ сказали, что М. никого къ себѣ не пускаетъ, будучи боленъ и не любя общества. Миланскій астрономъ Фризіани, съ которымъ я познакомился въ Isola Bella за обѣдомъ у Борромея, и съ которымъ мы разъѣзжали по Милану, вызвался пойти къ Манцони и отвѣдать за меня счастія. Онъ засталъ его дома, и я былъ имъ принятъ. Я просидѣлъ у него часа два, и конечно эти два часа принадлежали къ прекраснымъ часамъ моей жизни: я насладился живымъ чувствомъ симпатіи, симпатіи къ чему-то высокому, что́ преноситъ душу въ какой то свѣтлый порядокъ и производитъ въ ней на минуту совершенную гармонію, которая есть ея истинное назначеніе, но которая только минутами дается ей въ этой жизни. — Онъ стоялъ передъ каминомъ, когда я къ нему вошелъ, и тотчасъ мнѣ подалъ ручной экранъ, приглашая меня сѣсть на софу противъ камина. Я усѣлся какъ дома или какъ у давнишняго моего милаго знакомца: такъ вдругъ мнѣ стало уютно и легко. У меня нѣтъ памяти на лица, но лице Манцони врѣзалось въ память мою, хотя описать его въ подробности не умѣю; ибо помню выраженіе этаго лица, которое было мнѣ такъ по сердцу, а не знаю, какого цвѣта глаза и волосы и пр. Правильныя черты, которыхъ характеръ благородство и какая-то привлекательная тонкость, соединенная съ прямодушною скромностью. Un *comme il faut* plein d'attrait; une finesse, reunie à une cordialité simple; une noblesse sans parade reunie à une modestie charmante, qui n'est pas le resultat d'un principe, mais le signalement d'une ame élevée et pure ([18]). Таковъ казался мнѣ Манцони. Прибавить къ этому самый пріятный слогъ разговора: этотъ слогъ напомнилъ мнѣ Каподистрію, который говорилъ съ логическою точностью, всегда въ обрѣзъ, но точность его имѣла всю прелесть небрежности и всю живость вдохновенія. Манцони выражается, кажется мнѣ, еще съ большею краткостью. Онъ нѣсколько заикается, но этотъ недостатокъ ничего не портитъ, и онъ его нисколько не стыдится. Что́ мы говорили, вообще помню, но передать письму не умѣю. Знаю только то, что эти немногія минуты были для меня счастливы, какъ въ старину подобныя минуты съ Карамзинымъ, при которомъ душа всегда согрѣвалась и яснѣе понимала на что́ она на свѣтѣ. Во время нашего разговора вошелъ молодой человѣкъ, котораго имя я забылъ; посидѣвъ нѣсколько съ нами, онъ удалился; это былъ *посохъ* Манцони. Его болѣзнь, какъ онъ самъ сказывалъ мнѣ, есть сильное раздраженіе нервъ. Когда-то, вышедъ одинъ, онъ упалъ безъ чувствъ, и съ тѣхъ поръ онъ уже никогда одинъ не ходитъ, а всегда объ руку съ другимъ.

(17) Александръ Манцони (род. 1784), Итальянскій писатель, съ 1860 года сенаторъ. Онъ тогда уже славенъ былъ своимъ романомъ *Обрученные*, про который Пушкинъ говаривалъ, что онъ выше всѣхъ романовъ В. Скотта.

(18) Т. е. приличіе, исполненное привлекательности; тонкость, соединенная съ сердечною простотою; благородство не на показъ, и при этомъ плѣнительная скромность, не надуманная, но выражающая душу высокую и чистую.

Молодой человѣкъ приходилъ къ нему для его обыкновенной утренней прогулки. Я не пропустилъ этаго случая и разсказалъ Манцони о тебѣ; а онъ мнѣ сказалъ, что знаетъ тебя и подалъ мнѣ экземпляръ твоихъ стиховъ съ твоей подписью, поручивъ при свиданіи нашемъ сказать отъ него тебѣ поклонъ. Онъ помнитъ и Вяземскаго. Я купилъ экземпляръ полныхъ его сочиненій и просилъ его написать на немъ свое имя; вотъ что онъ написалъ: l'autore contera sempre fra i suoi giorni piu felici quello in cui gli fu dato di cognoscere il S. Joukovsky. A. M. (19) — Довольно съ тебя. Обнимаю сердечно и проч. *Жуковскій.*

Я принимаюсь за Итальянскій языкъ, и когда возвращусь къ тебѣ, то вѣроятно буду тебѣ читать Тассовы станцы.

Увѣдомь меня, прошу тебя, о нашей милой графинѣ Потоцкой. Мнѣ писали изъ Петербурга дурныя вѣсти о ея здоровьѣ; гдѣ она и что съ нею дѣлается? Ты долженъ знать.

21.

Мой милый Иванъ Ивановичъ, пишу тебѣ нѣсколько строчекъ изъ Турина, но мое короткое письмо будетъ тебѣ пріятнѣе двухъ длинныхъ, ибо при семъ письмо отъ аббата Камподонико, съ которымъ я свидѣлся въ Берлинѣ и котораго нашелъ точно тѣмъ же добрымъ, вѣрнымъ другомъ друзей своихъ, какимъ онъ былъ въ Петербургѣ. Я здоровъ тѣломъ, но боленъ грустію по Италіи, которую мы покинули, какъ любовникъ покидаетъ невѣсту, которую любитъ страстно, и съ которой судьба велитъ ему развестись прежде времени. Все это со временемъ можетъ обдѣлаться въ стихи или хоть въ прозу, ибо какъ говоритъ Гете: Leid und Freude wird Gesang, но теперь не пишется ничего; даже и письма не пишутся: такова ужъ моя натура, а въ эту минуту физически писать невозможно. Читалъ ли ты книгу, сочиненную какимъ-то англичаниномъ, о мелкихъ несчастіяхъ жизни? Между прочими онъ замѣчаетъ и несчастіе: быть въ необходимости писать, имѣть перо испорченное и не имѣть перочиннаго ножа. Это мое теперешнее положеніе; и перочинный ножикъ есть, да перо желѣзное, а эти проклятыя перья ужасно капризны: иногда пишутъ какъ по маслу, иногда хоть изломай ихъ.—Но Камподонико за мое молчаніе заплатитъ тебѣ своимъ краснорѣчіемъ. А я тебя мысленно обнимаю. Къ 20 Іюню мы будемъ въ Петербургѣ: ровно черезъ четыре мѣсяца. Дай Богъ найти тебя въ лучшемъ здоровьѣ. Кланяйся своимъ домашнимъ и любезной Татьянѣ Семеновнѣ.

Я познакомился съ Сильвіо Пеллико. C'est l'homme de son livre. Лучшая похвала, какую только можно сдѣлать ему. *Жуковскій.*

9/21 Февраля.

Туринъ (1839).

---

(19) Т. е. сочинитель будетъ всегда считать въ числѣ счастливыхъ дней своихъ тотъ день, въ который ему дано было познакомиться съ г. Жуковскимъ. А. Манцони.

ПИСЬМА В. А. ЖУКОВСКАГО КЪ А. Ѳ. ФОНЪ-ДЕРЪ-БРИГГЕНУ.

1845—1849.

Эти письма обязательно доставлены въ Русскій Архивъ А. И. Львовымъ, въ подлинникахъ, полученныхъ отъ семейства А. Ѳ. Фонъ-деръ-Бриггена, служившаго нѣкогда съ отличіемъ въ Измайловскомъ полку и потомъ (вслѣдствіе несчастнаго событія 14 Декабря 1825 года) поселеннаго въ Сибири, гдѣ онъ долго жилъ въ городѣ Курганѣ Тобольской губерніи, служа нѣкоторое время засѣдателемъ одного изъ судовъ. Въ нынѣшнее царствованіе Фонъ-д.-Бриггенъ получилъ дозволеніе возвратиться въ Европейскую Россію и скончался въ Петербургѣ 27 Іюня 1859 года. Жуковскій могъ лично знать его еще въ Петербургѣ до 1825 года, ибо Фонъ-деръ-Бриггенъ былъ связанъ тѣсною дружбою съ друзьями Жуковскаго, братьями Тургеневыми. Въ книгѣ своей La Russie et les Russes, Н. И. Тургеневъ поминаетъ добрымъ словомъ Фонъ-деръ-Бриггена и передаетъ одну высокую, благородную черту его характера (Paris, 1847, т. I-й, стр. 333 и 342). Черезъ 20 лѣтъ, Жуковскій, съ береговъ Майна вошелъ въ письменныя сношенія (производившіяся черезъ 3-е отдѣленіе соб. е. и. в. канцеляріи) съ Тобольскимъ поселенцемъ. Мы не знаемъ ни другихъ литературныхъ трудовъ сего послѣдняго, ни участи его перевода Кесаревыхъ сочиненій. Переводъ этотъ, кажется, такъ и не вышелъ въ свѣтъ; ибо Жуковскій не успѣлъ возвратиться на родину и скончался въ Баденъ-Баденѣ 1852 года, 12 Апрѣля. Читателямъ нашимъ пріятно будетъ еще разъ обновить въ памяти свѣтлое и необычайно-симпатическое лицо Жуковскаго, который въ разныя эпохи своей долгой жизни и въ разнообразныхъ сношеніяхъ съ людьми, отъ Высочайшаго двора до бѣдныхъ хижинъ, обнаруживаетъ все ту же душевную свѣжесть, доброжелательство и, какъ видно изъ этихъ писемъ, высокую, плодотворную образованность. *П. Б.*

I.

Письмо ваше, почтеннѣйшій Александръ Ѳедоровичъ (отъ 6 Апрѣля ст. ст. изъ Кургана) получено мною $^{19}/_{31}$ Мая во Франкфуртѣ на Майнѣ, гдѣ я живу уже около года. Оно было для меня пріятною и трогательною неожиданностію. Сердечно благодарю васъ какъ за дружескія сказанныя мнѣ слова, такъ и за желаніе ваше посвятить мнѣ вашъ переводъ Кесаря, на что съ благодарностію соглашаюсь. Не предполагаю ни мало, чтобъ исполненію этого желанія и напечатанію вашего перевода было положено какое-нибудь препятствіе. Книга ваша доставитъ полезное чтеніе для людей военныхъ, и въ то же время будетъ замѣчательнымъ явленіемъ литературнымъ: мы бѣдны хорошими переводами классиковъ древнихъ; давно бы пора за нихъ приняться. Вѣрные переводы Латинскихъ и Греческихъ поэтовъ и прозаиковъ (*вѣрные* въ высокомъ смыслѣ, то-есть не безжизненное слово въ слово, а отзывъ одного языка въ другомъ такъ, чтобъ и тотъ и другой слышались въ одно время, не вредя одинъ другому несогласіемъ звуковъ, а составляя гармонію изъ ихъ разнородности и различія), такіе переводы принесли бы несказанную пользу нашему языку, уже довольно утвердившемуся, но еще много пріобрѣсть могущему: онъ свое образованіе болѣе заимствовалъ у языковъ новѣйшихъ, а духъ древности еще не сходилъ на него. Въ этомъ отношеніи трудъ вашъ меня весьма радуетъ; я увѣренъ, что у васъ Кесарь будетъ говорить Русскимъ языкомъ, не потерявъ нисколько своего Римскаго величія и своей классической прелести; что онъ, перемѣнивъ только одежду, явится на

Сѣверѣ такимъ точно, какимъ бывалъ во время оно на Тибрѣ, увлекательный ораторъ, плѣнительный своею мужественною простотою и многовыражающею краткостію. Въ тоже время, я увѣренъ, что трудъ вашъ доставилъ вамъ самимъ много истиннаго наслажденія и желалъ бы, чтобъ вы имъ не ограничились. Послѣ Кесаря вамъ уже можно бы вступить въ борьбу и съ великою силою Тацита и съ благороднымъ краснорѣчіемъ Тита Ливія. Я часто, часто сѣтовалъ на свое совершенное невѣжество въ Латинскомъ и Греческомъ языкѣ. Какое было бы для меня наслажденіе подъ старость заняться переводомъ нѣкоторыхъ классиковъ въ прозѣ; подъ старость проза (не прозаизмъ) становится привлекательнѣе. Все это однако (и невѣжество и наклонность къ прозѣ) не помѣшало мнѣ приняться за большой трудъ стихотворный, за переводъ Одиссеи. Онъ уже до половины конченъ; другую половину, если буду здоровъ и если никакого препятствія не пошлетъ Богъ, кончу къ началу или въ началѣ будущаго года. Надобно вамъ при всемъ этомъ знать, что мнѣ теперь весьма удобно подъ старость заниматься разсказами Гомера и передавать ихъ на свой ладъ моимъ соотечественникамъ: я завелся (тому уже пятый годъ) своей семьею; у меня уже теперь сынъ и дочь. Живу анахоретомъ на берегахъ Майна, поживъ прежде также уединенно на Рейнѣ, а на слѣдующій годъ перенесу свое уединеніе на берега Невы или Москвы-рѣки. Изъ этого видите, что времени у меня довольно; если Богъ продлитъ жизнь, постараюсь, чтобы она прошла не даромъ. Трудъ великій волшебникъ: онъ всемогущій властитель настоящаго. Какими бы глазами ни смотрѣло на насъ это *настоящее*, дружелюбными или суровыми, трудъ заговариваетъ его печали, даетъ значительность и прочность его летучимъ радостямъ. И въ Курганѣ это волшебство равно дѣйствительно, какъ и на берегу Майна. А если при этомъ тайномъ дѣйствіи труда, ограниченнаго предѣлами житейскаго настоящаго, слышится голосъ, нѣкогда произнесшій: „Пріидите ко мнѣ всѣ труждающіеся, и Азъ успокою вы"; и если сердце этому голосу вѣритъ и ему ввѣряется, то и будущее становится свѣтлымъ, не здѣшнее ненадежное будущее, а то вѣрное будущее, къ которому всѣмъ намъ со всѣхъ точекъ земли проложена прямая дорога.

Возвращаюсь къ вашему Кесарю. Одинъ изъ моихъ короткихъ пріятелей, теперь находящійся за границею, случился во Франкфуртѣ скоро послѣ того времени, какъ я получилъ ваше письмо. Онъ прочиталъ въ немъ то, что вы говорите о вашемъ переводѣ Кесаревыхъ записокъ и обрадовался, что вы совершили такой трудъ. Онъ имѣетъ давно намѣреніе заняться изданіемъ классическихъ книгъ въ Россіи (за что онъ примется по возвращеніи въ отечество): дѣло доброе, предпринимаемое не изъ выгодъ книгопродавческихъ, а просто изъ любви къ полезной литературѣ, дѣло, въ которомъ и я намѣренъ быть ему помощникомъ. Вотъ вамъ его и съ нимъ вмѣстѣ мое предложеніе: не согласитесь ли *provisoirement* [1] уступить намъ рукопись вашего перевода на *одно* изданіе съ правомъ пользоваться продажею его въ продолженіе *трехъ лѣтъ* по выходѣ въ свѣтъ книги. За эту рукопись предлагаемъ вамъ теперь 2,500 рублей ассигнаціями съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи книги и по выручкѣ денегъ, употребленныхъ на напечатаніе, все, что составитъ чистый барышъ, было доставлено вамъ. Полагая, что такое предложеніе будетъ вами принято, я доставлю немедленно вышеозначенную сумму Леонтію Васильевичу Дубельту; онъ

[1] Предварительно.

ее вамъ перешлетъ, а вы доставьте ему вашу рукопись, которую онъ мнѣ отдастъ при моемъ возвращеніи въ Петербургъ (2). До моего же возвращенія приступать къ изданію вашей книги нельзя: будетъ много ошибокъ, и Кесарь можетъ на томъ свѣтѣ на насъ разсердиться. На этомъ мы теперь и остановимся; пускай ваша рукопись считается теперь моею собственностію и ждетъ меня въ Петербургѣ; по пріѣздѣ же моемъ въ Петербургъ все остальное уладимъ письменно.

Вы же теперь принимайтесь за новый трудъ; я бы предложилъ вамъ двѣ работы: одна—просто переводъ одного изъ классическихъ историковъ древности, съ надлежащими дополненіями и объясненіями; другая (и признаюсь, я предпочелъ бы эту *другую* работу): *составленіе избранной библіотеки изъ древнихъ историковъ*. Не всѣмъ бываетъ и возможность, и охота, и время перечитать классиковъ сполна (многое въ нихъ для большей части читателей и не можетъ быть привлекательно); но совершенное незнаніе классиковъ есть великая прорѣха въ умственномъ образованіи. Книга, которая соединяла бы въ себѣ лучшіе цвѣты изъ этого душистаго цвѣтника древности, была бы важнымъ подаркомъ не однимъ охотникамъ до хорошаго, образовательнаго чтенія, но и учебнымъ заведеніямъ и домашнему воспитанію. Если вы также знакомы съ Греческимъ языкомъ, какъ съ Латинскимъ, то я совѣтовалъ бы вамъ выбрать и перевесть, съ сохраненіемъ особенности каждаго автора, всѣ капитальныя мѣста изъ Греческихъ и Латинскихъ историковъ и нанизать эти перлы на одну нить. Каждый отрывокъ долженъ составлять свое особенное цѣлое; связь же между *всѣми* отрывками должна быть просто хронологическая. Эта историческая библіотека составила бы нѣсколько томовъ и была бы, повторяю, самымъ лучшимъ дополненіемъ изученія древней исторіи въ публичномъ и домашнемъ воспитаніи. (Подобный *сборникъ вспомогательный изученія исторіи* можно бы было составить и для средней и даже для новой исторіи; но о такомъ огромномъ предпріятіи говорить теперь нѣтъ нужды: довольно съ васъ древней исторіи). Но для того, чтобы заняться переводомъ классиковъ, надобно имѣть ихъ въ оригиналѣ. Этой бѣдѣ помочь не трудно. Увѣдомьте на что вы рѣшитесь, то-есть за какой трудъ захотите взяться и какія для того необходимы будутъ книги, я вамъ пришлю, что нужно. Здѣсь, за границею, мнѣ будетъ легко найдти книги, и онѣ обойдутся дешевле. На этотъ запросъ отвѣчайте немедленно: то-есть, если идея исторической библіотеки вамъ понравится, то сообщите мнѣ общій планъ и какія книги вамъ на первый случай нужны; я постараюсь ихъ вамъ немедленно доставить.

Долгъ платежемъ красенъ. Я поручилъ своему корреспонденту доставить Л. В. Дебельту для пересылки къ вамъ экземпляръ моихъ сочиненій (если полный найдется въ продажѣ). Когда напечатается Одиссея, вы также ее получите; но это еще долгая пѣсня.

Простите. Живите съ Богомъ; съ Нимъ вездѣ мы дома. Искренно преданный вамъ *Жуковскій*.

18/30 Іюня 1845.

Франкфуртъ на М.

Адресъ: Милостивому государю Александру Ѳедоровичу Фонъ-деръ-Бриггену въ Курганѣ.

(2) Я надѣюсь возвратиться въ Петербургъ въ будущемъ 1846 г., въ началѣ Іюля мѣсяца. *Примѣчаніе Жуковскаго.*

2.

Я виноватъ, виноватъ и виноватъ передъ вами, почтеннѣйшій Александръ Ѳедоровичъ. На ваше послѣднее письмо отъ 29 Генваря (это мнѣ выходитъ подарокъ въ день рожденія), полученное, правда, не такъ то давно, отвѣчаю $^{1}/_{13}$ Іюня. Какъ это изъяснить и какъ извинить? Извинить не чѣмъ. А можно только изъяснить, и для сего приступаю къ описанію нѣкотораго моего психологическаго уродства, которое мною давнымъ давно съ гигантскимъ могуществомъ владѣетъ. Вотъ что обыкновенно со мною случается: когда получу письмо, какого бы оно содержанія ни было, еслибы и самое для меня привлекательное, какъ напримѣръ ваше и если не дѣлаю на него немедленнаго отвѣта, то этотъ отвѣтъ какою-то неодолимою силою всегда оттолкнется на неопредѣленное время. И неотвѣтствованное письмо сперва лежитъ передъ мною, какъ простое пріятное воспоминаніе; потомъ оно складывается въ душу, какъ упрекъ за неисполненный долгъ; потомъ становится бременемъ совѣсти; потомъ начинается жестокая битва между лѣнивою волею и разсерженною совѣстію; и эта битва продолжается часто довольно долго, и мѣшаетъ всѣмъ другимъ занятіямъ, и до тѣхъ поръ всѣ ежедневныя занятія портитъ, пока вдругъ воля отъ какого нибудь отчаяннаго пинка измученной совѣсти вдругъ не вскочитъ и не уцѣпится за руку, окостенѣвшую отъ бездѣйствія и не втиснетъ въ нее пера; и лишь только перо очутится между тремя дѣйствующими пальцами правой руки — все разомъ кончено: письмо написано, совѣсть покойна, воля спитъ отдыхая отъ пинковъ своей сердитой госпожи, и все опять въ порядкѣ. Могу сравнить это состояніе души только съ блаженствомъ разрѣшенія отъ бремени послѣ продолжительныхъ мукъ. Къ сей беззаконной причинѣ моего долгаго молчанія (причины, нисколько его не извиняющей) прибавить должно и нѣкоторыя законныя причины: я былъ боленъ, и у меня были нѣсколько времени въ безпорядкѣ глаза (изъ коихъ правый получилъ уже безсрочный отпускъ). Довольно всего этаго для предисловія; а вы не прибавляйте своихъ пеней къ моимъ и просто простите мнѣ вину мою съ полною довѣренностію къ моей искренней къ вамъ пріязни. Обращаюсь къ нашему главному дѣлу. Первый томъ вашего перевода я получилъ; но втораго, который, какъ вы пишите, отправленъ съ вашимъ послѣднимъ письмомъ, мнѣ еще не доставили (объ этомъ я напишу къ Л. В. Дубельту). Благодарю васъ во первыхъ за посвященіе, въ которомъ, если позволите, сдѣлаю при напечатаніи нѣкоторую поправку, т. е. оставлю одно свое имя въ дательномъ падежѣ безъ всякихъ прибавокъ, что̀ будетъ коротко и ясно. Во вторыхъ благодарю отъ себя и отъ всѣхъ читателей, любящихъ питательное для ума чтеніе и умѣющихъ цѣнить эстетическое достоинство труда литературнаго, благодарю за самый переводъ. Я всего не могъ прочитать, и на это мнѣ теперь нѣтъ времени; но то, что̀ прочиталъ, увѣрило меня, что вы обогатили нашу словесность произведеніемъ прекраснымъ, въ которомъ ощутителенъ (что рѣдко бываетъ ощутительно при чтеніи Русскихъ книгъ) трудъ совѣстливый и просвѣщенный.

Почему не могу заняться теперь особенно чтеніемъ вашего перевода, это происходитъ отъ того, что мой главный трудъ (моя Одиссея) былъ мною принужденно оставленъ во все продолженіе прошлаго года до самой теперешней минуты (отъ болѣзни, которая, хотя и не приковывала меня къ постели, но дѣлала неспособнымъ къ работѣ и отъ моихъ глазъ, которые нѣсколько времени отказывались слу-

жить мнѣ и требовали отъ меня пощады). Мнѣ остается теперь прожить менѣе года въ моемъ заграничномъ уединеніи, и это заставляетъ меня обратить всего себя на мою работу, которую желалъ бы привезти въ Россію оконченную. Эта отсрочка прочтенія и пересмотра не повредитъ вашей книгѣ: во всякомъ случаѣ приступить къ ея печатанію нельзя въ мое отсутствіе; мнѣ надобно будетъ самому приняться за это дѣло; оно слѣдовательно должно быть отложено до моего возвращенія въ Петербургъ. Главное сдѣлано, трудъ конченъ и съ успѣхомъ. И въ свое время онъ конечно обратитъ на себя вниманіе.... Но чье вниманіе? Русской литтературы? Но что такое теперешняя Русская литтература? Тоже что всѣ почти иностранныя литтературы, съ тою только разницею, что состояніе Нѣмецкой и Французской литтературы есть паденіе *съ высоты*, а у насъ просто *паденіе*. Ибо наша литтература не черезъ святилище науки перешла на базаръ торгашей; а прискакала туда прямо проселочною дорогою и носитъ по толкучему рынку свое тряпье, которое съ смѣшною самоувѣренностію выдаетъ за цѣнный товаръ, не имѣя въ тайнѣ инаго намѣренія, какъ только сбыть его подороже съ рукъ.—Но это не бѣда. Повторяю: главное дѣло сдѣлано, трудъ благородный конченъ и съ успѣхомъ; онъ самъ себѣ награда, а оцѣнщики его, правда въ немногомъ числѣ, найдутся. Трудъ—благотворитель души человѣческой, очарователь и животворитель настоящаго, изцѣлитель прошедшаго; не знаю, были ли ему воздвигнуты алтари у древнихъ, но онъ достоинъ алтарей во всякое время, хотя, правда, у насъ христіанъ надлежитъ ему быть только придачею къ *главному*. — Я однако уклонился отъ своего предмета. О переводѣ вашемъ и о судьбѣ его вамъ теперь пока нисколько заботиться не должно. Онъ будетъ покоиться сномъ праведника подъ моею смиренною защитою; когда же наступитъ его часъ, онъ явится на свѣтъ и займетъ принадлежащее ему тамъ свѣтлое мѣсто. А вы теперь принимайтесь за новую работу. Вы желаете знать отъ меня, кого бы я предпочелъ изъ двухъ: *Саллюстія* или *Гиббона*? Безъ всякой остановки говорю: Саллюстія. Можно ли думать о переводѣ 14 томовъ in 8⁰ Гиббона? Если хотите разсказать намъ паденіе Римской Имперіи, то возьмитесь скорѣе за маленькій волюмъ Монтескье: онъ едва ли не тяжеловѣснѣе Гиббона, въ которомъ не все золото, много и свинцу, много и мышьяку: его бѣшеная ненависть къ христіанству мнѣ противна. Если хотите задать себѣ трудъ, для котораго надобны всѣ силы умственныя и величайшее искусство владѣть языкомъ своимъ, то возмитесь за 24 книги Всемірной Исторіи Іоганна Миллера и передайте намъ ихъ такъ, чтобы Русскій языкъ, оставшись вѣрнымъ энергическому, краткому и живописному, хотя весьма часто манерному, языку Іоганна Миллера, сохранилъ всю свою непринужденность; чтобы переводъ его можно читать какъ подлинникъ. Еслибы перевесть Миллера такъ, чтобы онъ могъ служить и книгою учебною, т. е. если-бъ къ тексту приложить хронологическія и синхронистическія таблицы, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ распространить приложеніями то что у Миллера весьма коротко и неподробно, — вышла бы книга полезная, общеупотребительная и въ публичномъ и домашнемъ воспитаніи, и самая привлекательная для чтенія. Хорошій переводъ Миллера былъ бы великимъ завоеваніемъ для языка Русскаго. Вмѣстѣ съ 24 книгами Всемірной Исторіи, я бы рекомендовалъ вамъ и письма Іоганна Миллера, особливо переписку его съ Бонстеттеномъ: нѣтъ чтенія привлекательнѣе и воспламенительнѣе къ работѣ. Я бы эти

письма далъ въ руки всякому юношѣ, въ которомъ горитъ жаръ къ наукѣ и стремленіе къ благородной дѣятельности и который питаетъ въ душѣ любовь къ добру и къ чистой славѣ. Но вы, зашедши въ область древнихъ классиковъ, можетъ быть, предпочтете остаться съ ними. Въ такомъ случаѣ, въ параллель къ Миллеровымъ письмамъ, я указалъ бы вамъ на письма Цицероновы; ихъ конечно переводить было бы трудно, особенно потому, что множество такихъ мелочныхъ подробностей, изображающихъ обычаи и нравы Цицеронова времени и относящихся къ ежедневнымъ событіямъ его вѣка, которыя требуютъ объясненія; но для этаго есть прекрасное пособіе въ Виландовомъ переводѣ Цицероновыхъ писемъ: Виландъ снабдилъ свой переводъ богатыми нотами. Въ моей Петербургской библіотекѣ, впрочемъ худо составленной, находятся и томы сочиненія Миллера и Цицероновъ Виландъ; но эти книги могутъ быть присланы вамъ только по моемъ возвращеніи въ Россію. Въ ожиданіи того принимайтесь, благословясь, за Саллюстія: его будетъ на годъ и болѣе. Трудъ пріятный и благодарный.— Простите, любезный Александръ Ѳедоровичъ, не вздумайте однако платить мнѣ тою же монетою, т. е. вашимъ молчаніемъ за мое. Отвѣчайте поскорѣе на это письмо и перешлите его мнѣ черезъ Л. В. Дубельта: за его готовность сдѣлать вамъ всякое возможное добро я отвѣчаю. Искренно преданный вамъ *Жуковскій*.

$\frac{1}{13}$ Іюня 1846.

Франкфуртъ на М.

3.

Давно я не писалъ къ вамъ, любезнѣйшій Александръ Ѳедоровичъ, и въ этомъ не извиняюсь потому, что это неизвинительно. Теперь спѣшу написать къ вамъ нѣсколько строкъ для того, чтобы васъ предупредить о моемъ скоромъ отъѣздѣ изъ Франкфурта въ Петербургъ; предупредить же хочу васъ для того, чтобы имѣть отъ васъ письмо *тотчасъ* по пріѣздѣ моемъ въ Россію. Поѣду отсюда вѣроятно въ концѣ Іюня или въ началѣ Іюля (нов. стил.). Это зависитъ отъ прибытія сюда Его Императорскаго Высочества Наслѣдника, который съ Великою Княгинею будетъ въ Дармштатъ и потомъ перевезетъ Ее въ Эмсъ (какъ говорятъ). Послѣ свиданія съ Его Высочествомъ отправляюсь въ путь. Моимъ сопутникомъ будетъ вашъ великій Кесарь, котораго судьба еще не устроена въ Россіи, хотя весьма солидно утверждена въ потомствѣ, о чемъ разсудило позаботиться собственноличное безсмертіе. Этотъ покровитель не мнѣ чета, но я не уступлю ему въ усердіи, при всемъ моемъ муравьиномъ ничтожествѣ передъ такимъ всемогущимъ великаномъ. У меня только первый томъ вашего перевода, второй найду въ Петербургѣ. Вотъ почему и желаю имѣть отъ васъ письмо тотчасъ по пріѣздѣ моемъ въ Петербургъ; хочу не теряя времени знать все, что̀ у васъ можетъ быть въ мысляхъ на счетъ изданія; поспѣшность же эта необходима потому, что я пробуду въ Петербургѣ не долго. Отправлюсь оттуда въ Москву и далѣе, потомъ возвращусь туда опять, но на короткое время, чтобы испросить позволеніе ѣхать опять за границу: ибо жены съ собою не могу взять. Долговременная болѣзнь, которою она болѣе полугода жестоко страдала, по своимъ слѣдствіямъ, требуетъ, чтобы она непремѣнно провела слѣдующую зиму въ климатѣ умѣренномъ. Это разстроило мои планы, и я не прежде переселюсь *вовсе* въ Россію, какъ весною будущаго года, если только Богу угодно будетъ послать женѣ полное выздоровленіе. А вы напишите мнѣ отвѣтъ немедленно по полученіи моего письма; оно дождется меня у Ле-

онтія Васильевича Дубельта. Напишите подробно о томъ, какою работою теперь занимаетесь и какіе имѣете впереди литературные планы. Я надѣюсь, что Саллюстія вы уже кончили. Если со временемъ примѣтесь за письма І. Миллера и переведете избранныя, лучшія письма изъ его переписки съ Бонстеттеномъ и съ другими, то окажите этимъ истинную услугу не одной литературѣ, но и литераторамъ и не литераторамъ, первымъ: указавъ имъ примѣромъ, *какъ* надобно *трудиться* на избранномъ ими поприщѣ, *вторымъ*: возбудивъ въ нихъ любовь къ ученію, образовательному для ума и сердца. Въ Миллерѣ удивительно много этой возбуждающей силы; я увѣренъ, что его письма будутъ прочитаны съ жадностію, увѣренъ въ этомъ потому, что такое дѣйствіе произвели нѣкоторыя немногія мною переведенныя его письма (съ французскаго, за неимѣніемъ въ рукахъ оригинала) и помѣщенныя мною въ Вѣстникѣ Европы, котораго я былъ тогда жалкимъ издателемъ ([3]). Миллеръ въ своихъ письмахъ гораздо простѣе и доступнѣе для перевода, нежели въ своихъ историческихъ сочиненіяхъ, гдѣ онъ часто мастерилъ по образцу и подобію Тацита, чѣмъ произвелъ многихъ весьма неудачныхъ подражателей. Само по себѣ разумѣется, что писемъ его всѣхъ переводить не слѣдуетъ; ихъ наберется до десяти томовъ, но изъ этихъ десяти томовъ могутъ выйдти два, изъ которыхъ одинъ могли бы наполнить избранныя письма къ Бонстеттену, а другой избранныя письма къ современникамъ, все въ хронологическомъ порядкѣ. Вмѣсто предисловія къ книгѣ можно бы взять Геренову біографію Миллера; а вслѣдъ за письмами можно бы выдать переводъ 24 книгъ Всемірной Исторіи, за которыми могъ бы послѣдовать переводъ Менцелевой новѣйшей исторіи, доведенной до низверженія Наполеонова. Это было бы полнымъ, высокимъ созданіемъ. Говорю смѣло *созданіемъ*, ибо знаю, что *переводить* великаго писателя гораздо труднѣе, нежели *писать свое*, то-есть труднѣе въ отношеніи языка. Кто (имѣя талантъ) пишетъ свое, тотъ идетъ свободно по *своей* дорогѣ; кто переводитъ, тотъ долженъ скакать на канатѣ, чужими руками натянутомъ.

Таковы теперь вамъ мои предложенія. У меня есть въ Петербургѣ, въ моей тамъ оставленной библіотекѣ, и Миллеръ (полный) и Менцель. Я ихъ къ вамъ пришлю. Но это не обязываетъ васъ предпочитать моего плана вашему, быть можетъ, уже совсѣмъ обдуманному. Сообщите его мнѣ, дабы я могъ напередъ порадоваться вашими свѣтлыми надеждами *труда, успокоивающаго душу и дающаго крылья времени*. Въ своемъ письмѣ говорите вы о Майдемоновой *Жизни Цицерона*; я давно читалъ ее и съ величайшимъ удовольствіемъ. Она прекрасно знакомитъ съ Цицерономъ, который самъ часто въ своихъ рѣчахъ выходитъ въ ней на сцену; жаль только, что ходъ историческаго повѣствованія сбивчивъ, отъ чего чтеніе книги часто бываетъ утомительно. Въ исторіи едвали не самое главное *планъ цѣлаго*; въ этомъ *созданіи связи* происшествій, не нарушая истины, состоитъ творческая сила историка. Виландовъ Діогенъ—другое дѣло. Я радъ, что онъ послужилъ вамъ для гимнастики въ Латинскомъ языкѣ. Но у меня теперь отлегло сердце отъ Виланда; онъ чисто язычникъ въ своей философіи и едва ли не эпикуреецъ. А его стихотворенія (не исключая и самого Оберона) много яду пролили въ молодыя сердца, пробудивъ въ нихъ чувственность, которая пріобрѣтаетъ ужасную силу, будучи пропущена сквозь кубикъ поэзіи. Теперь Виландъ довольно забытъ, но многія изъ вредныхъ ядовитыхъ растеній,

---

([3]) Въ 1808 и 1809 годахъ.

разросшихся на почвѣ настоящаго поколѣнія, родились изъ сѣмянъ, брошенныхъ его сладострастною Музою.

Но я хотѣлъ написать къ вамъ нѣсколько строкъ, а вышли страницы. Говоря о писательствѣ, легко записаться. И мое писательство, не смотря на устарѣлость (чтобы не сказать: старость), все еще тянется. Моя Одиссея дошла до 13-й пѣсни и была бы уже кончена, если бы не остановили бы моей Музы болѣзнь сперва моя, потомъ женина, и разныя печальныя обстоятельства. Если Богъ позволитъ, кончу въ годъ, лишь бы только имѣть полное уединеніе и здоровье. Потомъ примусь за прозу, которая теперь какъ-то становится для меня привлекательнѣе поэзіи; въ поэзіи, такъ сказать, языкъ *надежды*, а въ прозѣ языкъ *настоящаго*; поэзія живетъ возможнымъ, проза живетъ существеннымъ; въ мои годы, не унижая поэзіи, невольно переходишь на сторону прозы, ибо здѣшнее все принадлежитъ или прошедшему, или настоящему, а надежда перешла уже за границу жизни и здѣсь ничего *здѣсь желаннаго* сулить не можетъ. Но надобно знать границы и болтовнѣ. Простите. Преданный вамъ *Жуковскій*.

$\frac{6}{18}$ Мая 1847. Франкфуртъ на М.

4.

Я недавно увѣдомлялъ васъ, любезнѣйшій Александръ Ѳедоровичъ, что ѣду въ Петербургъ, и что тамъ устрою все для напечатанія вашего Кесаря. Но Богъ иначе устроиваетъ наши дѣла земныя, и все наше земное искусство и достоинство состоятъ въ томъ, чтобы смиренно забывать наши собственные планы и выбирать, какъ лучшіе, тѣ, которые начертываетъ для насъ рука Промысла, не спрашивая какъ и почему? У каждаго изъ насъ свой крестъ: мой крестъ въ эту минуту есть болѣзнь, уже давно продолжающаяся, моей жены. Я думалъ, оставя жену во Франкфуртѣ, поѣхать въ Петербургъ и провести нѣсколько мѣсяцевъ въ Россіи. Но докторъ велитъ вести жену въ Швейцарію, находя, что для ея изцѣленія необходимо провести нѣсколько мѣсяцевъ въ горномъ, цѣлительномъ климатѣ. И такъ теперь мой путь не на сѣверъ, а на югъ. На будущую весну, если Богъ позволитъ, одинъ или съ женою, непремѣнно отправляюсь въ Россію. Боюсь однако туда послать вашъ манускриптъ безъ себя: это ваше дитя, отданное мнѣ на руки; я за него долженъ болѣе бояться, нежели за собственное. И такъ возьмите терпѣніе. А между тѣмъ подумайте о тѣхъ работахъ, о которыхъ я писалъ вамъ въ послѣднемъ письмѣ, и займитесь ими. Но и то бѣда; есть ли у васъ I. Миллеръ? Если бы я былъ въ Петербургѣ, я послалъ-бы вамъ свой экземпляръ. Но книги мои всѣ въ ящикахъ, и нельзя поручить никому найти въ этомъ хаосѣ Миллера. Прошу васъ обо всемъ этомъ написать мнѣ словечко. Мнѣ будетъ весьма пріятно знать вдали, какъ идутъ ваши занятія и что теперь составляетъ предметъ ихъ. Будьте съ Богомъ. Вамъ искренно преданный *Жуковскій*.

$\frac{3}{15}$ Іюня 1847.

Франкфурт на М.

На адресъ: „Его высокоблагородію Александру Ѳедоровичу Фонъ-деръ-Бриггену". Другою рукою приписано: „При семъ 141 р. 58 к. серебромъ".

5.

Любезнѣйшій Александръ Ѳедоровичъ! Пишу къ вамъ нѣсколько строкъ только для того, чтобъ васъ вывести на мой счетъ изъ недоумѣнія: я такъ давно къ вамъ нѣ писалъ, что вы можете меня почитать умершимъ. Но еще живъ курилка! Та только бѣда, что обстоятельства, и самыя грустныя, болѣзнь жены, принудили меня и на нынѣшній годъ остаться за гра-

ницею. Иначе я, возвратясь, увѣдомилъ бы васъ тотчасъ и о своемъ пріѣздѣ и о вашемъ Кесарѣ. Но Кесарь отправился съ моими пожитками въ Петербургъ; Что онъ дорогою не погибнетъ, за это ручается его слово: „Не бойся, кормщикъ, несетъ корабль твой Кесаря и его Фортуну“. Но доплывъ до берега, Кесарь долженъ будетъ взять терпѣніе и дождаться, когда я, возвратясь на родину, выпущу его изъ заклепа. Жаль мнѣ этой задержки, но дѣлать нечего: необходимость есть воля высшая, ей надобно покориться, не скрѣпя стоически сердце, какъ передъ древнимъ Фатумомъ, а сказавъ ей: воля Его и слава Ему! Простите. Напишите ко мнѣ. Я живу въ Баденѣ, и не на розахъ. *Вашъ Жуковскій.*

$\frac{10}{22}$ Октября 1848.

Баденъ-Баденъ.

6.

Любезнѣйшій Александръ Ѳедоровичъ! Вы, можетъ быть, уже думаете, что меня нѣтъ на свѣтѣ, и ваше воображеніе, можетъ быть, уже схоронило меня и отпѣло мнѣ панихиду: такъ давно я къ вамъ не писалъ. Но живъ, живъ курилка и еще не умеръ! Та только бѣда, что живется не такъ какъ хочется. Вотъ уже три года, какъ я все ѣду въ Россію и все не доѣду; все долженъ оставаться за границею и по самой печальной причинѣ, по болѣзни жены моей, которая противится ея переселенію въ нашъ суровый климатъ. Прошлаго года, полагая, что Эмсъ (которымъ она уже въ третій разъ должна была пользоваться) ей поможетъ, я при отъѣздѣ къ Эмскимъ водамъ, отправилъ всѣ свои пожитки въ Россію, ибо увѣренъ былъ, что по окончаніи курса, самъ поѣду въ слѣдъ за моимъ добромъ—не тутъ то было: Эмсъ, принесшій прежде пользу женѣ, въ этотъ разъ ей повредилъ. Мы принуждены были переселиться въ Баденъ-Баденъ (самое здоровое мѣсто по своему климату для страждущихъ нервами), и дѣйствительно, пребываніе прошлой зимою въ Баденѣ было полезно и женѣ моей, которой болѣзнь была хорошо угадана докторомъ Гугертомъ, и мнѣ, которому покойная жизнь въ Баденѣ дала возможность перевести и напечатать менѣе нежели во сто дней послѣднія XII пѣсней Одиссеи. Въ продолженіи зимы Гугертъ прекрасно приготовилъ радикальное леченіе, которому надлежало начаться прошлою весною. И оно началось весьма благопріятно; но дьяволъ революціи все опрокинулъ. Вмѣсто того, чтобы на покоѣ лечиться въ Баденѣ, мы должны были спасаться отъ бунта, обхватившаго весь этотъ райскій уголокъ, въ Швейцарію. Мы прожили въ прелестномъ Интерлакенѣ до окончанія бунта, который съ чудной быстротою былъ уничтоженъ Прусской арміею и, благодаря этой быстротѣ, жена могла возвратиться въ Баденъ, снова начать и окончить прерванный курсъ леченія. Но о возвращеніи въ Россію уже думать было поздно: осень была уже на дворѣ. Я хотѣлъ возвратиться одинъ; но Государь, котораго я имѣлъ счастіе застать еще въ Варшавѣ, позволилъ мнѣ возвратиться къ семьѣ моей съ разрѣшеніемъ остаться тамъ, гдѣ мнѣ нужно, пока будетъ нужно. Такимъ образомъ я все еще бивакирую на чужѣ; надѣюсь, что Богъ позволитъ мнѣ кончить мое изгнанничество будущею весною. Вотъ вамъ моя личная Одиссея; она не такъ пріятна, какъ Гомерова; но я хотѣлъ вамъ сообщить ее особенно потому, чтобы дать вамъ вѣсть и о судьбѣ вашего Кесаря, которая такъ тѣсно связана съ моею. Она подвержена какому-то демоническому вліянію. Если-бы манускриптъ вашего перевода не былъ доставленъ мнѣ въ руки, то вѣроятно онъ бы давно былъ напечатанъ, и наши читатели имѣли-бы въ рукахъ классическую книгу,

во всѣхъ отношеніяхъ имъ полезную. Я хотѣлъ быть самъ опекуномъ изданія и поэтому не ввѣрилъ этихъ хлопотъ, да заочно и не могъ ихъ ввѣрить, никому другому. Надобно было отложить изданіе до моего возвращенія въ отечество. А когда же я возвращусь, да и возвратясь скоро ли буду на постоянномъ мѣстѣ, дабы заняться какъ слѣдуетъ изданіемъ? Теперь и манускрипта нѣтъ въ рукахъ моихъ: онъ въ Петербургѣ съ моими книгами и бумагами. Это меня весьма тревожитъ. И этой тревоги не могу иначе унять, какъ сдѣлавъ вамъ слѣдующее предложеніе, на которое васъ прошу непремѣнно согласиться. Если-бы ваша книга не попала въ мои руки, она давно была-бы напечатана и давно принесла-бы плодъ свой, какъ литтературный, такъ и матеріальный. Весьма справедливо, чтобы вы были вознаграждены за утрату послѣдняго. Прошу васъ уступить собственность вашего манускрипта *мнѣ*, съ тѣмъ условіемъ, чтобы, получивъ отъ меня теперь за манускриптъ прилагаемыя деньги 2500 рублей, послѣ, когда манускриптъ выйдетъ изъ печати и продастся, получить вамъ все, что́ останется за выручкою всѣхъ издержекъ на печатаніе. При этомъ можно будетъ даже, если вы того пожелаете, и теперь же приступить къ самому изданію. Мой корреспондентъ, коллежскій совѣтникъ Ростиславъ Родіоновичъ Родіоновъ, у котораго въ рукахъ находятся всѣ мои пожитки, отыщетъ между бумагами моими вашъ манускриптъ. Увѣдомьте, хотите ли, чтобы изданіе началось прежде моего возвращенія, или полагаете лучшимъ отложить до тѣхъ поръ, когда я самъ буду въ Россію. Но деньги, которыя вамъ доставлены будутъ его превосходительствомъ Леонтьемъ Васильевичемъ Дубельтомъ, безъ всякаго сомнѣнія принадлежатъ вамъ, и я увѣренъ, что отъ изданія вашей книги мнѣ убытку не будетъ. Увѣдомьте только, хотите-ли, чтобы печатаніе началось; тогда я сообщу вамъ какія еще взять для того мѣры. Дружески обнимаю васъ, преданный вамъ

Жуковскій.

$\frac{\text{31 Октября}}{\text{12 Ноября}}$ 1849.
Баденъ-Баденъ.

Получили-ли вы вторую часть Одиссеи? Желалъ бы знать ваше мнѣніе о моемъ переводѣ.

ЧЕРТЫ РУССКОЙ ПОЛИТИКИ ВЪ 1819 ГОДУ.

Карльсбадскія рѣшенія, принятыя въ Авг. 1819 г. и утвержденныя Германскимъ союзнымъ сеймомъ 20-го Сент., были первымъ рѣзкимъ выраженіемъ той злосчастной реакціонной политики, которую князь Меттернихъ (въ чисто эгоистическихъ интересахъ Австріи) направилъ къ подавленію сначала въ Германіи, а потомъ и въ остальной Европѣ, всякаго свободнаго развитія народовъ, и которая сообщила такой ненавистный характеръ Священному Союзу. Тяжелое чувство скорби и негодованія овладѣло нѣмецкимъ обществомъ, когда обнародованы были эти оскорбительныя рѣшенія. Преступленіе двоихъ безумныхъ юношей (1) вмѣнялось какъ

(1) Студента Занда, убившаго Коцебу въ Мангеймѣ 23-го Марта, и аптекаря Ленинга, сдѣлавшаго вслѣдъ за тѣмъ, 1-го Іюля 1819 года, неудачную попытку въ Швальбахѣ умертвить фонъ-Ибелля. Впрочемъ предложеніе о съѣздѣ нѣмецкихъ министровъ для совѣщанія въ Карльсбадѣ сдѣлано было императоромъ Францомъ тотчасъ послѣ убіенія Коцебу.

бы въ вину всему обществу, которое должно было понести за него незаслуженную кару. Лучшіе, благороднѣйшіе люди тогдашней Германіи не скрывали глубокаго огорченія, произведеннаго въ нихъ постановленіями 20-го Сент. Но еще во время самыхъ совѣщаній Карльсбадскаго съѣзда, Меттернихъ встрѣтилъ сильную оппозицію со стороны Виртембергскаго посланника, графа Винцингероде. Правда, оппозиція эта мало касалась настоящаго предмета Карльсбадскихъ рѣшеній: она болѣе направлена была противъ плановъ Меттерниха на счетъ скрѣпленія (въ австрійскомъ конечно духѣ) союзнаго единства и ограниченія либерализма южно-нѣмецкихъ конституцій,—плановъ, которые этотъ ловкій министръ Франца I намѣренъ былъ проводить на предстоявшихъ Вѣнскихъ конференціяхъ. Но уже самый тонъ этой оппозиціи, звучавшій безпощадной насмѣшкой, ясно показывалъ, что Виртембергъ чувствуетъ подъ собою твердую опору и не такъ-то легко подчинится политикѣ Меттерниха, хотя въ нее втянута была уже и Пруссія. Эту опору находилъ себя король Виртембергскій Вильгельмъ I въ родственникѣ своемъ, императорѣ Александрѣ, въ то время еще совершенно свободномъ отъ вліянія австрійскаго министра. И потому, лишь только прошелъ слухъ о намѣреніи Австріи устроить Карльсбадскія совѣщанія, какъ Вильгельмъ задумалъ подготовить ей оппозицію: онъ немедленно созвалъ сеймъ для составленія конституціи и такъ быстро повелъ дѣло, что уже 26 Сентября успѣлъ ее обнародовать. Что бы сказала теперь объ этой конституціи супруга короля, Екатерина Павловна, если бы дожила до нея? Менѣе чѣмъ за годъ передъ тѣмъ, въ послѣднемъ письмѣ своемъ къ Карамзину, изъ Штуттгарта, отъ 13 Ноября 1818 года ([2]), она выражала слѣдующія мысли о конституціяхъ: „Вы ко мнѣ рѣдко пишете, и я не могу согласиться съ вами, чтобъ оно было къ лучшему. Пишите болѣе, а читайте менѣе конституцій германскихъ, которыя не иное, какъ совершенный вздоръ. Съ тѣхъ поръ, какъ я вблизи вижу національныя репрезентаціи, выучилась я цѣнить *вѣсъ* словъ; хорошіе законы, которые исполняютъ, вотъ лучшая конституція“ ([3]). Можетъ быть, и самъ король Вильгельмъ не далеко расходился съ своею покойною супругою во взглядѣ на „національныя репрезентаціи“; но недобрые замыслы Меттерниха вызвали его дать теперь довольно широкую конституцію своему народу.

Вслѣдъ за обнародованіемъ ея, король Виртембергскій немедленно отправился въ Варшаву, гдѣ въ то время находился императоръ Александръ, чтобы лично переговорить съ нимъ на счетъ Карльсбадскихъ рѣшеній, только что принятыхъ союзнымъ сеймомъ, и склонить его къ поддержкѣ своей политики. Это было ему не трудно сдѣлать. Тревожныя внушенія Меттерниха еще не смущали тогда души Русскаго государя. При немъ стоялъ еще графъ Каподистрія и пользовался его особеннымъ расположеніемъ и довѣріемъ. Какъ нельзя болѣе кстати, онъ воротился тогда изъ своей заграничной поѣздки, и былъ принятъ императоромъ въ Варшавѣ съ обычной благосклонностью. Его взглядомъ долженъ былъ опредѣлиться теперь взглядъ Русской дипломатіи на новое положеніе вещей, созданное въ Германіи Карльсбадскими постановленіями.

Можно было напередъ сказать, какъ отнесется къ нимъ русскій статсъ-секретарь. Еще въ Ахенѣ этотъ „корифей либерализма“ возбуждалъ Александра не довѣрять Австріи и защищалъ южно-нѣмецкія конституціи. Теперь, разумѣется, онъ долженъ былъ прямо стать противъ реакціонныхъ стремленій ея министра, нравственнымъ свойствамъ

([2]) Въ концѣ этого года, 29 Декабря, королева скончалась.

([3]) Неизданныя сочиненія и переписка Н. М. Карамзина (Спб. 1862 г.), стр. 123.

котораго онъ справедливо давалъ немного цѣны. Еще за нѣсколько недѣль до оффиціальнаго отзыва Русскаго кабинета отъ 30 Ноября, графъ Каподистрія такъ опредѣленно высказался о Карльсбадскихъ постановленіяхъ, что не могло оставаться болѣе никакого сомнѣнія на счетъ того, какой взглядъ усвоилъ себѣ императоръ Александръ на дѣло, къ которому Берлинскій кабинетъ, отдавшійся совершенно Австріи, призывалъ сочувствіе государя. „Не хорошо—говорилъ графъ Каподистрія въ продолжительной бесѣдѣ съ Баденскимъ повѣреннымъ въ дѣлахъ при Петербургскомъ кабинетѣ, барономъ Блиттерсдорфомъ, вскорѣ по возвращеніи государя въ Петербургъ (4 Ноября)—не хорошо, что министры поспѣшили собраться въ Карльсбадѣ, не освободившись еще отъ страха, внушеннаго имъ либеральными рѣчами южно-нѣмецкихъ палатъ. Страхъ всегда бываетъ плохимъ совѣтникомъ, а Карльсбадскія рѣшенія приняты, кажется, прямо подъ его вліяніемъ. Если я вѣрно понимаю положеніе тамошнихъ дѣлъ, то мнѣ остается только пожалѣть о Германіи. Приводить въ исполненіе экзекуціонныя мѣры—дѣло весьма опасное для небольшихъ государствъ; оставить же ихъ безъ исполненія—значитъ еще болѣе теперешняго уронить сеймъ въ общемъ мнѣніи“ ([4]). Каподистрія говорилъ, что сеймъ можетъ быть поставленъ въ крайне неловкое положеніе въ томъ случаѣ, если палаты конституціонныхъ государствъ союза заявятъ, что то или другое постановленіе сейма противорѣчитъ конституціи,—въ этомъ отношеніи онъ также называлъ Карльсбадскія постановленія и ошибочными и опасными. „Весьма щекотливая вещь—продолжалъ графъ—производить измѣненія въ конституціяхъ, утвержденныхъ словомъ государей. Къ тому же нѣтъ вовсе и образца, по которому можно было бы исправить „дурныя“, по выраженію Австріи, южно-нѣмецкія конституціи. Нѣмецкія правительства никогда не примутъ изданныхъ сеймомъ общихъ постановленій въ руководство по дѣламъ своего внутренняго управленія. Если же они, не взирая на свой суверенететъ, хотятъ подчиниться какой-нибудь власти, такъ пусть выбираютъ себѣ главу, но единаго, а не тридцать восемь ([5]). Конечно, противъ злоупотребленій печати и университетовъ можно было принять нѣкоторыя временныя мѣры; но, составляя результатъ добровольной рѣшимости всѣхъ членовъ союза, онѣ должны были носить на себѣ характеръ взаимнаго соглашенія, а не союзнаго узаконенія“ ([6]).

([4]) «On aura alors—продолжалъ графъ—révélé à toute l'Allemagne et la faiblesse des différents gouvernements qui ont cherché un appui dans la diète et la faiblesse de la diète qui n'est pas en état de fournir le secours qu'on lui demande».

([5]) «Sont-ils souverains pour se soumettre à une autorité quelconque, eh bien, qu'ils se choisissent un chef, mais un seul et non pas 38».

([6]) Какъ не похожъ здѣсь благородный языкъ графа Каподистріи на обскурантныя рѣчи Стурдзы о тогдашней нѣмецкой печати и университетахъ, въ которыхъ онъ видитъ не болѣе, какъ организованный заговоръ, тайное скопище развратителей юношества, буйныхъ крамольниковъ, навѣтниковъ общественной власти, лжемудрыхъ наставниковъ, внушавшихъ будто бы юнымъ безумцамъ, что «всѣ средства, даже самыя преступныя, позволительны для благой цѣли, что выспреннія замыслы оправдываютъ всѣ роды беззаконій и даже вѣроломное убійство»! Какъ далекъ Каподистрія отъ одобренія Карльсбадскихъ мѣръ противъ свободы печати и университетскаго преподаванія, принятыхъ по внушенію Меттерниха и нашедшихъ себѣ такого краснорѣчиваго защитника въ Стурдзѣ! «Убѣдясь сими горестными признаками обширнаго заговора (т. е. преступленіемъ Занда и Лёнинга) въ необходимости положить, хотя на время, предѣлъ изступленію своевольства, говоритъ Стурдза, правительства германскія единодушно приняли строгія мѣры къ обузданію навѣтниковъ общественной безопасности. Всѣ *промышленники* по части наукъ и періодическаго изданія журналовъ, вмѣстѣ съ студентами, подчинены были надзору, цензурѣ и полицейскимъ постановленіямъ, кои введены были по всѣмъ университетамъ». Воспоминанія о жизни и дѣяніяхъ графа И. А. Каподистріи, соч. А. С. Стурдзы, стр. 88 (въ Чтеніяхъ моск. общ. истор. и др. рос. 1864, кн. 2). Сл. у насъ выше, стр. 644.

Такъ же рѣшительно графъ Каподистрія осуждалъ Карльсбадскія опредѣленія и въ разговорѣ съ Баденскимъ министромъ Берштеттомъ, который исполнился такого страха предъ демагогами, что уже не могъ болѣе замѣчать никакой другой опасности. Каподистрія совѣтовалъ ему *дважды* подумать, прежде чѣмъ согласиться въ Вѣнѣ на принятіе какой-нибудь реакціонной мѣры. Ибо—писалъ онъ ему—каждый попятный шагъ, который впредь принуждены были бы сдѣлать нѣмецкія правительства, будетъ для нихъ невозвратною потерею (7).

Таковъ былъ взглядъ графа Каподистріи на Карльсбадскія постановленія. Имъ хорошо объясняется то положеніе, какое на первыхъ порахъ приняла Россія по отношенію къ Германіи. Императоръ Александръ далъ въ Варшавѣ обѣщаніе королю Виртембергскому поддерживать его политику. Русскія дипломатическія бумаги о Карльсбадскихъ опредѣленіяхъ, составленныя уже по возвращеніи государя въ Петербургъ, очевидно, подъ непосредственнымъ вліяніемъ графа Каподистріи, были исполненіемъ этого обѣщанія. Онѣ произвели сильное впечатлѣніе въ Германіи. Гервинусъ приводитъ извѣстіе, что уже въ концѣ 1819 года по рукамъ нѣмецкой публики ходилъ циркуляръ къ русскимъ посланникамъ въ Германіи, похожій на манифестъ, увѣрявшій маленькіе нѣмецкіе дворы, что Россія будетъ поддерживать ихъ въ оппозиціи противъ требованій Австріи (8). Этотъ любопытный циркуляръ, бывшій, кажется, неизвѣстнымъ знаменитому нѣмецкому историку, лежитъ теперь передъ нашими глазами.

(7) «Chaque pas que les gouvernements allemands seront forcés à l'avenir de faire en arrière sera une perte irréparable pour eux.» См. Correspondenzen und Actenstücke zur Geschichte der Ministerconferenzen von Carlsbad und Wien in den Jahren 1819, 1820 und 1834, herausgeg. von Friedrich von Weech (Leipzig, 1865), стр. 33—34.

(8) Исторія девятнадцатаго вѣка, т. II, стр. 592 (Спб. 1863).

Но возникаетъ вопросъ: какъ далеко готова была Россія зайти въ поддержкѣ этой оппозиціи? Гервинусъ отвѣчаетъ: „Русскій императоръ такъ серьёзно взялся за это дѣло, что отправилъ въ Англію конфиденціальную депешу (2 Декабря), говорившую о немедленномъ вооруженномъ вмѣшательствѣ; по крайней мѣрѣ это видно изъ того, что отвѣтъ Кастльри князю Ливену, превозносившій единодушіе англійскаго и русскаго дворовъ, былъ наполненъ тонкими упреками Россіи, что она хочетъ идти слишкомъ далеко: показывая видъ, будто нѣжно обнимаетъ, онъ ловко обезоруживалъ Россію. И Россія и Англія — говорилъ Кастльри — положили себѣ правиломъ удерживаться отъ всякаго вмѣшательства; Англія воздержалась отъ всякихъ замѣчаній по поводу Карльсбадскихъ конференцій; а если то, что̀ задумано теперь, приведетъ къ нарушенію союзнаго акта, то державы, не принадлежащія къ союзу, могутъ найдти нужнымъ спокойно просить объясненій о нарушеніи трактатовъ. Въ существѣ дѣла Англія согласна съ Россіею; она разсудительно смотритъ на положеніе Германіи, видитъ, что экзальтированный энтузіазмъ временъ убійства Коцебу вдругъ исчезъ, ослабѣвъ послѣ чрезмѣрной напряженности. Англія убѣждена и въ справедливости того принципа, что нѣмецкій союзъ не долженъ служить орудіемъ великихъ державъ, а существуетъ для охраненія интересовъ слабѣйшихъ государствъ и долженъ быть въ согласіи съ ихъ мнѣніями и стремленіями“ (9).

Что Русскій государь весьма неравнодушно отнесся къ тому новому положенію, въ какомъ очутилась Германія вслѣдствіе Карльсбадскихъ постановленій—это лучше всего видно изъ обнародованныхъ теперь русскихъ дипломатическихъ бумагъ отъ 30 Ноября 1819 г. Въ „Депешѣ императорскимъ министрамъ въ Германіи“ Александръ I-й выразилъ

(9) Тамъ же, стр. 592—593.

намѣреніе, прежде чѣмъ принять какое-нибудь рѣшеніе по этому дѣлу, посовѣтоваться напередъ съ Сентъ-Джемскимъ кабинетомъ, къ которому и обратился съ конфиденціальною депешой отъ 2 Декабря. Но едва ли эта депеша могла говорить о *вооруженномъ вмѣшательствѣ* во внутреннія отношенія Германіи, вмѣшательствѣ „всегда ненавистномъ“, какъ выразился объ немъ императоръ дня за два передъ тѣмъ. Въ это время онъ еще не уклонялся отъ мудрой политики невмѣшательства, которую начерталъ себѣ съ самаго начала царствованія и которой вполнѣ сочувствовалъ и графъ Каподистрія. „Если я примусь за оружіе—говорилъ онъ 4 Іюля 1801 года—такъ только для защиты моего народа и жертвъ честолюбія, грозящаго безопасности цѣлой Европы. Я не вмѣшаюсь во внутреннія несогласія, волнующія другія государства; мнѣ нѣтъ нужды, какую бы форму правленія ни устанавливали у себя народы; пусть только руководствуются въ отношеніи къ моей имперіи тѣмъ же духомъ справедливости, какимъ руководствуюсь я, и мы останемся въ самыхъ дружественныхъ отношеніяхъ“ ([10]). Политика *всегда ненавистнаго* вмѣшательства, такъ дорого потомъ стоившаго Россіи, была даромъ Меттерниха, который тогда былъ еще далекъ отъ государя. Справедливость этихъ соображеній находитъ свое оправданіе и въ одномъ современномъ свидѣтельствѣ. Баденскій министръ, баронъ Берштеттъ, проѣздомъ въ Вѣну на конференціи, видѣлся и говорилъ въ Штуттгартѣ съ королемъ Виртембергскимъ, вскорѣ по возвращеніи его изъ Варшавы. Переговоры съ императоромъ Александромъ—писалъ онъ—утвердили короля въ рѣшимости отстаивать свою политику, но вмѣстѣ съ тѣмъ внушили ему убѣжденіе, что Русскій императоръ никогда прямо не вмѣшается въ дѣла Германіи ([11]).

([10]) Вѣнскій конгрессъ, С. М. Соловьева (Рус. Вѣст. 1865, № 2, стр. 386).
([11]) Correspondenzen und Actenstücke, стр. 30.

Какъ бы то ни было, но Меттернихъ былъ сбитъ съ своей позиціи. Варшавское свиданіе, на которомъ, какъ извѣщали его, императоръ Александръ далъ формальное обѣщаніе своему родственнику поддерживать его политику, громкіе и рѣзкіе отзывы о Карльсбадскихъ рѣшеніяхъ графа Каподистріи, самаго вліятельнаго при императорѣ человѣка, еще до начала Вѣнскихъ конференцій ([12]), заставили Меттерниха совершенно отказаться отъ тѣхъ широкихъ реакціонныхъ плановъ, которые онъ намѣренъ былъ проводить на нихъ. Послѣдовавшія за тѣмъ (уже во время самыхъ совѣщаній въ Вѣнѣ нѣмецкихъ министровъ) русскія дипломатическія бумаги касательно Карльсбадскихъ рѣшеній, переговоры императора Александра съ Англіей по поводу этихъ рѣшеній—остались не безъ вліянія и на самый ходъ конференцій. Меттернихъ уже не встрѣчалъ въ Вѣнѣ Карльсбадской предупредительности и послушанія со стороны уполномоченныхъ представителей разныхъ нѣмецкихъ государствъ и самъ сознавался, что не могъ склонить конференцію на принятіе „мѣръ смѣлѣе и энергичнѣе Карльсбадскихъ“ ([13]).

Не смотря на эту чувствительную неудачу, виною которой былъ главнымъ образомъ русскій императоръ, Меттернихъ не могъ отчаяваться за будущность своей политики. Обстоятельства тогдашней эпохи чрезвычайно какъ благопріятствовали ея печальному развитію. Новый 1820 годъ открылся для австрійскаго министра при самыхъ счастливыхъ предзнаменованіяхъ. Рафаэль Ріего поднялъ знамя испанской революціи (1-го Января), Лувель умертвилъ герцога Беррійскаго (13-го Февраля). Эти событія послужили какъ бы торжественнымъ оправданіемъ реакціоннымъ замысламъ Меттерниха. Теперь наступало его время, и онъ съ радостью долженъ

([12]) Съ 25 Ноября 1819 по 24 Мая 1820 года.
([13]) Исторія девятнад. в., т. II, стр. 594.

былъ привѣтствовать зловѣщую зарю его еще во время Вѣнскихъ конференцій. Подъ вліяніемъ роковыхъ происшествій, императоръ Александръ сталъ колебаться въ своихъ либеральныхъ убѣжденіяхъ. Въ началѣ совѣщаній нѣмецкихъ министровъ, Меттерниху казалась весьма опасною оппозиція Мюнхенскаго и Штуттгардскаго дворовъ, потому что онъ подозрѣвалъ тутъ внушенія со стороны Петербургскаго кабинета; но теперь стали приходить изъ Петербурга самыя успокоительныя для него извѣстія. Австрійскій посланникъ, баронъ Лебцельтернъ, писалъ, что императоръ Александръ начинаетъ расходиться съ графомъ Каподистріей во взглядѣ на Карльсбадскія рѣшенія и цѣль Вѣнскихъ работъ, что онъ все яснѣе и яснѣе высказывается въ пользу тѣхъ и другихъ и даже не скрываетъ своего сожалѣнія по поводу оппозиціи Баваріи и Виртемберга. Положеніе Каподистріи— сообщалъ баронъ — все болѣе и болѣе дѣлается одинокимъ; ему не удалось преклонить императора къ своему мнѣнію, и теперь графъ Нессельроде громко высказываетъ сужденія, рѣшительно не согласныя съ убѣжденіями Каподистріи.

Съ другой стороны извѣщали, что императоръ Александръ, въ разговорѣ съ датскимъ посланникомъ графомъ Бломе, выразилъ одобреніе всему, что сдѣлано въ Карльсбадѣ, и прибавилъ: „Я не могу понять системы Баваріи и Виртемберга; въ Варшавѣ я просилъ моего зятя объяснить мнѣ ее и сказалъ ему, что гораздо лучше было бы съ его стороны еще въ Карльсбадѣ воспротивиться всему тому, что онъ считалъ невозможнымъ исполнить, нежели теперь играть двусмысленную и недостойную роль предъ своими союзниками и собственнымъ народомъ“ ([14]).

Такимъ образомъ уже въ началѣ 1820 года произошелъ тотъ роковой поворотъ во внѣшней политикѣ императора Александра, который сопровождался такими грустными послѣдствіями и внутри государства. Въ одобреніи Карльсбадскихъ рѣшеній, такъ недавно еще отвергнутыхъ Россіей, въ ослабленіи вліянія графа Каподистріи, мы усматриваемъ уже знаменіе новаго направленія, возникавшаго подъ другимъ вліяніемъ, направленія, которому мало-помалу началъ слѣдовать императоръ, измѣняя либеральнымъ началамъ лучшей эпохи своего царствованія ([15]). Политика невмѣшательства была теперь оставлена, и никакія усилія графа Каподистріи не могли поддержать ее. Онъ все еще состоялъ при Александрѣ, продолжалъ пользоваться его дружбою, ѣздилъ съ нимъ на конгрессы, но уже не могъ удержать его отъ увлеченія политикой Меттерниха, въ которую Россія втянута была въ Троппау (1820) ([16]) и на служеніе которой она окончательно заручилась въ Лайбахѣ (1821). Потому Каподистрія уже отказался сопровождать государя въ Верону, и въ Августѣ 1822 года оставилъ Россію ([17]).

([14]) Послѣдняя мысль, высказанная императоромъ еще въ нотѣ 30 Ноября, была совершенно вѣрна. Большинство либеральныхъ писателей, осыпающихъ неумѣренными похвалами оппозицію Баваріи и Виртемберга, упускаютъ, кажется, изъ виду то обстоятельство, что выкажи одно изъ этихъ государствъ болѣе мужественной твердости, и постановленія 20 Сентября 1819 года не могли бы состояться.' Correspondenzen und Actenstücke, стр. 36—37.

([15]) Замѣтимъ кстати, что едва ли не первымъ фактическимъ выраженіемъ этой происшедшей въ императорѣ перемѣны направленія была ссылка Пушкина за стихотвореніе незначительное («Вольность») и на ту пору такъ мало распространенное, что по словамъ г. Ковалевскаго, графъ Милорадовичъ съ большимъ усиліемъ могъ достать его для представленія государю. (Гр. Блудовъ и его время, стр 134.)

([16]) Въ Троппау же государь получилъ извѣстіе и о дѣлѣ Семеновскаго полка, и взглянулъ на него уже глазами Меттерниха, см. его письмо о томъ къ гр. Аракчееву въ Чтеніяхъ моск. Общ. ист. и др., 1864, кн. 4.

([17]) «Жаль—писалъ Карамзинъ къ А. Ѳ. Малиновскому отъ 10 Августа 1822 года—жаль, что любезный, умный графъ Каподистрія насъ оставляетъ. Такихъ людей мало». (Письма Карамзина къ А. Ѳ. Малиновскому. М. 1860, стр. 66).

Цѣлый рядъ печальныхъ фактовъ ознаменовалъ начало этого реакціоннаго направленія въ исторіи русскаго народнаго образованія. Стоитъ вспомнить только ревизію Казанскаго университета (1819), инструкціи директору и ректору этого университета (1820), запрещеніе книги профессора Куницына— *Право естественное* (1820), принятіе въ руководство по С.-Петербургскому университету инструкцій, изданныхъ для университета Казанскаго (1821), и послѣдовавшее вскорѣ за тѣмъ дѣло по обвиненію профессоровъ С.-Петербургскаго университета во вредномъ преподаваніи наукъ (1821); стоитъ вспомнить только эти факты, чтобы понять характеръ новаго направленія. Извѣстно, что иниціатива его принадлежитъ Магницкому, который имѣлъ цѣлью „основать народное воспитаніе на благочестіи, согласно съ актомъ Священнаго Союза". Надо впрочемъ замѣтить, что, если его печальная дѣятельность, вообще говоря, направлялась духомъ обскурантныхъ мѣръ, принимавшихся тогда нѣкоторыми европейскими правительствами противъ университетовъ ([18]), то началась она едва ли не подъ прямымъ вліяніемъ внушеній злосчастнаго Ахенскаго памфлета Стурдзы „Mémoire sur l'état présent de l'Allemagne". По крайней мѣрѣ ревизія Казанскаго университета и начата и окончена была Магницкимъ ([19]) еще за полгода до сентябрскихъ постановленій Франкфуртскаго сейма; о самомъ убійствѣ Коцебу онъ могъ узнать уже по возвращеніи въ Петербургъ, писавъ свое донесеніе, въ которомъ и не преминулъ воспользоваться преступленіемъ Занда, какъ сильнымъ доводомъ въ подкрѣпленіе своей мысли о необходимости закрыть Казанскій университетъ. „Все честное и благомыслящее изъ современниковъ и потомства— писалъ онъ—будетъ на сторонѣ правительства. Актъ объ уничтоженіи университета тѣмъ естественнѣе покажется нынѣ, что безъ всякаго сомнѣнія всѣ правительства обратятъ особенное вниманіе на общую систему ихъ учебнаго просвѣщенія, которое, сбросивъ скромное покрывало философіи, стоитъ уже посреди Европы съ поднятымъ кинжаломъ". Магницкому не удалось провести своей мысли объ уничтоженіи Казанскаго университета; но 8-го Іюня 1819 года онъ былъ назначенъ попечителемъ его, а 17 Января 1820 года были утверждены составленныя имъ „Инструкціи директору и ректору Казанскаго университета". При сочиненіи ихъ Магницкій вѣроятно имѣлъ уже подъ руками сентябрскія постановленія союзнаго сейма относительно университетовъ. Но если въ нѣмецкихъ университетахъ — и профессора и студенты — отдавались подъ надзоръ уполномоченнаго отъ правительства чиновника, то въ русскомъ университетѣ, по инструкціямъ Магницкаго, надзоръ надъ ними раздѣлялся между двумя такими чиновниками: одинъ былъ „довѣренный гражданскій чиновникъ" — директоръ университета, новоучрежденная должность котораго состояла въ завѣдываніи хозяйственнымъ и полицейскимъ управленіемъ университета и нравственнымъ образованіемъ его во-

---

([18]) Объ этомъ свидѣтельствуетъ самъ Магницкій въ донесеніи своемъ министру духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, князю А. Н. Голицыну, отъ 9 Мая 1823 года:« Собранные у меня акты Австріи, Пруссіи и Франціи, съ 1819 года, обличаютъ разрушительныя начала народнаго воспитанія, ставятъ ему твердыя преграды и доказываютъ, что всѣ помянутыя государства положительность и близость сей опасности почувствовали и ее уже отвратили; мы ли одни останемся въ бездѣйствіи? мы ли»... (Рус. Арх. 1864, стр. 327—328).

([19]) Предписаніе объ осмотрѣ Казанскаго университета онъ получилъ 10 Февраля 1819 года, а донесеніе свое представилъ 9 Апрѣля, уже по возвращеніи въ Петербургъ.

([20]) Извѣстіе о смерти Коцебу получено было въ Петербургѣ въ концѣ Марта: отъ 31 числа этого мѣсяца, Карамзинъ писалъ объ ней къ Дмитріеву: «Коцебу зарѣзанъ въ Мангеймѣ студентомъ за его немодный образъ мыслей. Что-то будетъ съ Стурдзою?» (Н. М. Карамзинъ, Погодина, М. 1866, ч. II, стр. 401).

спитанниковъ; другой „довѣреннѣйшій изъ ученыхъ чиновниковъ“ — ректоръ университета, обязанный блюсти за доброю нравственностью, христіанскимъ благочестіемъ, духомъ преподаванія и поведеніемъ въ университетѣ и внѣ его самихъ профессоровъ ([21].) Если Магницкій, въ 1819 году, присуждая Казанскій университетъ къ уничтоженію, искалъ себѣ опоры въ преступленіи Занда, то клевретъ его, Д. П. Руничъ, въ 1820 году, восхваляя исполненныя страшнаго обскурантизма „Инструкціи“ Магницкаго, прямо уже сослался на сентябрскія постановленія Франкфуртскаго сейма. „Пагубный духъ вольнодумства и своеволія, возникшій въ недавнее время въ Германіи—писалъ онъ—государи Германскаго союза приписываютъ настоящему образованію университетовъ. Сіе особенно изъяснено въ предложеніи предсѣдательствующаго въ собраніи Германскаго сейма графа Буоль-Шауэнштейна, читанномъ, какъ сказано многими газетами, въ бывшемъ 20 Сентября засѣданіи сейма“.

Такимъ образомъ, подъ вліяніемъ тогдашнихъ событій въ западной Европѣ, нашедшихъ себѣ такого *честнаго* истолкователя въ князѣ Меттернихѣ, и обнаружившейся въ императорѣ Александрѣ, (вслѣдствіе сближенія его съ австрійскимъ министромъ) перемѣны убѣжденій, начатое Магницкимъ понятное движеніе образованія въ Россіи, съ каждымъ шагомъ назадъ, пріобрѣтало все болѣе и болѣе силы и смѣлости,—и Руничъ, въ томъ же 1820 году, представляя свой отчетъ о книгѣ Куницына, имѣлъ уже столько смѣлости, что могъ воскликнуть: „Злой духъ тьмы носится надъ вселенною, силясь мрачными крылами заградить отъ смертныхъ свѣтъ истинный, просвѣщающій и освѣщающій всякаго человѣка въ мірѣ. Счастливымъ почту себя, если, по слову одного почтеннаго соотечественника моего, вырву хотя одно перо изъ чернаго крыла противника Христова“ ([22]). Мы не знаемъ, кто былъ этотъ почтенный соотечественникъ Рунича, но онъ долженъ былъ порадоваться его счастію. Перо изъ чернаго крыла „злаго духа тьмы“ было вырвано: книга Куницына была запрещена и изъята изъ обращенія. Успѣхъ подстрекнулъ Рунича. Черезъ годъ, по его ходатайству, инструкціи Магницкаго были введены и въ С.-Петербургскомъ университетѣ ([23]). Это развязало руки его попечителю. Послѣдовала исторія, возмутительныя подробности которой слишкомъ хорошо извѣстны теперь, чтобы здѣсь распространяться объ нихъ ([24]). Замѣтимъ только, что тотъ дикій обскурантизмъ, которому ввѣрено было тогда знамя русскаго просвѣщенія, и который съ неслыханнымъ безстыдствомъ издѣвался надъ наукой и въ то же время дерзко выставлялъ себя осѣненнымъ высшею благодатію, былъ дѣйствительно явленіемъ „злаго духа тьмы“, носившагося тогда надъ Россіей и профанировавшаго тѣ святыя начала, которыхъ казался охранителемъ...

Таковы были, въ общихъ чертахъ, ближайшія послѣдствія того несчастнаго поворота, который произошелъ во внѣшней и внутренней политикѣ императора Александра, послѣ сближенія его съ Меттернихомъ.

([21]) Сборникъ постановленій по министерству народнаго просвѣщенія, т. I, стр. 1199—1220 (Спб. 1864).

([22]) Матеріалы для исторіи просвѣщенія въ Россіи. Магницкій, стр. 17, 49 и 77 (Спб. 1865 года).

([23]) 21 Октября 1821 года. Сборникъ постановленій по мин. нар. просв., т. I., стр. 1474—1475.

([24]) Историческая записка о дѣлѣ С.-Петербургскаго университета первоначально напечатана была въ Чтеніяхъ моск. общ. ист. и древн. 1862 г., кн. 3, отд. V, стр. 179—205, потомъ въ «Матеріялахъ для исторіи образованія въ Россіи въ царствованіе Александра I-го» (Спб. 1866, стр. 132—159), и наконецъ вторично, въ полнѣйшемъ видѣ, въ Чтеніяхъ 1866 г., кн. 3, отд. V, стр. 67—111. Она составлена профессоромъ С.-Петербургскаго университета Моисеемъ Плисовымъ.

Первымъ шагомъ къ этому сближенію, какъ мы уже замѣтили, была вызванная обстоятельствами того времени перемѣна взгляда на Карльсбадскія опредѣленія.

Что графъ Нессельроде своими внушеніями не мало способствовалъ этой перемѣнѣ, прямо и положительно засвидѣтельствовано донесеніемъ австрійскаго посланника.

Понятенъ интересъ русскихъ документовъ о Карльсбадскихъ опредѣленіяхъ, документовъ, составленныхъ подъ вліяніемъ другаго статсъ-секретаря императора Александра, графа Каподистріи, котораго свѣтлый взглядъ не могъ помутиться предъ чудившимися Меттерниху страшилами.

Мы не будемъ разбирать здѣсь важнаго значенія этихъ документовъ, на которое мы только намекнули. Считаемъ не лишнимъ впрочемъ замѣтить, что „вѣжливый, но тѣмъ не менѣе диктаторскій и покровительственный тонъ", которымъ звучитъ въ нихъ языкъ русской дипломатіи и который такъ оскорбляетъ современное патріотическое чувство Нѣмцевъ [23], былъ естественнымъ послѣдствіемъ, съ одной стороны, того первенствующаго значенія, какое пріобрѣлъ въ Европѣ, послѣ войнъ за освобожденіе, русскій императоръ, этотъ „Агамемнонъ", этотъ „царь царей", какъ назвала его госпожа Сталь въ 1815 году, съ другой — жалкаго положенія безсильной въ своей раздробленности Германіи, которую самъ же Меттернихъ на Вѣнскомъ конгрессѣ поставилъ подъ охраненіе великихъ державъ.

[23] «Die russischen Actenstücke—говоритъ Вэхъ sind ein trauriges Zeugnisz der Stellung unseres Vaterlandes zu den groszen Mächten Europa's, so lange es, im Innern zerrissen, die weltgebietende Stellung nicht erringt, zu der es den höchsten Beruf und die reichsten Mittel besitzt. Der höfliche, aber doch dictatorische Klang, dieser Vormundston in der Sprache der russischen Diplomatie,—er ist ein Typus der Art und Weise, mit der uns das Ausland betrachtet und zu behandeln wagt und wagen wird, so lange wir uns nicht die Achtung erzwingen, die im Verkehr der Völker nur die *Macht* sich erwerben kann».

Помѣщая здѣсь эти русскіе документы, мы должны замѣтить также, что впервые они напечатаны были гамбургскимъ профессоромъ Л. К. Эгиди въ *Историческомъ журналѣ* г. Зибеля подъ общимъ заглавіемъ: „Первое впечатлѣніе, произведенное Карльсбадскими постановленіями на С.-Петербургскій кабинетъ" [26], но съ значительными ошибками, происшедшими отъ неисправности бывшаго подъ руками Эгиди списка. Мы заимствуемъ ихъ изъ книги Ф. Вэха „Переписка и документы, относящіеся къ исторіи министерскихъ конференцій въ Карльсбадѣ и Вѣнѣ 1819, 1820 и 1834 годовъ" [27], гдѣ они напечатаны съ болѣе исправнаго, хотя также далеко не вполнѣ удовлетворительнаго, списка. Впрочемъ настоящій текстъ ихъ легко возстановить сличеніемъ обоихъ списковъ.

М. Шугуровъ.

Одесса
19 Февр. 1867.

I.

Note verbale remise aux Envoyés d'Autriche et de Prusse et communiquée à toutes les missions de l'Empereur en Allemagne.

St.-Petersbourg le 30 Novembre 1819.

La nouvelle instruction circulaire, que reçoivent tous les Ministres de l'Empereur en Allemagne, répond aux communications que Mr. le Baron de Lebzeltern (Mr. le Général de Schoeler) a adressées au Cabinet de Russie, en lui faisant connaître les arrêtés pris le 20 Septembre par la diète de la Confédération Germanique. Le Ministère Impériale se flatte, que dans cette pièce la Cour d'Autriche (de Prusse) trouvera une

[26] Historische Zeitschrift 1865, т. XIV, стр. 139—150.

[27] Correspondenzen und Actenstücke, стр. 19—26.

nouvelle preuve des sentimens, qui animent S. M. I. envers Ses Augustes Alliés.

Résolu d'appuyer toujours de ses voeux l'idée tutélaire, qui tend à cimenter la plus intime union entre les Etats fédérés de l'Allemagne, l'Empereur s'est convaincu avec regret, que les premiers résultats d'une combinaison aussi salutaire en principe n'ont malheureusement pas répondu par le fait aux espérances qu'elles avaient autorisées ([1])

L'Empereur était prêt à applaudir à l'unanimité des Puissances Allemandes, sans se permettre de discuter les mesures adoptées par Elles. Mais S. M. I. a observé avec une peine vivement sentie, que cette unanimité n'existait plus.

Dès lors ce sujet offre encore une fois une vaste question dans laquelle les Puissances étrangères à l'Allemagne ne peuvent ni se prononcer solemnellement, ni surtout agir avant de s'être au préalable concertées entre Elles.

Etablir cet accord, consolider entre les Etats Allemands une union sincère, la rendre forte de ses principes et l'environner, pour ainsi dire, de l'union Européenne, tel est le but que s'est proposé l'Empereur. Tel est celui que signale à S. M. une sollicitude constamment bienveillante envers Ses Alliés et une politique, qui en fin de respecter toujours les intérêts d'une association générale, ne les sépare pas de la scrupuleuse observation des actes sur lesquels repose la paix et le bonheur de l'Europe. Si pour remplir cette tâche l'Empereur ne balance point à énoncer avec franchise Son opinion toute entière, c'est qu'en l'énonçant non seulement Il s'acquitte d'un devoir envers Ses Augustes Amis et envers Lui même, mais qu'il Leur donne encore la mesure du désir qu'Il a de servir la cause commune comme la Sienne propre.

Ce désir seul vient de dicter la pièce ci-jointe, dont le Ministère de Russie a l'honneur d'adresser une copie littérale à Mr. le Baron de Lebzeltern (à Mr. le Général de Schoeler).

II.

Dépêche aux Ministres de l'Empereur en Allemagne à être communiquée aux Missions de Vienne, de Berlin, de Londres et de Paris.

L'expédition de Varsovie en date du $^6/_{18}$ Oct. portait à Votre connoissance les communications confidentielles échangées entre les Cours d'Autriche et de Russie rélativement aux délibérations de Carlsbad et aux décrets de Francfort du 20 Septembre. Elle annonçait en outre à Votre Excellence des directions ultérieures. Aussi dès Son retour à St.-Petersbourg S. M. I. a-t-Elle voué à leur objet la plus sérieuse attention, et cet objet elle le voyait clairement indiqué dans la dépêche circulaire du comte de Bernstorff en date du 28 Septembre, par laquelle le cabinet de Berlin témoigne le désir de voir les Puissances Européennes applaudir à ce que l'Allemagne vient de faire et marcher dans le même sens. Ainsi les instructions que Vous alliez recevoir, Mr., avaient été conçues et achevées dans la pensée consolante, que la cour de Prusse exprime de la manière que suit: „Cette unanimité précieuse et vraiment admirable met l'union des Etats Allemands dans tout son jour. L'union qui a fait adopter les mesures proposées, garantit encore plus leurs succés et la sureté de l'Allemagne que ces mesures elles-mêmes“.

L'Allemagne en effet représentée à Carlsbad par les premiers ministres de tous ses

([1]) У Эгиди: «qu'elle avait autorisées».

souverains juge de sa situation intérieure. Elle déclare la patrie commune en danger, signale la cause de cette grande calamité et proclame des mesures de salut, sous les auspices de la concorde et de l'unanimité la plus complette. Cet accord répondait d'avance à toutes les incertitudes comme à toutes les espérances. Aussi S. M. I. ne Se permit-Elle d'articuler dans les réponses qu' Elle adressa de Warsovie à son Auguste Allié l'Empereur François, aucune observation ni sur les motifs, ni sur la teneur des décrets du 20 Septembre, moins encore sur la manière dont ils pouvaient être mis à exécution. Elle se contenta d'offrir à tous les gouvernemens du corps Germanique l'expression franche des voeux, qu'Elle formait pour voir se réaliser les effets salutaires que devait produire l'*aspect* seul de la Puissance dictatoriale créée au sein de la diète. L'Empereur se félicitait même d'y contribuer par la coopération indirecte, dont Il alloit charger Ses ministres d'après le désir que Lui en avaient témoigné les Cours de Vienne et de Berlin. Les ordres qu'ils étaient sur le point de recevoir, leur préscriraient de se concerter avec leurs collégues, les ministres des cours alliées à l'effet de seconder les Gouvernemens respectifs dans la généreuse entreprise de raffermir sous la garantie de la plus intime union, la paix et la prospérité intérieure de l'Allemagne.

Nous en étions là, lorsque les informations qui nous sont parvenues de toutes les missions de Russie, nous ont appris, que cette union, loin d'être un fait incontestable et positif, devenait malheureusement une hypothèse et peut-être même une illusion, déplorable par sa nature et désastreuse par ses conséquences.

Des faits notoires approuvent (²) que plusieurs Gouvernemens Allemands, rentrés dans l'intimité de leurs propres conseils, désavouent sous diverses formes les ministres, qui ont sanctionné en leur nom à Carlsbad et à Francfort les décrets du 20 Septembre. Dès lors la coopération à laquelle l'Alliance générale comblait (³) appeler les Puissances non Allemandes a changé de motif et d'objet.

Il ne s'agit plus d'applaudir à ce qui vient d'être fait à Carlsbad et à Francfort par les ministres des Gouvernemens de la Confédération, mais de porter ses Gouvernemens à composer une seule et même famille et à adopter de bonne foi les mesures les plus propres à la garantie (⁴) des dangers dont ils la croyent menacée.

Il ne s'agit plus de marcher dans le même sens et de renforcer ainsi aux yeux des peuples l'ascendant moral de l'union Allemande, mais de donner à cette union une réalité, dont les parties les plus intéressées s'efforcent malheureusement de faire disparaître jusqu'aux plus faibles préstiges. Pénétré d'un vif sentiment de peine à la vue d'une semblable complication d'intérêts majeurs, S. M. I. s'est trouvée dans la double alternative: ou de préscrire à ses ministres auprès des Etats Allemands, le silence le plus absolu sur toutes les questions, qui se rattachent aux décrets du 20 Septembre, ou de leur donner des directions déduites de l'analyse de ces mêmes décrets et de toutes le considérations relatives aux moyens d'atteindre par une marche franche et loyale le but que se proposent les Etats de la Confédération et de l'atteindre sans compromettre ni la foi des traités, ni les droits qu'ils concernent (⁵). Dans le premier cas l'Empereur aurait donné lieu à des hypothè-

(²) Тамъ же: «prouvent».

(³) Тамъ же: «semblait».

(⁴) Тамъ же: «à la garantir».

(⁵) Тамъ же: «qu'ils consacrent.»

ses que la malveillance se plaît à accréditer. Elle aurait présenté l'attitude ferme mais réservée de la Russie comme un moyen mis en oeuvre à l'effet d'encourager les résistances ou dans le dessein plus méprisable encore de maintenir la division, d'aggraver le mal et de rendre enfin nécessaire l'intervention isolée et directe, mais toujours odieuse de l'Empereur dans les rapports intérieurs de l'Allemagne. En embrassant la seconde alternative, le Cabinet de Russie aurait eu à prononcer *seul* sur des questions auxquelles il est étranger, sur des questions même dont il ignore les vrais élémens, soit qu'il se réporte aux mesures déjà décidées à Carlsbad, soit qu'il envisage celles qui restent à décider encore et dont la discussion semble réservée aux conférences de Vienne. Quoiqu'il en puisse être de ces difficultés, invariablement disposé par ses sentimens personels autant que par sa politique, à ne considérer la situation des autres états que comme Il eut désiré que l'on considérât la Sienne s'Il se trouvait à leur place,—l'Empereur est prêt à faire cause commune avec les Alliés et, nous le répétons avec le cabinet de Prusse, S. M. I. se considère dans l'obligation à s'unir à Ses Augustes Frères d'armes *dans le même respect à proffesser les principes et dans les mêmes mesures rigoreuses* (6) *pour les défendre*. Mais en faisant l'applicatiou de cette doctrine tutélaire aux intérêts de la Confédération Germanique, il semble avant tout important *de convenir des principes que les Puissances non Allemandes ont à respecter en Allemagne*, ainsi que des *mesures rigoureuses* par lesquelles ces mêmes Puissances peuvent *les défendre*. Voilà la question qui se présente dès qu'il s'agit de prononcer dans l'état actuel des choses, sur les instructions dont peuvent être munis les ministres étrangers à la Confédération Germanique, mais accrédités auprès des Souverains Allemands, instructions par lesquelles il leur serait préscrit *d'applaudir* au nom de leurs Cours *à ce que l'Allemagne a fait et fera* et de déclarer, que leurs Souverains *marchent et marcheront dans le même sens*.

Ce sujet est immense, et S. M. I. suivant ce qu'Elle a dit, le médite avec récueillement. Il y a plus. Telle est l'étendue des rapports, telle est l'importance des intérêts qu'il (7) embrasse, que l'Empereur n'arrêtera point ses idées avant de connaître celles que les mêmes méditations auront suggérées aux Gouvernemens Alliés de S. M. I. et qui ne faisant point partie de l'Allemagne se trouvent à son égard placé dans une position identiquement semblable. C'est assez dire que dans cette grave conjoncture l'Empereur éprouve le besoin de consulter le Cabinet de St. James. Etat désintéressé comme la Russie, Etat éclairé par une heureuse expérience sur les moyens de concilier le bien-être des peuples avec leurs droits naturels et leurs voeux légitimes, l'Angleterre à qui l'Empereur s'adresse, saura sans doute répondre complétement par le résultat des explications, qui auront lieu sous ce rapport, à la juste attente des Cabinets de Vienne et de Berlin. L'Empereur se flatte, que par suite de ce concert préalable les ministres Brittanniques et Russes parleront le même langage tout (8) à la Cour prés de laquelle ils Sont accrédités, qu'aux personnes qui honorent les uns et les autres de leur confiance. Jusque là

(6) Тамъ же: «rigoureuses».

(7) Тамъ же: «qu'il».

(8) Тамъ же: «tant».

Vous trouverez dans la présente dépêche des données, qui régleront Votre manière de voir personnelle. Si en attendant Vous étiez appelé par Vos relations à faire connaître, il Vous est récommandé, Mr., de Vous imposer la plus grande circonspection et de ne pas Vous écarter de Vos instructions antérieures qui sont toutes connues tant des Cours d'Allemagne que des autres Cours Alliées.

III.

Faits postérieurs aux Décrets de la Diète Germanique en date du 20 Septembre 1819.

L'Allemagne se croit menacée d'une crise; les ministres de ses principaux Monarques se réunissent à Carlsbad et y adoptent une série de résolutions. Ces résolutions sont soumises à la sanction de la diète Germanique. L'unanimité officielle de toutes les voix les consacre. Quelques semaines s'écoulent cependant, et les amis du bien et de l'ordre ont à éprouver de vifs regrets. L'accord attesté par des actes publics prend un double caractére d'incertitude; des actes secrets l'invalident, des mesures solemnelles lui portent une seconde atteinte. Les Souverains balancent ou reculent; les peuples murmurent ou gardent le silence d'une morne consternation. L'Autriche que son rang, sa puissance et la sagesse de ses conseils ont toujours placée à la tête de l'Allemagne, l'Autriche, envers laquelle cette même Allemagne tourne les regards dans tous les momens de danger et d'allarme, s'était hâtée de répondre à une (9) juste confiance; elle avait conçue l'idée mère des arrêtés de Francfort; c'est un hommage que les ministres Allemands se sont plu à lui rendre dans leurs lettres au Prince de Metternich, et toute foi (10) l'Autriche semble douter la première de ses propres succés. Elle écrit au roi de Wurtemberg, qu'elle se rétirera de la Confédération Germanique, si les arrêtés ne s'exécutent point. Elle fait témoigner la même résolution en Saxe. Deux conséquences en résultent. La Cour de Vienne paraissait ne pas croire aux suites de l'unanimité de Carlsbad, lors même que les Puissances Européennes en acquéraient la preuve matérielle à Francfort.

D'un autre côté, animée des plus bienveillantes intentions pour l'Allemagne, la Cour de Vienne ajoutait néanmoins une alternative comminatoire aux moyens d'exécution, dont la diète paraissait armée. On est donc autorisé à conclure, qu'elle les jugeait encore insuffisants dans leur application rigoureuse, ou plutôt que cette application rigoureuse, elle la jugeait impossible. Les faits parlent aujourd'hui; ils prouvent que la sage prévoyance de l'Autriche ne l'avait pas trompée. Le jour où la diète promulgeait ses décrets à l'unanimité, le roi de Wurtemberg prètait serment à une Charte constitutionnelle, qui établit une réprésentation nationale sur des bases bien différentes de celles des anciens Etats, dont les mesures de Carlsbad ordonnent le renouvellement, qui accorde aux tribunaux une indépendance évidemment contraire à la juridiction de la commission de Mayence, qui enfin consacre une publicité de débats hautement réprouvée par les résolutions de la diète.

Cependant le ministre de Wurtemberg déclarait à Francfort, que si son Souverain ne protestait pas contre ces mêmes résolutions, c'était uniquement par suite de la

(9) Тамъ же: «à *cette* juste confiance».

(10) Тамъ же: «toute fois».

considération personnelle qu'il portait au comte de Buol, et le Roi se rendant en personne à Varsovie confiait à son Auguste beau frère le même mécontentement. L'Empereur lui représenta, que cette divergence d'opinion était tardive, que les ordres donnés au Comte de Winzingerode auraient du lui prescrire d'exprimer à Carlsbad les intentions tout entières de son Souverain et que dans ces jours d'effervescence et d'incertitude une stricte union, un accord inaltérable semblaient constituer pour tous le Gouvernemens d'Allemagne un devoir, devant lequel toute considération secondaire, tout intérêt exclusif devaient disparaître et s'anéantir. Mais la charte de Wurtemberg avait déjà été publiée, le serment du roi était prononcé et plus tard il a été répondu au baillage, qui réclamait contre les décrets de Francfort, que le serment et la charte seraient observés avec une fidélité scrupuleusement constante.

Les mêmes regrets se renouvellent, si l'on considère la conduite de la Cour de Munic. Elle avait prévenu la diète, que les décisions de Carlsbad ne seraient exécutées en Bavière que d'après la charte Bavaroise. Elle a malheuresement ([11]) tenu parole. Son ordonnance du 10 Octobre équivaut à une protestation formelle. Si en effet les décisions de Carlsbad ne doivent être mises à exécution par S. M. le roi de Bavière qu'autant qu'elles ne sont pas contraires à ses droits de Souveraineté, comment concilier l'inviolabilité de territoire, conséquente et garantie de ses mêmes droits, avec ceux dont la diète vient de s'investir et avec les mesures exécutives qu'elle pourrait être dans le cas de prendre pour faire respecter en dernier résultat les décrets de Francfort. Si cette restriction s'applique encore à la charte Bavaroise, comment supposer la possibilité d'y voir jamais admise la nouvelle interprétation donnée à l'article 13 de l'acte fédéral?

Si enfin aux termes de l'ordonnance du 10 Octobre il faut en outre, que pour être obligatoire les décisions de Carlsbad s'accordent avec toutes les lois existantes en Bavière, comment ne pas présumer, que parmi ces lois la Cour de Munic pourra toujours et sans difficultés en opposer une aux mesures, qu'il ne lui conviendra pas de prendre? Mais peut être cette divergence d'opinions était-elle encore à prévoir en Bavière et dans le Wurtemberg? D'une part les lois existantes, de l'autre une législation déjà promise pouvaient faire naître des obstacles et des difficultés. Au moins avait-on l'espérance de voir l'unanimité conservée dans le reste de l'Allemagne?

Cependant d'autres Etats n'offrent aussi que de facheux présages dans l'exécution du plan adopté par le congrés de Carlsbad. Ici les extrêmes semblent se toucher et se réunir.

Le Souverain d'Allemagne le plus porté aux idées populaires, le Grand-Duc de Weimar, ne laisse pas ignorer, qu'en donnant son assentiment aux résolutious de Carlsbad, il ne céde point à sa conviction, mais à la nécessité. On a donc tout lieu de croire, qu'il ne les exécutera qu'avec peu de zêle.

Le prince le plus absolu de la Confédération Germanique, l'Electeur de Hesse, publie, qu'il ne regardera point comme Hessois tous ceux de ses sujets, qui se mettent dans le cas d'être traduits devant la commission de Mayence. Il se réserve donc tacitement le droit de soustraire à la juridiction de ce tribunal ceux auxquels il aura conservé le titre de Hessois dans son opinion.

([11]) Тамъ же: «Malheureusement».

Un Monarque Allemand aussi pacifique que religieux, le Roi de Saxe, loin de proclamer avec empressement les résolutions de Carlsbad, fait sentir, qu'il n'en reconnait pas l'utilité dans ses Etats. On peut donc craindre, qu'en les exécutant même, il n'éprouve l'influence involontaire de sa conviction personnelle.

Un des Souverains les plus aimés de ses sujets, le Duc d'Oldenbourg, ajoute en publiant les résolutions de la diète, que les mesures extraordinaires jugées indispensables à l'égard d'autres Etats ne trouvent aucune application dans les siens. Peut-on en inférer, qu'il les ait spontanément adoptées?

A l'aspect de ce nouvel état de choses il faut se le demander: où est aujourd'hui l'unanimité du 20 Septembre?

Et si on porte un égard sur une autre partie du spectacle, qu'offre en ce moment l'Allemagne, il faut se le demander encore: où sont les effets salutaires, qu'on s'était promis du décret de Carlsbad? Les mêmes voeux agitent la population de ces vastes contrés. Ce qu'elle demandait, il y a deux mois, elle le demande aujourd'hui et par une déplorable fatalité l'opinion des peuples n'est pas la seule qui se prononce; elle se prononce parmi les dépositaires de l'autorité publique.

C'est en effet aux reproches de ses propres collègues et de la grande majorité du conseil d'Etat, qu'a été exposé le Comte de Rechberg. Presque contraint à résigner ses fonctions, il ne doit plus se rendre aux conférences de Vienne et c'est par le principal rédacteur de la constitution Bavaroise qu'il va y être remplacé.

La commission de Mayence devait faire l'effroi des revolutionnaires qu'elle jugerait et elle semble devenir d'avance celui de tous les juges dont elle se composera.

En Bavière aucun magistrat, aucun jurisconsulte ne consent à siéger au nouveau tribunal; pour le compléter, la Cour de Munic n'a d'autre ressource que de tirer du Ministère des affaires étrangères un employé peu connu dans la magistrature.

La même hésitation se manifeste jusqu'ici en Prusse. Si l'on en peut croire des Journaux, qui jusqu'à présent n'ont point été démentis, un magistrat Prussien environné d'une grande considération, Mr. Truetschler, a réfusé la place de juge de Mayence, et les tribunaux de Prusse ont solemnellement protestés contre la compétance (12) de la Cour extrajudiciaire qui doit s'y réunir.

Une perspective plus consolante s'était ouverte sous d'autres rapports. On a obtenu le silence de la presse et il ne paraîtra pas en Allemagne de libelles dangereux.

Mais l'orage est-il conjuré ou a-t-il seulement changé d'horizon? Qu'on en juge en voyant les rédacteurs des Journaux Allemands chercher en France un asyle et la liberté d'écrire.

Un autre fait nous a causé encore un profond sentiment de peine, parcequ'il semble présenter sous un jour défavorable l'impression générale que devient avoir produite (13) les décrets de Francfort sur les esprits en Allemagne.

Il vient de se former à Mannheim et à Nuremberg une société d'émigration. Cette société a fait de vastes acquisitions dans le nord de l'Amérique et cédant à bas prix les terres qu'elle a achetées, accordant des secours à ceux que leurs moyens pécuniaires empêcheraient d'entreprendre ce lointain voyage, elle offre aux Allemands une patrie et la liberté sous une autre hémisphère.

---

(12) Тамъ же: «compétence».

(13) Тамъ же: «que doivent avoir produite».

En résumé, si l'on tirait de ces données affligeantes les conclusions qu'elles autorisent, on trouverait que l'accord, qui devait constituer la seule force des résolutions de Carlsbad n'existe plus, que les Gouvernemens ne paraissent pas unis, que les peuples sont loin d'être satisfaits et pour dernière question on se verrait contraint de se dire: Le roi de Wurtemberg et celui de Bavière seront - ils forcés à exécuter littéralement les résolutions de Carlsbad?

Ou si les autres Etats fédérés permettent que l'exemple de ces deux Monarques apprenne à l'Allemagne, que les décrets de Francfort ne doivent s'exécuter que selon les convenances des divers Gouvernemens, sous quels auspices et dans quel but doit s'ouvrir le Congrès de Vienne? Révoquera-t-il ou développera-t-il les arrêtés du 20 Septembre?

ПЕРЕВОДЪ.

I.

Словесная нота, врученная посланникамъ австрійскому и прусскому и сообщенная всѣмъ императорскимъ миссіямъ въ Германіи.

С.-Петербургъ 30 Ноября 1819 года.

Новая циркулярная инструкція, данная всѣмъ императорскимъ министрамъ въ Германіи, служитъ отвѣтомъ на сообщенныя россійскому кабинету барономъ Лебцельтерномъ (генераломъ Шелеромъ), свѣдѣнія о рѣшеніяхъ, принятыхъ 20 Сентября германскимъ союзнымъ сеймомъ. Императорское министерство ласкаетъ себя надеждой, что австрійскій (прусскій) дворъ найдетъ въ этой депешѣ новое доказательство тѣхъ чувствъ, какія Е. И. В. питаетъ къ своимъ августѣйшимъ союзникамъ.

Готовый всегда поддерживать своимъ сочувствіемъ охранительное начало, которое клонится къ утвержденію тѣснѣйшаго единства между союзными государствами Германіи, императоръ пришелъ къ печальному убѣжденію, что первые результаты столь благотворнаго, по своему принципу, союзнаго собранія не оправдали, къ несчастію, возбужденныхъ имъ надеждъ.

Не дозволяя еще себѣ разсмотрѣнія принятыхъ мѣръ, императоръ готовъ былъ уже привѣтствовать единодушіе нѣмецкихъ державъ; но Е. И. В. съ чувствомъ живѣйшей скорби усмотрѣлъ отсутствіе этого единодушія.

Теперь снова возникаетъ важный вопросъ, по которому чуждыя Германіи державы, не условившись напередъ между собою, не могутъ ни торжественно высказаться, ни, тѣмъ менѣе, дѣйствовать.

Водворить это согласіе, скрѣпить между нѣмецкими государствами искренній союзъ, утвердить его на прочныхъ началахъ и окружить его, такъ сказать, союзомъ европейскимъ — такова цѣль, къ которой стремится императоръ. Она указывается Е. В-ву постоянно благосклонною заботливостью относительно союзниковъ и политикою, всегда уважающею интересы цѣлой федераціи, но не отдѣляющею ихъ отъ строгаго соблюденія актовъ, на которыхъ основывается миръ и счастіе Европы. Если для достиженія этой цѣли императоръ, не колеблясь, откровенно и вполнѣ, высказываетъ свое мнѣніе, то этимъ онъ не только исполняетъ долгъ въ отношеніи къ своимъ августѣйшимъ друзьямъ и къ самому себѣ, но и выражаетъ желаніе служить общему дѣлу такъ же усердно, какъ своему собственному.

Этимъ, единственно, желаніемъ и внушена прилагаемая при семъ депеша, точную копію которой россійское министерство имѣетъ честь препроводить къ барону Лебцельтерну (генералу Шелеру).

II.

Депеша императорскимъ министрамъ въ Германіи для сообщенія миссіямъ въ Вѣнѣ, Берлинѣ, Лондонѣ и Парижѣ.

Депешей изъ Варшавы отъ $^6/_{18}$ Октября вамъ дано уже было знать о конфиденціальныхъ сообщеніяхъ, обмѣненныхъ между дворами австрійскимъ и россійскимъ, касательно Карльсбадскихъ совѣщаній и Франкфуртскихъ постановленій 20 Сентября. Въ ней, сверхъ того, обѣщались вашему превосходительству дальнѣйшія инструкціи. Съ возвращеніемъ въ Петербургъ, Е. И. В. обратилъ самое серьезное вниманіе на предметъ ихъ; предметъ этотъ ясно указанъ ему въ циркулярной депешѣ графа Бернсторфа отъ 28 Сентября: въ ней берлинскій кабинетъ выражаетъ желаніе, чтобы европейскія державы привѣтствовали то, чтò совершила Германія, и шествовали въ томъ же направленіи. Такимъ образомъ инструкціи, которыя вы долженствовали получить, были составлены подъ вліяніемъ утѣшительной мысли, выраженной прусскимъ дворомъ въ слѣдующихъ словахъ: „Это рѣдкое и по-истинѣ удивительное единодушіе, съ какимъ приняты предложенныя мѣры, видимо свидѣтельствуетъ объ единствѣ нѣмецкихъ государствъ, которое еще болѣе обезпечиваетъ успѣхъ этихъ мѣръ и безопасность Германіи.“

Дѣйствительно, представители Германіи, первые министры всѣхъ ея государей, собрались въ Карльсбадѣ для разсмотрѣнія ея внутренняго положенія. Они объявляютъ общее отечество въ опасности, указываютъ на причину великаго зла и обнародываютъ мѣры спасенія, при самомъ полномъ согласіи и единодушіи. Это согласіе напередъ уже устраняло всѣ сомнѣнія и оправдывало всѣ надежды. Потому Е. И. В., отвѣчая изъ Варшавы своему августѣйшему союзнику, императору Францу, не дозволилъ себѣ сдѣлать никакого замѣчанія на счетъ причинъ и содержанія постановленій 20 Сентября, тѣмъ менѣе — на счетъ способовъ ихъ исполненія. Онъ удовольствовался только откровеннымъ заявленіемъ, предъ всѣми правительствами Германскаго союза, своего желанія видѣть осуществленіе благотворныхъ дѣйствій, которыя долженъ былъ произвести уже одинъ *видъ* облеченнаго диктаторскою властью сейма. Императоръ радовался даже представившейся возможности, согласно съ желаніемъ, выраженнымъ ему дворами вѣнскимъ и берлинскимъ, оказать черезъ своихъ министровъ косвенное содѣйствіе успѣху дѣла. Для нихъ составлялись уже повелѣнія войти въ соглашеніе съ ихъ товарищами, министрами союзныхъ дворовъ, съ тѣмъ чтобы способствовать правительствамъ въ благородномъ стремленіи къ утвержденію (подъ ручательствомъ самаго тѣснаго единства) мира и внутренняго благоденствія Германіи.

Въ такомъ положеніи находилось это дѣло, когда полученныя нами отъ всѣхъ россійскихъ миссій свѣдѣнія показали намъ, что это единство, далеко не составляя неоспоримаго и положительнаго факта, есть, къ несчастію, не болѣе, какъ предположеніе, а можетъ быть даже и мечта, весьма печальная по существу и гибельная по послѣдствіямъ.

Оказывается, что многія нѣмецкія правительства, обсудивъ дѣло въ собственныхъ совѣтахъ, по разнымъ побужденіямъ, не одобряютъ поведенія своихъ министровъ, подписавшихъ, отъ ихъ имени, Карльсбадскія и Франкфуртскія постановленія 20 Сентября. Такимъ образомъ, должны измѣниться и мотивъ и предметъ того содѣйствія, къ которому, казалось приглашалъ союзъ государства не германскія.

Дѣло идетъ теперь не о томъ, чтобы привѣтствовать то, чтò совершено

въ Карльсбадѣ и Франкфуртѣ министрами союзныхъ правительствъ, но чтобы склонять эти правительства къ образованію единой семьи и къ добросовѣстному принятію мѣръ, наиболѣе пригодныхъ для предупрежденія угрожающихъ имъ опасностей.

Дѣло идетъ теперь не о томъ, чтобы шествовать въ томъ же направленіи и подкрѣплять такимъ образомъ въ глазахъ народовъ нравственное вліяніе германскаго союза, но чтобы дать дѣйствительное бытіе этому союзу, самый призракъ котораго стараются, къ несчастію, уничтожить наиболѣе заинтересованные члены. Въ виду такого стеченія важнѣйшихъ интересовъ, живо чувствуя трудность своего положенія, Е. И. В. долженъ былъ выбирать одно изъ двухъ: или предписать своимъ министрамъ при нѣмецкихъ дворахъ хранить глубокое молчаніе по всѣмъ вопросамъ, связаннымъ съ постановленіями 20 Сентября, или же дать имъ инструкціи, основанныя на анализѣ этихъ постановленій и всѣхъ соображеній относительно средствъ достиженія (путемъ прямымъ и законнымъ) той цѣли, которую имѣютъ въ виду государства Германскаго союза, достиженія, не нарушающаго ни обязательной силы трактатовъ, ни признанныхъ ими правъ. Въ первомъ случаѣ импер. подалъ бы поводъ къ предположеніямъ, которыя такъ охотно распускаетъ недоброжелательство: въ твердомъ, но сдержанномъ положеніи, принятомъ Россіей, оно могло бы увидѣть умыселъ возбудить сопротивленіе или еще болѣе недостойное намѣреніе поддержать рознь, увеличить зло и этимъ вызвать наконецъ отдѣльное и прямое, но всегда ненавистное, вмѣшательство императора во внутреннія отношенія Германіи. Во второмъ случаѣ, обратится ли россійскій кабинетъ къ разсмотрѣнію мѣръ, уже принятыхъ въ Карльсбадѣ, или же будетъ разсуждать о тѣхъ, которыя остается еще принять и обсужденіе которыхъ, кажется, отложено до Вѣнскихъ конференцій—ему придется *одному* рѣшать вопросы, которыхъ онъ чуждъ и настоящее существо которыхъ ему неизвѣстно. Какія бы ни предстояли затрудненія, но императоръ, будучи неизмѣнно расположенъ (по внушенію личныхъ чувствъ и собственной политики) относиться къ положенію другихъ государствъ не иначе, какъ онъ желалъ бы, чтобы относились къ его собственному, если бы онъ находился на ихъ мѣстѣ, готовъ дѣйствовать заодно съ своими союзниками, и Е. И. В. (позволимъ себѣ повторить съ прусскимъ кабинетомъ), считаетъ долгомъ соединиться съ своими августѣйшими соратниками *въ чувствѣ уваженія къ однимъ и тѣмъ же принципамъ и въ необходимости охраненія ихъ одними и тѣми же мѣрами строгости.* Но примѣняя это охранительное начало къ интересамъ Германскаго союза, прежде всего важно было бы, кажется, *условиться въ томъ, какіе принципы должно уважать въ Германіи государствамъ не германскимъ*, равно какъ и въ томъ, какими *мѣрами строгости* могутъ *охранять ихъ* эти государства. Вопросъ неизбѣжный, какъ скоро дѣло идетъ о томъ, чтобы, при настоящемъ положеніи вещей, снабдить инструкціями министровъ, состоящихъ не при Германскомъ союзѣ, а при нѣмецкихъ государяхъ, инструкціями, которыя предписывали бы имъ *привѣтствовать*, отъ имени ихъ дворовъ, *то, что совершила и совершитъ Германія*, и возвѣщать, что государи ихъ *шествуютъ и будутъ шествовать въ томъ же направленіи*.

Вопросъ этотъ представляетъ обширный предметъ для размышленія, и Е. И. В., какъ уже упомянуто, обратилъ на него серьезное вниманіе. Этого мало: вопросъ этотъ обнимаетъ такія разнообразныя отношенія, такіе важные интересы, что императоръ не

приметъ никакого рѣшенія, пока не узнаетъ, къ какому рѣшенію приведетъ обсужденіе этого предмета союзными правительствами, не входящими въ составъ Германіи, но стоящими по отношенію къ ней въ положеніи совершенно одинаковомъ съ положеніемъ Е. И. В. Довольно сказать, что въ этихъ важныхъ обстоятельствахъ императоръ чувствуетъ необходимость посовѣтоваться съ сентъ-джемскимъ кабинетомъ. Государство безпристрастное, какъ и Россія, государство, обладающее счастливою опытностію въ искусствѣ согласовать благосостояніе народовъ съ ихъ естественными правами и законными желаніями — Англія, къ которой обращается теперь императоръ, сообщитъ результатъ своихъ соображеній по этому предмету, которыя, безъ сомнѣнія, вполнѣ удовлетворятъ справедливымъ ожиданіямъ кабинетовъ вѣнскаго и берлинскаго. Императоръ ласкаетъ себя надеждою, что, вслѣдствіе такого предварительнаго соглашенія, британскіе и россійскіе министры усвоятъ себѣ одинъ и тотъ же языкъ какъ при дворахъ, при которыхъ они уполномочены, такъ и по отношенію къ тѣмъ лицамъ, которыя удостоятъ ихъ своей довѣренности. До тѣхъ поръ въ личномъ вашемъ взглядѣ на дѣло вы будете руководствоваться тѣми данными, которыя найдете въ настоящей депешѣ, и въ отношеніяхъ вашихъ, м. г., имѣете слѣдовать самой крайней осторожности и не уклоняться отъ прежнихъ инструкцій, извѣстныхъ какъ нѣмецкимъ, такъ и другимъ союзнымъ дворамъ.

III.

Слѣдствія постановленій Германскаго сейма отъ 20 Сентября 1819 года.

Германія почитаетъ себя въ опасности; министры главнѣйшихъ ея государей собираются въ Карльсбадѣ и принимаютъ цѣлый рядъ рѣшеній. Рѣшенія эти представляются на одобреніе Германскаго сейма, который и утверждаетъ ихъ съ оффиціальнымъ единогласіемъ. Проходитъ однако нѣсколько недѣль—и живѣйшее чувство скорби овладѣваетъ всѣми друзьями добра и порядка. Засвидѣтельствованное публичными актами согласіе становится вдвойнѣ сомнительнымъ: одинъ ударъ наносятъ ему секретные акты, другой—торжественныя мѣры. Государи колеблются или отступаютъ; народы ропщутъ или въ оцѣпененіи хранятъ угрюмое молчаніе. Австрія, которая по своему положенію, могуществу и мудрости въ совѣтахъ, всегда стояла во главѣ Германіи, Австрія, къ которой во время опасности и смятенія постоянно обращаетъ свои взоры эта Германія, поспѣшила оправдать ея справедливое довѣріе: она подала мысль, породившую Франкфуртскія постановленія. Нѣмецкіе министры въ письмахъ къ князю Меттерниху засвидѣтельствовали свою признательность къ Австріи, и при всемъ томъ Австрія первая начинаетъ, кажется, сомнѣваться въ собственныхъ успѣхахъ. Она грозитъ королю Виртембергскому выходомъ своимъ изъ Германскаго союза, если рѣшенія останутся неисполненными. О томъ же намѣреніи своемъ она даетъ знать и Саксоніи. Отсюда вытекаютъ два заключенія. Вѣнскій дворъ не вѣрилъ, кажется, въ будущность Карльсбадскаго единодушія даже тогда, когда Европейскія державы получали вещественное доказательство его во Франкфуртскихъ постановленіяхъ.

Съ другой стороны, Вѣнскій дворъ, одушевленный самыми доброжелательными намѣреніями относительно Германіи, присоединилъ однако угрозу къ тѣмъ принудительнымъ средствамъ, которыми, кажется, обладаетъ сеймъ. Отсюда можно заключить, что Вѣнскій дворъ считалъ ихъ еще недостаточными въ ихъ строгомъ примѣненіи или, скорѣе, находилъ невозможнымъ

это строгое примѣненіе. Событія теперь передъ глазами: они показываютъ, что Австрія не ошиблась въ своемъ мудромъ предвидѣніи. Въ то самое время, какъ сеймъ съ такимъ единодушіемъ обнародывалъ свои постановленія, король Виртембергскій приносилъ присягу конституціонной хартіи, утверждающей народное представительство на основаніяхъ, весьма отличныхъ отъ основаній старинныхъ сословныхъ собраній, возстановленія которыхъ требуютъ Карльсбадскія мѣры; дарующей судамъ независимость, которой очевидно лишена юрисдикція Майнцкой коммиссіи; и наконецъ сообщающей прѣніямъ публичность, которую рѣшительно отвергаютъ постановленія сейма.

Впрочемъ, министръ Виртембергскій объявилъ во Франкфуртѣ, что если его государь не протестуетъ противъ этихъ постановленій, то единственно вслѣдствіе личнаго уваженія къ графу Буолю, да и самъ король, прибывъ въ Варшаву, откровенно выразилъ предъ своимъ августѣйшимъ шуриномъ то же неудовольствіе. Императоръ замѣтилъ ему, что это заявленіе несогласія съ его стороны теперь запоздало, что графу Винцингероде надо было дать повелѣніе высказаться вполнѣ на счетъ намѣреній своего государя и что въ настоящую пору броженія и колебаній тѣсный союзъ, ненарушимое согласіе, составляютъ, кажется, долгъ всѣхъ нѣмецкихъ правительствъ, предъ которымъ должны смолкнуть и исчезнуть всѣ постороннія соображенія, всѣ исключительные интересы. Но Виртембергская хартія была уже обнародована, присяга принесена королемъ и, нѣсколько времени спустя, сословіе судей, вошедшихъ съ протестомъ противъ Франкфуртскихъ постановленій, было успокоено отвѣтомъ, что присяга и хартія будутъ соблюдены во всей точности.

То же чувство скорби возбуждаетъ и образъ дѣйствій Мюнхенскаго двора, который предупредилъ сеймъ, что въ Баваріи Карльсбадскія рѣшенія будутъ приводимы въ исполненіе не иначе, какъ на основаніи Баварской хартіи. Правительство, къ несчастію, сдержало слово: указъ 10 Октября равняется формальному протесту. Въ самомъ дѣлѣ, если Карльсбадскія рѣшенія должны быть приводимы въ исполненіе Е. В. королемъ Баварскимъ только подъ условіемъ ненарушимости правъ его суверенетета, то какъ согласить неприкосновенность территоріи, составляющую послѣдствіе и обезпеченіе этихъ правъ, съ тѣми правами, которыя присвоилъ себѣ сеймъ, и съ тѣми принудительными мѣрами, которыя онъ, въ случаѣ крайности, можетъ принять, чтобы заставить уважать Франкфуртскія постановленія? Если еще это условіе можно примѣнить къ Баварской хартіи, то какъ предположить возможность примѣненія къ ней новаго истолкованія, даннаго 13 параграфу союзнаго акта?

Если наконецъ для обязательности Карльсбадскихъ рѣшеній, сверхъ того, необходимо, чтобы они, на основаніи указа 10 Октября, были согласны со всѣми существующими въ Баваріи законами, то какъ не допустить предположенія, что Мюнхенскій дворъ всегда и безъ малѣйшаго затрудненія можетъ противопоставить непригоднымъ для него мѣрамъ какой-нибудь изъ этихъ законовъ? Но противодѣйствіе Баваріи и Виртемберга можно было еще предвидѣть: съ одной стороны, существующіе законы, съ другой — уже обѣщанная конституція могли породить препятствія и затрудненія. По крайней мѣрѣ, въ остальной Германіи надо было ожидать полнаго единодушія.

Однако, въ другихъ государствахъ также усматриваются печальныя предзнаменованія для исполненія постановленій Карльсбадскаго конгресса. Здѣсь крайности, повидимому, сходятся между собою. Великій герцогъ Веймарскій, болѣе всѣхъ нѣмецкихъ государей

расположенный къ демократическимъ идеямъ, не скрываетъ, что, принимая Карльсбадскія рѣшенія, противорѣчащія его убѣжденіямъ, онъ покоряется только необходимости. И такъ, можно навѣрное утверждать, что онъ выкажетъ мало усердія въ ихъ исполненіи.

Курфирстъ Гессенскій, самый неограниченный изъ государей Германскаго союза, объявляетъ своимъ подданнымъ, что того изъ нихъ, кто подвергнется суду Майнцкой коммиссіи, онъ не будетъ признавать Гессенцомъ. Само собою разумѣется, что этимъ онъ предоставляетъ себѣ право освобождать изъ подъ ея юрисдикціи всякаго, кого онъ будетъ считать достойнымъ носить титло Гессенца.

Король Саксонскій, государь, сколько миролюбивый, столько и религіозный, далеко не спѣша обнародываніемъ Карльсбадскихъ рѣшеній, даетъ этимъ знать, что онъ не находитъ полезнымъ вводить ихъ въ своемъ государствѣ. И такъ, можно опасаться, чтобы въ самомъ исполненіи ихъ онъ не послѣдовалъ невольнымъ внушеніямъ личнаго своего убѣжденія.

Герцогъ Ольденбургскій, одинъ изъ самыхъ любимыхъ подданными государей, обнародывая постановленія сейма, прибавляетъ, что его государство вовсе не нуждается въ тѣхъ чрезвычайныхъ мѣрахъ, которыя признаны необходимыми въ отношеніи другихъ государствъ. Можно ли отсюда заключать, что онъ принялъ ихъ добровольно?

Въ виду такого новаго положенія вещей надо спросить себя: куда же дѣвалось единодушіе 20 Сентября?

И если обратить вниманіе на другую сторону зрѣлища, представляемаго въ это время Германіей, то надо задаться еще однимъ вопросомъ: гдѣ же тѣ благодѣтельныя дѣйствія, которыхъ ожидали отъ Карльсбадскихъ постановленій? Желанія народонаселенія этихъ обширныхъ странъ не удовлетворены. Оно теперь требуетъ того же, чего требовало два мѣсяца тому назадъ, и, по какому-то печальному опредѣленію судьбы, голосъ народный раздается не одиноко: ему вторятъ и представители общественной власти.

Въ самомъ дѣлѣ, графъ Рехбергъ подвергся упрекамъ со стороны собственныхъ товарищей и огромнаго большинства государственнаго совѣта. Почти принужденный сложить съ себя должность, онъ уже не ѣдетъ на Вѣнскія конференціи, гдѣ мѣсто его займетъ главный редакторъ Баварской конституціонной хартіи.

Майнцкая коммиссія, учрежденная для суда надъ революціонерами, должна была сдѣлатся страшилищемъ для нихъ — а между тѣмъ успѣла уже, кажется, сдѣлаться страшилищемъ для всѣхъ судей, изъ которыхъ будетъ состоять.

Ни одинъ судья, ни одинъ законовѣдъ въ Баваріи, не соглашается принять мѣста въ новомъ судилищѣ, и Мюнхенскій дворъ принужденъ посадить туда взятаго имъ изъ министерства иностранныхъ дѣлъ чиновника, мало извѣстнаго въ магистратурѣ.

То же колебаніе замѣчается и въ Пруссіи. Если вѣрить журналамъ, которые впрочемъ до сихъ поръ не вызвали опроверженія, г. Трючлеръ, весьма уважаемый прусскій юристъ, отказался отъ мѣста судьи въ Майнцѣ, а суды прусскіе торжественно протестовали противъ компетентности несудебной палаты, долженствующей тамъ собраться.

Болѣе утѣшительная будущность открывается въ другомъ отношеніи: печать смолкла, и отнынѣ въ Германіи не будетъ уже появляться опасныхъ брошюръ.

Но отстранена ли этимъ гроза или она только передвинулась на другую сторону небосклона? Стоитъ подумать объ этомъ: вѣдь издатели нѣмецкихъ журналовъ ищутъ убѣжища и свободы печати во Франціи.

Глубокое чувство скорби вызвано

въ насъ еще и другимъ фактомъ, который, по видимому, въ невыгодномъ свѣтѣ представляетъ общее впечатлѣніе, произведенное Франкфуртскими постановленіями на умы въ Германіи.

Въ Маннгеймѣ и Нюренбергѣ составилось общество переселенія. Оно закупило огромное пространство земель въ Сѣверной Америкѣ и, уступая ихъ по дешевой цѣнѣ, выдавая пособіе тѣмъ, у кого нѣтъ достаточно собственныхъ денежныхъ средствъ для предпринятія далекаго переѣзда, предлагаетъ нѣмцамъ въ другомъ полушаріи отечество и свободу.

Однимъ словомъ, эти прискорбные факты даютъ право заключать, что въ дѣйствительности вовсе нѣтъ того согласія, на которомъ только и должна была основываться вся сила Карльсбадскихъ рѣшеній, что между правительствами замѣтно разъединеніе и что народныя желанія далеко еще не удовлетворены. Наконецъ, позволимъ себѣ сдѣлать еще одинъ вопросъ: заставятъ ли королей Виртембергскаго и Баварскаго въ точности исполнить Карльсбадскія рѣшенія?

Или, если изъ примѣра, поданнаго обоими этими монархами и допущеннаго другими союзными государствами, Германія увидитъ, что исполненіе Франкфуртскихъ постановленій зависитъ только отъ благоусмотрѣнія разныхъ правительствъ, то при какихъ предзнаменованіяхъ и съ какою цѣлью откроется Вѣнскій конгрессъ? Отмѣнитъ онъ или еще разовьетъ опредѣленія 20 Сентября?

БИСМАРКЪ НА РУССКОЙ СЛУЖБѢ.

Домъ, къ которому принадлежитъ нынѣшній прусскій министръ—одинъ изъ довольно старинныхъ. Если вѣрить нѣмецкимъ генеалогамъ, то онъ восходитъ до временъ Карла Великаго: въ то время онъ выселился изъ Богеміи, гдѣ владѣлъ замкомъ того же имени и другимъ—Бургстаимъ. Въ XVII столѣтіи замокъ фонъ-Бисмаркъ представлялъ уже одни развалины.

Многіе изъ членовъ этого дома отличались въ военной и административной карьерахъ. Тотъ, который насъ интересуетъ болѣе другихъ, Рудольфъ-Августъ фонъ-Бисмаркъ, родился 12 марта 1683 г. въ прусской Голландіи. Отецъ его, владѣтель Шенгаузена и Рехница въ Вестфаліи, имѣлъ чинъ генералъ-маіора въ прусской арміи и былъ комендантомъ крѣпости Кюстрина. Онъ умеръ въ 1704 г. Молодой Бисмаркъ вступилъ тоже на службу короля прусскаго и дослужился чина полковника. Онъ женился въ 1714 г. на Албертинѣ-Луизѣ фонъ-Ассебургъ, дворянскаго семейства Немендорфъ въ княжествѣ Гальберштатъ. Отъ этого брака онъ имѣлъ дочь, которую въ послѣдствіи выдалъ за-мужъ за прусскаго офицера фонъ-Альбэ. Онъ уже былъ вдовцемъ (съ 1715 г.), когда съ нимъ случилось несчастіе, имѣвшее большее вліяніе на его дальнѣйшую карьеру. Будучи въ Магдебургѣ, онъ убилъ, говорятъ по ошибкѣ, своего слугу. Спрятавъ его трупъ подъ кровать, онъ обращается въ бѣгство, но послѣдствія этого преступленія, сдѣлавшагося публичнымъ, долго давали себя чувствовать виновному и, хотя король простилъ его, ему пришлось употреблять всѣ средства, чтобы снова возвратиться на службу. Фридрихъ-Вильгельмъ принялъ его, слѣдуя мнѣ-

нію своего Совѣта и уступая просьбамъ стараго фельдмаршала Дубеслава Яромира Назмира. Однакожъ Бисмаркъ не получалъ повышенія, хотя онъ былъ самый старшій изъ полковниковъ; имя его не находилось никогда въ числѣ повышаемыхъ изъ его полка. Приведенный въ негодованіе, онъ бросаетъ службу, прощается съ Голштинскимъ полкомъ, котораго онъ былъ полковникомъ, продаетъ землю, которую онъ имѣлъ въ Скатикѣ, въ прусской Литвѣ, и ѣдетъ искать счастія въ Россію. Это происходило въ 1732 г. во время царствованія Анны Ивановны, или точнѣе говоря Бирона, управлявшаго вмѣсто нея. Можетъ быть, примѣръ извѣстнаго курляндскаго временщика, котораго правиломъ было: „qu'il se faut pousser au monde", дѣйствовалъ на выборъ страны, въ которой Бисмаркъ думалъ реализировать свои надежды. Во всякомъ случаѣ, его замѣтили при дворѣ, и его положеніе было скоро обезпеченнымъ. Одаренный пріятною наружностію, на столь же увертливый куртизанъ, сколь хорошій солдатъ, прусскій искатель приключеній попалъ въ скоромъ времени въ благосклонность у герцога, благопріятствующаго всему что было нѣмецкимъ, и былъ произведенъ въ чинъ генералъ-маіора. Протекція герцога Бирона дошла до того, что нашъ Бисмаркъ получилъ руку невѣстки его, фрейлины двора императрицы. Свадьба происходила съ величайшею пышностью. Княгиня Анна Мекленбургская съ своимъ мужемъ, родители несчастнаго Ивана VI, принадлежали къ свитѣ, состоявшей изъ тридцати каретъ, запряженныхъ всякая шестью лошадьми. Балъ удостоился присутствія императрицы Анны, которая осыпала новобрачныхъ подарками и между прочими подарила имъ хорошій домъ въ Петербургѣ. Бисмаркъ сдѣлался большою особою и съ того дня его судьба сдѣлалась неразлучною съ судьбою Бирона. Однако, нужно ему отдать справедливость, онъ не злоупотреблялъ своимъ вліяніемъ; онъ старался быть посредникомъ между герцогомъ Курляндскимъ и столь же честолюбивымъ фельдмаршаломъ Минихомъ, соперничество которыхъ столь богато трагическими эпизодами.

Этихъ качествъ совершенно недоставало братьямъ Бирона. Старшій, Карлъ, былъ, какъ говоритъ Манштейнъ, одинъ изъ самыхъ грубыхъ людей: его тѣло все было покрыто ранами, полученными имъ въ разныхъ случаяхъ, вызванныхъ его дерзостью и пьянствомъ. Всѣ его боялись и сторонились. Младшій, Густавъ, былъ напротивъ очень честный человѣкъ, но безъ всякаго воспитанія и безъ большаго ума. Его ухаживанія за красавицей великой княжной Елизаветой Петровной доставляли въ продолженіи нѣкотораго времени предметъ разговора для двора, и ничего нѣтъ удивительнаго, что онъ не успѣлъ пріобрѣсти расположенія будущей государыни. Императрица вздумала найдти ему партію и женила его на княжнѣ Александрѣ Меншиковой, родной сестрѣ извѣстной невѣсты императора Петра II. Излишне говорить объ Эрнестѣ Биронѣ, стереотипированный портретъ котораго извѣстенъ каждому.

Россія вела въ то время войну съ Польшею, а потомъ съ Портою. Бисмаркъ принималъ участіе въ той и другой съ братьями Бирона, Карломъ и Густавомъ. Во время кампаніи въ Польшѣ въ 1734 г. онъ былъ посланъ съ порученіемъ въ Англію; когда же Минихъ и принцъ гессенъ-гомбурскій оставили армію и уѣхали въ Петербургъ, ему было поручено главное начальство арміею до конца экспедиціи. Титулъ вице-президента совѣта военнаго министерства и мѣсто губернатора Риги были вознагражденіемъ за его храбрость. Польскій король Августъ III, въ пользу котораго

Россія предприняла эту войну, прислалъ ему орденъ Бѣлаго орла. Бисмаркъ, вознагражденный Польшею! Какъ намъ это кажется страннымъ, намъ, современникамъ графа Оттона фонъ-Бисмарка!

Между тѣмъ Биронъ былъ предложенъ императрицею Анною въ преемники герцога курляндскаго Фердинанда, съ смертію котораго прекратилась династія Кетлеровъ. Исторія этого избранія очень поучительна. Рѣдко можно видѣть подобный произвольный выборъ, и невольно чувствуешь желаніе сравнить то что дѣлается въ наши дни, съ средствами, употребленными Бисмаркомъ въ 1737 году. Выборъ Бирона произошелъ, какъ извѣстно, въ Митавѣ въ присутствіи русскаго министра барона Кайзерлинга; генералъ Бисмаркъ нарочно прибылъ изъ Риги и окружилъ дворецъ, въ которомъ собирались выборные для избранія; разумѣется, оно имѣло желанный успѣхъ. Одинъ изъ біографовъ Бирона, восхищается быстротою, добровольностью и единогласіемъ, съ которыми оно произошло, точно какъ въ наше время извѣстная часть прессы экзальтируется выборами, произведенными въ Италіи или адресами, посланными Гановеромъ побѣдителю при Садовой. Слѣдующая черта дополняетъ параллель: по окончаніи выборовъ былъ пропѣтъ, какъ недавно въ Берлинѣ, торжественный *Te Deum*, въ знакъ благодарности за счастливый результатъ. Они были впрочемъ правы: выборъ Бирона приготовилъ будущее присоединеніе Курляндіи къ Русской имперіи. Столь важная услуга заслуживала награды: Бисмаркъ былъ произведенъ въ чинъ генералъ-аншефа и сдѣланъ генералъ - губернаторомъ Ливоніи. Онъ достигъ до апогея своего величія, но къ несчастію не имѣлъ достаточно времени имъ воспользоваться. Черезъ два года послѣ этого регентъ былъ свергнутъ, и Бисмаркъ раздѣлилъ его судьбу. Въ тотъ самый день, когда регентъ былъ арестованъ въ лѣтнемъ дворцѣ и отвезенъ съ женой и дѣтьми въ Шлюссельбургъ, арестовали и генерала Густава Бирона, который жилъ въ томъ же дворцѣ, и послали приказъ сдѣлать тоже самое съ другимъ братомъ Бирона, Карломъ, губернаторомъ Москвы, и съ генераломъ Бисмаркомъ. Первый былъ арестованъ среди великолѣпнаго праздника, который онъ давалъ въ день рожденія герцога. Второй проживалъ въ Ригѣ. Это происходило въ 1740 г. Менѣе чѣмъ черезъ два мѣсяца приговоръ былъ произнесенъ. Бисмаркъ и два брата экс-регента, также и ихъ жены были осуждены на вѣчное поселеніе въ Сибири, и всѣ ихъ имѣнія были конфискованы въ пользу казны. Дворецъ, который Бисмаркъ имѣлъ въ Петербургѣ, перешелъ во владѣніе молодаго Миниха, сына фельдмаршала, котораго считаютъ главнымъ авторомъ паденія всемогущаго фаворита и мѣсто котораго занялъ онъ, хотя, правда, не надолго.

Бисмаркъ и братья регента были отвезены въ Иван-городъ, чтобы снять съ нихъ судебный допросъ. Герцогъ Курляндскій былъ оставленъ плѣнникомъ въ Шлюссельбургѣ. Коммиссія, назначенная для суда надъ ними, состояла изъ высшихъ сановниковъ, духовныхъ и гражданскихъ, между которыми находились генералы Ушаковъ и Леонтьевъ, управлявшіе допросами. Такъ какъ Бисмаркъ не зналъ русскаго языка, то его жена служила ему переводчицею. 13 января 1741 года подсудимые прибыли въ Москву. Невыразимое любопытство овладѣло жителями, когда они увидѣли, что прибыли три кареты, совершенно закрытыя и провожаемыя сотнею драгуновъ. Оттуда ихъ отправили въ Тобольскъ, мѣсто ссылки, гдѣ Бисмаркъ оставался до вступленія на престолъ Елисаветы. Что же касается до герцога Курляндскаго, то онъ увидѣлся съ ними три мѣсяца спустя, отправля-

ясь въ Пелымъ, благодаря великодушію регентши, такъ какъ тайная коммиссія присудила его къ четвертованію.

Въ манифестѣ, объявленномъ отъ имени императора Ивана VI (тогда нѣсколькихъ мѣсяцевъ отъ роду) Биронъ былъ сравненъ съ узурпаторомъ Борисомъ Годуновымъ; далѣе говорится что: „его два брата, Карлъ и Густавъ, также и его шуринъ Бисмаркъ, объявляются виновными за неокрытіе преступныхъ поступковъ и замысловъ герцога, объ чемъ они знали, также за возбужденіе къ исполненію его преступныхъ намѣреній, чѣмъ они нарушили присягу въ вѣрности.“ Но нѣмецкій біографъ Бирона утверждаетъ, что генералъ Бисмаркъ былъ совершенно чуждъ беззаконнымъ намѣреніямъ регента и что вся его вина состояла въ томъ, что онъ былъ его шуриномъ; и самъ Бисмаркъ съ негодованіемъ отвергаетъ подобное обвиненіе и доходитъ до названія герцога подлымъ лгуномъ, а его дѣла— гнусными. Интересно прочесть его письмо, писанное имъ къ правительницѣ отъ 14 іюля 1741 г., въ которомъ онъ оправдывается по возможности отъ обвиненій, возведенныхъ на него герцогомъ и подтвержденныхъ судьями. Призывая Бога и свою совѣсть въ свидѣтели, онъ увѣряетъ Анну въ своей непоколебимой вѣрности и въ полнѣйшемъ незнаніи того, что̀ касалось до замысловъ герцога. Къ этому онъ прибавляетъ, что со времени его регенства онъ получилъ отъ герцога только три письма, совершенно незначительныя, ибо въ первомъ былъ отвѣтъ на поздравленіе брата; во второмъ герцогъ требовалъ скорѣйшей доставки масла, а въ третьемъ — образчиковъ Венгерскаго вина. Онъ сознается, что часто исполнялъ его порученія, не дѣлая однако изъ этого ничего тайнаго. Надо замѣтить, что Биронъ ему поручалъ постоянно покупки разнаго рода: лошадей, вина и др. Кромѣ того, онъ имѣлъ для своего употребленія большій запасъ Венгерскихъ винъ, складъ которыхъ находился въ Ригѣ. Но это оправданіе осталось безъ всякаго вліянія, какъ и ходатайство передъ правительницей Анной ея фаворита графа Линара, посланника Саксонскаго короля. Во всякомъ случаѣ, изгнаніе было кратковременно. Какъ только Елисавета вступила на престолъ, она поспѣшила вызвать Бироновъ и Бисмарка изъ ихъ ссылки. Новая императрица хорошо помнила, что, благодаря Бирону, годъ тому назадъ, ее не заперли въ монастырь и не принудили постричься. Въ своей признательности она не только велѣла возвратить ему свободу, но и замокъ Вартенбергъ, находящійся въ Силезіи, который былъ отданъ фелдмаршалу Миниху. Этотъ актъ милосердія встрѣтилъ оппозицію со стороны окружающихъ, и тотчасъ былъ посланъ курьеръ съ приказаніемъ направить ихъ путь на Ярославль и тамъ оставить до новаго приказа. Петръ III, преемникъ Елисаветы, вызвалъ Бирона въ Петербургъ, а Екатерина II возвратила ему даже герцогство Курляндское съ условіемъ однакожъ, что онъ будетъ вѣрнымъ инструментомъ въ ея рукахъ и поможетъ ей въ окончательномъ присоединеніи этой страны, присоединеніи, которое должно было сдѣлать съ помощію моральныхъ средствъ. Биронъ вернулся въ Митаву 20 января 1763 г. и, какъ утверждаютъ, онъ управлялъ на этотъ разъ кротко и справедливо до своей смерти, постигшей его въ 1772 г. Онъ могъ приложить къ себѣ тѣ слова, которыя одинъ государственный человѣкъ, попавшій, также какъ и онъ, въ немилость, написалъ на стѣнѣ своей комнаты: „смиреніе меня сдѣлало любезнымъ, любезность меня привела къ почестямъ, почести къ богатству, это послѣднее сдѣлало меня гордымъ, гордость меня низверг-

нула въ несчастіе, а несчастіе возвратило мнѣ смиреніе."

Мы не имѣемъ никакихъ подробностей о судьбѣ Бисмарка со времени его возвращенія изъ Сибири, но и это молчаніе очень краснорѣчиво. Оно доказываетъ еще разъ ту всѣмъ извѣстную истину, что нѣтъ ничего столь постояннаго, какъ непостоянство дѣлъ человѣческихъ. Что случилось съ Бисмаркомъ, можетъ въ свое время случиться и со многими другими, придерживающимися этого положенія: *qu'il se faut pousser au monde.* Они должны необходимо уступить мѣсто тѣмъ, которые, являясь послѣ нихъ, стали бы осуществлять эту же аксіому въ пользу свою.

Кн. Августинъ Голицынъ.

Версаль
10 (22) Апрѣля 1867.

ПИСЬМО ИСТОМИНА КЪ ЛАЙОНСУ.

Во время осады Севастополя, вице-адмиралъ англійскаго флота Лайонсъ написалъ къ контр-адмиралу Истомину дружеское письмо, при которомъ послалъ ему честерскаго сыру. Они были прежде знакомы, встрѣчавшись во время плаваній по Средиземному морю. Истоминъ отвѣчалъ Лайонсу нижеслѣдующимъ письмомъ, которое тогда же ходило по рукамъ въ спискахъ и доставлено въ Русскій Архивъ А. Э. Циммерманомъ (участвовавшимъ въ оборонѣ Севастополя).

Sewastopol 25 Novembre (7 Decembre) 1854.

Votre message, mon cher amiral, m'a donné beaucoup de satisfaction; car en évoquant le passé avec la vivacité des détails qui caractérise si bien le temps qui n'est plus, Vous m'avez reporté à l'époque d'une croisière qui m'a laissée des impressions très durables. Athènes et Malte datent dans mes souvenirs.

Aujourd'hui, après bien des années, nos voix se rencontrent encore, mais quoiqu'à portée de vous entendre (témoin la journée du 5 Octobre, oú la voix du superbe Agamemnon a retenti de bien près), je ne puis venir Vous serrer la main.

C'est donc en cette forme, trop cérémonieuse selon moi, que je Vous remercie de Votre bon souvenir et de Votre envoi très amical. Laissez-moi Vous offrir à mon tour le produit d'une chasse récente: le chevreuil est excellent en Crimée.

Vous rendez justice à nos marins, mon cher amiral; ils méritent en effet les éloges d'un juge aussi compétent, quoique un peu sévère, je le pense, comme Vous. Ils sont notre orgueil et notre joie! Mais puisque je cause marine, je veux profiter de l'occasion pour Vous signaler un fait dû au hasard sans doute, mais qui pourrait, s'il venait à se renouveler, nous donner du désagrement. Dernièrement le steamer parlementaire qui avait le capitaine Kouzowleff à son bord est venu jusque sous les canons de la place, tandis qu'il aurait du attendre en dehors de la ligne de nos feux l'embarcation envoyée à sa rencontre. Le mot que Vous direz à ce sujet portera fruit et écartera, sans aucun doute, tout malentendu dans l'avenir.

Recevez, mon cher amiral, l'éxpression de tous mes sentimens bien devoués.

Переводъ. Севастополь, 25 Ноября (7 Декабря) 1854. Любезный адмиралъ! Я былъ очень доволенъ вашею присылкою; она привела мнѣ на память наше крейсерство, отъ котораго сохранились у меня неизгладимыя впечатлѣнія и вызвала передо мною со всею живою обстановкою то время, какого теперь нѣтъ. Я не забуду Аѳины и Мальту.

Нынѣ, черезъ столько лѣтъ, мы опять вблизи другъ отъ друга; но

хотя мнѣ можно васъ слышать, чему доказательствомъ служитъ день 5 Октября, когда голосъ мощнаго Агамемнона раздался очень близко (¹), но я не могу пожать вамъ руку. Въ такихъ-то, слишкомъ по моему церемонныхъ, формахъ благодарю я васъ за добрую память и за дружескую присылку. Позвольте мнѣ, въ свою очередь, предложить вамъ добычу недавней охоты: крымскія дикія козы превосходны. Вы отдаете справедливость нашимъ морякамъ, любезный адмиралъ; они дѣйствительно заслуживаютъ похвалу судьи, столь свѣдущаго, но, какъ мнѣ кажется, нѣсколько взыскательнаго. Они наша гордость и наша радость! Заговоривъ о морскомъ дѣлѣ, пользуюсь случаемъ, чтобы заявить объ одномъ обстоятельствѣ, которое безъ сомнѣнія есть дѣло случая, но которое, если будетъ повторяться, то можетъ повлечь къ непріятностямъ. Въ послѣдній разъ стимеръ. посланный для переговоровъ, подъ начальствомъ капитана Кузовлева, подошелъ къ самымъ пушкамъ крѣпости, тогда какъ онъ долженъ былъ внѣ линіи нашихъ огней дожидаться гребнаго судна, высланнаго къ нему на встрѣчу. Вы хорошо сдѣлаете, сказавши словечко на этотъ счетъ, и впередъ конечно не выдетъ недоразумѣнія. Примите, любезный адмиралъ, изъявленіе моей преданности (²).

(¹) Въ день генеральной атаки Севастопольскихъ укрѣпленій союзными флотами, 5 Октября 1854 года, трехдечный корабль Агамемнонъ, подъ флагомъ Лайонса, ближе всѣхъ прочихъ судовъ подошелъ къ Русскимъ фортамъ.

(²) Контр-адмиралъ Истоминъ погибъ 8 Марта 1855. Онъ былъ обезглавленъ ядромъ въ то время, какъ выходилъ изъ Камчатскаго редута.

ОБЪ ЮБИЛЕЙНОМЪ ИЗДАНІИ МОСКОВСКОЙ СИНОДАЛЬНОЙ ТИПОГРАФІИ.

(*Письмо къ издателю Русскаго Архива*).

М. Г. Въ концѣ 1864 года я сообщилъ вамъ свѣдѣнія о ходѣ работъ, порученныхъ мнѣ по юбилейному изданію „Трехсотлѣтія Московскаго печатнаго дѣла (Синодальной типографіи)", и объ любопытномъ открытіи касательно нашей первопечатной Псалтыри.

Въ январѣ слѣдующаго, 1865 года, я уже переѣхалъ въ Вильну и къ величайшему сожалѣнію прекратилъ работы по начатому изданію. Съ тѣхъ поръ я рѣшительно ничего не знаю о судьбѣ его.

Но, знавшіе мои прежнія работы, особенно видѣвшіе историческій рядъ снимковъ съ древлепечатныхъ Московскихъ книгъ, по возвращеніи моемъ въ Москву, неотступно преслѣдуютъ меня вопросами, скоро ли выйдетъ въ свѣтъ столь любопытное для большинства и важное для Русской библіографіи изданіе, стоившее при мнѣ уже нѣсколько тысячь рублей, а теперь, въ своемъ продолженіи и окончаніи, вѣроятно тысячь двѣнадцать.

Больше всѣхъ спрашиваютъ объ этомъ сочлены мои по Обществу Любителей Россійской Словесности и тѣ Москвичи, которые участвовали въ памятномъ публичномъ засѣданіи Общества по поводу юбилея Синодальной типографіи, когда такъ много говорилось въ ея славу, а еще болѣе говорили разложенные на столѣ снимки подготовлявшагося изданія. Доселѣ я успокоивалъ всѣхъ удостовѣреніемъ, что несомнѣнно изданіе выйдетъ скоро, ибо со времени прекращенія моихъ работъ протекло два года, а подготовлено было уже очень много, и что конечно первый выпускъ состоять будетъ изъ Отдѣла, мною оконченнаго. Вы такъ интересуетесь движеніемъ нашей библіографіи и столько уже сдѣлали для нея сами, что я позволю себѣ сообщить здѣсь вашему вниманію коро-

тенькій перечень сдѣланнаго по этому предмету.

Отдѣлъ, о которомъ я говорю, заключаетъ въ себѣ самый первый, старшій и мало объясненный періодъ нашего издательскаго, книжнаго, печатнаго и типографскаго дѣла (я всѣ эти черты раздѣляю): со второй половины XVI-го, когда дѣло началось, до втораго десятилѣтія XVII-го вѣка, когда пожаръ смутнаго времени истребилъ всѣ начатки почти до тла. Это — труды первыхъ учредителей и основателей Московскаго (и обще-Русскаго) книгопечатанія, произведенія Ивана Ѳедорова и Петра Мстиславца, временное перенесеніе дѣятельности въ Александровскую Слободу, въ слѣдъ за бѣжавшими, и вмѣстѣ съ ними переходъ типографской производительности изъ Москвы въ Заблудовье и Вильну, оттуда во Львовъ и Острогъ, распространеніе по Западному Краю, продолженіе въ Москвѣ работами Андроника Тимоѳеева Невѣжи и прочихъ, съ обстановкою другихъ Церковно-славянскихъ изданій, на примѣръ такъ называемыхъ „Княжескихъ."

Такимъ образомъ, въ первомъ семъ Отдѣлѣ:

1) На XXV большихъ листахъ или таблицахъ размѣщено снятыхъ литографіей, рѣзьбою и печатаніемъ, болѣе *ста* отдѣльныхъ *снимковъ* изъ Апостоловъ, Часовниковъ, Евангелій, Библіи, Псалтырей, Тріодей, Миней и Охтаевъ. Книгъ, съ которыхъ слѣдовало дѣлать снимки, не было всѣхъ подъ руками въ Типографской библіотекѣ; нужно было отыскивать порознь, по нѣсколькимъ книгохранилищамъ, въ Москвѣ и Петербургѣ. За тѣмъ, доставши ихъ, предстояло опредѣлить имъ подлинное мѣсто въ исторіи. Вы знаете, что нѣкоторыя изъ сихъ книгъ, относившихся къ разбираемой эпохѣ, я впервые открылъ; другія, вопреки установившимся авторитетамъ, вынужденъ былъ свести изъ эпохи на 50 лѣтъ ниже, или совсѣмъ отвергнуть; третьи, какъ на примѣръ „Княжескія" или первое Московское Евангеліе, впервые опредѣлить временемъ и мѣстомъ. Далѣе, слѣдовало избранный экземпляръ просмотрѣть и прочитать, чтобы обсудить всѣ отличія издательскія и типографскія, въ содержаніи, текстѣ, составѣ и всѣхъ формахъ книгопечатанія; потомъ выбрать главные, наиболѣе характеристичные для исторіи, листы и страницы; выбранное снять въ данномъ форматѣ книги, опредѣливъ его; извлечь изъ всѣхъ книгъ и исторически расположить украшенія, заставицы, вязь, узелки, цвѣтки, заглавныя буквы и строчную азбуку; каждый такой отдѣльный снимокъ прокорректовать при печатаніи, разъ 10—20; собрать нѣсколько въ одну общую таблицу, размѣстить здѣсь съ точнымъ описаніемъ внизу каждой, откуда, съ какихъ листовъ, страницъ и строкъ, и что̀ именно снято; наконецъ уже отпечатать. Такихъ, говорю, таблицъ XXV. Я подготовлялъ работы и матеріалы еще съ 1859 года (см. статью мою и брошюру „Типографская библіотека въ Москвѣ"); со времени рѣшенія и дозволенія изданію работалъ цѣлый годъ, ежедневно. Вы знаете, сколько трудился я и у васъ, въ Чертковской библіотекѣ; старыя буквы и значки, съ корректурами, стоили мнѣ глазъ — лѣтъ на десять впередъ. Плодъ труда — это наглядная, въ снимкахъ и объясненіяхъ, исторія первой эпохи нашего Московскаго и обще-Русскаго книгопечатанія, украшеній, шрифтовъ, форматовъ, бумаги и т. п.

2) *Выходы* книгъ за означенную эпоху, иногда очень обширные, но крайне любопытные, не могли быть всѣ сняты въ снимкахъ: въ данномъ форматѣ, въ тѣхъ же строчкахъ, шрифтами, ближайшими къ древности, я изготовилъ имъ *наборы*, оставленные мною въ Типографіи вмѣстѣ съ прочими матеріалами изданія.

3) На XVII *таблицахъ* особыхъ, собраны и расположены всѣ имѣющіяся и нынѣ дѣйствующія въ Синодальной типографіи *азбуки*, Церковныя, Граж-

данскія, Грузинскія, Нотныя и т. д., въ полномъ составѣ, съ титлами, знаками, цифрами и т. п. Въ образцахъ азбукъ проведены и отпечатаны, въ видѣ послѣдовательнаго разсказа, положительныя данныя изъ древней исторіи Типографіи. Здѣсь я раздѣлялъ труды Н. Н. Новикова.

4) Для исторіи промежутка, между той первой эпохой, которая изображена изданіемъ до крайней подробности, и между нынѣшнимъ состояніемъ Типографіи, облицованнымъ въ образцѣ имѣющихся азбукъ, собрано и отпечатано, въ послѣдовательномъ порядкѣ LXXVI (76) большихъ *таблицъ*, съ оттисками всѣхъ, уцѣлѣвшихъ отъ старины доселѣ, изъ всего помянутаго промежутка, *заглавныхъ буквъ* (397 + 268 + 156 NN), *заглавій* (139 + 11 NN), *заставицъ* (171), *заставицъ и узелковъ, кружковъ, украшеній* и т. п. (155 + 80 + 161). Это цѣликомъ работа знакомаго вамъ *Н. Н. Новикова*, работа очень трудная, копотная, совершенная при пособіи типографскихъ мастеровъ: кончивъ ее, въ исходѣ 1864 года, Н. Н. Новиковъ, также какъ я, перешелъ въ Сѣверо-Западный Край, гдѣ находится и доселѣ; осталось дополнить, можетъ быть, двѣ-три таблицы, не существенно впрочемъ нужныхъ.

5) Занимавшись исторіей Типографіи съ давняго времени, я захотѣлъ прибавить и къ юбилейному изданію *Историческій очеркъ* судебъ типографскихъ, въ особенности изъ первой эпохи, подробно изображенной въ моихъ снимкахъ: причины и поводы къ заведенію нашего книгопечатанія, подготовка къ тому, первые пріемы дѣла, извѣстія о главныхъ дѣятеляхъ, о типографскихъ тогдашнихъ особенностяхъ, шрифтѣ, бумагѣ, форматахъ и т. п., о первыхъ зданіяхъ типографіи, кои всѣ сгорѣли, о позднѣйшихъ постройкахъ и перестройкахъ, въ коихъ между прочимъ уцѣлѣло на стѣнахъ два - три клочка тогдашнихъ узоровъ, давно извѣстныхъ мастеровымъ (въ словолитнѣ), занесенныхъ въ изданныя описанія и недавно, говорятъ, надѣлавшихъ много шуму, и т. п. Черты сведены у меня къ одной, первоначальной эпохѣ типографіи, а доводятся большею частію до Смутнаго времени и Михаила. Статья, хотя готова была, при мнѣ только *начата наборомъ*: должно быть листовъ 20. Печатанія я уже не дождался и уѣхалъ. Конечно, ее можно продолжать, къ слѣдующимъ эпохамъ, XVII, XVIII и XIX вѣку. Но пополнять то, что̀ есть, кажется не нужно, тѣмъ болѣе, что, хотя есть матеріалы, однако безъ участія моего это было бы трудно. А главное, это уже библіографическая *роскошь*, исторія, пополняющая библіографію. Первый Отдѣлъ изданія, да и все изданіе, чисто-библіографическое, могутъ легко обойтись безъ излишней роскоши; они роскошны сами собою, въ собственномъ наличномъ видѣ.

6) При юбилейномъ изданіи я такъ былъ затрудненъ необходимостію согласовать требованія ученыя съ неучеными, административными, такъ часто меня понуждали и торопили, наконецъ, такъ спѣшилъ самъ, что для выпуска перваго Отдѣла подготовилъ даже самыя послѣднія мелочи: отпечатанъ особый *Заглавный листъ* (трудъ Н. Н. Новикова); сдѣланы *заглавія для сорочекъ;* заказаны и окончены *переплеты, футляры,* даже металлическія *застежки* къ переплетамъ (съ гербомъ типографіи).

„Что есмь еще не докончалъ?“

Дабы выпустить изданіе, по крайности первый, опредѣленный и законченный Отдѣлъ, осталось —

7) Составить и отпечатать *Оглавленіе*, къ снимкамъ и ко всему выпуску. Конечно, для этого необходимо перелистовать снимки и прочіе матеріалы, чтобы списать отпечатанное вверху и внизу разныхъ таблицъ и частей изданія. Но, судя по прежней торопливости, нужно думать, что все это въ теченіе двухъ лѣтъ съ успѣхомъ уже окончено.

Предисловіе совсѣмъ не нужно: оно заставило бы входить въ утомительныя подробности о главныхъ дѣятеляхъ изданія.

Расцѣнка экземпляровъ для продажи также не можетъ быть долговременна: изданіе казенное.

Вы видите, я имѣлъ полное право успокоивать вопрошавшихъ меня, тѣмъ, что конечно изданіе, по крайности въ первомъ Отдѣлѣ, выйдетъ на дняхъ.

Но мнѣ досадно, нѣкоторые еще пристаютъ ко мнѣ (да извинятъ за выраженіе): „зачѣмъ вы не продолжаете изданія?" А одинъ почтеннѣйшій Московскій ученый писалъ мнѣ даже въ Вильну прошлою осенью: „не благовидно такъ бросать начатыя изданія." Во первыхъ, я искренно желалъ бы продолженія, но не моими исключительно, а чьими бы то ни было трудами, тѣмъ болѣе, что самъ и безъ того продолжаю *для себя* начатое. Во вторыхъ, я многое приготовилъ для продолженія и приготовленнаго не скрывалъ: я много и часто разсказывалъ о планѣ и системѣ продолженія; указывалъ къ тому пути; сообщалъ подробности вопроса о древнихъ форматахъ, переплетахъ, заводахъ, шрифтахъ, бумагѣ, мастерахъ и т. п.; изъ XVII вѣка изготовилъ также нѣсколько снимковъ, при содѣйствіи Н. Н. Новикова; подобралъ изъ архивовъ бумаги, ближайше относящіяся къ исторіи книгопечатанія, и т. д. Въ третьихъ, я ничего не знаю о продолженіи, ибо прекратились съ симъ дѣломъ всякія служебныя мои связи. Можетъ быть, продолженіе уже есть: вѣроятно, готово и все изданіе. Положеніе мое, котораго я вовсе не желаю связывать, даетъ мнѣ болѣе выгодную свободу критики: но на критику все-таки я не потороплюсь, ибо напротивъ буду искренно радъ всему, что̀ ни появится. — А до тѣхъ поръ что̀ же мнѣ дѣлать?

Однако нѣкоторые, ступивъ уже далѣе, вѣроятно по горячему желанію видѣть поскорѣе въ свѣтѣ Юбилейное изданіе типографіи, распускаютъ, узналъ я, слухи, будто оно и первый Отдѣлъ его не выходятъ потому, что я, уѣзжая изъ Москвы, взялъ съ собою *книги*, потребныя для изданія, и увезъ съ собою *ключь* отъ него. Это уже совершенное невѣдѣніе обстоятельствъ дѣла, странность, не скажу—злонамѣренность. Это я вынужденъ опровергнуть.

Книги, потребныя для изданія, принадлежали типографіи: онѣ сданы мною при отъѣздѣ; другія взяты были въ типографію изъ сторонниxъ библіотекъ: возвращены по принадлежности; третьи я изслѣдовалъ или снималъ въ самихъ библіотекахъ, на примѣръ въ вашей Чертковской: онѣ доселѣ на мѣстѣ, какъ конечно и у васъ. Съ собою изъ нихъ не взялъ я ничего, а въ Вильну привезъ и въ Публичную библіотеку передалъ книги, купленныя мною въ Москвѣ на 500 р. сер., большею частію у С. Т. Большакова, пожертвованныя имъ, разными издателями, литографами, переплетчиками и т. д.

Ключь я сначала понялъ было отъ какого нибудь шкафа или стола: оказывается изъ слуховъ, будто бы я съ собою увезъ (отвлеченный) ключь къ разъясненію снимковъ и цитатъ. Положительно удостовѣряю: на самихъ снимкахъ припечатаны вездѣ подробныя объясненія; загадочныхъ же цитатъ ровно нѣтъ никакихъ, а еслибъ онѣ и были, то стоило бы ихъ только выбросить, или бросить безъ вниманія. Если же подъ „ключемъ" разумѣютъ мое знаніе и искусство: то я вовсе не виноватъ, что перевожу ихъ съ собою, куда ни поѣду, что ключь ихъ во мнѣ и что они дѣйствительно у меня подъ ключемъ. Но я нисколько не отнимаю симъ знанія и искусства у другихъ.

Вотъ все, чѣмъ я совершенно, надѣюсь, устраняю всякія притязанія на меня и приступы обвиненій. Я бы не распространился, еслибы дѣло касалось только меня: но очевидно, невѣжество или злонамѣренность хотѣли уколоть продолжателей и нынѣшнихъ хозяевъ изданія. Хотѣли увѣрить, что у нихъ недостаточно знанія, искусства, умѣнья, даже способности сдѣлать оглавленіе, объяснить снимки, прочесть цитаты, справиться въ книгахъ и матеріалахъ.

Въ укоръ имъ, хотѣли насильно навязать мнѣ и „книги въ руки“, и всякіе „ключи“, и Эдипову мудрость разгадокъ, и, вѣроятно, притязательность на вмѣшательство въ чужое дѣло. На это я не ловлюсь и, сохраняя совершенное мое уваженіе ко всякимъ способностямъ и трудамъ, заканчиваю увѣреніемъ, что если изданіе не вышло еще или не выйдетъ скоро, то къ этому конечно есть особенныя уважительныя причины, не сплетни и дрязги.

Примите увѣреніе и пр.

П. Безсоновъ.

10 Февраля 1867.

ОБЪ ИЗДАНІИ ПАМЯТНЫХЪ ЗАПИСОКЪ А. В. ХРАПОВИЦКАГО. (*)

Записки Храповицкаго помѣщены были въ „Чтеніяхъ Москов. Общ. ист. и древ. 1862 г. кн. 2 и 3-я“ и оттуда отпечатаны особыми оттисками. Въ послѣдніе годы у насъ явилось обыкновеніе снабжать сочиненія подобнаго рода примѣчаніями, которыя составители ихъ называютъ историческими, біографическими и библіографическими. Дѣло безъ сомнѣнія весьма хорошее; но въ Запискахъ Храповицкаго, снабженныхъ такими примѣчаніями, исполненіе не отвѣчаетъ дѣлу. Какія сдѣланы въ нихъ примѣчанія? При встрѣчѣ въ текстѣ съ какимъ-нибудь лицомъ, важнымъ или не важнымъ, дѣлается выноска и означается: род. въ такомъ-то году, ум. въ такомъ-то, или показывается его имя и отчество; иногда прибавляется чинъ. Подобными примѣчаніями и наполнены Записки Храповицкаго.

(*) Записки Храповицкаго изданы *не съ подлинника*, который къ сожалѣнію не извѣстно гдѣ находится; къ тому же издатель, *Г. Н. Геннади*, не находился въ Москвѣ во время печатанія Записокъ. *П. Б.*

Но кромѣ этихъ малоговорящихъ именъ, званій и метрическихъ цифръ, важнѣйшій недостатокъ примѣчаній заключается въ небрежности, съ какою онѣ сдѣланы. Составитель ихъ, какъ видно, не усвоилъ себѣ настоящаго понятія о томъ, что достойно вниманія или объясненія и дѣлалъ свои примѣчанія на удачу, или по тѣмъ свѣдѣніямъ, какія попадались ему подъ руку. Сверхъ того встрѣчаются невѣрности въ указаніяхъ и темнота въ изложеніи.

Къ этому слѣдуетъ прибавить, что г. Геннади, издатель Записокъ, печатая ихъ по двумъ только рукописямъ, напрасно не принялъ въ соображеніе печатнаго Свиньинскаго изданія. Оно, не смотря на важнѣйшій ихъ недостатокъ,—значительные пропуски,—представило бы много такихъ мѣстъ, которыя должны бы быть признаны за болѣе правильное чтеніе, чѣмъ въ изданныхъ Запискахъ.

Все это постараемся подтвердить примѣрами.

Стр. 5, прим. 1. О Ланскомъ сказано: „Онъ родился 8 Марта, 1758, въ флигель-адъютанты пожалованъ въ 1780 году, потомъ былъ генералъ-адъютантомъ и генералъ-поручикомъ и находился въ случаѣ по самую смерть“.—Съ какого же времени онъ находился въ случаѣ — съ рожденія ли, съ пожалованія ли въ флигель-адъютанты, или съ производства въ генералъ-адъютанты?

— — прим. 2. „О графѣ Безбородко сказано: „Пожалованъ титломъ князя“, т. е. титуломъ. Титло есть знакъ сокращенія нѣкоторыхъ буквъ, а титулъ есть достоинство.

— — прим. 3. „Князь Вяземскій...... былъ генералъ-прокуроромъ съ 1764 года по смерть свою“.—Въ этомъ году князь Вяземскій имѣлъ званіе генералъ - квартирмейстера и былъ только исправляющимъ должность генералъ-прокурора. Онъ назначенъ былъ генералъ - прокуроромъ

24 Іюля 1767 года, а именно въ тотъ день, когда Сенату данъ былъ указъ объ открытіи знаменитой Коммиссіи о сочиненіи проекта Новаго Уложенія.

Замѣтимъ еще, что въ текстѣ князь Вяземскій названъ Александромъ Александровичемъ, тогда какъ его звали Александромъ Алексѣевичемъ. Если въ рукописяхъ, съ которыхъ печатались Записки и стояло первое имя, то долгъ издателя былъ исправить эту ошибку, и оговорить ее.

Стр. 6. Примѣчаніе 2-е относится къ комедіи Обманщикъ, и въ немъ сказано, что она въ 3 дѣйст.; но въ каталогѣ Смирдина (№ 7249) и въ Библіографіи Сопикова (т. III, № 5513) означено, что она въ 5 дѣйств. Въ этомъ же примѣчаніи упомянуто, что она напечатана въ 13 ч. Росс. Ѳеатра; но для полноты библіографической слѣдовало бы прибавить, что она помѣщена также и въ Смирдинскомъ изданіи полнаго собранія сочиненій Русскихъ авторовъ, въ сочиненіяхъ императрицы Екатерины (Спб. 1849—50). Это указаніе тѣмъ необходимѣе, что Смирдинское изданіе болѣе доступно для публики, чѣмъ Россійскій Ѳеатръ, который, если и находится въ продажѣ, то считается уже рѣдкою книгою и стоитъ дорого. Это же должно сказать и о другихъ театральныхъ произведеніяхъ Екатерины, которыя издатель Записокъ снабдилъ своими примѣчаніями.

— 9. Екатерина, въ разговорѣ съ Храповицкимъ, упоминаетъ о важныхъ въ то время лицахъ—кн. Вяземскомъ, гр. Зах. Чернышовѣ, гр. Н. И. Панинѣ и объ Орловыхъ. О первомъ находимъ выше короткое, хотя и не совсѣмъ вѣрное извѣстіе, но о прочихъ не сдѣлано никакого замѣчанія, кромѣ какъ о кн. Орловѣ, о которомъ сказано: „Разумѣется князь Григорій“; между тѣмъ на слѣдующихъ же стр. есть примѣчанія и объ Игельстромѣ, и о гр. Остерманѣ, и о гр. Завадовскомъ, и другихъ. Почему же одни предпочтены другимъ? Всѣ они, болѣе или менѣе, были люди замѣчательные.—Въ этомъ же мѣстѣ императрица говоритъ: „Кн. Потемкинъ......, хотя даетъ щелчка, однако же самъ первый станетъ просить за своего недруга“. У Свин., вмѣсто щелчка, стоитъ „щелчки“—и это правильнѣе.

Стр. 11. 5 Іюля. „Граница будетъ Черное море, и подданство Персидскихъ владѣльцевъ, равняющихся герцогу Курляндскому, къ тому способствуетъ“. У Свин. (ч. VII стр. 147), вмѣсто герцогу поставлено „герцогству“ и выходитъ настоящій смыслъ, котораго нѣтъ въ изданіи г. Геннади.

— 12. Въ примѣчаніи къ гр. Андрею Петровичу Шувалову сказано: „Фельдмаршалъ, род. 1710 г. ум. 1771.“ Странное извѣстіе! Фельдмаршаловъ графовъ Шуваловыхъ было двое—родные братья, Александръ Ивановичъ и Петръ Ивановичъ, оба сильные люди при Елисаветѣ Петровнѣ. Что который нибудь изъ нихъ родился въ 1710 году—это весьма быть можетъ, но годъ кончины не примѣняется ни къ одному изъ нихъ: гр. А. И. Шуваловъ ум. въ 1769, а гр. Петръ Ивановичъ 4 Января 1762 г., недѣлю спустя послѣ пожалованія его въ фельдмаршалы. Еще менѣе 1771 годъ можетъ относиться къ графу Андрею Петровичу, о которомъ далѣе упоминается до десяти разъ, какъ о живомъ человѣкѣ. Между прочимъ на стр. 48, въ прим. 2 сказано: „Тогда (въ 1788) д. т. сов, камергеръ (дѣйствительный), правленія банковъ директоръ, и шпалерной мануфактуры надзиратель“. Наконецъ подъ 24 Апрѣлемъ 1789 г. (стр. 187) сказано о его смерти. Этотъ гр. Андрей Петровичъ Шуваловъ былъ сынъ фельдмаршала гр. Петра Ивановича и славился отличною образованностію. При открытіи Коммиссіи о сочиненіи проэкта Новаго Уложенія въ 1767 г. гр. А. П. Шуваловъ, бывшій тогда дѣйствительнымъ камергеромъ, получилъ въ ней особую должность директора днев-

ныхъ записокъ (журналовъ) большаго собранія Коммиссіи, т. е. ему поручено было главное наблюденіе надъ ихъ составленіемъ. Должность эту, отъ которой, въ числѣ прочихъ качествъ, требовалось хорошаго изложенія, онъ исполнялъ до 5 Іюня 1769 г. Онъ прекрасно писалъ стихи на французскомъ языкѣ. Извѣстно его посланіе къ Нинонѣ Ланкло, которое даже приписывали Вольтеру. Послѣ всего этого какъ то странно видѣть приведенное выше замѣчаніе.

Стр. 13. 9 Августа. „Обѣдъ на дачѣ; А. А. Нарышкинъ возвратился въ Царское село.“ У Свин. (ч. VII стр. 149). „Обѣдъ на дачѣ Л. А. Нарышкина; возвратились въ Царское село“. Варіантъ этотъ, кромѣ имени Нарышкина, гораздо правдоподобнѣе текста. Что же касается до имени, то не можемъ рѣшить, которое изъ нихъ вѣрнѣе. Но если вѣрность въ имени и остается за издателемъ Записокъ, то представляется вопросъ, отъ чего же объ А. А. (Александрѣ Александровичѣ) Нарышкинѣ не сдѣлано біографической отмѣтки, а объ его братѣ, помянутомъ выше (стр. 6) такая отмѣтка есть. Эти братья Нарышкины были люди совершенно разныхъ свойствъ. Объ нихъ обѣихъ упоминается въ Запискахъ нѣсколько разъ, и какъ кажется, отъ перемѣны начальной буквы ихъ именъ (А. и Л.), поступки одного приписываются другому.

— 14. прим. 1. „...... Александръ Михаиловичъ Потемкинъ, тайный совѣтникъ и С.-Петербургскій предводитель дворянства“.—Но во время печатанія этихъ Записокъ онъ уже не былъ предводителемъ; по этому такъ надо было и сказать.

— — прим. 3. О Поповѣ, этомъ замѣчательномъ лицѣ, пользовавшемся особымъ довѣріемъ кн. Потемкина, сказано только: „Василій Степановичъ, тогда отъ арміи полковникъ“.

— 16 прим. 1. „Вѣроятно, извѣстный Ив. Ив. Михельсонъ (ум. 1807).“ Но чѣмъ же онъ извѣстенъ? такъ можно отозваться обо всякомъ лицѣ.

Стр. 18. въ прим. 2 о графѣ Ангальтѣ, въ прим. 4 о Бецкомъ и на стр. 19, въ прим. 1 о Н. И. Салтыковѣ слѣдовало бы сказать что-нибудь болѣе.

— 23 прим. 2. Объ Аннѣ Никитишнѣ Нарышкиной сказано, что она была статсъ-дама съ 1778 и гофмейстерина съ 1796 г. Вѣроятно оберъ-гофмейстерина. Приписанное ей г-омъ Геннади званіе тѣмъ болѣе должно принять за ошибку, что ниже въ прим. 4 упоминается о графинѣ Матюшкиной, то же статсъ-дамѣ, которая въ томъ же 1796 году пожалована оберъ-гофмейстериною. А. Н. Нарышкина находилась въ дружескихъ отношеніяхъ съ Екатериною еще въ то время, когда она была Великою Княгинею, и отношенія эти не прерывались въ продолженіи всего ея царствованія.

— 24, прим. 1. Въ выноскѣ поставлено: „Кушелева“.Но кто же она, ничего не сказано.

— — прим. 3. „..... Лужковъ состоялъ тогда при собственной Ея Импораторскаго Величества Вивліоѳикѣ“. Есть извѣстная книга подъ названіемъ: „Древняя Россійская Вивліоѳика“; но сомнительно, чтобы собраніе книгъ, хотя бы и собственное Е. И. В., можно было назвать Вивліоѳикой. Это просто была библіотека императрицы.

— 25. 8 Апрѣля, Храповицкій, упоминая о Крымскомъ Ханѣ Шагинъ-Гиреѣ, прибавляетъ слова Екатерины, которая между прочимъ скадала: „..... два раза его подкрѣпляли“. У Свин. (ч. VII стр. 320) вмѣсто подкрѣпляли, поставлено „подкупали“, что кажется вѣрнѣе.

— 26 прим. 2. О кн. С. Ѳ. Голицынѣ сказано: „см. Серчевскаго“. Но что такое этотъ Серчевскій? Всякому ли извѣстно, что онъ написалъ

книгу: „Записки о родѣ князей Голицыныхъ“ (Спб. 1853)?

Стр. 26. Пр. 3. „Бутурлинъ, управлявшій экспедиціею о доимкахъ въ госуд. экспедиціи“.—Объясненіе это и темно и ошибочно. Обозначая личность Бутурлина, г. Геннади ссылается на записки Державина (стр. 135), который пишетъ, что въ 1780 г. учреждена была экспедиція о государственныхъ доходахъ. Она раздѣлялась на 4 части: на приходную, расходную, счетную и недоимочную. Въ каждой было по три совѣтника и по одному предсѣдателю. Во второй, т. е. расходной, и находились совѣтниками какъ самъ Державинъ, такъ и помянутый Бутурлинъ. Слѣдовательно въ это время, да вѣроятно и послѣ, Бутурлинъ не былъ управляющимъ. Экспедиція же о доимкахъ въ государственной экспедиціи есть уже сочиненіе издателя.

— 27, прим. 2. Замѣчаніе о свиданіи Екатерины съ королемъ Польскимъ одно изъ самыхъ дѣльныхъ. Вотъ подобнаго рода замѣчанія придали бы еще большую занимательность интереснымъ Запискамъ Храповицкаго. Къ такимъ же замѣчаніямъ можно отнести примѣчаніе о Сравнительномъ Словарѣ (стр. 26). Но ихъ не много.

— 32. Въ прим. 2 сказано о печатавшемся въ Московскихъ вѣдомостяхъ журналѣ путешествія Императрицы Екатерины и прибавлено:“ напечатанный (журналъ) потомъ отдѣльною книгою въ Москвѣ у Новикова“. Библіографія этимъ не удовлетворяется, а требуетъ точнаго заглавія книги, съ означеніемъ года печатанія, формата и даже числа страницъ.

— 36. Въ концѣ довольно обстоятельнаго примѣчанія о Грейгѣ сказано: „объ немъ здѣсь ниже подъ 1788 годомъ“.—Одинъ этотъ годъ, самый пространный изъ Записокъ Храповицкаго, заключая болѣе третьей части всей книги, размѣщенъ на 106 страницахъ. Гдѣ же читателю отыскивать по этому указанію? И наконецъ, что „объ немъ здѣсь ниже“? Не ужели нельзя было сказать: о дѣйствіяхъ его во время шведской войны упомянуто нѣсколько разъ въ продолженіе 1788 года, или что нибудь другое, болѣе явственное, чѣмъ означенное выраженіе.

Стр. 37 примѣчаніе 2 о трагедіи Коріоланъ весьма удовлетворительно. Но и тутъ выказана небрежность: упомянуто о книгѣ Receuil des pieces de l'Hermitage и поставлены цифры: „6. 1-г“, но что онѣ означаютъ, отгадать трудно.

— 39. 2 Сент.—„Говорено съ чувствительностію признательности къ народу“.—У Свин. (ч. VIII стр. 205): „..... съ чувствительною признательностію о народѣ,“ что̀ имѣетъ смыслъ. „7 Сент. подписанъ Манифестъ о войнѣ съ Турками и напечатанъ 9 числа“.—У Свин. (тм. же стр. 206) „9 Сент.—Подписанъ Манифестъ о войнѣ 7-го, а сего дня напачатанъ“.—Не видавъ подлинныхъ Записокъ, трудно сказать положительно, который текстъ вѣрнѣе. Но если принять, что Храповицкій вносилъ свои замѣтки ежедневно или тотчасъ за случившимся событіями, то нельзя допустить, чтобы 7 числа онъ записалъ то, чего еще въ этотъ день не было, а случилось два дня спустя; по этому Свиньинскому тексту надо отдать предпочтеніе по его точности.

— 45. 9 Декабря. Отдана для переписки въ моей Канцеляріи Коммиссіи Разстроенная семья.—У Свин. (ч. IX, стр. 129) „Отдана для переписки въ моей канцеляріи ком.... Разстроенная семья.“—Здѣсь неподписанное слово ком.... нужно читать „комедія“, что̀ и будетъ имѣть настоящій смыслъ, между тѣмъ какъ слово „коммиссіи“ его лишаетъ.

— 46. прим. 1. Объ А. И. Глѣбовѣ сдѣланы ссылки на записки Державина и на Чтенія въ Общ. Ист. и

Древ.; но не лишнее было бы хотя вкратцѣ упомянуть, что̀ въ тѣхъ и другихъ сказано.

Стр. 46. Въ текстѣ, подъ 24 Дек. „Самъ кн. П. В. Р., бывъ его защитникомъ"... Слѣдовало бы по этимъ начальнымъ буквамъ отыскать, кто такой подъ ними означенъ.

— 50. Къ 11 Февраля (по ошибкѣ напечатано Генваря) о Заборовскомъ замѣчаніе дѣльное. Но объ немъ уже было сказано на стр. 37 прим. 3 и тамъ показана ссылка на „Словарь достопам. люд. (дополнительный) Бантышъ-Каменскаго", а здѣсь на „Жизнь Адмирала Ѳ. Ѳ. Ушакова", соч. Скаловскаго. Было бы дѣльнѣе, если бы здѣсь помѣщенное примѣчаніе соединить съ первымъ (на стр. 37) и тамъ не писать во 1-хъ о возбужденіи возстанія въ Грузіи, вмѣсто Греціи, и во 2-хъ вмѣсто Ярославскаго намѣстничества Владимірскаго. Заборовскій былъ назначенъ на мѣсто умершаго въ 1788 году А. П. Мельгунова, который былъ генералъ губернаторомъ Ярославскаго и Вологодскаго намѣстничествъ. Заборовскому же даны въ управленіе губерніи Ярославская и Костромская, вмѣсто Вологодской, которыми онъ управлялъ восемь лѣтъ, т. е. по кончину императрицы Екатерины II. Такъ сказано и въ Словарѣ Бантышъ-Каменскаго на стр. 16; а на стр. 17 онъ говоритъ, что Заборовскій „продолжалъ управлять Владимірскою и Костромскою губерніями". Но Бантышъ-Каменскій могъ тутъ ошибиться, и авторъ примѣчаній къ Запискамъ Храповицкаго обязанъ былъ все это объяснить, и исправить ошибку того источника, на который онъ ссылается. Въ первомъ примѣч. (стр. 37) сдѣлано указаніе на послѣдующія примѣчанія и сказано: „см. 1788 г. 13 Февраля и 16 Іюля;" но еслибы и это маловажное указаніе сдѣлать правильно, то вышло-бы: см. 1788 г. 11 и 13 Февраля и 15 Іюля.

Стр. 51, прим. 3. О Поповѣ замѣчено только: „Секретарь кн. Потемкина;" но это тотъ самый, о которомъ уже было сказано на стр. 14, прим. 3, что онъ „Василій Степановичъ, тогда отъ арміи полковникъ".

Стр. 53 прим. 2. Объ Елагинѣ сдѣлана слѣдующая замѣтка: „Иванъ Перфильевичъ (?), тогда Оберъ-Гофмейстеръ и Кабинетъ-Секретарь". На стр. 129 встрѣчается опять Елагинъ, и объ немъ замѣчено: „И. П. Елагинъ (р. 1725), писатель, тогда (все въ томъ же 1788 году) состоявшій при Кабинетѣ Ея Величества."—Изъ этихъ двухъ замѣтокъ весьма естественно подумать, что это два разныя лица, тогда какъ положительно это одинъ и тотъ же Елагинъ.

— 53 — 3. При замѣчаніи о Ферзенѣ сказано: „плѣнившій Костюшку." Это двусмысленность, и слѣдовало выразиться иначе.

— 53 —5. О Колокольцовѣ сказано, что объ немъ упоминаетъ Державинъ въ своихъ Запискахъ. Но что же онъ упоминаетъ?

— 54. „25 Марта. Читано продолженіе приготовляемаго торжества Потачкинымъ".—У Св. (ч. IX, стр. 305) вмѣсто этой фамиліи стоитъ „Потемкинымъ".—Какъ забрался въ текстъ Потачкинъ, одно изъ дѣйствующихъ лицъ комедіи Недоразумѣніе, вмѣсто Потемкина, непостижимо!

— 55. Подъ 30 Мартомъ упомянуто о банкирѣ Пуртонѣ. У Св. (тмже стр. 307) онъ названъ Торнтонъ

— 57. 14 Апрѣля. Потемкинъ пишетъ императрицѣ, что, „еще готовы вольницы, но надобно прислать для нихъ ружья." У Свин. (тмже, стр. 311) слово „вольницы" замѣнено словомъ „Волынцы", и едвали это не будетъ правильнѣе.

— 59, прим. 3. О Григоріѣ Ивановичѣ Шелиховѣ въ концѣ сказано: „Описаніе поѣздокъ его издано въ 1792—1793 г." Для библіографа это указаніе не удовлетворительно. Отъ него требуется означеніе полнаго за-

главія книги. Правда, что оно очень пространно; но библіографъ могъ бы его сократить съ оговоркою. Кромѣ заглавія требуется указаніе тѣхъ особенностей, какія встрѣчаются въ книгѣ, и которыя именно и есть въ путешествіи Шелихова. Наприм. „Продолженіе странствованія по Восточному океану къ Американскимъ берегамъ въ 1788 году" вышло въ 1792 г.; а „Первое странствованіе съ 1783 по 1787 годъ" напечатано въ 1793 году. Издателемъ этихъ странствованій былъ нашъ первый библіографъ Василій Сопиковъ, тогда еще производившій книжную торговлю. Замѣчательно, что онъ, самъ издатель этой книги, въ своемъ „Опытѣ Россійской библіографіи" (IV, № 11566) ошибся въ годахъ ея изданія и поставилъ 1791—1795 г. У Смирдина показано только 2-е изд. этой книги.

Стр. 63. Подъ 24 Мая упоминается графъ М. Г. Чернышовъ; на стр. 77, подъ 11 Іюля графъ Н. Г. Чернышевъ; на стр. 80 графъ П. Г. Чернышевъ. Не можемъ сказать утвердительно, кто такой былъ графъ М. Г. Чернышевъ; но послѣдніе двое названы здѣсь ошибочно. Слѣдовало поставить И. Г., т. е. графъ Иванъ Григорьевичъ, вице-президентъ Адмиралтействъ Коллегіи, о которомъ на стр. 62 сдѣлано небольшое примѣчаніе, и о которомъ говорится въ Запискахъ болѣе двадцати разъ.

— 65. прим. 2. При упоминаніи о Николаѣ Ивановичѣ Салтыковѣ замѣчено, что онъ былъ „тогда членъ Государственнаго Совѣта."—При Екатеринѣ дѣйствительно былъ Совѣтъ, но онъ не назывался Государственнымъ. Государственный Совѣтъ есть учрежденіе императора Александра I.

— 66. 7 Іюня. Храповицкій, записавши разговоръ императрицы о Турецкихъ дѣлахъ, оканчиваетъ: „Все сіе говорено съ твердостію духа и съ видомъ удовольствія (смотри 13 Апрѣля). — Пріѣхалъ Якоби въ Царское село..."—Все это такъ напечатано. Но ссылка на 13 Апрѣля относится не къ предъидущему разговору о Туркахъ, а къ послѣдующему, т. е. къ Якоби. Слѣдовательно отъ издателя и требовалось сообразить это и разставить правильнѣе пунктуацію. Подобная невнимательность встрѣчается нѣсколько разъ въ Запискахъ.

Стр. 68. „16 Іюня. Рѣшились остановить на время Адмирала Грейга со флотомъ при Ревелѣ....." У Свин. (ч. X, стр. 85) вмѣсто „остановить" написано „оставить," что̀ кажется будетъ вѣрнѣе.

— 68 и 69. Подъ 18 Іюнемъ говорится о приведеніи Кронштатской крѣпости въ оборонительное положеніе; „употребятся къ тому французскіе офицеры и инженерные." У Свин. (тмже, стр. 86) перестановка послѣднихъ словъ даетъ другой и болѣе правильный смыслъ; у него сказано: „французскіе инженерные офицеры." Въ этомъ же мѣстѣ читаемъ: „Великой княжнѣ Екатеринѣ Павловнѣ минуло 6 недѣль и ходили къ рукѣ." У Свин. (тмже, стр. 86) "Вел. кн-ѣ минуло 6 недѣль и потому ходили къ рукѣ." Не имѣя подлинныхъ Записокъ, нельзя утвердительно сказать, который изъ этихъ двухъ текстовъ вѣрнѣе. Но по обстоятельствамъ самаго произшествія нельзя признать текстъ г. Геннади за болѣе достовѣрный, чѣмъ Свиньина. Обычай, до нынѣ существующій, требуетъ, чтобы родильницамъ, послѣ 6 недѣль отъ дня разрѣшенія ихъ отъ бремени, приносили поздравленіе. Объ этомъ случаѣ упоминается и здѣсь; но приносятъ поздравленіе не новорожденному, а родильницѣ; по этому у Свиньина сокращенно поставленныя слова: „Вел. к-нѣ" значатъ великой княгинѣ, т. е. Маріи Ѳеодоровнѣ. Между тѣмъ, по тексту г. Геннади выходитъ какъ будто ходили къ рукѣ новорожденной великой княжны.

— 70, прим. 1. „Послѣ него (графа

С. П. Румянцова) былъ тамъ (въ Берлинѣ) графъ В. Нессельродъ до 1794 г.," а на стр. 89 сказано, что Нессельродъ оставался въ Берлинѣ до 1793 и вторично посланъ (туда) въ 1794 г.

Стр. 73. 29 Іюня. Въ числѣ распоряженій по случаю войны съ Швеціей было приказано „учебнымъ судамъ новой конструкціи..... разъѣзжать въ шхерахъ....." Вмѣсто „учебнымъ" у Св. (ч. X, стр. 95) стоитъ „гребнымъ."

— 74. „2 Іюля. Данъ еще Архарову Указъ о вольномъ наборѣ изъ крестьянъ казеннаго вѣдомства, изъ содержащихся въ Крихсрехтѣ отъ полевыхъ полковъ; прощено 96 человѣкъ для укомплектованія здѣшнихъ командъ."—Тоже читаемъ и у Свиньина (тмже стр. 98); только у него, при другой разстановкѣ знаковъ препинанія, выходитъ другой болѣе правильный смыслъ: „Данъ еще Архарову указъ о вольномъ наборѣ изъ крестьянъ казеннаго вѣдомства. Изъ содержащихся въ Крихсрехтѣ отъ полевыхъ полковъ прощено 96 человѣкъ...."

— 75 — „5 Іюля. Миля морская, по справкѣ въ Адмиралтейской Коллегіи, составляетъ 7-мь верстъ Россійскихъ." Допустимъ, что въ рукописяхъ, съ которыхъ печатались Записки Храповицкаго, могла стоять подобная нелѣпость. Но какъ же издателю не обратить на нее вниманія? Если бы онъ заглянулъ въ изданіе Свиньина (тмже, стр. 166) то увидѣлъ бы, что у него морская миля, и тоже „по справкѣ въ Адмиралтействѣ, составляетъ 1¾ версты Россійскихъ," какъ это и есть дѣйствительно.

— 76. Подъ 10 Іюлемъ говорится о побѣдѣ, одержанной Грейгомъ надъ флотомъ, бывшимъ подъ начальствомъ принца Карла, герцога Зюдерманландскаго, и при этомъ имени сдѣлана выноска, въ которой сказано, кто такой былъ принцъ Карлъ. Но объ немъ уже было упомянуто выше подъ 20 Іюнемъ (стр. 69); по этому и объясненіе, до него относящееся, приличнѣе было отнести туда, гдѣ объ немъ сказано въ первый разъ.

Стр. 78, прим. 1. „Тогда генералъ-адъютантъ, генералъ-аншефъ, командиръ V дивизіи и проч."—Но не видно, къ кому относится это замѣчаніе? И какой смыслъ тутъ имѣетъ „и проч."?

— 81. Здѣсь сдѣланы всего два примѣчанія къ тексту. При контръ-адмиралѣ Козляиновѣ замѣчено, что его звали Тимоѳей Гавриловичъ; а о капитанахъ (кораблей) полковничьяго ранга Макаровѣ и Эльфингстонѣ, и о генералъ-маіорѣ Одинцовѣ и контръ-адмиралѣ фонъ-Дезинѣ не означено ихъ именъ и отчествъ. Что-нибудь одно,—либо надо было означить имена всѣхъ ихъ, либо не называть и Козляинова.

Въ другомъ примѣчаніи, при имени Григорья Якимовича Лемана сказано: „къ артиллерійской экспедиціи Адмиралъ Коллегіи".—Вѣроятно здѣсь слѣдовало сказать: служилъ или состоялъ въ артиллерійской экспедиціи адмиралтействъ-коллегіи.

— 82. О фонъ-Дезинѣ, братѣ Вилима Петровича, Мартынѣ Петровичѣ, сказано, что онъ тоже контръ-адмиралъ. Но Вилимъ Петровичъ на слѣдующей же страницѣ названъ вице-адмираломъ.

— 85, въ прим. 1-мъ князь Голицынъ названъ небывалымъ у насъ чиномъ оберъ-канцлера. Это конечно ошибка отъ небрежности, и надлежало сказать, что онъ переименованъ въ оберъ-камергеры, какъ онъ и показанъ тутъ же въ самомъ текстѣ. Замѣтка объ этомъ же князѣ Голицынѣ, такого же содержанія, какъ и помѣщенная здѣсь, повторена на стр. 179, и тамъ сказано, что онъ изъ вице-канцлеровъ переименованъ въ камергеры.

— 102. Храповицкій разсказываетъ, что по приказанію императ-

рицы, онъ взялъ у Н. И. Салтыкова звѣзду и орденъ св. Александра Невскаго „и привезъ ленту“.—У Св. (ч. XI, стр. 203) вмѣсто „привезъ“—„привязалъ“, т. е. ленту къ ордену. Послѣднее будетъ вѣрнѣе, ибо государыня велѣла ему во время собранія Эрмитажа, „держать орденъ въ карманѣ“, разумѣется на случай, если бы она вздумала кого-нибудь имъ пожаловать, то чтобы тутъ же могла и возложить его на кого предполагала.

Стр. 104. 6 Сент.—Едва ли Храповицкій, записавъ разговоръ свой съ императрицею, могъ назвать ее „Ваше Высочество“.?

— 118. Примѣч. 3 относится къ И. А. Вейдемееру, о которомъ упомянуто въ самомъ текстѣ. Оно въ сравненіи съ другими, довольно полно, хотя изложено не совсѣмъ грамотно. Но съ какой же стати упоминается тутъ объ его сынѣ? Если онъ „извѣстенъ какъ писатель“, то хорошо бы также знать, что онъ писалъ.

— 121. Подъ 17 Октябремъ, говоря о болѣзни Грейга, Храповицкій пишетъ „что ему стало лучше 14 Октября, но въ большую впалъ слабость. 15 Октября 6 нашихъ кораблей пришли въ Кронштадтъ“.—У Свин. (т. XII, стр. 168) это мѣсто передано такъ, что Грейгу стало „лучше 14 Окт., но онъ въ большую слабость впалъ 15 Окт.—6 нашихъ кораблей пришли въ Кронштадтъ“.... Свиньинская редакція тѣмъ болѣе имѣетъ на своей сторонѣ правильности, что Грейгъ умеръ 15 Октяб. въ 8 часовъ вечера.

— 123. 21 Октября. Храповицкій поднесъ императрицѣ „Ѣзду въ островъ любви, Дейдамію и трагедіи Ломоносова“. При „Ѣздѣ въ островъ любви“ сдѣлана выноска и въ примѣчаніи объяснено, что это: „сочиненіе Тредьяковскаго“. Но вѣдь и Дейдамія его же сочиненіе; по этому слѣдовало выноску поставить при Дейдаміи и въ примѣчаніи сказать: сочиненія Тредьяковскаго. А всего бы лучше не дѣлать тутъ никакого примѣчанія.

Стр. 129. 5 Ноября. Императрица, пишетъ Храповицкій, сказала И. П. Елагину привѣтствіе „при выходѣ изъ бrилліантовой“. У Св. (ч. XII, стр. 348) вмѣсто послѣдняго слова стоитъ „билліардной“.

Тутъ же упоминается о графѣ Н. П. Румянцовѣ и въ примѣчаніи сказано только: „министръ во Франкфуртѣ на М. съ 1781 года“.—Это тотъ государственный канцлеръ графъ Румянцовъ, который оставилъ послѣ себя такіе превосходныя свидѣтельства своей любви къ просвѣщенію, какъ наприм. Музеумъ, Собраніе государственныхъ грамотъ и договоровъ и многіе другіе памятники древней русской письменности, изданные имъ на свое иждивеніе. Изъ приведенной же замѣтки можно подумать, что онъ только и былъ министръ во Франкфуртѣ.

— 134. Въ прим. 2 о Вейдемеерѣ повторено почти дословно то, что уже объ немъ сказано было на стр. 118.

Подобныхъ повтореній встрѣчается нѣсколько.

— 135. Въ дополненіе къ замѣчаніямъ о неправильной разстановкѣ знаковъ препинанія укажемъ и на слѣдующее: Храповицкій подъ 16 Ноябремъ пишетъ: „..... полученъ рапортъ отъ фонъ Дезина, что онъ....... ушелъ на зимовье, не видавъ рапорта: слышалъ сіе отъ Ея Величества“.—У Свин. (ч. XIII, стр. 62) конецъ переданъ такъ: „.... ушелъ на зимовье. Не видавъ рапорта, слышалъ сіе отъ Е. В—ва“. Чтобы признать правильность редакціи списка г. Геннади, относительно пунктуаціи, слѣдовало бы слово „рапорта“ замѣнить какимъ-нибудь другимъ, напр. „непріятеля“. Но Свиньинская редакція, при другой пунктуаціи, дѣлаетъ это мѣсто очень яснымъ безъ всякаго измѣненія текста.

— 136. При упоминаніи о Спренгпортенѣ и Егергорнѣ сдѣлано примѣ-

чаніе: „Шведы, измѣнившіе королю и передавшіеся къ Русскимъ“ (правильнѣе, передавшіеся Русскимъ).— О Спренгпортенѣ было до этого упомянуто болѣе двадцати разъ, и при второмъ разѣ означены его имя, отчество и время пожалованія его барономъ и графомъ. Объ Егергорнѣ тоже сказано было нѣсколько разъ. Отчего же вдругъ въ этомъ мѣстѣ понадобилась объ нихъ замѣтка, въ сущности совершенно лишняя, потому что изъ самыхъ Записокъ видно, какіе это были господа.

Тутъ же Храповицкій записываетъ: „переписывалъ пословицу на русскій языкъ“. Едва ли Храповицкій могъ такъ выразиться. Переписывать на русскій языкъ нельзя иначе какъ съ русскаго же языка; съ другаго языка было бы переводить. У Свин. (ч. XIII, стр. 63) поставлено „на рус. языкѣ“. Храповицкій упомянулъ объ языкѣ потому, что многія піесы писались Екатериною и другими по французски.

Стр. 140. 28 Ноября. „Думаютъ (т. е. императрица), что приближающаяся кончина короля Англійскаго и посланные en clair письма къ Нессельроду, заставятъ подумать князя Прозоровскаго“.—Какое отношеніе имѣетъ умирающій Англійскій король и посланныя къ Нессельроду письма en clair къ князю Прозоровскому, который въ это время былъ генералъ-губернаторомъ Орловскаго и Курскаго намѣстничествъ,—совершенно не понятно. Въ Свиньинскомъ изданіи (ч. XIII, стр. 75) въ этомъ мѣстѣ, вмѣсто князя Прозоровскаго, стоятъ только начальныя буквы К. П. Не много нужно догадливости, чтобы при чтеніи предшествовавшихъ событій, понять, что буквы К. П. означаютъ вовсе не князя Прозоровскаго, а короля Прусскаго, который во все это время находился въ непріязненныхъ къ намъ отношеніяхъ и сильно противъ насъ интриговалъ.

Стр. 141, 2 Декабря. „Читали мнѣ .....многозамыкающее въ себѣ письмо....“—Думаемъ, что тутъ, вмѣсто „замыкающее“, Храповицкій написалъ „заключающее“; такъ и у Св. (ч. XIII, стр. 76).

На этой же стр. въ прим. 2 написано біографическое извѣстіе о В. С. Перекусихинѣ. Но объ немъ уже было сообщено такое извѣстіе и гораздо полнѣе на стр. 119.—Въ этомъ примѣчаніи пояснено, кто былъ тогда камеръ - цалмейстеромъ придворной конторы. Но о камеръ-цалмейстерѣ въ текстѣ упоминается на другой страницѣ (142), по этому и важное это примѣчаніе слѣдовало отнести туда же.

— 150. „24 Декабря.... Шведскій король, негодуя на Датчанъ за дозволеніе наше эскадрѣ зимовать въ ихъ портѣ, хочетъ ее сжечь....“—Бездѣлица лишаетъ смысла это мѣсто. Онъ тотчасъ возстановится какъ скоро вмѣсто „наше“ будетъ поставлено „нашей“, что̀ и сдѣлано у Свин. (ч. XIII, стр. 343).

— 151. „29 Декабря. Подалъ письмо полковника Бенкендорфа съ приказаніемъ Ея Величества....“ Храповицкій подалъ письмо самой государынѣ. Но какъ онъ подалъ ей письмо съ ея же приказаніемъ—это понять трудно. У Свин. (ч. XIII, стр. 347) вмѣсто „Ея Величества“ написано „Его В—ва“, что̀ и значитъ Его Высочества, т. е. великаго князя Павла Петровича.

— 153. „1 Января. Глядя на вѣдомости генерала-поручика......“ Такъ напечатано въ текстѣ. Если такъ стоитъ и въ рукописи, то кажется можно было бы принять это за описку и вмѣсто „генерала-поручика“ поставить „генералъ-прокурора“.

— 154, прим. 2. „Палласъ.... составлялъ этотъ словарь, надъ которымъ трудилась и Императрица“. Здѣсь идетъ рѣчь о Сравнительномъ Словарѣ всѣхъ языковъ и нарѣчій.

Но выше (стр. 26) объ этомъ Словарѣ уже было сдѣлано весьма обстоятельное примѣчаніе и здѣсь оставалось бы только сдѣлать на него ссылку. Правда, что здѣсь обозначена характеристика Палласа: „Академикъ, извѣстный натуралистъ и путешественникъ“, чего нѣтъ въ указанномъ примѣчаніи, кромѣ академика; да и здѣсь можно бы было обойтись безъ нея. Есть имена, которыя не нуждаются въ объясненіяхъ подобнаго рода.

Стр. 158. 7 Января...... „онъ другую уже записку подаетъ графу А. Милорадовичу“.—Въ то время не было Милорадовичей графовъ. Не было также ни одного лица изъ этой фамиліи, сильнаго при дворѣ, которому бы можно было съ успѣхомъ подавать записки. У Свин. (ч. XIV, стр. 47) вмѣсто этой фамиліи поставлено сокращенно: „гр. А. М—чу„ и эти сокращенныя слова слѣдуетъ читать—графу Александру Матвѣевичу, т. е. Мамонову, который былъ тогда въ силѣ и могъ имѣть вліяніе на успѣхъ обращаемыхъ къ нему ходатайствъ.

— 167. — 29 Января. „Я отнесъ къ боярамъ сказанное о Полякахъ“. При словѣ „боярамъ“сдѣлана выноска, въ которой сказано: „въ Сенатѣ“.—Вовсе нѣтъ. Здѣсь боярами Храповицкій называетъ Совѣтъ, которому сообщались на разсужденіе многія политическія дѣла. Это можно видѣть изъ разныхъ мѣстъ въ Запискахъ и не далѣе какъ на стр. 156, подъ 25 Январемъ, гдѣ въ одной рѣчи говорится и о Совѣтѣ и о боярахъ. Это названіе здѣсь употребляется болѣе въ смыслѣ ироническомъ.

— 169. 2 Февраля. „Кажется похожимъ на правду“.—У Свин. (ч. XV стр. 422) „кажется не походитъ на правду“.—Разнорѣчіе важное и само вызываетъ на объясненіе.

— 3 Февраля. О преступникѣ, написавшемъ фальшивый паспортъ, въ пьянствѣ „по просьбѣ...... полицейскаго офицера, который съ тѣмъ его и поймалъ....“—У Свин. (тамъ же, стр. 422) вмѣсто „поймалъ“ поставлено „поилъ“, что по смыслу всей рѣчи будетъ правильнѣе.

Стр. 171. 10 Февраля.“..... Есть надежда, что при новомъ министерствѣ (въ Англіи).... хотя и не рѣшится союзъ съ Пруссіею.....“ У Свин. (тамъ же, стр. 422) вмѣсто „рѣшится“ стоитъ „рушится“, и этотъ варіантъ дѣлаетъ ясною рѣчь, затемненную словомъ рѣшится.

— 13 Февраля...... „разобрали указъ о займѣ 330 т. изъ Банка“.—У Свин. (тамъ же, стр. 427) правильнѣе „разодрали указъ“. Выше говорено было о 320 т., а здѣсь о 330 т.

— 175. 2 Марта. „Поднесены предъ самымъ обѣдомъ указы генералу прокурору присланные“.... Свин. (ч. XVI стр. 79) передаетъ это мѣсто такъ, что не оставляетъ никакого сомнѣнія въ его ясности: „Подписаны..... указы генералъ прокуроромъ присланные“.

— 179, прим. 1. О переименованіи князя А. М. Голицына изъ вице-канцлеровъ въ камергеры мы замѣтили уже выше. Но кромѣ сего въ этомъ же примѣчаніи сказано, что „послѣ него былъ вице-канцлеромъ гр. Ив. Андр. Остерманъ, который въ 1796 пожалованъ въ государственные канцлеры“.—Графъ Остерманъ, о которомъ въ этомъ мѣстѣ Записокъ нѣтъ и помину, подошелъ тутъ ни къ селу, ни къ городу. Если онъ здѣсь понадобился, то почему уже не сказать, кто былъ вице-канцлеромъ до князя Голицына и мало ли что можно еще придумать, не идущаго къ стати.

— 192, прим. 2. „П. Ѳ. Балкъ, сынъ знаменитой г-жи Балкъ, рожд. Монсъ.....“ и тутъ же далѣе: „Матрена (Балкъ-Полева) за извѣстнымъ С. В. Салтыковымъ“. — Но чѣмъ же одна знаменита, а другой извѣстенъ?

Впереди мы уже встрѣтили нѣсколько лицъ, обозначенныхъ этимъ ничего не поясняющимъ титуломъ извѣстныхъ: Михельсонъ (стр. 16), Шешковскій (стр. 49), графъ Сухтеленъ (стр. 153) и даже Палласъ вошли въ этотъ разрядъ. За тѣмъ на стр. 196 прим. 1, мы находимъ еще одного извѣстнаго, именно, графа Якова Алексѣевича Брюса. Въ Запискахъ говорится о дочери графа Брюса „la fille du C-te de Bruce“. Къ ней то и сдѣлана замѣтка, въ которой сказано, что она „дочь извѣстнаго графа Якова Алексѣевича Брюса“. Но на повѣрку выходитъ, что этотъ извѣстный графъ Яковъ Алексѣевичъ, дѣлается вовсе неизвѣстнымъ. Мы укажемъ здѣсь на всѣхъ членовъ этой фамиліи со времени переселенія ея въ Россію, и между ними не найдемъ извѣстнаго Якова Алексѣевича Брюса. Первый изъ Брюсовъ, пріѣхавшій въ Россію, при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, былъ Вилліамъ Брюсъ, потомокъ Шотландскихъ королей. Послѣ него остались два сына: Романъ и Яковъ, родившіеся въ Россіи. Оба они были современники и дѣятельные сподвижники Петра I. Романъ Вилимовичъ употребленъ былъ преимущественно при построеніи Петербурга и Петропавловской крѣпости. Онъ имѣлъ званіе петербургскаго оберъ-коменданта и былъ членомъ военной коллегіи. Меньшой братъ его Яковъ Вилимовичъ посвятилъ себя артиллерійской части и былъ генералъ-фельдцейхмейстеромъ, имѣлъ Андреевскій орденъ, получилъ графское достоинство и при учрежденіи коллегій сдѣланъ былъ президентомъ бергъ и мануфактуръ коллегіи. При оставленіи имъ службы, въ царствованіе Екатерины I, онъ пожалованъ былъ генералъ-фельдмаршаломъ. Сверхъ государственныхъ заслугъ онъ постоянно занимался науками и составилъ столѣтній календарь, извѣстный подъ именемъ Брюсова календаря. Кабинетъ свой, состоявшій изъ механическихъ, астрономическихъ и физическихъ машинъ и инструментовъ, также изъ минералогическаго и нумизматическаго собраній, онъ завѣщалъ, вмѣстѣ съ богатою своею библіотекою, Академіи Наукъ. Графъ Яковъ Вилимовичъ не оставилъ по себѣ потомства. У Романа Вилимовича былъ сынъ Александръ Романовичъ. Онъ получилъ при императрицѣ Аннѣ графское достоинство, въ память заслугъ его дяди и былъ женатъ, во второмъ бракѣ, на возвращенной изъ ссылки, бывшей невѣстѣ императора Петра II, княжнѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ Долгоруковой. У него былъ сынъ, отъ перваго брака, графъ Яковъ Александровичъ. Службою своею онъ достигъ до чина генералъ-аншефа и имѣлъ Андреевскій орденъ. Послѣ него не осталось дѣтей мужескаго пола. Вотъ всѣ лица, принадлежащія къ фамиліи Брюсовъ. Свѣдѣнія объ нихъ мы заимствовали изъ печатныхъ источниковъ, всѣмъ доступныхъ, и не нашли извѣстнаго графа Якова Алексѣевича Брюса.

Обращаясь къ дочери графа, графинѣ Екатеринѣ Яковлевнѣ, мы читаемъ въ означенной замѣткѣ, что „она въ послѣдствіи была замужемъ за гр. Вал. Валент. Мусинымъ-Пушкинымъ.“.... Жаль, что здѣсь не поставлено полное имя графа Мусина-Пушкина. Такъ какъ оно здѣсь написано, можно подумать, что его звали Валентинъ, Валентъ, Валеріанъ или Валерій; между тѣмъ какъ этотъ графъ Мусинъ-Пушкинъ-Брюсъ, о которомъ здѣсь упоминается, назывался Василій Валентиновичъ.

Стр. 196. Послѣ разсказа о томъ, что происходило 22 Іюня, въ изданіи г. Геннади сдѣланъ большой пропускъ сравнительно съ изданіемъ Свиньина. Въ этомъ послѣднемъ (ч. XVII, стр. 55 и 56) говорится о проэктѣ рескрипта къ князю Потемкину, содержащемъ мирныя условія съ Турками.

— 197. 28 Іюня. „Поднесъ 2-й

томъ Клинкера, перевода Захарова...“ О Захаровѣ, какъ переводчикѣ книги: „Путешествіе Гумфри Клинкера“, упоминается здѣсь уже въ третій разъ (см. стр. 148 и 154); но только при этомъ разѣ издатель счелъ нужнымъ сдѣлать объ немъ замѣтку, въ которой, между прочимъ, сказалъ, что Захаровъ былъ предсѣдателемъ Бесѣды любителей Русскаго слова. Это не совсѣмъ вѣрно. Бесѣда любителей была раздѣлена на четыре разряда, и въ каждомъ изъ нихъ былъ свой предсѣдатель. Въ этомъ званіи были Шишковъ, Державинъ, Хвостовъ (А. С.) и помянутый Захаровъ. Спустя два года послѣ открытія Бесѣды на мѣсто Захарова, былъ избранъ Муравьевъ-Апостолъ, а Захаровъ оставался дѣйствительнымъ членомъ.

Стр. 199, прим. 2. „Графъ Вильгельмъ Н. былъ тогда посланникомъ въ Берлинѣ“.—Говорится о Нессельродѣ, о которомъ уже было сказано два раза на стр. 70 и 89. Послѣ того объ немъ упоминается въ Запискахъ нѣсколько разъ. Отъ чего же вдругъ здѣсь понадобилось напомнить, что онъ былъ посланникомъ въ Берлинѣ?

— 202. 6 Августа. Императрица спрашиваетъ Храповицкаго: „Когда мы ѣдемъ въ городъ?“—Завтра—dit-on cela?—Такъ говорятъ“.—Здѣсь не правильная, или, вѣрнѣе сказать, небрежная постановка знаковъ препинанія дѣлаетъ это мѣсто темнымъ. Вотъ какъ бы слѣдовало: „Когда мы ѣдемъ въ городъ?“—Завтра.—„Dit-on cela?“—Такъ говорятъ.

— 210, прим. 1. „Clarisse Harlow, романъ Фильдинга“.—Это весьма замѣчательная библіографическая новость! Тутъ же въ прим. 2 объяснено, что „Императрица получила книгу 7-го Сентября“. Заглянувъ въ это число (стр. 205), увидимъ, что Храповицкій „купилъ и поднесъ la Clarisse de Richardson“.

— 212. Подъ 15 Ноябремъ упомянуто о пожалованіи въ полковники и флигель-адъютанты Валеріана Александровича Зубова, пріѣхавшаго съ извѣстіемъ о взятіи Бендеръ. Здѣсь сдѣлана выноска подъ цифрою 2 и въ примѣчаніи написано: „Десять тысячь р., табакерка съ вензелемъ въ двѣ т. р., перстень въ 8 т. р. Внизу спектакль и ужинъ.“—Все это поставлено въ ряду прочихъ примѣчаній издателя, которыхъ на этой страницѣ пришлось пять. Но эта выноска съ примѣчаніями есть и у Свин. (ч. XVIII, стр. 396), кромѣ спектакля и ужина; слѣдовательно примѣчаніе это принадлежитъ не издателю Записокъ, а самому Храповицкому, дополнившему число наградъ, полученныхъ Зубовымъ, и о которыхъ онъ вѣроятно узналъ послѣ, какъ уже внесъ въ свои Записки случившееся 15 Ноября.

Стр. 213, прим. 1. Замѣчаніе о графѣ Д. П. Бутурлинѣ было бы очень удовлетворительно, если бы въ концѣ его не была сдѣлана грубая ошибка. Здѣсь говорится, что этотъ Бутурлинъ былъ участникомъ въ составленіи пасквилей (каррикатуръ) „за которыя, вмѣстѣ съ Б. попались въ 1785 году Дивовы и фрейлина Энгельгардтъ. Объ этомъ разсказываетъ В. Энгельгардтъ въ своихъ Запискахъ, въ концѣ 1785 г.“ Въ запискахъ Л. Н. Энгельгардта (стр. 46) не выставлено фамиліи, которая означена только буквою Э., и смѣлая догадка г. Геннади не подтверждается никакимъ основательнымъ даннымъ. Къ разсказу Энгельгардта объ этомъ произшествіи М. Н. Лонгиновъ дѣлаетъ свое примѣчаніе, и подражая скромности автора, говоритъ: „фрейлина Э....—дочь графа Ивана Карловича Э....., умершаго въ 1802 году.“ (Вмѣсто Карловича), мы поставили бы только Карповича. Кажется ясно, что это не могла быть Энгельгардтъ. Ни одинъ изъ членовъ этой фамиліи не имѣлъ графскаго титула.

— 217. „9 Февраля. Не было-ли

ничего (sic) новаго pendant depuis le soir d'hier jusqu' à ce moment (т. е., время отъ исповѣди до возращенія отъ причастія)." — Здѣсь во французской фразѣ нѣтъ смысла, который находимъ въ изданіи Свин. (ч. XVIII, стр. 406). У него напечатано: „pendant ma mort depuis le soir d'hier...."

Стр. 221. При разсказѣ о сраженіи нашего флота съ Шведскимъ, бывшемъ 2 Мая 1790 при Ревелѣ, сдѣлана замѣтка: „за это дѣло В. Я. Чичаговъ получилъ орденъ Св. Георгія 1-го класса и болѣе 2000 душъ крестьянъ въ Бѣлоруссіи." Далѣе въ текстѣ записокъ подъ 26 Іюнемъ говорится объ этой же наградѣ, данной Чичагову за сраженіе, происходившее 22 Іюня. Если авторъ примѣчанія имѣлъ свѣдѣнія болѣе вѣрныя, чѣмъ современникъ и даже очевидецъ Храповицкій, то нельзя было оставить этаго безъ поясненія.

— 222. 7 Мая. Тутъ говорится, что „тридцати кораблямъ въ атакѣ данъ былъ сигналъ къ ретирадѣ...." — У Свин. (ч. XX, стр. 225) упомянуто о тринатцати корабляхъ. Вѣрность этой цифры подтверждается еще тѣмъ, что выше подъ 4 Маемъ сказано, что весь Шведской флотъ, сдѣлавшій нападеніе на нашъ, состоялъ изъ 26 линейныхъ кораблей и фрегатовъ.

—Стр. 230. Подъ 26 Августомъ Храповицкій говоритъ о сынѣ графа Александра Сергѣевича Строганова и тутъ же, только въ другой строкѣ, записываетъ: „Графъ былъ на дачѣ. Разговоръ о дачѣ: s'il y est avec sa famille?" — При этихъ словахъ сдѣлана выноска, и въ примѣчаніи читаемъ: „Здѣсь разумѣется Италіянская пѣвица Davia, съ которою князь жилъ." — Это замѣчаніе, вмѣсто поясненія, еще болѣе затемняетъ недовольно ясный текстъ. Откуда взялся здѣсь князь, когда рѣчь идетъ о какомъ то графѣ (только очевидно не о Строгановѣ)? Изданіе Свиньина выводитъ насъ изъ этой путаницы. У него (ч. XX стр. 496) записано: „Графъ Без. на дачѣ." — Теперь понятно, что рѣчь идетъ о графѣ Безбородко; по этому назвать его здѣсь княземъ казалось бы не умѣстно

Стр. 232, прим. 1. При упоминаніи о Ваксель (въ 1790 году) сдѣлана ссылка и въ ней сказано, что по мѣсяцослову 1787, въ Москвѣ, въ Межевой канцеляріи ст. сов. Василій Савельевичъ Ваксель (?). Но неправильнѣе ли было бы справиться съ мѣсяцословомъ 1790 года?

— 233. О Мелиссино въ примѣч. сказано: „Петръ Ивановичъ, артиллеристъ (р. 1726, ум. 1797), тогда Генералъ-Поручикъ, Директоръ Артиллерійскаго и Инженернаго Кадетскаго Корпуса." — Что объясняетъ названіе артиллеристъ? Вѣдь и рядовой, который ѣздитъ съ банникомъ или тотъ, который сидитъ на лошади, везущей пушку и командиръ батареи—это все вѣдь артиллеристы. Мелиссино заслуживалъ бы, кажется, болѣе обстоятельнаго объясненія.

— 251. О банкирѣ Сутерландѣ упоминается въ Запискахъ довольно часто, но только три раза объ немъ сдѣлано поясненіе; въ 1-й разъ на стр. 105 сказано: „банкиръ Петербургскій;" во 2-й разъ на стр. 162 замѣчено: „банкиръ въ Петербургѣ," и наконецъ въ 3-й стр. 251—„придворный банкиръ". Трудно дать себѣ отвѣтъ, почему объ немъ замѣчено только три раза, а не пять, шесть или хоть десять? Казалось бы довольно и одного раза, но тамъ гдѣ объ немъ упоминается въ первый разъ.

Стр. 252. 17 Октября. „..... Зубовъ удивился отъ Д. П. Трощинскаго, что секретари Ея Высочества докладываютъ по входящимъ бумагамъ...." — Не посягая на исправленіе текста Записокъ, можно бы было, кажется, замѣтить, что здѣсь что-нибудь пропущено и вѣроятно слѣдовало написать: „удивился, узнавъ отъ Д. П. Трощинскаго." Что же касается до Ея Высо-

чества, то сомнѣваемся, чтобы такъ написалъ Храповицкій. Впрочемъ это повторяется не одинъ разъ. На этой страницѣ Храповицкій говоритъ самой Екатеринѣ: „Все это ниже Вашего Высочества.“

Стр. 261. Въ прим. 1. о Беклешовѣ, при исчисленіи должностей, которыя онъ занималъ, между прочимъ сказано, что онъ былъ „Сенаторомъ, Генералъ-Прокуроромъ; 2 Февраля 1800 уволенъ, но 16 Марта 1801 снова назначенъ Оберъ-Прокуроромъ.“ — Не можетъ быть, чтобы изъ Генералъ-Прокуроровъ онъ былъ назначенъ Оберъ-Прокуроромъ! Далѣе: „во время войны— главнокомандующимъ второю областью земскаго войска.“—Какой войны?

Стр. — 29 Февраля. Храповицкій говоритъ о проживавшей долгое время въ Парижѣ кн. Варварѣ Шаховской, которая выдала дочь за Принца Аренберга.—Къ этому сдѣланы два примѣчанія; въ первомъ сказано: „Урожденная баронесса Строганова......; ея дочь Елисавета Борисовна.... была за графомъ Аренбергомъ, потомъ за княземъ Шаховскимъ.“ При обѣихъ лицахъ показаны годы ихъ рожденій и смерти; во второмъ примѣчаніи приведенъ весьма любопытный документъ, именно рескриптъ Екатерины II къ князю Прозоровскому объ означенныхъ особахъ. Въ этомъ рескриптѣ Аренбергъ названъ княземъ.—Почему же г. Геннади называетъ его графомъ? Далѣе, если Елисавета Борисовна, урожденная княжна Шаховская, вышла въ послѣдствіи за мужъ за князя Шаховскаго, то нужно было бы объяснить подробнѣе личность этаго послѣдняго, чтобы избѣжать запутанности.

Стр. 263. Подъ 3 Апрѣлемъ говорится о недостаткѣ въ кассѣ умершаго банкира Сутерланда: „Роздано въ долги 2,500 р., Князю Потемкину 700 т. и проч. боярамъ.“—Очевидно, что первая цифра помѣщена ошибкою, и издатель не можетъ сказать въ свое оправданіе, что такъ находится въ рукописи или въ рукописяхъ. (Въ его рукахъ были только два списка, а не подлинникъ); но допустимъ, что такъ могло быть написано и въ подлинныхъ Запискахъ; то все таки, какъ мы уже говорили нѣсколько разъ, обязанностію издателя было означить подобную невѣрность, не исправляя ее въ текстѣ.

Стр. 264. Въ прим. 4 объ Симолинѣ замѣчено: „Нашъ министръ въ Парижѣ.“ — Повтореніе того, что̀ уже было сказано на стр. 117. Но отъ этой страницы до настоящей объ немъ говорилось нѣсколько разъ и не было сдѣлано замѣчанія; почему же онъ вдругъ здѣсь является? Развѣ на прощаньи, потому что объ немъ уже болѣе не будетъ рѣчи.

— 267. 20 Мая. „..... сказали только:“ c'est bien ennueux, mais il faut passer parler.“—Мы не затруднились бы поставить вмѣсто parler—par là, хотя бы самъ Храповицкій написалъ такъ какъ здѣсь напечатано.

Стр. 267. 26 Мая. „На сей почтѣ князь Прозоровскій поданное ему письмо отъ Моск. губернатора П. В. Лопухина, гдѣ проситъ оправданія отъ названія мартинистомъ.....“ — здѣсь послѣ слова „кн. Прозоровскій“ вѣроятно пропущено: „прислалъ;“ иначе нѣтъ смысла. Но кромѣ этаго, объясненіе при фамиліи Лопухина какъ бы само напрашивается, чтобы отличить двухъ Лопухиныхъ, изъ которыхъ одинъ отрекался отъ названія мартинистомъ, а другой ставилъ себѣ за честь принадлежать къ послѣдователямъ этаго ученія. О первомъ уже было упомянуто въ одномъ изъ примѣчаній на стр. 54. Другой Лопухинъ, Иванъ Владиміровичъ, мартинистъ по убѣжденію, участникъ Новикова въ той долѣ его дѣятельности, которая касалась до распространенія масонскаго ученія, подвергся за это преслѣдованію правительства. Кромѣ многихъ сочиненій и переводовъ, изъ коихъ большая часть писана въ духѣ

масонства, онъ оставилъ послѣ себя Записки, или вѣрнѣе, свою автобіографію, гдѣ конечно выставляетъ всѣ свои дѣйствія въ самомъ благовидномъ свѣтѣ. Записки эти напечатаны въ Чтеніяхъ Москов. общ. исторіи и древн. Россійскихъ, 1860. Кн. II и III. и изданы отдѣльными оттисками.

Стр. 272. Подъ 19 Августомъ говорится о лицахъ, подпавшихъ подъ слѣдствіе по дѣлу Новикова, и въ числѣ ихъ упоминается о Турчаниновѣ: „Турчанинова же нѣтъ теперь въ Москвѣ и допроса ему еще не дѣлано.“—Но это вовсе не Турчаниновъ, а Тургеневъ, который на этой страницѣ подъ 2 Августомъ поставленъ вмѣстѣ съ княземъ Трубецкимъ и Лопухинымъ.

— 275. Въ примѣчаніи помѣщено біографическое извѣстіе о графѣ Ю. Ю. Броунѣ и въ концѣ сказано: „О немъ см. въ Военно-Энц., лексиконѣ, II, 510.„—Библіографу слѣдовало по крайней мѣрѣ означить котораго изданія; ибо ихъ было два и при томъ не измѣнять названія, книги. Она называется: Военный Энциклопедическій лексиконъ.

— 276. Въ примѣч. о Мятлевѣ сказано: „отецъ писателя: автора Сенсацій Курдюковой и проч.“—То есть писатель Мятлевъ написалъ книгу подъ названіемъ: Авторъ Сенсацій Курдюковой. Иначе нельзя понимать.

— 286. Подъ 4 Маемъ Храповицкій пишетъ: „Сказывали, что Елагинъ дивится, откуда собранъ родословникъ древнихъ князей Россійскихъ.“ Къ этому сдѣлано примѣчаніе: „Здѣсь говорится о родословіи великихъ князей, составленномъ государынею.“—И не ужели это можетъ назваться библіографическимъ примѣчаніемъ? Храповицкій называетъ книгу „Родословникъ,“ а не родословіе; у него сказано: „князей Россійскихъ,“ слѣдовательно не однихъ великихъ князей; потому что въ „Родословникъ“ вошли и удѣльные князья. Въ каталогахъ Сопикова и Смирдина заглавіе этой книги означено вотъ какъ: „Родословникъ Князей Великихъ и Удѣльныхъ рода Рюрикова. Спб. 1793.—въ 8.“ Такъ у Сопикова (IV, № 9770); у Смирдина же (№ 2367) вмѣсто „Рюрикова“ поставлено „Рюрика;“ еще у него прибавлено: соч. императрицы Екатерины II и годъ означенъ 1801. Сопиковъ прибавилъ небольшое, но настоящее библіографическое примѣчаніе: „Сіе сочиненіе составляетъ пятую часть Записокъ касательно Россійской Исторіи“ (см. у него же III, № 4190).

Стр. 286—7. Подъ 7 Маемъ Храповицкій разсказываетъ, что императрица затруднилась въ выборѣ подарка одному крестьянину за пару бѣлыхъ павлиновъ. Храповицкій, отвѣчая на это, замѣтилъ, что „Никита Ѳедоровъ (имя этаго крестьянина) мужикъ богатый и деньгами подарить его не легко.“—У Свин. (ч. XXXIII, стр. 152) вмѣсто послѣдняго слова поставлено „не ловко.“ Мы принимаемъ это чтеніе за болѣе правильное, что даже видно изъ послѣдующаго за тѣмъ: Екатерина пожаловала этому Никитѣ Ѳедорову кружку въ 150 рублей.

— 288. 20 Мая. „Тутъ попалъ рапортъ Уфимскаго губернатора, генералъ-поручика Пеутлинга.....“—При этомъ имени сдѣлана выноска, и въ примѣчаніи сказано, что „Пеутлингъ, правившій должность (какую, не объяснено) по отъѣздѣ барона О. А. Игельстрома, генералъ-маіоръ и проч.“ Въ текстѣ Пеутлингъ названъ генералъ-поручикомъ, что равнялось нынѣшнему генералъ-лейтенанту. Если источники, по которымъ сдѣлано это примѣчаніе, достовѣрнѣе Записокъ Храповицкаго, и Пеутлингъ былъ дѣйствительно генералъ-маіоръ, то издателю непремѣнно слѣдовало замѣтить неточность текста и указать свои вѣрнѣйшіе источники.

— 291. 17 Іюля. „....трактатъ под-

писанъ 11 Іюня; въ день рожденія и имянинъ великія княжны Ольги Павловны.“ —У Свин. (ч. XXXIII, стр. 162) тоже поставлено „Іюня.“ Очень можетъ быть, что эта ошибка вкралась въ разные списки; но она такъ очевидна, что ее не слѣдовало оставлять безъ поправки.

Стр. 293. Въ прим. 2 сдѣлано очень хорошее объясненіе на книгу: „Le secret de la société anti-absurde и проч., сочиненную Екатериною, и на переводы этой книги. Г. Геннади выписываетъ съ точностію заглавіе обѣихъ переводовъ и приписывая Храповицкому второй переводъ, ставитъ годъ изданія 1759. Такъ поставлено и у Сопикова (V, № 11679). Но этотъ годъ очевидно поддѣльный, что̀ и надобно было пояснить. Вѣдь сказалъ же г. Геннади, что подлинникъ напечатанъ въ Петербургѣ, тогда какъ на книгѣ означено à Cologne. Въ 1759 году Екатеринѣ (еще бывшей великою княгинею) было не до сочиненія какихъ бы то ни было книгъ, а Храповицкому было тогда только 10 лѣтъ. Онъ род. въ 1749 году.

Мы кончили наши замѣчанія и, не смотря на ихъ количество, должны сознаться, что указали еще не на всѣ ошибки и промахи, которыми въ такомъ обиліи наполнено изданіе Записокъ Храповицкаго. Мы увѣрены, что нѣкоторыя изъ сдѣланныхъ нами замѣчаній могутъ показаться мелочными и придирчивыми, и что даже указанныя ошибки можно приписать къ корректурнымъ недосмотрамъ. Мы и сами хорошо понимаемъ, что̀ значитъ корректурная ошибка и къ сожалѣнію должны терпѣливо сносить этотъ существующій въ нашемъ типографскомъ дѣлѣ недостатокъ, потому что у насъ нѣтъ настоящихъ корректоровъ, или же ихъ весьма мало. Но ошибки редакціи, какъ бы онѣ маловажны ни были, уже относятся либо къ незнанію, либо къ небрежности; то и другое не извинительно, какъ скоро дѣло касается историческаго памятника. Дѣлая эти замѣчанія, мы постоянно ощущали грустное чувство, ибо видѣли, съ какимъ неуваженіемъ еще обращаются у насъ съ такими важными памятниками, какъ Записки Храповицкаго. Это грустное чувство становилось еще сильнѣе при мысли, что Записки изданы однимъ изъ старѣйшихъ нашихъ ученыхъ обществъ, многолѣтняя и полезная дѣятельность котораго всегда заслуживала благодарность отъ всѣхъ занимающихся отечественною исторіею. Насъ особенно поражала та небрежность, какая выказана при изданіи текста Записокъ и при составленіи къ нему примѣчаній.

Впрочемъ дѣло это исправимое. Стоитъ только г. Геннади принять на себя трудъ вновь издать Записки Храповицкаго, тщательно свѣривъ ихъ по нѣсколькимъ спискамъ, если нельзя достать подлинника, въ форматѣ болѣе изящномъ, чѣмъ изданные отдѣльные оттиски, и снабдить ихъ дѣльно составленными примѣчаніями. Какъ на образецъ ихъ мы укажемъ на примѣчанія, которыми обогащены сочиненія Державина, издаваемыя отъ академіи наукъ академикомъ Я. К. Гротомъ. Примѣчанія эти своею точностію и полнотою представляютъ живую картину времени, въ которое Державинъ писалъ свои сочиненія. Укажемъ еще на богатыя примѣчанія, сдѣланыя къ вышедшимъ давно письмамъ Н. М. Карамзина къ И. И. Дмитріеву. Эти примѣчанія составлены тоже Я. К. Гротомъ и сочленомъ его по академіи П П. Пекарскимъ.

Г. Геннади можетъ быть увѣренъ, что, издавъ такимъ образомъ Записки Храповицкаго, онъ окажетъ большую услугу наукѣ Русской Исторіи.

Д. Полѣновъ.

КРАТКІЯ СВѢДѢНІЯ О РУССКИХЪ ПИСАТЕЛЯХЪ И УЧЕНЫХЪ, УМЕРШИХЪ ВЪ 1865 ГОДУ.

(*Изъ Справочнаго Словаря о русскихъ писателяхъ и ученыхъ*, *составляемаго Г. Геннади.* (*)

Авдѣева, Екатерина Алексѣевна, урожд. Полевая, сестра извѣстныхъ писателей, р. въ Курскѣ въ 1789, ум. въ Дерптѣ, 21 Іюля 1865 г.

1) Записки и замѣчанія о Сибири М. 1837. 8°.—2) Записки о старомъ и новомъ русскомъ бытѣ. Спб. 1842, 8°.—3) Записки для городскихъ и сельскихъ хозяевъ. Спб. 1842. 12°.—4) Ручная книга русской опытной хозяйки. 3 ч. М. 1842. 12°.; 2-е изд. того же 1842 и 3-е 1843; другія изд.—Новая ручная книга... Спб. 1844, 1846, 1848, 1854. 10-е изд. 3 ч. Спб. 1865.—5) Хозяйка-экономка... Спб. 1846. —6) Карманная поваренная книга, изд. 2-е Спб. 1847, 5-е 1856 и 7-е 1865.—7) Лексиконъ экономическій (изд. съ г. Авдѣевымъ), 2 ч. Спб. 1848.—8) Русскій пѣсенникъ, 2 ч. Спб. 1848.—9) Русскія сказки для дѣтей... изд. 2-е Спб. 1848 (четыре изданія).—10) Полная хозяйственная книга 4 ч. Спб. 1851. 8°—11) Руководство къ устройству фермъ и веденію на нихъ хозяйства. Спб. 1863. 8°.

Статьи въ Отеч. Запискахъ 1848 (ч. 58 и 59), 1849, ч. 62 и 1853, ч. 88.

Энц. словарь I, 220 (*М. Михайлова.*)—*Н. Книжника*: Словарь .рус. писательницъ 1865, стр. 7.

Анненковъ, Николай Николаевичъ, генералъ-адъютантъ (съ 1844), членъ госуд. совѣта (1848), государственный контролеръ (1855), съ 1862 командовавшій кіевскимъ военнымъ округомъ и генералъ-губернаторъ юго-западнаго края, р. въ 1799 г. ум. 25 Ноября 1865 г.

Онъ въ молодости писалъ и печаталъ стихи; въ Благонамѣренномъ Измайлова, ч. XI (1820 г. № 16) есть отрывокъ его комедіи: Нерѣшительный.

N. Военный Сборникъ, т. 46, (1865, № 12) обозрѣніе, стр. 210.

Аркановъ, П. Г. окончившій курсъ въ с.-петербургскомъ университетѣ, участвовалъ въ Сѣв. Пчелѣ 1860—1861 г. и въ Свѣточѣ 1862, ум. въ Іюнѣ 1865 въ г. Мамадышахъ. (См. Книжный Вѣстникъ 1865, стр. 418).

Арсеньевъ, Константинъ Ивановичъ, сынъ священника чухломскаго уѣзда, р. 12 Окт. 1789 г. Онъ воспитывался въ костромской семинаріи и педагогич. институтѣ, въ которомъ по окончаніи курса (1811) остался преподователемъ географіи и статистики. Съ 1817 г. онъ былъ адъюнктомъ и потомъ профессоромъ спб. университета по каѳедрѣ статистики и преподавалъ съ 1816 по 1828 всеобщую исторію въ главномъ инженерномъ училищѣ и въ артиллерійскомъ училищѣ (1821—1828). За свое Начертаніе статистики, изданное въ 1818 г., онъ навлекъ на себя обвиненіе въ разныхъ превратныхъ и опасныхъ мнѣніяхъ; по доносу Магницкаго (1821) при вступленіи попечителемъ въ спб. университетъ Рунича, былъ наряженъ судъ надъ нѣсколькими профессорами, обвиненными въ распространеніи въ ихъ лекціяхъ вредныхъ мыслей и теорій, за что они были удалены изъ университета, и въ ихъ числѣ Арсеньевъ (см. объ этомъ дѣлѣ въ Чтеніяхъ 1862 кн. III и полнѣе, тамъ же 1866, кн. III). Арсеньевъ однако оставался преподавателемъ въ другихъ учебныхъ заведеніяхъ, гдѣ онъ служилъ, а въ 1824 г. поступилъ редакторомъ въ коммиссію составле-

(*) Свѣдѣнія о писателяхъ, умершихъ въ 1857 г. были сообщены въ Библіографич. Запискахъ т. I, (1858, № 12); въ 1858 г, тамъ же т. II, (1859, № 20), въ 1859 г. тамъ же т. III, (1861, № 4); въ 1860—1862 въ Рус. Архивѣ 1864, № 5 и 6; въ 1863 тамъ же, 1865, стр. 115—128; въ 1864-мъ тамъ же 1866, № 4.

нія законовъ и преподавалъ русскую исторію и статистику цесаревичу, нынѣ царствующему императору Александру Николаевичу. Онъ служилъ потомъ съ 1832 г. членомъ совѣта министерства вн. дѣлъ и завѣдывалъ дѣлами статистич. комитета (1835—1853). Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ былъ однимъ изъ основателей географическаго общества и членомъ совѣта его (1845—1847) и съ 1850 по 1854 помощникомъ предсѣдателя. Скон. 29 Ноября 1865 г. въ Петрозаводскѣ, гдѣ жилъ послѣдніе годы жизни, разбитый параличемъ.

Первыя статьи Арсеньева были въ Сынѣ Отечества 1821 (О колоніяхъ древнихъ народовъ) и въ Журналѣ древней и новой слов. 1821 (Обозрѣніе физическаго состоянія России). Другія статьи его въ Библіотекѣ для чтенія 1834, въ 1-мъ томѣ Энц. лексикона, въ Журналѣ мин. вн. дѣлъ (1832—1844), въ Трудахъ Росс. Академіи 1839 (Царствованіе Петра II), въ Запискахъ географич. общества (Обозрѣніе монетнаго дѣла въ Россіи), въ Ученыхъ запискахъ II отд. Академіи (Царствованіе Екатерины I, 1856 Историко-статистич. очеркъ народной образованности Россіи, 1854; Высшія правит. лица временъ ц. Михаила Ѳедоровича, 1858).—Въ Матеріалахъ для статистики Росс. Имперіи I, 1839 г. помѣщены его изслѣдованія объ устройствѣ управленія въ Россіи съ XV до исхода XVIII ст. и мысли объ усовершенствованіи полотнянаго производства въ Россіи. Укажемъ отдѣльно изданныя его сочиненія:

1) Обозрѣніе физическаго состоянія Россіи и выгодъ отъ того происходящихъ для народной промышленности нынѣ существующей. Спб. 1818. 8°.—2) Краткая всеобщая географія... 2-е изд. 1820 г. 3-е 1823 г. 4-е 1827, 5-е 1829, 6-е 1831, 7-е 1832, 8-е, 1833, 9-е 1833, 10-е и 11-е М. 1834, 12-е Спб. 1835 (два раза), 13-е М. 1835 и Спб. 1838, 14-е 1839, 15-е 1840, 16-е М. 1841, 17-е Спб. 1842, 18-е 1843, 19-е 1844, 20-е 1849. 3) Исторія народовъ и республикъ древней Греціи 2, ч. Спб. 1825—26, 8°. 4) Начертаніе статистики Росс. государства, 2 ч. Спб. 1818—1819. 8°.—5) Царствованіе Петра II. Спб. 1839.—6) Статистическіе очерки Россіи, Спб. 1848.—7) Царствованіе Екатерины I, Спб. 1856 года.

Біографія его, *П. Пекарскаго* въ Энц. Словарѣ V, 468—471, откуда заимствованы некрологи его въ газетахъ 1865: Спб. Вѣд № 318, Сѣв. Почта № 263 и проч.—N *П. Бушена* въ Извѣстіяхъ Географич. Общества т. I (1865, № 11) стр. 201.— *Я. Грота* отчетъ II отд. Академіи за 1865 г. стр. 10—14 (Записки Академіи т. X).

Артемовскій-Гулакъ, Петръ Петровичъ, д. с. с. въ 1819 г. былъ утвержденъ лекторомъ польскаго языка въ Харьковскомъ университетѣ, въ которомъ былъ потомъ ректоромъ (1842—1849) и орд. профессоромъ русской исторіи. Род. въ 1791, ум. въ 1865 г.

Рѣчь при открытіи курса его въ Украинскомъ Вѣстникѣ 1819, № 2, другая 1-го Сент. 1828, отдѣльно напечатанная, и диссертація: De expediendis quibusdam antiquitatis slavonicae modis. 1827.—Есть его малороссійскія стихотворенія.

Справочный Энц. Словарь I, 456.—Статья о его сочиненіяхъ, *Кулиша*, въ Основѣ 1861 г. III, 78—113 —Рѣчь при погребеніи его въ Дух. Вѣстникѣ 1865, Октябрь.—П. П. Артемовскій Гулакъ. Некрологъ. *А. Рославскаго-Петровскаго*. Харьковъ 1866. 8° (оттискъ безъ загл. листа изъ отчета Харьк. унив.).

Башмаковъ, Иванъ Ивановичъ, писавшій подъ псевдонимомъ *Иванъ Ваненко*, ум. въ Апрѣлѣ 1865 г. въ Москвѣ.

1) Чудакъ или человѣкъ какихъ мало, романъ, 3 ч. М. 1835.—2) Сказки русскія М. 1838. 12°.—3) Приключенія съ моими знакомыми 2 ч. М. 1839. 12°.—4) Пѣсни русскія М. 1841. 16°.—5) Пара новыхъ русскихъ росказней. М. 1841. 12.—2-е изд. 1845.— 5-е 1848, 6-е 1857. — 6) Звѣздочка, разныя сочиненія, 2 ч. М. 1842.—7) Тысяча и одна минута. Собраніе рус-

скихъ сказокъ, 4 ч. М. 1843. 16°. 8) Моск. Кремль въ натурѣ или модель Кремля. М. 1845. (Текстъ къ изданію Трегубова.)—9) Суворъ мужичекъ. Русская сказка въ дѣйствіяхъ. М. 1846. 12°—10) Бричка или обратный путь съ Парнаса—11) Вѣтка, собраніе русскихъ пѣсенъ, 2 ч. М. 1853. 12°—12) Пять новыхъ росказней. 1853.—13) Правое дѣло Россіи, стих. М. 1854. 8°—14) Русское сердце, повѣсть М. 1854. 12°—15) Боярышня Несмѣяна. Сказка. М. 1854. 18°—16) Святая Русь и враги ея, стих. М. 1855. 8°—17) Осада Севастополя, или таковы русскіе. М. 1855. 8°—18) Обхожденіе русскихъ съ врагами. М. 1855. 16°—19) Семейныя приключенія животныхъ, 2 ч. М. 1857. 12° съ карт.—20) Солдатъ Яшка 2 ч. М. 1857. съ карт.

Эти 20 сочиненій отыскались въ каталогахъ; можетъ быть есть еще сюда непопавшія. Кажется, имъ же изданъ сборникъ: Басни и баснописцы русскіе, Крыловъ, Ломоносовъ—*Ив. Б.ш.м—въ*. М. 1854 и 1858. 12°

Бобровниковъ, Алексѣй Александровичъ, оріенталистъ, сынъ иркутскаго протоіерея, воспитанникъ иркутской семинаріи и казанской духовной академіи, въ которой, по окончаніи курса, преподовалъ монгольскій языкъ и математику. Въ 1855 г. онъ перешелъ на службу въ оренбургское пограничное вѣдомство. Ум. 8 Марта 1865. Онъ авторъ замѣчательной Калмыцкой грамматики.

Воспоминаніе о немъ *Н. И. Ильминскаго* въ Извѣстіяхъ казанскаго унив. 1865 г. т. I, стр. 117—451.

Валихановъ, Чоканъ Чингизовичъ, родомъ изъ султановъ средней киргизской орды, воспитанникъ сибирскаго кадетскаго корпуса, поступившій въ 1853 г. въ сибирское линейное казачье войско, черезъ годъ былъ назначенъ адъютантомъ къ генералъ-губернатору западной Сибири Г. Х. Гасфорту и въ 1858 былъ посланъ въ Кашгаръ, откуда, совершивъ опасную поѣздку возвратился въ Россію 12 Апр. 1859 г. Плодомъ собранныхъ имъ свѣдѣній были между прочимъ напечатанныя въ Запискахъ И. Географич. Общества 1861 г. статьи: Очерки Джунгаріи и о состояніи шести восточныхъ городовъ китайской провинціи Нань-лу. Онъ сконч. въ 1865 г. на 31 г. отъ рожденія.

№. Отчетъ И. Географич. Общ. за 1865, стр. 10, по свѣдѣніямъ, доставленнымъ П. П. Семеновымъ.

Второвъ, Николай Ивановичъ, р. въ Самарѣ, въ 1818 г. окончилъ курсъ по филологич. факультету Казанскаго университета и служилъ при библіотекѣ унив—та, потомъ въ Петербургѣ, но недолго. Живя въ Воронежѣ, онъ занимался изученіемъ края и составилъ этнографическое описаніе этой губерніи съ альбомомъ рисунковъ для общества, въ которомъ былъ дѣятельнымъ членомъ. Съ 1857 онъ жилъ въ Петербургѣ и служилъ въ хозяйственномъ деп-тѣ министерства внутреннихъ дѣлъ, въ которомъ былъ въ послѣднее время жизни своей вице-директоромъ. Подъ его редакціею вышли 7 томовъ книги: Городскія поселенія Росс. имперіи и экономическое состояніе городскихъ поселеній европейской Россіи въ 1861—1862. Плодомъ его поѣздки за границу было изслѣдованіе: Муниципальныя учрежденія западной Европы (1863).—Прежде еще, будучи въ Воронежѣ, онъ издалъ съ г. Александровымъ-Дольникомъ напечатанные въ Воронежскихъ Г. Вѣд. историческіе документы въ сборникѣ: Воронежскіе акты: 3 книжки. Воронежъ, 1851—1853. 8° и участвовалъ въ Воронежскихъ Губ. Вѣд. Второвъ сконч. 1-го Дек. 1865. Онъ оставилъ записки и библіотеку, послужившую основаніемъ публичной библіотеки въ г. Казани (объ этомъ въ Соврем. Лѣтописи 1865 г. № 7, изъ Каз. Губ. Вѣд.).

№ Воспоминанія *П. Мельникова*, Въ Сѣверной Почтѣ 1865, № 266.—Извѣстія Рус. Геогр. Общ.

т. I (1865), стр. 203, *А, Бушена.*—№ Соврем. Лѣтопись 1866, № 2.—Отчетъ И. Географич. Общества за 1865, стр. 7—8.

Гейманъ, Родіонъ Григорьевичъ, д. с. с. докторъ медиц. и кандидатъ философіи р. 23 Мая въ Вильнѣ, сынъ врача Григ. Ефимовича Геймана, служившаго въ Моск. Маріинской больницѣ и скончав. въ 1843 г.—Будучи 15 л. онъ уже получилъ степень кандидата философіи въ виленскомъ унив-тѣ, и въ 1818 г. перешелъ въ моск. университетъ, занялся медициною и не смотря на 18 л. возрастъ, недававшій ему право держать экзаменъ въ Медико-Хир. академіи, по разрѣшенію б. Вилліе былъ подвергнутъ испытанію и удост. степени доктора 26 Іюля 1820 г. и занялъ въ академіи мѣсто репетитора по каѳедрѣ химіи. По защищеніи диссертаціи „О пользѣ химіи въ медицинѣ", получилъ степень доктора медицины 1822 и въ 1823 избранъ членомъ физико-медиц. общества, въ которомъ прочелъ нѣсколько статей, равно какъ и въ Моск. общ. испытателей природы. Въ 1823 же году онъ избранъ адъюнктомъ химіи и рецептуры въ академіи, а въ 1826 при Моск. университетѣ, и устроилъ химическую лабораторію съ аудиторіею, которая въ послѣдствіи перестроена была по его плану. Въ 1829 онъ утвержденъ былъ экстр., а въ 1832 орд. профессоромъ при академіи, и въ 1832 получилъ каѳедру химіи въ университѣ послѣ Рейса. По порученію графа С. Г. Строганова онъ составилъ програму популярнаго курса технической химіи для фабрикантовъ и съ 1836 по 1854 почти ежегодно читалъ желающимъ курсъ технич. химіи и часть этихъ лекціи въ послѣдствіи напечаталъ. По его почину и участію возникла разработка торфа подъ Москвою и выдѣлка олеина и стеарина. Въ 1841 г. онъ былъ за границею и познакомился съ новыми открытіями фабричнаго производства,—перечень осмотрѣнныхъ имъ заведеній есть при 5 курсѣ его технич. химіи. При мануфактурныхъ выставкахъ въ Москвѣ онъ былъ экспертомъ химич. произведеній. Какъ членъ временнаго совѣщательнаго мануфактурнаго совѣта, онъ составилъ обзоръ русскихъ химическихъ заводовъ, и нѣкоторыя его замѣчанія были напечатаны въ изданномъ при министерствѣ финансовъ въ 1843 г. „Обозрѣніи мануфактурныхъ производствъ". Съ 1843 Гейманъ преподавалъ въ университетѣ лекціи фармацеи, и по порученію разныхъ вѣдомствъ производилъ разныя химическія изслѣдованія. Въ 1852 онъ былъ назначенъ членомъ Московскаго отдѣленія мануфактурнаго совѣта.

1) De utilitate chemiae in medicina. Diss. M. 1822.—2) Значеніе и предѣлы химіи въ настоящее время (лекція). М. 1834.—2. О пользѣ химіи какъ науки пріуготовительной. Слово. М. 1834. 4°—3) Вступительныя лекціи 5-ти курсовъ технич. химіи, читанныхъ въ 1836—1841 и пояснительные чертежи къ нимъ. М. 1842.—4) Чтенія общей химіи приложенной къ фабричному и заводскому дѣлу, 5 выпусковъ, М. 1845—1849, съ рисунками и чертежами.—5) Рѣчь на юбилеѣ Фишера фонъ-Валдгейма, 1847 г. 6. Бѣглый взглядъ на четыре стихіи древнихъ въ отношеніи физическомъ, химическомъ и физіологическомъ (публичныя лекціи) М. 1852. 7) Вступительна лекція 14 курса технич. химіи. 1853.—8) О добываніи сѣры изъ колчедана и употребленіи послѣдняго, вмѣсто сѣры, для добыванія обыкновенной сѣрной кислоты. Съ 4 чертежами. М. 1854.

Біографич. Словарь Моск. професс. I, 177—188.

Голицынъ, князь Александръ Борисовичъ, д. с. с. ум 20 Января 1865 г. Онъ оставилъ записки, изъ коихъ отрывокъ о военныхъ дѣйствіяхъ подъ Москвою въ 1812 г. былъ напечатанъ въ Голосѣ 1865 г. № 33.

Григоровичъ, Василій Ивановичъ, конференцъ-секретарь и преподава-

тель теоріи изящнаго въ академіи художествъ, прежде секретарь общества поощренія художниковъ, издатель „Журнала изящныхъ искусствъ". Спб. 1823 и 1825, 9 книгъ, 4⁰. Ум. 15 Марта 1865 г.

Дерябинъ, Өедоръ Андреевичъ, репетиторъ института корпуса горныхъ инженеровъ, полковникъ, ум. 11 Апр. 1865 г. Кажется, имъ изданы: 1) Задачи практической астрономіи... съ чертежами и таблицами, переведенныя и составленныя изъ разныхъ авторовъ. Спб. 1838. 8⁰. 2) Руководство къ геометріи теоретической, 2 ч. Спб. 1852. 8⁰.

Дмитріевскій, Иванъ Степановичъ, окончившій курсъ въ казанскомъ университетѣ въ 1824 г. лекаремъ, потомъ бывшій въ немъ прозекторомъ анатоміи, орд. профессоромъ унив. клиники (1828), адъюнктомъ терапевтич. клиники съ 1837, и вышедшій въ отставку 1 Февраля 1863 г. Скончался въ 1865 г. Онъ былъ врачемъ въ нѣсколькихъ казенныхъ заведеніяхъ въ Казани. (См. Отчетъ Казанскаго унив-та за 1865—66 годъ, стр. 74).

Ешевскій, Степанъ Васильевичъ, (р. 1829 г.) магистръ московскаго университета, адъюнктъ русской исторіи и статистики въ ришельевскомъ лицеѣ съ 1853 г., потомъ съ 1854 въ казанскомъ унив—тѣ, а съ 1858 въ московскомъ по каѳедрѣ всеобщей исторіи. Въ 1859 и 1860 онъ былъ за границею и лечился, а въ 1864 г. болѣзнь снова заставила его отпроситься за границу; осенью, не совсѣмъ еще оправившись, онъ воротился въ Москву, усиленно занимался и сконч. 27 Мая 1865 г.

Магистерская его диссертація: Аполлинарій Сидоній, эпизодъ изъ литературной и политической исторіи Галліи V вѣка М. 1855. 8⁰.—Въ Отеч. Запискахъ 1862 напечатаны его: Этнографич. этюды. Введеніе въ курсъ всеобщей исторіи.—Онъ занимался исторіею масонства въ Россіи, собралъ много матеріаловъ и напечаталъ въ Русскомъ Вѣстникѣ статьи: о Новиковѣ (т. XII, 1857) и о Московскихъ масонахъ прошлаго столѣтія (1864, № 8 и 1865, № 3). Есть его статьи о Пермскихъ древностяхъ въ Пермскомъ Сборникѣ и двѣ статьи въ московскомъ журналѣ Атенеѣ. Передъ кончиною онъ принималъ еще участіе въ редакціи трудовъ моск. археологическаго общества, и въ 1 томѣ его „Древностей" напечатано извлеченіе изъ читанныхъ имъ лекцій о свайныхъ постройкахъ въ Швейцаріи. Въ Вѣстникѣ Европы 1866 г.: Русская колонизація сѣверо-восточнаго края, т. I; Центръ римскаго міра и его провинціи, т. III (См. поминки о Ешевскомъ *А. Котляревскаго* въ протоколахъ археол. общества № 1, 1865 и въ приложеніи къ 1 выпуску Археологич. Вѣстника М. 1867).

N. *К. Бестужева-Рюмина* въ Спб. Вѣдом. 1865, № 133.—Памяти его, Н. Виноградова въ Соврем. Лѣтописи 1865, № 21 и тамъ же воспоминаніе *А. Трачевскаго*, перепечатанное въ Унив. Извѣстіяхъ 1865, № 5, 393—406.

Желтухинъ, Алексѣй Дмитріевичъ, членъ редакціонныхъ коммиссій объ улучшеніи быта крестьянъ, потомъ помощникъ статсъ-секретаря при предсѣдателѣ госуд. совѣта, издатель *Журнала для Землевладѣльцевъ* (М. 1858—59, 24 №№). Сконч. 5 Мая въ Спб.

N. *Б. М—чъ* въ Моск. Вѣдом. 1865, № 101. Къ друзьямъ покойнаго Ж—на. Спб. Вѣд. 1866 № 107 и Вѣсть.

Жуковскій, Александръ Кириловичъ, д. ст. сов., р. 10 Сент. 1810 въ Саратовѣ, служилъ въ военной службѣ, потомъ въ департаментѣ государственнаго казначейства и въ канцеляріи министра финансовъ. Онъ печаталъ въ молодости стихотворенія подъ псевдонимомъ *Е. Бернета* и нѣсколько повѣстей, особенно въ Библіотекѣ для чтенія, гдѣ между прочимъ начало поэмы его: Вѣчный Жидъ (т. 34-й, 1839 г.).

1) Стихи Е. Бернета. Спб. 1837. 8.—2) Графъ Мецъ, поэма, ч. I. Спб.

1837. (2-я часть въ альманахѣ: Метеоръ, Спб. 1846). 3) Елена, поэма. Спб. 1838.

N. Книжный Вѣстникъ 1865, стр. 206.

Запара, Дмитрій Ѳедоровичъ, студентъ харьк. университета, помѣщикъ-овцеводъ изюмскаго уѣзда, гласный харьковскаго земскаго собранія, печаталъ статьи въ Основѣ, Голосѣ, Землед. Газетѣ и Спб. Вѣдомостяхъ. Ум. 6 Дек. 1865 въ Харьковѣ.

N. Илл. Газета 1866, № 2, стр. 31.

Іонсонъ (Iohnson) Яковъ Ивановичъ, эстонецъ, докторъ философіи и магистръ агрономіи, членъ вольнаго экономич. общества, въ изданіяхъ коего напечаталъ множество статей по сельскому хозяйству; нѣкоторыя отпечатаны отдѣльно. Ум. въ Петербургѣ 20 Марта 1865 г.

1) Abhandlungen aus und zu der Veranschlagung der Bauerländereien in Liv-und Kurland. Mitau. 1835. 8°. 2) Gründsätze der Veranschlagung landw. Gründstücke. Mit 120 illum. Abbildungen der am haüfigsten auf den Wiesen vorkommenden Pflanzen, einer Karte u. 2 Tab. Mitau. 1839. 8°.—Тоже на русскомъ: Правила оцѣнки сельско-хоз. земель. Митава 1840, съ рис. и 2 таблицами. Изданіе 2-е, совершенно переработанное, безъ рисунковъ, съ планомъ, Спб. 1862. 8°. 3) Ueber das Dörren u. Aufbewahren des Getreides. Mit 5 Taf. Abbild. Spb. 1847. 8°. 4) Ueber die Kartoffelkrankheit im St.-Petersb. Gouvernement. Mit. Abbild. Spb. 1847. 8°. Изслѣдованіе болѣзни картофеля, появившейся въ Спб. губерніи въ 1843 г. съ рисункомъ. 8°. 5) Отвѣтъ на задачу о сушеніи и храненіи хлѣба. 1847. 8°. 6) Средство замѣнять хлѣбъ въ случаѣ неурожая другими растеніями. Спб. 1846. 7) Практическое руководство къ употребленію всѣхъ до нынѣ извѣстныхъ землеудобрительныхъ веществъ. Спб. 1846. 8°. 8) Das Nothwendigste dessen, was beim Ankauf von Pferden su berücksichtigen ist. Spb. 1850. 8°. Практическія правила для руководства при покупкѣ лошадей. Спб. 1850 и 1855. 8°. 9) Beitrag zur Kenntniss der wirthschaftlichen Verhältnisse der Insel Oesel. Mit 1 Taf. Abbild. Spb. 1850. 8°. 10) О эстонскихъ и финскихъ лошадяхъ Спб. 1850. 8° 11) Das Xerometer, ein Apparat zur Ermittelung des Trockenheitsgrades des Getreides. Mit Abbild. Spb. 1856. 8°. 12) Руководство къ винокуренію... Спб. 1859. Съ 161 рис. въ текстѣ и 7 табл. 8°. 13) Руководство къ приготовленію солода. Съ 30 рис. въ текстѣ и 2 табл. Спб. 1859. 8°.

N. Книжный Вѣстникъ 1865, стр. 139.

Каминскій, Викторъ Кириловичъ, черниговскій дворянинъ, воспитанникъ нѣжинской гимназіи, учитель математики въ новг. кадетскомъ корпусѣ (1834), потомъ въ полтавскомъ петровскомъ кадетскомъ корпусѣ до 1850 г.

Воспоминанія поклонника святой земли. Спб. 1855. 8°.—2-е пополненное изданіе: Воспоминанія поклонника святаго гроба. 2 ч. Спб. 1856, съ картою.

Біогр. свѣдѣнія о немъ *В. Толбина* въ книгѣ: Лицей кн. Безбородко Спб. 1859, II, 85.

Лукашевскій, Леонидъ Григорьевичъ, преподаватель римской словесности въ казанскомъ университетѣ (съ 1862 г.), изъ студентовъ каз. унив. (См. Отчетъ унив—та за 1864—1865, въ Извѣстіяхъ т. I, 1865).

Креницынъ, Александръ Николаевичъ, помѣщикъ великолуцкаго у. псковской губерніи, печаталъ свои стихотворенія въ періодическихъ изданіяхъ 20-хъ годовъ, въ Славянинѣ, Сынѣ Отечества, Русс. Инвалидѣ и проч. Род. 5 Марта въ 1801, ум. 28 Авг. 1865 г.

Объ немъ въ статьѣ *М. С.* въ Отеч. Запискахъ 1865, № 8 и дополненія въ Русс. Архивѣ 1865 г. 2-е изд. стр. 1367.—Иллюстрир. Газета 1865, № 40.

Купферъ, Адольфъ Яковлевичъ, д. с. с. орд. академикъ. Р. 6 Янв. 1799 въ г. Митавѣ, съ ранней молодости занимался естественными науками, въ 1821 г. отправился въ Берлинъ, гдѣ осо-

бенно занимался минералогіею, потомъ путешествовалъ, въ Гёттингенѣ получилъ степень доктора философіи и послѣ 18 мѣсячнаго пребыванія въ Парижѣ прибылъ въ Петербургъ. Онъ былъ вызванъ на каѳедру химіи и физики въ Казань, но до отъѣзда туда получилъ отъ министерства нар. просв. порученіе закупать физическіе инструменты за границею, куда отправился съ профессоромъ Симоновымъ и въ 1824 г. прибылъ въ Казань и занялъ свою каѳедру. Въ 1826 г. онъ былъ избранъ корреспондентомъ академіи наукъ, а въ 1828 г. членомъ ея по минералогіи. Въ 1829 онъ съ Ленцомъ и Менетріе путешествовалъ по Кавказу, потомъ былъ опредѣленъ директоромъ минералогическаго музея и имъ устроенной магнитной обсерваторіи, въ которой сосредоточились метеорологич. наблюденія всей имперіи. Кромѣ того онъ былъ профессоромъ физики при обсерваторіи горнаго корпуса и педагогич. института. Ум. 23 Мая 1865 г. (См. Протоколъ академіи 4 Іюня и С. Почта № 125).

1) Diss. de calculo crystallonomico. Götting. 1831. 4°. cum tabula.—2) Preisschrift über genaue Messung der Winkel an Krystallen. Berlin, 1826, 4°.—3) Voyage dans les environs du mont Elbrouz dans le Caucase. St.-Pet. 1830. 4°.—Reise in die Umgegend des Berges Elborus im Kaukasus. St.-Pet. 1830. 4°. (Nouveau Journal Asiatique. 1831, № 37).—4) Handbuch der rechnenden Krystallonomie. St.-Pet. 1831. 4°.—5) Voyage dans l'Oural entrepris en 1828. Paris. 1833. Avec un atlas.—6) Instruction pour faire des observations météorologiques et magnétiques. St.-Pet. 1836. 8°. 7) Tables psychométriques et barométriques à l'usage des observatoires météorologiques de l'empire de Russie. St.-P. 1841. 8°. (Тоже на русскомъ, 1841).—8) Руководство къ дѣланію магнетич. и метеоролог. наблюденій, сост. для горныхъ офицеровъ... Спб. 1841. 4°. (На нѣм. въ Corresp. Blatt des naturforschenden Vereins zu Riga 1859 и особо). 9) Annales de l'observatoire physique central de Russie 1847—1856. St.-Pet. 1856—1858. 10 v. 4°. u Compte rendu annuel (съ 1851 года).

Кромѣ того издалъ сборники, заключающіе въ себѣ труды нѣсколькихъ ученыхъ: 1) Observations météorologiques et magnetiques, 2 v. 1837; 2) Annuaire magnétique et météorologique du corps des ingémieurs des mines de Russie. 1837—1849. 4°;—3) Travaux de la commission pour fixer les mésures et les poids de l'empire de Russie. 2 v. St.-Pet. 1841; 4) Correspondances météorologigues, années 1851—1857.

Много статей его въ разныхъ журналахъ, между прочими въ Poggendorffs Annalen B. II—LII, въ St.-Petersb. Zeitung и особенно въ изданіяхъ академіи: Bulletin (съ V-го тома), Mémoires, и Recueil des actes. Въ календарѣ 1859 г. его статья о русскихъ мѣрахъ и вѣсахъ.

Recke u. Napiersky, Schriftsteller-Lexicon. II, 581 и Nachträge (1859) I, 345 (списокъ его статей).—Справ. Энц. Словарь ч. VI-я, II, 967.—Мѣсяцословъ 1866, 396.—Илл. Газета 1865, № 44, біографія и портретъ.—Въ память его рѣчь, *Веселовскаго* въ Запискахъ Академіи т. VIII (1865) стр. 299—301.—Отчетъ И. Географич. Общества за 1865 г.

Кутневичъ, Василій Іоанновичъ, главный священникъ арміи и флота, протопресвитеръ. Скончался 26 Апр. 1865 г.

1) Разсужденіе о религіи патріарховъ до Закона жившихъ и о пользѣ и важности церковной исторіи (Съ А. Скородумовымъ). Спб. 1807. 4°.—2) Разсужденіе, въ которомъ противу новѣйшихъ вольнодумцевъ доказывается, что Моисей точно существовалъ и проч. М. 1808. 4°.

Лебедевъ, Павелъ Исаевичъ, протоіерей, профессоръ богословія и философіи (до 1858 г.) въ харьковскомъ университетѣ. Ум. 8 Дек. 1865.

Ленцъ, Эмилій Христіановичъ, орд. академикъ. Р. въ Дерптѣ 12 Фев. 1804 г. учился въ дерптскомъ университетѣ сперва богословію, потомъ естеств. наукамъ. Въ 1823 онъ участвовалъ, какъ физикъ, въ кругосвѣтной экспе-

диціи Коцебу. По возвращеніи въ Петербургъ Л. сталъ преподавать физику въ училищѣ св. Петра, и въ 1828 опредѣленъ адъюнктомъ, въ 1830 экстраординарнымъ, а въ 1834 орд. академикомъ академіи наукъ. Въ 1829 г. онъ сопровождалъ Купфера въ его поѣздкѣ на Эльбрусъ.—Л. былъ преподавателемъ физики въ офицерскихъ классахъ морскаго корпуса и артилл. училища, съ 1835 профессоромъ Спб. университета, съ 1851 г. въ педагогич. институтѣ.—Кромѣ того онъ исправлялъ должность ректора спб. университета (1856—1858) и въ 1865 избранъ ректоромъ.—Ум. 29 Января 1865 въ Римѣ.

1) Наблюденія надъ наклоненіемъ и степенью силы магнитной стрѣлки, произведенныя въ путешествіи вокругъ свѣта на шлюпѣ Сенявинѣ въ 1826—1829 г. капитаномъ Ѳ. Литке, обработанныя и вычисленныя Э. Ленцомъ. Съ нѣм. пер. Б. Глазенапъ. Спб. 1836. 4°.—2) Физика (руководство для гимназій). Спб. 1836, 1842 и 1851.—Кіевъ 1851. 8°.—3) Физическая географія съ атласомъ. Изд. 2-е Спб. 1858.—4) Руководство физики. Курсъ IV общаго класса. 2 ч. Съ политипажами. Спб. 1856. 8.

№ Мѣсяцословъ 1866, 397.—Рѣчь Буняковскаго въ академіи, въ Запискахъ академіи, т. VII, Протоколы, стр. 79.—О трудахъ академика Ленца въ магнито-электричествѣ, А. Савельева. Спб. 1854, 8° 47 стр. (Изъ Журнала Мин. Нар. Пр. № 8 и 9).

Максимовъ, Николай Ивановичъ, назначенный профессоромъ международнаго права и законовъ государственнаго благоустройства и благочинія и финансовъ въ новороссійскій университетъ, ум. въ Апрѣлѣ 1865 г. на 36 г. (Голосъ № 118, изъ Одесскаго Вѣстника, и Иллюстрація, №17).

Маркусъ, Михаилъ Антоновичъ, д. ст. сов., лейбъ-медикъ, московскій дворянинъ (р. 28 дек. 1790 въ Курскѣ), студентъ моск. медико-хирургич. академіи, съ 1808 г. служилъ докторомъ въ арміи, былъ раненъ подъ Лейпцигомъ, находился въ плѣну во Франціи, потомъ состоялъ при русскомъ корпусѣ, остававшемся во Франціи. Съ 1819 по 1825 онъ занимался практикою въ Москвѣ, потомъ былъ главнымъ врачемъ и инспекторомъ Голицынской больницы до 1837 г. За труды свои во время холеры въ Москвѣ и въ Петербургѣ онъ былъ назначенъ почетнымъ лейбъ-медикомъ; потомъ былъ членомъ, а съ 1841 г. предсѣдателемъ медиц. совѣта мин. вн. дѣлъ, состоялъ на службѣ при министерствѣ нар. просв., въ пріютѣ св. Ольги, въ попечит. совѣтѣ воспитательнаго дома, членомъ медико-хир. академіи, и нѣсколькихъ университетовъ и многихъ ученыхъ обществъ. Въ 1858 праздновали 50 лѣтній юбилей его дѣятельной службы. Въ 1859 г. не смотря на разнообразныя занятія и лѣта свои онъ принялъ должность инспектора учрежденій имп. Маріи Ѳеодоровны. Сконч. 27 Іюля 1865 г. въ Петербургѣ.

1) Врачебныя Записки (періодич. изданіе), 4 ч. м. 1827—1829. 8°—2) Ueber die Cholera... М. 1831. (Переводъ соч. А. Поля: Краткое Описаніе холеры, 1830.—3) Pensées su le Cholera-Morbus. М. 1831. 8°—3) Сельскій лечебникъ. М. 1833. 12° 2-е изд. М. 1856. и 3-е 1866. 12°—5) Слово о истинной славѣ врача. М. 1836. 4°.—6) Рѣчь въ день открытія бюста Лодера. М. 1837.—7) Краткое руководство для врачей къ познанію росс. законовъ, учрежденій и госуд. службы (съ Калайдовичемъ) Спб. 1843. 8°.—8) Essai sur la médecine dans ses rapports avec l'état. Première section. Organisation medicale. St. Pet. 1847. 8°.

Справ. Энц. Словарь VII, 475.—Объ его юбилеѣ въ Medic. Zeitung Russlands, 1858, № 9, стр. 71.—N. Русс. Инвалидъ 1865, №167 и Journal de St. Pet. № 169.

Медвѣдевъ, Павелъ Андрѣевичъ, студентъ-медикъ моск. университета (1853—1858), потомъ преподаватель географіи во 2-й моск. женской гимназіи. Род. 17 Іюня 1836, ум. въ концѣ 1865 въ Москвѣ.

При знаніи нѣсколькихъ языковъ онъ занимался естественными и историческими науками, печаталъ критическія статьи въ журналахъ, между прочимъ въ „Воспитаніи", перевелъ Гартвига: Единство мірозданія (1865) и Штоля: Миѳы классической древности (т. I и первыя двѣ книги II-го 1866).

№. В. П—ій. Книжный Вѣстникъ 1866, стр. 25.

Михайловъ, Михаилъ Ларіоновичъ. Выслушавъ курсъ въ петербургскомъ университетѣ (1846—1850), онъ занялся литературой, печаталъ стихотворенія, преимущественно переводы изъ Гейне, въ Иллюстраціи Кукольника и въ Литерат. Газетѣ, изд. В. Зотовымъ, потомъ разсказы и повѣсти въ Москвитянинѣ, въ Пантеонѣ, въ Отеч. Запискахъ (съ 1852), въ Библіотекѣ для чтенія и въ Современникѣ (ч. 33, 49, 52 и 55). Въ 1856 г. онъ ѣздилъ на Донъ, а въ 1858—1859 путешествовалъ за границею и посылалъ оттуда свои путевыя письма въ Современникъ. Въ начатомъ въ Петербургѣ Энциклопедическомъ Словарѣ онъ завѣдывалъ отдѣломъ исторіи литературы и помѣстилъ нѣсколько своихъ статей. Онъ перевелъ Нѣмецкое извѣстіе о русскихъ писателяхъ 1768, Дмитревскаго, помѣщенное въ Библіографич. Запискахъ 1861 г. № 20, изданное также отдѣльною брошюрою и перепечатанное въ Матеріалахъ П. Ефремова (Спб. 1867). Въ сборникахъ переводовъ изъ Шиллера и Байрона, изд. Гербелемъ, помѣщено нѣсколько его переводовъ, между прочими „Коварство и любовь", Шиллера. Собраніе его стихотвореній вышло за границею. Онъ скончал. 3 Авг. 1865 г. на каинскомъ пріискѣ восточной Сибири, куда былъ сосланъ въ 1861 г. на 6 лѣтъ въ рудники, по дѣлу о возмутительныхъ прокламаціяхъ.

1) Святки. Спб. 1854. 12° (изъ Отечествен. Записокъ 1853). 2) Перелетныя птицы, 4 ч. Спб. 1854 (Отеч. Записки т. 96 и 97).—3) Пѣсни Гейне. Спб. 1858. 2°.—4) Сочиненія. Въ провинціи. 2 ч. Спб. 1859. 8°.

№. Вѣсть 1865, № 5.

Млодзѣевскій, Корнелій Яковлевичъ, медикъ, р. въ 1818 г. подольской губ. въ г. Тульчинѣ, учился въ виленской медико-хирургич. академіи и въ московскомъ университетѣ, въ которомъ кончивъ курсъ лекаремъ (1843) опредѣлился ординаторомъ терапевтической клиники, при Оверѣ. Въ 1848 г. онъ получилъ степень доктора медицины по защищеніи диссертаціи о желтухѣ (de ictero) и опредѣленъ адъюнктомъ по каѳедрѣ терапевтич. клиники. Въ 1859 онъ былъ утвержденъ въ должности профессора частной патологіи и терапіи и въ 1863 и 1864 г. занималъ каѳедру Овера. Съ 1859 г. онъ былъ секретаремъ физико-медицинскаго общества, велъ его протоколы и напечаталъ нѣск. статей въ Моск. Врачебномъ Журналѣ, между прочимъ замѣтки о своемъ путешествіи за границею (1854, № 2 и 3).

Біографич. Словарь моск. професс. т. II, стр. 102—N. Ал. Полунина, въ Моск. Вѣдом. 1865, № 210.

Оболенскій, кн. Евгеній Петров., умеръ въ Калугѣ 26 Февр. 1865 г. на 69 году. Будучи близокъ къ нѣкоторымъ писателямъ двадцатыхъ годовъ и участникомъ произшествій 14 Декабря 1825 г. онъ оставилъ о нихъ любопытныя записки, которыя были напечатаны въ журналѣ: Будущность, изданномъ въ Парижѣ въ 1861 г. № 9—12, потомъ отдѣльною книжкою въ IV томѣ Русскаго Заграничнаго Сборника и также во французскихъ переводахъ: Souvenirs d'un exilé en Sibérie trad. par le pr. Aug. Galitzin, Leipzig, 1862, 12° и Mon exil en Siberie. Leipzig (Naumburg). 8° безъ года.

N. День 1865, № 18 (А. Розена).

Очкинъ, Амплій Николаевичъ, бывшій 25 лѣтъ (до 1863 г.) редакторомъ С.-Петерб. Вѣдомостей, а съ 1863 г. издававшій газету „Очерки." Ум. 12 Марта 1865. Изъ переводовъ его съ

французскаго намъ извѣстны по каталогамъ слѣдующіе:

1) Памяти И. Александра, графа С. Уварова. Спб. 1826. 8°.—2) Пустынникъ Сен-Жерменскаго предмѣстія или замѣчанія о нравахъ и обычаяхъ французовъ въ началѣ XIX ст. соч. Кольне. 2 ч. Спб. 1826. 12°.—3) Два года въ Константинополѣ и Мореѣ (1825—1826)... Соч. К. Д. Съ франц. Спб. 1828. 8°.—4) Сенъ-Марсъ, романъ Алфреда де Виньи, 4 ч. Спб. 1829—30. 12°. 2-е изд. 1835. 8°.—5) Странствованія Телемака, Фенелона, 2 ч. Спб. 1835—1836. 12°.

N. Рус. Инвалидъ 1865, № 60.

Пандеръ, Христіанъ Генрихъ, натуралистъ. Р. 12 Іюля 1794 въ Ригѣ, ум. 10 Сент. 1865 въ Петербургѣ. Онъ изучалъ естественныя науки и медицину въ Вирцбургѣ и другихъ иностранныхъ университетахъ, много путешествовалъ по Европѣ, былъ въ Бухарѣ и въ 1822 избранъ въ Спб. академію наукъ адъюнктомъ, а въ 1823 г. орд. академикомъ по части зоологіи. Въ 1827 онъ оставилъ академію и поселился въ Лифляндіи, въ помѣстьи отца своего, но въ 1842 г. снова поступилъ на службу по горному вѣдомству и совершилъ нѣсколько путешествій для геологическихъ изслѣдованій и между прочимъ на Уралъ.

1) Beiträge zur Geognosie des Russischen Reichs. St. Petersb. 1830. 4°. Nebst Atlas. 2) Monographie der fossilen Fische des silurischen Systems des Russisch-Baltischen Gouvernements. St. Pet. 1856 4°. 3) Ueber die Placodermen des Devonischen Systems. St. Petersb 1857. 4) Ueber die Ctenodipterinen des Devonischen Systems. St. Petersb. 1858. 5) Ueber die Saurodipterinen, Dendrodonten Glyptoleniden u. Cheirolepiden des Devonischen Systems. St. Petersb. 1860. 6) Die Steinkohlen an beiden Abhängen des Ural. St. Petersb. 1862.

№. Мѣсяцесловъ 1867, прил, стр. 93.

Плетневъ, Петръ Александровичъ, происходилъ изъ духовнаго званія. Род. 10 Сент. 1798 г. въ Бѣжецкомъ у. воспитывался въ педагогич. институтѣ по выходѣ изъ коего, обращаясь въ кругу лучшихъ писателей, Пушкина, Дельвига и другихъ, писалъ и печаталъ стихотворенія и критическія статьи въ Соревнователѣ, Лит. Газетѣ и Прибавленіяхъ къ Рус. Инвалиду, участвовалъ въ изданіи альманаха: Сѣверные Цвѣты и наконецъ въ 1838 принялъ изданіе оставленнаго Пушкинымъ Современника, который издавалъ до 1846 г. (44 тома).—Плетневъ былъ преподавателемъ русс. словесности въ инстит. патріотическомъ и екатерининскомъ, въ 1832 г. поступилъ на каѳедру русской словесности въ спб. университетѣ и занималъ ее 6 лѣтъ; съ 1828 до 1840 преподавалъ русс. словесность цесаревичу и великимъ князьямъ, съ 1840 до осени 1861 былъ ректоромъ Спб. университета и составлялъ годичные отчеты университета. Состоя членомъ II отдѣленія академіи наукъ, онъ участвовалъ въ Извѣстіяхъ, въ составленіи Словаря и печаталъ отчеты отдѣленія съ 1842 до 1854 и за 1859 и 1860 г. Скончвъ Парижѣ 29 Дек. 1865 г.

1) Ода честь. Спб. 1820. 8°.—2) Письмо къ графинѣ С. И. С. (Соллогубъ) о русскихъ поэтахъ. Спб. 1824. 12° (Изъ Сѣв. Цвѣтовъ).—3) Обязанности наставниковъ юношества. Рѣчь въ педагогич. институтѣ. Спб. 1836. 8° (Изъ Журнала Мин. Нар. Пр. № 1).—4) Жизнь и сочиненія И. А. Крылова. Спб. 1847. Прежде было напечатано короче въ Современникѣ 1845 г. № 1 и 2 и потомъ при сочиненіяхъ Крылова.—5) О жизни и трудахъ Полѣнова, Спб. 1852. 8°.—6) Отчеты по II отд. Академіи Наукъ (1842—1851). Спб. 1852. 8°.—7) О жизни и сочиненіяхъ Жуковскаго Спб. 1853. 12° (Изъ Живописнаго Сборника Плюшара).—8) Памяти гр. Уварова. Спб. 1855. 8° (Изъ Ученыхъ Записокъ; тоже при Спб. Вѣдом. № 45 и Моск. Вѣдом. №25—30; нѣмецкій переводъ въ St. Pet. Zeitung 1856, № 98 и 99).—

8) О профессорѣ и академикѣ Я. К. Гротѣ. 1856. 8°.—10) Хронологическій списокъ русс. сочинителей. Напечатанъ безъ года (1835 г.) въ нѣск. экземплярахъ, для руководства великимъ князьямъ.

Въ I т. Вѣстника Европы 1866 г. напечатано письмо его къ издателямъ, писанное незадолго до смерти.

Б. Справочный Энц. Словарь, IX, 235.—Некрологъ Плетнева, Я. Грота, 6 стр. (Изъ № 1 Спб. Вѣдом. 1866).—Отчетъ по отд. русс. языка и словесности за 1865, Я. Грота, и въ Торж. Собраніи Академіи 29 Дек. 1865. Съ портретомъ Плетнева.—Памяти Плетнева кн. П. Вяземскаго, Утро М. 1866, стр. 153.—N. М. Лонгинова въ Соврем. Лѣтописи № 2 и о немъ тамъ же, № 6. Н. Короновскаго.

Поповъ, Александръ Васильевичъ, д. ст. сов., главный инспекторъ училищъ Западной Сибири, прежде профессоръ монгольскихъ нарѣчій въ казанскомъ и петербургскомъ университетахъ, авторъ граматики Калмыцкаго языка и Ариѳметики на монгольскомъ языкѣ, Казань, 1837. Статьи его были въ Журналѣ Мин. Нар. Пр. ч. 22, 67 и 88.

Порюсъ - Визапурскій, князь Александръ Александровичъ, помѣщикъ ямбургскаго у. ум. 62 лѣтъ въ 1865 г. Онъ занимался литературою и перевелъ изъ піесъ Скриба: Отцовское проклятіе и Проступокъ (см. Илл. Газета 1865, № 27).—Можетъ быть, онъ же авторъ книги, значащейся въ каталогахъ и. пуб. библіотеки подъ его именемъ: Croquis de Petersburg par le p... de U... ci-devant colonel aux gardes. St. Pet. 12 (безъ года).

Порфирій, архимандритъ Соловецкаго монастыря, проповѣдникъ, сконч. въ Августѣ 1865 г.

Похвисневъ, Иванъ Ивановичъ, ум. въ 1865 г. 27 лѣтъ. Онъ усердно занимался агрономіею, напечаталъ нѣсколько статей въ Журналѣ Мин. Г. Им. и другихъ, издалъ Очерки природы Гартвига и Руководство къ химическимъ изслѣдованіямъ важнѣйшихъ сельско-хозяйственныхъ продуктовъ, Вольфа (Илл. Газета 1865, № 42).

Радлофъ, Левъ (или Леопольдъ) Федоровичъ (р. 29 Окт. 1818, въ Петербургѣ, ум. 29 Октября 1865, въ Готѣ). Сынъ профессора спб. унив-та, воспитанникъ педагогич. института, съ 1839 учитель лат. и греч. языковъ при новгородской гимназіи, а съ 1843 при 3-й петербургской, съ 1864 директоръ Ларинской гимназіи, потомъ 6-й. Съ 1847 онъ былъ при академіи консерваторомъ этнографическаго музея.

Онъ занимался изученіемъ нарѣчій сѣверовосточной Азіи и русско-американскихъ владѣній и доисторическими древностями по памятникамъ, и помѣщалъ свои изслѣдованія въ изданіяхъ Академіи 1857 и 1858 гг., между прочимъ обширное сочиненіе о нарѣчіи Чукчей (1861). Онъ не успѣлъ окончить сочиненія о нарѣчіи Калошъ. Онъ перевелъ для Академіи текстъ сочиненія Ворсо: О сѣверныхъ древностяхъ копенгагенскаго музея, изд. въ 1862 г. и помѣстилъ нѣсколько филологическихъ статей въ Bulletin de la classe historico-philologique de l'Academie de St-Petersb, T. XIV и XV и Mémoires, VII série. T. III.

N. *П. И. Лерха* въ Извѣстіяхъ Арх. Общ. и его же письмо о кончинѣ его въ Извѣстіяхъ Геогр. Общ. т. I (1865), стр. 205. — Мѣсяцословъ 1867, прилож. стр. 94.

Распопова, Нина Николаевна, воспитанница смольнаго монастыря, дѣвица, скончалась за границею лѣтомъ 1865 г.

1. Нѣсколько разсказовъ и описаній для дѣтей отъ 8 до 14 лѣтъ. Переводы и сочиненія Нины Р., съ карт. Спб. 1863. 8°.—2. Хроника Смольнаго монастыря въ царствованіе Екатерины II. Спб. 1864. 8°.

Рихтеръ (Maximilian Julius Otto Victor Richter), уроженецъ Митавы (р. 16 Іюля 1835 г.), студентъ медиц. факультета дерптскаго университета, съ 1861 г. служилъ ординаторомъ въ Обуховской спб. больницѣ, гдѣ заразился тифомъ и умеръ 31 Янв. 1865 г.

N. St-Petersb. Medic. Zeitschrift 1865, № 1, стр. 64.

Розенблаттъ, Яковъ Абрамовичъ, медикъ, ум. въ Каннѣ, во Франціи (Книжный Вѣстникъ 1865, стр. 245). Онъ участвовалъ въ Энциклопедич. Словарѣ и въ Московскомъ Обозрѣніи 1859 г.

Романовскій, Савостьянъ Павловичъ, д. с. сов., бывшій редакторъ Журнала Министерства Юстиціи, сконч. въ 1865 г.

Саблеръ, Егоръ Егоровичъ, д. с. с., астрономъ, эстляндскій уроженецъ, сынъ пастора, слушалъ лекціи въ дерптскомъ университетѣ (1839), докторъ философіи, былъ младшимъ помощникомъ въ дерптской обсерваторіи (при Струве), потомъ по открытіи Пулковской обсерваторіи служилъ при ней и участвовалъ въ геодезич. работахъ, веденныхъ подъ руководствомъ Струве и въ работахъ по измѣренію дуги меридіана, идущей по западнымъ областямъ Россіи, и въ нѣсколькихъ ученыхъ экспедиціяхъ. Въ 1854 г. онъ былъ опредѣленъ директоромъ виленской обсерваторіи. Сконч. 5 Дек. 1865 г. Въ изданіяхъ академіи наукъ есть его статьи.

N. *А. Савича*, въ Запискахъ академія т. VIII, (1866) стр. 108—111.

Сахаровъ, Гаврила Александровичъ, кандидатъ спб. университета, былъ преподователемъ въ нѣсколькихъ петербурскихъ учебныхъ заведеніяхъ, а съ 1843 г. служилъ въ государственномъ контролѣ. Ум. 30 Ноября 1865 г. 48 лѣтъ. Онъ помѣщалъ рецензіи и обзоры русскаго законодательства въ Журналѣ Мин. Нар. Просв. (ч. 47—62) и нѣсколько статей въ Спб. Вѣдомостяхъ.

N. *С. Б.* въ Спб. Вѣдомостяхъ 1865, № 319.

Сачковъ, Козьма Іудичь, авторъ мелкихъ статей въ Семейномъ Кругѣ, Петерб. Вѣстникѣ, Гудкѣ и Занозѣ, ум. 36 лѣтъ, въ 1865 г. (См. Илл. Газета 1865, № 27, стр. 32).

Селивановъ, А. И., библіотекарь воронежской публичной библіотеки, занимавшійся этнографіею воронежской губерніи и помѣщавшій статьи въ Воронеж. Губ. Вѣдом. и въ Воронежскомъ Листкѣ 1865.

Сабчаковъ, Владиміръ Ивановичъ, происходилъ изъ духовн. званія, учитель исторіи въ 1 моск. гимназіи и въ Александровскомъ женскомъ институтѣ (N. Рус. Архивъ 1865, изд. 2-е стр., 1515).

Спѣшневъ, Яковъ Тимоѳеевичь, д. с. с. директоръ съ 1856 г. спетербургскаго училища глухонѣмыхъ. Сконч. въ Декабрѣ 1865 г.

Въ статьѣ О воспитаніи глухо-нѣмыхъ *И. Селезнева*, въ Спб. Вѣдомостяхъ 1865, № 337 говорится о его дѣятельности и о переводѣ его:

А. Бланше, главный врачь Парижскаго института глухонѣмыхъ и его система совмѣстнаго глухо-нѣмыхъ со слушаще-говорящими обученія въ народныхъ школахъ, 1865.

Струве, Василій Яковлевичь, знаменитый астрономъ, академикъ, т. сов., уроженецъ г. Альтоны (р. 4/15 апр. 1793), студентъ дерптскаго университета по филологич. факультету, отъ котораго въ 1810 г. получилъ золотую медаль за разсужденіе: de studiis criticis et grammaticis apud Alexandrinos. Онъ уже готовился къ учительской должности, но подъ вліяніемъ Паррота занялся математикою и уже въ 1813 г. получилъ степень доктора философіи за диссертацію о географическомъ положеніи дерптской обсерваторіи и въ концѣ того же года былъ опредѣленъ экстраорд. профессоромъ астрономіи и астрономомъ-наблюдателемъ при унив. обсерваторіи, которую улучшилъ и съ 1814 г. началъ издавать Лѣтописи ея. Въ нихъ и въ нѣкоторыхъ иностранныхъ журналахъ онъ помѣщалъ свои изслѣдованія и открытія, обратившія на него на первыхъ порахъ вниманіе спеціалистовъ. Въ 1827 г. онъ издалъ свой первый обширный списокъ двойныхъ звѣздъ, плодъ долгихъ наблюденій, и измѣрилъ, съ барономъ Врангелемъ дугу меридіана въ балтійскихъ провинціяхъ.

Потомъ онъ занялся микрометрическимъ измѣреніемъ двойныхъ звѣздъ и изысканія свои напечаталъ въ 1837 г. Въ 1822 г. онъ былъ избранъ корреспондентомъ, а въ 1826 г. членомъ спб. академіи наукъ. Въ 1839 г. оставилъ дерптскій университетъ съ званіемъ заслуженнаго профессора и поступилъ директоромъ Пулковской обсерваторіи, устроенной по проекту его и Паррота, съ новыми усовершенствованными инструментами. Въ августѣ 1864 г. ему пришлось праздновать 25-ти-лѣтіе этого образцоваго учрежденія. Здѣсь Струве совершилъ тѣ замѣчательные труды, которыми онъ заслужилъ европейскую извѣстность; между ними особенно значительныя измѣренія дуги меридіана между Дунаемъ и Ледовитымъ моремъ, оконченное подъ его руководствомъ; пополненія изслѣдованій Гершеля и новый каталогъ двойныхъ звѣздъ. Струве былъ однимъ изъ главныхъ основателей географическаго общества. Въ 1858 г. онъ заболѣлъ, лечился за границею и по возвращеніи въ 1861 г. оставилъ службу при обсерваторіи; скончалъ 11 Ноября 1864 г.

Не обозрѣвая здѣсь всѣхъ его трудовъ, которые извѣстны спеціалистамъ, и не исчисляя многочисленныхъ статей его, помѣщенныхъ въ изданіяхъ спб. академіи и заграничныхъ періодическихъ изданіяхъ и которыя (числомъ 107) указаны въ статьѣ о немъ Савича,—мы сообщимъ только списокъ главныхъ, отдѣльно-изданныхъ сочиненій его.

1) De geographica positione speculae astr. Dorpatensis. Mitaviae. 1813.—2) Observationes astronomicae institutae in specula univ. Dorpatexsis. Vol. I—VIII(1814.1838). Dorpati 1817—1839, 4°.—3) Beschreibung des grossen Refractors von Frauenhofer, Dorpat. 1825, fol.—4) Catalogus novus stellarum duplicium et multiplicium. Dorpati. 1827. fol.—5) Beschreibung der.... Breitengradmessung in d. Ostseeprovinzen Russlands in d. J. 1821—1831, 2 Th. Dorpat. 1831. 4°. und Atlas, fol.—6) Anwendung des Durchgangsinstruments für die geogr. Ortsbestimmung. St. Pet. 1833. 8°.—Sur l'emploi de l'instrument des passages etc. St. Pet. 1838, trad. par *A. Schyanof*. Есть русскій переводъ *Бѣлаго*.—7) Stellarum duplicium et multiplicium mensurae micrometricae in specula Dorpatensi institutae. Petrop. 1837, fol.—Additamentum: Memoires de l'academie, 1840.—8) Fedorow's vorläufige Berichte über die in Westsibirien ausgeführten astr. geogr. Arbeiten, herausg. von Struve. 1838. (Idem, en français).—9) Beobachtungen des Halleyschen Cometen bei seiner Erscheinung im J. 1835. St. Pet. 1839, fol. 10) Catalogue de 514 etoiles doubles et multiples.... 1843. fol.—11) Expedition chronométrique entre Poulkova et Altona. 1844. fol.—12) Idem, entre Altona et Greenvich. 1846. fol.—13) Description de l'observatoire central de Poulkova. 1845. fol. avec I v. de planches.—14) Librorum in Bibliotheca speculae Pulcoviensis contentorum catalogus systematicus. 1845. 8°.—15) Positiones mediae stellarum fixarum in zonis Regiomontanis etc. auctore *M. Weisse*. Ed. curavit et prefatus est W. Struve. 1846, fol.—16) Etudes d'astronomie stellaire 1847. 8°.—17) Beschreibung der zur Ermittelung des Höhenunterschiedes zwischen dem Schwarzen u. Caspischen Meere ausgeführten Messungen. 1849. 4°.—18) Stellarum fixarum imprimis duplicium et multiplicium positiones mediae pro epocha 1830, deductae ex obs. meridianis annis 1822 ad 1843... 1852. fol.—19) Recueil de Mémoires présentés à l'Académie des sciences par les astronomes de Poulkova. 1853. 4°—20) Arc du meridien de 25° 20' entre le Danube et la Mer glaciale. 2 v. 1857, 1860. 4°. Дуга меридіана и проч. 2 т. Спб. 1862.

Справ. Энц. Словарь ч. 9, II, 575.—Б. Жив. Русс. Библіотека, т. II. 1857, № 17, съ портретомъ.—Голосъ № 313.—Воспоминаніе о немъ, рѣчь *А. Савича*. въ книгѣ: Торж. собраніе И. Академіи наукъ 29 Дек. 1864 (Спб. 1865), стр. 65—85 (Обзоръ его трудовъ, списокъ его сочиненій и портретъ).—Двадцатипятилѣтіе Пулковской обсерваторіи, Журналъ Мин. Н. Пр. 1864, № 10.

Терещенко, Александръ Власьевичъ,

археологъ. Ум. 21 Ф. 1865 г. въ Зеньковѣ, полтавской губ.

1) Опытъ обозрѣнія жизни сановниковъ, управлявшихъ иностранными дѣлами въ Россіи, 3 ч. Спб. 1837. 8°.— 2) Бытъ русскаго народа, 7 ч. Спб. 1848. 8°.—4) Очерки Новороссійскаго края. Спб. 1854. 8° (Изъ Журнала М. Нар. Пр.).

Статьи его находятся въ Сѣв. Пчелѣ, въ Журналѣ Мин. Нар. Пр., Библіограф. Запискахъ, Рус. Архивѣ и другихъ журналахъ. Въ Чтеніяхъ 1866 г. кн. IV напечатана статья его: О могильныхъ насыпяхъ и каменныхъ бабахъ въ екатериносл. и таврической губерніяхъ.

Фальковъ, Ефимъ Степановичь, воспитанникъ горыгорецкаго института, съ 1860 г. преподаватель, а съ 1862 адъюнктъ по каѳедрѣ сельскаго хозяйства въ казанскомъ университетѣ. Ум. 28 Сент. 1865, на 30 г. жизни.

Онъ перевелъ книгу: Овцеводство и шерстовѣденіе *Ф. Шмидта*, Спб. 1863. 8°. съ рис.; помѣщалъ статьи въ Запискахъ казанскаго экономич. общества и произнесъ рѣчь о всеросс. выставкѣ произведеній сельскаго хозяйства и промышленности въ Москвѣ, 1864.

N. Отчетъ каз. унив. въ Извѣстіяхъ унив-та 1865, т. I (№ 5), стр. 392.

Хвощинская, Софья Дмитріевна, писавшая подъ псевдонимомъ *Ив. Весеньева* повѣсти, въ Иллюстраціи, Библіотекѣ для Чтенія и въ Отеч. Запискахъ (т. 91.—Знакомые люди и т. 107—Наслѣдттво тетушки). Она перевела соч. Милля: О свободѣ, еще ненапечатанное. Сконч ․ 5 Авг. 1865, въ Рязани. (См. Илл. Газета 1865, № 32, стр. 111).

Штакельбергъ, Адольфъ Ѳедоровичь, т. с., членъ совѣта мин. вн. д., предсѣдатель комиссіи, учрежденной для пересмотра уставовъ фабричнаго и ремесленнаго, которой труды изданы въ 3 томахъ въ 1863 и 1864 г. Независимо отъ занятій въ комиссіи, онъ составилъ обзоръ устройства промышленности во всѣхъ государствахъ Европы, которыя изучилъ во время путешествія за границею въ 1860 г.— Въ 1864 напечатано его сочиненіе: Цѣховое устройство и свобода промышленности въ Европѣ. Статьи его по географіи Россіи помѣщены въ Энц. лексиконѣ. По желанію спб. городскаго общества онъ принялъ на себя надзоръ за временными больницами столицы и скончался отъ тифозной горячки 14 Марта 1865 г. на 56 г. жизни.

N. *В. Безобразова*, Моск. Вѣдом. № 66.

Шубертъ, Ѳедоръ Ѳедоровичь, генералъ отъ инфантеріи, членъ военнаго совѣта, почетный членъ академіи наукъ (съ 1827 г.), извѣстенъ геодезическими и картографическими трудами. Сконч. 3 Ноября 1865 г. въ Штуттгардтѣ.

Сынъ извѣстнаго астронома Шуберта, онъ р. въ 1789 г. и съ молодыхъ лѣтъ занимался астрономіею съ отцомъ своимъ. Во время войнъ съ Франціею и Швеціею въ 1806—1815 онъ участвовалъ въ кампаніяхъ; до 1818 онъ состоялъ при корпусѣ гр. Воронцова во Франціи; въ 1820 г. былъ назначенъ начальникомъ тригонометрической съемки петербургской губерніи, а въ 1822 директоромъ учрежденнаго тогда корпуса топографовъ, для которыхъ составилъ руководство. Во время турецкаго похода подъ его смотрѣніемъ произведена съемка Молдавіи и Валахіи, а въ 1833 г. большая хронометрическая экспедиція, которая дала описаніе балтійскаго моря. Съ 1834 по 1843 г. онъ былъ генералъ-квартирмейстеромъ главнаго штаба.

Онъ напечат. въ 1858 г. Exposé des travaux astronomiques et géodesiques exécutés en Russie dans un but géographique jusqu'à l'année 1855.

N. Отчетъ И. Географич. Общества за 1865 годъ (по свѣд. Савича и Бларамберга). Въ Запискахъ Военно-Топографич. отдѣла Главнаго Штаба ч. XXVII-я. Спб. 1866.

Щелкан, Викторъ Александровичь, бывшій учитель полтавскаго кадетскаго корпуса, ум. 11 Ф. 1865 въ Тифлисѣ, гдѣ былъ постояннымъ сотрудникомъ газеты: Кавказъ и выходившаго при ней Литерат. Листка (См. Книжный Вѣстникъ 1865, стр. 139).—

Эйнбродтъ, Павелъ Петровичь, докторъ мед., сынъ московскаго профессора, студентъ моск. университета, съ 1857 г. помощникъ прозектора по каѳедрѣ сравнительной анатоміи и физіологіи, а съ 1860 профессоръ моск. университета. Кромѣ докторской диссертаціи (De pericarditide acuto, 1857) и нѣсколькихъ медицинскихъ статей, послѣ него остался начатый имъ курсъ физіологіи, первая часть котораго была приготовлена къ печати. Онъ скончал. въ Монтрё, 26 Іюля 1865 г. 30 лѣтъ.

N. А. *Полунина,* Моск. Вѣд. № 173.

НЕИЗДАННЫЯ ШУТОЧНЫЯ СТИХОТВОРЕНІЯ И. И. ДМИТРІЕВА.

Въ бумагахъ П. П. Бекетова сохранилась, между прочимъ, тетрадка съ слѣдующимъ заглавіемъ, писаннымъ рукою И. И. Дмитріева: *Именинный подарокъ любезному брату Платону Петровичу Бекетову. Москва. 1807 г. Ноября 18 дня.* Въ ней находится 22 стихотворенія Дмитріева, тогда еще не изданныхъ, но изъ которыхъ 5 были потомъ напечатаны, а 17 донынѣ были неизвѣстны. Первыя суть слѣдующія: 1) *Путешествіе В. Л. Пушкина въ чужіе края въ 1803 и 1804 годахъ* (напеч. въ 1807 году подъ заглавіемъ: „Путешествіе №№ въ Парижъ и Лондонъ"—и перепечат. мною въ „Современникѣ" 1856, № 8, отд. 5, стр. 141). 2) *Триссотинъ и Вадіусъ* (соч. Дмитр., 1810 года, ч. 1, стр. 76.) 3) *Эпиграмма: „Подзобокъ на груди и подогнувъ колѣна"* (Ibid., стр. 71). 4) *На дурныя оды по случаю рожденія именитой особы.* (Ibid.) и 5) *Счастливецъ* (напеч. подъ заглавіемъ „Блаженство", въ „Русскомъ Архивѣ", 1863, № 12, ст. 959). Сообщаемъ нѣкоторыя изъ остальныхъ, съ присовокупленіемъ нѣсколькихъ объясненій.

I.

На спускъ Стефаніемъ трехъ шаровъ, въ присутствіи трехъ знатныхъ особъ.

«Ну, видѣлъ спускъ я трехъ шаровъ!»—
—«Чтожъ было?»—«Вздулись и упали
Всѣ въ сторону—и проскакали
Куракинъ, Зубовъ и Орловъ.»

Три бывшіе въ немилости царедворца, графъ Алексѣй Григорьевичъ Орловъ Чесменскій (1737—1808) и князь Платонъ Александровичъ Зубовъ (1767—1820), любимцы Екатерины, и князь Александръ Борисовичъ Куракинъ (1752—1818), любимецъ Павла, проживали въ Москвѣ. Присутствіе ихъ при неудачномъ спускѣ трехъ воздушныхъ шаровъ вызвало это сближеніе между собою этихъ временщиковъ и эфемернымъ ихъ полетомъ.

II.

Новости литературы.

—«Что за журналъ?»—
—«Не хватскій.»—
—«Кто же читалъ?»—
—«Посадскій.»—
—«А издавалъ?»—
—«Сохацкій.»

„Новости литературы"—журналъ, который издавалъ въ Москвѣ (1802—1805) Павелъ Аѳанасьевичъ Сохацкій (1764—1809), который имѣлъ сотрудникомъ Петра Васильевича Побѣдоносцева (1771—1843).

III.

Эпиграмма.

Не понимаю я, откуда мысль пришла
Клеону приписать *Фуфоновой* «Цирцею»?

Цирцея хитростью своею
Героевъ полкъ въ звѣрей оборотить могла;
А эта—мужа лишь, да и того въ козла!

Здѣсь говорится о переводѣ кантаты Ж. Б. Руссо „Цирцея". Извѣстны переводы ея Державинымъ (1743—1816) и Александромъ Христофоровичемъ Востоковымъ (1781—1864), появившіеся около того времени. Вѣроятно, одинъ изъ нихъ былъ приписанъ тогда какой-нибудь дамѣ.

IV.

Къ моему лицеподобію.

Ему плететъ вѣнецъ терновый Калліопа,
А родина давно признала въ немъ Эзопа.

Извѣстно, что Калліопа, муза эпической поэзіи и краснорѣчія, считалась у древнихъ ученѣйшею изъ девяти сестеръ Парнасскихъ и изображалась держащею въ одной рукѣ трубу, а въ другой лавровые вѣнки. Дмитріевъ въ первомъ стихѣ заставляетъ ее плесть для него терновый вѣнокъ. Въ этомъ заключается слѣдующій намекъ. Въ „Вѣстникѣ Европы" 1806 года (№ 8, стр. 278 и № 9, стр. 42) издатель его Михаилъ Трофимовичъ Каченовскій (1775—1842), тогдашній преподаватель Реторики, напечаталъ разборъ вышедшей въ 1805 г. 3-й части стихотвореній Дмитріева и кромѣ нѣкоторыхъ замѣчаній на нихъ, помѣстилъ въ немъ личную выходку противъ автора, упрекая его въ спѣсивости, будто бы проявившейся въ Дмитріевѣ со времени пожалованія его сенаторомъ (6 Февраля 1806). Во второмъ стихѣ Дмитріевъ тонко противопоставляетъ суду новѣйшей Калліопы приговоръ соотечественниковъ: уподобленіе Эзопу заключаетъ въ себѣ намекъ на признаніе всѣми его таланта, скрытый подъ шутливою маскою сравненія наружности поэта съ безобразіемъ Греческаго баснописца, съ которымъ первый представлялъ впрочемъ совершенную противоположность въ физическомъ отношеніи: извѣстно, что Дмитріевъ имѣлъ очень красивую наружность.

V.

Объявленіе отъ издателей о журналѣ на будущій годъ.

«Во славу троицы пѣвцовъ,
«Журналъ для толка, а не вкуса,
«Имѣетъ быть и впредь въ печатнѣ Гиппіуса.
Хвостовъ, Кутузовъ, Салтыковъ.»

Въ Москвѣ выходилъ въ 1804—1806 годахъ журналъ „Другъ Просвѣщенія". Издателями его были три плохіе стихотворца: графъ Дмитрій Ивановичъ Хвостовъ (1757—1835), Павелъ Ивановичъ Голенищевъ-Кутузовъ (1767 — 1828) и графъ Григорій Сергѣевичъ Салтыковъ (1777—1814.) Они стали издавать его, чтобы печатать свои стихи, которыхъ нигдѣ не принимали. Гиппіусъ—Московскій типографщикъ.

VI.

На смерть Ипполита Өедоровича Богдановича.

—«О чемъ ты сѣтуешь, прелестная Харита?»—
—«Увы! Съ любимымъ я пѣвцомъ разлучена!
«Послала смерть *Петру*; ошибкою она
Сразила *Ипполита*.

Петръ Өедоровичъ Богдановичъ, братъ Ипполита, автора „Душеньки", былъ переводчикомъ нѣсколькихъ книгъ и издателемъ журнала „Академическія извѣстія" (1779—1781). Извѣстны три эпитафіи Дмитріева творцу „Душеньки". (Соч. Дм., изд. 1814, ч. 1, стр. 117). Приведенное четверостишіе составляетъ особаго рода дополненіе къ нимъ.

VII.

Амуръ въ карикатурѣ.

Слуга покорный тѣмъ и этимъ въ тотъ же часъ;
Закутанъ весь, какъ водолазъ;
На лыжахъ — какъ Остякъ; какъ сатана — съ рогами.
Амуръ ли то? Скажите сами!

Это четверостишіе есть пародія довольно извѣстной французской надписи стихотворца Грувелля (Grouvelle) къ статуѣ Амура, изображеннаго нагимъ,

безъ колчана и съ сердцемъ на рукѣ, поставленной въ саду зáмка Шантильи, принадлежавшаго славному принцу Конде. Вотъ оригиналъ Грувелля:

N'offrant qu'un coeur à la Beauté,
Aussi nu que la Vérité,
Sans armes comme l'Innocence,
Sans ailes comme la Constance,
Tel fut l'Amour au siècle d'or,
On ne le trouve plus, mais on le cherche encore.

VIII.

Отвѣтъ.

Нахальство, Аристархъ, таланту не замѣна;
Я буду все поэтъ, тебѣ на перекоръ!
А ты—останешься все тотъ же крохоборъ,
Плюгавый выползокъ изъ ..... Дефонтена.

Написано въ 1806 году по поводу рецензіи Каченовскаго, о которой говорено выше (см. прим. къ № IV). Аббатъ Дефонтенъ (Desfontaines, 1685—1745) принадлежалъ къ числу самыхъ ожесточенныхъ противниковъ Вольтера (1696—1778), котораго сочиненія подвергались яростнымъ нападкамъ, вызывавшимъ грубыя репрезаліи со стороны Вольтера и его поклонниковъ, видѣвшихъ въ аббатѣ безчестнаго и безвкуснаго зоила.

IX.

Пародія.

Любовь любовію плѣнилась
И съ Душенькой соединилась,
А эта Душенька отъ душечки родилась,
И сердце наконецъ
Безъ сердца для сердецъ
Ихъ связно связь изобразило.
Читатель! чтожъ бы это было?
Кто отгадалъ? спрошу васъ я:
Галиматья!

Это—пародія на слѣдующую эпитафію князя Петра Ивановича Шаликова (1768—1852) Ипполиту Ѳедоровичу Богдановичу (1743—1803), напечатанную въ „Вѣстникѣ Европы" (1803, т. 8, № 6, стр. 140).

Любовь у *Душеньки* въ плѣну любви была,
А *Душеньку* душа его произвела:
Чтожъ былъ онъ для сердецъ?.. Пусть сердце отвѣчаетъ
Тому, кто истиннымъ талантамъ цѣну знаетъ.

X.

На журналы.

Какъ этотъ годъ у насъ журналами богатъ!
И вѣстникъ—отъ Корелъ, и просвѣщенья—сватъ,
Аврора и Курьеръ Московскій,—не Европы,
И грузный Корифей—дорожникъ на Парнасъ!
Какой для чтенія запасъ!....

Писано въ 1805 году. Тогда выходили между прочимъ упомянутые журналы: 1) „Вѣстникъ Европы", Каченовскаго, названный въ шутку Вѣстникомъ отъ Корелъ, потому что въ немъ лишь немногое относилось къ отдѣлу извѣстій о западной Европѣ. 2) „Другъ просвѣщенія", графа Хвостова, Кутузова и графа Салтыкова (см. примѣчаніе къ № V), забавно обращенный изъ „друга" въ „свата". 3) „Аврора, Христіана Егоровича Рейхардта (ум. 1812) и Якова Ивановича де-Санглена (1776—1864); журналъ этотъ весьма рѣдокъ, у Сопикова подъ № 3769. 4) „Московскій курьеръ", С. Львова и 5) „Корифей, или ключъ литературы", Якова Андреевича Галинковскаго, начавшійся въ 1802 году и кончившійся въ 1807. Онъ заключалъ въ себѣ преимущественно статьи по теоріи словесности. О достоинствѣ его можно судить по слѣдующему отзыву Карамзина (1765—1826) въ письмѣ его къ Михаилу Никитичу Муравьеву (1757—1807) отъ 28 Сентября 1803 г. „Галиматья, подъ именемъ *Корифея*, печатается на счетъ казны". (Соч. Кар., изд. Смирд., 1848, т. 3, стр. 681).

XI.

На случай одъ, сочиненныхъ въ Москвѣ въ коронацію.

Гордись предъ Галлами, Московскій ты Парнасъ!
На мѣсто одного Лебрёня, есть у насъ:
Херасковъ, Карамзинъ, князь Шаликовъ, Измайловъ,
Тодорскій, Дмитріевъ, Поспѣлова, Михайловъ,

Кутузовъ, Свиньина, Невзоровъ, Мерзляковъ, Сохацкій, Таушевъ, Шатровъ и Салтыковъ, Тупицынъ, Похвисневъ и наконецъ—Хвостовъ.

Лебрень (1729 —1807), знаменитый французскій лирикъ, прозванный Пиндаромъ (Lebrun-Pindare.)

Ни по какому случаю не было написано столько стиховъ, какъ на восшествіе на престолъ Александра I (12 Марта 1801) и на его коронацію (15 Сентября 1801). Всѣ эти пьесы по бо́льшей части были разумѣется „оды“; но были и „пѣсни“, и „эпистолы“, и „жертвы“, и „гласы“ и просто „стихи“.

Вотъ исчисленіе извѣстныхъ намъ стихотвореній этого рода съ обозначеніемъ ихъ нумеровъ у Сопикова.

А) На восшествіе на престолъ Александра I.

Хераскова, 7055. Владиміра Измайлова, 7094 и 11447. Князя Алексѣя Голицына, 7095. Шатрова, 7096. Сергѣя Глинки, 7097 и 11530. Графа Віельгорскаго, 7124. Невзорова, 7320. Тодорскаго, 7328 и 9343. Князя Трубецкаго, 7367. Сохацкаго, 2837. Прокудина - Горскаго, 2842. В. Өедорова, 11376. Мерзлякова, 11446. Похвиснева, 11448. Таушева, 11504. Бухарскаго, 7875. Ржевскаго, 7876. Михайлова, 3952. Руссова, 3736. Отъ Московскаго Университета 2834. Кромѣ того мы знаемъ оды Державина, Карамзина, Озерова (см. ихъ сочиненія) и Аргамакова (въ журналѣ „Иппокрена“). Всего извѣстныхъ намъ 26 пьесъ.

Б) На коронацію Александра I. Хераскова, 7056. Антонова, 7099. Невзорова, 7100. Князя Шаликова, 7125. Тодорскаго, 7171. Поспѣловой, 7218. Берга, 7227. Левшина, 7319. Голеницева-Кутузова, 7321. Неизвѣстнаго, 7342. Селявина, 7365. Неизвѣстнаго, 11412. Таушева, 11470. Приклонскаго, 11507. С. Родзянки, 11513. Княжны Урусовой, 11523. И. И. Дмитріева, 11528. С. Глинки, 7880. Щоголева, 7937. Неизвѣстнаго, 3949. Неизвѣстнаго, 3951. Отъ Московской Духовной Академіи, 3953. Отъ Казанской Духовной Академіи, 3955. Клушина, 5314 (у Плавильщикова). Кромѣ того мы знаемъ оды Богдановича, Державина и Карамзина. Всего извѣстныхъ намъ 27 пьесъ, а вмѣстѣ съ первыми 53.

Къ этому должно прибавить еще упоминаемыя Дмитріевымъ 4 пьесы на коронацію, написанныя Свиньиной, Салтыковымъ, Тупицынымъ и графомъ Хвостовымъ; тогда общее число пьесъ будетъ 57. Но вѣроятно нашъ списокъ не совсѣмъ еще полонъ. Цифры эти доказываютъ необычайную радость, съ которой Россія привѣтствовала воцареніе Александра I.

XII.

Старинная шутка къ портрету Н. М. Карамзина.

Онъ до́ма—иль Шольё, иль Юмъ или Платонъ;
Со мною — милый другъ; у Вейлеръ — Селадонъ;
Бываетъ и игрокъ — когда у Киселева,
А у любовницы—иль ангелъ, или рёва.

Эта шутка писана еще въ девяностыхъ годахъ. Въ домѣ Дмитрія Ивановича Киселева (1761—1820) много играли въ карты, до которыхъ Карамзинъ былъ тогда большой охотникъ.

XIII.

Эпиграмма на притчу «Госпожа и ткачи,» напечатанную въ одномъ журналѣ.

Безъ имя Риөмодѣй глумился сколько могъ
Надъ глупостью—хвалить въ стихахъ *красивый* слогъ.
Не худо бы потомъ на *вкусъ* слѣпить сатиру,
А тамъ и здравый смыслъ ухлопать въ добрый часъ
И кончить тѣмъ свою поэтику для насъ;
Тогда ужъ смѣло дуй въ свою перунну лиру!

Мы не знаемъ, на кого, по какому случаю и когда написана эта эпиграмма.

XIV.

Пародія.

Сѣдящій на мѣшкахъ Славянорусскихъ словъ,
Отъ коего мы спимъ, а цензоры—зѣваютъ,
Кто страшенъ Граціямъ, кого въ листочкахъ—Львовъ,
А Павломъ Юрьичемъ—домашня называютъ,
Рекъ самъ себѣ: «я врать досель не уставалъ,
Такъ подурачимся жъ еще мы для забавы.»
Онъ рекъ и вмигъ свахлялъ изъ щепочекъ
Храмъ славы!
Сотиньусъ, ротъ разинувъ, палъ,
А Львовъ въ присядку заплясалъ.

Павелъ Юрьевичъ Львовъ, бездарный писатель кружка Шишкова (названнаго здѣсь Сотиньусомъ), издалъ много нелѣпыхъ сочиненій, въ числѣ которыхъ былъ „Храмъ славы Россійскихъ Ироевъ", вышедшій въ 1803 году.

XV.

Пѣсня.

Обманывать и льстить,
Вотъ всѣ на разумъ правы.
Ахъ! какъ не возопить:
О, времена! О, нравы!

Сынъ идетъ въ домъ Сиренъ
Вкушать любви отравы;
Тамъ тятя, старый хрѣнъ!
О времена! О, нравы!

Вдовы отъ глада мрутъ,
А театральны павы
Съ вельможей дань берутъ!
О, времена! О, нравы!

Полковникъ въ двадцать лѣтъ
Подпорой нашей славы;
А ротмистръ—дряхлъ и сѣдъ!
О, времена! О, нравы!

Судьи кривятъ, иль спятъ;
На злобу нѣтъ управы;
Другъ друга всѣ ѣдятъ!
О, времена! О, нравы!

Не полно ли, друзья?
Вотъ шутка для забавы,
А вѣдь отвѣтчикъ я!
О, времена! О, нравы!

Писано вѣроятно въ послѣдніе годы царствованія Екатерины II.

XVI.

Будочникъ.

Слушай всякій, кто съ ушами,
Чтобъ не даромъ я кричалъ.
Ночь усѣяна звѣздами;
Било—часъ, второй насталъ.

Спи, кащей, однимъ ты глазомъ,
А другимъ гляди востро:
Воръ ужъ въ сѣняхъ; онъ какъ разомъ
Все утащитъ серебро.

Вмѣстѣ-ль ты, сосѣдъ, съ женою?
Не кладися на запоръ:
Лезетъ гость къ тебѣ трубою;
Чортъ на вымыслы проворъ.

Эй, риѳмачь! Храпѣть не дѣло
Надъ бумагой со свѣчей:
Долго ль вспыхнуть? Все сгорѣло!
Такъ и мнѣ бѣда съ тобой.

Частный! Слышишь ли, какъ вою,
Исполняя твой приказъ?
Если нѣтъ—такъ я утрою
Для тебя въ послѣдній разъ:

Слушай всякій, кто съ ушами,
Чтобъ недаромъ я кричалъ;
Тёмна ночь храпитъ надъ нами;
Било часъ, второй насталъ.

Мы сообщимъ читателямъ „Русскаго Архива" еще разныя выдержки изъ бумагъ И.И. Дмитріева.

Михаилъ Лонгиновъ.

Москва.
18 Марта 1867.

ДОПОЛНЕНІЯ И ПОПРАВКИ.

Г. Баландинъ сообщилъ намъ слѣд. замѣчаніе: „Вы помѣстили въ Рус. Архивѣ 1864 года нѣсколько писемъ Пушкина. Въ числѣ ихъ есть одно чрезвычайно интересное, по вѣрному взгляду поэта на желѣзныя дороги (изд. 2-е стр. 1012 — 1014). Его, безъ сомнѣнія, будутъ перепечатывать во всѣхъ полныхъ изданіяхъ сочиненій Пушкина, и вотъ по чему мнѣ кажется не совсѣмъ лишнимъ пополнить его кой-какими подробностями."

„Статья В., о которой такъ лестно отзывается Пушкинъ, принадлежитъ точно М. С. Волкову, бывшему профессору курса строительнаго искусства въ Институтѣ путей сообщенія, и пр. и пр., какъ вамъ передалъ Ѳ. В. Чижовъ. Статья эта была написана по поводу статьи Наркиза Отрѣшкова, и по просьбѣ кн. В. Ѳ. Одоевскаго, переданной М. С. Волкову братомъ его, Никол. Степ. Волковымъ. Съ тѣхъ поръ началось и знакомство Волкова съ кн. Одоевскимъ. Эпиграфъ, показавшійся Пушкину, не знаю почему неприличнымъ — извѣстное двустишіе Крылова:

Бѣда, коль пироги начнетъ печи сапожникъ и пр.»

*

Къ стр. 159. Имѣніе А. Н. Вульфа, въ Старицкомъ уѣздѣ Тверск. губ., о которомъ упоминаетъ Пушкинъ, называется *Бернóво*, а не Берково.

*

По замѣчанію Я. К. Грота напечатанные на стр. 304 стихи Жуковскаго *Островъ* относятся скорѣе не къ Царскому Селу, какъ у насъ сказано, а къ Петергофу. „Тамъ, на прудахъ, есть нѣсколько прелестныхъ искусственныхъ островковъ съ маленькими дворцами, великолѣпными статуями, фонтанами и богатою зеленью.“ Дѣйствительно, большую часть лѣта 1831 года императорское семейство провело не въ Царскомъ Селѣ, а въ Петергофѣ.

*

Къ стр. 402. Въ предисловіи къ письмамъ В. И. Даля изъ Хивинскаго похода у насъ сказано, что объ этомъ походѣ долго хранилось молчаніе, и что только въ 1860 г., въ Чтеніяхъ Общ. Ист. и Др. появилась *пéрвая* печатная статья о немъ. По поводу этой замѣтки, В. И. Межовъ доставилъ намъ указаніе еще слѣдующихъ, сюда относящихся, статей:

1) Военная экспедиція противъ Хивы въ 1839-мъ г. Библіотека для Чтенія. 1859. № 10; стр. 1—14.

2) „Замѣтки о степныхъ походахъ въ Средней Азіи. *М. Венюковъ.* Военный Сборникъ. 1860. № 12; стр. 269—298.

3) Хивинскія дѣла съ 1839—1842. С. *Н. Зыковъ.* Русское Слово. 1862. №№ 3 и 4; стр. 1—58.

4) Очерки дипломатическихъ сношеній Россіи съ Бухарою, въ 1836—1843 г. *Заяновъ.* Военный Сборникъ. 1862. № 9; стр. 3—47.

5) Походъ въ Хиву въ 1839 г. отряда русскихъ войскъ, подъ начальствомъ Перовскаго. *Д. Голосовъ.* Военный Сборникъ 1863. № 1, 2 и 3; стр. 3—72, 309—359 и 3—73.

6) Замѣтки по поводу, напечатанной во 2-мъ и 3-мъ №№ „Военнаго Сборника“ 1863 г. статьи: „Походъ въ Хиву“, въ 1839 г. *М. Иванинъ.* Военный Сборникъ 1863. № 4; стр. 484—503.

7) Воспоминанія о степномъ походѣ въ Хиву и Бухару. *П. Назаровъ.* Военный Сборникъ. 1864. № 4; стр. 375—391.

Замѣтимъ кстати, что статья въ Чтеніяхъ 1860 г. написана также В. И. Далемъ, по порученію (гр.) В. А. Перовскаго. Она составляетъ служебный отчетъ экспедиціи.

—

Къ стр. 661. Во Французской Академіи предлагали въ члены не *Сегюра*, какъ напечатано, а Сюара (Suard).

Въ нѣкоторыхъ экземплярахъ 4-й тетради Рус. Архива сего года страницы 654—656 выпущены безъ исправленія опечатокъ. Нынѣ выпускается этотъ листокъ исправленный и перепечатанный.

РУССКІЙ АРХИВЪ

Историко-литературный сборникъ, посвященный изученію Россіи преимущественно въ XVIII и XIX столѣтіяхъ, выходитъ въ

1867 году,

въ томъ же видѣ, какъ и въ 1863, 1864, 1865 и 1866 годахъ. Всѣхъ выпусковъ въ теченіи года 12 (въ каждомъ не менѣе 4 листовъ сжатой печати, въ 2 столбца; иногда по два выпуска выходятъ вмѣстѣ).

Цѣна Русскому Архиву съ пересылкою въ города и доставкою на домъ въ Москвѣ и С. Петербургѣ

ШЕСТЬ РУБЛЕЙ.

Подписываться можно въ Москвѣ въ Чертковской библіотекѣ (на Мясницкой № 7), при коей издается Русскій Архивъ; и въ магазинѣ *И. Г. Соловьева* (бывшемъ Базунова).

Въ С. Петербургѣ на Невскомъ проспектѣ въ д. Ольхиной, въ магазинѣ *А. Ѳ. Базунова.*

Иногородные обращаются исключительно въ Москву, *въ Чертковскую библіотеку.*

Лица, проживающія въ чужихъ краяхъ, могутъ выписывать Русскій Архивъ, обращаясь въ Берлинскій почтамтъ, а также въ Москву, въ Чертковскую библіотеку, и высылаютъ на Русскія деньги: для доставленія *въ Германію* 7 р.; *во Францію и Бельгію* 7 р. 50 к.; *въ Англію* 8 р.; *въ Швейцарію и Италію* 9 р.

Составитель и издатель Русскаго Архива: **Петръ Бартеневъ.**